

Современники о Патриархе Тихоне. Том 2

М.Е. Губонин

Том 1 →

От редакции

Тропарь, гласъ г:

Въ годѣнъ та́жкю бѣгомъ избранный, въ совершеннѣй
свѣтлости и любви бѣа прослѣвилъ еси: во смирѣніи величїе, въ
простотѣ и кротости силъ бжїю влѣа, положилъ еси дѣшъ за
црковь, за люди своѣ, исповѣднице свѣте патріарше тѣхне.
моли хр҃ста бѣа, е́мъ же сораспѣлся еси, и нынѣ спасти зѣмлю
ру́сскю и па́ств твою́.

Кондакъ, гласъ е:

Служеніе твоё исполнено стономъ и горемъ,
свѣщенномъ ченіе тѣхне, патріарше нашъ, но былъ еси
правило вѣры и образъ кротости, побѣждаа распри и
раздѣленїа. силою смирѣніа и любви хр҃товы противосталъ еси
слобѣ сатанинской, возглавилъ еси доброе воинство новыхъ
мучениковъ, црковь русскую утвердившихъ на вѣки.

Сей труд посвящается

светлой памяти

Преосвященного Тихона (Шарапова),

епископа бывшего Гомельского

(1886–1937)

От редакции

Второй том сборника «Современники о Патриархе Тихоне» является продолжением публикации материалов обширного архива М.Е. Губонина, посвященного Святейшему Патриарху Тихону, которые ранее еще не публиковались. В данный том вошли в основном воспоминания современников, касающиеся выдающегося церковного события истории Русской Православной Церкви XX века – работы Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., а также начавшихся в 1917 г. беспрецедентных гонениях на клириков и мирян в России, одним из которых был и Составитель данного сборника.

Как говорилось в предисловии от редакции к первому тому сборника, рукопись представляет из себя машинопись из трех томов, большого формата сшитых вручную, в которые вклеены подлинные фотографии Патриарха Тихона и иллюстрации к текстам, переданные в ПСТГУ вдовой М.Е. Губонина – Зоей Петровной. В рукопись вошли «Воспоминания о Патриархе Тихоне», которые удалось собрать Составителю (так именовал себя М.Е. Губонин) в то время, когда само имя Патриарха Тихона и упоминания о гонениях были под запретом. Отметим, что некоторые использованные источники, упоминаемые в рукописи, редакции не удалось обнаружить в архивах и библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга, более всего это касается зарубежных эмигрантских изданий. Комментарии к воспоминаниям написаны самим М. Е. Губониным и представляют из себя отдельные научные статьи, отражающие мучительные искания истины, через которые должны были пройти все верные чада Христовой Церкви в тот темный и скорбный период церковной и отечественной истории. Работу над рукописью Михаил Ефимович продолжал и после 1965 г., в частности, им были составлены дополнительные комментарии, которые не вошли в машинописные тома, при использовании этих материалов делается ссылка на «дополнительный архив».

Для удобства читателей редакция часть воспоминаний и комментарии к ним помещает в одном томе. Редакцией расставлены отсылки к комментариям, сделаны примечания, дополняющие и уточняющие текст рукописи, раскрыты сокращения в текстах, уточнены имена упоминаемых лиц, сверены евангельские цитаты, проведена сверка цитат по первоисточникам, выверены выходные данные изданий и указаны цитируемые страницы. В случаях, когда использованные в рукописи источники были не доступны редакции, после отсылки Составителя на источник ставился знак «[?]». Дополнительные комментарии от редакции приведены в квадратных скобках с пометой «Ред.» и набраны более мелким шрифтом.

При публикации сохраняются некоторые особенности рукописи: фамилии иерархов и монашествующих лиц,

восстановленные в тексте М.Е. Губониным, заключены в квадратные скобки, если же фамилия иерарха указана в первоисточнике, то она дается в круглых скобках. Все даты М.Е. Губониным указаны по двум стилям, в издании сохранена двойная датировка, указанная Михаилом Ефимовичем, после введения нового стиля в 1918 году. Все замечания и уточнения, сделанные Михаилом Ефимовичем, в тексте заключены в квадратные скобки с указанием «Сост.». При написании прописных букв в словах «Патриарх, Патриаршество, Православие» сохранялась редакция Составителя. В остальных случаях были использованы современные нормы правописания. Предельная точность воспроизведения документа – основной принцип, которым руководствовалась редакция. Некоторые незначительные исправления вносились в тех случаях, когда в свете новых сведений можно было исправить ошибки или уточнить устаревшую информацию, но в каждом случае это отмечалось редакцией. Такие редакционные исправления в целом незначительны.

Для иллюстраций использованы фотографии и репродукции, приложенные к рукописи, и в каждом случае они отмечаются ссылкой на «Архив Составителя», в этих случаях сохраняются подписи под фотографиями, сделанные М.Е. Губониным. Используются и материалы из церковно-исторического архива ПСТГУ.

Издание позволит читателю войти в воссозданный мир церковной жизни минувших лет и гораздо ближе узнать Святителя Тихона – одного из величайших святых недавнего времени. Думается, у благодарного читателя возникнет потребность добрым словом оценить и великий подвиг Составителя – приснопамятного труженика на церковной ниве Михаила Ефимовича Губонина.

Издание осуществлено усилиями сотрудников Отдела Новейшей истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Археографическая подготовка текста осуществлена Н.А. Кривошеевой и Н.С. Соловьевой.

Сверку с первоисточниками и архивными материалами, примечания и комментарии от редакции и биографический указатель выполнила Н.А. Кривошеева под общим руководством протоиерея Владимира Воробьева.

Для иллюстраций и комментариев использована база данных ПСТГУ о пострадавших за веру православных христианах.

Редакция выражает сердечную благодарность иерею Александру Мазырину, который внимательно прочитал подготовленный для печати том и внес ряд ценных замечаний, учтенных редакцией, а также Н.Е. Емельянову, Л.С. Аристовой, О.В. Косик, И.В. Щелкачевой, А.Г. Воробьевой, А.Е. Колесник за помощь в подготовке издания. Особая благодарность протоиерею Александру Троицкому и ведущему научному сотруднику Российской Государственной библиотеки Н.Ю. Бутиной, оказавшим неоценимую помощь в библиографической работе.

Жребий с именем новоизбранного Патриарха Всероссийского Тихона, извлеченный 5 ноября 1917 года

Подписи под актом об избрании Патриарха Тихона из книги «Православная Москва в 1917–1921 годах».

Часть 1. Воспоминания о Патриархе Тихоне

Митрополит Анастасий (Грибановский)¹ [1]

О Патриархе Тихоне

Русской Церкви во время революции суждено было пройти сквозь двойное искушение: сначала соблазном внешнего могущества и власти, а потом уничтожением и страданием.

Когда под ударами революции пал царский трон, распалась власть на местах, поколебалась армия, расслабели политические партии и рассыпались другие общественные организации, тогда среди этих развалин, в которые превратилась прежняя могущественная Россия, осталось нерушимым только величественное здание Церкви, сохранившей всю силу своего нравственного авторитета и представлявшей из себя целостный организм, возглавленный вновь избранным Святейшим Патриархом Всероссийским. Последний стал живым символом единства Русской земли и вместе «человеком начальным», как некогда Святейший Гермоген в дни первой смуты. К нему невольно обратились взоры всех, кто чаял спасения России. На его авторитете старались утвердить свои надежды не только представители прежних правых, но и левых течений русской общественности, которые так часто упрекали Церковь за Ее тесную связь с государством.

Видя, что по одному слову Святейшего Патриарха собирались сотни тысяч людей для торжественных крестных ходов и всенародных молений в Москве (особенно по поводу известного чуда с иконой Св. Николая ²[2], находившейся на Никольских воротах Кремля) и что в Петрограде жители оказали ему царственную встречу, последние оценили его значение для данного момента и неоднократно приступали к нему с предложением двинуть народные массы против еще не окрепшей тогда большевистской власти.

Одновременно его именем хотели воспользоваться и извне как наши прежние союзники, так и противники, т. е. немцы. Последние, как и первые, надеялись при его помощи привлечь на свою сторону русские вооруженные силы, которые тогда еще

казались грозной силой, способной своим присоединением к той или другой стороне определить окончательный исход войны.

Искушение для Русской Церкви было очень велико. Для Нее тем соблазнительней казалось взять в руки меч Кесаря, что народ и история сами вручили его Ей. И однако если бы Она решилась на такой шаг и обагрила свои чистые ризы человеческою кровию, на Нее легла бы тяжкая ответственность за начавшееся междоусобие, и Ее авторитет был бы поколеблен навсегда.

Повинуясь и своему внутреннему чувству и еще более заветам Православия, искони чуждого всякого клерикализма и вожделений мирской власти, Патриарх и с ним весь Собор Российской Церкви не пошли по столь опасному пути, но зато во всей силе воспользовались врученным им мечом духовным, которым и начали разить вновь народившуюся [безбожную коммунистическую]³ власть. Ее открыто разоблачали и обличали и в соборных определениях, и с церковных амвонов даже в самом Кремле (при поставлении Патриарха), и в оставшихся органах печати. Особенно величественно и грозно гремел голос [главы? – *Сост.*] Русской Церкви, Святейшего Тихона, с величайшим дерзновением и силою духа призывавшего небесные кары на голову поработителей [и растлителей] Русской земли.

Его исторические послания с провозглашением анафемы богоборцам и с разоблачением [безнравственной развращающей] сущности нового правительства нельзя читать без внутреннего трепета. Они навсегда будут свидетельствовать в пользу Русской Церкви, которая нашла достойный Ее образ действий и соответствующий язык в столь критический момент Ее исторической жизни.

Когда [коммунистическая] власть ощутила потом под собою твердую почву, она начала открытую борьбу с Церковью. Последняя не устрашилась этого нового противоположного первому, искуса и встретила гонения со стороны [советского] правительства с величайшим спокойствием и достоинством.

Многие епископы, священники и монашествующие, а равно и верующие миряне почти с радостью и энтузиазмом,

достойными первых христиан, шли на страдания. Сотни священномучеников, мучеников, и мучениц, и исповедников, число которых умножается до сих пор, доказали всему миру несокрушимое могущество Христовой веры, и гонения еще раз стали «семенем Церкви», по глубокому замечанию архиепископа Кентерберийского.

Если рядом с этими героями духа оказалось, однако, потом некоторое число малодушных и ослабевших, не выдержавших великого испытания, то таковые были и в первые века христианства. Стоит прочесть горькие укоризны Св. Киприана, обращенные к «падшим», чтобы убедиться в этом.

Кроме немощи человеческой природы вообще, для смягчения вины русского народа может послужить в этом случае и то обстоятельство, что он горит в огне испытаний уже целый ряд лет, в течение которых религиозные преследования, лишь замаскированные часто политическими обвинениями, не прекращались почти ни на одну минуту.

Сравнительно с этим сроком кажутся краткими годы Французской революции. Что же касается древнеримских гонений, то хотя они в совокупности простирались около трех веков, однако никогда не длились столь долгий период подряд. Благодаря частой смене императоров менялась нередко и политика римской власти в отношении христиан. Время от времени Бог по своему милосердию посылал гуманных правителей, под властью которых христиане отдыхали временно от языческих преследований, чтобы укрепиться духом для новых мучений.

Едва ли нужно добавлять, что общий дух жизни первых христиан, пламеневших святой ревностью веры и жаждавших узреть возможно скорее откровения Царства Христова, гораздо более способствовал мужественному перенесению страданий за веру, чем настоящий малодушный и безверный век.

Наконец, православная Россия в течение тысячелетия своей истории не знала систематических гонений на религию и потому не могла приобрести достаточного опыта для борьбы с врагами Церкви и для распознавания козней слуг сатаны, которые стараются воспользоваться ныне всеми средствами

безбожной пропаганды и всеми утонченными духовными соблазнами и пытками, чтобы совратить верующих с пути истины.

Анастасий (Грибановский), архиепископ. Беседы с собственным сердцем. Белград, 1935. С. 375–378.

Святейший Патриарх Тихон, характер его личности и деятельности

(По личным воспоминаниям)⁴

Одним из первых законодательных актов советской власти было издание декрета об отделении Церкви от государства с лишением Ее прав на владение имуществом. При ярко выраженном антирелигиозном настроении нового правительства первая основная реформа скорее была выгодна для Церкви. Если последняя лишилась отныне всякой защиты и поддержки со стороны государства, зато приобретала полную свободу в устроении своей внутренней жизни. Новое независимое положение только возвышало Ее авторитет в глазах народа, возненавидевшего безбожное правительство с первого дня его появления у власти. Всякое сближение и сотрудничество с ним только унижало бы достоинство Церкви, как показал впоследствии пример живоцерковников и обновленцев, связавших свою судьбу с новым революционным порядком, которому они пытались дать религиозное оправдание.

Исходя из того, что советская власть не признавала за Церковью значения публично-правового учреждения и практически игнорировала ее, Собор не считал себя обязанным представлять вновь избранного Главу Русской Церкви на утверждение Совета Народных Комиссаров, ограничившись только простым уведомлением его о факте избрания и поставления Патриарха. Последний тотчас же вступил в исполнение своих обязанностей, и Соборная работа продолжалась без перерыва под его руководством как полномочного Председателя Собора.

В первую очередь Собором разработано было положение о Высшем Церковном управлении в России, получившем довольно сложную организацию в соответствии с восстановлением канонического порядка в Ее управлении, с одной стороны, и с практическими потребностями момента – с другой.

Права, присвоенные Патриарху как возглавителю Русской Церкви, сравнительно были невелики, но он был Председателем всех трех главных органов Высшего Церковного Управления – Собора, Священного Синода и Высшего Церковного Совета, что открывало для него возможность широкого влияния на все отрасли церковной жизни вообще.

Переход от старых форм церковного устройства к новым, хотя бы и более совершенным, редко происходит безболезненно. Глубокие потрясения, вызванные революцией в это время, утрата Церковью не только покровительства Государства, но и всего имущества, создавали для Нее новые осложнения и трудности.

И если, однако, наш церковный корабль сохранил свою устойчивость в столь бурное время и благополучно переплыл все подводные рифы, встречавшиеся на его пути, то этим в значительной степени обязан личному характеру своего нового Кормчего, указанного ему свыше.

Патриарх Тихон до его избрания на свой высокий престол не принадлежал к тем ярким церковным светилам, имена которых невольно обращали на себя общее внимание и были известны всей России.

Как и почивший Митрополит Владимир – первый священномученик Русской Церкви – он не блистал внешними дарованиями, какие могли бы выделять его из ряда других иерархов; «вся слава его была внутри», по слову Псалмопевца.

Людей подобного типа можно уподобить тем целомудренным цветам, которые днем при свете солнца стыдливо свертывают свои лепестки и раскрываются только ночью, как бы боясь быть замеченными чьим-либо нескромным взором.

Главную отличительную особенность духовного облика Святейшего Тихона было именно целомудрие в древнем употреблении этого слова, т. е. гармоническая цельность духа.

Все основные душевные способности – ум, сердце и воля – находились в нем в строгом органическом согласии и единении между собою: благодаря этому весь ритм его внутренней и внешней жизни был всегда ясен, ровен и спокоен, что облегчало

сотрудничество и всякие другие отношения с ним и выгодно отражалось на всей его деятельности, придавая ей последовательность, систематичность и устойчивость. Главный грех современной цивилизации состоит в том, что она разорвала человеческую душу на части, наполнив ее внутренней борьбой и мучительными диссонансами.

Только в непочатых народных глубинах встречаются еще залежи той духовной простоты и цельности, какую любовались многие из наших писателей, живописуя нам народный быт. Но там эти свойства носят еще непосредственный стихийный характер, как у ребенка, неискушенного злом. Когда же подобное качество характера мы встречаем у людей, достигших высоких степеней образования, живущих вполне сознательную жизнью, особенно у стоящих на большой высоте, искушенных властью и другими соблазнами жизни, хотя бы это было лицо, облеченное духовным саном, – оно получает особую цену.

Нет сомнения, что Святейший Патриарх почерпнул эту цельность духа из родной ему псковской почвы, насыщенной издавна русским народным духом, и из крепкого быта духовной среды, из которой он вырос всем своим нравственным существом; но удивительно то, что он сумел пронести ее не только чрез все стадии своей последующей жизни, не утратив ее даже в Северной Америке (где он провел первые годы своего самостоятельного епископского служения), так легко обезличивающей людей, и наконец вознес ее с собою на высоту Патриаршего престола, оставшись верным ей до конца своих земных дней.

Из нее вытекало чувство меры, проявлявшееся у него во всем, свойство, которое особенно почиталось у иерархов в древности. Григорий Богослов вменял в особую заслугу Св. Василию Великому, что «ни одного из своих добрых качеств он не портил неумеренностью».

Впрочем, была только одна присущая Святейшему Тихону область духа, где он иногда должен был бороться с самим собою, чтобы не перейти здесь должной границы, – это необыкновенная доброта и отзывчивость его сердца. Она излучалась из его души помимо его воли, светила в его

кротких ясных глазах, озаряла и как бы преображала каким-то теплым, идущим изнутри светом все его лицо, сияла в его постоянно приветливой, целомудренной улыбке. Это была «любовь, соединенная с нежностью», всегда стремящаяся излиться на других. Ее живительное, ласкающее дыхание чувствовал каждый, кто приближался к нему. Она не позволяла ему никогда выходить из душевного равновесия. Не только рассердиться, но и сделать строгий вид стоило ему больших усилий. И если он случайно огорчал кого-либо, то спешил сейчас же седмерицею исправить свою вину. Так как истинная любовь никогда не превозносится и не гордится, то она естественно питала и воспитывала в нем чувство смирения, клавшее на все его лучшие душевные качества какой-то матовый отпечаток.

Ничто так не претило нравственной природе Святейшего Тихона, как всякое проявление духа тщеславия, внешнего величия и блеска, столь соблазнительных для людей его положения. Его как бы стесняла самая высота его сана, как стесняет иногда людей высокий рост, невольно возносящий их над окружающими.

Известная доля юродства, которую он проявлял в некоторых своих словах и поступках, вызывалась его скрытым желанием возможно умалиться в чужих и собственных глазах. Скромность сказывалась у него везде – и в его внешних манерах, и в складе его безыскусственной речи, и в способе обращения с людьми, и в простоте его домашнего обихода.

Все эти чисто русские народные черты его духовного облика увенчаны были у него непоколебимой силой веры, глубокой преданностью Церкви и горячей любовью к своей пастве, за которую он всегда действительно готов был положить свою душу. Неудивительно, что русский народ сразу почувствовал в нем пастыря по сердцу своему, который был не только преемником древних первосвятителей, но и носителем и хранителем их духа. От него повеяло в народное сердце ароматом Святой Руси.

Хотя по свойственному ему смирению Святейший Тихон не любил выказывать своих лучших чувств вовне, но его паства

внутренним чувством ощущала всю силу и глубину его пастырской любви. Осиротевшие после падения царского трона русские люди увидели в новом Патриархе своего единственного истинного печальника и защитника и подлинно как к отцу устремились к нему со всею силою своей сыновней любви и преданности; волны этих народных чувств притекали к нему со всех концов России. Всюду, где он ни появлялся, народ теснился вокруг него в огромном количестве. Храмы, где он служил, были переполнены. Его первое посещение Петрограда превратилось в настоящее триумфальное шествие. Оно привело в движение буквально весь город. Экипаж, в котором он ехал, едва мог двигаться среди бесчисленного множества людей разных возрастов и положений, заполнивших улицы столицы. Тысячи взоров были устремлены на него в то время, как он непрестанно на все стороны благословлял свою паству. Все заранее хотели видеть в нем второго Гермогена, образ которого невольно восставал в это время в народной памяти из глубины минувших веков.

Историческая судьба Патриарха Тихона действительно заставляла сближать его жизнь со страдальческим подвигом Святейшего Гермогена, но по личному своему характеру он напоминал гораздо более Святейшего Иова – первого Патриарха Всероссийского, чем его знаменитого преемника. Летописцы изображают Святейшего Иова как мужа благообразного, «украшенного благочестием и благочинием», кроткого нравом и мягкосердечного, который никого не оскорблял и никогда не превозносился своим достоинством. Таков был приблизительно и облик Святейшего Тихона⁵.

Кроме сходства в самом душевном складе двух русских первоиерархов, из коих один начал ряд русских Патриархов, а другой призван был восстановить после двухсот лет прерванное преемство патриаршей власти, есть нечто общее и в их восхождении по иерархической лестнице и последующей исторической судьбе. Тот и другой восседали на древней Ростово-Ярославской кафедре. Оба оказались в сане митрополитов московских (хотя, конечно, и с неодинаковым объемом власти), что несомненно способствовало избранию их

на Патриарший Престол. Обоим суждено было стать исповедниками Православия и страдальцами за паству свою, но жребий Святейшего Тихона был настолько тяжелее, насколько первая смута разнилась от второй, именуемой русской революцией.

Первое лихолетье напоминало скорее народный бунт – бессмысленный, жестокий и беспощадный, чем организованное революционное восстание. Его бурное движение, как волны в разбушевавшемся океане, проносились только по поверхности русской жизни, не затронув глубин народной души. Основные религиозные устои и национальные идеалы у большинства населения, даже разложенного царившей тогда анархией, остались непоколебимыми; сами самозванцы понимали это и потому должны были щадить национальные чувства и приспособляться к ним. Между тем большевистская власть, как только взяла в свои руки кормило правления, поставила своей целью произвести полную революцию русского народного духа, чтобы создать на Руси нового человека по образу, предначертанному Марксом и Лениным.

Патриарх Тихон уже при самом вступлении на престол оказался пред лицом враждебной ему бунтующей революционной стихии. Последняя яростно наступала на него не только как на главу Русской Церкви, стоявшую на пути ее разрушительных стремлений, но и как на живое олицетворение русского национального единства и символ древней Святой Руси, воскресавшей в его лице.

Между тем ему предстояло еще укрепить свой авторитет среди известной части духовенства и особенно иерархии, успевшей отвыкнуть от Патриаршей власти в течение двухсотлетнего Синодального управления в нашей Церкви. Никакая поддержка со стороны верующего народа не была бы достаточна для него, если бы он не опирался прежде всего на епископов, тесно объединявшихся вокруг него как своего Главы и духовного Вождя. Новый Патриарх скоро покорил их не столько силой своей власти, сколько нравственным обаянием своей личности, полным отсутствием честолюбия и властолюбия и исключительной чуткостью сердца. В его новом

положении требовалось особенно бережное отношение к старым заслуженным епископам, еще недавно стоявшим выше его по своим кафедрам и служебным иерархическим отличиям. То, чего нелегко было достигнуть на его месте другим, то без труда удавалось ему благодаря его деликатности и такту, который не напрасно называется «умом сердца».

Чуждый всякой притязательности, исполненный духа кротости и благожелательства ко всем, он не только умел смиряться перед прежними «столпами Церкви», воздавая им должное уважение и предупреждая их своим вниманием, но и вполне по-братски обходился с молодыми епископами, никогда не давая им почувствовать своего превосходства перед ними⁶. Следствием этого явилась полная гармония отношений между ним и другими епископами: внутри Русской Церкви сами собою так установились иерархические отношения, как это предусмотрено в 34 Апостольском правиле. Епископы искренно почитали своего Патриарха «яко Главу» и старались не делать ничего, превышающего их власть без «его рассуждения» и совета, как и он сам, в свою очередь, стремился не предпринимать ничего важного в церковных делах «без рассуждения всех». Так водворилось то «единомыслие», о котором говорит в заключение то же правило и какое было особенно необходимо в дни открывшихся гонений на Церковь.

Желая стать возможно ближе и доступнее для всех, Патриарх старался устранять все условности официального этикета при приемах.

Простота его домашнего быта доходила до таких пределов, что казалась некоторым излишней и даже неудобной в положении Главы Русской Церкви. Его старались убедить в том, что отныне он лицо историческое – хочет ли, не хочет он этого, что ему необходимо поэтому создать вокруг себя такую внешнюю обстановку, какая соответствовала бы его высокому сану. Для этого ему нужно было увеличить штат служащих при нем лиц, установить более строгий и официальный порядок при приемах, завести нарочитые записи всех его служений, выездов, произносимых им речей и т. д., как это мудро делалось в Древней Руси, которая увековечила для нас даже список

кушаний, подававшихся за патриаршим столом в разные дни церковного года; при помощи этих ценных исторических документов нам очень легко восстановить ныне полную картину деятельности и домашней жизни первых Патриархов.

Святейший Тихон, однако, остался верен себе и своим правилам блюсти простоту и скромность во всем. Он ни в чем не изменял внутреннего строя своей жизни, сравнительно с тем временем, когда был Митрополитом Московским и решительно отказался завести у себя даже тронный зал, существующий у всех Восточных Патриархов.

Последующие обстоятельства нашей церковной жизни показали, что он был прав в своем стремлении упростить свой быт: нельзя было Церковному Жениху облекаться в пышные одежды в то время, когда самая Церковь шла на страдания, возвращаясь к временам первохристианским. Ореол величественного Князя Церкви мог быть опасен для него и в том отношении, что большевики не замедлили бы воспользоваться этим для усиления своей антицерковной пропаганды, между тем как до сих пор они не могли бросить ему никакого укора в отношении его личной жизни. Что же касается верующего народа, то он, видя как Патриарх Всероссийский едет для служения в храм Христа Спасителя на одной лошадке, старался выказать ему сугубое почтение и преданность, вспоминая, быть может, при этом Самого Спасителя, смиренно шествующего в Иерусалим на ослиати. Над ним воочию оправдались слова Евангелия: «всяк смиряяй себе, вознесется».

Давно уже авторитет Церкви не поднимался на такую высоту, на какую вознес его Святейший Патриарх Тихон. Вокруг него объединилась буквально вся Россия: интеллигенция впервые за много лет слилась здесь с простым народом в единстве общих национальных идеалов и чаяний. Патриарх стал знаменем и вождем не только для православных русских людей, но сделался своего рода этнархом, «человеком начальным» для всей национальной Руси, не приявшей большевизма. Опираясь на Собор, в котором участвовали представители всей Русской земли, Патриарх мог говорить

вслух от всего народа со властью, как некогда Святитель Гермоген.

Его первые послания насыщены духом и силою этого славного адаманта Православия и печальника Русской земли. В них он не только ободрял и утешал свою паству, страждущую среди постигших ее испытаний, но и безбоязненно обличал Советскую власть за преследование Церкви, осквернение святынь, разрушение государства, бессудные казни, угнетение народа и другие совершенные ею преступления.

Особенным дерзновением дышит послание 19 января 1918 года, в котором он отлучает большевиков от Св. Причастия и всенародно предает их анафеме. Здесь снова Церковь нашла достойный Ее язык и заговорила со властью, как Она вещала в подобных случаях в древности. Грядущие поколения с душевным волнением будут читать их огненные строки. Приводим здесь это послание в наиболее существенных его частях.

«Тяжелое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попораны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных зверствах и избиениях ни в чем неповинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг гражданский, что все мысли свои полагали на служение благу народному. И все это совершалось не только под покровом ночной темноты, но и въявь при дневном свете, с неслыханной доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности, совершалось в наши дни во всех почти городах и весях нашей отчины: и в столицах, и на отдаленных окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и др.).

Все сие переполняет сердце наше глубокою и болезненною скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода

человеческого с грозным словом обличения и прещения по завету Св. Апостола: «согрешающего пред всеми обличай, да и прочии страх имут» (1Тим.5:20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите свои кровавые расправы. Ведь то, что творите Вы не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите Вы огню геенскому в жизни будущей, загробной, и страшному проклятию в жизни настоящей, земной. Властью, данной нам от Бога, запрещаем Вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если вы только носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: *«измите злого от вас самех»* (1Кор.5:13)».

Очень знаменательно, что, изготавливая одно из своих последующих посланий, Патриарх сказал близким ему лицам: «Надо же сказать им (т. е. большевикам) всю правду. Уж если придется пострадать, то по крайней мере было бы за что». Очевидно, он хотел дать им достойный урок, которого бы они не забыли.

Величественные крестные ходы, организованные Святейшим Тихоном, особенно в связи с чудесным прославлением иконы Святителя Николая над так называемыми Никольскими Кремлевскими воротами, ясно показали, какую мощною армией верующих располагает Патриарх. Почти все шли на них как на исповеднический подвиг, подготовивши себя к ним предварительною исповедью и причащением Св. Тайн.

Большевистские властители не без страха смотрели с высоты Кремлевских стен на непрерывные волны верующих, приливавшие со всех сторон на Красную площадь, и не решались противодействовать этой народной стихии, хотя знали, что она в душе вся настроена против них. Они были осведомлены о том, что среди рабочих было много высоко чтивших личность Патриарха Тихона. Последние не только не скрывали своих православных чувств, но иногда выражали их в демонстративной форме.

Это показала торжественная поездка Святейшего Патриарха в Богородск, один из крупных фабричных центров Московского района, по приглашению местных рабочих. Прибывшая оттуда рабочая делегация почти силою заставила Управление Нижегородской дороги дать для Патриарха, сопровождающих ему архиереев и его свиты отдельный вагон, как это практиковалось в подобных случаях в прежнее время.

По прибытии в город ему была устроена величественная встреча.

На другой день – это было воскресенье, Патриарх совершил Литургию в городском соборе, сопровождавшемуся крестным ходом по главным улицам города с участием всего местного духовенства и огромного количества народа.

Колокольный звон разливался над городом, яркое солнце и праздничное ликующее настроение жителей придавали всему торжеству пасхальный отпечаток.

Учитывая силу нравственного влияния Патриарха на русский народ, некоторые общественные деятели с либеральным оттенком и даже отчасти наши тогдашние иностранные союзники хотели, чтобы он двинул народные массы на открытую вооруженную борьбу с большевиками. Искушение было тем опаснее, что на его стороне была, по-видимому, и историческая традиция от времен первой смуты. Но Патриарх мудро учел разницу исторической обстановки⁷ и не захотел взять на себя ответственность за начало междоусобной войны, которую постарались зажечь потом сами большевики. Если бы инициатива ее вышла от Церкви, советская власть не замедлила бы обвинить Ее в том, что Она первая нарушила мир, обагрив свои белые ризы братскою кровию, и тем, быть может, надолго поколебала бы Ее авторитет в глазах народа.

Патриарх понял, что мученический венец более приличествует Церкви, чем меч, который предлагали Ей взять в свои руки люди, не имевшие с Нею органической связи и хотевшие использовать Ее только как средство для достижения чисто политической цели. Но он не переставал настойчиво бороться с безбожной властью духовным оружием, разя ее своими пламенными обличениями.

Большевики скрежетали на него зубами, но не решались наложить на него свои руки, опасаясь народного гнева.

Однажды послан был уже отряд так называемой милиции, чтобы арестовать его, но с пути отряд был возвращен назад. Члены Собора и представители приходов образовали из себя особую стражу, которая должна была охранять Патриарха в ночное время.

Однажды рано утром келейник постучал в его спальню и дрожащим голосом сообщил ему, что пришел человек, чтобы арестовать его. «Скажи ему, – сказал в шутливом тоне Патриарх, не открывая двери, – что я еще не успел достаточно отдохнуть».

К счастью, тревога оказалась напрасной, будучи вызвана недоразумением.

Революция между тем продолжала углубляться. Советская власть, столь слабая и неуверенная в себе в начале, стала заметно укрепляться. И так как люди обычно идут туда, где чувствуют внешнюю силу и успех, число сторонников советов стало увеличиваться, и часто за счет верующих, которые до сих пор сторонились их.

Пользуясь своим обычным орудием, явной и особенно скрытной пропагандой, большевики пытались внести разложение среди членов Собора, что побудило Патриарха поспешить с роспуском последнего, который, однако, не считался закрытым.

После этого положение Святейшего Тихона стало значительно тяжелее. Собор не только оказывал ему нравственную поддержку, но был для него как бы щитом, заслонявшим его от советской власти, которая не могла не считаться с представителями народа, как называли себя соборяне, выступая за дело Церкви в Кремле.

Кроме того, отныне на него одного переносилась ответственность за судьбу Церкви. Большевики зорко следили за ним, ища повода обвинить его в каком-нибудь нелегальном поступке. Но Патриарх был, однако, осторожен и предусмотрителен и старался избежать всего, что могло дать повод назвать его нарушителем закона. Большая точность и

аккуратность в исполнении всех формальностей, связанных с его ответственными обязанностями, предохраняли его от лишних столкновений с советской властью. Невзирая на это, последняя оставалась совершенно непримиримой в отношении к нему, и он всегда должен был жить, как воин на поле брани, под постоянным страхом неожиданных нападений со стороны противника.

Единственным утешением для него в наступившие страдные дни для Церкви были церковные службы, которые он совершал не только в праздничные или воскресные дни, но часто и в будние, по случаю храмовых праздников или по каким-либо другим поводам в многочисленных храмах Москвы.

Литургии, которые он служил с большим проникновением, обновляли и укрепляли его духовно. Он выходил из храма светлым и преображенным сквозь густые массы народа, радовавшего и поддерживавшего его своей искренней любовью.

Для него, видимо, было приятно погружаться в церковную народную стихию, которая тем охотнее притекала на его богослужения, что у русских людей не оставалось других способов и возможностей поддерживать духовное общение между собой.

Каждый выезд Патриарха на служение был торжеством Церкви, напоминавшим картину незабвенных служений о. Иоанна Кронштадтского.

Было трогательно также видеть, с каким усердием верующие заботились об обеспечении материальных потребностей своего любимого Святейшего Отца и, прежде всего, о снабжении его пищевыми продуктами, жертвуя для этого, подобно евангельской вдове, последним своим достоянием.

В эти ответственные и смутные дни Патриарх утешал, ободрял и объединял свою паству: паства защищала своего Патриарха и поддерживала его нравственно в борьбе с врагами Церкви. Пока на последнюю нападали только большевики в лице советской власти и ее агентов, Святейший Тихон, опираясь на единодушно преданных ему епископов и духовенство, мог без особого труда отражать их удары. Но эта борьба стала для

него значительно тяжелее с тех пор, как внешние враги Церкви нашли себе союзников внутри Ее самой – в известной части духовенства, сознательно прижавшей революцию и возмущившейся против своего Кириарха. Такова печальная логика всякой революции.

Будучи апофеозом человека, движимая изнутри богоборческими силами, она по природе своей враждебна всякой религии. Сокрушая все на своем пути, она, как буря, вторгается и в недра Церкви и производит здесь тем более сильные и глубокие потрясения и разделения, чем более церковный строй основан на строгом иерархическом начале и чем настойчивее Церковь зовет своих членов к миру и единению и взаимному послушанию в любви.

Хотя революционная доктрина заимствовала некоторые из своих лозунгов у христианства, ее исповедники никогда не могут искренне объединиться с верующими и особенно со служителями Церкви, поскольку сама Церковь есть божественное установление на земле. Сколько ни пытались иногда служители последней заискивать у революционных вождей, революционеры пользуются их услугами только временно, как средством для укрепления своего влияния в народной среде, всегда так чуткой к голосу Церкви, а потом разрывают этот противоестественный союз и отбрасывают своих прежних слуг, как ненужную более вещь, обрекая их наряду с прочим духовенством на гонение, а нередко даже на смерть.

История великой французской революции особенно красноречиво показывает, что никто не может работать двум господам, столь несродным между собою. Нельзя одновременно служить Богу и революции, как богоборческому началу.

Римская церковь издавна привыкла приспособляться к духу времени, связывая с ним свою деятельность и вместе свою историческую судьбу. В этом был источник ее внешних успехов и внутренней слабости в одно и то же время. Когда во Франции начало определенно выявляться революционное брожение, католическое духовенство тотчас же поспешило примкнуть к

нему в лице своих представителей, призванных к участию в собрании так называемых «Генеральных Штатов». Демократически настроенные священники одни из первых оказались на стороне нового движения, на гребне которого они надеялись подняться сами из своего прежнего, как им казалось, униженного положения. Они были не столько захвачены стихийным потоком революции, сколько сами ускоряли ход последней, сделавшись ее активными участниками.

Первые, кто присоединился к третьему сословию из двух других – духовенства и дворян, были три священника из Пуату. Их встретили в зале бурей восторгов. На следующий день сюда явились еще 9, что дало повод одному историку с горечью заметить: «Это было первым шагом революции и, таким образом, она выходила из храмов, которые она уничтожит» (*Мадлэн Л. Французская революция. Т. 1 / Пер. С. И. Штейна. Берлин: Слово, 1922. С. 79*).

Вслед за священниками пошли по тому же пути епископы и другие прелаты.

На другой день после взятия Бастилии архиепископ Парижский служит торжественный *Te Deum* в *Notre Dame*⁸ в присутствии 2000 человек, украшенных синими и красными «кокардами», и тем как бы благословляет победу революции.

Делая последней одну уступку за другой, отказавшись ради уравнивания сословий от десятины и церковных имуществ, духовенство напрасно надеялось умиловить таким путем этого Молоха, требовавшего не только материальных, но и человеческих жертв: своею уступчивостью оно само подготавливало почву нового «гражданского устройства духовенства», через которое Конвент захотел подчинить себе Церковь, ограничив над Нею власть папы.

От епископов и священников потребовали присяги новой власти, и когда большинство из них, раскаявшись в своих опасных увлечениях, отказалось от нее, их поспешили заменить другими. Непокорных правительство безжалостно бросало в тюрьмы, отправляло в ссылку или осуждало на казнь.

Во время террора множество духовенства, монахов и монахинь было послано на гильотину во имя «свободы» для

укрепления революции.

Но рядом с этими невинными жертвами последней мы видим значительное число духовных лиц, которые не задумались отречься ради нее от своего сана и посвятить все свои силы на служение новому кумиру, с которым они тесно связали себя. Их имена неотделимы от бурного течения истории французской революции, которую, однако, не всем из них удалось благополучно переплыть. На первом месте среди церковных отщепенцев стоит известный Талейран, бывший епископ Отэнский, а потом выдающийся государственный деятель времен революции и реставрации. На его примере легко видеть, как глубоко революция развращает людей, особенно тех, кто связан был прежде церковной дисциплиной и, порвавши с ней, не останавливается потом на середине.

Человек, в одинаковой степени способный, как и безнравственный, он весь исчерпывается характеристикой, данной ему Мадлэном: «Это была грязь в шелковом чулке, он нащупывал почву и еще накануне октябрьских дней не выбрал окончательно своего пути. После них его выбор сделан: так как революция победила, он будет заседать на левой, предаст свое сословие, свою Церковь, своего короля, свою душу, сложит свое священническое одеяние и всегда с улыбкой, умея не вызывать злобы у тех, кого предает, будет предавать всех, всегда обаятельный, умеющий убеждать, порочный, бесчестный и доводящий предательство до гениальности» (там же. Т. 1. С. 140).

Очень много услуг революции оказал бывший аббат Сиэс, сделавшийся ее приверженцем и своего рода пророком с первых дней ее появления, близко примыкавший потом к якобинцам, сумевший сохранить свое положение среди всех кризисов и переворотов этой эпохи, пока не сделался одним из трех консулов вместе с Наполеоном.

Во время террора выдвинулся особенно своею жестокостью Ле Бон, бывший священник, «заставивший истекать кровью два департамента Камбрэ и Аррас» и обагренный этой кровью с головы до ног.

Можно назвать и ряд других епископов и клириков, пошедших за колесницею революции и запятнавших себя множеством постыдных и преступных деяний, которые невольно отбрасывали тень на всю Церковь.

Иначе сложились отношения Церкви и духовенства и революции в России.

Русская Церковь всегда помнила, что Царство Христово не от мира сего, и потому никогда не искушалась похотью мирской власти. Она принимала живое, деятельное участие в государственном строительстве, когда Русская земля собиралась воедино; поддерживала верховную власть тогда, когда она не твердо еще стояла на собственных ногах; отчасти заменяла ее через своих первосвященников, когда она прерывалась, но затем спешила отрясти прах земли от ног своих и снова уходила внутрь себя, в сферу чисто своего религиозного служения Богу и вечному спасению людей.

Патриарх Тихон, как мы видели, самым ходом исторических событий вознесен был на высоту народного вождя.

Идея верховной власти, не находя себе после падения Царского трона законного воплощения, могла обрести в нем своего временного блюстителя, но то, что было так естественно в Древней Святой Руси, было опасно в эпоху революционного распада русского народа и открытого гонения на Церковь.

Его личное смирение, выразившееся в полном отсутствии властолюбия и честолюбия, также не располагало его к политическим выступлениям. Он хотел остаться только Первосвященником и Пророком своего народа, но не стремился стать подобным Судьям Израильским в то время, когда на Руси не стало Царя и каждый делал, что хотел.

Он знал, что малейшее покушение с его стороны хотя бы временно перейти грань между Божиим и кесаревым не замедлит поставить его в кровавое столкновение с советами, столь ревнивыми к своей власти, и повредит ему в осуществлении своих чисто церковных прав и обязанностей. Его главной задачей было сохранить в эту смутную пору всеобщего шатания и нравственного разложения чистоту веры, единство и авторитет Церкви, что было так важно для духовного

укрепления русского народа и для сохранения его национального облика.

Отделение Церкви от государства давало ему те преимущества, каких не имела Католическая Церковь во Франции в период революции. Продолжая быть связанной с государством уже безрелигиозным, Римская Церковь в этой стране, невзирая на все принесенные Ею жертвы в пользу революции, сделалась сама жертвой последней, навязавшей Ей свою волю в Ее внутреннем управлении и обратившей Ее в орудие для достижения собственных целей.

В противоположность ей Русская Церковь жила обособленно от безбожной власти жизнью и представляла собою особый мир, управляющийся внутри по своим собственным законам.

Чем независимее была Она, чем меньше Она ожидала покровительства или каких-либо вообще земных благ от государства, тем свободнее Она могла судить последнее за все злодеяния советской власти. Проявлением такого суда была уже торжественно отслуженная Святейшим Тихоном панихида по убиенном Государе Императоре Николае II и всей Царской Семье 8 июля 1918 г. в Казанском соборе в Москве после крестного хода, когда он открыто назвал большевиков цареубийцами.

В своем историческом послании от 28 октября 1918 г., приуроченном к первой годовщине революции, Святейший Патриарх обратился с грозным обличением прямо к Совету Народных Комиссаров, исходя из слов Евангелия: *«все, взявшие меч, мечом погибнут»* (Мф.26:52).

Перечислив все содеянные ими преступления за год пребывания у власти – убийства, грабежи народного достояния, попрания свободы и особенно свободы в делах веры, он призывает их к покаянию и прекращению вражды и междоусобной брани, чтобы дать народу «желанный и заслуженный им отдых». А иначе, говорит он в заключение, «взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк.11:51) и от меча погибнете сами вы, взявшие меч» (Мф.26:52).

Не забудем, что это послание распространялось в Москве открыто в печатном виде. В нашей истории немного можно указать примеров, когда Церковь устами своего Первоиерарха так дерзновенно и всенародно износила бы ряд суровых обвинений носителям государственной власти. «Мы знаем, – говорит Патриарх, – и здесь мы слышим как бы язык св. Филиппа, – что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти. Но чем выше будет подниматься «столп злобы» вашей, тем вернейшим будет то свидетельство справедливости наших обвинений».

Не будучи в состоянии побороть Церковь внешнею силою, большевики стали стремиться разложить Ее изнутри, действуя по древнему правилу: *divide et impera*⁹. В рядах духовенства нашлись лица, воспринявшие дух революции, которые сами поспешили пойти им навстречу.

Это были так называемые живоцерковники и обновленцы, считавшие революцию всеобъемлющим началом жизни и стремившиеся к полному «обновлению» Церкви и особенно к переустройству Ее управления на демократических началах.

Кто входил в состав этих реформаторов, присвоивших себе общее наименование «обновленцев»?

Тут были некоторые либеральные епископы и священники, еще в 1905 г. заявлявшие себя сторонниками радикальных преобразований в Церкви; священно- и церковнослужители, понесшие на себе справедливую кару закона и амнистированные революцией, так называемые «социал-диакона» и «социал-псаломщики», домогавшиеся уравнивания со священниками не только в доходах, но и административных правах; тщеславные честолубцы, искавшие себе легкого возвышения на служебной лестнице; безудержные анархисты, ненавидевшие всякую власть и всякую дисциплину, или просто искатели приключений, беспринципные и легкомысленные люди, которых всякая общественная смута, подобно взбаламученному морю, выбрасывает со своего дна на поверхность. Ниспадая со ступени на ступень, многие из них дошли до крайне глубокого духовного растрепания. Церковь в

лице Патриарха сейчас же поспешила отделить их от себя путем законного канонического отлучения и тем спасла свой организм от дальнейшего заражения революционным ядом.

После этого они превратились в особую секту, ненавидимую народом, открыто называвшим их иудами-предателями.

Знала должную цену этим отщепенцам и советская власть, глубоко презиравшая их, невзирая на их ласкательство перед нею, и пользовавшаяся ими только как орудием для поднятия смуты внутри самой Церкви.

Главными организаторами и вождями этого движения были епископ Антонин [Грановский] (бывший викарий Петроградской епархии), архиепископ Евдоким [Мещерский] (Северо-Американский и потом Нижегородский) – оба показавшие свое лицо еще в 1905 г., и епископ Леонид [Скобелев], протоиереи А. Введенский и В. Красницкий. Ими была создана так называемая «Живая церковь» и «Союз общин древне-апостольской церкви», слившиеся вместе с Союзом Возрождения на так называемом II «Всероссийском соборе» (?) в апреле 1923 г. в одну церковную организацию, возглавленную сначала «Высшим Советом Российской Церкви», а потом «Священным Синодом Российской Православной Церкви».

Влившиеся в нее разные обновленческие группы не вполне совпадали между собою по своим реформационным программам, но их объединяло «искреннее признание социальной революции», которой они придавали мировое мессианское значение, как осуществлявшей якобы Христовы заветы на земле государственными средствами, и вражда против Патриарха, которого на этом мнимом «Соборе» обновленцы решили объявить лишенным сана и звания Патриарха и даже монашества за то, что он «направил всю силу своего морального и церковного авторитета на ниспровержение существующего гражданского и общественного строя жизни». Замечательно, что для обоснования своего решения «собор» не привел ни одного церковного правила, считая, очевидно, это излишним.

В это время Патриарх уже находился в тюрьме и числился состоящим под судом за противодействие распоряжению

советского правительства об изъятии церковных ценностей на помощь голодающим, хотя он сам приглашал духовенство и верующих к пожертвованиям на борьбу с этим народным бедствием и высказался только против выдачи большевикам освященных предметов, бывших в богослужебном употреблении.

Вынося свой столь жестокий, как и совершенно незаконный антиканонический приговор над Патриархом, обновленческий собор здесь несомненно угождал желаниям большевиков, пытавшихся найти в нем точку опоры для своего суда над главою Русской Церкви. Он едва ли мог избежать смертной казни, если бы в защиту его не выступил тогда не только русский народ, но и почти весь христианский мир. Большевистская власть была вынуждена уступить этому двойному давлению: Святейший Тихон был освобожден от суда и выпущен на свободу к большому огорчению обновленцев, стремившихся узурпировать его власть.

Не признав никакой канонической силы за осудившим его «собором», Патриарх снова принял бразды правления и быстро собрал вокруг себя свою паству, которая в значительной степени была расхищена во время его заключения этими хищными волками. За ним, как за своим испытанным пастырем, снова устремился православный народ, этот исконный «хранитель благочестия». Но враги его не хотели сложить своего оружия и попытались обратиться за поддержкой к другим православным восточным церквям. Обновленцы домогались получить от них подтверждение своего осуждения, произнесенного над Патриархом Тихоном, и признания созданного ими Священного Синода, как единственного законного органа высшей церковной власти в России.

Вселенский Престол, сначала защищавший Святейшего Тихона, отказавшись от участия в суде над ним и даже объявив его устами Патриарха Мелетия «исповедником», потом, как известно, настолько изменил свою политику в отношении Русской Церкви, что Патриарх Григорий VII вместе со Священным Синодом решил послать нарочитую комиссию «для изучения течений русской церковности и происходящих

разногласий и разделений». В инструкции, данной этой комиссии, выражено пожелание Константинопольского Патриарха, чтобы Патриарх Всероссийский Тихон «ради единения расколовшихся и ради паствы пожертвовал собою, немедленно удалившись от управления Церковью, как подобает истинному и любвеобильному пастырю, пекущемуся о спасении многих, и чтобы одновременно упразднилось, хотя бы временно, Патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения».

Святейший Тихон достойно ответил на этот незаконный акт главы Константинопольской Церкви. В грамоте, посланной им Патриарху Григорию VII, он разъясняет ему всю неканоничность и небратолюбие его образа действий, основанного на одностороннем и пристрастном освещении дела со стороны церковных раскольников-обновленцев. Его удаление от власти «не только не умиротворило бы св. Церковь, но породило бы новую смуту, принесло бы новые скорби и без того многострадальным верным ему архипастырям и пастырям».

«Не честолюбие или властолюбие, – пишет он, – заставило нас снова взять крест патриаршего служения, а сознание своего долга, подчинение воле Божией и голос верного Православия и Церкви епископата». Эти последние слова были столь же искренни, как и справедливы по существу.

Если патриаршее служение всегда было крестом, то никогда на протяжении всей нашей истории этот крест не был для главы Русской Церкви столь тяжелым, как в революционные годы, когда глубоко был потрясен весь внутренний порядок в России и вместе с тем поколеблено и международное положение ее, с которым было тесно связано и положение Русской Церкви в ряду других восточных Церквей.

Замечательно, что трудности для русских первоиерархов усилились именно с тех пор, как они вознесены были на высоту патриаршего достоинства. Промыслу Божию угодно было, чтобы уже первый Всероссийский Патриарх Иов подвергся гонению от Лжедмитрия и примкнувших к нему русских изменников. Еще

более тяжелым был исповеднический путь Святителя Гермогена, вынесшего лютую брань с последующими самозванцами, с русскими «ворами» и предателями Отечества и особенно с фанатическими поляками-католиками, опиравшимися на последних.

Что же касается положения Святейшего Тихона, то оно было гораздо сложнее и часто несомненно мучительнее судьбы двух его славных предшественников. Он должен был терпеть беды подлинно со всех сторон: и от беспощадной богоборческой власти, готовой ежеминутно растерзать его, и от коварных «лжебратий» – обновленцев и украинцев, безжалостно раздиравших хитон Русской Церкви, и от некоторых восточных Церквей – например, Румынской, отторгшей от него Бессарабию, и особенно от Вселенского Престола, воспользовавшегося ослаблением Русской Церкви, чтобы расширить за Ее счет пределы своей юрисдикции и даже подчинить Ее самую своему суду и верховному надзору.

Он остался почти одинок, когда большинство верных ему епископов отправлены были в тюрьмы или ссылку. Всецело преданные ему зарубежные епископы во главе с Блаженнейшим Митрополитом Антонием, неоднократно выступавшие с ходатайствами об оказании ему защиты пред представителями других восточных Церквей и инославных исповеданий, а иногда и главами иностранных государств, не могли оказать ему никакой существенной помощи. Глубоко сочувствовали ему и страждущей Русской Церкви искренние друзья последней Патриарх Антиохийский Григорий IV и Патриарх Сербский Димитрий, но также не в состоянии были оказать ему никакой поддержки, кроме чисто нравственной.

Неудивительно, что Патриарх Тихон иногда, – ибо он тоже был человек, – как бы изнемогал под тяжестью лежавшей на нем ответственности.

Каждая смута имеет то свойство, что колеблет почву под нашими ногами, сдвигая всю жизнь с ее основ. Она способна замутить нравственное сознание и самый здравый смысл человеческого общества.

Мысль, кажущаяся очевидной в обычное время, теряет в революционном чаду ясность своих очертаний. Добро и зло, истина и ложь смешиваются вместе, как это бывает с предметами, окутанными туманом. Между тем кипящая, полная неожиданностей жизнь не оставляет времени для размышлений, требуя быстрых решений от тех, кто держит в своих руках общественное кормило. От постоянной бдительности, крайнего физического и духовного напряжения они, естественно, могут почувствовать утомление, выражающееся в неуверенности или неустойчивости их действий. Можно ли строго винить их за это зло? Так кормчий, ведущий корабль сквозь подводные скалы и борющийся с противным ветром, может сделать невольно неверное движение рулем. Кто решится вменить ему это в преступление?

В свое время много писалось о так называемом покаянном послании Святейшего Тихона, в коем он заявил себя «не врагом» советской власти. Происхождение этого документа, предшествовавшего освобождению его из тюрьмы, до сих пор покрыто тайной¹⁰. Трудно допустить, чтобы Патриарх-Исповедник подписал его вполне свободным решением своей воли. Вся его предшествующая и последующая деятельность говорит за то, что такой акт мог быть вырван у него под влиянием террора, тяготевшего над ним в то время.

Отделенный от всего мира, не имея точных сведений относительно истинного состояния Церкви, он, естественно, мог искать путей для спасения не себя лично, а своей паствы, боясь, что она будет совершенно расхищена и поглощена обновленцами; этим легко могли воспользоваться в своих видах советские власти, предложив ему подписать заранее составленное для него заявление. С другой стороны, как определенно говорили об этом в то время, он хотел таким образом избавить от казни многих священников, осужденных на смерть в связи с декретом об изъятии церковных ценностей.

Мысль об угрожавшей им участи тем более угнетала его, что он считал себя лично ответственным за осужденное духовенство, которое исполняло его распоряжение, отказываясь выдать большевикам освященные предметы.

Вынудив у Патриарха хотя бы формальное признание советской власти, большевики хотели одновременно поднять значение последней во мнении населения и унизить самого Патриарха в глазах верующих, привыкших видеть в нем мужественного, стойкого и неподкупного блюстителя Православия. Но они ошиблись в своих расчетах.

Народ верил своему Патриарху и своему внутреннему чувству больше, чем людям с сожженной совестью. Он был убежден, что Святейший Тихон внутренне в своей архипастырской совести никогда не мог иметь ничего общего со слугами сатаны, и если он по тем или другим обстоятельствам и подписал вышеуказанное заявление, то «чернила не замарали его души» (как сказал Григорий Богослов некогда о своем отце, епископе Григории, по простоте подписавшем полуарианский символ). Преобладающее большинство епископов и прочего духовенства осталось верным своему Первоиерарху, отшедшие возвратились вновь и только немногие (в том числе епископ Волоколамский Феодор) соблазнились его заявлением и временно отдалились от него.

По существу отношение Патриарха к советской власти не изменилось, и после опубликования этого акта большевики не могли не почувствовать, что он по-прежнему не с ними, и потому продолжали зорко и подозрительно следить за ним; не решаясь снова налагать своих рук на него самого, они отнимали у него лучших сотрудников, лишая их свободы или отправляя в отдаленные ссылки.

В то же время они всячески поддерживали против него деятельность обновленцев, что, однако, не помогало, а скорее вредило последним.

В этой напряженной борьбе и угас великий светильник. Кончина его, последовавшая неожиданно для всех в лечебнице Бакунина, обвешана до сих пор неразгаданной тайной. Если она не была насильственной, то во всяком случае была страдальческой. О нем можно сказать словами апостола, что «он умирал во вся дни» в последние годы своей жизни. Народ, оставшийся верным ему до конца, увидел в нем истинного

Исповедника Православия и выразил это особенно в день его погребения, явившийся новым торжеством его над его врагами.

Зрелище величественной народной скорби, собравшей к его гробу неисчислимое количество верующих, воочию показало, как высоко они чтили своего любимого Первосвятителя и Печальника. Его могила стала потом всенародной святыней, его имя – священным заветом для его паствы и для пастырей. Только те иерархи, которые были близки по духу почившему Патриарху и являлись его ближайшими сподвижниками при жизни, привлекали к себе русских православных людей и после его ухода. «Тихоновская Церковь» стала навсегда для них истинно спасающею, мерилom чистой, неповрежденной веры и знаменем канонической правды.

История еще не успела произнести над Патриархом Тихоном и его деятельностью своей окончательной оценки, но суд православной народной совести предрешил ее заранее.

Тем, кто дерзнул бы зазирать его в недостатке последовательности в отношении большевистской власти, мы напомним о том, что это вопрос скорее практической целесообразности или икономии, чем дело веры или нравственной правды. Принципиально Патриарх всегда осуждал большевизм как явление безбожное и безнравственное, но практически был вынужден ослабить открытую борьбу с советской властью, чтобы не подвергать большей опасности Церковь. Так и св. Тарасий, Патриарх Цареградский, считал за лучшее до времени не обличать иконоборцев, дабы еще более не раздражать их против Церкви. И святитель Филипп вынужден был временно мириться с опричниной, надеясь тем умягчить сердце Грозного царя. И Церковь не осудила их за это. Она снисходила иногда даже к догматическим неточностям некоторых своих отцов и учителей, если они возникали под влиянием каких-либо особых затруднительных обстоятельств и не переходили в сознательное и упорное сопротивление истине. Здесь уместно вспомнить Слова знаменитого Патриарха Фотия, обращенные к Аквилейскому архиепископу, которыми мы и закончим свой краткий очерк, посвященный Святейшему Тихону:

«Мало ли затруднительных положений, которые вынуждали многих отцов частью неточно выражаться, частью говорить в применении к обстоятельствам [при нападении врагов]; а иное по человеческому неведению, которому подлежали и они... Если же иные и говорили неточно или по неизвестной для нас причине [даже уклонялись от пути] но исследований не было и никто не вызывал их к дознанию истины: [мы оставляем их в числе Отцов так же, как бы и не говорили они того]; оставляем частью [за знаменитость их жизни и славу добродетелей], частью за [непорочность их в прочих отношениях], но не следуем тем словам их, где погрешили они» (Филарет [Гумилевский], архиеп. Историческое учение об отцах Церкви. Т. 1. СПб., 1859. С. 18).

Это мудрое отеческое правило должно быть приложено в качестве нравственного мерила и в отношении к Святейшему Патриарху Тихону.

За «знаменитость его жизни», за «славу его добродетелей», за апостольское дерзновение, с каким он обличал безумие и жестокость большевиков, находясь всегда в руках своих врагов, за исповедническую ревность о Православной Церкви, которую он сохранил, как непорочную Невесту Христову среди яростных волн богопротивной злобы, обуревавшей ее со всех сторон, за то, что он не устрасился взять крест патриаршего служения в столь бурное и опасное время и мужественно и терпеливо донес его до конца, принося себя ежечасно в жертву за врученный ему народ Божий, за все это он должен быть увенчан похвалами, независимо от того, что написано или подписано им в минуту искушения; хотя бы эти слова и соблазнили некоторых из малых сих, они не могут быть вменены ему в тяжкую вину, потому что вышли из-под его пера, но не из его сердца, – в состоянии душевной борьбы и тревоги и с избытком были искуплены свидетельством его остальной жизни.

Пробыв семь с половиной лет в непрерывных трудах и страданиях на Престоле Святителя Петра и Патриарха Гермогена и идя в своем служении по их стопам, он подлинно исполнил лета долга.

Его славное имя является лучшим оправданием и украшением для нашей Церкви в эту смутную эпоху, и, торжествуя над временем, оно будет сиять в веках наряду с именами великих подвижников и борцов за Православие и бессмертных строителей и печальников Русской земли, которых Господь воздвигал на свещнице Русской Церкви в наиболее мрачные и тяжкие времена нашей истории.

† *Митрополит Анастасий*

Анастасий [Грибановский], митрополит. Святейший Патриарх Тихон, характер его личности и деятельности (По личным воспоминаниям) // Памяти Святейшего Патриарха Тихона: К двадцатипятилетию со дня кончины: 25 марта / 7 апреля 1925 г. – 25 марта / 7 апреля 1950 г. Jordanvill: The Holy Trinity Monastery, 1950. № 4. С. 16–39.

Неизвестный автор

Из старых отзывов

Тихон, епископ Люблинский, в мире Василий Беллавин, сын священника Псковской епархии. По окончании курса в Санкт-Петербургской Духовной Академии, он как лучший кандидат богословия, был назначен в Псковскую Духовную семинарию преподавателем основного догматического и нравственного богословия и там, в 1891 г., принял монашество. Вскоре после этого он был переведен инспектором Холмской Духовной Академии, а затем ректором ее, причем был посвящен в сан архимандрита. В свое управление Холмской семинарией он ввел в ней образцовый порядок и благоустройство, как внешнее, так и внутреннее, которыми она в настоящее время выделяется из ряда других семинарий.

Его главной задачей было установить в семинарской корпорации мир, братское согласие и единодушие, и этого он достиг вполне успешно.

Высокогуманные, исполненные христианской любви и сердечной простоты, в соединении с сохранением в то же время чувства справедливости и сознания достоинства, отношения архимандрита Тихона к своим подчиненным снискали ему в среде его сослуживцев и воспитанников чувство глубокого уважения, искренней преданности и любви.

Заботясь о беднейших воспитанниках семинарии, он принимал деятельное участие в делах леонтьевского попечительства о бедных воспитанниках семинарии [...]

Преосвященный Тихон еще в бытность ректором Холмской Духовной семинарии отличался глубоким пониманием людей. Он легко мог проникать в душу каждого, проходящего в соприкосновение с ним, узнавать его внутренний мир, его радости и горе, интересы и нужды и, сообразно состоянию, влиять и воздействовать на душу человека чувствительно тонким к ней прикосновением.

Помимо прямых своих обязанностей, архимандрит Тихон занимал разные епархиальные должности: председателя Холмско-Варшавского епархиального совета, благочинного

монастырей Холмско-Варшавской епархии, а в особенности много потрудился, и с большою пользою, в должности председателя холмского Свято-Богородицкого братства и как цензор изданий этого братства. Благодаря его энергичной деятельности братство увеличилось по числу членов, равно как возросли его денежные средства.

Наши архипастыри: Тихон // Русский Паломник. 1898. № 40. С. 636–637.

[Б. В. Титлинов] [3]¹¹

Архиепископ Литовский Тихон

Еще на студенческой скамье Василий Иванович Беллавин (мирское имя архиепископа Тихона) обнаружил организаторские способности. Избранный товарищами библиотекарем студенческой библиотеки, он умел пополнить ее интересными, запретными в то время изданиями, и из укромного местечка выдавал и Герцена, и Ростиславова, и других «недозволенных» авторов. Веселый, общительный – он был любимцем курса. Чуждый карьеризма, лишь благодаря своим недюжинным способностям, он быстро двигался по иерархической лестнице и, пробыв лишь 8 лет на педагогической службе (с 1888 г.), преимущественно в западном крае, в 1897 г. был уже хиротонисан во епископа Люблинского, а через год назначен в Америку, епископом Алеутским. После вспыльчивого и резкого архиепископа Николая (Зиорова) он был здесь ангелом-умиротворителем. Демократическое устройство Америки было ему по душе, и, пробыв «в том новом свете» восемь лет с половиною (с сентября 1898 по январь 1907 г.), он стал еще более прост, обходителен и всем доступен. В Ярославле, где архиепископ Тихон святительствовал 7 лет, он оставил о себе на редкость добрую память. Старожилы сравнивали его с «святым» Димитрием (Муретовым) и провожали его, переведенного против желания в Вильну, с непритворными слезами, избрав его почетным гражданином города, каковая честь редко выпадала на долю наших святителей. На прощанье он роздал все, что имел, в разные благотворительные учреждения. И до сих пор там имя его произносится с благословениями. За недолгую (с 1913 г.) свою службу в Литве архиепископ Тихон и там успел стяжать себе доброе имя. Общительность и отзывчивость на все доброе – его стихия. Во многих обществах, просветительных и благотворительных, он участвует, как желанный, воистину «почетный» член, деятельно сочувствуя и помогая им. Бывшие питомцы родной ему Академии знают, как горячо он откликнулся, одним из первых, на призыв основать для них общество взаимопомощи духовной

и материальной. Его имя чисто, и никто не посмел ничем его опорочить...

Идите избирать митрополита: Архиепископ Литовский Тихон
// Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. № 22.
7(20) мая. С. 2.

Неизвестные авторы

Первый Московский Архипастырь по свободному избранию церковного клира и народа [4]¹²

21 июня (4 июля) впервые за шестьсот лет существования Московской кафедры православный народ Церкви Московской фактически вступил во всю полноту принадлежащих ему в строении церковной жизни прав: представители клира и мирян епархии, собравшись на чрезвычайный епархиальный съезд, по особым, выработанным епархиальной комиссией в согласии со Святейшим Синодом правилам, тайным голосованием в кафедральном соборе Спасителя после совершения литургии и молебствия избрали на вдовствующую кафедру Московской Церкви Высокопреосвященного Тихона, архиепископа Виленского, ныне Московского и Коломенского.

Этим чрезвычайным историческим актом Церковь Московская окончательно порывает с прежними бюрократическими мертвящими началами епархиальной жизни и начинает новую жизнь на древнехристианских началах церковной свободы. Избрание архиепископа Тихона с этой точки зрения должно быть признано самым удачным и лучшим, какое только можно было сделать как из среды наличного епископата, так, в частности, из числа выдвинутых в избирательном собрании кандидатов.

В последнее десятилетие, в мрачную, тяжелую эпоху апогея царского и епископского самовластия в жизни Церкви, когда ярые поборники царского и епископского самодержавия всеми силами задушали через своих специальных агентов (вроде разгромившего Московскую Академию изувера деспота епископа Феодора Поздеевского) все возникшие в 1905–1906 годах ростки церковного обновления [!! – *Сост.*], у кормила церковного управления выделялось лишь несколько иерархов, на которых ревнители церковного обновления с любовью останавливали свой взор в надежде на сердечное сочувствие и посильную поддержку как самых идеалов церковного обновления, так и их носителей в наиболее тяжелые моменты гонений. Владыка Тихон был одним из этих немногих маяков в

эпоху беспросветной церковной реакции, и те, на долю которых падал жребий активно бороться за правду и свободу церковную, не могут никогда забыть о той неизменной поддержке и сердечном участии, которые встречали они у архиепископа Тихона. Вызов его для присутствования в Святейший Синод каждый раз рассматривался всеми компетентными в делах церковного управления лицами как несомненный признак некоторого уклона церковной политики в сторону либеральных течений и с облегчением приветствовался всеми сторонниками этих течений.

Прогрессивность настроений и взглядов была свойственна Владыке со студенческой скамьи. Веселый и общительный студент, любимец товарищей, он в качестве заведующего студенческой библиотекой принял на себя такую самоотверженную миссию, как пополнение библиотеки запрещенными в то время изданиями, вроде Герцена, которыми увлекалось все передовое общество, и из потайного уголка снабжал ими товарищей. Восьмилетнее епископское служение в демократической Америке наложило еще более глубокую печать демократизма как на политические и церковно-общественные воззрения Владыки, так и на характер отношений к окружающим. Вернувшись из Америки в Россию, на кафедру Ярославскую, в 1907 году в период начавшейся политической и церковной реакции, он явно уклонился от добровольно принятой на себя большинством тогдашнего русского епископата, во главе с митрополитом Владимиром [Богоявленским], неблагодарной задачи решительной борьбы с обществом за царское и епископское самодержавие. Он с решительным и нескрываемым отрицанием относился ко всем преследованиям со стороны церковной власти лиц духовного ведомства за политические и церковно-общественные воззрения и настойчиво не принимал никакого участия в монархических организациях; на последней почве, насколько нам известно, у него произошло столкновение с ярославским губернатором, вследствие которого он и был переведен на Литовскую кафедру; ярославское общество приняло сторону

архипастыря и выразило ему сочувствие избранием его гражданином Ярославля.

Европейски просвещенный архиепископ на всех местах своего епископского служения проявил себя независимым деятелем высокой честности, твердой энергии и, одновременно, большого такта, человеком сердечным, отзывчивым и чрезвычайно простым и доступным как в деловых, так и в частных отношениях к людям. Замечательно, наконец, что при всей страстности, какую иногда принимало обсуждение кандидатов на избирательном съезде, никто не мог бросить даже и тени чего-либо компрометирующего на личность архиепископа Тихона.

Борьба, которая произошла на избирательном собрании в виду выдвинутой одновременно другой кандидатуры на кафедру в лице А.Д. Самарина, делает факт избрания архиепископа Тихона чрезвычайно знаменательным и исторически высокоценным. Кандидатура Самарина была выдвинута на съезде довольно неожиданно для епархии, но весьма организованной группой делегатов-мирян во главе с М.А. Новоселовым при самом энергичном участии Н.Д. Кузнецова, князя Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова. Кандидатура эта оказалась для многих весьма подкупающей своим своеобразным радикализмом: она сразу самым резким образом рушила все раннейшие традиции замещения епископских кафедр на Руси, и во главу епископата Русской Церкви возводило лицо не только не священного сана – мирянина, но и по происхождению, общественному положению и, главное, образованию совершенно чуждое той среде, к которой принадлежат и епископат и все духовенство Русской Церкви. Эта кандидатура привлекала заманчивой идеей коренного перерождения всего внутреннего и внешнего облика русского епископа и с ним духовенства.

Что установившийся тип епископа и вообще духовного лица в настоящее время должен радикально измениться, это – несомненная и неотложная потребность времени: из администратора-бюрократа, имеющего дело лишь с входящими и исходящими бумагами, епископ, а равно и священник, отныне

должен стать церковно-общественным деятелем, фактическим, а не номинальным, духовным руководителем и вместе представителем возглавляемого им церковного общества. Это должно крепко помнить всем избирателям и избираемым в настоящее время на различные церковные должности, но отсюда не следует еще, что всякий известный общественный деятель на светском поприще должен быть в настоящий момент и самым соответствующим лицом для занятия епископской кафедры. Здесь отнюдь не может составлять самодовлеющей ценности та твердость воли, которую так настойчиво подчеркивали в А.Д. Самарине сторонники его кандидатуры. В каждом общественном деятеле существенно важное – это те общественные взгляды, которых он держится и которые он будет проводить на новом посту «твердою волею»; существенно важно, чтобы «твердая воля» избранного не пошла как раз против тех общественных идеалов, осуществления которых желают избиратели и требует настоящий момент. С этой же точки зрения трудно представить себе что-либо более не соответствующее времени, чем кандидатура А.Д. Самарина. А.Д. Самарин – председатель Совета объединенного дворянства, крайний правый, крайний монархист: едва ли можно представить более вызывающее по отношению к господствующему настроению масс, как в момент торжества республиканских идей избрание на столичную кафедру крайнего монархиста!

Какие выводы должны были бы сделать из этого факта все политические партии в своих отношениях к Церкви и какой тон должно было волей-неволей взять подчиненное духовенство?! Если к этому прибавить, что А.Д. Самарин – чистейший аристократ и по происхождению, и по социальному положению, то едва ли можно сомневаться, как должно было быть истолковано избрание его на епископскую кафедру в век господства демократии. Как бы понято это было в среде будущего Учредительного собрания?! Думаем, что выводы в результате могли бы быть только самые неблагоприятные в отношении Церкви. Церковно-общественные воззрения А.Д. Самарина нам доподлинно неизвестны, так как он их не

высказывал, но образ действий его в качестве председателя Московского епархиального съезда (мартовского) [5]¹³ совершенно определенно свидетельствовал, что все симпатии его на стороне того епископского самодержавия, которое определяло весь строй церковной жизни до революции; несомненно, что на этом съезде А.Д. Самарин показал себя в сфере церковной жизни как сила реакционного консервативного устремления. Один же из главных сторонников кандидатуры – М.А. Новоселов совершенно определенно заявил свой взгляд, что «архиерей должен быть самодержец». Наиболее видные противники кандидатуры А.Д. Самарина, как духовные, так и миряне, так именно и рассматривали постановку этой кандидатуры, как попытку восстановления в несколько подновленных формах старого принципа епископского самодержавия, которое должно было на почве церковной компенсировать идеологов самодержавия за крушение их идеалов в области политической; потому борьба двух кандидатур – архиепископа Тихона и А.Д. Самарина по существу была борьбой прогрессивного церковного течения с консервативно-реакционным. Это было как бы решительным генеральным сражением, которое незначительная численно, но имеющая сильное и опытное организующее ядро консервативно-реакционная группа с поучительной энергией и примечательным искусством действия дала господствующему прогрессивному течению в самый критический и ответственный момент церковной жизни. В этот критический момент светлое имя архиепископа Тихона, как благородного носителя прогрессивных церковных идеалов, испытанного церковно-общественного деятеля само собою, без всякой организованной тенденциозной агитации, силою только внутренней значимости сплотило воедино подавляющее большинство делегатов прогрессивного течения и дало последнему решительную победу.

Разумеется, борьба консервативно-реакционного ядра с господствующим прогрессивным течением этим не окончена; несомненно, она продолжится, но примет лишь теперь другой характер; это будет, надо думать, одной из самых тяжелых

трудностей служения новоизбранного вождя церковного общества. Но испытанная твердость воли и высокий такт нового Московского Владыки дают уверенность в том, что ему удастся успешно справиться с этой трудной задачей и быть истинным вождем церковного общества, живущим и действующим в полном единодушии со своим клиром и всем церковным народом епархии, как требуют интересы и польза Церкви настоящего великого и страшного момента.

Вместе со всем клиром и церковным народом епархии Московская Духовная Академия, отныне автономная, свободно приветствует нового главу Церкви Московской и своего Почетного Попечителя искренним и убежденным: «аксиос!»

Первый московский архипастырь по свободному избранию церковного клира и народа // Богословский вестник. 1917. Август-сентябрь. С. 135–142.

Избрание Московского Митрополита

Выбор Московского съезда епархиального духовенства и мирян остановился на двух кандидатах на высокую кафедру Московской митрополии: архиепископе Литовском Тихоне и А.Д. Самарине. Оба кандидата получили на предварительной баллотировке равное число голосов и, конечно, отказ А.Д. Самарина от баллотировки дал потом на окончательном избрании перевес архиепископу Тихону.

Среди многих явлений современности, которые так мало давали и дают нам радости, этот акт избрания несет нам чувство глубокого удовлетворения. Духовенство и миряне Московской епархии оказались на высоте поставленной им задачи. Трудно было ожидать и от Московского епархиального съезда большого спокойствия. Напротив, первые мартовские, непосредственно после переворота собрания духовенства и мирян представляли много печального, угнетающего. Правда, здесь виною были многие неблагоприятные обстоятельства: и первые вспышки еще не улегшихся увлечений свободы, и негодование за старые грехи церковной власти, и то обстоятельство, что во главе духовенства самовольно и путем самоизбрания стали мелкие злобные ничтожества. Надо признаться, много здесь значили бестактные науськивания обер-прокурора Святейшего Синода В.Н. Львова, человека слишком неуравновешенного, донельзя бестактного, типа крепостника-крикуна, неосторожного в словах и действиях, который прибыл тогда в Москву искать поддержки в своем оскорбленном самолюбии, в страстной и деспотической борьбе против старого состава Св. Синода и епископата Русской Церкви не только в духовенстве, но даже в улице и Городской Думе.

Теперь роль В.Н. Львова все более и более уясняется; и уясняется и характер его. На Всероссийском съезде духовенства и мирян г. Айвазов прямо и решительно в лицо Львову бросил обвинение в извращении им фактов. Опубликованное у нас письмо бывшего Московского

митрополита Макария [Невского] [6]¹⁴ также говорит о лживости заявлений г. Львова. Влияние Львова на съезде петроградского духовенства при избрании митрополита, видимо, уже было слабо, и нельзя сказать, чтобы его тактичная агитация в пользу своего кандидата не имела успеха. На Всероссийском съезде духовенства и мирян также присмотрелись к фигуре г. Львова и в аплодисментах по поводу резкой речи-отповеди Айвазова дали Львову как человеку ненормальному и клеветнику должную оценку. Теперь Московский съезд духовенства и мирян не пошел на агитацию г. Львова и его московских приспешников, стоявших за другого кандидата, и этим показал правильную оценку Львова с его приспешниками, действующими в духе самого отвратительного лакейства, показал и спокойное, разумное и достойное отношение к нуждам Церкви.

Оба кандидата, выставленные на Московский митрополичий престол – это вполне достойные люди. Мы бы приветствовали избрание и того и другого. Не станем говорить теперь об А.Д. Самарине, как отказавшемся от баллотировки.

Архиепископ Тихон известен как широко просвещенный иерарх [7]¹⁵, опытный в управлении, хорошо знакомый с демократическими порядками по своей долгой службе в Северной Америке, известен как любимый Архипастырь в таких епархиях, как Варшавская, где он служил в Холме, Ярославская и Литовская; много раз он был вызываем в Святейший Синод. Это – человек широкой христианской любви, мягкий и тактичный, и в то же время неприкосновенный в своем возвышении ни к каким внецерковным силам, вроде Распутина, не кланявшийся ни Раевым, ни Львовым – прямой православный церковный иерарх.

Избранием архиепископа Тихона Московский съезд как бы подписался под протестом русских иерархов в защиту истинной свободы Церкви.

Необходимо отметить, как явление в высшей степени симптоматическое, и ту особенность, что архиепископ Тихон был в составе того старого Синода, который г. Львов, этот церковный погромщик... по его собственному циническому выражению, «разогнал»[8]¹⁶, и что подпись архиепископа

Тихона мы видим под мужественным и историческим протестом, мало оцененным в печати, которым иерархи достойно встретили самоуправство и самодурство крепостника-Львова в «свободной» Церкви, определив Ее действительную, а не «по-Львову» понимаемую свободу.

Приветствуем избрание нового Московского владыки, приветствуем разумный выбор Московского епархиального съезда духовенства и мирян.

Избрание московского митрополита // Московские ведомости. М., 1917. № 193. С. 1. (Перепечатка: Церковность. М., 1917. № 336. 6 августа. С. 7–8).

Поместный Собор 1917–1918 годов и восстановление Патриаршества

Подготовка Собора

После отречения императора Николая II, 3 марта 1917 года, права верховной власти восприняло на себя Временное правительство, которое назначило обер-прокурором Святейшего Синода В.Н. Львова. Последний, человек резкий и властолюбивый, немедленно вмешался в дела Церкви, уволил на покой многих видных иерархов, в том числе митрополита Московского Макария [Невского] и архиепископа Харьковского Антония [Храповицкого], и вел себя полным хозяином в деле церковного управления.

Синод, во главе которого стал архиепископ Сергей [Страгородский] Финляндский, обратился в апреле с воззванием к архипастырям, духовенству и мирянам о созыве Поместного Собора, а 11 июня учредил Предсоборный Совет, во главе которого был поставлен Экзарх Грузии, архиепископ Платон (Рождественский)¹⁷. Предсоборный Совет выделил из себя 10 Комиссий, по всем отраслям церковной жизни, и в течение 2 месяцев были подготовлены все вопросы, подлежащие рассмотрению Собора.

Многие архиереи, уволенные В.Н. Львовым, были выбраны папствою вновь на прежние кафедры. Московским архиепископом был избран арх[иепископ] Литовский Тихон (Беллавин), а Петроградским – старший викарий епархии, епископ Гдовский Вениамин (Казанский). В выборах как того, так и другого архипастыря приняло живое участие рабочее население столиц.

В начале августа 1917 года по всей России были произведены всеобщие выборы членов Поместного Собора. Открытие Собора было назначено на 15 августа в Москве. Последним актом Временного Правительства в отношении Церкви было утверждение 13 августа возведения архиепископов Платона (Рождественского), Тихона и Вениамина в митрополичий сан. Потом, по инициативе А. В. Карташева, государственная власть отказалась от своих прав на

управление Церковью и Ее имуществами и передала свои права Собору.

Открытие Собора. Избрание Патриарха

15 августа в очень торжественной обстановке, в храме Христа Спасителя в Москве, открылся, после больше чем двухвекового перерыва, Собор Русской Православной Церкви. На него съехались почти все епархиальные архиереи, многочисленные представители духовенства и монашества, представители церковнослужителей и мирян, профессора Духовных Академий и те из членов Государственной Думы, которые работали над церковными вопросами. Собор представлял, действительно, всю Русскую Церковь.

Заседания происходили в Епархиальном Доме в Лиховом переулке, где и совершались членами Собора ежедневно литургии. С самого начала в среде Собора наметились два течения. Если в отношении преобразований церковной жизни и, в частности, оживления деятельности приходов особых споров не возникало, то в деле восстановления Патриаршества наметилась сильная оппозиция, состоявшая из профессоров Академий и преподавателей семинарий и большинства церковнослужителей. За восстановление древнего строя стояли почти все иерархи и большая часть духовенства и мирян.

Наиболее упорным и резким противником Патриаршества явился профессор по кафедре истории Русской Церкви Петроградской Духовной Академии Б. В. Титлинов. Он и его некоторые коллеги читали доклады и убеждали мирян в несвоевременности восстановления Патриаршества. Они считали, что как в Церкви, так и в государстве не должно существовать «единовластия».

Наиболее стойким защитником патриаршей идеи был архиепископ Антоний (Храповицкий), который также выступал с докладами и разъяснениями перед членами Собора.

25 октября в России произошел коммунистический переворот, и в тот же день в Москве началась гражданская война. Военные части, верные Временному правительству, главным образом молодежь-юнкера, заперлись в Кремле и выдержали семидневную осаду. 28 октября, под гром пушек,

обстреливавших Кремль, Собор вынес решение прекратить прения по вопросу о Патриаршестве (оставалось еще 90 записанных ораторов) и перейти сразу к голосованию. Против ожидания многих, за восстановление Патриаршества было подано подавляющее число голосов. В трудный, переживаемый Церковью и страной момент были забыты временно все споры и разногласия.

31 октября Собор приступил к избранию трех кандидатов в Патриархи. Больше всего голосов получил архиепископ Антоний, потом Новгородский архиепископ Арсений (Стадницкий). Митрополит Тихон получил большинство при третьем голосовании. В числе кандидатов был и один мирянин, известный церковно-общественный деятель Самарин.

Бомбардировка Кремля и бои на улицах продолжались до 2 ноября, и членам Собора было чрезвычайно трудно собираться на заседания. 2 ноября Собор решил послать депутацию революционным властям для прекращения обстрела московских святынь и дарования жизни взятой в плен молодежи.

Во главе депутации, шедшей с крестом и Евангелием в главный штаб революционных войск, стал митрополит Платон. Вместе с ним пошли два архиерея, два священника и два члена Собора – крестьянина. Только митрополит Платон был допущен в революционный трибунал, где ему обещали прекратить обстрел Кремля, но не дали обещания помиловать пленных.

В ночь со 2 на 3 ноября всякое сопротивление уже кончилось, произошла последняя страшная бомбардировка Кремля, во время которой пострадали многие храмы. 3 ноября епископ Нестор [Анисимов] Камчатский с другими делегатами от Собора отправился в Кремль и нашел там полный разгром. Успенский и другие соборы были сильно повреждены, а Чудов монастырь частично разрушен. Патриаршая ризница разграблена, все храмы осквернены солдатами.

6 ноября в храме Христа Спасителя произошли выборы Патриарха. Старейший из русских иерархов и почетный председатель Собора, митрополит Киевский Владимир, написал три записки с именами кандидатов и положил их в

запечатанном ларце перед иконой Владимирской Божией Матери. После литургии и молебна он показал ларец народу, разрезал тесьму, а старец иеросхимонах Алексей [Соловьев] вынул жребий. Избранным оказался митрополит Московский Тихон. К нему была послана депутация членов Собора, во главе с митрополитом Владимиром. Вновь избранный Патриарх обратился к собравшимся со словом, в котором призывал всех стоять за православную веру. После этого он уехал в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы подготовиться к «интронизации» (настолованию) в уединении и молитве.

Патриарх Тихон и его интронизация

Патриарх Тихон, в миру Василий Иванович Беллавин, родился в 1865 году в Псковской епархии. Учился он в Псковской семинарии и Петербургской Духовной Академии. Уже здесь будущий Патриарх заслужил, как у своих товарищей по курсу, так и среди профессоров, исключительную любовь и уважение. После преподавания в Псковской семинарии догматического и нравственного богословия, он в 1892 году, по пострижении в монашество с именем Тихона, был назначен инспектором Холмской семинарии. В 1897 году он был рукоположен во епископа Люблинского, а в следующем году послан в Северную Америку для возглавления Православной епархии. За 9 лет, проведенных в Соединенных Штатах, архиепископ Тихон сделал очень много для устройства церковных дел. По его благословию православные службы были переведены на английский язык. К нему с одинаковым уважением относились как православные различных национальностей, так и местные власти и инославные.

В 1907 году архиепископ Тихон был переведен в Ярославль на древнюю Ростовскую кафедру, а с 1913 – в Вильно. В Ярославле он привлек к Церкви местные культурные и общественные круги и был избран в почетные граждане города.

Вследствие военных действий в его епархии¹⁸, архиепископу Тихону пришлось много раз посещать фронт, а после эвакуации Вильно переселиться в столицу, где он был назначен присутствовать в Синоде. В 1917 году он был избран

на Московскую кафедру, оставшуюся вакантной после удаления на покой митрополита Макария (Невского).

Возведение Патриарха на престол (интронизация) было назначено на праздник Введения во Храм Пресвяты Богородицы 21 ноября 1917 года. К этому времени удалось произвести кое-какие починки в Кремле, и главный купол Успенского собора, пробитый снарядом, был затянут полотном.

На торжество интронизации прибыли все епархиальные архиереи и многочисленное духовенство. Для членов Собора было устроено особое место вокруг патриаршей кафедры. На малом входе два старейших иерарха, митрополиты Владимир и Платон, ввели митрополита Тихона в алтарь и трижды посадили на патриаршее место. Потом митрополит Владимир прочел установленную молитву, а архиереи переоблачили Патриарха. После литургии митрополит Владимир вручил Первосвятителю посох митрополита Петра. Потом Патриарх объехал в открытой коляске Кремль, благословляя несметные толпы людей, которые не могли поместиться в Кремле и ждали часами вне его стен.

В связи с восстановлением Патриаршества было увеличено число митрополитов. Старейшим иерархам: Агафангелу [Преображенскому] Ярославскому, Арсению [Стадницкому] Новгородскому, Антонию [Храповицкому] Харьковскому, Кириллу [Смирнову] Тамбовскому, Иакову [Пятницкому] Казанскому и Иосифу Нижегородскому [последнее неверно. – *Сост.*]¹⁹ – был присвоен титул митрополитов.

В течение последних дней ноября и до 9 декабря, когда закончилась первая сессия Собора, был вынесен ряд важных постановлений «о правах и обязанностях Святейшего Патриарха и о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете и круге деятельности этих двух учреждений».

Вторая сессия Собора (20 января–7 апреля 1918 г.)

Вторая сессия Собора открылась в Москве 20 января 1918 года. Накануне Патриарх за своей подписью выпустил обличительное послание, в котором анафематствовал всех гонителей веры и осквернителей святыни и призывал всех верующих к защите погранных прав Церкви.

Патриарх хотел принять всю ответственность за послание на себя, но Собор 20 января от своего имени выпустил воззвание [9]²⁰, в котором присоединялся к призыву Патриарха.

25 января в Киеве был злодейски убит почетный Председатель Собора, митрополит Владимир. Самое страшное в его убийстве было то, что в нем приняли участие монахи Киево-Печерской Лавры. Кроме митрополита Владимира, в разных частях России было убито много духовенства.

28 января в Москве был устроен грандиозный крестный ход на Красную площадь, со всех храмов столицы, собравший много сотен тысяч верующих. Необходимо также отметить явление Державной иконы Божией Матери в селе Коломенском, которая была обретена 2 марта 1917 года на колокольне местной церкви.

Работы Собора шли в течение трех месяцев очень успешно. В феврале были приняты определения о Епархиальном Управлении, 2 апреля – о викарных епископах и об уездных собраниях, а 7 апреля – приходской устав и проведена реформа духовных учебных заведений. Таким образом, к концу 2-й сессии был окончательно разработан и введен в действие новый строй церковной жизни, от Патриарха до прихода.

Патриаршество Святейшего Тихона

Между двумя последними сессиями Собора Патриарх посетил Петроград в конце мая 1918 года. Громадные толпы верующих собрались и на его встречу, и на его служение в соборах. Во все время пребывания Патриарха прежняя столица переживала дни великого духовного подъема. Святейший Тихон ездил в Кронштадт, откуда незадолго перед этим приезжали в Москву матросы, чтобы его убить. Он объединил там все население. Патриарх посетил также могилу отца Иоанна Кронштадтского в Петрограде и посвятил, согласно постановления Собора, единоверческого епископа Симона (Шлеева).

Третья сессия Собора, происходившая летом в Москве, не могла собрать всех членов, так как Россия была разделена на две части немецкой оккупацией, и южные епархии остались не представленными. Среди постановлений третьей сессии надо

отметить восстановление праздника всех святых в земле Российской просиявших во второе воскресенье после Пятидесятницы и установление дня памяти св. Патриарха Гермогена 5 октября вместе с другими московскими святителями. Было принято решение о том, что до будущего законно созванного Всероссийского Поместного Собора все члены Собора 1917–1918 гг. сохраняют свои полномочия [10]²¹ и, в частности, могут участвовать в епархиальных собраниях по местам.

Собор имел исключительное значение в жизни Церкви. Он установил твердые основания Ее канонического строя и широким привлечением мирян к церковной работе, главным образом, через приходской устав, дал возможность продолжать работу в очень трудных условиях.

В августе 1921 года в России начался голод, который вскоре охватил все Поволжье. Патриарх тогда же обратился ко всем главам Православных и инославных Церквей, призывая их прийти деньгами и продуктами на помощь голодающим.

Особенно широко откликнулись католическая и англиканская Церкви. Был образован Всероссийский церковный комитет, и начались сборы по всем приходам.

6 февраля 1922 года, ввиду того, что голод приобрел характер всенародного бедствия, Патриарх в особом воззвании разрешил церквам жертвовать на помощь голодающим драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, но 13 февраля власти постановили изъять из церквей и эти священные предметы. Тогда 13 февраля Патриарх обратился к верующим с посланием, в котором указывал, что священные сосуды не могут быть переданы властям, так как это запрещается церковными канонами.

В последующие месяцы по всей России было произведено силой изъятие всех церковных ценностей, а духовенство, сопротивлявшееся ему, было привлечено к суду. Патриарх Тихон, как воспротивившийся выполнению декрета, был лишен свободы и изолирован от внешнего мира.

12 мая к нему явилась депутация из трех священников: Введенского, Беликова [Белкова Е. Х. – *Сост.*] и Красницкого и сообщила, что, если Патриарх не передаст власти кому-нибудь из находящихся на свободе иерархов и не удалится добровольно от управления Церковью, то осужденные за сопротивление декрету будут убиты.

16 мая Патриарх особой грамотой передал управление Церковью митрополиту Ярославскому Агафангелу [Преображенскому] и сообщил об этом явившейся к нему вторично депутации. Святейший Патриарх в своем послании так объяснил свое решение: «18 мая к Нам, находившимся уже в заключении на Троицком подворье, явилось три священника и, под видом забот о благе Церкви, подали Нам письменное заявление, в котором, жалуясь на то, что вследствие сложившихся обстоятельств церковные дела остаются без движения, просили Нас вверить им канцелярию Нашу для приведения в порядок поступивших в нее бумаг. Мы уступили их домогательствам и положили на их заявлении следующую резолюцию: Поручается поименованным лицам принять и передать высокопреосвященному Агафангелу по приезде его в Москву синодские дела при участии секретаря Нумерова».

Митрополит Агафангел в Москву не смог приехать, а упомянутые делегаты к Патриарху заявили, что Патриарх отрекся от власти и передал им свои права. 29 мая эти священники, к которым присоединились епископы Антонин [Грановский] и Леонид [Скобеев], созвали в Москве учредительное собрание «Живой Церкви», как стал себя называть этот новый раскол. Оно избрало «Высшее церковное правление», объявившее себя полноправным распорядителем всех церковных дел в России, и немедленно начало борьбу как с существующим иерархическим строем, так и с приходами. В несколько месяцев Православная Церковь была разгромлена этими внутренними врагами.

В Петрограде изъятие церковных ценностей началось в марте 1922 года. Митрополит Вениамин [Казанский], так же, как и Патриарх Тихон, разрешил сдать все драгоценности, не имеющие литургического значения, за что был привлечен

властями к ответственности и арестован вместе с главными руководителями братства приходов. С 10 июня по 5 июля в зале дворянского собрания состоялся процесс митрополита, защитником которого выступал Э.С. Гуревич²². 10 обвиняемых были присуждены к смерти, но только в отношении четырех приговор был приведен в исполнение (Митрополита, архимандрита Сергия Шейна, профессора Ю.С. Новицкого и юрисконсульта братства И.М. Ковшарова). Несмотря на единодушные просьбы всего населения столицы, глубоко почитавшего своего архипастыря, четверо приговоренных были расстреляны в ночь с 12 на 13 августа.

«Живая Церковь» в течение зимы 1922–1923 года настолько окрепла, что захватила в свои руки почти все епархии, и к ней присоединилось много иерархов и духовенства. Так как Патриарх был в заключении, также, как большинство видных архипастырей, «Высшее церковное управление» явилось единственной существующей церковной властью.

29 апреля 1923 года был созван в Москве «Собор Живой Церкви», который долго и тщательно подготовлялся. До него уже было вынесено постановление о роспуске приходских советов и об ограничении деятельности мирян в Церкви.

Собрание 1923 года представляло уже не единую «Живую Церковь», она разделилась на три части: Живая Церковь, Церковное Возрождение и Союз Общин Древне-Апостольской Церкви. Из постановлений собрания отметим признание Патриарха Тихона лишенным сана и монашества, отмену Патриаршества и призыв к поддержке государства. Кроме того, был введен женатый епископат и принят Григорианский календарь. На постановлениях Собора Патриарх написал «Незаконно».

Процесс Патриарха Тихона много раз откладывался, и 27 июня 1923 года Патр[иарх] Тихон был освобожден из тюрьмы и взял вновь в свои руки управление Церковью. 15 июля в послании к пастве он объявил, что власть руководителями «Живой Церкви» была захвачена незаконно и что они употребили ее на разрушение Церкви. С этого момента

началось ослабление влияния «Живой Церкви», и к Патриарху стали возвращаться многочисленные иерархи и духовенство.

Последние два года своей жизни Патриарх Тихон употребил на восстановление церковных устоев и законной иерархии. Его авторитет был необычайно велик, и в январе 1925 года вся Россия единодушно праздновала его 60-летие. На Патриарха было совершено несколько покушений, одно из них закончилось смертью его келейника.

Отношение Святейшего Тихона к частям Русской Церкви, отошедшим от России в силу Брест-Литовского договора, было различным. Он не признавал польской автокефалии, провозглашенной вне его согласия, потому что считал, что эта Церковь состояла исключительно из русских, находившихся на территории Польши, и не могла поэтому называться польской Церковью.

Финляндской Церкви он даровал широкую автономию. Отношения с Эстонской и Латвийской Православными Церквями были вполне нормальными. Литовская Церковь осталась в подчинении патриархату на правах епархии. Относительно заграничных Православных Церквей в Западной Европе, которые до этого были подчинены митрополиту Петроградскому, Патриарх постановил вручить их архиепископу Волынскому Евлогию [Георгиевскому] с возведением его в сан митрополита (8 апреля 1922 года).

Святейший Патриарх заболел в январе 1925 года и был перевезен в клинику доктора Бакунина. У него были глубокие сердечные припадки, и он знал, что положение его опасно. Еще в декабре 1924 года Патриарх назначил себе на случай кончины трех преемников: митрополитов Кирилла [Смирнова], Агафангела [Преображенского] и Петра (Полянского), своего ближайшего сотрудника.

В ночь с 25 на 26 марта Святейший Патриарх скончался. Его тело было перенесено немедленно в Донской монастырь, куда во все следующие дни шли несметные толпы народа. Особенно много было рабочих московских заводов, которые помогали поддержанию порядка. В день Входа Господня в Иерусалим, 30 марта 1925 года, состоялись грандиозные

похороны Святейшего, на которых присутствовали сотни тысяч людей, множество духовенства и свыше 60 епископов.

Были и представители иностранных посольств. В это время в Стокгольме работал первый всемирный экуменический съезд, все члены которого единодушно присоединились к скорби Русской Церкви и русского народа.

Погребен был Святейший Патриарх под главным храмом Донского монастыря. Значение Святейшего Тихона для Русской Церкви исключительно велико. Он был во все 8 лет своего Патриаршества светочем Православия, вокруг которого объединились все ревнители истинной веры и благочестия.

Ни митрополит Кирилл, ни митрополит Агафангел не смогли вступить в исполнение обязанностей, и местоблюстителем Патриаршего престола стал, после кончины Патриарха, третий указанный им кандидат, митрополит Крутицкий Петр [Полянский] **[11]**²³, который вскоре был арестован и сослан на остров Хэ, на далеком Севере, где и оставался до 1936 года.

За годы Патриаршества Святейшего Тихона Церковь пережила тяжкое гонение. Много епископов и священников были убиты, тысячи храмов, так же, как и все духовные заведения, были закрыты.

Поместный Собор 1917–1918 годов и восстановление Патриаршества // Закон Божий. Пятая книга о Православной вере. Репр. вое пр. изд. 1958 г. (Париж). М.: Издательский центр «Терра», 1991. С. 330–342.

А.В. Ведерников [12]²⁴

Ревнитель Церковного единства

(К двадцатипятилетию со дня кончины Патриарха Тихона – 35 марта (7 апреля) 1925 г.)

В праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, совпавший в этом году с Великой Пятницей Страстной седмицы, Русская Православная Церковь повсюду отметила заупокойной литией двадцатипятилетие со дня кончины Святейшего Патриарха Тихона.

Когда в его память, в конце литургии зазвучали литийные молитвословия, они нисколько не нарушили священных воспоминаний Благовещения и Страстей Христовых. Напротив, в этих воспоминаниях как бы ожили многие события из жизни и деятельности этого Первосвятителя Русской Церкви и еще больше усилили переживания великого дня.

Предпринимая попытку осветить путь Патриарха Тихона, предварительно хотелось бы дать краткое описание его предшествующей жизни, дабы увидеть в ней живую личность покойного с теми ее свойствами, которые оказались необходимыми для его первосвятительского служения в весьма ответственный момент нашей истории. Правда, по недостатку материалов, трудно пока дать полную биографию Патриарха Тихона и еще труднее измерить его духовные богатства; но рассеянные по разным источникам отрывочные сведения из жизни и деятельности этого святителя, как и личные воспоминания, дают возможность составить о нем верное, хотя и неполное, представление, достойное его памяти и весьма утешительное для верующего человека.

Святейший Патриарх Тихон происходил из духовного звания и в миру носил имя Василия Белавина. Он родился в 1865 году в г. Торопце [в погосте Клин Торопецкого уезда. – *Ред.*] Псковской губернии и воспитывался в семье своего отца-священника, как и другие его дети.

О характере и склонностях юного Василия не сохранилось никаких сведений, но по признакам позднейшего возраста

можно предполагать, что мальчик отличался большой впечатлительностью и большими способностями к учению.

Окончив Торопецкое Духовное училище, он поступил в Псковскую Духовную семинарию, в которой учился одним из первых, а по окончании семинарского курса поступил в Петербургскую Духовную Академию, куда принимали тогда только лучших учеников.

Курс Духовной Академии Василий Белавин закончил в 1888 году кандидатом богословия и тогда же был назначен в Псковскую Духовную семинарию преподавателем основного, догматического и нравственного богословия. Преподавал он семинаристам и французский язык.

В декабре 1891 года Василий Белавин принял иночество с именем Тихона и вслед за пострижением был последовательно возведен в сан иеродиакона и иеромонаха. В марте 1892 года он получил назначение на должность инспектора Холмской Духовной семинарии, а в июле того же года был сделан ее ректором, с возведением в сан архимандрита.

Сфера деятельности архимандрита Тихона не ограничивалась Духовной семинарией, а простиралась и на епархиальный училищный совет, где он был председателем, и на Холмское православное братство, в котором он исполнял обязанности председателя и цензора изданий. На нем же лежало руководство монастырским благочинием Холмско-Варшавской епархии.

Плодотворная деятельность архимандрита Тихона на Холмщине, а затем и в должности ректора Духовной семинарии в Казани продолжалась почти до конца 1897 г., когда он был назначен епископом Люблинским – викарием Холмско-Варшавской епархии. Это назначение произошло 16 [н. ст.] октября, а к 19 [н. ст.] октября архимандрита Тихона вызвали в Петербург для наречения во епископа Люблинского [13]²⁵.

О том, с каким смирением новопоставляемый шел навстречу епископскому служению, свидетельствует его речь при наречении. Указывая в ней на примеры того, как многие великие и сильные духом избранники Божии, сознавая трудность служения и свою немощь, уклонялись от бремени, на

них возлагаемого, он сказал: «Да не подумает кто-либо при этом, что мне совсем неведома трудность епископского служения. Конечно, неведома она мне на опыте, на деле, но научен и знаю, что епископство воистину есть бремя. Когда-то, в дни ранней юности, епископское служение представлялось мне, – да и мне ли одному! – состоящим из почета, поклонения, силы, власти. „Егда бых младенец, яко младенец мудрствовах, яко младенец смышлях; егда же бых муж, отвергох младенческая“ (1Кор.13:11). Ныне разумею, что епископство есть прежде и более всего не сила, почесть и власть, а дело, труд и подвиг... И в самом деле, легко ли быть всем вся (1Кор.9:22)²⁶? Легко ли изнемогать за всех, кто изнемогает, и воспламеняться за всех, кто соблазняется (2Кор.11:29)²⁷? Легко ли быть образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте (1Тим.4:12)²⁸? Легко ли суметь, когда следует, одного обличить, другому запретить, третьего умолить со всяким долготерпением (2Тим.4:2)²⁹? Легко ли нести ответственность и за себя, и за паству, и за пастырей? Легко ли все сие? Святой апостол Павел свидетельствовал о себе: „по вся дни умираю“ (1Кор.15:31). И истинная жизнь епископа есть постоянное умирание от забот, трудов и печалей...»

С таким ясным сознанием ответственности и трудности нового призвания новопоставленный епископ Тихон³⁰ приступил к своему служению, веруя, что благоуспешность в его прохождении зависит не столько от человеческих сил и достоинств, сколько от силы Божией, которая в «немощи совершается» (2Кор.12:9).

Однако епископу Тихону недолго пришлось собирать в Холмской Руси расточенных овец православного стада и бороться с их похитителями: на следующий же год он был назначен на Алеутскую кафедру в Америке. Его служение в качестве епископа Алеутского и Северо-Американского, известное там под названием «благодного святительствоваания», продолжалось с декабря 1898 года по март 1907 года. Оно имело для православной миссии в Америке большое значение, которое сказалось во многих и благотворных последствиях распространения Православия

среди американского народа и завоевало Православию полное равноправие и признание среди других вероисповеданий этой страны.

О том, какая мысль одушевляла миссионерскую деятельность Преосвященного Тихона, свидетельствуют его неоднократные высказывания в проповедях. В одной из них он сказал: «Будущее сокрыто от ограниченного взора человеческого, и мы теперь еще не знаем, что внесет в жизнь страны сей все усиливающаяся волна славянской эмиграции и мало-помалу возрастающая здесь Православная Церковь. Но хотелось бы верить, что не останутся они бесследными здесь, не исчезнут в море чуждом, а в духовную сокровищницу американского народа внесут присущие славянской натуре и русскому православному люду алчбу духовную, порывы к небесному, стремление к всеобщему братству, заботы о других, смирение, покаянные чувства, терпение...»

Придавая такое глубокое значение нашей православной миссии в Америке, Преосвященный Тихон прежде всего обратил внимание на подготовку пастырей Церкви из числа американских граждан. С этой целью он усовершенствовал имевшуюся миссионерскую школу в Миннеаполисе и превратил ее в духовную семинарию, воспитанники которой постепенно устранили необходимость присылать священников из России. Открытие семинарии оправдало себя тем более, что эмиграционная волна из Галиции, Угорщины и Буковины и других православных стран усилилась и вызвала рост православных приходов.

Переселенцы оседали в то время главным образом в восточных штатах Северной Америки, вдали от Сан-Франциско, где находилась тогда архиерейская кафедра³¹. Организованные новые приходы, естественно, нуждались в руководстве церковной власти. Поэтому Преосвященный Тихон немедленно принял меры к тому, чтобы перенести свою кафедру из Сан-Франциско в Нью-Йорк. Это мероприятие не только упорядочило управление епархией, но и весьма способствовало росту приходов в восточных штатах Америки.

За время управления Преосвященного Тихона Американской епархией к Православию присоединилось более 32 карпато-русских приходов. Возникла также необходимость в объединении приходов Сиро-Арабской миссии. Быстро умножались и сербские приходы. Все это привело к образованию двух викариатств: одного для Аляски, с кафедрой в Ситхе, а другого для Сиро-Арабской миссии, с кафедрой в Бруклине.

Преосвященному Тихону принадлежит и заслуга основания Свято-Тихоновского монастыря возле г. Скрантона в штате Пенсильвания. При этом монастыре им же была устроена школа-приют для детей, потерявших родителей.

Расширяя православную миссию, Преосвященный Тихон распространил ее на Канаду, где при нем возникло несколько приходов, объединенных в отдельное викариатство. Во главе этого викариатства был поставлен епископ Александр (Немоловский), ныне управляющий православными приходами в Бельгии.

Успехи строительства церковной жизни в Америке Преосвященный Тихон закрепил и с другой стороны. Он, например, много способствовал переводу на английский язык богослужебных книг [14]³², которые, таким образом, раскрыли широким кругам американцев и англичан богословскую глубину и красоту православных богослужений. Немало потрудился он, посещая отдаленные приходы в глухих частях Аляски. Много строилось при нем и храмов. Памятником этой деятельности Преосвященного Тихона является кафедральный Свято-Николаевский собор в Нью-Йорке, недавно переданный в ведение Московской Патриархии.

Заключительным деянием Преосвященного Тихона, ставшего в 1905 году архиепископом, явился первый Православный собор Северо-Американской Церкви, созванный им 20–23 февраля [ст. ст.] 1907 года в Майфильде. Движущей идеей этого Собора была задача, поставленная его Преосвященным председателем: «Как ширить миссию». В связи с этим обсуждались пути к самостоятельному, не субсидированному от казны, существованию и развитию

православной миссии в Америке, а также вопрос об юридическом положении Православной Церкви в Северной Америке. Но главное значение этого первого церковного собора состояло в единении Церкви, составленной из разных переселенцев, приехавших в Америку из России, Галиции, Венгрии, Буковины и других православных стран.

Таковы заслуги Преосвященного Тихона за восемь с лишком лет его архипастырской деятельности в Америке. За них благодарил его первый Православный собор, созданный им перед отъездом в Россию, о них и теперь с благодарностью вспоминает северо-американская православная паства, соблюдающая верность Матери-Церкви.

Старшие поколения русских православных людей в Америке хорошо помнят ту благодатную атмосферу, какую создавал своей жизнью и деятельностью владыка Тихон. Это была атмосфера согласия, любви и церковного единения, которую ощущали даже инославные. «При епископе Тихоне, – пишет бывший преподаватель миссионерской школы, – все были объединены общностью положений, интересов, чувств, мыслей, по всей миссии господствовало блаженство мира, согласия, любви и дружбы. Был один архипастырь и одно стадо».

Но сейчас это стадо распалось по вине тех, кто забыл заветы Преосвященного Тихона, который пятьдесят лет назад так проповедовал православным людям в Америке: «Не лучше ли, не повторяя истории блудного сына, иметь перед глазами другую, не менее трогательную картину того, как малое дитя крепко и неотступно держится своей матери, и если случится ей хотя и на минуту покинуть своего ребенка и оставить среди чужих, как он тотчас же начинает плакать, протягивать свои малые ручонки к матери, хвататься за ее одежду. А все мы, братия, – дети, и Церковь – мать наша. И если мы не будем так же любить Церковь и крепко держаться Ее, как дети своей матери, тогда не войдем в Царствие Отца Небесного, ибо, по изречению отеческому, „кому Церковь не мать, тому и Бог не Отец“».

Так из потустороннего мира воздвигает свое кроткое, но угрожающее предупреждение современным раскольникам американской паствы ее любимый архипастырь, который в своем управлении Русской Православной Церковью более всего руководился апостольской ревностью о церковном единстве православных людей.

Из Америки Промысл Божий привел архиепископа Тихона опять в свое Отечество, на древнюю кафедру Ярославскую и Ростовскую. Доклад Св[ятейшего] Синода о переводе был утвержден 25 января 1907 года [ст. ст.], а в марте архиепископ Тихон уже приступил к новому служению, которое продолжалось более семи лет, до 22 декабря 1914 года [ст. ст.] [ошибка, следует: 22 декабря 1913—4 января 1914 г. – *Сост.*].

Из этого периода можно извлечь много интересных фактов, характеризующих архипастырскую деятельность Преосвященного Тихона, который неукоснительно стремился быть делателем непостыдным, право правящим слово истины.

Хорошо известно, что Преосвященный Тихон рассматривал свою епархию не как объект для архиерейского администрирования, а как свою духовную семью, о которой он должен иметь отеческое попечение. С этой целью он очень часто объезжал приходы Ярославской епархии и за семь лет посетил их все до одного, притом многие не однажды [15]³³.

При объездах он лично знакомился с приходским духовенством, с его деятельностью и поведением, узнавал семейное и материальное положение каждого причта, входил во все подробности приходской жизни и через то уяснял себе характер и наклонности каждого пастыря и церковнослужителя.

Посещая тот или иной приход, Преосвященный Тихон запросто останавливался у настоятеля, посещал семьи других членов причта и, можно сказать, входил в самую гущу их повседневной жизни. Рассказывают, что он всегда интересовался семейными альбомами, потому что фотографии родных и знакомых хозяина часто раскрывали его внутренний мир с самой неожиданной стороны.

Так, каждый священник и церковнослужитель епархии, в окружении своих семейных и близких людей, входили в богатую

память Преосвященного Тихона и становились предметом его отеческой любви и заботы. Через то он знал церковную жизнь епархии в таких подробностях, которые позволяли ему принимать в нужных случаях самые целесообразные и полезные решения.

Известно, например, его обращение к ярославской пастве с таким предложением: 1) анонимных писем-доносов ему не присылать, ибо таковым не только не будет придаваться значения, но они не будут читаться им; 2) в прошениях не писать кавалеру орденов (духовные лица лишь сопричисляются к орденам, но не состоят кавалерами оных); 3) при представлении не делать ему земных поклонов³⁴.

Во время поездок по епархии Преосвященный Тихон однажды усмотрел, что в некоторых церквах проскомидийные деньги кладутся прямо на жертвенник. Чтобы в дальнейшем избежать такого неблагоговейного отношения к священному месту, он предписал завести по церквам епархии особые кружки, специально назначенные для проскомидийных денег³⁵.

Еще более показательным для архипастырского духа Преосвященного Тихона явилось его распоряжение о ставленниках, приезжающих в Ярославль для рукоположения. Он предписал им не привозить с собою жен и останавливаться либо в Спасском монастыре, где имелось помещение для ставленников, либо у родных и близких знакомых, но не в гостиницах, где обстановка не способствует духовной сосредоточенности и молитвенному настроению, столь необходимым при рукоположении³⁶.

Все свои распоряжения и воспитательные мероприятия Преосвященный Тихон проводил с необыкновенным тактом, не допуская никаких резких выпадов против виновных. Однако такое отношение к ним не было выражением излишней мягкости. Напротив, он был тверд и неподкупно справедлив, но свою твердость он осуществлял в отеческом терпении и благожелательности к подчиненным, которые любили его, как отца.

Всеобщая любовь к архиепископу Тихону усугублялась его беспримерной доступностью и для духовенства, и для мирян.

Он не уставал оказывать самое трогательное внимание каждой просьбе и всякой нужде, пленяя сердца своей исключительной добротой и участливостью. Его внимание к подчиненным простиралось даже до того, что он записывал себе на память даты их дней Ангела, чтобы затем аккуратно посылать им письменные поздравления. Что это не было исканием популярности, а только выражением подлинно отеческого внимания, свидетельствует такой факт: уже в бытность владыки Тихона Патриархом старый швейцар Петербургской Духовной Академии в день своих именин получил от него поздравительную телеграмму.

Такое постоянство в отеческом внимании и такая простота в отношениях с людьми показывали в Преосвященном Тихоне необыкновенно чистое и смиренное сердце.

В области принципиальной Преосвященный Тихон был тверд и неподкупен и свои идеи проводил настойчиво и последовательно, хотя и без резких столкновений и выступлений. Эта принципиальность соединялась в нем с независимым отношением к сильным мира, склонявшимся в большинстве случаев перед нравственной высотой святителя. Впрочем, были и столкновения. Одно из них произошло с ярославским губернатором, который добился перевода Преосвященного Тихона на другую кафедру. Этот перевод состоялся 22 декабря 1914 года [та же ошибка. – *Сост.*], и Преосвященный Тихон стал архиепископом Литовским и Виленским.

На этой кафедре архиепископу Тихону пришлось пробыть недолго, всего два с половиною года, ибо нараставшие события войны и революции приближали время решающих перемен в жизни нашего Отечества и Русской Церкви.

Одним из событий церковной жизни того времени явился Съезд духовенства и мирян Московской епархии, собравшийся 19 июня 1917 г. [ст. ст.] [2 июля 1917 г. – день выбора кандидатов на Московскую митрополичью кафедру. Открытие съезда состоялось 1–14 июня 1917 года. – *Сост.*] в Московском епархиальном доме для выборов Московского митрополита.

Избирательное начало, коснувшееся Московской митрополичьей кафедры, до того замещавшейся по назначению высшей власти, окрылило надеждами многих кандидатов, среди которых было даже одно светское лицо³⁷. Но притязания многих лишь оттенили и засвидетельствовали путь одного избранника, который волей Божией неведомо для себя шел к возглавлению всей Русской Церкви. При голосовании этим избранником оказался архиепископ Литовский и Виленский Тихон, ставший Московским митрополитом в преддверии еще более трудного и ответственного подвига. В это время митрополиту Московскому Тихону было 52 года.

Оценивая состояние Русской Православной Церкви сразу после свержения самодержавия в России, необходимо иметь в виду, что в течение двух столетий Церковь была тесно связана с государством. Когда старый государственный строй перестал существовать, Церковь на первых порах осталась административно ослабленной и неподготовленной к тому, чтобы немедленно самоопределиться в качестве независимого от государства организма, каковым Она по существу является, и установить самоуправление. Беспомощность иерархии и прежнего Синода в этом отношении еще более усиливалась от того, что Церковь долгое время оставалась лишенной канонического возглавления в лице Патриарха. Поэтому, в предупреждение анархии и ради назревших церковных нужд, в августе 1917 г. в Москве был созван Всероссийский Поместный Собор, который явился канонической опорой Церкви в Ее дальнейшем самоопределении.

Как и следовало ожидать, этот Собор, созданный в самый разгар революции, не мог не стать трибуной для тех, кто продолжал по убеждению и по привычке связывать религию с политикой. Но замечательно то, что обширной программе Собора, подготовленной Предсоборным Совещанием, как и большинству соборных решений, не было суждено сделаться программой церковной жизни. В ее дальнейшем развитии действительное признание получили лишь два соборных акта: восстановление Патриаршества и избрание митрополита Московского Тихона Патриархом Московским и всея Руси **[16]**³⁸.

В этих двух деяниях Поместного Собора Русская Православная Церковь вновь обрела свое единство и получила надежный залог канонического устройства церковной жизни в новых, еще не установившихся тогда, условиях государственного строя, который только что нарождался в огне Октябрьской революции.

Восстановление Патриаршества явилось знаменем жизненности Русской Православной Церкви и преддверием возвращения Ее в собственную сферу деятельности, раскрытую пред Нею другим решающим событием – декретом Советского правительства от 10(23) января 1918 года о свободе совести и отделении Церкви от государства. В то же время Патриаршество потенциально противопоставило себя грядущей церковной смуте, казавшейся неизбежной и затем действительно возникшей. Что касается избрания на Патриарший Престол именно митрополита Тихона, то, принимая во внимание его личные качества, это обстоятельство имело огромное значение. Патриарх Тихон на место принудительной власти обер-прокурора поставил высокий и непререкаемый авторитет своей обаятельной, благостной личности, он стал подлинным духовным отцом православной российской паствы и тем самым возвел церковную власть в сознании верующих на небывалую в синодальный период высоту.

Святейший Патриарх Тихон стал во главе Церкви в тот момент, когда церковный корабль входил в полосу крайне бурных событий. Волны политических страстей колебали его, подводные камни разномыслия и вражды угрожали его целостности. Святейшему кормчему Тихону пришлось действовать в сложнейшей обстановке внутренних церковных противоречий и расколов.

Это было в первые годы формирования Советского государства, когда его окружало огненное кольцо белогвардейских фронтов и иностранных интервенций. Значительная часть иерархии и духовенства была еще в плену старых понятий о революции, о новой народной власти. Они по вековой привычке соединяли в своем сознании, а иногда и в жизни, церковную жизнь с политикой [17]³⁹. Другая часть

духовенства учинила раскол, питавшийся стремлением к власти и к реформам, весьма вредным для Церкви.

С другой стороны, бежавшие за границу архиереи создали там – сначала в Константинополе, а потом в Сремских Карловцах – свое церковное управление и стали самостоятельно выступать от лица Русской Церкви во вред молодому Советскому государству.

Патриарх Тихон твердо защищал интересы и единство Церкви от внутренних и зарубежных раскольников. От последних ему удалось не только отмежеваться, но и церковно осудить их Карловацкое соборие и вредную для нашего государства деятельность. «Не благо, – писал Патриарх в своем заявлении, – принес Церкви и народу так называемый Карловацкий Собор [18]⁴⁰, осуждение коего мы снова подтверждаем и считаем нужным твердо и определенно заявить, что всякие в этом роде попытки впредь вызовут с нашей стороны крайние меры вплоть до запрещения священнослужения и предания суду Собора». Что касается внутренних раскольников-живоцерковников и обновленцев, то их движение оказалось, как и следовало ожидать, «палым и зяблым деревом» еще при жизни Патриарха Тихона. Не принятое большинством церковного народа, оно со второй половины 1923 г. явно пошло на убыль, так как Патриарх и совещание епископов при нем определили это движение как раскольническое. На обращенный к живоцерковникам патриарший призыв о покаянии большая часть верующих и духовенства отошла от них и вернулась в лоно Церкви, а упорствующие руководители и их немногочисленные приверженцы с той поры уже не имели никакого успеха.

Так укреплялось положение нашей Церкви, руководимой Патриархом Тихоном. Его мудрая оценка реальных условий все более раскрывала ему историческую правду перемен, происходивших в народно-государственной жизни, и заставляла неоднократно обращаться к церковным людям о невнесении политики в Церковь. С 1919 г. Патриарх не раз делал заявления о своей лояльности по отношению к Советской власти, а незадолго до своей кончины написал известное всем

завещание, в котором ясно выразил и свое отношение к Советской власти, и направление церковной политики.

«В годы гражданской разрухи, по воле Божией, без которой в мире ничто не совершается, во главе Русского государства стала Советская власть, принявшая на себя тяжелую обязанность устранения жутких последствий войны и страшного голода»⁴¹ – так пишет Патриарх Тихон в своем завещании, подчеркивая святительским авторитетом и убеждением благородство задач Советского строя и тем самым помогая верующим уяснить религиозный смысл усилий новой власти. Нельзя забывать, что в обстановке того времени завет апостола Павла о богоустановленности предержащих властей и о повиновении им (Рим.13:1)⁴² в сознании очень многих связывался только с царским строем, и от главы Церкви требовался особенно убедительный и твердый тон в отношении людей, принимавших отделение Церкви от государства за гонение на Церковь. Поэтому Патриарх Тихон убеждал верующих встать на христианскую точку зрения и понять, что «судьбы народов от Господа устроятся» и что все происшедшее есть выражение воли Божией.

Слагаясь в религиозном убеждении, эта точка зрения обязывала церковных людей рассматривать Советскую власть, как установленную Богом, действующую для всенародного блага и требующую соответственного к себе отношения от граждан государства. Разум Церкви – в лице Патриарха Тихона – указал тогда верующим и твердую основу для повседневного отношения к новому государственному строю: «...не погрешая против нашей веры и Церкви, не допуская никаких уступок и компромиссов в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работать на общее благо, осуждая всякую агитацию, явную или тайную, против нового государственного строя»⁴³.

Это завещание, написанное Патриархом Тихоном в заботах о нормализации отношений между Церковью и государством, явилось для православных людей заветом духовного отца и ясным выражением их общецерковного сознания.

Патриарх, находившийся в больнице, подписал свое завещание в день Благовещения, т. е. 25 марта 1925 года по церковному стилю⁴⁴. К концу дня он, вопреки указаниям врачей, поехал на заседание Священного Синода. Возвратившись около 10 часов вечера, он почувствовал себя плохо и в 11ч. 15 мин. [ошибка, следует: 11 ч. 45 мин. – *Сост.*] тихо скончался от приступа грудной жабы.

Православным москвичам памятли похороны Святейшего Патриарха Тихона, состоявшиеся 30 марта 1925 [ст. ст.] в храме Донского монастыря.

Ведерников А. В. Ревнитель церковного единства: (К двадцатипятилетию со дня кончины Патриарха Тихона – 25 марта (7 апреля) 1925 г.) // Журнал Московской Патриархии. М., 1950. №5. С. 61–69.

Святейший Патриарх Тихон

Через двести с лишком лет после упразднения Патриаршества на Руси Священный Собор Церкви Российской определил вновь поставить во главе Церковного Управления Патриарха, и на это высокое и ответственное служение Господь призвал Святителя Тихона, недавно, в 1917 году, по народному избранию занявшего кафедру митрополита Московского. Святейшему Патриарху 54 года от рождения. В мире он назывался Василием Ивановичем Беллавиным, родом из города Торопца, Псковской губернии, где отец его был священником. Образование он получил в родном Торопецком Духовном училище, затем в Псковской Духовной семинарии и в Петроградской Духовной Академии. По окончании Академии он был определен преподавателем основного, догматического и нравственного богословия в родную ему семинарию. В должности преподавателя он умел образцовым преподаванием названных наук заинтересовать своих юных слушателей. В 1891 году во время прохождения преподавательской должности он принял монашество и в следующем, 1892 году, был назначен инспектором, а вскоре после этого и ректором Холмской Духовной семинарии. В 1897 году, будучи посвящен во епископа, он получил в управление кафедру Люблинскую, а в 1898 году назначен на кафедру Северо-Американскую. В Америке своим любовным ко всем отношением он приобрел всеобщее уважение. Таким же он продолжал оставаться и в Ярославле, куда он был переведен из Америки в 1907 году. Ярославцы вполне оценили это любвеобилие своего архипастыря, избрав его почетным гражданином г. Ярославля. После перевода с кафедры Ярославской на кафедру Виленскую, которое состоялось в 1907 году [ошибка, следует: в 1913 году. – *Сост.*], епископ Тихон по замечательной отзывчивости своего сердца сделал много пожертвований в различные благотворительные учреждения. На Виленской кафедре он продолжал оставаться до 1917 года, пока не был призван в первопрестольную столицу Москву. Всюду, где

суждено было Промыслом Божиим проходить свое архипастырское служение епископу Тихону, он проявлял редкий нравственный облик, отличаясь доступностью, простотою, широкою благотворительностью и чисто христианскою настроенностью. Все это в значительной степени и привлекало к нему сердца многих из его паствы. Поэтому поистине великое утешение для Церкви Российской в том, что в эту тяжелую годину жизни народной во главе Церковного управления оказался такой архипастырь. Да поможет же ему Бог проявить мудрость и самоотверженную любовь в своем высоком служении на благо Церкви и родины!

Святейший Патриарх Тихон (листок). М.: Изд. А. А. Дятеллович, 1918[19]⁴⁵.

С.П. Руднев [20]⁴⁶

Всероссийский Церковный Собор, избрание и поставление Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея России

I

Наша приходская Сретенская церковь в с. Беклемишеве – одна из лучших в Корсунском уезде. Каменная, в форме корабля, с тремя престолами: главным – в летней церкви и двумя – в зимней. Летняя церковь открывалась, и в ней начинались службы, всегда на Пасхе.

Громадный – пятиярусный – иконостас был весь покрыт алюминием (пожертвование моей жены – Елизаветы Александровны), производившим полное впечатление старинного чеканного серебра с чернью.

Иконы все были художественной работы, а против правого и левого клиросов помещались семейные иконы главных жертвователей, иждивением которых произведен был капитальный ремонт храма: у правого – беклемишевских купцов Калмыковых, а у левого, на котором обычно помещалась вся наша семья во время церковных служб, – наша, изображавшая Св[ятого] Преп[одобного] Сергия Радонежского и Св[ятую] Прав[едную] Елизавету.

Против церковной паперти через улицу стоял дом священника о. Дмитрия Васильевича Розова, жившего с матушкой и двумя дочерьми-невестами Антониной и Рахилью.

Вокруг церкви тянулась каменная ограда, внутри которой вдоль церковных стен было несколько могил. В числе этих могил, у южной стороны церкви, были могилы гг. Галаховых, а у северной, обращенной к главной улице села, по которой пролегал проезжая дорога, могила «дяди Мики»⁴⁷ – многолетнего, бессменного управляющего Дурасовским имением, приглашенного еще Ив[аном] Алекс[андровичем] Виноградовым и умершего в сентябре 1914 года, и – возле главного алтаря, – под двумя березками, – могила отст[авного] ген[ерал]-майора Александра] Петровича] Бека – отца Елизаветы Александровны, – умершего 3 дек[абря] 1903 года в

Симбирске, но похороненного в Беклемишеве, возле приходской церкви Дурасовского имения, где он так любил жить и, отдыхая, охотиться и ловить рыбу в обширном пруду усадьбы.

К обеду из усадьбы, несмотря на то что расстояние от дома до церкви было менее версты, ездили по издавна заведенному порядку торжественно, всей семьей, и мне частенько приходилось выслушивать замечания Елизаветы Александровны, когда я отправлялся туда пешком.

После обедни я всегда почти заходил к о. Розову пить чай и беседовать о новостях текущей жизни.

Частенько в свободное время заезжал и о. Димитрий к нам в усадьбу, и у меня с ним установились приятельские отношения.

Шло лето 1917 года.

Революция взбаламутила жизнь, и везде шли перестройки и переделки. Не избежала этого, разумеется, и наша Русская Православная Церковь, в которой давно уже была осознана необходимость созыва Поместного Церковного Собора.

И вот в один из июльских вечеров приходит о. Розов к вечернему чаю и рассказывает, что созывается на Успеньев день – 15 (ст. ст.) августа – в Москве Церковный Собор, на котором должны быть произведены выборы в срочном порядке в один и тот же день по всей России, кроме Сибири, где выборы несколько должны затянуться. Обо всем этом им, как настоятелем беклемишевской церкви, получено официальное извещение с распоряжением оповестить об этом своих прихожан и в предстоящее воскресенье – 23 июля [ст. ст.] – в час дня, произвести выборы депутатов от прихода, которые в следующее воскресенье – 30 июля [ст. ст.] – должны собраться в с. Чертановке, Сенгилеевского уезда, к благочинию которого относится беклемишевский приход, и там избрать пять выборщиков в Симбирск, чтобы уже на общепархиальном съезде избрать членов Собора – в числе пяти лиц: двух от клира и трех – от мирян, шестым же от епархии членом Собора является правящий епископ.

О. Розов просил меня непременно приходить в воскресенье на выборы и не отказываться, если придется ехать верст за двадцать в Чертановку. Я обещал быть.

За обедней о. Розов объяснил прихожанам о созыве Собора и о предстоящих в час дня выборах.

Ровно в час дня с беклемишевской колокольни раздался благовест. Необычность дневного звона и праздничное свободное время привлекли полную церковь прихожан. Здесь о. Розов подробнее объяснил о Соборе и цели созыва его и о системе выборов в него, а в заключение предложил после краткого молебствия произвести выборы четырех депутатов (вдвое больше, чем клир, а клир в нашей церкви состоял из священника и псаломщика) для поездки на выборное собрание через неделю в с. Чертановку.

В церкви общим голосом решили выбирать двух от Беклемишева и двух от Дурасовки, для чего выйти в церковную ограду. Здесь разделились: беклемишевцы пошли на правую – южную сторону, а дурасовцы – на левую.

Сговорились довольно быстро; при выборах преобладали больше вопросы хозяйственного порядка – кто свободнее, да у кого лишняя от работ лошадь. Имея в виду, что батюшку с псаломщиком тоже надо везти, само собой оказалось, что это сподручнее всего сделать на барских лошадях.

Таковыми в значительной степени соображениями надо объяснить то, что от Дурасовки в числе двух выбранных оказался и я, причем мне тут же моими выборщиками было наказано – «везти батюшку с собой».

Через неделю, в воскресенье – 30 июля, рано утром в ясный, погожий день мы с о. Дмитрием Васильевичем на тройке наших лошадей в тарантасе двинулись в Чертановку.

Если бы в этот день можно было с высоты небесной оглянуть разом Русскую Землю, то можно бы было наблюдать, как по всем проселочным дорогам в один и тот же час тянутся, точно на богомолье, на доморощенных лошаденках, а то и по образу пешего хождения, разные духовные особы – сельские батюшки, диаконы и псаломщики и степенные миряне.

В с. Чертановку мы приехали около полудня и остановились на постоялом дворе, который уже был полон такими же, как и мы, депутатами. К чертановскому благочинию относилось свыше 25 приходов, так что если считать минимальное количество депутатов от каждой церкви – 6 человек, то и то должно было собраться полтораста человек, а собралось, конечно, гораздо больше, так как были приходы, имевшие вторых священников и диаконов, а каждый из них вел за собою двух мирян. Такое собрание приезжих в селе было очень заметно и создавало праздничное настроение.

В час дня раздался благовест, и все отправились в церковь. Народа собралось столько, что яблоку некуда было упасть. Очень много собралось и духовенства, так что отслуженный ими соборне молебен вышел очень торжественным.

После обедни все отправились в дом, где должно было происходить избрание выборщиков от всего благочиния. В дом впускали только депутатов, но и ими одними помещение было наполнено, как говорится, до отказа.

На улице все время стоял народ и происходили летучие митинги. Молодые солдаты и кое-кто из псаломщиков пытались даже и здесь проводить «республиканскую политику», но, кажется, не успешно.

Смутное воспоминание осталось у меня от этих выборов: помню только, что было душно и жарко; что часто то в той, то в другой стороне возникали споры, подчас весьма горячие, о том или другом кандидате; помню, наконец, что трудно было очень протискиваться по несколько раз к выборным ящикам, чтобы голосовать то за того, то за другого кандидата. В числе прочих кандидатов баллотировался и я. Выборы закончились, когда было уже часов около девяти вечера. В число избранных попал и я.

Когда все было окончено и подписан акт о нашем избрании, раздались голоса: «Пускай выбранные нами сядут перед нами все вместе: мы хоть поглядим на них!» Действительно, в той давке, которая стояла целый день, можно было всех перепутать. Исполняя желание наших избирателей мы, пять человек – двое от клира и трое от мирян (я, служащий

Игнатовской фабрики и крестьянин), взошли на какое-то возвышение, устроенное в том помещении вдоль стены, и уселись рядом на стульях. Минуту, другую мы просидели при общем молчании. Наконец, кто-то из рядов публики сказал: «Ну, езжайте с Богом!», – и этим освободил нас от той неловкости, которую мы, по крайней мере – я, начали испытывать от такой непривычной выставки.

Поздней ночью вернулись мы с о. Розовым домой, предварительно благополучно вывалившись из тарантаса, опрокинувшегося на косогоре при выезде из Бутырского леса.

Через несколько дней наступило 8 августа – день, на который были назначены выборы членов Собора в Симбирске, и мы с женой поехали туда.

8 августа в кафедральном Троицком соборе была торжественно отслужена архиерейская обедня, после которой тотчас же все перешли в большую залу соседнего женского епархиального училища.

Перед началом выборного заседания выборщики знакомились друг с другом и, разбившись на группы, беседовали. В одном из таких кружков, преимущественно молодежи-псаломщиков, стали раздаваться митинговые, зажигательные речи. Я не сдержался и стал возражать, и наш спор собрал довольно много слушателей.

Спор был прекращен приездом епископа Алатырского Назария [Андреева] – викария Симбирской епархии⁴⁸, который должен был председательствовать на избирательном съезде вместо архиепископа Симбирского и Сызранского Вениамина [Муратовского], посланного Синодом в Пензу, на расследование дела о тамошнем архиепископе Владимире (Путята).

Когда открылось заседание и было приступлено к выбору президиума, то под влиянием, вероятно, только что бывшего спора, при выборе товарища председателя была названа моя фамилия, и я оказался за столом президиума. Секретарем был избран преподаватель местной семинарии Вячеслав Александрович Рождественский. Такое избрание нас, – для меня совершенно неожиданное, так как я в Симбирске, в сущности говоря, был человеком совершенно новым,

поселившись в нем ровно год тому назад после четверть векового отсутствия, – предрешило и дальнейшее избрание нас обоих в члены церковного Собора.

Количество собравшихся выборщиков превышало 250 человек, так как в епархии было 52 благочиния, и от каждого прибыло по 5 выборщиков. Постановлено было баллотировать каждого, кто получит хотя бы одну избирательную кандидатскую записку. Таким образом, по числу названных кандидатов предстояло произвести выборную процедуру в отношении почти 150 лиц.

В первый день успели избрать членов Собора только от клира; избранными оказались – о. протоиерей Садовский – настоятель Симбирской церкви св. Ильи Пророка, и псаломщик академист, кажется, церкви симбирской женской тюрьмы.

Следующие два дня – 9 и 10 августа – были посвящены выборам членов Собора от мирян епархии, которых надлежало избрать в количестве трех. Выбранными оказались – я, В.А. Рождественский и крестьянин с. Красной Поляны Головецкой вол[ости] Сызранского уезда, И.И. Малов – чудесный человек, с которым я очень сдружился впоследствии.

Кандидатами к нам были избраны: от клира – священник с. Жигулей, по фамилии, кажется, Востоков, а от мирян – кн[язь] Борис Николаевич Тенишев – мой когда-то учитель математики по Симбирской гимназии, бывший потом директором реального училища, а в описываемое время – земский деятель моего родного Курмышского уезда.

Когда состоялось избрание мое членом Собора, я вспомнил предсказание одного мелитопольского священника мне еще в октябре 1912 года после того, как на выборах от Таврической губернии в IV Государственную Думу, где я был выборщиком от православного населения городов Симферополя, Севастополя, Бахчисарая, Балаклавы и Карасубазара, членом Думы был избран не я, а почетный земский деятель Влад[имир] Карл[ович] Винберг, с которым мы одновременно баллотировались, – что так и должно было случиться, что мне придется быть не членом Думы, которая «плохо кончит», а членом Всероссийского

Церковного Собора, который скоро соберется и сделает «большое русское дело».

О том, что Четвертая Государственная Дума «плохо кончила», – спора тогда быть не могло: это стало уже всем ясно, а вот будущее и, в частности, будущее Церковного Собора, членом которого я только что был избран, – было от нас еще скрыто. Но теперь, когда прошел десяток лет, надо сознаться, что оправдалась и вторая часть этого пророчества, так как вскоре «под грохот пушек, свист пуль и сухой треск пулеметов Собор утвердил основы реорганизации церковной жизни и восстановление Патриаршества. В то самое время, когда на Россию надвинулось ярмо жестокой и безбожной власти, Церковь провозглашала зарю своего освобождения и обновления. Это была краткая светлая радость перед тем крестным путем, который открывался перед Церковью». Вот вкратце деятельность и значение Собора, очерченные впоследствии так публицистом газ[еты] «Россия».

II

На следующий день после выборов я уехал с Елизаветой Александровной в Дурасовку, откуда 13 августа выехал в Москву.

На ст[анции] Чуфарово я сел в поезд, в котором уже ехали наши симбирские члены Собора. Здесь же находился о. Григорьев Федор Федорович – сельский священник из-за Волги, избранный членом Собора от Самарской епархии.

О. Григорьев был сыном крестьянина Симбирской губ[ернии]; отец дал ему образование в Симбирской [духовной] семинарии, а братьям его – в светских учебных заведениях. Один из братьев его командовал уже на фронте одним из полков. Я впервые здесь, в вагоне, познакомился с о. Федором, который стал потом моим душевным другом: трудную московскую зиму при большевиках и беженские дни в Омске мы коротали вместе.

Когда к вечеру 14 августа мы подъезжали к Москве, то в нашем вагоне оказалось уже довольно много членов Собора из разных губерний, поэтому мы поехали с вокзала на Каретно-Садовую, в здание Московской Духовной семинарии, которая,

как мы знали, была отведена под общежитие соборян, – на нескольких автомобилях.

Встав 15 августа рано утром, мы целой группой отправились в Епархиальный дом²¹, в Лиховом переулке, вблизи семинарии, где помещалась канцелярия Собора, и там, представив наши документы, зарегистрировались и получили членские билеты и пропуска в Успенский собор на сегодня и в храм Христа Спасителя – на завтра.

По дороге к Кремлю я зашел в Лоскутную гостиницу повидаться с Л. И. Афанасьевым, который участвовал в Государственном совещании⁴⁹, происходившем в Большом театре и сегодня заканчивавшемся, а оттуда – к Иверской.

Здесь я совершенно неожиданно, к моему большому удовольствию, встретился с графом Петром Николаевичем Апраксиным, который был Таврическим губернатором, когда я шел в Государственную Думу от Тавриды, а с 1913 года занимал место умершего поэта графа Голенищева-Кутузова, должность Гофмейстера государыни Императрицы Александры Феодоровны. Оказалось, что он тоже избран членом Собора от Московской епархии, и далее в Успенский собор мы отправились уже вместе.

Храм был переполнен, несмотря на то что впускали в него только по особым билетам членов Собора и тех, кому билеты эти были выданы.

В числе этих последних лиц я, между прочим, видел моих сотоварищей по Земскому Союзу – товарищей министра Внутренних Дел С.М. Леонтьева и Е.М. Щепкина [22]⁵⁰ и нескольких членов Государственного Совета и Думы; женщин среди присутствующих в Соборе я не заметил.

Литургию совершали, помнится, митрополиты: Киевский – Владимир [Богоявленский], Тифлисский Платон [Рождественский], Московский – Тихон и Петроградский – Вениамин [Казанский], соборне с целым рядом архиепископов и епископов. Символ веры был пропет всею церковью, и этот мощный хор нескольких сотен мужских голосов создал особое настроение и молитвенный подъем.

К концу литургии стали прибывать в храм епископы, съехавшиеся со всех концов Русской Земли на Собор и служившие в этот день обедни в разных московских церквях. Они входили в Успенский собор в северные двери в полных облачениях в сопровождении своих иподиаконов с трикириями и дикириями в руках и проходили на архиерейский амвон, который громадным «покоем» был устроен посреди храма.

По окончании литургии всем Собором русских епископов (случай небывалый в течение двух с половиною веков) был отслужен молебен, а после него через западные двери храма выступил грандиозный крестный ход членов Собора.

Все митрополиты и архиереи шли в облачениях и в сопровождении своих иподиаконов, а все прочие члены Собора – попарно. Организация крестного хода и соблюдение на нем надлежащего церемониала была возложена на приставов Собора.

Мы вышли и вытянулись в длинную цепь на Царской площади и двинулись при церковном трезвоне Ивана Великого и всех кремлевских церквей в Чудов монастырь; там, приложившись к мощам Святителя Алексия, проходили в Николаевский дворец, выйдя из которого направлялись к Спасским воротам и через них вступали на Красную площадь. Красная площадь была к этому времени запружена народом, пришедшим со своими крестными ходами ото всех московских церквей. Эти крестные ходы образовали непрерывные живые стены, тянувшиеся от Спасских ворот до Никольских, образуя как бы просторный коридор, по которому и двигался крестный ход Всероссийского Церковного Собора, встречаемый и сопровождаемый церковными песнопениями и каждением собравшихся на площади церквей, и чрез Никольские ворота вернулся обратно в Кремль, в Успенский собор.

На следующий день – 16 августа – в храме Христа Спасителя было торжественное открытие Собора.

Храм был переполнен народом.

Посредине храма от весьма удлиненного архиерейского амвона, на котором стоял ряд табуретов, покрытых парчой, – тянулись до солеи два ряда скамеек с проходом посредине,

покрытых красным сукном. Скамейки эти были поставлены несколько наискось и укорачивались по мере приближения к солее. Сбоку этих скамеек и архиерейского амвона, по обеим сторонам стояли ряды стульев. На солее у правого клироса возвышалась кафедра для ораторов.

Величественную, незабываемую и совершенно необычную картину являл собой громадный храм Христа Спасителя, когда по окончании литургии и молебна из алтаря через Царские двери начали выходить попарно святители Русской Земли в фиолетовых мантиях, мелодичные звонцы которых только и нарушали наступившую тишину, в омофорах и митрах, и занимать по старшинству места на скамьях и на архиерейском амвоне, где поместились митрополиты и старейшие архиепископы, а мы – выбранные члены Собора – заняли места на стульях, а кое-кто, не найдя себе стула, уселись сбоку на ступеньках архиерейского амвона.

По бокам нас во всем храме и на хорах стоял народ густой и плотной массой.

Когда все заняли места, на ораторскую кафедру стали подниматься один за другим разные лица, приносившие поздравления Собору.

От Временного правительства – Собор приветствовал незадолго перед тем назначенный первый министр исповеданий (вместо обер-прокурора Синода) – А. В. Карташев; от г. Москвы – мой однофамилец, московский городской голова д[окто]р В. В. Руднев, типичный по наружности земский врач, явившийся в черном пиджаке с цепью городского головы.

Накануне, 15 августа, на богослужение в Успенский собор приезжал ненадолго министр-председатель А.Ф. Керенский, в модном в те времена френче, окруженный какими-то своими свитскими офицерами, и я видел потом, как толпа на площади провожала его восторженными кликами, когда он проезжал по Кремлю.

А.Ф. Керенского я видел здесь впервые (и единственный раз) зрелым 34 летним человеком. Он очень похож был и лицом и прической-бобриком на своего отца, уважаемого и любимого когда-то нами, гимназистами, нашего директора, классного

наставника и чудесного преподавателя словесности Федора Михайловича; только Александр Федорович был мельче отца и ниже ростом, походя в этом отношении на свою мать, урожденную Адлер, – дочь московского, кажется, врача, важную, тонную, но милую и мягкую в обращении барыню. Маленький Саша, каким я его знал до 1889 года, когда он уехал с семьей из Симбирска, родился в год моего поступления в пансион при Симбирской гимназии – в 1883 году, а старшие сестры его, Надя и Леля, были моими сверстницами и гимназическими подругами Лили Бек (Елизаветы Александровны). До седьмого класса гимназии я учился у Федора Михайловича и бывал в его семье; знал, разумеется, и маленького Сашу. С большим сожалением мы – гимназисты – проводили Федора Михайловича в 1889 году в далекий Ташкент, куда он был переведен главным инспектором училищ (некто вроде попечителя округа) в связи, как говорили тогда, с делом 1 марта 1887 года – Генералова, в котором был замешан, и повешен затем, кончивший нашу гимназию Александр Ульянов – сын директора народных училищ Симбирской губернии и брат Владимира, впоследствии – Ленина, который, кстати сказать, в том же, 1887 году, весной, кончал курс в нашей же гимназии и шел на медаль. Среди нас, гимназистов, помнится, ходили тогда слухи, что Владимиру Ульянову ни аттестата зрелости, ни медали не дадут, но все это, разумеется, оказалось вздором: Владимир Ульянов своевременно получил и аттестат зрелости, и золотую, кажется, медаль.

Тогда же, 15 августа, в Успенском соборе я впервые увидел и Владимира Николаевича Львова, последнего русского обер-прокурора Синода, занявшего эту должность во Временном правительстве кн[язя] Г.Е. Львова из членов Государственной Думы.

Он обратил мое внимание и удивил своим странным поведением в церкви: во время литургии я увидел на солее около Царских врат какого-то господина в кургузом домашнем пиджаке, стоящего с небрежным видом и засунутыми в карманы руками. Господин этот все время оглядывался по сторонам и

назад и бесцеремонно, будто у себя дома, разглядывал молящихся. Это и был В.Н. Львов, старанию и энергии которого в значительной мере, кажется, и был обязан Собор тем, что он был срочно созван.

В тот же вечер, в актовом зале семинарии, где впоследствии обыкновенно после ужина собирались мы – члены Собора, где и в этот раз шло частное совещание об избрании Президиума, выступил В.Н. Львов с чрезвычайно резкою и несдержанною речью, в которой чернил московского митрополита Тихона, совершенно громадному большинству из нас неизвестного, но рекомендуемого в Председатели Собора по примеру прошлых Соборов, когда – как утверждали канонисты – председательствующими являлись обычно Первосвятители того города, где Собор собирался.

Для нас – провинциалов, не искушенных «в большой политике» и воспитанных журналами и газетами на преклонении перед авторитетом известных имен и званий, имя В.Н. Львова как члена Временного правительства, тоже, конечно, значило много, но все же та бесцеремонность и то неуважение и небрежность, с которыми он говорил тогда об архиереях – членах Синода, – покорила нас, а грубая инсинуация в отношении митрополита Тихона, допустившего якобы в качестве члена Синода, скандальный – в освещении газет того времени – развод бывш[его] военного министра Сухомлинова, возбудила в нас – слушателях – симпатию к поносимому митрополиту.

III

На другой день после торжественного открытия Собора – 17 августа – состоялось первое деловое заседание Собора в предоставленном ему Епархиальном доме, в Лиховом переулке.

Помещение это было очень удобно. В первом этаже расположились канцелярия Собора, в большинстве составленная из чинов Канцелярии Синода, и находился буфет, а во втором этаже – была громадная двухсветная зала, назначенная для заседаний Собора, получившая наименование «Соборной палаты». В зал этот из обширного вестибюля вела пологая и широкая лестница двумя маршами, приводившими с

двух противоположных сторон на площадки, с которых были входы в Соборную палату.

Зала Соборной палаты заканчивалась в восточной ее стороне церковью во имя Равноапостольного св. Князя Владимира. Пол этой церкви значительно возвышался над полом залы, и возвышение это было продлено так, что захватывало часть самой залы. На этом возвышении стояли, полукругом расположенные, кресла – с проходом посередине, как раз против Царских врат. Это были места исключительно для архиереев, которые сидели там лицом к зале. По краю возвышения, с которого ступеньки вели в залу, были устроены: посередине – длинный стол, за которым, лицом в залу, сидели члены Президиума Собора, а по бокам находились две кафедры, являвшиеся: справа – трибуной для ораторов, и слева – местом для секретаря Собора. От возвышения и, следовательно, стола Президиума, против которого на аналое лежали всегда Крест и Евангелие, оставалось в зале небольшое пустое пространство, приходившееся против входных – с обеих сторон – дверей в залу и образующее из себя как бы широкий проход между возвышением, с церковью на нем, епископами и столом Президиума, и местами всех прочих членов Собора. Для членов Собора были поставлены ряды деревянных кресел, амфитеатром поднимающиеся к западной стене и почти достигающие там окон верхнего света. Места эти, начиная от входных дверей, были с трех сторон – с боков и сзади – огорожены деревянной балюстрадой, за которой – вдоль стен и сзади возле верхних окон – были места для публики. Небольшое расстояние от входных дверей до возвышения, на котором стоял стол Президиума и сидели архиереи, вдоль стен было занято, справа – около кафедры для ораторов – стенографистами («писцами Соборных Деяний»), а слева – около кафедры секретаря Собора – чинами Соборной Канцелярии.

Кроме залы и церкви во втором этаже имелись еще Малая зала и ряды комнат, вход в которые был с площадок той же лестницы, ведущей в залу. В этих комнатах помещались

кабинеты председателя, секретаря, квартира последнего и разные комиссии, образовавшиеся при Соборе.

Первое заседание, 17 августа, в Соборной палате, в которой еще не все было устройством закончено, состоялось под председательством временного Председателя, старейшего, бывшего первенствующего члена Святейшего Синода, митрополита Киевского Владимира [Богоявленского], обратившегося к Собору с приветственной речью, при временном же секретаре – работнике предсоборного присутствия – протопресвитере Московского Большого Успенского собора Ник[олае] Александр[овиче] Любимове, скоро действительно ставшим общим нашим – соборян – любимцем.

На этом заседании было решено – совершить по всей России всенародное моление о ниспослании России благоденствия и утишения страстей и, по предложению кн[язя] Евг[ения] Николаевича Трубецкого [23]⁵¹, всем Освященным Собором отправиться на поклонение мощам Св. Сергия Радонежского.

Избрание Президиума Собора было отложено на завтра, чтобы дать членам Собора время сговориться о кандидатах. Весь остальной день до поздней ночи шли об этом совещания и толки.

Здесь впервые уже проявилось желание довольно большой и сплоченной так называемой «профессорской» группы, а затем и кое-кого из членов Государственной] Думы, в особенности В. Н. Львова, – внести в среду Соборян приемы и практику Государственной] Думы – деления на партии, но в конце концов, как это выяснилось впоследствии, ничего из этого не вышло. Да и не могло выйти по самому существу организации Собора.

Дело в том, что, согласно Устава о Поместном Соборе, выработанного Предсоборным Советом, утвержденного Св. Синодом в качестве руководящих правил впредь до рассмотрения Устава Собором и принятого затем для себя Собором, – все вопросы, наиболее важные, касающиеся основ и церковных правил – «основоположительные и правилодательные», – по выражению канонистов, – обсужденные всем Собором *in corpore*⁵² и принятые

большинством голосов, причем как в обсуждении, так и голосовании наряду со всеми членами Собора участвовали и епископы, – поступали затем в Епископское совещание, состоящее из одних только правящих епископов, и этим «Собором епископов» Русской Православной Церкви окончательно принимались или отвергались. Таким образом, почти все вопросы, могущие вызвать наибольшие страсти, были этим самым изъяты от стараний и домогательств иметь той или другой борющейся группе большинство Собора на своей стороне, чтобы этим, как это происходит в парламентах, одержать победу и решить дело по-своему. Какое бы большинство голосов мнение ни собралось, – все равно окончательный решающий голос оставался за епископатом.

Правда, я не припомню теперь каких-либо вопросов, кроме одного, касающегося развода, которые, будучи приняты большинством всего Собора, были бы затем епископами не приняты, но все же сознание каждым из нас того, что не из чего надевать на себя партийный хомут и гнаться за большинством голосов – все равно епископы и одиночный даже голос услышат, – было главнейшею, по-моему, причиною неудач политиканов.

IV

18 августа состоялось избрание Президиума Собора. Председателем был избран митрополит Московский Тихон 404 голосами против 31; по его предложению, митрополит Владимир [Богоявленский] был тогда же избран Почетным Председателем. Товарищами Председателя были избраны: от епископов – архиепископы – Новгородский Арсений [Стадницкий] и Харьковский Антоний [Храповицкий], от клира – протопресвитеры Успенского собора – Н.А. Любимов и Военного и Морского духовенства – Георгий Иванович Шавельский и от мирян – профессор князь Евгений Николаевич Трубецкой и бывший Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, замененный после его отъезда на Дон, во вторую сессию, Александром Дмитриевичем Самариным, бывшим обер-прокурором Святейшего Синода и московским губернским предводителем дворянства. Секретарем был избран член Государственной Думы Василий Павлович Шейн, впоследствии

архимандрит Сергей, расстрелянный большевиками вместе с митрополитом Вениамином [Казанским], а его помощниками – П.В. Гурьев, управляющий канцелярией Святейшего Синода и профессор Бенешевич.

Здесь следует сказать несколько слов о самом составе Собора. В него, кроме правящих епископов и пяти выборных членов от каждой епархии, как уже было о том сказано, вошли: протопресвитеры Московского] Успенского собора и военного и морского духовенства, наместники лавр Киево-Печерской, Троице-Сергиевской, Почаевской и Александро-Невской, и настоятели монастырей: Соловецкого, Валаамского, Оптина и Сарова, члены Предсоборного Совета, и по избранию: десять членов от монашествующих, десять от единоверцев, по три от каждой из 4 Духовных Академий, по одному от Академии Наук и одиннадцати университетов и пятнадцать членов – от Государственных Совета и Думы. Кроме того, было предоставлено право присутствовать на правах членов представителям Восточных Патриархов и Православных автокефальных Церквей. Были также представители Алеутско-Американской и Японской Православных Церквей.

Таким образом, уже к первому деловому заседанию Собора собралось: 4 митрополита (Киевский, Московский, Петроградский и Тифлисский), 21 архиепископ, 43 епископа и свыше 375 прочих членов Собора.

Мы – симбиряне – заняли места в Соборной Палате все вместе, и рядом с нами поместились соседи наши по губернии – самарцы и пензенцы.

Когда мы ознакомились друг с другом, то невольно бросилось всем в глаза, что миряне точно сговорились: по каждой почти губернии оказались избранными из трех членов Собора мирян: один – с высшим образованием, один – из среды среднего обывателя-горожанина с домашним или средним и один – непременно грамотный крестьянин. Было очевидно, что сам православный и, значит чисто-русский народ, когда его призвали к выборам без предварительной обработки, отдал свои голоса везде поровну – барину, гражданину и крестьянину,

определяя эти понятия не по сословиям, классам, должностям, чинам или кличкам, а главным образом по образованию.

И разве это было не верно для нашей России того времени? Крестьянство своей массой легко могло задавить и не дать ни одного места никому, а между тем оно, очевидно, правильно и верно учло и поняло, как лучше всего отразить русский народ во всей его совокупности на Всероссийском Соборе.

Работа Собора довольно быстро наладилась. Успешности ее много способствовало то, что громадное большинство членов Собора жило вместе – в здании семинарии вблизи Епархиального дома с его Соборной палатой. В семинарии же жило и большинство епископов, помещавшихся во втором этаже, третий же этаж весь был занят общежитием прочих соборян, размещавшихся в нескольких обширных залах, превращенных в спальни. В нашем распоряжении был также громадный прекрасный двухсветный актовый зал, в который вход был со второго этажа, а с третьего – от нас – был выход на обширные хоры, с трех сторон окаймлявшие зал, и как с хор, так и из самой залы, двери вели в просторную семинарскую церковь. В нашем же распоряжении была находящаяся в первом этаже громадная столовая, могущая вместить в себе всех членов Собора, что и имело место однажды, когда Владыка Патриарх после своего избрания и на stolования (интронизации) угощал нас всех пирогом из ценнейшей в то время и почти отсутствующей в Москве пшеничной муки.

В первую сессию Собора – до 9 декабря 1917 года некоторые из епископов, в том числе и наш Симбирский архиепископ Вениамин [Муратовский], жили в Кремле в Дворцовом Свитском флигеле, а члены Собора и на частных квартирах, но мало-помалу – все почти перебрались в семинарию, а во вторую сессию – с 20 января по 8 апреля 1918 года на частных квартирах остались только москвичи, да и те не раз оставались ночевать у нас в Семинарии, так как наступили времена тревожные и опасные для вечерних, а особенно ночных, путешествий по Москве.

По заведенному порядку время наше располагалось так: с 6 час[ов] утра начиналось вставание и умывание. Ежедневно в 7 ч[асов] утра в церквах семинарской и Соборной палаты служились обедни, причем в семинарской церкви обедня служилась кем-либо из епископов в сослужении с другими членами Собора. На клиросе пели тоже соборяне. Обедня кончалась около 9 ч[асов], а с 8 ч[асов] утра открывалась столовая для чаепития.

Нельзя сказать, чтобы соборяне были аккуратными и усердными ежедневными посетителями церкви, но все же почти каждый член Собора хоть ненадолго, хоть для утренней молитвы, заходил в церковь. Постоянным и неизменным посетителем утренней литургии был епископ Оренбургский Мефодий [Герасимов], впоследствии архиепископ Маньчжурский и Харбинский; были и любители церковного пения, во главе с епископом Туркестанским, редко тоже пропускавшие службы. Однако я помню один случай, происшедший как раз с нашим архиепископом Вениамином [Муратовским], когда ему пришлось служить литургию одному – без священника и диакона. Таковую архиерейскую службу я видел в первый и единственный раз в своей жизни. Всем нам, соборянам, стало стыдно, и после того литургии всегда совершались епископами в сослужении с кем-либо из священников и диаконов, а мы – симбиряне, – чтобы загладить вину перед нашим архипастырем, согласились, – по моему предложению – впредь все пятеро участвовать в его архиерейской службе, и с той поры всякий раз, когда служил арх[иепископ] Вениамин, мы – трое мирян, иподиаконствовали. В последний раз мы участвовали в службе нашего владыки в канун и день Благовещения в 1918 году.

Ровно в 10 часов утра общей молитвой в Соборной палате открывалось пленарное заседание, длившееся до 2¼–2½ часов дня с одним перерывом около полудня на полчаса для завтрака, который можно было иметь тут же, в Епархиальном доме, в буфете. Тотчас после окончания заседания в столовой семинарии подавался обед из двух блюд, за который, равно как за ужин и кипяток, мы, каждый, ежемесячно платили эконому

семинарии. Обед был сытный и вполне удовлетворительный, но с течением времени – по мере оскудения Москвы съестными припасами – обед становилось давать все труднее, а в особенности туго приходилось с хлебом, которого не было, и нам давали его по одному маленькому куску.

Лично я от отсутствия хлеба не очень страдал, так как, бывая в Дурасовке, всегда увозил оттуда с собою мешок черных сухарей, которыми и питался. Во вторую сессию – в конце февраля – в Москву приезжал даже специально посланный ко мне Елизаветой Александровной Г.О. Озолинг с запасом сухарей и окороком, которым мы – я, о. Григорьев и В.А. Рождественский, – всегда пившие утренний и вечерний чай вместе, – и подкреплялись, съедая каждый вечер за ужином по куску. Время тогда было совсем голодное, и кусок ветчины с салом был существенным подспорьем обычной нашей еды – черных сухарей, размоченных и запиваемых чаем.

Кстати, здесь не могу не вспомнить одного случая: приблизительно в конце марта, проходя по Петровке, я увидел в окне какого-то магазина французскую булку. Белого хлеба я не ел и не видел тогда несколько месяцев. Цена за булку была назначена такая, которую я заплатить не мог, и вот, продолжая свой путь по Петровке и дальше к Каретно-Садовой, я стал думать о белом хлебе, и так сильно мне захотелось этого хлеба, что я не мог себе раньше этого представить. Вхожу я под этим впечатлением в нашу семинарию, а мне навстречу попадает член Собора от Приморья крестьянин Шепелев с двумя горячими, только что испеченными из привезенной им с собою муки хлебами. Долго я боролся с собой, но не выдержал и попросил у него кусок. Впоследствии, в 1921 году, судьба свела нас с ним вместе в Приамурском Народном Собрании во Владивостоке, и мы, вспоминая этот случай, стали друзьями.

В 5 часов вечера служилась вечерня, а с 6 часов начинались занятия по отделам, если не было вечернего пленарного заседания Собора. Занятия кончались к 8½–9 часам, когда в столовой подавался ужин, после которого обыкновенно в актовом зале происходили лекции, доклады или сообщения по вопросам, интересующим Собор.

Наряду с лекциями и докладами, относящимися непосредственно к предметам ведения Собора, были и такие, как сообщения епископа Камчатского Нестора [Анисимова] о Камчатке, священника Л.И. Туркевича [24]⁵³ – о жизни и деятельности православных в Америке, лекции выразительного чтения Сладкопевцева, лекции профессора Новгородцева и других, а время от времени – по праздникам – хор той или другой московской церкви угощал нас духовным концертом в Соборной палате.

Нас знакомили с образцами древнерусского письма икон и со способами их очищения и реставрации, с памятниками церковного зодчества и пр. Одним словом, все время буквально у нас было занято, и даром его мы не теряли.

Члены Собора, бывшие членами Государственной Думы, – Шидловский, граф Бобринский, Шейн, Родзянко, Потулов, протоиерей Станиславский [25]⁵⁴ и другие не раз говорили, что они поражены работоспособностью такого многочисленного собрания, каким являлся Собор, и что в этом отношении он далеко опередил Государственную Думу. Немало этому, по их словам, способствовал и тот режим, которому подвергались члены Собора в своей жизни и работе, и та постоянная общность членов друг с другом, которая создается и создавалась общежитием в семинарии.

Посещение заседаний Собора контролировалось ежедневно: каждый член Собора обязан был перед каждым заседанием собственноручно расписываться на контрольном листе, при отсутствии же такой расписки день для члена Собора считался пропущенный и влек за собою лишение суточного вознаграждения в сумме 20 рублей, если, конечно, такое отсутствие не последовало по уважительным причинам.

Если теперь обратиться к тому, что было сделано Собором в течение двух сессий, продолжавшихся в общей сложности около полугола, то действительно приходится удивляться. За это короткое время Собор успел выработать и принять положения о Высшем Церковном Управлении Русской Православной Церковью, об Епархиальном Управлении, обширный Приходской Устав и целый ряд более мелких по

объему, но не менее существенных для Церкви законоположений, не говоря уже о том, что Собору то и дело приходилось отрываться и посвящать свое время вопросам, выдвигаемым государственною и общественною жизнью взбаламученной России.

Можно сказать, что главнейшую и существеннейшую работу, за исключением, к сожалению, рассмотрения вопроса о снятии соборных клятв и воссоединении таким путем православных со старообрядцами, Собор успел проделать в это короткое время и этим дать твердое основание для дальнейшего закономерного существования Русской Православной Церкви в наступившие для Нее и Русского народа тяжелые годы гонения и лихолетья.

Однако излагать здесь эти работы и говорить по существу их я не буду: все это, несомненно, записано и хранится в Соборных Деяниях, я же опишу лишь те случаи и картины, которые я наблюдал и видел, те моменты, которые мне пришлось переживать в это незабываемое время и которых не найти, разумеется, в Соборных Деяниях.

И, следуя в хронологическом порядке, я вспоминаю, прежде всего «Корниловские дни» 29–31 августа ст. ст. Незадолго до этого времени наш В. Н. Львов внезапно куда-то исчез и очутился, как оказалось, в гуще совершающихся событий. Роль его в корниловском выступлении общеизвестна; скажу только, что с той поры Собор его больше в своей среде не видал, а у нас распространились слухи о его психическом заболевании.

Обсуждению того, что случилось, Собор посвятил целый день 30 августа до поздней ночи. В результате, совершив моление об избавлении России от междоусобной брани, Собор, по предложению, кажется, члена Собора от Владикавказа графа П. М. Граббе, никогда – кстати сказать – не снимавшего с бешмета погон и знака, учрежденного в память трехсотлетия Дома Романовых, – обратился к Временному правительству с телеграммой о предотвращении кровопролития и о проявлении милосердия[26]⁵⁵.

К концу августа организовались и начали свои работы отделы Собора; их было сначала 15 отделов; затем число их увеличилось. Я записался и работал в отделах: о Высшем управлении Церкви, о Церковном суде и в издательском отделе. Главная работа моя в первую сессию протекала в Отделе Высшего Церковного Управления, где председателем был [архи]епископ Астраханский Митрофан [Краснопольский], а товарищем председателя П. Б. Мансуров, и в отделе о Церковном суде, возглавляемом арх[иепископом] Сергием [Страгородским] Владимирским⁵⁶, мягким, деликатным ученым, но довольно не стойким в отстаивании своих мнений человеком, к тому же очень плохо слушающим, а во вторую – в издательском отделе.

Отдел о Церковном суде был самый немногочисленный. В него хотя и записалось 40 человек, но работало значительно меньше. Главными работниками там были – товарищ председателя Н.В. Цветков, архиепископ Казанский Иаков [Пятницкий], епископ Псковский Евсевий [Гроздов], князь Чегодаев, о. А. Пономарев, Архангельский и, пожалуй, я. Там же с нами работал и о. Симеон Мии – член Собора от Японской Церкви из Токио.

Работы обоих отделов – о Высшем управлении и Церковном суде – были в первую сессию кончены, и положение о Высшем Церковном Управлении было Собором принято перед Рождеством. Положение же о Церковном суде на рассмотрение Собора не успело быть внесенным и так осталось проектом, о чем, по правде говоря, нечего и сожалеть, так как наш проект явился сколком с судов гражданских и «церковного» там было очень мало.

Чрезвычайно интересным оказался издательский отдел по той работе, которая в нем зарождалась и выпала на него в особенности во вторую сессию, когда наступило господство большевиков и когда все почти типографии перешли в их руки. В этом отделе было записано 47 членов Собора. Председателем был энергичный епископ Вятский Никандр [Феноменов], а главными работниками – епископ Пермский Андроник [Никольский], этот «Огонь Пылающий», как звали его

между собой соборяне, протоиерей Аггеев, Лахостский и Хотовицкий, бывший когда-то священником в Америке и в Финляндии, а затем ставший ключарем храма Христа Спасителя, способный и энергичный администратор и прекрасный оратор, профессора: С.Н. Булгаков, прошедший в члены Собора вместе с моим сослуживцем по Симферопольскому Окружному Суду А.А. Садовым от нечуждой мне Таврической губернии, где у обоих их имелись на Южном берегу дачи, и М.А. Остроумов, князь Г.Н. Трубецкой, генерал Л.К. Артамонов и незабвенный Афанасий Васильевич Васильев, кажется, генерал-контролер Государственного Контроля, маленький старичок, очень живой и подвижной, всегда ходивший в длинном кафтане. Украшенный седою бородою, он походил на ка- кого-то гнома. Славянофил, чуть ли не последний из кружка Третья Ивановича Филиппова, Афанасий Васильевич Васильев скоро стал общим любимцем, и ныне трудно бы мне было представить Собор без его колоритной фигуры.

У

Наступило 14 сентября – день Воздвижения Животворящего Креста Господня, когда Собором было назначено в Москве и Петрограде общенародное молебствие.

Накануне ко мне случайно приехали два беклемишевских крестьянина с просьбой помочь им сделать закупки в Центросоюзе для возникшего у нас в Беклемишеве кооператива. Разумеется, им захотелось посетить вместе со мной и общенародное молебствие. Мне удалось достать для них пропуск на обедню в тот день в Успенском соборе и захватить их потом оттуда с собой в крестном ходе нашего Собора, вышедшего из Успенского [собора – *Сост.*] на Красную площадь, на Лобное место.

День выдался прекрасный; Красная площадь была залита народом, и Лобное место, на котором собрался в блестящих облачениях сонм епископов, окруженный многочисленным духовенством и лесом запрестольных крестов и хоругвей московских и кремлевских церквей, являл чудесное, непередаваемое по своей красоте зрелище, а когда с

возвышения Лобного места гигант протопресвитер Любимов своим густым, громоподобным басом внятно и четко начал читать народу послание Собора, то мысль невольно перенеслась к Старой Москве – столице Тишайшего.

Любопытно отметить, что в тот день вместо запричастного в Успенском соборе член Собора, кажется, морского духовенства из Севастополя, протоиерей Георгий Спасский²⁷, поборник в Соборе безбрачия духовенства, блестящий, незабываемый церковный оратор, сказал великолепную и сильную проповедь, произведшую на всех нас, «ученых» соборян, огромное впечатление, и когда я потом спрашивал гостей-земляков, вполне разумных и развитых сельчан, – как им понравилась проповедь о. Спасского, то они отвечали, что «проповедь протопресвитера Любимова была много лучше». Между тем соборное послание было написано в церковных, славянских тонах, слово же о. Спасского было ярко, сочно и сказано прекрасным современным русским языком. То же мнение потом слышал я кое от кого и из крестьян – членов Собора.

С этим посещением меня моими земляками-беклемишевцами произошел курьез. С сентября до декабря в первую сессию Собора я прожил не в общежитии семинарии, а на квартире своего старого друга Л.А. Зубелевича, получившего назначение товарищем прокурора Киевской судебной палаты и уехавшего в Киев, квартиру же свою около Сухаревской башни, на Третьей Мещанской, оставившего за собой. Вот в эту-то квартиру ранним утром 13 сентября неожиданно для меня и явились беклемишевцы. Я сидел тогда за чаем, который пил с моими черными сухарями; больше у меня ничего не было. Посылать за хлебом и за каким-либо угощением для моих неожиданных гостей мне было некого, а самому идти, оставив их одних, тоже показалось неудобным, да к тому же я спешил, я и предложил им то, что имел сам, – сухари и чай, не думая, разумеется, о том, что из этого выйдет. А впоследствии, когда они вернулись домой, то с большим для себя удивлением рассказывали о том, за какой пищей они застали меня и как я скудно, по их мнению, питаюсь в первопрестольной. Эти рассказы в преувеличенном, как всегда, виде дошли до жены и

очень ее взволновали. Этим в значительной степени надо объяснить и присылку ею впоследствии в Москву нашего управляющего с продовольствием для меня, о чем я говорил раньше, и то малое удивление наших односельчан, когда они впоследствии увидели меня за плугом и другими полевыми работами: «по Сеньке и шапка» – решили, вероятно, они...

Вскоре состоялась и наша поездка в Троице-Сергиеву лавру. Для поездки туда и обратно Собору был предоставлен отдельный поезд, состоящий из классных вагонов. Мы выехали утром с причтом Успенского собора, везшего с собой ковчежцы со Святынями. Когда поезд подошел к станции Сергиево, то благовест к обеду в лавре перешел в трезвон. Встреченные жителями Посада, мы с крестным ходом двинулись к Лавре, где были встречены братией ее. Когда мы вошли в древний Троицкий собор, началась литургия, а после нее – молебен у раки угодника.

Я стоял на клиросе и возле меня, помню, стоял М.В. Родзянко, который затем прекрасно басом пропел всю, видимо, хорошо ему знакомую службу.

После обедни была в Трапезной церкви общая трапеза, во время которой был по обычаю соблюден и обряд поклона, сохранившийся со времен святого преподобного Сергия.

Когда просветитель Пермской Земли св. Стефан возвращался из Москвы в Пермь и проезжал лесами недалеко от пустыни, в которой трудился и подвизался святой преподобный Сергей, то, как гласит предание, оба подвижника одновременно, один выйдя с подводы, на которой ехал, а другой поднявшись из-за трапезы, за которой сидел, с братией, поклонились друг другу, а когда братия спросила своего Игумена, что значит этот поклон, то Преподобный объяснил им, кто в этот момент проезжает недалеко от них и кого он приветствовал поклоном.

За трапезой от Лавры каждому из нас раздавали благословение Обители – маленькие деревянные образа святого преподобного Сергия.

В моем беженстве и эмиграции у меня не сохранилось ни одного образа, ни дедовского, ни родителей моих, ни

венчальных икон: все это осталось в нашем доме в Симбирске, а были среди них и старинные и ценные иконы, и только одна эта икона – благословение меня лаврою, как члена Церковного Собора, находится со мною и поныне.

После трапезы нам показывали ризницу лавры, всегда охраняемую военным караулом. Мне раньше много раз случалось посещать лавру, но историческую, богатейшую ризницу ее я видел в первый раз. Все несчетные богатства ее, теперь, вероятно, уже большевистскою властью расточенные, были ничто, однако, в сравнении с небольшими ветхими раскрашенными деревянными потиром и дискосом, на которых Преподобный в скудости своей возносил бескровную жертву. Где они – эти священные предметы, пережившие свыше пяти веков? Целы ли они ныне?..

После вечерни поезд наш отвез нас в Москву.

VI

Среди заседаний Собора того времени надо отметить заседание 27 сентября. Оно началось с заявления Харьковского Союза сельских хозяев и земельных собственников, в котором Союз просил Собор призвать население к прекращению той эпидемии незаконных захватов и убийств землевладельцев, которая начинает свирепствовать по России. По этому поводу выступил с речью бывший, кажется, член Государственного Совета москвич граф Олсуфьев, а вслед затем были заслушаны еще два заявления – от духовенства Глазовского уезда и протоиерея А. М. Станиславского – от Харьковской епархии – о необходимости Собору выявить свое отношение к предстоящим выборам в Учредительное Собрание и, может быть, указать даже желательных кандидатов.

Такое предложение сразу вывело наружу то, что до сих пор скрывалось еще в недрах самого Собора: ряд выступавших По этому поводу ораторов выявил резко группы наших церковных «вигов» и «торигов». Других групп не появилось.

До сих пор наши «виги» – титлиновцы, как их называли, по фамилии профессора Петроградской Духовной Академии Б. В. Титлинова – редактора издававшегося в то время этой Академией «Всероссийского церковно-общественного вестника»

под девизом: «Свободная Церковь свободного народа» и игравшего среди церковно-общественных кругов весьма крупную роль, называя лиц, не разделявших их обновленческих теорий, приведших в конце концов к так называемой «Живой Церкви», – страшным в то время и бранным именем «консерваторов», – пытались, и часто им это удавалось, – влиять на «ториев», но в заседании 27 сентября, впервые и явно, последние решились и перестали бояться привешенного им ярлыка. После многих и страстных речей, когда выяснилось, что огромное большинство членов Собора отмечает лукавые уговоры Титлинова, Ф. Г. Кашменского и других о невмешательстве Собора в политику, – восторжествовала другая точка зрения, за которую тогда выступал с кафедры Собора и я, выраженная одним из ораторов – молодым, одухотворенным красавцем-архимандритом Матфеем [Померанцевым] – ректором Пермской семинарии, словами: «Собор должен и будет продолжать традицию великих русских святителей московских. Мы – дети их – должны поступать по следам отцов и не отказываться, не отклоняться от дела улучшения и строительства русской жизни».

С этого дня довольно быстро последовал ряд событий, приведший к тому, что Титлинову пришлось оставить и Собор и редактирование «Всероссийского церковно-общественного вестника», а сторонникам его – оставить надежды на руководство, хотя бы и скрытое, закулисное, – Собором. Последнею каплею, переполнившей чашу, было заседание 2 октября, как раз по поводу издательства этого «Церковно Общественного Вестника», причем здесь открылось столько возмутительного из деятельности Временного правительства в лице его обер-прокурора В.Н. Львова, что стоит рассказать об этом поподробнее.

Еще в начале сентября в издательском отделе Собора возникла мысль о необходимости Собору иметь свой печатный орган. Вместе с тем выяснилось, что таким органом легче всего и лучше всего мог бы стать «Всероссийский церковно-общественный вестник», издающийся Петроградской Академией за счет обязательной подписки церковью России и по сие время в

хозяйственном отношении остающийся в ведении хозяйственного управления Святейшего Синода, а в то же время в литературном отношении с марта 1917 г. занявший, при содействии В.Н. Львова, совершенно обособленное от Синода положение. Из доклада профессора Л.И. Писарева и речей бывших членов Синода митрополита Тихона, архиепископов Сергия [Страгородского] Владимирского и Арсения [Стадницкого] Новгородского выяснилось, что передача газеты в ведение Петроградской Академии состоялась по так называемому «походному журнальному определению» Святейшего Синода, подписанному двумя его членами – архиепископом Сергием и протопресвитером Шавельским, и затем пропущенному к исполнению обер-прокурором Львовым, вопреки особому мнению митрополита Тихона, к которому впоследствии присоединились и все прочие члены Синода. Когда дело это приняло такой – нежелательный для Львова – оборот, то Временным правительством Синод был распущен и заменен новым.

Когда все это было выяснено, выяснено и то, как теснило Временное правительство в лице обер-прокурора иерархов за их мнения, не угодные обер-прокурору – речи приняли страстный характер: с укоризнами к Синоду обратился граф Бобринский, с укором к Титлинову – о. А. Пономарев, остановленный даже Председателем, но с особенно сильной, полной сарказма речью выступил член Собора – харьковец И. М. Бич-Лубенский. В ответ на эту речь Титлинов заявил, что на такие слова он может ответить только «прикосновением руки к физиономии». Разразившаяся при этих словах буря в Соборе была укрощена только тем, что кто-то запел и вслед за ним мало-помалу запели и все – «Достойно есть»...

Впоследствии не раз случалось тушить разгоревшиеся слишком страсти тем же способом: пропойт все молитву, чаще всего «Заступницу усердную», и далее заседание идет уже в других, совершенно покойных, деловых и мирных тонах.

Удивительно красивую и умирительную картину являл собою Собор в такую минуту, особенно во время вечерних пленарных заседаний! Соборная палата полна взволнованными

и нередко подающими реплики с мест членами, а впереди – в ночном сумраке церкви – едва виднеется иконостас, освещаемый мерцающими лампадами у местных образов. И вот разрастается неожиданно словесная буря, и в самый разгар ее поднимаются на ноги один за другим члены Собора и четверть сотен мужских низких голосов, оборотившись лицом к алтарю, поют молитву. Молитва кончена. Председательствующий обращается к стоящему на кафедре оратору и просит продолжать, а у того уж и пыл простыл, и спокойствие в палате водворилось...

Результатом заседания 2 октября было: во-первых, передача издательства «Вестника» Синоду и поручение редакторства члену Собора протоиерею П. Н. Лахостскому, начавшему выпускать газету уже с новым лозунгом: «И познаете Истину, и Истина сделает вас свободными» (Ин.8:32), и, во-вторых, уход из Собора профессора Титлинова, вскоре, впрочем, очутившегося вместе с известным впоследствии дельцом «Живой Церкви» священником Александром Введенским в предпарламенте в качестве представителей «Союза духовенства и мирян», причем, как видим, и месяца не прошло с тех пор, как он доказывал о необходимости Собору быть аполитичным и не вмешиваться никак в вопросы, касающиеся созыва Учредительного собрания.

Покидая редакцию «Церковно-общественного вестника» Б.В. Титлинов не удержался, чтобы не ослабить реакционностью Собор еще лишний раз. Так, в последнем, вышедшем за его подписью №125 «Вестника» он писал: «Мы вступаем в полосу реакции... в церковной жизни она уже побеждает. Здесь уже выкинуты вполне определенные лозунги не только реакции, а прямо реставрации старого церковного режима... Покидая ту трибуну, которую отдала в ее руки революция, идея „свободной Церкви свободного народа“ найдет для себя новую трибуну, откуда ее голос раздастся еще громче, чем он раздавался до сих пор». Этой новой трибуной явилась, очевидно, для господина Титлинова «Живая Церковь», видным деятелем которой он впоследствии и стал.

Инцидент Бич-Лубенского с Титлиновым и выступление графа Бобринского имели своим последствием: первый – слово Председателя Собора митрополита Тихона, а второе – обширную речь, произнесенную протопресвитером Любимовым как членом Синода по уполномочию и от имени последнего.

Митрополит Тихон в своем слове Собору, коснувшись происшедшего в вечернем заседании столкновения Бич-Лубенского и Титлинова и заявив, что «это вперед отнюдь не должно иметь места», между прочим сказал: «Не следует забывать, что у нас не товарищеское собрание, а Священный Собор. Мы заседаем в храме, вот пред нами аналой со Святым Крестом и Евангелием. Эта кафедра – священное место. Каждому приближающемуся следует помнить слова, сказанные Моисею из Купины „Иззуй прежде сапоги от ног своих. Место, на котором ты стоишь, – земля святая” (Исх.3:5). Входя на эту кафедру, мы должны очистить свой ум от страстей».

И в обычай наш вошло, входя на кафедру, осенять себя крестным знаменiem.

Протопресвитер Любимов поведал Собору то тяжелое положение Синода, в котором последний очутился во время начавшейся революции, когда на местах «власти епископской не слушались, Консистории не признавали, а против самоуправства ничего нельзя было сделать, и оставалось только просить и молить, чтобы поняли и подчинились законной власти». Не оправдывая действий обер-прокурора В. Н. Львова, о. Любимов отрицал угодничество нового Синода перед ним и говорил, что они «со слезами на глазах просили В. Н. Львова изменить тактику в отношении к Церкви». Касаясь отношений Синода и Собора, о. Любимов просил твердо запомнить во избежание всяких недоразумений, что «Святейший Синод смотрит на себя как только на исполнительный орган Собора, считает все его постановления для себя обязательными».

Тогда же, помнится, Собору пришлось отозваться на обращение к нему петроградских раввинов[28] по поводу разгромов и осквернения синагог в Галиции и Буковине русскими войсками. Заслушав это сообщение, Собор поручил митрополиту Тихону немедленно по телеграфу снести с

Верховным главнокомандующим А. Ф. Керенским и просить его принять меры к прекращению подобных явлений, «позорящих звание русского воина», а также приказал всему духовенству, обслуживающему воинские части, в проповедях и беседах разъяснять войскам преступность кощунства и глумления над чужими вероисповеданиями.

Наконец, около того же времени Собором был рассмотрен больной и жгучий в то время вопрос об отнятии у Церкви школ и необязательности преподавания в них Закона Божия. Дело в том, что законом Временного правительства от 20 июня 1917 г. все школы разных ведомств – в целях введения всеобщего обучения – были объединены в ведомстве Министерства народного просвещения; был вместе с тем и поднят вопрос о необязательности обучения в школах Закону Божию.

После многих прений по обоим этим вопросам Собор постановил избрать особую депутацию к министру-председателю, чтобы просить в его лице Временное правительство отменить закон [от] 20 июня в части, касающейся передачи Министерству народного просвещения церковноприходских школ, второклассных и церковно-учительских, которые должны остаться в ведении приходов и Церкви, в которой учительство всегда являлось одной из главнейших Ее задач. В депутацию были избраны: архиепископ Тамбовский Кирилл [Смирнов], протоиерей А.М. Станиславский, профессор Н.Д. Кузнецов и П.И. Уткин – крестьянин Пермской губернии.

Депутация эта была принята министром-председателем А. Ф. Керенским в Петрограде 11 октября, и, несмотря на то, что прием ей был назначен заранее и представлял ее Министр исповеданий Карташев, ей пришлось все же ждать более 40 минут. Когда архиепископ Кирилл, приветствуя, благословил А.Ф. Керенского, то тот, не приняв благословения, пожал ему руку, как светскому человеку. После беседы, в которой принял участие каждый из названных депутатов, последним было сообщено, что ходатайство Собора, касающееся школ, уважено быть не может, что же касается обязательности преподавания в школах Закона Божия, то личное мнение А.Ф. Керенского

склонялось к тому, что в этой части просьба Собора может встретить поддержку Временного правительства: во всяком случае 14-летний возраст, как срок религиозного самоопределения, он признал неприемлемым и сказал, что это повело бы «к распущенности ребят».

Общее впечатление от посещения А.Ф. Керенского у соборян-делегатов было такое, как потом об этом докладывал Н.Д. Кузнецов Собору, что было видно, что Временное правительство решилось вступить на путь отделения Церкви от государства: «Мы почувствовали, – говорил он, – что порвана нить между нами, и мы вступаем в новый период, который несет новые возможности и испытания. Русское государство разрывает связь с Христовой Церковью».

Никто не подозревал тогда, что уже у порога, «при дверях»⁵⁷, стоит большевистская Октябрьская революция, при которой Церковь ждут не только отделение Церкви от государства, а гонения, поношения и долгая, беспощадная, чисто сатанинская вражда.

VII

Надвинулись эти страшные дни для Собора – неожиданно, сразу: Собор был поглощен вставшим на очередь вопросом о Патриаршестве, внесенным на рассмотрение пленума Собора отделом Высшего церковного управления в лице докладчика – председателя Митрофана [Краснопольского], епископа Астраханского. По вопросу этому записалось на очередь 52 оратора, и казалось, что прения продлятся чуть ли не до Рождества. Однако прошло менее месяца, как Русская Православная Церковь возглавлена была Патриархом.

Не лишним будет здесь привести по этому поводу слова архиепископа Харьковского Антония [Храповицкого], сказанные им за трапезой у Святейшего Патриарха 21 ноября 1917 г. – в день посвящения последнего. Владыка Антоний говорил:

«Три месяца тому назад, также в праздник Пресвятой Богородицы, также после служения в Ее Успенском соборе, собрались мы, почти в том же составе. Но кто бы мог тогда надеяться, что вторичное наше собрание будет иметь своею причиною то великое событие Российской и Всемирной истории

церковной, которое нас объединило и объединяет сегодня? Пошлине не от людей, а от Всемогущего Бога устроилось это событие. Будем ли скрывать, что со смутным чувством и даже с некоторым подавленным настроением духа съезжались в августе на Церковный Собор церковные люди, духовные и миряне? Будем ли замалчивать то обстоятельство, что мутными облаками было тогда затянуто то солнышко жизни церковной, которое начинает проясняться настоящей осенью? Ведь тогда – т. е. прошедшею календарною весною и летом около самых верхов и сердцевин церковной жизни раздавались, и даже преобладали, голоса, чуждые церковного духа и нередко враждебные ему, но вот мы помолились в день Успения в чудотворном храме сего праздника, и над нами сбылось Господне обетование: „идеже два или три собраны во имя Мое, ту есть посреде их”⁵⁸. С первых же заседаний нашего Собора начал превозмогать дух веры, дух послушания законам Св. Церкви, дух терпения и любви. Собор все дружнее и дружнее, все смелей и прямей стал исповедовать свою непреклонную решимость не изменять, не коверкать Христовой веры и Церкви, но восстанавливать в нерушимой чистоте и красоте то, чего она стала лишаться со времен подчинения ее немецкому влиянию, со времен Петровых. Не человеческими усилиями – не человеческим умом велось и утверждалось доброе направление Собора, а воздействием Божественной Благодати. Если бы в день Успения – заключил свое слово владыка – кто-либо сказал, что в день Введения совершится посвящение Всероссийского Патриарха, то ему бы ответили, что это может совершиться только чудом Божиим».

И действительно, когда впервые в Соборной палате тот же архиепископ Антоний выступил 6 сентября с лекцией о Патриаршестве, в которой доказывал, что «Патриаршество необходимо нам как религиозно-нравственный центр, как средоточие наших религиозных упований и как могучая опора в борьбе с расшатанностью всех основ религиозной мысли и жизни» – и когда с лекциями противоположного характера выступил ряд ораторов, никто бы не поверил, что

Патриаршество в России будет восстановлено нашим Собором, и так скоро, и так единодушно.

Несомненно, что этому много содействовали и те исключительной важности события, которые произошли в Петрограде и в Москве.

Началась Октябрьская революция, и на Воробьевых Горах загрохотали пушки, а на улицах Москвы – пулеметы. С полночи 28 октября раздалась в Москве канонада, начался обстрел Кремля и бой на улицах.

В это-то самое время Собор, не прекращавший своих заседаний, с особенной чуткостью и ясностью осознал всю необходимость возглавления Православной Церкви распадающейся и гибнущей России Патриархом «Московским и всея России».

«Когда идет война, – говорил епископ Митрофан [Краснопольский], – то нужен единый вождь, без которого воинство идет вразброд; нужно орудие для собирания, для объединения Руси».

Другой член Собора П.И. Астров говорил: «Будем на минуту оптимистами. Пройдет нынешнее наваждение. Илья Муромец, сиднем сидящий, не умрет, встанет. Встряхнется тогда Русь и обратится к своим исконным началам: будет с Собором и Патриархом».

Прения продолжались, но вот наступило 28 октября, в ночь на которое, как сказано, загрохотали пушки. Пленарное заседание Собора началось молебствием об умиротворении Русской Державы, при общем пении членов Собора, а когда открылось заседание и председатель митрополит Тихон напомнил о том, что сейчас происходит в городе, и призвал к спокойному продолжению занятий, «которые более чем когда-нибудь нужны в эти важные и тревожные дни», то протоиереем Лахостским за подписью 60 членов Собора было внесено предложение о прекращении дальнейших прений по вопросу о восстановлении Патриаршества в России и немедленном голосовании внесенного по этому поводу отделом о Высшем церковном управлении предложения. Предложение о Лахостского было принято.

В следующем заседании – 30 октября – за подписью 79 членов Собора поступило заявление о том, чтобы немедленно, в ближайшем же заседании, приступить к избранию Патриарха.

Это заявление еще накануне было рассмотрено Соборным Советом, наметившим такой путь избрания Патриарха: Собор поименным голосованием избирает абсолютным большинством голосов трех кандидатов в Патриархи, и один из них, чей жребий будет вынут после молебствия и литургии, – становится Патриархом.

Предложение это горячо было поддержано Собором; выступавшие по этому поводу члены Собора П.И. Астров и генерал Л.К. Артамонов умоляли исполнить то, «что составляет долг наш перед родиной». Предложение было принято, и Собор после обсуждения некоторых вопросов, связанных с избранием Патриарха, решил приступить к указанию кандидатов записками.

Между прочим, Собором было решено, что порядок избрания Патриарха, как не установленный еще Собором, устанавливается только на этот раз, и на этот раз выбирать Патриарха только из лиц священного сана, а не из мирян.

Собор, воспев тропарь: «Благословен еси Христе Боже наш, Иже премудры ловцы явлей...», приступил к указанию записками желательных кандидатов. Таковыми наметились: архиепископ Харьковский Антоний [Храповицкий] (101 голос), архиепископ Тамбовский Кирилл [Смирнов] (27 голосов), митрополит Московский Тихон (23 голоса), митрополит Тифлисский Платон [Рождественский] (22 голоса), архиепископ Новгородский Арсений [Стадницкий] (14 голосов), митрополит Киевский Владимир [Богоявленский], архиепископ Кишиневский Анастасий [Грибановский] и протопресвитер Г. И. Шавельский (по 13 голосов каждый), архиепископ Владимирский (бывший Финляндский) Сергей [Страгородский] (5 голосов), по 3 голоса получили архиеп[ископ] Казанский Иаков [Пятницкий] и архимандрит Иларион [Троицкий] и по два голоса или одному: митроп[олит] Питирим [Окнов], архиепископы Ярославский Агафангел [Преображенский], Алеутский Евдоким [Мещерский], Воронежский Тихон [Никаноров], Волынский Евлогий

[Георгиевский], епископы: Уфимский Андрей [Ухтомский], Полтавский Феофан [Быстров]²⁹, Омский Сильвестр [Ольшевский], Калужский Феофан [Туляков], Смоленский Феодосий [Феодосиев] и Екатеринославский Агапит [Вишневский] и протопресвитер Н. А. Любимов. Три голоса получил также Александр Дмитриевич Самарин, несмотря, как сказано, на только что принятое Собором решение – на этот раз из мирян Патриарха не избирать.

За поздним временем заседание было закрыто, и выборы назначены на завтра.

Завтра – 31 октября – после молебствия Собор в составе 309 членов под председательством облаченного в мантию митрополита Тихона приступил к избранию трех кандидатов в Патриархи.

Пригласив всех членов Собора осенить себя крестным знаменем, митрополит Тихон сказал:

«Отложим страсти и всякие личные взгляды и стремления и не будем руководствоваться какими-либо личными склонностями, симпатиями и антипатиями, но будем руководствоваться мыслью о том, что мы должны выбирать лицо, которое принесло бы пользу Святой Православной Церкви и послужило бы прославлению имени Божия. Помолимся Господу, чтобы Он ниспослал нам Духа Божия, чтобы Он вселился в нас и привел нас к единомыслию, чтобы мы не свои глаголы глаголяли, а глаголы Божии; чтобы нашею рукою, нашею тростью и нашими мыслями при написании кандидатов в Патриархи руководил сам Дух Божий. Буди светлость Господа Бога нашего на нас, и дела рук наших исправи!»⁵⁹.

Началась подача записок при поименном вызове каждого члена Собора к урне, и затем подсчеты. Выяснилось, что для того чтобы быть избранным, необходимо иметь не менее 155 голосов.

При подсчете оказалось, что лишь один архиепископ Антоний Харьковский получил 159 голосов и таким образом оказался избранным одним из трех кандидатов; из остальных получивших менее 155 голосов, но более 100, – были:

митрополиты Тихон и Платон [Рождественский] и архиепископы Арсений [Стадницкий] Новгородский и Кирилл [Смирнов] Тамбовский; прочие же в числе 16 получили менее 100 голосов.

Все пропели избранному кандидату архиепископу Антонию «аксиос» и приступили тем же порядком ко вторичному голосованию, при котором опять-таки только один – архиепископ Новгородский Арсений получил 199 голосов, следующие же за ним митрополиты Тихон и Платон получили: первый – 137, а второй – 97 голосов, прочие же десять человек – еще того меньше.

Приступили к избранию третьего кандидата, и на этот раз голоса были поданы только за пятерых, получивших: митрополит Тихон – 162 голоса, митрополит Платон – 74, архиепископ Тамбовский Кирилл – 35, митрополит Владимир [Богоявленский] – 5 и архиепископ Кишиневский Анастасий [Грибановский] – 11. Таким образом избранным третьим кандидатом оказался митрополит Тихон.

Заседание окончилось перед вечерней, а о том, когда и где произвести вынутие жребия, – решено было предварительно обсудить в Совещании епископов и в Соборном совете.

Через день – 2 ноября – в Соборе было решено избрание совершить 5 ноября в храме Христа Спасителя пред принесенною туда из Успенского собора Чудотворною Владимирскою иконою Божией Матери.

VIII

Пока в заседании Собора шли по поводу избрания Патриарха обсуждения и прения – из Собора, по его постановлению и избранию, вышла с пением молитв делегация, отправленная для прекращения братского кровопролития, свыше четырех дней уже не прекращавшегося на улицах Москвы. В делегацию эту вошли члены Собора: митрополит Платон, архиепископ Таврический Димитрий [Абашидзе], епископ Камчатский Нестор [Анисимов], архимандрит Виссарион, протоиерей Э.И. Бекаревич, свящ[енник] В.А. Чернявский и крестьяне – А.И. Юдин и П.И. Уткин. Во время же заседания Собора делегация благополучно вернулась и была встречена Собором пением «Заступница Усердная»... Тотчас же

затем митрополит Платон, а затем и прочие члены делегации сделали доклад Собору.

Но прежде, чем привести здесь этот доклад, следует остановиться на личности некоторых из делегатов: на иерархах Димитрии и Несторе и мирянах-простецах Уткине и Юдине.

Архиеп[ископ] Димитрий (князь Абашидзе) [30]⁶⁰, не старый, чрезвычайно живо всем интересующийся и сам интересный собеседник, получил светское образование (окончил Новороссийский университет) и по призванию надел монашескую рясу. После отозвания с Таврической архиерейской кафедры известного аскета преосвященного Феофана [Быстрова], бывшего ранее ректором Петербургской Духовной Академии и духовником государыни, и присутствовавшего на Соборе от Полтавской епархии, как ее правящий архиерей, Таврическим архиереем стал преосвященный Димитрий. С ним, а также с молодым ректором Таврической Духовной семинарии архимандритом Вениамином (Федченковым), во время Собора бывшего уже ректором Тверской семинарии, я познакомился, а потом и сблизился, – осенью 1912 г. в Симферополе, во время выборов в IV Государственную Думу. С обоими ими Бог привел мне и работать в Соборе, и пользоваться их расположением.

В преосвященном Димитрии не угасал дух его воинственных предков, и когда разразилась Великая война, то архиепископ Таврический не усидел в Крыму, а отправился на фронт в Трапезунд, к русским войскам. Горячо любя Россию, преосвященный Димитрий остался ей верен и тогда, когда Православная Церковь родной ему Грузии объявила себя автокефальной и отделилась от Русской. Подвергая себя опасности на линии огня, архиепископ Димитрий приобрел право и был пожалован Георгиевскою лентою для ношения на ней панагии.

На такой же ленте красовался наперсный крест и у епископа Камчатского Нестора³¹, самого молодого в Соборе владыки. Епископ Нестор (Анисимов) тоже получил светское образование в Казанском реальном училище, а затем отправился миссионером на Камчатку. Здесь он был возведен в сан архимандрита и в этом сане в качестве священника

находился во время войны на фронте, где и получил наперсный Крест на Георгиевской ленте. Осенью 1916 года – перед самой революцией архимандрит Нестор был хиротонисан во Владивостоке во епископа Камчатского и Петропавловского.

Несомненно, что эти Георгиевские ленты на святительских мантиях обоих иерархов и белый клобук митрополита Платона – немало импонировали солдатам, тогда еще не успевшим потерять веру в Христа и в родную Православную Церковь.

Мирыне А.И. Юдин от Московской епархии и П.И. Уткин от Пермской были выдающимися среди крестьян, членов Собора. Оба уже не молодые, степенные, искренне верующие и преданные Церкви. Эту свою преданность П.И. Уткин запечатлел впоследствии своей мученической смертью: он был убит, чуть ли не закопан живым в землю, вместе с другим членом Собора красавцем-архимандритом Матфеем [Померанцевым] и епископом Василием [Богоявленским] Черниговским, отправившимися по поручению, кажется Патриарха в Пермь на расследование об убиении архиепископа Андроника [Никольского] [32]⁶¹.

Поручение – идти в самую гущу – в Военно-революционный комитет, Собором и могло быть возложено только на таких делегатов. И они выполнили его мужественно и с честью.

По словам делегатов необычное появление их на улицах среди враждующих со крестом и иконой святителя Ермогена сразу привлекло к ним общее внимание: почти повсюду следование их сопровождалось крестным знаменем, которое на себе полагали встречные; очень многие подходили к владыке Платону под благословение и целовали крест, который он нес в руках. Так беспрепятственно они дошли до генерал-губернаторского дома, на Тверской, в котором помещался Военно-революционный комитет. Здесь их встретила бесконечная лента солдат очень недружелюбно. По адресу их слышалась брань и голоса: «Идите лучше к своим юнкерам!», «Иди в Кремль: там твои!»

«Мы, – рассказывал митр[ополит] Платон [Рождественский], – попали в атмосферу злобы». Окруженные такою солдатскою массою делегаты простояли перед домом довольно долго, пока

какая-то молоденькая еврейка, игравшая, видимо, немалую роль, не явилась посредницей между делегацией и властью, находившейся в доме. Наконец она предложила войти в дом одному только митрополиту Платону, а все прочие должны были ожидать его возвращения на улице.

«Когда я вошел в дом, – говорил Владыка, – то не могу описать, что я в нем увидел: если на улице была грязь, то здесь, в полном смысле, болото. Мне пришлось проталкиваться среди женщин, среди всевозможного народа, с свирепыми лицами, в загрязненном виде. Везде были группы военных и светских лиц и много женщин; все, главным образом, молодежь. Меня провели по ряду комнат, и всюду были часовые. Я говорил, о Боге, о Христе и о заветах любви; я сказал, что Священный Всероссийский Собор не может молчать, когда стон несется по нашей земле, когда ужасом наполняется страна, и Собор послал нас призвать вас к прекращению братоубийства. Тогда какой-то господин, назвавшийся впоследствии Соловьевым, предложил мне сесть и сам сел напротив. Я стал умолять его употребить все силы к прекращению междоусобия; если нужно, добавил я, то я прибегну к последнему средству, – и начал опускаться перед ним на колени. Тогда Соловьев подхватил меня и начал утешать и успокаивать, говоря, что к вечеру уже наступит мир и расправы с юнкерами не будет».

Прощаясь, Соловьев попросил владыку Платона благословить его и сам проводил владыку до памятника Скобелеву, где находились прочие члены делегации. Отсюда делегация в сопровождении провожатого, данного все тем же Соловьевым, отправилась обратно. Прощаясь затем с проводником, архиепископ Димитрий хотел поблагодарить его и дать ему деньги, но тот денег не принял и, поклонившись кресту и всем членам делегации, тотчас же вернулся назад.

Епископ Нестор, рассказывая о своих беседах с солдатами на улице, вывел заключение, что этими беседами можно солдат смягчить, что от беседы получается благоприятный результат, который следует развить и не останавливаться на том, что сделано: «Народ ждет крестного хода и нужно выйти с народом на общую молитву».

Такой призыв епископа Нестора нашел живейший отклик среди членов Собора, в особенности у архиепископа Волынского Евлогия [Георгиевского] и священника С. В. Нежинцева, прозванного за свой рост и дородство «Ослябей», воскликнувшего: «Освященный Собор! Ты один можешь спасти Россию. Не даром Господь Бог собрал тебя в это смутное время. Собор должен немедленно организовать крестный ход из всех московских церквей». «Нам нужно, – говорил другой член Собора Г. А. Чайкин, – выявить лик Христа, перед которым не устоит никакая сила. Мы должны идти с чудными песнопениями Святой Пасхи, и вся Русь пойдет с нами». «Духовенство пусть идет с крестами в руках, а мы возьмем в руки иконы, – предлагал член Собора Т.Г. Суринов, – да будем мы Священным Собором и этим приготовим путь спасения нашей дорогой Родине, которая умирает!»

Однако несмотря на такие призывы, немедленное осуществление Собором крестного хода не состоялось: доводами членов Собора П.И. Астрова, И.В. Фигуровского, генерала Артамонова и тех же А.И. Юдина и П.И. Уткина Собор убедился, что ему предстоит незамедлительно выполнить дело избрания Патриарха, а до этого беречь Собор.

IX

Избрание Патриарха Собором было назначено и состоялось во Всенародном Собрании в ближайшее воскресенье – 5 ноября [ст. ст.] в храме Христа Спасителя.

Торжественную литургию в присутствии всех членов Собора, за исключением иерархов-кандидатов, служивших обедни в других церквях, совершали митрополиты Владимир [Богоявленский] и Вениамин [Казанский] соборне с девятью архиепископами и прочим духовенством из членов Собора. Пели два хора: Синодальный и храма Христа Спасителя. Громадный храм был переполнен молящимися.

По окончании чтения Часов митрополит Владимир проследовал в алтарь, где секретарь Собора В.П. Шейн подал ему на блюде три одинакового размера чистых листка с мастичной на них печатью Собора. Тут же на каждом из этих листков митрополит Владимир в присутствии избранных для

того Собором свидетелей, протопресвитера Любимова, протоиерея Люблинского собора Э.И. Бекаревича, законоучителя Новочеркасской Платовской гимназии В.А. Чернявского, профессорах Духовных Академий, Петроградской – И.И. Соколова и Казанской – П.Д. Лапина и моего земляка крестьянина И.И. Малова, написал по одному имени каждого из кандидатов – архиепископа Антония [Храповицкого], архиепископа Арсения [Стадницкого] и митрополита Тихона и, свернув их одинаковыми трубочками, вложил в ковчежец, который перевязал тесьмою и запечатал сургучной печатью. Ковчежец этот митрополит вынес затем из алтаря и поместил на солее на столике, возле местной иконы Божией Матери.

Началась литургия, причем за ектениями возносились моления о всех трех кандидатах на Патриаршество. Во время чтения Апостола в храм прибыла из Успенского собора Чудотворная Владимирская икона Божией Матери, сопровождаемая митрополитом Платоном и причтом Успенского собора. Чудотворная икона была помещена на столике с ковчежцем.

После окончания литургии и молебна, во время которого все не служившие литургию епископы в мантиях стояли на солее, туда поднялся митрополит Владимир и на глазах всех поднял ковчежец и несколько раз его встряхнул. Тогда к нему подошли митрополиты Платон и Вениамин, архиепископы Казанский Иаков [Пятницкий], Приморский Евсевий [Никольский], Рижский Иоанн [Смирнов] и Кишиневский Анастасий [Грибановский] и вышепоименованные шесть свидетелей и удостоверились, что тесьма и печать целы.

Обратившись лицом к народу, митрополит Владимир разрезал и снял тесьму и благословил приблизившегося к нему члена Собора иеросхимонаха-затворника Зосимовой пустыни Алексия [Соловьева], который, трижды перекрестившись, вынул из ковчежца один жребий и подал его митрополиту Владимиру.

Развернув записку, владыка митрополит показал ее сначала свидетелям, а затем прочел вслух: это был жребий митрополита Московского и Коломенского Тихона.

После того как свидетели тут же удостоверились, что в ковчежце остались две записки с именами прочих кандидатов и, следовательно, жребий вынут правильно, – всею церковью было возглашено новоизбранному Патриарху «аксиос» и «многая лета».

Немедленно затем посольство от Собора в составе тех же лиц, которые были свидетелями при вынудии жребия, во главе с митрополитом Владимиром, отправилось на Троицкое подворье, к проживавшему там митрополиту Тихону, чтобы возвестить ему об его избрании.

Облачившись в мантию и омофор, с митрою на голове, владыка Тихон встретил посольство в Крестовой церкви подворья, где он служил в этот день литургию, и здесь, после краткого молебствия, митрополит Владимир, обращаясь к новоизбранному, произнес: «Преосвященный митрополит Тихон! Священный и Великий Собор призывает Твою святыню на Патриаршество богоспасаемого Града Москвы и всея России», – на что митрополит Тихон ответил:

«Понеже Священный и Великий Собор судил меня – недостойного – быти в таковом служении, благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю».

Вслед за провозглашенным затем ему многолетием высокопреосвященный Тихон обратился к Соборному посольству с кратким словом, в котором, между прочим, сравнил весть об избрании своем со свитком, который должен был съесть пророк Иезекииль и на котором было написано: «плач, и стон, и горе».

«Сколько и мне, – сказал святитель, – придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении, и особенно в настоящую тяжелую годину!»

И каждый из слушающих сознавал, что все это не слова только, а горькая правда; что не венец славы и чести, а терновый – ждет одиннадцатого Русского Патриарха...

Через день – 7 ноября [ст. ст.], владыка Тихон уехал в Троице-Сергиевскую Лавру, чтобы там, у мощей Преподобного Сергия, в уединении, приготовиться ко дню своего поставления на великое и тяжкое первосвятительское служение [33]⁶².

Надо сказать об иеросхимонахе-затворнике Алексии, которому выпала высокая честь вынуть жребий при избрании Всероссийского Патриарха. Это был невысокий сухой старик около 90 лет, с длинною седою бородой и густыми нависшими бровями, делавшими лицо его суровым и строгим. Когда о. Алексей говорил, а говорил он чрезвычайно редко в Соборе, – был совершенно неожиданным его густой и довольно звучный для его лет и внешности бас. Ранее о. Алексей, как говорили, был священником в Московском Успенском соборе, а затем принял схиму и ушел в затвор, из которого, как послушание только, принял избрание от монашествующих в члены Собора. В Москве Алексей пользовался большой популярностью, и во время перерыва заседаний Собора он всегда был окружаем толпой его многочисленных почитателей, испрашивающих у него благословения. Вынимая в храме Христа Спасителя жребий для будущего Патриарха, о. Алексей чрезвычайно и заметно для всех волновался, и вот о таком-то старце-отшельнике впоследствии большевистские газеты писали, что жребий вынимал «монах, уклоняющийся от воинской повинности». Такую «правду» я читал собственными глазами, вернувшись в Москву из Дурасовки 19 ноября [ст. ст.] ко дню наставления Патриарха.

Уместно здесь будет, пожалуй, напомнить вкратце биографические сведения о новоизбранном Патриархе. Митрополит Тихон, в миру Василий Иванович Белловин (Беллавин)⁶³ родился в бедной семье священника Спасо-Преображенской церкви г. Торопца, Псковской губернии. На родине Владыки еще существовал тогда, – в 1917 г. – маленький деревянный домик, в три комнатки, его родителей, отказанный затем, в 1905 г., матерью его – вдовою Анной Г. Белловиной родной Преображенской церкви. В этом домике родился и провел детство будущий Патриарх. По окончании курса Торопецкого Духовного училища, Псковской семинарии и Петербургской Духовной Академии, Василий Иванович Беллавин в 1891 г. принял монашество с именем Тихона и в следующем году был назначен в Холмскую Духовную семинарию, где пробыл до 1897 г. сначала инспектором, а затем

ректором и был хиротонисан во епископа Люблинского. С 1898 по 1907 г. в сане епископа Алеутского преосвященный Тихон прожил в Америке, а в 1907 г., будучи возведен в сан архиепископа, был назначен на древнюю кафедру святителей Ярославских и Ростовских. Здесь, в Ярославле, архиепископ Тихон пробыл до 1913 г., когда ярославцы с сожалением проводили своего любимого архипастыря, избранного ими Почетным гражданином г. Ярославля, в Вильно. Началась война, и архиепископу Литовскому и Виленскому Тихону пришлось эвакуироваться. Уезжая из Вильно, владыка Тихон увез с собою в Москву и мощи виленских угодников [34]⁶⁴. Это последнее обстоятельство было одною из причин, почему в 1917 г., когда по настоянию Временного правительства Святейшим Синодом престарелый митрополит Московский Макарий [Невский] – апостол Алтая – был уволен на покой, – на место последнего в том же храме Христа Спасителя перед тою же Чудотворною Владимирскою иконою Божией Матери архиепископ Тихон, незадолго до созыва Собора, был избран митрополитом Московским и Коломенским. Это и дало впоследствии основание Владыке в том же слове своем соборному посольству, о чем шла речь выше, сказать: «Великим утешением и ободрением служит для меня то, что избрание мое совершается не без воли Пречистые Богородицы. Дважды Она, пришествием Своея Честные Иконы Владимирские в храм Христа Спасителя, присутствует при моем избрании, и я как бы становлюсь под честный Ее омофор».

Рассказывают, что обер-прокурор В.Н. Львов старался провести на митрополичьи кафедры Петроградскую и Московскую архиереев Уфимского Андрея (князя Ухтомского) и Пензенского Владимира (Путятю), но москвичи воспротивились и решили призвать на святительское служение Александра Дмитриевича Самарина, известного своею церковностью и благочестием. Об этом упорно говорили и к тому настойчиво готовились, но перед самыми выборами митрополита А.Д. Самарин внезапно заболел, и настолько тяжело, что дни его казались сочтенными. При таком положении избирать умирающего было бесцельным, и, чтобы противопоставить

львовскому кандидату достаточно авторитетного и сильного, – вспомнили о проживающем в одном из московских монастырей, Литовском владыке, украсившем Москву еще новою святынею из Вильно. Впоследствии, когда Высокопреосвященный Тихон был уже избран митрополитом Московским, А.Д. Самарин начал выдвигать, имя его, единственное мирское, называлось, как видели, в числе кандидатов на Патриаршество, а после Рождества – во вторую сессию – мы его увидели среди нас в качестве члена Собора и тогда же избрали вместо М.В. Родзянко товарищем председателя.

Избрание Тихона Патриархом было как бы предсказано еще задолго до того, как он принял монашество. Об этом вспомнил в своем слове архиепископ Антоний [Храповицкий], когда от лица всех епископов говорил новоизбранному Патриарху:

«Ваше избрание нужно назвать по преимуществу делом Божественного Промысла по той причине, что оно было бессознательно предсказано друзьями юности, товарищами Вашими по Академии. Подобно тому как полтора-два года тому назад мальчики, учившиеся в Новгородской бурсе, дружески шутили над благочестием своего товарища Тимофея Соколова, кадили перед ним своими лаптями, воспевая ему величание, как Божию угоднику, а затем их внуки совершили уже настоящее каждение пред нетленными мощами его, т. е. Вашего небесного покровителя – Тихона Задонского, – так и Ваши собственные товарищи по Академии прозвали Вас патриархом, когда Вы были еще мирянином и когда ни они, ни Вы сами не могли и помышлять о действительном осуществлении такого наименования, данного Вам друзьями молодости за Ваш степенный, невозмутимо солидный нрав и благочестивое настроение».

Х

Приближался праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы – день, в который было предположено наставление (интронизация), т. е. возведение на Патриарший Престол новоизбранного Патриарха. К этому дню делегация Собора в лице архиепископа Кишиневского Анастасия [Грибановского] и протопресвитера Н.А. Любимова получила от

коменданта Кремля – очень молодого еще человека – согласие на то, что в этот день будет открыт доступ в Кремль через Троицкие ворота всем членам Собора и лицам, которые будут снабжены билетами Собора, с тем, чтобы после литургии в Успенском соборе был самый немногочисленный крестный ход внутри Кремля, крестный же ход на Красную площадь для благословения народа Патриархом был разрешен лишь на воскресенье, 26 ноября.

Тогда в Соборном заседании – 17 ноября – было избрано посольство в Троице-Сергиеву Лавру к нареченному Патриарху для приглашения его на торжество наставления. Посольство это, в составе – митрополита Вениамина [Казанского], архиепископа Анастасия [Грибановского], [архи]епископа Митрофана [Краснопольского], протоиерея А.В. Санковского, священника И.Ф. Щукина, диакона М.А. Нечаева, генерала Л.К. Артамонова, профессора И.В. Попова, И.Н. Сперанского и крестьянина С.А. Глухоты – в тот же день выехало в лавру и здесь в тот же вечер было принято владыкой Тихоном. На следующий день в лавре и Академии состоялось торжество, посвященное памяти митрополита Филарета [Дроздова], по случаю тридцатилетия его кончины.

Во время обеда посольства у нареченного Патриарха, в лавру явилось 6 вооруженных солдат, предводимых двумя какими-то штатскими, которые и начали обыскивать и грабить монахов, а потом – в воскресенье – 19 ноября, – они явились к самому Владыке и решительно заявили, что «завтра, 20 ноября, они будут осматривать и описывать ризницу». Поэтому когда посольство в тот же день к вечеру вместе с владыкой Тихоном вернулось в Москву, то генерал Артамонов немедленно вместе с другим членом Собора П.И. Астровым отправились в Московский совет рабочих и солдатских депутатов и заявили о случившемся. В Совете этому заявлению очень удивились и сказали, что никакого полномочия на такие обыски Совет никому не давал, и что это, вероятно, было распоряжение местного комитета или же просто попытка грабежа. Совет тогда же послал по этому поводу две телеграммы: одну – Сергиевскому

комитету, а другую – наместнику лавры, и дальнейшие бесчинства в лавре прекратились.

Наступило 21 ноября. Я встал очень рано и, когда еще было совершенно темно, пошел по Сретенке, направляясь к Лубянке. Идти было жутко: необычайная тишина царила на улице; прохожих, а тем более проезжих, видно не было. Если где-нибудь показывалась человеческая фигура, то она, завидев меня, или, может быть, другого прохожего, – спешила перейти на другую сторону улицы или скрыться. И от этого делалось как-то еще страшней. За весь свой путь до Большого театра я, право, не встретил и двух десятков людей. Только когда я уже пересекал Театральную площадь, стали попадаться люди, не проявлявшие признаков страха друг к другу. Поравнявшись с Воскресенскими воротами, я видел, что Иверская часовня закрыта, а на небе, проглянувшем в высокие арки ворот, уже чуть алеет заря. Чем ближе я подходил к башне Кутафье – тем больше встречалось и шло со мной вместе людей. На мосту, соединявшем Кутафью с Троицкими воротами, раздавался шум и крики. Чернели какие-то группы людей, и кое-где горели костры. Оказалось, что мост весь заполнен конными и пешими солдатами, грубыми и бесцеремонными. Сквозь гущу их, нередко под толчки и давку, приходилось проходить лицам, стремящимся попасть в Кремль; и у Кутафьи, и у калитки Троицких ворот осматривали пропускные билеты, которыми каждый из нас был снабжен. Когда я вошел в безлюдный Кремль, то брезжил рассвет.

После обстрела Кремля я был в нем в первый раз. На площадях, а особенно около Чудова монастыря и Николаевского дворца валялись груды камней и мусора. Колонна у портика Чудова монастыря и угол верхнего этажа были разбиты. В Успенском соборе в куполе средней главы зияла большая брешь, а паникадило было слегка погнуто. Особенно сильно пострадал собор Двенадцати Апостолов, стену которого пробил снаряд, повредивший затем Распятие: ноги Спасителя были отбиты, а тело имело вид как бы окровавленного. Все эти повреждения Кремля были затем по постановлению Собора запротоколированы и

сфотографированы особой Комиссией, в которую вошли: архиепископ Гродненский Михаил [Ермаков], епископ Камчатский Нестор, епископ Серпуховской Арсений [Жадановский], Н.А. Любимов, С.К. Верховский, П.А. Чельцов, М.Ф. Глаголев, В.Ф. Калиманов, Ф.Г. Кашменский, В.В. Успенский и граф П.Н. Апраксин.

Все проходили в Успенский собор, и только епископы и духовенство, участвующее затем в богослужении, и 30 членов Собора – мирян должны были собираться в Мироваренной палате и ждать здесь, в жилище прежних патриархов, прибытия поставляемого Патриарха. В число этих 30 мирян попал и я.

Когда нареченный Патриарх прибыл, то мы его встретили на лестнице и проводили в собор Двенадцати Апостолов, где первенствующий член Синода митрополит Платон [Рождественский] вместе с прочими членами Синода от лица последнего приветствовал вошедшего. В зияющее отверстие дул ветер, и было холодно. Оттуда все проследовали в Мироваренную палату, где митрополит Владимир отслужил краткое молебствие, которое – по какой-то непонятной причине, – кто-то из священнослужителей начал возгласом заупокойной литии.

Это был один возглас, один момент, и тотчас же было исправлено, но все же незамеченным не осталось и произвело тяжелое впечатление как бы какого-то печального, панихидного предзнаменования. После молебствия в крестном ходе с Корсунскими крестами и святынями мы двинулись в Успенский собор.

Все шли попарно, с общим пением тропарей Введения и Успения. Вслед за синодальными певчими шли мы – миряне члены Собора, за нами – священнослужители, епископы – по старшинству и в заключение нареченный Патриарх в голубой мантии и в белом клобуке с архиерейским жезлом в руке, в предшестве иподиаконов с дикирием и трикирием. Через северные двери шествие вступило в Успенский собор, весь уже заполненный народом. Епископы, не участвующие в богослужении, в мантиях, заняли места на возвышениях,

устроенных по обе стороны облачительного места, а ниже – впереди их – встали мы – члены Собора, участники шествия.

Здесь же, вместе с нами заняли места ранее прибывшие послы и посланники дружественных держав вместе со своими свитами в парадных мундирах; не было только представителей русской власти, а того, что ее уже нет, что она умерла, что она стала историческим прошлым, – мы тогда еще не сознавали. Не знали мы тогда и того, что это наше собрание в Успенском соборе – этом палладиуме России – последнее и что больше мы никогда в нем уже не соберемся...

Нареченного Патриарха начали облачать в обычные архиерейские одежды, только возложили на него параман и поручи прежних русских патриархов.

Тысячи глаз впились в облачаемого; на лицах всех, буквально всех присутствующих можно было прочесть и волнение, и тревогу, и только один владыка Тихон не проявлял ни малейшего волнения и казался глубоко сосредоточенным.

Мы не видели Владыку со дня его избрания и теперь поразились происшедшей в нем перемене: он заметно постарел, а главное – обычная мягкая ласка его голубых глаз и частая улыбка уголком рта – так характерные для него, – куда-то исчезли. Теперь мы видели перед собой как будто другого, строгого, сурового даже, старца, исполненного не лишнего величия спокойствия и решимости.

Ласка в глазах потом вернулась к Святейшему, но наложенная на него духовным подвигом, думами и размышлениями у раки преподобного Сергия печать старости – осталась.

Литургию начал протопресвитер Успенского собора Любимов, облаченный в древнюю священническую фелонь, без выреза спереди, с оплечьями, шитыми жемчугом. В таком же древнем, вышитом по оплечьям жемчугом стихаре и с унизанным же жемчугом ораером был и протодиакон того же собора Розов, – мой земляк – симбирянин, ставший затем архидиаконом Патриарха.

Во время «Блаженны» длинную вереницею священнослужители в блестящих облачениях вышли из алтаря

и встали по обе стороны от облачального места до самых Царских врат. Высоко подняв древнее, все закованное в золото, Евангелие, протодиакон Розов возгласил: «Премудрость прости», и вся церковь, точно по уговору, запела: «Приидите поклонимся».

Нареченный Патриарх вошел в алтарь, где принял для совершения каждения большое золотое кадило Патриарха Филарета, а пение и в алтаре, и в остальном храме все крепло и разрасталось, и мощным призывом, горячею мольбою неслось к небу: «Спаси нас, Сыне Божий», ибо создавалось уже и верилось, что только Он один по молитве Пречистые Богородицы, Святителей и Чудотворцев Московских и новопоставляемого Патриарха Тихона может спасти погибающую Россию и тяжело заболевший православный русский народ...

Во время «Трисвятого» в руках у всех засветились свечи. Жезлоносцы всех архиереев, совершающих литургию, стоявшие до тех пор – по обычаю – на солее, – ушли, и остались лишь жезлоносец и свещеносец Нареченного.

Владыка Тихон в последний раз, как митрополит, благословил народ, возглашая «Призри с небесе, Боже»... и проследовал на горнее место: наступает самая торжественная минута.

На горнем месте нареченный Патриарх и с обеих сторон его митрополиты Владимир и Платон становятся в ряд лицом к востоку, трижды кланяются, а затем оба митрополита берут поставляемого Патриарха под руки и возводят на приготовленное Патриаршее Горнее место, где, со словами, громко произнесенными митрополитом Владимиром – «Божественная Благодать, немощная врачующи, оскудевающая восполняющи и промышление всегда творящи о Святых Своих Православных Церквах, посаждает на престол Святых Первосвятителей Российских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, отца нашего Тихона, Святейшего Патриарха великого града Москвы и всея России, во имя Отца и Сына и Святого Духа – Аминь», – трижды посаждали его на Патриаршее Место.

Вслед затем все – сначала в алтаре, а затем – в церкви пропели трижды «аксиос».

Тогда архиепископ Арсений [Стадницкий], встав в Царских дверях, начал произносить ектению, во время которой те же митрополиты при помощи иподиаконов переоблачили Патриарха в патриаршие ризы, причем саккос с нашитой епитрахилью был Патриарха Питирима, омофор – Патриарха Никона, две панагии и Крест – Патриархов Иова и Ермогена; – все было осыпанное драгоценными камнями, а оплечья саккоса, омофора, поручи, пояс и палица – сплошь были унизаны жемчугом в виде цветов или священных слов, исполненных вязью.

Святительские одежды эти были взяты из Патриаршей ризницы, которую перед тем привели в порядок по поручению Собора члены его: В.Г. Добронравов, К.И. Самбурский, П.И. Уткин и делопроизводитель В.Т. Георгиевский.

По окончании архиепископом Арсением ектении из алтаря вышел протодиакон Розов и, обратившись лицом к народу, «кликал похвалу» – многолетие – каждому из Православных Патриархов: Вселенскому Герману, Александрийскому – Фотию [Пероглу], Антиохийскому Григорию [Аль-Хаддаду], Иерусалимскому – Дамиану [Касатосу], «Святейшему Тихону, Отцу нашему и Патриарху Московскому и всея России», епископам и «всему Священному Собору церкви Российския» и, наконец, «Державе Российской и всем православным христианам».

Далее следовало чтение Апостола, и литургия продолжалась обычным порядком, только рядом с жезлоносцем у Царских врат с древним предносным патриаршим Крестом иподиакон, а в руках у священосца обыкновенная свеча была заменена тройною витою. Такой крест всегда предшествует Патриарху, когда он служит или «следует со славою», а свеча такая – отличие патриаршего сана.

Весь чин настолования и вся вообще церемониальная, так сказать, часть были разработаны и составлены, кажется, архиеп[ископом] Кишиневским Анастасием.

В первый раз за этой литургией был совершен Великий Выход – молча так, как он совершается с тех пор при архиерейских богослужениях, согласно указа Синода, и в первый же раз, как повелось с тех пор, протодиакон при вознесении Св. Даров «кликал»: «О честнейшем пресвитерстве» и т. д., закончив трогательными словами – «и о спасении людей, предстоящих и помышляющих кийждо их о своих си согрешениях, и о всех и за вся».

Вместо запричастного все молящиеся пели «Тебе Бога хвалим», а затем архиепископ Анастасий произнес слово о церковном и нравственно-общественном значении восстановления Патриаршества в России.

По окончании литургии и разоблачении Патриарха, на него одели прежних патриархов зеленую бархатную мантию, густо унизанную по истокам и на скрижалях жемчугом, а на голову возложили белый патриарший клобук Патриарха Никона, украшенный вверху крестом из драгоценных камней, с шитыми жемчугом херувимами на воскрылиях и на челе. Поверх на грудь Патриарха надели крест и две панагии, как отличие патриаршего сана.

Когда Святейший Патриарх вышел из алтаря на солею, то к нему приблизился митрополит Владимир и, приняв поданный ему протопресвитером Любимовым деревянный простой, черный, без всяких украшений жезл Святителя Петра – Московского митрополита, вручил его Патриарху с приветственным словом, которое заключил словами: «Приими сей жезл, от нашего Сиона Российского, и да будет сила сего жезла подобной силе жезла Моисеева. Как Моисей своим жезлом рассек море надвое и провел евреев целыми и невредимыми по дну морскому, избавив их тем от рабства египетского, так и ты сим священным жезлом управь вверенный тебе православный русский народ и проводи его ко спасению чрез пучину зол и бедствий, обуревающих его и святую Православную Российскую Церковь. Да будет так!»

В ответ на это Святейший Патриарх ответил чудною, исполненною прозрения и глубокого понимания речью, о которой я не могу умолчать, и которую должен привести здесь

целиком по случайно оказавшейся у меня в руках стенографической записи, внесенной в 47 Соборное Деяние.

Вот она, сказанная Патриархом громко, внятно и с большим проникновенным чувством:

«Устроением промысления Божия, мое вхождение в сей Соборный патриарший храм Пречистые Богоматери совпадает со всечестным праздником Введения во храм Пресвятой Богородицы. Сотвори архиерей Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе отроковицу в самую внутреннюю скинию, во Святая Святых, сие же сотвори по таинственному Божию научению. Дивно для всех и мое – Божиим устроением – нынешнее вступление на Патриаршее Место, после того, как свыше 200 лет стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, – мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении Патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, ибо Бог призрел нечто лучшее о нас.

Но да не впадем от сего, братие, в гордыню. Один мыслитель, приветствуя мое недостойнство, писал: „Может быть, дарование нам Патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной“. А по отношению ко мне самому дарованием Патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как много для сего мне недостает. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя.

Подобно Давиду, и я мал бе в братии моей, а братии мои – прекрасны и велики, но Господь благоволил избрать меня. Кто же я, Господи, Господи, что Ты так возвеличил меня? Ты знаешь раба Твоего, и что может сказать Тебе? И ныне благослови раба Твоего! Раб Твой среди народа Твоего, столь многочисленного, – даруй же мне сердце разумное, дабы мудро руководить народом по пути спасения. Согрей сердце мое любовью к чадам Церкви Божией и расшири его, да не тесно будет им вмещаться во мне. Ведь архипастырское служение есть по преимуществу

служение любви. Горохищное обрет овча, архипастырь подьемлет е на рамена своя.

Правда, Патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь не в буре, не в трусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: „Господи! Сыны Российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмам и кремлевским святыням, избивали священников Твоих”, – слышится тихое веяние словес Божиих: „Еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным ваалом и не изменили Богу истинному”.

И Господь как бы говорит мне так: иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская Земля! Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на гибель, на закление, овец, поистине жалких. Паси их и для сего возьми жезл сей, жезл благоволения. С ним потерявшуюся – отыщи, угнанную – возврати, пораженную – перевяжи, больную – укрепи, разжиревшую и буйную – истреби, паси их по правде!

В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами и предстательством Пресвятые Богородицы и Святителей Московских. Бог да благословит всех вас благодатию Своею! Аминь»⁶⁵.

И не здесь ли, не в этом ли «как веруеши?», следует искать ключ к истинному пониманию отношений почившего ныне Патриарха к большевикам и к большевистской власти? Не является ли Слово это лучшим ответом на то, что мог и чего не мог делать Святейший, оставаясь верным себе, в своей тяжелой, страдальческой жизни?

Опираясь на посох Святителя Петра, Святейший Патриарх – при пении хора – «На гору Сион взыди, благовествуяй» – взошел на древнее Патриаршее Место под сенью с крестом наверху у правого столпа, поддерживающего главный купол храма – место, на которое свыше двухсот лет никто не всходил,

и невольно взоры всех обратились к другому такому же, под сенью, увенчанному двуглавым орлом, месту у левого столпа, которое так недавно опустело и дождется ли своего богомольца?..

Облачившись в малое облачение, Патриарх начал молебен, который продолжался и во время крестного хода – из нас, 30 членов Собора – мирян и служившего молебен духовенства. Крестный ход дошел только до крыльца Чудова монастыря; здесь Патриарх прочел положенное Евангелие, и крестный ход вернулся назад.

Я не вошел в Успенский собор, а поспешил через те же Троицкие ворота (все другие были закрыты) пройти на Красную площадь, где и встал около Никольских ворот и Исторического музея, чтобы дожждаться здесь Патриарха.

Ранее предполагался большой крестный ход вместе с новопоставленным Патриархом вокруг всего Кремля, стены которого и собравшийся народ Патриарх намеревался окропить святой водой, но это не было разрешено новою военно-революционной властью. Тогда решено было, чтобы Патриарх в открытой коляске объехал Кремль и окропил святой водой и благословил с утра собравшийся в ожидании его и не допущенный в Кремль народ.

Я ждал не особенно долго. При мне пришла с музыкой какая-то воинская часть и встала у могил «на крови», т. е. там, где в древности погребали у Кремлевской стены казнимых на Лобном месте преступников и где прежде находилась маленькая деревянная «церковь на крови», а ныне – по странной случайности – были недавно погребены «жертвы революции». На площади народа, ожидающего Патриарха, было немного, но зато около Кутафьи и по набережной – множество.

Наконец показалась от Спасской часовни коляска с Патриархом. Впереди, также в открытой коляске, ехал диакон с предносным крестом, и кажется, жезлоносец, а за ними Патриарх. Вместе с Патриархом в коляске находился саккеларий Успенского собора с чашей со святой водой. За коляской Патриарха следовали еще две – с архиереями в одной

и с делопроизводителями Собора – «писцами Соборных Деяний» в другой.

Когда Святейший Патриарх поравнялся с солдатами у могил, то музыка заиграла, кажется, «Марсельезу». Однако я видел, что многие из солдат выбегали из рядов и подбегали к коляске – под благословение Патриарха. Патриарх поднимался и, стоя, благословлял их и окроплял. Некоторые из солдат вскакивали даже на подножку коляски и целовали руку Патриарха, а двое солдат, уже около Никольских ворот, вскочили на подножки с обеих сторон и так вместе с Патриархом и проехали мимо меня на Воскресенскую площадь.

XI

Надо было возвращаться домой, а мне так хотелось поделиться всем виденным и пережитым и перечувствованным за этот великий в моей жизни и незабвенный день. Кузнецкий Мост был недалеко, а на нем, в доме князя Гагарина, где прежде – после пожара – был Мюр и Мерилиз, имел прекрасную квартиру, магазин и портновскую мастерскую И.А. Логинов, у которого я много уже лет шил себе платье. Это давнее деловое знакомство и приезды И.А. Логинова с очень милой и приветливой женой в Крым на пасхальный и «бархатный» сезоны, где я встречался с ним, повели к нашему сближению и знакомству домами. У него были дети-подростки, учившиеся в гимназиях, и много родственников, навещающих его по праздникам. Сам он ежегодно в январе-феврале ездил за границу, главным образом в Лондон, где сам выбирал и закупал товар. Все это послужило к его развитию, и трудно было допустить, что он был нигде, кажется, не учившийся самоучка, вышедший из самой гущи «потомственных» московских ремесленников. Большинство из посещавших его родственников такими же и остались, семья же самого Логинова из года в год имела абонированную ложу в бельэтаже Большого театра, абонемент в Художественном. Вот к ним-то я и направился, ожидая там встретить коренную, низовую Москву и рассказать ей о поставлении Патриарха. Я не ошибся: за праздничным столом сидели не одни хозяева, а и родственники – гости – преимущественно молодежь. Когда я стал

рассказывать о торжестве в Успенском соборе, то оказалось, что кое-кто уже видел Патриарха, ехавшего по улицам Москвы к себе на Подворье и благословлявшего народ. Такое появление Патриарха впервые и мои рассказы вызвали оживленные расспросы и обмен мнениями, и я облегчил свою душу...

Тем временем на Троицком подворье Святейшему Патриарху епископы и депутаты приносили свои поздравления и благопожелания.

Был, конечно, и Синод, ставший отныне уже не Святейшим, а Священным, и поднес Святейшему Патриарху – своему Председателю, предносный крест прекрасной работы.

Среди deputаций была и от кафедрального московского храма – храма Христа Спасителя с членом Собора, протоиерем А.А. Хотовицким, слово которого оказалось пророческим.

Он говорил: «Тихою скорбью обвеяно лицо Вашего Святейшества. И все нынешнее торжество Русской Церкви как бы еще обвеяно печалью и страданием. Ибо оно еще только заря победы, а к победе еще долгий и многоболезный путь. Ибо никогда еще не шел Патриарх Русский во сретение столь великому множеству сил вражиих, ополчившихся на Господа и на Христа Его. Никогда еще море человеческой жизни не вздымало так высоко своих взбушевавшихся волн, стремясь захлестнуть в темные бездны безверия и ожесточения народную душу». Напомнив о Микель-Анджело, нашедшем грязную каменную глыбу и извлекшем из нее белоснежного ангела, ставшего сокровищем ваяния, о. Хотовицкий продолжал: «Пред Вами, Святейший Владыка, эта глыба, погребенная под плесенью междоусобицы, озверения, мятежа, утраты совести, полного безверия и поистине господства антихристового, – Земля наша, затаившая в себе ангела, которого так недавно знали мы как «Святую Русь». Мы верим, что чудный резец, дарованный Вам Господом, – архипастырская любовь, – поможет Вам извлечь этого ангела из-под груды мусора и грязи, покрывшей его. Тяжела эта работа в настоящих условиях. Тяжела и опасна. Быть может, не раз осколки этой глыбы ранят Вашу заботливую руку; быть может, чего не дай Бог, – под ними, в Ваших лучших стремлениях извлечь ангела

на свет Божий, погребена будет Ваша здешняя жизнь, – но верим, что не умрет никогда это святое усилие и дело, и на месте осколков и разрушения засветит чудный ангел, иссеченный Вашею любовью, и будет вещать навеки грядущим поколениям о том счастье, которое послал Господь измученной, истерзанной Руси в годину лихолетья, когда ей, сиротливой, послал Отца – Святейшего Патриарха».

Тогда у Патриарха впервые клиром Большого Успенского собора было пропето ему патриаршее многолетие древним напевом «мощными гласами», как отмечено о том в Соборном Деянии. Издавна повелся и соблюдался обычай, чтобы в клире Успенского собора находились только лица, обладающие сильными и хорошими басами, но отнюдь не тенорами; хранились там от времен еще Патриаршества и древние распевы; неудивительно поэтому, что пение вышло действительно «мощными гласами»...

На следующий день – 22 ноября – наш Священный Собор впервые встречал Патриарха – своего Председателя, прежде – по избранию, а ныне – по принадлежащему ему, как Первоиерарху, праву.

Для встречи мы все собрались у лестницы внизу в вестибюле. Первый товарищ председателя архиепископ Арсений был в малом облачении и находился у входных с улицы дверей. Я стоял возле него. В ожидании, когда покажется на улице карета с Патриархом, мы – члены Собора – перебрасывались кое-какими замечаниями, и вот здесь – я прекрасно это помню, – Владыка Арсений [35]⁶⁶ на чьи-то слова, обращенные к нему, что вот, мол, и Вас, Владыко, так же бы мы ждали, если бы на Вас выпал жребий, – с веселым и довольным лицом совершенно искренно ответил, что он может только благодарить Господа Бога и благодарит, что ждут и встречают не его.

Патриарх прибыл «со славою» с предносным крестом и при общем пении всеми соборянами тропаря празднику Введения и задостойника – «Яко одушевленному Божию Кивоту» – проследовал в Соборную палату, где после краткого, отслуженного им, молебствия, архиепископ Арсений обратился

к нему с приветственной речью от Собора, а в лице последнего – и от всей Русской Церкви.

В этой речи своей архиепископ Арсений отметил, что в то время, когда все кругом подвергается стихийному развалу и разложению, – чувствовалась потребность в создании живого и устойчивого центра соборного единения, чтобы таким образом Церковь, так деятельно участвовавшая в создании нашего государства и в собирании Земли Русской, и ныне осталась центром духовного единства и великой духовной силы. «Восстановление Патриаршества, – говорил Владыка товарищ председателя, – есть великое историческое событие, значения которого мы, может быть, теперь ясно не сознаем, а оценят его наши потомки, для которых раскроется весь смысл происходящего в настоящий момент, подобного которому навряд ли что было в нашей истории».

Владыка Патриарх благодарил преосвященного Арсения и весь Священный Собор за высказанные приветствия и благопожелания и призывал не смущаться грозой и бурей, при которых создается и протекает духовное торжество Русской Церкви. Упомянув о высказываемых на Соборе опасениях, как бы восстановление Патриаршества не затенило Собора и не повредило идее соборности, – Святейший Патриарх засвидетельствовал как от своего лица, так и своих преемников, что Патриаршество не представит угрозы соборности Святой Православной Церкви. «Возлюбленные отцы и братие! – воскликнул он и с особенной простотой и задушевностью произнес:

– Не таковы теперь времена, не таковы обстоятельства, чтобы кто-либо, как бы он велик ни был и какою бы духовною силою ни обладал, мог нести тяготу единоличного управления Русскою Церковью», – и призывал всех к общей и дружной работе.

После этого слова все члены Собора, при общем пении тех же тропаря и задостойника, стали подходить под благословение Патриарха, совершая каждый при этом земное метание.

С тех пор заседания Собора стали происходить под председательством владыки Арсения, а Патриарх не каждый

день и ненадолго появлялся в Соборной палате, хотя почти все время находился в помещении Собора и работал в своем кабинете.

26 ноября состоялись торжественные крестные ходы из московских церквей на Красную площадь, где с Лобного места, с особого возвышения, высоким предносным крестом Святейший Патриарх впервые благословил собравшийся во множестве и коленопреклоненный народ.

Вскоре оба наших товарища председателя – Арсений и Антоний, как бывшие в числе кандидатов на Патриарший Престол были возведены в сан митрополита, а одновременно с ними – «во внимание к высокополезному для Православной Церкви святительскому служению» в тот же сан митрополита были возведены – председатель нашего отдела о церковном суде – архиепископ Сергей [Страгородский], архиепископ Казанский Иаков [Пятницкий] – глубокий старец и архиепископ Агафангел [Преображенский] – преемник Святейшего Тихона на Ярославской кафедре. Ему Владыка Патриарх в Соборной палате при нас передал и свой митрополичий белый клобук, пришедшийся как раз по голове.

Собор обратился к спешному рассмотрению накопившихся текущих дел, так как приближалось время Рождественских праздников и епископы должны были ехать на свои епархии.

Было рассмотрено и принято Положение о правах и обязанностях Патриарха и о Высшем Церковном Управлении, в связи с чем были избраны Собором на три года: 7 декабря – Священный Синод, а 8 декабря – Высший Церковный Совет.

В Священный Синод вошли Патриарх и митрополит Киевский по должности, и по избранию: митрополиты Арсений, Антоний, Сергей и Платон и архиепископы – Анастасий Кишиневский и Евлогий Волынский, а заместителями их: архиепископы Никандр [Феноменов] Вятский, Димитрий [Абашидзе] – Таврический, [митрополит] Вениамин [Казанский] – Петроградский, Константин [Булычев] – Могилевский, Кирилл [Смирнов] – Тамбовский и Андроник [Никольский] – Пермский.

В члены Высшего Церковного Совета были избраны: от клира протоиерей Смоленского кафедрального собора А.В.

Санковский, протопресвитеры Г.И. Шавельский и Н.А. Любимов, харьковский протоиерей А.М. Станиславский и псаломщик Пермской епархии А.Г. Куляшов, заместителями при них – петроградский протоиерей П.А. Миртов, протоиерей П.Н. Лахостский, Председатель училищного совета при Синоде протоиерей П.И. Соколов, единоверческий священник С.К. Верховский и Председатель Учебного комитета Синода – протоиерей К.М. Аггеев; от монашествующих – архимандрит Унженского монастыря Виссарион, а от мирян: профессора – С.Н. Булгаков, А.В. Карташев, И.М. Громогласов, князь Е.Н. Трубецкой и П.Д. Лапин и член Собора от Черниговской епархии – С.М. Раевский – кажется, Управляющий Черниговской казенной палатой – большой работник по финансовым вопросам, возникавшим в отделах Собора, а их заместителями явились: профессора П.П. Кудрявцев, И.И. Соколов и Л.И. Писарев, дипломат, кажется, князь Г. Трубецкой, член Московского Окружного Суда П.И. Астров и член Государственной Думы М.И. Арефьев.

Этим избранием и сочувственным письмом ко вдове убитого в Царском Селе большевиками протоиерея И.А. Кочурова [36]⁶⁷ – первой мученической жертвы из русского духовенства, которых, как мы знаем, было потом «без числа», и молебствием, отслуженным Св. Патриархом, преподавшем затем каждому из нас благословение, – закончилась первая сессия, имевшая 64 пленарных заседания.

На другой день – в воскресенье 10 декабря – члены Собора стали разъезжаться; уехали днем и мы в Симбирск: архиепископ Вениамин [Муратовский], протоиерей Садовский и я.

Мы с величайшим трудом, а как – я теперь даже и не вспомню, попали в вагон 2 класса, сплошь заполненный солдатами с фронта. В купе нашем и проходах была невообразимая давка, обычная картина того времени, так хорошо знакомая нам – русским, кому приходилось ездить тогда по железным дорогам. Нам, однако, удалось поместить нашего Владыку на верхнем диване, с которого зато он не мог уже подняться в течение целых суток, а вынужден был лежать все

время, пока мы не доехали до пересадки в Инзе. Нам пришлось ухаживать за нашим – самым видным и даже самым красивым из всех архиереев Собора – архиепископом Вениамином («Вот по внешности настоящий Патриарх», – говорили нередко соборяне, любуясь им), как за тяжело больным, и много пришлось употребить усилий, чтобы убедить его не стесняться с нами, его как бы сиделками.

Ныне владыка Вениамин – «митрополит Ленинградский» и первоиерарх, кажется, «Живой Церкви»^{[37]⁶⁸}. Не сомневаюсь, что это сделано большевиками с целью, чтобы ввести народ в заблуждение, подменив умученного ими одного Вениамина [Казанского] – другим. Других данных, вследствие которых он мог стать живоцерковным (или «обновленческим»?) первоиерархом, кроме еще, пожалуй, его наружности, о которой я только что сказал, – за ним не знаю.

XII

Перерыв Собора был объявлен до 20 января 1918 года.

К этому дню мы с Владыкой Вениамином в данном ему из Симбирска маленьком служебном вагоне приехали в Москву и с вещами отправились прямо в семинарию, где на этот раз я и остался жить, как я уже говорил, окончательно до конца сессии.

Почти накануне начала этой сессии Свят[ейшим] Патриархом было оглашено известное его послание об анафематствовании большевиков («Принужден буду не раз прибегать к мерам запрещения» – слова Патриарха 21 ноября в Успенском соборе).

Мы спрашивали потом Святейшего, почему он выпустил его накануне съезда Собора и начала его занятий? – и Владыка Патриарх объяснил, что он не хотел и не хочет ставить Собор под удар и предпочитает в этом случае принять его только на себя одного. Во время же этой сессии было выпущено им и другое послание – по поводу Брест- Литовского мира.

По случаю возобновлений занятий Собора и в связи со все больше и больше развертывающимися событиями, в числе которых недвусмысленно выяснилась ненависть большевиков к религии вообще, а к Православию – в особенности, – решено было 28 января, в воскресенье, устроить на Красную площадь

крестный ход от всех московских церквей, о чем московское население было уведомлено – по приходам – заранее.

Я шел с крестным ходом, вышедшим из нашей семинарской церкви. На Каретно-Садовой мы влились в другой, вышедший из церквей, расположенных в северной части Москвы в этой округе. Получился грандиознейший крестный ход. Мы направились по Петровке вниз, и к нам по пути все присоединялись крестные ходы. Когда голова хода выходила на Театральную площадь, то хвост не прошел еще Высоко-Петровского монастыря.

Мы шли с общим пением молитв, и во всем чувствовалась стихия. По окнам в домах виднелись солдаты, но чувствовалось, что они сейчас бессильны. Чувствовали, вероятно, это и они и их власти, так как последних нигде не было и помина, а солдаты воздерживались от бесчинных возгласов.

Когда мы вступили на Красную площадь, – я поразился. Никогда, ни прежде, ни после, я не видел такой людской массы, плотно сжавшейся друг с другом. Наш крестный ход принужден был встать только около Казанского собора, против Никольской улицы. Пройти далее не было никакой возможности. Над головами, над всей площадью, висело облако пара от людского дыхания. С моего места мне видна была Тверская и Никольская, и я видел, что к началу молебствия толпа заполняла всю, которую я только мог видеть в проезд Воскресенских ворот, Театральную площадь и Тверскую – до часовни на Моисеевской площади в Охотном, а по Никольской тянулась далеко за торговые ряды. Крыши этих рядов и Исторического музея, все окна и кровли Василия Блаженного были сплошь унижены народом. Говорили, что там, за Василием Блаженным, народ заполнил набережную не только на этой, но и на той стороне Москвы-реки. Всякая попытка проникнуть в эту толпу была бы тщетна, и это, конечно, понимали люди, стоявшие на Кремлевской стене и выглядывавшие из-за высоких зубцов ее и бойниц.

Молебствие кончилось, и мы благополучно вернулись в семинарию. Такое, почти миллионное, скопление людей русских

и церковных – в огромном своем большинстве, показало большевикам, где и в чем таится для них опасность, и они начали быстро развивать богоборчество и безбожие. Крестные ходы были запрещены. Во время служб церковных около тех храмов, где собиралось особенно много молящихся, большевики стали устраивать лекции по безбожию и диспуты, на которых нередко и небезуспешно, разумеется, выступали и наши соборяне.

Святейший Патриарх благословил нас идти на проповедь и на церковные беседы, поставив условием, чтобы при выступлениях в церквах проповедники надевали стихари. Быстро у нас организовалась большая проповедническая группа, главным образом, конечно, из духовенства и ученых мирян. Проповеди членов Собора были новостью и имели несомненный успех. Князь Е.Н. Трубецкой и С.Н. Булгаков проповедовали, главным образом, в фабричных и рабочих районах и получали даже неоднократно приглашения выезжать в подмосковные [церкви? – *Сост.*] и далее. Довелось и мне произнести проповедь у Николы на Долгоруковской.

Наряду со все больше и больше появлявшимися местами, где хулилась Православная Церковь, появились открыто в Москве и масонские ложи и разные теософические и оккультные кружки, – я, по крайней мере, видел их афиши, воззвания и приглашения. Богоборчество шло вовсю и, видимо, поощрялось.

С проповедями и беседами, а также лекциями о поругании и разрушении Священного Кремля, выступал и епископ Камчатский Нестор [Анисимов], ставший в конце концов одним из самых популярных епископов среди москвичей в те – февраль и март – месяцы 1918 года.

Зато никто, кажется, из членов Собора и не бывал столько арестовываем в те дни, как владыка Нестор. Обыкновенно, вспоминается мне, утром по нашему общежитию разносится весть, что ночью епископа Нестора арестовали, и вот начинается хождение члена Собора А. А. Салова – члена Московского суда по мытарствам, чтобы епископа освободили, и результаты получались благоприятные.

Аресты вообще и обыски в то время уже не были шуткой: террор начинал вступать в свои права и в Москве [38]⁶⁹.

25 января был убит в Киеве Высокопреосвященный Владимир [Богоявленский] [39]⁷⁰, бывший наш почетный председатель. О смерти его мы узнали вскоре, но подробности значительно позднее. В Киеве бесчинствовали самостийники-украинцы, и сообщение поддерживалось с трудом. По дошедшим до нас сведениям в Киевской лавре монахи-простецы, в значительной степени из малороссов-крестьян, были заражены уже большевистским духом, и не без их, по меньшей мере, попустительства совершилось это злое дело. Владыка митрополит Владимир умер мужественно, как умирали древние христианские мученики. Даже уходя с убийцами из своих покоев на верную смерть, он не забыл благословить своего келейника.

Для того чтобы расследовать это дело и установить – что же, наконец, делается там, – Собор избрал делегацию, которая должна была выехать в Киев и произвести расследование. В эту делегацию были избраны: архиепископ Тамбовский Кирилл [Смирнов] – энергичный, полный сил архипастырь, Пермский архимандрит Матфей [Померанцев], о котором я уже упоминал, и я. Мы собрались, выработали программу работы, нам даже выдали на путевые расходы деньги, но выехать в конце концов нам не удалось: ни на Брянск, ни на Курск билетов не было. Наконец, вскоре Киев был занят немцами и совершенно отрезан от Москвы, да и ехать к немцам нам, членам Собора, – не пристало.

Обращаясь теперь к этому прошлому, я должен возблагодарить Господа Бога: если бы я попал тогда в Киев, я, наверное, не смог бы вернуться к семье в Симбирскую губернию, и, как знать, что бы ее без меня ожидало?..

Памяти убиенного митрополита Владимира, долго бывшего митрополитом Московским, было посвящено особое торжественное заседание, происходившее в Соборной палате при участии Патриарха и духовенства всей Москвы.

Убиенный митрополит был ославлен русскою прессою, а за нею и обществом, как отъявленный ретроград и гаситель всего

светлого и живого. Это, конечно, было не так. Нужна была именно революция, чтобы шоры с глаз русских людей, надетые на них путем длительной и упорной работы либеральной прессы, часто не русской и относящейся с уничижением к служителям Православной Церкви, – спали, и люди увидели и настоящих русских людей, и истинную правду о них.

Великий святитель в современном сонме русских иерархов – митрополит Антоний, имеющий или почитателей и друзей, готовых за него в огонь и в воду, или же, наоборот, недругов – середины для него не имеется, – а это уже знаменует если не вождя, то во всяком случае отмеченного особыми дарованиями человека, – как-то, обращаясь к митрополиту Владимиру, говорил: «Вы были первенствующий иерарх между нами не только по своему общественному положению, но и по Вашим высоким духовным качествам, когда Вы светили нам в тяжкие годы церковной жизни. Именно когда люди совершенно изолгались и постоянно изменяли своим убеждениям, Вы не боялись говорить „правду царям“, сознательно подвергая себя огорчениям и страданиям, и в то же время претерпевая все житейские скорби со смиренной покорностью Божественному Промыслу и с величайшей твердостью души». На этом торжественном заседании памяти митрополита Владимира я впервые увидел другого ославленного церковного деятеля протоиерея Восторгова[40]⁷¹, и я восторгался его ораторским талантом, его верою в правоту своих взглядов, его мыслями, которыми он делился с нами – его слушателями.

У меня нет сомнений, что это был крупный человек и «не в версту» прославленным теми же газетами о. Григорию Петрову и другим, подобно ему рекламируемым слащавым посредственностям.

Кстати будет здесь вспомнить по созвучию фамилий и об известном священнике Владимире Игнатьевиче Востокове. Кто из моих современников не слышал о нем в начале XX века? Живой, деятельный, он не мог усидеть на месте в прекрасном, обеспечивающем его московском приходе в Сокольниках[41]⁷², где он развил большую приходскую деятельность, и принужден был перейти к тоже незаурядному епископу Андрею [кн.

Ухтомскому] в его Уфимскую епархию. Там он от мирян, а не от клира, – что было потом предметом соборного обсуждения, – был избран во Всероссийский Церковный Собор.

Я увидал его впервые в Соборной палате. Он носил на груди деревянный простой крест. Я познакомился с ним и даже собирался вместе работать в предполагаемой под его редакцией газете «Кремлевский Набат», которую хотел издавать И. Д. Сытин. По этому поводу мы – я, он и владыка Андрей – собирались раза два за чайным столом у Ивана Дмитриевича, несомненно, большого русского самородка. Из нашей затеи ничего не вышло, так как вскоре у И. Д. Сытина большевики отобрали типографию.

О. Владимир Игнатьевич Востоков был очень милый, мягкий, полный жизни и порывов человек (таким, по крайней мере, мне он казался), но сравнивать даже с ним я о. Восторгова затрудняюсь.

Впоследствии своею мученическою истинно христианскою кончиною, встреченною им с исключительным мужеством, – умученный протоиерей Восторгов только еще больше укрепил во мне такое, сложившееся о нем из двукратных встреч, мнение.

XIII

Пока Смольный еще не переехал в Кремль, в последний можно было иногда попадать для церковных служб. И вот в это время, ночью, была совершена крупная и дерзкая кража из Патриаршей ризницы, помещавшейся под Ивановской колокольней. Здесь находился воинский наружный караул, но был ли он на самом деле в эту ночь на месте, – установить не удалось. Как бы там ни было, а воры похитили множество драгоценных камней и в особенности много жемчуга. Святейший Патриарх был озабочен этой кражей и поручил мне, как старому московскому следователю, работавшему когда-то с сыскальной полицией, помочь в стрясшейся беде и найти краденое. По этому поводу пришлось работать в совершенно частном порядке с прежними агентами сыскальной полиции, которых мне удалось найти. Обращаться за содействием к милиции и властям было бесполезно: ни той, ни других еще в Москве не

было, а которые и были, так были заняты «углублением революции».

Мне много приходилось тратить времени на это дело, и в конце концов и воры были обнаружены, и часть похищенного. Воры, разумеется, остались гулять на свободе, а найденные на одной из подмосковных дач драгоценности, – увы – не все, и весь почти жемчуг были отобраны сыщиками и возвращены в Ризницу. Вероятно, вскоре все это было опять отобрано «в пользу голодающих» при реквизиции церковных ценностей...

Это дело дало мне случай и возможность часто видеть Патриарха в его кабинете и у него дома – в Подворье. Входишь в покои Святейшего Владыки и поднимаешься по светлой, широкой лестнице, уставленной цветами, во второй этаж. По стенам везде недурные масляные картины, изображающие пейзажи Алтая и работу Алтайской духовной миссии. Почти на всех картинах изображен святитель Макарий [Невский]. Далее следовала зала, где иногда, но всегда очень недолго, приходилось ждать Владыку. Он принимал в гостиной, куда выходил, здоровался, благословлял и садился на диван. Тотчас откуда-то к нему на колени взбиралась чудесная, пушистая сибирская кошечка, которую Владыка Патриарх ласково гладил, ведя беседу. Вот здесь-то я и увидел в его глазах прежнюю ласковость и мягкость.

Иногда Владыка угощал чаем. У него в покоях жил, кажется, митрополит Арсений; я помню, по крайней мере, его выходящим из внутренних комнат, чтобы принять участие в нашей беседе.

Несколько раз, выходя из Троицкого подворья, я встречал князя Е.Н. Трубецкого и профессора Кузнецова [42]⁷³, идущих к Патриарху. Это означало, что они побывали в Кремле или собираются идти туда, так как только они двое несли на себе всю тяготу по сношению, в повседневной жизни совершенно неизбежному, с Кремлем, занятым уже Смольным.

Однажды был случай, что и мне пришлось идти с князем Евгением Николаевичем. Дело в том, что по мере переселения большевиков из Петрограда в Москву, – ими все больше и больше реквизировались и занимались московские здания. В один скверный вечер явились большевики и в нашу семинарию

и заявили, что они ее реквизируют для какого-то, не помню, комиссариата. Моментально сотни три соборян очутились возле них и наперебой стали доказывать им, что Собор – «выборное» учреждение, что это «народное» и прочее, в наивности своей еще веря в силу и значение таких слов и понятий. Большевики сказали, чтобы уполномоченные от Собора завтра пришли к ним в бывший генерал-губернаторский дом. Послали князя Е.Н. Трубецкого и меня.

Князь, искушенный ходами в Кремль, думал, что в генерал-губернаторский дом можно будет попасть легче. Оказалось – не так, и мы долго принуждены были толкаться, чтобы добиться хоть какого-нибудь толку. Выяснилось, что для того, чтобы войти только в генерал-губернаторский дом, надо пройти в неподалеку, тут же на площади, находящуюся гостиницу «Дрезден», где найти комнату № такой-то и там получить пропуск на вход в генерал-губернаторский дом. Когда все это нами было проделано и мы, наконец, попали за заветную дверь, то и здесь не скоро еще нашли тех, кого нам было нужно.

Если уже в ноябре митрополит Платон [Рождественский] видел здесь «болото», то можно представить, что увидели мы? Я видел много за Уралом арестантских этапных домов, но они должны по чистоте и опрятности считаться хоромами.

Нам удалось добиться ордера на занятие нами семинарии. Думаю, что такую удачу надо объяснить трудностью выселения куда-то нескольких сотен соборян, а между тем до конца сессии и, следовательно, разъезда из семинарии членов Собора оставалось что-то около месяца. Не этим ли надо объяснить и тот, сравнительно, комфорт, который был предоставлен нам при разъезде, о чем я потом буду говорить: – уезжайте, мол, только скорей...

Время было тогда вообще тревожное, и можно было бояться за каждый день и за каждый час. Нередко, бывало, по дороге из Лихова переулком до семинарии, – ведь это рукой подать, – идешь вечером, возвращаясь с заседания, и слышишь то тут, то там одиночный выстрел, а то и целый залп.

Не мудрено поэтому, что среди соборян время от времени создавались панические слухи, касавшиеся Патриарха, и мы,

озабоченные, старались грозящую Патриарху опасность отстранить.

Для этой цели было дано знать по церквам, что если случится что-нибудь с Патриархом, то чтобы везде били набат и прихожане собирались бы ко своим храмам. Чтобы мы стали делать потом, – об этом не говорили, да пожалуй и не думали: там видно будет!

Однажды, действительно, Патриарху могла грозить опасность. Из Петрограда сообщили, что кронштадтские матросы – эта «краса и гордость русской революции», как их звали, собираются выехать в Москву, арестовать Патриарха и увезти его с собой. Вскоре пришла телеграмма о том, что матросы с таким-то поездом в двух, насколько помнится, вагонах, выехали и завтра будут в Москве. Семинария наша была похожа на растревоженный улей. Наконец решили послать к Патриарху и просить его переехать на эту ночь к нам в семинарию, думая, вероятно, что здесь труднее будет среди массы найти Патриарха и арестовать. Сообщили, насколько могли, и по церквам. Патриарх решительно отказался от переезда из подворья куда-либо и, как нам передали из подворья, лег спать.

На следующий день, часов в шесть утра, семинарию разом облетело известие: «Приехали! Стоят на Николаевском вокзале». Целый день мы были в напряженном состоянии и чуть ни каждые четверть часа спрашивались о том, что делают матросы? Каждый раз приходил ответ: «Находятся в вагонах». Наконец в 4 часа вечера сообщили, что вагоны их прицепили к Петроградскому поезду, и они уехали. Так и до сего времени я не знаю, что это были за матросы, зачем приезжали в Москву и почему уехали, не погуляв даже по белокаменной?

Этот день, как мы узнали потом, в Подворье прошел так: в шесть часов келейник Патриарха, узнав, что приехали матросы, немедленно разбудил мирно почивающего Патриарха и с тревогою сообщил ему, что «матросы приехали и, вероятно, сейчас придут сюда». Владыка Патриарх велел ему уходить из спальни и не мешать спать. С этими словами будто бы Владыка повернулся на постели и спокойно заснул. Не знаю, все ли

здесь правда, но правда то, что Патриарх совсем не проявлял страха и сохранял невозмутимое спокойствие.

Однако такие тревожные вести и приезд матросов сделали то, что в одном из вечерних своих заседаний, на этот раз для публики закрытом, Собор обсуждал вопрос – как быть, если действительно Патриарх будет лишен свободы?

Остановились на мысли и приняли – просить Святейшего Патриарха, чтобы он выдал грамоты нескольким, по его усмотрению и в тайне ото всех, епископам, поручая каждому из них предъявить свою грамоту на замещение Патриарха, если до него дойдет очередь, т. е. если предшествующие иерархи так же будут лишены свободы.

В тот же вечер Патриарх, подчинившись этому Соборному определению, выдал несколько таких грамот, причем был у нас слух, что первая грамота дана митрополиту Агафангелу. Кажется, впоследствии, когда Патриарх был лишен свободы, этот слух подтвердился, и митрополит Агафангел действительно явился его заместителем.

Не могу здесь умолчать еще об одном обстоятельстве: Смольный был в Кремле, на Дону поднялось восстание и собиралась добровольческая армия. Туда, как рассказывали, в одежде диакона уехал и наш М. В. Родзянко, и возникло в Соборе течение, предлагающее переехать всему Собору вместе с Патриархом на Дон. Лишь только слух об этом дошел до Святейшего Владыки, как он решительно заявил, что никуда из Москвы и ни при каких обстоятельствах он – Патриарх Московский – не уедет. Тем дело с Доном и кончилось, да оно и не могло бы быть осуществлено по чисто техническим причинам.

XIV

Тогда же, со слов наших соборян, мне пришлось ознакомиться с делом об иконе Коломенской Божией Матери – «Державной» [43]⁷⁴.

Дело это имело своим предметом просьбу женского Вознесенского монастыря, что в Кремле, о возвращении церковью села Коломенского принадлежащей монастырю иконы Божией Матери «Державной». Из документов усматривалось,

что 2 марта 1917 г. к настоятелю церкви с. Коломенского под Москвой пришла женщина, фамилии ее теперь не вспомню, живущая в Москве купчиха, и сообщила, что она не раз видит во сне икону Знамения, на которой Божия Матерь изображена восседающей на высоком кресле с царским венцом на голове и со скипетром и державою в руках, и во сне же слышит голос, повелевающий ей идти в с. Коломенское, в церковь, и найти там эту икону, «которая спасет Россию». Настоятель сказал, что такого написания иконы Знамения он не знает, и в церкви ее нет, однако, уступая настойчивым просьбам посетительницы, все же пошел с нею и церковным сторожем в храм. Обойдя его, посетительница такой иконы не нашла и направилась к выходу. Тогда сторож сказал, что есть еще ветхие иконы, которые хранятся под колокольней. Женщина упросила настоятеля, который отказался идти туда, разрешить ей со сторожем посмотреть хранящиеся там иконы. Велико было удивление настоятеля, когда в груде сложенных и небрежно хранившихся икон оказалась именно такая, которую, по уверению купчихи, она видела во сне. Весть об этом мало-помалу распространилась по Москве. Чудесное нахождение этой иконы, совпавшее со днем отречения Государя от престола, и изображение – Богоматери со знаками царского достоинства – дали основание православным москвичам назвать Ее «Державною» и особо ее чтить, то и дело приглашая на молебны в тот или другой дом.

Тогда Вознесенский монастырь по записям в своих книгах установил, что икона эта принадлежала ему, и в 1812 г., перед нашествием Наполеона, в числе других икон при эвакуации монастыря из Кремля была передана на хранение в церковь с. Коломенского, а потом она возвращена не была, и о ней в монастыре забыли.

Действительно, икона Божией Матери «Державная» – стала в Москве очень чтима. С нее делали множество списков, один из которых и я приобрел для нашей бекпемишевской церкви. Приносили эту икону и к нам в Соборную палату, где служилось перед ней молебствие. Поднимали, помнится, даже вопрос о

том – нельзя ли иметь эту икону все время в Соборе, на время его занятий?..

Среди некоторых из епископов, участвовавших в Соборе, как-то установился обычай по воскресеньям служить литургию в Мариино-Марфинской обители в Замоскворечьи, где настоятельницей была Великая княгиня Елизавета Феодоровна. После обедни все служившие таковую вместе с иподиаконами, которыми часто бывали светские члены Собора, приглашались Великой княгиней к пирогу и легкому, весьма скромному обеду.

Однажды был и я в этой обители, где любовался и восхищался решительно всем: и уютным храмом в древнерусском стиле, и чудесною картиной над входом – «Святая Русь», и корпусами, предназначавшимися Высокой строительницей для русских девушек, учащихся в высших учебных заведениях Москвы, и порядком церковной службы, заведенным там.

Великая княгиня в апостольнике была чрезвычайно моложава и мне показалась очень красивой. Не думалось мне тогда, что живущую в совершенном уединении, вдали от всякой политики, несчастную, в сущности, женщину ждут горе и муки. Не прошло, кажется, и месяца, как ее арестовали, увезли в Алапаевск, где через три месяца сплошных мук и издевательств, сбросили еще живую, недобитую в шахту... [44]⁷⁵

Сильное впечатление произвела на меня тогда встреча с Великой княгиней, и я стал расспрашивать графа П.Н. Апраксина о жизни Царской Семьи вообще и о сестре Великой княгини Елизаветы Феодоровны – Императрице, при которой он состоял гофмейстером.

Граф Петр Николаевич рассказывал мне, что семейная жизнь Государя была образцовой, благочестивой и христианской и что слухи о пристрастии государя к вину – сплошная ложь: Государь выпивал иногда рюмку водки и всегда – большую рюмку мадеры за обедом; что Государыня долго не могла привыкнуть к нему – новому своему гофмейстеру – и чрезвычайно стеснялась с ним, – настолько, что, казалось, она очень к нему не благоволила. Однако это было, как оказалось,

не так. Вскоре после убийства Распутина Государыня стала как-то доверчивее к нему, графу, и просила даже переехать к ней в Царское Село. Там, во дворце, и застала его революция, которая поначалу не столько беспокоила императрицу, как болезнь – корь – у взрослых ее детей. В Царском Селе узнали об отречении Государя, но Государыня ни единым словом не промолвилась при этом известии. Ни слова также не было сказано об этом ни ею, ни Государем, когда он после отречения вернулся в царскосельский Александровский дворец из Могилева и при нем, графе, и других близких придворных встретился и поздоровался с Государыней. Тотчас пошла речь о здоровье детей, и Их Величества пошли вместе к болящим. Только однажды, как-то вечером, когда он, граф Апраксин, играл с кем-то, не помню, в бридж, и к ним вошел Государь, то сказал: «Вот до сих пор не научился в карты играть, все некогда было, зато теперь времени свободного у меня будет много». Когда затем было объявлено, что те, кто останется при Царской Семье, должны будут разделить с нею арест, лишаящий их права выходить из дворца куда-либо, а у него, графа, ожидалось в Петрограде дома прибавление семейства, – Государыня сама настояла, чтобы он уезжал в Петроград и на прощанье, как она, так и Цесаревич и Великие княжны, дали ему свои карточки с надписью «на память» об этих, проведенных им в Царском, днях. Эти карточки он затем мне показывал. Через много лет, живя уже в эмиграции в Китае, я узнал, что граф с многочисленной семьей живет где-то в Сербии или Буковине и что ему можно написать, адресовав на Архиерейский Синод в Сремски Карловцы. Я это сделал и получил от него милое большое письмо с обычным описанием невзгод нашей беженской жизни...

В связи с воспоминаниями об этих лицах невольно в памяти моей встает святитель Гермоген [Долганов] Тобольский [45]⁷⁶, на долю которого выпало быть последним архипастырем, подававшим духовное утешение Царственным узникам в Тобольске. В холодных водах Туры нашел он мученическую кончину, но и перед лицом лютой смерти не дрогнул он и воспевал хвалу Богу.

XV

Работа моя во вторую сессию сосредоточилась главным образом в Издательском отделе, на который выпала трудная задача отыскивания типографии для работы нашего Отдела. Синодальная типография была отнята, типография в лавре – тоже. Много по этому поводу пришлось положить трудов, испортить крови и истрепать нервов и мне, и нашему незабвенному Председателю отдела епископу Никандру [Феноменову], впоследствии ставшему архиепископом Крутицким. Не успеешь найти типографию, не успеешь начать работы в найденной, наконец, с трудом, как типография реквизируется, и опять начинается сказка про «шест и мочало»...

Мы пытались связываться с иногородними, и даже далеко от Москвы отстоящими типографиями частных владельцев и монастырскими, но это оказалось совершенно невозможным из-за существовавших тогда условий почтового и железнодорожного сообщения.

Не лишним, пожалуй, будет сказать, что новые власти с усердием, достойным лучшей участи, с каким-то ожесточением искали типографии, где печатается книга Нилуса – «Близ есмь при дверех» и часть ее «Протоколы сионских мудрецов». Этой книги я раньше не знал, но такие розыски ее по типографиям заинтересовали меня, и я, хотя и с трудом, а нашел-таки эту книгу, так теперь всем в зарубежье известную.

Среди работ второй сессии Собора следует отметить попытку Собора, оказавшуюся, правда, неудачной, бороться с угрожающим Церкви натиском и разрушением Ее большевиками. Поводом к этому послужил изданный ими 9 января 1918 г. [ст. ст.] «декрет о свободе совести», на самом деле, как правильно охарактеризовал его Собор, «декрет о свободе от совести», устанавливающий полное насилие над совестью верующих. Собор тогда же откликнулся на этот декрет воззванием, в котором призывал православных объединяться около своих храмов в союзы для защиты святынь: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание».

Этот же декрет послужил основанием к соборному определению – от 6 апреля [ст. ст.], – запрещавшему под угрозой церковных наказаний православным, как клирикам, так и мирянам, обращаться в делах церковных «к враждебному Церкви гражданскому начальству и навлекать через то на Церковь, Ее чад и достояние многоразличные беды».

В ту же сессию были Собором рассмотрены и приняты Положение об епархиальном управлении и, что особенно важно, Положение о приходе – громадный труд, над которым усердно работал мой друг священник Ф.Ф. Григорьев в качестве товарища председателя приходского отдела.

К концу сессии возникла мысль об «Объединении приходов у Патриаршего Престола». Это объединение должно было преследовать не чисто церковные, а экономические и социальные интересы русских православных прихожан. Что вышло из этого и получила ли эта мысль осуществление, я не знаю.

В самом конце сессии Собор рассматривал вопрос о поводах к разводу и даже принял ряд положений, из которых не все, однако, были санкционированы Епископским совещанием, о чем я говорил уже раньше.

За несколько дней до окончания сессии мы всем Собором в Соборной палате снимались. Фотографии этой я не получил за отъездом из Москвы, но в эмиграции я видел одну такую у протоиерея Аристарха Пономарева.

Вторая сессия закончилась в субботу на пятой неделе Великого Поста – 7 апреля по старому стилю.

В последний раз тогда я помолился в Соборной палате с моими соработниками-соборянами и в последний же раз в этой земной жизни видел и получил благословение нашего Святейшего Патриарха Тихона.

На третью сессию я не мог попасть, да и не знал о ней. Она, как доходили до меня впоследствии слухи, открылась в августе 1918 г.; была немногочисленна и коротка. Заседания ее происходили уже не в реквизированном к тому времени Епархиальном доме, а в Скорбященском, кажется, монастыре. Из постановлений той сессии мне известны: постановление о

сохранении за каждым членом Собора этого звания впредь до законного созыва нового Собора, и затем – о праве каждого члена Собора где бы он ни проживал, участвовать в епархиальных собраниях и съездах в силу этого своего звания.

В воскресенье – 8 (21) апреля – день, когда германский посланник граф Мирбах приезжал в Москву, мы – соборяне – Москву покидали. Для нас, едущих на восток за Волгу и дальше, был предупредительно приготовлен на путях Казанского вокзала большой пульмановский вагон 1 или 2 класса. Ранним утром отъезжающие в этом вагоне епископы и прочие члены Собора, погрузив свое имущество на добытые где-то ломовые подводы, отправились на Казанский вокзал. Здесь нас ждали, и мы без труда, хотя и с великой теснотой, погрузились в свой вагон. Было часов 8 утра. Ярко светило солнце, утро было чудесное.

Мне показалось, что одной моей вещи нет, и что я забыл ее в спальне на кровати. Поезд должен был отправляться в час дня, значит, у меня было в распоряжении пять часов – времени слишком достаточно для того, чтобы сходить в семинарию и вернуться назад. Я это и сделал – пошел Садовой мимо Сухаревки в Каретно-Садовую.

В семинарии, в спальне, вещи моей я не нашел. Отправляясь обратно и проходя мимо нашей семинарской церкви, где шла литургия, я остановился в дверях и немного постоял. Когда пропели, помню, Херувимскую, я тем же путем пошел на вокзал. Сухаревская площадь была полна народом, и на ней шел обычный воскресный торг.

Вдруг я услышал впереди выстрелы, и людская масса бросилась мне навстречу. Это, как оказалось впоследствии, была первая облава, ставшая потом обычным явлением. Я еще не понимал хорошо, в чем дело, но все же решил свернуть в сторону к линии бульваров. Там оказалось, было тоже беспокойно: показались редкой цепью солдаты и старались охватить кольцом прилегающую к Сухаревской площади местность. Я поспешил идти переулками, забирая все больше и больше в обратную сторону. Это дало мне возможность

благополучно выйти из кольца облавы, и я попал через Театральную на Мясницкую.

Было уже около полдня, и я с бьющимся от тревоги сердцем поспешил на вокзал. Мне удалось попасть в вагон за несколько минут до отхода поезда.

Я решил, что вещь моя где-то забыта мною, и значит, как гласит примета, я в Москву вернусь. Когда я вошел в вагон, то вещь, которую я считал забытой и из-за которой я чуть было не попал в облаву, – лежала на самом видном месте. Примета на этот раз оказалась верной: я больше Москвы не видал.

За неделю, примерно, до конца сессии Собора каждому из нас были выданы за собственноручною подписью Патриарха и секретаря Собора В.П. Шейна и за соборною большою печатью грамоты на звание члена Собора. Получил такую грамоту и я.

Это был длинный на толстой хорошей бумаге, в виде пергамента, свиток, художественно напечатанный славянскими буквами: заглавные киноварью, а остальные – черною краскою. С трех сторон этого свитка была тонко исполненная в две краски – темно-красную и коричневую – рамка, изображавшая цветы. Весь орнамент и буквы были выдержаны в стиле XVII века. Наверху большими буквами – вязью было киноварью написано: «С нами Бог», ниже – виньетка, изображающая на золотом фоне благословляющего Спасителя – в пояс, а далее шел нижеследующий текст:

«Божиею Милостию Патриарх Московский и всея России Смиранный Тихон.

Благодеющим о нас Промыслом Божиим, по молитвам Владычицы нашей Богородицы и Святителей Московских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, в богоспасаемом граде Москве, в лето от воплощения Бога Слова тысяча девятьсот семнадцатое, в день Честнаго Успения Пресвятыя Богородицы, открылся и начал деяния свои Священный Собор Православной Российской Церкви, для устройства дел церковных и утверждения благочестия в стране нашей. По благодати Святого Духа и избранию церковному, собрались Преосвященные архипастыри, боголюбивые пресвитеры, честные диаконы, благоговейные клирики, смиренные иноки, ученые и

государственные мужи и иные, исполненные «духа свята и разума», миряне, и совместно трудились, в меру своего дарования и знания, во славу Божию и на пользу Святой Церкви Православной. В сем славном Соборном сонме подвизался подвигом добрым боголюбивейший Сын Наш член Священного Собора Православной Церкви по избранию от Симбирской епархии Сергей Петрович Руднев. Во свидетельство трудов его на благо Церкви Божией и в благоговейное воспоминание о Священном Соборе, дабы памятуя о соборных трудах и упованиях, явил он „образ верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою” (1Тим.4:12), дана ему сия грамота за подписом Нашим и приложением Соборной печати, в богоспасаемом граде Москве, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот восемнадцатое, в 30 день месяца Марта. Скрепил: Секретарь Василий Шейн».

Слова – «по избранию... Руднев» были каллиграфически вписаны под общий стиль; – «Смиренный Тихон» и «Василий Шейн» – автографы.

Грамота была скатана и вложена в шагреновый картонный футляр.

Когда я на шестой неделе Великого Поста вернулся домой, в Дурасовку, то я привез о. Д. В. Розову известие о награждении его к Св. Пасхе наперсным крестом, а церкви нашей – беклемишевской – список с иконы «Державной» Божией Матери и эту грамоту для хранения ее в церковной ризнице на память о том, что от нее ее прихожанин был членом Всероссийского Церковного Собора.

Глава из книги: *Руднев Сергей Петрович*. При вечерних огнях: Воспоминания. – Харбин: Б. и., 1928 (Заря). С. 141–242.

Протоиерей Н. В. Концевич[46]⁷⁷

Аплодисменты на Соборе 1917–1918 гг.

На Соборе 1917–1918 гг. единственный раз раздались бурные, неудержимые аплодисменты. Это произошло тогда, когда закончил свою блестящую речь в защиту Патриаршества профессор-архимандрит Иларион [Троицкий]... [47]⁷⁸.

Записано со слов протоиерея Н. В. Концевича. Средняя Азия, Карши, 1932.

Об избрании Патриарха Тихона

Если бы в 1917 году собрать всех мудрецов мира и предложить им произвести выборы Патриарха для Русской Церкви, – то и они не придумали бы лучше того, что совершилось тогда Промыслом Божиим.

Конечно, рассуждая по-человечески, многие поверхностные люди не соглашались с таким заключением, но если попытаться окинуть беспристрастным взором все его дела и проникнуть в богомудрую глубину их и последующее значение в судьбах нашей Церкви, – другого вывода сделать невозможно!..⁷⁹.

Записано со слов протоиерея Н. В. Концевича. Средняя Азия, Карши, 1932.

Б. Марков

Весть об анафематствовании в Киеве

Возвращаюсь назад, к собранию, и спрашиваю владыку митрополита Платона [Рождественского], слышал ли он о послании Патриарха Тихона, предавшего анафеме всех посягающих на целостность и святость Православной Церкви?

Все ошеломлены. Оказывается, никто ничего не знает об этом послании. Две недели был Киев отрезан от северной России, и никакие вести ни из Москвы, ни из Петрограда сюда не доходили. Ничего не было известно и о происшествиях в Александро-Невской лавре.

Таким образом, мне было суждено стать в Киево-Печерской лавре первым вестником этого исторического факта в жизни Русской Церкви. «Владыка Патриарх предал анафеме? – спрашивает митрополит Платон. – Не можете ли вы припомнить текст этого послания?»

Цитирую послание по памяти; в напряженной тишине слушают меня иерархи, и невольно мысль переносит меня к первым векам христианства, когда весть о гонениях передавалась из уст в уста такими же случайными пришельцами, каким теперь явился я, и с таким же волнением внимало собрание верующих.

«Святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных, – вспоминаю я слова послания и сам с трудом овладеваю охватившим меня волнением, – или ограблению и кощунственному осквернению...

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: „Кто ны разлучит от любви Божия – скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?“⁸⁰».

Владыка Платон осеняет себя крестным знамением, и снова шелестят широкие рукава ряс, крестятся все, и откуда-то глубоким вздохом доносится:– Аминь!

Идем вниз, в трапезную, и профессор Голубев, подходит ко мне, говорит с влажными глазами:– Эта смерть во искупление,

во очищение самой обители от грехов. Может быть, во очищение всей России...

Марков Б. Убийство митрополита Владимира // Утро России. Пг., 1918. №20. 6(19) февраля. С. 3.

Священник Михаил Голунов, член Собора[48]⁸¹

Давно жданное и желанное торжество (Впечатления очевидца)

21 ноября в Москве, в Большом Успенском соборе состоялось незабываемое торжество – интронизация Патриарха Московского и всея России.

С раннего утра огромные толпы народа двигались по направлению к священному Кремлю, надеясь проникнуть внутрь его и – в Дом Пресвятыя Богородицы.

Успенский собор по тесноте своей не мог, конечно, вместить всех желающих присутствовать на интронизации, а поэтому Освященный Церковный Собор распорядился заготовить пропускные билеты, которые заблаговременно были розданы желающим, и по ним пропускали в Успенский собор.

Но прежде чем дойти до собора, надо было проникнуть в самый Кремль, куда пропускались желающие только в калитку Троицких ворот. Администрация Кремля почему-то решила не допускать большого скопления народа в стенах Кремля, а поэтому массы народные энергично задерживались. Оттого многие, желающие попасть на торжество, не только в собор не попали, лишены были возможности попасть даже внутрь кремлевских стен, чтобы принять участие хотя бы в крестном ходе после Божественной литургии. Чего говорить о том, как велико было огорчение этих лиц, которые, будучи современниками такого великого в истории Русской Православной Церкви события, события восстановления Патриаршества, а живя в Москве, не могли лицезреть этого торжества.

К девяти часам утра в Мироварной палате собрались члены Освященного Собора во главе с епископами, члены Святейшего Синода собрались в храме Двенадцати Апостолов, куда ожидался и Патриарх.

В храме холодно. Западная стена пробита снарядом. Зияет огромное отверстие, которое ничем не затянуто, и холод свободно гуляет по церкви.

На противоположной стороне храма – Распятие Господа Иисуса Христа с оторванными снарядами руками.

Публика входит в храм, благоговейно молится, подходит к отверстии рассматривает его, качает головой, вздыхает, а потом подходит к кресту и долго смотрит на него и со слезами целует Распятие. И глубокая скорбь охватывает душу при виде такого поругания святыни озверелыми людьми.

Девять часов. Напряженное ожидание. Сейчас должен явиться Патриарх. И вдруг восклицание: «Идет, идет...» Какой-то трепет охватывает присутствующих. Они устремляют свои взоры ко входу. Появляется новонареченный Патриарх. Появляется тот, которого мы, соборяне, видели каждый день, с которым и беседовали свободно, но теперь?.. Каким-то особенным обаянием веет от него... Он и тот, и не тот. Точно он переродился, стал одухотвореннее и дышит какою-то не земною красотой. И чувство глубочайшего благоговения перед ним охватывает всех, и тут же хотелось смиренно пасть на лице свое и лобызать его ризы.

Поблагодарив за приветствие и поздравление, принесенное ему митрополитом Платоном [Рождественским] от лица Святейшего Синода, Патриарх отправился в Мироварную палату для совершения краткого молебствия, а оттуда со всеми встречавшими его – в Успенский собор.

Шествие было торжественное. Впереди шел хор синодальных певчих; за ними – члены Собора миряне; за ними – члены Собора священники в ризах и епископы в мантиях, и все это шествие замыкал собою нареченный Святейший Патриарх. На нем была голубая мантия, на голове белый митрополичий клобук с бриллиантовым крестом, в руках – архиерейский жезл. Смирненно, с опущенным взором шел он в Успенский собор, где он должен принять в свои руки святительский жезл митрополита Петра, а с ним и всю тяжесть патриаршего служения.

Что думал в это время нареченный Патриарх? Нетрудно догадаться. Не на радость, не на пир он шел, он шел на страдания, на подвиг, шел на крест, повинувшись зову Пастыреначальника Иисуса. И страх, и скорбь, и тяжесть грядущих трудов изображались на лице его.

Войдя в собор, Патриарх стал на свое святительское место посредине храма и начал облачаться.

Тысячи глаз впились в Патриарха. Всем хотелось видеть Патриарха, хотелось запомнить черты лица его и хотелось зреть красоту святительских одежд его.

Строгий порядок, знание своих обязанностей окружающими Патриарха, благоговейное отношение к своему делу сослужащих ему, благолепие святительских облачений, стройное задушевное пение синодального хора – вся эта красота так возвышала, так умиляла молящихся, что они невольно приходили в благоговейный восторг, как послы князя Владимира, которые подобное испытали в храме св. Софии.

Патриарх обряжен в архиерейские одежды, в руках его горящие светильники; и сам он – как солнце, согревающее любовью сердца своего, не тесно вмещающего всех молящихся. И к нему как к солнцу теплomu и светлomu обращает протодиакон слова Христа: «Тако да просветится свет твой пред человеки, яко да видят добрые дела твоя и прославят Отца нашего иже есть на небесех».

Ударение слышится на словах «дела твоя»; они особенно выражают, должно быть, веру и чаяния Православного Русского люда, исстрадавшегося за все время войны и междоусобной брани, – веру, в то, что Святейший Патриарх своими делами, своими молитвами пред Престолом Всевышнего, своим ходатайством пред князьями мира сего устроит окончательно распolzшуюся матушку Русь и соберет расточенных чад Церкви Христовой.

Святитель на все четыре стороны осенил светильниками стоящий народ.

Выразительно, «с душой» поют исполатчики «тон деспотии». Голоса нежные, приятные, точно ангельские. Что-то неземное слышится в этих сладких звуках приветственной песни. Мягко прикасаясь к душе грешника, будят лучшие чувства его, вызывают отзвук на издерганных струнах сердца его и вызывают страдальческие и покаянные слезы. И видно было, как из глаз многих исстрадавшихся сердец хлынули горькие, горькие слезы.

Литургия шла обычным порядком до малого выхода. Первый возглас говорил член Собора протопресвитер Любимов – любимец Собора. Облачен он был в древнюю священническую фелонь, без выреза спереди, с оплечьями, шитыми жемчугом.

Протодиакон Розов был в древнем стихаре, причем оплечья стихаря и орарь также были шиты жемчугом. Множество архиереев, архимандритов и протоиереев были в золотых облачениях. Молящиеся спокойно ждали интронизации.

Читаются «Блаженны». Длинной вереницей северными дверями выходят из алтаря священнослужители, становятся по обе стороны Патриаршего Места и, после возгласа протодиакона «Премудрость прости», поют «Приидите поклонимся».

Вся церковь, как один человек, присоединяется к этому пению, и мощные звуки торжественной песни, сливаясь в одну гармоничную молитву, восходят к Престолу Всевышнего. «Спаси нас, Сыне Божий» выразительно поют молящиеся, веря, что только Он один, Спаситель наш, по молитвам Богородицы, святителей и чудотворцев московских, новонареченного Патриарха Тихона, спасет погибающее отечество.

Патриарх, поддерживаемый священнослужителями, сходит с амвона, входит в алтарь, куда входят и все сослужащие ему, совершает каждение алтаря и местных икон (большое кадило времен Патриарха Филарета), во время трисвятого благословляет народ и становится на горнее место.

В это время, как на пасху, народ стоит с зажженными свечами, ибо совершается великое таинственное дело – посвящение Патриарха. Торжественная минута... Два митрополита – Владимир [Богоявленский] Киевский и Платон [Рождественский] Кавказский – берут Патриарха под руки, три раза сажают его на патриаршее место со словами: «во имя Отца, Аминь; и Сына – Аминь; и Святого Духа – Аминь»; затем старейший митрополит (Владимир Богоявленский) читает над Патриархом особую молитву, чтимую на настолование Патриарха и громко произносит – «Аксиос».

Так долго лелеянная мечта Православной Русской Церкви осуществилась. Выборы и посвящение Патриарха совершились. Исправлена каноническая ненормальность. В дни мрака и печали среди бурь и грозных туч заблестело ясное солнышко – появился отец отцов. Остается теперь только радоваться. И священнослужители полным голосом и не скрывая радости, а за ними хор, а за хором весь народ в ответ митрополиту радостно и громко повторял: «Аксиос, аксиос, аксиос!»

Архиепископ Новгородский Арсений [Стадницкий], ставши пред престолом, произнес великую ектенью. В этой ектеньи Церковь молила Господа о ниспослании благодати Св. Духа на новопоставленного святителя Божию. А в это время те же два митрополита при помощи дьяконов облачали Патриарха в патриаршие ризы, снявши с него все архиерейское. Все облачение было взято из патриаршей ризницы из наиболее сохранившихся и красивых. Саккос с нашитой епитрахилью взят из ризницы Патриарха Питирима, омофор – Патриарха Никона, драгоценная митра – Патриарха Адриана, поручи, пояс и палица – Патриарха Никона, две панагии и крест – Патриархов Иова и Гермогена. Оплечья саккоса, весь омофор, поручи, пояс и палица сплошь унизаны жемчугом, художественно положенным в виде цветов или священных слов, исполненных вязью. Драгоценная митра, украшенная самоцветными камнями, представляет неопишемую красоту.

Как жених, только что обрученный с Церковью Христовой, украшенный паче всех сынов человеческих красотой одежд своих и обвеянный любовью окружающих его, воссел он на Патриарший Престол. И мысль, неотвязчивая мысль при виде этой радости уносила в то далекое прошлое, к тем временам, когда так же, как теперь, в этом самом Доме Пресвятой Богородицы предстательствовали за весь русский народ и приносили бескровную жертву о себе и о людских невежествах святители Божии – Петр, Алексей, Иона, Филипп и Ермоген (присутствует здесь в мощах вместе с грешным людом) и положили душу свою за любовь к своему отечеству и Матери-Церкви.

Кончается Божественная литургия. Причастившись св. Христовых Таин, сделавши отпуст, Патриарх отходит на Патриаршее Место. Здесь он переменяет свое облачение: вместо саккоса надевает зеленую бархатную патриаршую мантию, густо унизанную по источникам и на скрижалях жемчугом, надевает на голову белый патриарший клобук Патриарха Никона, украшенный вверху крестом из самоцветных камней, с херувимами на воскрилиях и на челе шитые жемчугом, надевает две патриаршие панагии и крест и выходит к народу, остановившись на амвоне. И вот пред нами во всем величии и красоте своей Святейший Патриарх...

Повеяло стариной, далекой милой стариной, когда русские люди не знали неверия, когда русские люди весь строй семейной жизни утверждали на христианских началах, когда и само государство строилось с совета и благословения Церкви, под непосредственным наблюдением Патриархов российских. И при виде этого нового Патриарха хотелось бы верить, что снова жизнь изменится, заскучают люди о вечной правде и вспомнят непререкаемую истину Божию, что «аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии» (Пс.126:1).

Митрополит Киевский Владимир [Богоявленский], ранее Патриарха вместе с другими вышедший из алтаря на середину храма с жезлом митрополита Петра, вышел навстречу Святейшему Патриарху и вручил ему этот жезл, приветствуя приблизительно следующими словами:

«От лица Освященного Собора и всего народа поздравляю Тебя, Святейший Владыка, со вступлением на Патриарший Престол и радуюсь, что Господу угодно было снова восстановить Патриаршество. Но я боюсь, что не соответствует Твое настроение нашей радости, потому что в Твоих словах в ответ на наше приветствие в день избрания Твоего на Патриарший Престол прозвучала нотка тревоги и опасения, что, конечно, естественно, ибо не на радость, не на пир, а на путь страданий и лишений поставлен Ты». Далее митрополит красноречиво изобразил всю тяжесть патриаршего служения особенно в нынешнее смутное время и в заключение речи в утешение Патриарха сказал, что с ним будет Господь, Пречистая

Матерь Божия, все святые угодники Божии и почивающие здесь великие строители и собиратели Земли Русской, святители Московские – Петр, Алексей, Иона, Филипп и Гермоген.

Слова митрополита звучали жизненной правдой. Кажется, еще не было такого трудного времени на Руси, как теперешнее. Вся сила ада ополчилась на Церковь. Разрушают храмы, ниспровергают престолы, оскверняются священные алтари, подвергаются поруганию святые мощи. Злоба человеческая не пощадила Сердца России – Кремлевских Святынь, надругавшись над ними. Вот и в этот день, в день радостный для христиан, слуги темной силы напрягали все усилия, чтобы испортить радость православного люда. Огромную толпу желающих попасть в Кремль пропускают по одному человеку в узкую калитку Троицких ворот. Как бы для водворения порядка вызывается конница, которая на своих больших лошадях, без рассуждения, едет на народ, которому между двумя стенами податься некуда. Многие архиереи подвергались опасности быть раздавленными. Даже сам Святейший Патриарх едва проник в калитку. Когда Патриарх совершал объезд Священного Кремля, окропляя его святой водой, солдаты, собравшись между Никольскими и Спасскими воротами у могил большевиков, схороненных «без пения церковного, без ладана, без всего, чем могила крепка» не только не приветствовали его, даже не обратили на него внимания, ставши спиной к нему. А когда Патриарх поравнялся с ними – музыка заиграла Марсельезу.

Поблагодарив за приветствие и поздравление митрополита и весь народ и благословивши всех, Патриарх направился к выходу для совершения крестного хода.

Золотой лентой вытянулось по Кремлевской площади духовенство, ярко блестели золотые хоругви, воодушевленно пел народный хор; радостно и торжественно гудел Кремлевский ревун под аккомпанемент Ивановских колоколов, величаво ступал Святейший Патриарх. Драгоценные камни его креста на клобуке при свете солнца переливались множеством огней. Зеленая патриаршая мантия, усыпанная жемчугом, приводила всех в восхищение. Народ, тысячами невидимых нитей

притягиваемый к Патриарху, тесным кольцом окружал его. Видно было, как многие старались приблизиться к нему, прикоснуться к одежде его и заглянуть в лицо ему. И чувствовалась общая радость, радость пасхальная, трудно передаваемая. И слышались молитвенные вопли, согретые верой: «Отец наш, заступник наш, помолись за нас!»

Выслушав краткое молебствие после крестного хода в Успенском соборе с провозглашением многолетия «Великому Господину нашему, Святейшему Тихону, Патриарху Московскому и всея России», Патриарх сел в карету, объехал Священный Кремль, причем окроплял стены Кремля святой водой, а затем отправился на свое Троицкое подворье. Народ во множестве двигался за ним.

Надолго останется в памяти этот радостный день. Все православные русские люди торжествовали. И даже солнышко, как бы желая разделить радость ликующего люда, весь тот день обливало Москву своим живительным блеском.

Михаил Годунов, свящ. Давно жданное и желанное торжество (Впечатления очевидца) // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №153. 26 ноября. С. 3–4.

Елена Федотова

Вновь с Патриархом (к портрету)

«I. День великой радости и великой печали.

День упования и вместе отчаяния, безнадёжности.

Ударил древний благовестник – колокол Ивана Великого, поплыл гул его над Кремлем, над всей белоликой златоверхой Москвой и сказал: пробуждайся древний град свято-русской земли, иди на зов колокольный под сень Кремля.

Сегодня великое торжество, радость несказанная: сегодня явит Церковь народу русскому, Православному Святейшего Патриарха.

Его ждет уже Успенский собор, ждут потемневшие от столетий лики святителей и чудотворцев Русской земли, благоговейно ждет тысячная толпа. Теплятся жертвенные лампы.

И вот свершилось. Пришел. Колыхнулась толпа, и озарился храм тысячею колеблющихся огней. Все ожило, просветлело, заликовало.

Осанна! – пела душа и устилала путь его незримыми библейскими лилиями.

Еще никогда так пламенно не жаждало сердце молитвы: по-новому звучали песнопения и знакомые слова Евангелия.

Торжество из торжеств.

Уж скоро воссядет на древний Патриарший Престол новый преемник святителя Гермогена.

И вдруг ворвался в храм ужас столичный, горе неизбывное. Ворвалась кошмарная правда наших дней и ударила в сердце и нагло спросила:

– Чему радуешься... кого превозносишь? Не прах ли ты у ног моих? Не потешные ли для меня огни – твои лампы?

Да, все это было.

Торжественно звучало многолетие Святейшим Патриархам Герману, Фотию [Пероглу], Григорию [Аль-Хаддаду], Дамиану [Касатос] и Тихону, и, наконец, раздались слова величайшей скорби, какую когда-либо переживала многотерпеливая русская душа и «...Богохранимой державе Российской многая лета».

Острая боль пронзала сердце. «Великая Богохранимая держава Российская!»

Горе, горе!.. Где ты, великая держава, где ты многомиллионный славянский народ?

Там, за стенами этого храма, лежит умирающая, истерзанная Русь.

Разорвали вороги ее одежды, черные вороны клюют ее сердце. Бедная Русь!

И брызнули из глаз слезы. И уже до конца торжественной службы раненой птицей билось в груди сердце и трепетно припадало к ногам смиренного сребровласого святителя и взывало: спаси, спаси, спаси...

Тебя облекли в древние ризы Патриархов, в десницу твою вложили крест и посох чудотворца Петра-Сим победиши!

II. Кончилась служба.

Волна народная покатила из храма на Царскую площадь, где новый Богоизбранный Патриарх должен был совершить краткое молебствие.

Ясный ноябрьский день брызнул в глаза потоками солнечных лучей.

А в сердце опять накапливают слезы и рвется наружу тихий, болезненный крик. 200 лет лежали в ризницах древние облачения Иова, Никона, чудотворцев Петра и Гермогена.

200 лет забвение ткало над ними свою паутину. И сегодня Промысл Божий опять явил их народу.

Увы, не тот народ, не те стены кремлевские и святыни их!

Плывут в воздухе хоругви и иконы, под мощный гул колокола Ивана Великого колеблется в воздухе на древке потемневший старинный патриарший крест и словно вопрошает:

– Лико земное, ты – ли?

А где же бояре, дети боярские, народ торговый и многое множество иных людей? Почему не сверкают под солнцем драгоценные камни и парча? Где прежний народ московский, устилающий путь святителя своими одеждами, путь Патриарха всея великие и малые Руси, когда сам царь становился его меньшим братом?

Не враг ли лютый пришел опять на русскую землю, не порабощена ли вера Христова?

Да, да... Враг лютый, великое бедствие! Не им ли ранен златоверхий купол величавой Кремлевской святыни, не он ли превратил в груды кирпичей врата храма 12 апостолов?.. Всюду следы поругания, всюду тяжелая кара Господня!

Так вопрошал древний патриарший крест, отливая на солнце темным рубином. А, может быть, я не знаю, то блеснули его кровавые слезы.

Пуст кремлевский простор.

Тонкой змейкой вытянулась от храма толпа людей. Кой-где белеют прорывы... И среди этой скорбно молчаливой толпы тихо шествует в сонме духовенства преемник святителя Гермогена. Да где же ты, народ московский, великий народ-богоносец?

Или заперли чьи-то темные руки перед тобой железные кремлевские врата и не дали возрадоваться радостью великою, выплакать свое неизбывное горе.

Терпи и надейся, сердце народное!

Ты видишь этих людей в серых шинелях, спиной обратившихся к проезжающему Патриарху у кремлевских стен. Ты видишь их? Ну, так помолись за них в своих молитвах: «ибо не ведают, что творят».

Горячо помолись, ибо рушится тысячелетняя держава Российская!

Боль сердечная говорит в нас: «Погибнем мы, но и ты погибнешь „косматый хищный зверь с кровавыми глазами“, что осквернил святыни кремлевские».

Святая Боголюбивая Русь, отчий дом наш, ты дороже отца и матери, дороже нам детей наших!

Кровью плачет о тебе сердце народное и взывает к Богоизбранному Предстателю своему:

– Ты – единая надежда, единый оплот наш. С тобою святители и чудотворцы Русской земли... Да помогут они тебе собрать воедино мятущееся стадо твое, возвеличить Церковь Христову и сберечь великую державу Российскую, сберечь

последнее могучее племя славян, заливаемое волнами чуждых
по духу и вере народов!

Федотова Е. Вновь с Патриархом (к портрету) // Церковные
ведомости. Прибавления. 1918. №1. С. 8.

А. Палицкий

Обзор Церковно-общественной жизни

Никогда, кажется, величайшая радость и величайшее горе не сплетались так тесно друг с другом, как в современной церковной жизни. Более двухсот лет не собирался на Руси Церковный Собор; более двухсот лет стояла незамещенною, пустою кафедра Московского и всея России Патриарха. И вот, слава Тебе Господи, мы видим утешение великое. В Москве, хотя и при скорбных тяжелых обстоятельствах, открылся и обсуждает церковные дела Священный Собор. Одним из первых его шагов было восстановить упраздненное Петром Великим на Руси Патриаршество. Мы видим вновь на патриаршей Московской кафедре святителя Божия – избранника народного.

Оставим в стороне споры ученых профессоров о том, следует ли или нет, восстанавливая соборный строй церковной жизни, восстанавливать и Патриаршество. Соответствует или не соответствует патриарший строй устройству церковного быта первых веков христианства, но мы знаем, что он веками существовал в Православных Церквях Востока. Мы почувствовали, что в настоящие скорбные, полные развала и распада государственной жизни нашей родины дни, когда Россию буквально разрывают на клочки, нам нужно церковное объединение в одном лице, а не в коллективе, которым являлся Синод, и этого глубокого чувства достаточно для того, чтобы заставить замолкнуть все споры и сказать: слава Богу, у нас есть опять, как в Московской Руси, свой Первосвяtitель! Итак, Собор Поместной Русской Церкви и избрание и возведение на Патриарший престол московского митрополита Тихона – вот две великих радости, которых не в силах затемнить и то жестокое гонение, которое воздвигнуто на Церковь Божию в последние дни. Но, тем не менее, не нужно за радостью закрывать глаза и на великие испытания, которые послал Господь Русской Церкви. Стремление власти, руководимой людьми, враждебно настроенными к Церкви, не только лишить Церковь всякого имущества, но и сократить, насколько возможно, Ее духовно-просветительную деятельность

с каждым днем проявляется все резче. Попытку изгнать Петроградского митрополита Вениамина [Казанского] из его собственных покоев и захвата Александро-Невской лавры, как будто не оказалось во всем Петрограде, где теперь пустуют десятки хорошо оборудованных лазаретов и многих дворцов, помещения для нуждающихся в призрении, – никак нельзя оправдать государственными нуждами. Точно так же нельзя оправдать никакими демократическими принципами и разгон синодальных служащих и захват всех духовно-просветительных капиталов. Государство могло оставить Церковь без поддержки, но отбирать то, что составлено из принесенных в храм народом копеек, – это не значит обеспечить народу свободу совести. Убийства и расстрелы священников, зверское убийство какими-то грабителями Киевского митрополита Владимира [Богоявленского] показывают, что русский народ дошел до полного одичания, до потери чувства святости. Дошел, может быть, не в своем большинстве, еще не потерявшем совесть, но во всяком случае в значительной части. [...]

Нет у нас бережного отношения к тому, что относится к святине, близко к ней. Не доразвились мы до понимания, что вся маленькая местная церковь, т. е. приход, составляет из себя тоже организм, в котором все живут одною жизнью, и боль одной отзовется на всех. Поэтому и то гонение, которое воздвигается на нашу Церковь, пустит временно глубокие корни. Не сразу спохватится народ, что он делает великий грех, давая на поругание святине. Но все-таки он спохватится и скажет свое слово и восстановит свободное существование Православной Церкви...

Палицкий А. Обзор церковно-общественной жизни // Луч света. Пг., 1918. №1–2. 21 апреля. С. 4–5.

Неизвестный автор

Всероссийский Патриарх Тихон

Избранный волею и благословением Церковного Собора на Патриарший Всероссийский Престол и торжественно возведенный (21 ноября прошлого года) в патриарший сан, митрополит Московский Тихон на всех местах своего архипастырского служения – в Америке, Ярославле, Вильне – заслужил общую любовь своим святительски-любовным отношением ко всем, оставил по себе редкую память и провожаемым был отовсюду с непритворными слезами. Выдающиеся достоинства сего владыки – широкие и глубокие познания, такт и архипастырская опытность, отзывчивость и особенно его высоко-христианское настроение, никем непререкаемая чистота и высота его святительского служения выдвинули его на высокий пост сперва митрополита Московского, а затем и Патриарха Всероссийского.

С возложением на главу митрополита Тихона белого патриаршего клобука, украшенного сверху крестом, с херувимами на воскрилиях и челе, и двумя панагиями, – повеяло далекой милой стариной, когда русские люди утверждали весь строй семейной жизни на христианских началах, когда и само государство строилось с совета и благословения Церкви, под непосредственным наблюдением Патриархов Всероссийских... В дни мрака и печали, среди бурь и грозных туч заблестело ясное солнышко – появился «отец отцов», «собиратель верующих людей», «молитвенник и печальник» за землю русскую, принявший на себя великий Голгофский подвиг. И подлинно, шествуя из Мироварной Палаты в Успенский собор, чтобы принять в свои руки святительский жезл митрополита Петра, владыка Тихон шел не на радость, не на пир, а на страдания и крест, повинувшись зову Божественного Пастыреначальника, Христа-Спасителя. Сам святитель Тихон, пред лицом Освященного Собора, говорил, что «для Патриаршества вполне подходящим был приснопамятный Московский митрополит Филарет (Дроздов), который, не именуясь Патриархом, был как бы Патриархом Русской Церкви.

Но, все же, при нем Патриаршество не было восстановлено: Господь нашел по нашей немощи и духовной бедности, когда у нас нет такого человека, какими были прежде великие святые, – нашел благовременным дать одному из нас духовный дар Патриаршества. Сознывая вполне всю скудность и немощность, Патриарху нечего и думать о том, чтобы получить власть и господство над Церковью: ему должно искать не своей выгоды, не честолюбия, а иметь в виду благо и пользу св. Православной Церкви». В своем воззвании «архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской» (от 19 минувшего января) Патриарх Тихон возвысил мужественный голос в защиту Святой Матери-Церкви и основных устоев церковной жизни (по поводу глумления над таинствами, разрушения и кощунственного оскорбления святых храмов и обителей, превращения церковных и пастырских школ в училища безверия и рассадники безнравственности, отобрания имущества монастырей и церквей православных). А когда Патриарху было указано присутствовавшими при составлении этого воззвания на резкие выражения, предлагая их несколько смягчить, то Патриарх, подумав немного, перекрестился, подписался и заявил: «Готов на всякие страдания, даже на смерть во имя веры Христовой». И позднее, по поводу мученической кончины митрополита Киевского Владимира [Богоявленского], протоиереев Иоанна Кочурова и Петра Скипетрова, убиенных и замученных обезумевшими и несчастными сынами родины нашей, Патриарх в своем призыве пастырям Церкви – мужественно сносить испытания, начертал: «Если пошлет Господь нам испытание гонений, уз, мучений и даже смерти, будем терпеливо переносить все, веруя, что не без воли Божией совершается это с нами, и не останется бесплодным подвиг наш, подобно тому, как страдания мучеников христианских покорили мир учению Христову».

Всем чадам Церкви Всероссийской остается молиться, чтобы Господь дал силы «великому господину, Святейшему Патриарху Московскому и всея России» понести тяжелый крест и облегчить ему несение этого креста, подобно Симону Киринеянину, понесшему крест Господень. Когда вся

Православная паства окажет своему, давно желанному, духовному Кормчему полное доверие, сыновнюю преданность, а более всего – искреннюю любовь, тогда скоро затихнет бушующая ныне буря страстей, улягутся волны и корабль церковный, имея одного Кормчего, спокойно пойдет вперед к тихой пристани, спасая пловцов от временных бед и вечной гибели.

Всероссийский Патриарх Тихон (С портретом) // Луч света. Пг., 1918. №1–2. 21 апреля. С. 5.

И. Жилкин [49]⁸²

В Кремле

Утренние сумерки скупое таяли в морозном воздухе. Осколок луны сиял на небе. Зубцы кремлевской башни четко застыли на светлеющем фоне. Тишина, безветрие, безлюдье. Жизнь города еще не проснулась. И казалось, что времена и сроки смешались в утренней мгле. Какой сейчас век? Шестнадцатый, восемнадцатый?

И что это за призраки колышутся в узкой трубе, ведущей сквозь арку и через мост к Троицким воротам? В синих потемках густо шевелится народ, и среди него беспокойно топчутся лошади, выделяясь то крупом, со взмахом хвоста, то вздергивающейся занузданной головой. И всадники простирают руку, не то угрожая, не то предостерегая.

Что это, призраки опричнины пугают призрачную толпу?

Входишь в тесноту и гул. Бестолочь, крики, почти вопли. Толпа жметесь и шарахается около копыт лошадей. Всадники становятся в ряд, загораживая дорогу. Другие гарцуют назад и вперед по узкому проходу. А толпа напирает, струится по бокам, мимо хвостов и копыт рассерженной охраны.

И все продолжает казаться призрачным в морозной полутьме. Какие-то старцы в черных клобуках зажаты в толпе. Какие-то старинные ларцы и узлы с парчевой одеждой высовываются над головами. Одного белого старичка прижали к хвосту топчущейся лошади, и слышны отчаянные женские крики:

– Кого давишь! Гляди! Архиерея давишь!

На лице старичка испуг и молчаливая покорность. А у всадника молчаливое лицо ухаля с лихим клоком волос на виске. Он, видимо сжал скулы, и не поймешь, угрожает ли он, издевается ли над толпой, или попросту сдерживает волнуемую лошадь.

– Не напирай! Говорят, нельзя! – раздаются вдали окрики.

– Да мы с билетами!

– Хоть бы с разбилетами! Никого не пускают!

Толпа, не слушая, скользит по стенам.

Какая-то карета въехала в проход.

– Нельзя! Нельзя! – загораживают дорогу всадники.

– Митрополита пропустите! – взывает кучер.

– Никому нельзя!

– Они и Патриарха не пустят! – ворчат в толпе.

– Очень просто!

Однако выясняется, что впереди стали пускать. Приоткрылась калитка Троицких ворот, около нее ошметинились штыки, и кое-кто стал проскальзывать внутрь.

Давка усилилась до удушья, до воплей.

Солдаты замахивались штыками, всадники пробовали наезжать, – порядок не улучшался.

Толпа, устраивая беспорядок, обычно винит не себя, а охранителей, вражда к которым всегда и неизбежно вспыхивает в толпе.

Здесь же были особые, сверхобычные причины ко взаимной вражде.

Патриарх, казалось бы, должен был въехать в Кремль как долгожданный Глава Церкви, как мирный победитель воскрешающего Православия, при ликовании народа.

А тут оказались иные завоеватели Кремля, во имя других целей, с иными чувствами и другими средствами.

И обе стороны смотрят друг на друга с открытой неприязнью, как на что-то временное, случайное.

Призрачной, видимо, кажется верующей толпе эта странная кучка неожиданных людей, захвативших святыни Кремля и власть в России. Вот-вот развеется это наваждение, как утренний нездоровый туман.

А люди со штыками враждебно и раздраженно отталкивают толпу, и, может быть, эти клобуки, священнические кресты, белые бороды, гневные женские лица, шляпы мужчин кажутся им призраками прошлого, отжившей веры, побежденного быта. И вот-вот эти призраки, вспугнутые, исчезнут окончательно, и останется новая религия, прочная, земная, социал-материалистическая.

С билетами в руках продирается публика мимо солдат, спотыкается через высокий порог калитки, и одинаково с

испугом, робостью или раздражением бегут через площадь епископы, дамы, монахини, горожане в шляпах и шапках.

Впереди ожидаются новые окрики, штыки и заставы, и некогда вглядеться в новые факты в виде разваленных в щебень каменных ворот синодальной конторы, краснеющих развороченным кирпичом пробоин Чудова монастыря, разнесенных вдребезги окон, бугров мусора на краях кремлевских площадей.

Вереницами поспешно струится публика к Успенскому собору. И здесь, под вековыми сводами, среди строгой пышности залитого золотом и огнями свеч древнего храма как будто настает утешение.

Плавно льется торжественное богослужение. Львиный голос протодиакона, волны стройных и мерных звуков хора, то нежных, то мощных, серебряные всплески хрупкого пения исполатчиков, благолепные ряды епископов в митрах, осыпанных драгоценными камнями, и золотых ризах, хождения, поклоны, возгласы – вся эта красота ритуала все еще властна неопикуемой силой, которая вливалась в кровь многих поколений из века в век.

А главное, конечно, Патриарх.

Он – центр всего торжества. И на него глядят с упованием. Из живого человека он превращается на глазах у всех присутствующих в живой символ. И если тайная сила символов еще не увяла, то не мощный ли, казалось бы, символ возрождается в русской жизни?

Вероятно, для многих, у которых невольные слезы согревали сердце, не было простым зрелищем, когда Патриарха возводили на торжественное седалище в алтаре, когда его облачали в особые ризы и надевали ему на голову древний Патриарший венец, когда подносили ему перед Царскими вратами старинный посох и снова возводили на другое Патриаршее Место внутри храма.

И простое старческое лицо Патриарха с небольшой седенькой бородой, с жидкими, еще не седыми волосами, с невидными бровями и русскими, почти бесцветными, серо-

голубыми, серьезными, скорбными глазами влекло к себе напряженные взгляды, умиленное внимание.

Это чувство, видимо, росло, когда Патриарх, в сопровождении золотой свиты передвигался по храму, прикладывался к мощам, поднимался на возвышение посередине церкви, входил в алтарь или, выходя из него, благословлял склонявшуюся толпу.

И сердечным гулом ответила вся молитвенная масса на краткие речи [архи]епископа Анастасия [Грибановского] и Патриарха Тихона о силе и дерзновении Церкви среди нынешних вихрей.

– Аминь! Аминь!

В конце, когда утомленный до полуобморока Патриарх, скорбно и терпеливо морща лицо, благословлял Крестом священство и епископов, быстро и покорно целуя руку целующим его десницу, толпа прихлынула неудержимой волной к амвону.

Патриарх вошел в алтарь, а толпу хлестнуло к самым Царским вратам.

И стало тревожно. Толпа нагрелась чувством до жаркой, неразумной опасной степени.

Страшно было за Патриарха, которому предстояло идти к выходу.

И едва Патриарх, согнувшись, в сереньком [? – *Сост.*] клобуке, показался на амвоне, толпа задрожала и ринулась с припадочной неудержимостью. Добровольцы-охранители с трудом спасали Патриарха, отбивая неразумных, давивших себя и соседей и рвавшихся под благословение Главы Церкви.

Жутко было глядеть, как сдавленный со всех сторон Патриарх еле продвигался по церкви, жалобно сжавшись и покорно благословляя беснующиеся головы короткими крестами. А толпа бушевала, металась, напирала – еще миг, и казалось, что Патриарх будет раздавлен, затоптан с десятками других людей.

– Это еще по билетам пущены! – качали головой благоразумные. – А если бы улицу сюда пустить?

– Ходынка бы, и Патриарху смерть, – утвердительно говорил сосед. – Эх, пожалеешь старый-то порядок! Городовые бы управились!

Толпа вытеснила Патриарха на возвышенное место, потом смяла его вниз и несла к дверям, грозя расплющить его о железо дверей, и торопливое беснование валило людей около возвышения, на возвышении и дальше к дверям. Слышались сдавленные крики. Виднелись взмахи рук. Кажется, уже многие дрались в религиозном смятении.

Увы! Толпа, видимо, всегда одинакова, даже отобранная по билетам. И велика ли цена толпы, если она ждет порядка от плети городского, а свободная давит и топчет собственную святыню?

Разгоряченная публика выходит из храма, а снаружи стояла, покачивая штыками, серая цепь солдат. И, кажется, многие из них насмешливо шурились на церковную публику.

На Царской площади кое-кто задерживался перед красными язвищами Чудова монастыря, но большинство спешило уйти из Кремля, боязливо оглядываясь на солдат.

Сияло солнце на голубом небе.

В Троицких воротах усталые солдаты хмуро выпускали публику и отталкивали напивавших извне. В Троицком проходе перед иконой в арке за мостом группа монахинь в белых платочках пела стройно и громко высокими голосами Богородичный тропарь. Толпа жадно глядела на выходявших епископов в клобуках, спрашивая:

– Это не он?

И загадочно шурились солдаты.

А невдалеке неся, гроыхая, трамвай, и обычная жизнь города вкладывалась как будто в обычное, привычное, выделанное веками, русло.

И мешалась усталая голова от странных мыслей.

– Вся ли жизнь наша – призрак и тень? Или нет ничего фантастичнее факта, и после всего с великим трудом и неохотой признаем мы действительные факты? Сочетай же, русская жизнь, как сумеешь, два призрачных факта,

встретившихся за зубцами Кремля: воскресшее Патриаршество и победный наскок большевизма.

Жилкин И. В Кремле // Русское Слово. М., 1917. №256. 23 ноября (6 декабря). С. 5.

Л.В. Карташев [50]⁸³

Последний обер-прокурор и первый Патриарх

В церковном обществе одной из основных сил всегда был и будет консерватизм, но консерватизм, к несчастью, часто перерождается в слепую инерцию, готовую сломать кости жизненно творческому течению, недостаточно еще окрепшему. Нужно разъяснять, писать о том, каково было положение Церкви в период Ее нахождения в плену у государства, какие глубокие внутренние перерождения испытало в связи с этим церковное сознание. Нужно пробуждать сознание значения Церкви, самой по себе, без государства, копить Ее силы, нужно за это бороться.

В свое время покойному Патриарху Тихону был представлен законопроект об организации отношений между Церковью и государством, составленный в качестве программного для «Управления вооруженными силами на Юге России» генерала Деникина. Патриарх, выслушав, грустно засмеялся... «Вашими устами да мед пить... Когда-то эта идея осуществится?» Он был мудрее нас и предвидел дальше, чем мы. Потому-то он и отказался благословить белый фронт. Он предвидел неизбежную потребность отделения Церкви от государства, сознавал, что – для данного периода – мечта об ином устройении церковной жизни является церковно-общественной маниловщиной. Святейший Патриарх был человеком народа, трезвого практического чутья, и знал, что большевистская канитель всерьез и надолго и делить с таким государством Церкви нечего.

Карташев А. В. Церковь и государство (Запись устной беседы) // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж, 1931. №6. С. 9.

Е. Четверухина [51]⁸⁴

Собор, Патриарх и старец Алексей

До переворота 1917 года Русская Православная Церковь управлялась государством. Такой порядок ввел Петр I в 1703 году после смерти Патриарха Адриана. Это управление осуществлялось посредством Святейшего Синода, во главе которого стоял обер-прокурор. Святейший Синод определял духовных руководителей всех епархий России. Временное правительство, занятое межпартийными раздорами, перестало заниматься церковными делами. На всех уровнях, сверху донизу, устанавливалось самоуправление, Святейший Синод бездействовал. Это вылилось в удаление на покой нелюбимых паствой архиереев. Освободились вакансии в ряде епархий, в том числе в Петроградской и Московской. Вместо отправленного на покой митрополита Макария, митрополитом Московским и Коломенским в июне 1917 года был избран архиепископ Виленский и Литовский Тихон [...] которого позднее возвели в сан митрополита.

Идея восстановления упраздненного Петром I Патриаршества зрела давно. Она обсуждалась еще в начале XX века. Особенную актуальность проблема учреждения Патриаршества приобрела в ходе революционных событий 1917 года. В его восстановлении духовенству виделось одно из средств укрепления Православной Церкви в нестабильной обстановке социально-политических потрясений. Поэтому было принято решение созвать Всероссийский Поместный Собор в Москве. Это можно расценивать как признание Москвы православной столицей. Началось выдвижение делегатов.

15 июля 1917 года в Троице-Сергиевой лавре открылся предсоборный монашеский съезд Московской епархии [52]⁸⁵. По личной просьбе святителя Тихона старец Алексей [53]⁸⁶ принимал в нем участие и был избран членом Всероссийского Поместного Собора. 14 августа старец прибыл в Москву. Вот как вспоминает об этом Евгения Леонидовна [Четверухина]: «Мы встретили его на вокзале, куда приехали еще до прихода поезда, взяв с собой двоих старших детей: Сережу и Симу. Не

могу передать того чувства счастья, когда мы увидели, что из вагона вышел наш родной батюшка в сопровождении отца Макария [Моржова] [54]⁸⁷ и небольшого числа своих духовных чад. Старца ожидал на вокзале его сын – инженер Михаил Федорович Соловьев, с которым нас батюшка и познакомил. Отец Алексей был веселый и бодрый, рад был видеть и нас, и наших детей. Я даже успела его спросить о чем-то, пока мы шли по платформе. Однако, когда батюшку хотели посадить в поданный для него автомобиль, он очень смутился и не сразу решился туда сесть. „Как же это я в клобуке, – рассуждал он, – и сяду в автомобиль, можно ли это?“. Но батюшку уговорили и, бережно усадив, повезли в митрополичьи покои Чудова монастыря, где его с любовью принял его духовный сын – молодой наместник архимандрит Серафим (Звездинский)».

На следующий день, 15 августа, состоялось торжественное открытие Всероссийского Поместного Собора в Храме Христа Спасителя. О значении, которое придавалось этому событию, свидетельствовал приезд в Москву из Петрограда Председателя Совета Министров Временного правительства А.Ф. Керенского и Председателя Государственной Думы М.В. Родзянко. Председателем Собора был избран святитель Тихон.

Весть о приезде старца Алексея в Москву быстро облетела его духовных детей, а любовь научила, где его можно встретить. Видели мы его каждую субботу в Чудовом монастыре, когда он шел к всенощной. В ожидании выхода батюшки все мы выстраивались коридором от западных дверей. Едва он показывался в дверях, мы обступали его, брали благословение и, если кому было нужно, спрашивали. Мы не раз возили в Кремль и своих детей. Всю всенощную мы выстаивали в монастыре и после нее все снова видели старца, который всегда с отеческой любовью нас благословлял и спрашивал о нашем здоровье.

Рабочие заседания Собора проходили в Епархиальном доме, находившемся в Лиховом переулке, вблизи Каретного ряда, и батюшка ездил туда на чудовской лошади с митрополитом Платоном [Рождественским], иногда с

митрополитом [архиепископом. – *Сост.*] Михаилом [Ермаковым], а то и просто на трамвае.

В конце августа весь Поместный Собор ездил в Троице-Сергиеву лавру поклониться мощам преподобного Сергия и просить его о помощи в деле возрождения России.

В то время я уже начал писать о старце и его родных и, желая иметь больше сведений о его прошлом, частенько отправлялся в Лихов переулок и поджидал там окончания заседаний, чтобы проводить батюшку до Чудова монастыря и кое-что у него выпросить.

В октябре 1917 года грянула новая революция. Старец с другими соборянами перешел жить в подвал Чудова монастыря и таким образом избежал смертельной опасности. Об этих днях очень хорошо и подробно вспоминает и сам старец:

«27 октября [ст. ст.] утром, я, после ранней обедни, собрался на заседание Собора. Приходит ко мне о. Макарий и говорит, что в городе неспокойно и даже слышны выстрелы: не лучше ли мне на заседание не ехать? Я говорю, что я не могу не ехать, что это мой долг и что я только тогда могу не быть на заседании, когда нет никакой возможности пройти. И вот, я вышел из Чудова монастыря и пошел к Никольским воротам, по Сенатской площади, к трамваю. Слышу, действительно, выстрелы, перестрелка, а я все-таки иду и вот, дойдя до середины площади, встречаю молодого офицера. Он меня останавливает и спрашивает: „Батюшка, куда вы идете? Слышите – кругом стрельба?“. Отвечаю: „Я член Собора и должен быть сегодня на заседании“. „Да вы не дойдете до Собора, – говорит офицер, – по всей Москве сейчас стрельба идет“. „Я вам говорю, – говорю я ему, – мой долг быть на заседании Собора, и я останусь только, если вы сможете меня уверить, что нет никакой возможности мне дойти до Лихова переулка“. „Я вас уверяю, Батюшка, – ответил офицер, – что вы до Лихова переулка не дойдете“.

Тогда я решился вернуться в Чудов монастырь. И вот, в этот день начался обстрел Арсенала, но снаряды, пролетая мимо него, падали в Чудов. Непрестанно слышна была перестрелка, гул орудий, шум от разрывающихся снарядов, разрушающихся

зданий и разбивающихся стекол. Даже в мою келью влетел в окно снаряд, пока я читал утреннее правило, но, слава Богу, не убил меня, хотя пролетел совсем близко. Вот, как я был [близок? – *Сост.*] от смерти. Я весь предался в волю Божию, да творит Он со мною, что Ему угодно, как хочет и как знает. Владыка Арсений [Жадановский, епископ Серпуховской, управляющий кафедральным Чудовым монастырем. – *Сост.*] благословил нам всем говеть, и, когда мы приобщались Св. Христовых Таин, во время литургии, снаряд с силой ударился в окно храма, того верхнего храма, где покоились мощи Святителя Алексия, стекла посыпались на пол, и вся церковь задрожала. После литургии, мы, с пением тропаря Святителю, торжественно перенесли мощи угодника Божия в пещерный храм. Пока мы шли через двор, приходилось нагибаться, потому что кругом свистали снаряды. Св. мощи были положены на престоле в главном храме, и, когда начали служить молебен, оказалось, что молитву Святителю забыли в соборе и идти туда было уже небезопасно, потому что стрельба с каждым часом усиливалась. Тогда служивший молебен епископ Владимир [Тихоницкий? – неверно, следует: архиепископ Михаил Ермаков. – *Сост.*], как бы по вдохновению начал вдруг сам говорить молитву Святителю Алексию, и, действительно, вдохновенна была эта молитва. Он говорил просто, как будто самому угоднику Божию, а мы чувствовали, что угодник Божий невидимо стоит с нами и готов нас защищать и спасти. После, когда хотели записать эту молитву, Владыка не мог ее повторить.

И вот, целую неделю скрывались мы в подземелье, как в катакомбах, и как-то близко чувствовали Бога. В Нем одном искали мы поддержку и помощь, ведь все это Господь посылает нам, чтобы приблизить нас к Себе, и в жизни каждого человека, предающего себя всецело в волю Божию, видится и чувствуется удивительное Божие водительство, как будто крепкая рука ведет тебя и направляет и поддерживает в трудные минуты жизни. В эти страшные дни мы неустанно пели тропарь Казанской иконе Божией Матери: „Заступнице усердная”. Это – особенно теплая молитва к Божьей Матери, и если петь ее в час смертный, то

Матерь Божия облегчит душе поющего этот тропарь страшный час разлуки души с телом» [55]⁸⁸.

«В этом году (17), на Пасхе, А. В. был в Зосимовой пустыни и по воле Божией увидел Батюшку. Случилось это потому, что туда же приехал бывший митрополит Московский Макарий [Невский] [56]⁸⁹, который пожелал повидать Батюшку. Отец игумен пригласил старца в свою келию для свидания с митрополитом. А. В. игумен тоже позвал к себе, чтобы дать ему возможность поговорить с Батюшкой. С ним были еще два иеромонаха из Духовной Академии: о. Игнатий [Садковский] и о. Пантелеймон [Успенский]. Увидя о. Пантелеймона, Батюшка стал его сейчас же благодарить за его защиту Владыки Федора [Поздеевского] и потом стал говорить, что никак нельзя согласиться с Временным правительством и делать Закон Божий необязательным предметом преподавания. „Это такое дело, – воскликнул Батюшка, что пусть руки и ноги рубят, нельзя уступать ни на йоту!“ Батюшка сильно разволновался и потом, обратясь к о. игумену, сказал ему: „Вот вы меня выпустили из затвора, а я уже и накричал сейчас же“. А о. игумен ему на это мудро ответил: „А если бы ты сидел в затворе, то не знал бы, какой ты и есть“. [...]

Так как на Всероссийском Соборе было решено восстановить на Руси Патриаршество и было избрано три кандидата – митрополиты Антоний [Храповицкий, тогда еще архиепископ. – *Сост.*], Арсений [Стадницкий, также архиепископ. – *Сост.*] и Тихон, – и не знали, кто из них более угоден Господу, то и постановили вынуть об этих лицах жребий.

Собор предоставил вынутие жребия старцу о. Алексею. Это событие было 5 ноября [ст.ст.], в воскресенье. Из Большого Кремлевского Успенского собора была перенесена наша историческая Великая Святая – Владимирская икона Божией Матери в храм Христа Спасителя и, по усердной церковной молитве перед Нею, старец трижды перекрестился и вынул жребий из ковчежца, который держал в руках митрополит Владимир (Богоявленский). Жребий пал на Преосвященнейшего Тихона, и он должен был принять на себя сан Святейшего Патриарха Всероссийского.

21 ноября [ст. ст.] состоялась интронизация Святейшего Патриарха в Успенском соборе. Старец пробирался туда среди толпы и у Троицких ворот споткнулся и упал. Поднял его один из служителей Успенского собора. Святейший тоже вошел в Кремль пешком. Одели его в облачение Святейшего Патриарха Ермогена. Я была поражена его смиренным видом – он как бы говорил: „Берите меня, делайте, что хотите, я весь отдаюсь вам”. Такая кротость, такое чудное выражение лица.

Несметная толпа народа ожидала Святейшего при его выходе из Успенского собора. Сел он в коляску, перед ним ехал священник из Успенского собора с Патриаршим Крестом. Святейший объехал кругом Кремль, остановился перед Иверской часовней, вышел, чтобы приложиться к чудотворной иконе... Во все стороны благословлял народ. Это была неопишуемая картина: подъем духа у народа был огромный.

Из собора старец [о. Алексей. – *Сост.*] поехал на обед к Святейшему. Мы (его духовные дети) посадили его на извозчика. [...]

9 января [ст. ст.] (1918) он [старец] возвращался на Церковный Собор после праздничного перерыва [...]

Во время пути старец говорил о современном положении Православной Церкви, о Патриархе и о том, что теперь настало „время исповедничества” [...]

28 января [ст. ст.] 1918 года был грандиозный крестный ход на Лобное место. Накануне, всюду, в храмах, были общие исповеди, а в самый день крестного хода все богомольцы причащались, готовились на смерть, если это будет нужно для защиты своей Православной веры. Подъем духовный у всех был громадный, ожидалось что-то великое, необъяснимое. За всеобщей я подошла к старцу и просила у него прощения. – „Прости и меня, – сказал он, – приобщись завтра со всеми, ввиду тревожного времени устроена общая исповедь”. Была картина грандиозная. Причащалось не менее 400 человек. [...]

После литургии был крестный ход на Лобное место. Хоругви тянулись от Спасских ворот вплоть до часовни Иверской Божьей Матери.

Когда все стояли на площади, запели пасхальный канон. Впечатление было потрясающее. Святейший Патриарх шел впереди хода, а все московское духовенство за ним, о. Алексей тоже.

Когда Святейший благословлял народ...»

Говорит затворник старец Алексей:

«Ты еще должна каяться в том, что у тебя нет должного чувства благоговения к Святейшему Патриарху и к его сану. Столько благодати излилось на него при его посвящении! Без умиления нельзя было стоять при его посвящении». [...]

Боюсь, однако, что участвовавшие в короткое время случаи появления лиц обоего пола с патриаршими разрешениями на принятие их старцем повлияют на его здоровье неблагоприятно. Пока означенный способ проникновения к нему далеко не всем еще известен, – и то случаи нарастают быстро, когда же молва об этом распространится, старца, пожалуй, будут осаждать. [...]

Несколько позже старцем «было получено от наместника [Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, архимандрита Кронида Любимова. – *Сост.*] письмо с уведомлением, что Патриарх передал ему, наместнику, право давать пропуска к старцу о. Алексею и что он, о. Кронид, ставит вопрос так: или принимать всех, но тогда затвор побоку, или оставаться в затворе и не принимать никого, кроме братии. Старец выбрал последнее...»

Недолго продолжала лежать на о. Крониде обязанность разрешать и запрещать посещения старца, – это снова взял в свои руки Святейший. [...]

Мы [...] поехали к старцу, заручившись, конечно, заранее разрешением от Святейшего. [...]

Я вскоре [...], заручившись благословением Патриарха [...], поехала к старцу о. Алексею.

Я [...] получила разрешение от Святейшего только на беседу [со старцем о. Алексием. – *Сост.*] [...] По окончании разговора старец сказал мне: «Ну, детынька, а уж разрешить-то тебя от грехов я не могу, не имею права, раз ты у Святейшего на беседу просилась. Пойди к о. Иннокентию и скажи ему, что я прошу его разрешить тебя, скажи, что исповедовалась ты у

меня. Ну а теперь помоги мне встать, детынька, пойдем, я тебя благословлю чем-нибудь на дорогу...»

Четверухина Е. Старец отец Алексей, иеросхимонах Смоленской Зосимовой пустыни. Записки. Рукопись. [Четверухин И., прот., Четверухина Е. Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. – [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. С. 98–103, 105–106, 113–114, 118, 179.]

Н.А. Верховцева [57]⁹⁰

Святейший Патриарх у затворника старца Алексия

В Загорске маленький коричневый домик в четыре комнатки, с двумя белыми березками в палисаднике на будущей Пионерской ул. под № 7, которому суждено было вскорости стать убежищем мудрости и света духовного. [...]

По дороге в Александров стояла и процветала Зосимова пустынь.

Сколько людей спешило по живописной дороге через лес и перелески, которая их приводила к вратам тихой обители.

В ее стенах подвизался дивный старец отец Алексий, бывший пресвитер Успенского Московского собора в Кремле (с 4 июня 1895 по 8 июля 1897 года) [...], обладатель замечательного глубокого («бархатного») баса. Овдовев, отец Алексий принимает монашество в Зосимовой пустыни с настоятелем которой, замечательным отцом Германом [Гомзиным] († 30 января 1923 г. [н. ст.]), его связывала теплая дружба. Скоро сила его духовных подвигов стала излучать такой свет, к которому множество людей тянулось как к благодатному источнику силы, врачевания, помощи и утешения. Величавый старец, внимательный взор черных глаз на широком крупном лице, обрамленном обилием белоснежных волос, он вначале мог показаться суровым и строгим, но при первом же столкновении с ним перед пришедшим открывался такой источник добра, такая глубина мудрости, бережного внимания к нужде пришедшего, такая тщательная, любвеобильная работа над его душой, что связь между ним и пасомым становилась крепкой и нерушимой на всю последующую жизнь.

Вот этот-то старец и схимник, прославленный в пустыньке и далеко за ее пределами, – слабый и больной, был вынужден выехать в Москву искать себе пристанища по закрытии обители [59]⁹¹.

Заехав к Преподобному [Сергию Радонежскому. – Сост.] на поклонение, он по воле Божией, с благословения отца наместника остается в Сергиеве в двух комнатах второй половины нашего домика, только освобожденных живущей

дотоле в них благочестивой вдовой Варварой Александровной с преданной Господу дочерью, уезжавших в Дивеевскую обитель. Это было в мае 1923 года, когда над маленьким домиком воистину зажегся могучий светильник веры и подвига. И потянулись к его порогу, как некогда в Зосимову, духовные дети со своими печальми и напастями, горем и душевной нуждой. Тяжело болеющий старец совсем ушел в затвор, и только некоторым, с разрешения отца наместника, удавалось к нему проникнуть.

Монашество и миряне, духовенство и святители Церкви... сколько побывало в чайнии приема у скромного крылечка у маленького дома. Получившие разрешение, в ожидании заходили в соседнюю горенку мамы и терпеливо ждали часами возможности быть принятыми, в связи с великими немощами старца.

На нашем историческом диванчике, на котором некогда скончался наш отец, сидел и Святейший Патриарх Тихон [59]⁹². От этого памятного дня храню я карточку, его рукою подписанную. Святейший Патриарх любил и чтит старца, рука которого вынимала в храме Христа Спасителя жребий на его Патриаршество. Приход Святейшего в сопровождении отца наместника взволновал старца. От торопливо стал опускать свои больные, отекавшие ноги, намереваясь привстать, но Святейший со столь свойственной ему доброй улыбкой, сам такой простой и ясный, с лаской поднял ножки старца и положил их обратно в постель, не разрешая ему вставать и, близко подсев около него, повел с ним беседу.

Дорогие, памятные мгновения!

Преданно и самоотверженно ходил за больным, претрудным старцем его келейник, отец Макарий. Суровый на вид, дисциплинированный и умный, он вечно в трудах, неутомимый был труженик, выполняя еще свои обязанности посредника между приходящими с горем и нуждой, и старцем, со стойким терпением и добросовестной мудростью. До последнего дня, до последней минуты жизни отца Алексия, кончина которого последовала 19 сентября 1928 года [ст. ст.], в полной памяти, после соборования, совершенного над ним

отцом игуменом и Святым Причастием, преподанном ему протоиереем Поповым, – отец Макарий неотлучно был при нем, оберегая, охраняя его сыновне. После кончины старца недолго отец Макарий, принявший иеромонашество, прожил в памятном для него домике. Он окончил жизнь свою в узах, принял там смерть, ниспосланную ему Господом...

Верховцева Н. А. Воспоминания. Рукопись. [Верховцева Н. А. Насельники святой веси // «Благодарю Бога моего». Воспоминания Веры Тимофеевны и Натальи Александровны Верховцевых. М.: Правило веры, 2001. С. 71–75.]

Иван Лебедев

Журавль в небе

В середине 1920 годов я познакомился с одним юношей-киевлянином, неким Валентином П-чем, высоким и красивым молодым человеком, прекрасный овал лица которого украшал совершенно необычный румянец, придавая общей красоте его еще большую декоративность, обращавшую на себя всеобщее внимание.

Этот прелестный юноша был, к тому же, очень благочестив и живо интересовался неисчерпаемыми церковными событиями, происходившими в те годы повсеместно, а в Москве – в особенности. Периодически, довольно регулярно, он приезжал из Киева в Москву по каким-то своим семейным делам и останавливался обычно у знакомых старух, проживавших где-то в районе Настасьинского переуллка, в огромной «коммунальной» квартире, перенаселенной как Ноев ковчег во время потопа и, конечно, включавшей в число своих насельников, как «семь пар чистых», так и неизбежных «семь пар нечистых»; таковы уж были времена...

Бывая в Москве, Валентин П. неизменно навещал и меня. Нрава и характера он был хорошего, и мы с ним быстро сдружились, объединенные общими церковными интересами. Длительные и душевные беседы наши касались именно этой темы: она одинаково интересовала и волновала нас обоих.

В один из своих очередных рейсов в Москву он явился ко мне с довольно объемистым свертком подмышкой, как оказалось – совершенно неожиданного и чрезвычайно интересного содержания. Развернув его, он стал показывать мне вещи, одну любопытнее другой. Во-первых, там был целый ряд актуальнейших церковных документов, ходивших тогда по рукам (взамен ликвидированной гражданскими властями церковной печати). Тут были: некоторые послания Святейшего Патриарха Тихона, выпущенные в недавнее время, ряд документов, касающихся специально Украинского Экзархата, некоторые письма церковных деятелей личного характера и т. п. Во-вторых, он продемонстрировал мне очень большую и

прекрасно подобранную коллекцию фотопортретов многих известных в те времена архиереев (впрочем, главным образом, украинских), среди которых особенно запомнились некоторые, весьма редкие, очень хорошей работы, портреты первого иерарха-мученика нашего времени, Почетного Председателя Священного Собора 1917–1918 гг., митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского), зверски убитого бандой садистов в самом начале 1918 года [25.01–7.02. – *Сост.*], в Киеве, почти у самых стен Киево-Печерской лавры.

На фотографиях этих митрополит-страстотерпец представлен был в разные поры своей жизни; в группах совместно с другими иерархами и один. Видно, кто-то со знанием дела, долго и терпеливо собирал эту редкую коллекцию, представляющую для историка Церкви немалый интерес. Преимущественно скорбное выражение лица Святителя как бы говорило о некоем давнем внутреннем предчувствии трагического завершения земного странствования его...

Наконец, в заключение демонстрирования мне содержимого своего интересного свертка, Валентин П. показал мне небольшую книжицу, переплетенную, впрочем, довольно кустарно, раскрыв которую, – должен сознаться – я так и остался с разинутым ртом: настолько был удивлен!

Текст книги был рукописный и представлял собою очень хорошо исполненный славянский полуустав – вполне грамотный в смысле орфографическом (что – редкость в рукописях) и со всеми, принятыми в богослужебных книгах титлами, ковыками и под.

Рукопись эта, как и полагается, была выполнена двумя красками: черною и киноварью, с несложными, но хорошо выполненными киноварными заставками и заглавными литерами.

Но, конечно, особенно поразило меня ее содержание. Оно состояло из нескольких отдельных разделов:

А – «Житие иже во святых Отца нашего Тихона, Патриарха Московского и всея России»;

Б – «Служба [...] святому Тихону, Патриарху Московскому и всея России, новому чудотворцу» и

В – акафист ему же.

Изумление мое, повторяю, было настолько велико, что я как-то даже растерялся и не знал, что сказать и как вообще реагировать на столь неожиданную диковину.

Отчасти, может быть, поэтому я ?акже не обратил особенного внимания и на то, что на сей раз Валентин П. очень скоро упаковал свой сверток и тут же исчез, пообещав зайти «на днях»...

Позже, придя в себя, я твердо решил при первой возможности попросить прекрасного юношу предоставить мне на 2–3 дня необыкновенную рукопись с тем, чтобы иметь возможность снять с нее копию. И я всячески ругал себя за то, что не догадался обратиться к нему с этой просьбой сразу же, в чем – я уверен – он не отказал бы мне, несмотря на всю редкость этого невзрачного томика. И редкость, надо сказать, более чем оригинальную, красноречиво говорящую о многом, касающемся недавно почившего незабвенного Первосвятителя нашего, Святейшего Патриарха Тихона!

Но: человек предполагает, а Бог располагает!

Буквально на другое утро меня посетил наш общий с Валентином П. знакомый, бродяжный рясофорный монах («из Шаталовой пустыни», как говорили про него), по имени о. Тихон (Мясников; хотя он всерьез уверял всех, что с принятием пострига у него изменилось не только мирское имя, но и фамилия, и теперь его фамилия Постников!). Это был тоже очень молодой человек, уроженец посада Селижарова (в Осташковском уезде Тверской губ.), с детства («от молодых ногтей») обитавший в Ниловой пустыни на «езере» Селигер, а теперь энергично обивавший пороги угасающих московских монастырей (мужских и женских) и своих бесчисленных неугасимых благодетельниц из числа интеллигентных пожилых дам, почему-то особенно к нему благосклонных и которых он прекрасно умел держать «в страхе Божием», вызывая тем еще большее, с их стороны, поклонение себе и беспредельную, какую-то фанатичную, преданность до самозабвения. У этих

благодетельных матрон – по очереди – он и имел свое местопребывание (когда не находился в разъездах), благо паспортов в те времена не существовало, а прописка в милиции считалась самым глупым предрассудком.

И вот, войдя ко мне и прикрыв за собою аккуратненько дверь, «брат» Тихон, нацелившись в угол с образами, осенил себя несколько раз крестным знамением, сопровождая каждое поясным поклоном, после чего, подойдя в самый угол, приложился к одной из икон и уж затем, сняв скуфью и пригладив свои роскошные каштановые длинные волосы, поклонился мне в пояс – землекасательно и, приблизившись, дал мне «братское целование», произнеся: «Христос посреди нас, брат!»

Мы – по обычаю – трижды облобызались.

После этого торжественного «семипоклонного» начала он вопросительно оглянулся по сторонам, еще раз недоверчиво сощурился на дверь и, наконец, наклонясь к самому моему лицу, произнес тихо, таинственно и с расстановкой:

– Слыхал?! Нынче ночью арестовали брата Валентина П.!.. Спаси его Царица Небесная!

– А – рукописи? А – фотографии?! А – «житие»?!!

– Все, все, – брат, – отобрано при обыске; всю ночь шуровали у старух сундуки да комоды.

Досаде моей на самого себя не было границ!

Вот, и все!

«Семь пар нечистых» свое дело знают!

Брата Валентина П., прекрасного, ангелоподобного юношу, я больше никогда уже не встречал. Более того: никогда и ничего даже не слышал о нем.

Единственный, кто мог бы мне рассказать что-либо об исчезнувшем «брате», «брат» Тихон, в скором времени и сам «угодил к угодникам»: «ят бысть и удержан» в Соловках (по «делу» о Черной Горе), где и закончил вскоре свою странническую и странную, недолгую земную жизнь в сане иеромонаха, сменив при постриге в мантию вновь свое имя, ставши уже не Тихоном, а – Нестором...

Записано со слов *Ивана Лебедева, старшего иподиакона епископа Можайского Бориса (Рукина)*. М.: Сретенский монастырь, 1926.

Часть 2. Комментарии и дополнения

1. Митрополит Анастасий (Грибановский)

[Анастасий (Грибановский) Александр Александрович; 6.08.1873–22.05.1965), митрополит, член Священного Собора 1917–1918 гг. по должности как архиепископ Кишиневский и Хотинский, Предстоятель Русской Православной Церкви за границей в 1936–1964 гг.

Родился в Тамбовской губернии в семье священника. В 1897 г. окончил Московскую Духовную Академию, кандидат богословия. С 1898 г. иеромонах. С 1900 г. инспектор Вифанской духовной семинарии. С 1901 г. преподаватель, ректор Московской духовной семинарии. 29 июня 1906 г. хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии. 14 мая 1914 г. переведен на самостоятельную Холмскую и Люблинскую кафедру, 10 декабря 1915 г. на Кишиневскую и Хотинскую кафедру, с 5 мая 1916 г. архиепископ. Участвовал в работе Священного Собора, возглавлял Отдел церковного имущества и хозяйства. После избрания Патриарха, как знаток древних уставов, возглавил комиссию, выработавшую чин интронизации Патриарха Всероссийского. В 37 Деянии Собора от 8 ноября 1917 г. было сказано: «Соборный Совет имел суждение о том, что о важнейшем событии последних дней, а именно об избрании и наречении Патриарха Всероссийского, необходимо возвестить всему православному населению особым посланием от Собора, в котором должна быть изложена история этого события, а также те побуждения, которыми руководствовался Собор при решении этого важного вопроса. Для составления Соборного послания Соборный Совет полагал бы образовать комиссию под председательством архиепископа Кишиневского Анастасия, в составе архимандрита Илариона [Троицкого], профессоров [членов Собора] П. Д. Лапина, И. И. Соколова, И. А. Карабинова и И. М. Покровского» (Деяния. Т. 3. Деяние XXXLXL. С. 122).

В 1919 г. архиепископ Анастасий правительством Румынии был смещен с Кишиневской кафедры. В 1920 г. Временным высшим церковным управлением России был назначен

управляющим русскими православными приходами Константинопольского округа. В 1921 г. окормлял Русскую духовную миссию в Иерусалиме. Архиепископ Анастасий был одним из заместителей председателя Всеаглического церковного собора, проходившего в г. Сремски Карловцы в 1921 г. С 1924 по 1935 г. наблюдал за деятельностью Русской духовной миссии в Палестине. В 1935 г. Сербским Патриархом Варнавой был возведен в сан митрополита. 10 августа 1936 г. после кончины митрополита Антония (Храповицкого) был избран председателем Архиерейского Собора и Синода РПЦЗ. В 1950 г. переехал в Нью-Йорк. С 1964 г. на покое. – *Ред.*]

2. Подробности о чуде у Никольских ворот Кремля (1918 г.)

Сущность этого чудесного происшествия с образом Святителя Николая Чудотворца, написанного в углублении над воротами Никольской башни Кремля, – о чем в те времена долго и упорно говорили в народе, – заключается в следующем.

На фасадной стене этой башни с незапамятных времен находился написанный на штукатурке образ Святителя Николая Чудотворца (типа «Николы Можайского»). Перед образом, на металлическом кронштейне, в специальном фонаре помещалась большая лампада, спускавшаяся на блоке вниз для ежедневного возжжения, что до революции исполнялось неукоснительно...

В 1917 году, во время октябрьских уличных боев, весь образ был изрешечен пулями, кроме лика Святителя; во многих местах краска и самый грунт иконы были сбиты довольно большими кусками... В сердцах верующих людей все это, естественно, возбуждало самые горестные чувства смятения, обиды и тревоги.

Конечно, и лампада была, так же, вдреизг разбита и уничтожена вместе с фонарем, блоками, цепями и проч. Отбит был и кронштейн, от которого в стене, над образом, остался лишь острый и длинный металлический штырь со своим основанием, вделанным в самую стену.

Когда, в связи с приближением праздника 1 мая, который первый раз при новом государственном строе предположено было ознаменовать особенно торжественно, башню задекорировали полотнищами красной материи, то одно из таких полотнищ – центральное – было повешено с таким расчетом, чтобы совершенно скрыть икону Святителя.

Внезапно начавшийся сильнейший ураганный ветер моментально превратил все эти полотнища в мочалку, изорвав их на ленты об обломок железного кронштейна таким образом, что ленты развевались во все стороны, цепляясь за резные архитектурные детали башни, а образ Николая Чудотворца

совершенно открылся и по-прежнему стал виден среди гирлянд изодранной ветром красной ткани.

Немедленно собравшиеся толпы народа с волнением наблюдали это явление: образ считался очень чтимым...

Слух о происшедшем, конечно, немедленно достиг Святейшего Патриарха Тихона. Может быть, в связи с этим кто-либо из иерархов или народа просили его молитвенно почтить Святителя Николая; это точно не известно, но как бы то ни было, а на Николин день 9(22).05.1918 года, Святейший совершил Божественную литургию в Казанском соборе на Красной площади (впоследствии снесенном) в сослужении многочисленного высшего духовенства и клира, а затем, во главе крестного хода, направился к Никольским воротам и здесь состоялся торжественный молебен Святителю, перед образом его над воротами.

По окончании молебна Святейший Патриарх Тихон, стоя с кадилом в руке на специально сооруженном помосте, пропускает мимо себя крестные ходы из всех московских приходских храмов, собравшиеся к молебну и теперь проходившие перед Патриархом и духовенством, идя от Александровского сада по проезду Исторического музея и далее через Красную площадь, направлявшиеся каждый в свой приход.

Небывало грандиозное церковное торжество это, длившееся целый день и сопровождавшееся колокольным звоном всех московских церквей, собрало несметное количество богомольцев, заполнивших целиком не только Красную площадь, но и прилегающие площади и улицы.

Впоследствии образ Святителя Николая над Никольскими воротами совершенно заштукатуривается и закрашивается столь тщательно, что многие теперь и не подозревают о его былом существовании (и, может быть, о наличии его до сих пор под толстым слоем штукатурки)...

[8 мая 1918 г. Святейший Патриарх Тихон обратился к православному народу града Москвы о принятии участия в крестном ходе и молебне:

Смиренный Тихон,

*Божиею милостию Патриарх Московский и всея России,
Православному верующему народу града Москвы*

Благодать Вам и мир от Господа Бога и Спаса нашего
Иисуса Христа.

9 сего Мая с Нашего благословения состоится торжественный Крестный Ход и всенародное молебствие у Никольских ворот перед иконою Святителя и Чудотворца Николая, ныне, как и встарь, дивно охраняемою Промыслом Божиим в настоящие дни скорби и смуты.

Призываем Православных верующих жителей Москвы собраться вместе со святынями своих приходов на это церковное торжество и слиться в общей молитве, да сохранит Господь и впредь Своею милостию на радость и укрепление Православного народа сию Святую икону, осеняющую вхождение к Святыням древнего Кремля.

Пусть это светлое торжество не омрачится никакими проявлениями человеческих страстей и объединит всех не в духе злобы, вражды и насилия, а в горячей молитве о небесной помощи по ходатайству Святого Угодника Божия, молитвенным предстательством Коего да оградится от всех бед и напастей Церковь Православная и многострадальная наша Родина.

*Смиренный Тихон,
Патриарх Московский и всея России*

№20

8/21 Мая 1918 г.

Москва. (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 238. Л. 2–2 об.
Подлинник. Машинопись. Подпись-автограф.)

См.: Николин день в Москве / Публ. Н. А. Кривошеевой // ЖМП. 2005. №6. С. 65–73.]

3. Обновленческий «лидер» проф. Б.В. Титлинов

Профессор Б.В. Титлинов, как автор приведенной статьи в нашем Сборнике, – только предполагается. Причем предположение это основано отчасти на форме, но более того – на содержании, и даже на тоне, на духе этой статьи.

Не исключается, конечно, и ошибочность этого предположения, но пока что считаем его правильным.

И, кроме того, поскольку имя Б.В. Титлинова, пользовавшееся в наше время слишком печальной и громкой известностью, с неизбежностью встретится на последующих страницах Сборника и не один раз, – сообщаем здесь, к сведению интересующихся, некоторые отзывы о нем из различных источников, которые, полагаем, помогут читателю составить себе представление об этой в высшей степени неприятной фигуре крупного деятеля в области обновленческой «идеологии».

Борис Васильевич Титлинов родился в 1879 году, профессор Петроградской Духовной Академии; доктор церковной истории; член Предсоборного Совета; член Собора 1917–1918 гг. от Петроградской Духовной Академии по избранию и по участию в Предсоборном Совете (Деяния... Кн. I. Вып. 1. С. 91).

Поводом к удалению его из состава членов Собора нового [из зала заседания Собора, а не из членов Собора. – *Ред.*] послужил учиненный им безобразный скандал на одном из пленарных заседаний, достаточно ярко обрисованный в воспоминаниях С.П. Руднева.

«Идейная» же роль его на Соборе 1917–1918 гг., как и всех прочих обновленчествовавших соборян, заключалась во всемерном саботировании и торможении (а в случае возможности и – в срыве!) восстановления Патриаршества в нашей Церкви. Усиленнейшая работа в этом направлении велась и тайно и явно еще с 1905 года, т. е. с того времени, когда впервые громким голосом заговорили у нас о возможности и необходимости восстановления Патриаршества, как о чем-то

реальном. В этом пункте своей деятельности, для достижения желаемых целей, обновленцы не считались ни с чем; пользовались любыми, нередко гнусными средствами лишь бы не дать воплотиться в церковной жизни ненавистному им каноническому началу: патриаршему строю.

«Демократическое» Временное правительство, боявшееся подобно всем прочим государственным формациям (бывшим, настоящим и будущим) Патриаршества, как независимости и силы Церкви, имело в лице обновленческих «либералов» и «прогрессистов» своих верных лакеев: В.Н. Львов, Б.В. Титлинов, А.И. Введенский и К° являлись без лести преданными рабами истеричного шизофреника, «Главковерха» А.Ф. Керенского, о котором сообщалось в свое время, что финансовую субсидию Собору он согласился оказать лишь при том непременно (тайном) условии, чтобы Собором не было восстановлено в России Патриаршество!

Заручившись такими покровителями, обновленцы развернули на Соборе (и вокруг Собора) свою наглую, антицерковную «работу», причем одним из «лидеров» в этой борьбе против канонических устремлений, благодатно возобладавших на Соборе по милости Божией, явился именно Б.В. Титлинов.

В 1917 году, в среде выползающего из «подполья» обновленчества – «наиболее крупной фигурой [...] был, несомненно, Б.В. Титлинов. Крупный эрудит [? – *Сост.*] в области церковной истории, человек острого, скептического ума и холодного темперамента, колкий и надменный, он представлял собою тип светского человека, случайно, помимо воли, благодаря происхождению и образованию, связанного с Церковью. Европейец с головы до ног [? – *Сост.*], он не переносил варварских [?! – *Сост.*] нравов русского духовенства, из которого вышел [! – *Сост.*]. В качестве панацеи от всех зол он предлагал «демократические реформы», в силу которых и сам не верил. Короче говоря, в февральские дни Церковь из рук чиновников вицмундирных попала в руки чиновников в пиджаках, умевших говорить громкие слова о «новой эре», но таких же холодных, ограниченных, не имевших

в себе ни одной искры религиозного энтузиазма, как и их предшественники» (*Левитин А., Шавров В. Очерки... С. 33*).

В связи с обнаружением на Соборе нарастания пропатриархистских тенденций, завоевывающих все более и более широкие круги соборян, – левацкие, обновленчествующие элементы начинают предпринимать свои «контрмеры».

Например, в желании «натравить большевиков против Собора» один из будущих главных негодяев обновленчества, профессор Б. В. Титлинов, в своей статье, опубликованной сего дня (2.07(10.10).1917) в газете «Русское слово», «доносит по начальству, т. е. революционной демократии, что идея Патриарха, как „единоличного“ представителя исполнительной власти вместо коллегии, является выражением монархических тенденций» (Р. П. Патриаршество в России // Церковность. 1917. №339. С. 36).

Когда же в октябре 1917 г. состоялось соборное определение о восстановлении Патриаршества, «либеральные» писатели стали особенно неистовствовать в стремлении как можно язвительнее охарактеризовать идею Патриаршества как «монархический», а не апостольский институт, подыгрываясь к «миродержателям тьмы века сего».

Естественно, что обновленцы всех оттенков – в первых рядах всех этих церковных политиканов-прогрессистов. С той же целью оплевания Патриаршества в церковной прессе выступает с большой статьей один из «идеологов» обновленческих политиков, известный «профессор Б. Титлинов», заканчивающий свои неприкровенно-обновленческие ученые рацеи следующим знаменательным утверждением:

«Если бы у нас и до сих пор было Патриаршество, то теперь его следовало бы упразднить» (*Титлинов Б. Чем было Московское Патриаршество? // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №120. С. 3*).

Характерно, что ту же самую мысль, но в еще более циничной редакции, повторит через пять лет другой законченный церковный негодяй, авантюрист-эротоман А. И. Введенский, который скажет, что «после восстановления в

России [в 1917 году. – *Сост.*] Патриаршества, в Русской Церкви можно оставаться лишь для того, чтобы уничтожить это Патриаршество!» (*Введенский А.И., прот. Церковь и государство. С. 109*).

И, наконец, когда долгожданный, великий день в жизни Русской Церкви наступил и Святейший Патриарх всея России восшел на свое древнее место в Успенском соборе, пустовавшее двести лет, и ликование Церкви не было границ, – тогда ближайший соратник Б. В. Титлинова, ядовитая гадина А.И. Введенский, в своем известном пасквиле на Святейшего Патриарха Тихона, провокационно заявил во всеуслышание:

«Русская Церковь выбирает в Патриархи махрового черносотенца В. И. Белавина. Я же протестую против Патриаршества, как явно неправославного института, и заканчиваю свой протест призывом взорвать Патриаршество изнутри [!! – *Сост.*]. Восстание против Тихона, по задуманному нами плану, должно было одновременно вспыхнуть в Москве, Петрограде и в Одессе» (*Затворник А. Обновленцы... С. 26*).

Так встретил «церковный историк» Титлинов и иже с ним восстановление Патриаршества в Русской Церкви... И позже – свое оружие они, конечно, не сложили, а лишь притаились до поры до времени, занятые подпольной разработкой своих планов будущего разгрома Церкви. А через пять лет (1922) в содружестве с казенным «безбожием» будут в течение четверти века ожесточенно потрясать Ее устои, презрев слова Спасителя о неодолимости Его Церкви вратами адowymi.

И Б. В. Титлинов неизменно будет в первых рядах самых яростных врагов Русского Православия и его церковности.

Вот что говорит о нем один православный исследователь истории обновленческой смуты:

«Самую настоящую печать антихриста наложил на все обновленчество – о, знаете ли кто?.. Эту печать наложил один из главарей обновленчества [...] профессор Б. В. Титлинов. Тот самый Титлинов, который был до 1917 г. профессором СПб Духовной Академии; тот самый Титлинов, который в 1917 году переименовал „Церковный вестник“ во „Всероссийский церковно-общественный вестник“ с демократическим девизом

„Свободная Церковь свободного народа” (этот „Вестник”, по словам Введенского, был „печатной трибуной обновленцев”))» (Церковное обновление. 1925. №9.12(25) мая. С. 70); тот самый Титлинов, который ныне состоит членом президиума обновленческого «Синода» и постоянным членом его «плenums» (Вестник Священного Синода... 1925. № 1. С. 6) и назначен обновленцами в редакторы своего «Синодального вестника» и профессором церковной истории и истории обновленческого движения в России (там же. С. 17); тот самый Титлинов, который, чтобы остаться с прежним титулом «профессора» в 1923 году, как известный залог антихристу и как диссертацию на получение известной степени прислужника его, – написал книгу под названием: «Новая Церковь» [Титлинов Б. В. Новая Церковь. Пг.–М., 1923. – Ред.], за которую и был принят в компанию антицерковных «подрядчиков». Так, заглянем [...] в эту книгу. На страницах 73–74 читаем: «Христианство обещало Царство Божие, обещало всех людей сделать братьями, но не сделало этого. А гордый разум, восставший против веры и поведший к счастью другим путем, как будто уже у порога своих достижений... Социализму легче создать единое вселенское общество, чем какой бы то ни было религии создать Вселенскую Церковь. С первой победой ему придет на помощь могущественное обаяние победителя. А надломленный боец (вера) уже быстро идет к падению. Можно измышлять тысячи объяснений безжизненности христианской идеи. Но наиболее, кажется, [правдоподобным, убедительным? – *Сост.*] будет то, что вообще религиозная идея не пригодна (!) к построению общественности, и на религиозной почве нельзя строить человеческого общежития. В таком случае и относительно нынешнего нашего церковного движения приходится сказать, что сколь ни идеальны его задания, ему не совершить чуда, которого еще ни разу не совершили христианские деятели» (Титлинов Б. Новая церковь. С. 83–84).

Вдумайтесь в каждое слово этого патентованного слуги антихристового и ярого вдохновителя обновленческой лжецеркви, и вы увидите, что сколько здесь рабски задних мыслей трусливого предателя, столько же и наглой дерзости

продавшего свою совесть негодяя; слышатся здесь фальшивые звуки прежнего профессора Духовной Академии (!) и невольно – показная пляска пойманной обезьяны.

Но какие бы задние мысли ни таились в словах Титлинова, все же факт остается фактом – Титлинов действует по «экономическому» способу Искарриота!

На самом деле, прежний «профессор Духовной Академии» Титлинов, наверное, раньше читал своим слушателям-студентам приблизительно так: «Христос говорит, что Царствие Божие внутри вас» (Лк.17:21) и «Я с вами до скончания века» (Мф.28:20). Значит, Царствие Божие заключается не в роскоши и довольстве, не в сумме техноэкономических достижений человеческого общества, даже и не в эстетических переживаниях этико-художественных форм земного бытия... но в духовном ощущении благодатной и чудотворящей близости Христа: «Я с вами до скончания века...», «Где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почтит Отец Мой» (Ин.12:26) [...] «Кто любит Меня, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин.14:23) – вот в этом и заключается Царствие Божие здесь, на земле, как начало вечного Царства на небе. Каждый верующий христианин по Ап. Павлу есть «храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюся в них и буду ходить в них» (2Кор.6:16), и поэтому «когда явится Христос, жизнь наша, тогда, – говорит Апостол, – и вы, т. е. те, «внутри которых Царствие Божие есть», явитесь с ним во славе» (Колос.3:4), ибо «Он, Господь, униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному Телу Его» (Филип.3:21).

Значит, христианство есть вечное славное царство, о котором еще пророк Даниил предсказывал: «Бог Небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится; оно сокрушит все царства, а само будет стоять вечно» (Дан.2:44). И все истинно верующие христиане вместе с Архангелом Гавриилом (Лк.1:33), твердо и непреложно исповедуют, что этому «Царствию не будет конца» (7 член Символа Веры). Так, несомненно и проповедовал прежний Титлинов, будучи профессором Духовной Академии. Но тот же Титлинов, только в

звании нынешнего обновленческого профессора, вопреки Господу, Апостолам и голосу Вселенской Церкви, проповедует, что «христианство не дало людям Царства Божия».

Священное Писание свидетельствует, что «все верующие были вместе и имели все общее: продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого... и было у них одно сердце и одна душа» (Деян.2:44–45; 4:32). И церковная история удостоверяет (о чем прежний Титлинов тоже читал студентам Академии), что христианская религия произвела коренной переворот в нравственной жизни человечества. Верующие во Христа, помня божественную заповедь о любви⁹³, во всей широте исполнили ее не только во взаимных отношениях, но и в отношениях к язычникам. А нынешний «историк» обновленческой церкви, Титлинов, утверждает, что христианство не создало братства.

Св. Ап. Иоанн Богослов говорит: «Сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто побеждает мир, как ни тот, кто верует, что Иисус есть сын Божий» (1Ин.5:4–5). И Ап. Павел восклицает: «Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом» (1Кор.15:57). А нынешний синодальный заправила, Титлинов, вопреки Апостолам, ораторствует: «Гордый разум победил веру и она, как надломленный боец, быстро идет к падению».

Христианство уже 1927 лет существует, и по обещанию Господа «проповедано будет по всей вселенной во свидетельство всем народам и тогда придет конец» (Мф.24:14). Т. е. христианство переживет земной век «человеческого общежития» и переживет для того именно, чтобы быть «свидетельством», т. е. обличением всех «общежитий» титлиновского духа, которые нагло утверждают, что «христианство безжизненно».

Христос говорит: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин.15:5); и св. Ап. Петр о том же говорит иудеям, что «нет другого имени, которым надлежало бы нам спастись» (Деян.4:12); о том же пел и пророк Давид в 26 псалме: «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его». А нынешний профессор по кафедре обновленческого

религиозного «естествознания», Титлинов, написал книгу, чтобы, значит, все христиане читали его антихристианскую агитацию о том, что будто «религиозная идея непригодна в обществе» и что «на религиозной почве нельзя строить жизнь человеческого общежития».

Наконец, христианство есть непрерывное чудо, и все св. Отцы и учителя Церкви – все чудотворцы! Словом, христианство – божественный факт отображения всемирных чудес Христа Спасителя! А разжигатель «реформаторских потенций» обновленчества, Титлинов, богохульствует: «Христианские деятели еще ни разу не совершили чуда».

Так злобно поносить Церковь Христову и так кощунственно и нагло отрицать всемирный факт Ее благодатного существования, и в то же время получать профессорский куш (денежное вознаграждение) за игру в «Церковь» и в «Священный Синод» не сможет даже любой открытый враг Церкви! И действительно, так можно делать только среди доверчивых масс православного русского народа, над которым можно издеваться и получать от него же и награду за издевательство.

И так, пред нами Титлинов, как бывший профессор Духовной Академии, и Титлинов, как настоящий профессор обновленческого факультета «физико-химических исследований действий Св. Духа» (простите, что повторяю обновленческое кощунство). А между тем, Титлинов – один и тот же!

Почему же так случилось, что нынешний Титлинов диаметрально противоположен прежнему Титлинову? Вот задача! Наверное, сам Введенский злорадствуя думает, что никому не разрешить этой реформаторской задачи.

Успокойтесь, самовлюбленные дельцы! Задача очень проста и при вашей демонстрации весьма наглядна! Разрешить эту задачу помогаете вы сами. Вы говорите: «Когда к нравственной правде взметнула свои знамена русская революция, то обновленчество устами Собора 1923 г. благословило этот порыв»; тогда вы «нашли свое лицо», которое должно уже «поддерживать не пьяно-глупую морду Романовых» (*Введенский А., митр. Обзор современного*

положения РПЦ (Священный Синод в 1924 году) // Вестник Священного Синода... 1925. №1. С. 21), а собирать «данные», что «Тихоновщина есть еще недобитая антисоветская группировка»; тогда «борьба ваша с Тихоновщиной, – говорите вы, – получила политический характер»; тогда вы заявили, что «желаете, чтобы ленинский подход к религиозным людям соблюдался во всех моментах общественной жизни» (Пленум Св. Синода 27–31 января 1925 г.: Обращение к Правительству СССР // там же. С. 3–4).

Тогда, скажем мы, Титлинов и оказался профессором «в отставке без мундира» и без духовной академии, потому что при «соблюдении ленинского подхода к религиозным людям» о существовании православных духовных академий не может быть и речи. И вот, Титлинов остается без златошвейного мундира! Как тут быть? Надеть блузу профессора «Рабфака»? Но она даром не дается: нужен экзамен! Вот и сбрасывает с себя Титлинов златошвейный мундир профессора духовной академии, надевает синюю блузу и пишет антихристианскую книгу «Новая Церковь».

Но ведь с мундиром еще не выбрасываются религиозные убеждения, – скажет кто-нибудь.

Вот и разрешили задачу! Значит, Титлинов был постольку религиозен, поскольку эта его фальшивая религиозность подавала ему надежду на лишний рубль профессорского денежного оклада и на лишний орден к златошвейному мундиру. Значит, Титлинов был, говоря «по-профессорски», социально-экономическим оппортунистом, а попросту, – он был подлецом и остался таковым.

Поэтому, когда Титлинов держал экзамен пред антихристианской модой современности, то писал: «Христианство безжизненно»; «гордый разум победил веру», «религия не пригодна для построения человеческого общежития»; «христианские деятели еще ни разу не совершили чуда»...

А когда Титлинов стал членом обновленческого «Синода», профессором-историком обновленческого движения в России и редактором «Вестника» обновленческого «Синода», то начал

писать: «Как в свое время безумная сначала для мира Евангельская весть постепенно сделалась достоянием всего мира и его святыней, так и обновленческие идеи постепенно стали делаться достоянием все большего круга верующих: твердо пустившее корни в церковную землю так называемое „обновление“, укрепив ростки, начало теперь медленно, но верно, расти вширь. И что бы ни случилось, вырвать молодое дерево из церковной почвы уж нельзя» (Попов Н. Г., проф.-прот. Современный церковный момент // там же. С. 11–12).

Преудивительная логика в «стихийно-ученых» лбах обновленчества! Там, на антихристианском экзамене, – «религиозная идея не пригодна для общества», а здесь, в Синоде, – «Евангельская весть сделалась достоянием всего мира и его святыней»; там – «деятели „Жив. Церкви“ взяли власть захватом в порядке антиканоничном», а здесь – «так называемое „обновление“ („антиканоничное“) уж вырвать из церковной почвы нельзя»...

Вот способность обновленцев! Куда тут с ними соперничать хамелеону: ему не успеть так быстро изменяться!!

«И семо и овамо», – и Христу, хотя и по-обновленчески, и Велиару (2Кор.6:15)... Тяжело видеть среди православных христиан таких прислужников антихристовых, прикрывающих новомодное кощунство церковной вывеской: «Всероссийский Свящ[енный] Синод Православной Церкви»... Благодаря этой вывеске «подрядчикам» удастся совращать слабоверных христиан с истинного пути Вселенской Церкви на физиологический путь психо-химических экспериментов обновленческой лаборатории.

Но... осени себя крестным знамением, православный сын Христовой Церкви, гони от себя похотливую обновленческую нечисть, если она будет приближаться к твоему свободному православному вероисповеданию. «Я с вами до скончания века» – говорит Господь. Значит, есть истинные пастыри; есть принесшие свой телесный храм в жертву Господу архипастыри... Есть!! Иди к ним и в светлую минуту благодатных озарений души твоей пой с ними хвалебные гимны чудодействующему о тебе Господу Богу... Иди к ним и в

скорбную минуту житейских испытаний и тревожных сомнений... Открой им душу твою, и они вознесут свои молитвы за тебя к Утешителю всех и Подателю жизни – Всесвятому Духу, раздаятелями даров Которого они и состоят... А не виртуозные профессора в митрах, стремящиеся обратить Церковь Христову в бактериологический институт для исследования «реформаторских потенций» многобрачной похоти обновленцев.

«Как же гнать обновленцев?» – спросит кто из простодушных христиан. Конечно, мерами духовно-нравственного воздействия, мерами, которые заповеданы нам Вселенской Церковью» (*Затворник А. Обновленцы...* С. 121).

[Титлинов Борис Васильевич (08.09.1879–1941/45), экстраординарный профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии. Родился в Вятской губернии в семье топографа. В 1899 г. окончил Вятскую духовную семинарию, после окончания в 1903 г. Санкт-Петербургской Духовной Академии оставлен профессорским стипендиатом. С 1904 г. преподаватель Литовской семинарии. С 1905 г. магистр богословия. В сентябре 1908 г. избран доцентом СПбДА по кафедре истории Русской Церкви. В 1910 г. представил сочинение «Духовная школа в России в XIX столетии» на соискание степени доктора церковной истории, в 1911 г. Советом Академии удостоен этой степени, но Св. Синод не утвердил решение Совета. Удостоен степени доктора церковной истории в 1916 г. за сочинение «Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1730–1803). Его жизнь и деятельность в связи с церковными делами того времени». С 1912 г. экстраординарный профессор, с 1916 г. ординарный профессор. В 1910–1911 гг. редактор издания Академии «Церковный вестник», но в ноябре 1911г. освобожден от этой должности за уклонение от руководящих церковных начал. С 1917 г. редактор «Церковного вестника». Имел чин статского советника. После Февральской революции, 8 марта 1917 г. представил обер-прокурору записку об организации на базе издаваемого Св. Синодом «Церковно-общественного вестника» и «Церковного вестника» нового независимого органа церковной прессы под девизом «Свободная церковь свободного народа». 24 марта Св. Синод

постановил передать редакцию «Всероссийского церковно-общественного вестника» с правом самостоятельного избрания редактора, которым был избран профессор Б. В. Титлинов. В газете печатались большие статьи о восстановлении Патриаршества, об отношении Церкви к выборам в Учредительное собрание, по вопросам церковно-общественной жизни и др. Постепенно газета отходила от принятой церковной линии, становилась рупором будущего обновленчества. 30 членов Собора обратились 17 сентября 1917 г. с предложением о превращении газеты в официальный орган Собора, что и было сделано в октябре принятым постановлением Собора, и Б. В. Титлинов был освобожден от редактирования газеты. В октябре 1918 г. он предпринял издание под своей редакцией новой газеты «Мир Божий». Вышел только один номер. По прекращении деятельности Духовной Академии был избран в июле 1919 г. преподавателем кафедры истории религии историко-филологического факультета Петроградского университета. Осенью был командирован в Вологду для чтения лекций в Вологодском пролетарском университете и педагогическом институте, где преподавал до 1920 г. В 1920–1922 гг. архивист 2 отделения IV секции (бывшего архива Св. Синода) Петроградского отделения Центрархива, уволен по сокращению штатов. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1922 по 1924 г. без постоянной работы, занимался научно-литературным трудом. С 1924 г. профессор в обновленческом Высшем богословском институте, в 1926–1929 гг. занимал должность проректора и ректора института вплоть до закрытия его в 1929 г. Участник обновленческих соборов 1923 и 1925 годов. Помимо Богословского института занимал выборные должности в Ленинградском епархиальном и митрополичьем управлении, был председателем «двадцатки» церкви и часовни во имя иконы Скорбящей Божией Матери. В октябре 1921 г. обратился с заявлением в Правление Публичной библиотеки в Петрограде с просьбой «при возможности» зачислить в число сотрудников библиотек, высказав пожелание работать в отделении, куда входила библиотека бывшей Духовной Академии. Решение было отложено, и только в

ноябре 1926 г. он был принят в качестве сверхштатного помощника библиотекаря Русского отделения, а в январе 1927 г. переведен в штат. В августе 1928 г. был уволен с формулировкой «ввиду сокращения штатов», хотя требовали, чтобы при увольнении было «ясно указано, что это вызвано идеологическим расхождением». После освобождения от работы в Публичной библиотеке остался без работы, жил за счет чтения лекций и литературных заработков. 10 февраля 1930 г. Б. В. Титлинов был арестован органами ОГПУ по обвинению в «антисоветской агитации». Ему вменялось участие в работе Поместного Собора, публикации до революции статей в газетах «День» и «Биржевые ведомости» на религиозные темы «явно контрреволюционного содержания», ведение среди прихожан Скорбященской церкви антисоветской и антисемитской агитации». Постановлением Тройки при ОГПУ по Ленинградской области от 20 мая 1930 г. приговорен к заключению в ИТЛ на 3 года. 9 июля 1932 г. дело было пересмотрено и постановлено досрочно освободить, разрешив проживание на территории СССР с ограничением проживания в 6 крупных городах. На 1937 г. проживал в Луге. Имеющиеся сведения о том, что во время Великой Отечественной войны был священником на оккупированной территории и повешен немцами, не подтвердились (Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 2. Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде 1918–1930/ Ред. кол.: Л. А. Шилов, канд. ист. наук (гл. ред) и др. СПб., 1999). По новейшим исследованиям М. Шкаровского, оказавшись на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны, Б. В. Титлинов сотрудничал с немцами, перед освобождением отступил с немецкими войсками на запад, где следы его теряются. – Ред.]

4. Опубликованные материалы об избрании архиепископа Тихона на кафедру митрополита Московского и Коломенского

Кроме обильной и разнообразной (разнопартийной) гражданской периодической печати того времени, избрание архиепископа Тихона на Московскую митрополичью кафедру было с недостаточной полнотой и широтой отображено и на страницах церковной периодики, как провинциальной (губернской), так и – главным образом – в церковных журналах обеих столиц (преимущественно, конечно, Москвы). Кроме того, можно указать на следующие издания:

Церковные Ведомости. 1917. №28 и др.;

Избрание Первосвященителя церкви Московской // Московский церковный голос. 1917. №17–18. С. 3–5;

Русский Паломник. 1917. №27–28;

Выборы Московского архипастыря // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №54. №55. С. 4 и др.;

Избрание Московского митрополита // Церковность. 1917. №336. С. 7–8;

Восторгов Иоанн, прот. Апостольство в Церкви // там же. С. 8–12;

Богословский вестник. 1917. Июнь–июль и др.;

Вера и жизнь. Рига. 1925;

Руднев С. П. При вечерних огнях. Харбин, 1929;

Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. №5–6 (18–19);

Рождественский А., прот. Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея России: Воспоминания. София. Российско-болгарское книгоиздательство. 1922;

Догматико-каноническая оценка тихоновщины / Митрополит Михаил (Орлинский) и др. Краснодар: Кубано-Черномор. епарх. Упр., 1926;

Левитин А., Шавров В. Очерки... и другие издания.

[К сожалению, в церковной печати избрание на Московскую кафедру и служение на ней митрополита Московского и

Коломенского Тихона мало описано. Революционным событиям, даже в церковной печати, уделялось гораздо больше внимания. Из московских газет того времени только одна газета «Московский листок» (хотя и светская) уделила этому событию должное внимание. Представляем несколько заметок из этой газеты, касающихся данного события.

«Избрание митрополита. Избран архиепископ Виленский Тихон

Вчера [21 июня 1917 г.] с выдающейся торжественностью в храме Спасителя состоялись выборы на кафедру митрополита.

В 8 часов утра из Успенского Собора отправился в храм Спасителя крестный ход с иконами Московских святителей и чудотворной иконой Владимирской Божией Матери. В процессии участвовало духовенство из сороков Пречистенского и Китайского, а во главе следовал преосвященный епископ Арсений [Жадановский] Серпуховской.

В храме Спасителя крестный ход был встречен членом Синода архиепископом Агафангелом [Преображенским] с соборным причтом. Чудотворная икона Владимирской Божией Матери была поставлена на солее у северной алтарной двери.

Вход в собор допускался только для делегатов съезда по предъявлению ими членских билетов. При этом каждому из них вручался пакет в четвертинку листка с вложенным бюллетенем для надписания имени кандидата. На каждом бюллетене был изображен крест и помещена надпись славянскими буквами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа избираю во иерарха Московской Церкви...». Внизу бюллетеня была приложена печать Исполнительного комитета объединенного духовенства.

Средина собора была наполнена делегатами, а хоры – богомольцами, допущенными по входным билетам. С правой стороны у иконостаса расположился хор из 600 священников, диаконов и псаломщиков, облаченных в епитрахили и стихари из золотой парчи. На правом клиросе помещались представители американской миссии и обер-прокурор Синода В. Н. Львов.

Литургию, начавшуюся в 9 часов утра, совершали архиепископ Ярославский Агафангел, епископы Иоасаф

[Каллистов] и Димитрий [Абашидзе], о. протопресвитер Н. А. Любимов, кафедральный протоиерей В. С. Марков, ректор Духовной семинарии архимандрит Сергей, благочинный монастырей архимандрит Амвросий и прочее духовенство. Замечательно стройно пел громадный хор из московского духовенства, руководимый о. диаконом Богословским.

После литургии начались приготовления к выборам митрополита. На середине собора был поставлен большой стол, покрытый красным сукном, с креслами для Исполнительного Комитета духовенства. Впереди собора, перед солеей, были поставлены 4 больших урны и возле них небольшие столики и стулья для лиц, наблюдающих за опусканием в урны конвертов с записками. В каждую урну было решено класть по 200 билетов с записками в алфавитном порядке.

Из храма был совершен крестный ход на Соборную площадь для служения молебствия о даровании победы, причем выборщикам было предложено не следовать за процессией, а оставаться в соборе с тою целью, чтобы в середину собора не могла проникнуть посторонняя публика.

В час дня молебен закончился и было приступлено к избранию митрополита.

На середину собора вышли в мантиях из алтаря архиепископы: Ярославский Агафангел, Гродненский Михаил [Ермаков], Тверской Серафим [Чичагов], епископы: Иоасаф [Каллистов], Димитрий [Абашидзе], Арсений [Жадановский], Иннокентий [Летяев] и Евфимий [Елиев].

Все присутствующие в соборе общим хором пропели молитву «Днесь благодать Святого Духа», а архиепископ Агафангел произнес следующее слово:

«Отцы и братья св. Христовой Церкви! Мы собрались сюда, чтобы произвести выборы на Московскую кафедру; это торжественное избрание – избрание всей паствой архипастыря принадлежит свободному в настоящее время великому народу русскому!

Я считаю себя счастливым присутствовать на этом величайшем акте духовной жизни великого народа!

Привет тебе, первопрестольная Москва! Привет вам, христолюбивые избиратели!

Сейчас вашими устами должна выразиться воля Божия! Недаром говорится, что глас народа – глас Божий! Вы должны провозгласить волю Божию! Но как должно быть чисто ваше сердце, чрез которое „глаголет Сам Господь“! Поэтому мы должны теперь усердно помолиться Господу, чтобы Он послал благодать в ваши сердца, очистил их от неправды, лицеприятия и истребил все лукавые помышления; помолимся также о том, чтобы Бог не только благословил ваше собрание и вашего избранника, но чтобы и преподал благословение на это дело.

От имени Святейшего Синода благословляю вас совершить это избрание и да поможет вам Господь».

После этого архипастыри удалились в алтарь и начался акт избрания. Каждый из выборщиков подходил к столику, где секретари проверяли его входной билет, отмечали в списке и пропускали к урне, куда выборщик опускал билет в конверте.

Через 2 часа урны были запечатаны и перенесены на середину собора, где в присутствии членов Исполнительного комитета они были вскрыты и произведен подсчет голосов. Всех выборщиков было 845: участвовали в баллотировке 793. Архиепископ Литовский Тихон получил 481 голос, А. Д. Самарин 303 голоса. Таким образом, избранным оказался митрополит Тихон. Остальные кандидаты: архиепископы Антоний и Арсений, епископ Андрей получили весьма незначительное число голосов.

Подсчет голосов закончился в 4 часу вечера, и об этом был составлен на пергаменте акт, подписанный членами избирательной комиссии и секретарями, и передан в алтарь собравшимся там архипастырям, которые его одобрили.

Затем все двери собора были открыты, и в собор были приглашены богомольцы, бывшие на площади перед собором и на хорах.

Архиепископы Михаил и Агафангел, епископы Иоасаф и Иннокентий вышли в мантиях на амвон, а протодиакон Розов прочел следующий акт об избрании:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. 1917 года, месяца июня в 21 день по благословению Святейшего Синода Российской Православной Церкви представители клира и мирян Московской епархии, собравшись в кафедральном храме Христа Спасителя, в присутствии архипастырей приступили к избранию архипастыря церкви Московской, и им оказался избранный высокопреосвященный Тихон, архиепископ Виленский.

О чем составлен сей акт, представленный на благоусмотрение Собора иерархов».

После этого все бывшие в соборе общим хором пропели «Тебе, Бога, хвалим», а протодиакон провозгласил многолетие Синоду и новоизбранному архипастырю Московскому. На колокольне начался торжественный звон.

Крестный ход с чудотворною иконой Владимирской Божией Матери в том порядке возвратился в 5 часов вечера в Успенский собор.

Вновь избранный на Московскую кафедру архиепископ Литовский Тихон, уроженец Псковской епархии, кандидат богословия Петроградской Духовной Академии выпуска 1888 г. По окончании курса он три года был преподавателем Псковской семинарии, принял монашество, был инспектором и ректором Холмской семинарии, а в 1897 г. был назначен епископом Люблинским. В 1898 г. был послан епископом в Северную Америку, а в 1907 г. переведен в Ярославль, где приобрел общую любовь и уважение всех. В 1913 г. ему пришлось покинуть Ярославскую кафедру и перейти в Вильну. Он много потрудился для блага духовенства во время занятия неприятелем его епархии; он успел перевезти все виленские святыни в Москву, по возможности старался обеспечить духовенство, исходатайствовал ему пособие от Синода, разместил по монастырям России почти всех монахов и монахинь из Виленской епархии.

Сердечный и доступный и вместе с тем справедливый архипастырь, без сомнения, приобретет среди москвичей такую же любовь и уважение, какими он пользовался до сих пор во всех местах своего архипастырского служения.

Новому архипастырю Москвы 54 года» (Московский листок. 1917. №139. Четверг. 22 июня. С. 3).

«Указ Священного Синода временно управляющему епархией епископу Иоасафу – об утверждении архиепископа Тихона на Московской кафедре

Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви слушали: акт о состоявшемся 21 июня 1917 г. избрании представителями клира и мирян Московской епархии Московского епархиального архиерея, из какового акта видно, что на Московскую архиерейскую кафедру тайным голосованием избран архиепископ Литовский и Виленский Тихон. Приказали:

1) избранному свободным голосованием клира и мирян Московской епархии на кафедру Московского епархиального архиерея архиепископу Литовскому и Виленскому Тихону быть архиепископом Московским и Коломенским, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры священно-архимандритом без возведения в сан митрополита до решения этого вопроса Собором; [...] 3) предписать: а) преосвященному Тихону, чтобы он сдал все, что ныне находится в его ведении по Литовской архиерейской кафедре, и б) Московской духовной консистории, чтобы сделала распоряжение о возглашении имени новоназначенного Преосвященного Архиепископа Московского Тихона при священнослужении; о чем послать указ Московской духовной консистории.

Обер секретарь

Секретарь⁹⁴» (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 704. Д. 1453. Л. 50).

«Вступление на Московскую кафедру архиепископа Тихона

Вчера 28 июня 1917 г. с поездом Николаевской ж. д. в 12 часов дня прибыл в Москву из Петрограда высокопреосвященный Тихон, архиепископ Московский и Коломенский.

Ко времени прибытия поезда на вокзале собрались: управляющий московской митрополией епископ Иоасаф, епископ Серпуховской Арсений, управляющий Новоспасским монастырем епископ Евфимий [Елиев], управляющий Даниловым монастырем епископ Феодор [Поздеевский],

наместник Сергиевой Лавры архимандрит Кронид [Любимов], ректор Московской духовной семинарии архимандрит Сергей, члены Консистории, благочинный московских монастырей архимандрит Феодосий, оо. архимандриты, оо. благочинные московских церквей, саккеларий Успенского собора В. И. Субботин, члены союза объединного духовенства: протоиерей Н. В. Цветков, о. Фрязинов и диакон Богословский, товарищ председателя и член совета церковных старост и мирян, представители московского духовенства, секретарь консистории В. Ф. Трелин, преподаватели духовно-учебных заведений и довольно много москвичей.

При выходе из вагона архиепископ Тихон осенил всех благословением и произнес следующую речь:

„Благословение Божие да пребудет над возлюбленной моей новой паствой. Душевно рад, что по неисповедимым судьбам Промысла Божия придется быть архипастырем в христолюбивой Москве, этом сердце великого государства Российского, которая так приветливо меня встретила, когда мне приходилось приезжать в нее как беженцу, а равно оказала выдающееся гостеприимство для моей виленской паствы.

Среди собравшихся здесь я вижу знакомых мне по плодотворному служению на пользу паствы и с радостью приветствую их, так и всех вас, явившихся сюда. Благословение Божие да пребудет всегда над вами”.

После этого архиепископ сердечно приветствовал всех епископов, с которыми ему приходилось неоднократно совершать богослужения в Москве, а затем епископом Иоасафом ему были представлены бывшие на вокзале представители духовенства, церковные старосты и миряне. Почти с каждым из них архиепископ вел краткую беседу.

Преподав затем всем благословение, архиепископ в карете с епископом Иоасафом проследовал при колокольном звоне в часовню Иве рекой Божией Матери, где был встречен казначеем часовни о. Дионисием со всей братией часовни. Здесь было отслужено краткое молебствие с провозглашением многолетия „архиепископу Московскому и Коломенскому и Свято-Троицкой Сергиевой Лавры священно-архимандриту Тихону”, Архиепископ

приложился к чудотворной иконе и, преподав благословение братии и богомольцам, отбыл на Троицкое подворье.

Вчера вечером архиепископ слушал всенощное бдение в церкви Троицкого подворья.

Вчера же были совершены молебствия по случаю прибытия нового архипастыря, молебны во всех храмах столицы. Имя архиепископа Тихона стало поминаться на ектениях, за богослужениями» (Московский листок. 1917. №145. Четверг. 29 июня. С. 3).

«Вступление на Московскую кафедру архиепископа Тихона

Вчера [29 июня 1917 г.] состоялось по древнему уставу торжественное вступление архиепископа Тихона на Московскую кафедру.

К 9 часам утра в Казанский собор прибыл из Кремля крестный ход, сюда же вскоре прибыл архиепископ Московский Тихон. При входе он был встречен настоятелем собора о. протоиереем Металловым, который произнес краткое приветственное слово.

Облачившись, архиепископ Тихон направился во главе крестного хода в Кремль и проследовал в Успенский собор, который был переполнен богомольцами.

При входе в собор архиепископ был встречен старшим сакелларием собора о. протоиереем Пшеничниковым с многочисленным духовенством. Отец сакелларий обратился к архиепископу с речью, в которой указал, что Москва приветствует первого владыку Московской церкви, вступающего на кафедру по избранию Московского Церковного Собора, и верит, что избрание совершилось не случайно, а по указанию Небесной покровительницы Собора, Божией Матери, пред чудотворной иконой Которой молилась вся паства пред избранием иерарха. Затем архиепископу была поднесена древняя икона Владимирской Божией Матери.

Литургию в соборе совершал архиепископ Тихон с епископом Арсением, ректором семинарии архимандритом Сергием, архимандритами Феодосием, Афанасием, Арсением и соборным духовенством. Пел Синодальный хор.

После чтения Св. Евангелия архиепископ Тихон, выйдя на амвон, обратился к богомольцам со следующими словами:

«По неисповедимым путям промысла Божия мое первое вступление на Московскую кафедру совпало с празднованием святых первоверховных апостолов Петра и Павла, и мне вспоминаются слова сегодняшнего Евангелия: „Ты еси Петр и на сем камени созижду Церковь мою, и врата адовы не одолеют ю“. Действительно, только по твердой вере создается и укрепляется Св. Церковь, на такой вере создавалась и Русская Церковь и строилась Святая Русь. Этой верой горели сердца наших предков, собирателей земли Русской. Неужели же в настоящее время этот огонь веры угаснет в наших сердцах? Нет, этого не должно быть! Моя горячая к вам мольба о том, чтобы вы прилагали все усилия к тому, чтобы этот огонь, чтобы эта ревность о вере не погибли!

Не без трепета я вступаю на эту кафедру, прославленную подвигами великих святителей Московских, собирателей Русской земли. Но меня ободряет и укрепляет мысль, что я – ваш избранник. Я не сомневаюсь, что если ваша любовь избрала меня, то я получу в вас поддержку, когда буду иметь нужду в ваших молитвах и содействии!

По словам апостола, я „с верою и упованием пойду на предлежащий мне подвиг“, и да поможет мне в этом Господь, Пречистая Богоматерь и Московские святители! Примите же меня в вашу любовь на великое служение Церкви Божией, и будем твердо веровать, что Церковь Христова будет всегда цела и врата адовы не одолеют Ее».

При окончании литургии протоиерей Розов провозгласил многолетие „архиепископу Московскому и Коломенскому Тихону, с богохранимой его паствою“, а архиепископ Тихон провозгласил многолетие „благочестивым жителям града Москвы и христолюбивому воинству“.

По окончании литургии архиепископ Тихон в предшествовании духовенства в облачениях, иподиаконов с трикирием и дикирием и сакеллария Успенского собора о. протоиерея Субботина с крестом последовал из Успенского собора при торжественном колокольном звоне в Благовещенский собор, где

был встречен придворным духовенством в облачениях. Выслушав краткое молебенствие, архиепископ прикладывался к чудотворной иконе Божией Матери и находящимся в соборе частицам мощей святых.

Из Благовещенского собора архиепископ Тихон проследовал в Архангельский собор, где прикладывался к мощам и чудотворным иконам, а оттуда направился со звоном в Чудов монастырь.

При входе в переполненную богомольцами Алексеевскую церковь архиепископ был встречен всей братией в облачениях, проследовал к мощам святителя Алексия, прикладывался к ним, выслушал краткое молебенствие и при окончании его провозгласил многолетие „епископу Арсению с братией обители и богохранимой паствой“, а затем обратился к богомольцам с проповедью, в которой указал, что „боголюбивая Москва приютила обездоленное духовенство Виленской епархии, где он был архипастырем, поместила в своих обителях виленские святыни и очень внимательно отнеслась ко всем беженцам из Вильны, и он в своем назначении в Москву видит указание промысла Божия“.

Преосвященный Арсений поднес архиепископу от братии обители икону святителя Алексия в серебряной ризе.

Разоблачившись, архиепископ Тихон в мантии проследовал в митрополичьи покои Чудова монастыря, где к этому времени собрались епископы: Иоасаф, Арсений, Евфимий, Иннокентий, Владимир и Антонин, все архимандриты московских монастырей, ректоры и преподаватели Духовной семинарии, члены Консистории, отцы благочинные московских церквей, представители союза объединенного духовенства, церковные старосты и служащие по духовному ведомству.

Архиепископу были представлены все собравшиеся, и он более получаса вел с ними беседу, вспоминал о прежнем пребывании своем в Москве и, преподав всем благословение, просил молитвы, мира и любви для него.

Своей простотой и сердечностью в обращении архиепископ Тихон произвел на всех собравшихся самое лучшее впечатление.

В 2 часа дня архиепископ отбыл из Чудова монастыря на Троицкое подворье.

В воскресенье, 2 июля архиепископ Тихон будет совершать литургию в храме Христа Спасителя» (Московский листок. 1917. №146. Пятница. 30 июня. С. 3). – *Ред.*]

5. Съезды духовенства и мирян Московской епархии в 1917 году

[Сразу же после отречения от престола Государя Николая II и Февральской революции в Москве начинают активно действовать церковно-общественные организации, происходить собрания духовенства и мирян. 8 марта в Епархиальном доме состоялось собрание московского духовенства, на котором присутствовало до 800 человек. Среди собравшихся были преподаватели учебно-духовных заведений и церковные старосты. Собрание открыл протоиерей Н. В. Цветков речью, в которой он приветствовал собравшихся по поводу «получения свободы, равенства людей, упразднения титулов и пресмыкания низших перед высшими».

Собрание вынесло следующую резолюцию: «Приветствуем новые условия в жизни нашего дорогого отечества, открывающие простор развитию духовных и материальных сил русского народа и в области культуры, в частности, в области устройства государственной и общественной жизни.

Искренне сочувствуем народной радости и, повинувшись Временному правительству, всеми зависящими от нас средствами обязуемся содействовать ему в его деятельности на благо родины.

Молим Бога о победоносном окончании войны, ради укрепления правды, мира и всеобщего братства на христианских основах» (Московский листок. №61. 1917. 9 марта. С. 3).

9 марта состоялось собрание диаконов и псаломщиков церквей Москвы, посвященное обсуждению настоящего положения духовенства, в котором участвовало более 500 человек. Собрание единогласно постановило: «Дать обещание поддерживать друг друга в борьбе с иерейским гнетом» (там же. №63. 11 марта. С. 3).

В те же мартовские дни проходили собрания законоучителей Москвы. 15 марта в Епархиальном доме состоялось экстренное собрание духовенства, на котором

присутствовало более 500 человек священников, диаконов и псаломщиков. Собрание постановило: срочно собрать съезд на 21 марта, немедленно произвести выборы на съезд двух депутатов от каждого прихода, от причта и прихожан.

На Московском епархиальном съезде, открывшемся 21 марта, в Епархиальном доме присутствовали более 1500 человек духовенства и мирян. Присутствовали на нем и иерархи. Председателем съезда единогласно был избран А. Д. Самарин. После доклада протоиерея Цветкова на вечернем заседании разразился скандал. Протоиерей Цветков начал говорить о необходимости немедленного изменении приходского строя и церковного управления. Председатель съезда остановил о. Цветкова и заявил, что большинство съезда приняло решение некоторое время подождать для лучшего выяснения поднятых вопросов и настоящего положения духовенства. Отец Цветков очень обиделся на это заявление и сказал, что слагает с себя звание председателя Исполнительного комитета духовенства и мирян, и покинул собрание. Поднялся шум. Через некоторое время о. Цветков возвратился и был встречен пением многолетия. Также был прочитан доклад о необходимости дарования амнистии духовенству за проступки (См.: Московский листок. 1917. №71. 23 марта. С. 3). Съезд продолжался три дня.

В конце марта было принято решение избрания митрополита на Московскую кафедру. 14 апреля состоялось заседание Комиссии относительно избрания лиц на кафедру Митрополита Московского. Комиссия постановила единогласно, что в выборах должны участвовать духовенство, клир и народ. 20 июня состоялись выборы на кафедру митрополита. – Ред.]

6. Святейший Патриарх Тихон и бывший Московский митрополит Макарий (Невский)⁹⁵

В 1912 году, в связи с состоявшимся переводом митрополита Московского и Коломенского Владимира (Богоявленского) на Санкт-Петербургскую и Ладужскую кафедру (за смертью митрополита Антония Вадковского), – архиепископ Томский и Барнаульский Макарий (Невский) назначается митрополитом Московским и Коломенским.

«Мне пришлось слышать, что в Петербурге восторжествовала кандидатура Серафима [Чичагова]. Упорно продолжали говорить и о епископе Трифоне [кн. Туркестанове], архиепископе Антонии [Храповицком] и др., но никак не о нынешнем митрополите Макарии [Невском].

Думается мне, что произошло это единственно потому, что соревнование из-за Московской кафедры слишком обострилось и назначение стоящего в стороне от всяких петербургских влияний архиепископа Макария явилось единственным выходом. Иначе назначение кого-либо из соперничающих кандидатов могло бы только усилить взаимное недовольство.

О самом митрополите Макарии в Москве знают очень мало...

Говорят, что митрополит Макарий – крайний правый. Трудно сказать, какого характера его правые взгляды. Нужно полагать, во всяком случае, что и возраст и высокий сан митрополита Макария гораздо более влекут его к делам церковным, нежели политическим» (Раннее утро. 1912. №274 [?]).

«По существующей традиции, вступление на кафедру Московскую митрополита сопровождается известной церемонией: первое свое служение вновь назначенный Архипастырь совершает в Казанском соборе; тут ему устраивается торжественная встреча, причем старший викарий или же местный настоятель обращается к прибывшему с приветственной речью, на которую обычно следует ответ.

После литургии митрополит в сопровождении всего московского духовенства, в преподнесении святынь и хоругвей,

шествует крестным ходом по Красной площади, через Спасские ворота, в Успенский собор, где, встреченный протопресвитером и всем причтом с Крестом и святой водой, проходит на солею для выслушивания положенных по входе в храм архиерея литии и многолетия.

Вслед за этим, в сопровождении сакеллариев, первоиерарх прикладывается к ракам святителей Московских, как бы испрашивая у них благословения на служение в Москве, и снова поднимается на амвон, чтобы после общего осенения преподать благословение собравшемуся народу – новой своей пастве.

Потом митрополит, при соблюдении того же порядка, что и в Успенском соборе, идет в Чудову обитель, только здесь он благословляет, главным образом, братию вверенного его управлению кафедрального монастыря⁹⁶.

Описанную церемониальную встречу принял и Владыка Макарий, и, как всегда бывает, москвичи получили разное впечатление» (*Арсений (Жадановский), епископ. Жизнеописание митрополита Макария Невского. Рукопись, 1927*). [Митрополит Макарий Невский // *Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания. М.: ПСТБИ, 1995. С. 194–195*].

19.08.1920 г., по предложению Святейшего Патриарха Тихона, Патриарший Священный Синод выносит определение о пожизненном бытии состоящему на покое митрополиту бывшему Московскому и Коломенскому Макарию – митрополитом Алтайским (в воздаяние его 50-летних трудов по просвещению светом Христовым алтайских инородцев).

О вынесенном определении Патриарх возвещает личным письмом митрополита:

«Высокопреосвященнейший Владыко!

Приношу Вашему Высокопреосвященству благодарность за Ваш привет. Скорблю о Вашем недомогании. Господь да подкрепит Вас!

Предлагаю Священному Синоду, во внимание к Вашим трудам на Алтае, сохранить за Вами пожизненно титул митрополита Алтайского. Поправляйтесь здоровьем, дабы возможно Вам было и проезжать на Алтай.

Прошу Ваших святых молитв и с братской любовью остаюсь
Ваш покорнейший послушник

Патриарх Тихон

19 августа 1920 г.

г. Москва» (там же. С. 207).

Указ о новом назначении вручается митрополиту 22.08.1920 г. в Николо-Угрешском монастыре под Москвой, где митрополит Макарий проживает с 1917 года. Ответ на Патриаршее письмо отправляется им 20.8(2.9)1920 г. (см.: там же. С. 207).

Николо-Угрешский мужской монастырь находился в 15 верстах от Москвы, в юго-восточном направлении, считая от Спасской или Покровской заставы. Основан в XIV столетии, на месте явления Великому князю Димитрию Иоанновичу (Донскому) чудотворного образа Святителя Николая, во время движения его к Куликову полю на брань с Мамаем.

В 1880 г., в связи с 500-летием обители, заложен новый обширный храм и начато обновление и благоустройство монастыря, пришедшего в полный упадок, иждивением московских благотворителей: Павла Александрова, Петра Куманина, Владимира Пегова и других.

После закрытия монастыря в революционные годы и разгон монахов, он был превращен в тюрьму для малолетних преступников и – далее – в колонию для дефективных и беспризорных подростков (в связи с массовым в те годы явлением – «беспризорничеством»).

В среду 3(16).10.1918 года на жилище митрополита бывшего Московского и Коломенского Макария в Николо-Угрешском монастыре под Москвой, – совершается налет бандитов.

«Злодеи ворвались в дом и заперли всех в одну комнату, а Святителю, приставив револьвер, угрожали смертью, настойчиво требуя денег, которых никогда не бывало у нестяжательного старца. Одев на себя облачения и митру, бесстыжие люди издевались, а один из них, с папиросой во рту, сорвал крестик со скуфьи, бывшей на голове архиерея Божия и рванул его за бороду» (там же. С. 211).

Подробности этого бандитского налета митрополит излагает в своем письме Святейшему от 11(24)10.1918 г. (см.: там же. С. 211–212).

Приводим следующую выписку о последнем посещении Святейшим Патриархом Тихоном Николо-Угрешского монастыря и проживавшего в нем митрополита Макария:

«Несколько раз навещал больного Святейший Патриарх Тихон, оказывая ему искреннее уважение, и наш старец был расположен к Первосвятителю России, и особенно после того, как тот утвердил его в звании митрополита Алтайского, и все тяжелые недоразумения, создавшиеся в связи с изгнанием Владыки из Москвы забылись.

Оба они в праздники Рождества Христова, Пасхи и во дни тезоименитства того и другого, обменивались приветствиями в весьма благожелательных выражениях.

Последнее служение Святейшего в Угрешском монастыре было 22 августа 1924 г., когда здесь ежегодно совершается празднество в память явления чудотворного образа Святителя Николая.

В этот же день Святейший побывал в келье маститого, почти 90-летнего собрата, снялся с ним и как бы навсегда простился, так как это было, действительно, последнее их свидание. Замечательно было еще то, что Патриарх пожелал остаться со старцем наедине. Все присутствующие вышли, и при закрытых дверях у двух великих иерархов произошло какое-то объяснение. Нам думается, что они испросили друг у друга прощение.

Когда скончался Святейший, наш, еще живой Старец, забыв про свою болезнь и неспособность передвигаться, собрался ехать на отпевание. В нем очевидно заговорил вечно живой дух и глубокое уважение к почившему» (там же. С. 239).

Для сопоставления с вышеприведенной выпиской безусловно достоверного автора, близко знавшего митрополита Макария и постоянно, до самой его кончины поддерживающего непосредственные и живые отношения с ним, – приводим здесь же совершенно анекдотическое сообщение о последнем свидании Святейшего Патриарха с митрополитом, извлеченное

из позднейшего труда, посвященного истории обновленческого раскола. Его обновленчествуящие авторы как раз использовали в своем сообщении все те сплетни о взаимоотношениях, якобы существовавшие у этих двух маститых святителей, – о чем упомянуто было несколько выше.

«Историкам» следовало бы быть более осмотрительными в своих суждениях и разного рода категорических сообщениях, имевших якобы место в действительности...

Вот дословная выписка:

«Одним из знаменательных эпизодов, характеризующих покойного, является его примирение с бывшим Московским митрополитом Макарием, жившим на покое в Николо-Угрешском монастыре под Люберцами.

Митрополит Макарий, уволенный на покой в первые дни Февральской революции, благодаря той одиозной репутации „распутинца“, которой он пользовался в дореволюционное время, дожил до глубокой старости – он умер лишь в 1926 году. Последние годы своей жизни он провел в Николо-Угрешском монастыре, разбитый параличом, лишившийся дара речи. С Патриархом его связывали сложные и запутанные отношения: старые знакомые, они разошлись после того, как архиепископ Тихон был назначен митрополитом Московским, т. е. занял то место, с которого митрополит Макарий был незаконно, по его мнению, смещен. После избрания Тихона на Патриарший Престол митрополит Макарий ни разу его не видел и не вступал с ним ни в какие отношения. И вот в августе 1924 года Патриарх неожиданно сказал своему иподиакону Саше Б.:

– Еду в Угрешский монастырь к митрополиту Макарию. Поезжай и предупреди...

24 августа 1924 года Патриарх прибыл к воротам монастыря. Встреченный настоятелем, в сопровождении архимандрита Анемподиста [Алексеева] и шестнадцатилетнего иподиакона, Патриарх в куколе и мантии, войдя в храм и поклонившись престолу, проследовал в покои заштатного митрополита. Как всегда в минуты волнения движения Патриарха стали порывистыми и быстрыми. В небольшой зале навстречу Патриарху выкатили в колясочке больного

митрополита, чисто вымытого и одетого в белый клобук. Подойдя к митрополиту, Патриарх поклонился старику до земли, – из глаз больного выкатилась слеза... Все присутствующие поспешили покинуть комнату. Патриарх остался наедине с митрополитом Макарием полтора часа, – все время иподиакон, находившийся в соседней комнате, слышал не умолкавший ни на минуту голос Патриарха.

После посещения митрополита Макария Патриарх казался успокоенным, медленно обошел он стены древнего монастыря, построенного еще при Димитрии Донском, – затем заходил в келию схимницы Михаила, жившей около монастыря, пил у нее чай с вареньем, мирно и тихо беседовал...

Это был один из немногих хороших и спокойных дней за последний год жизни Патриарха» (*Левитин А., Шавров В. Очерки... С. 402–403*).

В обоих вышеприведенных изложениях одного и того же факта без труда (как полагаем) усматривается и чувствуется в достаточной степени выраженная фантастичность и приключенческая «таинственность» второго варианта мало осведомленных и несколько легкомысленных авторов-«историков». Пишущий эти строки был на Угреше 22 августа 1924 года, присутствовал в соборе на богослужении Патриарха и сонма святителей (при пении московского хора в 60 человек под управлением Виктора Степановича Комарова, впоследствии ставшего регентом патриаршего Богоявленского собора в Елохове)... И именно в этот день, после окончания литургии, Святейший нанес очередной визит митрополиту, и тогда же произошло уединенное свидание его с митрополитом, о котором упоминает в своем «Жизнеописании митрополита Макария Невского» Преосвященный Арсений (Жадановский), собеседники испросили друг у друга прощение; митрополит был весьма «ветх деньми», а Святейший, хотя и не очень стар, но, по-видимому, уже чувствовал (и не ошибался), что свидание может оказаться – последним в этой жизни, тем более, что Патриарх начал недомогать, а убийство Я. А. Полозова зимой того же года лишь ускорило течение болезни, приведшей его к печальному для всех концу...

Факты же, такие как посылка Патриархом митры митрополиту Макарию по просьбе последнего – в связи с ограблением его, назначение его пожизненно митрополитом Алтайским и целый ряд писем из переписки этих двух маститых иерархов-миссионеров, приведенных в означенном выше труде Преосвященного Арсения (Жадановского), все это говорит о весьма добрых и совершенно братских отношениях, существовавших между Святейшим Патриархом и экс-митрополитом Московским. Издавна зная друг друга и всецело и правильно понимая и чувствуя внутреннее духовное существо один другого, между ними и не могло быть никакого антагонизма, тем более основанного на мотивах честолюбия, чем – как это общеизвестно – совершенно «не грешили» оба святителя.

Пользуясь случаем, приведем здесь еще несколько выписок из того же источника (Жизнеописание... составленное Преосвященным Арсением Жадановским), относящихся к личности «Апостола Алтая» – митрополита Макария.

В начале революции о дальнейшей судьбе бывшего обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова передавали «нечто удивительное. Когда пошли перемены в правительстве, скоро сместили и его, и даже заключили в Петропавловскую крепость, которой он в свое время угрожал митрополиту [Макарию Невскому. – *Сост.*]. Выпущенный оттуда он, по необходимости, обратился в скитальца и странника по лицу земли Русской. В таком жалком положении Львов однажды забрел к знакомому иеромонаху, бывшему келейнику знаменитого старца Варнавы, с целью открыть душу. Пришедший рассказывал об ужасных внешних лишениях, а главное, о внутренних тяжких переживаниях, сознаваясь, что не находит себе покоя ни днем ни ночью, так перед его глазами всегда стоит образ обиженного старца-митрополита.

Иеромонах советовал Львову пойти и испросить прощения, но тот отвечал: „Не могу, ибо какая-то сила удерживает меня и внушает, что митрополит не простит”» (Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания... С. 208).

Как известно, в дальнейшем В. Н. Львов эмигрирует за границу, а затем в 1922 году вновь появляется в Москве и в рядах обновленцев снова принимается за свою старую работу – разгром Православной Российской Церкви, не наученный, как видно окружавшими его грозными событиями, должному отношению к Святой Церкви.

Финал Львова...

Отношения митрополита Макария к разбушевавшемуся в то время обновленческому расколу иллюстрируется следующим штрихом: как-то в Николо-Угрешский монастырь приехала гостья из одной обители – «...новая игуменья, сочувствовавшая Ж. Ц. [Живой Церкви. – *Сост.*]. Никому не сказав об этом, она взяла у Владыки благословение и преподнесла просфору и дары. Когда же святитель узнал об ее исповедании, то велел все принесенное уничтожить, а просфору сжечь» (там же. С. 240).

Подобное отношение к обновленческим подаркам характерно и для большинства сознательного епископата и клира того времени.

Пишущий эти строки в середине 1920 годов, по просьбе матушки игуменнии Алексеевского женского монастыря (в Москве), взялся доставить в презент служившему недавно в храме этого монастыря торжественную литургию Преосвященному Гомельскому Тихону (Шарапову), – весьма правоверному святителю-патриархисту, немало претерпевшему за свои взгляды и принципиальнейшему, негибаемому человеку, – громадных размеров («неподъемный») камышинский арбуз.

Когда после немалых мытарств этот арбуз был наконец доставлен в келью Преосвященного в селе Алексеевском под Москвой, где он вынужден был проживать по примеру и многих других святителей, не допускаемых гражданской властью на свои епархии, – он сидел в полумантии и скуфеечке у открытого окна, выходявшего в палисадник. Приняв этот громадный арбуз и лаконично осведомившись своим сухим и бесстрастным голосом: «От кого?», Владыка, не сморгнув глазом, приподнял не без усилий этот тяжелый презент и моментально вышвырнул

его в окно, так что он разлетелся на множество кусочков, как только услышал, что арбуз прислан ему алексеевской игуменией, уклонявшейся в прошлом (!) в злокозненный обновленческий раскол, конечно, «страха ради иудейска».

Проделав эту операцию, Преосвященный обернулся к принесшему и, пронзив его тусклым, язвящим взглядом, произнес с самым бесстрастным и спокойным видом: «При случае поблаговаришь мать игумению за внимание». Старец митрополит Макарий особенно «высокое наслаждение [...] находил себе в созерцании природы. Имея прекрасный телескоп, он в светлые лунные ночи любовался течением светил небесных, в дивном устройстве которых видел творца и Промыслителя Мира» (там же. С. 201).

В связи с отобранием у Церкви Николо-Угрешского монастыря и приспособлением его в колонию для малолетних преступников и беспризорных детей, во множестве появлявшихся и почему-то не переводившихся длительное время, – все население монастыря срочным образом было выселено безо всяких поблажек (как и обычно во всех случаях административного вмешательства в отношении Церкви и Ее служителей). Конечно, этой общей участи подвергся и престарелый, разбитый параличом митрополит Алтайский Макарий, которого, еле живого, пришлось перевести в лежащее поблизости село Котельники, на частную квартиру (около ст. Люберцы Московско-Курской ж. д.).

«Когда перевозили святителя из Угреши в Котельники, он увидел, что выносят на подводу и его гроб, и заметил: „А вот и он едет вместе с нами, это хорошо. Ничего не надо человеку, кроме такого гробика, а мы все суетимся”» (там же. С. 241).

Воспользуемся здесь случаем и для того, чтобы привести несколько слов о родном племяннике и воспитаннике маститого митрополита Макария, который, надо сказать, родился не в своего дядюшку и воспитателя, заделавшись в 1920 гг. обновленческим «епископом» Петергофским (Макарий Торопов). По данным, почерпнутым из достаточно осведомленного источника, он был «крайним обновленцем, реформистом, злейшим врагом монашества, он поносил идею

Патриаршества». Одержимый реформаторским зудом, еще до своей так называемой «хиротонии», «служа в Томске и состоя в оппозиции к своему епископу, самовольно проводил реформы богослужения; вынес жертвенник на клирос, чтобы верующие во время проскомидии могли сами читать свои записки. Тайные молитвы на литургии он читал вслух и допускал русский язык за богослужением. Вообще он был крайним обновленцем и монахофобом. Впоследствии, будучи в Ленинграде викарным епископом Петергофским, продолжал реформировать богослужение» [«Обновленческий» раскол. С. 275].

Таким образом этого «святителя»-ублюдка по всей справедливости следует приравнять – по степени его богослужебно-разрушительной «деятельности» в Церкви Божией – к самым матерым оголтелым «лидерам» из числа обновленческих громил, и таким же, например, как Антонин (Грановский), Константин (Смирнов) и им подобным.

Надо полагать, что бедный старец-дядюшка немало скорбел о своем лихом племянничке!

В первых числах марта 1917 г. в Москву приезжает обер-прокурор В.Н. Львов, который через викария Московской епархии, епископа Вереяского Модеста (Никитина; будущего обновленческого «митрополита») отдает распоряжение о прекращении поминовения Московского митрополита Макария, возбуждает известную часть московского клира против своего святителя и созывает епархиальное собрание духовенства и мирян для обсуждения вопроса о выборе нового митрополита – еще до увольнения прежнего.

«В результате этих собраний, и, вероятно, не без Львова, снаряжена была депутация от духовенства и светских лиц, с поручением убедить меня оставить Московскую кафедру и уйти на покой», – говорит впоследствии митрополит Макарий (Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания... С. 204).

Депутация едет в Петроград, где в это время находится митрополит и действует в намеченном плане.

По проискам обновленчествующих элементов из московского клира, к находящемуся в Петрограде, на Троицком подворье, митрополиту Макарию (Невскому) является в

сопровождении военной охраны обер-прокурор Львов и насильно принуждает престарелого святителя подписать бумагу об уходе на покой.

«“Я сгною тебя в Петропавловской крепости, если будешь упорствовать!” – угрожал он святителю» (там же. С. 202).

Поводом к удалению митрополита «выставлены были три лжесвидетельства против законного представителя Московской Церкви:

1) будто бы он по старости лет не в состоянии управлять епархией,

2) по простоте произносимых им поучений и вообще по образованию не подходит к такому ученому центру, как Москва, наконец

3) при определении на места священнослужителей допускает симонию под предлогом жертвы на Алтай.

Посланы были в Синод представители якобы от всего духовенства и верующих, с ходатайством назначить в Москве выборы нового архипастыря» (там же).

«Все эти доводы ложны: 1) митрополит Макарий обладал крепким здоровьем, 2) был весьма просвещенным иерархом и 3) отличался широкодательностью, тогда как под симониею подразумевается личная корысть» (там же).

20 марта 1917 г. – постановление Св. Синода № 1661 об увольнении, «по прошению» на покой митрополита Макария; временное управление епархией поручается епископу Новогеоргиевскому Иоасафу (Каллистову), переведенному на кафедру епископа Дмитровского, викария Московской епархии.

Таким образом Московская митрополичья кафедра оказалась вдовствующей. «В заседании Св. Синода уволен на покой Московский митрополит Макарий (Невский). Члены Синода в знак сочувствия подносят уволенному адрес» (Свободная Церковь. 1917. №2. С. 1).

21.3(3.4)1917 обер-прокурор Львов «представил на утверждение Временного правительства просьбу „об определении уволенному на покой Московскому митрополиту Макарию (Невскому) пожизненное содержание в размере 6000 рублей в год” [...]

Запись в „Журнале заседания Временного правительства” свидетельствует, что ходатайство не встретило возражений и пожизненная пенсия митрополиту Макарию с 1(14) апреля 1917 г. из средств государственного казначейства в размере 6 тыс. руб. в год была назначена [...] Таким решением Временное правительство расписалось в том, что, подобно царской власти, оно считает Церковь частью государственной машины...» (Персиц М. М. Отделение Церкви от государства. С. 48).

С 27 марта 1917 г. – в управление Московской епархией вступает епископ Иоасаф (Каллистов).

5 апреля 1917 г. производится арест митрополита Макария (находящегося в Троице-Сергиевой лавре и препровождение его на дальнейшее безмолвное житие в Николо-Угрешский монастырь близ Москвы, где он проживает до самой своей кончины в одних покоях совместно с другим просветителем Алтая – престарелым архиепископом бывшим Бийским Иннокентием (Соколовым).

Арест производится вечером; одновременно с митрополитом арестовываются: епископ Феодор (Поздеевский) – бывший ректор Московской Духовной Академии и о. наместник лавры архимандрит Кронид (Любимов). Арест произведен комиссаром Посада Н. А. Королевым под предлогом хранения в лавре «погромной» литературы.

Вместо «погромной» литературы (которой, в действительности, конечно, не оказалось), в местной лаврской типографии обнаружены оттиски воззвания митрополита Макария к собратиям-епископам с призывом присоединиться к его протесту против насильственного удаления с Московской кафедры, осуществленного произволом революционного обер-прокурора В. Н. Львова. «Воззвание написано в резких выражениях...»

«Оттиски воззвания были представлены местному совету рабочих депутатов, который, ознакомившись с текстом воззвания, постановил немедленно подвергнуть аресту митрополита...»

Епископ Феодор и архимандрит Кронид привлечены в качестве «вдохновителей» уволенного митрополита.

Губернский комиссариат, не найдя в воззвании состава преступления, постановил освободить арестованных, однако недовольные этим решением «представители [...] совета рабочих намерены ходатайствовать о назначении строгого надзора за жизнью бывших властителей московского духовенства – Макария, Феодора и Кронида. Типография, в которой печаталось воззвание, была опечатана...» (что, собственно говоря, – и требовалось!) (Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №3. С. 2).

Таким образом «свершилось в истории Московской Церкви событие – насильственное удаление с кафедры Архипастыря, мужа праведного и достойного. Повторилось как бы дело митрополита Филиппа (Колычева), на дровнях вывезенного из Кремля [...]

Когда митрополиту Макарию был предъявлен указ об увольнении в Троицкой Лавре, где он находился по праву настоятеля, то немедленно же ему предложили оставить ее. Переехав в ближайшую к лавре Зосимову пустынь, Владыка думал здесь, в тиши и уединении, отдохнуть от пережитых потрясений, но и отсюда его скоро попросили удалиться.

Обидно, что не удовлетворено было желание Архипастыря поселиться в одной из Московских обителей. Чуть ли не насильственным путем водворили его в Николо-Угрешском монастыре. Окружной дорогой повезли Святителя на ближайшую к Угреше станцию, не дав ему даже возможности заехать в Москву, проститься с паствой. Выслана была одна лошадь с весьма грязным экипажем, в котором и перевезли Владыку на место заточения. Добрые люди передавали, что нельзя было без слез смотреть на это унижение Московского митрополита» (Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания... С. 209).

Посетивший в конце июля (1917 г.) Николо-Угрешский монастырь новоизбранный архиепископ Московский и Коломенский Тихон посещает пребывающего «на покое» отстраненного с Московской кафедры митрополита Макария и имеет с ним беседу о создавшемся статус-кво в епархии в связи

с избранием нового Архипастыря. Беседа носит характер дружеского взаимопонимания и доброжелательства.

Впечатление от происходившей беседы митрополит Макарий излагает в письме (от 28.7–10.8.1917) на имя своего друга – викария Московской епархии, епископа Серпуховского Арсения (Жадановского) (см.: там же. С. 217).

У митрополита возникает желание апеллировать к предстоящему Всероссийскому Собору о восстановлении его в правах Московского митрополита.

В самом конце 1917 года проживающий на покое в Николо-Угрешском монастыре отстраненный от управления епархией б[ывший] митрополит Московский Макарий обращается к Святейшему Патриарху Тихону по вопросу об устройении своей дальнейшей судьбы как правящего архиерея в связи с восстановлением Патриаршества и преобразованием Московской митрополичьей кафедры для управления Московской епархией и прочее.

Предложение митрополита позже было реализовано, но с назначением на эту кафедру другого святителя.

Ходатайство митрополита Макария перед Собором.

«На состоявшемся вечером 17 августа [1917 года. – *Сост.*] совещании участников Собора обсуждалось дело бывшего Московского митрополита Макария.

Митрополит Макарий явился лично в совещание и предоставил жалобу о возвращении ему Московской митрополии. Повторяя прежние доводы, что его отставка была вынужденной и потому незаконной, он изъявил свои права на кафедру, занятую теперь митрополитом Тихоном.

Однако просьба митрополита Макария успеха не имела. Иерархи указали ему, во-первых, на то, что он сам подал прошение об увольнении. Затем против него высказалась паства, и если бы паства действительно желала его возвращения, то за него голосовал бы избирательный съезд, как то было, например, в Харькове, по отношению к Антонию (Храповицкому). Между тем за митрополита Макария не было голосов. Наконец, Московскую кафедру уже занимает законно

избранный митрополит Тихон, и нет никаких оснований удалять его или низводить на степень какого-то „коадьютера”.

Митрополиту Макарию обещано лишь улучшение его положения на покое со стороны внешней обстановки и материальных средств.

После этого митрополит Макарий, вероятно, уже не выступает на Соборе с своим ходатайством» (Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №98. С. 3).

16(29).02.1926 г., в понедельник – кончина на 91 году жизни, митрополита Алтайского Макария, – бывшего предшественника по Московской и Коломенской кафедре архиепископа Тихона, ставшего затем Патриархом Московским и всея России.

Кончина митрополита происходит в селе Котельники, близ ст. Люберцы, Московско-Курской ж. д., куда его, разбитого параличом, перевезли после изгнания из Николо-Угрешского монастыря, в котором он обитал после ухода с Московской кафедры в 1917 году.

Скончался митрополит после вечернего богослужения, совершенного в его келии, в присутствии 16 близких лиц, в том числе епископа бывшего Серпуховского Арсения (Жадановского), который впоследствии сообщает, как после прочтения отходной, «едва я кончил, как Святитель Божий, глубоко вздохнув, тихо предал свой дух Господу...

Глаза остались полуоткрытыми, и я, недостойный и грешный, прикрыл их до будущего славного Пришествия Христова и Общего Воскресения» (Арсений (Жадановский), епископ. Воспоминания... С. 242).

«Митрополит Макарий, как начал свое служение Богу на Алтае, так и закончил его на том же посту, получив за пять лет до смерти звание митрополита Алтайского не номинально только, но и фактически, рассматривая бумаги, отправляя туда миссионеров, хиротонисую епископов, имея около себя помощника по управлению Бийского архиепископа [Иннокентия (Соколова). – Сост.], являющегося главным наблюдателем миссии» (там же).

Через два дня на третий: 19.2(4.3). 1926 г. в местном Котельническом храме совершается заупокойная литургия и

отпевание почившего Апостола Алтая, митрополита Алтайского Макария.

Чин отпевания совершается собором 79 священнослужителей (прибывших преимущественно из Москвы) во главе с престарелым архиепископом Бийским Иннокентием (Соколовым) и 6 епископами.

Над гробом произносятся два слова: одно протоиереем Владимиром Феодосиевым – общего содержания о значении смерти для христиан и будущем воскресении и прославлении тел, другое архиепископом Иннокентием, посвященное минувшей жизни и деятельности почившего архипастыря-миссионера. Касаясь смирения и доблестной деятельности почившего апостола Алтая, архиепископ Иннокентий, между прочим, сказал: «Человек, истинно достойный, виден во всяком звании, высок на каждом месте. И сто крат лучше, когда человек выше места, нежели когда место выше человека» (там же. С. 244–245).

По отпевании и обнесении гроба с телом вокруг храма, здесь же, в ограде храма совершается и погребение останков покойного митрополита Алтайского.

Вскоре после погребения могила «Апостола Алтая» – Высокопреосвященного Макария (Невского) подвергается со стороны злоумышленников дерзкому осквернению и разграблению: разрыв ночью могилу, грабители выбрасывают тело из гроба и похищают митру, крест, панагию и проч., весьма малоценные вещи, принятые ими за драгоценности.

Через тридцать с лишним лет, в мае месяце 1957 года, по инициативе одного из почитателей покойного митрополита б[ывшего] Московского и Коломенского Макария (Невского), портного для духовенства Петра Ивановича Вовк останки сего святителя извлекаются из места их погребения при церкви (давно уже закрытой) села Котельники и одним из иеромонахов Свято-Троицкой лавры «тайнообразующе», но с ведома и разрешения гражданских властей и по благословению Патриарха Алексия (Симанского), перевозятся в Лавру, где погребаются в нижнем храме под Успенским собором с

сооружением над местом погребения приличествующего надгробия.

В дополнение к вышесказанному приводим несколько документов, касающихся увольнения митрополита Макария с Московской кафедры.

«Мой ответ В. Н. Львову

Настоящее объяснение по поводу беседы синодального обер-прокурора с корреспондентом Русского Слова, напечатанной в одном из номеров этой газеты (в апреле с. г.), нахожу себя вынужденным дать в ограждение своей чести, несправедливо опозоренной заявлениями от лица высоко стоящего, с действительностью не согласованными, и в устранение соблазна для верующих членов бывшей моей паствы.

Смею думать и уверять, что не греховное честолюбие побуждает меня выступить с таковым заявлением, а нравственный долг – охранять верующих от соблазна, какой может произойти при чтении о якобы соблазнительном поведении лица, поставленного Промыслом Божиим на одну из высших ступеней церковной иерархии и как бы послужившего соблазном для верующих своим недостойным поведением.

Руководствуюсь при этом изречением апостола: для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою (1Кор.9:15), и другим изречением божественного ответа, данного ударившему в ланиту: еще зле глаголах, свидетельствуй о зле, еще ли добре, что мя биеши? (Ин.12:23).

В одном из апрельских номеров газеты Русское Слово за 1917 г. напечатана беседа корреспондента с обер-прокурором В. Н. Львовым, касающаяся моего служения в звании Московского митрополита и ухода на покой; много заявлений в этой беседе, несогласных с действительностью.

Так, В.Н. Львов в беседе своей с корреспондентом называет меня „ставленником Распутина“. В подтверждение своих предположений о моих отношениях к этому человеку он никаких фактических данных не представляет. Все здание его обвинений висит в воздухе. С Распутиным я не имел никакого знакомства до назначения меня на Московскую кафедру, ни

личного, ни письменного, ни чрез каких-либо посредников. Только по назначению на Московскую кафедру я получил коротенькую поздравительную телеграмму, подписанную неизвестным мне Григорием Новых. По прибытии в Москву, подобно другим посетителям, пришел ко мне и Распутин. Это было мое краткое – первое и последнее – свидание с ним.

Обер-прокурор утверждает, что назначение мое было неожиданно. Правда, оно могло быть для некоторых, а тем более для В.Н. Львова, неожиданным, но менее неожиданным, чем каким было назначение на Московскую митрополию одного из моих предместников – митрополита Иннокентия (Вельяминова), подобно мне, бывшего (Камчатского) миссионера. Неверно заявление В.Н. Львова о том, что я до назначения на Московскую кафедру не был лично известен царю. Я дважды был вызываем из Томска для присутствования в Святейшем Синоде, конечно, не без царского изволения. Имел счастье приветствовать императора Николая II (1891 г.), когда он в звании наследника возвращался из Японии через Томск в столицу; имел честь впоследствии представлять ему проповеднические и миссионерские печатные труды. Позволю себе, не без основания, высказать предположения, из каких источников В.Н. Львов заимствовал легенду об отношениях к Распутину и о назначении меня на Московскую кафедру.

Московский священник Востоков [Владимир Игнатьевич. – *Сост.*] в издаваемом им журнале много писал о Распутине и об отношениях сего последнего ко двору. В одной из статей своих он дерзнул употребить выражения, недозволительные в отношении к священным особам. На это обращено было внимание Святейшего Синода, который дал знать мне, как епархиальному начальнику, чтобы Востоков административно перемещен был из Москвы в сельский приход. Исполнение этого распоряжения вызвало озлобление против меня со стороны как Востокова, так и газет, поддерживающих его. В перемещении Востокова вся вина пала на меня в глазах предубежденной публики. Вероятно, этот случай дал повод думать обо мне, как о покровителе Распутина, и значит – о близких взаимных с ним отношениях. Этой сказке Востокова

поверили москвичи известного направления. В числе таковых оказался и В.Н. Львов (хотя он и не москвич). Будучи членом Государственной Думы г. Львов напечатал статью, позорящую меня невинно в глазах моей паствы. На основании газетной лжи В.Н. твердо держался легенды о назначении меня в Москву под влиянием Распутина. Между тем, как в действительности, к такому назначению были иные мотивы, Очень правдоподобные. Вот они.

Когда за перемещением митрополита Владимира (Богоявленского) в Петроград [в преемники Антонию (Вадковскому). – *Сост.*] митрополичья кафедра в Москве оставалась свободною, Государю угодно было сделать распоряжение, чтобы представлен был кандидат на эту кафедру – один из старейших российских иерархов. Предоставлены были двое; но было дано предпочтение Томскому архиепископу, как не только старейшему по возрасту, но и по продолжительности службы в священном сане – 56 лет. Таких оснований было достаточно для того, чтобы воля Государя склонилась в сторону назначения на кафедру Московской митрополии именно старца епископа, потрудившегося на Алтае в проповеди Евангелия 36 лет и, сверх других трудов, давшего новопросвещенной пастве свои переводы Евангелия и богослужебных книг на их родной язык.

Обер-прокурор В.Н. Львов продолжает утверждать в беседе с корреспондентом газеты, что в воззвании митрополита к иерархам Российской Церкви сплошь все ложно. Смею утверждать, что в воззвании нет не только сплошной лжи, но и вообще там нет никакой сознательной лжи. Там заявлены действительно факты возмутительного обращения и поступков г. Львова, причем незаконность некоторых из них подтверждена выпискою из канонических правил вселенских и поместных Соборов.

Справедливо и то заявление, что митрополит вышел на покой под влиянием обер-прокурора. Такое давление совершалось дважды. В первый раз оно выразилось в том, что обер-прокурор, прибыв на митрополичье подворье в Петрограде с вооруженной стражей, вечером, вышел в комнаты

митрополита и, подозвав меня к себе жестом руки, выкрикивал по моему адресу: „Распутинец! Распутинец!” Потом, пригрозив Петропавловской крепостью, потребовал, чтобы я тотчас садился писать прошение в Святейший Синод об увольнении меня на покой. Требование мною молчаливо было исполнено. Обер-прокурор взял его и на ближайшем синодальном заседании передал первенствующему члену Святейшего Синода. Но в одном из последующих заседаний это прошение было мне возвращено, согласно моей просьбе, как написанное под угрозой. Второе мое прошение об увольнении на покой было написано так же под давлением того же обер-прокурора. Дело состоялось так быстро, что ни я, ни, вероятно, члены Святейшего Синода не успели справиться с правилами канонов, в которых постановлено: рукописания отречения от управления, вынужденные у епископов страхом или угрозами, недействительны⁹⁷.

В.Н. Львов ссылается, что будто вся Москва, в лице представителей от церковных старост, от духовенства Успенского собора, от Братства Святителей Московских, приехала в Петроград и стала умолять меня ради сохранения церковного мира удалиться на покой. Митрополит тогда же якобы сам согласился отказаться от управления митрополией. Такого согласия я не давал, но просил депутацию представить мне причины, побудившие их обратиться с таким ходатайством. Представителю Успенского собора протопресвитеру Н. Любимову я предлагал еще побывать у меня, чтобы поговорить об этом. Но он этого не исполнил. Между тем, до сведения моего дошло, что возбуждение московского клира и паствы (далеко не всей) произошло после приезда в Москву обер-прокурора В.Н. Львова и его агитации среди паствы против своего митрополита, – агитации, не согласной ни с существующими канонами, ни с гражданскими узаконениями.

Церковные законы определяют, что если епископ не будет принят (народом) не по своей воле, но по злобе народа, то он да пребывает епископ, клир же града того да будет отлучен за то, что такового непокорного народа не научили⁹⁸.

Воззвание митрополита Российским архипастырям, поставляемое ему также в вину обер-прокурором, не включает в себе ничего противозаконного, о чем засвидетельствовали депутаты от солдатской охраны, рассмотревшие это воззвание и возвратившие его мне со словами: „Здесь ничего противоправительственного нет, и потому можно печатать где угодно”.

Обер-прокурор заявляет, что митрополит Макарий был всегда орудием в руках Распутина, Восторгова и своего секретаря Петропавловского. Происхождение легенды обо мне, как распутинце, я уже выяснил выше; что касается Восторгова и Петропавловского, то заявления о них, как ничем не доказанные, не менее легендарны, как и о Распутине. Протоиерей Восторгов не имел никакого отношения ни к канцелярии, ни к консисторским делам. Он был только управляющим канцелярией Православного Миссионерского Общества, председательствуемого митрополитом. Отец Восторгов был также председателем Совета московских благочинных и всегда пользовался доверием моего предместника, как и секретарь Петропавловский, которого я также получил преемственно от бывшего митрополита, при котором он служил много лет и от которого я никогда не слышал неодобрительного отзыва о Петропавловском. Смею думать, что я, как митрополит, состоял под влиянием своего секретаря столько же, сколько же вообще епархиальные архиереи и начальники учреждений, не исключая синодальных, состоят под влиянием своих секретарей. При том над секретарем Московского митрополита в последнее время состояли ближайшими контролерами викарные епископы, предварительно рассматривавшие дела, подлежащие митрополичьему утверждению.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что для удаления секретаря Петропавловского никто не предоставил доказательств настолько очевидных, чтобы по ним можно было возбудить обвинительный или судебный акт об удалении его.

Макарий митрополит б[ывший] Московский»⁹⁹.

Письмо митрополита Макария (Невского) к «Собратьям-епископам».

«[...]Возвратившись в Москву из Петрограда, я нашел в ней среди церковного клира и мирян печальный разлад и нестроение. Некоторые настоятели церквей еще до моего увольнения от епархии отпали от общения со мною, как своим архипастырем, и прекратили поминовение моего имени на богослужениях. Признавая в этом не ошибку только, как плод недоразумения, а и злую волю так действовавших, я, ради охранения достоинства иерархической власти, твердости, церковной дисциплины, на основании канонов (пост. 39, 55; срав. Лаод. 57; IV Вс. Соб. 8, сравн. Двукратн.13:14) наложил на виновных запрещение в священнослужении.

К крайнему прискорбию, нельзя было не заметить, что сказанное возбуждение членов Московского клира, а равно и паствы, особенно усилилось после посещения Москвы обер-прокурором Святейшего Синода В. Н. Львовым. Присвоив себе права в Церкви, доселе никогда не принадлежавшие обер-прокурорам, опротестованные (права) в особом определении Св. Синода от 13 марта за подписью всех членов Синода, как „неканонические и незаконмерные“, не предъявивши каких-либо полномочий на сие от Временного правительства, В.Н. Львов, между прочим, без сношения с митрополитом Московским сделал распоряжение через викарного епископа Модеста [Никитина] созвать собрание московского духовенства и мирян для обсуждения вопроса о выборе для Москвы нового митрополита, еще до увольнения прежнего. В бытность мою в Москве он держал речи на собраниях старост, духовенства и мирян, произнося по моему адресу обидные и несправедливые обвинения и возбуждая этим против меня недобрые чувства пасомых и клира. В результате этих собраний и, вероятно не без его влияния, снаряжена была депутация от духовенства и светских лиц с поручением убедить меня оставить Московскую кафедру и уйти на покой. Доходили до сведения моего вести, что г. обер-прокурор готов употребить всю, якобы предоставленную ему, власть, чтобы лишить меня Московской кафедры. Вынуждая меня подать прошение об увольнении на

покой, он прибегал к угрозам, включительно до заточения меня в Петропавловскую крепость. Таковую же настойчивость г. Львов употребил в отношении ко мне и в Святейшем Синоде. Все это поведение г. обер-прокурора, а равно и тех клириков и мирян, в собрании коих он присутствовал, с точки зрения церковных правил подлежит обсуждению [...] И не в моем только личном деле, но в общецерковных делах г. обер-прокурор без надлежащего и серьезного обсуждения на Соборе епископов и не дожидаясь нового Синода, избранного на началах канонических, спешит провести в жизнь важные вопросы, связанные с церковной реформой, по своему плану и усмотрению; например, вопрос о духовных школах, о выборах на епископские кафедры, об участии мирян в делах церковных и прочее, вторгаясь через это в область церковной жизни совершенно незаконно. И все дело об увольнении меня на покой совершилось так быстро, что невозможно было обсудить его всесторонне, сообразно с церковными канонами. Это и вынудило меня „ради мира церковного и по особым обстоятельствам времени” подать прошение об увольнении на покой. Делая это, я допустил факт, небывалый для Московской митрополии. Московские митрополиты никогда не увольнялись на покой, – ни по болезни, ни по старости, ни по слепоте, ни даже при проявлении психического расстройства. Таковые оставались при своей власти и своих титулах Московских митрополитов, например, митрополит Платон [Левшин], хотя фактически ведение дел поручаемо было их викариям, из которых некоторые стали их преемниками. В отношении ко мне допущена несправедливость и антиканоничность. [...]

На основании всего изложенного, я обратился в Священный Синод с представлением следующего содержания: „Святейшему Синоду благоугодно было исполнить мое прошение, по обстоятельствам времени, ради сохранения мира церковного об увольнении меня от управления Московской епархией на покой. Теперь предстоит избрание преемника по мне. Святейший Синод поручил управление Московской епархией Преосвященному Иоасафу [Каллистову], назначивши его викарием Московской епархии, епископом Дмитровским.

Признавая свой выход на покой временным, а удаление мое от управления епархией вынужденными обстоятельствами времени, от меня не зависящими. Притом под давлением внешней силы, а потому противоканоничным (см. 3 правило Кирилла Александрийского), я приемлю решимость просить Святейший Синод не назначать на Московскую кафедру управляющего архиерея с титулом митрополита Московского, оставивши таковой за мной на основании канонов (Двукр. Соб., прав. 16), как законно поставленным и под давлением толпы и внешней силы ушедшим на покой. Если бы Святейшему Синоду благоугодно было принять мое заявление, то я полагал бы назначить преемника мне по управлению епархией в звании заместителя в сане архиепископа или епископа. Местопребывание для себя митрополит мог бы иметь в Лавре или в одном из монастырей Московской епархии, по примеру прежних митрополитов, впредь до усмотрения”.

Утруждая ваше внимание, возлюбленный о Господе собрат и сослужитель, настоящим своим посланием обращаюсь к вам с усердной просьбой: ради истины и правды в духе христианской совести, оценивая создавшееся теперь положение Православной Русской Церкви, благоволите ответить мне:

1) Признаете ли вы нормальным, закономерным и каноничным отношение обер-прокурора Святейшего Синода к правам и свободе Церкви?

2) Признаете закономерным и канонично решенным дело моего увольнения от кафедры Московской?

3) Находите ли возможным признать справедливость моей просьбы об оставлении меня со званием митрополита Московского, на условиях, изложенных в моем представлении Св. Синоду?

Вашего Преосвященства во Христе брат,
Митрополит Макарий.

1917 г. Апреля 2 (15) дня»¹⁰⁰.

[Деянием Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 г. «митрополит Макарий (Невский; 1835–1926), занимавший с 1912 по 1917 годы Московскую кафедру, ревностный миссионер, просветитель Алтайского края,

молитвенник и аскет, обильно облагодатствованный дарами Святого Духа», причислен к лику святых. День памяти 16 февраля / 1 марта. (Деяние Юбилейного Архиерейского Собора 2000 г. С. 301). – *Ред.*]

7. Святейший Патриарх Тихон как богослов

«Широко просвещенный иерарх» Святейший Патриарх Тихон до сего времени совершенно не осознан и – тем более – не изучен, хотя бы по своим оставшимся писаниям, как богослов, как канонист, как церковный мыслитель. И, с этой стороны, церковное общество его совершенно не знает.

Очевидно, еще «руки не дошли»...

В то время, как современник и преемник его, Патриарх Сергий (Страгородский) давно уже провозглашен богословом незаурядного масштаба и наиболее «гибкими» современниками вознесен чуть ли не до ранга «великого отца Церкви», – Святейший Патриарх Тихон, подлинный столп Православия и Отец нашей Церкви, все еще продолжает пребывать в этом отношении в тени...

Впрочем, его духовному облику всегда было свойственно медленное выявление себя в сфере церковной деятельности и длительное пребывание в тени «до времени».

Поэтому тем более следует отметить, что еще при жизни он производил на многих окружающих лиц неотразимое впечатление именно с этой, неожиданной, стороны; со стороны своей большой налитанности чисто богословскими знаниями и – где следует – умелым, практическим применением их в жизни. Об этом же свидетельствуют и его послания.

Здесь приводим замечание о Патриархе Тихоне бывшего члена Поместного Собора 1917–1918 гг. от Рижской епархии, ныне (1965) 82-летнего почтенного старца, Сергея Александровича Осипова, заимствованное нами из его письма к своему двоюродному брату – архимандриту Сергию (Гаврилову).

«Дорогой Отче! Возвращаю тебе очень интересное письмо Г[убони]на М. Е., интересное во всех отношениях. Что касается воспоминаний, то я только на Соборе видел и слышал его [Патриарха Тихона. – *Сост.*]. В его выступлениях меня поражало глубокое знание им Библии, в своих речах он

приводил такие тексты, которые ни у кого мне слышать не приходилось.

Более я встречался с Сергием [Страгородским] и Антонием [Храповицким]. У Сергия, когда он был ректором Академии [Санкт-Петербургской. – *Сост.*], ежедневно после обеда происходили чаепития студентов, причем его келейник ставил маленький самовар, а когда его выпивали, он тогда ставил большой самовар, что вызывало соответствующие иронические замечания Владыки. Беседы затягивались на несколько часов.

То же было и у Антония [Храповицкого], тогда Волынского и Житомирского, когда его вызывали в Синод в Петербург (Петроград). У него за ужин садилось не менее 15 человек, в большинстве тут были студенты Академии, были и известные нам профессора» и т. д. (письмо от мая 1965).

Итак, будущий исследователь нашей церковной эпохи должен будет обратить свое специальное внимание и на учено-богословский облик первого Патриарха. Работа эта – кропотливая, но она, несомненно, вознаградит труждающегося многими, пока что никем не замеченными открытиями в области воссоздания целостного интеллектуального облика Святейшего Тихона, подобно тому, как древняя икона, расчищаемая бережной рукой опытного реставратора, радуется при окончании работы изначальным сверканием своих красок, продуманностью форм композиции и общим совершенством своего замысла и исполнения.

Специальные богословские статьи раннего периода жизни Патриарха следует еще поискать в старых (1890 гг.) церковных журналах.

8. О разгоне Синода В. Н. Львовым в 1917 году (документы), революционная деятельность обер-прокурора В. Н. Львова

Захватить командные посты в Церкви – являлось сокровеннейшей мечтой обновленцев с самых первых дней падения самодержавия в России.

И попытки в этом направлении начались немедленно же. Организовавшиеся около своего «лидера», думского говоруна – демагога, не совсем нормального психически и, – во всяком случае, – крайне неуравновешенного в своих стремлениях и поступках, «революционного» обер-прокурора Львова, – обновленцы готовят разгром и разгон неугодного им наличного состава Синода, с целью замены его своими людьми.

Один из наибольших церковных злодеев (особенно развернувшийся в будущем), Б. В. Титлинов, тут же выступает в церковной печати с прозрачным намеком на необходимость обновления Синода. Он пишет:

«Наличный Св. Синод постепенно сам разлагается в своем составе. Из него выбыли, во-первых, два митрополита [Питирим (Окнов) и Макарий (Невский), изгнанные и арестованные В. Н. Львовым. – *Сост.*], Петроградский и Московский, уволенные на покой [куда, уж, покойнее! – *Сост.*].

Затем естественно [? – *Сост.*] выбывает арестованный и подлежащий суду архиепископ Черниговский Василий [Богоявленский]. Далее, подал в отставку протопресвитер военно-морского духовенства Г. И. Шавельский. Наконец, естественно теряет свое положение протопресвитер придворного духовенства А. А. Дернов, за упразднением самого ведомства.

Итак, выбыло уже пять членов синодского состава, и трое из них архиереи, при весьма печальных обстоятельствах. Синодальный состав разлагается, видимо, сам собою [? – *Сост.*] и собственно говоря, от старого Синода остались лишь остатки. Если иметь в виду положение выбывших, то является сомнение вообще в какой бы то ни было правомочности

оставшихся членов. Вопрос об обновлении Синода поэтому выдвигается уже самым фактом его распада...» (т. е. искусственного разрушения) (Распад Синода // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. №4. С. 1).

Позднее, по этому же поводу, небезызвестный А. И. Введенский выхвалялся следующим образом:

«Пока „начальство“ пережидало и пряталось [? – *Сост.*], пришли те, кто давно радел о свободе церковной и политической [! – *Сост.*], кого травили, душили, но не додушили. Инициативная группа петроградского духовенства, в числе которой были [...] прот. А. В. Смирнов, прот. Ф. Д. Филоненко, проф.-прот. А. Рождественский и автор этих строк [! – *Сост.*], организуют новый состав Святейшего Синода [...] В состав Синода вошли: Смирнов, Филоненко, Рождественский и ряд либеральных епископов [...] Новый Синод опирается на сочувствующий ему немногочисленный слой либерального духовенства, которое сорганизовалось во „Всероссийский Союз демократического православного духовенства и мирян“ под председательством протоиерея Димитрия Яковлевича Попова [будущего безбожника! – *Сост.*] при мне [! – *Сост.*] как ответственном секретаре и организаторе» – фанфаронит Введенский.

«Нас было сравнительно немного, но мы были бодры и одушевлены идеей. Среди нас были испытанные бойцы – бывшие члены союза тридцати двух и среди них гениальный [впоследствии отпавший от Церкви! – *Сост.*], безвременно погибший протоиерей Иван Федорович Егоров» (Введенский А. И., прот. Церковь Патриарха Тихона. С. 20–21).

Таковы были слова подпольных церковных погромщиков; реальные же действия по разрушению церковной законности и правопорядка были пока что возложены ими на «самого» обер-прокурора В. Н. Львова – ихнего же компаньона.

14.04.1917 г. состоялось первое, после пасхальных каникул, заседание Святейшего Синода. На этом заседании архиепископ Виленский и Литовский Тихон, совместно с другими членами Синода рассматривает вопрос о незаконной передаче синодского печатного органа «Всероссийского церковно-

общественного вестника» в руки обновленцев, окопавшихся в Петроградской Духовной Академии, фактически – в руки «львовцев»: Титлинова, Рождественского и К^о. Синод высказывается против этого незаконного решения (санкционированного архиепископом Сергием Страгородским), проведенного в жизнь «психически ненормальным» В. Н. Львовым, за его [Синода] спиной, при попустительстве лишь трех синодальных членов...

Это решение «и послужило [...] истинным и единственным поводом к исходатайствованию [В. Н. Львовым. – *Сост.*] от Временного правительства в тот же день указа о роспуске Святейшего Синода, при непонятном и непростительном попустительстве [...] Председателя Временного правительства князя Г. Е. Львова».

Таким образом появляется указ Временного правительства о роспуске Святейшего Синода «за окончанием зимней сессии» и о вызове к присутствованию нового, – подобранного В. Н. Львовым и подпольными обновленцами, – а не выбранного состава членов Синода (Вниманию церковного Собора // Церковность. 1917. № 338. С. 11–15.; Патриарх Сергий и его духовное наследство. Московская Патриархия, 1947; Кандидов Б. Церковь и февральская революция. М., 1934; Церковные ведомости. 1917. №16–17. С. 83–84; Свободная Церковь. 1917. №5. [?]; Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №8. С. 1).

Указ гласил:

«За увольнением членов Святейшего Синода, Преосвященных митрополитов Петроградского Питирима [Оконова] и Московского Макария [Невского] на покой, и за окончанием зимней сессии Святейшего Синода Временное правительство постановило: 1) освободить в присутствовании в Святейшем Синоде Преосвященных: Первенствующего члена Святейшего Синода митрополита Киевского Владимира [Богоявленского], архиепископов: Новгородского Арсения [Стадницкого], Литовского Тихона, Гродненского Михаила [Ермакова], Нижегородского Иоакима [Левицкого] и Черниговского Василия [Богоявленского] и протопресвитеров:

Александра Дернова и Георгия Шавельского; 2) оставить на летнюю сессию Святейшего Синода присутствующего ныне в Синоде члена оного Преосвященного архиепископа Финляндского Сергия [Страгородского]¹⁰¹ и 3) вызвать для присутствия в Святейшем Синоде Преосвященных архиепископов: члена Святейшего Синода Экзарха Грузии Платона [Рождественского] и Ярославского Агафангела [Преображенского] и епископов: Уфимского Андрея [Ухтомского] и Самарского Михаила [Богданова], протопресвитера Московского Большого Успенского собора Николая Любимова и протоиереев: профессора Петроградской Духовной Академии Александра Рождественского, членов Государственной Думы профессора Петроградского университета Александра Смирнова и Феодора Филоненко.

Министр-Председатель *князь Львов*.

Обер-прокурор Святейшего Синода *В. Львов*.

Управляющий делами Временного Правительства *Влад. Набоков*.

14(27) апреля 1917 г.»

(Указ Временного правительства Святейшему Правительствующему Синоду// Церковные Ведомости. 1917. №16–17. С. 83.)

«Царский Синод целых полтора месяца спокойно сидел на месте, даже не додумавшись, что ему приличнее было бы попроситься в отставку. Поневоле пришлось его отставить в порядке правительственном и образовать новый, более подходящий к современным обстоятельствам» – такими словами позже оправдывал обновленец Б. В. Титлинов безобразия и произвол своего соратника – В. Н. Львова (*Титлинов Б. В. Церковь во время революции*. С. 60).

«Сколько известно, прежний состав Св. Синода [...] уже в самом начале марта возбудил вопрос о переизбрании [его. – Сост.] [...] епископатом. Но обер-прокурор Св. Синода отклонил это за ненадобностью. Когда же этот Состав Синода был распущен, новый состав был образован не путем избрания, а опять-таки старым бюрократическим способом, назначением его Временным правительством по указанию и подбору обер-

прокурора. При таком условии совершенно очевидно, что новый состав Св. Синода, каков бы он ни был, не может иметь большего авторитета, чем прежний, ибо он одинаково во власти светского правительства и не имеет никакой самостоятельности от обер-прокурора» (*Верховский П. В.* Основные задачи Собора // *Всероссийский Церковно-Общественный Вестник.* 1917. №77. С. 1).

Или, как писали позднее, на ту же тему:

«Синодальный футляр, в который была укутана веками Православная Церковь, превратился в труху в первые же дни революции. Растерянность, граничащая с паникой [? – *Сост.*], охватила круги высшего духовенства. Отстранение двух митрополитов (московского и петербургского); водворение в Синоде опереточного «диктатора» В. Н. Львова в качестве обер-прокурора, роспуск Синода и назначение нового состава из совершенно случайных никем на это [кроме Львова] не уполномоченных лиц, – все это привело в первые месяцы после февраля к фактическому параличу церковной власти. В этой обстановке разворачивается в довольно широких масштабах деятельность обновленческих лидеров» (*Левитин А., Шавров В.* Очерки... С. 32).

В следующем заседании 15(28).04.1917 г., «после грубейшей выходки Львова, показавшего членам Синода на двери с угрожающим жестом пьяного городского» Святейший Синод заслушивает указ Временного правительства о своем роспуске (*Вниманию церковного Собора // Церковность.* 1917. №338. С. 10).

«Указ Временного правительства об окончании зимней сессии и вызове новых членов Синода, прочитанный [...] в Синоде В.Н. Львовым явился почти для всех иерархов полной неожиданностью.

На экстренное [...] заседание Синода В.Н. были приглашены, кроме лиц обычно присутствующих, и все обер-секретари и секретари.

– Прошу встать, – предложил В.Н. Львов, – и стоя выслушать указ высшей власти.

После того как указ был прочитан, он тотчас же громко предложил открыть двери. Прощаясь, он у всех иерархов принял благословение [...]

Все заседание продолжалось не более пяти минут. Будучи уверены в продолжительности синодального заседания, иерархи отослали свои кареты и некоторое время должны были ожидать их в стенах Синода, с которыми многие из архиереев расставались навсегда» (Свободная Церковь. 1917. № 5. [?]; Указ Временного правительства // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №8. С. 1).

Члены разогнанного таким образом Синода составляют следующие два документа:

1. Акт о непризнании по форме и по существу решения трех членов Синода от 24.03(06.04). 1917 г., о финансировании газеты «Церковно-общественный вестник», переданной Петроградской Духовной Академии и

2. Акт о незаконности образования нового состава Синода путем назначения, а не избрания, архиереев – архиереями, а членов белого духовенства – голосом последнего.

Содержание актов следующее:

1. «Акт.

14 апреля 1917 года, в заседании своем Святейший Синод, выслушав протокол Святейшего Синода от 24 марта [6 апреля] 1917 года с постановлением о передаче органа Святейшего Синода Всероссийский Церковно-Общественный Вестник Совету Петроградской Духовной Академии, – определил:

- 1) Признать таковое постановление неправильным по форме, как подписанное только двумя членами Святейшего Синода; незаконным по существу, так как это издание, сделавшись уже частным, будет однако издаваться, как сказано в постановлении, на средства Святейшего Синода.

- 2) Потребовать, чтобы собранные с православных церквей России средства на издание означенного «Вестника» оставались в распоряжении Святейшего Синода и употреблены были на издания самого Святейшего Синода, под утвержденной им особой редакцией; принятый же Советом Петроградской

Академии вышеозначенный Вестник предоставить издавать академической редакции на особые, изысканные ею, средства.

Вышеозначенное определение обер-прокурор Святейшего Синода В. Н. Львов, однако, отказал пропустить к подписи и исполнению.

О чем и составлен нами, нижеподписавшимися, настоящий акт.

Владимир [Богоявленский], митрополит Киевский, *Тихон*, архиепископ Литовский, *Арсений* [Стадницкий], архиепископ Новгородский, *Михаил* [Ермаков], архиепископ Гродненский, *Иоаким* [Левицкий], архиепископ Нижегородский, протопресвитер *Александр Дернов*.

15 апреля 1917 года».

2. «Акт.

Указом Временного правительства от 14 апреля 1917 г., на имя Св[ятейшего] Синода, состав зимней сессии оного (1916–1917 гг.) освобожден от присутствия в Святейшем Синоде и на летнюю сессию оного в 1917 г. вызван новый состав.

Отправляясь в свои епархии и выражая тем повиновение Временному правительству, мы, нижеподписавшиеся, остаемся однако при том, в свое время сделанном Временному Правительству заявлении от 9–13 марта 1917 года, что новый состав Святейшего Синода должен быть образован способом каноническим, т. е. архиереи должны быть избраны архиереями, а члены от белого духовенства – голосом последнего.

Сей акт составлен 15 апреля 1917 года, по выслушании означенного указа Временного Правительства.

Владимир [Богоявленский], Митрополит Киевский, *Тихон*, архиепископ Литовский, *Арсений* [Стадницкий], архиепископ Новгородский, *Михаил* [Ермаков], архиепископ Гродненский, *Иоаким* [Левицкий], архиепископ Нижегородский.

Присоединяюсь к заявлению о необходимости образования состава Синода путем *выборов* и считаю неременной задачей новой сессии выработку временного (впредь до Собора) *положения о Святейшем Синоде*.

Сергий [Страгородский] архиепископ Финляндский.

Такого же мнения держусь. Протопресвитер *Александр Дернов*.

Присоединяюсь к мнению архиепископа *Сергия. Протопресвитер Георгий Шавельский*» (Вниманию церковного Собора // Церковность. 1917. №338. С. 11–15).

На другой день, 16.04.1917 года, по поручению членов Синода, Первенствующий – митрополит Киевский и Галицкий *Владимир [Богоявленский]* обращается к Председателю Временного правительства, князю Г. Е. Львову, с письмом следующего содержания:

«Ваше Сиятельство!

По поручению Святейшего Синода при сем имею честь представить Временному правительству прилагаемый при сем акт, составленный Св[ятейшим] Синодом 15 апреля 1917 года.

13 марта сего же года мною было препровождено к Вам, также для представления Временному Правительству, постановление Святейшего Синода от 9–13 марта 1917 года о необходимости, не отменяя действующих порядков в корне, дать устройству Св[ятейшего] Синода какие-либо прочные, всеми признаваемые и всем понятные основания, и прежде всего устранить давно уже всеми осужденный произвол в вызове присутствующих в Св[ятейшем] Синоде, т. е. предварительно вызова необходимо избирать к присутствию в Св[ятейшем] Синоде: архиереев – епархиальными архиереями, а лиц пресвитерского сана – духовенством.

Это, писал я тогда, даст Св[ятейшему] Синоду авторитет в глазах всех, без различия убеждений, а управлению Российской Православной Церкви – необходимую устойчивость и каноничность.

И ныне, как можно усмотреть из представленного мною при сем акта Святейшего Синода от 15 апреля сего года, взгляд всех членов зимней сессии оного остается неизменным.

Призывая на Вас благословение Божие, имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейший послушник и богомолец

Владимир, митрополит Киевский, Первенствующий член Святейшего Синода» (Вниманию церковного Собора // Церковность. 1917. №338. С. 14).

Такова вкратце история главного подвига «революционного» обер-прокурора Синода, «психопата» В. Н. Львова, обеспечившего ему прочное место в нашей церковной летописи революционного времени.

Вслед за этой наглой вылазкой, таившиеся до того в церковном подполье обновленчествующие элементы начинают выползать из своих ядовитых нор и более активно реализовывать свои замыслы против Церкви.

«Расцвет» их деятельности, как известно, приходится на 1922 год.

Окончательно зарвавшийся в своем «революционном» бесновании, полностью скомпрометировавший себя перед иерархией и церковно-мыслящим обществом, В. Н. Львов ко времени открытия Собора 1917–1918 гг., ко всеобщему удовлетворению был уже заменен на своем посту, последним в истории Церкви обер-прокурором, А. В. Карташевым, а сам ринулся в политические авантюры, где ему – по всей справедливости – и надлежало быть («Корниловщина» и проч.).

Впоследствии, со всей массой эмигрантов В.Н. Львов покидает родину и устраивается на жительство в Германии. В 1922 году, впрочем, он вновь появляется в Москве, помогая обновленцам громить Православную Церковь и, сюзюкаясь с ВЦУ, ВЦС и Синодом живоцерковников, выступает на церковных диспутах, распространенных в те годы.

Но оканчивает дни свои (по словам своего сына эмигрантского епископа Нафанаила Львова) в томской ссылке, кажется, в начале 1930 годов.

9. Воззвание Собора от 20 января 1918 г.

[Авторы статьи не совсем точны. 20 января на Соборе (Деяние 66) разгорелась дискуссия по поводу послания Патриарха Тихона от 19 января 1918 г. Выступающие поддерживали послание Патриарха. 22 января (4 февраля) 1918 г. (Деяние 67) на Соборе было зачитано протоиереем А. П. Рождественским определение комиссии при Соборном Совете о послании Патриарха: «По поводу всех тех ужасов, о которых мы слышали, а особенно по поводу захвата святого достояния Церкви мы имели на днях утешение слышать в Церкви послание Святейшего Патриарха, в котором он твердо и безбоязненно обличает все эти беззакония, которые творятся настоящею властью» и предлагает вынести следующее определение: «Священный Собор Православной Российской Церкви с любовью приветствует послание Святейшего Патриарха Тихона, карающее злых лиходеев и обличающее врагов Церкви Христовой. С высоты Патриаршего престола прогремело слово прещения и подъял меч духовный против тех, кто совершает непрерывное надругательство над святынями веры и совести народной. Священный Собор свидетельствует, что он пребывает в полнейшем единении с отцом и молитвенником Церкви Российской, внемлет его позыву и готов жертвенно исповедовать веру Христову против ее хулителей. Священный Собор призывает и всю Российскую Церковь во главе со своими архипастырями и пастырями объединиться ныне вокруг Патриарха, дабы не дать на поругание святой веры нашей». Собор принимает постановление принять предложение комиссии при Соборе (Деяния. Кн. 6. С. 36). – Ред.]

10. О полномочиях членов Собора 1917–1918 гг.

[На 157 заседании Собора 23 августа/5 сентября 1918 г. было зачитано заявление 32 членов Собора (митрополит Кирилл (Смирнов) и др.), предлагающее «ввиду затруднительности в условиях современной деятельности созывать новые епархиальные собрания для выборов членов Собора и возможности срочного созыва Собора» принять постановление, что члены Собора 1917–1918 гг. сохраняют свои полномочия до созыва нового Собора (Обзор деяний. Т. 3. С. 275). 5 (18) сентября 1918 г. было принято «Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о полномочиях членов Собора 1917–1918 гг.», в котором говорилось, что «1. Члены Всероссийского Церковного (Московского) Собора 1917–1918 годов сохраняют свои полномочия до воследования грамоты Святейшего Патриарха о созыве нового (очередного) Собора. 2. Святейший Патриарх имеет право во всякое время, в зависимости от обстоятельств церковной жизни, созвать Священный Собор в настоящем его составе, пока Члены Собора сохраняют свои полномочия. 3. Члены Московского Собора 1917–1918 гг. на все время своих полномочий имеют право участвовать, по месту своего постоянного жительства, на Епархиальных, Окружных, Уездных и Благочиннических Собраниях, с решающим голосом, в качестве полноправных членов сих Собраний» (Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 4. №3. С. 9). – *Ред.*]

11. Митрополит Петр (Полянский)

[Священномученику митрополиту Петру (Полянскому) († 1937 г.) М. Е. Губонин посвятил обширный комментарий «Кифа (очерк жизни и деятельности Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского)», который будет опубликован отдельной книгой в многотомнике «Современники о Патриархе Тихоне». Т. 3 – *Ред.*]

12. Кратко об А. В. Ведерникове

Старой церковной Москве времен Святейшего Патриарха Тихона, лица, вроде автора этой статьи, Анатолия Васильевича Ведерникова, совершенно неизвестны и какими-либо биографическими данными о них мы, к сожалению не располагаем. Известно лишь, что состоя в течение долгих лет ответственным секретарем редакции «Журнала Московской Патриархии» он неумолимо трудился во вверенной ему сфере и являлся автором большого количества разного рода статей и заметок, публикуемых в журнале, преимущественно исторического и церковно-хроникального характера.

[Ведерников Анатолий Васильевич (19.10.1901–30.10.1992), церковный публицист, журналист. Из крестьянской семьи, с 8 лет пел в церковном хоре. В 1921 г. поступил на литературное отделение института слова в Москве, где преподавали в то время Н. А. Бердяев и И. А. Ильин. В 1924 г. защитил кандидатское сочинение «Природа поэтического образа», был оставлен научным сотрудником при институте. До 1943 г. на преподавательской работе в различных учебных учреждениях Москвы. В 1943 г. подал прошение митрополиту Киевскому и Галицкому Николаю (Ярушевичу) о зачислении в штат организуемого Богословского института, был назначен инспектором института, который был преобразован в Московскую Духовную Академию. В 1947 г. был утвержден в звании доцента Московской Духовной Академии. Преподавал историю русской религиозной мысли, большое внимание уделял характеристике религиозных взглядов русских писателей и ученых. В 1948 г. история религиозной мысли была исключена из программы Академии, и А. В. Ведерников был уволен из Академии. Вскоре митрополит Николай пригласил Анатолия Васильевича на работу в Издательский отдел Московской Патриархии. А. В. Ведерников стал ближайшим сотрудником главы Издательского отдела. В 1953 г. А. В. Ведерников был назначен ответственным секретарем «Журнала Московской Патриархии». За время работы в журнале написал в нем под

своим именем и псевдонимами более 150 статей на различные церковно-религиозные темы. А. В. Ведерников оказал значительное влияние на возрождение церковной журналистики и издательского дела Русской Православной Церкви. В 1962 г. Анатолий Васильевич вышел на пенсию, но продолжал публиковаться в журнале. До конца 1980 годов работал референтом митрополита Таллинского и Эстонского Алексия (Ридигера, впоследствии Патриарха Московского и всея Руси). Похоронен на кладбище в Переделкине (Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 366–367). – *Ред.*]

Когда, в 1943 году, реставрированное Патриаршество нуждаясь хотя бы в минимальном количестве разного рода сотрудников, начиная с архиереев и кончая педагогами, редакторами, шоферами, швейцарами и посыльными, оглянулось по сторонам и кликнуло клич... в ответ последовала мертвая тишина; из прежних, доблестных деятелей Церкви 1920–1930 гг., из бывших сподвижников Святейшего Патриарха Тихона, – никого не оказалось (буквально за исключением каких-то единиц!). Достаточно вспомнить, что в конце 1930 гг. на свободе находились всего 6–7 архиереев Русской Церкви (включая митрополита Сергия Страгородского) и на пространстве от Москвы до Тихого океана ни одна архиерейская кафедра не была замещена. Это трагическое обстоятельство давало тогда (1937–1938 гг.) повод для горькой и не лишенной скорбного остроумия шутки Заместителя, говорившего одному знакомому пишущему эти строки (Г.А. Красноцветову):

– Что делать!.. Положение таково, что Преосвященный Сергий (Тихомиров) Японский, – мой ближайший сосед на востоке!..

Немногим лучше обстояло положение с приходскими клириками.

Постепенно, однако, из церковной (а отчасти и – не церковной) толщи стали появляться разные люди, находившие затем себе применение в той или другой области церковного делания. Кое-кто возвратился к Церкви из ликвидированного обновленчества...

В результате, в возрожденной Патриархии, появился совершенно новый и небывалый дотоле тип церковных деятелей, вроде Д.А. Остапова, Л.Н. Парийского, С.И. Филиппова и многое множество других, со всеми своими явными недостатками и скрытыми добродетелями (?).

К ним нужно отнести и А.В. Ведерникова, смененного впоследствии в своей секретарской должности Е.А. Кармановым.

Откуда явились все эти деятели, чем они занимались раньше и каково их внутреннее отношение к Церкви, в которую они пришли трудиться на Ее благо, – все это широкой публике осталось неизвестно.

Кратко говоря, если прибегнуть к литературным аналогиям, то создалось положение наподобие того, которое, по словам Н.В. Гоголя, возникло в губернском городе Н., в котором распространившимися в нем слухами о мертвых душах и похищении Чичиковым губернаторской дочери.

Все пришло в страшное волнение; все забегало и заходило ходуном...

«Словом, оказалось, что город и люден, и велик, и населен, как следует. Показался какой-то Сысой Пафнутьевич и Макдональд Карлович, о которых и не слышно было никогда» (Гоголь Н.В. Мертвые души. Гл. 9).

Началось обилие скороспелых архиерейских хиротоний, когда ставленников разыскивали по всем церковным закоулкам и охотились за ними как за редкой дичью; из нафталина извлекались остатки профессорско-преподавательского персонала былых Духовных академий и семинарий, чудом сохранившиеся в каких-то медвежьих углах и ими срочно комплектовались штаты новоучрежденных духовно-учебных заведений, разгромленных 30 лет тому назад; возрожденная по мановению руки И. В. Сталина Московская Патриархия напоминала в те дни сгоревший дворец, который приказано восстановить во всем былом блеске в 24 часа!

Это было время, когда спешно открывались закрытые и полуразрушенные храмы и монастыри, Духовные Академии и семинарии, создавались свечные заводы и редакции,

производственные предприятия, изготавливающие новую церковную утварь и предметы религиозного быта – взамен всего, беспощадно уничтожавшегося в предшествовавшие десятилетия...

Появился новый вид духовных и светских церковных деятелей: новые, «стильные» батюшки, шепелявящие по-английски и вполне современные, оборотистые «миряне» – те и другие одинаково приемлемые и Церковью и Советом по делам Церкви...

Создавалось впечатление о нарождении (ко всеобщему удовлетворению) некоего нового, церковно-гражданского, модуса вивенди.

Словом, – появились Макдональды Карловичи.

13. Наречение и хиротония епископа Тихона

[В дополнение к статье А Ведерникова приводим документы о хиротонии епископа Тихона.

«Величайшее повеление.

Государь Император, в 4 день сего октября, Высочайше утвердить соизволил всепод даннойший доклад Святейшего Синода о бытии ректору Холмской духовной семинарии, архимандриту Тихону епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии, с тем, чтобы наречение и посвящение его в епископский сан произведено было в г. С.-Петербурге» (Церковные ведомости. 1897. №42. С. 657).

«Наречение и хиротония ректора Холмской духовной семинарии, архимандрита Тихона, во епископа Люблинского

18 сего октября в Святейшем Синоде совершено наречение архимандрита Тихона, ректора Холмской духовной семинарии, во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии.

Архимандрит Тихон, в мире Василий Беллавин, сын священника Псковской епархии, от роду 33 лет, обучался в Торопецком духовном училище, в Псковской Духовной семинарии и С.-Петербургской Духовной Академии; окончил курс в Академии в 1888 и тогда же был назначен в Псковскую духовную семинарию преподавателем основного, догматического и нравственного богословия; кроме того, преподавал здесь же и французский язык. В декабре 1891 г. принял иночество. В марте 1892 года назначен инспектором Холмской духовной семинарии, а в июле того же года ректором той же семинарии. Находясь на сей должности, он состоял также председателем Холмско-Варшавского православного братства, был цензором изданий Холмского братства и благочинным монастырей Холмско-Варшавской епархии.

19 октября, в Троицком соборе Александро-Невской лавры совершена хиротония архимандрита Тихона во епископа Люблинского. Хиротонию совершали высокопреосвященные: Палладий [Раев], митрополит С.-Петербургский и Ладужский,

Арсений [Брянцев], архиепископ Казанский и Свияжский, Антоний [Вадковский], архиепископ Финляндский и Выборгский, и преосвященные: Иоанн [Кратиров], епископ Нарвский, и епископ Гурий [Буртасовский], присутствующий в Святейшем Синоде.

Речь архимандрита Тихона при наречении его во епископа Люблинского

Ваше Святейшество,

Богомудрые Архипастыри и Милостивые Отцы!

Ныне услышал я, *что рече о мне Господь Бог (Пс.84:9), призывающий меня чрез Ваше Святейшество к епископскому служению, и ныне изрек на сие: благодарю, приемлю и ничтоже вопреки глаголю. А между тем в Священном Писании, которое всех нас умудряет во спасение и полезно для нашего научения и наставления (2Тим.3:15–16), есть примеры того, как иные избранники Божии, сознавая трудность служения и свою немощь, уклонялись от бремени, на них возлагаемого. Вот Моисей, которому Господь повелевает вывести народ Божий из работы Египетской; он говорит: кто я, чтобы идти к Фараону? Что сказать мне сынам Израиля? Не поверят мне и не послушают голоса моего! И человек я не речистый! Господи, пошли другого! (Исх. 3 и 4 гл.) А вот Иеремия; Господь от чрева матери избрал его, освятил и после поставляет пророком, а он отвечает: о, Господи Боже! Я не умею говорить, ибо я еще молод (Иер.1:6). И из истории Церкви Христовой известно, что многие избранники Божии были при своем избрании в страхе и трепете мнозе, и что великие и сильные духом Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и другие ужасались высоты, трудности и ответственности святительского служения и уклонялись от избрания на оное. А я, немощный, ничтоже вопреки глаголю на сие!*

Да не подумает кто-либо при этом, что мне совсем не ведома трудность епископского служения. Конечно, неведомо оно мне на опыте, на деле, но научен и знаю, что епископство воистину есть бремя. Когда-то, в дни ранней юности, епископское служение представлялось мне, – да и не мне одному! – состоящим из почета, поклонения, силы, власти. Егда

бых младенец, яко младенец мудрствовал и яко младенец смышлях; егда же бых муж, отвергох младенческая (1Кор.13:11). Ныне разумею, что епископство есть прежде всего и более всего не сила, почесть и власть, *а дело, труд, подвиг.* И в самом деле, легко ли быть всем вся (1Кор.9:22)? Легко ли изнемогать за всех, кто изнемогает, и воспламеняться за всех, кто соблазняется (2Кор.11:29)? Легко быть образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте (1Тим.4:12)? Легко ли суметь, когда следует одного обличить, другому запретить, третьего умолить со всяким долготерпением (2Тим.4:2)? Легко ли нести ответственность и за себя, и за паству и пастырей? Легко ли все сие? Святой апостол Павел свидетельствует о себе: *по вся дни умираю (1Кор.15:31).* И истинная жизнь епископа есть постоянное умирание от забот, трудов и печалей.

Труды сии и печали епископского делания усугубляются в той части нашего отечества, в которую поставляюсь я архиереем.

У пророка Иезекииля говорится, что некогда израильтяне блуждали, как овцы без пастыря, и, рассеявшись, сделались добычею хищных зверей, пока Сам Господь не стал отыскивать и собирать их (гл. 34). И у нас в Холмской Руси почти 300 лет овцы „не имели истинных пастырей”; они рассеялись и „блуждали по высокому холму” и сделались добычею чуждых пастырей, которые „правили ими с насилием и жестокостию”, о благе их не заботились, и лишь „ели тук их и волною их одевались”. Сжалился Господь над овцами и изрек: *взыщу овец Моих от руки пастырей ложных, и не дам им более пасти овец, и исторгну из челюстей их, и не будут оне пищею их (гл.34:18).* Четверть века тому назад одни из блуждавших овец сами пожелали возвратиться в истинный двор Христов, а других стали разыскивать „по всем местам, в которые они были рассеяны в день облачный и мрачный”. Но в долгое странствование и блуждание кроткие овцы переменились в дикие козлища. К тому же и прежние обладатели их не хотели без бою уступить их. И вот теперь и приходится отыскивать потерявшихся овец, возвращать угнанных, перевязывать

пораненных, укреплять больных, сокрушать разжиревших и буйных (ст. 16) и вести борьбу с похищавшими овец.

Не думаю, чтобы это легко для всякого и наипаче для меня.

Бремя епископства возлагается на меня в сравнительно юные годы. Правда, в молодые годы у человека силы свежие, и больше у него отзывчивости, бодрости и одушевления, но зато не богат он житейской опытностью, постоянством, настойчивостью, терпением, хладнокровием, серьезностью и рассудительностью, – словом, не богат тем, что так необходимо для успеха всякому делателю. В молодые годы человек сам нуждается в руководстве, а на меня возлагают руководство других! Невольно при сем предносится мне предостережение святого апостола Павла Тимофею: *никто же о юности твоей да не радит* (1Тим.4:12), т. е. не доводи себя до того, чтобы тобою пренебрегали из-за юности твоей; напротив, поступай так, чтобы дела твои не давали видеть твоего возраста, и все имели тебя не как юного, как старца; чтобы старшие возрастом краснели, не являя себя подобными тебе – в сверстнике своем – учителя (св. Амврос. Мед.); для сего будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере и чистоте (1Тим.4:12).

Но откуда же мне – слабому и немощному – взять сил для сего? Оттуда, откуда почерпал их и святой Тимофей. *Не неради*, пишет ему святой апостол Павел, *о даровании, живущем в тебе, еже дано тебе бысть творчеством с возложением рук священничества* (1Тим.4:14).

Верую и исповедую, что, по слову святого Апостола, *не довольни есмы от себе посмыслити что, яко от себе, но довольство наше от Бога* (2Кор.3:5), что благоуспешность в прохождении служения зависит не столько от человеческих сил и достоинств, сколько от силы Божией, которая и в немощи свершается (2Кор.12:9).

Вем и истинно известен есмь, яко несмь достоин к толикой тайне архиерейства приступити, но вем во истину и верую от всего сердца и усты исповедую, яко силен есть Господь мя удостоити сего (из молитвы св. Амвр[осия] Мед[иоланского]).

Верую и исповедую, что возложением святительских рук наших будет и мне сообщена благодать Божия, которая уврачуется мою немощь и восполнит мою скудость.

О сем молю, вы святители Божии, да молитвы ваши соделают мене *искусным пред Богом, делателем непостыдным. Право правящим слово истины* (2Тим.15).

Уповаю также, что руководитель и покровитель мой владыка Флавиан и впредь не оставит меня своею любовью, своими мудрыми и опытными советами и отеческими указаниями.

Уповаю на все сие, я и не отметаю ныне благодати епископства и дерзаю глаголати Вашему Святейшеству: *се раб Господень: буди мне по глаголу вашему!*» (Церковные ведомости. Прибавления. 1897. №43.С. 1559–1562).

Уведомление Епископу Тихону из Св. Синода о пожаловании ему Государем Императором Николаем II полного архиерейского облачения

4 ноября 1897 г.

Его Преосвященству Тихону,

Епископу Люблинскому

Преосвященнейший Владыко, Милостивый Государь и Архипастырь.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу моему о посвящении Вас в сан Епископа, в 1 день текущего Ноября, Всемилоостивейше соизволил пожаловать Вашему Преосвященству полное архиерейское облачение, с митрою, из Кабинета Его Величества.

С таковым величайшим соизволением, сообщенном Мною, вместе с сим, Управляющему Министерством Императорского Двора, для зависящего распоряжения, долгом поставляю уведомить Вас, Милостивый Государь и Архипастырь.

Поручая себя молитвам Вашим, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Преосвященства, Милостивого Государя и Архипастыря покорнейшим слугою[Подпись нрзб.]»

ГА РФ. Ф. 4652. Оп. 1. Д. 1. Л. 213. Подлинник. Рукопись на типографском бланке канцелярии обер-прокурора Св. Синода. В

верхнем правом углу бланка рукой епископа Тихона надпись: Получ. 11 Ноября Е[пископ] Т[ихон]. Опубликовано: Новые материалы к житию: Факты биографии Святителя Тихона в документах из различных архивов / Публ. Н. Кривошеевой // Богословский сборник. Вып. 6. М.: ПСТБИ, 2000. С. 82. – Ред.]

14. Мисс Изабелла Гапгуд и архиепископ Тихон

Перевод русских православных богослужебных книг на английский язык был осуществлен в США при архиепископе Алеутском и Северо-Американском Тихоне, в целях ознакомления американцев с глубиной и красотой православного богослужения. Вкратце история этого дела такова (приводим выписки).

«В русских православных приходах в Северной Америке использование английского языка при богослужении имело место еще при Патриархе Тихоне» (т. е. еще в бытность его архиепископом в Америке) (*Преображенский А. Собеседование с делегацией национального совета церквей Христа в США // ЖМП. 1962. №11. С. 56*).

«При архиепископе Тихоне [...] сделан перевод богослужебных книг на английский язык» (*Иванов А., доцент МДА. Православие в Америке // ЖМП. 1955. №1. С. 54*).

«Перевод некоторых наших богослужебных книг на английский язык исполнен [...] мисс Гапгуд, издан и представлен архиепископу Алеутскому и Северо-Американскому Тихону (бывшему потом Патриархом)» (*Вестник Священного Синода... 1926. №10–6. С. 17*).

В 1904 году «была издана на английском языке книга под названием: „Книга богослужений Святой Православной Кафолической Церкви“, переведенная г[оспо]жой Изабеллой Хапгуд, по благословению архиепископа Тихона» (*Алеутская епархия в 1905 г. // Церковные Ведомости. Прибавления. 1907. №15. С. 697*).

Епископ Тихон корректирует перевод православных церковно-славянских богослужебных книг на английский язык, сделанный мисс Хапгуд (*Попов Н. Г., прот. О богослужебном языке Русской Православной Церкви. Самара: Церковная Жизнь. 1926. С. 2*).

В целях ознакомления американцев с доктринами Русской Православной Церкви, епископ Тихон приобретает рукопись американки г[оспо]жи Хапгуд (Hapgood), заключающую в себе

перевод и пояснения нашего служебника и требника, и приступает к ее напечатанию.

Кроме того, Преосвященный входит в сношения с магистром богословия Орловым в Лондоне, о том, чтобы он составил на английском языке систему православного богословия.

Для большего выяснения характера англиканского вероучения епископ Тихон входит в Совет Санкт-Петербургской Духовной Академии с просьбой дать тему для кандидатского сочинения «О попытках англиканских богословов приблизить свое вероучение к учению Православной Церкви и напечатать его в „Христианском чтении“, а для поощрения назначить студенту премию в 150 рублей (см.: Церковные Ведомости. Прибавления. 1905. №41. С. 1737–1738).

Таким образом, «успехи строительства церковной жизни в Америке Преосвященный Тихон закрепил и с другой стороны. Он, например, много способствовал переводу на английский язык богослужебных книг, которые, таким образом, раскрыли широким кругам американцев и англичан богословскую глубину и красоту православных богослужений» (Ведерников А. В. Ревнитель церковного единства. С. 63).

После всего сказанного нам остается лишь отметить, что теперь, по истечении шести десятилетий, когда мировое экуменическое движение наших дней стало общепризнанной и жизненной формой общехристианского общения и весьма возможным путем к грядущему единению христиан в будущем, – теперь только, в полной мере вырисовывается все истинное значение дела перевода и издания православных богослужебных книг в Америке, осуществленное усердием архиепископа Тихона и ревностью по Боге, безвестной до того американки-труженицы мисс Гапгуд.

Переоценить значение их совместного труда в деле ознакомления англиканства с Православием – невозможно, и долг мирового экуменизма отметить в будущем эти два имени и внести их в число имен своих досточтимых основоположников.

Что касается скромной и бескорыстной труженицы – переводчицы русских богослужебных книг на английский язык

мисс Изабеллы Гапгуд (или «Изабеллы Ассовны», как называли ее русские в Америке), то в одном издании нам встретились следующие слова, посвященные ей и ее труду: «Когда вспомнишь, что, вот, эта самая женщина перевела круг церковных книг, совершила труд, который заставил бы задуматься целую комиссию опытных профессоров, то невольно проникаешься глубоким уважением к ней [...] Не имея свободных средств для найма переписчика, она сама лично что-то около семи раз переписывала свой гигантский по размерам труд» (Ювачев Ив. Мисс Хапгуд // Русский Паломник. 1917. №26. С. 316 [продолжение: там же. №27–28. С. 280]).

15. Эпизоды об объездах Ярославской епархии¹⁰²

Предлагаем вниманию читателя несколько будничных, так сказать, обычных «рабочих» эпизодов из архипастырской жизни, 74 святителя на Ярославской и Ростовской кафедре – архиепископа Тихона. Они характерны как для него самого, так равно и для той атмосферы, того настроения простых русских верующих людей, которые весь век свой проживают вдали от больших городов; в стороне от «большой» жизни.

Лично нам эти случайно попавшиеся под руки штрихи показались настолько убедительными и «уютными», чтобы можно было пройти мимо них и не дать познакомиться с ними другим. Как известно: «Из Америки промысл Божий привел архиепископа Тихона опять в свое Отечество, на древнюю кафедру Ярославскую и Ростовскую. Доклад Св[ятейшего] Синода о переводе был утвержден 25 января (7.2) 1907 г., а в марте архиепископ Тихон уже приступил к новому служению, которое продолжалось более семи лет до 22 декабря 1914 года [4.1.1915. – Ошибка, следует 22.12.1913 – 4.1.1914 г. – *Сост.*].

Из этого периода можно извлечь много интересных фактов, характеризующих архипастырскую деятельность Преосвященного Тихона, который неукоснительно стремился быть делателем непостыдным, право правящим слово истины.

Хорошо известно, что Преосвященный Тихон рассматривал свою епархию не как объект для архиерейского администрирования, а как свою духовную семью, о которой он должен иметь отеческое попечение. С этой целью он очень часто объезжал приходы Ярославской епархии и за семь лет посетил их все до одного, притом многие не однажды.

При объездах он лично знакомился с приходским духовенством, с его деятельностью и поведением, узнавал семейное и материальное положение каждого причта, входил во все подробности приходской жизни и через то уяснял себе характер и наклонности каждого пастыря и церковнослужителя.

Посещая тот или иной приход, Преосвященный Тихон запросто останавливался у настоятеля, посещал семьи других

членов причта и, можно сказать, входил в самую гущу их повседневной жизни. Рассказывают, что он всегда интересовался семейными альбомами, потому что фотографии родных и знакомых хозяина часто раскрывали его внутренний мир с самой неожиданной стороны.

Так каждый священник и церковнослужитель епархии, в окружении своих семейных и близких людей, входил в богатую память Преосвященного Тихона и становился предметом его отеческой любви и заботы. Через то он знал церковную жизнь епархии в таких подробностях, которые позволяли ему принимать в нужных случаях самые целесообразные и полезные решения (Ведерников А. Ревнитель церковного единства. С. 64–65).

Или, как писал местный корреспондент того времени:

«Апостольская ревность и любовь к братьям во Христе побуждают и нашего благостнейшего Владыку с первых же годов своего вступления на Ярославскую кафедру, неослабно и с возможною для архиепископа простотою, посещать грады и веси, ближние и дальние, нашей обширной епархии и повсюду оставлять по себе светлую, добрую память» (Ярославские епархиальные ведомости. 1911. №30. С. 572), где обычно «все присутствовавшие [...] были утешены общительностью Владыки, умнейшего собеседника, много выдавшего и охотно делившегося впечатлениями, вынесенными им из восьмилетнего пребывания в „стране свободы“» (там же. 1907. №45. С. 696).

Как в Америке, так и в Ярославле, архиепископ Тихон стремился знать свою епархию и пасомых не по донесениям о[тцов] благочинных, отсиживаясь в архиерейских покоях, а лично, непосредственно, поэтому как там, так и здесь, он многократно объезжает приходы своей епархии, заглядывая в самые отдаленные медвежьи углы, наблюдая и созерцая собственными глазами самые скрытые извилины «Пошехонской старины».

Нельзя без благодарности не отметить тот факт, что местные «Епархиальные ведомости» и другая церковная периодика тех епархий, где ему суждено было проходить свое

архипастырское служение, с достаточной полнотой отобразили на своих страницах многие драгоценные бытовые «мелочи архиерейской жизни», которые прекрасно помогают восстановить ушедший теперь в область истории строй и колорит церковной жизни интересующих нас епархий.

Зарисовок таких весьма много, но мы (экономя время и место) остановимся лишь на некоторых из них. Итак:

При посещении Углича (в октябре 1907 года) «молва о новом Ярославском Архипастыре, прибывшем на Ярославскую кафедру из Америки, об его доброте, доступности и внимательности ко всякому, высшему и низшему, о новых приемах его в назначении священников, об особенном внимании его к интересам паствы, подстрекало любопытство угличан [...] и возбуждало в них естественное желание поскорее познакомиться с новым святителем Ярославской Церкви» (там же. С. 692).

По случаю «предстоящего на другой день редкого в уездном городке торжества архиерейского освящения храма Владыке благоугодно было освободить воспитанников на этот день от уроков, чтобы и детям дать возможность видеть редкое торжество» (там же. С. 694).

9.10.1907 года, маститый настоятель Угличской Успенской церкви протоиерей Константин Николаевич Приоров «удостоился исключительной чести: квартиру его [...] посетил Высокопреосвященный Тихон и здесь искренне и тепло приветствовал о[тца] протоиерея и его супругу, высказывая им самые лучшие пожелания. Этот визит доброго Владыки и его слова глубоко растрогали старца, и он до сих пор вспоминает о посещении Архипастыря, как о светлом празднике» (Редкое торжество // Там же. 1908. №17. С. 249).

8 февраля 1908 года при посещении храма села Еремейцева оказалось, что «прихожан к приезду Владыки в храме было весьма много, между прочим, и потому, что в данное время прибыли родственники жениха и невесты и сами они для того, чтобы принять от священника таинство брака. Священник о. Ливанов жениха и невесту подвел под благословение к Архипастырю, и все радовались тому, что

Господь удостоил получить святительское благословение имеющим бракосочетаться» (там же. 1908. №11. С. 169).

При посещении церковно-приходской школы при Николо-Улейминском монастыре «Владыка испытывал учащихся мальчиков и девочек в знании предметов Закона Божия, русского и славянского чтения и арифметики: ответы учащихся были хорошие. Владыка расписался о посещении школы в книге летописи и дал учащимся денег на гостинцы. Обрадованные дети пропели „ис полла эти деспота”» (там же. С. 174).

При обозрении храма села Ильинского в Поречье «Архипастырь осчастливил своим посещением дом настоятеля церкви Михаила Розина, где десятилетний сын его приветствовал Владыку стихами.

Благословивши семейство, Владыка изволил откусать чаю. В это время Владыка спрашивал хозяина дома: велико ли семейство, сколько устроенных и неустроенных детей, сколько и в каких учебных заведениях обучается детей» (там же. 1908. №13. С. 201) и т. д.

Здесь же Владыка посетил лежащего на одре болезни «заштатного священника о. Алексия Соболева – почетного блюстителя Угличского духовного училища; последнего благодарил за принесенную им жертву в пользу училища» (там же. С. 202).

При отбытии Владыки из села Ильинского «народ не расходился до самых проводов дорогой) гостя и, прощаясь со своим благостным Архипастырем, крестил его и себя осенял крестным знамением, выражая тем Владыке все свои сердечные молитвенные благожелания» (там же. С. 203).

В погосте Михаило-Архангельском на Лому Владыка испытывает детей по Закону Божию. «Ответы детей [...] удостоены были одобрения Владыки. По окончании испытания Владыка, благословляя детей, каждому из них дал по картинке преподобного Серафима Саровского чудотворца [...] и от себя дал детям на гостинцы» (там же. 1908. №21.С. 329).

В селе Слизневе, после испытаний в церковно-приходской школе знаний учеников по Закону Божию и другим предметам, «благословив учительницу и детей, которым дал на гостинцы,

Владыка проследовал в дом, занимаемый священником [...] с виду довольно большой, но помещение в нем, которое занимает священник, – две небольшие комнатки и кухня, очень холодно; Владыка почти все время пребывания грелся у железной печи в кухне, так как в передних двух комнатках было очень холодно» [дело было в декабре 1908 г. – *Сост.*] (там же. 1909. № 7. С. 116–117).

Далее, при посещении церкви села Крутец, Владыку встречает местный священник о. Фарфоровский. Этот священник, «болезненный и робкий, произнес ектенью и многолетия едва слышным голосом и недостаточно внятным. Милостивый Архипастырь ободрил трусливого батюшку и осматривал храм» (там же. С. 117).

Затем Владыка «посетил дом священника о. Фарфоровского, где выкушал чашку чая» (там же).

17(30) июня 1909 года архиепископ Тихон посещает «село Никольское на Шексне. По Шексне шел пароход „Вячеслав“. Владыка на лодке был пароходом принят, а затем у пристани села Никольского высажен на берег. Церковь села Никольского была заперта, так как в этот день здесь Владыку не ожидали. Подойдя к церкви, Архипастырь распорядился одному из своей свиты ударить три раза в часовой колокол, на каковой звон собралось местное духовенство и народ. В ожидании причта Архиепископ обратил свое внимание на следующее обстоятельство: в ограде церковной гуляет пестрая корова, а на крестах могильных развешано белье и разные одеяла, на что и было указано Владыкою кому следует. Когда прибыл в храм причт, последовала лития, а затем осмотр храма, после чего Владыка, навестив весьма тяжело больного священника о. Тихвинского, сына местного священника, временно у него находящегося, на лошадях отправился в село Васильевское на Шексне» (там же. 1909. №31. С. 621).

[Батюшка, которого в селе Никольском на Шексне посетил архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон, как страждущего на одре болезни пастыря, – был священником Рыбинской Крестовоздвиженской церкви, кандидат Санкт-Петербургской

Духовной Академии, Иоанн Иоаннович Тихвинский. Он вскоре же скончался: 12 (25) июля 1909 года, 45 лет от роду. – *Сост.*].

В связи с тем, что одного из заслуженнейших пастырей г. Ярославля, протоиерея Димитрия Васильевича Красотина, постигает заболевание параличом, местная церковная печать пишет:

«Положение было безнадежным и само по себе, но еще осложнилось застойным воспалением легких. Это последнее быстро уничтожило те силы, которые еще сохраняли жизнь и боролись с недугом. Молитвы знаемых, сочувствие всех, ободряющее посещение любвеобильного архиепископа Высокопреосвященнейшего Тихона – все это вместе с научной медициной должны были [должно было. – *Сост.*] преклониться пред „волей Божией – лучшей разъяснительницей обстоятельств” – о[тец] протоиерей тихо скончался 19 февраля [3.3.1912 г. – *Сост.*] в 5 часов утра на 65 году своей многотрудной и многоплодной жизни» (там же. 1912. №15. С. 272). «Чин погребения совершал архиепископ Тихон» (там же. №28. С. 469).

3.11.1912 г. при посещении пос. Чебоково «Архипастырь посетил местную школу [...] Владыка предложил учащимся несколько вопросов по Закону Божию, русскому языку и церк[овному] пению и, оставляя школу, дал детям на гостинцы.

Из Чебокова путь лежал по шоссе до г. Романова, куда прибыли в 9 ч[асов] у[тра]. Два дня теплой погоды сделали реку опасной для конной переправы. Поверх льда масса воды, кое-где виднеюгся полыньи. С большими предосторожностями на одной лошади первым поехал Владыка. Слышится треск льда и бульканье воды. Жутко... Слава Богу, вот уже близко и берег Волги, и через пять минут лошадь вступила на твердую дорогу Романовского берега» (там же. №49. С. 983).

14.01.1913 г. Архиепископ Тихон посещает храм Воскресения на Обноре, куда доезжает на поезде до ст. Пречистое, а далее на санях.

В местной церкви под спудом почивают св[ятые] мощи прп. Сильвестра Обнорского чудотворца (там же. 1913. №4. С. 42).

«После небольшого отдыха Владыка посетил живущего на покое в том же селе Воскресенском заштатного протоиерея той же церкви Николая Успенского, лежащего почти уже на смертном одре. Преподав ему духовное утешение и благословив его и его семью, Владыка затем посетил второго священника ц[еркви] села Воскресенского о. А. Ракобольского и местного диакона Константина Софийского» (там же).

Или как сообщает другой корреспондент:

«Владыка направился в дом о. Александра [Соколова; настоятеля храма. – *Сост.*]. Здесь дорогой гость немного отдохнул и ласково беседовал с радушными старичками-хозяевами. Затем [...] Владыка посетил дома причта, а также бывшего настоятеля церкви заштатного протоиерея Николая Успенского, которого суровая болезнь приковала к постели. Сей недвижимый старец дрожащим слабым голосом поведал о своем желании быть у Владыки и лично получить благословение. Милостивый Архипастырь обласкал почтенного старца и успокоил словами: „Вот, Ваше желание теперь исполнилось, я Вас сам посетил” – и благословил благодушно нести старческие немощи.

Извилистая, узкая и неторная тропа не скоро привела Владыку к намеченному месту и цели – попить из св[ятого] колодчика свежей водички. Во все время пути Владыка долго любовался красивою Обнорскою местностью, осторожно спускался по крутизнам горы и по ущелью, при самом спуске к колодчику. Снаружи и внутри красиво отделанная часовенка с величественным образом преподобного и в ней новый сруб для вмещения воды, из горы точащейся; – все это видел, тщательно смотрел и милостиво о всем расспрашивал Высокий Посетитель и все слышанное и виденное запечатлевал в сердце своем. Затем пошли обратно: стали подниматься в высокую и скользкую гору. Этот путь был значительно труднее. Но зато больше на нем было впечатлений. Делались частые остановки, и в каждый раз рассматривались новые виды и являлись новые планы, мысли и суждения. Видимо, Владыке эта продолжительная с некоторыми неудобствами и утомлением прогулка, при легком зимнем холодке в 10°, очень понравилась.

Он всюду находил много наслаждений и смело строил разные добрые предположения, говоря: „как чудно-хороша и приятно-полезна эта северная местность должна быть летом, сколько здесь здоровья и спокойствия, при земных благах, здесь обильно обретаемых, можно дешево и удобно получать? Не надо и на Кавказ ездить лечиться. Здесь все к общим бесплатным услугам”. Приятная прогулка, свежие и сильные впечатления и мирные беседы в большинстве из области старинной и святой – все это незаметно сократило время» (там же. 1913. №27. С. 536–537).

По-видимому, Владыке Тихону очень понравилась природа и условия жизни в селе Воскресенском на Обноре, так как летом того же года (всего пять месяцев спустя после первого посещения) он вновь прибывает туда уже на более длительный срок для проведения своего отдыха в любимившейся ему обстановке средне-русской природы.

11(24).07.1913 г. в 9 часов утра, на станцию Пречистое с утренним поездом Северной ж[елезной] д[ороги] прибывает архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон. «Здесь ему представились окружной благочинный Любимского уезда протоиерей Н. Волков, благочинный 1 округа прот[оиерей] Лавр Орлов и благочинный 2 округа того же уезда священник К. Заварин. Благословив их, Владыка сказал, что он, по данному им ранее распоряжению, едет в село Воскресенское на Обноре, Любимского у[езда], отдыхать на несколько дней и что он никаких церквей посещать пока не будет. Владыка сел в приготовленный ему экипаж и в сопровождении благочинного свящ[енника] К. Заварина отправился в село Воскресенское, отстоящее от станции Пречистое в 15 верстах. В 11 часов дня Владыка был уже в селе Воскресенском.

Никто так рано не ожидал приезда Владыки, даже и местный причт по печальному недоразумению не успел встретить Владыку в храме и явился к нему, когда Владыка был уже в храме. Благословив местный причт и несколько богомольцев, собравшихся для встречи Владыки и помолившись угоднику Божию прп. Сильвестру, св[ятые] мощи которого почивают здесь под спудом, он отправился в

приготовленное для него помещение: свободный церковный дом местного настоятеля. Помещение было свободное, удобное, Владыке понравилось, и он сказал, что думает пожить здесь и отдохнуть недели две. Здесь ему предложен был чай и небольшая закуска. Благословив местный причт и старосту с[ела] Воскресенского, Владыка сказал местному благочинному К. Заварину, чтобы он явился к нему дня через два для дальнейших распоряжений относительно обзора церквей.

До 18 числа Владыка был дома и никуда не ездил: каждый день посещал богослужения, после которых уходил гулять в заповедную рощу и по обнорским высотам, купался в свежих, чистых обнорских водах, а иногда посещал и дома местного причта и беседовал с их семействами. 18 числа Владыка после ранней литургии в 9 часов утра с местным благочинным священником К. Завариным отправился для обзора в соседнее село Кодорово, отстоящее от села Воскресенского в 4 верстах» (там же. № 35. С. 699–703). После осмотра местного храма «Владыка отправился в церковное помещение настоятеля, где ему были предложены чай и скромная трапеза. По окончании трапезы Владыка гулял в цветнике, устроенном семьей священника, в березовой роще и любовался обнорскими высотами и прекрасным видом на ближайшие приходские селения. Здесь ему представился местный прихожанин землевладелец сельца Некрасова К. П. Панов, который и стал приглашать Владыку к себе в усадьбу и осчастливить его дом своим посещением. Владыка согласился и, благословив семью священника, с благочинным К. Завариным и местным священником о. А. Соколовым отправился в усадьбу – сельцо Некрасово, отстоящее от села Кодорово в 4 верстах. Усадьба Некрасово стоит на правом берегу реки Обноры и имеет живописный вид. Прибыв туда, Владыка благословил семью домохозяина, после предложенного ему чая осматривал усадьбу, гулял по саду и по берегу реки Обноры. Затем по распоряжению домохозяина закинули невод в пруде и в присутствии Владыки вытащили несколько больших головлей, которые и были поднесены Владыке. Владыка поблагодарил за это радушных хозяев. После предложенной ему закуски

Владыка, поблагодарив радушных хозяев за прием, с благочинным священником К. Завариным отправился в село Воскресенское [...]

С 19 по 23 июля Владыка был дома. 23 числа июля Владыка по просьбе прихожан села Афанасьевского в Банеуни ездил в это село. Дорога шла через село Вознесенское; в 8 ч[асов] у[тра] Владыка прибыл в село Вознесенское и с местным благочинным К. Завариным отправился в село Афанасьевское, отстоящее от села Воскресенского в 10 верстах. Прихожане села Афанасьевского, извещенные ранее о приезде Владыки, собрались для встречи его в большом количестве. Прибыв туда около 10 часов, Владыка встречен был местным причтом, который приготовился служить литургию и часы были уже прочитаны. После обычной встречи Владыка сказал: „Вот и я по вашей просьбе прибыл посетить ваш храм, в котором со дня его основания не было посещения архипастырей, и радуюсь, видя храм ваш благоустроенным. Вас забыли люди, но не забыл Господь, который и помогает вам украсить свой приходской храм, любите же его и заботьтесь о его украшении и чаще посещайте его, и Господь не забудет вас своими милостями”.

По окончании слова Владыки и благословения им предстоящих началось служение литургии, за которою Владыка молился в алтаре». После литургии Владыке «представился местный прихожанин помещик села Красавина А. Е. Черкудинов, попечитель храма и местной земской школы, который и давал Владыке нужные объяснения по ограде, выстроенной им. Владыка, выразив ему и церковному старосте благодарность за их заботы о храме, велел местному благочинному представить церковного старосту к награде. Затем Владыка посетил дома местного священника и псаломщика, где ему предложены были чай и трапеза. В 1 час дня Владыка, благословив местный причт, старосту и прихожан, собрался домой. На обратном пути заехал в село Вознесенское. Здесь, осмотрев церковь, зашел к местному благочинному К. Заварину, где ему были предложены чай и закуска. Побеседовав во время трапезы с домохозяином и его семьей и благословив их, Владыка в 5 ч[асов] в[ечера] отправился

пешком домой». По дороге в деревне Каликиной посетил дом дачника Г. А. Тислера, по просьбе его, а оттуда в лодке по реке Обноре в 7 часов вечера благополучно прибыл в село Воскресенское. 26 числа июля, Владыка назначил днем своего отъезда в Ярославль. После литургии, помолившись угоднику Божию Сильвестру и сделав некоторое распоряжение относительно устройства лестницы ко гробу угодника Божия, Владыка, благословив местный причт и прихожан, которые в благодарность за посещение их храма поднесли ему хлеб-соль, в 4 ч[аса] в[ечера] выехал из села Воскресенского на ст[анцию] Пречистое с местным благочинным. На пути Владыка останавливался в селе Васильевском. Здесь осмотрел летний храм и посетил местного священника о. Д. Соколова, местного диакона И. Успенского и заштатного больного диакона села Васильевского Ф. Зиновьева. Благословив их, Владыка, после предложенной ему трапезы в доме священника, в 7 часов вечера отправился на ст[анцию] Пречистое. Прибыв туда, Владыка благополучно отправился в 9 ч[асов] в[ечера] в г. Ярославль. Посещение Владыкою наших краев произвело самое отрадное и приятное впечатление» (там же. №35. С. 699–703).

В селе Троицкое Берсеневых «Владыка принял приглашение настоятеля посетить приготовленное помещение для ночлега, как было предложено по маршруту. Но так как время еще было раннее, 3 часа дня, то Владыка ночевать не решил остаться, а выразил желание проследовать далее в село Милочево, назначенное для обозрения на 23 число. Но тем не менее, отдавая должное радушию и гостеприимству о[тца] настоятеля, Владыка оставался еще несколько времени в селе Троицком. Изволил кушать чай и принять вечернюю трапезу. В беседах о насущных нуждах приходской жизни, о народном образовании, Владыка провел время до 6 часов и отбыл, как предположил, в село Милочево» (там же. №30. С. 599).

После совершения богослужения в храме села Юцкого «Владыка проследовал в дом священника, где был встречен хлебом и солью хозяйкой дома. Здесь Владыке со свитою был предложен чай и скромная закуска. Владыка милостиво

беседовал со всеми и своим добрым, ласковым и внимательным отношением очаровал всех присутствующих» (там же).

После обследования прихода села Никольского Салтыковых «Владыка посетил дом заштатного псаломщика Якова Васильевича Виноградова, интересовался его трудами по садоводству и плодоводству. Затем Владыка отбыл в село Сеславино» (там же. №22. С. 446).

«По отбытии Владыки [из церкви села Любилки. – *Сост.*] [...] народ долго не расходился по домам, делясь друг с другом радостными впечатлениями от посещения Архипастыря, высказывая благодарение Богу за то, что в их бедном приходском храме Бог привел им в первый раз видеть своего Архипастыря служащим, слышать от него слово назидания и получить Архипастырское благословение; причем особенно указывали друг другу на добродушие и снисходительность Архипастыря, которые своим чутким сердцем успели заметить за недолгое время пребывания его среди нас» (там же).

Кажущаяся на первый взгляд (особенно в наше время) некоторая, быть может, подчеркнутая благосклонность всех этих корреспондентов к главному действующему лицу во всех этих заметках отнюдь не может быть расценена как некое раболепство или заискивание перед «начальством», так как и в американских сообщениях, и в позднейших – литовских, стиль и тон их остается таким же сочувственным и теплым, везде, без исключения, где речь идет о Высокопреосвященном Тихоне. По-видимому, здесь дело не в авторах заметок, а в нравственном облике того, кому они посвящаются.

В виде иллюстрации высказанного положения закончим серию этих выписок еще двумя, извлеченными нами уже из церковного органа другой, Виленской, епархии, куда Владыка Тихон получил назначение после Ярославля.

В 1914 году, на память свв. апостолов Петра и Павла, «Высокопреосвященнейший Тихон, архиепископ Литовский и Виленский, посетил Виленскую губернскую тюрьму и служил Божественную литургию и молебен в тюремной церкви. [...] Его Высокопреосвященство во время литургии обратился к

присутствовавшим на богослужении с назидательным словом. Слова Владыки произвели глубокое впечатление на присутствовавших, и не одна арестантская рука поднялась, чтобы утереть набежавшую на глаза слезу. [...]

По окончании богослужения Владыка проследовал в кабинет начальника тюрьмы, где внес свое имя в книгу почетных посетителей тюрьмы и принял поднесенные ему администрацией тюрьмы сделанные трудом ссыльнокаторжных заключенных четки из волос в деревянном ящике для их хранения, мозаичной работы, и поясной портрет Владыки в натуральную величину, написанный тушью. Поблагодарив за поднесенные вещи, архипастырь передал начальнику тюрьмы значительную сумму денег для улучшения пищи арестантов. [...]

Архипастырь интересовался историей постройки тюремной церкви, бытом заключенных, подробно расспрашивал об арестантах певчих» (Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1914. №14. С. 321) и т. д.

После богослужения в Юрбурге, Владыка по Неману отбывает в Ковну. «Последнее Архипастырское благословение, и [...] прекрасный пароход „Светлана“, на глазах массы иноверного населения, усеявшего берег, при торжественном колокольном звоне и под стройные звуки молитвы „Спаси, Господи, люди Твоя“, плавно отходит от берега по направлению к г. Ковне, куда он должен прибыть в 3 часа ночи. [...]

Заря перестает давать свет, становится темновато и, вот на „Светлане“ зажигаются разноцветные электрические лампочки, цепью окружающие верхнюю часть палубы. Чудная картина! Архипастырь сидит на палубе, за столиком, и запросто ведет беседу и с духовенством, и с светскими лицами. В природе благорастворение, тишина: на душе тоже тихо, спокойно... И неудивительно... Ибо и душою, и сердцем, и всеми чувствами сознаешь, что близь тебя не Архипастырь только, но и Отец!!...» (там же. №17. С. 370).

16. «Церковь, Собор и Патриарх». Этюд о Соборе 1917–1918 гг., его значении и прочее

В дополнение к сказанному автором о Соборе 1917–1918 гг. и в разъяснение значения его для дальнейших судеб нашей Церкви, ниже вниманию читателя предлагается некий, посвященный этой теме церковно-исторический этюд, следующего наименования и содержания:

Церковь, Собор и Патриарх

1. Петровские реформы и «последний» Патриарх Адриан.
2. Отмена Патриаршества и учреждение Синода.
3. Последствия церковной «реформы» царя Петра.
4. Двухвековое развитие идеи восстановления Патриаршества в нашей Церкви.
5. 1905 год в Церкви и Предсоборное Присутствие.
6. Ближайший предсоборный период (1906–1917 гг.).
7. Открытие Собора 1917–1918 гг. и первый период его работы.
8. Главный вопрос и некоторые мысли о восстановлении Патриаршества.
9. Значение формы и обряда в Церкви.
10. Восстановление Патриаршества.
11. Обновление Церкви и «обновленчество».
12. Краткие выводы.

Предлагаемая работа, конечно, не претендует на исчерпывающую полноту освещения этой большой и глубокой темы, но, в какой-то степени, по-своему, – пока отсутствуют в наличности более солидные труды, – все же разъясняет затрагиваемый вопрос[а]¹⁰³.

1. Петровские реформы и «последний» Патриарх Адриан

Сохранившиеся исторические материалы сообщают, что в самом начале XVIII столетия «на просьбу духовенства не отнимать у Русской Церкви Патриарха» царь Петр, «показывая на свою шпагу, произнес: „Вот вам Патриарх!“» (Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1908. [?]). Эта неумная и грубая выходка царя-плотника оказалась, таким

образом, «первой ласточкой» того заговора против Церкви, который уже давно вынашивался им втихомолку.

Возвратясь из поездки по Европе, вместо того чтобы спокойно и критически осмыслить все виданное и слышанное им; сравнить и сопоставить с отечественным духовным и материальным богатством; оценить должным образом красоту, мощь и особенности русского духа, – на базе чего и следовало бы далее укреплять и строить благоденствие Родины (с осторожным и разумным внесением в это строительство всего приемлемого и с Запада), – Петр, увлекшись до самозабвения блестящей показухой и бирюльками европейской «цивилизации» стал, в первую очередь, безудержно насаждать монплезиры и голландские камзолы, принеся им в жертву все богатство отечественной самобытности.

Защитники Петра выставляют обычно, как неоспоримый аргумент, заслугу его в деле укрепления величия и мощи России. Но аргумент этот пустяковый и дутый, т. к. величие России исторически сложилось задолго до Петра и именно национальными, русскими средствами. Что же касается ее мощи, то страна наша, ни до Петра, ни после него, бита никем не была. Единственный период ее порабощения – татарщина – и тот был изжит исключительно силою русского духа (св. митрополит Алексей и др.) и сокрушительностью русского кулака (великий князь Димитрий Иоаннович Донской и др.), – и все это еще за триста лет до появления на историческом горизонте царя Петра с его заморскими «хитростями ратного дела», кораблями и пушечками.

Проехавшись тогда «галопом по европам»; по всем тогдашним «аглицким» и версальским помпадурам и нахватавшись с наскоку, главным образом, европейских пустяков, Петр, по возвращении «во своя си» восчувствовал себя настоящим европейцем и, засучив рукава, стал крушить сплеча все родное, вековечное, взращенное любовью и трудами многих поколений добрых русских людей; все, носящее на себе национальную печать или признаки русской самобытности, возбуждает его особое остервенение, доходящее до садистической нетерпимости. Начинаются, на удивление всем,

«великие реформы» – глупенькое и завистливо-болезненное подражание чуждой европейской культуре: переодевание русских людей в немецкое платье; принудительные менуэты на «ассамблеях»; неслыханная торговля бороновыми знаками; «приклады, како пишутся комплименты»; замена прекрасного славянского шрифта – латинским и прочие, бесконечные благоглупости, – перлы всемутящей псевдоцивилизации, посыпавшиеся к нам как из рога изобилия через пресловутое «окно в Европу». Измайлово и «Переславская лужа» больше не «потешают» Петра, и он кидается со своими экспериментами к берегам Финского залива. Здесь-то, у этих «хладных берегов» и начинается главная истерика и суматоха с реформами...

«К великому прискорбию, с печальных времен Петровского обмирщения Святой Руси, одурманенные чадом, проникшим с Запада [...] русские люди стали больше глядеть на землю, чем на небо, стали все дальше и дальше уходить от церковного уклада жизни» (*Афанасий Сахаров, епископ. О поминовении усопших по уставу Русской Православной Церкви. СПб.: Сатис, 1999. С. 230*).

И неудивительно, что особенно не по нутру пришелся Петру тогдашний злосчастный глава Русской Церкви, Патриарх всея Руси и всех северных «и гиперборейских стран», – Святейший Кир-Адриан, всем своим существом и позой принадлежавший старой Московской Руси, со всем ее духовным укладом и национальным колоритом.

Он, естественно, не мог одобрительно относиться к нечестивым опытам самодержца и, конечно, одного этого было достаточно для того, чтобы, как сам этот Патриарх, так и сама институция Патриаршества приобрели в глазах царя нелюбовь и стали едва терпимыми им и его ближайшим окружением.

Петр усиленно стал вынашивать сокровенную мысль об уничтожении Патриаршества на Руси, ревниво усматривая в нем силу, будто бы тормозящую все его «благие» государственные начинания, и терпеливо ожидал лишь подходящего момента для осуществления этого своего незаконного замысла.

Что же касается облика тогдашнего Первосвященителя, кстати сказать, весьма туманно донесенного до нас историей, – то, следует иметь в виду, что Святейший Адриан был человек «строгой жизни, твердый и смелый, ревнитель церковных преданий, [...] был противником зарождавшихся тогда реформаторских стремлений Петра [...] и безбоязненно выступал на защиту своих прав против вмешательства царя в церковные дела» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. С. 74). Но он был слишком одинок, чтобы защищать церковный правопорядок и самобытность от безумных покушений неистового реформатора и, в конце концов, смог противопоставить только безмолвную (за редким исключением) свою укоризну ретивому царю и всем этим, окружающим его, обрившимся «псам, котам и пификам», – крушащим все вековые установления русской жизни.

Как подлинно русский человек, он «не знал, что ему делать с явлениями нового, чуждого ему времени и потому просто в своих церковных поучениях обличал и отрицал новые формы жизни. Писал, что московские люди, „и знатные и простые, от злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков и от пипок табачных обьюродели“. Не хотят слушаться уставов Церкви, „вопрошая: сие чесо ради? И сие откуда взято? И сие кто предаде?“» (Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С. 259).

Затем «противники восстановления Патриаршества в России ссылаются обычно, с одной стороны, на крутость и самовластие Никона, грозившие будто бы господством духовной власти над светскою; а с другой – на незначительность личности последнего Патриарха Адриана, вмешивавшегося якобы не в свое дело, как-то: осуждавшего бритье бород Петром и т. п. мелочи. Но рассуждающие так забывают, что, сбривая бороды и рядя русских людей в немецкие парики и камзолы, Петр вторгался в область частного быта и вкуса, куда не след вторгаться государственной власти; забывают, что этим оскорблялось человеческое достоинство русских людей, смущалась их совесть и вызывалось с их стороны сопротивление, а со стороны царя кровавые расправы. А какие неистовства проделывались при Петре и после него чуть не до

наших дней над христоролюбивым русским воинством: какое издевательство над личным достоинством русского человека в виде этих заимствованных у немцев муштровок, нелепых причесок и форм; сколько напрасных человеческих жертв принесено этому извращенному вкусу, этому поклонению Петра и его преемников чужим образцам и формам! Разве это незаконное посягательство власти на человеческую личность и народный нрав такая мелочь, что противодействие и осуждение его Патриархом Адрианом заслуживают порицания? Но этот Патриарх не за бороды только вступался. Он вышел с иконою к Петру, купавшемуся в крови, со словом увещания. Этот подвиг Патриарха Адриана равен по мужественной доблести подвигу св. митрополита Филиппа. Но современники этого митрополита и ближайшие их потомки лучше умели ценить нравственную доблесть, нежели выученики Петра и Феофана [Прокоповича].

С заменой Патриарха Синодом за все время существования последнего такого мужественного выступления за народ, каким ознаменовали себя Патриархи Ермоген и Адриан, со стороны Синода мы не видели. И не потому, чтобы между синодальными святителями не было людей доблестных и стойких, а потому, что отдельное, облеченное властью лицо сознает себя ответственным за вверенное ему дело и пред своей совестью, и пред Богом, и перед судом современников и потомства; в коллегии же эта ответственность ложится на все учреждение и ни на кого в частности; вернее же сказать, ее вовсе не существует» (Васильев А. В. Патриаршество и соборность // Деяния. Т. 3. С. 35–36. [Акты... С. 39–40]).

Величественная и скорбная фигура Святейшего Патриарха Адриана еще ждет своего добросовестного и внимательного исследователя. Затравленный, окруженный предателями и царскими шпионами, под конец жизни он замкнулся в себя и обдержимый старческими немощами действительно, может быть, стал, наконец, «бесцветным». Но искательные друзья Петра и его «реформ» должны были бы только радоваться этому обстоятельству, ибо «реформатору» в ту пору как раз и нужен был именно такой Патриарх гораздо более чем «колоритный»...

А если ставить в вину Адриану его неспособность прозревать будущее проблематичное, якобы «великое», значение петровских «реформ», которое тогда никому (включая и самого Петра) не могло быть достаточно очевидным, то что же, в таком случае, сказать о самом Петре, поднявшем дерзновенную руку на все вообще явное и реальное, окружающее отечественное прошлое и настоящее, создавшее и взрастившее всех и вся?!

Хорошего... ничего не скажешь!

2. Отмена Патриаршества и учреждение Синода

Дошел, наконец, печальный черед до Православной Русской Церкви, некогда спасшей в стенах Троице-Сергиевой Лавры трусливо бежавшего из Москвы государя от напастей стрелецкого бунта. Но старая хлеб-соль забывается. Кое-как давши дотянуть до конца дней своих, где-то «на Перерве», тогдашнему престарелому и затравленному Святейшему Патриарху Всероссийскому Адриану (1627–1700), по смерти его, Петр, в нарушение ясных требований канонов и всей Вселенской и национальной практики Церкви, запрещает избирать преемника почившему на Всероссийский Патриарший Престол и целых двадцать лет «волынит» с решением этого, первостепенной важности вопроса, нагло вторгаясь тем самым в неподлежавшую его ведению область. Пока Местоблюститель Стефан Яворский выдерживается и маринуется «смирения ради» в Рязани – на задворках тогдашнего центра, – Петр, в своем «Питербурхе», окруженный разношерстной сворой церковных проходимцев и авантюристов вроде оборотня Феофана Прокоповича два раза менявшего свою «веру» по конъюнктурным соображениям († 8.09.1736) занимается изысканием новых форм церковного управления, присваивая себе в Церкви такие функции, на которые не претендовали даже самые кровожадные и безумные византийские императоры.

И совершается неслыханное дело: отменяется по собственной прихоти Петра канонический, самими Святыми Апостолами установленный строй церковного управления – Патриаршество (т. е. Первоиераршество Поместной Церкви) с

заменю его новоизмысленным, неслыханным и безответственным Синодом.

«Тихая кончина последнего Патриарха символична, – пишет новейший церковный историк. – Петр тактично дождался этого конца и тактично задержался на традиционной форме Местоблюстительства Патриаршего Престола. Он хотел, но не знал еще, как бы устроиться по-новому? И по какому же образцу? Пределом отталкивания для него была папская теократия. Никон дал повод опасаться ее попыток даже у нас. С другой стороны, туманно манившие его примеры англиканства и лютеранства с королевскими возглавлениями их национальных Церквей казались далекими, не приложимыми к Православию. Русская религиозность не только демонстрировала свою крайнюю консервативную природу в ярком, героически-стойком явлении старообрядческого раскола, но и в только что усмиренном стрелецком бунте она опять выкидывала знамя старого обряда. Ввиду всех этих трудностей Петр не на месяцы, а на годы, на два десятилетия затянул традиционную фазу Патриаршего Местоблюстительства. И дождался, нащупал возможность, казалось, недостижимой в Православии отмены единоличного возглавления власти в Церкви [...] Петр открыл в среде Киевской школы богослова, совершенно неожиданного, не только антилатинствующего, но и про-протестантствующего. Находка этого аппарата учености для нужной Петру реформы развязала церковную робость Петра и окрылила его дерзновением произвести действительно небывалую в рамках восточного канонического права революционную для Православия реформу. [...]

Если главным памятником его реформы в церковной сфере осталось уничтожение Патриаршества и замена его неправославной, антиканонической формой Коллегии, то это вполне объясняется ярким, наследственно-семейным воспоминанием Петра о пережитом при его отце царе Алексее Михайловиче трагическом конфликте царя с Патриархом Никоном, именно с заостренной идеологией Никона, глубоко напугавшей тогда всех русских государственников. Для поколения, пережившего трагедию конфликта царя и Патриарха,

в самом звании Патриарха заложена была опасная возможность новой вспышки. Не особенно глубоко просвещенные, хотя и не малые государственные умы правящих кругов XVII в. упирались в идею как-то обеззаразить главу Поместной Церкви. Не было ни в идеальном церковном праве, ни в традиции никаких зародышей отмены азбучно очевидной и исконной монархии церковной. Нужно было дерзнуть на отмену столь основного канонического принципа. И Петр в конце концов на это дерзнул. И все-таки не сразу, подходя к этому задолго и издалека [...] Пред ним оставался только один тактический дипломатический вопрос: как без потрясения, без нового раскола, привить непривычную русскому благочестию реформу высшего церковного управления? [...]

Петр в своей ломке староцерковной теократии по-своему был очень осторожен, медлителен и даже не вполне уверен. Голова Феофана для него была максималистическим рефлексом его преобразовательных вождений. Никто другой впоследствии, ни один из ревнителей и обер-прокуроров синодального периода не договаривался до столь радикальных выводов, как Феофан Прокопович. Идеологическое разрушение Феофаном Православно-канонического строя осталось в нашей истории неповторенным фортиссимо, лишь затуманенным забвением в течение 250 лет [...]

Петр [...] одной своей светской властью предписывает Церкви новое правительство, не удостоивая упоминания ни одним словом отмену старого, Патриаршего. Царь просто заявляет: „Не видя лучшего к исправлению чина духовного способа паче соборного правительства, понеже в единой персоне не без страсти бывает, кто муж не наследственная власть, того ради вяшше небрегут, уставляем Духовную Коллегию, т. е. Духовное Соборное Правительство“. Что „Собор“ (представительство свободных голосов) и „коллегия“ (назначенные чиновники-бюрократы) по существу власти антиподы, это или по наивности, или по лукавству камуфлируется игрой в туманное словечко „соборность“. Петр учреждает эту псевдособорную правительственную власть в Русской Церкви в качестве высшей, безапелляционной, т. е.

даже исключаящей апелляцию к суду Собора Восточных Патриархов. Сказано это хитро и црикровенно, в выражениях туманных, отнюдь не точных. Но тенденция ясна [...]

Профессор Казанской Духовной Академии И. С. Бердников в его курсе церковного права пишет: „Та форма управления церковного, которую ввел Петр I под именем управления соборного, совсем не походит на управление соборное в собственном каноническом смысле, как оно изображается в Правилах. Соборное управление предполагает необходимое участие в нем всех епископов Поместной Церкви на собраниях повременных (периодических); участие тех же епископов поочередно в Синодах; и предстояние на этих общих и частных собраниях и синодах Главы Поместной Церкви – митрополита или Патриарха, управляющего делами Поместной Церкви автономно...” „Ясное дело, что никакими натяжками нельзя достигнуть того, чтобы Коллегия выглядела каноническим церковным Собором или Синодом”» (*Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С. 264, 323, 342, 343, 351, 352, 376*).

Народа, как полагается, конечно, никто ни о чем и не спрашивал. Но безмолвствовали в раболепии перед государем и пастыри, и даже архипастыри, кроме некоторых, горестно шипевших по углам.

А должны бы были «дерзнуть» – высказаться в защиту Церкви!

То же, что уже позже на эту тему думали и «говорили между собой» иерархи, об искаленности высшего управления в Русской Церкви, очень ярко изобразил епископ Енисейский Никодим (Казанцев, † 1874 г.) в своих мемуарах, опубликованных только в 1905 г. («Богословский вестник»¹⁰⁴): «Российский Синод изобретен [...] властью мирскою и потому не имеет достоинства правильного Церковного Собора. Государь Петр Великий создал русский Синод по своим мыслям, хотению, без совета с властью духовной [...] В Церкви не повелевают без предварительного совещания и соглашения. По одиночному усмотрению своему Петр избрал для сочинения устава Синоду архиерея Феофана Прокоповича, которому не следовало и быть архиереем. Он отрекался от Православия, был католиком,

потом лютеранином и снова возвратился в Православие. Такому ли, шатающемуся верою, быть сочинителем устава Православному Правительствующему Синоду? Хотя проект устава, одобренный Петром, подписан русскими архиереями, но а) не в публичном их собрании, а по домам, что лишало их возможности совещаться друг с другом и предлагать свои мнения; б) вероятно (как есть слух), под застрашиванием в случае несогласия, возражений. Но это есть уже прямое порабощение умов, совестей и веры, а не свобода. Устав через это теряет и смысл, и цену, и обязательность. Хотя проект устава был представлен на усмотрение Восточных Патриархов, но его представили не архиереи наши, а сам государь через светских, без ведома и еще менее – согласия наших архиереев. Посему остается темным: в самом ли деле Патриархи рассматривали проект и подлинно ли согласились утвердить его? Несмотря на то что добыта утвердительная грамота от Патриархов, Петр мог купить ее золотом, обещаниями и, может быть, тоже застрашиванием [...]

Синод по идее Петра есть учреждение политико-церковное, параллельное всякому другому государственному учреждению, а потому состоящее под полным верховным правительственным надзором государя. Идея реформаторская, неприложимая к Православию, ложная. Церковь сама себе царица. Глава ее – Христос Бог наш. Закон – Евангелие... [Двести лет потребовалось нашему клиру и епископату, чтобы осознать эту насущную истину! – *Сост.*]. В делах духовных государь есть сын Церкви. В делах мирских он верховная власть. Члены мирской государственной власти могут быть допущены в заседания духовного Собора, но яко сыны, а не соправители, не для повелений, а для поучения. В делах мирско-церковных и духовное собрание наравне с мирскими состоит под повелением государя. Великая, однако же, мудрость, и безличного благочестия недостижимая, отделить дела чисто церковные от церковно-мирских. У папы римского нет ничего церковно-мирского. У русских царей, со времени Петра и особенно в наше время, нет ничего чисто церковного» (*Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С.373:374*).

Но как бы там ни было, а «неканоническая по ее замыслу, по ее принципам и способу ее проведения в жизнь церковная реформа Петра [...] была формально легализована [...] утверждением Восточных Патриархов. Так отпадает обвинение инославных агитаторов, смущающее иногда немощную совесть православных мирян, неискушенных в богословской науке, будто Русская Церковь 200 лет жила жизнью беззаконной. И все великие иерархи XVIII и XIX вв., носившие в своем сердце скорбь о канонической дефективности синодального строя и надежду на его исправление, проходили свое служение Церкви с чистой совестью, зная, что каноническое их положение формально вполне законное» (Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С. 367).

Но даже и это самоутешение не может отрицать того, что «наступила темная в нашей русской жизни полоса, когда мы оторвались от корней нашей святой старины и стали искать и кланяться чужим богам. И единственно прочное творческое начало жизни, соборность, была подменена коллегиальностью. Подмена эта в церковной жизни совершена Петром I и его сподвижником и вдохновителем Феофаном Прокоповичем через учреждение Духовного Коллегиума, получившего название Св. Правительствующего Синода» (Васильев А. В. Патриаршество и соборность // Деяния. Т. 3. С. 33. [Акты... С. 33–41]).

Как бы то ни было, но «получилась сокрушительная идейно-каноническая и бытовая ломка, серьезности которой Петр и его сотрудники до конца не постигали. В свете нового внерелигиозного мировоззрения родилась и новая форма верховной власти в русском государстве, и новая форма высшего управления в Русской Церкви: императорская Россия и Синодальная Церковь [...]

Изменилось все настолько радикально, что и у церковного историка любого направления и настроения отнята всякая возможность по-прежнему излагать историю по каким-то возглавителям Церкви. Замысел царя-реформатора удался. Никаких возглавителей не осталось. Церковь была в буквальном, техническом смысле обезглавлена [...]

Сколь ни стирали наши крупные историки (Соловьев, Ключевский, Платонов, Милюков) мифологический налет на эпохе Петра Великого путем углубленного прояснения непрерывности исторического процесса, в котором нет перерывов и сказочных скачков, но после всей их критической чистки еще бесспорнее установилась обоснованность проведенной нашими предками разделительной черты в русской истории общей, а в данном случае и церковной: до Петра и после Петра. Особый Синодальный Период – не схоластическая условность, а естественно сложившаяся, своеобразная по своей новизне эпоха в развитии Русской Церкви. И дело тут не в одной, и притом канонически дефективной, новизне формы высшего управления Русской Церковью, а в новизне правового и культурного принципа, внесенного в русскую историю с Запада, глубоко изменившего и исказившего нормальную для Востока „симфонию” между Церковью и государством.

Таким образом и по установившейся связи исторических судеб Церкви с судьбами государства (как и в других свободных национальных Церквях Востока), и по новизне установленного Петром Великим строя церковного управления, со смерти последнего 11 Патриарха Московской Руси, Адриана († 1700), мы вступаем в новый период, период императорской России, западнический, секулярный, антитеократический дух деспотического преобладания государства над Церковью, характерный для этого, существенно европейского периода» (Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С. 311–312).

Итак, как видим, «наше Патриаршество уничтожено было Петром I. Кому оно помешало? Соборности Церкви? Нет, не соборности и не Церкви помешало у нас Патриаршество. Кому же? Вот передо мной два великих друга, две красы XVII века – Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Чтобы поссорить друзей, злые бояре нашептывают царю: „Из-за Патриарха тебя, государь, не видно стало”. И Никон, когда ушел с Московского Престола, между прочим, писал: „Пусть ему, государю, без меня просторнее будет”. Эту мысль Никона и воплотил Петр, уничтожив Патриаршество. „Пусть мне, государю, без Патриарха, просторнее будет”. Московскому единодержавию,

преобразованному Петром в неограниченное самодержавие, помешало русское Патриаршество. В столкновении с государственной властью угасло на время русское Патриаршество, и во главе Русской Церкви стала неведомая всей Христовой Церкви Коллегия [...] Учреждение коллегии было, во всяком случае, новостью в Церкви Христовой; новость эта создана была по голландско-немецким образцам и вовсе не ради пользы церковной» (Иларион [Троицкий], профессор-архимандрит. Почему необходимо восстановить Патриаршество? Речь в защиту Патриаршества на Соборе 1917–1918 гг. // Богословский Вестник. 1917. Октябрь–декабрь. [См.: Акты... С. 44]).

Безусловно, «реформе» этой в какой-то степени «помогла» тень великого Никона. Ревнивый и малодушный Петр хранил, конечно, в памяти те, не столь уж отдаленные времена, когда его «тишайший» родитель, чуть ли ни на цыпочках семеня около «собинного» своего друга. Гигантский и грозный образ «великого государя» Никона, сравнительно тогда еще недавно (в 1681 году), умершего на Которосли, плывя на струге из долголетнего заточения, – был еще слишком свеж в народной памяти и более чем кому-либо другому о многом говорил воображению Петра.

В 1721 году заговор против Русской церкви был осуществлен: шпага нечестивого царя сразила русское Патриаршество, в котором он видел будто бы «силу, грозившую стереть, после его смерти, все его благие начинания» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. С. 1780) [b]¹⁰⁵, причем некоторые историки наши (из «передовых») не упускают случая при этом куснуть «бесцветного» Патриарха Адриана, бессовестно пытаясь чуть ли не на него – главным образом – свалить вину за церковный погром, учиненный Петром. И – несправедливо; как иллюстрировалось выше, для правосмыслящего церковного сознания облик Святейшего Патриарха Адриана неизменно должен представлять в самом благоприятном освещении, как верного хранителя заветов отечественной Церкви.

Наш современный церковно-богословский авторитет, безвременно погибший архиепископ Верейский Иларион (Троицкий; † 1929 г.), в своей брошюре «Грех против Церкви» (Пг., 1916), со всей справедливостью отмечает, что «первый русский император уничтожил [...] Патриаршество, заменив его небывалой синодальной формой церковного управления».

Но мало сказать: небывалой. Главное – антиканонической; что куда важнее: «петровская ломка церковных порядков была произведена порядком неканоническим. Не говоря о мелочах, достаточно указать, что Патриаршество было отменено не Собором, а императорским указом, и Синод был учрежден властью государственной. Русских архиереев тогда просто заставили подписать Регламент, положение о Синоде, не дав им даже собраться для его обсуждения. Притом, что самое главное, неканонически введенное синодальное церковное управление и по существу было неканоничным. Устройство Синода нарушало основные требования канонов, а самый факт подчинения его власти государственной подвергал его каноническому запрещению» (*Титлинов Б. В., проф.* Новая Церковь. С. 57).

Этим актом Петр осмелился покуситься на самый строй Христовой Церкви; на одну из незыблемых Ее основ и на главнейшую функцию высшей степени Ее богоустановленной иерархии! Дерзость – единственная в истории Церкви. И если бы логически развивать вширь эту «реформу», то с уничтожением Патриаршества Петр должен бы был ликвидировать и... епархиальных архиереев, передав управление малыми церквами (епархиями) таким же, как Синод, но меньшим «коллегиумам», неким подобиям помеси благочиннических советов с консисториями, под смотрением правителя консистории, оставив двух-трех епископов где-либо в секретном чулане на запоре – специально на раззавод преемников вымирающим попам. Но так как дело тут было не во благе и попечении о Церкви – хотя бы и ложно понимаемом, – а только в личной ревнивой зависти и отсутствии соответствующего у самодержавия эквивалента обаятельному Патриаршему авторитету и удельному весу и, так как

неизмеримым соперником его (самодержавия) в смысле внутреннего общегосударственного влияния являлся, по подозрительно-полицейской, лишенной христианского смиренномудрия психологии Петра – Патриарх, то царь и ограничил свою «реформу» в Церкви, удовольствовавшись лишь одной ликвидацией Патриаршества, оставив совершенно уже беззащитных теперь, епархиальных архиереев, на вечное подкусывание воеводам, губернаторам, секретарям Консисторий и... «литераторам».

Замечательно, что если вчитаться в аргументацию «Духовного Регламента», во весь этот феофанов бред, подобострастно притянутый за уши, – как база для церковной реформы, – то ведь ни один пункт этого наглого и беспардонного вранья не выдерживает ни малейшей серьезной, канонической, критики. И совершенно непостижимо, как эта галиматья, цинично поправшая книгу правил свв. Апостолов, смогла в течение двух веков (!) звучать как одна из главнейших церковно-государственных доктрин!.. [с]¹⁰⁶

Да и сам Петр, создавая по феофановой шпаргалке небывалый институт синодального возглавления церковного, совершенно запутался в оправдательной казуистической аргументации этого своего незаконнорожденного детища. В «питербурхском» манифесте от 25 января по поводу Патриаршества и учреждения Синода он, между прочим (как упоминалось выше), лепечет нечто бессвязное о том, что Патриаршество-де нехорошо «понеже в единой персоне не без страсти бывает».

Допустим. Но тут позволительно спросить: сколько же этой «страсти» будет не в единой персоне, а в целом синагедрионе безответственных – по сути дела – иерархов?..

И затем: как же отнестись к этой концепции применительно к царскому самодержавию вообще и самодержцу Петру в частности?

Как же тут-то насчет «страсти в единой персоне»?!

Но оставим это. Слишком понятно как и почему на месте олицетворенной живой совести церковной – Святейшего Патриарха – появилось заморское чудище «Духовное

Коллегиум», слишком печально прославившийся впоследствии под вывеской «Святейшего Правительствующего Синода».

«По своим правам Святейший Синод был приравнен к Сенату и вместе с тем подчинен государю – „крайнему судии“. Мысль о „крайнем судии“ впоследствии была развита еще далее, и в Своде законов Российской империи читаем: „Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния“. В этом смысле государь именуется „главою Церкви“.

Не Святейший Синод, по смыслу Регламента, действует и делает распоряжения через светскую власть, а государство управляет Церковью посредством Синода.

Для наблюдения за делами Святейшего Синода государственная власть назначила своего особого чиновника, так называемого обер-прокурора. В указе от 1722 года о назначении обер-прокурора было сказано: „Выбрать из офицеров доброго человека, кто бы смелость имел и мог управление дела синодского знать, и быть ему обер-прокурором“. А в инструкции, данной на имя обер-прокурора, он назван „оком государевым и стряпчим по делам государственным“ [d]¹⁰⁷.

В Своде законов имеется более тысячи статей, которыми определяются взаимоотношения Церкви и государства. Тут все предусмотрено. Малейшее проявление религиозного духа уловлено, расписано по статьям, пунктам и параграфам. Церкви как живому телу, отдельному от государства, был нанесен смертельный удар» (Правда о религии в России. М.: Московская Патриархия, 1942. С. 22).

Да: «немалый ущерб для жизни Русской Церкви принесла церковная реформа Петра Первого.

Она уничтожила фактическую и нравственную связь Русской Церкви с Восточными Патриархами, то есть со Вселенской Церковью» (Патриарх Сергей и его духовное наследство. С. 131).

Да: «развившаяся на рубеже XVII–XVIII веков идея централизации государственной власти [...] захватила в свое

русло и Церковь, подчинив Ее не только государственному контролю, но и государственному водительству (!). Церковь потеряла свою самостоятельность и свободу, ограничена была в руководстве церковными канонами и прежде всего лишилась носителя своей автокефальности – Патриарха, которого заменил государственный чиновник – обер-прокурор» (*Прохоров Г. К перерыву занятий Церковного Собора // Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. №7. 7(20) апреля. С. 1).*

Да: Святейший Синод «эта центральная, по образцу протестантских консисторий, коллегия была генеральным штабом [...] Церкви, имея чрезвычайные полномочия. Равно как и Сенат, Синод назывался Правительствующим. Весьма символично само помещение Синода (здание) в Петербурге. Синод и Сенат – два здания, соединенные единой аркой, единой крышей. Синод, как Сенат, были учреждениями государственными. И во главе Синода стоял не „первоприсутствующий“ митрополит Петербургский и Ладожский, но обер-прокурор» (*Введенский А. И., прот. Церковь Патриарха Тихона. С. 14).*

Да, да: «в истории Русской Церкви со времен Петра I каноническое сознание померкло, каноны стали забываться, а вместо них церковная жизнь руководилась больше всего регламентом Петра I и Уставом Духовных Консисторий, а „Книга Правил Свв. Апостолов, Свв. Соборов – Вселенских и Поместных и Свв. Отец“ стала почти забытою. Ее знали очень мало. Это обстоятельство всегда давало печальные результаты: в течение почти 200 лет Русская Церковь, не по вине иерархии, а по вине государственной власти, не имела ни Соборов, ни канонического высшего управления, ни законного главы Церкви – Патриарха, и управлялась государственным учреждением – Святейшим Синодом, в котором не было даже председателя, а был только Первенствующий Член, наподобие первенствующего в Сенате, назначавшийся указом императора, а члены Синода вызывались не по очереди и не по избранию, а по желанию обер-прокуроров, формально по указам императоров. Фактически главою Церкви был не иерарх, не первый епископ,

как учат правила свв. Апостолов, а император» (Серафим, митр. Без канонов // ЖМП. 1949. №6. С. 34).

Что же касается представителей Церкви при таком положении, то неудивительно, что «владыки [...] в синодальную эпоху стали крепко держаться за [...] орденские награды, а обер-прокуроры, одаряя владык этими императорскими звездами и лентами, тем самым как и многим другим, крепко держали их в покорности своей власти: эту власть обер-прокуроры развивали до самовластия, и это самовластие доводили иногда до нелепости. Известный Мелиссино, например, считал „нужным позаботиться об ослаблении и сокращении православных постов“, или – „запретить ношение по домам церковных икон“ и т. п.

Вот это-то крайнее преобладание императорской абсолютной власти над церковной и создало, и давно уже, крайнюю потребность в восстановлении власти церковной, независимой в своей сфере от вмешательства государства, т. е. – потребность в восстановлении Патриаршества» (*Троицкий Н. И.* В защиту Патриаршества // Деяния. Т. 3. С. 25. [Акты... С. 30]).

В итоге же: насколько «благодетельной» оказалась операция, учиненная над Церковью, без труда усматривается хотя бы и из того, что Синод за все двести лет своего рахитичного существования не явил миру ничего кроме классической консисторской волокиты да, воистину ставших притчею во языцех, консисторских чиновников-взяточников...

Синодальный период нашей Церкви – сплошной серый мрак и туман...

(И напрасно высокопочтеннейший А. В. Карташев, в своих «Очерках по истории Русской Церкви» несколько идеализирует и, во всяком случае, в какой-то степени оправдывает эту неправославную и совсем уж нерусскую институцию; может быть, потому лишь, что он сам был последним ее представителем?)

Отдельные светлые и яркие личности среди епископата синодального времени – к тому же довольно редкие! – сверкают в памяти народной отнюдь не как «синодальные члены», а как

архипастыри, как личности, наконец – как люди, благочестивые, добрые и хорошие. Как только сознание переносит их в сферу деятельности синодального «присутствия» – образы эти тускнеют, сереют и гаснут в общем мертвящем тумане фиктивной «соборности» Синода – этой транзитной станции на госбюджете для вояжирующих престарелых архиереев, собирающихся здесь как в каком-нибудь месткоме: посовещаться в плановом порядке, для проформы и скуки ради и, затем разъехаться по своим медвежьим углам, подальше от начальственного взора господина обер-прокурора, приговаривая как тайную молитву, бессмертные грибоедовские слова: «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь!»

Полагаем, что вполне можно было быть и не «великим» для того лишь, чтобы после двадцатилетней головоломки насаждать подобные «реформы».

3. Последствия церковной «реформы» царя Петра

Двести лет по злой воле Петра все живые мысли и начинания, исходившие из церковных недр, как в чугунной ступе дробились в этом Синоде и, превращаясь в «пыль веков», толстым слоем оседали в его бездонных архивах. И – только. Таким образом, мало-помалу, весь церковный организм в целом, не встречая разумного и благотворного отклика на насущные свои нужды в руководящих верхах, лишенный отечески-попечительного внимания с их стороны, постепенно коснел, консервировался в своих немощах и инертности, все более и более вырождаясь и перерождаясь из живой, национальной, автокефальной, Православной Церкви, в казенное официальное «Ведомство Православного Исповедания».

Наступил, наконец, по известному диагнозу Достоевского, церковный паралич.

И естественно, что раз нарушен был основной, руководящий нерв такого общественно-нравственного организма, то и весь он, этот организм, стал выпускать продукцию второго или третьего сорта; зачастую сомнительной нравственной ценности, а нередко и вообще ценности фальшивые, поддельные.

Но жаловаться было некому и ждать исправления создавшегося положения – неоткуда, ибо при этой злоухищренной системе даже самые пламенеющие и благонамеренные святители были предупредительно поставлены в такие условия, которые практически не давали им возможности для плодотворной деятельности во благо Церкви...

Им оставалось либо в тиши своих келий погружаться в многолетние научные и исторические исследования, либо – отсидев положенное время на синодской сессии и прослушав несколько десятков или сотен дел, заготовленных для них, – и почти предрешенных – канцелярией обер-прокуратуры, отбывать во «вверенные им епархии», уступая свою роль омофорных статистов другим, для молчаливого созерцания всех тягот и неполадок текущей церковной жизни.

Так и тянулось... двести лет!

И были, к сожалению, среди церковных людей, господа, не видевшие в искажении церковного организма медленной, но верной, гибели для Церкви; не замечавшие Ее «паралича» и по-своему, может быть искренно, старавшиеся объяснить беспорочность заведенного в Ней «порядка». Так, один из современных церковных мыслителей, рассуждает, например, следующим образом:

«Нестроения и болезни церковной жизни объясняются не тем, что государство господствовало над Церковью, что обер-прокуроры угнетали Церковь. Это – внешний взгляд, нерелигиозный взгляд на исторические судьбы нашей Церкви и государства. Наоборот, внутренние слабости и недуги нашей церковной жизни в человеческой Ее стороне подчинили Ее государству и давали особую роль обер-прокурору. Не Победоносцев, искренне верующий человек, виновен в том, что Церковь наша не была достаточно свободна. Внутренний недостаток свободы в церковной жизни вызвал государственную активность Победоносцева в Церкви. То, что совершается в глубине духовной жизни, определяет внешний строй жизни. Порабощение Церкви царству кесаря есть лишь отражение состояния самой Церкви, нераскрытое в Ее человечестве

христианского общения, а не порождение злой воли в государстве» (Бердяев Н. Духовная жизнь в России и на Западе: «Живая Церковь» и религиозное возрождение России // София. Проблемы духов, культуры и религ. философии / Под ред. Н. А. Бердяева и при ближайшем участии Л. П. Карсавина и С. Л. Франка. [Т.] 1. Берлин: Обелиск, 1923. С. 127–128).

Принципиально согласиться с этой философией никак не возможно; все здесь сказанное приложимо лишь к церковной жизни самого последнего времени, к Ее предреволюционному периоду, когда Она за двести лет успела уже впитать в себя все яды и наркозы «государственной активности». Теория эта никак не объясняет «начало болезней», а лишь сознательно или бессознательно пропускает весь ход тяжелого церковного недуга, останавливаясь лишь на его последних внешних проявлениях (и с чем нельзя не согласиться).

Но если «внутренние слабости и недуги нашей церковной жизни в человеческой ее стороне подчинили ее государству и давали особенную роль обер-прокурору», то – спрашивается: почему же ранее несчастного 1721 года все эти «слабости и недуги», которых, наверное, было не менее, а быть может, и значительно больше, – никому не подчиняли Церковь и находили для себя противоядие или исцеление, ибо Церковь наша всегда, как известно, с избытком находила (и не могла не находить, будучи самой собою) в себе духовные силы и разумение к уврачеванию своих неизбежных в «Ее человечестве» недугов?

Для своего времени К. П. Победоносцев был, безусловно, весьма отрадным явлением в синодальной Церкви, однако представить себе его деятельность – даже самую благонамеренную – на нашем церковном фоне, скажем, XVI либо XVII столетий, – было бы более чем печально!

Старые цари наши «Московские и всея Руси», при всех своих слабостях и недостатках, при всем своем сермяжном «авось да небось», были прежде всего богобоязненными, благочестивыми и набожными людьми, глядевшими на Церковь как на Великую Мать свою и на прообраз Царствия Божия на земле. Благоговейное чувство к церковным установлениям и

традициям не позволяло им соваться без спросу в строй церковного самоуправления, и пока подобное благожелательное и предупредительное отношение к Церкви со стороны государственной власти культивировалось царями и правителями из поколения в поколение, Она была не только не подотчетна и не подсудна государственной власти, но сама, когда находила это нужным, влияла на государственную власть и формировала ее в духе требований веры, в некоторых же отдельных случаях произносила даже свой суд и осуждение над беззакониями «кесарей», бестрепетно обличая виновных устами доблестных святителей.

И естественно, что как только государственная власть в лице нечестивца Петра соизволила встать на иные позиции по отношению к Церкви, застраховав себя предварительно от Ее прещений известной операцией по феофановскому рецепту, Церковь прекратила изливать свои благодатные токи на эту власть и на всю ее деятельность и вынуждена была замкнуться в своей инертности и бездеятельности... И с этого именно момента Церковь, конечно, не может нести и не несет совершенно никакой ответственности (ни перед Богом, ни перед людьми) за весь морально-нравственный государственный маразм в стране.

И – результат налицо!..

Таким образом, все эти «внутренние слабости и недуги нашей церковной жизни (а уж о государственной и говорить не приходится!) в человеческой ее стороне...» – есть прямой результат искажения центральной нервной системы Церкви, и имели бы место все эти «недуги и слабости» в «человеческой стороне» Ее при каноническом строе Ее жизни, это еще большой вопрос. Внутреннюю свободу свою Церковь не потеряла, как иголку в сене, по представлению некоторых, а она была у Нее отнята, и на Нее наложены были вызолоченные кандалы «государственной активности» не Победоносцева, конечно, «искренне верующего человека», – уже вследствие одной этой своей искренней веры не способного активничать во зло Церкви, – а всех этих цепных псов трусливого и ревнивого самодержавия марки Протасова, Нечаева, Мелиссино и других,

им подобных «добрых офицеров», привыкших преемственно от самого первого и самого злостного «обер-прокурора» Петра лихо махать в синодальном «присутствии», как в заплеванной их казарме той самой шпагой «государственной активности», которая по злой воле «реформатора» кощунственно обезглавила Великую Православную Русскую Церковь.

Так что же, в конце концов, практически дала так называемая церковная «реформа» 1721 года нашей Церкви?

А вот что:

«Петр I, упраздняя Патриаршество как символ и как реальное осуществление независимости Церкви, руководствовался именно тем ложным соображением, исходя из которого был осужден Патриарх Никон. В мотивах упразднения Патриаршества Петр указал, что Патриаршество создавало повод думать, что „Патриарх есть „второй государь“, самодержцу равносильный, или больше его” и что священство или духовный чин есть „другое и лучшее государство”.

Между тем Церковь, действительно, есть „другое и лучшее государство” – Царство Божие, царство свободы и божественной любви, а не царство правового принуждения, каким является государство.

Петр I, не понимавший всей глубины проблемы об отношении Церкви к государству, разрешаемой лишь в богооткровенных формах мышления, воспользовался процветавшей в его время в католических странах Западной Европы системой государственной церковности, представляющей собою плод рассудочного мышления и преклонения пред мощью государственной власти.

Эта система не только была ему понятна, но и соответствовала его личному характеру – характеру властному, не терпящему не только никакого противодействия, но и простого прекословия.

Совершенно не считаясь с сложившимся у русских православных людей пониманием отношения Церкви к государству, он реципировал систему государственной церковности, поставив Синод в ряд государственных

учреждений и превратив управление Церковью в одно из государственных ведомств.

От этой навязанной Петром системы грубейшего вмешательства государства в церковную жизнь русский народ не мог избавиться в течение 200 лет, вплоть до революции 1917 года.

Невозможно учесть весь губительный вред, причиненный Русской Церкви этой системой.

Прежде всего, Церковь, будучи превращена в государственное учреждение, утратила принадлежащий Ей высокий духовно-нравственный авторитет, что повлекло за собой, в частности, усиление расколов и сектантства.

Следуя принципам государственной церковности, царское правительство, позволяло себе использовать православное духовенство в своих чисто политических интересах.

В результате враждебное отношение революционных слоев к царской власти переносилось и на Церковь.

Систематически применяя законодательные и административные меры воздействия в отношении противников Православия, царское правительство подменяло этим идеологическую борьбу, которую православное духовенство должно было вести с противниками Православия путем их просвещения и убеждения словами и жизненным примером» (Кузнецов А. И. Губительные искажения христианства. Рукопись. Астрахань, 1966. [?]).

Таким образом, после всего сказанного остается лишь констатировать тот печальный факт, что Церковь наша на протяжении всех этих двухсот лет не получила ровно ничего, кроме огромного, неисчислимого вреда для своих самых насущных функций и проявлений, пребывая в унижение себе и на радование всей мировой бесовщине, в явное и циничное нарушение 34 Апостольского правила – без главы...

Таков итог «реформы» Петра «великого» 1721 года!

4. Двухвековое развитие идеи восстановления Патриаршества в нашей Церкви

В свое время, заменяя институт митрополитов «всея Руси» более славным и достойным величия нашей Церкви и

страны – Патриаршеством, блаженнейший наш царь Феодор Иоаннович «мог возлагать [...] большие надежды на Патриарха, потому что ему хорошо были известны заслуги и сила влияния на народ Владык и древних и позднейших времен, таких как Московские Св. Филипп и Макарий. И только зная это и твердо рассчитывая на [...] преданность Святителей своему долгу пред царем и отечеством, Феодор произнес знаменитые слова своей царской воли: „Я хочу устроить в Москве превысочайший Престол Патриарший”... и, нисколько не страшась за будущее своего царского самодержавия, действительно поставил этот превысочайший престол рядом со своим в 1589 году. Получилась картина поистине умилительная, когда эти два трона, царский и патриарший стали рядом в Московском Успенском соборе: престол царя и престол Патриарха – пред престолом „Царя царствующих и Вечного Первосвященника, прошедшего небеса”. Так две власти верховные на земле, поддерживаемые одна другой, стали под сению благодати Вседержителя Христа.

Надежды царя Феодора, возлагавшиеся им на Патриарха, оправдались: это вскоре показали исторические обстоятельства. Когда наступило на Руси „лихолетие” самозванщины и происходила постоянная смена правительства, то Святейший Гермоген спас Православие; а когда избран был царем Михаил, то Патриарх Филарет помогал и помог ему – царю – собрать и восстановить Московское государство из пепла и развалин, освободить народ от „воров” и мятежников...

Скажут: но Патриарх Никон стремился к преобладанию даже над царем. – Да, но когда власть Никона переходила в самовластие, то он был низложен Собором и заточен в монастырь.

Скажут: царь Петр и без Патриарха создал империю. Да, но когда им созданные „коллегии” или, своего рода „товарищества” – Сенат и Синод – наименовали его Императором и Отцом Отечества, то народ православный назвал его Антихристом, и это, между прочим, за упразднение Патриаршества...

Вот с этого-то времени и начался истинный цезарепапизм, принципиальный, проявлявшийся не в отдельных фактах

насилия государственной власти над церковной, а во всех делах, когда Церковь соприкасалась с государственной властью, самодержавной до абсолютизма. И с этих пор мы видим, как и какими средствами государственная власть овладевала иерархией и подчиняла ее себе», и «вот это-то крайнее преобладание императорской абсолютной власти над церковной и создало, и давно уже, крайнюю потребность в восстановлении власти церковной, независимой в своей сфере от вмешательства государства, т. е. – потребность в восстановлении Патриаршества» (Троицкий Н. И. В защиту Патриаршества // Деяния. Т. 3. С. 24–25. [Акты... С. 29–30]).

Отметим далее некоторые моменты развития идеи восстановления Патриаршества – идеи восстановления канонического строя нашей Церкви, созревавшей в толще народно-церковной в течение двухсот лет и особенно обнаружившей себя в весьма заметной возрастающей прогрессии начиная со второй половины XIX века.

Осознание искаженности нашего церковного организма проделало большую и длительную эволюционную работу, преодолевая множество препятствий – искусственных и естественных (если последние только могут быть) – в психологии нескольких поколений наиболее чутких церковных людей. Первоначальное недоуменное и – (наверное) озлобленное – отношение к «реформе», произведенной Петром, с течением времени, конечно, притуплялось, отлагалось как бы в некую тихую, но неизбывную церковную тоску и грусть, затаившиеся в глубоких тайниках народного сознания и мало заметные на поверхности «житейского моря». Отсутствие Соборов за все это время (230 лет) еще более способствовало накоплению и созреванию скрытых мыслей о явном неблагополучии в церковной жизни. Эти сокрушенные вздохи о церковном «параличе», еще не сформулированные и не выраженные конкретно, своими корнями уходят в далеко минувшие от нас времена и, видимо, получили свое начало в момент самой гибели Патриаршества; изгнанное со своего священного и законного места оно, в своей чистой, отвлеченной идее, как бы ушло в народ, в его церковное сознание и,

растворившись в нем, умерло, принеся в потребное время «плод мног». Боль за обезображенную Церковь, после двухсотлетнего своего подпочвенного течения вылилась, наконец, в ясную идею восстановления прекрасного утраченного, в жажду восстановить его, в возобновление церковной полноты на добрых, вековых канонических началах.

С течением времени источник боли забылся; утратился в народной памяти, но интуитивная тоска и ожидание утраченного остались и росли.

Попутно к ним прибавилось немало скорби от созерцания и сознания многих грехов и неправд синодального управления и все это, вместе взятое, накапливаясь и нарастая, как снежный ком, докатилось, наконец, до наших дней, вылившись в неутолимую жажду подлинного обновления Церкви. Обновления, конечно, не в смысле реформации, так как в Церкви Божией реформировать нечего, ибо Истина абсолютна и неизменна, – следует лишь нам самим беспрестанно «реформироваться» и «обновляться» по этой Истине. А в смысле восполнения утраченного, исправления имеющегося, нарушенного человеческим мудрованием, в смысле, наконец, укрепления и украшения Церкви...

Осуществить, однако, какое бы то ни было обновление не представлялось возможным – исторические условия не благоприятствовали тому: самодержавные преемники Петра – до самого последнего из них – не считали нужным изменять позицию государственной власти к Церкви в смысле предоставления Ей духовного суверенитета; отделялись бриллиантовыми крестами для ношения на клобуках да всемилостивейшими рескриптами по адресу Ее представителей да декларативными обещаниями (очень изредка), и – только!

Впрочем «иерархия, покорно принявшая реформу, в последующие царствования, особенно по смерти Феофана Прокоповича, от времени до времени обнаруживала тенденцию к возврату Патриаршества. Православный народ по обычаю „безмолвствовал“. Противники Церкви раскольники-старообрядцы не молчали и громко в своей рукописной

подпольной литературе изображали Петра и все его дело, как дело антихриста. Уже во второй половине XVIII в. из секты странников вышло „Собрание от Святого Писания об антихристе”. Тут Петр объявляется личным лжехристом-антихристом, мучителем православных христиан, распространителем своей новой жидовской веры, узаконившим новолетие Янусовское (т. е. январское). „А в 1721 г. принял на себя титул патриаршескую. И ста главой Церкви Российския, восхитив на себя не точию царскую власть, но и святительскую и Божию, бысть самовластный пастырь, едина безглавная глава надо всеми, противник Христов, антихрист”. И таких сектантских характеристик Петра целая серия. В одном говорится, что Петр просто самолично убил Патриарха патриаршим жезлом и „вшед в Грановитую палату, вынул свой булатный меч и, ударив по столу оным булатным мечем, аз вам царь, Патриарх, Бог вам – трижды возглашал”. Последняя карикатура основана на довольно достоверном предании. Голиков в его „Деяниях” (II, 73)⁵¹ передает, что будто бы группа членов Синода в присутствии самого Петра на одном из заседаний подала прошение о назначении Патриарха. По словам графа Бестужева, Петр, ударяя себя в грудь, сказал: „вот вам Патриарх”, а по словам барона Черкасова, „обнажив свой кортик и ударяя плашмя по столу, сказал с великим гневом: вот вам Патриарх!”. Реальность такой сцены (только не в Синоде) весьма вероятна. Голиков продолжает: „К сему прибавлю и я слышанное мною от одного почтеннейшего старца, что отмена Патриарха была весьма многим и из светских крайне чувствительна, ибо они не иначе, как с воздыханием о сем вспоминали, а в первые годы даже бунты и заговоры на сие начинали”. В последующие царствования мы услышим еще ряд оппозиционных иерархических голосов. Открытое официальное заявление о благовременности уничтожения Синода вместе с отменой унижительной присяги для его членов сделали в 1742 г., при восшествии на престол Елизаветы, два члена Синода: известный митрополит Ростовский Арсений Мацеевич и Новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич. Трагическая судьба Арсения (Мацеевича) при Екатерине II надолго

заставила иерархию прикусить языки по этому вопросу. И до XIX в. открытой критики синодального строя в печатном виде нельзя было и ожидать» (Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С. 370–371).

Несколько позже «Павел I сделал было попытку возвести в Патриархи Новгородского митрополита Гавриила [Петрова], но митрополит по своей „несговорчивости” не угодил Павлу, отказавшись от ношения царской награды – мальтийского креста – и от посещения балета и впал в немилость. В дальнейшем Павел не возвращался больше к этому вопросу...» (Сергий Ларин, епископ. Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол... С. 134]).

И только во второй половине XIX столетия, «с момента свободы печати, т. е. с царствования Александра II, и русская богословская литература, и церковные историки, и канонисты, и университетские юристы в принятых курсах своих дисциплин уже открыто подчеркивали неканоническую природу церковного управления всего императорского периода» (Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С. 376).

«Повторялось из уст в уста, будто Русская Церковь со времени Петра лишена была всякой свободы. Субъективно русские иерархи и церковно-сознательные миряне действительно переживали каноническую реформу Петра I, как реформу „нечестивую”, противную православной традиции. От каждого поколения выдающихся иерархов сохранились воспоминания об их воздыханиях и томительных ожиданиях освобождения от уз синодальной конституции. Завершение и повторение этих воздыханий ярко запечатлено для истории в пяти томах официальных отзывов епархиальных владык, написанных ими в ответ на экстренный запрос в начале 1906 года самого К. П. Победоносцева, за несколько месяцев до его кончины» (Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С. 315).

И вот, наконец, «равнодушная к учреждению Патриаршества иерархическая среда вдруг начинает мечтать о его реставрации. Такие мечты, бесспорно, были долгое время после смерти Патриарха Адриана и после учреждения Св. Синода. Ослабев во второй половине XVIII века, они не умерли окончательно и в XIX столетии, протлев, можно сказать, до

наших дней. Вспомним, что первым лозунгом церковного движения 1905 года, пока оно протекало еще в иерархическом русле, было Патриаршество.

Такие воздыхания о Патриаршестве после Петра многими понимаются как дань благодарности его [Патриаршества. – Сост.] заслугам. Однако, подобное понимание ошибочно, и смысл воздыханий был совсем другой. Синодальная форма управления возбуждала всегда, главным образом, недовольство тем, что она открыла большой простор государственному вмешательству в церковные дела, рядом с чем Патриаршество представлялось опорой церковной независимости. И противники Феофана Прокоповича, до смерти не дававшие ему покоя, и патриархисты нашего времени первой революции, в сущности, стояли на одной плоскости: Патриарх был для них эмблемой, хотя бы своеобразно понимаемой, церковной свободы, иерархической самостоятельности. Достаточно посмотреть в документы „Патриаршества” периода 1905–1906 гг., чтобы убедиться в этом» (Титлинов Б. В., проф. Чем было московское Патриаршество? // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №120. С. 3).

Или, как горестно вспоминает другой автор: «Наша Русская Православная Церковь на протяжении веков достигла пышного расцвета внешней организации. Можно сказать без преувеличения, что по внешним формам благолепия Она могла соперничать с древней Византией, а может быть, отчасти даже превосходила ее. Материально Она была богата, мощна, не оскудевала и духовными дарованиями, являя из своей среды многочисленный сонм св. угодников; только в последний, петербургский, или синодальный период стало возбуждать тревогу у многих Ее ревнителей несоответствие внешнего величия, могущества и красоты с Ее внутренним состоянием. В сферу церковного управления и церковной жизни проникли бюрократические начала, они-то и угашали горение духа, замораживали живые Ее силы. Становится на очередь и обостряется старый, трудный, болезненный вопрос об отношении между Церковью и государством – Градом Божиим и

градом земным... Независимая от каких бы то ни было земных влияний, св. Церковь Христова, по своей природе, миру неподклонна, – следовательно, и государству. Она голос самого Бога в человеческом – личном и общественном – сознании, в совести. И вот этот чудный дар свободы и независимости наша Русская Церковь не сберегла, и подпала под влияние государства. Политика вошла в Церковь и значительно угасила горение духа, связала, сковала свободу Ее жизни, и Церковь, подчиненная государству, стала терять в народе авторитет[е]¹⁰⁸. Давно уже все, кто горячо любил нашу Православную Русскую Церковь, тосковали о свободе Церкви, чуя опасность Ее пленения государством. Оно оказывало мощную материальную поддержку, но Церкви за нее приходилось дорого, слишком дорого расплачиваться; оно брало от Церкви больше, чем само давало Ей, давало блага тленные, материальные, и заставляло поступаться тем, чем поступаться нельзя» (*Евлогий, митр.* С. 596).

Следует сказать здесь еще и о том, что, к великому сожалению, даже в этом очевидном и бесспорном, казалось бы, вопросе не обошлось без внутренних трений и разногласий от лжебратий; отрадный сам по себе и столь ясный путь развития идеи восстановления Патриаршества в действительности нередко встречал препятствия, тормозившие его поступательное движение.

Поработившей Церковь государственной власти, естественно, нежелательна была бы подобная реставрация в Ней, и потому любая инициатива в этом направлении считалась ею излишней и – в лучшем случае – рассматривалась как «аки не бывшая»...

Но мало этого: не в одной государственной власти, самой по себе, оказалось тут дело. Самая синодальщина, противопоставлявшая себя каноническому патриаршему строю, своим тлетворным, мертвящим духом настолько успела развратить и разложить церковную психологию, что некоторые отдельные представители церковно-мыслящего общества настолько утратили чистоту церковного самосознания, что, формально числясь его яркими и учеными представителями, по

сути дела мыслили и действовали явно во вред Церкви, заблудившись окончательно в трех соснах псевдоцерковного синодального «академического» мудрования.

Немало претерпело восстановление Патриаршества на своем пути от подобных идеологических лжебратий. Восторжествовавшая же в конце концов истина, таким образом, еще более убеждает во всеблагом и недремлющем Промышлении Божиим, так своевременно и явно проявившемся в этом остро болезненном вопросе.

Действительно: «велика есть истина и премогает» (2Ездр.4:41). И это еще раз прекрасно подтверждается следующей справкой, иллюстрирующей отношение к этому вопросу о восстановлении Патриаршества со стороны, например, таких общепризнанных и наиболее близких к нам по времени авторитетов богословской мысли и науки, каковыми, бесспорно, являются, например, известный митрополит Московский Филарет (Дроздов) и академик Е. Е. Голубинский.

Так, митрополит Филарет в своем письме, в котором выражал свое мнение «о записке, изображавшей состояние Православной Церкви в России в неблагоприятном виде», писал:

«VIII. Записка жалуется, что *Синод остался* [здесь и далее курсив митрополита Филарета. – Ред.].

Напрасно. Хорошо было бы не уничтожать патриарха, и не колебать тем иерархии, но восстанавливать патриарха было бы не очень удобно; едва ли был бы он полезнее Синода. Если светская власть начала тяготеть над духовною: почему один патриарх тверже вынес бы сию тягость, нежели Синод. И при вселенском патриархе нужным оказался Синод; и в России есть Синод. Очень ли велика разность в том, что в России *первенствующий член Святейшего Синода* не называется *патриархом*? Это, по крайней мере, требует исследования, а не ведет к решительному осуждению того, что *Синод остался*.

Было время, когда в России не было ни патриарха, ни Синода, а только митрополит. Но власть светская искренне чтит духовную власть и ее правила; и сия имела более удобства действовать с ревностию и одушевлением. Вот в чем

дело!» (Письмо митрополита Филарета к протопресвитеру В. Б. Бажанову, с мнением о записке¹⁰⁹, изображавшей состояние Православной Церкви в России в неблагоприятном виде (1856 г., в октябре) // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по ученым и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией Преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. IV. №9 448. § VIII. М., 1886. С. 145).

Все, что сумел Е. Е. Голубинский выдвинуть против Патриаршества сводится к тому что время наше... «не патриаршеское» (?) и восстановление Патриаршества «оказалось бы нежелательным (кому же?) и вредным (чем же?) для Нее (Церкви)»; что интеллигенция наша стала бы издеваться (? вот аргумент!) над Патриархом, называя его далай-ламой и пр. глупости; что при ожидаемой свободе печати Патриарха будут бесцеремонно критиковать и ругать, что церковная власть, которая у нас должна быть консервативной, будет более ругаема «либералами» в лице Патриарха, чем Синода, и, наконец, что изрек маститый академик по этому вопросу, дословно выглядит так: «что касается до самого церковного управления, то упразднение Св. Синода и восстановление Патриаршества было бы или тем, что называется „из кулька в рогожку“, или же только напрасной переменой имени» и: «свирепствующие теперь в государстве революционеры постараются и в состоянии будут заварить в Церкви, свободной от государственной опеки, такую кашу, какой и представить себе не можно...» (Замечания на статью Тихомирова: Каноническое достоинство реформы Петра Великого: Желательно ли упразднение Св. Синода и восстановление Патриаршества? // Голубинский Е. Е. О реформе в быте Русской Церкви. Сб. статей. М., 1913. С. 81, 82, 86) [f]¹¹⁰.

Впрочем, следует отметить, что дальше автор вынужден сообщить читателю о том энтузиазме (кстати сказать, идущим вразрез с его же, только что высказанными, возражениями по этому вопросу), с каким «была приветствована представителями высшей церковной власти или членами Св.

Синода, а также и всеми вообще архиереями...» мысль о восстановлении Патриаршества в Русской Церкви, «не возникшая в самой духовной среде, а внушенная ей со стороны» (Витте?) (там же. С. 88).

Вот, воистину, «безумные глаголы»; воистину «посрамились мудрецы и запутались в сеть»!

Но не так, совершенно не так рассуждали чуткие церковно-мыслящие люди, не мудрецы и ученые, а люди чистой веры и смиренного духа; люди, не держащие носы свои, как флюгера, по политическому ветру сегодняшнего дня, а в умилении и сокрушении сердечном старавшиеся постигнуть самую суть вещей и событий в их отношении к Вечному и Истинному.

Например, типичный представитель скромного русского героизма, богатырь православного духа, великий миссионер-подвижник, просветитель далекой Аляски, впоследствии митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Веньяминов; преемник по кафедре митрополита Филарета Дроздова), получив письмо от тогдашнего Патриарха Антиохийского Мефодия, так писал в сокрушении сердца и умилении в частном письме своем к известному А. Н. Муравьеву: «Поверите ли, письмо Св. Патриарха произвело во мне какое-то особенное чувство... Ах! зачем у нас не так... не по-прежнему. Вера и христианская нравственность между нами ослабевает – это неоспоримо. Ноне есть ли тому одною из главных причин то, что мы изменили форму управления нашею церковью? [разрядка наша. – *Сост.*] По крайней мере я, грешный человек, этого мнения» (*Корсунский И., проф.* Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. Харьков, 1898. С. 64).

Или: как величественно просты, как глубоко правдивы и понятны в не книжной своей мудрости слова Святейшего Патриарха Тихона, сказанные им в Соборной палате, на другой день своей интронизации, в ответ на приветствие архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения (Стадницкого), но обращенные им как бы ко всем нынешним и будущим, ко всем «мудрствующим лукаво» дипломированным ученым скептикам, слишком мало полагающимся на волю Божию, привыкшим

прежде всего сообразоваться со стихиями мира сего, надеющимся обычно на «князи и сыны человеческие», в которых, как известно, «несть спасения».

Он сказал тогда смиренно и просто: «Конечно, возлюбленные отцы и братия, все мы отлично понимаем, среди каких обстоятельств восстановлено Патриаршество. [...]

Некоторыми высказывались опасения, что восстановление Патриаршества затенит Собор, что Патриарх повредит идее соборности, – могу торжественно засвидетельствовать от своего лица и думаю, что с этим согласятся и будущие мои преемники, что Патриаршество не представляет угрозы Соборности Святой Православной Церкви. Возлюбленные отцы и братия, не таковы теперь времена, не таковы обстоятельства, чтобы кто-либо, как бы он велик ни был и какою бы духовною силою ни обладал, мог нести тяготу единоличного управления Русской Церковью» и т. д. (Деяние 48:49. Святейший Патриарх Тихон // Деяния. Т. 4. С. 90).

Так сказал тогда новоизбранный Первосвятитель, и, как всем известно, слова его полностью подтвердились последующею церковной жизнью, когда Патриаршество стало реальной действительностью, нормой нашего церковного «сегодня».

Так стало теперь. Тогда же, в давно минувшие времена, в условиях тяжкого томления Церкви в удушающих «объятиях» государственной и полицейской опеки, – все было иначе, и людям, мыслящим правомерно, нужно было, по-видимому, иметь особую чистоту веры и одухотворенность свыше, чтобы в условиях особой духовной незапятнанности растить и питать поверженную идею 34 Апостольского правила во всей ее святости!

И как бы там ни было, но нам, наконец, дано было узреть прекрасное цветение этого ароматнейшего, но невещественного цветка из вертограда Божия.

Один этот факт, взятый сам по себе, если приглядеться к нему внимательно, является в высшей степени назидательным и поучительным, внушая несомненную уверенность в особой

добротности и значимости для нашего отечественного Православия этой идеи и пути ее возрождения.

Сама жизнеспособность ее говорит о многом и, кажется, давно бы уж пора нашим Савлам понять всю бесполезность и греховность своего упрямого ратоборства против этого «рожна». Но, видно, в плане Божественного Домостроительства нам дано было лицезреть не только радостное воплощение этой чаемой мечты, но и новое, страшное, гонение на нее, чтобы еще более просияла и окрепла она в горниле очищения, а по выходе из него, утвердилась бы уже незыблемо в Православной Русской Церкви во веки веков, ибо «яко во огни искушается злато, тако и человецы приятни в печи смирения»...

Так явилось нам современное Патриаршество, как меч и щит церковного домостроительства в новых внешних условиях жизни Церкви.

5. 1905 год в Церкви и Предсоборное Присутствие

Этот раздел мы начинаем с воспроизведения брошюры, прямо касающейся нашей темы и, в кратких словах, вводящей интересующегося в курс дела. Кроме того, изданная в свое время (1917) очень ограниченным тиражом, она большинству читающей церковной публики совершенно не известна.

Теперь же, конечно, представляет собою немалую библиографическую и церковно-историческую редкость.

Брошюра издана Московской Синодальной Типографией. Озаглавлена: «К истории созыва Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви».

«В настоящие знаменательные дни, когда Русская Православная Церковь на собравшемся в Москве Поместном Соборе празднует начало светлого будущего соборной жизни, небезынтересно огласить некоторые, относящиеся к созыву Собора акты и документы. Большая часть этих актов и документов не только не известна широкой публике, но и неведома Св. Синоду и иерархам Русской Церкви.

Вопрос о необходимости созыва Собора и о церковной реформе был поднят в Бозе почивающим приснопамятным святителем Высокопреосвященнейшим митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием [Вадковским] [g]¹¹¹. Вот

что он писал по настоящему делу бывшему обер-прокурору Святейшего Синода, покойному К.П. Победоносцеву:

„Во взгляде на наше церковное управление мы с Вами совершенно расходимся, но принципиальное разногласие не касается личных отношений.

Своих взглядов на этот предмет я никогда не скрывал и Вам самим открыто их высказывал еще в 1895 г. по делу о священнике Толстом, перешедшем в католичество. Тогда на личную почву Вы этого не перенесли, обиды в этом для себя не усмотрели и мне с свойственным Вам благородством никакой неприятности не сделали, хотя и могли по своему положению сделать.

С тех пор до 1903 г. мне никому официально по этому предмету говорить не приходилось. Но в 1903 г. по требованию государя я писал об этом предмете свой ему отзыв по поводу вышедшей тогда в свет брошюры Л. Тихомирова: „Запросы жизни и наше церковное управление”. Я выразил согласие с тезисами автора и закончил свой отзыв следующими строками: „Мне всегда казалось, что при усиливающемся развитии русского самосознания, само собою рано или поздно наступит время, когда общественное мнение вынуждено будет сказать, что стыдно и невозможно Руси Святой жить при таком ненормальном строе церковного управления. Когда настанет этот желанный час, нам не дано знать. Это знает только Всеведущий Бог. Но мы все должны молиться, чтобы Господь призрел с небеси милостию Своею на Свое достояние – Церковь Свою Православную и на Русь нашу Святую и Великую, судьбы которых, по воле Всемогущего Бога, вверены теперь заботам Вашего Величества”. Это я писал в марте 1903 г. Тогда же об этом предмете лично со мной беседовал почивший великий князь Сергей Александрович. Я ему сказал то же самое, что выше написано. От него видел сочувствие и выражение надежды, что мы доживем до переустройства церковного управления по каноническим началам. В мае месяце того же года покойный Плеве говорил мне, что у него был по сему делу разговор с государем, и что он – Плеве – имеет со мной говорить об этом особо. Поговорить об этом со мной он

так и не собрался, но из всего рассказанного у меня составилось убеждение, что Государь этим вопросом серьезно занят”. (Письмо митрополита датировано 22.03.1905 г.)

И что бывший царь Николай II в то время интересовался вопросом о реформе церковного управления, ясно свидетельствуют следующие факты.

В 1904 г. возник вопрос о распечатании собора на Рогожском кладбище. До Ведомства Православного Исповедания дошел слух, что Министерство Внутренних Дел готовит доклад по этому вопросу. Опасаясь, что такой доклад совершится без сношения с Ведомством и получит благоприятное разрешение, бывший обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев сделал по настоящему делу представление бывшему царю Николаю II, который от 23 сентября того же года ответил ему следующей запиской:

„Дело это по чрезвычайной важности своей не может быть решено единоличным представлением одного Министерства] Вн[утренних] Дел. С точки зрения политической этот вопрос следует обсудить в каком-либо совещании и, конечно, при участии Московского Ген[ерал]а Губернатора.

Но это еще не все.

По-моему, раз мы примемся за разбор одного из вопросов, касающихся раскольников, мы неминуемо должны коснуться и общего о них вопроса. В таком случае обсуждение такого исторического и государственного дела, как дело о расколе вообще, не может быть сделано помимо Церкви.

Тут сама собою возникает мысль о Всероссийском Церковном Соборе, мысль о котором давно уже таится в моей душе. Мне кажется, что только Собор может разрешить этот вопрос. Да и по многим другим вопросам церковной нашей жизни обсуждение их Поместными Соборами внесло бы мир и успокоение; притом правильным историческим путем в полном соответствии с преданиями нашей Православной Церкви”.

12 декабря 1904 г. и последовал указ об образовании совещания Министров и председателей Департаментов Государственного Совета по вопросу о мерах к улучшению государственного порядка.

В этом совещании был поставлен вопрос и о преобразовании управления Православной Церкви. В совещание Председателем Комитета Министров С. Ю. Витте был приглашен Преосвященный митрополит Антоний (Вадковский). Витте, внося в совещание вопрос о пересмотре положения в государстве нашей Православной Церкви, с приглашением к обсуждению его митрополита, ссылаясь, по словам митрополита, на полученное им от царя полномочие (письмо к Победоносцеву 4 апреля 1905 г.). Победоносцев утверждает, что Председатель Комитета Министров внес означенный вопрос в совещание без всякого уполномочия от бывшего царя, „по частному соглашению с первенствующим членом” Св. Синода (письмо Победоносцева к митрополиту 14 апреля 1905 г.).

13 марта 1905 г. бывшим тогда товарищем обер-прокурора Св. Синода В. К. Десятовским [Саблером. – *Сост.*], за болезнь Победоносцева, была представлена царю записка по настоящему делу следующего содержания:

„1. Вопрос о поставлении Православной Церкви в соответствующее Ее достоинству положение, ввиду применения начал широкой веротерпимости к инославным исповеданиям, старообрядцам и сектантам, возбуждаемый по почину вашего императорского величества, а не какого-либо иного лица, будет приветствуем православною Россиею, как новое проявление ваших непрестанных забот о славе Церкви Христовой и о благе дорогого отечества.

2. Мысли о созыве Собора, благоустроении прихода и упорядочении духовно-учебных заведений были неоднократно выражаемы Вашим Величеством. Необходимо, чтобы и осуществление этих царственных забот было начато по державному указанию вашего величества, а не иного лица.

3. Приведение в исполнение вышеизложенных и иных высочайших вашего величества повелений представлялось бы для блага Православной Церкви желательным возложить на Святейший Синод – законный орган, призванный к высшему в империи управлению церковными делами. Обсуждение и решение сих вопросов в некомпетентном учреждении – в

Совещании Министров и Председателей Департаментов Государственного Совета умалило бы авторитет Святейшего Синода и могло бы вызвать в церковной жизни крупные осложнения. Для разрешения церковных вопросов необходимо близкое знакомство с каноническим правом и церковным бытом. Записка о современном положении Православной Церкви выставляет одним из главных тезисов положение, что наше церковное управление со времен Петра Великого неканонично. Этот грозный приговор составителя официальной записки над высшим органом церковного управления доставит, конечно, великое торжество старообрядцам, ибо они постоянно утверждают, что не могут присоединиться к Церкви Православной, так как она сама имеет неканоническое управление.

4. Призыв вашего императорского величества Святейшему Синоду незамедлительно приступить к трудам по осуществлению вышеозначенных высочайших вашего величества предначертаний будет встречен Святейшим Синодом как выражение вашего доверия, и не сомневаюсь, что Ваша воля будет исполнена со тщанием, достойным дела, на пользу Святой Церкви предпринимаемого.

5. По сим соображениям было бы для блага Православной Церкви полезным изъять вопрос „о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви”¹¹² из ведения Совещания Министров и Председателей Департаментов Государственного Совета, тем более что на точном основании высочайшего указа, от 12 декабря 1904 года, вопрос этот не относится к числу дел, подлежащих обсуждению в особом Совещании”.

На сей записке бывшем царем в Царском Селе 13 марта 1905 года написано: „Изъять вопрос из Совещания и передать на рассмотрение Святейшего Синода” [h]¹¹³.

Извещенный о передаче вопроса о реформе церковного управления на обсуждение Св. Синода, митрополит Антоний (Вадковский) 14 марта 1905 г. писал К.П. Победоносцеву:

„Многоуважаемый Константин Петрович. По моему мнению Вы сделали хуже, чем как дело налаживалось само собою. В

Комитете вопрос вырастал органически из ранее поставленных вопросов религиозного порядка. Через Комитет само государство сказало бы, что оно снимает самим же им наложенные на церковную жизнь узы и предоставляет Церкви самой рассудить о способах устройства церковного управления по каноническим основаниям. Вот тогда бы и началась работа Синода по организации Поместного Собора для устройства церковных дел. Все было бы просто и естественно. Как пойдет дело теперь, не знаю, но думаю, что пойдет уже не так просто и естественно, как направились бы после Комитета. Храни Вас Господь. С совершенным к Вам почтением. Митрополит Антоний”.

Приступив к обсуждению церковной реформы, Св. Синод изготавил следующий доклад бывшему царю:

„Всепресветлейшему, державнейшему, великому Государю императору, самодержцу Всероссийскому, всеподданнейший доклад Синода.

В непрестанных царственных заботах о славе Церкви Христовой и о благе дорогого отечества ваше императорское величество высочайше соизволили, в 13 день марта сего года, передать на рассмотрение Святейшего Синода вопрос о постановлении Православной Церкви в соответствующее Ее достоинству положение, ввиду применения начал широкой веротерпимости к инославным исповеданиям, глаголемым старообрядцам и сектантам. На мысль о созыве Собора, благоустроении прихода и упорядочении духовно-учебных школ, как рассадников просвещения в духе Православной Церкви и воспитателей пастырей церковных, обращено было и в прежнее время внимание вашего императорского величества.

Всемиловитейший Государь. Выслушав с глубоким благоговением и сыновнею преданностью означенный державный призыв вашего величества, Святейший Синод полагает ныне же приступить к трудам по осуществлению высочайшей воли, дабы оправдать высокое доверие к нему монарха и исполнить монаршую волю с тщанием, достойным дела, на пользу Святой Церкви.

С молитвою к Царю Царствующим обсудив, на точном основании церковных канонов, величайшей важности вопрос о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви, Святейший Синод признает существенно необходимым пересмотреть нынешнее государственное положение Православной Церкви в России, ввиду изменившегося положения инославных исповеданий, глаголемых старообрядцев и сектантов, и преобразовать управление церковное, руководствуясь церковными канонами и историей церковного управления как в Российской, так и в других Поместных Церквях.

Основною формою высшего церковного управления, по каноническим правилам (1 Всел. Соб. пр. 5, Ант. 16), является Поместный Собор епископов области, с митрополитом или Патриархом во главе. Собор должен был состояться сначала два раза, а потом один раз в году. Ввиду, однако, затруднительности периодических ежегодных собраний всех епископов области, уже в период Вселенских Соборов, при областных кафедрах образовались постоянные Соборы или Синоды взамен прежних периодических Соборов. Соборы же всех епископов области составлялись только в особо важных случаях. Право созывать Соборы и председательствовать на них принадлежит митрополитам или Патриархам „и никому да не будет позволено составлять Соборы самим по себе, без тех епископов, коим вверены митрополии” (Ант. 20). Собрание епископов без митрополита или Патриарха не считается Собором законным и постановления его действительными (Ант. 16). Но и Патриарх или митрополит, управляющий церковною областью „ничего да не творит без рассуждения всех” (Ап. 34). Митрополитам или Патриархам предоставлены церковными канонами следующие права: 1) Митрополит созывает епископов на Соборы для обсуждения общих церковных дел в своей области и сам председательствует на них (Ант. 19 и 20; Халк. 19); 2) утверждает избираемых на вакантные епископские кафедры (1 Вс. 4 и 6; Ант. 19); 3) принимает жалобы на подчиненных епископов и назначает соборный суд над ними (Халк. 9; Ант. 14; Карф. 28); 4) обзореваает епархии подчиненных

епископов (Карф. 63) и 5) утверждает своим согласием все важнейшие распоряжения епископов области (Ап. 34; Ант. 9). Но в делах, касающихся целой области, митрополит не мог решать ничего единолично без согласия Собора областных епископов (Ап. 34; Ант. 9). Сам он был избираем, поставляем и судим Собором своих епископов (III Вс. 1; Сард. 6) и, как архиерей, в епархии подчиненного ему епископа не мог ни рукополагать, ни учить, ни совершать каких-либо архиерейских действий, разве только с согласия местного епископа (Корм. гл. 58).

Таким образом основной канонической формой управления тою или иною областью является Собор епископов во главе с митрополитом или Патриархом с вышеуказанными полномочиями.

Озабочиваясь устройением внутренней жизни Православной Российской Церкви на началах канонического соборного управления, при полной автономии Церкви во всех собственно церковных делах, и имея в виду господствующее положение Православной Церкви в Российском Государстве и положение оной среди других Поместных Церквей, Святейший Синод полагает: 1) В состав Синода ввести наряду с членами постоянными членом, вызываемых по очереди из иерархов Российской Церкви, и возглавить оный, чести ради Российского Государства, Патриархом со всеми каноническими полномочиями областного митрополита. 2) В первопрестольном граде Москве созвать волею вашего императорского величества Поместный Собор из всех епархиальных епископов Православной Российской Церкви или представителей оных для обсуждения следующих вопросов: о разделении России на церковные округа под управлением митрополитов, вызываемом необходимостью – передачи дел второстепенной важности из высшего управления в местные установления; о пересмотре законоположений о существующих органах епархиального управления и суда и преобразовании оных согласно с каноническими соборными началами; о благоустройении прихода в религиозно-нравственном, благотворительном и просветительном отношениях; об усовершенствовании духовно-учебных школ; о пересмотре законов, касающихся порядка приобретения

Церковью собственности; об епархиальных съездах духовенства; о предоставлении высшим представителям церковной иерархии права участвовать в заседаниях Государственного Совета и Комитета Министров по тем делам, которые касаются интересов Церкви; о предоставлении священникам права участвовать в местных городских, земских и сельских учреждениях.

Повергая сии соображения на всемилостивейшее благоусмотрение вашего императорского величества, Синод всеподданнейше испрашивает высочайшего соизволения на созвание в первопрестольном граде Москве волею вашего величества в благопотребное время Поместного Собора всех епархиальных епископов Православной Российской Церкви или представителей оных для устройства Синодального управления, избрания Всероссийского Патриарха и разрешения вышепоставленных и других вопросов, имеющих быть предварительно разработанными в Святейшем Синоде.

Вашего императорского величества всеподданнейшие

Антоний [Вадковский] митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

Владимир [Богоявленский] митрополит Московский и Коломенский.

Флавиан [Городецкий] митрополит Киевский и Галицкий.

Николай [Налимов] архиепископ Финляндский и Выборгский.

Антоний [Храповицкий] епископ Волынский и Житомирский.

Никон [Софийский] епископ Владимирский и Суздальский.

Климент [Берниковский] епископ Винницкий”.

Препроводив настоящий доклад Святейшего Синода к бывшему царю от 23 марта 1905 г., К. П. Победоносцев на случай его утверждения, приложил к нему следующий проект указа на имя Святейшего Синода:

„С сердечным сочувствием соизволяя на постановление Святейшего Синода о поставлении строя церковного управления в соответствии с применением к оному соборного начала, не оставляю в благопотребное по нынешним обстоятельствам время созвать для сего по древнему примеру

Православных императоров Поместный Собор Всероссийской Церкви. Между тем Святейший Синод озаботится разработкою правил и распоряжений, относящихся к сему великому делу.

Да ниспошлет на вас Духа Премудрости Сам Глава Святой Церкви Христос Господь”.

Доклад был задержан бывшим царем Николаем II до 31 марта. К. П. Победоносцев испытывал душевную тревогу.

В бумагах сохранились собственноручные черновики записок Победоносцева к бывшему царю, свидетельствующие об его душевных переживаниях, помеченные 25 и 30 марта.

а) 25 марта – „Верьте, ваше величество, слуге и деятелю 4 царствований, близко видевшему дела и людей, ныне уже доживающему последние дни своей жизни, верьте, что реформа церковная, изобретенная Виттом в согласии с митрополитом, грозит таким умножением народной смуты, какого нельзя было и предвидеть. Все газеты революционного направления ухватились за мысль, почуяв в ней новый источник смуты, и раздувают ее со всех сторон.

Между тем весть об этой реформе распространилась по всем углам России. Кроме небольшого кружка некоторых здешних священников, монахов, профессоров, возбуждающих митрополита, повсюду простые русские люди и все епархиальное духовенство, во множестве сельское и бедное, возмущены до глубины души и шлют отчаянные вопли, проклиная участников дела и называя их Гапонцами.

Они испытали и знают, что архиерейское управление почти всюду исполнено неправды, хищений и самовластия. Все видели себе прибежище и заступничество в обер-прокуроре, и теперь страшатся архиерейского всевластия.

Церкви и соединенным с нею учреждениям грозит разрушение – с ним поколеблется и вера. В течение 25 лет сколько создано благодетельных для Церкви и государства и воспитательных учреждений, и церковно-приходских, и учительских школ. Сколько в них воспиталось на деле людей дельных, честных, знающих работников. Если где, то здесь надобно искать зачатков истинной русской культуры, которая пропадает везде. И теперь лучшие из этих людей теряют дух и

собираются бежать от новых порядков. Новых не заведут и не воспитают наши архиереи. Зло готовится великое и великая в духовенстве смута”.

б) 30 марта – „Не могу умолчать пред вашим величеством о положении дела. С каждым днем возрастает смута, возбуждаемая предприятием митрополита, имеющим характер какого-то заговора, направленного против всего порядка церковного управления. Ощущают это и некоторые члены Синода, но под давлением митрополита подписали все постановления, представленные вашему величеству.

Между тем вся Православная Церковь, в составе белого духовенства и народа, объята ужасом и негодованием при мысли о возможности осуществления задуманного дела, и это нервное напряжение распространяется по всей России. В епархиях составляются общества для направления к вашему величеству ходатайств о защите Церкви в канонических Ее основах. В Москве составляется в сем смысле адрес целого кружка из дворян, священников, профессоров. Люди, издавна хранившие идею о Соборе Русской Церкви, и те приходят в ужас от мысли об открытии Собора в настоящее время и в том виде, как предлагает его Синод. Многие газеты, в начале безумно присоединившиеся к мысли, возбужденной иерархами, чувствуют уже ложь в постановке дела и переменяют тон из сочувствия на реакцию и критику. Все знают, что доклад Синода с 23 числа находится уже у вашего величества и с нервным возбуждением ожидают решения, спрашивая, неужели так и будет. Неужели царь утвердит доклад на разрушение церковного строя. Это нервное возбуждение отражается на всем – на пастырском служении в приходах, на продолжении уроков и экзаменов в духовно-учебных заведениях и церковно-приходских школах, на толках во всех слоях общества, питаемых чудовищными слухами и странными рассказами. Это состояние какой-то неврастении, продолжение коего становится для всех невыносимо.

Государь! Необходимо, чтобы решительное царское слово положило конец этому невыносимому состоянию, внесло успокоение в умы и ввело текущее церковное управление в

должные пределы по крайней мере на настоящее тяжелое время, переживаемое всею Россиею. Все чувствуют, что именно теперь созыв какого-то неопределенного Собора был бы делом безумной необдуманности и внес бы в народную жизнь величайшую и опаснейшую смуту, смуту церковную. Необходимо подтвердить, что это дело в настоящую минуту невозможное. Это могло бы быть выражено для всех высочайшей резолюцией на докладе Синода. „Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время, столь великое дело, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю себе, когда наступит благоприятное для сего время, по древним примерам Православной Церкви, дать сему важному делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления”.

31 марта доклад царем был возвращен, и на нем последовала такая резолюция:

„Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне тревожное время столь великое дело, требующее и спокойствия и обдуманности, каково созвание Поместного Собора. Предоставляю себе, когда наступит для сего время, по древним примерам Православных императоров, дать сему великому делу движение и созвать Собор Всероссийской Церкви для канонического обсуждения предметов веры и церковного управления”.

Одновременно с докладом о реформе церковного управления Святейшим Синодом был составлен адрес царю с выражением чувств признательности за оказанное доверие возложением на Синод рассмотрения вопроса о преобразовании церковного управления и с поднесением благословенной св. иконы. Адрес составлен в следующих выражениях:

„Благочестивейший Государь! Твои смиренные богомольцы, русские иерархи и священники, всегда возносящие молитву о здравии и спасении Боговенчанного царя и о непоколебимости его царства, усугубили свое моление о Тебе и о народе в нынешнюю тяжкую годину испытаний, когда нас теснят и

внешние враги и внутренние смуты. Година сия, сверх того, умножила твои царственные заботы преобразованиями разных отраслей управления, в коем ты, государь, благоизволил признать многое требующим исправления.

Нуждалось в пересмотре и управление церковное, но мы, представители его, не считали удобным говорить ныне о нуждах Св. Церкви, дабы не отягощать высочайшей власти, и без того обремененной множеством забот.

Но ты сам, благочестивейший государь, помимо нашего ходатайства, вспомнил о Церкви. Ты, первый из наших императоров, положил почин делу великому, вечному и святому, высочайше повелев Святейшему Синоду рассудить о том, какие преобразования требуются от нас каноническим строем Церкви и современными духовными нуждами Православного духовенства и паствы.

Да будет же благословенно Имя Твое, Государь, за Твои заботы об устройении церковном.

Церковь Божия бывает сильна и открывается во всей крепости своей тогда только, когда Она хранит все богопреданное Ей устройство, споспешествующее умножению добра на земле и вечному спасению людей. Она зиждется не на человеческих законах, но живет водительством Божественного Духа. Высшим проявлением Ее жизни служит взаимная любовь христиан, имеющая своим необходимым выражением Соборы Вселенские и Поместные, среди которых невидимо присутствует Христос по Своему неложному обетованию. В восстановлении такого соборного начала, теперь не действующего, заключается насущная нужда Российской Церкви, ибо в нем Ее творческая сила и высшее нравственное достоинство, а управляющие Поместными Церквями Патриархи и митрополиты, мысля себя слугами всех по глаголу Божию, стараются о том, чтобы обычное течение церковной жизни продолжалось в строгом согласии с соборными постановлениями.

Ты, всемилостивейший Государь, благосклонно взираешь на восстановление всей истинной красоты церковной жизни, в которой открывается миру Господь Иисус Христос, и Святейший Синод приложит все усилия к тому, чтобы представить

разработку потребных для сего условий, заботясь не о себе, а о славе Божией и о спасении Твоего народа. Вашего императорского величества всепреданнейшие слуги и богомольцы:

Антоний митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

Владимир митрополит Московский и Коломенский.

Флавиан митрополит Киевский и Галицкий.

Николай архиепископ Финляндский и Выборгский.

Антоний епископ Волынский и Житомирский.

Никон епископ Владимирский и Суздальский.

Климент епископ Винницкий”.

Предварительно представления адреса и иконы, К.П. Победоносцев от 23 марта 1905 г. писал бывшему царю: „Члены Св. Синода просят дозволения представиться вашему величеству с выражением во всеподданнейшем Адресе чувств признательности за высокое доверие, явленное возложением на Синод рассмотрения вопроса о преобразовании церковного управления, и при сем благословить ваше величество св. иконою. Если соизволите принять их, благоволите назначить для сего время”.

В записку был вложен следующий вкладной лист, написанный Победоносцевым: „Ныне в Св. Синоде присутствуют: 1. Митрополит Санкт-Петербургский Антоний. 2. Митрополит Московский Владимир. 3. Митрополит Киевский Флавиан. 4. Архиепископ Финляндский Николай. 5. Епископ Волынский Антоний. 6. Епископ Владимирский Никон. 7. Епископ Винницкий Климент”.

Записка была возвращена, одновременно с вышеупомянутым докладом Св. Синода, 30 марта с собственноручною пометкою бывшего царя: „Прошу отклонить. Может быть, я приму на днях митрополита Антония [Вадковского]”.

4 мая того же года митрополит Антоний (Вадковский) писал Победоносцеву: „Долгом поставляю Вас уведомить, что государь император, вследствие моей просьбы, назначил мне полученным сейчас письмом явиться к нему завтра в 12 ч. дня”.

12 мая 1905 г. адрес был представлен царю и на нем последовала следующая резолюция: „Искренно благодарю Святейший Синод за благословение иконою и за выраженные чувства”.

Вопрос о времени созыва Собора оставался закрытым до назначения на должность обер-прокурора Св. Синода В.К. Десятовского. Глубоко сочувствуя делу обновления церковной жизни на канонических основаниях, Десятовский в 1912 г., под влиянием постоянных напоминаний Государственной Думы и особенно настояний председателя, Комиссии Государственной Думы по делам Православной Церкви В.Н. Львова, вновь поднял вопрос о созыве Собора. Им заготовлен был уже и проект указа Св. Правительствующему Синоду. Текст его составлен доктором церковной истории С.Г. Рункевичем (ныне помощником Управляющего Синодальною Канцеляриею). Текст этот следующий:

„В постоянных душевных заботах о благе Православной Церкви Мы с утешением восприняли в 1905 году предположения церковной власти о созвании чрезвычайного Поместного Собора Всероссийской Церкви и дали соизволение наше на учреждение при Святейшем Синоде Особого Присутствия для разработки и приготовления вопросов, подлежащих рассмотрению на Соборе.

Дважды созванное в 1906 году Особое Присутствие, обсудив предметы, подлежащие соборному решению, выработало правила созвания Собора, которые были представлены нам в 1907 году Святейшим Синодом и были нами утверждены.

Тяжелые обстоятельства государственной жизни того времени препятствовали созванию Собора.

Ныне, по представлению Святейшего Синода, нами утверждено при Синоде Предсоборное Совещание для ближайших приуготовительных к Собору действий.

Призывая всесильную помощь Вседержителя мира и Царя Царствующих Господа, мы признаем ныне благовременным определить созвание Собора на...¹¹⁴ и поручаем Святейшему Синоду сделать к сему надлежащие, в соответствии с

утвержденными нами правилами и в согласии с церковными канонами, распоряжения.

Дух Божий, всегда пребывающий в Церкви, да осенит верноподданных наших чад Ее в предстоящем великом церковном деле благодатию мира и любви и да направит его к утверждению в земле нашей веры и доброй жизни, во славу Бога, во Святой Троице славимого, Ему же да будет слава и поклонение во веки”.

Но попытка Десятовского потерпела неудачу. 2 марта 1912 г. он получил от бывшего царя записку: „Владимир Карлович, обдумав то, о чем мы с вами говорили утром, я пришел к окончательному заключению о невозможности предreshения сейчас срока созыва Поместного Собора. Поэтому прошу вас вовсе не касаться этого вопроса ни с Коковцевым, ни с Макаровым”.

Вопрос о церковной реформе, вылившийся в вышеприведенный доклад Св. Синода, обсуждался последним в его заседаниях 15–18 марта 1905 года в отсутствие К.П. Победоносцева, который по болезни не выходил из квартиры. Выступление Св. Синода было понято Победоносцевым как интрига против него и истолковано как „властное стремление присвоить себе мнимую свободу”, способное принести с собою великие и неисчислимые беды Церкви и государству. Все это вызвало между ним, митрополитом Антонием [Вадковским] и иерархами, подписавшими доклад, охлаждение и недоверие. Отражение этих чувств звучит и в некоторых приведенных выше документах. Но доброе и истинно христианское сердце покойного митрополита Антония не могло долго выносить натянутых отношений. Выражение этого настроения нашло место в следующих редко сердечных и задушевных строках его письма к Победоносцеву от 15 апреля 1905 г. [i]¹¹⁵

„После вечерни нашел вашу конфиденциальную записку и прочитал ее с истинным умилением. Спасибо вам за вашу искренность и сердечность. Теперь так тяжело живется, такими ужасными вещами страшат, что трудно даже теперешними чудными церковными службами устроить мир души. А тут еще это несчастное недоразумение. Я не выношу натянутых

отношений с людьми, и они бесконечно меня давят. Вы сказали мне несколько укоров и не скажу, чтобы они были несправедливы. Не любим мы вообще укоров, но ваши укоры меня как-то умирили. Одно скажу, что камней я за пазухой не носил и только тоже мечтал, чтобы между нами было как можно больше искренности и правды. И теперь – думается мне – надо, чтобы между нами было как можно меньше посредников. Как я ни осторожен всегда с ними бывал, но и эта осторожность вредна. Она налагает путы на свободный дух.

Благослови и храни вас Господь.

Христос Воскресе". Я.» [j]¹¹⁶

Итак, как вытекает из вышеизложенного, в преддверии нашей эпохи, «идея патриаршества [...] упраздненная при сыне Алексея, Петре I, сделалась в недрах Православной Церкви чем-то вроде лозунга независимости церковной власти от ига самодержавной власти. [...]

В царствование последнего царя идея восстановления патриаршества считалась политически неблагонадежной» (*Криницкий Марк. В.И. Белавин (Патриарх Тихон): (Политический некролог) // Известия ВЦИК. 1922. №121(1560). 2 июля. С. 2).*

Да и может ли для верующего сознания Патриаршество быть не «прогрессивным», не передовым, не вечно свежим и необходимым как воздух в Церкви Православной, если оно, как верим и знаем, является непосредственным продолжением апостольства, ниспосланного и утвержденного огненными языками Пятидесятницы?!

Может ли – при этом условии – оно быть излишним или ненужным попечением суетных людей в Церкви земной, когда и небесная, торжествующая Церковь (хоть некоторые на это не обращают особенного внимания) возглавлена Вечным Патриархом («Великим Архиереем») Господом Нашим Иисусом Христом, а не «Святейшим Синодом», хотя бы и из святых апостолов?

Посему, да умолкнут, наконец, все старые и новые нечестивцы и церковные интриганы всех мастей, покушающиеся под видом блага церковного, расшатать один из основных

устоев русского Православия. О таковых нам предусмотрительно сказано в наизидание, что они приходят «в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» и: «по плодам их узнаете их» (Мф.7:15–16).

И – узнали! Хотя это и дорого обошлось.

Последнему царю из дома Романовых было, однако, даровано перед гибелью и его самого, и русского царизма в целом, несколько искупить великий грех самодержавия пред Церковью. Подземный (пока что) гул 1905 года и общая политическая и церковная ситуация в стране навели его на благую мысль и о Церкви: 17 декабря 1905 года он принимает в Царском Селе трех митрополитов – Первенствующего, Санкт-Петербургского и Ладожского Антония [Вадковского], Московского и Коломенского Владимира [Богоявленского] и Киевского и Галицкого Флавиана [Городецкого], для преподания непосредственных указаний к предстоящему созыву Поместного Собора Православной Российской Церкви.

А вскоре после того последовало соизволение его на открытие «Высочайше утвержденного Особого (Предсоборного) Присутствия» при Святейшем Синоде для предварительного выяснения и обсуждения вопросов, подлежащих вниманию будущего («когда-нибудь»...) Поместного Собора.

В качестве меры предварительного накопления материала для работы предстоящего Предсоборного Присутствия, 27.06.1905 г. всем епархиальным архиереям рассылается Синодальный запрос о желательных, по их мнению, преобразованиях в Церкви.

«Запрос этот всколыхнул церковную жизнь на местах, проникнув в среду духовенства и церковного общества» [к]¹¹⁷.

Таким образом, пресловутые записки С.Ю. Витге и митрополита Антония [Банковского], о которых шла речь выше, поданные на рассмотрение Кабинета Министров, хотя и не дали тогда прямого и осязаемого результата, однако сделали свое великое дело: слово «Патриаршество» было произнесено вслух и официально; реакция на него со стороны общественного мнения оказалась поразительной и неожиданной. Что-то как бы сдерживаемое вдруг вырвалось наружу и стало у всех и в

мыслях, и на устах. В печати и разных «кулуарах» поднялась острая и жгучая полемика «прогрессивных» (т. е. передовых! – подчеркиваем это обстоятельство в назидание нашим, не переведшимся еще, обновленчеству с синодалам) церковных деятелей и профессоров с прикрывающимися «обновленческими» лозунгами церковными леваками-демагогами, одержимыми более «социальным пафосом» и конспиративными заботами совершенно нецерковного характера, чем идеями о благе Церкви и ревностью об устройении Ее канонического правопорядка.

В результате появляется огромное количество статей, заметок и исследований данного вопроса самого различного направления.

И – неудивительно: после двухсотлетней прострации, на фоне всемертвящей казенной синодальщины, Патриаршество – в 1905 году – прозвучало как, безусловно, прогрессивная и новая, хотя и давно ожидавшаяся, светлая и чистая церковно-национальная мечта, каковой она и была в самом деле.

Созванное Предсоборное Присутствие в конечном счете сыграло громадную роль в деле дальнейшего церковного строительства. В процессе своей работы оно было обставлено со всей возможной тщательностью и добросовестностью.

14 января 1906 года выносится синодальное определение об учреждении Особого Присутствия при Святейшем Правительствующем Синоде, под председательством митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского), для систематизации и рассмотрения вопросов, подлежащих обсуждению и решению предстоящего Поместного Собора Православной Российской Церкви, а 16 того же месяца состоялось высочайшее повеление об открытии работ этого Присутствия.

В среду 8 марта 1906 года Первенствующий член Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний, в помещении Святейшего Правительствующего Синода, открывает работу «Особого Предсоборного Присутствия 1906 года». В состав Присутствия вошли по назначению все три митрополита, четыре

архиепископа, три епископа, обер-прокурор и его товарищ и до двадцати других членов из среды богословов-специалистов и некоторых видных церковно-общественных деятелей.

Конкретно «в Предсоборном Присутствии [...] приняли участие: председатель – митр[ополит] Антоний [Вадковский]; члены: митрополит Владимир [Богоявленский] Московский, митрополит Флавиан [Городецкий] Киевский, архиепископы: Димитрий [Ковальницкий] Херсонский, Никандр [Молчанов] Литовский, Иаков [Пятницкий] Ярославский, Сергей [Страгородский] Финляндский; епископы: Антоний [Храповицкий] Волынский, [...] Арсений [Стадницкий] Псковский, Стефан [Архангельский] Могилевский; обер-прокурору и его товарищу было предоставлено также участие в Присутствии. Далее в состав его были приглашены целый ряд лиц – профессора, историки и канонисты, – некоторые из них из белого духовенства. Кроме того, по докладу митрополита Антония (Вадковского) в Присутствие были приглашены – генерал А. Киреев, князь Е. Н. Трубецкой, Д. Самарин, Д. Хомяков, Н. Аксаков, А. Папков, известные по своей «приверженности к Православной Церкви» и могущие принести «существенную пользу», далее – Лев Тихомиров, присяжный поверенный Н. Кузнецов, игравший потом большую роль в Предсоборном Присутствии как противник Патриаршества и несколько еще профессоров и лиц белого духовенства из провинции, близко знакомых с нуждами церковно-приходской жизни.

Деятельность Предсоборного Присутствия была разделена на семь отделов. Первый – председатель архиепископ Димитрий (Ковальницкий) – о составе Поместного Собора, порядке рассмотрения и решения дел на Соборе, о преобразовании центрального церковного управления; второй – председатель архиепископ Никандр (Молчанов) – о разделении России на митрополичьи округа и о преобразовании местного церковного управления; третий – председатель архиепископ Иаков (Пятницкий) – об организации церковного суда и пересмотре законов о браках; четвертый – председатель архиепископ Стефан (Архангельский) – о благоустройении приходской жизни и о церковной школе и общественной

деятельности священнослужителей; пятый – председатель епископ Арсений (Стадницкий) – о духовно-учебных заведениях и их преобразовании; шестой – председатель архиепископ Антоний (Храповицкий) – по делам веры: о единоверии, старообрядчестве и др.; седьмой – председатель архиепископ Сергей (Страгородский) – о мерах к ограждению Православной веры и христианского благочестия от неправых учений и толкований ввиду укрепления начал веротерпимости в России» (Смолич И. Предсоборное присутствие 1906 года (К 25-летию церковной реформы в России) // Путь. 1933. №38 (май). С. 69–70).

Первый отдел Предсоборного Присутствия занимался разрешением самого «главнейшего вопроса предполагаемой реформы: о созыве Поместного Собора и восстановлении Патриаршества» (там же. С. 71).

«Вопрос об участии клира и мирян» в работах ожидаемого Собора «вызвал горячие споры в Присутствии. Само духовенство и церковное общество очень интересовались им [...] среди епископата, участвовавшего в Предсоборном Присутствии, было очень сильное течение к недопущению, полному или частичному, клириков и мирян к работе Поместного Собора. Наметились три точки зрения. Одна – категорическая, требовавшая вообще недопущения клира и мирян в состав Собора; ее представляли архиепископ Антоний (Храповицкий) Волынский и епископ Лаврентий (Некрасов) Тульский (последний в отзыве на «Запрос» Св. Синода). Другая точка зрения, отстаиваемая архиепископом Сергием (Страгородским) Финляндским в его статьях и «отзыве», считала возможным предоставить клирикам и мирянам только совещательный голос, что в конечном итоге, оставляя последнее решение за епископатом, практически мало отличалось от предыдущей. Обе точки зрения опирались на букву канонов и свидетельств церковных историков, где говорится о решающем значении голоса епископата. Третья точка зрения, руководствуясь практикой церковной во II и III столетиях, а также и авторитетом Апостольского Собора указывала на необходимость привлечь и клир, и мирян к работе в Поместном Соборе с правом

решающего голоса. Сторонниками ее было белое духовенство и представители церковного общества. Особенно отстаивал эту точку зрения Н. Д. Кузнецов в своих многочисленных речах и особых мнениях. Большинство канонистов и профессуры поддерживали эту же точку зрения» (там же. С. 72).

«Присутствие признало, что Поместный Собор Всероссийской Церкви должен созываться не реже, чем один раз в десять лет. Сей Поместный Собор является высшей властью и обладает полнотой судебной, административной и законодательной власти в Русской Церкви. В промежуток между созывами Соборов его действующим и полномочным органом является Св. Синод. Присутствие признало, что Синод должен состоять только из епископов, числом 12 и Председателя; последний постоянный, а епископы на одну треть постоянные, остальные же сменяющиеся.

Кому же быть Предстоятелем Русской Церкви в Ее повседневной жизни? Таковым должен быть Патриарх. Вопрос о Патриаршестве встречал сочувственное отношение русского епископата. Просматривая отзывы епархиальных архиереев, мы видим только один отрицательный по этому вопросу ответ, принадлежащий епископу Туркестанскому. Главным сторонником восстановления Патриаршества был архиепископ Антоний (Храповицкий) Волынский, доказывающий необходимость этого даже до созыва Поместного Собора. Менее сочувственное отношение находим мы у светских богословов, канонистов и представителей клира. Не надо забывать, что это было время слишком большой популярности среди общества идей представительного строя. Государственное единовластие встречало отрицательное отношение. Восстановление единоличной власти Патриарха, хотя бы и контролируемого периодическими Поместными Соборами, пугало многих. Приводились даже, правда необоснованные, доводы, что Патриаршество противоречит идее соборности [главная песня всех обновленцев! – *Сост.*]. Та же интеллигенция, которая возмущалась порядками синодального периода, теперь стремилась к «соборности» управления, подходя с светской, политиканствующей точки

зрения. Главным представителем антипатриаршей стороны был Н. Д. Кузнецов, присяжный поверенный Московской Судебной Палаты, игравший большую роль в Предсоборном Присутствии^[1]¹¹⁸.

Необходимо отметить, что среди сторонников восстановления Патриаршества последнее понималось различно. Так, архиепископ Антоний (Храповицкий) стоял на точке зрения более неограниченной власти Патриарха, тогда как другие (например, проф. Заозерский, проф. Остроумов и др.), признавали полную его подчиненность периодически созываемым Поместным Соборам, от лица которых Патриарх управляет и представляет Церковь. Предсоборное Присутствие склонилось ко второй точке зрения. Также сложным являлся вопрос об отношениях предстоятеля Русской Церкви к верховной власти [гражданской. – *Сост.*]. При самодержавном строе отношения эти были более ясными и понимались как непосредственные. Между тем с 1906 года верховная власть должна была действовать при помощи Государственного Совета и Государственной Думы. Сноситься через последних с верховной властью для Патриарха едва ли было удобно и практически, и с точки зрения достоинства Православной Церкви. Предсоборное Присутствие после обсуждения формулировало эти отношения следующим образом: „Православная Церковь в своих внутренних делах управляется свободно своими учреждениями“. Для основных законов Российской империи предлагалась следующая редакция 65 статьи: „В отношении Православной Церкви самодержавная власть действует в согласии с признанным ею Всероссийским Церковным Собором, постоянным Св. Синодом и Предстоятелем Православной Российской Церкви – Патриархом“. Необходимо отметить, что эти важные вопросы не были детально выяснены на Предсоборном Присутствии» (там же. С. 73–74).

Год напряженной и плодотворной работы Присутствия оставил несколько объемистых, своевременно опубликованных, томов «Трудов», в которых с чрезвычайной добросовестностью и даже скрупулезностью рассмотрены все те болезненные

вопросы минувшей церковной жизни, уврачевать кои предстояло грядущему Поместному Собору. Весь строй и быт нашей Церкви подверглись, таким образом, тщательному процеживанию и основательному рассмотрению; все мало-мальски сомнительное по своей добротности и целесообразности особенно тщательно анализировалось, взвешивалось и затем подготавливалось окончательному вниманию Собора.

15 декабря 1906 года последовало прекращение работ «Особого Предсоборного Присутствия 1906 года».

А спустя четыре месяца с небольшим, 25 апреля 1907 года состоялось высочайшее утверждение предложений «Особого Предсоборного Присутствия 1906 года» о желательных церковных реформах.

Созыв Поместного Собора Православной Российской Церкви из-за «тревожного времени» признается, однако, пока несвоевременным.

Как впоследствии расписывали в своих «атеистических» опусах наши так называемые «безбожники», в борьбе С. Ю. Витте, митрополита Антония (Вадковского) и их единомышленников за Патриаршество и соборность в Церкви «победила линия Победоносцева, и единственным результатом перепалки царских сатрапов было учреждение еще одного бюрократического органа – „Предсоборного Присутствия“. Реакционные, монархические, славянофильские идеи, разрабатывавшиеся в недрах этого органа, были использованы для „обоснования“ контрреволюционных позиций Поместного Собора, который так и не собрался при царизме...

Монархически-клерикальная линия Витте-Антония (Вадковского) отстаивалась всеми буржуазными партиями. Только черносотенцы вслед за Победоносцевым настаивали на сохранении дореволюционного положения в церковных [...] вопросах» (*Персиц М. М.* Отделение Церкви от государства. С. 99).

Следует совершенно особенно отметить это, весьма ценное признание автора-безбожника, подтверждающее, что линия

соборян-патриархистов являлась концепцией диаметрально противоположной черносотенству.

Признание – чрезвычайной ценности.

Современному читателю, вполне привыкшему к эзоповскому языку атеистических мракобесов вполне, конечно, понятно, что по «редакционным» соображениям автор не мог назвать должным именем направление соборян-патриархистов и обозначил его «политическим» термином: «монархически-клерикальная линия». Но и этого уже очень достаточно.

Возвращаясь к Предсоборному Присутствию, остается отметить лишь, что не в практической или деловой, так сказать, технической работе заключалось главное значение и заслуга этого высокого собрания.

Его значение полностью вскрылось лишь значительное время спустя и состояло оно в том, что –

оно пробудило чрезвычайный интерес и заостренное внимание (дотоле дремавшее) предреволюционного русского общества к Церкви, к вопросам веры, заставив многих Ее членов пересмотреть свое прохладное к Ней отношение; оно еще более активизировало и без того обильную религиозно-философскую мысль интеллигентных церковных кругов, как в столицах, так и на периферии;

оно значительно усилило и направило внимание широких кругов верующего населения ко всему внешнему церковному обнаружению, со всей его глубиной и многообразной красотой, повысило вкус и тягу к отечественной церковной старине, ее искусству, истории и быту;

оно, наконец (что особенно важно), выявило всю остроту положительной и отрицательной реакции общественных кругов на весь вообще цикл вопросов, относящихся как к высшим и лучшим церковным проявлениям, так равно и к явлениям обратного порядка: церковной «казенщине», клерикализму, «попам» и т. д., показав действительную, реальную степень мощи и концентрации противцерковных сил и – одновременно – заставило уже полным голосом залаять всех тех барбосов и шавок, которые доселе лишь злобно шипели и ощеряясь

тягали не только из-под светских либеральных подворотен, но нередко и из церковных тайников и подполий...

Предсоборное Присутствие, наконец, самую свою деятельность выявило церковные «про и контра» в своей же собственной, внутренней среде, и это также едва ли не одно из самых существенных значений его работы, т. к. помогло осознанию Церковью качества своих идейных ресурсов (а также сил своих недругов и защитников), с которыми Она так стремительно приближалась к своему большому соборному «завтра».

Впоследствии обнаружилось и еще одно, чисто историческое, значение Предсоборного Присутствия: оно подвело итог тяжелому 200-летнему периоду жизни нашей Церкви и вдохнуло бодрую надежду на близость и неизбежность успешного переустройства церковного бытия на канонических началах; оно явилось предварительной (пока что) границей между совершенно различными эпохами в жизни нашей Церкви.

И если в гражданском плане 1905 год исторически трактуется как генеральная репетиция революции, то в плане церковном он с не меньшим правом должен быть отмечен как год генеральной репетиции Великого Поместного Собора 1917–1918 гг., давшего новые силы и новое сияние нашей Святой Церкви!

И будущая замечательная слаженность и плодотворность соборной работы; ее одухотворенность и оперативность в значительной степени были предрешены и обеспечены тщанием Предсоборного Присутствия 1906 года.

6. Ближайший предсоборный период (1906–1917гг.)

Преждевременное и, во всяком случае, несколько неожиданное закрытие работ Предсоборного Присутствия, вызванное предсмертной конвульсивностью самодержавия, впрочем, не отразилось как-либо отрицательно на дальнейшем ходе церковной жизни, в самом течении которой уже интуитивно чувствовалось неминуемое приближение соборной весны. Эффект, произведенный пробуждением и объединением церковных сил, был совершенно очевиден, и весь дальнейший, одиннадцатилетний предсоборный отрезок времени (1906–1917

гг.) прошел в напряженном и творческом чаянии «движения воды», выдвигая попутно все новые и новые насущные вопросы на гласный суд и обсуждение церковного и нецерковного общества. Подобная, совершенно открытая и широкая полемика принесла огромную пользу Церкви, хлестко тренируя Ее живые, дотоле скованные силы к предстоящей борьбе с внутренними и внешними врагами, которых впоследствии выявилось и оказалось неизмеримо больше, чем это можно было предполагать и ожидать первоначально; подготавливая Ее к той тяжелой, но светлой и героической эпохе, оказавшейся – увы! – не за горами...

Наиболее чуткие и дальнорзоркие церковные деятели, впрочем, нисколько не склонны были утешать себя радужными иллюзиями относительно будущего, справедливо предвидя из слагавшегося соотношения общественных сил в стране и, главным образом, из общего характера их направленности – немалые горести и трудности для Церкви в будущем. Так, например, в предчувствии (с лихвой далее оправдавшемся) этой тяжкой, но очистительной поры, тогдашний архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский), в одной из многочисленных своих церковно-публицистических статей, писал следующие, пророчески-знаменательные слова:

«После столетий мирного пребывания под защитой закона, за крепкой стеной государственной охраны, наша Церковь выходит теперь беззащитная, не прикрытая никем, прямо на поле брани под удары врагов... Христиане первых веков знали, что царство зла открыто и нагло восстанет на царство Божие и будет воевать на Церковь Христову, что многие не выдержат этого огненного искушения и погибнут в водовороте соблазна. Зная все это, христиане первых веков отнюдь не содрогались перед грядущими ужасами... Так же радостно и бодро, с такою же уверенностью в победе и с такою же готовностью принести Христу и Его Церкви все свои силы и способности должны ожидать и сыны Православной Русской Церкви грядущее на Нее испытание [...]

В дальнейшем потребуют от нас уже не красных фраз и не заученных силлогизмов, не пестрого наряда показной учености,

от нас потребуют духа и жизни, потребуют веры [...] настоящей православной учености, настоящего познания христианства, потребуют, чтобы мы писали не чернилами, да еще заимствованными, быть может, из чужих чернильниц, а кровью из нашей собственной груди...» [разрядка наша. – *Сост.*] (Патриарх Сергей и его духовное наследство. С. 29–30).

Как теперь всем прекрасно ведомо, будущая, послереволюционная церковная жизнь сложилась в точном соответствии со сказанным и даже в еще более жесткой «редакции»...

Впрочем, несмотря ни на какие тревоги и волнения, в течение всего этого ближайшего к Собору периода времени, непрерывно «продолжалась углубленная и неторопливая разработка данных иерархической самокритики Русской Церкви 1906 года. Высококвалифицированными коллегиями ученых богословов и церковных мыслителей, специально для того созывавшихся, в 1906–1912 гг., под титулом „Предсоборного Присутствия” и „Предсоборного Соповещения”, все дефекты существовавшего церковного строя были вскрыты, как при добросовестном диагнозе, с безжалостной обнаженностью. Высокопросвещенная критика, руководимая во многих случаях весьма консервативным церковным настроением, оценивала действительность не только по мерке идеальных церковных начал, но и по мерке их воплощения в минувший период древней Русской Церкви киевского и московского периодов» (Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С. 315).

Отметим здесь кстати же, что и вообще весь обнаружившийся «просветительно богословский подъем сил Русской Церкви [...] возрос» в связи с одним, до сего времени не отмеченным, чрезвычайно «оригинальным культурным явлением. И последнее раз навсегда стало отличительной чертой русской общей и церковной культуры. Мы разумеем выдающееся участие в богословском творчестве русских мирянских сил. Ни в одной из Православных Церквей нет такого количества и высокого качества светских богословов, как в России. Речь идет не о профессионалах-профессорах духовных академий, а о представителях светской культуры, ставших

творцами в области православного богословия и религиозной философии. Это славянофилы – Хомяков, братья Аксаковы, западник Владимир Соловьев и следовавшая за ним синтетическая школа братьев Трубецких и новейших наших современников. Параллельно с этим должна быть поставлена и религиозно-православная стихия в русской литературе, ставшей всемирной. Это христианское дыхание нашей литературы на весь мир есть прямое детище тысячелетнего воспитательного воздействия Русской Церкви. Вслед за литературой мир увидел Православное излучение и в русском художественном творчестве. Не говоря уже о специфическом, в некоторых отношениях вершинном, достижении русской иконописи, и по всей линии художественного творчества: в музыке, в архитектуре, в культе и культуре вообще Русская Церковь выявила столько творческих ценностей, что Ее первенствующая роль в хоре Православных Церквей едва ли может подлежать сомнению.

В новое время Русская Церковь стала предметом особого внимания со стороны начавшегося на западе искания вселенского объединения» (там же. С. 319).

Но возвращаемся к теме.

Незадолго до революции был момент, когда пропатриархистские надежды и упования достигли было своей кульминации и приобрели характер особо острого, болезненного ожидания своего свершения...

В иерархических и церковно-общественных кругах, связанных с предсоборными течениями, распространяется версия о том, что в 1913 году, по случаю празднования 300-летнего юбилея царствования дома Романовых, Церкви нашей «будет предоставлено созвать Собор или, по крайней мере, учреждено будет Патриаршество... (Титлинов Б. В., проф. Церковь во время революции. С. 37).

Другой источник оповещал: «Вопрос о Патриаршестве, по слухам, уже решен в благоприятном смысле, и назначение [! – *Сост.*] Патриарха последует до предстоящего празднования трехсотлетия воцарения дома Романовых. Что касается церковного Собора, то созыв его последует после избрания

Патриарха, причем Собор будет не только епископальный, но и при участии клириков и мирян; но последние две группы будут иметь только совещательный голос, епископы же решающий» (Из текущей жизни // Русский Паломник. 1912. №20. С. 304).

Как оказалось впоследствии, все это являлось чистой водой болтовней, в лучшем случае отображавшей лишь степень перенапряженности ожидания церковных сдвигов. Но дело улаживания пути грядущему Собору между тем по-своему и не спеша делалось, невзирая на многочисленные препоны...

28 февраля 1912 года в Петербурге, при Святейшем Синоде, учреждается постоянное, впредь до созыва Собора, Предсоборное Совещание, под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского), а 8 марта происходит его первое деловое заседание.

«Предначертано возглавить Русскую Православную Церковь Патриархом, Совещание предположило центральным учреждением церковного управления иметь Священный Синод, состоящий из нескольких постоянных членов (епископов), временно вызываемых из епархий. Дела в Синоде решаются под председательством Патриарха» (Иноепархиальные сведения: Предсоборное Совещание // Ярославские епархиальные ведомости. 1912. №29. С. 576).

Русский Патриархат предполагается разделить на митрополичьи округа.

25 октября 1912 г., в Петербурге, совещание придворного духовенства, между прочим, «по вопросу о Патриархе [...] пришло к заключению, что во главе Русской Церкви должен стоять иерарх столицы, который должен председательствовать на Соборах и в Св. Синоде. Он имеет право личного доклада государю по делам Церкви и ходатайствовать пред ним как покровителем Церкви о неотложных Ее нуждах» и проч. (там же).

Так, «идея Патриаршества вынашивалась лучшими передовыми людьми нашего русского церковного общества» (Сергий Ларин, епископ. Обновленческий раскол. [„Обновленческий” раскол. С. 175]).

Один из ведущих деятелей в области восстановления Патриаршества, архиепископ Волынский и Житомирский (тогда) Антоний (Храповицкий), выступая на одном из заседаний Предсоборного Присутствия, вспоминая в своей речи детство, между прочим, говорил:

«С любознательностью узнавал я все, доступное мне о жизни святых, о священных церковных чинопоследованиях и о высших церковных санах – епископа, архиепископа, митрополита. „А у восточных, не русских христиан, есть еще Святейшие Патриархи“, – разъясняли мне старшие. „Отчего же их нет у нас?“ – „Были прежде, но упразднены царем Петром первым“. – „Для чего?“. На этот вопрос следовали попытки разъяснений крайне неопределенных, в которых и тогда мне чужалась неправда...» (Рклицкий Н. Блаженнейший Антоний. С. V).

Самое излюбленное свое дело о восстановлении Патриаршества в России Владыка [Антоний Храповицкий. – Сост.] постоянно пропагандировал в своих проповедях, лекциях и статьях, но особенно много он приложил труда в живом показательном примере, организовав торжественный прием прибывшего в Петербург Антиохийского Патриарха Григория [Аль-Хаддада]. Выражая свои личные чувства к Восточному Патриарху, а также задавшись целью вызвать в русском обществе желание иметь своего Патриарха, Владыка, при содействии своего друга, архиепископа Финляндского Сергия [Страгородского] и обер-прокурора Св. Синода [В. К. Саблера-Десятовского. – Сост.], устроил торжественное патриаршее служение в Исаакиевском и Казанском соборах, причем вполне достиг своей цели. После богослужения русские люди толпами подходили к Патриарху, поклоняясь ему до земли и глубоко были растроганы виденным ими церковным величием» (там же).

«В 1913 году Патриарх Антиохийский Григорий IV [Аль-Хаддад] совершил путешествие в Россию. В то время русское церковное общество волновали вопросы церковной реформы до восстановления Патриаршества включительно. Патриарх Григорий отнесся сочувственно к желанию Русской Церкви

иметь в Москве Патриаршую кафедру. Одобрение намечавшихся в России церковных преобразований со стороны Первоиерарха одной из древнейших Православных Церквей Востока оказало немалое влияние на весь дальнейший ход русской церковной жизни» (Иванов А., проф. Русская Православная Церковь и Православный Восток // ЖМП. 1956. №7. С. 59).

Или, как еще читаем в другом месте: приезд в Россию Антиохийского Патриарха «был воспринят Русской Церковью не только как знак братской любви Антиохийской Церкви, но и как предвестие восстановления Патриаршества в России, что было вожделенным чаянием всех церковных людей того времени» (Казем-Бек Л., Теплов В. Первосвятитель Русской Церкви (к 80-летию со дня рождения Святейшего Патриарха Алексия) // ЖМП. 1957. №36. С. 11).

Приведем, наконец, выписку на ту же тему и из стана наших раскольников-старообрядцев, свидетельствующую во всяком случае о настороженном внимании их к этому церковному вопросу. Периодическая печать их с особой нервозностью отзывается об оживлении, заметном в Православной Российской Церкви в связи с чаянием Собора и выдвиганием вопроса о возможном восстановлении Патриаршества в России.

Анонимный старообрядческий автор того времени, в статье «Новое Патриаршество» по поводу недавнего назначения Преосвященного Макария (Невского) на пост Московского митрополита заявлял, что «весьма возможно, что Преосвященный Макарий получил теперешнее назначение именно с тою целью, чтобы в недалеком будущем получить еще большее, т. е. Патриарший жезл» (Новое Патриаршество // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1912. №50. С. 1195).

Последовавшая вскоре русско-германская война (1914–1918 гг.), естественно, отвлекла умы в ином направлении: Собор и Патриаршество пока что заслонились более напряженными и тягостными проблемами. Война пошла неудачно и вскоре же начала в стране сказываться натянутость

положения с продовольствием; на общественно-политическом горизонте стали быстро сгущаться тяжелые, грозовые тучи...

Приближалась историческая гроза!

И грянула Февральская революция; русское самодержавие, только что праздновавшее свой 300-летний юбилей, пало и исчезло навсегда.

По милости Божией, Православная Русская Церковь освободилась таким образом от обдержавших ее пут государственной опеки, угнетавших и душивших Ее в течение последних двухсот лет, не нарушив при этом своего подвига великого смирения.

Касаясь этого момента нашей гражданской истории, один современник писал:

«Самодержавие пало еще совсем недавно, но силою событий оно так глубоко и основательно погребено, что наша мысль почти совсем не возвращается к нему. Казалось, что самодержавие в России имеет прочные основы, казалось, что при всех своих темных сторонах оно чем-то дорого России, – но достаточно было всего нескольких дней, чтобы самодержавие не только навсегда отошло вглубь истории, но и потеряло всех своих былых друзей. Все это случилось прямо с невероятной быстротой; можно считать просто чудом, что Россия так легко, так спокойно рассталась с политической формой, существовавшей века» (Зеньковский В. В. Закат самодержавия // Церковно-общественная мысль. Киев. 1917. №6. С. 7).

И это, действительно, было так.

Ближайший предсоборный период, последовавший за революцией, характерен значительной и с чрезвычайной резкостью обострившейся активизацией церковно-общественных сил страны. Даже большинство мероприятий осиротевшего без царя Синода – Святейшего, но уже не «Правительствующего» – окрашиваются в какой-то степени народническими и даже «революционными» тонами, отражающими переживаемую эпоху. По всем епархиям «свободной России» прокатывается эпидемия областных и уездных съездов духовенства и мирян; царит безудержное увлечение выборным началом при замещении всех без

исключения церковных и священнослужительских мест (правда, вскоре разумно пресеченное) [m]¹¹⁹. Выбирают и переизбирают митрополитов, просвирен, дьячков, настоятельниц монастырей, церковных сторожей и еще кого угодно; демократическая вакханалия залезла в храм Божий и здесь праздновала свой бал.

В недрах «клерикальных сфер» между тем довольно интенсивно нарастает (на первых порах никем особенно не замеченная) церковная «классовая борьба» между епископатом, твердо занявшим в это ответственное и тревожное время умеренно-охранительную позицию, вполне отражавшую психологию подавляющего большинства здравомыслящего клира и мирян, и «церковными с-д.: социал-дьяконами и социал-дьячками [...] с некоторыми крикунами из мирян...» (Булгаков С. Н. На пиру богов. С. 87), вообразившими себя церковным пролетариатом – о чем в свое время (еще задолго до этого!) потрудились позаботиться явные и тайные агенты и поборники все той же «всемутящей цивилизации», различные темные личности и всякого рода проходимцы и провокаторы из «Союза демократического духовенства», пресловутой «Группы 32» и прочих подобных же поповско-политических клоак[n]¹²⁰.

Экспессы революции и начинающейся гражданской войны разворачиваются с невероятной быстротой и напряженностью; каждый пустяк принимает драматическую окраску и формы жесточайшего радикализма; во всю ширь и мощь: кроваво-красным махровым цветом распускается никем и ничем не сдерживаемый политический бандитизм; голод властно вступает в свои права; начинается кровопускание – вся страна беспрестанно совершает бесчисленные человеческие жертвоприношения... и, в довершение всего, как некое исчадие ада, опутывающее всех и вся, выползает самая страшная героиня дня – Нетерпимость...

И тут, когда шабаш достигает своего апогея, на фоне адского пламени и всеобщего беснования обрисовывается омерзительно-кривляющаяся и судорожно-подергивающаяся фигура «древнего змия из бездны, тупая, наглая и злобная

трехголовая гидра, олицетворенная тремя «героями» – Александрями; Александром Керенским – в государственном аспекте; Александром Введенским – в церковном и Александром Вертинским – в бытовом.

«Главковерх», «Благовестник» и «Пьерро» (или: дубина, демагогия и клоунада) начали свою кровавую, бесовскую сарабанду...

И – пошло!..

Так, в двух-трех словах можно представить внешнюю тревожную обстановку в стране, среди грохота и стога которой наша Церковь вдруг подошла к долгожданному и великому историческому событию в своей жизни – Чрезвычайному Всероссийскому Поместному Собору 1917–1918 гг.

И – стало быть – несмотря ни на что, «200-летний синодальный период Русской Церкви не смог в конечном итоге подавить те [...] скрытые, плодотворные живые силы, которые воспрянули к деятельности, как скоро наступил [...] подходящий момент» (Павинский Г. Обращение священника о. Георгия Павинского к Ленинградскому митрополиту Григорию //ЖМП. 1947. №4. С. 14).

Этим предсоборным моментом закончился синодальный – ветхозаветный – период истории нашей Церкви.

Наступил Новый Завет: Собор и Патриаршество!..

7. Открытие Собора 1917–1918 гг. и первый период его работы

Погибающий русский царизм, как бы в предчувствии чего-то рокового – точно прозревая, что Собор расцветет лишь на его могиле, бесконечно оттягивал (как мы видели выше) вопрос о созыве Собора. И стоило только исчезнуть этой тормозящей силе, как Собор стал реальностью.

«С падением власти, породившей синодальную систему управления Русской Церкви пала и сама система, уступившая свое место некогда утраченному каноническому устройству на началах соборности и выразительнице ее – Патриаршей власти.

Русская Православная Церковь вновь нашла свои исконные исторические пути и заняла подобающее Ей место среди других

Православных Церквей» (Павинский Г. Обращение... С. 14) [о]¹²¹.

В обстановке чрезвычайных трудностей, вызванных разрухой в стране, 15 августа 1917 года, в день Всероссийского Престольного праздника – Успения Божией Матери, в Московском Большом Успенском соборе (в «соборе соборов» всей России) открывается всеобщей молитвой и пением Символа веры долгожданный Поместный Собор. Событие это повсюду воспринимается русскими верующими людьми как великий церковно-национальный праздник. И – понятно, так как «более 200 лет Российская Церковь не видела в своих недрах Соборов [...] падала и охладевала вера на Руси, появлялись и развивались ереси и другие церковные разделения в народе, ослабевал союз любви между пастырями и пасомыми, а также среди самих пасомых, рушилась постепенно церковная связь, крепкими узами братства соединявшая в минувшие времена Православных христиан в Малые Церкви – Православные приходы. И, несмотря на такое зло, Собор не созывался, и многие церковные нужды не получали своего разрешения и удовлетворения» (Из послания Святейшего Синода о предстоящем открытии Собора // Деяния. Кн. 1. Вып. 1. С. 19).

«Заря соборной церковной жизни, давно уже разгоревшаяся, раскрыла наконец скрывавшие близость рассвета темные тучи. И вот поднимается многосветлое светило Собора [...]

Восход Солнца вселенная встречает согласным хором ликующего привет» (Деяния. Кн. 1. Вып. 2. С. 35) [р]¹²².

Итак, с гибелью царизма «Русская Православная Церковь получила свою прежнюю свободу и возможность перестроиться на канонических началах. Вполне естественно было, что руководители Церкви первым делом постараются восстановить соборное строительство и управление церковной жизни. Так, действительно, и случилось. При первой же возможности в Москве, сердце Православной Руси, хотя, к сожалению, и не в священном для каждого православного русского Кремле, где почивают мощи строителей Русской Церкви и витают их святые тени, собирается [...] так долго жданный Собор» (Прохоров Г.К

перерыву занятий Церковного Собора // Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. № 7. 7(20) апреля. С. 1) [q]¹²³.

По внешней организационной продуманности и слаженности, по широте и полноте церковно-общественного представительства, по учено-канонической авторитетности и эрудиции, наконец по добротности и плодотворности своей законодательной и церковно-административной продукции – Собор этот не имеет себе равного и не может быть поставлен на один уровень ни с прежде бывшими Соборами ни тем более с последующими псевдособорами.

В истории отечественного Православия это было единственное явление.

Круг дел и вопросов, подготовленный Предсоборным Присутствием для соборного рассмотрения и решения, был чрезвычайно широким, обнимая собою буквально все стороны церковной жизни, ожидавшие и требовавшие канонического разрешения и устройства. И, не будь в свое время Предсоборного Присутствия, трудно представить себе деятельность Собора 1917–1918 гг., так как именно на долю Предсоборного Присутствия легла трудная работа – кропотливого предварительного рассмотрения, систематизации и всестороннего обсуждения всего обширного материала накопившихся насущных церковных вопросов. Несмотря на преждевременное закрытие работ Присутствия, оно, тем не менее, успело в основном выполнить свою почетную и ответственную черновую задачу. Собор длился, как известно, более года, и обработке соборным разумом подверглись не только коренные вопросы церковной жизни, подготовленные Предсоборным Присутствием или возникшие в условиях новой государственности, но и все множество тех «мелочей» (если позволительно так выразиться), которые накопились в церковном быту за два столетия безголового (акефального) синодского «правительствоваания» в Русской Церкви.

Для обеспечения быстрого и всестороннего изучения подлежащих вопросов, по примеру того же Предсоборного Присутствия и как бы продолжая и расширяя его прерванную

традицию, на Соборе был создан ряд Отделов, комиссий и специальных присутствий с привлечением в них наиболее авторитетных и эрудированных сил Церкви соответствующей отрасли.

В преддверии Собора, оповещая церковный народ о ходе подготовительных работ к его открытию, печать сообщала:

«Местом постоянных заседаний Церковный Собор будет иметь большой зал Епархиального Дома в Лиховом переулке.

В настоящее время все необходимые ремонтные работы для приспособления Епархиального Дома для нужд Церковного Собора уже закончены. Попечительство о бедных духовного звания, эмеритальная касса и другие общества, находившиеся в здании Епархиального Дома, уже эвакуированы.

В западной части главного зала, к которому непосредственно примыкает Владимирский храм, устроена большая эстрада; на ней будут сооружены места для епископов. Посреди арки, ведущей в храм, также на особом помосте, поставлен стол для соборного президиума, по бокам его – столы для Предсоборного Совета, секретариата и представителей печати.

Всю площадь зала займут скамьи для членов Собора, расположенные амфитеатром.

Остальные помещения будут предназначены для секционных заседаний, канцелярии, буфета и проч.

Общая столовая для членов Собора находится в помещении Московской духовной семинарии. Здесь же помещения для общежитий. Для этой цели отводятся дортуары семинарии, свободные классы и пустующие квартиры. В семинарии будут иметь свое пребывание 30 епископов, остальные размещаются по монастырям и подворьям.

Посторонняя публика на соборные заседания будет пропускаться по особым билетам, которые ввиду сравнительно тесного помещения будут выдаваться в самом ограниченном количестве [...]

Всероссийский Поместный Собор будет заседать продолжительное время и во всяком случае не менее 10 месяцев.

Нет, конечно, сомнения, что в его работах будут происходить значительные перерывы в связи с выборами в Учредительное Собрание, Рождественскими каникулами, временем Великого поста и Пасхи и др. [...]

Для организации московских церковных торжеств избрана специальная комиссия, в которую входят: протопресвитер Н.А. Любимов, протоиереи М.Г. Соколов, Б.И. Забавин, В.П. Богословский и от мирян Н.М. Ремизов» (Сегодня открытие Собора: Крестные ходы // Свободная Церковь. №15. С. 3).

Открытие работ предположено по следующему церемониалу:

«К 10 часам утра, под красный звон колоколов, к храмам, где литургии совершаются архиерейским [архиерейским. – *Сост.*] служением, начнут подходить крестные ходы из 283 окружных [окрестных. – *Сост.*] церквей. От каждого храма будет взята одна пара хоругвей и храмовая икона.

Все крестные ходы направляются на Красную площадь, соединяясь на пути с крестными ходами других церквей.

Шествие будет сопровождаться народным пением, которым будут руководить члены корпорации диаконов и псаломщиков.

За порядком будут наблюдать члены приходских совещаний и выборные от мирян.

К Лобному месту крестные ходы подойдут около 11½ час. Утра.

В 12 часов дня из Успенского собора выйдет главный крестный ход. Духовенство Китайского сорока, кроме святынь Успенского собора, понесет чудотворные иконы Божией Матери: Владимирскую, Казанскую, Иверскую и большую икону святителя Ермогена. Крестный ход будет замыкать шествие духовенства в золотых парчовых облачениях. Большинство духовенства – члены Церковного Собора.

К Лобному месту крестный ход направляется через Спасские ворота. От ворот вплоть до Лобного места – коридор хоругвеносцев в их своеобразных нарядах.

Для епископов сооружается грандиозных размеров архиерейский помост. Полукругом от него расположатся хоругви. Кремлевские святыни и храмовые иконы займут

восточную часть. К ним от архиерейской кафедры четырьмя золотыми лентами потянутся ряды духовенства.

Грандиозный крестный ход и торжественное богослужение на Лобном месте, по количеству участников, будут единственными во всей многовековой истории Православной России.

Достаточно сказать, что в Московских церковных торжествах примут участие до 100 иерархов и более 500 лиц белого и монашеского духовенства.

По окончании крестного хода – во всех столичных храмах – целый день звон» (там же).

Организационный Комитет Поместного Всероссийского Собора разослал приглашения на Собор автокефальным Церквам Ближнего Востока.

В настоящее время выясняется, что от Иерусалимского Патриарха на Собор прибудет митрополит Иорданский Мелетий и архимандрит Арсений, от Константинопольского – Трапезундский митрополит Хрисанф, Кипрский митрополит Софроний и архимандрит Иаков. Александрийский Патриарх Фотий [Пероглу] на Собор, по всей вероятности, прибудет лично, от Антиохийского Патриарха о. Антоний, от Афинской Церкви – архиепископ Солунский Геннадий, архимандрит Хризостом и, от Сербской Церкви епископ Варнава [Росич] и архимандрит Михаил. Вопрос о представительстве Черногорской Церкви еще не решен; встречаются возражения против признания таковым о. Мардария Ускоковича» (Открытие Собора: Представительство // Там же. С. 4).

Так, спешно, невзирая на немирную внешнюю обстановку в стране, Москва готовилась к величайшему деянию нашей церковной жизни, о котором с таким упованием помышляли несколько поколений русских верующих людей. Следует отметить и то, что ближайшие тревожные и печальные события, непосредственно предшествовавшие Собору, с большой силой пробудили во всем церковном обществе сознание историчности данного, переживаемого момента. Продуманно или интуитивно, но все ожидали каких-то неминуемых и больших церковных сдвигов; какого-то «движения воды». Все сознавали и

чувствовали, что синодально-полицейская эпоха Русского Православия изжила себя, миновала безвозвратно, – канула в вечность. Непосредственный предсоборный период был временем напряженного ожидания – большого и значительного в судьбах Церкви. И это чувство было свойственно всем живым силам Церкви; всем Ее оттенкам и направлениям. «Либералы» и леваки в рясах, по старой ихней, еще думской, привычке путая Божие с кесаревым, ожидали, конечно, чего-то «современного», основательно забывши за чтением мутных политических прогнозов вечного завтрашнего дня, что в Церкви Христовой нет и ничего не может быть ни «старого», ни «нового»; что в Ней все «прогрессивное» – старо и все «старое» – неизменно ново и прогрессивно. Все эти свои – идущие в ногу с веком – вожделения столичные батюшки в лице безусловно худших своих представителей усматривали в первую очередь и главным образом – в еще большем омирщении клира и (если бы возможно) в окончательной нивелировке его с общемирянской поверхностью. Кратко говоря, хлопотали не о Церкви и Ее благе и даже не о приходских каких-либо усовершенствованиях, близко их касающихся, а единственно о своих корыстных профессионально-бытовых интересах, беря дурной пример в этих своих происках совсем не с церковных образцов и не церковно-пастырским духом руководствуясь. Такого рода «пастыри» и на Собор, конечно, смотрели всего только с профессиональных (а может быть еще и социальных!) своих позиций?! И подобные настроения в некоторой соборной прослойке, конечно, не могли не сказаться (в какой-то степени) на первоначальном стиле соборной работы.

Просочившиеся на Собор обновленчествующие профессора сейчас же признали в подобных «батюшках» своих единомышленников и в «блоке» с ними принялись было тянуть Собор влево, в «революционную» стихию... Однако эта подрывная, противоцерковная деятельность обновленцев была вскоре же разгадана и вскрыта Собором, и его здоровые, творческие силы не дали им в будущем «развернуться» желательным было для них образом.

Итак, – Успение.

«Торжественный гул церковных колоколов первопрестольной Москвы сегодня возвещает Православному русскому народу великое событие. Открылся Всероссийский Церковный Собор, воскресла два века покоившаяся под могильной плитой цезарепапизма русская церковная соборность.

Для Русской Церкви открывается новая эра Ее существования и, может быть, эра самая цветущая» (Соборная мечта // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №94. С. 1).

«Сегодня уже с 7 часов утра гудят московские колокола, призывая верующих в храмы. Поздних литургий сегодня нет. Обедни служатся „по-рану”, где в 7½, где 8½ час. утра.

Особенной торжественностью будет отличаться богослужение в Большом Успенском соборе, который сегодня справляет престольный праздник» (Сегодня открытие Собора: Литургии // Свободная Церковь. М., 1917. №15. С. 3).

После 235-летнего перерыва «в лето от Рождества Христова 1917, августа 15, в день честного Успения Пресвятые Богородицы, в богоспасаемом граде Москве, в Большом Успенском соборе совершено открытие Священного Собора Православной Российской Церкви по особому, утвержденному Святейшим Синодом, чину. Литургию совершали (митрополиты) Владимир [Богоявленский] Киевский, Платон [Рождественский] Тифлисский, Вениамин [Казанский] Петроградский. На почетном месте среди молящихся находился министр-председатель А. Ф. Керенский, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, министр Исповеданий А. В. Карташев и его товарищ С. А. Котляревский. По окончании литургии митрополит Владимир [Богоявленский] читает грамоту Синода об открытии Собора, где благодарит „Господа, благоволившего осуществить ныне заветные чаяния Православного русского народа...” После чтения грамоты из собора выходит крестный ход на Лобное место. Здесь совершается молебен, где наряду с просьбами о ниспослании Святого Духа на участников Собора, читается всенародно и следующая молитва: „приими, Господи, слезная моления наша и о спасении державы Российския от всех бед и напастей,

обдержавших ю, и не предаждь нас в руки врагов наших лютых, да не до конца погибнем”.

Собор открыт.

Божественные литургии в кремлевских соборах совершают следующие архипастыри:

в Благовещенском соборе – Арсений [Стадницкий], архиепископ Новгородский и Старорусский;

в Архангельском соборе – Агафангел [Преображенский], архиепископ Ярославский и Ростовский;

в Чудовом кафедральном монастыре – Сергей [Страгородский], архиепископ Владимирский и Шуйский (Деяния. Кн. I. Вып. 2. С. 3–8) [r]¹²⁴.

В 8 часов утра митрополит Московский и Коломенский Тихон, в сослужении епископа Полтавского Феофана [Быстрова] совершает торжественную литургию в храме Христа Спасителя, после которой, с прибывшими из соседних приходов крестными ходами – соединенный крестный ход, по Волхонке, через Боровицкие и Спасские ворота Кремля, направляется на Красную площадь, где в соединении с другими крестными ходами совершается общее молебствие по случаю открытия Поместного Собора Православной Русской Церкви с оглашением специальной грамоты, изданной Святейшим Синодом (оглашается протодиаконом Большого Успенского собора К. В. Розовым с Лобного места).

Согласно ранее разработанного церемониала архиерейские богослужения совершены были в 33 храмах Москвы.

Крестные ходы на Красную площадь, для участия в молебствии состоялись из 258 приходских храмов столицы (там же. С. 9–24).

«Вокруг [Успенского. – *Сост.*] собора несметные толпы народу... Лес хоругвей... К выходу не пробиться. Нас, архиереев, прибывающих с крестными ходами, проводили через алтарь. В соборе все иерархи заняли места на особом возвышении. Из членов правительства присутствовали: премьер-министр Керенский (во френче), министр внутренних дел Авксентьев, министр исповеданий Карташев и товарищ министра исповеданий Котляревский. Член Синода митрополит

Владимир [Богоявленский] с амвона огласил грамоту Св. Синода об открытии Всероссийского Церковного Собора и предложил членам Собора произнести Символ веры. Затем присутствующие с церковными песнопениями двинулись в Чудов монастырь на поклонение мощам митрополита Алексия. В процессии шествовали: Керенский, Родзянко, Львов и др. Народ, увидав Керенского, устроил ему овацию и разразился громовым „ура”. Во время овации Керенский куда-то исчез. Из Чудова монастыря члены Собора направились на Красную площадь для совершения всенародного молебствия. К этому времени на площади собрались крестные ходы от всех соборов, монастырей и церквей Москвы... По окончании молебствия Кремлевский крестный ход вернулся в Успенский собор.

В течение всего дня во всех храмах непрерывно звонили колокола. Благовест затих лишь во время молебна на Красной площади.

День открытия Собора оставил сильное и хорошее впечатление. Чувствовался большой подъем. Члены Собора и верующий народ молились горячо, с чувством ответственности перед Богом и Церковью» (*Евлогий, митр.* С. 270–271).

В другом месте читаем:

«Были моменты особого духовного подъема. Таков был момент открытия Собора после литургии в Успенье. Со всей Москвы собрались крестные ходы во главе со святителями. На помосте среди собора в полном облачении стало несколько десятков святителей Русской Церкви. К ним присоединилось множество архимандритов, протоиереев и иереев. Члены Собора миряне вышли на середину же собора. Первосвященитель – Киевский митрополит читает краткую грамоту об открытии Собора. Члены Собора запели Символ веры. Момент был потрясающий, у многих на глазах слезы. Тотчас длинной вереницей члены Собора вышли из собора и, зайдя к святителю Алексию в Чудов монастырь, направились на всенародное молебствие на Красную площадь. Ясный солнечный день, площадь залита многими тысячами народа, целый лес хоругвей возвышается над чернеющей толпой. По особому чину совершено было молебствие на Лобном месте, и среди

хоругвей, члены Собора чрез Никольские ворота возвратились в Кремль. Около иных хоругвей стояли почти целые приходы православных москвичей со своими духовными пастырями. Иные приходы встречали проходящий мимо Собор пением тропарей. Во все время пути слезы невольно застилали глаза. То были слезы умиленной радости, согревающей сердце и умягчающей душу» (Илларион] [Троицкий], архимандрит. Открытие Всероссийского Церковного Собора // Богословский Вестник. 1917. Август-сентябрь. С. 276).

Другой участник Собора восклицает: «Никто не забудет тех минут, которые мы провели в Успенском соборе и на Красной площади 15 августа.

Радость, которую мы испытали тогда, мы не чувствовали бы так сильно, если бы мы не переживали таких страданий [...] И вот, как весть из другого мира, пришел к нам этот Собор» (Из речи кн. Евгения Трубецкого 17.08.1917).

Таким образом, как единогласно свидетельствуют современники:

«С чрезвычайным внешним блеском начинается работа Собора» (*Введенский А.И., прот.* Церковь Патриарха Тихона. С. 22).

Приводим одну из многочисленных статей-отзывов (из церковной печати того времени), посвященную этому событию. За исключением некоторых незначительных неточностей, в ней довольно правильно отображены и фактическая, деловая сторона момента, и то настроение, которое ему сопутствовало.

«Всероссийский Церковный Собор (по голосу духовной и светской печати).

Выдающееся историческое событие в жизни Русской Церкви совершилось: 15 августа открылся в Москве давно ожидаемый Всероссийский Поместный Церковный Собор и – при этом – в таком составе (с участием мирян), который долго признавался «пререкаемым», но которого властно потребовало современное течение русской церковной жизни. Открытие Собора в такой момент, когда на Руси явно чувствуется присутствие карающей, за грехи, неслыханными бедствиями десницы Господней – невольно настраивает душу мистически. И так гармонирует с

этим настроением определение Св. Синода о совершении во всех храмах России молебного пения о ниспослании небесного благословения на творческие труды Собора. И действительно нуждается в таком благословении Собор, на который возлагаются великие ожидания; ожидается, что он не только уврачуе недуги церковные, но и окажет могучее содействие к оздоровлению и пришедшей в расстройство общественно-государственной жизни на Руси. Дай Бог, чтобы хотя отчасти сбылись эти ожидания!

Со всех концов Православной Руси съехались в Москву на Церковный Собор представители всенародного церковного разума, – от Первосвятителя Русской Церкви, митрополита, до простого мужичка от сохи; здесь – архипастыри, клирики, миряне самого разнообразного образования и положения: аристократия, интеллигенция, народ; здесь – и штатские, люди разных профессий, и военные – генералы, офицеры и солдаты; здесь – ученые богословы, академики, профессора, здесь – и простецы; здесь – видные общественные деятели, представители Государственной Думы и Государственного Совета и скромные труженики на ниве Божией... Кажется, нет такого слоя общества, какой бы здесь не был представлен! Правда, невольно обращает на себя внимание подавляющее большинство интеллигенции; лиц же, принадлежащих к рабочему классу и крестьян, по-видимому, немного. Объяснить это можно тем, что в указанной среде, очевидно, было мало интересующихся Собором, так как в настоящее время все силы и все внимание ее (особенно рабочей массы) сосредоточены на политике. Но зато менее разношерстный – сравнительно с епархиальными съездами – состав Собора, преобладающее количество интеллигенции, большая подготовка, предшествующий опыт, – создают благоприятную почву для взаимного сближения, и потому можно надеяться, что на Соборе будет больше единодушия и мира или, во всяком случае, меньше взаимного недоверия и вражды, чем это наблюдалось на епархиальных съездах духовенства и мирян.

Действительно, с самого начала обнаружилось, что безусловное большинство членов Собора проникнуто горячим

желанием послужить на пользу Русской Церкви. Все эти люди, первый раз увидевшие друг друга, несомненно, в иных вопросах инакомыслящие, в первое же заседание Собора, слившись инстинктивно в единый всенародный разум церковный, проявили высокое настроение духа и великое чувство любви к Церкви Христовой и родной Православной – Русской. Но об этом дальше.

I

Всероссийский Церковный Собор начал свое существование моментом высокого духовного напряжения и нравственного удовлетворения. Он начал свое существование молитвой на улице, под открытым небом, под тучами хоругвей, и в храмах под звон кремлевских колоколов. Сонмы архиереев и священнослужителей производили величественное впечатление. Как будто какой-то невидимой рукой раскачивались – как казалось снизу – языки колоколов Ивана Великого и разносили по всей Москве стихию звуков, вещая о желанном долгожданном Соборе.

Духовенство и все соборные делегаты – таково было общее впечатление первого торжественного дня, во всеоружии своей духовной мощи явились в Белокаменную, чтобы принимать участие в новом строительстве Церкви Православной и государства Российского. Торжества по случаю открытия Собора состоялись по особому, заранее выработанному, церемониалу. Накануне открытия Собора, в канун праздника Успения Пресвятой Богородицы, в главных храмах Москвы богослужение началось в три часа дня для малой вечерней и параклисисом Божией Матери. В шесть часов архиерейским служением в тех же храмах совершены были всенощные бдения. Особенной торжественностью отличалось богослужение в Успенском соборе с крестным ходом на литии вокруг собора с чтением акафиста перед Евангелием – продолжавшееся до двенадцатого часу ночи. Необычный состав богомольцев, множество иерархов, торжественная обстановка, дивное пение, – все это оставляло в душах всех присутствующих неизгладимое впечатление. Но особенно торжественным был самый день открытия Собора, в который главное церковное

торжество сосредоточилось в Успенском соборе и на Красной площади.

С раннего утра 15 августа во всех церквах Москвы торжественный звон. После ранней литургии из всех московских церквей двинулись малые крестные ходы к заранее намеченным 28 пунктам, где в церквах совершались архиерейские служения. Соединенные группы и крестные ходы, во главе с архиереями, двинулись в Кремль. Около 12 часов. Красная площадь была буквально запружена народом, ожидавшим крестных ходов и начала молебствия на Красной площади. Прибывшие с разных концов Москвы крестные ходы из 213 церквей развернулись на Красной площади в строгом порядке – в одну линию от Иверской часовни до Лобного места и далее, до Спасских ворот, в ожидании выхода иерархов и соборных делегатов из Успенского собора.

Богослужение в Успенском соборе началось в 10 ч. утра и совершалось первоприсутствующим членом Св. Синода, митрополитом Киевским Владимиром [Богоявленским] в сослужении с митрополитами: московским Тихоном, Кавказским Платоном [Рождественским] и Петроградским Вениамином [Казанским]. Члены Собора – клирики и миряне – впущены были в северные двери собора по особым билетам. Во время причастного стиха они приглашены были приложиться к честным мощам святителей, почивающих в Успенском соборе. К концу литургии миряне разместились на южной стороне собора, а клирики, облачившись в священные одежды, – на северной. В это же время прибыли в собор иерархи, возглавлявшие крестные ходы. Во время литургии, кроме членов Собора, присутствовали: министр-председатель, министры внутренних дел и исповеданий и московский городской голова.

По окончании литургии на середину собора вышли 60 иерархов, которые поместились на особом возвышении. Здесь, заняв место на амвоне, старейший иерарх Русской Церкви, митрополит Владимир [Богоявленский], прочитал грамоту Св. Синода об открытии Освященного Собора и предложил всем присутствующим пропеть Символ веры. Это был потрясающий момент. Раздалось громкое пение: весь состав Собора

«единими усты» одушевленно исповедовал свою веру. Начинал и управлял общим пением член Собора, председатель Государственной Думы Родзянко. Затем, в час дня, при торжественном звоне кремлевских колоколов из Успенского собора и из всех других кремлевских соборов последовал крестный ход в Чудов монастырь. Небывало величественную картину представлял собою этот крестный ход. Впереди несли древние хрустальные корсунские кресты. Бесконечная вереница всего московского духовенства в золотых облачениях: впереди псаломщики (в стихарях), за ними диаконы, затем священники. Далее попарно, члены Собора и в том же порядке: миряне, клирики в облачениях и целый сонм иерархов. Перед Чудовым монастырем крестный ход остановился. Члены Собора вошли в монастырь и земно поклонились мощам святителя Алексия – великого строителя-хранителя Руси и церковного деятеля-подвижника, и лобызанием святыни освятили свои уста «во еже глаголати правая и Церкви полезная». Из Чудова монастыря крестный ход, через Спасские ворота, направился на Красную площадь. Когда участники Собора выходили из Спасских ворот, то с несколько возвышенного места у стен Кремля глазам представилась вся Красная площадь. Вся она, вместе с соседними улицами, представляла сплошное море человеческих голов и над ними – целый лес хоругвей. По прошествии корсунских крестов и запрестольных икон Успенского собора, иерархи вошли на Лобное место и с сонмом всего духовенства совершили всенародное молебствие по особому чину. Пели все члены Собора, а за ними и огромная масса народа, участвовавшая в небывалом торжестве.

Это торжественное моление при многочисленных святынях, совершаемое невиданным и для Москвы сонмом иерархов (90 иерархов), пресвитеров и клириков, производило неотразимое впечатление. Чувствовалось, что в церковной жизни совершается какой-то великий акт, требующий особенного призыва помощи Божией...

По окончании молебна главный крестный ход, через Боровицкие ворота, возвратился в Кремль, а малые крестные ходы направились по своим приходам. Весь день над Москвой

не прекращался красный звон. Вечером были совершены во всех храмах всенощные бдения.

II

На другой день, 16 августа, торжественное богослужение совершено было в храме Христа Спасителя. Литургию совершал митрополит Московский Тихон в сослужении со своими викарными епископами Димитрием [Добросердовым] и Арсением [Жадановским] и сонмом духовенства. По окончании литургии здесь же, в храме, и состоялось первое заседание Всероссийского Церковного Собора.

В храме Христа Спасителя особо торжественна была обстановка. Вся середина громадного храма была устлана коврами. Для старейших иерархов были приготовлены на возвышении особые места; седалища для прочих епископов, покрытые красным сукном, шли по обе стороны в направлении к алтарю, за ними – ряды стульев для клириков и мирян.

Как только закончилась литургия, через царские врата из алтаря начался выход, попарно, всех участвующих на Соборе иерархов на середину храма. Впереди следовал первенствующий член Св. Синода, митрополит Киевский Владимир [Богоявленский]. Все епископы были в мантиях и клобуках. Когда епископы и все члены Собора разместились на своих местах, была пропета всеми стихира: „Днесь благодать Св. Духа нас собра” и митрополит Владимир благословил Собор на предстоящие труды. После этого начались приветственные речи. Первым приветствовал Собор от имени Временного правительства, министр исповеданий Карташев. [...]

Далее следовали многочисленные приветствия отдельных лиц, принесенные от общественных групп и учреждений. От имени Св. Синода приветствовал Собор митрополит Платон [Рождественский], затем говорил приветствие председатель Государственной Думы Родзянко, московский городской голова Руднев, протопресвитер Шавельский и др.

Незабываемый подъем духа и высокое душевное настроение пережил Собор на первом своем заседании. Поднимавшиеся вопросы так глубоко задевали самые сердечные струны участников Собора, что сами собой привели

все собрание к полному единодушию и одушевлению. Этот день останется навсегда памятным для членов Собора: все, что говорили уста ораторов, от избытка чувств, все, что перечувствовалось и переживалось, было так прекрасно, что ни у кого в душе не встретило возражения – было полное единомыслие. Если бы это единомыслие сохранилось и далее, то Собор, действительно, положил бы начало новой лучшей жизни, не только церковной, но и государственной!

По крайней мере, члены Собора расходились в твердом убеждении, что на Соборе можно найти общую почву для полного единодушия.

Все первые три дня соборных заседаний в Москве был красный звон, напоминавший Пасху, каковой – в сущности – и является для Русской Церкви Собор» (Всероссийский Церковный Собор (по голосу духовной и светской печати) // Русский Паломник. 1917. №33–34. С. 382–384).

Открыл и – на первых порах – возглавил этот Собор старейший и заслуженнейший из всех тогдашних иерархов Русской Церкви, митрополит Киевский и Галицкий Владимир [Богоявленский], в полной мере олицетворявший в деле возрождения русского Патриаршества облик его предтечи, вплоть до последовавшей вскоре мученической кончины своей; безупречный и чистый святитель, глубоко и горько переживавший церковные скорби и болезни того времени, достоин вечного почитания в своей памяти русскими церковными людьми. Всею своею жизнью и деятельностью принадлежавший минувшей синодальной эпохе, он, практически, довел Церковь нашу до Собора и во очищение Ее земных ошибок и слабостей принесся себя в жертву, как бы за все прошлые синодальные грехи и неправды, передал Ее, озаренную новым светом, Первому Собору, смиренно и безгласно уйдя из жизни, приняв венец мученический, как только Церковь вошла в свое извечное каноническое русло.

Председателем Собора избирается младший из митрополитов (всего два дня носящий этот сан) – Московский и Коломенский Тихон. Единодушное и искреннее «аксиос» всего

Собора встречает появление его на высоком председательском месте.

«Когда [...] золотой сон лучших сынов Церкви сбылся наяву и осенью 1917 года открыл свои занятия Священный Собор Церкви Российской – митрополит Тихон был избран его Председателем. Много мудрости и такта требовало от него руководство Собором. Надо было примирять и направлять в единое правильное русло на благо Церкви противоречащие друг другу мировоззрения его членов, разного рода течения соборных групп...» (Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. См. наст. сб. Т. 1. С. 64).

Действительно трудно представить себе, сколько глубокой веры, административного такта и гибкости надлежало повседневно и ежечасно проявлять Московскому Первосвятителю – Председателю Собора, на плечи которого пала огромная забота, помимо чисто соборной деятельности, еще по приему и расквартированию множества гостей со всей России, обеспечению их необходимым жильем и питанием, а также минимальными бытовыми удобствами.

Как известно, «деятельность Собора протекала среди бурных и грозных событий. Развал армии и всей политической и хозяйственной жизни, бегство солдат с фронта, вооруженные выступления рабочих [...] разгул политических страстей... – вот атмосфера, в которой мы работали...» (Евлогий, митр. С. 276). Но невзирая на столь смутное время и сложность противоречивых настроений, охвативших тогда сердца и умы людей, митрополит Тихон, в силу личных свойств, буквально с первых же соборных заседаний завоевал всеобщую неподдельную любовь и симпатию соборян.

«С самого начала Собор и народ любили своего Отца» (Булгаков С. Н. Страж дома Господня. [Акты... С. 388]).

По инициативе Председателя, званием Почетного Председателя Собора был почтен митрополит Владимир [Богоявленский].

Что же касается состава Собора в количественном и качественном отношении, порядка его деятельности и пр.,

обратимся в связи с этими вопросами к свидетельству тогдашней печати:

«Состав Собора так же пестр и многообразен, как и сама стомиллионная Российская Православная Церковь. Всем известные столичные протоиереи и никому не известные сельские иереи, много представителей науки и педагогов, видные общественные и государственные деятели, имя которых у всех на устах, рядом с ними простые сельские крестьяне, самым видом своим иногда представляющие простое сельское благочестие, заметны и военные фигуры» (*Илларион [Троицкий]*, архимандрит. Открытие Всероссийского Церковного Собора. С. 277).

«Состав Собора таков, что он не может не отражать действительного настроения всей Церкви Русской в Ее основном русле. Те, которые переросли это основное течение по своей мнимой или действительной церковно-религиозной зрелости, должны знать, что бесплодны были бы все меры и решения, которые бы соответствовали только желанию немногих членов Собора. В таком случае главная волна религиозной жизни все равно отклонилась бы от принятого Собором решения, общее сознание церковное не признало бы Собор своим голосом и вместо религиозного удовлетворения появилась бы церковная смута.

Допустим, что то или другое решение Собора нам кажется ошибочным. Мы можем о нем предварительно высказывать суждения, но раз голос всего Собора прозвучал определенно и ясно, – должны уже умолкнуть сомнения. Нужно помнить, что если и волос с головы человека не упадет без воли Божией, то тем более не без воли Божией совершится то или иное решение на Церковном Соборе. Иного мнения не допустит ни один верующий человек» (*Берегите Собор // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №127. С. 2*).

Однако отметим еще раз, что с самых первых дней занятий Собора, невзирая на общее внешнее единодушие проявилось желание довольно большой и сплоченной так называемой „профессорской” группы, а затем и кое-кого из членов Государственной Думы, в особенности В.Н. Львова, – внести в

среду соборян приемы и практику Государственной Думы – деления на партии, но в конце концов [...] ничего из этого не вышло» (Руднев С. П. При вечерних огнях. С. 158).

Так, в ущерб всеобщему единомыслию и по печальному примеру бесконечных тогдашних комитетов, советов и митингов, выявилось некое, так называемое «левое крыло» Собора, возглавленное группой политиканствующей профессуры Духовных Академий (из «вечно учащихся и николи же в разум истины приходящих») и отдельными, преимущественно столичными, протоиереями с реформаторским зудом и неистовым тягом к светскости и омирщению. Почтенная группа эта, впрочем, играла на Соборе положительную роль «щук в море», все время держа в бдительной настороженности животворные соборные силы.

«Русская жизнь в те дни представляла море, взбаламученное революционной бурей. Церковная жизнь пришла в расстройство. Облик Собора по пестроте состава, непримиримости, враждебности течений и настроений, поначалу тревожил, печалил, даже казался жутким... Некоторых членов Собора волна революции уже захватила. Интеллигенция, крестьяне, рабочие и профессора неудержимо тянули влево. Среди духовенства тоже были элементы разные. Некоторые из них оказались теми „левыми“ участниками предыдущего революционного Московского Епархиального Съезда [июнь, 1917 года. – *Сост.*], которые стояли за всестороннюю „модернизацию“ церковной жизни. Необъединенность, разброд, недовольство, даже взаимное недоверие – вот вначале состояние Собора. Но – о, чудо Божие! – постепенно все стало изменяться... Толпа [...] стала перерождаться в некое гармоническое целое, внешне упорядоченное, а внутренне солидарное. Люди становились мирными, серьезными работниками, начинали по-иному чувствовать, по-иному смотреть на вещи. Этот процесс молитвенного перерождения был очевидным для всякого внимательного глаза, ощутим для каждого соборного деятеля. Дух мира, обновления и единодушия поднимал всех нас» (Евлогий, митр. С. 173).

(Приведенный отзыв особенно ценен, т. к. принадлежит перу известного церковно-общественного деятеля.)

Что же касается качественной стороны соборной работы на всем ее протяжении (август 1917 – сентябрь 1918), то, по единодушному отзыву участников и современников, она была выше всяких похвал как по своей деловой направленности, так, равно, и по внутренней добротности своей огромной творческой и ученой продукции.

Правда, дальнейшая церковная жизнь показала, что из всего огромного наследия соборных определений и постановлений, всего лишь одно воплотилось в жизнь, все же остальное имеет ныне, в значительной степени, лишь чисто историческое или, точнее, историко-археографическое значение. Но выяснилось это впоследствии; тогда же, в ходе соборного домостроительства 1917–1918 гг. никто не мог и подозревать о таком обороте дела, т. к. перспективы церковные рисовались в совершенно ином плане, чем это оказалось впоследствии – в действительности.

Отзывы современников о качественных показателях соборной работы звучат весьма убедительно. Приведем некоторые из них:

«В Москве, Божию милостию, собрался Всероссийский Освященный Собор; вам известна великая цель его собрания и святое, по самой цели, значение его. Это священнодействие, это, скажу я, Божественная литургия, для совершения которой собралась воедино, как бы в одном необъятном храме, вся Российская Православная Церковь – епископы, клир и миряне. Связанные союзом любви, устремив горе наши сердца, в полном единомыслии исповедания нашей веры, мы входим в теснейшее единение со Христом в самом таинстве Евхаристии, чтобы здесь окончив великое устроительное дело Св. Церкви, яже есть тело Его, всецерковно, во всеуслышание воспеть: „видехом свет истинный, прияхом Духа небесного, обретохом веру истинную, нераздельной Троице поклоняемся: Та бо нас спасла есть“. (Прощальное послание архиепископа Назария [Кириллова] к Херсоно-Одесской пастве // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №144. 15 ноября. С. 3).

«Русская Церковь после 200-летней бессоборности если и достигла сравнительно многого для своей организации через прерванный большевиками первый Собор 1917–1918 гг., то только потому, что еще при царском правительстве в 1905 году все епископы были запрошены дать свои отзывы о назревших реформах и вопросах для предстоящего Собора. А затем в ряде предсоборных совещаний и в журналистике целого десятилетия все церковные силы высказали и обдумали все, что было нужно в связи с Собором. Собор работал уже в сознании себя подлинным носителем реально существующих в недрах своей Церкви запросов и течений. Идейная борьба в нем была Соборной, а не бюрократической или клерикальной» (Карташев А. В. На путях к Вселенскому Собору. Париж, 1932. С. 18).

Издававшаяся в Тамбовской епархии газета «Братские речи», «дает самый восторженный отзыв о деловой атмосфере Церковного Собора и высоком чувстве ответственности, проникающем работу его членов. Автор, очевидно, близко стоящий к Собору, пишет:

«Откровенно, нисколько не преувеличивая действительности, скажу, что, за всю свою жизнь, за время моих работ в разных частях России, не исключая и Петрограда, я нигде не видел такого кропотливого труда и такого глубоко-сердечного отношения к церковному делу, как на нашем Соборе. Я не раз писал в „Братских речах“ об ответственности слова и дела современного гражданина свободной страны. Я говорил, что нам не достает сознания этой ответственности. Я мечтал видеть проникновения этого сознания в нашу общественную среду. Теперь эта мечта нашла свое осуществление в слове и деле нашего церковного печальника – Всероссийского Собора свободной Русской Церкви» (Около Церковного Собора // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №133. С. 3).

А другой, известный соборный деятель на эту тему высказывается следующим образом:

«Нужно войти в самую гущу соборной работы, изо дня в день участвовать в соборной жизни, чтобы оценить всю беспримерность этой работы и по напряженности, и по

плодотворности, и по быстроте. Я участвовал в разных собраниях, и ученых, и политических, и утверждаю, что такой просвещенностью, добросовестностью, вообще „годностью” не обладает у нас никакое собрание» (Булгаков С. Н. На пиру богов. С. 97–98).

Теперь, несколько отклоняясь в сторону, отметим здесь один характерный церковно-исторический штрих, прекрасно иллюстрирующий прикровенную «церковную идеологию» благополучно царствовавшего тогда ублюдочного Временного правительства (в лице его «лидеров»), совершенно совпадавшую в своем главном аспекте (как это показало будущее) с тем, что ретиво проповедовали и насаждали огнем и мечом при активной поддержке так называемых «атеистов», наши... обновленцы и живоцерковники!

Как сообщали тогдашние газеты, «выяснилось, что содержание Всероссийского Поместного Собора в течение 8 месяцев [как первоначально предполагалось. – *Сост.*], включая расходы по выборной кампании, ремонту домов и пр., обойдется в 9 милл[ионов] р[ублей]. Все члены Собора будут получать ежедневно по 20 р[ублей] суточных, что составляет в месяц более 360 тыс[яч] рублей. Эту сумму в 9 миллионов] рублей разложили на монастыри с тем, чтобы каждый сделал известное процентное отчисление. Но многие монастыри заявили, что большинство их капиталов – специального назначения и проценты с них отдать для содержания Собора нельзя. Поэтому после открытия Собора предположено испросить у Временного правительства субсидию в 2 милл[иона] рублей» (Открытие Собора: Содержание Собора // Свободная Церковь. 1917. №15. С. 4).

Намерение это было реализовано и Временное правительство, по ходатайству А. В. Карташева 9(22) октября 1917 года отпустило на нужды Собора два миллиона рублей беспроцентной ссуды сроком на пять лет.

Или, как впоследствии расшифровала советская печать с присущей ей нередко прямолинейностью:

«Керенский ассигновал два миллиона рублей на работы Собора под негласным условием, чтобы *не было Патриарха*»

[разрядка наша. – *Сост.*] (Криницкий Марк. В. И. Белавин (Патриарх Тихон): (Политический некролог)// Известия ВЦИК. 1922. №121(1560). 2 июля. С. 2).

Вот, стало быть, где выявились «церковно-социальные» генеалогические корни нашего золотушного обновленчества, в его основном «аспекте».

После этого отступления – возвращаемся к теме.

Открывшийся Поместный Собор по окончании всех предначинательных торжеств, принявших, естественно, значительный церемониальный размах и блеск, – приступил к своей деловой, так сказать, повседневной и будничной работе.

Сразу и интенсивно заработавшие все двадцать Отделов Собора всколыхнули всю массу накопившихся за двухсотлетний период бессоборности материалов, обеспечивая предельную нагрузку и самим этим Отделам, и пленарным соборным заседаниям, окончательно рассматривавшим весь подготовленный отдельский материал, перед окончательной его санкцией со стороны Епископского Совещания, покрывавшего уже самым тонким лаком всю продукцию Собора.

Обнаружившаяся было в первые дни соборных занятий тенденция левых элементов повернуть соборную работу на митингово-парламентарские (весьма модные тогда) рельсы, в конце концов, после некоторой борьбы сторон, была категорически отвергнута, и соборное единодушие восторжествовало. Впрочем, «левое крыло» Собора, внешне пока что успокоившееся, якобы смиренно сдавшее свои позиции, в действительности не сложило оружия и лишь тактически притаилось в ожидании более удобных условий для своих выступлений; пока же ограничивалось мелкими стычками и бесконечными комариными укусами в ходе полемики с церковными «консерваторами» и «реакционерами», – как они именовали инакомыслящих.

Как бы то ни было, но Собор, наконец, погрузился во всю гущу огромного количества больших и ответственных вопросов, которые теперь ему предстояло решать. Многие из них требовали совершенно нового подхода для своего решения в связи с слагающейся – небывалой – обстановкой в государстве

и должны были отлиться в новые формы, обеспечивающие им наилучшие условия дальнейшего существования. Всем этим Собор и занялся, очень скоро же развернувшись на всю свою «проектную мощность» и выработав свой хороший и интенсивный рабочий темп и стиль.

Но, конечно, никем тогда еще и не мыслилось, что все эти бесконечные болезни и труды, вся эта добросовестность и скрупулезность в работе явятся, в конце концов, – практически, – совершенно ненужными для Церкви в Ее будущем и, представят собою лишь как бы некоторую предварительную тренировку творческой соборной мысли в преддверии решения того кардинального, огромного по своей значимости, вопроса, который и будет единственным результатом трудов Великого Собора 1917–1918 гг. и каноническим рычагом, повернувшем Русскую Церковь на новый путь Ее дальнейшего исторического существования.

8. Главный вопрос и некоторые мысли о восстановлении Патриаршества

После первоначального наплыва всей массы разнородных вопросов, требовавших внимания и разрешения их соборным разумом, постепенно, но с нарастающей силой своего значения, сознанию соборян стал представляться неизменно один вопрос – как бы основной и главный «вопрос вопросов» – вокруг которого наматывалось все многообразие всего комплекса соборных тем и церковно-организационных проблем современности. С совершенной определенностью обнаружилось, что каждый, без исключения, Отдел Собора и каждое пленарное заседание его, а также большинство всевозможных комитетов, совещаний и проч., какой бы частный вопрос ни затрагивали, он в конечном счете неизменно приводил к мысли о неизбежности решения в первую очередь главного вопроса, так как только после этого могла определиться действительная польза для Церкви всего остального.

Главный вопрос этот как бы подсознательно предчувствовался с достаточной остротой церковно-мыслящими людьми и предсоборно- го периода но, с одной

стороны, он был в значительной степени смазан и затуманен в общественном сознании левацкими элементами, присосавшимися к Церкви, и потому не получил в свое время должного выявления и закрепления. С другой – внутренние политические идеалы в стране, культивировавшиеся царизмом и синодальной системой, также не благоприятствовали его развитию, в результате чего и мысль церковная в течение всего предсоборного периода бродила лишь вокруг да около этого вопроса в некоторой нерешительности и с внутренне раздвоенным сознанием о нереальности и – во всяком случае – проблематичности его благоприятного разрешения в будущем. Попутно с этим, однако, его возможная исключительная значимость для будущих судеб Церкви и, в связи с этим, необходимость положительного его разрешения рано или поздно, – были слишком очевидны для многих выдающихся церковных умов.

Заметим, попутно, что, например, сейчас – оглядываясь назад – невозможно даже отдаленно представить революционную жизнь Церкви, если бы главный вопрос наш не был бы столь полно и блестяще разрешен на Соборе 1917–1918 гг., благодаря чему Она получила новый приток благодатных сил для себя, а, отчасти – и для Вселенского Православия.

Что же это за главный вопрос, и почему он – главный?

Главный вопрос – вопрос о восстановлении канонического строя Православной Русской Церкви, уничтоженного двести лет тому назад и управлявшейся с тех пор, неслыханным и невиданным от времен апостольских, изобретенным в начале злополучного для России XVIII столетия, способом.

Почему именно этот вопрос явился главным, следует рассмотреть подробнее.

В свое время один из современников Собора писал:

«Всеобщее внимание на Соборе привлекал Отдел Высшего Церковного Управления. Тут встал жгучий вопрос: как управлять Церковью – стоять ли за старый синодальный строй или за Патриаршество?..»

Настолько у всех оказались замороженными петровской «реформой» мозги, что единственный допустимый и

предписываемый апостольским правилом (34) способ церковного самоуправления – ставили под сомнение и, во всяком случае, – на обсуждение!

Цитируемый автор продолжает: «„Левые” – светские профессора духовных академий и либеральные „батюшки” – были против Патриаршества [т. е. против... апостольского предписания! Вот до чего докатились!.. – *Сост.*]. Вновь, как и в Предсоборном Присутствии, заговорили об одиозном монархическом начале, об единодержавии, от которого революция [в марте 1917 г. – *Сост.*] освободила не для того, чтобы вновь к этому принципу власти возвращаться. Это был все тот же закоренелый интеллигентский либерализм – верность отвлеченным идеям, не считаясь с фактами и исторической действительностью... Дебатам в Отделе не было конца... Однако – и это надо отметить – противников Патриаршества в заседаниях встречали недружелюбно. Вскоре великое потрясение принудило многих из них переменить свой образ мыслей и стать на защиту единоличного начала в управлении Церковью» (*Евлогий, митр.* С. 275).

34 апостольское правило, предусматривающее определенную форму организации церковного управления для каждой автокефальной Поместной Церкви, наилучшим образом обеспечивает церковную пользу. Помимо Божественного происхождения этого предначертания – чего одного уже вполне достаточно для неизменного ему следования без всякого сомнения – оно, в своем практическом претворении в жизни, веками испытано и до сего времени неизменно осуществляется всеми без исключения Православными Церквами с самого основания каждой из Них. И только в несчастной Русской Церкви попущением Божиим и бесовским ухищрением злочестивого Петра, в течение двухсот лет это апостольское указание нагло отвергается; двести лет Русская Церковь вынуждалась нарушать одно из 85 апостольских правил, пока карающая десница Провидения не простерлась над Нею, потрясши все Ее здание, поучая вновь осознать пути Господни...

И действительно, необъяснимо то явление, что наши так называемые богословы и «профессора Духовных Академий», вместо того, чтобы все эти двести лет до хрипоты в глотке орать и призывать на все лады, требуя возвращения Церкви на Ее единственно возможный канонический путь, – занимались только тем, что на церковные деньги (!!) извивались в казуистической полемике при измышлении, по своему мудрованию, каких-то новых, небывалых форм высшего церковного управления.

И все это видели, и – молчали!..

Поэтому, как это на первый взгляд ни странно, но действительно не что иное, как вопрос о форме высшего церковного управления стал (и не мог не стать) тем насущным, неизбежным, главным вопросом и «единым на потребу» того момента, для всех воистину болеющих о благе церковном.

И, конечно, для церковного сознания (и интуитивно, и продуманно) было совершенно ясно, что, во-первых, вопрос этот может и должен быть решенным только в строгом соответствии с требованиями канонов и, во-вторых, что до положительного разрешения его нецелесообразно касаться никаких других насущных церковных проблем, как всецело зависящих и, в той или иной степени, проистекающих из первого.

Главный вопрос наш стал «вопросом» с того самого времени, когда с печальной ясностью обнаружилась совершенно отрицательная точка зрения на него нашей лжеименной, дипломированной богословско-академической «мудрости», нередко кривлявшейся как обезьяна на поводу, в руках синодальной полиции, наблюдавшей своим «недреманным оком» за малейшими проявлениями церковной жизни и мысли.

Поэтому Церковь – от самых времен Петра – жила в смиренном сознании своей искаженности и безмолвном ожидании когда-нибудь (в более или менее близком будущем) исправления учиненного над Нею насилия; пассивное страдание вообще характерно для русского смиреномудрия. Однако стоило нашим дипломированным «государственным

умам» провозгласить и как бы утвердить со своей «высокой» колокольни статус-кво церковного безголовья, как здоровая церковная интуиция (еще окончательно не задушенная), почувствовав всю смертоносность для себя в этой концепции псевдоученого монашества и лжеименного академизма, – немедленно провозгласила (и не могла этого не сделать!) во всеуслышание о принципиальной лживости этой царистской доктрины, грозившей обречь на вечное безглавье Православную Русскую Церковь в угоду благополучию и процветанию самодержавного садизма в Церкви, замаскированного – для приличия – якобы церковной «соборностью», являвшейся в действительности ни чем иным, как чистейшей западной демагогической, словоблудной коллегиальностью.

С этого времени начинается длительная полемика и бесконечная ломка копий исповедниками этих двух взглядов, что – до известной степени – продолжается даже и до сего дня...

Кажущаяся же на первый взгляд маловажность и как бы некоторая несерьезность нашего главного вопроса рядом с другими, будто бы более существенными церковными проблемами (так же долго ожидавшими своего разрешения) в действительности является именно только кажущейся, ибо бесспорно, что большинство недугов, обдержавших Церковь, своими истоками, первоначальными исходными моментами так или иначе проистекали из основного болезненного явления в нашей Церкви: искажения Ее канонической структуры, акефалии.

И не сам ли даже этот термин: «акефалия», совершенно точно обозначая такое невероятное состояние Церкви, сигнализирует о церковном неблагополучии, бедствии и зовет к исправлению допущенного в Ней?!..

Живой организм без головы – явление более чем странное... Только ненасытная злоба человеческая, возведенная в государственный постулат, могла сознательно поддерживать и культивировать в течение двух столетий уродование Церкви в самом значительном, самом чувствительном и уязвимом для Нее пункте. Что же касается

недовольных таковым положением, то для них предусмотрительно были припасены необъятный арсенал казуистической аргументации и система церковно-самодержавных прещений, подпиравших с самого рождения это рахитичное чадо оборотня Феофана Прокоповича, – «Духовный Коллегиум»!

Так, очень скоро, Собор встретился со сложившейся идеей возрождения канонического церковного устройства, особенно необходимо-насущенного при наступивших новых временах в стране. Лучшие, духоносные силы соборные трепетно ожидали этого сдвига церковного, справедливо усматривая в окружающем буйстве общественных стихий результат старинного феофановского эксперимента над Церковью; непрошенного пестуна морального облика народа, благодаря которому утратился образ Божий в душах единоплеменников, кинувшихся безо всякого «Господи благослови» крушить подряд не только вековые твердыни национальные, но и самую духовную свою сущность – здание церковное! Мысль об оздоровлении и укреплении на началах веры и христианской нравственности души народной, покосившейся в сторону, естественно, болезненно волновала наиболее чистых от политиканской скверны соборян, и совершенно логично, развивая свою (и соборную) мысль на эту тему, один из известнейших иерархов того времени, член Собора и Председатель Отдела о Высшем Церковном Управлении, епископ Астраханский и Царевский Митрофан (Краснопольский) восклицал:

«Не отсюда ли родилась и в наши дни мысль о Патриархе, как испытанном средстве духовного оживления русского народа. Кто следил за ходом вопроса о восстановлении в Русской Церкви Патриаршества, тот должен признать, что это было именно так. Мысль о Патриархе, *никогда не умиравшая у верующих*, сама собою ожила под влиянием переживаемых событий... быстро окрепла в сознании народа, стала господствующей, и силой внутренней, присущей исторической правде, сразу покорила сердца верующих людей, со всей России собравшихся в Церковный Собор. Участники Собора с

изумлением наблюдали, как прямо о чудодейственно вырастала мысль о Патриархе и скоро воплотила в себе лучшие чаяния лучших людей» [Разрядка наша. – Сост.] (Сережников Виктор. Епископ Филипп и Православная Церковь. С. 15–16).

И в другом месте читаем: «Возведенный на вдовствующий два века Патриарший Престол, Первосвятитель Всероссийской Церкви возглавит собою весь сонм Ее епископов, являя собою „конечное исполнение церковное“, т. е. завершение строительства церковного. Без этого возглавления перестраиваемое ныне заново, но в духе святой старины, на соборном основании здание Всероссийской Церкви осталось бы незавершенным и неустойчивым, как неустойчивы бывают и порою рушатся выведенные хотя бы и на прочном основании стены, не увенчанные объединяющим и связующим их сводом» (Васильев А. В. Патриаршество и соборность // Деяния. Т. 3. С. 32 [Акты... С. 36]).

Таким образом, мысль о восстановлении Патриаршества очень заметно и скоро овладела церковно-мыслящими людьми, всецело осознавшими, что при создавшихся внешне благоприятных условиях в стране нет и не может быть более неотложного церковного дела, чем восстановление канонического строя высшего церковного управления.

И совсем нет никаких оснований подозревать наличие каких-либо политических вождедений среди патриархистских кругов, будто бы пытавшихся с крушением самодержавия поскорее воссоздать хотя бы суррогат его в лице любезного им «церковного самодержца» – Святейшего Патриарха – «Божиею Милостию» и «всея Руси», – как, захлебываясь в пылу соревнования, наперебой заявляли о том впоследствии наши церковно «прогрессивные» тупицы и атеистические мракобесы, в бесплодном изыскании криминального материала против Богоданного Главы Русской Церкви. Наиболее истеричные из них, как известно, договаривались в параксизме своей «научной» каталепсии даже до того, что «Патриарха выбрали специально для того, чтобы он возглавил собою

контрреволюционную борьбу» с новой государственной властью (Ярославский Е.).

В действительности же, «главным» вопрос о Патриаршестве явился потому, что, говоря в широком смысле, с ним связывается не только лишь определенная система канонического устройства церковного управления, но и известная (если так позволительно выразиться) каноническая психология, т. е. психология, наиболее полно и верно отражающая смысл и цели русского Православия и неподвластная западным «демократическим» веяниям, вполне воплотившимся в коллегиальных парламентских говорильнях, совершенно чуждых и противных внутреннему строю и духу Православного церковного мышления и правопорядка и – более того – духу русского смиренномудрия.

Так, в сочетании многообразных слагаемых, возник и утвердился вопрос о каноническом возглавлении Русской Церкви, – тот именно вопрос, с которым встретился во всем его объеме Чрезвычайный Поместный Собор и который до своего разрешения буквально тормозил все остальные вопросы, возникавшие перед соборным сознанием.

Да и какой же иной вопрос мог бы стать главным в сложившихся условиях?

Не вопрос ли о новом принципе дележа братских кружков, так волновавший некоторую часть клириков в те времена? Или – о стрижке волос духовенством и замене рясы светским костюмом? Наконец, не вопрос ли о второбрачии духовенства – давняя и скрытая вожденная мечта не малого числа «прогрессивных» батюшек из рядов «демократического» (но отнюдь не Христова!) духовенства?..

И следует заметить здесь еще в отношении «главного»-то вопроса, что помимо всего уже приведенного выше, нам представляется весьма трогательным или – выражаясь более подобающим образом – умилительным, что в «наш жестокий век» и «среди нашего-то цинизма и калмыцкого отношения к делу Божию» (*Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877. Т. 25. С. 56*), смогла как-никак и, невзирая ни на что укорениться в умах и затем воплотиться такая глубокая и чистая идея

церковная, как Патриаршество...Как младенец, отнятый от материнской груди, чахнет и хиреет, несмотря ни на какие инкубационные ухищрения, и все время ищет естественной и родной ему питательной среды, – так и Церковь наша, едва только Ей представилась малейшая возможность исправить свой, невольный даже, дефект, поспешила сделать это и вновь припасть к материнским недрам Вселенского правопорядка, утвержденного от века.

И не новое ли это подтверждение древнего укора премудрого Гамалиила всему современному Синедриону супротивников и искажителей воли Божией, нарядившихся в «золотошвейные профессорские мундиры»? (*Затворник А. Обновленцы...* С. 120). «Отстаньте от людей сих и оставьте их: ибо, если это предприятие и это дело – от человеков, оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян.5:38–39).

К глубокому, однако, сожалению, не все соборяне мыслили и чувствовали однородно. Первые же дни заседаний выявили, что состав Собора в схеме своей довольно четко разделяется на два неравных противных лагеря, которые – по установившейся терминологии – и мы будем именовать: патриархистами и обновленцами (хотя названия эти и не вполне точно определяют их направления).

Последние, несмотря на свое значительное меньшинство, вели себя на Соборе очень агрессивно и даже нахально. Быть может, что само сознание неустойчивости своей «идеологической» позиции придавало отчаянную решимость и дерзновенность представителям этой так называемой «профессорской» группы соборных смутьянов-обновленцев, ожесточенно противоборствующих восстановлению порушенного канонического церковного строя и цепко державшихся за милые им синодальные «устои».

В своей безумной, антицерковной, борьбе с каноническими началами, все более и более овладевавшими общесоборным разумом, «профессора»-обновленцы, просочившиеся на Собор (со своими целями), нисколько не стеснялись в средствах

защиты занятой ими позиции и уязвления инакомыслящих, нередко беря пример в этом совсем не с церковных образцов.

И создалось чрезвычайно странное, даже парадоксальное явление: церковные «либералы» оказались практически злостнейшими реакционерами, защищая мрачные основы церковной акефалии, насажденной и культивировавшейся государственно-полицейской синодалыщиной, в то время как радетели восстановления Патриаршества стали глашатаями жизненного и чистого церковного начала, несущего подлинную внутреннюю свободу Церкви и Ее органичный, структурный правопорядок, отнятый от Нее в давние времена.

На Соборе знаменательно вскрылось (но не все, к сожалению, это поняли!), что петровская синодалыщина это – по сущности своей – поповское обновленчество, снюхавшееся с государственной властью и перешедшее к ней на содержание для побегушек по мелким услугам; торгующая своим первородством или сознательный отход (в угоду этому «другому господину») от канонического строя церковного; здесь Книга Правил отменяется и утверждается Духовный Регламент – бредовое феофановское чревоуветствование или так называемый «Декрет об отделении Церкви от государства» – безграмотно переписанный с западных актов такого же назначения (Америка, Франция). А в раблепии своем А. И. Введенский доверится до того, что провозгласит, что только догматы неизменны, а каноны – чепуха, ибо «прегрешают».

Как выяснится впоследствии, все перлы обновленчества: лжесоборность или поповский парламентаризм; беспрецедентная по своей наглости «благовестническая» демагогия и господство числа, – все эти признаки и зачатки, обнаружившиеся лишь слегка и в известной степени в 1917 году в самом отстоявшемся, концентрированном виде, явятся главнейшими элементами мертворожденной «Живой Церкви» 1922 года.

На Соборе все это «сверкнуло» и... прошло незамеченным.

Отсюда (в значительной мере) и явилась печальная возможность для рецидива обновленчества в 1922 году, когда оно, рвущееся будто бы к каким-то «древлеапостольским

временам», а практически барахтающееся в зловонной синодальной скверне, приправленной еще и современной полицейщиной, предстало нам во всем «блеске» своего реакционнейшего и злобного нутра, сшитое по системе «тяп-ляп» в ведомстве Е.А. Тучкова и иже с ним не только ради нецерковных интересов, но, конечно, и в явный и сознательный вред Церкви; в скрытых целях нанесения Ей ущерба; ради всеконечного разрушения и уничтожения Ее.

Но как известно ныне всему миру: всеу трудился Евгений Александрович; напрасно бодрствовал сей «страж» напрасно рано вставал и поздно просиживал... ибо не дано было ему знать, что (выражаясь словами И.В. Сталина) «сие от него не зависит»...

А «великие» идеи обновленчества исчерпались сексуальным вопросом, водевилем с переодеванием попов в светский костюм и последними достижениями парикмахерской моды. И только бесчисленные людские страдания и обильно пролитая исповедническая кровь заставляют никогда не забывать об этой самой страшной из всех провокаций – поповской, или, как они сами ее окрестили, «обновленческой»!

К чему же рвалось соборное большинство? В двух-трех словах смысл Патриаршества можно обозначить понятиями: каноничность, традиция и здоровый церковный консерватизм.

И прежде всего это значит, что «меняются формы высшего управления Поместных Церквей, меняются самые Поместные Церкви, но неизменно сохраняется тот закон высшего управления, по которому оно возглавляется Первоиерархом в каждой Поместной Церкви.

Печальным исключением является наша несчастная Русская Церковь со своим Синодом. Вся Вселенская Церковь Христова до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без Первоиерарха. Никогда и Русская Церковь не была без Первоиерарха» (Иларион [Троицкий], проф.-архимандрит. Почему необходимо восстановить Патриаршество? [Акты... С. 44]).

К сожалению, об этом бесконечно приходится твердить, т. к. слишком многие церковные люди стали в наше время мыслить

совершенно нецерковно; утратили (совсем или частично) чутье и остроту понимания церковной пользы и вообще церковной «добротности». То, что в старину являлось элементарным понятием, впитанным с молоком матери, для полуграмотного черного попа в какой-нибудь пошехонской глуши, в какой-либо шаталовой пустыни, теперь не укладывается в ученой голове столичного магистра богословия и требует бесконечных доказательств; подобной ученой публике Патриаршество кажется каким-то недоразумением, чем-то слишком уж косным, пахнущим сермяжной «Святой Русью» (хотя бы и с Нестеровскими пейзажами); в лучшем случае церковной «стилистикой» или модной церковной археологией.

И немудрено; после 200-летней квазикультурной дрессировки значительная часть русского общества настолько внутренне отпала от понимания и чувствования национальных церковных идеалов, что уже ни на йоту не интересуется Ею в жизненном, практическом смысле. Представители еще более «интеллигентных» кругов в своем духовном отупении докатились и до того, что с удивлением слышат о современном существовании Церкви Христовой на земле, Которая как им казалось (и как они усвоили из газет), давно уже «отжила свой век» и сдана в архив за ненадобностью.

И вдруг! – как восклицает Е.Е. Голубинский и К^о, в наше «не патриаршеское время» из всей этой археологии, из нафталина вытаскивается, как некая ветошь, какое-то Патриаршество и преподносится нам («культурным-то людям»!), как нечто современное, будто бы необходимое и, даже «прогрессивное».

Церковная интеллигенция наша, к сожалению, так крепко усвоила и затвердила то ложное, навеянное нерусскими настроениями положение, что так как Петр I в своей деятельности был явлением будто бы передовым для своего времени и совершал все только «передовое», «великое» и уж, конечно, лучшее по сравнению с тем, что было заведено до него, то и учиненная им церковная вивисекция есть, без сомнения, также культурное завоевание и шаг вперед... И – рассуждают интеллигентные люди – хотя бы по одному только этому возвращаться после Синода к какому-то давно забытому

Патриаршеству есть недоразумение и позор. К сожалению рассуждающие так упускают из виду, что подобное мышление является нецерковным, новым и вредным.

Нецерковно оно потому, что противоречит Божественному Церковному Законодательству— кодексу канонических норм, содержащему в «Книге Правил» для руководства всеми Православными Церквями всех народов и стран, на вечные времена — до второго пришествия Христова (могущему корректироваться и дополняться лишь совокупностью всех Православных Церквей, явленной на Вселенских Соборах); новым оно является потому, что измышлено всего лишь двести лет тому назад в противоречие действующей практике всех, без исключения, Православных Церквей, по воле одного мирянина вопреки желанию всех и вся; вредным оно является потому, что 1) разрушает вселенскую дисциплину и благодатное единомыслие, 2) вводит ненужное, ничем не оправданное соблазнительное новшество, 3) предписывает и внедряет в церковный быт более несовершенную и порочную административную практику по сравнению с преждебывшей: преподанной апостолами, освященной веками, опробованной и усовершенной вселенским опытом.

Мыслить церковно — это значит мыслить во благо Церкви Христовой, а не в пользу и не в интересах какого-либо «церковного» течения или партии, какими бы «блистательными» и «древлеапостольскими» лозунгами она ни прикрывала свою схизматичность.

Есть некоторые чересчур смиренные овцы стада Христова, которых немало «смущает» то обстоятельство, что синодальный строй существовал ни более ни менее как «целых двести лет», и уже одно это обстоятельство ставит под сомнение целесообразность и даже законность его ликвидации. Но в плане вечности «целых» двести лет являются всего лишь как «только» двести лет и сами по себе ничего положительного не представляют. От того, что болезнь затянулась и первоначальная острота ее боли, быть может, и изгладилась совершенно, — она все же не превратилась в здоровье и — пусть скрыто — продолжает изнурять пораженный ею организм.

Подобно этому и синодальный строй, сколько бы времени он ни продолжался, остается по-прежнему раковой опухолью, разъедающей и разрушающей тело церковное изнутри, и только совершенно косный и инертный верующий человек или скрытый враг Церкви могут не считать его страшным бедствием церковным[s]¹²⁵.

Людам, не понимающим значительность смысла Патриаршества и преимущественности его как единственно возможной формы высшего церковного управления, необходимо четко понять и иметь в виду и то обстоятельство, что в Церкви Божией, как ни в каком другом живом общественном организме, настолько велика и сильна связь формы с содержанием, настолько тесно нервное переплетение всех Ее частей и их проявлений, что нельзя нарушить одного, не задев и не исказив тем самым другого.

И чем существеннее нарушение формы, тем глубже и существеннее искажается содержание. (Рассмотрением этого положения мы займемся несколько ниже.) В Церкви Божией настолько тесно переплетение всех Ее выявлений, функций и образов (повторим еще раз) и настолько одно восполняет другое, что – говоря в хорошем смысле – иногда рискованно снимать даже «церковную паутину» (Антонин Грановский). Это значит, что в Церкви каждое действие, каждый жест и шаг, имеющие церковно-общественное значение (а здесь почти все имеет общественное значение), должны делаться настолько продуманно и деликатно, – даже как бы и невидимо, – чтобы не задеть и не исказить ни одного из других церковных установлений, качественно вечно добротных и благодатных и, стало быть, вечно ценных, ибо постоянно питающих и тренирующих души людские в Христовом духе.

Восстановление Патриаршего строя в Русской Церкви диктовалось не каким-то усердием не по разуму в увлечении отечественной стариной и церковной археологией; гипнозом богослужебной ритуальности патриарших церемоний. Также не косностью и ретроградством патриархистских мозгов, о чем постарались разблаговестить повсюду обновленческие публицисты из «блока» Львова–Титлинова–Введенского, а

здоровым и неповрежденным церковным сознанием, которому невмогуту было далее терпеть синодальщину, эту обновленческую скверну XVIII века. Не восстанавливать Патриаршества в 1917 году было просто нельзя, ежели после гибели царизма мы хотели сознавать себя в лоне Русского Православия.

И Собор 1917–1918 гг. первое время своей работы хотя и был – развернувшимися тогда политическими событиями – невольно увлечен в сторону от своей главной задачи (на что, собственно, и рассчитывала агентура «прелазающих инуде»), вскоре же обрел в себе силу воли и вплотную подошел к выполнению своей единственной, но огромной, исторической миссии.

И Церковь возрадовалась в преддверии своего Праздника Праздников.

Из обилия мыслей и рассуждений, высказанных в связи с восстановлением у нас канонического строя, нам показались наиболее содержательными, принципиальными и заслуживающими всяческого внимания речи-статьи (опубликованные впоследствии) следующих видных соборян: С. Н. Булгакова, Н. И. Троицкого и А. В. Васильева, значительные выдержки из которых и предлагаются ниже вниманию благосклонного читателя.

(Не упоминаем здесь речь инспектора Московской Духовной Академии известного в свое время профессора-архимандрита Илариона Троицкого: «Почему необходимо восстановить Патриаршество?». Она произвела чрезвычайное действие на Соборе, как говорили очевидцы, и, пожалуй, явилась той каплей, которая дала окончательный перевес чаши весов в пользу восстановления у нас Патриаршества. Речь эта была широко известна среди церковного люда и весьма популярна в первые годы по восстановлении Патриаршества. Она опубликована в октябрь-декабрьском номере журнала «Богословский Вестник» за 1917 год; была широко распространена и в рукописях [См. Акты.. С. 41–46].

Член Собора С. Н. Булгаков говорит: «Итак, что же такое Патриаршество? Идет ли речь лишь о почетном

председательстве Синода, „титულярном Патриархе”, права которого надо предусмотрительно ограничить „конституцией”, о новой должности или церковном чине? Так склонны думать многие, по формуле „первый между равными” делающие логическое ударение не над „первый”, но над „равными”, и первенству власти противопоставляющие безвластное первенство чести. Однако в жизни Церкви это „первенство чести” придает свой особый, хотя и не поддающийся точному определению авторитет, и церковное чувство, вопреки этим конституционным теориям, склонно воспринимать Патриаршество не только как должность, но и как особый священный сан, коему соответствует своя особая помазанность (в древнерусском чине поставления в Патриарха к нему применялось даже новое рукоположение во епископа; теперь, конечно, такая практика оставлена). Мы не хотим прибавлять к трем степеням священства еще четвертую, и Патриарх есть, конечно, только епископ, коему, однако, вверяется особое служение – быть единоличным предстоятелем Поместной Церкви. Но вот это-то качество патриаршего сана, которое присуще ему в церковном сознании, нельзя умалить никакими параграфами конституции, хотя, в то же время, рассуждая юридически, он не есть абсолютный Глава Церкви, а только председатель Синода. При этом совершенно ясно, что хотя между правами этого председательствующего первоиерарха, будь он Патриарх или же только митрополит, и не существует ощутительной разницы, однако авторитет того и другого будет не одинаков, хотя эти преимущества патриаршего сана и не могут быть отчетливо выражены юридически [...] Для Православия, где с равной силой утверждаются начала и соборности и иерархизма (ибо, конечно, между обоими этими началами нет антагонизма, но существует гармоническое согласие), дать юридически четкое определение затруднительно и важнее этой юридической анатомии здесь физиология. А она-то говорит, что, помимо церковно-канонических правил, Патриарх имеет еще особый иерархический авторитет, ибо в нем *выражается живое единство Поместной Церкви* [разрядка наша. – *Сост.*]. Этот авторитет связан с самым

саном, а не с личными только качествами его носителя, которые способны лишь возвеличить или умалить его авторитет. В нем Поместная Церковь осознает Себя органической частью Церкви Вселенской [разрядка наша. – *Сост.*].

В этом сознании заключается, пожалуй, самое существенное и новое из того, что приходит к нам с Патриархом. Мы уже сказали, что не видим в нем археологической реставрации, хотя он и связан со священным преданием церковной старины. Патриаршество восстанавливается у нас теперь при иных условиях, внешних и внутренних, нежели в Московской Руси. И прежде всего там оно соединялось с укреплением царской власти и служило ее возвеличению, само терпя, быть может, ущерб от этого последнего. Царской власти принадлежали и законные права в Церкви, кроме тех, которые она узурпировала, идя путем цезарепапизма. Теперь к Патриаршеству и ко всей Церкви отходит и эта власть; Патриаршество является символом церковной независимости [разрядка наша. – *Сост.*], причем ему приходится вести церковный корабль по бурным волнам среди всеобщей смуты, вместо прежней безопасности, в гавани государства. Но еще важнее внутреннее различие [...] Поставив Церковь под колпак государства и превратив Ее в синодальное ведомство, Петр укрепил наш церковный провинциализм, с верным инстинктом лишив Церковь Патриарха и заменив его Синодом, который и стал живым символом этого провинциализма. Этим вносилось в Церкви ведомственное, сословное начало, воцарялась та затхлость и бескрылость, которая так болезненно ощущается и сейчас. Европеизируя Россию через „Петербург“, окно в Германию, Петр прививал России яды протестантской культуры, в то же время парализуя жизнь Церкви и преграждая путь к вселенскому Ее самосознанию. Результаты этого рокового пути, пройденного нами до конца, теперь определились: они оказались одинаково губельны и для государственной, и для церковной жизни.

Теперь мы стоим на повороте, перед неведомым будущим и страшным настоящим. И вот в жизни Церкви ранее, чем в жизни государства, началась работа положительного строительства, и

в восстановлении Патриаршества полагается одна из его основ. В отличие от Московской Руси, где Патриаршество все-таки являлось лишним средством национального обособления, ныне для нас оно есть орган вселенского сознания Православной Церкви, каким не мог являться провинциальный коллегий Синода. *Патриарх есть церковная вершина, возвышающаяся над местной оградой, видящая другие вершины и видимая ими* [разрядка наша. – Сост.]. Вместе с его появлением неизбежно возникает вопрос об его соотношении с другими Патриархами, следовательно, об организации власти и по всей Вселенской Церкви, о соотношении всех патриархий. И здесь мы снова вступаем на древне-каноническую почву. Ибо в канонах действительно ставился этот вопрос. В ту эпоху он обычно решался в смысле признания первенства чести за римской кафедрой, за которую непосредственно следовала константинопольская [...] После разрыва Константинополя с Римом эти отношения, очевидно, должны были определяться иначе, однако самый вопрос не может быть упразднен. И с этим стоит в связи и более общий и важный вопрос – о живом выражении этого вселенского сознания, – т. е. не о Поместном только, но и о Вселенском Соборе. А потребность в последнем начинает уже намечаться: *мы стоим накануне большого догматического движения* [разрядка наша. – Сост.], и признаки его налицо. Достаточно указать на возникший уже вопрос о смысле почитания имени Божия, в котором затрагивается самое существо Православия. Но и помимо этого мы живем в такую эпоху, когда замкнутое, провинциальное существование Поместной Церкви становится уже невозможным, когда возникает ряд вопросов не только между-церковного, но и между-вероисповедного характера. Вопросы англиканства, старо-католичества и т. п. только отсрочиваются нами. А важнее всего, конечно, стоит вопрос об основной болезни всего христианского мира, о разделении между восточной и западной Церковью, которое не может не вызывать непрестанной боли в христианском сердце. В европейской, а вместе и русской трагедии, развертывающейся перед нашими глазами, не осуществляется ли ныне то зло, которое было

посеяно тысячу лет назад, в те недобрые дни, когда назревала последняя распря константинопольского и римского престолов? И если Провидению угодно, чтобы настал, наконец, исторический час, когда ощутится близость чуда – нового мира во Вселенской Церкви, то мы должны быть готовы, чресла наши препоясаны и светильники горящи. Вот какие всемирно-исторические перспективы открываются с той вершины, на которой мы ныне находимся, вот какие думы навевает день торжественного на stolования Святейшего Патриарха всея России. *В таком смысле приемлем мы совершающееся торжество»* [разрядка наша. – Сост.] (Булгаков С. Н., проф. Смысл патриаршества в России // Деяния. Кн. III. С. 18–21 [Акты... С. 24–27])[†].

Следующий наш автор, проф. Н. И. Троицкий, о затронутой теме говорит следующее:

«Если по указанию самой истории уже необходимо восстановление Патриаршества на Руси, то спрашивается: каким же должен быть Патриарх в отношении к прочей иерархии, особенно – к епископам? На это уже существует ответ: в отношении к епископам Патриарх должен быть „первым иерархом между равными“. И это есть совершенно точное о нем понятие, и только оно придает ему истинно апостольский характер. Здесь, в обширных речах некоторые собеседники несколько касались святости Церкви, многие и много, до излишества, говорили о соборности Ее, но сравнительно очень мало было сказано о Ее апостольстве. А между тем именно с этим Ее характером стоит в связи данное понятие о Патриархе, как „первом между равными“. По этому поводу некоторые здесь прямо заявляли о своем решительном недоумении, – что „такого-де лица и представить нельзя...“ что „такое-де понятие просто бессмыслица...“ А нам это заявление о таком недоумении и в столь резких выражениях представляется глубоко кощунственным, если не прямо богохульным...

Нет, понятие: „первый между равными“ имеет для себя глубокое догматическое и историческое основание. Пред вознесением Своим на небо Спаситель, посылая учеников Своих на всемирную проповедь, повелел им: „Шедше, научите

вся языки, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа” (Мф.28:19). И мы Православно исповедуем, что Лица Св. Троицы равны и равночестны, но первое именуется Отцом, и это лицо Отца будет именоваться всегда первым из трех лиц Св. Троицы, равных между собою. Перестановка здесь невозможна, и порядок этот останется вечно неизменным, ибо и он основывается на истории божественного Откровения. Лице Отца открывается первым, ибо *„так возлюбил Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруя в Онъ не погибнет, но имать живот вечный” (Ин.3:16).* Лице Сына открывается вторым, ибо Сын говорит о Святом Духе: *„Аз умолю Отца и иного Утешителя даст вам, да будет с вами во век” (Ин.14:16).* Такова последовательность в откровении Троицы Божества в историческом деле устройства нашего спасения. Как же можно изменить сей порядок! И при этом порядке Лица Святой Троицы все равны: здесь нет подчинения одного Лица другому, но есть первое между равными и – всегда первое между всегда равными, и при таком равенстве сии Лица никогда не могут быть смешиваемы и переставляемы. Посему-то и Спаситель, открывший тайну трех Лиц Божества, повелел возвещать ее только в порядке исторического откровения, как она действительно была и пребудет открытою. Ввиду сего желалось бы нам спросить недоумевающего нашего собеседника: *„Учитель Израилев, сихли не веси?”*

Но от Евангельской догмы переходя к апостольской истории, видим, что идея – „первый между равными” – встречается при самом возникновении Апостольской Церкви, – в первом сонме 12 Апостолов. Находясь в пределах Кесарии Филипповой, Спаситель обратился к 12 ученикам с вопросом: *„За кого вы почитаете Меня?”*. Из числа Его равных доселе по своему достоинству учеников выступает Симон Ионин первый и отвечает за всех: *„Ты Христос, Сын Бога Живаго...”*. В момент своего выступления апостол Симон был совершенно равен с другими: в этот момент он даже еще не имел и знаменательного названия Кифа или Петр, которое дано ему было после его ответа – исповедания. Название Кифа или Петр, что значит „скала”, есть отличие чести, а не преимущество власти.

Подобные знаменательные имена давал Спаситель и другим Своим ученикам: так, апостолы Иаков и Иоанн, сыны Зеведеевы, за свою пламенную ревность к делу проповеди и обращения самарян, получили название Беней-регешь или Воанергес, что значит „сыны грома”, т. е. молнии (Мр.3:14,16–17; ср. Лук.9:54,56 и 1Ин.4:1–3). И это наименование было также отличием их чести, а не преимуществом власти.

Когда по вознесении Господа нужно было избрать двенадцатого апостола на место Иуды, то это, в высшей степени важное, дело возбудил первый Симон Петр, и опять как первый между равными. „Став посреди учеников (а это значит – как равный между ними), Петр сказал: Мужи братия, надобно, чтобы еще один из нас вместе с нами был свидетелем воскресения Господа и пр. ” (Деян.1:15,21–22 и сл.). И еще примечательнее: в день Пятидесятницы, по сошествии Св. Духа равно на всех Апостолов, когда народ, видя чудесное событие, изумлялся и недоумевал, что это значит, то „Петр став с одиннадцатью” (очевидно, как первый между равными и от лица всех), воздвиг голос свой и объяснил „всему дому”, т. е. народу Израилеву, что „Бог соделал Господом и Христом Иисуса Распятого”. Тогда же и слушатели обратились к Петру, как к первому из сонма Апостолов с весьма важным вопросом их жизни: „Что нам делать?”. Петр снова отвечает первым: „Покайтесь, и да крестится каждый из вас” (Деян.2:14,22...). [Далее в указании глав и стихов, в тексте – опечатки. – *Сост.*]

Наконец, и на Апостольском Соборе в Иерусалиме апостол Иаков, этот „сын грома”, первого говорившего там апостола называет только „Симон”, не прибавляя наименования „Петр”, как не выражающего собой преимущества его власти. Хотя апостол Петр и указывает здесь на то, что Бог избрал его первым из среды Апостолов, чтобы из уст его язычники услышали слово Евангелия и уверовали; однако и столь уполномоченный в этом отношении к язычникам, он не желает действовать единовластно, а действует в согласии со всею Церковью. И окончательно решающее слово произнес апостол Иаков, а не Петр (Деян. 11:1, 4–10, 15–28; 15:7, 13–14, 19, 22–23). И это неизменно должно было так совершаться потому, что

право учения, власть прощения грехов и благодать чудотворений Апостолам принадлежали всем в равной степени.

Итак, и Самому Христу, и Апостолам, и всему народу Симон Петр говорил, как „первый между равными”, или, как выражается дееписатель Лука, „став посреди учеников”, или „став с одиннадцатью”. И, будучи первым между равными, что же собственно делает Симон Петр? Пред Христом он излагает исповедание веры Апостолов; между Апостолами он возбуждает и совершает дело избрания и поставления Апостола; пред всем народом, в присутствии всех Апостолов, он проповедует о воскресении Распятого, утверждая новый догмат – о даровании Церкви обильных даров благодати, совершает таинства покаяния и крещения новообращенных. Наконец, на Соборе Апостольском он первым произносит речь по существенному важному вопросу о принятии новообращенных из язычников в лоно Церкви Христовой с равным правом на получение благодати, какое имели обращенные из иудеев, совершавшие обрезание по закону Моисееву, иначе об отмене обрезания. И все это делает апостол Петр не единолично и не единовластно, а вместе с другими Апостолами, как имеющими с ним равные права. Но, как первый и таковой между сими ему равными, он и есть Апостольский прототип всех Патриархов последующих исторических времен Церкви Православной Вселенской. Таким-то именно должен быть и высший иерарх Русской Церкви: „как первый между равными ему иерархами”, первый – и в деле исповедания веры, и в управлении Церковью, и в приумножении Ее членов.

Такое, истинно апостольское Патриаршество и предстанет в Русской Церкви, если Патриарх Ее будет именно, как первый между равными. Однако, говорят, трудно, даже невозможно найти идеально-совершенное лицо, которое было бы достойно столь высокого сана и достаточно по своим личным силам для столь трудной должности. Да, но в делах, касающихся области научных знаний и глубоких, специальных исследований в этой области, Патриарху обязана и будет помогать академическая кафедральная ученость. А чтобы

Патриарх непостыдно совершал свой подвиг труднейшего из всех служений, особенно в наше время, *сего ради* наша Всероссийская Православная Святая Церковь *помолится* и непрестанно будет молиться о Патриархе, как своем Отце, – *да приидет на него сугубая благодать Всесвятого Духа...*» (Троицкий Н. И. В защиту Патриаршества // Деяния. Кн. 3. С. 25–28 [Акты... С. 31–33]).

И, наконец, у третьего автора – члена Собора А. В. Васильева – читаем о Патриаршестве и истинной соборности в Церкви Православной следующее:

«Православное исповедание веры гласит о *святой, соборной и апостольской* Церкви. *Святость* Церкви обуславливается верностью Ее *апостольскому преданию и соборности*. Существеннейшая же часть апостольского в Церкви предания, это – Ее *священноначалие*, передаваемое преемственно через рукоположение святительское от Апостолов. Православно понимаемая соборность, по которой все стосковались и восстановления которой хотят, объединяет в себе *совет и священноначалие*. *Прообраз соборности Троицын* Бог; при равночестности Божественных Лиц в Нем есть и священноначалие. От единого источника – Начала – Отца рождается Слово-Сын и исходит Дух Святой. Господь наш Иисус Христос говорит: „Аз и Отец едино есма”; „видевый Мене виде и Отца”; но Он же сказал: „Отец Мой болий Мене есть” и „сنيдох с небесе да не творю волю Мою, но волю пославшего Мя Отца”. В предвечном Божием Совете о творении мира и человека участвуют все Божественные Лица; но Сын покорствуется Отцу до самоуничтожения, до сошествия на землю в образе человека-раба, до страданий и смерти крестной. И Дух равен Сыну и Отцу; но Сын посылает Его от Отца и Он покорен Отцу и Сыну, нисходит на нашу грешную землю, животворит, просвещает и святит ее. И весь мир, и все населяющие его Богозданные твари носят в себе, в меру большего или меньшего их совершенства, образ и подобие своего Творца.

О человеке прямо сказано в книге Бытия: „Сотворим человека по образу Нашему и по подобию”. Человек, как и его Творец, соборен и иерархичен в телесном составе, а в

душевном существе – триедин. Но человек в его отдельности еще не венец Божественного творчества. Правда, сотворив его в 6 день, Бог почил от дел Своих; но Господь наш Иисус Христос говорит: „Отец Мой доселе делает и Аз делаю”. Но это Божественное делание уже не непосредственный вызов стихий и существ Божественным Словом из небытия к бытию, а зодчество из данных в первые дни стихий и сил, совершаемое при посредстве созданных тогда же разумных тварей, главным образом – человеков и ангелов. Человек не только телесно-душевное существо, но и носитель духа, доброго или злого. А мы, ученики Христовы, призваны Им, Господом нашим Иисусом Христом, к созиданию Церкви – Тела Его. „Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь” (Гал.3:27), „наздани бывше на основании Апостол и Пророк, сущу краеугольну Самому Иисусу Христу, о Нем же всякое создание составляемо растет в Церковь святую о Господе, о Нем же и вы созидаетесь в жилище Божие Духом” (Ефес.2:20–22), „каждому из нас дана благодать по мере дара Христова” (Еф.4:7). „И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все приидем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова” (Еф.4:11–13).

Церковное наше священноначалие идет и получает свое освящение и благодатную силу и власть не от избрания снизу, а сверху. „Не вы Мене избрали, говорит Христос ученикам: но Я вас избрал”. И Он дал им власть учить и священнодействовать, вязать и решить и пасти Его стадо, и от Апостолов передается преемственно эта власть чрез святительское рукоположение доныне. По Православному нашему пониманию, Церковь не только общество верующих, но – тело Христово; тело же возглавляется единою главою, а все его члены от нее получают веления, куда им двигаться или что делать. Верховному Апостолу Петру трижды повелел Господь: „паси агнцы (овцы) Моя”; и на этом камне воздвиг Он Церковь Свою и обещал, что врата адова не противостанут Ей. И Церковь Христова, в православном Ее понимании, не бездеятельная и не

оборонческая, но воинствующая, наступательная. „Дадесе Ми *всяка власть* на небеси и на земли. Шедше научите *вся языки*, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам; и се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века”, – таковы последние слова, последний завет Господа нашего Иисуса Христа Апостолам и их преемникам, перед вознесением Его на небо. И как всякому великому воинству необходимы единый верховный вождь и подчиненные ему вожди – военачальники в каждом самостоятельно действующем отряде, так и великое воинство Христово – Святая Вселенская Церковь, возглавляемая единым Верховным Пастыреначальником Господом Иисусом Христом, в каждой из автокефальных, самостоятельных своих частей должна иметь подчиненного только Ему своего верховного пастыреначальника и вождя, в лице первоиерарха своего народа, своей области, или страны.

И действительно: уже Апостольское 34 правило предписывает „епископам каждого народа знать первого из них, яко главу”. Зонара, толкуя это правило, говорит: „Как тела движутся неправильно или даже и совсем делаются бесполезными, если голова не сохраняет своей деятельности в здоровом состоянии, так и тело Церкви будет двигаться беспорядочно и неправильно, если первенствующий в нем член, занимающий место головы, не будет пользоваться подобающе ему честью. Посему настоящее правило повелевает, чтобы первенствующих епископов в каждой епархии, т. е. архиереев митрополий, прочие епископы той же епархии почитали главою и без них ничего не делали такого, что имеет отношение к общему состоянию Церкви”. Это правило подтверждено и расширено правилами св. Вселенских и Поместных Соборов; и если в Апостольских правилах повеление это дается *епископам* каждого народа, то правило 6 Никейского 1 Собора говорит: „Да сохраняются древние обычаи, принятые в Египте, Ливии и в Пентаполе, дабы Александрийский епископ имел власть над всеми сими, понеже и Римскому епископу сие обычно. Подобно и в Антиохии и в иных областях да сохраняются преимущества Церквей”.

Толкователи же этого правила 1 Вселенского Собора говорят следующее. Аристин: „Каждый Патриарх должен довольствоваться своими преимуществами, и никто из них не должен восхищаться иной областью, которая прежде и от начала не была под его властью... Но и епископы каждой области должны знать *своего первого*, т. е. епископа, предстоятельствующего в митрополии, и без соизволения его не избирать епископа; если же и выберут кого-либо без соизволения его, таковому не быть епископом”. – И Вальсамон: „Настоящее 6 правило и 7 определяют, чтобы по древним обычаям почтены были честью четыре Патриарха, т. е. Римский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский (о Константинопольском будет изъяснено в других правилах), и чтобы Александрийский имел преимущество над областями Египта, Ливии и Пентаполя; подобным образом Антиохийский над областями Сирии, Келесирии, Месопотамии и обеих Киликий, а Иерусалимский над областями в Палестине, Аравии и Финикии, потому что, говорит, и Римский епископ имеет преимущество над западными областями. Таким образом правила хотят, чтобы Патриархи имели преимущество над митрополитами, как подчиненными, так, чтобы подчиненные им епископы без них не делали ничего, превышающего их власть”.

Правило второе II Вселенского Собора подтверждает права и преимущества тех же Церквей, а третье правило того же Собора постановляет: „Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по Римском епископе, потому что град оный есть новый Рим”.

Двадцать восьмое правило IV Халкидонского Собора подтверждает правило III Собора 150 отец, т. е. II Вселенского, о преимуществах св. Церкви Константинопольской, нового Рима, определяя ему быть второю по чести после Римской, а правило девятое того же Халкидонского Собора определяет, чтобы клирики не судились в светских судилищах: „Аще же на митрополита области епископ или клирик имеет неудовольствие: да обращается или к экзарху великие области, или к престолу царствующего Константинополя и перед ним да судятся”.

Наконец, тридцать седьмое правило Апостольское, девятнадцатое IV Халкидонского, восьмое – VI и шестое – VII Вселенского Соборов указывают: первые два не менее двух раз, последние два не менее раза в год в каждой церковной области быть собранию епископов, возлагая обязанность созвания Соборов на областных митрополитов (или, что то же, на Патриархов), предоставляя им назначить и место, где быть Собору, и подвергая ответственности тех из митрополитов, которые пренебрегут исполнить сие не по нужде или насилью и не по какой-либо уважительной причине: такой митрополит, говорит шестое правило VII Вселенского Собора, подлежит епитемии по правилам.

Таков издревле установившийся, утвержденный канонами, порядок Управления христианскими автокефальными Церквями, соблюдаемый на всем Православном Востоке и доныне: каждая самостоятельная Православная Церковь возглавляется Первоиерархом, которого остальные епископы церковной области признают „яко главу” и между этими главами автокефальных Церквей первенство чести принадлежало прежде римскому епископу, а по уклонении последнего в ересь это первенство принадлежит Константинопольскому Патриарху, от которого и первоиерархи-митрополиты Русской Церкви получили свое посвящение и находились в некоторой зависимости, пока эта Церковь не стала вполне автокефальной, получив своего Патриарха в лице Иова. И Русские Патриархи были достойными преемниками святителей-митрополитов Киевских и Московских, продолжая их дело благоустройства Церкви и государственного строительства. Между ними были такие могучие и светлые личности, как Филарет, Никон и Ермоген. Они совершали свое великое дело окормления Русской церковной жизни не единолично, а с соборами подвластных им епископов и других клириков, в согласии с царской властью и в живом общении с Первоиерархами других автокефальных Православных Церквей. Деспотизм Петра I, упразднивший в Русской Церкви соборность, упразднил и Патриаршество, подменив его коллегией – Синодом. И по учреждении Синода Русская Церковь до наших дней [1917. –

Сост.] не оскудевала богато одаренными и благодатствованными святителями: Димитрий Ростовский, Митрофан Воронежский, Тихон Задонский; Филареты, Платоны, Иннокентии и Феофаны и множество других угодников, подвижников и светильников. Но коллегиальное устройство и порядок высшего управления церковного не давали этим богатырям духа развернуть во всю ширь их обильные дарования и принести всю ту пользу Русской Церкви, русской общественности и государственности, в деле просвещения и охристианения последних, как это могло бы быть при иных условиях и укладе русской церковной жизни.

По всем приведенным выше основаниям: догматическим, каноническим и историческим, восстанавливаемая ныне в Русской Церкви соборность должна быть увенчана и восстановленным Патриаршеством.

Избранный Собором, возведенный на вдовствующий два века Патриарший Престол Первосвятитель Всероссийской Церкви возглавит собою весь сонм Ее епископов, являя собою „конечное исполнение церковное“, т. е. завершение строительства церковного. Без этого возглавления перестраиваемое ныне заново, но в духе святой старины, на соборном основании здание Всероссийской Церкви оставалось бы незавершенным. [...]

Да совершит же, с Божиею помощью, Священный Собор, без дальнейших колебаний и отлагательств это, быть может, *важнейшее из ожидаемых от него всем верующим русским народом деяние* [разрядка наша. – Сост.], и Бог благословит и дальнейшее соборное делание. [...]

Основная задача Священного Собора – это положить начало восстановлению в жизни нашей Церкви и нашего Отечества исповедуемой нами в 9 члене Символа веры, но в жизни пренебреженной и подавленной *соборности*. Если мы исповедуем Церковь соборною и *апостольскою*, а Апостол определяет Ее как *тело Христово*, как живой организм, в котором все члены находятся во взаимообщении и соподчинены друг другу, то значит, такая соподчиненность не чужда началу соборности, и соборность *не есть полное равенство*

одинаковых членов [разрядка наша. – Сост.] или частиц, а содержит в себе признание *личного* и *иерархического* начал. В одном из заседаний Отдела о Высшем Церковном Управлении член Собора естествовед И. Ф. Иорданский в подтверждение верности только что высказанного мною положения дал нам картину человеческого тела, в котором из атомов слагаются ткани, из тканей органы, органы образуют системы органов, и все это обслуживает друг друга, соподчинено одно другому, в конце концов управляется единым жизненным центром. Таким образом, и под соборностью нельзя понимать безусловное равенство одинаковых человеческих особей, управляемых численным большинством. В соборности находит себе признание и утверждение личность с присущими ей особенностями, ставящими ее в определенное соотношение к другим личностям и к целому, которого они являются частями. Соборность не отрицает власти, но требует от нее *самоопределения к служению подвластным*, а от последних *самоопределения к добровольному ей повиновению*. Итак, власть, определяющая себя, как *служение*, по слову Иисуса Христа: первый из вас да будет всем слуга, – и *подвластные, добровольно покорствующие признаваемому ими авторитету*, – *согласие, единомыслие и единодушие*, в основе которых лежат взаимные, общие друг к другу доверие и *любовь*, – *такова соборность*. И только при ней возможно существование истинной христианской свободы и равенства и братства людей и народов. По такому началу соборности строилась в допетровские времена на Руси вся не только церковная, но и гражданская и государственная жизнь. Но настала [...] полоса, когда [...] *соборность была подменена коллегиальностью*. Подмена эта в церковной жизни совершена Петром I и его сподвижником и вдохновителем Феофаном Прокоповичем чрез учреждение Духовного Коллегиума, получившего название Святейшего Правительствующего Синода. Скажу вкратце о том, как показала себя эта вновь заведенная коллегиальная соборность в первом же заседании Святейшего Синода. На всеподданнейшем докладе с вопросом о том, как поминать на литургии вместо упраздненного Патриарха заменивший его

Коллегиум, Петр написал: „Святейший Правительствующий Синод”. Вице-президенты Синода Феодосий Яновский, архиепископ Новгородский и Феофан Прокопович, архиепископ Псковский из угодливости Петру дали распространительное толкование его пометке, – в том смысле, что-де Православных Восточных Патриархов поминать на литургии не следует. Когда же первенствующий в Синоде член бывший Местоблюститель Патриаршего Престола, митрополит Рязанский Стефан Яворский остался по этому делу при особом мнении, то Синод запретил своему президенту не только напечатать его мнение, но и в рукописи кому бы то ни было его показывать под страхом тяжкой перед царем ответственности – „как бесполезное и зело вредное, и явно лживое, и именному указу противное, и мир церковный к смятению возбуждающее”! – Вот какие мир и согласие с самого начала установились в решающей дела большинством голосов Синодальной коллегии, заменившей собою Патриарха и Соборы. Внесенные на нынешний Собор законопроекты Предсоборного Совета весь порядок церковного управления строят не на соборном основании, как утверждают объяснительные к этим законопроектам записки и защищающие их здесь на Соборе некоторые профессора, а на чисто формальном начале *коллегиальности*, или *парламентаризма*. Поэтому в проектах Предсоборного Совета Патриарху вовсе не дано места; епископам оставлено только председательствование в разного рода собраниях и советах, составленных главным образом из младших клириков и мирян, действительная же власть управлять паствою и делами церковными у них отнята. Принятие этих законопроектов было бы не освобождением Русской Церкви от того порабощения власти князя века сего, начало которому положено Духовным Регламентом Петра и Феофана, а углублением и распространением этого сатанинского дела на всю церковную жизнь.

Неудивительно поэтому, что несколько заседаний Отдел о Высшем Церковном Управлении да и других Отделов были посвящены выяснению сущности соборности. Необходимо столкнуться и твердо установить это понятие, иначе мы

постоянно будем сбиваться на коллегиальность, защитники которой *продолжают прикрывать ее именем соборности* [разрядка наша. – Сост.].

Между тем тут *только наружное* [разрядка наша. – Сост.] сходство в том, что и той и другой присуща совещательность. Но соборность есть начало *нравственное, духовное* [разрядка наша. – Сост.]; коллегия же построена на начале формальном. В соборности человеческая личность и авторитет власти находят себе признание и утверждение; в коллегии авторитет упраздняется и личность исчезает. Решения выносятся безликим и безразличным большинством.

Соборность призывает к взаимной любви и благоволению, к согласию и миру, к единодушию и единомыслию: „Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы”! Соборность призывает к пожертвованию своим частным правом, если это необходимо для пользы других, для общего блага и мира, для пользы целого. При господстве коллегиальности или – что то же – парламентаризма, каждая партия настаивает на своем частном праве, и большинство топчет нужды, желания и волю меньшинства. Это начало партийности и разделения – общее зло всего западного парламентаризма; пересаженное к нам, оно неизбежно ведет к разладу и распаду, что мы и видим теперь в нашем несчастном отечестве, в нашей войне, и не дай Бог увидеть то же в Церкви.

В соборности стройно согласуются лично-иерархическое и общественное начало. Православное понимание соборности содержит в себе понятие *вселенскости*, но оно – глубже, указывает на внутреннюю собранность, цельность как в отдельном человеке его душевных сил: воли, разума и чувства, так и в целом обществе и народе – на согласованность составляющих его организмов-членов. Как отдельный человек, так и целый народ – целен, здоров, когда между его частями и членами, между управляющими и управляемыми господствуют мир и взаимное благоволение и доверие, достигаемые готовностью к самоограничению и самопожертвованию.

С точки зрения истинной соборности непонятны эти споры о решающем и совещательных голосах. Каждый, взятый в

отдельности голос – совещательный; но если в нем прозвучала истина, верность апостольскому и святительскому преданию, то он принимается и, следовательно, становится решающим, и даже получает значение исповедания вселенской истины. А если бы 99 из ста высказали мнение и даже вынесли решающее определение, погрешающие против истины и вселенского предания, и только один голос остался им верен, то с этим одним будет Церковь, а все остальные будут уклонившимися в ересь. Примеры этому знает церковная история (Соборы Ефесский, Флорентийский).

Патриарх, возглавляющий Поместные Соборы и постоянно действующий их исполнительный орган – Синод, – не противоречит соборности, а восполняет ее. И мы видим, что всюду, где Патриархи – там и Соборы. А у нас на Руси, более 200 лет не было ни Патриарха, ни Соборов. Все возражающие против восстановления Патриаршества, в сущности повторяют друг друга, противопоставляя Патриарха соборности. Но мы знаем, что не только в древности, но и в настоящее время в Православных восточных Церквях есть Патриархи, и Церкви эти – кафолические и соборные. И 34 Апостольское правило требует, чтобы епископы каждого народа или каждой церковной области знали первого из них. Это же правило повторено в 9 правиле Антиохийского Собора и в правилах вселенских (седьмое I, второе II, двадцать восьмое IV). Тут идет речь уже не о епископах только, как в Апостольском правиле, но и о митрополитах, а толкователи Аристин и Вальсамон называют этих епископов митрополичьих областей *Патриархами*, причем Вальсамон заканчивает свое толкование выводом: „Таким образом, правила хотят, чтобы *Патриархи* имели преимущество над *митрополитами*, а митрополиты в свою очередь над *епископами*, им подчиненными так, чтобы подчиненные им епископы без них не делали ничего, превышающего их власть”.

Этот порядок епископского священноначалия сохраняет силу канонического до сего дня.

Указание проф. А.И. Покровского [ярого обновленца-демагога. – *Сост.*] на то, что митрополичьи и патриаршеские округа возникали параллельно с политическим разрастанием и

делениями Римской империи – верно; но не верен делаемый им отсюда вывод, что будто бы этот параллелизм был для Церкви явлением случайным и вызывался не церковной нуждой, а политическими соображениями. Нет: такого совпадения церковных областей с политическими делениями требовала сама жизнь, требовала общая польза. Как руководить паствою в чужой области, вне границ того государства, где живет сам пастырь? Сопоставление Иерусалимской и Константинопольской Церквей свидетельствует лишь о том, что сан Патриарха и первенство между Патриархами обуславливается не церковно-историческими только воспоминаниями, а и нуждами церковного управления и современным значением той или другой церковной области. Теми же требованиями церковной дисциплины и необходимостью сохранения единства в каждой из автокефальных Церквей вызывалось, по мере разрастания границ этих Церквей и умножения в них приходов, а затем и епископий, – разрастание церковного священноначалия вверх.

В первоначальной Церкви епархии и парикий совпадали. По мере расширения церковных областей и роста в них числа парикий явилась необходимость, с одной стороны, дать большую самостоятельность пресвитерам, а с другой – создать наблюдающую за ними и объединяющую их власть епископов. Когда размножилось число епископий, явилась необходимость создать митрополичьи округа, архиепископии, а затем и патриархаты, с установлением в каждом из этих церковных делений первенства одного из иерархов над остальными. При одинаковости благодатных даров первосвященнического достоинства, первому из иерархов каждой церковной области принадлежит некоторая дисциплинарно-распорядительная власть, право и обязанность созывать Соборы и возглавлять Синоды. [...]

По свидетельству Голикова, Петр еще в 1714 году, созвав духовных и светских сановников, торжественно объявил им, что он хочет быть один начальником Российской Церкви и предоставляет учредить духовное собрание, под именем Св. Синода. Это и осуществлено им изданием Духовного

Регламента. В установленной им для членов Духовной Коллегии присяге сказано: „Исповедую же с клятвою крайнего судию духовные сия коллегии быти самого Всероссийского монарха, государя нашего всемилостивейшего”. И Петр грубо вмешивался в церковную жизнь. В полном собрании постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания содержится такая запись:

В день празднования Успения Пресвятой Богородицы, стоя в Церкви Успения (нынешний собор св. равноап. князя Владимира у Тучкова моста на Петроградской стороне), Петр посылает Св. Синоду указ – анафематствовать замученного им Глебова за то, что тот будто бы во время казни не пожелал причаститься Св. Таин. У источников есть свидетельство, что сидя на колу, Глебов причастился от случившегося там иеромонаха. Но дело не в том, отверг он или нет Св. Тайны, а в том, что Петр считал себя вправе предать его анафеме указом, переданным Синоду только для исполнения. Таким образом, с упразднением у нас Патриаршества и заменой его Синодом у нас в Церкви водворился порядок, дававший основание видеть в Ней цезарепапизм, и даже хуже того: царская власть переуступила свою власть и влияние в Церкви обер-прокурору, поставленному ею между Синодом и собою. У всех нас живо стоит в памяти последний носитель обер-прокурорской власти В. Н. Львов. Каковы были его отношения к Синоду и влияние на его определения – об этом можно судить по самовольному увольнению и назначению его членов и по передаче редактирования „Церковно-общественного вестника” в руки, якобы Петроградской Духовной Академии, а в действительности отдельному лицу, состоявшейся посредством так называемого „походного” журнала Синода, подписанного только двумя членами.

При разделении Русской Церкви на митрополичьи округа [что проектировалось на Соборе 1917–1918 гг. – *Сост.*] нужен один Первоиерарх, который бы их объединял, на ком лежала бы забота об обще-церковных делах и обязанность созывать в установленные сроки Поместные Соборы, а по нужде и внеочередной чрезвычайный Поместный Собор. Коллегия-

Синод таким объединяющим центром, с таким авторитетом всем ведомой, всеми признаваемой власти, как живая личность Патриарха, – никогда не будет. Не в названии, конечно, сущность дела; но по примеру других автокефальных восточных Церквей Русскому Первосвятителю, в отличие от других митрополитов и архиепископов, наиболее приличествует носить именование Патриарха.

В настоящее время при угрожающем нам распаде нашей родины, при отделении от нее, чего не дай, конечно, Бог, но, что может быть по грехам нашим, – целых областей, – тем необходимее иметь один связующий центр, живое лицо, – то, по выражению архиепископа Антония (Храповицкого), любящее сердце, которое болело бы за всю землю Русскую и за все Православное христианство.

Опасаться каких-либо излишеств власти будущего Патриарха в наше время общего бесчиния и безначалия – нет ни малейших оснований. Патриарх будет избираться Поместным Собором, и Собор сумеет выбрать священноначальника по мысли и по сердцу всему Православному народу. И весь устрояемый ныне порядок церковного управления и жизни появлению излишеств власти не даст места. В дела отдельных епархий Патриарх вмешиваться не будет. В круг его ведения войдут дела, касающиеся многих церковных областей, и всей Русской Церкви и всего Православия.

Патриарха, как и оживления соборности, ждет от Священного Собора весь верующий Православный народ и благословит за них этот Собор...» (Васильев А. В. Патриаршество и соборность // Деяния. Кн. 3. С. 28–37 [Акты... С. 33–41]).

Таковы, в основном, были чаяния и суждения наших высокопросвещенных и правомыслящих современников по существу рассматриваемого «главного» вопроса, наряду с которым все остальные вопросы как бы сами собою тускнели и отодвигались на второй план, ожидая своего решения лишь после того, как будет покончено с первым – т. е. каноничность их (а стало быть, и церковная целесообразность) целиком

проистекала теперь из правильно сформированной новой конституции церковного организма в целом.

Этим Собор и занялся, сосредоточив все свое внимание на вопросе о высшем церковном управлении, а Отдел Собора о Высшем Церковном Управлении на довольно длительный период времени стал самым популярным отделом Собора, в котором (и вокруг которого) велись ожесточенные дискуссии.

После того как, наконец, акефалия (безглавие) Церкви большинством соборного разума вполне осозналось как явное поущение Божие, т. е. как положение, из которого нельзя не стремиться всеми силами выйти как можно скорее и решительнее, – работа в этом направлении закипела, а окружающая обстановка в стране и – в особенности – в Москве лишь содействовала тому.

Какие же соображения еще говорят в пользу столь пререкаемого тогда патриаршего строя?

Их много; остановимся лишь на некоторых.

И, прежде всего, еще задолго до Собора раздался, например, следующий голос:

«Восстановление Патриаршества есть восстановление той свободы или „автономии“ внутренней церковной жизни, которую признают за Церковью и новейшее законодательство и общественное мнение. Свобода эта была отнята у Церкви двести лет тому назад Петербургским правительством, и последнее чрезвычайно ревниво и грозно отражало все попытки не только духовенства, но и общества возратить Церкви Ее законную свободу внутренней жизни, – и даже говорить об этой свободе. [...]

Патриарх был и будет в глазах клира и паствы олицетворением славы Христовой Церкви, выразителем народного единодушия в Православной вере. Он духовный вождь разноплеменной Православной паствы, предмет общей восторженной любви. [...]

У нас с введением Патриаршества высоко поднимается религиозное и народное чувство, значительно реализуется сама Церковь в сознании русских людей, ослабнет вражда между Православными племенами, совершенно расслабнет раскол,

поколеблется латинство и сектантство, и могучею волною разольется христианский энтузиазм в клире и пастве» (Туркестанские епархиальные ведомости. 1912. №7. [?]).

А затем: если мы веруем, что «то, что от Духа Святого, никогда не стареет и наилучшим образом обеспечивает и церковную пользу» и согласны, что «можно без риска сказать, что польза церковная там и тогда больше всего обеспечена, когда и где больше всего соблюдаются каноны» (Деяния. Кн. 6. Вып. 1 [?]), то становится совершенно необъяснимым то обстоятельство, что в столь ясном и конкретном примере, как дело восстановления Патриаршества противниками его приводятся бесконечные аргументы и «доказательства» из разных областей исторической практики и человеческого мудрования, а самый кардинальный довод, говорящий о неминувости и неизбежности возглавления каждой Поместной Церкви Первоиерархом, т. е. «начальником Отцов» или Патриархом – самым тщательным образом и всячески отводится и пропускается мимо ушей? Тем более что по авторитетности своей – совершенно бесспорной – он не требует более никаких подкреплений и дополнений в виде исторических справок или теоретического аргументирования?

Довод этот: 34 Апостольское правило. И если за всю историю Вселенской Православной Церкви и возможно было бы где-либо проявление каких-либо изменений в сторону отклонения от принципа Первоиераршества, то только в явное нарушение буквы и смысла этого правила: настолько четко и ясно оно сформулировано.

Ввиду важности его (и многократных ссылок на него у нас) приводим его полностью:

«Епископам всякого народа подобает знать первого в них, и признавати его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения: творити же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо тако будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святой Дух».

Что же еще нужно и о чем можно говорить после ознакомления с приведенным требованием Апостолов? Казалось бы – ничего. Но, в том-то и заключается особенность психологии нашего демагогического времени, что помимо игнорирования всякой формы, как «неважного» и «второстепенного», она, относясь, по сути дела, безразлично ко всему существенному и основному, с невероятной цепкостью хватается за все второстепенное и мишурное, придавая этому последнему несвойственное ему значение и бесконечно отвлекая внимание в сторону рассмотрения и обсуждения всех скрупулезных мелочей любого явления, за счет концентрации его на главном и основном. В нашем вопросе этот древний, фарисейский, метод «оцеживания комаров» прекрасно усвоили себе скрытые враги церковного благочиния и правопорядка; хватаясь с наскоку за любые возможности, они, демагогическими своими рацеями, с удивительным упорством и наглостью, пытались – в течение длительного времени – отвлечь соборное внимание и единодушие с линии правого мышления, постоянно уводя его в дебри полемических лабиринтов.

Ничто, однако, не помогло, ибо пришел час воли Божией; наступил исторический момент и, в самое «непатриаршеское» время – Патриаршество, наконец, было вновь восстановлено в России!

И неотразимой силой духовного величия и святости, а также и немеркнущего этического обаяния сверкают нам через ушедшие века те образы Первосвятителей Российских, в которых русский верующий человек видел и видит не только и не столько церковных начальников и администраторов, не только Главу Церкви – будь то Патриарх, или митрополит всея Руси, безразлично, – но высокий образ благочестия, святости и личного подвига.

Митрополиты: Киприан, Феогност, Макарий и Иона, Петр и Филипп; Патриархи: Ермоген, Иов, Филарет Никитич или Никон и Адриан – не просто представители нивелированной иерархической среды, а вечно сверкающие грани драгоценного камня, который «небрегоша» наши зиждущие на песке

синодалы-обновленцы! По этим светлым именам, как по вехам исторического пути благоговейный взор патриархиста, т. е. православно-мыслящего человека, без труда определит и направление духовной жизни той или иной эпохи, и степень своего отклонения от заданного и указанного ему – христовым учением – нуги...

Сказанное относится, конечно, и ко всем вообще нашим святым соотечественникам, но в первую очередь и главным образом оно присуще Первопрестольникам Российским, самой волей Божественного Промышления поставленным на свещнице церковной – «да светят всем, иже в храмине суть»; на горизонте церковном они и сверкают как отдельные символы добродетелей, носители различных даров Духа Святого, как всем ясные образы различных аспектов духовной жизни.

И здесь, сама собою, возникает мысль о том, что если Глава Церкви Небесной, Торжествующей, есть Единый Господь Иисус Христос, то не следует ли отсюда (по подобию), с логическою неизбежностью, что и Главою Церкви Поместной, Воинствующей, здесь, на земле, должен быть единый же предстоятель и ответчик пред Богом, общий Отец в земных скорбях, Первосвященитель или Патриарх?

И не об этом ли хлопочет, и не о сем ли твердит Книга Правил?

А похоже. Ибо: Патриарх – живое, а не отвлеченное олицетворение Поместной Церкви; Ее конкретная, живая совесть, хранитель и страж Ее догматов и канонов; возгреватель веры и благочестия, и носитель величия и славы своей Церкви. А вместе с тем носитель и тяжкого Креста – грехов вверенной его попечению и смотрению паствы.

Патриарх, затем, – живая традиция, очередное звено в золотой цепи апостольской преемственности, не абстрактное и символическое, но практическое, хронологическое, выявляющееся во времени именно теми своими свойствами и особенностями, которые наиболее благопотребны каждой данной эпохе, т. к. исходят из неоскудеваемого источника Божественной благодати «всегда немощная врачующая», «ибо

знает Господь, в какое время послать Аарона и Самуила и в какое – священника Ездру.

Так знал Господь, когда послать Кормчим Церкви Христовой и [...] Первосвященителя Святейшего Патриарха Тихона» (Из слова проф.-прот. В. Н. Страхова, сказанного над гробом Святейшего Патриарха Тихона, в Донском монастыре 30.03–12.04.1925 [Акты... С. 373]), показавшему себя как добрый «Пастырь и Защитник, возвещающий волю Господню и судящий дела церковные не по немецкому Регламенту Петра первого, а по правилам святых Апостол и Вселенских Соборов.

Радуйся Святая Церковь!..» (Сборник избранных сочинений Блаженнейшего Антония. С. 296–297).

9. Значение формы и обряда в Церкви

Тезису этому, поставленному нами в заголовке, – в наше время следует уделить некоторое внимание в связи с общим «брожением умов» и, к сожалению, церковных в частности. Многим он кажется пустяковым, несущественным, но это первое впечатление обманчиво, если иметь в виду, что формы как таковой – самой по себе – вообще не бывает; она всегда является оболочкой, внешностью и как бы некоей «тарой» своего содержания.

В связи с восстановлением Патриаршества в 1917 году, вопрос этот, в широком смысле вопрос церковно-эстетический (вопрос внешнего церковного благолепия или внешних форм проявления нашей национальной церковности), приобретает еще некоторый, свой собственный смысл, когда на фоне борьбы за возрождение канонических устоев в нашей Церкви он из мотива эстетического перерос в аргумент большого идеологического значения и порядка.

В наше беспрецедентное время пренебрежения всякой формой и почти постоянного ее игнорирования для многих – к сожалению – людей значение ее вообще, а в данном случае в применении к форме высшего церковного управления представляется слишком неважным и несущественным. Люди, придерживающиеся подобного взгляда стараются, обычно, как можно громче говорить о содержании или внутреннем смысле какого-либо вопроса, выдавая себя тем самым якобы за

поборников *основного*, а не второстепенного, чем, по их мнению, и является – будто бы – внешнее выражение всякой сути вещей. И – надо сказать – на неискушенную публику такая позиция производит гипнотический эффект, покоряя своей кажущейся на первый взгляд основательностью. Причем радители «содержания», конечно, не упускают случая аргументировать свою точку зрения еще и другим, также внешне правдоподобным соображением, что только «содержание» живет и эволюционирует, т. е. является ценным творческим фактором, тогда как оболочка или форма его, по своей функции есть начало второстепенное, по своей сути безжизненное и только сопутствующее, сдерживающее, как бы тормозящее и, стало быть, в какой-то степени угнетающее всякую сущность, всякое живое и действенное содержание. Внешняя логика этого рассуждения, в действительности, не оправдывается, ибо практически ни одна мысль и ни одна идея, не облеченные в наиболее присущую им форму, внешнее выражение – не способны стать доступными пониманию и восприятию окружающей человеческой среды. Таким образом, если речь здесь и может идти о чем-либо в этой плоскости, то, понятно, не о форме вещей – самой по себе, – а о том, какая из форм способна наиболее полно выразить заключенное в ней содержание.

«Добрыми намерениями весь ад вымощен» – говорит старая пословица. Однако от этого ад не перестает оставаться таковым же и дальше. Положение это можно отнести и к области вообще всяких абстрактных идей, поскольку они не получили воплощения в какой-либо внешней, выражающей их форме. Стало быть, форма, сама по себе даже, не такая уж пустяковая и не стоящая внимания вещь, как это вообразилось некоторому сорту людей, несправедливо расценивающих своих противников, разумно и в меру заботящихся и культивирующих какую-либо форму, как сухих «формалистов» непременно будто бы угнетающих, в той или иной степени, за счет сохранения данной формы – ее содержание, сущность и смысл. В действительности нет музейных людей, борющихся лишь за форму как таковую (в отрыве от ее сути) и только; во всех

подобных случаях, по существу, имеет место борьба также за сущность идеи или вещи, но выраженных наилучшим образом лишь в данной форме. И только потому данная форма является предметом особо настороженного, ревнивого охранения. Для всех очевидно, что, лишив самую прекрасную форму ее содержания и смысла, она немедленно утратит всякую ценность в глазах самых рьяных «формалистов»; немедленно превратится лишь в «повапленный гроб» и – только.

Наше лукавое и демагогическое время своей характерной особенностью имеет то обстоятельство, что разрушение издревле установившихся форм провозглашается как некая особая доблесть и «прогресс»; как некоторое практическое осуществление модного, кабалистического «вперед»...

«Форма не важна!» – вот лозунги современности: «Круши подряд все старое, угнетающее!», – «Важно содержание, освобождай его от сдерживающих пут внешней формы!» и т. п. Таковы призывы все мутящего «прогресса».

Но люди, рассуждающие так, часто сами не замечают, что проповедуют абсурд, ибо все сущее имеет свою форму равно, как и каждая воплощенная идея. И если идея наилучшим образом укладывается в рамки именно данной формы, то пренебрежение и – тем более – искажение последней неизбежно поведет и к искажению заключенного в ней содержания. Качественность же формы относительно своего содержания проверяется временем и возможностью максимального его проявления при наличии именно данной формы. И если жизнедеятельность содержания и форма, его выражающая, сосуществуют во времени не искажая, но восполняя, друг друга, то в таком случае можно сказать, что одно нашло в другом свое идеальное выражение.

И с сожалением отметим еще раз, что, как показывают наблюдения, люди, пренебрегающие формой и выдающие себя за радетелей «самого существенного», т. е. содержания, в большинстве случаев, по сути дела являются совершенно безразличными не только к форме но, даже и к самому содержанию, так как пренебрежение к одному – и не может не быть – пренебрежением к другому; говорят же о «самом

существенном» лишь из спекулятивных соображений, потому что это эффектнее звучит для окружающих и в глазах не думающей массы возвеличивает такого «передового» человека, якобы приносящего в жертву существенному все побочное и второстепенное.

Церковь, как Богоучрежденный вечный общественный организм на земле, должна располагать лишь вечными же ценностями, неизменными во времени и идеально сочетающими свое содержание с выражающей их формой. В церковных недрах, как в некоей лаборатории, невидимо, но и непрестанно осуществляется процесс испытания на прочность во времени тех или иных духовных ценностей: те из них, что разрушаются в своей форме – лишаются возможности своего выражения вовне и как бы перестают существовать в здешнем вещественном, материальном мире; другие, выдохшиеся внутренне, остаются в своем внешнем выражении, лишенном уже содержания, мумифицируются и, утратив духоносность, превращаются в лучшем случае в реликвию мемориального характера; в худшем – в экспонат антирелигиозного музея.

Созидательный процесс качественного отбора предметов проявления духоносности и святости Церкви происходит постоянно и сверху, вне человеческой Ее стихии. И, таким образом, пока Церковь сохраняет в своем арсенале неизменяемые временем и греховным людским произволом вечные в своем содержании и внешнем выражении духовные ценности, преподанные Ее Божественным Основателем, свв. Отцами и церковным преданием, – Она является истинной Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церковью. Та же или иная степень утраты этих ценностей или искажения их по человеческому мудрованию, низводит суемудрствующих на положение схизматических объединений, расколов, сект и толков, выводя из своего спасительного лона на более или менее далекое расстояние от Истины Христовой – пропорциональное глубине падения или заблуждения.

Подлинная ортодоксальная церковная психология, по-видимому, должна быть разумно консервативной, быть может, с некоторым небольшим перевесом даже в сторону рутины, что

вызывается естественной настороженностью и охранительной ревностью по отношению к обладаемым ею духовным ценностям, впрочем, не без некоторой доли терпимости ко всему «прелазящему инуде», – о чем, с достаточной ясностью сказано нам Самим Спасителем в известной притче о плевелих сельных (Мф.13:29–30). И этого, конечно, не следует забывать...

Что же касается бесконечной ценности церковной формы и ее связи с сущностью вероучения то, кажется, нигде не сказано об этом лучше и нагляднее, чем в нижеследующих строках нашего крупнейшего Православного ученого, профессора Московской Духовной Академии и университета, историка В. О. Ключевского, которые мы здесь и приводим:

«В религиозных текстах и обрядах выражается сущность, содержание вероучения. Вероучение складывается из верований двух порядков: одни суть *истины* [в данной цитате курсив автора. – Ред.], которые устанавливают мирозозерцание верующего, разрешая ему высшие вопросы мироздания; другие суть *требования*, которые направляют нравственные поступки верующего, указывая ему задачи его бытия. Эти истины и эти требования выше познавательных средств логически мыслящего разума и выше естественных влечений человеческой воли; поэтому те и другие и почитаются свыше откровенными. Мыслимые, т. е. доступные пониманию формулы религиозных истин суть догматы^ч, мыслимые формулы религиозных требований суть заповеди. Как усвоятся те и другие, когда они не доступны ни логическому мышлению, ни естественной воле? Они усвоятся религиозным познанием или мышлением и религиозным воспитанием. Не смущайтесь этими терминами: религиозное мышление или познание есть такой же способ человеческого разумения, отличный от логического или рассудочного, как и понимание художественное; оно только обращено на другие более возвышенные предметы. Человек далеко не все постигает логическим мышлением и, может быть, даже постигает им наименьшую долю постижимого. Усвояя догматы и заповеди, верующий усвояет себе известные религиозные идеи и нравственные побуждения, которые также мало поддаются логическому разбору, как и идеи

художественные. Разве понятный вам музыкальный мотив вы подведете под логические схемы? Эти религиозные идеи и побуждения суть *верования*. Педагогическим пособием для их усвоения служат известные церковные действия, совокупность которых составляет богослужение. Догматы и заповеди выражены в священных текстах, церковные действия облечены в известные обряды. Все это лишь форма верований, оболочка вероучения, а не его сущность. Но религиозное понимание, как и художественное, отличается от логического и математического тою особенностью, что в нем идея или мотив неразрывно связаны с формой, их выражающей. Идею, выведенную логически, теорему, доказанную математически, мы понимаем, как бы ни была формулирована та и другая, на каком бы ни было нам знакомом языке и каким угодно понятным стилем или даже только условным знаком. Не так действует религиозное и эстетическое чувство: здесь идея или мотив по закону психологической ассоциации органически срастаются с выражающими их текстом, обрядом, образом, ритмом, звуком. Забудьте рисунок или музыкальное сочетание звуков, которые вызвали в вас известное настроение – и вам не удастся воспроизвести это настроение. Какое угодно великолепное стихотворение переложите в прозу, и его обаяние исчезнет. Священные тексты и богослужебные обряды складывались исторически и не имеют характера неизменности и неприкосновенности. Можно придумать тексты и обряды лучше, совершеннее тех, которые воспитали в нас религиозное чувство; но они не заменят нам наших худших. Когда православный русский священник восклицает в алтаре «*Горе имеем сердца*», в православном верующем совершается привычный ему подъем религиозного настроения, помогающий ему отложить всякое житейское попечение. Но пусть тот же священник сделает возглас католического патера *Sursum Corda* – тот же верующий, как бы хорошо он ни знал, что это тот же самый возглас, только на латинском языке и в стилистическом отношении даже более энергичный, верующий не поднимется духом от этого возгласа, потому что не привык к нему. Так религиозное мирозерцание и настроение каждого общества

неразрывно связаны с текстами и обрядами, их воспитавшими.

Но, может быть, такая тесная связь религиозных обрядов и вообще форм с сущностью вероучения сама по себе есть только недостаток религиозного воспитания и верующий дух может обойтись без этих тяжелых обрядовых накладок, а потому надобно помогать ему без них обходиться? Да, может быть, со временем, когда-нибудь эти накладки и станут излишними, когда человеческий дух путем дальнейшего совершенствования освободит свое религиозное чувство от влияния внешних впечатлений и от самой потребности в них, будет молиться „духом и истиною”. Тогда и религиозная психология будет другая, непохожая на ту, какую воспитала практика всех доселе известных религий. Но с тех пор, как люди стали себя помнить, в продолжение тысячелетий и до наших дней они не умели обойтись без обряда ни в религии, ни в других житейских отношениях нравственного характера. Надобно строго различать способ усвоения истины сознанием и волей. Для сознания достаточно известного усилия мысли и памяти, чтобы понять и запомнить истину. Но этого очень мало, чтобы сделать истину руководительницей воли, направительницей жизни целых обществ. Для этого нужно облечь истину в формы и обряды, в целое устройство, которое непрерывным потоком надлежащих впечатлений приводило бы наши мысли в известный порядок, наши чувства в известное настроение, долбило бы и размягчало нашу грубую волю и таким образом, посредством непрерывного упражнения и навыка, превращало бы требования истины в привычную нравственную потребность, в непроизвольное влечение воли. Сколько прекрасных истин, озарявших дух человеческий и способных осветить и согреть людское общежитие, погибло бесследно для него только потому, что они не успели вовремя облечься в такое устройство и помощью его не были достаточно разучены людьми! [...] Обряд или текст – это своего рода фонограф, в котором застыл нравственный момент, когда-то вызвавший в людях добрые дела и чувства. Этих людей давно нет, и момент с тех пор не повторился; но помощью обряда или текста, в который он скрылся от людского

забвения, мы по мере желания воспроизводим его и по степени нашей нравственной восприимчивости переживаем его действие. Из таких обрядов, обычаев, условных отношений и приличий, в которых отлились мысли и чувства, исправлявшие жизнь людей, и служившие для них идеалами, постепенно путем колебаний, споров, борьбы и крови складывалось людское общежитие. Я не знаю, каков будет человек через тысячу лет; но отнимите у современного человека этот нажитый и доставшийся ему по наследству скарб обрядов, обычаев и всяких условностей – и он все забудет, всему разучится и должен будет все начинать сызнова...» (Ключевский В. О., проф. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1916. С. 370–374) [v]¹²⁶

Итак, как видим, действительно, обряд – это «золотая оправа для тех вечных истин, которыми живет вся Церковь».

Другой же «наш замечательный богослов-философ А. С. Хомяков объяснял, что единство обряда есть средство для достижения единства внутреннего...» (Казем-Бек А. Под хоругвью Матери-Церкви // ЖМП. 1957. №7. С. 23).

Или еще пример:

«Если в дереве есть жизнь, то жизнь эта по необходимости обнаруживается. Дерево покрывается листьями, цветами и, наконец, плодами. Так и внутреннее богопочтение истинное, живое, действительное по необходимости соединено бывает с внешним богопочтением.

Для чего сажают фруктовые деревья? Конечно, для того, чтобы собрать с них плоды. К чему же листья? Они только наружное украшение дерева, но если бы оборвать их, то и дерево засохнет – плодов не получите. Так равно если бы уничтожить и внешность в богослужении, действующую на воображение, трогающую душу, то и внутреннее скоро охладет.

Если человек будет нести дорогие духи в стеклянном сосуде и споткнувшись уронит сосуд на камень и сосуд разобьется, не уничтожатся ли тогда и духи; если уничтожить обрядность, то уничтожится и сама вера. Для сохранения духов важна целостность сосуда, для сохранения веры – важно целостное сохранение обряда» (И. Ф., свящ. Отрывной календарь на 1924 г. Варшава? 1923. [?]).

Итак, стремление сохранить в неприкосновенности дошедшую до нас драгоценную форму или желание восстановить утраченную либо искаженную, не такое уже пустое занятие, как это могло показаться с первого взгляда и, в действительности, оправдывается весьма многими и достаточно глубокими соображениями.

Перенося все это в область поисков формы для нашего высшего церковного управления, имевшую место на Соборе 1917–1918 гг., имеем в виду лишь одно: оказать посильную помощь читателю, который пожелал бы уяснить себе степень основательности и добротности той почвы (канонической и всякой другой), на которой стояли наши соборные «патриархисты», ратовавшие за свою святую идею и не допускавшие в осуществлении ее никаких компромиссов, принижающих ее.

К сказанному остается добавить и еще одно существенное замечание, представляющееся нам важным и весьма способствующим для большего понимания сути современного Патриаршества, а также и того обстоятельства, почему оно с таким особым общим воодушевлением было, в конце концов, принято Собором да и всем Православным русским обществом.

Обстоятельство это, конечно, и ранее многими понималось, точнее чувствовалось, но как-то слишком сокровенно, интуитивно и подсознательно. Ему, по-видимому, придавалось слишком малое значение и даже настолько, что вслух и определенно о нем нигде и ничего не было выражено с достаточной ясностью. Нам, по крайней мере, ничего вразумительного по этому вопросу не встретилось, а между тем значение этого обстоятельства огромно и в единодушии восстановления Патриаршества оно оказало свое большое, хотя, может быть, незаметное с внешней стороны, положительное влияние.

Это обстоятельство: момент эстетический. Точнее: церковно-эстетический. К 1917 году, ко времени восстановления русского Патриаршества, в широких слоях нашего общества и, в первую очередь, общества просвещенного, с полной четкостью осозналось и воспринялось, наконец, все нравственное

значение эстетико-этического наследия старой, ушедшей Святой Руси; именно Руси Патриаршей.

Национальное сознание, питаемое многими новооткрытыми источниками этого рода, достигло в то время своего наибольшего расцвета. Начавшееся в конце XVIII и прошедшее через весь XIX век восторженное увлечение отечественной историей, литературой, археологией и искусствоведческими изысканиями способствовало пробуждению глубокого и серьезного интереса общества к родной старине, ее бытовому укладу, нравам, религии, искусству; многообразные историко-художественные общества на местах, краеведческие изучения и зарождающиеся музеи местной старины и фольклора, церковно-археологические съезды с основанными по их почину замечательными епархиальными древлехранилищами и, наконец, знаменитая выставка древнерусского, церковного, искусства 1913 года, произведшая потрясение не только у нас, в России, но и за рубежом ее своим изумительным по содержанию и красоте «новооткрытым» изобразительным и прикладным искусством древней Руси, – вот, в основном, те слагаемые, в сумме которых к 1917 году русское культурное общество не только прекрасно понимало, но и в значительной степени само было увлечено красотами и содержанием отечественной старины; ее прекрасным и своеобразным духовным миром, гениально и скромно воплотившимся в многочисленнейших, дошедших до нас памятниках искусства древности, с любовью сбереженных так называемыми «невежественными» монахами в бесчисленных монастырских ризницах, библиотеках и храмах.

«Все монастыри основывались с просветительной целью, и в этом отношении они послужили родине, так что Россия своим первым просвещением обязана монастырям» (Деяние 68:21. Архиепископ Тверской Серафим [Чичагов] // Деяния. Кн. 6. Вып. 1. С. 54), – и людям нового религиозного сознания не следует этого забывать.

Обязанной нашей Церкви оказалась родина и ныне...

В свое время А. С. Пушкин сказал (что, разумеется, весьма не по нутру нашим современным культуртрегерам): «Мы

обязаны нашим монахам письменностью, следственно и просвещением». Теперь же, сто с лишним лет спустя, с полным основанием, мы можем и должны говорить с чувством огромной благодарности не только лишь о письменности, но и вообще о всем комплексе культурного наследия древности, сохраненного и донесенного до нас русским монашеством по преимуществу или, в широком смысле, – Православной Русской Церковью.

Современникам, считающим себя носителями русской культуры, следует основательно запомнить, что все то, что сейчас наполняет наши (а отчасти и иностранные!) музеи и хранилища, все то, чем может и должна по праву гордиться наша страна, – все это не что иное, как царственный по своей неисчислимой ценности дар Церкви Русской и, в особенности, представителей Ее черного, монашеского духовенства.

Слава же вам, бесчисленные безыменные старцы и старицы, создавшие и сохранявшие из века в век в монастырях и скитских ризницах и кладовых дивные перлы народного творчества, приводящие в великое изумление современного «цивилизованного» человека, вооруженного всеми злоухищрениями нынешней адской техники, в безмолвном изумлении склоняющего свою бедную голову перед духовным «чудом» Троицы преподобного Андрея Рублева, ювелирной резьбой Амвросия или непостижимыми фресками Феофана!

Итак, с «открытием» древнерусского искусства, в известных кругах общества началась – до некоторой степени – и внутренняя тяга к воссозданию или возрождению этой древней красоты в нашем сегодняшнем духовном быту – быту церковном. И, надо сказать, движение это питалось, по видимому, не одними только внешними формами сохранившейся древности, но предполагало в себе наличие и какой-то доли того содержания, коим одухотворялась, осмысливалась и вообще оправдывалась эта великолепная внешняя церковная форма. В различной, конечно, степени, подобная тяга захватила в конце концов все слои современного русского общества, и проявления ее мы встречаем одновременно и «снизу» – из толщи народно-религиозного сознания, с особой истовостью чувствующего и чтущего отныне

все «древнее», и своеобразный резонанс этому наблюдаем (не без изумления) «сверху»: включая правительственные сферы предреволюционного времени и – даже – императорский «двор», где она проявилась с особой рельефностью и внутренним религиозным накалом. Ибо, например, сама императрица, «немка по рождению, протестантка по прежней вере, доктор философии по образованию, она таила в своей душе природное влечение к истовому, в древнерусском духе, благочестию. [...]

Императрица прекрасно изучила церковный устав, русскую церковную историю; особенное же удовлетворение ее мистическое чувство получало в русской церковной археологии. Несомненно, под настойчивым влиянием императрицы, за последние 20 лет в России в церковном зодчестве и в церковной иконописи развилось особенное тяготение к старине, дошедшее до рабского [...] подражания. Новые лучшие храмы, новые иконостасы стали сооружать все в древнерусском стиле XVI или XVII века...» (Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 1. С. 51–52).

И следует признать, что в какой-то мере ближайший предпатриарший период в нашей современной церковности если и не являлся сам выразителем проявлений религиозного духа в исконно русском смысле и стиле, то, несомненно, его следует рассматривать как некую подготовительную ступень к тому для будущих времен, когда наступит, безусловно, его реализация в потребной тогда степени и форме.

В 1917 же году и далее, практически, в плане Божественного Домостроительства, все пошло совсем не так, как думалось и чаялось в ожидании Собора, и Церкви Русской – как видим теперь – «Бог судил иное»...

Что же касается самих православно-верующих русских людей, то их восприятие всех этих новооткрытых красот минувших времен было, естественно, еще глубже, острее и сознательнее, чем маловерной или совсем неверующей части интеллигенции, т. к. они воспринимали все это не только эстетически лишь, но – религиозно-эстетически.

А это большая разница, так как эстетика церковно-мыслящего человека питается не только и не столько художественными эмоциями, но, главным образом, всем разнообразием и богатством религиозного мироощущения и восприятия, оставляя на долю внешне художественного воздействия, конечно, лишь второстепенное место.

Для верующего сознания Красота и Добро – явления не только одного и того же нравственного порядка, но буквально, в существе своем, «равночестны»; суть одно и то же. Разница лишь та, что в первом превалирует внешнее воздействие, а во втором – внутреннее. Более общо и схематично можно сказать, что первое есть внешнее выражение второго, его оболочка, органически связанная со своим содержанием, ибо нет недоброй красоты, как не может быть и некрасивой доброты: Красота это – одежда Добра.

«Добро есть Красота, и наше сердце дает свидетельство о том; душа влечется к нему всеми высокими чаяниями своей природы. [...]

Мы страшимся Добра, когда оно предстает нам в виде долга, – ибо оно обличает и судит нас тогда; но, само по себе, мы любим Добро, – ибо оно есть верховная Красота, – и всякий раз, когда мы не имеем повода страшиться его, эта прирожденная нам любовь дает чувствовать себя. О, если бы можно было быть добрым без усилий и жертв, – какую неимоверную любовь влекла бы тогда добродетель к себе сердца всех людей!..» (*Навиль Эрнест. Вопрос о зле. С. 14*).

«Истинная абсолютная Красота есть Бог [...] служение же Богу, как абсолютной Красоте настолько высоко и плодотворно, что наш писатель Ф. М. Достоевский, в пророческом восторге пред этой Красотой сказал: „Красота спасет мир“. Действительно, какие высокие, благородные чувства, настроения и мысли истинный художник [...] может возбуждать у зрителей [...] Он отрывает его от земной юдоли и суеты и уносит туда, к небесам, к вечной Красоте, к Богу» (Из речи епископа Тихона Лященко в Берлине, на панихиде по балерине А. Павловой 24.01.1931г. // *Дандре В. Анна Павлова. Петрополис-Берлин, 1933. С. 370–372 [СПб., 2003. С. 477]*).

И еще поясним: «Основание всякого добра, всякой правды, истины и красоты в душе человека есть вера в Бога, так как „Бог есть положительное добро, положительная правда, положительная истина, положительная красота“, а потому, „все противоречащие добру, правде, истине, красоте, есть отрицание Бога“. Ясно, что „из веры в Бога исходит всякое добро, всякая правда, всякая истина и красота«. Следов., отрицание Бога есть отрицание всего, чем живет и к чему стремится человек” (Миссионерский Сборник. Рязань. 1910. [?]).

И еще: «Жизнь наша слагается из мгновений. Каждое из пережитых нами мгновений, хороших и дурных, оказывает свое влияние, часто невидимое, на последующую нашу жизнь, которая тем лучше, чище и светлее, чем мы больше переживаем возвышенных минут, чем в эти минуты напряженнее наше стремление к добру, наша тоска по той необъятной области истины, правды и красоты, в центре которой стоит Бог» (Поселянин Е. Церковь и искусство // Церковные Ведомости. Прибавления. 1902. №17. С. 571) [v]¹²⁷.

В области веры в Бога, в области религиозной, духовной жизни, помимо всех прочих, «есть еще один способ чрезвычайного воздействия, именно искусства: те произведения его, в которых всецело выражалось христианское настроение авторов-творцов этих произведений, к сожалению приходится сказать, что этот вид христианского воздействия весьма еще мало использован. Между тем, по обстоятельствам времени, требуется, чтоб на этот вопрос было обращено особое внимание. [...] Заложённая в христианстве красота [...] весьма много сделала для побед христианства [...]

От современного общества красота эта заслонена целыми горами заблуждения или невежества... Если есть люди, дошедшие до признания христианства путем мысли, другие – путем сердца, порывами веры: то очень многие были бы привлечены к нему воздействием царящей в нем красоты» (Поселянин Е. Церковь и искусство // Церковные Ведомости. 1902. №17. С. 571) [w]¹²⁸.

И действительно, вся мыслимая на земле духовная и материальная доброта и красота, как бы в неких драгоценных

ковчегах, разбросанных у нас по лицу земли, собраны в храмах Божиих с их внутренним религиозно-вероучительным содержанием и внешним наглядно-познавательным выражением этого последнего: роспись, иконы, ноты, освещение, стих, жест. В Церкви сосредоточен весь комплекс положительных религиозно-нравственных и религиозно-эстетических восприятий и обнаружений, духовно питающий верующего человека. Незримое в своем смирении, но неистощимое величие русского религиозного духа заключается в том, что он интуитивно стремится идти путем *духовной и материальной красоты*; путями, проповедуемыми и осуществляемыми только Церковью и Ее учением, вечно устремленными к тому великому творческому Началу, каковым является «Строитель и Художник Бог»!

Говоря вообще, верующий человек, уже по самой природе своей религиозности есть (и во всяком случае должен быть!) в чистейшем смысле слова – эстет; почитатель и проводник всего прекрасного, а стало быть, и доброго...

Итак, когда на Соборе в 1917 году явилась, наконец, надежда на воплощение в наше время давней идеи Патриаршества или «Отечества» церковного (выражаясь иконографически), этого апробированного веками фокуса извечной национальной добродетели и красоты, то возможность эта встретила, естественно (особенно на фоне тогдашних-то дней!), самую положительную реакцию в среде ортодоксальных соборян и вскоре же, преодолев все противоборствующие силы, – доведена была и до своего осуществления.

Веками подавляемая идея русского Патриаршества, как всякая живая идея, наконец, созрела и – рано или поздно – должна была выйти из подпочвы на поверхность; революционная гроза несколько ускорила этот процесс произрастания, разрыхлив своими громами и молниями лишь внешнюю, засохшую, толщу нашего духовного чернозема. Соображения же церковно-эстетические, отлившиеся в глубокое почитание красоты издревле сложившихся церковных форм, – в частности и формы высшего церковного управления, – в свою

меру, безусловно, помогли ее каноническому воплощению в наши дни.

Но обстоятельство это – повторяем – прошло как бы незамеченным.

10. Восстановление Патриаршества

Приближение Октябрьского переворота некоторыми своими тягостнейшими эксцессами несомненно, в какой-то степени, ускорило восстановление Патриаршества – как средства духовного оздоровления нации и церковной самозащиты, противопоставляя разгулу людских страстей и нравственному упадку и разложению новое, одухотворенное, церковно-патриотическое сознание.

В связи с этим, на Соборе, один из иерархов говорил:

«Патриаршество есть великий и тяжкий крест, особенно в эти моменты, какие переживает наша многострадальная Родина. Под грохот тяжелых, смертоносных орудий, пулеметных, ружейных выстрелов осуществилась священная мысль о восстановлении в Русской Церкви Патриаршества. Междоусобная борьба, разделившая наших сынов на два враждебные лагеря, вследствие оскудения веры и христианской любви, и подвигнула на скорое решение этого вопроса. Всеми сознавалась нужда в одном лице, которое объединило бы нас и было бы нашим духовным вождем. В то время, когда все кругом подвергается стихийному развалу и разложению – чувствовалась потребность в создании живого и устойчивого центра соборного единения, чтобы таким образом Церковь, так деятельно участвовавшая в создании нашего государства и «в собирании земли Русской», и ныне осталась центром духовного единства и великой духовной силы» [Разрядка наша. – Сост.]. (Деяние 48: Приветственное слово архиепископа Новгородского Арсения Стадницкого Святейшему Патриарху Тихону, 22.11.1917 г. // Деяния. Кн. 6. С. 88–89).

Подчеркиваем: «духовной» силы и «духовного» единства. Стало быть, отсюда отпадают все якобы политические и, более того, прямо контрреволюционные «скрытые пружины» восстанавливаемого Патриаршества, с которым в назидательной точности повторилась двухтысячелетней

давности история предсмертной (но и предвоскресной!..) беседы Спасителя с Пилатом в том самом виде, как она изложена у евангелиста Иоанна Богослова (18:19–38).

И не ясно ли, что главными двигателями, способствовавшими реализации Патриаршества в 1917 году были соображения, во-первых, канонические, изложенные в 34 Апостольском правиле, во-вторых, следование традиции Вселенского Православия (в плане приведенного в предыдущей главе рассуждения проф. В. О. Ключевского) и, в-третьих, всемерное влечение современных православных русских людей к возможно более полному воссозданию духа и формы нашей замечательной церковной старины.

И восстанавливая Патриаршество, люди хотели не чего-либо иного, как лишь иметь постоянно в будущем Отца и Хозяина в своей большой семье, по которому истосковались их сыновние сердца за двухсотлетнее господство в нашей Церкви тех синодальных «семи нянек», у которых, по глубокому замечанию народной мудрости, постоянно «дитя без глазу». Эта семиглавая гидра – гувернантка «из немок», приставленная к Церкви Петром, надо сказать, действительно честно выполнила все, что было в ее силах и понимании, для того, чтобы вызвать в своих подопечных неукротимое стремление к возможно скорейшему избавлению из-под ее опеки.

«Академические споры» о том, восстанавливать ли, или не восстанавливать Патриаршество в Русской Церкви, на Соборе 1917–1918 гг., по А. И. Введенскому, никогда бы не прекратились, если бы артиллерийский грохот октябрьских боев, раздававшийся вокруг Соборной палаты, ни привел бы всех к единомыслию (*Введенский А. И., прот. Церковь и государство. С. 106*).

Для верующих людей, собравшихся один раз в 230 лет во имя Божие, в столь необычную эпоху: при всех совершившихся тогда исторических катаклизмах, – стрельба из пушек, как фактор парализующий религиозную мысль и церковную совесть их, – величина, конечно, довольно... смешная!

Но некоторые земнородные обновленцы, из числа просочившихся на Собор, несомненно – по своей куриной

психологии – более боящиеся милиционера, чем Бога, как свидетельствует о том сам их «отец лжи» Введенский, действительно, страха ради иудейска, быть может, и предпочли отсиживаться по своим многочисленным «подпольям» – «спасая животишки» (*Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1880. Т. 26. С. 167*) на конспиративных квартирах разных протоиереев Н. В. Цветковых, чем рисковать своей жизнью.

«Некоторые члены Собора [...] противники Патриаршества – не могли прибыть на это заседание Собора ввиду происходившего тогда обстрела Москвы» (*Введенский А., свящ. Восстановление Патриаршества // Знамя Христа. 1917. №1. С. 3*)х.

Предположим, что было и так; что три или пять Титлиновых побоялись пушек и не рискнули подставить свои ученые и «николи же в разум истины приходящие» академические лбы под шальные пули, действительно свистевшие тогда по улицам и закоулкам Москвы. Но тем более достойно восхищения, что в то время как «противники Патриаршества», манкируя своими «церковными» и нравственными обязанностями, тряслись мелкой дрожью под воздействием разгула земных стихий, – истинные радетели о благе Церкви самоотверженно собрались-таки в Соборную палату, не глядя ни на какие пушки, и выполнили волю соборного разума многострадальной Российской Церкви.

Но, конечно, следует иметь в виду и то, что вопрос о восстановлении Патриаршества смог оказаться решенным в положительном смысле еще и потому, что в порядке своего созревания, т. е. обсуждения в Предсоборном Присутствии, затем в последующий предсоборный период, а также в Отделе о Высшем Церковном Управлении и на общих – пленарных – заседаниях Собора, он настолько уже выявился и вырешился во всем своем положительном значении, канонической силе и неизбежности, что формальное или техническое утверждение его стало простой необходимостью данного момента.

Сыграло свою роль, конечно, и то, что «революция в это время достигла высшей точки своего напряжения и полной широты своего размаха. Она охватила все стороны

человеческих отношений, все области государственной жизни. Не могла, конечно, остаться не затронутой в это время и жизнь Церкви. Правительственные декреты о свободе совести, об отмене преподавания в школах Закона Божия, о гражданской регистрации важнейших моментов человеческой жизни и т. д. [появившиеся несколько позже; в январе 1918 г. – *Сост.*] – все это в корне изменяло внешнее положение Церкви в обновляемом государстве и приводило к необходимости перестройки отношений Церкви в новых условиях Ее существования» (Савинский С. Значение патриаршества в жизни Православной Русской Церкви вообще и современной в частности // ЖМП. 1944. №3. С. 38).

И значение Патриаршества при этих новых внешних условиях раскрывается и в том, «что оно в наше время приводит верующих к большему и более полному осознанию Правды Божией, свидетельствует о наличии в Церкви такого источника духовной силы, из которого исходит неотразимое влияние на огромное общество церковных людей во всем мире. Таким именно смыслом исполнено Патриаршество для современного церковного сознания» (Патриарх Сергей и его духовное наследство. С. 320).

Наконец, и обаятельное влияние церковной старины сделало свое немалое дело, т. к. «время Патриаршества у нас всегда считалось золотым веком: слава Русской Церкви в это время достигла наивысшей точки» (Патриаршество на Руси // Русский Паломник. 1914. №4. С. 50), а «слово Патриарх – одно из самых торжественных и благолепно звучащих церковных титулов, с которым в нашем представлении сразу же соединяется величие, особая честь, высокое звание, исключительное положение и служба в Церкви.

Название „Патриарх” много больше говорит уму и сердцу верующего человека; гораздо сильнее и звучнее выражает господственное в Церкви положение чем, например, титул „Римский папа”.

Патриарх – слово греческое, сложное, состоящее из двух слов: *patir* – отец и *arhi* – власть. В переводе означает: отец,

облеченный властью, или отец – старейшина, первый между отцами» (Маевский В. А. Сербский Патриарх Варнава. С. 160).

«Обратите внимание на те одежды, в какие облачается Святейший Патриарх. Первая одежда – иноческий параман. Обратите затем внимание... на скрижали патриаршей мантии, на Кресты, которые нашиваются на ней. Это осьмиконечные, схимнические Кресты. Таково мировоззрение древней Православной Руси, которая всегда смотрела на своего Первосвященителя не только как на Патриарха, но и как на молитвенника-схимника» (Деян.70:42. Архимандрит Гурий [Степанов] //Деяния. Кн. 6. Вып. 1. С. 96).

И еще:

«Традиция нашей Церкви не представляет Патриарха иначе, как – иноком. Первая одежда, в которую облачается Патриарх, это иноческий параман [...] Тот херувим, который виден на куколе Патриарха, взят со схимы монахов [...] Патриарх отец не только белого духовенства, но и монашествующих» (Деян.77:78. Архимандрит Гурий [Степанов] // Деяния. Кн. 6. Вып. 1. С. 271).

Таким образом, даже и одежда Патриаршая «по видимости блестящая, знаменует и бывает одеждою поругания» (Приходской листок. М., 29.12.1916–11.01.1917. [?]).

Последние прения и колебания по данному вопросу, остававшиеся еще у соборного меньшинства, окончательно, наконец, были сломлены блистательным выступлением на пленарном заседании Собора энтузиаста идеи восстановления Патриаршества, профессора Московской Духовной Академии, молодого архимандрита Илариона (Троицкого) (о чем мы имели случай упомянуть выше). Вызвавшая единственные на Соборе аплодисменты, его речь в защиту Патриаршества была одновременно и апофеозом историко-канонического утверждения этой идеи, кратко и ясно изложенной вниманию Собора, и той «точкой», на которой вопрос о восстановлении Патриаршества в Русской Церкви был, наконец, разрешен окончательно. Надо думать, раз и навсегда.

Заканчивая свою знаменитую речь, архимандрит говорил:

«Есть в Иерусалиме „стена плача“. Приходят к ней старые правоверные евреи и плачут, проливая слезы о погибшей национальной свободе и о бывшей национальной славе. В Москве, в Успенском соборе тоже есть русская стена плача – пустое Патриаршее Место. Двести лет приходят сюда православные русские люди и плачут горькими слезами о погубленной Петром церковной свободе и о былой церковной славе. Какое будет горе, если и впредь навеки останется эта наша русская стена плача! Да не будет! [...]

И хочется обратиться мне ко всем тем, кто почему-то считает еще нужным возражать против Патриаршества. Отцы и братие! Не нарушайте радости нашего единомыслия! Зачем вы берете на себя неблагодарную задачу? Зачем говорите безнадежные речи? Ведь против церковного сознания боретесь вы. Бойтесь, как бы не оказаться вам богоборцами (Деян.5:39)! Мы и так уже согрешили тем, что не восстановили Патриаршества два месяца тому назад, когда приехали в Москву и в первый раз встретились друг с другом в Большом Успенском соборе. Разве не было кому тогда больно до слез видеть пустое Патриаршее Место? Разве не обидно было видеть, что Московский митрополит за всенощной под Успенье стоял где-то под подмостьями? Разве не горько было видеть на историческом патриаршем месте грязную доску, а не Патриарха? А когда мы прикладывались к святым мощам чудотворцев Московских и Первопрестольников Российских, не слышали ли мы тогда их упрека за то, что двести лет у нас вдовствует их Первосвятительская кафедра? [...]

Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В Окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа должно биться русское православное сердце. Орел Петровского, на западный образец устроенного, самодержавия выклевал это русское православное сердце. Святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от

Бога данной ему властью снова поставит Московского Патриарха на его законное, неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет Святейший Патриарх на свое историческое священное место в Успенском соборе, – будет тогда великая радость на земле и на небе» (*Иларион [Троицкий], проф.-архимандрит*. Почему необходимо восстановить Патриаршество? [См.: Акты... С. 45–46]).

Но и после этого не унимаются «церковные с.-д.» в своей пока что подпольной борьбе против извечных церковных начал. «Священник» Введенский, восставая против не нравящихся ему церковных канонов, говорит, охаявая «утверждение Патриаршества на так называемых [! – *Сост.*] „канонических” основаниях. Но что такое каноны? Как бы мы высоко ни ставили эти каноны, но никто не припишет им значения, равного догматам. А только лишь догматы непогрешимы. Следовательно, каноны могут „прегрешать”» (*Введенский А. И., свящ.* Восстановление Патриаршества // Знамя Христа. 1918. №1. С. 3).

Однако благоразумие и здоровое церковное чутье также не дремали и делали свое дело. Среди «безумных глаголов», демагогически попирающих 34 Апостольское правило, все чаще и настойчивее стали раздаваться отрезвляющие выступления членов Собора, проникнутых здоровыми идеалами каноничности.

Так, после долгих перереканий и страстных споров, в обстановке внешне крайне неблагоприятной, в момент общего смятения и потрясения, под устрашающий малодушных артиллерийский грохот (поневоле тут вспомнишь Голубинского с его «непатриаршеским временем»!..) Освященный Собор Русской Церкви, по вопросу о восстановлении канонического строя – Патриаршества, устами архимандрита Илариона (Троицкого) безбоязненно, отметая всякие провокационные запугивания обновленцев, ясно – как ясна всякая святая истина – произнес: «Мы не можем не восстановить Патриаршества; мы должны его непременно восстановить, потому что Патриаршество есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церкви» (*Иларион [Троицкий], проф.-*

архимандрит. Почему необходимо восстановить Патриаршество? [См.: Акты... С. 41]).

И, таким образом, Собор 1917–1918 гг. подошел к практическому разрешению основной, стоявшей перед ним проблемы; к разрешению «главного» своего вопроса.

Приводим здесь посвященные этой теме свидетельства печати.

«Отдел Собора о Высшем Церковном Управлении после целого ряда заседаний вынес определение о восстановлении Патриаршества. 12/25 сентября были открыты прения на общем заседании Собора, и уже чувствовалось, – писал участник его, – что в общем сознании и настроении вопрос этот решен положительно» (Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. См. наст. сб. Т. 1. С. 65).

А насколько популярна стала за последнее время мысль о желательности восстановления Патриаршества, можно судить по одному тому, что уже 14.10[1917] выступавшего на Соборе против его восстановления, члена Собора В. Г. Рубцова, прерывают криками: «довольно!» (*Введенский А. И., прот.* Церковь и государство. С. 103).

В самом конце сентября 1917 г., в частных совещаниях и в Отделе Собора о Высшем Церковном Управлении, начинает обсуждаться все более и более тема: о восстановлении Патриаршества.

Архиепископ Антоний [Храповицкий] читает лекцию о значении Патриаршества (там же).

Наконец, 11(24).10.1917 г., Священный Собор приступает к обсуждению и решению вопроса о восстановлении Патриаршества в Русской Православной Церкви, – вопроса, как оказалось впоследствии, явившегося основным и наиболее важным деянием этого Собора; его ценнейшим и высшим достижением.

За время с 11.10 по 5.11.1917 г. теме этой посвящено тринадцать деловых заседаний.

Записываются до сотни делегатов, желающих выступить по данному вопросу. Практически, в дальнейшем – ввиду ясности вопроса – Собор не заслушивает и половины речей.

18.10.1917 г. с речью о восстановлении Патриаршества, выступает на Соборе один из виднейших его членов, князь Евгений Трубецкой (там же. С. 105)^У.

Впоследствии даже такой злостный враг Церкви, как А. И. Введенский, в своем известном пасквиле против Патриарха признает, что за Патриаршество на Соборе высказывались «все самые видные, самые просвещенные [! – *Сост.*]» его члены (там же. С. 106).

В октябре же, Председатель и Товарищ Председателя Собора намечаются в частных совещаниях в Патриархи.

А 19.10.1917 г. – подавляющее большинство выступающих на Соборе ораторов высказывается также за восстановление Патриаршества.

Против восстановления выступают проф. Фиолетов и протоиерей Н. В. Цветков.

«Протоиерей Н. В. Цветков протестует против восстановления Патриаршества» и свою, не очень «мудрую» речь заканчивает следующими (по Введенскому и иже с ним: очень убедительными!) словами: «Вот (указывая на Крест и Евангелие) невидимый Глава, куда мы обращаем свои мысленные взоры. И мы, клирики и миряне, объединены им. Христос посреди нас есть и будет, но не Патриарх». (В Церковной палате происходит при этих словах движение, слышен сдержанный смех. Председатель звонит.) (Там же. С. 106).

И – провокационно добавляет от себя Введенский – «кажется нет во всей истории этого *антихристов*а [!! разрядка наша. – *Сост.*] Собора более, с религиозной точки зрения, драматической подробности: при напоминании о том, что Христос – Глава Церкви, Собор смеется». [...]

21.10.1917 г. «За Патриаршество высказываются Юдин, Астров, прот. С. Шлеев [впоследствии убитый единоверческий епископ Симон. – *Сост.*], К.Г. Куляшов, патетически кончающий свою речь возгласами: „Патриарха нам, Патриарха!“». И лишь один прот. Н.П. Добронравов [впоследствии убежденный патриархист, архиепископ Владимирский Николай. – *Сост.*]

протестует против введения этого – по Введенскому – неканонического принципа» (там же. С. 106).

Между тем события гражданской войны разворачивались своим чередом: в Москву в это время «примчались из Петрограда некоторые члены Собора (в их числе Котляревский) с вестью, что Временное правительство арестовано... В Москве все забурлило, начались отдельные вооруженные выступления, а через два-три дня вся Москва была охвачена гражданской войной. Жаркая стрельба, трескотня пулеметов, канонада из пушек – штурм Кремля и всех правительственных учреждений, где засели защитники Временного правительства: юнкера Александровского военного училища и добровольцы из населения. Страшные дни кровопролития...

Собор прервал нормальное течение своей работы. Выходить на улицу стало опасно. Некоторые члены рисковали жизнью, пробираясь в Епархиальный Дом, а те, кто попадали на заседание, не могли иногда вернуться в общежитие. Положение в городе стало [...] грозным [...] вопрос о выборе Патриарха, который дебатировался в течение столь долгого времени, потребовал немедленного разрешения. Из предыдущих прений было ясно, что большинство Собора стоит за Патриаршество; правда, оставалось выслушать еще не менее 90 ораторов, но момент требовал не речей, а действий. Павел Граббе от имени своей группы (около 60 человек) в пленарном заседании [...] внес предложение прения прекратить и проголосовать установление Патриаршества в Русской Церкви» (Евлогий, митр. С. 276).

И – 28 октября 1917 г. Священный Церковный Собор громадным большинством голосов решил восстановить в Русской Церкви Патриаршество (Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. См. наст. сб. Т. 1. С. 65).

«Собор выдвинул вопрос о восстановлении в России Патриаршества, уничтоженного Петром Великим в целях укрепления царского самодержавия. Собором решено было восстановить Патриаршество. Это как раз совпало с большевистским переворотом; в Москве стояла несмолкаемая

канонада, – большевики обстреливали Кремль, где дружно держалась еще кучка юнкеров» (*Рождественский Л., прот. Святейший Тихон. С. 14–15*) [z]¹²⁹.

«Под грохот пушек и треск пулеметов Собор проголосовал величайший акт всей деятельности Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг.» (Евлогий, митр. С. 276).

Или – читаем в другом месте – «Собор церковный восстановлением Патриаршества выполнил свою основную и главную задачу» (Вестник Восточно-Азиатского Экзархата Московской Патриархии. Харбин. 1947. №8–10. [?]). А несколько далее, в том же печатном органе, говорится о том же несколько пространнее: «В эти грозные дни Собор решал самый важный, самый большой вопрос о Русской Православной Церкви: быть или не быть Патриарху на Руси. После долгих и серьезных прений, общим единодушным голосованием было принято решение о восстановлении Патриаршества в Москве» (там же).

Слова эти принадлежат, по-видимому, члену Собора епископу (впоследствии митрополиту) Нестору [Анисимову]. Другой член Собора о том же говорит так: «Под грохот пушек, свист пуль и сухой треск пулеметов Собор утвердил основы реорганизации церковной жизни и восстановление Патриаршества [...] Церковь провозглашала зарю своего освобождения и обновления. Это была краткая светлая радость перед тем крестным путем, который открывался перед Церковью» (*Руднев С. П. При вечерних огнях. С. 149*).

Так, можно сказать, что «в результате работ Предсоборного Присутствия на Всероссийском Соборе 1917 года совершилось избрание Патриарха и Русская Православная Церковь снова увенчалась Главой и из акефальной снова стала автокефальной» (*Савинский С. Значение Патриаршества... // ЖМП. 1944. №3. С. 37*).

«Московский Собор восстановил высшую церковную власть, принципы которой были омрачены в теории и подавлялись на практике при управлении Синода. Церковное общество следовало возвести к идее Соборов и соборного самоуправления, к свободе в послушании и послушанию в

свободе, без чего нет истинной соборности в Церкви» (Булгаков С. Н. Страж дома Господня. [Акты... С. 390]).

Действительно, Великий Собор 1917–1918 гг. дал нашей Церкви, в точном соответствии с буквой и смыслом 34 Апостольского правила, одновременно и Патриаршество и соборное устройство в лице вспомогательных, постоянно-действующих, представительных органов: Патриаршего Священного Синода и Высшего Церковного Совета. Ибо «для Церкви главное – это соборность. Как символ этой соборности и отмены бюрократии – Патриаршество» (Патриарх Сергей и его духовное наследство. С. 130).

Не следует упускать из виду и того, что «Русская Церковь была основным фактором в жизни русского народа. По этим причинам восстановление русского Патриаршества в 1917 году вызвало большой интерес во всех христианских Церквях и возбудило великие надежды и помыслы» (Из речи епископа Нишского Иоанна, представителя Сербского Патриарха на торжествах, посвященных сорокалетию восстановления Патриаршества // ЖМП. 1958. № 6. С. 32), ибо «в Патриаршестве Поместная Церковь непосредственно осознает себя органической частью Церкви Вселенской, в нем особо глубоко и ярко выражается Ее живое единство» (Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. См. наст. сб. Т.1. С. 77).

Собор приступает к избранию трех кандидатов в Патриарха на Всероссийский Патриарший Престол.

Обстановка в Москве в те дни была чрезвычайно напряженной; во всех районах города шли бои гражданской войны. Поэтому, как пишет современник, «спешно приступили к выборам Патриарха; опасались, как бы большевики не разогнали Собор. Решено было голосованием всех членов Собора избрать трех кандидатов, а затем предоставить воле Божией, посредством жребия, указать избранника. И вот, усердно помолившись, члены Собора начинают длинными вереницами проходить перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосование дало требуемое большинство митрополитам [ошибка; следует – архиепископам.

– *Сост.*] Харьковскому и Новгородскому, и лишь на третьем выдвинулся митрополит Московский Тихон» (*Рождественский А., прот.* Святейший Тихон. С. 15).

Или, как сообщает другой современник: «свободным голосованием членов Собора были избраны три кандидата на Патриарший Престол: самый умный из русских архиереев – архиепископ Антоний [Храповицкий], самый строгий – архиепископ Арсений [Стадницкий], и самый добрый – митрополит Тихон» (*Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. См. наст. сб. Т. 1. С. 135*).

И действительно, трудно не обратить внимания на то обстоятельство – кто именно являлись избранными соборной волей и разумом как кандидаты на высокое служение Всероссийского Патриаршества; избираются именно те три святителя, которые наилучшим образом олицетворяли собою самые ценные и необходимые условия церковного домостроительства: мудрость (Антоний Храповицкий), дисциплину (Арсений Стадницкий) и святость (Тихон Беллавин).

И, изволением Святого Духа, на пустовавшее 200 лет Патриаршее место, возводится, по-видимому, то, в чем является более всего нужда данного времени; то, что наилучше «восполнит оскудевшее» и «уврачает немощная» – на Патриарший Престол Российский возводится: Святость!

Особая премудрость и полноценность этого избранничества чувствуется и в том, что если первые два качества не всегда и не обязательно включают в себя третье, то это последнее немислимо без того и другого, ибо в нем – полнота.

«Архиепископ Арсений [Стадницкий] [...] возможности стать Патриархом ужасался и только молил Бога, чтобы „чаща сия“ миновала его. Митрополит Тихон возлагал все на волю Божию» (*Евлогий, митр.* С. 277–278).

Что же касается главного деятеля по восстановлению у нас Патриаршества, архиепископа Антония [Храповицкого], то, естественно предполагать, что он, конечно, рассчитывал быть Патриархом, в той степени, в которой это допускало наличие среди трех жребиев одного и с его именем (33,3% вероятности), однако великое – якобы – огорчение его, после происшедшего

факта неизбрания (о чем много тогда говорилось и распускалось разных анекдотов), следует, по-видимому, отнести за счет фантазии и злонамеренности обновленческих «профессоров» – его идеологических противников. «Остановившись на Тихоне, как на кандидате в патриархи, Собор имел в виду некоторую „революционность“ Тихона» (Сахаров К. И. Патриарх Тихон. С. 8), – заявляет советский журналист. И, до известной степени, вполне справедливо, если вспомнить всю прежнюю, дореволюционную линию поведения и ярко-подчеркнутый, демократический и народнический характер архипастырской деятельности архиепископа Американского – Ярославского – Виленского.

Но, так как нежелательно было Собору «предоставлять избрание Патриарха только изволению человеческому» (протопресвитер Н. А. Любимов), то оставалось завершить всю эту процедуру (имея в виду древнюю новгородскую традицию) вынутием жребия.

Это и было сделано 5(18).11.1917 г., когда «перед Владимирскою иконою Божией Матери, нарочно принесенною из Успенского собора в храм Христа Спасителя, после торжественной литургии и молебна, схимник, член Собора, благоговейно вынул из урны один из трех жребиев с именами кандидатов, и, ныне покойный, митрополит Киевский Владимир [Богоявленский], провозгласил имя избранника – митрополита Тихона» (Рождественский А., прот. Святейший Тихон... С. 15) [aa]¹³⁰.

Храм Христа Спасителя «вмещавший до 12000 молящихся, был переполнен. Все с трепетом ждали, кого Господь назовет... По окончании молебна митрополит Владимир [Богоявленский] подошел к аналою, взял ларец, благословил им народ, разорвал шнур, которым ларец был перевязан, – и снял печати. Из алтаря вышел глубокий старец – иеросхимонах Алексей [...] затворник Зосимовой пустыни (неподалеку от Троице-Сергиевой лавры), ради церковного послушания участвовавший в Соборе. Он трижды перекрестился, и, не глядя, вынул из ларца записку. Митрополит Владимир [Богоявленский] внятно прочел: „Тихон, митрополит Московский“. Словно электрическая искра

пробежала по молящимся... Раздался возглас митрополита „Аксиос!”, который потонул в единодушном „Аксиос!.. Аксиос...” духовенства и народа. Хор, вместе с молящимися, запел „Тебе Бога хвалим”... Ликование охватило всех. У многих на глазах были слезы. Чувствовалось, что избрание Патриарха для всех радость обретения, в дни русской смуты, заступника, предстателя и молитвенника за русский народ... Всем хотелось верить, что с Патриархом раздоры как-то изживутся» (*Евлогий, митр.* С. 279).

Или, как говорит другой иерарх-современник об этом же историческом моменте в жизни нашей Церкви:

«Глубочайшее уважение и любовь к нему среди участников Собора были таковы, что когда жребий решил дело в честь митрополита Тихона, священное „аксиос” было безраздельно единодушным, ибо все сознавали, что кормило корабля Российской Православной Церкви попало в руки непререкаемо верные. Благодарному и мудрому водительству его с полнейшим доверием и любовью с первого же дня подчинились все без изъятия. Первыми явили пример смиренного послушания ему те архипастыри, кои по количеству кандидатских предложений стояли выше его» (*Иоанн Поммер, архиеп.* [Акты... С. 233–234]).

«Великая честь и великая ответственность Патриаршего служения пала на Высокопреосвященнейшего Тихона, митрополита Московского и Коломенского» (Жизнеописание Тихона Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. См. наст. сб. Т. 1. С. 66).

«На заре крестного пути, какой волей Божией был предназначен для Русской Православной Церкви, святитель Тихон возглавил эту Церковь как первый Патриарх» (Воскресное чтение. Варшава. 1926. [?]).

«По человеческим понятиям, два других кандидата, в особенности первый из них [Архиепископ Антоний Храповицкий. – *Сост.*], были более прославлены среди людей и казались более подходящими для занятия Патриаршей кафедры. Но воистину перст Божий указал на Тихона, как Всероссийского Патриарха» (Правда о религии в России. С. 48).

«Что касается избрания на Патриарший Престол именно митрополита Тихона, то, принимая во внимание его личные качества, это обстоятельство имело огромное значение. Патриарх Тихон на место принудительной власти обер-прокурора поставил высокий и непререкаемый авторитет своей обаятельной, благостной личности, он стал подлинным духовным отцом Православной российской паствы и тем самым возвел церковную власть в сознании верующих на небывалую в синодальный период высоту.

Святейший Патриарх Тихон стал во главе Церкви в тот момент, когда церковный корабль входил в полосу крайне бурных событий. Волны политических страстей колебали его [?! – *Сост.*], подводные камни разномыслия и вражды угрожали его целостности. Святейшему кормчему Тихону пришлось действовать в сложнейшей обстановке внутренних церковных противоречий и расколов...» (Ведерников А. В. Ревнитель церковного единства. С. 68).

И – добавим от себя сюда, к этим робким словам официальной журнальной статьи [А. В. Ведерникова; секретаря редакции! – *Сост.*], – что Святейшему Патриарху Тихону, приходилось действовать (главнее всего!) в – ни на минуту не прекращавшейся – обстановке травли и преследования со стороны новой, воюющей против Бога и Церкви, государственности, что, впрочем, слишком известно всему цивилизованному миру...

В другом случае тот же журнал писал: «На глазах нашего поколения в трудное и сложное время великого перелома в истории нашего Отечества у руля церковного стал не один из тех пастырей, кто впоследствии покинул свое овчее стадо, а Московский митрополит Тихон» (Славное десятилетие (1945–1955) // ЖМП. 1955. №2. С. 8).

Другой автор, вспоминая исторический день 5(18).11.1917 г., пишет в своих воспоминаниях: «Живо помню, с каким смирением, с сознанием важности выпавшего жребия и с полным достоинством принял Преосвященный Тихон известие о Божием избрании. Он не жаждал нетерпеливо этой вести, но и не тревожился страхом, – его спокойное преклонение перед

волей Божией было ясно видно для всех. Когда торжественная депутация членов Собора, во главе с высшим духовенством, явилась в церковь Троицкого подворья в Москве, для „благовестия” о Божиим избрании и для поздравления вновь избранного Патриарха, Преосвященный Тихон вышел из алтаря в архиерейской мантии и ровным голосом начал положенный по церемониалу краткий молебен. Отвечая на поздравительные речи, произнесенные после молебна от имени Собора, от Синода, от Московской епархии, Владыка для каждого нашел ласковое, не шаблонное слово: это было тогда же отмечено. Тогда же он дал обет – стоять за Церковь Православную до смерти, – и вот теперь он всем показал (писано пять лет спустя), что обещание это не было лишь пустым звуком, что оно было дано от души и с полным убеждением» (*Рождественский А., прот. Святейший Тихон... С. 15–16*).

Таким-то образом, наконец, «печальным дням по воле Божией пришел радостный конец!.. Окончилось вдовство нашей Церкви Российской. Жребием Господним, принятым от чудотворной иконы, рукою преподобного схимника, избран Всероссийский Святейший Патриарх Тихон» (*Антоний (Храповицкий), митр. Полное собрание сочинений. Т. IV, дополнительный. Киев, 1918. С. 263*).

Избранный и Нареченный Святейший Патриарх, – митрополит Тихон, пока что удаляется в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру для внутреннего духовного и молитвенного сосредоточения. В это же время, в Москве, идут срочные приготовления к торжеству интронизации или настолования; на основе древних чинов разрабатывается богослужебный ритуал посаждения на Патриарший Престол для настоящего момента, – комиссия, занимающаяся этим делом, возглавляется архиепископом Кишиневским Анастасием (Грибановским).

Одновременно, в это же время общецерковного радования и ликования, из обновленческого «подполья», слышится подавленное, но злобное змеиное шипение:

«В Москве, в каких-то Каретных Рядах [местонахождение Епархиального Дома, т. е. Соборной палаты. – *Сост.*] повергли в прах когда-то грезную и светлую „соборную мечту”» (*Зритель*.

Будет ли в России реформация? (Беседа) // Знамя Христа. Газета. 1918. №1. С. 2).

Вот именно – «грезную»; обновленцы наши и не подозревали, что в Церкви Божией следует не истерически грезить, а быть реалистами в высшем смысле этого слова, имея в виду, что «величайший реализм в настоящую минуту заключается в величайшем идеализме» (Церковные Ведомости. Прибавления. 1918. №7–8).

Увы: даже совершившимся соборным знамением «не исправлен пребысть Иуда рад и льстец»; бесы в рясах и профессорских мундирах ничего не поняли и ничем не вразумились, и главные «сиамские близнецы» обновленческого беснования Введенский–Титлинов тут же, на ходу, вырабатывают свою новую антицерковную программу-формулу дальнейшей деятельности, звучащую дословно так:

«Восстановление Патриаршества есть столь чрезвычайное зло, что в Церкви можно теперь остаться лишь для того, чтобы уничтожить это Патриаршество» (Введенский А. И., прот. Церковь и государство. С. 109).

И они остались «в Церкви», и через пять лет сделали свое дело...

Но, как бы то ни было, а воля Божия уже совершилась!

Жизнь шла своим чередом...

Что же принесло нашей Церкви «восстановление Патриарха на святительском троне»?

Заметим здесь, прежде всего, что в жизни Русской Православной Церкви не было, кажется, момента, когда бы Она так нуждалась в авторитетном вожде и руководителе, как годы, наступившие вслед за избранием Патриарха.

Восстановлением Патриаршества Церковь была возвращена на тот исконный канонический путь, которым, совместно со Вселенским Православием, Она неизменно шествовала в продолжение веков, до появления того препятствия на Ее пути, именовавшегося Святейшим Правительствующим Синодом, которое не только затормозило Ей путь к Ее внутреннему развитию, но и оторвало Ее от Вселенского Православного единства.

Восстановление Патриаршества у нас явилось историческим событием не только для Русской Церкви, но и для Вселенского Православия: оно своим примером вдохновило возрождение и древних славянских Патриархий, и Православных Патриархий других народов, способствуя в большой степени формированию и консолидации Православных Церквей перед лицом, не теряющего ни минуты времени, быстро организующегося мирового антихристианства.

Так что «через спасительные испытания нашей Поместной Церкви пришло великое благо и для Вселенской Церкви в целом» (Казем-Бек А. Под хоругвью Матери-Церкви // ЖМП. 1957. №7. С. 23).

Один из Восточных Патриархов, приветствуя возрождение Российского Патриаршего Престола, писал тогда следующее: «Благословен убо Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, умножая на Святую Церковь Российскую величие Свое и от бездны земли воздая; Он и в наши дни призрел с высоты и возвысил избранного в Церкви Московской и всея России, камень краеугольный, и поставил светильник на свещнице. Не мыслей человеческих дело это было, но бысть попечение от Господа, сего ради прият царствие благолепия и венец красоты от руки Господней. [...]

И так как Ваша честная глава исповедала кровию святых возвращенное доброе исповедание и последовала издревле установленному чину отцев наших „пределами непреложными“ начертанному, почитая обычаи и законы, добре положенные, и простирая братскую руку в каноническое общение, то приемлем веру, даем десницу общения, воздаем во Христе братское лобзание во единение веры, во обручение любви и мира и в еще теснейшее братство Святейшего Апостольского Патриаршего нашего Престола с новым Патриаршим Престолом Московским и всея России, и да будет единение это чисто и нескверно, как единение жениха Христа с невестой Церковью нашею. Наляцы убо, Блаженнейший, и успевай и царствуй на поле Господа нашего, идеже жатва многа зело, зело...» (Ответное послание Иерусалимского Патриарха Дамиана Касатоса на известительное послание Святейшего патриарха

Тихона от 9–22.07.1918 г. №65. Дата ответного послания: 3–16. 10.1918, исх. №832).

Что же касается соборного избранника, удалившегося тогда для богомыслия и молитвы в лавру, то видим теперь, что в наше сложнейшее, историческое время Господу угодно было украсить и умудрить Русскую Церковь Патриаршеством, поставив во главе Ее именно такого Первосвященителя, которому так пристало умиленное и восторженное церковное (т. е. всенародное!) обращение: «Тако да просветится свет твой пред человеки, яко да видят добрые дела твоя и прославят Отца нашего, иже есть на небесах!» Хотя и следует отметить, что «еще накануне своего избрания он был неизвестен России, он был скрыт в тени, ожидая предназначенного времени» (Булгаков С. Н. Страж дома Господня. [Акты... С. 387]), ибо в ту пору «у него еще не было врагов, которые создали бы ему имя» (Бальзак О. Утраченные иллюзии).

Однако «когда из трех кандидатов, намеченных Московским Собором, жребий, брошенный пред иконой Владимирской Божьей Матери, указал одного, – все с радостным облегчением увидели перед собой ясного и кроткого, благостного и смиренного Тихона. И все, вне зависимости от того, желали ли они восстановления Патриаршества, или боролись против него, прияли и полюбили Святейшего Тихона» (Булгаков С. Н. Страж дома Господня. [Акты... С. 387]).

И «свободным и вольным избранием передала ему Русская Церковь власть на водительство – в самые трудные времена. Патриарх принял великое бремя, крест и венец терний» (Зайцев Б. Венец Патриарха // Перезвоны. Рига, 1926, № 17. С. 494. [Акты... С. 396]).

«Кормчий Русской Церкви встал за руль в тот самый момент, когда разразился ураган, разрывая паруса и ломая мачты. Черные тучи антихристового гонения за веру уже заволакивали небо, когда Патриарх, нося в руке жезл святителя Петра, митрополита Московского, взошел на древний престол. В это время не место было неведению или легкомыслию. Только глядя прямо в лицо свирепого и безжалостного врага, только с полным самообладанием и полной готовностью принести себя в

жертву было возможно взойти на престол Патриархов. Бремя власти всегда связано с бременем ответственности и с принесением в жертву личной свободы. Но в такое время, только для того, чтобы стойко стоять и благополучно выдержать бурю, необходимо было принести себя в жертву, умереть прежде смерти, осуществить Гефсиманское самоотречение: „Да будет воля Твоя!“. Жертва должна покорно покориться принесению себя в жертву, как и пророк сказал, предзря Жертву из жертв – Сына Божия, распятого за грехи мира: „Как овца веден был Он на заклание и как агнец пред стригущими Его безгласен“. Образ этого Агнца запечатлелся на Святейшем Тихоне с первых дней его служения» (Булгаков С. Н. Страж дома Господня. [Акты... С. 388]).

21 ноября 1917 года, на праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы, в Московском Кремле, среди великих разрушений, произведенных в нем октябрьскими боями, под гул и гром которых нарождалась наша новая государственность; в Большом Успенском соборе пробитом снарядом, состоялось великое торжество Русского Православия: наставление одиннадцатого (не считая Игнатия) Патриарха Московского и всея России – Тихона. (Подробное, стенографически зафиксированное, изложение этого торжественного всецерковного действия, было тогда же обнародовано в печати и в качестве 47 Деяния включено в свод протоколов заседаний Собора 1917–1918 гг. [См.: Деяния Кн. 4. Вып. 2. С. 36–75; Акты... С. 49–65]).

«К 9 часам утра все российские епархиальные архиереи и епископы, пребывающие в Москве, и все члены Собора клирики и миряне собрались в Кремле. Архиереи ожидали встречи митр[ополита] Тихона в своих архиерейских мантиях в церкви 12 Апостолов и Мироваренной палате[bb]¹³¹. После встречи митрополита Тихона и обращения к нему со словом митрополита Владимира все со славою пошли в Успенский собор. За синодальным хором шло духовенство, затем попарно все епископы. Шествие замыкал в голубой мантии и белом клобуке, с преднесением Корсунского Креста, с жезлом в руке митрополит Тихон. До ста епископов, не участвовавших в

совершении Божественной литургии, в мантиях стояли на возвышениях, устроенных по обе стороны облачального места. Нареченного Патриарха начали облачать в святительские одежды. На него был одет большой параман прежних Патриархов.

При пении „Приидите, поклонимся” нареченный Патриарх, в сопровождении сонма старейших архипастырей и пастырей, сослуживших ему, вошел во св. Алтарь, и ему протодиакон подал золотое кадило Патриарха Филарета. Во время пения Трисвятаго наступил самый торжественный момент. Два старейшие митрополита, взяв под руки Тихона, возводят его на горнее Патриаршее Место [...] трижды посаждали его на патриаршее место под троекратное пение священнослужителями и народом „Аксиос”.

Затем архиепископ Арсений [Стадницкий] произносит ектенью о Св. Патриархе Тихоне, а митрополиты переодевают Патриарха в патриаршие старинные ризы. Саккос с нашивной епитрахилью был Патриарха Питирима, омофор – Патриарха Никона, две панагии и крест – Патриарха Иова, поручи – Патриарха Филарета. Когда Патриарха облачали, то протодиакон Розов, обратившись с амвона, „кликал похвалу” – многолетие каждому из Православных Патриархов [...] и Святейшему Тихону, Отцу нашему и Патриарху Московскому и всея России, епископам и всему Священному Собору Церкви Российския и пр.

По окончании литургии и разоблачении Патриарха, на него надели зеленую бархатную мантию, унизанную по истокам жемчугом, и патриарший белый клобук [куколь. – *Сост.*] Патриарха Никона, украшенный вверху крестом из драгоценных камней с вышитыми жемчугом херувимами на воскрилиях и на челе.

На солее Патриарху Тихону митрополит Владимир [Богоявленский] вручил простой деревянный, без украшений жезл святого Петра митрополита Московского» (Вестник Восточно-Азиатского Экзархата Московской Патриархии. Харбин. 1947. №8–10. [?]).

Так в нашей Церкви – величайшей из Православных Церквей мира – рассуждая по-человечески, т. е. по-голубинскому и иже с ним, – в самое «непатриаршеское» время, вновь воссияло древнее Патриаршество, лишь озаренное новым светом и новым смыслом сегодняшнего церковного дня «часто несвоевременное по человеческому суждению оказывается своевременным в Промыслительных путях Божественных» (*Восторгов И., прот.* Перед Церковным Собором. Листовка. 16.07.1917), и теперь, оглядываясь назад, на этот уже прошедший момент, трудно себе даже и представить то внутреннее и внешнее положение нашей Церкви, если бы не было у нас в те, памятные, дни семнадцатого года, восстановлено Патриаршество; восстановлен канонический строй церковный.

«Невозможное» для некоторых оказалось возможным, нужным и необходимым для Церкви!

«Первое время после интронизации Патриарх на Соборе не появлялся. Председательствовал митрополит Арсений [Стадницкий], который и провел Собор до конца его существования. Работы возобновились в Комиссиях и в общем собрании. Но вот, как-то раз, словно ясное солнышко, – появился на Соборе Патриарх... С каким благоговейным трепетом все его встречали! Все, – не исключая „левых“ профессоров, которые еще так недавно убедительно высказывались против Патриаршества... Когда при пении тропаря и в преднесении Патриаршего креста, Патриарх вошел, – все опустились на колени. Патриарх проследовал прямо в алтарь, вышел в мантии, приветствовал Собор и, после молебна благословив всех, – отбыл.

Это посещение – высшая точка, которой духовно достиг Собор за первую сессию своего существования. В эти минуты уже не было прежних несогласных между собою и чуждых друг другу членов Собора, а были святые, праведные люди, овеванные Духом Святым, готовые исполнять Его веления... И некоторые из нас в тот день поняли, что в реальности значат слова „Днесь благодать Святаго Духа нас собра...“» (*Евлогий, митр.* С. 282).

11. Обновление Церкви и «обновленчество»

Собор 1917–1918 гг. длился тринадцать месяцев (август 1917–сентябрь 1918) и прекратил свои занятия уже в обстановке крайней враждебности к нему, со стороны новой, только что утвердившейся советской власти, сменившей, в свою очередь, разгромленное ею и арестованное, так называемое «Благодарное Временное правительство».

С самого первого дня существования новая государственность во всеуслышание всего мира провозгласила себя непримиримой и яростной воительницей против Бога и Церкви, открыто поставив перед собою задачу, по возможности наискорейшего искоренения религии и всего из нее проистекающего и с нею связанного.

Естественно, что в России, все это в первую очередь относилось к Православной Русской Церкви.

«Долой, долой монахов. Долой, долой попов. Мы на небо залезем, Разгоним всех богов!..» – было одной из популярнейших, «массовых» песен времен начала революции.

Идейной концепцией своей новый Кесарь объявил немецкий марксизм и французский материализм, в самых крайних и радикальных их выводах, и Марксов афоризм «религия – опиум для народа» вскоре появился на стене здания б[ывшей] Московской Городской Думы, в большой нише, откуда предварительно была бесцеремонно вышвырнута огромная икона в золоченой ризе с постоянно теплившейся перед нею висячей лампадой в фонаре. А в осуществление намеченной программы начался планомерный дикий разгул безбожничества, в самых злобных и оголтелых его проявлениях.

В своем развитии новая философия очень скоро дошла до негласного провозглашения и выявления себя как некая левая религия, со всем негативным отражением исторической церковности, располагая своими культовыми зданиями, «богословствующей» верхушкой, иерархией, ритуализмом и бесчисленным клиром, миссионерствующим в ее пользу.

И эта новая левая религия безбожничества стала насаждаться огнем и мечом, всемерно стараясь – где это возможно – подменять собою христианство, осуществляя это

любыми средствами («цель оправдывает средства») и при нескрываемой поддержке всей мощи государственной полицейской системы. А для маскировки перед мировым общественным мнением творимого погрома и насилия над многомиллионным верующим населением страны издается кургузое «законодательство», якобы нормирующее новые – демократические – взаимоотношения Церкви с государством.

И сколь ни косноязычно было это «законодательство», Церковь все же кое-как могла бы существовать при его действии, хотя и в чрезвычайно тяжелом состоянии, но истинная трагедия Ее оказалась в том, что государственная власть, задавшаяся целью уничтожить Церковь и, естественно, не желавшая себе противоречить в этом, – в своих отношениях к Церкви, никогда не руководствуется ею же самой писанными «законами», а всю якобы идейную борьбу с Церковью строит исключительно на основе своей ненависти и партийной нетерпимости к Ней, лишь в необходимых случаях прикрываясь «законом».

В этих печально сложившихся условиях окончил свою работу Поместный Собор 1917–1918 гг., уже полулегально собираясь в незначительном количестве членов на свою третью сессию, с грехом пополам дотянутую в стенах Скорбященского девичьего монастыря у Бутырской заставы, до второй половины сентября месяца 1918 года...

Архиепископ Ярославский (1947–1954) Димитрий [Градусов], бывший в 1917–1918 гг. членом Собора, в следующих словах повествует о его закрытии:

«Когда, еще не разбежавшиеся по домам, немногие члены Собора из числа наиболее стойких и преданных делу церковного строительства собрались в почти пустом помещении на очередное соборное заседание и приготовились было к обычным занятиям, председательствовавший митрополит Новгородский и Старорусский Арсений [Стадницкий], обведя усталым взглядом пустующий зал, произнес с некоторым раздражением в тоне:

– Ну, вот что: давайте-ка кончать это дело!.. – и, махнув рукой, демонстративно поднялся со своего председательского

места.

Немногочисленные присутствующие последовали его примеру». Все разошлись. Это было в пятницу 7(20).09.1918 года.

Но по глубоким, религиозным понятиям Собор закрылся все же не в силу одних внешних неблагоприятных обстоятельств, а потому, что исчерпал себя; свое предназначение и свои возможности – церковные и исторические. Восстановив Патриаршество, он выполнил «единое на потребу» нашей Церкви в данную историческую эпоху.

Все остальное, каким бы нужным оно ни казалось, в действительности было лишь суетной заботой Марфы.

Как известно, «обширной программе Собора, подготовленной Предсоборным Совещанием, как и большинству соборных решений, не было суждено сделаться программой церковной жизни. В ее дальнейшем развитии действительное признание получили лишь два соборных акта: восстановление Патриаршества и избрание митрополита Московского Тихона Патриархом Московским и всея Руси [России. – *Сост.*].

В этих двух деяниях Поместного Собора Русская Православная Церковь вновь обрела свое единство и получила надежный залог канонического устроения церковной жизни в новых, еще не установившихся тогда, условиях государственного строя, который только что нарождался в огне Октябрьской революции.

Восстановление Патриаршества явилось знаменiem жизненности Русской Православной Церкви и преддверием возвращения Ее в собственную сферу деятельности» (Ведерников А. В. Ревнитель церковного единства. С. 67–68).

С окончанием соборной работы, когда от ужасов красного террора разбежались последние его члены, засидевшиеся в Москве, – Святейший Патриарх Тихон, возведенный этим Собором на невиданную у нас дотоле высоту пастырского служения, остался совершенно один пред лицом клокочущей революционной стихии, в самом ее эпицентре...

«Огромные задачи стали пред Святейшим Тихоном. Ему была вверена многомиллионная, колоссальная по территории

Русская Православная Церковь, со всеми Ее духовными и материальными ценностями. Вот почему в сознании своей великой ответственности, он всегда по завету Христа Божье отдавал только Богу.

Неимоверно тяжел был его крест. Руководить Церковью ему пришлось среди всеобщей церковной разрухи, без вспомогательных органов управления, в окружении поднявших головы врагов Церкви, вроде безбожников, сектантов, а впоследствии и в обстановке внутренних расколов и потрясений, вызванных всякими „живоцерковниками, обновленцами, автокефалистами“. „Тяжелое время переживает наша Церковь“, – писал в июле 1923 года Святейший» (Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. См. наст. сб. Т 1. С. 69).

И это действительно было так; ибо кроме вышеуказанных тягчайших внешних условий церковной жизни, созданных стараниями новой государственной власти, «полученная [с восстановлением Патриаршества. – *Сост.*] свобода породила в Церкви на первых порах разномыслия, споры, церковные смуты и расколы. Появились реформаторы, водрузившие „иные олтари“, и если бы в нашей Церкви не было Патриарха Тихона, то волны страстей могли бы увлечь Ее в бездну. Но Патриарх сохранил Церковь от падения, явившись тем средоточием церковной жизни, к которому потянулись все положительные силы Церкви. Замечательно, что за обновленцами, которые пытались модернизировать Православие, пошли только рационалистически настроенные пресвитеры, а верующий народ, как хранитель Православной веры, остался с Патриархом Тихоном» (Патриарх Сергей и его духовное наследство. С. 319).

После всего вышесказанного попытаемся вкратце сформулировать церковно-историческое значение Святейшего Патриарха Тихона в его самом окончательном итоговом выводе.

Оно – прежде всего – огромно и будет долго еще служить предметом исследований. И если можно в какой-то степени говорить о «спасении» Церкви проявлениями Ее человеческой стихии, то надо сказать не обинуясь: Святейший Патриарх Тихон

спас Русскую Церковь. И что бы ни говорили впоследствии будущие исследователи его личности и деятельности, историческая фигура его всегда будет являться образом церковной святости и исповеднической непоколебимости, подавая пример всем будущим православным людям.

А в смысле образном, широком, на вопрос: «чем же был он для Русской Церкви?», уже прекрасно отвечено мыслителем-протоиреем о. В. П. Свенцицким, сказавшим: «он был Ее совестью!».

Практически же спасительная исповедническая деятельность Святейшего Патриарха Тихона распадается на два аспекта, равноценные по своей значимости для Церкви:

1. государственное исповедничество до уз или защита духовными средствами Церкви от материального разгрома Ее «внешними» (Кесарем);

2. миссионерская борьба и ограждение Церкви от «прелазающих инуде» лжебралий – обновленцев-живоцерковников и подобных.

Как известно, путем героических усилий подвиг Первосвятительского и архипастырского служения Святейшего Патриарха Тихона в конце концов был увенчан благословенным успехом, хотя сам он, в итоге перенапряжения всех своих ограниченных человеческих сил, всего лишь в шестидесятилетием возрасте оставил этот лукавый мир, передав докончить незавершенное своим преемникам по Всероссийскому Патриаршему Престолу.

Вот, в итоге, – в чем значение Великого Собора 1917–1918 гг.: он провиденциально возродил канонический строй нашей Церкви – Патриаршество, которое – в свою очередь – в лице благочестивейшего миссионера-исповедника Святейшего Патриарха Тихона оказалось в состоянии оградить Церковь против всех «козней дьявольских» и вывести Ее из пучины бед в наиболее критический момент нашей истории.

Остается сказать несколько слов о том странном и доселе необъяснимом явлении, утвердившемся у нас в отношении вопроса о церковном обновлении.

С легкой руки многоразличных церковных «татей и разбойников», столь изобильных в наше время, верующему обществу навязано убеждение – к сожалению, крепко привившееся, – что обновление Церкви, то самое, о котором было столько говорено и писано в прошлом; то именно, о котором исстари болели душою и которого с благоговейным трепетом ожидали величайшие умы и благороднейшие сердца давно ушедших людей, – это будто бы и есть тот самый, к сожалению слишком хорошо известный нам мятеж церковных подонков 1922 года, инспирированный Е.А. Тучковым и возглавленный провокатором-шизофреником А.И. Введенским.

Церковное общество, благодаря длительной и усиленной «работы вражией» столь привыкло к этой мистификации, что и не мыслит иного толкования этого явления.

А между тем дело обстоит совершенно не так.

Еще на Соборе 1917–1918 гг., один из виднейших его членов, князь Евгений Трубецкой, как бы донося сюда старую славянофильскую и богословскую идею церковного обновления, говорил:

«Когда мы собирались на Собор, мы твердо решили обновить сверху донизу церковную жизнь...» (Деяние 74:20. Князь Е. Н. Трубецкой // Деяния. Кн. 4. Вып. 2. С. 201).

И вся последующая, напряженная деятельность Собора была ничем иным, как осуществлением этого высказанного намерения. Нигде и никогда не называя свою работу «обновительною», Собор, между тем, именно ее и выполнял во всех, без исключения, своих начинаниях и мероприятиях.

И, конечно, обновление Церкви Русской *совершилось!*

Но совершилось совсем не там и совсем не так, как это ныне общепринято считать. Подавляющее большинство церковных людей, по-видимому, проглядело момент истинного Обновления; того именно Обновления нашей Церкви (с большой буквы), о котором молились и которого с давних времен чаяли наиболее благодатные сыны Церкви, начиная с Хомякова и Достоевского и кончая святителями: Михаилом [Грибановским] и Антонием [Храповицким]; проглядели все эти люди, наконец, то величайшее выражение Обновления, о

котором неустанно, за каждой литургией, молились и молятся священники, совершая св. Евхаристию и призывая Св. Духа:

«Того, Благий, не отыми от нас, но *обнови* нас, молящихся Тебе».

И оно совершилось! Совершилось при огромном и благодатном полыхании, в Успенском соборе 21 ноября 1917 года, того молитвенного пламени, когда разверзшееся небо источило столь обильный ток обновительной благодати, что его хватило не только на «восполнение оскудевшего», но и на ограждение всего дальнейшего существования Церкви в противоборстве Ее против всех козней дьявольских. В исторически необходимый момент Церковь Обновилась и *внутренне и внешне*. Внутренне – в новом, свободном осознании истины Христовой, внешне – в дарованном Ей каноническом переустройстве – Патриаршестве.

По старой, вековой привычке люди ждали «знамения с небеси». Смотрели (и делали вид, что смотрят!) на небо в то время, как знамение совершалось на земле, на глазах у смотрящих, но не видящих. И думается, что значительному большинству наших людей знамение это не заметно было еще и потому, что все их церковные и даже – более того, – религиозные устремления слишком тесно переплетались в ту пору с чисто мирскими, политическими надеждами и ожиданиями, особенно характерными для того исторического момента России. С сожалением следует отметить, что сказанное относилось отнюдь не к одной лишь нашей интеллигенции, но также и в значительной доле к клиру и иерархии. Здесь воочию обнаружилось наследие растленной петровской синодалычины, характерной постоянным смешением Божиего с кесаревым, – с перевесом даже в сторону последнего; превалирование политической (точнее: чисто-обывательской) грусти о минувшем, временном над подлинным пониманием задач большого церковного «сегодня» и еще более значительного, великого грядущего «завтра».

Настолько все обмирщились и закоснели в «неверствии и жестокосердии», что знамение смогли бы принять лишь тогда, когда оно сопровождалось бы внешними земными

политическими эффектами; подлинное же чудо милостивого попечения Божия, явленное в столь неземном блеске и величии для непривычных, рабских сердец (притом явленное только в Церкви и лишь для Нее одной), – проглядели и не заметили! Если же кто и ожидал «громов небесных», то это только предположительно и когда-нибудь после [...] пока что настороженно прислушиваясь к «реальным» громам гражданской войны, бушевавшей вокруг. Увы! – эти-то громы, к сожалению, и поглощали основное внимание значительного числа тогдашних домостроителей церковных.

Забыли в суматохе, что «сила Божия в немощи совершается» и что искони «Господь сильным противится, а смиренным дает благодать» Свою...

Справедливость, однако, требует отметить, что и в то тяжелое время всеобщего брожения умов наиболее духоносные и чуткие церковные люди интуитивно все-таки ощущали и – в какой-то степени – осознавали подлинный смысл сокровенно совершающегося в недрах церковных мистического, благодатного процесса.

Например, один из трех кандидатов в Патриарха, архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий; доктор церковной истории), сказал тогда, что «восстановление Патриаршества есть великое и историческое событие, значение которого мы, быть может, теперь ясно не сознаем, а оценят его наши потомки, для которых раскроется *весь смысл происходящего в настоящий момент, подобного которому навряд ли что было в нашей истории*» (Деяние 48: Приветственное слово архиепископа Новгородского Арсения Стадницкого Святейшему Патриарху Тихону, 22.11.1917 г. // Деяния. Кн. 4. Вып. 2. С. 89).

Другой же, из крупнейших тогдашних архипастырей, архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний (Храповицкий; доктор богословия), говорил:

«Если бы в день Успения кто-либо сказал, что в день Введения совершится посвящение Всероссийского Патриарха, то ему бы ответили, что это может совершиться только чудом Божиим.

И вот это чудо совершилось!..» (Настолование (интронизация) Святейшего Патриарха Тихона // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №153. С. 3.).

И – добавим от себя – совершилось, несмотря на самое ожесточенное сопротивление всех противоборствовавших сил «тьмы века сего», по-своему, отлично понимавших все значение происходящего в Церкви события и, безусловно, видевших, что сохранить единство Русской Церкви в Ее настоящих критических обстоятельствах может только Патриарх – олицетворение и воплощение незримого Обновительного веяния Святого Духа. А отсюда – источник и адской злобы, и бессильного беснования антицерковного.

Достойно, наконец, всяческого внимания и то, что сам будущий Патриарх (тогда еще митрополит Московский и Коломенский) Тихон, как бы в некоем предвидении обновительного значения для Церкви созванного Собора, роняет, между прочим, следующую знаменательную фразу в своем приветственном выступлении по поводу открытия соборных работ: «Мы уповаем, что с созывом церковного Собора обновится вся жизнь нашей Церкви. Собор вызовет прилив народной веры» (*Введенский А. И., прот. Церковь Патриарха Тихона. С. 25*).

А старейший иерарх Церкви Русской и новый первомученик Ее, митрополит Киевский и Галицкий Владимир [Богоявленский], вручая в Успенском соборе жезл святого Петра митрополита и чудотворца Московского новопоставленному Святейшему Патриарху Тихону, пророчески вещает, глубоко проникая мыслью в спасительную мощь происходящего Обновления церковного, – торжества, которое Бог судил ему возглавить: «Приими сей жезл святого Петра, Московского митрополита, жезл от нашего Сиона Российского и да будет сила сего жезла подобной силе жезла Моисеева. Как Моисей своим жезлом рассек море надвое и провел евреев целыми и невредимыми по дну морскому, избавив их тем от рабства египетского, так и ты сим священным жезлом управь вверенный тебе Православный русский народ и проводи его ко спасению через пучину зол и бедствий, буруевающих его и Святую

Православную Российскую Церковь» (Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №153. С. 2).

Насколько напутствие это осуществилось – ведомо теперь всем.

Так, подлинное и действительное Обновление нашей Церкви, ожидавшееся целыми поколениями православных русских людей, совершилось, наконец, во всей своей блистательной чудодейственности, в восстановленном каноническом устройстве церковном – Патриаршестве; в возрождении духа и смысла русского Православия, в обновлении исповеднического светоизлучения, совершенно померкшего было за предшествовавшие двести лет: в укреплении готовности стояния верующих чад Церкви против всех козней вражиих.

«Божественный Глава не оставляет жизнь Церкви без Своего непосредственного вмешательства. Подобно тому, как древнему Израилю посылал Он судей и пророков, так и Церкви Своей в моменты чрезвычайные Он обычно посылает людей исключительной благодатной одаренности, как бы пророков, сильных духом и верою [...] Эти люди самым делом выдвигаются из общей массы и становятся предводителями других...» (Патриарх Сергей и его духовное наследство. С. 70). Или, как сказал премудрый Сирах (10:4): «В руце Господни власть земли, и потребного воздвигнет во время на ней...»

Так, ныне обновленная, возрожденная и безмерно укрепленная внутренне, Церковь, явила во зле лежащему миру все извечное, первозданное блистание Своей внутренней духовной Правды, Силы и Красоты.

И когда было «разрушено до основания все: монархия, Дума, Учредительное Собрание, промышленность, народное хозяйство, правосознание, сословия, единство государства, все, все [...]

Одна Церковь Православная не только устояла, но – я считаю в высшей степени знаменательным – обновились, воссияла в мученичестве и творчестве, как в сознании русского народа и его интеллигентных сил, так и в своем собственном отвлеченном и положительном бытии» (Аничков Е. В. На грани //

Православие и культура. Сб. религ.-филос. ст. / Под ред. и с предисл. В. В. Зеньковского. Берлин: Рус. книга, 1923. С. 133–134).

Подлинное духовное обновление Церкви Русской совершилось на наших глазах; мы – счастливые современники этого единственного, великого чуда – влекущего нас горе и поднимающего нас до уровня его осознания и восприятия душами нашими в меру готовности каждого...

Но чтобы полностью постичь его и освятиться им, воодушевиться в должной мере, необходимо стремиться к пребыванию с ним в одном духе; надо научиться правильно понимать его внутреннее – мистическое, и внешнее – каноническое, значение.

И «нуждницы» восхитят сие и войдут в радость этого Праздника Праздников и Торжества из Торжеств Русского Православия!

Ни сахарными щипцами[сс]¹³² и церковно-полицейскими трюками обновленцев-живоцерковников, ни электронным исследованием евхаристийного хлеба руками брачных лжеархиереев-«биохимиков» совершилось это чудо...

Оно совершено Божиею милостию и великим подвигом исповедничества и молитвенного напряжения тех, не преклонивших колен пред новым Ваалом, праведников, почерпнувших свое святое вдохновение и новую силу подвижничества в Обновлении нашей Церкви Патриаршеством.

Великий сонм наших современников и соотечественников, героев и подвижников духа, во главе с Отцем Православия, Святейшим Патриархом-Исповедником Тихоном, Обновили Церковь Русскую, спасши Ее тем самым от «обновленчества»!

12. Краткие выводы

«Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущие его, напрасно рано встанут и поздно просиживают (Пс.126:1–2)».

Яркий пример этому в истории человечества – строительство Вавилонской башни. Повторяется он и в наши дни со строительством современной Вавилонской башни безбожия, созидаемой с невероятным фанатизмом и тупым

упорством слепотствующих строителей, особенно в нашей стране.

Но и опять видим, что «все трудишася зиждущие».

А Православная Русская Церковь, лишенная всего своего бывшего внешнего могущества, как и встарь живет и действует, так и до скончания века будет жить и действовать по неложному обетованию своего Зиждителя – Христа и вопреки всем злоухищрениям князей тьмы века сего!

Неоспоримое подтверждение сказанному – минувшее пятидесятилетие (!) неслыханных в истории цивилизации притеснений Церкви, которое, по сути дела (и как говорил приснопамятный Святейший Патриарх Тихон), является для гонимой Церкви наиболее плодотворным временем в смысле общецерковного оздоровления и трезвения и внутреннего духовного делания верных. Он говорил, что никогда еще не было на Руси столь благоприятного – в этом отношении – момента и нашим верующим людям следует постоянно помнить об этом и не упускать его без спасительного для себя результата.

И действительно, всмотревшись в переживаемое время внимательнее, увидим, что «в истории каждого народа есть моменты, которые поднимаются над общим уровнем хода событий. Эти моменты приходят не вдруг, не случайно, а являются заключением эпохи, полосы народной жизни. [...] Исследуя эпоху, бедную фактами выдающимися, мы можем хорошо узнать быт, представления о вещах внешнего и внутреннего мира, но никогда не можем узнать тех высот, на которые может подняться дух народа, мы не узнаем его духовной мощи, не можем судить о том, где границы того, что может совершить данный народ. Все это познается лишь при ярком пламени народных восстаний, при ужасном свете религиозных преследований. Лишь здесь, когда человек совершенно выбивается из той мирной колеи, где он пригрелся, привык жить по инерции и душевные силы его спят, – он может развить всю мощь своих душевных сил, может подняться до высоты подвига» (Кириллов И. По поводу второго тома

исследования проф. Н. Ф. Каптерева: «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» // Старая Русь. 1912. №8. С. 132).

И вот, по безошибочно верному определению Святейшего Патриарха Тихона, такое страшное, но спасительное время, как раз и представляет собою наша эпоха, ибо Русская Церковь никогда еще не переживала «таких ответственных, грозных моментов, как настоящие дни. Они возвращают Ее почти к апостольским временам или к эпохе гонений, когда о государственном положении Церкви не могло быть и речи, когда духовенства, как известной профессиональной группы, не существовало, когда оно ничем и даже своей одеждой не выделялось из общей верующей массы, когда не было специальных пастырских школ с выработанными штатами и программами и когда, однако, Церковь полна была внутренней жизнедеятельности и силы, когда мало было благолепных храмов, но когда каждый христианин был живым храмом Божиим и исповедником веры Христовой.

Переживаемое нами время – время героическое» (*Миртов П., прот.* О свободном служении духовенства // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №136. С. 3).

«Новая Россия, вооруженная всем аппаратом западной науки, прошла равнодушно мимо самой темы „святой Руси“, не заметив, что развитием этой темы, в конце концов, определяется судьба России» (*Федотов Г. П.* Святые древней Руси. ИМКА-ПРЕСС. Париж, 1931. С. 11), и «если мы не обманываемся в убеждении, что вся культура народа, в последнем счете, определяется его религией, то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое в явлениях и современной, секуляризированной русской культуры» (там же. С. 5).

В стране нашей «остается пока только одна сила, которую не смысл революционный поток, – это наша православная вера. В храме во время молитвы еще забываются на минуту партийные распри, и люди чувствуют себя братьями. Кстати заметить, что теперь только в храме мы и слышим теплое христианское обращение: братие, от которого веет такую высоту и чистотой христианской общественности

апостольских времен» (Белявский Ф. Церковь, как объединяющий центр // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 145. С. 1). И это тем ценнее, что сейчас Русская Церковь «попала действительно в положение временно живущей из милости в чужой Ей атеистической империи СССР. И живущей с лишением существенных прав своей земной миссии, под условием рабских и лживых услуг чуждой Ей интернациональной антихристианской диктатуры. Столь противоестественное положение, конечно, не может длиться века. Но это мученичество Русской Церкви бесспорно есть первая глава уже безвозвратно нового периода Ее истории» (Карташев А. В. Очерки... Т. 1. С. 141).

И здесь, как говорит другой современник, в этих невероятных условиях «совершается воистину дело Божие. Русская Православная Церковь, Невеста Христова, разоблаченная разнообразными ударами, во внешнем своем прежнем величии, оставаясь верною Православию, одевается во внутреннюю благодатно-каноническую красоту и силу, чувствуемые теми, кто живет в Ней, любит Ее, кому Она и открывается во внутреннем Своем великолепии. Деятели Ее могли бы о себе сказать с ап. Павлом: „Мы во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнании, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове Истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах; нас почитают обманщиками, но мы верны; нас почитают умершими (заграницей), но, вот, мы живы; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, а многих обогащаем, мы ничего не имеем, но всем обладаем” (2Кор.6:3–10)» (Елевферий, митр. Неделя в Патриархии. С. 285–286).

А посему – «прочь уныние. Сколько умерло народов, низвергнуто государств, сколько произошло перемен во всех вещах, а имя Христа все же победно высится над развалинами прошлого. Его религия, подвергаясь непрерывным, с виду смертельным ударам, не умирает. Тысячу раз христианство в

прошлом было накануне разрушения, но каждый раз Тот, Кто обещал сохранить Церковь Свою непобежденной адом (Мф.16:18), вновь подкреплял Ее неизъяснимым действием Своего могущества.

Пусть же эти уроки истории никогда не забудутся нами. Пусть непобедимость христианства в прошлом явится для нас бодрящим залогом его жизненности в будущем. Видя растерянность верующих, не находя средств спасения Церкви Христовой, вспомним, что не государственная сила, не мудрость вождей спасали Церковь во времена страшных потрясений общественных, а незримая сила Христова и ошибки человеческие превращаящая во благо. Истина не может быть умерщвлена. А мы, оставив страшливость за судьбы христианства в целом, приложим особое попечение о своей душе, чтобы стихиями мира сего не дать умертвить именно нашу душу» (Я. Б. В. Непобедимость христианства // Украинский Православный Благовестник. 1927. № 9. С. 145). Ибо спасая души, спасаем одновременно и самих себя для жизни будущего века и восполняем Церковь – мистическое Тело Христово, Которая и состоит из совокупности душ наших.

Поэтому и попечения о сохранности Церкви нашими человеческими усилиями, стремление «сохранить» и «спасти» Ее, – несколько Ее благоденствию и безопасности не способствуют, т. к. то и другое – как сказано было – вполне обеспечено до скончания века неложным обетованием Спасителя о неодолении Его Церкви вратами адовыми.

И земная история Ее целиком подтверждает это положение.

«Много было испытаний у Церкви – и часто смущались верующие долготерпением Господа. Невольно вставал у них в сердцах вопрос: „доколе, Господи? Почему попускаешь торжествовать злу? Почему не приостановишь его Своею всемогущей волей?“ Но ответ на этот вопрос полностью содержится в учении о Промысле: *какое бы зло ни делалось в отношении Церкви, оно всегда ведет Ее к благу, всегда очищает и возвеличивает Ее. И самые злые Ее враги, по действию Божественного Промысла, не могут сделать для Нее ничего, кроме блага. Ибо Господь создает Церковь Свою не*

только непосредственным действием Божественной силы, *но и руками врагов, попуская злу, которое Церковь переживает во благо.*

Так вот в чем лежит промыслительный смысл попускаемого Богом зла» (Свенцицкий В., *прот.* Полное собрание сочинений. Т. IX. Диалоги. Рукопись. Казань [Свенцицкий В., *прот.* Диалоги. М.: ПСТБИ, 1995. С. 172]).

И в наши лукавые дни верующему человеку остается лишь проявлять максимум попечения о том только, чтобы не свихнуться с истинной стези спасения и, совершенствуясь внутренне, со всей ревностью блюсти себя в ограде церковной. Духовной бдительности, поэтому, должно быть уделено особое, настороженное внимание, так как «враг всюду сеет свои плевелы [...] которые кружатся в воздухе и залетают в души тех, кто стоят разинувши рот, т. е. не внимают себе» (Собрание писем святителя Феофана Говорова. Вып. 8. М., 1902. С. 128).

И твердо следует помнить, что кроме «истинной Православной Христовой веры, и кроме Святой Восточной Соборной Апостольской Христовой Церкви спастись невозможно. Как невозможно без корабля преплыть великое море с одного берега на другой и достигнуть в тихое пристанище: так и нам невозможно преплыть житейское море и достигнуть в тихое и не бурное пристанище, в небесное наше отечество, в царствие, конца не имущее, кроме Святой Соборной Апостольской Христовой Церкви. А сия Церковь будет существовать и стоять до скончания века, до самого второго Христова пришествия, непоколебимая и враты адовыми неодолеема [...]

Православная христианская вера не может быть без Церкви, и с Церковью сопряжена, как тело с душой. Как душа без тела не может называться человеком, потому что невидима; равно и тело без души не может действовать, и бывает труп; так и Святая Христова Церковь не может быть без Православной веры, равно и вера ничтоже может действовать без Святой Восточной Христовой Церкви. Где есть вера, там должна быть и Святая Восточная Апостольская Христова Церковь, и где есть Святая Восточная Апостольская Христова Церковь, там должна

быть непременно и Православная христианская вера с древним благочестием. А где сказывают, что вера Православная есть, а Церкви Восточной нет, или Церковь есть, а веры Православной и древнего благочестия нет: то там ни того, ни другого нет» (Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и святой Земле постриженника святой горы Афонския инока Парфения. Ч. 1. М., 1853. С. 156–157). А потому, всем усердствующим не по разуму в стремлении «спасать» Церковь в наши дни, еще раз скажем лишь одно: пока есть время (ибо настанет момент, когда и «времени не будет» как такового!) и находясь в спасительной ограде, хотя бы и уничиженной до зела, Церкви, – спасайте, указанными нам средствами, каждый свою собственную душу и тем самым (и только этим!) созиждете и Церковь; все остальные «средства» – от высокоумия и, стало быть, не правые.

И особенно внимать себе должны в наши дни все те, кто не «прохладно», а истово и крепко считают себя и Православными и русскими людьми; для которых наша Церковь является величайшим сокровищем духовным и наибольшей ценностью исторической и культурной. Так как, если все лучшее, что за двадцать веков выявилось в человечестве, – было христианским, то, применительно к нашей Церкви и Родине, следует «сказать без преувеличения, что Великую Россию создала деятельность людей веры и церковных подвигов. Вспомнив это, не будем предаваться унынию и в эти бесконечно унылые дни...» (Белявский Ф. Церковь, как объединяющий центр // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №145. С. 2).

«Русский народ – есть представитель в истории мира идеи Православия. Вне религиозно-нравственных начал русский народ ничтожен. Хомяков и Аксаков говорили: когда кончится единение русского народа с Православием, в тот момент русский народ перестанет быть великим народом» (Всероссийский Церковный Собор: Речи «за»: Н. Д. Кузнецов // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №122. С. 1).

Положение это подтверждается и нашими современниками, как русскими, так и иностранными. Так, выступавшая в Москве (июнь 1917), на Всероссийском Съезде духовенства и мирян, американская делегация, во главе с известным экуменистом, ныне покойным Джоном Моттом, заявила:

«Прежде всего мы решили, что если нужно говорить с русским народом, то нужно говорить с представителями Русской Православной Церкви, ибо изучая историю величайшей страны в мире – России, мы убедились, что Православная Церковь есть сердце великой России» (Свободная Церковь. 1917. №11. С. 3).

И – верим, что иностранцы эти не ошиблись; «в течение многих веков простертая над русским народом рука Церкви, это постоянное напоминание ему о любви и самопожертвовании и вложили в его душу то сокровище, которое он выявлял в великих, но скромных, для глаза незаметных подвигах до революции, и которое он еще выявит и после революции, какие бы потрясения последняя ни произвела в его душе...» (Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 1. С. 164).

Конечно, «для обычного человеческого взгляда [...] нет ничего чудесного, все обычно. Но для него и существование Церкви на земле – дело едва замечаемое. А между тем Церковь Христова – величайшее чудо. А Она основана не на чудесах Христовых, а на смерти Его: и распространилась Она не столько чудесами, сколько кровию свв. мучеников и трудами исповедников веры» (Елевферий, митр. Неделя в Патриархии. С. 269), и «в наши дни русское христианство можно и должно назвать наиболее зрелым, полным и целостным в нынешнем мире. Оно обнаруживает черты, которые были присущи первым христианам» (Казем-Бек А. Под хоругвью Матери-Церкви // ЖМП. 1957. №7. С. 23).

«Русская Церковь теперь свободна, хотя и гонима» (Булгаков С. Н. На пиру богов. С. 86), но невзирая на то «веруем, что и до скончания века Христос не оставит Своей Церкви Своим благодатным присутствием, во дни же испытаний по-прежнему будет посылать в Свой виноградник достойных делателей, „стражей Дому Израилеву“, чтобы и они, совершив свой подвиг, просияли как светило в светлом лице святых отцев,

за которых Церковь прославляет Христа: „Препрославлен еси, Христе Боже наш, светила на земли отцы наша основавший и теми ко истинней вере вся ны наставивый” (Патриарх Сергий и его духовное наследство. С. 71).

И уже немало мучеников и исповедников нашего времени, практически, – своею жизнью и смертью исполнили слова апостола, сказавшего в грядущие века, всем будущим верующим людям, что им дано не только веровать, но и пострадать за Христа.

Примеры первохристианской стойкости в вере у нас всех перед глазами – когда архипастыри, пастыри и миряне с готовностью приносили свои тела в жертву Молоху безбожного мракобесия, непоколебимо веруя в то же время, что «никакая человеческая власть не может посягнуть на независимость души. „Ну что ж, палач, говорит Пруденций словами одной мученицы, жги и рви. Отдели один от другого эти члены, сотворенные из материи. Тебе легко уничтожить это хрупкое целое. Что касается моей души, несмотря на все пытки, ты не завладеешь ею”. Они ею действительно не завладели. Пытки были бесполезны, и христианство дало миру самое нравственное из всех зрелищ – зрелище бессилия силы.

Церковь имеет полное право чтить память тех, что умерли за Нее, и похвалиться их смелостью; но они не только герои одного частного мнения. Все думающие как они, что всякое верование должно быть свободно и что религия не имеет права навязываться силою, могут стать под защиту их имени. Поэтому мы не имеем ни малейшего расчета сокращать число мучеников и оспаривать их заслугу; нам не подобает набрасывать малейшую тень на эту героическую эпоху, давшую миру такой великий пример, и те, кто [...] стараются лучше познакомить нас с ней [...] имеют право на всеобщее сочувствие [...] Умножая жертвы, он [исследователь. – *Сост.*] делает нам более ненавистными палачей, он заставляет нас сильнее ненавидеть это нахальное вмешательство силы, претендующей властвовать над верою и ею распоряжаться, он заставляет нас более привязываться к драгоценным благам, завоеванным ценою

стольких страданий» (Буассье Г. Археологические прогулки по Риму. М., 1915. С. 215–217).

И как всему цивилизованному христианскому миру ныне известно, наши современные исповедники и мученики «умирали [...] доблестно, с полным самоотвержением, вовсе уже не для награды, не для красы и не для карьеры, а потому только, что были великие сердца, великие христиане и незаметные великие русские люди, которых так много» (Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877. Т. 25. С. 56); которые правильно усвоили то положение, что «термины – свобода совести и свобода исповедания – должны быть отброшены, как не точные: совесть всегда свободна и никто не может помешать мученику исповедовать свою веру» (Соловьев В. Россия и Вселенская Церковь. Минск: Харвест, 1999. С. 308), а также и то, что «русским людям нового религиозного сознания следует помнить, что от какого-то неуловимого последнего движения воли в каждом из них – от движения атомов, может быть, зависят судьбы европейского мира [...] как бы они сами себе ни казались ничтожными» (Мережковский Д.: Творчество Л. Толстого и Достоевского. Том X. М., 1914. С. 175–176).

Не утруждая внимания читателя более или менее полным перечнем имен пострадавших современников, святителей наших, – приведем здесь имена лишь некоторых из них, наиболее известные: это, во-первых, первомученик, старейший и заслуженнейший иерарх, восседавший в свое время, на всех трех митрополичьих кафедрах России, бывший первенствующий член Святейшего Правительствующего Синода и Почетный Председатель Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., митрополит Владимир (Богоявленский), начавший собою длинный ряд иерархов-мучеников нашего времени. Затем: митрополит Вениамин (Казанский), митрополит Серафим (Чичагов), митрополит Евгений (Зернов), митрополит Серафим (Мещеряков), архиепископ Митрофан (Краснопольский), архиепископ Андроник (Никольский), епископ Гермоген (Долганов), епископ Варсонофий (Лебедев), епископ Ефрем (Кузнецов), епископ Макарий (Гневушев), епископ Платон (Кульбуш)¹³³ и многие другие.

Что касается другой группы пострадавших, то, бесспорно, первым в ряду иерархов-исповедников следует поставить великого и скромного печальника за Церковь и воодушевленного ратоборца за чистоту русского Православия, – Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского), – которому до сего времени, со стороны наших официальных церковных «летописцев», не только не уделено должного внимания за его великий одиннадцатилетний исповеднический подвиг медленного умирания за всех и за вся за пределами полярного круга, но святое имя и память которого сознательно обходится совершенным молчанием к великому позору его незадачливых и несчастных преемников по возглавлению Церкви, не имевших мужества воздать заслуженные «честь и поклонение» святости и героизму его дела!

По своему духовному складу и характеру деятельности Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр являлся прямым и незапятнанным продолжателем подвига Святейшего Патриарха Тихона, одиннадцать лет излучая Церкви патриаршее сияние из далекой и тяжелой ссылки, в то время как наличные возглавители Ее в малодушной раболепии своем уже приступили к печальной и вредной для Церкви ломке патриаршего дела... Впрочем, неминуемо придет время, когда Истина восторжествует и потребует полного выявления образа и подвига митрополита Петра, со всеми их трагическими деталями и подробностями, ибо «не может град укрыться верхи горы стоя»... И добросовестно воссозданный образ нашего Кифы (как называли его между собою некоторые архиереи) займет свое законное первое место рядом со своим предшественником – Патриархом Тихоном.

За Местоблюстителем-Исповедником, – как однородных с ним по духу и подвижнической деятельности, – следует назвать и таких иерархов, как митрополиты: Кирилл (Смирнов), Агафангел (Преображенский), Иосиф (Петровых); архиепископы: Петр (Зверев), Иларион (Троицкий), Серафим (Самойлович), Фаддей (Успенский), Иувеналий (Масловский), Феодор (Поздеевский), Прокопий (Титов); епископы: Арсений

(Жадановский), Серафим (Звездинский), Тихон (Шарапов), Дамаскин (Цедрик), Афанасий (Сахаров), Парфений (Брянских)¹³⁴ и многое множество других, доблестных, но скромных, святителей.

Не говорим о бесчисленных пастырях, монахах и монахинях и тем более о неисчислимых безвестных благочестивых мирянах, о которых можно сказать лишь, что «имена их – Ты, Господи, веши!».

И возникает естественный вопрос: кто же вдохновлял их или олицетворял собою ту идею и тот дух практического самоотверженного подвижничества и стояния – даже до смерти – за Церковь Русскую. Тот святой пафос, который подвигал на мученичество и исповедничество такое огромное количество самых разнообразных по положению и развитию людей веры или – что точнее – всю истинную Православную Русскую Церковь в целом?!

Кто этот богатырь духа или могучий герой, обладавший такой сверхчеловеческой властью и обаянием?..

Этим лицом был тогдашний Глава Церкви, смиренный и скромный человек, Святейший Патриарх всея России – Тихон. И именно эти свойства его характера: отсутствие позерства, чрезвычайная органическая скромность и смирение до сих пор (как и прежде) мешают множеству людей понять и признать тот факт, что именно он, обладавший столь «пассивными» внешними данными, был и оказался способным возглавить столь активное героическое церковное движение, которое характеризует весь период его Патриаршества.

Но это было именно так, и нашим недоумевающим маловерам остается лишь вспомнить и вразумиться евангельским примером о младенцах, которым одним открыты истинные пути Божии, неведомые рациональному и самонадеянно тупому уму человеческому...

Семь с лишним лет небывалой в истории абсолютной свободы нашей Церкви, приобретенной ценою мученичества и исповедничества многих, внешне направлялись и стимулировались бесстрашием перед властью или «государственным исповедничеством» Ее главы – Святейшего

Патриарха, опиравшегося в свою очередь на жертвенное единодушие лучших архипастырей, пастырей и мирян. И некоторая парадоксальность (или, во всяком случае, – неожиданность) этого явления в глазах нашей межеумочной и «николи же в разум истины приходящей» интеллигенции объясняется, в сущности, довольно просто: этот глава Церкви оказался идеальным Патриархом, о каковом никому не представлялось даже в самых затаенных мечтаниях, и Церковь в своей широкой человеческой стихии очень скоро почувствовала и оценила это благодатное явление милости Божией к Ней, и движение, стихийно возникшее в Ней, было всего-навсего естественным и единственно должным тогда самозащитным проявлением Ее контакта с ним, диктовавшимся к тому же внешними катастрофическими обстоятельствами церковной жизни тех лет.

И Церковь в полнейшем единодушии со своим главой последовала по тому единственному пути, на который он призывал Ее.

Если можно так выразиться: будучи абсолютным Патриархом, архиотцом Церкви, он не мог призывать Ее к следованию иными, кривыми путями, и Она не могла не следовать призыву своего отца, если хотела остаться Православной Русской Церковью.

Теперь, когда вслед за его несчастными преемниками Церковь извела всю адскую горечь движения по кривым дорогам, тем очевиднее становится святая озаренность духа Патриарха Тихона и бесчисленного славного сонма его верных – «даже до смерти» – последователей. И, может быть, то обстоятельство, что Церковь наша не заблудится окончательно в злокозненном лабиринте, уготованном для Нее врагами, – будет также делом молитвенного предстательства наших подвижников двадцатых годов, увенчанных ныне (верим) «венцами живота»^{[dd]135}.

Святейший Патриарх Тихон представлял собою то единственное и, по-видимому, беспримерное явление в истории Русского Православия (а может быть, даже и Вселенского), когда глава Поместной Церкви, ценою полного человеческого

самопожертвования, в течение всего периода своего главенства, обеспечивал никогда и нигде доселе небывалую, совершенную внутреннюю свободу и независимость своей Церкви, как в Ее внутреннем интимном спасительном делании, так равно и во внешнем Ее действовании в окружении враждебной, агрессивной атеистической среды.

И в этих условиях воспринимается вполне как некий парадокс то обстоятельство, что именно в правление кротчайшего, смиренного и «пассивного» Святейшего Тихона, «Церковь, об одеждах Которой метали уже жребий, собирает своих верных и поднимается в лучезарной красоте тернового венца Христова» (Церковные Ведомости. 1918. №3–4. [?]), в то время как сам он – Ее Глава – является постоянной мишенью для травли, клеветы и насмешек инакомыслящих, не понимающих, по-видимому, того, что «чем выше человек, тем легче попадает в него стрела насмешки. В карликов попадать труднее.

Но масса, народ, не любит насмешки. Народ, как гений, как любовь, как лес, как море, серьезного характера; ему противна всякая злобная, салонная острота, и великие явления он объясняет глубоко-мысленно-мистически» (Гейне Генрих. Соб. соч. Т. 8. Изд. М. О. Вольф. 1900. С. 333–334).

Ограничивая сказанным свое многоглаголанье, надеемся, становится наконец ясным как само значение Собора 1917–1918 гг., так и его прямое, главное следствие – Святое Обновление нашей Церкви восстановлением Патриаршества, врученного по милости Божией Великому отцу Русской Церкви, Святейшему Патриарху Тихону, бывшему, воистину, костью от костей и плотью от плоти этого беспримерного, единственного (по своему провиденциальному значению) Собора.

И, узнав своего долгожданного отца, церковные люди нелицемерно и преданно возлюбили его. Так же точно, как и он их...

А «истинная любовь яко сосуд злат, – ему же разбития не бывает», – говорит старая народная мудрость.

И, как это косвенно подтверждалось впоследствии церковными писателями, – «не может быть сомнения, что во

главе героев народного духа этой страшной эпохи стоит Святейший отец – Патриарх Тихон, борец за веру народную, за Церковь Православную, свой священный подвиг завершивший с очевидными плодами уже достигаемой цели [...]

Немеркнущим для нас образом святительства да будет навеки приснопамятный Патриарх Тихон, подвиг которого так близок подвигу святителей Филиппа и Гермогена, так дорог всему Православному миру. Он – образ Святейшего Тихона, – с годами, по мере возрождения Русской Православной Церкви, все ярче будет блистать на Православном горизонте, как путеводная звезда, – и пребудет он в светлой памяти Православной Церкви, не только „Святейшим“, но, даст Бог – и Святым» (Теодорович Т. П., протопресвитер. Светлой памяти Святейшего Патриарха Тихона // Воскресное Чтение. Варшава, 1926. [?]).

«Его имя перейдет в историю как имя священно-исповедника. Наш Отец и Глава нашего священства говорит нам словами Апостола: – „Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, Праведный Судия, в день оный”... (2Тим.4:6–8)» (Булгаков С. Н. Страж Дома Господня. [Акты... С. 390]).

Поэтому хочется думать (да и есть данные к тому), что настанет время, – и может быть, оно не за горами, – когда в молитвословиях церковных к известным именам духовных строителей Святой Руси: святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Гермогена прибавится еще и имя Тихона, Патриарха Московского и всея России...

И это не только благочестивая фантазия наша, а неизбежный вывод и следствие его жизнедеятельности, протекшей у всех нас на глазах.

А многоразличные враги Православия, «на примере безвременно погибшего Святейшего Патриарха Тихона еще раз изведает истинность проречения, некогда обращенного святителем Филиппом к грубому Малюте Скуратову и его кровожадному повелителю: „мертвый я буду для вас еще

страшнее, а для [...] народа еще милей, чем живой”» (Иоанн Поммер, архиеп. [Акты... С. 386]).

И подлинно: в свое время Святейший Патриарх Тихон предстал перед своими современниками как «новый исповедник, величию духа которого изумляется весь мир...» (Послание епископа Гомельского Тихона Шарапова, от 14–27.09.1926 г. Турт-Куль, Средняя Азия. Рукопись), а что касается будущих православно-русских людей, то и для них его образ остается исполненным своего великого и поучительного значения, т. к. «с какой бы стороны будущий историк ни оценивал Твою личность, Ты всегда в его глазах будешь кристально чистым и нравственно светлым. На Твоем имени нет ни единого пятнышка...» – говорил над разверстым гробом Патриарха, в 1925 году, профессор-протоиерей В. Н. Страхов [Акты... С. 374].

И «для тех, кто имеет глаза и уши, наше время полно великих чудес, и из этих знамений и чудес одним из самых поразительных, как великая милость Божия к Русской Церкви в дни гонений и горя, был Патриарх Тихон...» (Булгаков С. Н. Страж Дома Господня. [Акты... С. 387]).

Поэтому, несомненно, что о Святейшем Патриархе Тихоне, как о явлении огромном и глубоко знаменательном для нашей Церкви и всего Православия, в будущие времена с достаточной полнотой будет высказано и написано все, что следует, для освоения всего неиздеваемого богатства его духовного наследия. Мы же здесь, хотя часто «современники происходящего не в силах бывают постичь в нем мудрость Божию, которая становится ясной только потомкам» (Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 2. С. 306), отметили вкратце лишь самую необходимую малость, без которой – как нам кажется – не будет желательной полноты всего вышесказанного.

В нравственном и историческом плане Святейший Патриарх Тихон, как был доселе, так, по-видимому, и в будущем останется фигурой единственной и небывалой по своему влиянию на судьбу Церкви, и долго будет представляться людям как некий духовный эталон, как мерило личного благочестия, исповеднической стойкости и безупречного

архипастырского делания. И все это, конечно, в первую очередь, для наших Первосвятителей и архипастырей, которым отныне предоставляется благоприятная возможность контролировать и выверять по нему чистоту и стойкость своего Православного самосознания и каноническую безупречность архипастырского администрирования и духовного делания. И объективное, смиренное осознание степени отклонения своего внутреннего состояния или внешней деятельности от показаний этого образца, выстраданного Святейшим Патриархом Тихоном в столь благодатной качественности, без сомнения, всегда поможет такой корректировке...

Еще при жизни его имели место подобные опыты в различной форме и степени и – надо сказать – благотворные результаты их сказывались незамедлительно, – столь действенным является этот благодатный источник даров Божиих.

И неудивительно, если вспомнить, что еще в 1917 году, т. е. еще тогда, когда невозможно было заранее представить себе общее, так сказать, итоговое значение облика этого Первосвятителя, такая духовно-чуткая личность, как известный затворник Алексий (Соловьев), как бы заранее провидя истинное значение и духоносность нашего первого Патриарха, говорил, обращаясь к одной из своих духовных дочерей:

«Ты еще должна каяться в том, что у тебя нет должного чувства благоговения к Святейшему Патриарху и к его сану. Столько благодати излилось на него при его посвящении! Без умиления нельзя было стоять при его посвящении» (*Четверухин И., прот., Четверухина Е. Иеросхимонах Алексий, старец Смоленской Зосимовой пустыни. С. 167*).

Не вдаваясь в подробности, стиль его Патриаршества в целом можно кратко и верно охарактеризовать следующими двумя известными церковными афоризмами: «Стои как наковальня, по которой бьют, и вникай в обстоятельства времени» (св. Игнатий Богоносец), и другим, принадлежащим св. Иринею епископу Лионскому: «Единство в главном, свобода в прочем, любовь во всем».

«Труден был его подвиг. Тем с большим духовным удовлетворением ныне мы свидетельствуем, что Святейший Тихон при окончании земного поприща имел полное право вместе со святым Павлом сказать: „подвигом добрым подвизался, течение скончах, веру соблюдох” (2Тим.4:7). Он не допустил к чистой святой вере никаких примесей. Среди всеобщего разрушения и разложения он сумел сохранить и канонический организм церковный в строжайшем соответствии с требованиями св. законов и правил. Среди бурь он сумел сплотить верующих в такой прочный союз, разрушение которого оказалось не под силу [...] разрушителям. Подобно святителю Николаю, Патриарх Тихон для своих пасомых и сопастырей был тем „правилом (образцом) веры”, держась которого верующие пребыли в вере, невзирая ни на что. [...]

Семь лет исповеднической церковной работы [...] сделали Патриарха любимым народным героем, в которого народ привык верить безусловно, которого привык представлять героем во всем: в словах, делах, жизни, а отныне и в смерти. Таким, каким народ запечатлел его в своем умопредставлении, каким полюбил его, он будет жить в памяти народной вовеки, таким он будет и по смерти продолжать руководяще влиять на сознание и жизнь родного народа в роды родов [разрядка наша. – *Сост.*]. Вовремя гонений на веру на него, как и на древних исповедников и мучеников, будут взирать и детям своим указывать как на „правило (образец) веры”, как на образец твердого и непоколебимого „стояния” за веру и ее чистоту. На него, как и на святителя и чудотворца Николая, будут взирать не только как на героическое „правило (образец) веры”, но и как на образец христианской кротости. В тяжелые времена государственных потрясений, национальных унижений, смуты и гражданского лихолетья он, вместе с Патриархами Гермогеном и Филаретом и др. святителями патриотами, будет для архипастырей и пастырей поучительным образцом героического стояния за национальные и гражданские права и достоинство своих пасомых» (Иоанн Поммер, архиеп. Слово. [Акты... С. 383–386]).

Таким героям духа, таким христианским учителям и общественным деятелям, каков был Святейший Патриарх Тихон, наконец «таким страдальцам и мученикам [...] не нужна ничья помощь, чтобы им достичь земли, куда они идут! Господу Христу [...] никто не помогал взойти на Крест, кроме Его распинателей» (Отчизна неизвестная. С. 119).

«Перед лицом исключительных трудностей Патриарх Тихон не падает духом. Он проявляет лояльность по отношению к новой власти и прилагает все усилия к сохранению церковного единства. И ему удается удержать под своей архипастырской рукой подавляющее большинство духовенства и верующих. Недаром Русскую Православную Церковь называют в то время „Тихоновской“ [...] Русская Православная Церковь обязана Патриарху Тихону многим. Именно благодаря ему Она противостояла различным соблазнам и вышла из всех испытаний окрепшей и еще более сильной духом» (Александров Г. За монастырскими стенами // ЖМП. 1949. №1. С. 69).

И «теперь, видя необыкновенно плодотворные результаты его подвижнической деятельности, прошедшей пред нашими глазами, мы имеем право сказать Святейшему: „все, что мог, ты уже совершил“, всецело оправдав те надежды, которые возложила на тебя Церковь! Более того. На ответственной посту Первосвященителя Святейший Тихон пробыл 7½ лет, 7½ лет его алмазный крест на белом куколе сиял всему Православному миру, и прямо трудно представить Русскую Православную Церковь без Патриарха Тихона в эти годы страшных потрясений. Так неизмеримо много сделал он для Церкви и для самой веры, которую в наши дни пытается захлестнуть своим мутным потоком неверие. Заслуги Святейшего пред Российской Церковью неисчислимы. Замечательные слова сказал о нем митрополит Сергей (Страгородский): „Он один безбоязненно шел прямым путем служения Христу и Его Церкви“ [...]

Святейший Тихон был мудрым и опытным кормчим церковного корабля в бурные годы. Он сумел провести и сохранить его среди бушующих волн житейского моря. „И уже в одном этом, – сказал над гробом Патриарха профессор-

протоиерей Страхов, – несомненная и величайшая Твоя заслуга”.

Своей мягкостью, кротостью, снисходительностью, своим тихим и любовным отношением к людям – Святейший Патриарх умел всех примирить, успокоить. Умея победить своим незлобием все враждебное Церкви и внутри и вне Ее. Своим исключительно высоким нравственным и церковным авторитетом он собрал воедино распыленные и обескровленные церковные силы. В черную ночь церковного безвременья его незапятнанное имя было светлым маяком, указывающим путь к истине Православия» (Жизнеописание Тихона, святейшего Патриарха Московского и всея Руси. См. наст. сб. Т. 1. С. 70).

Правда, после великого подвига своего Первосвятительства Святейшему не дано было увидеть светлые дни Церкви и потому «по соображениям человеческим непонятно, а по чувствам нашего сердца даже и прискорбно, когда люди, трудившиеся в делах великих и благотворных, не вкушают здесь плодов труда своего и через это как будто лишаются заслуженной награды. Но в Евангелии Господь Сам разрешает нам это недоумение, чтобы мы, встречаясь с подобными опытами жизни, не теряли в трудах своих ясного и бодрого расположения духа. Дело просвещения и благоустройства жизни рода человеческого Спаситель называет делом Отца Своего Небесного, в котором дается людям участие, согласно с призванием и временем жизни каждого, а главное – с тем, что в ту или другую пору нужно для каждого дела, по общему плану Божественного о нем промысления. На ниве Божией „один сеет, а другой жнет“, но все эти делатели собирают плод в одну житницу, в жизнь вечную, где „и сеющий, и жнущий вместе радоваться будут“ (Ин.4:32–37); а радоваться жнущие вместе с сеявшими будут потому, что в сущности последние оказываются продолжателями дела первых, по слову Спасителя, „входящими в труд их“...» (из речи епископа Харьковского Амвросия Ключарева при освящении храма Христа Спасителя, в Москве, 26.05–7.06.1883 // Церковные Ведомости. Прибавления. 1895. №1).

Подводя итог всему сказанному выше и обращая при этом свой мысленный взор в прошлое, мы делаем это потому, что только оно одно способно назидать и обогащать нас своим опытом; будущее ничему не может научить, т. к. оно не только неизвестно нам по своему содержанию, но и само по себе весьма проблематично для нас. А недавнее прошлое Русской Церкви настолько богато событиями и значительно для православного русского человека, что достойно самого внимательного и углубленного изучения и освоения: оно таит в себе и неисчислимы ободряющие и вдохновляющие импульсы.

«Если раньше вера для многих была смирением, то теперь она стала для огромного большинства подвигом. Часто верующие, а в особенности священнослужители, становятся теперь исповедниками» (*Корнилий (Фристедт), иеромонах. Митрополит Брюссельский и Бельгийский Александр (Некролог) // ЖМП. 1960. №8. С. 13*). И Церковь зовет все новых и новых делателей на ниву Свою, ибо престиж Ее «создается не во вне, слава Ее не пред людьми, а пред Богом, в Ее сонме святых и мучеников; это продукция Церкви, которую Она должна выпускать из любого человеческого материала, который дает нам мир. Содействующая этому благодать Божия всемогуща, даже до „попрания чина естества”» (*Разумовский Г., прот. Экуменическое движение и Русская Православная Церковь. Доклад // Деяния Совещания Глав... Т. 2. С. 179*).

Неоднократно упоминавшийся выше наш известный историк В. О. Ключевский, говорил: «Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество» (*Казем-Бек А. Под хоругвью Матери-Церкви // ЖМП. 1957. №7. С. 23*).

И теперь наступило, по-видимому, время, требующее ясного осознания того, что «наши предшественники нам оставили великое сокровище веры. Они не придут больше на землю за нас снова страдать и мучиться. Если они сумели сохранить это сокровище среди неизмеримо более тяжелых условий жизни, нам ли не сохранить веру в наши дни...»

(Евдоким [Мещерский], митр. Наши задачи // Христианин. 1924. №1. С. 3).

И вдохновляющий пример непоколебимой веры, крепкой надежды и безграничной любви к Богу, Церкви и людям у нас перед глазами. В наше время церковной героики его подает нам весь великий сонм современных мучеников и исповедников, возглавленный любвеобильным отцем нынешних поколений православных русских людей, приснопамятным Святейшим Патриархом Тихоном, о Патриаршестве которого, еще до осуществления его на практике, один из новых мучеников церковных, на Соборе 1917–1918 гг., патетически воскликнул:

«Если избирают на такое высокое служение в Церкви, иди и умри» (Деяние 77:112. Епископ Пермский Андроник [Никольский] // Деяния. Кн. 6. Вып. 2. С. 276).

И он шел туда, куда его звали долг и любовь к Церкви Христовой и к людям Божиим.

А посему, новым поколениям православных русских людей, безбоязненно воздвигающим стяг Святого Православия, надлежит особенно бдительно держаться пути, предуказанного Великим Собором 1917–1918 гг. и олицетворившим его в жизни церковной – Святейшим Патриархом Тихоном, Началовождем всего великого сонма современных и будущих борцов за чистоту и единство Церкви Русской, за торжество Ее неминуемого светозарного будущего, о котором еще в давние времена один из величайших наших поэтов – Ф.И. Тютчев – пророчески предрекал, обращая свой призыв к грядущим поколениям соотечественников:

В доспехи веры грудь одень.

И с Богом, исполин державный!

О, Русь! Велик грядущий день,

Вселенский день и православный!..

Примечания

^a В середине 1960 гг. прошел было слух о том, что научной разработкой этой темы (на соискание магистерской степени) собирался заняться Ленинградский митрополит Никодим (Ротов); не сам он, конечно, т. к. «ему некогда», а некие

«учиненные братия» из ученых – по его поручению и под его вывеской.

[О состоянии изучения материалов Священного Собора Православной Российской Церкви см.: *Дудинов П. А.* Священный Собор Православной Российской церкви 1917–1918 гг.: (Состояние источников и вопрос издания Деяний): [Докл. на юбил. конфер. СПбДАиС. 25–26 дек. 1996 г.] // Христианское чтение. 1997. №14. С. 88–96. *Цыпин В., прот.* Определения и постановления Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // Богословские труды. 1993. Т. 1. №1. Вып. 1–2. С. 102–224; 1996. Т. 1. №2. С. 128–166. *Шульц Г.* Основные проблемы изучения Поместного Собора 1917–1918 гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института / ПСТБИ. М., 2000. С. 335–338. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. / Сост. *Кравецкий А. Г., Плетнева А. А., Шредер Г.-А., Шульц Г. М.*: Крутицкое подворье. Первая сессия. М., 2002; Вторая сессия. М., 2001; Третья сессия. М., 2000. К настоящему времени Новоспасским монастырем переизданы изданные Деяния Собора и к ним добавлены материалы Деяний, которые не были изданы Советом Собора. – Ред.]

^b Невольно напрашивается недоуменное восклицание: хороши, значит, эти «благие начинания», если сам православный царь, их замысливший и насаждающий, предвидит покушение на них со стороны... Церкви!

^c Восторженно приемлемая нашими обновленцами форма церковного правления – Синод, есть наиболее удобная и для самодержавия; поэтому-то она и была выдвинута Петром.

С падением самодержавия естественно должен был погибнуть этот, привитый извне, строй церковный. Он и погиб как прекративший свое внутреннее питание соками породившего его царизма и на смену ему возрождается древнее – независимое ни от каких форм государственного устройства – управление Церковью Патриаршеством; единоличной формой церковного возглавления, всегда и всюду существующей во всех Православных Поместных Церквях.

И только наши обновленцы делали вид, что не понимают этой очевидности.

^d «Больше половины обер-прокуроров XVIII в. были военными» (Никольский Н. М. История Русской Церкви. М., 1931. С. 140).

^e Строго говоря, царя Петра – искажителя нашего церковного строя, за дерзостное уродование Церкви Божией, следовало бы анафематствовать на Соборе 1917–1918 гг., восстановившем поправленный канонический строй. Впрочем, это не поздно сделать и в будущем! Рано или поздно Русская Церковь неминуемо должна будет торжественно и во всеуслышание провозгласить Свое отношение ко всем насильникам над Нею и заклеить их соответствующим церковным наименованием, по указанию Апостола: да и прочие страх имут.

Трезво оценивая церковно-погромную деятельность Петра, не следует упускать из виду связанного с нею его действительного, внутреннего отношения к Матери-Церкви, – слишком далекого от элементарного благочестия. Пьяные дурачества и кощунства «всешутейшего» и «всепьянейшего Собора» прекрасно иллюстрируют внутренний облик этой царственной дубины, даже и здесь, в области пьяных дебошей и прочих скверностей, не проявившей ни на йоту никакой оригинальности или своеобразия, а целиком воспользовавшейся примерами прежде бывших венценосных кощунников, как отечественных, так и зарубежных: Ивана Грозного с его кровавым глумлением над родными святынями (митрополит Филипп Колычев, опричнина и проч.) и еще более древнего «православного» мерзавца, византийского императора и «помазанника Божия» Михаила III, «пьяницы» (842–867 гг.); хулиганские выходки которого, даже в скромном описании чопорного Робертсона, выглядят следующим образом.

«Самыми безобразными из выходок Михаила были его издевательства над религией. Он учредил шутовскую иерархию, главой которой был некий Феофил, известный под именем Грилла... („поросенок...“). Под главенством этого Патриарха было двенадцать митрополитов, в числе которых был и сам

император. Они принимали шутовское посвящение, одевались в дорогие одежды в подражание церковному облачению, пели грязные песни под музыку, составленную в издевательство над церковным пением, шутовски пересмеивали судебные процессы, осуждения и низложения епископов, имели свои украшенные драгоценностями на престольные сосуды, в которых совершали евхаристию на горчице и уксусе... При одном случае эта безобразная свора встретила Патриарха Игнатия во главе торжественной процессии, и Грилл, сидя верхом на осле, грубо пересмеивал его, а сопровождавшие его сотоварищи в издевательство брянчали на своих арфах, оскорбляли Патриарха грязными ругательствами и били сопровождавшее его духовенство» (*Робертсон Джемс С. История Христианской Церкви от апостольского века до наших дней: Т. 1. От апостольского века до разделения церквей / Пер. в 2 т. Пг., 1916. С. 847*).

Как известно, в таком же стиле орудовал и Петр, который «как подобает русскому богатырю-дикарю, развертывал свои забавы до злой безмерности. Грубое издевательство над старорусским бытом не щадило включений в него Церкви. Отменены были парады, шествия на осляти и держание царя за повод, церемонии входа в церковь с принятием благословения у Патриарха. Начались шумные поездки с попойками в Немецкую слободу. Начались тогда же, но потом в течение десятилетий, повторялись и развивались кощунственные игры во «всеплутейший, сумасброднейший и всепьянейший собор князя Иоанникиты, патриарха Пресбургского, Яузского и всего Кукуя». Тут был и конклав из 12 кардиналов, епископов, архимандритов, попов, дьяконов и т. д. Числом до 200 человек. Сам Петр играл роль дьякона. „Их прозвища, – пишет Ключевский, – никогда не появятся в печати при каком бы то ни было цензурном уставе”. Вся эта „орава” демонстративно, поездом на 80 санях, каталась по Москве в гости к еретикам немцам. Секретарь австрийского посольства И. Корб, описывая одну из таких комедий, якобы посвящения новопостроенного Лефортова дворца богу Вакху, как тут жрец благословлял народ двумя табачными чубуками, связанными крестом, от себя

добавляет: „Кто бы мог подумать, что изображение Креста, драгоценнейшего символа нашего спасения, могло служить игрушкой!”

Со столь низкопробными кощунствами Петр вторгся в самое церковное богослужение, заставляя духовенство венчать в церкви шута со вдовой, или карлика с карлицей, в окружении балаганно-разряженных поезджан. Очевидец последнего Юст Юль свидетельствует: „Все время пока длилось венчание, кругом слышался подавленный смех и хохот, вследствие чего таинство напоминало скорее балаганную комедию, чем богослужение. Сам священник от душившего его смеха едва мог выговаривать слова молитв”» (*Карташев А. В. Очерки... Т. 2. С. 257–258*).

Так некоторыми монархами насаждалась у нас на Руси Православная вера!..

Нечто подобное представлял из себя и царь Иван Грозный.

Правда, наш современный церковный историк, говоря о безобразиях Грозного и как бы в некое их разъяснение и оправдание, пишет, что «в опричнине, отчасти под маской юродства, царь Иван справлял свой победный триумф над стеснявшей его абсолютизм силой былой аристократии, как в свое время это делал не меньший поборник нового европеизированного абсолютизма – Петр, учреждавший всешутейший собор в знак торжества над стеснявшей его силой церковной власти» (там же. Т. 1. С. 444).

Но ученое разъяснение это совсем не убедительно и нисколько не исправляет дела. Забитый и темный народ наш не разбирался в абсолютизмах: «европеизированный» он или не европеизированный, но видел и знал все эти «царские потехи» и целыми веками горестно стонал, наблюдая, как безнаказанно оплевывается самая суть его души со стороны именно тех, кто должен был холить и оберегать ее!

И эти плоды самодержавия пожидают наши поколения...

^f О радикализме суждений проф. Е. Е. Голубинского – общеизвестно.

По картинному замечанию проф. Н. И. Субботина – оппонента на докторском диспуте Е. Е. Голубинского 16 декабря

1880 г., – последний «„подошел к воздвигнутому цельному зданию истории с тяжелым молотом критики”, бесцеремонно перестукал все его части и немало из них разбил в куски, целые основные камни раскрошил в порошок и пустил на ветер. Подобная операция была бы просто погромом, предавая все исторические приобретения на „поток и разграбление”. Такое варварство всего менее соответствовало научным интересам историка, но восторжествовало бы с неизбежностью, если бы не парализовалось равноценным противодействием» (Глубоковский Н. Н., проф. Русская богословская наука. С. 80).

Доктор церковной истории, профессор Московской Духовной Академии, академик Евгений Евстигнеевич Голубинский † 7.01.1912 г. (Краткие биографические сведения о Голубинском, см.: С-ов. Академик Евгений Евстигнеевич Голубинский // ЖМП. 1962. № 11. С. 70–76. [Полунов А. Ю., Соловьев И. В. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского. М.: Крутицкое подворье, 1998. – Ред.]).

В наши дни подобные мнения о Патриаршестве пытаются повторять различные обновленческие «лидеры», даже из образованных и «маститых». См.: например, доклад «митрополита» Серафима (Мещерякова) «О Высшем церковном управлении» в «Вестнике Священного Синода» №6 (2) за 1926 г. С. 20–21 и др.

⁹ Примечание автора брошюры:

«Здесь имеется в виду особая записка под таким заглавием, представленная С. Ю. Витте в Совещание Министров и Председателей Департаментов Государственного Совета вместе с другой запиской „О современном положении Православной Церкви”. В ответ на последнюю К. П. Победоносцев составил известную записку, начинающуюся словами „До ныне неразрывная связь Государства с Церковью в России”».

Со своей стороны особенно отмечаем то обстоятельство, что громадную, неоценимую услугу Церкви (по тем временам) оказывает совершенно светский – даже великосветский! – человек, тогдашний премьер-министр С. Ю. Витте, внесший в феврале 1905 года на рассмотрение кабинета министров

записку «О современном положении Православной Церкви» (как сказано было выше), столь известную и нашумевшую в то время (будущему историку не мешало бы докопаться и вскрыть истинные мотивы этой «светской» инициативы в пользу канонического строя Церкви).

Таким образом почин великого дела соборного устройства Церкви исходил – практически – от представителя гражданских инстанций (с нерусской фамилией!), казалось бы, чуждого Ее интересам и упованиям.

Тогда же появляется и записка митрополита Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского), первенствующего члена Святейшего Правительствующего Синода: «Вопросы о желательных преобразованиях...» даже «с глухим упоминанием о Патриаршестве», составленная «либеральными» (! – подчеркиваем это, к сведению современных церковных «леваков») профессорами Санкт-Петербургской Духовной Академии (Маевский В. Л. Сербский Патриарх Варнава. С. 50).

17 октября 1905 года был издан «знаменитый» манифест о свободах, а через день, 19 октября подал в отставку и был освобожден с поста обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода К. П. Победоносцев, на место которого назначается князь А. Д. Оболенский.

Так, душа, воля и мозг церковного администрирования последних трех царствований уходит с политической арены, а вскоре и вообще из жизни...

^h Идеино примыкавший к патриархистам тогдашний товарищ обер-прокурора Синода, Владимир Карлович Саблер (Десятовский), не согласный с линией действия К. П. Победоносцева и всецело поддерживавший митрополита Антония (Вадковского) и С. Ю. Витте в их стремлении оздоровить церковную жизнь и вернуть ее в каноническое русло, – вынужден был оставить свой пост.

В связи с этим, в частном письме на его имя, епископ Житомирский и Волынский Антоний (Храповицкий), главный деятель по желаемому восстановлению Патриаршества в Русской Церкви, писал:

«Последние дни Вашей службы Вы ознаменовали подвигом, которым увенчали цветущее древо своих заслуг, как бы золотым венцом, проявив столь горячее сочувствие восстановлению канонического строя церковной жизни...» (т. е. вопросу о восстановлении Патриаршества) (Письмо к члену Государственного совета Владимиру Карловичу Саблеру 16 мая 1905 года // Сборник избранных сочинений Блаженнейшего Антония. С. 292).

ⁱ Наглая претензия обновленческого профессора С. М. Зарина, что «обновленчество вправе считать митрополита Антония (Банковского) своим духовным гением и идейным руководителем» (Вестник Священного Синода. 1927. №4(17). С. 20), свидетельствует лишь о феноменальном нахальстве автора, – типичного обновленческого демагога. Подобные шулерские приемы широко применялись нашими «обновленцами» в 1920 годах.

Называть митрополита Антония (Вадковского) «обновленцем» можно, конечно, лишь в такой же условной степени, в какой и самого автора, профессора С. М. Зарина – «православным»; т. е. только при полной утрате всех критериев азбучного церковного здравомыслия.

Светлая память этого выдающегося иерарха настойчиво требует ограждения ее от обновленческой скверны; «отдать» обновленцам митрополита Антония (Вадковского) никак не возможно, ибо, помимо оскорбления его памяти, это прямо противоречит исторической правде.

В 1905 году, именно ему принадлежит почетный приоритет поднятия в правительственных сферах от лица Церкви вопроса о Ее реформе и Патриаршестве, – самой постановкой этого вопроса отождествляя Патриаршество с той обновительной идеей апостольского строя Церкви, воплощение коего в жизнь даст Ей каноническую полноту и независимость от стихий мира сего, т. е. создаст условия для дальнейшего Ее оздоровления (Обновления внутреннего, «с большой буквы»). Общеизвестно, что митрополит Антоний (Вадковский) был идеальнейшим патриархистом в самом чистом смысле этого слова; об этом свидетельствуют его дела, не требующие разъяснений. А

потому рисовать его потомкам в виде «обновленца» марки Введенского и иже с ним, способен только полнейший тупица или... церковный провокатор, сознательно называющий белое – черным.

^j Автором этой редкой брошюры, скромно скрывшемся под литерой «Я», является один из усерднейших светских подвижников-чиновников Святейшего Синода предреволюционного периода, а затем сотрудник Высшего Церковного Управления при Святейшем Патриархе Тихоне (до 1922 г.) – Виктор Иванович Яцкевич.

(О нем у нас упомянуто выше, в комментарии: См. Т. 1. Ком. 26).

[Данная брошюра была переиздана: К истории созыва Всероссийского Церковного собора / Подгот. текста, коммент.: прот. Н. Балашов // Церковь и время. 2000. №3(12). С. 133–154. Здесь приведена и статья: *Балашов Н., прот.* Всероссийский Церковный Собор 1917–1918 годов: Некоторые детали предыстории: В. К. Саблер и К. П. Победоносцев // Там же. С. 155–178. – Ред.]

^k В связи с упоминаемым Синодским запросом епархиальных архиереев по поводу желательных им преобразований в Православной Русской Церкви, подлежащих предварительному рассмотрению и обсуждению на созываемом Предсоборном Присутствии, небезынтересно привести отзыв архиепископа Тихона¹³⁶

[Отзыв Преосвященного Тихона, архиепископа Алеутского и Северо-Американского, от 24 ноября 1905 года

Суждения по вопросам, предположенным к рассмотрению на Поместном Соборе всероссийской Церкви

1. О разделении Российской Церкви на митрополичьи округа

Определением Св. Синода от 18–22 марта 1905 г. предположено восстановить в России патриаршество. Это не только бы отвечало достоинству и величию Русской Церкви, но и управление ее более бы приближало к строю, начертанному в канонах. Желание соблюсти этот строй вызывает и другую реформу в нашей Церкви – разделение ее на митрополичьи

округа. Как известно, у нас и теперь есть митрополиты; но от прочих епископов они отличаются титулом, а не правами. Между тем, по канонам митрополит есть «начальствующий в области», и епископы каждой области должны почитать его, яко главу, и ничего превышающего власть их не делать без его рассуждения. Кроме канонических оснований, за разделение на митрополичьи округа говорят и практические соображения: русская Церковь слишком обширна, а высшее церковное управление обременено массой дел, из которых многие можно передать в округа. Вполне также можно присоединиться и к мысли, высказанной в предложении г. обер-прокурора от 28 июня 1905 г. за № 100, что «нельзя отрицать существования особых задач, подлежащих церковному управлению в разных территориях империи и служащих жизненным основанием к установлению областных или окружных автономий (как, например, в Западном крае, в восточных губерниях, на Кавказе)». Опасаться при этом, что разделение на митрополичьи округа будет находиться в противоречии с началом государственного единства, нет достаточных оснований: округа эти – только части одной и той же Церкви, высшее управление которой находится в столице империи; несмотря на некоторые местные особенности, в областях все же остается единавера, а единство ее есть уже само по себе крепкий нравственный цемент, сплачивающий разноплеменное население в единую семью.

Что касается самого деления России на митрополичьи округа, то положить в основу его какой-нибудь один принцип, например географический или этнографический, конечно нельзя: в одних случаях необходимо и вполне естественно класть в основу деления первый, в других – второй, в третьих – иметь в виду минувшую историю входящих в состав империи православных народностей. Сообразно с сим, небезосновательным представлялось бы разделение России на такие митрополичьи округа: 1) Новгородский, в который входят все северные губернии за исключением Петербурга, где проживает архиепископ Петроградский – Патриарх Всероссийский; 2) Виленский для Западного края (епархии,

бывшие униатскими); 3) Киевский для Юго-Западного края; 4) Московский для центральной России; 5) Казанский для восточных губерний и Поволжья; 6) Тифлисский для Кавказа (следовало бы экзарха Грузии именовать католикосом); 7) Томский (или Тобольский) для Западной Сибири с Туркестанским краем, и 8) Иркутский для Восточной Сибири, куда можно причислить и Китайскую и Японскую Православные Церкви. А Северо-Американскую епархию следует преобразовать в *экзархат* Российской Церкви в Северной Америке. Дело в том, что в состав ее входят не только разные народности, но и разные Православные Церкви, которые, при единстве в вере, имеют каждая свои особенности в каноническом строе, в богослужебном чине, в приходской жизни, особенности эти дороги для них и вполне терпимы с общей православной точки зрения. Посему мы не считаем себя вправе посягать на национальный характер здешних Церквей, напротив – стараемся сохранить таковой за ними, предоставляя им возможность быть непосредственно подчиненными начальникам их же национальности. Так, в прошлом году здесь сирийская Церковь получила своего епископа (преосвященного Рафаила Бруклинского), который считается вторым викарием Алеутского епархиального архиерея, но в своей области является почти самостоятельным (таким же является и преосвященный Аляскинский); сербские приходы ныне подчинены непосредственно особому начальнику, который пока еще в сане архимандрита, но в ближайшем будущем может быть возведен в сан епископа. Желают иметь своего епископа и здешние греки, о чем и хлопочут перед афинским Синодом. Словом, в Северной Америке может образоваться целый экзархат Православных национальных Церквей со своими епископами, возглавляемыми экзархом – русским архиепископом. В своей области каждый из них самостоятелен; но дела, общие для всей Американской Церкви, решаются соборно под председательством русского архиепископа. Через него сохраняется связь американской Церкви со Всероссийской Церковью и известная зависимость от нее; причем не следует упускать из виду того обстоятельства, что жизнь в Новом Свете

по сравнению со старым имеет свои особенности, с которыми приходится считаться и здешней Церкви, а посему этой последней должна быть предоставлена большая автономия (автокефальность?), чем другим русским митрополиям. В состав проектируемого Северо-Американского экзархата могут входить: 1) архиепископия Нью-Йоркская, коей подчинены русские церкви в Соединенных Штатах и Канаде; 2) епископия Аляскинская, обнимающая церкви православных жителей Аляски (русских, алеутов, индейцев, эскимосов); 3) епископия Бруклинская (сирийская); 4) епископия Чикагская (сербская); 5) епископия (?) греческая.

Чтобы покончить с вопросом о разделении России на митрополичьи округа, не лишним почитаем сказать, что епископы видных городов, хотя бы состоящие под митрополитом, могут носить титул архиепископов, особенно те, которые имеют викариев. Относительно этих последних следует, впрочем, пожелать, чтобы они являлись помощниками епископов, были в тех городах и уездах, по коим называются, самостоятельными и чаще в них проживали. Вообще следует урегулировать положение викарных архиереев и дать им больше прав, чем теперь они имеют.

2. О преобразовании епархиального управления и суда

Епархиальное управление тоже нуждается в преобразованиях. В настоящее время главным органом этого управления является консистория, на которую раздается много нареканий и со стороны мирян, и со стороны самого духовенства. Устав консисторий – устаревший, и проникнут он крайним формализмом, мертвящим «дух жив». Настоит надобность в пересмотре этого Устава, так, чтобы сама консистория по духу своему приближалась к «совету старцев» (пресвитеров), бывшему при древних епископах. Она не должна служить «средостением» между епископом и клиром и паствой. «Чем менее архиерей сдает дел в консисторию, – пишет Волынский преосвященный в своем отзыве, – тем лучше будет для Церкви; так, определение на места, переводы клириков, различные решения по делам богослужебным должны идти вне консисторий и сдаваться туда уже в решенном виде. Архиерей

должен пользоваться существующими административными учреждениями как можно меньше, а должен сам непосредственно входить в отношение с обращающимися к нему». Консистория скорее всего должна ведать хозяйственные и денежные дела, а также быть судебным учреждением.

Мы не находим нужным и согласным с канонами Церкви выделять из консистории церковный суд в особую организацию, о чем многими писалось в [18]70 годах прошлого столетия. Но это, однако, не означает того, что суд консисторский совсем не нуждается в реформах. Напротив, таковые нужны и в составе его, и в круге судебных дел, и в порядке судопроизводства. В состав «судного стола» в консистории, кроме назначаемого от епископа, должно входить два духовных лица, выбираемых от духовенства на епархиальном съезде. По поводу выборного начала у нас приходится встречаться с двумя крайними мнениями: одно готово видеть в выборном начале спасение от всех и всяких зол, почему и пропагандирует его там, где в нем и нет особой надобности; другое совсем забраковывает его, видя в нем выражение «парламентаризма», республиканского духа. Но в истинной Церкви Христовой, где не должно быть обладания (мирского) и господства одних и борьбы и прекословия других, где, напротив, все должны искать общего блага, объединиться в дружной, согласной работе, – выборное начало может быть применяемо не без пользы во многих областях. Так, может быть оно допущено и в выборе духовных судей, и в выборе благочинного (если последнего считать не только за орган епископской власти, но и за выразителя и «печальника» пред епархиальным начальством за нужды духовенства и церковей его округа, каковых нужд во многих епархиях архиерей не может лично видеть).

Что касается предметов консисторского суда, то из него следует выделить в гражданский суд бракоразводные дела, оставив за Церковью право признавать или не соглашаться с постановлениями по ним гражданской власти и самой определять, кому может быть разрешен другой брак по разводе. Гражданскому суду должны подлежать и духовные лица, обвиняемые в нарушении общественной тишины и порядка, в

оскорблении кого-либо, в буйстве и т. п. Нередко виновный судится теперь за это духовным судом и подвергается наказанию меньшему, чем по суду светскому, что вызывает нарекания и расслабляет само духовенство.

Нарекают также и на самую процедуру консисторского суда, каковую тоже следует реформировать применительно к новейшим приемам судопроизводства. В особенности желательны улучшения в постановке так называемых «следствий» над духовенством, которые, даже оканчиваясь оправданием обвиняемого духовного лица, сильно подрывают авторитет его в глазах прихода. Тут нужно предоставить архиерею большие права заменять следствия негласным дознанием.

Говоря о преобразованиях и улучшениях в епархиальном управлении, следует пожелать также изменений и улучшений и в постановке епархиальных съездов духовенства. Они возникли для изыскания средств на удовлетворение материальных нужд в епархии – духовно-учебных, миссионерских и благотворительных учреждений. Но не всегда же духовенству оставлять слово Божие и служить трапезам (Деян.6:2). Почему же за ним не признать права вместе собраться и поговорить о служении слову Божию, о предметах духовной жизни, пастырского руководства, миссионерства, борьбы с ересями и т. п.? Теперь в иных епархиях рассуждают об этих предметах на «пастырских собраниях». Следует повсюду расширить круг деятельности или ведения епархиальных съездов внесением вопросов, касающихся всех сторон церковно-приходской жизни: веры, просвещения, благочиния, благотворения. А что касается материальных, денежных, хозяйственных вопросов, то, для обсуждения их, на съезды должны быть обязательно приглашаемы и представители от мирян, в особенности старосты и попечители церковные: ведь церкви являются плательщиками всяких раскладок, и нет ничего удивительного в том, что теперь нередко старосты не хотят платить раскладок, устанавливаемых съездом, раз никто их не спрашивал при наложении платежей. При участии мирян на епархиальных съездах, самые съезды могли бы походять на церковные

конвенции, практикуемые в Америке, например, у епископалов; на них бывают общие заседания духовенства и мирян, и частные – одного духовенства, касающиеся дел чисто духовных. Такое участие мирян придало бы церковной жизни больший характер церковности и способствовало бы оживлению ее.

3. О благоустройстве прихода

Наряду с епархиальным управлением и приходская жизнь нуждается в улучшении. Нельзя отрицать того, что во многих местах России приходская жизнь идет очень вяло; связь прихода с церковью – слабая, выражающаяся только в отправлении треб и в хождении в церковь по праздникам, просветительные и благотворительные учреждения в таких местах отсутствуют, голос священника слышится редко, и мало кто с ним считается. Обо всем этом за последнее время написано очень много, и раздаются громкие голоса об оживлении приходской жизни, о восстановлении древнего значения прихода, о том, чтобы предоставить приходской общине не только заведование материальными нуждами церкви, призрения и просвещения, но и самое избрание кандидатов клира. Трудно возражать против того, чтобы признать приход за юридическое лицо, имеющее право собственности (теперь этого пока еще нет и, стало быть, надлежит сделать в этом изменения в нашем законодательстве, как и вообще по вопросу о приобретении церквами, монастырями и духовенством собственности), и против того, чтобы приходская община, во главе со своим священником и выборными попечителями, сама ведала и распоряжалась своим хозяйством; конечно, все это делается не без ведома и контроля епархиальной власти. Так именно обстоит дело в большинстве приходов в Северной Америке. Здесь церкви составляют собственность конгрегации (прихода); но и там, где они записаны на имя епископа, их содержит сам приход. Обычно бывает годичное собрание прихожан («рочный митинг»), на котором выбирается церковный «уряд» – кураторы (староста, кассир и попечители); на этом митинге дается отчет в приходе и расходе за весь год; в иных приходах дается отчет по полугодиям и даже месяцам; на кураторах лежит обязанность

собирать с прихожан «рочное» (годовой взнос на церковь от 5 долларов и выше) и ходить «по коллекте» (собирать пожертвования). Приход не только содержит церковь, но и платит жалованье своему священнику и «дьякоучителю» (в разных местах неодинаково); по взаимному соглашению между священником и прихожанами, на митингах устанавливается плата за требы; все это заносится в «статуты», которые утверждаются епископом. Если нет церковного дома, то приход нанимает и квартиру (с мебелью, освещением и отоплением) для священника, помещение для школы, в иных местах и для читальни. В каждом приходе есть братство (а в многолюдных приходах и по несколько братств). Братство обязательно носит церковный характер: выбирает какого-либо святого (или праздник) в покровители (патроны), из своих доходов делает отчисления на содержание церкви, священника, школы, на ремонт и украшение храма; кроме сего, оно преследует и благотворительную цель – выдает «запомоги» своим членам в случае их болезни, увечий, безработицы; при братстве бывает и полюбовный суд членов. Вообще, братства здесь очень популярны и вместе с «Православным обществом взаимопомощи», в котором они объединяются и которое тоже от себя помогает при постройке церквей и в просвещении народа, много способствуют оживлению церковно-приходской жизни.

Однако и у нас нет еще выбора священников, и пока введение его мы считаем преждевременным. Тем более следует сказать это последнее о России. Сам по себе принцип выборного духовенства – законный, введение его желательно, и необходимо стремиться к осуществлению его. Но приступить к этому повсюду теперь же и с этого начать восстановление древнего строя в приходе – это значит, по образному выражению преосвященного Волынского, «предлагать тяжело больному жирную, грубую пищу, полезную для рабочего, но смертельную для больного»; в своей записке преосвященный подробно раскрывает болезнь современной церковной общины, делающую ее теперь неспособною для избрания достойного пастыря. Затруднения при проведении выборного начала представляют также и наши духовные школы, которые

почти монополизировали у себя право выпускать кандидатов во священники. Туг мы подходим к вопросу

4. Об усовершеннии духовно-учебных школ

Главный недостаток наших духовных школ тот, что они преследуют две цели, которые сами по себе весьма почтенны, но на практике не всегда мирно уживаются. Духовные школы существуют, во-первых, для того, чтобы давать воспитание детям духовенства, во-вторых, – чтобы готовить кандидатов на священство. Но ведь такими кандидатами могут быть дети не одного духовенства, а и других сословий; между тем иносословные, хотя и принимаются в духовные школы, но в весьма ограниченном проценте, чем закрывается прилив в клир новых сил из мирян. С другой стороны, не все же дети духовенства желают идти в духовное звание, а их насильно к тому принуждают, так как из семинарии другого выхода почти нет. И вот отсюда начинаются постоянные недовольство, ропот, бунты семинаристов; желая чем-нибудь их успокоить, учебное начальство вводит разные послабления в строе семинарской жизни, старается придать семинариям светский характер, что отзывается прямым ущербом в достижении другой цели их – готовить кандидатов священства, служителей Церкви Божией. В результате в кадры клира вступают иные, не только не желающие этого, но и сами нежелательные для него. Кто и что выигрывает от такого порядка или, лучше сказать, беспорядка?

Думается, что самый естественный выход из такого положения тот, что в епархиях должны быть особые богословские школы (дело не в названиях, можно оставить и старое имя семинарии), в которые бы поступали безразлично дети всех сословий, окончившие курс средних учебных заведений и чувствующие влечение к духовному званию; науки в этих школах преподаются духовные, строй жизни их – строго церковный, и выход из них один – служение Церкви. Нынешние же духовные школы могут быть превращены в средне-учебные заведения Духовного Ведомства, в которых духовенство воспитывает своих детей; но курс их должен быть общеобразовательным, чтобы окончившие его могли идти, если

пожелают, в высшие учебные заведения; а кто чувствует призвание к духовному служению, тот, по окончании его, поступает в богословскую школу.

Так готовятся кандидаты во священство не только в инославных церквях, но и в Австрии у православных и униатов. Вопрос, однако, в том, кто будет содержать такие школы Духовного Ведомства? На церковные средства? Но эти средства пойдут на содержание богословских школ. И едва ли Церковь станет давать деньги на обучение тех, которые, быть может, и не будут служить ей. Правительство? Но оно и без того содержит средне-учебные заведения для всех вообще, куда могут поступать и дети духовенства; значит, нет резона содержать еще школы для этих последних. А само духовенство едва ли будет в силах содержать свои особые школы.

С другой стороны, как ни неудовлетворительны теперешние духовные школы наши, но все же не хочется посягать на их существование. Ведь иные из них существуют более полутора сот лет, из них вышло значительное число замечательных многоплодных деятелей на всех поприщах церковного, государственного и общественного служения. Посему не проще ли и справедливее будет проектируемые богословские школы устроить при теперешних семинариях? Т. е. в духовные училища и семинарии, где обучаются дети духовенства, должны быть введены программы общей средней школы, но с удержанием характера и строя жизни церковного, из детства сродного духовенству; при семинарии существуют богословские курсы (трехгодичные), на которые поступают, по желанию, окончившие общеобразовательный курс в семинарии и из других светских учебных заведений; на курсах этих обучение и воспитание – строго церковное, такое, которое нужно для будущих пастырей. При такой постановке дела сам собой снимается с очереди вопрос о содержании духовных школ: по-прежнему в этом будут принимать участие и Церковь, и Правительство, и духовенство.

Нам остается сказать

5. Об участии священнослужителей в общественных учреждениях и о других предметах, о коих может быть речь

на будущем Всероссийском Соборе

Иные – против участия священнослужителей в общественных учреждениях, так как через это пастыри вводятся в круговорот мирских дел и суеты житейской, что несогласно с их прямыми обязанностями и вечными началами пастырского служения. Против этого, однако, можно возразить, что пастырь есть руководитель совести христианина, его духовной жизни; а духовные, чисто христианские начала должны отражаться и проводиться и в область мирских дел, особенно в христианском государстве. И кому же, как не духовенству, лучше всего напоминать в общественных учреждениях об этих началах? И теперь ли, когда Правительство охотно приглашает выборных людей к сотрудничеству, духовенству проявлять недеятельность и безучастие? И время ли отказываться от влияния Церкви на государство, когда обстоятельства слагаются так, что православная вера из господствующей в государстве становится только терпимой, а в иных местах даже и не терпимой?

Нужно только, чтобы духовные заседатели в общественных учреждениях мыслили себя именно как представители Церкви и проводили бы там ее взгляды, а не свои, хотя бы и гуманно-либеральные.

Что касается других предметов, о которых может быть речь на Соборе, то, вероятно, таковых наберется не мало. И лучше представителям церковной власти самим поднимать и обсуждать их, чем быть вынуждаемыми к тому г. Розановым и прочими «новопутейцами».

Из таких вопросов в предложении г. обер-прокурора указывается на отношение Православной Церкви к старообрядцам и иноверцам после указа о веротерпимости. В связь с этим может быть поставлен вопрос о «единоверии» (о епископе, ведающем единоверческие дела и заседающем в Св. Синоде) и о клятвах Московского Собора 1666 г., каковыми до сих пор смущаются иные, держащиеся старых обрядов. Для Американской миссии важно также получить разрешение вопроса об отношении к англиканам и их иерархии, а для всех заграничных Церквей – разрешение вопроса о календаре.

Необходимо также представителям разных Православных Церквей, живущим за границей, согласовать практику в литургической и канонической областях, чтобы инославные видели, что у нас действительно «едина вера». Для Русской Церкви важно иметь новый славянский перевод богослужебных книг (теперешний устарел и во многих местах неправильный), чем можно будет предупредить требование иных служить на русском обиходном языке. Нелишне, кажется, ввести некоторые изменения и в самые богослужебные чины, например, сократить часто повторяемые ектении, читать гласно некоторые тайные молитвы. Может зайти также речь о постах, о снятии священного сана, о желании восстановить его и т. п.

Многие из этих вопросов – общие всей Церкви, и посему при суждении о них необходимо слышать голос представителей восточных и славянских Церквей. В высшей степени желательно пригласить таковых на Всероссийский Собор (такими представителями могли бы быть настоятели подворий в Москве). А еще более желательно, после Поместного Собора в Москве, иметь Собор всех Православных Церквей: в нем ощущается большая нужда, и созвание его принесло бы несомненную пользу Святой Церкви Православной (Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1. М.: Общество любителей церковной истории, Крутицкое подворье, 2004. С. 581–588). – *Ред.*]

¹ Впоследствии, с восстановлением Патриаршества в Русской Церкви, «либерал» и «прогрессист» профессор Николай Дмитриевич Кузнецов, настолько разочаровывается в так называемых «обновленческих» идеях, что решительно порывает с обновленчеством и безвозвратно переходит в противоположный лагерь «патриархистов», т. е. православно-мыслящих людей, становясь горячим и искренним почитателем и помощником Святейшего Патриарха Тихона в решении многообразных гражданско-юридических и церковно-канонических вопросов, беспрестанно выдвигавшихся тогда историческим ходом жизни.

Савл становится ревностнейшим Павлом.

С уходом Н. Д. Кузнецова от обновленцев, наиболее видным светским «лидером» их остается известный проф. Борис Васильевич Титлинов, причинивший много зла Церкви (См.: Т. 2. Ком. 3).

^m Лаодикийского Собора правило 13 прямо говорит:

«Да не будет позволяемо сборищу народа избирати имеющих произвестися во священство».

Но тогда с этим категорическим требованием канонов никто не считался. Впрочем, выборное начало при замещении священно-служительских мест (особенно архиерейских кафедр) в 1917 году, слава Богу, продержалось недолго и в лице наиболее маститой части епископата и клира встретило своих серьезных и непримиримых противников.

В частности, к ним принадлежал и известный в то время в Москве, авторитетный и негиббемый в своих взглядах архипастырь, – бывший ректор Московской Духовной Академии, епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский).

На Соборе 1917–1918 гг. по этому вопросу он высказался следующим образом:

«Выборное начало в церковной сфере есть подражание тому, что происходит в сфере гражданской жизни, что там уже создало расстройство, вызвало дурные инстинкты, изгнало всякий нравственный элемент из жизни, заменив его арифметикой [...] Мы знаем, что господство числа в жизни есть определенный признак последнего времени, и вот господство числа мы вводим в церковную жизнь [...] Мы должны стремиться к утверждению моральных начал жизни, к утверждению божественных канонов» (Деяние 69:15. Епископ Волоколамский Феодор // Деяния. Кн. 6. Вып. 1. С. 67).

Каноническое самосознание победило, и Собор не пошел, по призыву обновленчествующих элементов, на провозглашение выборного начала церковной нормой.

И скоро оно отмерло само собою и окончательно.

ⁿ Приводим самые краткие данные и небольшой штрих из времен зарождения пресловутого обновленческого «кружка 32» в Петербурге, печально прославившийся впоследствии поповско-террористической организации; исходного логова всех

последующих (послереволюционных) церковных смутьянов, провокаторов и «реформаторов».

Конец 1905 года. Церковные подонки взбудоражены начавшимся революционным брожением в стране. Соображают...

В столице страны Петербурге, по инициативе священника – «прогрессиста» Петра Кремлевского, организуется кружок в составе тридцати двух священников, объединивший в себе главные силы «либерального» и реформаторски-настроенного духовенства.

В этом кружке «работают» следующие «идейные» священники Петербурга: Иван Федорович Егоров – известный, впоследствии печально прославившийся, раскольник-«реформатор» (сектант); Григорий Спиридонович Петров – «знаменитый», снявший потом священный сан; Павел Васильевич Раевский – в будущем женатый «архиерей»; Александр Иванович Введенский – самый «знаменитый» из всех знаменитостей, самозванный «доктор», «профессор», «благовестник», «митрополит-апологет», «первоиерарх», «патриарх», паки «первоиерарх» и проч., и проч. (демагог, шизофреник и эротоман) и много других, подобных же.

Позже – вопреки евангельскому светильнику под спудом «группа скрывается, переходит с квартиры на квартиру, кое-кто отпадает, кое-кто впоследствии делается даже врагом. Но ядро [попущением Божиим! – *Сост.*] сохраняется и продолжает работу [вражью. – *Сост.*] после 1917 года» (*Введенский А. И., прот. Юбилей обновления // Церковное обновление. 1925. №9. С. 1*).

Так разворачивается поповская игра в «подпольную организацию», в подражание и со всеми ужимками заправских конспираторов.

Об одном любопытном штрихе, связанном с зарождением «кружка 32», пятьдесят лет спустя рассказывает в своих записках-воспоминаниях митрополит Вениамин (Федченков):

«Когда в СПб образовалось общество „32 обновленцев” из священников при „Обществе в духе Православно-нравственного просвещения”, назначено было заседание духовенства под

председательством о. протопресвитера Янышева, тогда уже слепого, – целью собрания было провести через Синод тезисы об „обновлении” христианства, которое у нас, якобы засорено „византизмом”, – аскетическим по характеру. А следовательно [по-обновленчески. – *Сост.*] провести ту идею, что „молитва и труд” равны пред Богом. Заготовлены были и тезисы в Синод.

Я тогда уже был иеромонахом. Архимандрит Феофан [Быстров] как строгий православный, был против этого новшества. И он нас подготовил к возражениям из Святых Отцов. Несколько человек из нас отправились на это собрание.

Были предложены тезисы. Оставалось лишь принять их и направить через того же о. Янышева в Синод. Но после прочтения их, при общем молчании (а было до 100 священников и викарий, тогда еще епископ Вениамин Казанский, – впоследствии митр. Петроградский). Я попросил себе слово. Отец Янышев удивился:

- Кто это просит?! – спрашивает он.
- Иеромонах Вениамин [Федченков]! – отвечают ему.
- Какой-такой иеромонах Вениамин?!
- Профессорский стипендиат Духовной Академии!
- А-а! Ну, что он скажет? – уже снисходительно заговорил о.

Янышев.

Дело в том, что профессора воображали себя тогда всезнающими в Православии. Этого же взгляда держался и бывший ректор Д[уховной] Академии, о. Янышев. И ярлык „профессорский стипендиат” был для него гораздо убедительнее иеромонашества. Я стал говорить из Св. Отцов – против нового учения. Возник спор. Дело перенесли через неделю. Появились новые противники; и затем провалилось; так до Синода и не дошло.

Два члена Синода, арх[иепископ] Антоний [Храповицкий] и арх[иепископ] Сергей [Страгородский] (впоследствии – Патриарх) вызвали меня к себе и просили рассказать: что там затевалось? – Я рассказал. А[рхиепископ] Антоний [Храповицкий] резко ответил (приблизительно):

- Мы бы ему (т. е. Янышеву) показали византизм!

Впоследствии из этих „32” (поправлено Св. Патриархом) [Алексием Симанским. – *Сост.*] вышли революционные „обновленцы”» (Вениамин (Федченков), митр. Записки архиерея. С. 390–391).

° Вот именно: «с падением власти» т. е. с гибелью самодержавия и открылась (в связи с этим) возможность восстановления канонического строя церковного – Патриаршества; Церковь обрела, наконец, свою внутреннюю свободу и независимость от князей тьмы века сего, – отнятые у Нее Петром и Феофаном. А совсем не с появлением в январе 1918 года так называемого «декрета об отделении Церкви от государства», как в том самонадеянно и развязно уверял Г. Г. Карпов высокопоставленную публику, собравшуюся со всего белого света в Москву на один из церковных юбилеев.

Эти, торжественно провозглашенные, «слова лукавствия» – не более как плод недомыслия или маскировочная уловка нашего недавнишнего «секретного обер-прокурора» (как именовал подобных чиновников, начиная с «самого» Е. А. Тучкова, Святейший Патриарх Тихон), не произвели, впрочем, на слушателей, рассчитанного ораторского эффекта!..

° К великому сожалению, однако, «согласный хор» прозвучал и диссонирующими нотами, раздавшимися из церковно-«революционного» подполья. То, что для истомленного верующего русского сердца представлялось как святое, лучезарное событие, – А. И. Введенскому с компанией рисовалось иначе:

«Туча сгущалась [...] 15 августа 1917 года в Московском Успенском соборе открыл свои работы 1 Поместный Собор Православной Церкви» (Введенский А. И. К празднику нашего дела // Вестник Священного Синода... 1927. №4–17. С. 8).

Так и запишет летопись Русского Православия, что для погромщиков, террористов и провокаторов Церкви, Великий Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг., восстановивший канонический строй в Ней, предстал всего лишь как «сгущающаяся туча»!

В другом своем произведении Введенский следующим образом варьирует этот, по-видимому, понравившийся ему

литературный образ:

«С августа 1917 г., церковная реакция черной тучей опустилась над белым домом Пречистой. (Собор открылся в Успенском кремлевском храме)» (Вестник Священного Синода... 1928. №5–28).

Именуется также, этот бес в рясе, Собор 1917–1918 гг., – «сатанинским» и антихристовым!!.. (Введенский А. И., прот. Церковь и государство. С. 110).

И, в негативном смысле, интуиция не обманула его: как бесы мечутся и трепещут при приближении «ангела света», так равно и эти наши «бесы» (по глубокому диагнозу Ф.М. Достоевского), – прекрасно понимали и чувствовали, что такой великий и духоносный Собор, как бывший тогда, не сулит им никаких «перспектив»...

Но, как и во время оно: «не исправлен пребысть Иуда раб и льстец»!

¶ О структуре Собора, функциях его двадцати трех Отделов, порядке соборных занятий и делопроизводства, – см. краткую, но очень содержательную статью-справку Председателя Редакционного Отдела Священного Собора, С.Г. Рункевича, в «Православном Календаре на 1919 год». [См.: Рункевич С. Г. Священный Собор Православной Российской Церкви в Москве 1917–1918 годов / Публ. и примеч. К. К. Тарасова // ЖМП. 1993. №9. С. 35–42; Тарасов К. К. К 80-летию восстановления патриаршества// Богословские труды. Сб. 34. М., 1998. С. 186–192. – Ред.]

† В качестве хорошего примера постоянного и неизлечимого «заворота кишок» в мозгах руководителей тогдашней гражданской прессы, приводим сообщение центральной печати об открытии работы Собора 1917–1918 гг.

«Собрание Собора» [!? – Сост.] открылось «торжественным молебном [!? – Сост.] в Успенском соборе (в другом месте сообщалось читателям, что Собор открылся в Петрограде (!?), где хором всех верующих [!? – Сост.] исполнялся „Символ Веры“ дирижируемый Родзянко)» (Криницкий М. В. И. Белафин (Патриарх Тихон) (Политический некролог) // Известия ВЦИК. 1922. №121–1560. 2 июня. С. 2).

Вот уж воистину: «у голодной куме – одно на уме»!..

Дальше помещаем некоторые статистические данные о количественном и качественном составе Собора 1917–1918 гг.

А. Количественный состав

а. Епископат

Патриарх 1

Митрополитов 8

Архиепископов 16

Епископов 48

Всего епископата 73 человека (на 1917 г. в русском епископате числилось: митрополитов – 3, архиепископов – 30, епископов епархиальных – 36 и викарных – 83. Всего – 152 архиерея. По данным «Крестового календаря на 1917 год»).

б. Клер

Архимандритов 12

Протопресвитеров 2

Митрофорных протоиереев 0

Игуменов 1

Протоиереев 69

Иеромонахов 2

Иереев 53

Протодиаконов 0

Диаконов 10

Всего клириков 149 человек. Всего же духовенства 222 человека. (В том числе черного: 88; белого: 134).

в. Миряне

Князей 7

Графов 4

Сенаторов 1

Генералов 1

Прочих (нетитулованных, гражданских) мирян 301

Всего мирян 314

Всех членов Собора 536 человек (состав несколько менялся за годовой период работы Собора) (Православный календарь на 1918 год.)

Б. Качественный состав

Академиков 1

Докторов богословия 3
 Докторов церковной истории 2
 Профессоров 45
 Магистров богословия 4
 Приват-доцентов 1
 Представителей Государственного Совета 7
 Представителей Государственной Думы 9
 Представителей Армии 24
 Представителей зарубежных Церквей 2
 Без ученых званий и особых представительных полномочий
 438

В. Возрастной состав
 До 30 лет 40
 31–40 лет 127
 41–50 лет 208
 51–60 лет 139
 61–70 лет 31
 71–80 лет 9
 Старейший из членов Собора: 80 лет;
 Высокопреосвященный Агафодор [Преображенский],
 архиепископ Ставропольский и Кавказский.
 Юнейший: 24 лет, Пащенко Д. А., подпоручик 304
 Новгород-Северского полка.

^s В свое время лживая обновленческая пресса, в стремлении охаять ненавистное 34 Апостольское правило, нагло преподносила своим читателям следующую «научно-историческую» справку по этому вопросу:

«У нас за все время существования Русской Церкви – а этому около 1000 лет – Патриархи были всего менее 120 лет, в старой Москве 111 лет, да недавно 7 лет» (Обновление Церкви // Вестник Священного Синода... 1926. №8–9. С. 23). (Фраза не простая – лукавая, дающая лишний раз повод генеалогически примазаться к Русской Церкви, продолжением Которой будто бы и является обновленческий раскол...)

И, по-обновленчески, стало быть, выходит, что церковное единовластие есть какая-то случайность, быть может, даже неканоническая форма церковного управления! Однако,

вопреки потугам обновленческих историков, дело тут совсем не в патриаршем титуле, а в том, что Поместная Церковь возглавляется (как и должна) единовластно – каковой строй церковный только и мыслится канонами, и хронология единовластного строя в истории Русской Церкви, с различными вариантами титулов наших Первоиерархов в разные эпохи, выглядела совершенно иначе, чем это преподносят обновленческие фальсификаторы, а именно: за почти тысячелетний период своего существования Православная Русская Церковь имела следующие виды Своего возглавления:

от крещения Руси до 1448 года единовластно возглавлялась Константинопольским Патриархом;

с 1448 до 1589 г. единовластно возглавлялась митрополитом всея Руси;

с 1589 до 1700 г. единовластно возглавлялась Патриархом Московским и всея Руси;

с 1700 до 1721 г. единовластно возглавлялась Местоблюстителем Патриаршего Престола;

с 1721 до 1917 г. возглавлялась неканоническим органом – Святейшим Правительствующим Синодом; нигде и никогда неслыханной формой высшего церковного управления и не возглавлявшей ни одну из Поместных Православных Церквей от самого возникновения христианства!

196 лет величайшая из Православных автокефальных Церквей мира – Русская Православная Церковь пребывала без Главы! – идеал обновленческих раскольников!

с 1917 до 1925 г. единовластно возглавлялась Патриархом Московским и всея России;

с 1925 до 1943 г. единовластно возглавлялась Патриаршими Местоблюстителями и их Заместителями;

с 1943 г. единовластно возглавляется Патриархом Московским и всея Руси.

Таким образом, это уже не «111+7», а несколько иная арифметика, по которой получается, что за «почти 1000-летний период» в нашей Церкви всего-навсего только 196 лет, попусшением Божиим и к прискорбию всех церковных людей, отсутствовал Ее единовластный, каноничный возглавитель в

лице «Первого епископа», а «остаток» в... 800 с лишним лет (!) именно единовластное; патриаршее или митрополичье «всёя Руси» возглавление достойно и праведно украшало Русскую Церковь в прямом соответствии требованиям свв. канонов и совершенно так же, как увенчаны всегда и везде, единовластным возглавителем (с различной титулатурой) все без исключения, автокефальные Православные Церкви.

К сказанному остается лишь добавить весьма справедливое замечание, высказанное членом Собора 1917–1918 гг. А. В. Васильевым в его статье «Патриаршество и Соборность» (Деяния. Кн. 3. Деян. 31. Пг., 1918. [Акты... С. 39]): «Наши древние русские митрополиты, хотя и были в некоторой, в сущности, в номинальной только зависимости от Константинопольской Церкви, пользовались властью не меньшей, чем заменившие их потом Патриархи. Весь сонм наших святых Первоиерархов, святители Петр, Алексей, Иона и Филипп были в сущности – Патриархи».

И с этим заключением нельзя не согласиться каждому, хотя бы и элементарно знакомому с нашей церковной историей. Таковы две «правды». Преподносившаяся своим читателям «правда» обновленческая, и правда – истинная.

^t Как теперь стало совершенно очевидно, эти экуменические (как мы ныне выражаемся) предчувствия и предвидения о. С. Н. Булгакова нашли свое полное воплощение в последующей межцерковной жизни 1950 и 1960 гг. и несомненно еще больше и шире будут реализованы в будущем.

^u «Что такое догмат? Догмат есть истина, не вытекающая непосредственно из соображений разума или данных опыта, но утверждающаяся на вере в авторитет свидетельства. Если мы возьмем слово «догмат» в самом общем смысле, мы должны будем сказать, что наше повседневное мышление преисполнено догматов. Как знаю, напр., я, который никогда не был в Англии, что существует на свете город, по имени Лондон, который есть столица этого государства? Я не пришел к тому рядом каких-либо соображений разума; мой ум мог бы соображать в течение вечности – и не открыть существования Лондона. Я не знаю того по опыту; я знаю это по вере в свидетельство, сообщенное мне

опытом другого. Как знаете вы, что существует Китай и в нем город по имени Пекин, который есть его столица? Это не есть для вас истина, вами самими дознанная путем соображения разума или из опыта, предполагая, что вы никогда не были в Китае; это догмат, утверждающийся на авторитете свидетельства. Между тем в вас живет на этот счет уверенность непреложная; вам так же трудно усумниться в существовании Китая, как и этого места, где мы собраны теперь [...] Этот элемент естественного догматизма в мышлении человеческом, я думаю, еще недостаточно останавливал на себе внимание испытателей законов мысли [...]

Ограничивают, обыкновенно, употребление слова «догмат» область религиозную. Что такое догмат религиозный? Это – истина, принятая по вере в авторитет свидетельства сверхестественного, т. е. свидетельства, относящегося до фактов, стоящих вне области человеческого опыта. Тот, кто свидетельствует, может быть не более, как простым орудием распространения истины, возвещаемой его свидетельством, каковы напр., были все ветхозаветные пророки; – или он может быть свидетелем, вещающим непосредственно, по самой природе своей, тайны мира божественного, о коих свидетельствует, – каким является Христос, Божественный Основатель христианства. Догмат христианский есть истина, утверждающаяся на авторитете свидетельства Христа, которое есть догмат догматов. По самому существу своему, догмат составляет авторитет. Так как он есть свидетельство, данное в условиях исторических, то он пребывает всегда неизменным в качестве факта исторического. Для того, кто приемлет это свидетельство, как голос истины абсолютной, догмат является истиною непреложною, – истиною, которая может быть уразумеваема более или менее, – которой свет может расти в сознании прогрессивно, но которая, сама в себе, всегда пребывает неизменною. Это именно свойство догмата и отвращает многие умы от всего, что носит печать догматизма, потому что авторитет, неразлучный со всяким догматом, представляется им как бы цепью, наложенною на свободу мысли. Верующие, находя свою силу там, где другие хотят

видеть затруднение, – и свою опору в том, что иным кажется стеснением, верующие говорят, что небезопасно разрывать все узлы, сокрушать все преграды. Они ставят на вид, напр., тот факт, что судно, оснащенное и лишенное руля, подвергло бы себя неминуемой гибели, если бы захотело порвать канат, прицепляющий его к кораблю, за коим оно идет на буксире, – и что на самом корабле не проклинают цепи, дающей возможность бросать якорь в случае нужды, и тем предохранять экипаж от свирепости ветра и ярости волн.

Так как авторитетность догмата есть не что иное, как результат веры разума в непогрешимость свидетельства, износимого о нем, – то очевидно, что авторитет догмата существует только для верующего. Искать подчинить этому авторитету тех, которые не веруют, значило бы идти наперекор здравому смыслу» (*Навиль Эрнест. Вопрос о зле. С. 137–139*).

^v Так говорит сын «попа», замечательный русский человек, историк и философ. Если принять во внимание аттестацию нынешнего авторитета, писателя Максима Горького, сказавшего где-то в одном из своих произведений, что священники – это люди наиболее чистой русской крови, то Василию Осиповичу Ключевскому, в данном случае следует поверить вдвойне; как ученому историку и как человеку «наиболее чистой русской крови», органически понимающему и чувствующему особенности и тонкости русской церковной психологии.

^w Это обстоятельство, т. е. религиозно-познавательное и церковно-воспитательное значение красоты (внешней церковной эстетики), в какой-то степени поняли и наши ура-«безбожники», задавшиеся непосильной для них целью уничтожения русского Православия. Поэтому каждую свою очередную «кампанию» они беспощадно громили и физически уничтожали, главным образом, внешнюю церковную красоту во всех ее проявлениях, предполагая, что разят своего воображаемого противника в самое уязвимое место.

Однако – как это вообще свойственно им – и тут попадали пальцем в небо. Истребляя внешнюю красоту Церкви; отождествляя с ней сущность последней, они, конечно, не подозревали того, что это всего лишь внешнее Ее выражение,

оболочка Ее духа и смысла и что, в конце концов, не в ней суть дела, не в ней сила и жизнь Церкви...(Об этом см. комм. «Об охране у нас художественных и исторических сокровищ (действительная картина)»).

^x В 1917 г. Введенский в той же статье писал: «Правда, высокая личность избранного в Патриархи преосвященного Тихона отчасти примиряет даже противников Патриаршества». – *Примеч. ред.*

^y По позднейшей рекомендации А.И. Введенского, среди членов Собора 1917–1918 гг. «виднейшим [...] был князь Ев. Н. Трубецкой, воистину один из самых темных ангелов этого сатанинского [разрядка наша. – *Сост.*] Собора» (*Введенский А. И., прот. Церковь и государство. С. 105*).

^z По объективному толкованию члена Собора 1917–1918 гг. графа Д.А. Олсуфьева (одного из наиболее ненавистных нашим «безбожникам» соборян), «грех большевиков по отношению к Кремлю ослабляется тем, что попадали в Кремль случайные ядра; это бывает при драке двух частей. Мне говорили о тех, кто послал эти ядра: это – солдаты из Замоскворечья. Это прискорбно, но это не было намеренно. Это не было обдуманном делом восстания большевиков» (Деяние 50:94. Граф Д. А. Олсуфьев // Деяния. Кн. 3. С. 255).

Хоть бы у этого графа поучились беспристрастию и объективности в высказываниях о своих противниках наши так называемые «научные атеисты»!

^{aa} Напомним здесь, что в старину «форма избрания Патриарха была открытая или посредством жребия, установившаяся после смерти Филарета. Имена 6 кандидатов из старших иерархов писались на 6 бумажках равной величины, бумажки обливались со всех сторон воском, припечатывались царской печатью и посылались Собору, заседавшему в это время в Московском Успенском соборе. Три жребия клались на панагию умершего Патриарха; засим – все члены Собора облачались и служили акафист Богородице, после чего из 3 жребиев вынималось 2 и откладывались в сторону. Также поступали и с другими тремя. Оставалось, таким образом, два жребия; из них вынимали один, который и содержал имя

избранного Патриарха» (Патриаршество на Руси // Русский Паломник. 1914. №14. С. 50).

В 1591 году, в связи с избранием Иова, первого Первоиерарха Русской Церкви с этим древним восточным титулом «получилась грамота от восточного духовенства, подписанная 3 Патриархами, 42 митрополитами, 19 архиепископами и 20 епископами об утверждении Патриаршества в Москве» (там же), но «великий» Петр, ничтоже сумняшеся, наплевал и на нее...

Восстанавливая в памяти прошедшие на наших глазах церковные события, связанные с Собором 1917–1918 гг., невольно напрашивается мысль и о том, что величественный храм Христа Спасителя, может быть, и выстроен-то был русскими людьми (неведомо для них самих!) специально для совершения в нем великого акта произволения Божия – торжественного избрания первого нашего Патриарха, по восстановлении канонического строя церковного в 1917 году. Крупнее и знаменательнее этого события для судеб отечественной Церкви ничего в нем совершено не было. Этим апофеозом русского Православия закончилось его кратковременное существование: в 1931 году он взлетел на воздух; одно из крупнейших церковных сооружений мира было уничтожено для того, чтобы уступить место... бане!

^{bb} Отметим здесь ошибку, допущенную митрополитом Владимиром (Богоявленским) при начале чинопоследования молебного пения во время встречи в соборе Двенадцати Апостолов в Кремле, нареченного Патриарха митрополита Московского и Коломенского Тихона, – о чем говорилось тогда с суеверным ожиданием грядущих напастей для поставляемого... (Впрочем, это и осуществилось!..)

Об этом факте впоследствии было упомянуто в изданных за границей воспоминаниях члена Собора 1917–1918 гг. С. П. Руднева (См.: Руднев С. П. При вечерних огнях. С. 202).

^{cc} «Особенно кличку сумасшедшего заслужил епископ Антонин [Грановский] за изменение техники преподания причастия. Неверующие указывают нам антигигиеничность причащения всех из одной ложечки. Чтобы освободить

церковную практику от этого упрека, я стал причащать по примеру того, как на преждеосвященной литургии, как и доселе причащают у яковитов, или у нас при причащении больных. Вещество таинства твердое, предварительно напоенное жидким, берется щипчиками и кладется на руку причастника. Изоляция полная. Введенский негодует: Антонин с ума сошел, он извращает понятие о таинстве, он допускает возможность заразы через причастие! Сколько угодно! История знает факты, когда пап травили, посыпая яду в евхаристию. Тайны Христовы не обладают бактерицидными свойствами, иначе ими можно было бы торговать, как универсальным лекарством. Таинство совершается в духе, а не в физических клеточках тела. И если вы нальете в чашу сулемы и выпьете, то конечно помрете. Мы кушаем ложкой, а китайцы палочками. Важно положить питательный продукт в рот, а каким способом, это дело второстепенное.

Поповская придирчивость в том и состоит, что существенное затеяют, а хватаются за второстепенное. Вся суть по-ихнему в ложечке, других способов нет, и если вы, скажем, обойдетесь и без ложечки, и без щипцов, а просто рукою, то это по-поповскому будет недействительно» (Труды первого съезда... СВЦ. С. 52).

Положим, что все это и так... Но «мудрейший из мудрых, превзошедший своею мудростью самую премудрость» магистр богословия Владыка Антонин (Грановский), не удосужился здесь разъяснить нашему невежеству лишь одно: а как же быть со словами Христовыми: «аще и смертное испиют – не вредит им»?!

Щипчиков и ложечек есть много, а вот веры у нас с владыкою Антонином (Грановским), видимо, маловато...

^{dd} В середине 1950 годов, митрополит Вениамин (Федченков) в своих воспоминаниях справедливо писал (не называя ничьих имен и не указывая ни на кого персонально пальцем):

«...Нехорошо, что втянули духовенство в политику. У него есть своя миссия, иная, чуждая политики. Оно должно проповедовать высокие идеи, вечные, неумирающие... Учить

добр... А что такое политика? Что общего у нее с религией? Религия на протяжении скольких веков – одна и та же; а политика на протяжении 50 лет 150 раз изменялась и будет вечно изменяться. А религия должна за ней гоняться? – Две совершенно несовместимые вещи» (Вениамин Федченков, митр. Записки архиерея. С. 456).

17. О «внутренних противоречиях» в Церкви

Весь этот абзац является характерным для церковных летописцев из «Журнала Московской Патриархии». Здесь А. В. Ведерников, как видно, из цензурных соображений, сознательно путает церковные времена и дела.

Что «Святейший Патриарх Тихон стал во главе Церкви в тот момент, когда церковный корабль входил в полосу крайне бурных событий» – спору нет. Но какие волны «политических страстей» колебали его и какие подводные камни «разномыслия и вражды» угрожали его целостности, – это, по-видимому, секрет автора, т. к. первые годы Патриаршества Святейшего Тихона были, наоборот, ознаменованы редким и небывалым до того единомыслием и единодушием церковным.

А что «Святейшему кормчему Тихону пришлось действовать в сложнейшей обстановке внутренних церковных противоречий и расколов», то все это относимо лишь ко времени, последовавшему после весны 1922 года, когда по инициативе Е. А. Тучкова были мобилизованы все церковные подонки для бунта против неугодного тогдашним гражданским сферам законного церковного священноначалия в лице Святейшего Патриарха Тихона и его ближайшего окружения.

Невозможно, конечно, писать об этом гласно в официальном церковном органе, но, может быть, было бы лучше вообще обойти молчанием подобные «острые углы» – до более благоприятных времен? Иначе ничем нельзя ныне откликнуться на всю эту сознательную церковно-историческую кашу, как словами Ф. М. Достоевского, чрезвычайно сюда идущими: «Снаружи правда – внутри ложь!»...

18. Карловацкий Собор 1921 г. и Святейший Патриарх Тихон

Попытаемся здесь кратко представить основную сущность вопроса о нашедшемся в свое время Карловацком Соборе, дорого обошедшемся Русской Церкви и персонально Святейшему Патриарху Тихону...

Созыв русского церковного собора в Сремских Карловцах в Сербии был вызван желанием эмигрантского духовенства решить организационные вопросы духовного окормления русских православных беженцев.

Приводим выписки из различных, и не всем доступных, изданий.

Инициатива созыва русско-эмигрантского церковного Собора в Сремских Карловцах (Сербия) принадлежит русскому духовенству, оказавшемуся за границей.

На монархическом съезде «в Рейхенгалле было постановлено собрать общеэмигрантский съезд из представителей духовенства и мирян [...]

По-видимому же, в Рейхенгалле монархисты меня „своим“ не признавали – пишет митрополит Евлогий (Георгиевский), автор цитируемых воспоминаний. Сперва мне было предложено спешно выехать на то время в Америку, куда меня еще раньше посылал Патриарх Тихон на ревизию нашей Северо-Американской епархии (по многим причинам я не мог исполнить это поручение, о чем своевременно сообщил Святейшему Патриарху); потом задержали в Берлине, мешкая с сербскими визами» (*Евлогий, митр.* С. 553).

Как бы там ни было, но на Собор архиепископ (тогда Евлогий) прибывает своевременно.

21.11(04.12).1921 г., на праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы, в торжественной обстановке, в Сремских Карловцах, состоялось открытие Всеаграничного русского церковного Собора для обсуждения и устройства церковной жизни среди эмиграции.

В числе членов Карловацкого Собора присутствуют:

«Председатель Высшего Монархического Совета Н. Е. Марков, член того же Совета Н. И. Масленников, бессарабский предводитель дворянства А. М. Крупенский, граф В. А. Бобринский, член Государственной Думы Н. Н. Львов, сотрудник „Нового Времени“ профессор Локоть, быв[ший] обер-прокурор Св[ятейшего] Синода князь Ширинский-Шихматов, быв[ший] обер-прокурор Волжин, быв[ший] Председатель] Совета Министров Трепов, Наказной Атаман войска Донского Граббе, журналист Никаноров, адмирал князь Путятин, прокурор Ненароков, Квасков, Скаржинский, Бербель, Сонцов, редактор „Колокола“ В. М. Скворцов, протоиерей Востоков, генерал Васильев, граф Граббе, граф Апраксин, настоятели церквей Парижа, Берлина, Рима и Лондона, от армии генерал Врангель, генералы Экк, Архангельский, Бобрович и Никольский, митрополит Антоний [Храповицкий], архиепископ Евлогий [Георгиевский], епископ Вениамин [Федченков], епископ Анастасий [Грибановский], [архиепископ.— *Сост.*] Серафим [Соболев] и другие»¹³⁷.

Или, – как позднее было сформулировано А. И. Введенским в его пасквиле:

«Осенью 1921 г. в Карловицах собирается всезаграничный Православный русский Собор. На нем было 87 человек, большинство из них бывшие члены Московского Собора 1917 года. Этот Собор открылся с благословения и именем Святейшего Патриарха Тихона, Председателем его, полномочным представителем Патриарха Тихона для заграницы, Антонием Храповицким» (*Введенский А. И., прот. Церковь Патриарха Тихона. М., 1923. С. 74*).

Конечно, в действительности, Святейший Патриарх Тихон никого на этот Собор не посылал и в отношении Собора никому никаких полномочий не давал; даже о самом созыве Собора узнал предположительно и случайно из неофициальной переписки... Однако, после столь «авторитетного» заявления А.И. Введенского, из лагеря безбожников и обновленцев раздался трогательный, по своему единодушию, хор голосов: «В Сербии в городе Карловице был созван Церковный Собор из представителей бежавшего за границу духовенства и белых

эмигрантов. Собор получил благословение Тихона» (Кандидов Б. Церковь и Октябрьская революция. М., 1930. С. 12).

Открывая Карловацкий Собор, митрополит Антоний передает собравшимся «привет» от Патриарха Тихона (Кандидов Б. Религиозная контрреволюция в Сибири // Атеист. 1929. №47. С. 18).

«Заместитель» Патриарха Тихона на Карловацком Соборе, митрополит Антоний, передает собравшимся «благословение» Патриарха Тихона. (Учебник для рабочих антирелигиозных кружков. М.: Безбожник, 1930. С. 35).

Митрополит Антоний – «уполномоченный Патриархом Тихоном для заграницы» (Введенский А. И., прот. Церковь и государство. С. 86). И так далее.

В своих воспоминаниях, рассказывая о Карловацком Соборе, митрополит Евлогий говорит:

«Когда мы прибыли на Съезд [Собор. – Сост.], президиум был составлен: Председатель митрополит Антоний и 4 Товарища Председателя: 1) архиепископ Анастасий [Грибановский], 2) протоиерей о. Орлов, 3) А. Н. Крупенский и 4) кн[язь] Ширинский-Шихматов.

Я узнал от епископа Вениамина [Федченкова], возглавлявшего Константинопольскую делегацию, что монархисты на Съезде хозяева положения и что, по-видимому, они поведут его по политической линии. Я узнал также, что Карловацкий Съезд, именовавший себя „Церковным Собранием” переименовывался, единогласным решением присутствующих членов, в „Русский Всезаграничный Собор”. В самом начале Съезда устроили враждебную демонстрацию бывшему Председателю Государственной Думы М. В. Родзянко, который должен был удалиться.

Обсуждение церковных вопросов проходило спокойно. [...]

Гвоздем Съезда было заявление „Собора” о восстановлении в России династии Романовых. Предполагалось направить особое „Обращение” в Лигу Наций и ко всем правительствам держав. [...] Мысль „Обращения”: Дом Романовых царствует, и мы должны его отстаивать. [...]

Перед голосованием „Обращения” были долгие, жаркие дебаты в продолжение двух-трех заседаний. Я уговаривал наиболее влиятельных монархистов: „Поберегите Церковь, Патриарха... Заявление несвоевременно. Из провозглашения ничего не выйдет. А как мы отягчим положение! Патриарху и так уже тяжело...” Марков обратился ко мне: „Что с вами? Какая перемена!..” Единомышленники его тоже яростно на меня напали. Я защищал свои убеждения и не раскаиваюсь. Тон был мною взят верный. Мои опасения за Церковь и Патриарха, увы, впоследствии оправдались... Митрополит Антоний, в политических вопросах детски наивный, не мог учесть последствий рокового „Обращения к Православным русским беженцам за границей”, явно монархического по содержанию и продиктованного эмигрантскими политическими страстями.

При голосовании $\frac{2}{3}$ голосов высказались за „Обращение”, $\frac{1}{3}$ – против. 34¹³⁸ члена, в числе их и я, остались при особом мнении и подали мотивированное заявление [...]

2[15] декабря Съезд закрылся, и делегаты разъехались...» (*Евлогий, митр.* С. 362–365).

(После изложенного нелишне привести здесь «комментарии» А.И. Введенского, вполне выдержанные в стиле всей его «благовестнической» деятельности. Он пишет:

«Постановление о восстановлении Церковью самодержца из дома Романовых было сделано 6–19 декабря – день, дорогой сердцу монархиста: тут были именины Николая II. [...]

По докладу Антония Храповицкого принимается соответствующая резолюция большинством 86 голосов из 87. Протестовал один Родзянко, который за это и был изгнан из Собора» (*Введенский А. И., прот.* Церковь Патриарха Тихона. С. 74).

Прекрасно; что ни слово, то – ложь!

И это публиковалось массовым тиражом Государственным издательством!)

Текст мотивированного заявления 34 членов Карловацкого Собора, по вопросу об «Обращении к Православным русским беженцам за границей», в связи с предложением монархистов о

восстановлении в России дома Романовых, выглядел следующим образом:

«Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что данная большинством „Отдела Духовного Возрождения России“ постановка вопроса о монархии с упоминанием притом и династии носит политический характер и, как таковая, обсуждению Церковного Соборания не подлежит; посему мы в решении этого вопроса и голосовании не считаем возможным принять участие.

Архиепископ Евлогий [Георгиевский], архиепископ Анастасий [Грибановский], епископ Аполлинарий [Кошевой], епископ Вениамин [Федченков], прот[оиерей] Троицкий, прот[оиерей] М. Слуцкий, епископ Сергей [Петров? б[ывший] Новороссийский и Черноморский? – *Сост.*], прот[оиерей] Руденко, архимандрит Антоний [Марценко? – *Сост.*], Н. Квасков, И. Никаноров, Ненарокомов [Ненароков? – *Сост.*], В. Вернадский, епископ Максимилиан [? – *Сост.*], прот[оиерей] Б. Беловидов, прот[оиерей] С. Орлов, архимандрит Феодосий, иеромонах Иоанн, прот[оиерей] Д. Трухманов, В. Розов, ген[ерал] Соловьев, прот[оиерей] И. Лелюхин, С. Троицкий, прот[оиерей] В. Виноградов, прот[оиерей] М. Конограй, В. Чистяков, С. Колоссовский, Е. Киселевский, Е. Ковалевский, Е. Москов, протоиерей] Н. Сахаров, прот[оиерей] Стельмашенко, Н. Львов» (*Евлогий, митр.* С. 364).

«„Обращение“ Карловацкого Собора имело пагубные последствия и не предвидеть их было нельзя. Оно усугубило и без того тяжкое положение Патриарха Тихона [...] власть стала подозревать его в реставрационных замыслах и еще яростнее напала на Церковь. Патриарх Тихон был вынужден принять меры: он решительно осудил политические притязания Карловацкого Собора, угрожал церковным судом главным его деятелям» (там же).

И хотя митрополит Анастасий [Грибановский] впоследствии утверждает, что «зарубежная Церковь всегда осведомляла [Патриарха Тихона. – *Сост.*] [...] о ходе своей жизни и обращалась к нему за указаниями в важнейших или недоуменных случаях».

«Ничего такого, на самом деле, не было. Важнейшие акты Карловацкого управления, напр[имер] созыв собора 1921 г. и позднейших архиерейских Соборов, постановление о восстановлении Дома Романовых, обращение к Генуэзской конференции с просьбой об интервенции [...] и т. д. сделаны были не только без разрешения Патриарха Тихона, но и вопреки его посланию от 25 сентября 1919 г.» (Троицкий С., проф. Идеология карловацкого раскола // ЖМП. 1948. №2. С. 44).

Сам архиепископ Евлогий по личной инициативе, дипломатическими каналами, пересылает Святейшему Патриарху Тихону резолюции, принятые Карловацким собором и препроводительное письмо к ним. (Обвинительное заключение... [Акты... С. 249, 262. Следственное дело... С. 300, 318. – Ред.]).

За рубежом же политические акты Карловацкого Собора широко опубликовываются в эмигрантской прессе, в частности в газете «Новое Время» (См.: Новое Время. 1921. 3(16), 4(17) декабря; Украинский Православный Благовестник. 1927. № 15. С. 243–246).

Как бы то ни было, но тут же, вскоре, Народный Комиссар Юстиции Курский обращается к Патриарху Тихону с официальным запросом о характере деятельности Карловацкого Собора и вынесенных им постановлениях (Обвинительное заключение... [Акты... С. 251. Следственное дело... С. 300. – Ред.]).

«Патриарх Тихон категорически осуждает действия белогвардейской эмиграции и, в частности, участников Карловацкого Собора, угрожая им запрещением в священнослужении и преданием церковному суду в случае продолжения ими своей контрреволюционной деятельности» (Правда о религии в России. Московская Патриархия, 1942. С. 56).

В частности, его резолюция на отношении Наркомюста Курского о деятельности Всеаграничного Карловацкого Собора гласит следующее:

«Собор закрыть, а за постановлениями Карловацкого Собора не признавать канонического значения, ввиду вторжения

его в политическую область, ему не подлежащую. Материалы заграничного Собора затребовать, чтобы судить о степени виновности участников Собора» («Обвинительное заключение...» [Акты...С. 250. Следственное дело... С. 300. – *Ред.*]).

Заседавшее вскоре затем «Соединенное Собрание» (неполный состав Патриаршего Священного Синода и Высшего Церковного Совета), рассмотрев резолюцию Патриарха Тихона на отношении Наркома Юстиции Курского по вопросу о Карловацком Соборе, – выносит постановление об осуждении деятельности означенного Собора и предании виднейших членов его церковному суду... по восстановлении нормальной жизни Российского Синода...» (Обвинительное заключение... [Акты...С. 249, 262. Следственное дело... С. 300, 318. – *Ред.*] Вестник Восточно-Азиатского Экзархата Московской Патриархии. Харбин. 1947. №8–10. [?]).

Все эти оградительные мероприятия Святейшего Патриарха Тихона, естественно, получили соответствующий резонанс за рубежом, о чем много было опубликовано в эмигрантской прессе различных сообщений. В частности, по мнению белоэмигранта Маркова II, указ Патриарха Тихона, «коим он осуждает действия Карловацкого Собора, а также осуждает и самый Собор, как подлежащий упразднению, то указ этот, является вынужденным: он дан из боязни за жизнь томящихся в тюрьме служителей Церкви...» (Вестник Священного Синода... 1927. №2(15). С. 25).

Закончим эту серию наших выписок фрагментами из зарубежной статьи, озаглавленной «Урок Собора в Карловацах». В ней мы читаем:

«Значение Собора затуманено нашумевшим политическим его постановлением. Но только не в нем вовсе дело, а при свете его еще яснее выступает суть. Она только церковная.

Ну да, сжилось высшее русское духовенство с „петровским офицером“, властным прокурором Святейшего Синода. Церковь сама стала ощущать себя одним из бюрократических ведомств. Владык прельстило сановничество. Они поддались искушению. И вот, в наши бурные годы, беженцами из своих епархий, за границей, по застарелой привычке, жмутся к другим, таким же,

как они, бывшим ведомственным сановникам и ко всему бежавшему чиновничеству. Не хватило ни мужества, ни глубины понимания, чтобы прозреть. Отсюда и дело Собора невольно, по застарелой уже привычке, не решились провести иначе как в сопряженности с „ведомственными” людьми. Пригласили их сверх выбранных от только что возникших около посольских церквей приходов. Через эту-то приоткрытую дверь и проникли на Собор руководители Рейхенгалльского монархического съезда. Не все, конечно. Многие явились и представителями приходов. Но и там ведь дело обстояло так же. Церкви эти недавно только что сами были целиком ведомственными, естественно, что и там ведомственные люди оказались ближе, желаннее, более свои. И вклинился еще и оттуда в Собор Рейхенгалль. Прошло предложенное Марковым II монархическое постановление.

Оно обсуждалось, однако, лишь в самые последние дни Собора, когда главное и основное, то, что действительно составляет важное событие, уже завершилось: Собор целиком признал начала Московского Собора 1917 года. Выработано было устройство местных Церквей на новых выборных началах.

Как же могли одни и те же люди совершить одновременно и в том же составе такие два взаимно исключающие дела? Ведь не будь революции и останься в силе прежняя монархия, не было бы Собора, и нельзя бы было даже и подумать серьезно о Соборе в Москве и тем более о возвращении Русской Церкви к Патриаршеству. Надо ли настаивать на этом несомненном положении? А если это так, что значит монархическое постановление? Ведь оно в противоречии, совершенно зияющем и не подлежащем никакому сомнению, противоречии с подчинением себя началам Московского Собора 1917 г.

Несколько подробностей осветят создавшееся положение.

Когда предлагал Марков II свою широковещательную, ничего и не говорившую по существу резолюцию о неопределенном обращении к дому Романовых – значительное число, по преимуществу священнослужители, воздержались от голосования. Их было 32 из 85 присутствовавших. Цифра интересная, если принять в соображение, что Владыками было

приглашено лично на съезд около 30 разных бывших сановников, разумеется, членов Рейхенгалля. Они и дали большинство. А от имени меньшинства, т. е. воздержавшихся, говорил, ни кто иной, как владыка Вениамин [Федченков], епископ армии генерала Врангеля. При этом в его воодушевленном слове несколько раз прозвучало: „воля народа“, „Бог и народ“. Чувствовался совсем иной и новый пафос, именно такой, который совпадал бы с духом начал Московского Собора.

Меньшинство только воздержалось, и воздержавшиеся оказались все-таки сравнительно немногочисленны, даже и исключив сановников. Но мог ли Собор не быть правым по настроению, весь целиком и помимо приглашенных людей ведомств? Воздержавшиеся батюшки, конечно, тоже правые. Какие же еще? Неужели можно на одну секунду предположить, что они могли бы быть республиканцами? И вот политически правый по основному составу, а с искусственным введением целой трети членов Собора властью владык, еще и самый, что ни на есть, крайний правый, тем не менее несмотря на неминуемое тяготение своих участников к прежнему бюрократическому укладу жизни, и Церкви, этот-то нарочито подобранный, в нарочитой среде и обстановке возникший Собор в Карловацах подчинился началам Московского Собора, и значительная часть его участников, священнослужителей, ясно сознавала всю несовместимость, все непреодолимое противоречие, какие немедленно должны возникнуть, если только вмешается в дело политическая реакция.

Часто приходится слышать о каких-то „приобретениях революции“. О, если и тут не бояться внутреннего противоречия, тогда – конечно; отрицательных приобретений сколько угодно, разрушено до основания все [...]

Таков наглядный урок Собора в Карловацах. Он новое подтверждение и яркий показатель жизненности религиозного творчества, проявленного Московским Собором 1917 г. Нет единой России, но с восстановлением русской митрополии за границей Русская Православная Церковь – едина и обновлена в своем единстве.

Вот, в самом деле, доподлинное приобретение революции» (Аничков Е. В. На грани // Православие и культура. Сб. религ.-филос. ст. / Под ред. и с предисл. В. В. Зеньковского. Берлин: Рус. книга, 1923. С. 132–134). [См.: Следственное дело... С. 676–697; Кострюков А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920 годов: Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. М.: ПСТГУ, 2007. – *Ред.*]

19. [Листовка, посвященная поставлению Святейшего Патриарха Тихона]

После поставления Святейшего Патриарха Тихона на Соборе было вынесено решение об извещении православного населения России об избрании Патриарха Тихона. Листовка была издана А. А. Дятеловичем в 1918 г., на обратной стороне листовки изображен портрет Святейшего Патриарха Тихона. Данная листовка раздавалась на многочисленных крестных ходах того времени, распространялась по церквам. См. фото оригинала. – *Ред.*]

20. Кратко о члене Собора 1917–1918 гг. С. П. Руднев

Автор – Сергей Петрович Руднев, один из довольно видных и активных членов Поместного Собора 1917–1918 гг.

В алфавитном списке членов Собора о нем сказано следующее:

«423. Руднев Сергей Петрович. – Член Симбирского Окружного Суда, уполномоченный Губернского Комитета Всероссийских Земского и Городского Союзов. – По избранию. – Мирянин от Симбирской епархии. – 45 [лет от роду. – *Сост.*]. – Университет. – Симбирск...» (Деяния... Кн. 1. Вып. 1. С. 86).

В гражданскую войну эмигрировал за границу.

[Руднев Сергей Петрович (28.01.1872, Курмыша Симбирской губ.– 07.01.1934, Харбин) – юрист и деятель эмиграции. Родился в дворянской семье. Окончил Симбирскую гимназию и юридический факультет Харьковского университета (1895 г.). В 1895 г. помощник юрисконсульта Юго-Восточных железных дорог. С 1896 г. сотрудник Елецкого окружного суда. Последовательно занимал должности судебного следователя в Верхотурье, на Катавских и Симских заводах Уфимского уезда, товарища прокурора в Костромском, Смоленском и Нижегородском судах. С 1906 г. судебный следователь Московского окружного суда, но почти сразу уезжает в Крым, где до 1916 г. был членом Симферопольского окружного суда, а затем, после смерти жены, переехал в Симбирск. Член Священного Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. член восточного отдела главного комитета Всероссийского земского союза на Дальнем Востоке. Публиковал свои статьи в газетах «Русские ведомости» и «Исторический вестник». Во время гражданской войны жил на Дальнем Востоке, сотрудник компании «Кунст и Абельс», член Народного собрания. С 1920 г. в эмиграции, проживал в Харбине. Учредитель и товарищ председателя правления Харбинской больницы в память доктора В. А. Казем-Бека. Скончался в Харбине (Хасамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке:

Биографический словарь. Владивосток: Изд-во
Дальневосточного университета, 2000. С. 260. Обзор деяний. Т.
1. С. 369.). – *Ред.*]

21. К построению Московского Епархиального дома

Открытие новосооруженного Московского Епархиального дома состоялось во вторник 5 ноября 1902 года. Первоначально он назывался «Общепархиальный дом». Заложен и построен в 1901–1902 гг. по инициативе и при ближайшем содействии митрополита Московского и Коломенского Владимира (Богоявленского). В архитектурном отношении здание выполнено чрезвычайно добротнo, в модном тогда «русском» (ложнорусском) стиле; архитектор – Петр Виноградов. Примыкающий к аудитории внутренний домовый храм освящен во имя св. благоверного великого князя Владимира, Просветителя Руси светом Христова Учения и небесного патрона строителя Дома – митрополита (См.: Церковные ведомости. Прибавления. 1902. №46. С. 1630–1631).

«Памятником [...] деятельности митрополита Владимира в Москве – является величественное здание Епархиального Дома, где сосредоточены все епархиально-духовные, народно-просветительные учреждения, и тут же великолепный храм во имя св. кн. Владимира [...] Большой зал назначается для богословских чтений, чтений для фабрично-заводских рабочих, разных лекций, бесед, духовных концертов [...] Обширное помещение в здании отведено для епархиальной библиотеки и читальни. В том же Епархиальном Доме помещаются редакции духовных журналов, Кирилл-Мефодиевское Братство с епархиальным Училищным Советом, книжный магазин и склад изданий отдела распространения духовно-нравственных книг, Православное миссионерское общество, попечительство о бедных духовного звания и другие епархиальные учреждения» (Высокопреосвященнейший Владимир, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский // Русский паломник. 1912. №49. С. 774).

Московский Епархиальный Дом (Каретная-Садовая, Лихов переулок) – являлся местом заседаний Поместного Собора Православной Российской церкви в 1917–1918 гг.

Вскоре же после революции – отобран у верующих людей, полностью разгромлен и разграблен. Позже был превращен в кинотеатр.

Впоследствии внешность его совершенно изменена в «новом стиле».

[В настоящее время бывший Московский епархиальный дом передан Православному Свято-Тихоновскому гуманитарному университету. В нем начались восстановительные реставрационные работы. – *Ред.*]

22. О С. М. Леонтьеве и Е. М. Щепкине

Имена С. М. Леонтьева и Д. М. Щепкина (у С. П. Руднева: Е. М. Щепкин) – неоднократно фигурировали в начале революции, в связи с многочисленными тогда политическими судебными процессами, как имена видных общественно-политических деятелей, известных еще до революции.

По предполагавшемуся в 1922–1923–1924 гг. к слушанию «делу» Святейшего Патриарха Тихона и других, совместно с ним привлекавшихся лиц, судя по так называемому «Обвинительному заключению», в качестве «свидетелей» допрашивались: профессор Белков, Леонтьев С. М., Щепкин Д. М., священник (протоиерей) Станиславский А. М., Котляревский С. А., протопресвитер Московского Большого Успенского собора Любимов Н. А., священник Борисов и епископ Саратовский Досифей (Протопопов).

В отношении Леонтьева и Щепкина в том же документе говорится:

«Видные деятели Тактического центра, в свое время осужденные за свою контрреволюционную деятельность С. М. Леонтьев, Д. М. Щепкин и С. Д. Урусов информировали гр. Беллавина – Тихона о своей преступной работе, получали от него советы и „благословение“ вместе с пожеланием этой работе успеха...» и проч. (Обвинительное заключение... [Акты... С. 238. Следственное дело... С. 281]).

В церковной работе ни С. М. Леонтьев, ни Д. М. Щепкин никакого участия не принимали и членами Собора 1917–1918 гг. – не состояли.

23. Кончина члена Собора 1917–1918 гг. кн. Е. Н. Трубецкого (по митрополиту Евлогию Георгиевскому)

Один из виднейших светских членов Собора 1917–1918 гг., князь Е. Н. Трубецкой, скончался 23.01(05.02)1920 г. в Новороссийске: в стане генерала Деникина, в самый разгар гражданской войны.

В своих мемуарах митрополит Евлогий (Георгиевский) так рассказывает об этом: В Новороссийске «я встретил на улице князя Е. Н. Трубецкого. Он стал уговаривать меня ехать в Сербию. „Повезем туда нашу русскую культуру“. На другой день он заболел сыпным тифом и умер.

Умер в те дни от сыпняка и Пуришкевич. Я его отпевал» (*Евлогий, митр.* С. 326).

Князь Евгений Николаевич Трубецкой – член Государственного Совета, член Предсоборного Совета, член Высшего Церковного Совета, Товарищ Председателя Священного Собора 1917–1918 гг., член Соборного Совета. Крупный церковно-общественный деятель, публицист и философ, доктор государственного права, профессор Московского университета.

Скончался в возрасте 56 лет (род. 1864) (*Глубоковский Н. Н., проф.* Русская богословская наука. С. 178).

[Трубецкой Евгений Николаевич (23.09.1863–23.01.1920), член Собора по избранию от Московского университета.

Князь. Родился в Москве. В 1885 г. окончил юридический факультет Московского университета. С 1885 г. служил в Киевском гренадерском полку. С 1886 г. приват-доцент Демидовского юридического лицея (Ярославль). Сблизился с Владимиром Соловьевым. С 1894 г. приват-доцент, а затем – профессор Киевского университета. С 1906 г. профессор Московского университета, один из лидеров Конституционно-демократической партии. – *Ред.*]

24. Нечто об американском протоиерее о. Л. И. Туркевиче

О члене всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., священнике Л. И. Туркевиче, в алфавитном списке членов Собора читаем:

«508. Туркевич Леонид Иеронимович. – Протоиерей, настоятель кафедрального собора в Нью-Йорке. – По избранию. – Клирик от С.-Американской епархии. – 41 [года от роду. – *Сост.*]. – Кандидат богословия. – Нью-Йорк...» (Деяния... Кн. 1. Вып. 1. С. 92).

Впоследствии – известный Глава американских автокефалистов, митрополит «всея Америки и Канады» Леонтий [Туркевич], являлся преемником на этом посту митрополита Феофила [Панковского] в прошлом также одного из клириков б[ывшей] Алеутской и Северо-Американской епархии, в период управления ею Высокопреосвященным Тихоном, – протоиерея о. Феодора Пашковского. (Последний хиротонисан по благословению Святейшего Патриарха Тихона митрополитом Платоном Рождественским, епископом Евфимием Офейн и представителем Иерусалимской Церкви в Америке, епископом Пантелеймоном. Скончался в 1950 г., вне общения с Православной Русской Церковью.)

[Леонтий (Туркевич Леонид Иеронимович; 1876–14.05.1965), митрополит. Родился в г. Кременец на Волыни (Украина) в семье священника. Окончил Волынскую Духовную семинарию и в 1900 г. Киевскую Духовную Академию. После окончания Академии преподавал в Курской и Екатеринославской духовных семинариях. Священник с 1905 г., служил в одной из православных церквей Кременца. В 1906 г. был приглашен епископом (будущим святым Патриархом) Тихоном (Беллавиным) возглавить только что созданную православную духовную семинарию в г. Миннеаполис (США) (с 1912 г. в г. Тинейфлай, США). Редактор Русско-американского православного вестника (1914–1930) (по другим данным, с 1929 г. редактор «Американского православного вестника»). В 1920–

1930 гг. протоиерей, служил в храме Христа Спасителя в Нью-Йорке. Затем настоятель Свято-Николаевского собора в США. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Возвратился в США через Сибирь и Японию. Один из организаторов Американского Собора 1924 г., принявшего решение об учреждении автономии. После кончины супруги был хиротонисан во епископа Чикагского в 1933 г. На VIII Нью-Йоркском Всеамериканском Соборе был избран главой Американской митрополии в 1950 г., митрополит всея Америки и Канады. Скончался в США. – *Ред.*]

25. Протоиерей А. М. Станиславский; краткие биографические данные и кончина

[Станиславский Алексей Маркианович (1865–23.05.1953), протоиерей, член Собора по избранию как клирик от Харьковской епархии.

В 1886 г. окончил Харьковскую духовную семинарию, сельский священник. Окончил Археологический институт и был инициатором создания в 1913 г. Харьковского епархиального церковно-исторического общества и музея. В течение многих лет был протоиереем Богодуховского кафедрального собора, благочинным церковей Богодуховского уезда, председателем Ревизионного комитета, наблюдателем церковно-приходских школ, депутатом от духовенства в земских собраниях и городской думе. Депутат Государственной Думы III и IV созывов. Член Всеукраинского собора 1918 года и Поместного Собора 1945 г. С 1946 г. консультант при Хозяйственном управлении Синода. С 1948 г. член Пенсионного комитета. – Ред.]

Протоиерей Алексей Маркианович Станиславский последние годы своей долгой жизни состоял настоятелем ряда храмов Москвы.

В 1917 году – участник Всероссийского Съезда духовенства и мирян в Москве; член Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг.; член Всеукраинского Церковного Собора 1918 г.; член Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне; член Архиерейского [Поместного] Церковного Собора 1945 года.

«Все, кто сталкивался с ним по работе, отзываются о нем с искренним уважением, как о человеке, которому чуждо всякое честолюбие, но который отдает все свои силы любимому делу».

В 1922–1923 гг., во время приготовления инсценировки «процесса В. И. Беллавина и др.», – привлекался следственными органами в качестве «свидетеля» по этому «делу».

Последнее место служения о. Алексия – почетное настоятельство храма Покрова Божией Матери, что в Лыщиковом пер., на Землянке.

Скончался 11(24).05.1953 г., 88 лет от роду.

Говорили, что после него остались ценные записи о церковных событиях, свидетелем и участником которых он был.

Некролог и портрет его см.: Ветелев А., проф.-прот. Станиславский А. М., прот. Некролог // ЖМП. 1953. №6. С. 29.

В алфавитном списке членов Собора 1917–1918 гг. о нем сказано:

«483. Станиславский Алексей Маркианович. – Протоиерей, настоятель собора г. Богодухова, член Государственной Думы IV созыва, избран в члены Высшего Церковного Совета. – По избранию. – Клирик от Харьковской епархии. – 52 [лет от роду. – *Сост.*]. – Духовная семинария. – Богодухов, Харьковской епархии...» (Деяния... Кн. 1. Вып. 1.С. 90).

26. «Корниловские дни»

[Имеются в виду дни 25–31 августа (7–13 сентября) 1917 года. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918) 2 марта 1917 г. Государем-императором Николаем II одновременно с отречением от престола был назначен командующим Петроградским военным округом, 7 марта 1917 г. по распоряжению Временного правительства осуществил арест Императрицы Александры Феодоровны и царских детей, находившихся в Царском Селе. Неоднократно предлагал Временному правительству разгонять революционные демонстрации вооруженной силой. Когда исполком Совета РСД возбудил вопрос о контроле распоряжений генерала Корнилова, он подал в отставку с поста командующего военным округом. Вечером 7 июля генерал Корнилов принял командование Юго-Западным фронтом. В тот же день он направил телеграмму Временному правительству о бедственном положении на фронте, где предлагал «введение смертной казни и учреждение военных полевых судов на театре военных действий», в случае отказа применить эту меру «вся ответственность падет на тех, кто словами думает править на тех полях, где царят смерть и позор предательства, малодушие и себялюбие» (*Иоффе Г. З. Белое движение: Генерал Корнилов. М., 1989. С. 78*), не дожидаясь правительственных санкций, вечером того же дня телеграммой отдал приказ привести данные предложения в силу. 9 июля А. Ф. Керенский одобрил все мероприятия Корнилова. 19 июля 1917 г. Л. Г. Корнилов был назначен Верховным Главнокомандующим. Генерал дал согласие принять пост при условии «ответственности перед собственной совестью и всем народом» (там же. С. 83). Л. Г. Корнилов разработал программу стабилизации положения в стране, в основу которой была положена идея необходимости создания «армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников» (там же. С. 88), причем все три надлежало подчинить железной дисциплине. 3 августа Корнилов представил Керенскому вариант программы, который был сочтен чрезмерно резким по

форме, хотя Керенский и выразил согласие с предложенными мерами. С начала августа Корнилов стал перебрасывать к Петрограду верные ему части. 13 августа Корнилов прибыл в Москву для участия в Государственном совещании и был восторженно встречен. 14 августа он выступил на Государственном совещании, где назвал основными причинами развала армии «законодательные меры», принятые после февраля. В заключение подчеркнул, что «нельзя терять ни одной минуты. Нужна решимость и твердое непреклонное проведение намеченных мер» (Государственное совещание. Стенографический отчет. М.-Л., 1930. С. 65–66). В дни Государственного совещания в своем поезде вел конфиденциальные переговоры о предстоящем «выступлении» с лицами, которые могли бы оказаться полезными. После падения Риги 21 августа в ближайшем окружении Корнилова и с его участием стали разрабатываться планы установления в России новой формы правления. Через посредников Корнилов вел переговоры, стремясь добиться мирной передачи ему всей полноты власти. 23 августа приехавший в Ставку представитель Временного правительства сообщил Корнилову, что его предложения правительство одобрило. В ходе бесед Корнилова с представителем правительства 23–24 августа Корнилов указывал, что после подавления «выступления большевиков» должна быть установлена твердая власть, причем не исключалась возможность «единоличной или коллективной» диктатуры «в зависимости от дальнейшего хода событий». Вечером 24 августа было приказано, как только произойдет «выступление большевиков», немедленно занять столицу, обезоружить гарнизон и рабочих и разогнать Совет. В Петроград должны были прибыть части действующей армии. В эти же дни в Ставку к Корнилову прибыл бывший обер-прокурор Св. Синода В.Н. Львов как посредник в переговорах между Корниловым и Керенским (роль В.Н. Львова противоречиво трактуется в источниках и историографии). Львов передал требования Корнилова Керенскому, в таком изложении: 1. Объявить Петроград на военном положении. 2. Передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного

главнокомандующего. 3. Отставка всех министров. Керенский отказался от переговоров и утром 27 августа отправил в Ставку телеграмму, в которой предписывал Корнилову сдать должность Главковерха и прибыть в Петроград. Корнилов не подчинился и утром 28 августа передал по радио заявление: «Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба... убивает армию и потрясает страну внутри» и далее: «Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины... Мне лично ничего не надо кроме сохранения Великой России». Кроме того Корнилов издал ряд распоряжений для осуществления своих планов. Все это стало известно правительству, и Корнилов был объявлен мятежником. План захвата Петрограда провалился, действиями Советов Белоруссии Ставка была отрезана от фронтов. Одновременно армейские комитеты, возглавляемые большевиками, арестовали своих командармов. Были арестованы и другие сторонники Корнилова на фронте и других городах страны. Попытки Корнилова получить под держку не увенчались успехом. 2 сентября он был арестован¹³⁹.

Данные события и отношение к ним Поместного Собора весьма пристрастно были преподнесены лидерами обновленческого движения и советской историографии как безоговорочная поддержка членами Собора контрреволюции, поэтому вкратце коснемся этой темы.

Так Б. Титлинов писал:

«Когда, в последних числах августа, вдруг достигла до Собора весть о выступлении генерала Корнилова, то надо было видеть возбуждение, овладевшее соборными элементами, чтобы с безошибочностью установить соборную ориентацию¹⁴⁰. Тем более что весть была не простая: генерал Корнилов ни больше ни меньше, как слал к Собору своих посланцев и просил соборной поддержки своему предприятию. Обращение весьма лестное для соборных политических упований, заманчиво сулившее Собору ореол политической славы, если бы корниловский замысел удался. Но столь же очевидна была и

рискованность соборного выступления по такому чисто политическому делу. Это значило открыто ринуться в политический водоворот, где от церковного корабля могли остаться одни щепы. Собор переживал поистине драматическую внутреннюю борьбу. Симпатии соборного большинства неудержимо влекли его поддержать Корнилова или хотя как-нибудь выразить ему сочувствие, а осторожность заставляла сначала подумать, прежде чем решиться на открытый шаг. В частных соборных группах оживленно дебатировалось создавшееся положение. Соборяне лихорадочно следили за развитием корниловских действий и жадно ловили всякие слухи об успехах корниловских войск, большею частью искажавшие действительность. После двухдневных колебаний, наконец, назначено было закрытое соборное заседание для общего обсуждения отношения Собора к корниловщине. Но пока Собор раздумывал, выступление Корнилова было ликвидировано. К упомянутому заседанию стало определенно известно, что корниловские отряды остановлены. Временное правительство объявило Корнилова изменником, и что шансов на его победу нет. А на другой день и все было кончено. Собор был избавлен, таким образом, от искушения перейти политический рубикон и остановился на грани рискованного действия. Вопрос был снят, но Собор все-таки откликнулся на события, послав Временному правительству телеграмму, убеждавшую не проливать крови и не увлекаться чувством мести. За этим убеждением скрывалось опасение, высказанное на Соборе, что жизни Корнилова и его ближайших сторонников может угрожать опасность. Собор взывал о милосердии к побежденным, которых ему не пришлось видеть победителями. Но будь они победителями, нельзя сомневаться, что Собор послал бы им самые горячие благословения» (Титлинов Б. Церковь во время революции. С. 69–70).

По словам А. Введенского, один из членов Собора сказал: «Господь уже спас Собор от выступления по поводу корниловщины». «Дело в том, что когда Корнилов устроил свою авантюру, Собор (этого нет в Деяниях Собора, дабы бывшее было не бывшим!) устроил закрытое заседание, носившее явно

контрреволюционный характер. Насколько известно, собравшись в Троице-Сергиевой лавре, в глубокой конспирации¹⁴¹, отцы Собора обдумывали о решительном шаге в смысле призвания Корнилова для спасения все той же любезной сердцу Родины. Думали, что Корнилов будет политическим победителем и полагали, что Церковь поступит очень остроумно, расшаркавшись перед новым властелином. Авантюра Корнилова, однако, рухнула быстро, прежде нежели члены Собора приняли какое-либо определенное решение. Тогда решили сделать вид, что ничего не было» (*Введенский А. И., прот. Церковь и государство. С. 98*).

Забыв сказать, что к Корнилову отправились ближайшие соратники авторов В. Н. Львов и протопресвитер Г. Шавельский, авторы не совсем точно передают события, происходившие на Соборе в те дни.

Этим событиям были посвящены закрытые заседания Собора 30, 31 августа и 1 сентября (Деяния 12, 13, 14) под председательством высокопреосвященного Тихона, митрополита Московского. К сожалению, в архиве Собора не сохранились полные записи этих Деяний и в выпущенных изданиях они не упоминались, в архиве Собора остались только протоколы заседаний, в которых обсуждались «чрезвычайные события, которые происходили в стране». Только с получением возможности работать с архивными материалами Собора удалось восстановить ход этих работ и опубликовать обращения Собора по поводу «переживаемых событий» того времени.

30 августа была образована «Комиссия для составления обращения Священного Собора к Временному правительству по поводу переживаемых событий». В состав Комиссии вошли князь Е. Н. Трубецкой, архиепископы Сергей (Страгородский) и Анастасий (Грибановский), протоиереи П. А. Миртов, П. Н. Лахостский и Н. П. Добронравов и профессор С. Н. Булгаков. 31 августа после обсуждения на заседании Собора была послана телеграмма Временному правительству, в которой говорилось: «Совершив Господу Богу моление об избавлении нашего Отечества от междоусобной брани, Поместный Всероссийский Церковный Собор твердо верит, что внутренняя распря вызвана

небывало скорбными событиями в жизни нашей дорогой Родины, а посему Собор от имени всех православных сынов России, во имя Божие и Христовой любви к ближним призывает победителей щадить жизнь побежденных, ибо никакой кровавой мести не должно быть в настоящей тяжелой междоусобице» (Обзор Деяний. Т. 1. С. 51–52). На следующий день Собор обсудил текст обращения Поместного Собора к Временному правительству, архиепископ Анастасий (Грибановский) разъяснил те соображения, которыми руководствовалась Комиссия при редактировании обращения и князь Е. Н. Трубецкой прочитал текст обращения в следующей редакции:

«Глубоко потрясенный известием об угрожающей Родине братоубийственной войне, Всероссийский Поместный Собор Православной Церкви видит в этом новом испытании новое напоминание о великой ответственности всех русских людей пред Богом и перед Родиной.

Исстари величие Русской Державы защищалось грозной ратью христолюбивого воинства, крепко спаянной внутренним духовным единством и внешней дисциплиной. Сила русского воина заключалась в том святом воодушевлении, которое пробуждалось верою и молитвой, и в беспрекословном подчинении военной власти ради спасения Родины.

Теперь, когда вера русского воина ослаблена соблазнами противных христианству учений и власть русского военачальника подорвана, русское войско перед лицом внешнего врага готово распасться на два враждующих стана. Не со вчерашнего дня началась эта междоусобная распря. За последние месяцы от руки своих же братьев-солдат погибло великое множество офицеров, преданных долгу Родины. Верная своим священным заветам, Церковь Православная не принимает участия в борьбе политических партий. И, однако, ныне, как и в дни священномученика Патриарха Ермогена, она не может оставаться равнодушною зрительницею распада и гибели Родины.

Собор свидетельствует, что упавший воинский дух русской армии может быть восстановлен не прельщением вещественными благами, а только верою Христовой, которая

побуждает к бескорыстным подвигам. Этим создается та дисциплина духа, которой утверждается дисциплина внешняя.

Необходимость восстановления власти военачальников во всей ее полноте неоднократно засвидетельствована вождями русской армии перед лицом всей России. Собор полагает, что пренебрежение этими указаниями уже само по себе служит источником величайшей опасности, ибо оно приводит к отчаянию и создает безысходные столкновения между любовью к Родине и обязанностью повиновения власти. Междоусобие должно быть предотвращено, братоубийство должно быть оставлено окончательно, примирение обоих враждующих станов должно быть полным и прочным. Не должно быть места для недостойных актов кровавой мести. Памятуя о лежащей на нем обязанности служить делу мира во Христе, Собор указывает, что неперенным для того условием должно служить отрешение от односторонних точек зрения класса и партий. Власть должна быть не партийной, а всенародной. А народно-русскою может быть только власть, просветленная верою Христовою.

Несокрушимо веруя, что для спасения Родины требуется Божья помощь и самоотверженная любовь ее сынов, Собор ждет от русской государственной власти тех подвигов этой любви, которые сделают ее достойной благословения Божия» (Обзор деяний. Т. 1. С. 14–15). – *Ред.*].

27. Протоиерей Георгий Спасский

[Спасский Георгий Александрович (1877–16.01.1934), протоиерей, член Собора по избранию от военного и морского духовенства.

Родился в Вильне в семье священника. Окончил Виленскую гимназию, в 1902 г. Московскую Духовную Академию, кандидат богословия. Рукоположен во иерея в 1903 г. Законоучитель в Вильне. До Первой мировой войны был настоятелем церкви Виленского военного училища. В начале войны – главный священник Черноморского флота. В 1917–1920 гг. настоятель собора в Севастополе. Эвакуировался с русским флотом в Бизерту. Эмигрировал. В 1924 г. получил назначение в Париж. Священник Александро-Невского собора в Париже. Умер в Париже во время чтения лекции. – *Ред.*]

28. Обращение петроградского раввината к Собору 1917–1918 гг., ответ на него Председателя Собора митрополита Тихона. Архиепископ Тихон и евреи

30.09.1917 г. Собор, между прочим, заслушивает направленное на его имя обращение петроградского раввината по поводу кощунственного осквернения синагог со стороны русских солдат-безбожников.

Это заявление, предварительно рассмотренное Соборным Советом, поступает затем на обсуждение пленарного присутствия Собора.

Поскольку раввинат просит Собор «остановить свое внимание на» изложенных в обращении «печальных явлениях и употребить свой могучий авторитет для внедрения путем особого послания в сознании русского воинства должного уважения к иноверным святыням», Собор поручает Председателю, митрополиту Московскому и Коломенскому Тихону, обратиться с нарочитым посланием к верховному главнокомандующему А. Ф. Керенскому с просьбой о принятии мер к предупреждению в дальнейшем разгрома войсками еврейских святынь.

Митрополит Тихон, во исполнение этого Соборного поручения обращается с соответствующим письмом к А. Ф. Керенскому:

[«Петроградский еврейский раввинат письмом, копию коего при сем препровождаю, уведомил меня, для доклада Всероссийскому Церковному Собору, о печальных явлениях кощунства и надругательств, чинимых нашими войсками на фронте и в тылу над еврейскими храмами и святынями. Заслушав с глубокой скорбью сообщение Петроградского раввината, Всероссийский Церковный Собор поручил мне просить Вас, как Министра-Председателя и Верховного Главнокомандующего, принять все зависящие от Вас меры к предупреждению повторения в армии подобных указанных явлений, позорящих высокое звание русского воина, налагающих несмываемое позорное пятно на всю армию.

Одновременно с этим Собор приказывает военному и прочему, обслуживающему воинские части, духовенству в проповедях и беседах разъяснять воинам преступность кощунства, а также всяких насмешек и глумлений над чужими верованиями, к каким бы религиям они ни относились» (Деяния. Кн. 2. С. 129). – *Ред.*]

Здесь уместно отметить, что изложенное является прекрасной правдивой иллюстрацией действительного, а не вымышленного отношения Православного сознания к инородцам и иноверцам, вполне изобличающей организованную систематическую клевету врагов Церкви, заведомо лживо изображающих духовенство как якобы гонителей иноверия (а особенно еврейства) в России.

В ответ на эти гнусные инсинуации можно привести множество известнейших фактов, не только совершенно реабилитирующих наше Православное пастырство, но даже красноречиво говорящих о совершенно противоположном...

И – прежде всего – следует упомянуть о нарочитом послании Святейшего Патриарха Тихона в защиту евреев от грозивших им (и уже начинавшихся по местам) погромов.

Убедительно говорят за себя и приводимые ниже сообщения об отношении еврейского населения западных окраин России к архиепископу Тихону в период управления им Виленской и Литовской епархией (1914–1917 гг.).

Так, например, при очередном объезде им своей епархии, имели место следующие его встречи с еврейским населением:

а) В г. Вилейке «при проезде Владыки на квартиру в дом благочинного священника Мироновича, на площади встретило Владыку с хлебом-солью местное еврейское общество. Владыка беседовал с представителями общества и благодарил за поднесенную хлеб-соль» (Первое обозрение Высокопреосвященнейшим Тихоном Литовской епархии // Вестник Виленского Свято-Духовского Братства. 1914. №13. С. 291).

б) «В Глубоком Владыку приветствовало с хлебом-солью местное мещанское общество и депутация от евреев...» (там же).

в) В Свенцянах, при проезде Владыки на вокзал, «на городской площади поднесло хлеб-соль Свенцянское еврейское мещанское общество» (там же).

г) В местечке Молодечно «на обратном пути из семинарии, встретило Владыку на площади еврейское мещанское общество во главе с раввином, который, поднеся тору, хлеб-соль, глубоко приветствовал прибытие Владыки в Молодечно» (там же. С. 292).

д) Из Рауданского замка под Ковно Владыка по Неману прибывает в местечко Юрбург. Здесь «при выходе с пристани Его Высокопреосвященству представителями крестьянского населения и еврейского общества были принесены с подобающим приветствием хлеб-соль» (там же).

е) После совершения всенощного бдения в г. Ошмяны «тысячная толпа Православных, католиков и евреев провожала отъезд Владыки из местечка, расположенного живописно на небольших холмах» (там же).

ж) «При въезде Владыки архиепископа Тихона в местечко Крево, под аркою, нарочито устроенною, был поднесен хлеб-соль Кревским волостным правлением, а затем еврейским обществом» (там же).

з) «Отравились на лошадях в местечко Боруны. По дороге, на полпуга, в местечке Жупранах, еврейское общество встретило Владыку с хлебом-солью и приветственной речью раввина. Владыка благодарил за встречу, призвав на общество благословение Иеговы – Бога Авраама, Исаака и Иакова, затем направился дальше в Боруны» (там же) и т. д., и т. д.

Приведем примеры из опыта других архипастырей.

Холм. «Добежала до нас весть о погромах в Седлеце, в Белостоке... – весть страшная, угрожающая поджечь и у нас темные страсти. Холм полон пороку – много учащейся молодежи и состав ее смешанный: евреи, поляки, русские; в те дни всеобщего возбуждения, национальное чувство у всех обострилось, атмосфера накалилась...

Еврейское население направило ко мне делегацию.

– Используйте ваше влияние, помогите, чтобы погрома не было, – просили меня делегаты.

– Дайте слово, что ваша еврейская молодежь не выйдет на улицу, – сказал я.

Условие было выполнено, и погрома у нас не было. Впоследствии, когда я покидал Холмскую кафедру, эта же делегация, в благодарность за мое вмешательство поднесла мне Библию (Ветхий Завет) на пергаменте, с серебряными крышками» (*Евлогий, митр.* С. 159).

Другой пример: «На первой странице 3 номера (10–23.1.1960) [официального органа Болгарской Православной Церкви «Църковен Вестник». – *Сост.*] – заявление Его Святейшества Патриарха Кирилла [Маркова] по поводу новых проявлений антисемитизма. Патриарх Кирилл напоминает в своем заявлении, что Болгарская Православная Церковь, исходя из христианских убеждений, протестовала против антисемитизма еще до второй мировой войны, и сам он – в то время митрополит Пловдивский – выступал с открытой защитой преследуемых евреев в г. Пловдиве» (*Карманов Е. «Църковен Вестник» №1–6, 1960 (Орган Болгарской Православной Церкви) // ЖМП. 1960, №4. С. 77–78).*

Еще пример: В «Прибавлениях» к «Церковным ведомостям» за 1906 г., №7, с. 341, опубликовано письмо местных евреев к архиепископу Херсонскому, с благодарностью за заступничество русского духовенства во время еврейского погрома в городе Вознесенске.

Еще пример:

При проводах из Ярославля архиепископа Димитрия [Муретова], «на устроенном в честь его прощальном обеде, кроме епархиального духовенства и многочисленных гостей, присутствовали представители и других вероисповеданий: католический епископ, протестантский пастор, англиканский пресвитер и раввин. Местная еврейская община преподнесла ему Ветхий Завет на еврейском языке с надписью на еврейском и русском языках: „Уста праведника изрекают премудрость, и язык его произносит правду. Закон Бога его в сердце у него; не поколеблются стопы его” (Пс.36:30–31).

Чем же архиепископ Димитрий [Муретов] снискал к себе такое расположение...» и т. д. (Талин В. Архиепископ

Херсонский и Одесский Димитрий // ЖМП. 1965. №10. С. 66).

В марте месяце 1917 года на юге России поднялась было сильная волна за устройство еврейских погромов. В связи с этим, в защиту евреев, киевское духовенство издало специальное воззвание. Одновременно архиепископ Херсонский Назарий [Кириллов] по этому же поводу издал архипастырское воззвание к православному населению об умиротворении; против братоубийства и царящей в крае злобы (подробнее о сем, см.: Епархиальная жизнь: К предотвращению еврейских погромов // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №3. С. 4).

В Прибавлениях к «Церковным ведомостям» за 1903 г. № 20, с. 768–769, напечатана статья всемирно известного протоиерея Иоанна Сергиева – «Кронштадтского», озаглавленная «Мои мысли по поводу насилий христиан над евреями в Кишиневе», в которой маститый и чтимый народом пастырь выражает резкое осуждение погромам с церковно-христианской точки зрения.

Как мы уже упомянули выше, в духе искренней лояльности к иудейству высказывался в одном из своих ранних посланий и Святейший Патриарх Тихон.

«Что касается Победоносцева, то он также был противником погромов: юрист в нем пересилил антисемита, и он не мог одобрить дикой расправы наэлектризованной толпы с беззащитными людьми, массовых избиений, грабежей и убийств.

В одном из писем царю Победоносцев протестует против погромных статей Харьковской газеты „Южный Край” и заявляет, что „священники не могут своими проповедями предотвратить еврейские погромы, если правительственная пресса будет возбуждать народ против евреев”¹⁴².

Высшее духовенство также отрицательно относилось к антисемитской кампании „Нового времени”. Архиепископ Харьковский Амвросий [Ключарев] неоднократно выступал в защиту евреев, чем вызывал крайнее неудовольствие А.С. Суворина.

В 1890 году архиепископу Херсонскому и Одесскому Никанору [Бровковичу] однажды доложили (это было за несколько месяцев до его смерти), что его хочет видеть редактор местного одесского антисемитского листка.

– Что ему нужно? Я травлей евреев не занимаюсь, – сказал Преосвященный...» (Левитин А., Шавров В., Победоносцевщина... Рукопись.!?).

И, наконец, окончим эту нашу заметку двумя еврейскими свидетельствами в пользу Православного духовенства (о чем пусть зарубят себе на носу наши современные клеветники-«безбожники»):

1. Свидетельство еврейского историка:

«К чести Русского духовенства, оно сразу выступило против погромов. Даже враждебно настроенный по отношению к Православной Церкви еврейский историк С. М. Дубнов признает, что духовенство в 1881 году удерживало народ от погромов¹⁴³.

„В деревнях, – говорит он, – священники с трудом убедили крестьян, что приказа бить жидов не было”...» (там же).

2. Свидетельство еврея Гуровича, защитника митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина [Казанского] на известном процессе петроградских «Церковников» в 1922 году:

«Русское духовенство [...] – плоть от плоти и кость от костей русского народа [кстати сказать: мысль А. М. Горького. – *Сост.*] [...] В дни процесса Бейлиса именно духовенство было против процесса. Эксперты свящ. А. Глаголев и проф. Духовной Академии Троицкий решительно отвергли употребление евреями христианской крови. „Я, – говорил Гурович, – еврей, счастлив и горд засвидетельствовать, что еврейство всего мира питает уважение к русскому духовенству и всегда будет благодарно последнему за позицию, занятую русским духовенством в деле Бейлиса”» (Левитин А., Шавров В. Очерки... С. 203. и др., рукописные, отчеты о Петроградском процессе. [О петроградском процессе см.: Коняев Н. Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский (документальное повествование). СПб., 1997. «Дело»

митрополита Вениамина: (Петроград, 1922 г.). М.: Студия «ТРИТЭ», Российский архив, 1991.– Ред.]).

А в виде концовки послушаем, что пишут изолгавшиеся от злобы мракобесы от «научного атеизма», работающие под девизом: «Кашу маслом не испортишь».

Так, говоря о деле Бейлиса, некий специалист по церковным вопросам, какой-то Е. Ф. Грекулов, с деланным апломбом разъясняет своим невеждам-читателям:

«Бейлиса дело – провокационный судебный процесс, организованный царскими властями и православными церковниками в Киеве в 1913 г. над приказчиком кирпичного завода Менделем Бейлисом по ложному обвинению в убийстве христианского мальчика Андрея Ющинского [...]

[Дело Бейлиса. – *Сост.*] было одним из ярких проявлений погромной политики царского правительства и православного духовенства [...] разжигавших антисемитизм [...] Более двух лет, пока продолжалось следствие по Б.д. [= Бейлиса делу. – *Сост.*], церковники вели клеветническую кампанию, направленную против евреев [очевидно, способами, приведенными у нас выше! – *Сост.*], разжигали национальную и религиозную рознь [...] В связи с массовыми протестами против процесса Бейлис был по суду оправдан [вот тебе и «церковники»-клеветники!? – *Сост.*]. Однако и после провала Б.д. церковники продолжали разжигать национально-религиозную вражду в стране...» (Краткий научно-атеистический словарь. С. 66–67).

Воистину: заставь дурака Богу молиться!., и пр.

После таких «научно-атеистических» сообщений остается – для блага Церкви – пожелать лишь одного: чтобы их было побольше и по-«научнее»!

29. Нечто об архиепископе Феофане (Быстрове)

Архиепископ Феофан – в миру Быстров Василий Дмитриевич, родился в Санкт-Петербургской епархии в 1872 г. В 1892 – окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию; 1896 – окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию; 1897 – доцент Санкт-Петербургской Духовной Академии; 1898 – пострижен в мантию, иеродиакон, иеромонах; 1901 – инспектор Санкт-Петербургской Духовной семинарии, архимандрит; 1905 – магистр богословия, экстраординарный профессор; 1901–1909 – инспектор и, в 1909–1910 – ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии.

22.02.1909 г. в Санкт-Петербурге хиротонисан во епископа.

Занимал следующие кафедры: 1909–1910 Ямбургскую; 1910–1912 Симферопольскую и Таврическую; 1912–1914 Астраханскую и Енотаевскую; 1914–1919 Полтавскую и Переяславскую. С 1919 – в эмиграции, где и скончался.

По свидетельству современника, архиепископ Феофан «когда наступила революция [...] вместе с многими из нас ушел в эмиграцию. Жил в Болгарии, Югославии; а потом переехал во Францию [...]

Потом немцы вступили во Францию, и он со многими убежал в г. Турна юго-западнее от Парижа и тут умер.

Это было, вероятно, в 1940 году... [Владыка Феофан скончался 19.02.1940 в г. Лиммерэ (Франция). – Ред.]

Следовательно, ему [было. – Сост.] в то время [1872–1940] – около шестидесяти восьми лет» (Вениамин Федченков, митр. Записки архиерея. С. 426).

В связи с его кончиною в московских церковных кругах говорили, что умер он в результате психического заболевания, возникшего у него будто бы на почве неотвязчивой идеи о том, что в свое время он ввел Распутина во дворец и тем «погубил Романовых и Россию».

Тогда же передавали, что множество оставшихся после него научно-богословских рукописей приобрела Московская Патриархия.

В тех же «Записках архиерея» приведены о нем еще следующие любопытные сообщения.

Василий Димитриевич Быстров «перед постригом [...] пришел за разрешением к митрополиту Антонию Вадковскому. Тот, между прочим, задал ему вопрос:

– Какое имя хотели бы вы получить при постриге?

Известно, что монахам обычно меняют имена, в знак новой жизни; нередко дают имя, начинающееся с той же начальной буквы; но в нашей [Санкт-Петербургской. – *Сост.*] Академии этого обычая не придерживались.

Василий Димитриевич ответил митрополиту:

– Я желал бы начать монашество с отречения от своей воли.

– Хорошо! – улыбнулся ему митрополит Антоний [Вадковский], – так вот вам первое послушание: скажите, какое имя вы хотели бы получить?

Пойманный Василий Димитриевич сказал:

– Если можно, мне хотелось бы назваться Феофаном, в честь епископа Феофана [Говорова] Затворника.

А епископ Феофан Затворник умер 4 года тому назад.

И это имя дано было новопостригаемому...» (там же. С. 386–387).

И еще.«Вспоминаю [пишет автор «Записок». – *Сост.*] про смерть моего брата Михаила – в японскую войну (1905 г.). Это меня весьма расстроило. В слезах я пошел к епископу Феофану... Рассказываю плача. А он, поджав рукой правую щеку, сострадательно молчит, не говоря ни слова. Так и промолчал до конца моего посещения... А я – утешился и поехал домой утешать мать» (там же. С. 422).

30. Грузинская «автокефалия» и архиепископ Димитрий (Абашидзе)

Памяти архиепископа Симферопольского и Таврического Димитрия (Абашидзе) следует воздать сугубые «честь и поклонение», т. к. в 1917 году он оказался единственным архиереем-грузином, не изменившим архиерейской присяге и оставшимся верным своей Матери-Церкви Российской.

Его церковное самосознание до конца дней весьма продолжительной жизни оставалось идеально чистым и принципиальным; не поврежденным «автокефально»-шовинистическим маразмом.

Он умер в Киеве, как подвижник благочестия и старец-духовник, облеченный в великий Ангельский образ-схиму; известный под именем схиархиепископа Антония.

В те годы, и особенно на Соборе 1917–1918 гг., он всегда подчеркивал свою принципиальную несолидарность с грузинскими церковными авантюристами, изменниками Церкви, типа Кириона (Садзагелли)¹⁴⁴, Леонида (Окропиридзе), протоиерея Цинцадзе (впоследствии «Католикос» Каллистрат) и им подобными – духовными потомками грузинских церковных бандитов и убийц...

И чтобы облик доблестного владыки Димитрия еще контрастнее обрисовался в сознании читателя, следует, в самых кратких речениях, привести на память события тех дней, разыгравшиеся в грузинском Экзархате Русской Православной Церкви.

12.03.1917 г., воспользовавшись только что происшедшим крушением самодержавия в России, грузинские шовинисты (церковные и светские), явочным порядком объявляют антиканоничую «автокефалию» своей Церкви, т. е. Грузинского Экзархата. Подробности этого вопиющего по своей дерзости и первого по времени церковного бесчиния, наглядно изложены в содержательной (хотя небольшой по объему) брошюре священника Тифлисского военного собора, о. Владимира Егорова, – тогда же изданной Московской Синодальной

типографией под заглавием: «К истории провозглашения грузинами автокефалии своей церкви в 1917 году».

В ней приводится ряд важных документов, относящихся к моменту возникновения и к первоначальной организационной стадии этого церковного бунта, причем бунта коварного и трусливого, ибо, когда Русская Церковь, находившаяся под опекою царизма, затрачивала миллионные средства на поддержание Православия в Закавказье и на бесконечную реставрацию церковно-археологических памятников в Грузии за счет dobroхотных даяний благочестивого русского народа, – грузинские церковные хулиганы воспринимали это как должное (памятуя еще и о нагайке урядника!). А как только нагайка исчезла, они немедленно всадили давно отточенный нож в спину своей Матери-Церкви, в ответ на все благодеяния, которые Она источала им в течение ста лет!

По всем сохранившимся высказываниям и документам того времени, исходившим от Православной Русской Церкви в лице Ее высшего священноначалия, можно сделать вполне обоснованное заключение лишь о благожелательстве Ее к разрешению в положительном смысле (в более или менее близком будущем) притязаний грузин на автокефальное существование их Церкви но – конечно – при обязательном условии соблюдения всех канонических норм, предусмотренных на этот случай всей предшествовавшей Вселенской церковно-исторической практикой. И не один раз русские иерархи высказывались со всей ясностью в этом смысле.

Именно такую позицию в решении этого вопроса занимал Святейший Патриарх Всероссийский Тихон (и до, и после революции), что, впрочем, с исчерпывающей полнотой явствует из смысла и духа его известного послания, изданного по этому поводу.

Однако грузинские церковные бесчинники и меньшевистские политиканы, в своих наглых и нетерпеливых домогательствах последовали иным путем.

Отрезвляющее, отеческое по духу, послание Святейшего Патриарха Тихона не произвело на них никакого впечатления и не пробудило канонического сознания в их усердствующих не по

разуму и не в меру горячих, но канонически не очень содержательных, головах. Это известное Патриаршее послание (от 29.12.1917–11.1.1918 г.)¹⁴⁵ не привело к желательному разрешению вопроса и – в качестве ответа – вызвало лишь дерзкое послание так называемого «Католикоса» Леонида [Окропиридзе], – одного из самых ретивых и наглых вожakov произведенного самоуправства (разбойничьи «подвиги» его неплохо отображены в вышеуказанной брошюре священника Владимира Егорова). Это ответное послание крамольников и канонических преступников Грузинского Экзархата окончательно разорвало единство Русской Церкви с Ее южной окраиной, в прошлом многократно спасаемой чадами Русской Церкви – русскими солдатами от истребления со стороны турецко-персидских завоевателей.

Но старая хлеб-соль забывается и – в этом отношении – грузинские автокефалисты и шовинисты не проявили ни на йоту оригинальности; послание Леонида (Окропиридзе) явилось последним плевком неблагодарной Грузии в чело Матери-Церкви, призывавшей их к последнему любовному разрешению созданного ими тяжелого конфликта.

Не говорим уже о том, что общецерковное единение было особенно необходимо в первые революционные годы...

В результате – полный разрыв между Грузинской и Русской Церквями в нашей стране длился более двадцати пяти лет...

И вот, кое-как, с грехом пополам и также, конечно, с полным игнорированием требований канонических норм и не без значительной доли угождения «мирским начальникам», – по личной инициативе без меры «гибкого» Патриарха Сергия (Страгородского), в 1944 году был, наконец, провозглашен «худой мир» с грузинскими церковными мятежниками, в явный ущерб престижа Русской Церкви, отринутого во имя эфемерных принципов всепокрывающей любви...

Говорим: эфемерных, так как здесь дело касалось прощения не какой-либо личной обиды, а злостных действий нарушителей церковных канонов и явных раздирателей хитона Христова – единства Церкви! (И кстати отметим здесь, что ни о какой «всепокрывающей любви» Патриарх Сергей ни разу не

обмолвился во всей своей обширной, многолетней полемической переписке с нашими многочисленными иерархами-исповедниками, ратовавшими – пусть неумело – до уз и смерти за единство и чистоту канонического строя нашей Церкви!..)

Под тягучим соусом церковной икономии Патриарх Сергей, в 1944 году, вместо новой попытки канонического разрешения созданного не по вине нашей Церкви тяжелого конфликта, раскрыл свои слишком широкие «отчия объятия» грузинским церковным мятежникам, невольно порождая мысль о некоей компенсации этими объятиями за кремлевскую «благодарность» и санкцию в деле реставрации русского Патриаршества осенью 1943 года.

А между тем этот не в меру добрый наш Первосвятитель был современником и свидетелем чрезвычайных кровавых бесчинств, совершавшихся в недалеком прошлом теми же самыми грузинскими крамольниками, оказавшимися столь любезными ему в 1944 году.

Приводим некоторые справки из забытой печати.

Так, 5.06.1896 года, в Тифлисе, грузины убивают члена Грузино-Имеретинской Синодальной Конторы, архимандрита Николая (в миру Иосифа Симонова), игравшего – видно – не в ту дудку, в какую грузинам хотелось бы...

2.06.1906 года, в Санкт-Петербурге, в заседании II Отдела высочайше утвержденного Присутствия при Святейшем Синоде, для разработки подлежащих рассмотрению на Поместном Соборе вопросов, по вопросу об устройении церковных дел на Кавказе, зачитывается, между прочим, один из докладов епископа Сухумского Кириона (Садзегелли): «Что вынуждает грузин добиваться восстановления автокефалии грузинской Церкви», в котором – кстати говоря – епископ Алеутский Тихон характеризуется как один из гуманных святителей Русской Церкви, объективно относящихся к вопросу о восстановлении автокефалии Грузинской Церкви (!!).

Обсуждение вопроса об устройении церковных дел на Кавказе («автокефалия» и проч.) продолжается в течение длительного времени. В нем принимают участие – архиепископ

Виленский и Литовский Никандр [Молчанов] – Председатель, епископ Могилевский и Мстиславский Стефан [Архангельский], епископ Сухумский Кирион [Садзагелли; грузин], епископ Горийский Евфимий [Елиев; грузин]. Протоиереи: И. И. Восторгов, Т.И. Буткевич, Ф.И. Титов, профессора: И.С. Бердников М.А. Остроумов, А.И. Алмазов, В.З. Завитневич, Н.Н. Глубоковский, И.И. Соколов, А.И. Бриллиантов и П.Б. Мансуров.

Лживые утверждения и наглые требования грузинских самочинников в отношении Православной Русской Церкви, неизменно в продолжение 100-летнего периода времени благодетельствовавшей грузинам, изложенные в отзыве епископа Леонида [Окропиридзе], справедливо квалифицируются как «обливание Русской Церкви ушатом помоев» (епископ Стефан Архангельский).

«Что же касается отзыва Преосвященного Леонида [Окропиридзе] то, действительно здесь Русская Церковь обливается грязью» (проф. В.З. Завитневич) (Церковные ведомости. Приложение. 1906. №47. С. 24).

(Для объективного суждения о развитии «автокефальных» тенденций грузин и подлинного отношения к этому вопросу со стороны Русской Церкви, – чрезвычайно полезно подробное ознакомление с протоколами Предсоборного Присутствия, полностью публиковавшимися в церковной официальной печати тех лет.)

Наконец, даже в ответ на неслыханное в истории преступление грузинских церковных негодяев, обогривших свои подлые души кровью своего Первосвятителя-Экзарха, – Русская Православная Церковь проявляет максимум долготерпения и незлобия.

Правда, в августе 1909 года, в ответ на коварное убийство из-за угла Экзарха Грузии, архиепископа Карталинского и Кахетинского Никона (Софийского) и систематический террор и насилия над русским духовенством со стороны грузинских шовинистов, – в руководящих кругах Святейшего Правительствующего Синода созревает очень правильная мысль о необходимости ликвидации грузинского Экзархата вообще и дальнейшем управлении кавказскими епархиями в

обычном порядке – но, к сожалению, далее предположений – в этом отношении – дело не пошло, и все осталось по-старому.

«Проект исходит из таких мотивов. Признавая убийство Экзарха Никона не частичным проявлением революционного террора одной политической группы, а считая его делом всего грузинского народа, применяющего даже Церковь в качестве орудия политической борьбы за автономию окраины», авторы проекта приходят к выводу о необходимости ликвидации крамольного Экзархата (Иноепархиальные сведения // Ярославские епархиальные ведомости. 1909. №33. С. 667).

Но – повторяем – все эти проекты так и остались на бумаге...

Итак, на фоне этого грязного и кровавого пути, по которому направлялись к своей цели грузинские «автокефалисты», лишь один святитель-грузин остался чистым и незапятнанным в своей верности долгу и преданности Матери-Церкви.

Это архиепископ Таврический Димитрий [Абашидзе] и – отсюда – да будет память его, как «память праведного с похвалами»!

[Антоний (князь Абашидзе Давид Ильич, архиепископ Димитрий; 12.10.1867–01.11.1942), схиархиепископ. В 1891 г. окончил Новороссийский Императорский университет, пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона. В 1896 г. окончил Киевскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, рукоположен в иеромонаха, преподаватель Тифлисской духовной семинарии. В 1902 г. хиротонисан во епископа Алаведдинского, викария Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии. С 1903 г. епископ Гурийско-Мингрельский. С 1905 г. епископ Балтский, викарий Полоцкой епархии. В 1906 г. епископ Туркестанский и Ташкентский. С 1912 г. Таврический и Симферопольский. В начале Первой мировой войны священник Черноморской эскадры. С 1915 г. архиепископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1921 г. на покое. В 1923 г. арестован ГПУ, заключен в тюрьму г. Севастополя. Выслан из пределов Крыма. В 1928 г. пострижен в великую схиму. С 1929 г. проживал на частных квартирах в г. Киеве. В 1930 г. арестован в Киеве с запрещением проживания в крупных городах СССР В

1933 г. арестован и приговорен к 5 годам концлагеря (условно). С 1933 г. пребывал в полузатворе, старчествовал. Скончался в Киево-Печерской лавре, где и погребен. См.: Марущак Василий, протодиакон. Архиепископ Димитрий, в схиме Антоний (Абашидзе). Жизнеописание. Слова, воззвания и письма. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. – *Ред.*]

31. Митрополит Нестор (Анисимов)

[Нестор (Анисимов Николай Александрович; 09.11.1884–09.12.1959), митрополит, член Св. Собора 1917–1918 гг.

Окончил Казанское реальное училище, поступил на миссионерские курсы при Казанской Духовной Академии по калмыцко-монгольскому отделению, послушник Казанского Спасо-Преображенского монастыря. В 1906 г. окончил миссионерские курсы. С 1907 г. иеромонах. В 1907 г. по благословению св. прав. Иоанна Кронштадтского отправился миссионером на Камчатку, заведовал Карякской духовной миссией. Изучив на Камчатке тунгусский, корякский, эвенкский языки, перевел литургию, частично Евангелие, составил ряд пособий. В 1909 г. в связи с заболеванием цингой получил отпуск в Москву. В 1910 г. обратился в Св. Синод с просьбой об открытии на Камчатке Православной миссии, в том же году Синод постановил открыть на Камчатке два миссионерских стана, в 1911 г. было принято постановление об учреждении Камчатской миссии, в 1912 г. иеромонах Нестор был назначен ее начальником. В 1914 г. возведен в сан игумена. В 1914–1915 гг. добровольно отправился на фронт, организовав санитарный отряд «Первая помощь под огнем врага». Руководил отрядом на передовых позициях, за что имел боевые награды, среди которых наперсный крест на Георгиевской ленте. В 1915 г. возведен в сан архимандрита, прибыл в Петропавловск Камчатский, чтобы продолжить дело Камчатской духовной миссии. 16.10.1916 хиротонисан во епископа Камчатского и Петропавловского. В 1917–1918 гг. принимал участие в Священном Соборе, в конце 1917 г. по поручению Св. Собора написал и опубликовал брошюру «Расстрел Московского Кремля» с фотоснимками разрушенных кремлевских святынь. В ночь на 1 марта 1918 г. (н. ст.) был арестован., препровожден в Таганскую тюрьму, а 2 марта 1918 г. переведен в Новоспасский монастырь. 2 марта было проведено заседание Св. Собора, посвященное аресту епископа Нестора. 25 марта по ходатайству Собора был освобожден. По окончании Собора

выехал в Киев с посланием Патриарха Тихона к митрополиту Киевскому и Галицкому Антонию (Храповицкому) и к Патриархам Александрийскому и Иерусалимскому. В начале 1919 г. покидает Киев, добирается до Одессы, а затем и Крыма. Духовник Императрицы Марии Феодоровны, Великого князя Николая Николаевича. 26.03. 1919 с членами императорской фамилии отплыл в Константинополь. Совершив кругосветное путешествие, добрался до Владивостока, откуда на Камчатку, где было небольшевистское правительство, однако в связи с восстанием не смог попасть в Петропавловск. В сентябре 1919 г. прибыл в Омск, где обосновалось Временное высшее церковное управление во главе с архиепископом Сильвестром (Ольшевским). В 1919 г. был командирован в распоряжение военных властей под руководством адмирала А. В. Колчака для священно- служения и проповеди в казачьих войсках. В конце 1919 г. выехал на Камчатку. В 1920 г., когда большевики взяли Петропавловск, последним паромом выехал из Усть-Камчатска. Летом 1921 г. оказывается в Харбине, служил в Иверском и других храмах Харбина. 31.05.1929 указом митрополита Сергия (Страгородского) был принят в состав Московской Патриархии. В 1933 г. был возведен в сан архиепископа Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви Заграницей. В 1934 г. в числе прочих архиереев «Карловацкой группы» подлежал запрещению постановлением Патриаршего Местоблюстителя и при нем Патриаршего Синода. В 1937 г. опубликовал труд «Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира». В 1937 г. покидает Харбин. В 1938 г. принимает участие в Соборе Русской Православной Церкви Заграницей в Югославии. С 1938 г. работает в Маламбарской духовной миссии в Индии. В июне 1945 г. архиепископ Нестор первым из Харбинских архиереев стал помянуть Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия. 27.12.1945 на заседание Священного Синода было постановлено считать архиепископа Нестора воссоединенным с Русской Православной Церковью, назначен управлять Восточно-Азиатским митрополичьим округом. 5.06.1946 назначен Экзархом Московской Патриархии в Восточной Азии с

возведением в сан митрополита. 14.06.1948 арестован в Харбине, перевезен в Читу, где содержался в тюрьме, затем перевезен в Москву во Внутреннюю тюрьму на Лубянке. 25.12.1948 приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере.. 27.12.1957 освобожден. С 1956 г. митрополит Новосибирский и Барнаульский. В 1958 г. временно управляющий Кировоградской и Николаевской епархией. 8.09.1958 уволен на покой (поводом для увольнения было спровоцированное властями волнение прихожан). Скончался в 1 градской больнице Москвы.

Более подробно о митрополите Несторе см.: Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). В 2 т. / Авт.-сост. О. В. Косик. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2005. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви) / Редкол.: проф.-прот. В. Воробьев (гл. ред.) и др.). – *Ред.*]

32. Делегация Собора в Пермь для выявления обстоятельств гибели архиепископа Андроника (Никольского)

[8(21) августа 1918 г. на Соборе (Деяние 147) было зачитано постановление Патриарха Тихона и Синода от 4/17 августа 1918 г. о том, что в Пермь для выяснения обстоятельств ареста архиепископа Андроника (Никольского), вместо епископа Серафима (Александрова) и Н. Г. Малыгина, поедут архиепископ Василий (Богоявленский) и А. Д. Зверев. В Перми к ним присоединился архимандрит Матфей (Померанцев). Правительство дало разрешение на расследование Комиссией обстоятельств гибели архиепископа Андроника и даже предоставила ей отдельный вагон. Расследование убийства было произведено, но на обратном пути в Москву между Пермью и Вяткой в вагон ворвались красноармейцы и убили членов Комиссии, расстреляв и убив шашками, а тела выбросили из вагона. Материалы расследования, а также значительная сумма денег, собранная на нужды Собора исчезли. Местные крестьяне похоронили тела мучеников, и к их могиле начались паломничества, тогда большевики вскрыли могилу и тела сожгли. Об обстоятельствах гибели Комиссии на Соборе ничего не было известно, об их судьбе пытались выяснить члены Соборного Совета после закрытия Собора. Члены Комиссии архиепископ Василий (Богоявленский), архимандрит Матфей (Померанцев) и Александр (Зверев) причислены к лику святых в 2000 г. – *Ред.*]

33. Архимандрит Кронид (Любимов) о пребывании святителя Тихона в Троице-Сергиевой Лавре

[О пребывании в Лавре митрополита Тихона перед интронизацией изложено в отчете наместника Лавры, члена Собора, священномученика Кронида (Любимова), здесь же приводятся воспоминания архимандрита Кронида о Святейшем Патриархе Тихоне.

Преподобномученик архимандрит Кронид (Любимов Константин Петрович, 1858–10.12.1937), наместник Лавры с января 1915 г. до ее закрытия в ноябре 1919 г. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. Был насильно удален в Гефсиманский скит 26.01.1920 г. – на второй день работы «Ликвидационной комиссии». После закрытия Лавры 17 лет жил в Загорске. В 1937 г. архимандрита Кронида, уже слепого восьмидесятилетнего старика, арестовали и две недели спустя расстреляли в поселке Бутово Московской области. Причислен к лику святых в 2000 г.

Краткое описание пребывания Святейшего Патриарха Тихона в Сергиевой Лавре с 7 по 19 ноября 1917 г.

Высокопреосвященнейший митрополит Тихон, нареченный в Патриарха города Москвы и всея России, выехал из Москвы в обитель Преподобного Сергия в сопровождении отца наместника Лавры архимандрита Кронида и члена Всероссийского Собора протоиерея П. Н. Лахостского 7 ноября в 2 часа 10 минут пополудни и прибыл в Лавру в 4 часа 30 минут.

На вокзале в Сергиевом посаде Высокопреосвященнейший Владыка был встречен благочинным Лавры. При полном звоне Лаврских колоколов прибыл в обитель к Скорбященской паперти при Троицком Соборе, где и встречен был ранее прибывшим с вокзала наместником Лавры архимандритом Кронидом со всею старшею братиею в облачении и святою водою. Нареченный Патриарх, окропив себя святою водою, прошел к царским вратам Собора и, приложившись к местному чудотворному образу Святой Троицы и Богоматери, направился к раке святых

мощей Преподобного Сергия. Склонившись на колена, он долго молился пред ракою и, приложившись к святым мощам, выслушал краткий молебен Преподобному Сергию. После молебна он подошел к царским вратам и преподал стоящей в Соборе братии и всему народу общее архипастырское благословение. Певчие пропели «исполла эти деспота».

Наместник Лавры, держа в руках святую икону «Явление Богоматери Преподобному Сергию», сказал нареченному Патриарху краткую приветственную речь, после которой вручил икону Владыке. Приняв святую икону, Владыка в свою очередь сказал прочувствованную речь, в которой благодарил братию и народ за радушный прием.

После сего нареченный Патриарх, благословив братию и народ каждого в отдельности, прошел в часовню трех мощей и храм Преподобного Никона. Из сего храма Владыка направился в свои покои для пребывания в Лавре. В 6 часов вечера Владыка прибыл в Троицкий собор ко всенощной, выходил на величание Архангелу Михаилу и на другой день служил литургию.

9, 10 а также 13, 14 и 15 ноября он ежедневно посещал все церковные богослужения в Троицком Соборе.

11 ноября, в день памяти кончины митрополита Московского Платона, нареченный Патриарх Тихон отправился в Вифанию, где присутствовал за заупокойной литургией, которую совершал наместник Лавры со старшею братиею монастыря. По окончании обедни Владыка, облачившись, вышел для служения панихиды по митрополите Платоне [Левшине] у его гробницы со всею братиею. После братской трапезы Владыка в сопровождении отца наместника вернулся в Лавру.

12 ноября служил в пещерном храме Черниговской иконы Божией Матери при Гефсиманском Скиту Божественную литургию и молебен вместе с наместником Лавры, ректором Вифанской духовной семинарии архимандритом Германом и старшей братиею Скита. За литургией сказал поучение. 12 же ноября в воскресенье после вечерни нареченный Патриарх совершил в Троицком Соборе первый торжественный молебен с акафистом Преподобному Сергию со всею братиею,

установленный им особою грамотою во время своего пребывания в Лавре. Установление такого молебна было вызвано тяжелым положением нашего Отечества. Преподобный Сергей неоднократно спасал Русскую землю от окончательной гибели; верим с полным упованием, что и теперь угодник Божий не оставит Русской земли без своей помощи. Акафист на этом молебне не читается, а поется служащими и певчими попеременно.

13 ноября нареченный Патриарх отправился в Зосимову пустынь, где с сыновнею радостью был встречен всею братиею пустыни. Пробыв там весь день и выслушав всенощное бдение, Владыка в тот же день в 7 часов вечера выехал из пустыни в Лавру.

Первые дни Рождественского поста он провел в строгом воздержании.

16 ноября, накануне дня памяти Преподобного Никона, в 3 часа 30 минут пополудни нареченный Патриарх служил Преподобному Никону молебен, в 6 часов вечера всенощную, а 17 Божественную литургию.

17 ноября в 6 часов вечера, ввиду исполнявшейся 19 ноября пятидесятилетней кончины митрополита Филарета [Дроздова], что приходилось в воскресный день, нареченный Патриарх совершил в храме Святого праведного Филарета парастас о упокоении святителя Филарета, а 18 ноября заупокойную литургию и произнес поучение.

Панихиду по почившем митрополите Филарете нареченный Патриарх совершил в сослужении Высокопреосвященнейшего митрополита Петроградского Вениамина, архиепископа Никона [Рождественского], бывшего Вологодского, епископа Митрофана Астраханского, отца наместника и прочих архимандритов Лавры. К 2 часам дня ректором Московской Духовной Академии протоиереем А. П. Орловым Владыка был приглашен в Академический актовый зал, где были произнесены в память пятидесятилетней кончины Высокопреосвященнейшего митрополита Филарета отцом ректором и профессорами Духовной Академии четыре речи.

Вечером 18 ноября нареченный Патриарх стоял всенощную в Троицком Соборе, выходил на литию, а 19 служил литургию в Академическом храме. В 2 часа дня нареченный Патриарх был приглашен на чтение в память митрополита Филарета в Александро-Мариинский дом призрения, который был основан митрополитом Филаретом. Здесь Владыка был торжественно встречен начальницею и детьми приюта с пением тропарей Преподобному Сергию и Святому праведному Филарету. В зале для чтения профессор Духовной Академии Д. И. Введенский произнес речь, посвященную памяти митрополита Филарета. При отъезде из дома призрения нареченный Патриарх благословил детей и просил их помолиться за него при вступлении на предстоящий ему великий подвиг управления Русской Церковью в тяжелую годину испытаний.

В этот же день в 4 часа пополудни нареченный Патриарх совершил соборне с митрополитом Вениамином и епископом Митрофаном [Краснопольским] и со всею братиею Лавры торжественный молебен Преподобному Сергию с акафистом и в 6 часов вечера молитвенно сопровождаемый всею братиею Лавры при торжественном звоне всех лаврских колоколов выехал в Москву.

ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 465. Л. 4–5. Подлинник. Машинопись с собственноручной правкой Св. Патриарха Тихона и неизвестного лица. Подпись – автограф архимандрита Кронида. Опубликовано: Новые материалы к житию: Факты биографии святителя Тихона в документах из различных архивов / Публ. О. Ефремовой и Н. Кривошеевой // Богословский вестник. Вып. 6. М.: ПСТБИ, 2000. С. 84–87.

Архимандриту Крониду принадлежат и следующие воспоминания, написанные в 1918 г.

Из жизни ныне здравствующего Святейшего Патриарха Тихона

Когда на Всероссийском Соборе окончательно был решен вопрос, чтобы на св. Руси быть Святейшему Патриарху, тотчас же и было постановлено Собором избрать трех кандидатов в Патриарха и избраны были: архиепископ Антоний [Храповицкий] Харьковский, архиепископ Арсений [Стадницкий] Новгородский и

митрополит Московский Тихон. Когда я возвратился из заседания Собора, то вслед за мной прибыл и о. протоиерей член Святейшего Синода и Собора Александр Петрович Рождественский, и мы сели за трапезу.

Он мне и говорит: «Неужели на самом деле сбудутся наши юношеские предсказания о Высокопреосвященнейшем Тихоне? Когда мы с ним учились¹⁴⁶ в семинарии, мы его звали не иначе, как архиереем; а когда он перешел в Академию, стали звать Патриархом». 5 ноября 1917 года предсказание товарищей юношей Высокопреосвященнейшего Тихона исполнилось: затворником Зосимовой пустыни иеромонахом о. Алексием в храме Христа Спасителя после литургии и молебна был вынут жребий на Патриарший Престол с именем Высокопреосвященнейшего Тихона, Митрополита Московского.

И так устами благонравных юношей, исполненных непритворной, искренней любви к своему другу юности, будущему Патриарху, был как бы предуказан за его смирение и чистоту сердечную тот высокий сан, которого чаяли русские люди и о котором, конечно, менее всех думал сам смиренный святитель. Что это так, могу подтвердить следующим случаем. Когда на Соборе обсуждение вопроса о Патриаршестве близилось к концу, однажды после доклада о лаврских делах в разговоре я как-то невольно говорю ему: «Вопрос о Патриаршестве скоро решится, и мы будем голосовать за Вас, Ваше Высокопреосвященство». Надо было видеть искренний его испуг: он быстро встал и сказал мне: «Что ты, что ты говоришь? Господь с тобою! Я сего не желаю и не думаю, да и кроме меня есть много более меня достойных святителей, которые с достоинством послужат в столь великом сане». В этих словах будущего Патриарха слышалась такая чистота, смирение и искренность, что я невольно в глубине души почувствовал, что я оскорбил его святое христианское смирение, поклонился ему, прося прощения за свою словоохотливость, пользуясь его ангельской добротой. Воистину он Божий избранник, что видно из следующего: за два месяца до решения на Всероссийском Соборе: быть или не быть на св. Руси Патриарху, в первых числах сентября 1917 года, приходит

на Троицкое подворье родная племянница Высокопреосвященнейшего Владимира Митрополита Киевского, который со дня открытия Собора жил на этом подворье; она говорит Владыке: «Дядюшка, какой я ныне видела сон необычный». Владыка, добродушно улыбаясь, садится за стол пить чай и говорит ей: «Ну, говори, какой ты видела сон?» Та отвечает: «Вхожу я в Большой Кремлевский Успенский собор, с благоговением подхожу к раке Святейшего Священномученика Патриарха Ермогена и вижу: покров со святых мощей невидимою рукою снимается и Святейший Патриарх из раки поднимается: встал у своей раки в блестящем облачении и направился к тут же стоящему в таких же светлых облачениях сонму святителей и присоединился к ним. Среди сих святителей я увидела и митрополита Московского Тихона и проснулась». Вскоре пришел к чайному столу и митрополит Московский Тихон. Владыка Киевский и говорит ему: «Ну, Владыка, быть Вам Патриархом». Высокопреосвященнейший Тихон со свойственным ему добродушием отшутился и добавил, [что] снам доверяться грешно и святые отцы снам верить запрещают. Надо жить, всецело предавая себя воле Божией, и ни на один день вперед задумывать, что-либо мы не смеем, а посему, обращаясь к племяннице митрополита Владимира, он сказал: «А вы о своем сне забудьте и ничего не думайте, ибо он ко мне не подходит». Так закончил будущий Патриарх и повел речь о других предметах. Но сон племянницы митрополита Владимира осуществился. Теперь мы воочию видим, что этот сон не есть какая-либо случайность, а можно с уверенностью сказать, что он есть продолжение Божия предуказания святой воли Его предназначения относительно святителя Тихона.

Вот что рассказал сам о себе Святейший Патриарх Тихон в кругу близких ему по душе святителей: «Когда я был еще очень маленьким мальчиком, в то время мой родитель, священник города Торопца Псковской епархии, подвергался слабости запоя, правда, он не был продолжителен, самое большое он пил четыре-пять дней и приходил в себя. Может быть, это происходило потому, что он в то время был еще молод и сила воли не была ослаблена, и он с Божью помощью скоро брал

себя в руки. Однажды вскоре после запоя родитель мой забрал всех нас троих сыновей, я был самый младший, и мы отправились спать в сарай на сеновал. Мы все скоро уснули, уснул и отец. И вот он видит: в тонком сне явилась ему его мать, а наша бабка, уже усопшая, и говорит: „Сын мой, дорогой и милый, что ты делаешь, зачем ты поддаешься такой ужасной пагубной страсти – винопитию, помни, ведь ты иерей, ты строитель Таин Божиих, при совершении которых со страхом предстоят Небесные Силы, тебе дана власть решать и вязать души перед тобою кающихся Всемогущему Богу, и ты все это забываешь, своим поступком прогнеvlaешь Господа. Умоляю тебя, познай, сколь тяжко ты согрешаешь и прогнеvlaешь Господа, исправься, забудь навсегда о своей слабости, и Господь будет милостив к тебе”. Сказавши это, она обратилась к нам и продолжала, указывая на старшего брата: этот у тебя будет недолговечен (действительно, он окончил курс семинарии и вскоре умер), указывая на среднего брата, она сказала, а этот будет жалконький (действительно, этот брат нигде не окончил курса и умер у меня в Америке), указывая на меня, бабка моя сказала моему отцу, а это будет великий [подчеркнуто автором. – Ред.]. С этого дня родитель мой совершенно оставил свой порок и не возвращался до своей смерти». Так закончил свою дивную повесть смиренный Святейший Патриарх. Замечательно, [что] говоря о сем знаменательном явлении, он ни одной йотой не отметил себя чем-либо, в его повести звучала нота полного смирения. Воистину смиренным Господь дает Свою великую благодать и милость. Буди же эта милость Божия на тебе, Святейший Владыко, и чрез тебя за твои святые молитвы не лишит Господь и нас грешных Своей милости.

ОР РГБ. Ф. 766. К. 2. Ед. хр. 5. Л. 1–3. Машинопись, с авторской правкой. Воспоминания [1918]. Опубликовано: Новые материалы к житию: Факты биографии святителя Тихона в документах из различных архивов / Публ. О. Ефремовой и Н. Кривошеевой // Богословский вестник. Вып. 6. М.: ПСТБИ, 2000. С. 88–91 – Ред.]

34. О местожительстве архиепископа Виленского Тихона во время эвакуации в Москву¹⁴⁷

Эвакуация архиепископа Виленского и Литовского Тихона вглубь страны от приближающихся полчищ кайзеровских войск, как это ни парадоксально выглядит на первый взгляд, – сыграла свою провиденциальную (вскрывшуюся впоследствии) роль в деле приближения его к Всероссийскому Патриаршему Престолу.

Долго ли прожил архиепископ Тихон в Ярославском подворье в Петрограде, мы не знаем, но что значительную часть времени своей эвакуации из Виленщины он проживал в Москве, это – общеизвестно.

Местопребыванием его в Москве был Данилов монастырь. По соседству – в Донском монастыре расположился его викарий, епископ Ковенский Елевферий (Богоявленский; впоследствии митрополит Литовский), о чем этот последний сам вспоминает впоследствии в своей книге «Неделя в Патриархии» (изданной в Париже)¹⁴⁸. В Донском же монастыре имели свое пребывание и вывезенные этими двумя святителями виленские святыни: святые мощи виленских угодников Иоанна, Антония и Евстафия, икона Виленской Божией Матери и др.

Поселение архиепископа Тихона именно в Даниловом монастыре мы склонны объяснить тем обстоятельством, что он издавна пользовался большим уважением и почитанием со стороны тогдашнего настоятеля этого монастыря архимандрита Иоакима¹⁴⁹, в прошлом ризничего (в сане иеромонаха) того же монастыря, неоднократно посещавшего Владыку Тихона в Ярославле, в бытность последнего правящим архиереем Ярославской и Ростовской епархии (краткие упоминания о посещениях ризничим Московского Данилова монастыря Ярославля и о пожертвованиях его на благоустройство тамошних храмов и на другие благотворительные цели, – неоднократно встречаются в центральной и местной церковной печати предреволюционных лет).

Что же касается значения проживания архиепископа Тихона в Москве в связи с последующим его избранием на Патриарший Престол, то оно, несомненно, имело место и сказалось в том, что в какой-то степени популяризировало его личность в московских церковных кругах, игравших, как известно, на Соборе 1917–1918 гг. не последнюю роль.

И широкий церковный люд московский, и церковно-общественные деятели древней столицы глубоко поняли и оценили временно гостящего в Москве святителя, изгнанного обстоятельствами военного времени из своей епархии. Не прошло и двух лет со времени поселения Владыки Тихона в Москве, как эта оценка высоких духовных качеств его со стороны москвичей нашла свое яркое выражение в акте избрания его (в июне 1917 года) на епархиальную кафедру Первопрестольной столицы взамен уволенного Святейшим Синодом (по прошению) митрополита бывшего Московского Макария (Невского). Отсюда же до восстановленного Собором Всероссийским Патриаршего Престола, как говорится, «рукою подать»...

35. К характеристике нравственного облика митрополита Арсения (Стадницкого)

[Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич; 22.01.1862–23.02.1936), митрополит. В 1885 г. окончил Киевскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. В 1895 г. пострижен в монашество. В 1896 г. рукоположен в иеромонаха, назначен ректором Новгородской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита; настоятель Новгородского Антониева монастыря. С 1897 г. инспектор Московской Духовной Академии; ординарный профессор по кафедре библейской истории. С 1898 по 1903 г. ректор Московской Духовной Академии. 28.02.1898 хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1903 г. епископ Псковский и Порховский. В 1904 г. удостоен степени доктора церковной истории. С 1905 г. член Учебного Комитета при Св. Синоде, с 1906 г. его председатель. Член Предсоборного Присутствия, председатель отдела «О реформе церковно-учебных заведений». В 1907 г. избран членом Государственного совета. С 1907 г. архиепископ. С 1910 г. архиепископ Новгородский и Старорусский. Член Святейшего Синода. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., Товарищ Председателя Собора (руководил почти всеми соборными заседаниями после избрания и поставления Патриарха), член Соборного Совета, председатель Отдела о правовом положении Церкви в государстве; второй кандидат на патриарший престол; избран членом Священного Синода и Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне. 28.11(11.12)1917 возведен в сан митрополита. После окончания Собора проживал в Москве, где в 1919 г. был арестован. 05.01.1920 выслан из Москвы в г. Новгород. 01.1920–19.04.1922 безвыездно жил в г. Новгороде. В 1920 г. арестован в г. Новгороде по делу «о епархиальном совете». В феврале 1921 г. осужден Новгородским Ревтрибуналом к 5 годам высылки в г. Архангельск. Приговор отменен по решению ВЦИК. 02.06.1922 по вызову ГПУ приехал в Москву; привлечен к судебной

ответственности в качестве обвиняемого вместе с Патриархом Тихоном. С 22.03.1923 по 10.01.1924 находился в заключении. 15.01.1924 заключен в Бутырскую тюрьму. 28.03.1924 осужден Комиссией НКВД СССР по административным высылкам. Приговорен к 3 годам ссылки в г. Бухару. В 1924–1926 гг. в ссылке в г. Красноводске в Туркмении. 05.12.1925 по завещанию Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Крутицкого Петра (Полянского) на случай своей кончины назначен третьим кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. В 1926 г. переведен в ссылку в г. Ташкент. В 1927 г. ему было разрешено свободное проживание в пределах Средней Азии. С 1927 г. член Временного Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском) (фактически не имел возможности участвовать в заседаниях Синода). С 1933 г. митрополит Ташкентский и Туркестанский. Погребен на кладбище г. Ташкента. – *Ред.*]

В среде духовенства митрополит Арсений (Стадницкий) слыл за строгого и требовательного Архипастыря и действительно был таковым. Батюшки, как правило, его побаивались и недолюбливали; считали «деспотом» и суровым администратором, «князем Церкви» и т. п.

В действительности это было не совсем так; более всего требовательным он был к самому себе, а это уже в корне меняет всю его характеристику, давая ему нравственное право быть требовательным и к своим подчиненным клирикам, и, стало быть, ни о каком деспотизме здесь не может быть и речи. Кроме того, требовательность его касалась лишь вопросов церковно-богослужебных и церковно-административных, а то и другое входит непосредственно в круг первейших обязанностей каждого архипастыря, и если другие относятся к этим обязанностям спустя рукава, то это еще далеко не является основанием для подражания другим, более церковно мыслящим иерархам...

Горячо надеясь, что когда-либо будет написана исчерпывающая биография этого крупнейшего Архипастыря нашего времени, вынесшего на своих плечах всю тяжесть

административного руководства деятельностью Поместного Собора 1917–1918 гг., в звании товарища Председателя Собора, фактически же проведшего почти все его пленарные заседания, – мы здесь ограничиваемся лишь одним штрихом из его биографии, имевшим место незадолго до кончины и, таким образом, характеризующим предел той духовной высоты, коего достиг к концу своей жизни этот наш крупнейший архипастырь-исповедник, в свое время бывший кандидатом на Всероссийский Патриарший Престол.

Этот штрих говорит лишний раз еще и о том, как ложны людские суждения, основанные лишь на внешних признаках поведения человека или на свойствах, приписываемых ему молвой.

В конце этого примечания приложим и несколько кратких писем митрополита из его частной переписки, в бытность митрополитом Ташкентским. Итак, – штрих (рассказанный нам о. архимандритом Клавдианом Моденовым, бывшим свидетелем описываемого).

В переполненном молящимися соборном храме Ташкента, перед литургией, готовятся к встрече митрополита.

Момент торжественный и напряженный; все в ожидании. Сонм духовенства уже выстроился, по обычаю, в два ряда у входных дверей собора; недостает в этом сонме лишь самого ответственного лица – служащего протоиерея, древнего старца, обязанного встретить митрополита в дверях храма с Крестом на блюде. Митрополит вот-вот должен прибыть, а старца с крестом все нет: он замешкался в алтаре и отстал от «встречи», т. е. всего сонма, выстроенного у входа и, буквально, прибежал, впопыхах, когда митрополит уже вошел и стоял, крайне разгневанный такой оплошностью, ибо отсутствие Креста задерживало весь дальнейший ход богослужебного ритуала и создавало неприятную паузу...

Среди духовенства, естественно, создалось полное замешательство и растерянность; все вопросительно поглядывали в направлении алтаря...

В связи со всем этим и невзирая на многолюдство и торжественность обстановки, прибежавшему, наконец, с

Крестом, старцу-протоиерею митрополит, в крайней степени раздражения, выговорил резкую и длинную нотацию, во время которой несчастный провинившийся батюшка так сильно трясся от волнения, что блюдо с Крестом дребезжало в его руках.

И конечно, после такого тягостного начала, во время пения входных песнопений и чтения входных молитв, служащие батюшки недоумевали, каким образом митрополит будет совершать литургию в сослужении сего провинившегося старца, столь резко нарушившего необходимую молитвенно-богослужебную настроенность в храме.

Недоумение это, однако, тут же и самым неожиданным образом разрешилось ко всеобщему удовлетворению, благодаря редкому в наше время смиренномудрию Святителя.

По окончании входных молитв, перед тем как обернуться на солее к западу и благословить народ, прежде шествования для облачения на кафедру, митрополит, стоя перед Царскими вратами, приказал немедленно позвать к себе провинившегося протоиерея и, когда тот явился, заранее трясясь, ожидая еще нового добавления к полученному уже выговору, – митрополит Арсений, сам уже глубокий старец, неожиданно повернулся к нему, с трудом опустил на колени и поклонился в землю, прося прощения. А затем, встав, сказал ему сердечно и просительно, чтобы в будущем он исправнее относился к своим богослужебным обязанностям и, тем более, зная требования своего архиерея на этот счет, воздерживался бы выводить его из душевного равновесия, так как это не спасительно им обоим, – собирающимся совершать святую евхаристию...

После сего владыка-митрополит, обернувшись, благословил по обычаю молящихся и направился к кафедре облачаться, сопровождаемый всем сонмом сослужащего духовенства...

И началась Божественная литургия.

«Имеющие уши слышать, да слышат»!

Особенно из наших молодых архиереев...

Дальше помещаем шесть писем и телеграмм митрополита Арсения, правящего Ташкентской и Туркестанской епархией, адресованных Преосвященному Тихону [Шарапову], проживающему на покое, в г. Самарканде.

1. Письмо, от 28.9 (11.10) 1934 г.:

«11 октября 1934. † Преосвященнейший Владыко! Рад был познакомиться с Вами. Рад, что известный инцидент разрешился благополучно к моему и, надеюсь, к Вашему удовольствию. Но огорчил меня финал Вашего путешествия, о чем я узнал от моего Моисея [в подлиннике – по-гречески. – *Сост.*] и от известного Учреждения, куда я приглашен был для беседы по данному вопросу [т. е. в ГПУ. – *Сост.*]. Беседа была благодушная. Я выяснил, что с Вашей стороны не было никакого криминала, что было маленькое недоразумение, которое при личном объяснении вполне выяснилось, что тут нечего страшиться и что вообще тут кем-то раздуто наше дело внутреннего церковного порядка. Благоклонно было выслушано. В результате Вы беспрепятственно можете жить в Самарканде, или где угодно, но „без организации“, а также служить, хотя и изредка. Жалею, что Вы не почтили меня своим посещением после этого инцидента и не поделились впечатлениями, а мне пришлось узнать об этом через посредника не всегда объективного. Я как будто не заслужил такого невнимания, так как беседа наша была, по крайней мере с моей стороны, искренняя и благожелательная. Как тогда, так и теперь позволю себе посоветовать Вам не пребывать на покое, ибо Вы еще молоды и духом пламенеете, а потому и много можете принести пользы нашей Матери.

Посылаю при сем взятый у Вас указ Патриархии.

Прошу молитв Ваших. С братскою любовью о Христе митрополит Арсений».

2. Телеграмма, от 27.12.1934 (9.1.1935) г.:

«Взаимно поздравляю благожелаю Арсений».

3. Письмо, от 28.12.1934 (10.1.1935) г.:

«10 января 1935. Преосвященнейший Владыко! Взаимно поздравляю Вас с Великим Праздником и молитвенно желаю милостей Господних, коими мы живем, движемся и существуем.

Прошу Ваших молитв. С братскою любовью во Христе Арсений митрополит Ташкентский».

4. Телеграмма, от 17(30)04.1935 г.:

«Взаимный праздничный привет Арсений».

5. Письмо, от 10(23)5.1935 г.:

«10(23).V.1935. † Ваше Преосвященство,
Преосвященнейший Владыко!

Христос Воскресе! Благодарю Вас за поздравление меня со днем Ангела. Но это день Ангела моего Ангела святого епископа Тверского (2 марта 1409 г.), тезоименитого св. Арсению Великому (450 г.). Благодарю Вас за внимание и молитвенную память.

Прошу Ваших молитв. С братскою любовью о Христе Арсений митрополит Ташкентский».

6. Телеграмма, от 12(25)08.1935 г.:

«Поздравляю благожелаю Арсений».

[Более подробно о митрополите Арсении см.: *Ефремова О., Хайлова О.* Краткое жизнеописание митрополита Ташкентского и Туркестанского Арсения (Стадницкого) // Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник. Т. 1:1880–1901. По материалам ГА РФ / Подгот. изд. и ред. О. Н. Ефремова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви / Редкол.: прот. В. Воробьев (гл. ред.) и др.). С. 29–62. – Ред.]

36. Зверское убийство протоиерея о. И.А. Кочурова в Царском Селе в 1917 году; реакция Собора и Патриарха на это злодеяние

Протоиерей Иоанн Александрович Кочуров – из питомцев Санкт-Петербургской Духовной Академии, «долгое время служил священником в миссии в Северной Америке» под омофором архиепископа Тихона, «затем некоторое время был законоучителем нарвских гимназий мужской и женской и второй год [в 1917 г. – *Сост.*] состоял настоятелем Царскосельского собора».

В самом начале революции, в Царском Селе, под благовидным предлогом, был неизвестными лицами извлечен из своего дома, «арестован» и в пустынном месте расстрелян. В связи с этим кошмарным злодейством, конечно – по тем временам – никакого следствия не производилось, а имя его вскоре же забылось в вихре многих других, еще более грозных и тяжелых для Церкви, событий...

По-видимому, это была первая, или одна из самых первых жертв Церкви в новых условиях Ее существования.

Прекрасный портрет о. И.А. Кочурова был опубликован в журнале «Огонек» (Царскосельский мученик о. Иоанн Александрович Кочуров // Огонек. 1917. №43. С. 677), там же некоторые подробности его гибели.

(Другой его портрет, попавшийся нам в печати, воспроизведен в лопухинской «Православной богословской энциклопедии», в групповом снимке во главе с фондюлакским епископом Графтоном, епископом Тихоном и другими англиканскими епископами.)

В антибольшевистской газете Максима Горького «Новая жизнь», издававшейся в начале революции в Петрограде, прославленный впоследствии поп-«безбожник» Михаил Галкин (Горев), – эксперт этой газеты по церковным вопросам, следующим образом описывал расправу над беззащитным о. И. Кочуровым:

«В самый разгар братоубийственного сражения, когда Царское Село занимали еще войска Керенского, четыре царскосельских священника – оо. Смирнов, Фокко [Стефан. – *Сост.*], Кочурский [Кочуров. – *Сост.*] и священник Казанского кладбища решили совершить по городу крестный ход с чтением особых молений о прекращении братоубийственной войны.

Крестный ход пришлось совершать под артиллерийским обстрелом [...]

Два священника на пути крестного хода произнесли горячие проповеди, призывая народ к спокойствию, ввиду грозящих испытаний.

Мне удалось с достаточной положительностью установить, что проповеди священников были лишены какого-либо политического оттенка [...]

В эти минуты из города отходили казаки [...]

Вступившему отряду красногвардейцев было доложено, что священники говорили „вызывающие” проповеди, что пройдя с крестным ходом на могилу Распутина, они совершили здесь панихиду.

Священники были схвачены [...] Священник о. Иоанн Кочуров запротестовал и пытался разъяснить дело. Он получил несколько ударов по лицу.

С гиканьем и улюлюканьем разъяренная толпа повела его к царскосельскому аэродрому. Несколько винтовок было поднято на безоружного пастыря.

Выстрел, другой – взмахнув руками, священник упал ничком на землю, кровь залила его рясу. Смерть не была мгновенной. Священник долго хрипел и грыз мерзлую землю. Его таскали за волосы, и кто-то кому-то предлагал „прикончить как собаку”.»

В статье протоиерея Николая Смирнова «Всегда Господни!» во «Всероссийском церковно-общественном вестнике» № 139 1917 года с. 3, приводится письмо одного из четырех арестованных священников, протоиерея Николая Смирнова, настоятеля царскосельского Екатерининского собора, в котором по поводу этого трагического эпизода говорится:

«По пути в „суд” он был насмерть расстрелян на глазах своего сына гимназиста, беспомощно бежавшего за отцом. Тело

доблестно погибшего на своей „чреде” пастыря было вечером [...] доставлено в часовню Дворцового госпиталя, откуда перенесено [...] в наш собор, где в субботу 4 [17.11.1917. – *Сост.*] было отпето и доставлено в усыпальницу ввиду того, что горожане ходатайствуют о погребении усопшего здесь же, под собором.

Судебно-медицинский осмотр тела установил смерть мгновенную – было выпущено до 6 пуль, из них две были, по-видимому, разрывные».

Гибель о. И.А. Кочурова произошла 31.10(13.11).1917 года.

[Священномученик протоиерей Иоанн Кочуров причислен к лику святых 02.12.1994. День памяти: 31.10/13.11. См.: Протоиерей Иоанн Кочуров (1871–1917); Протопресвитер Александр Хотовицкий (1872–1937). СПб., 1995. – *Ред.*]

37. «Митрополит» Вениамин (Муратовский) и причина его «сочувствия» обновленческому расколу

О попытках покаяния в грехе пребывания в обновленческом расколе митрополита Вениамина (Муратовского) приводим следующие сообщения. «Тотчас после освобождения Патриарха архиепископ [Вениамин Муратовский. – *Сост.*] прибыл в Москву, приветствовал со слезами на глазах Святейшего и, вернувшись в Рязань, издал указ по епархии о присоединении к Патриарху и стал поминать его за богослужением» (*Левитин А., Шавров В., Очерки... С. 343*).

«Посетил Святейшего Патриарха и архиепископ Вениамин, член Священного Синода [обновленцев. – *Сост.*] и, земно кланяясь и плача о своем пребывании у обновленцев, просил Патриарха о прощении и принятии под свой омофор.

Узнав о таком демарше Муратовского, обновленцы приняли меры к тому, чтобы задержать его в своих рядах, и возвеличили [возвели. – *Сост.*] его в сан митрополита Ярославского. Архиепископ Вениамин был человеком с неустойчивым характером. До революции он был ортодоксальным архиереем, а после Февральской революции активно поддерживал режим Керенского. Будучи архиепископом Симбирским (Ульяновским), он вместе с белыми войсками эвакуировался в Сибирь, где представлялся Колчаку и вместе с епископом Уфимским Андреем (бывшем князем Ухтомским) организовал Высшее церковное управление Сибири и областей, занятых войсками Колчака. После разгрома колчаковцев нашими войсками, архиепископ Вениамин был арестован за соучастие в преступлениях белогвардейцев, но вскоре был освобожден и возвратился в Симбирск. Святейший Патриарх переместил его в Рязань, где и застала его церковная разруха [1922 года; обновленческий мятеж. – *Сост.*]. Он один из первых иерархов признал ВЦУ. Однако, на Соборе 1923 г. не участвовал по болезни. Ныне он обращался к Патриарху с покаянием, а затем не пошел дальше, видимо не хотел приносить публичного

покаяния» (Сергий (Ларин), епископ. Обновленческий раскол. [«Обновленческий» раскол... С. 352]).

В действительности же было так:

5 августа 1923 года, вскоре после визита к Святейшему владыки Вениамина, в целях «воздействия» к его возвращению в обновленчество, сего числа «у владыки был произведен обыск и он был арестован и экстренно увезен в Москву. 26.7(8.8)1923 года он уже принимает участие в заседании [обновленческого. – *Сост.*] Синода...» (*Левитин А., Шавров В. Очерки... С. 343–344*).

В связи с повторным отпадением в живоцерковно-обновленческий раскол бывшего Рязанского архиепископа Вениамина, Святейший Патриарх Тихон назначает на Рязанскую и Зарайскую кафедру Православного архиерея Преосвященного бывшего Рыбинского Бориса (Соколова).

Вторичное отпадение престарелого и маститого иерарха в раскол произошло, по-видимому, как и первое – «страха ради иудейска»; по соображениям шкурного порядка. Он надеялся таким образом реабилитировать себя в глазах государственной власти за прошлое пребывание в стане адмирала Колчака...

Так он и остался до конца дней своих в обновленческой скверне.

Что касается «зловредной» деятельности его, осуществлявшейся в Сибири, то, в виде небольшой иллюстрации к ней, приведем следующие выписки:

25.1(7.2). 1919 г.(?) находящиеся в Омске в стане адмирала Колчака – «архиепископ Омский Сильвестр [Ольшевский] и Симбирский Вениамин обращаются к Папе [...] с телеграфным протестом: „Коммунисты большевики принялись подвергать уничтожению не только интеллигенцию и культурные ценности гражданские, но также они преследуют все религии с их представителями и уничтожают почитаемые памятники религиозных культов...”» и т. д.

«В своем ответе Папа выразил „сочувствие от всего сердца”» (*Коровин Е. А., проф. Католицизм как фактор современной мировой политики. М., 1931. С. 31*).

Ответ из Рима на послание Папе омских иерархов последовал 27.02(12.03). 1919 г. Государственный Секретарь Ватикана кардинал Гаспарри направляет Народному Комиссару Иностранных Дел Чичерину радиотелеграфный протест от имени Папы, против гонений на религию в Советской России.

Содержание этого протеста таково:

«Москва. Чичерину.

Сообщают из серьезного источника, что ваши приверженцы преследуют слугителей Бога, в особенности тех, которые принадлежат к Православной религии. Святой Отец Бенедикт XV [Делла Кьеза] увещевает вас дать строгие приказания, чтобы слугители всякой религии были уважаемы. Человечность и религия будут вам за это благодарны.

27.02(12.03).1919 г. Кардинал Гаспарри» (там же).

В связи с этой перепиской омских иерархов с Ватиканом, Святейший Патриарх Тихон поручает одному из членов Патриаршего Священного Синода выразить признательность и приветствие представителю Ватикана, за сочувствие Русской Церкви.

18(31).03.1919 г., за № 1099, в адрес Государственного Секретаря Ватикана направляется из Москвы следующее письмо:

«Исполняя поручение Святейшего нашего Отца, Патриарха Московского и всея России, Тихона, покорнейше прошу Вашу Светлость принять в Вашем лице выражение нашей общей благодарности Римскому престолу за столь трогательное участие в судьбе представителей Православной Церкви в России. Всевышний Мздовоздаятель да вознаградит это дело Своей безмерной милостью.

С чувством совершенного почтения и о Христе преданности, имею быть Вашей Светлости покорнейшим слугой Сергей [Страгородский], митрополит Владимирский и Шуйский».

38. Об арестах архиереев в Русской Церкви

В виде исторической справки отмечаем, что до 1917 года (т. е. до революции) «арестов архиереев в России не было со времени Бирона» (Свободная Церковь. Пг., 1917, №4. [?]).

Характерно!..

В 1917 году, первым из архиереев был арестован, кажется, архиепископ Черниговский Василий (Богоявленский), вскоре зверски убитый при поездке его на расследование пермского кровавого злодеяния, учиненного над архиепископом Андроником (Никольским).

[Архиепископ Василий был арестован 26 марта 1917 г. в Чернигове, 29 марта препровожден в Петроград и насильно устранен от управления Черниговской епархией, имя его было оболгано в печати, хотя уже к маю 1917 г. следствие полностью сняло все обвинения против владыки Василия. Был умучен 27.08.1918. Священномученик Василий (Богоявленский) причислен к лику святых в 2000 г. – *Ред.*]

39. Зверское убийство старейшего иерарха Русской Церкви и Почетного Председателя Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского)

Бессмысленное зверское убийство в Киеве, 25.01(07.02). 1918 года, престарелого – 70-летнего – митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского) явилось тем зловещим и страшным громовым ударом, вслед за которым над Русской Церковью разразилась небывалая буря, потрясающая Ее десятилетиями, и просвета которой еще не видно.

Будущая история Русской Церкви без сомнения отведет его личности и первомученической кончине достаточное количество страниц в летописи церковных событий революционного времени, а потому вопрос этот мы ограничим лишь самыми краткими сообщениями современников.

[Священномученик митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский) причислен к лику святых Деянием Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 4 апреля 1992 года. Это был второй, после св. Патриарха Тихона, канонизированный священномученик XX века. – *Ред.*]

Начнем с лаконичного отзыва об убитом митрополите, весьма компетентного и более чем сдержанного в отношении всяких похвал и лестных отзывов, духовного лица высокого служебного положения, категорически заявившего в свое время, что в ближайший предреволюционный период из трех тогдашних митрополитов «лучшим был, конечно, митрополит Владимир. В нем было много такого, что делало его настоящим святителем. Его нельзя было не уважать за его благоговейность, благочестие, искренность, прямолинейность, простоту и доступность. В молодые годы на своей первой самостоятельной кафедре – Самарской – он слыл за праведника и пользовался огромной любовью паствы» (*Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 2. С. 139*).

Некоторые косвенные намеки на роковой финал жития митрополита можно усмотреть из следующих фактов.

В свое время, будучи митрополитом Московским и Коломенским, Владимир посетил проживавшего в Гефсиманском (?) скиту Троице-Сергиевой лавры блаженного Николая, который, как говорят, предсказал Святителю мученическую кончину. Предсказанию этому в то время не было придано особого значения и веры.

Блаженный Николай скончался в 1915 году; погребен в Москве, на Ваганьковском кладбище.

Приводим о нем следующую выписку из одного позднейшего рукописного труда(1930 годов):

«Был [...] в Сергиевской лавре [...] блаженный Николай. Замечательная это была личность. Фамилия его Ивансен Николай Александрович. Отца его звали Оскаром. Он переменил имя, приняв Православие. Имя его матери Наталия. Блаженный Николай по званию своему был военный, но недолго он был здоров. Тяжелый крест болезни нес он, заболев, он 40 лет не вставал с постели. Сначала он лежал на частной квартире, а впоследствии его перевели в монастырскую богадельню. Родные его умерли и ухаживать за ним было некому – всем он был чужой.

За его необыкновенное терпение и смирение Господь одарил его прозорливостью. [...]

Николай за 10 лет до революции предсказал, что царя не будет и что Сергиева лавра будет закрыта и всех монахов разгонят и будут они жить по частным квартирам. [...]

Никто ему в то время не верил, странными и нелепыми казались всем его слова» [Старец Захария (1850–† 1936 гг.): Схиархимандрит Троице-Сергиевой лавры: Житие: Подвиги и чудеса. М.: Паломник, 2000. С. 51].

Приведем и другой, попавшийся нам факт, об отношении «Божиих людей» и юродствующих к митрополиту, также не лишенный провиденциального смысла:

«Однажды [по-видимому, в первые годы своего святительства в Москве. – *Сост.*] Зосимову пустынь посетил митрополит Владимир. [...] Митрополит, обходя все послушания, был и на сенокосе. Когда мы подошли к нему под

благословение, он спросил нас: „Отцы, как живете, не бывает ли чего между вами?”

Отец игумен и говорит: „Они у меня живут очень мирно”, а о. Поликарп возразил: „Всего бывает, Владыко святой”.

Когда Владыка входил в церковь, за ним погнался юродивый Никитка и все время плевал на него, пока Владыка не вошел в алтарь. За такой поступок блюстители порядка надавали Никитке подзатыльников и выгнали его из церкви. Митрополит за него заступился: „Оставьте его, не трогайте, это касается меня”» (*Четверухин И., прот., Четверухина Е. Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. Рукопись. [?]*).

В качестве одного из штрихов уже позднейшего, революционного, времени, характеризующих уже иное отношение киево-печерских монахов к своему высокому начальнику – митрополиту Киевскому и Галицкому Владимиру, приводим следующую выписку из современной газеты.

Тлетворное дыхание духа времени уже начало делать свое дело...

В мае 1917 года «общее собрание монахов и послушников Киево-Печерской лавры постановило [...] прекратить выдачу митрополиту третьей части доходов лавры, заменив эту выдачу жалованьем от лавры в шесть тысяч рублей в год. Митрополит не утвердил этого постановления, признав собрание братии незаконным» (Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №26. С. 3).

Эта первая вылазка монастырских подонков против своего Архипастыря и настоятеля явилась, так сказать, «первой ласточкой» разыгравшейся в недалеком будущем кровавой трагедии.

Незадолго до злодеяния приехали, во время рождественского перерыва соборных занятий, в Киев, митрополит Платон [Рождественский] и архиепископ Евлогий [Георгиевский]. Они «посетили Киевского митрополита Владимира. Он проживал в Киево-Печерской лавре. Там же расположился бывший Владимирский архиепископ Алексей [Дородницын]. После революции паства из Владимира его

прогнала за его дружественные сношения с Распутиным [...] Изгнанный из епархии, Дородницын (украинец из Екатеринославля) перекочевал в Киев „ловить рыбу в мутной воде” – и поселился в лавре [...] архиепископ Алексей стал мутить монахов-украинцев и возбуждать их против митрополита Владимира в надежде добиться его увольнения и самому сесть на его место. Монахи стали притеснять митрополита, сначала в мелочах. Случалось, ему нужно куда-нибудь съездить, а монахи не дают лошадей и заявляют: „Владыка Алексей на лошадях уехал”. Положение создалось для митрополита Владимира тягостное. Когда мы с митрополитом Платоном [Рождественским]... – повествует архиепископ Евлогий в своих воспоминаниях, – приехали к нему, он сказал: „Вы бы его вразумили...” Мы к нему зашли. Он встретил нас неприязненно... Он был груб, на увещания отвечал запальчиво: „мне указок не надо!...”» (*Евлогий, митр.* С. 283–284).

В такой обстановке, на фоне разыгравшейся злобной стихии гражданской войны произошло, наконец, по-видимому, задолго подготавливавшееся темными силами кровавое дело.

И 25.01(07.02). 1918 г., в нашей колыбели христианства и матери городов русских – Киеве, совершается зверское убийство старейшего Архипастыря, Почетного Председателя Священного Собора Православной Российской Церкви, бывшего Первенствующего Члена Святейшего Правительствующего Синода, Высокопреосвященного митрополита Киевского и Галицкого Владимира.

Из позднейших сведений¹⁵⁰ стало известно, что злодейство это было подготовлено и произошло не без попустительства со стороны монахов Киево-Печерской лавры...

По описанию современников, убийство произошло следующим образом.

I

«Вслед за белым духовенством стали требовать освобождения от дисциплины, „демократических прав” и участия в управлении монастырским имуществом и делами – послушники монастырей и худшие элементы монашествующей братии, настаивая на ограничении прав игуменов, настоятелей

обителей и архиереев [...] Между прочим, такое беспокойное, будирующее монашеское гнездо [...] свили себе среди иноческой тысячной массы [некоторые монахи и послушники. – *Сост.*] Киево-Печерской лавры. Эта монашеская банда, терроризировав старшую братию, предъявила блаженной памяти митрополиту Владимиру требования, попиравшие все монашеские уставы и обеты. Великий патриот, стойкий хранитель праведной жизни, митрополит Владимир решительно отказал, а на угрозы ответил, что смерти не боится: „Лучше умереть, чем управлять монахами революционерами”. Озлобленные зачинщики ушли, а бестрепетно смотревший в глаза смерти, удрученный [...] эксцессами революции митрополит Владимир не предпринял никаких мер предосторожности.

Вскоре, темным вечером, явилась вооруженная банда в покои митрополита с требованием препроводить владыку к коменданту на допрос. Повинуясь силе, пошел митрополит за бандитами и, проходя мимо церкви, задержался в горячей молитве; но один из бандитов так сильно ударил старика прикладом, что тот едва удержался на ногах. А распропагандированная братия наблюдала все это, но никто не имел мужества и мудрости ударить в набат и спасти своего Архипастыря. Старика довели до лаврских валов, в так называемом Аносовском саду, зверски убили и разбежались, бросив на земле тело иерарха-мученика, возглавившего свою смертью „собор многих” русских современных священномучеников.

Комиссар Временного правительства принес лавре извинение и соболезнование. На этом и закончилось отношение революционной власти к трагедии Церкви. Виновных не искали и не обнаружили. А народный голос связывал и продолжает связывать эту мученическую смерть старца-митрополита с распропагандированными лаврскими монахами, которые-де привлекли к темному делу наемных убийц» (Маевский В. А. Сербский Патриарх Варнава. С. 131–132).

II

«С 16(29) по 25 января (07.02) [1918 г. – *Сост.*] Киев пережил страшные дни ужаса и смятения, став местом братоубийственной кровавой борьбы между „большевиками” и украинцами. Большевики подошли к Киеву с северо-востока (от Дарницы) и стали жестоко обстреливать город снарядами из тяжелых орудий, и этот обстрел продолжали почти непрерывно в течение десяти дней. В то же время на улицах города шел непрерывный кровавый бой, почти по всему городу свистели пули, трещали пулеметы, грохали ручные бомбы. Нельзя было показаться на улицу. Электричество погасло, трамваи стали, всякая работа прекратилась; жители в ужасе попрятались в подвалах и сидели в них почти без сна и без пищи, без воды. Снаряды, направляемые опытной рукой, но без разбора, по всем зданиям города производили страшное разрушение [...] находили и человеческие жертвы, убивали зараз целые семьи. В ночь под 25 января украинцы покинули Киев, и в него вступили „большевики”. Началась новая полоса ужасов, каких немного знает и история [...] Одной из первых жертв дикого самосуда пал престарелый митрополит Киевский Владимир, зверски замученный и убитый в нескольких шагах от лавры, куда злодеи вывели старца после ограбления (около 7 часов вечера). Так принял мученическую кончину еще один православный Первосвяtitель! Мир праху доблестного старца-митрополита. Да примет Господь кровь его, как жертву очистительную и спасительную за всех нас...» (Свободное слово христианина. Киев. 1918. №4. [?]).

III

«Наконец, – весть ужасная... – об убийстве митрополита Владимира.

Впоследствии я узнал, при каких обстоятельствах Владыку Владимира убили. В злодействе свою роль сыграл и Алексей [Дородницын], но кровь его и на монахах лавры. Дородницын создал для митрополита Владимира тягостное положение, которое дошло до того, что он чувствовал себя в митрополичьих покоях в лавре, как в осажденной крепости. Когда Киев был взят, командующий большевистскими войсками Муравьев пришел к наместнику лавры с предупреждением: „Я буду жить в

лаврской гостинице, с вами у меня телефон. Если ворвутся к вам бандиты с обыском, с требованием денег или случится еще что-нибудь, – звоните ко мне”, – сказал он. Вскоре днем в трапезную лавры пришла банда матросов и потребовала еды. В то время как монахи их кормили, начались расспросы: довольна ли братия начальством? не имеют ли монахи каких-либо жалоб? Послушники, распропагандированные революцией и возбужденные агитацией Дородницына, стали жаловаться на притеснения: народ несет в лавру большие деньги, а поедает их „он”... – и они указали наверх, где находились покои митрополита. Матросы ворвались в его квартиру, отпихнули старика-келейника, пригрозив ему револьвером, – и бросились в спальню. Там они оставались около двух часов. Что в спальне происходило, неизвестно. Потом они вывели Владыку Владимира и направились с ним к черному ходу. „Прощай Иван...”, – успел сказать келейнику митрополит. Вывели Владыку из лавры незаметно. У лаврских валов матросы прикончили его – расстреляли в упор... Он лежал полунагой, когда его нашли. Убийцы сорвали крест, панагию, даже набалдашник с посоха, только шубу не успели унести и бросили тут же... Монахи, видевшие, как уводили их митрополита, не только не подняли тревоги, не ударили в набат, но ни звука никому не сказали. Спустя уже значительное время кто-то спохватился, и позвонили Муравьеву. Тот прислал своих солдат. Допросы, расспросы: кто? куда увели? когда? Но было уже поздно, злодеяние совершилось... Убиенного, полураздетого, изуродованного владыку митрополита увидела на рассвете крестьянка, несшая молоко в лавру. Монахи объяснили свое молчание растерянностью, паникой: „Мы были парализованы...”

Митрополит Владимир был старец чистейшей, прекрасной души. Застенчивый, непоказной, необыкновенно кроткий, он всегда безропотно принимал испытания, которые выпадали на его долю. Его архипастырская жизнь была не из легких: его непрестанно переводили с кафедры на кафедру и тем лишали его возможности сродниться с какой-нибудь паствой. В Киеве, в последнее время перед его мученической кончиной, мы сблизились. Он меня полюбил. Мы подолгу беседовали. Он

любил вспоминать детство, идеализировал семинарию, своих учителей, рассказывал, как, бывало, в ученические годы ватагой мальчуганов пробирались из Тамбова домой, в деревню, на пасхальные каникулы; шли с котомочками, с палочками, в половодье... Завидев родное село, кричали с торжеством: „Воду прошел, яко сушу, и тамбовского зла избежав!..” – На Всероссийском Церковном Соборе [1917–1918 гг. – *Сост.*] митрополита Владимира оттеснили, в Президиум не выбрали, хоть он и был старейший. А в Киеве его обступили украинские нахалы, и, как я уже сказал, арх[иепископ] Алексей совместно с грубыми монахами его унижали» (*Евлогий, митр.* С. 286)¹⁵¹.

IV

«Наше страшное время родило ужасные, почти неопишуемые преступления и злодеяния, воскресило самые дикие проявления варварства, напомнило самые невероятные злодеяния царя Ивана Грозного, самые чудовищные преступления всех времен и у всех народов. Было бы удивительным, если бы озверевшие люди нашего времени как бы в своем соперничестве в злодеяниях с злодеями и преступниками всех времен не завершили их тем, чем увенчал корону своих злодейств Иоанн Грозный, задушив руками своего палача Малюты Скуратова доблестного правдолюбца митрополита Филиппа [Колычева], или чем увенчали себя злодеи смутного времени, умучив великого печальника земли Русской Патриарха Гермогена. Невидимая злодейская рука нашего времени будто лишь искала себе подходящей жертвы. И она нашла эту жертву в лице маститого старца, не сгибавшего своей головы ни перед какими идолами времени, в лице митрополита Киевского Владимира¹⁵².

Он, безвинный, пал одной из первых многочисленных жертв дикой расправы, какую люди-звери [...] учинили над беззащитными людьми в первые дни после занятия Киева в ночь на 25 января. Их, непосредственных убийц и мучителей, было пять „человек”; они были в серых „солдатских шинелях”. Они были физическими убийцами невинного старца митрополита, фактическими исполнителями гнусного злодеяния, но они, эти серые шинели, были все же лишь орудиями,

сознательными или бессознательными, другой воли, иной силы – злой воли времени, звериной силы многих диких людей. Вся обстановка, все подробности совершения убийства свидетельствуют о том.

Злодеи не под покровом темной ночи ворвались к беззащитному старцу, а спокойно вошли вечером (около 7 часов) в так называемые Экономические ворота лавры, спокойно, с полным сознанием своей безответственности, подошли к митрополичьим покоем и спросили у послушника, стоявшего в прихожей этих покоев: „Где митрополит?“. То были страшные дни бессудных убийств, грабежей и насилий. И, однако, приход к митрополиту пяти вооруженных людей будто никого даже не встревожил, не говоря уже о том, что этот зловещий приход, как следовало бы ожидать, не поднял всех обитателей на ноги, не заставил ударить набатный звон в гулкий колокол Великой лаврской церкви. Так были все напуганы страшными событиями или так привыкли к подобным наскокам, тем более что в тот же день (около трех часов дня) у митрополита уже был произведен обыск. Просто указали злодеям, что митрополит находится в помещении бывшего наместника лавры, куда те и направились. Потом „их“ направили в покои митрополита, куда пришел и митрополит. Пробыв несколько минут в нижних покоях митрополита, они повлекли его в верхние главные покои. Очевидно, то, что сделали и сказали Владыке злодеи внизу, было столь угрожающего свойства, что, по свидетельству послушника, у лестницы, ведущей наверх, митрополит остановился, не хотел идти в верхние покои и сказал бандитам: „Вы хотите убить меня; убивайте здесь, я дальше не пойду“. Но сопротивлявшегося митрополита насильно, прикладами втолкнули наверх. Что делали с Владыкой злодеи наверху, в точности и подробно, неизвестно. Известно только, что преступники заставляли его и его служителя, тоже старика Филиппа угощать их, потом потребовали от него ключи от шкафов и ограбили все, что могли; несомненно при этом совершали над Владыкой издевательства и насилия, как это видно из того, что икона и ладанка, которые Владыка всегда

носил на груди, были сорваны и потом найдены на полу покоев с оборванным шнурком. Несомненно и то, что злодеи делали свое дело не спеша и совершенно спокойно.

Когда преступники кончили ограбление и поругание Владыки, стали выводить его из верхних покоев. Его вывели сначала лишь в домашнем одеянии, но потом разрешили одеться в теплое выходное одеяние по просьбе кого-то из присутствующих. Окруженный разбойниками митрополит двинулся к выходу во двор лавры. Обращаясь к своему послушнику Филиппу, Владыка сказал: „Ну, прощай Филипп; мы, вероятно, больше не увидимся с тобой”. Старик со слезами бросился принять последнее благословение у митрополита, но был грубо оттолкнут злодеями со словами: „Какое теперь благословение!”

Митрополит побледнел, услышав этот грозный и знаменательный окрик. И вот пять злодеев, окружив митрополита, повели его; всеми своими оставленного – на мучение и казнь через открытый лаврский двор. Что испытывал ведомый на казнь, беззащитный старец, знавший, куда и зачем его ведут, – известно одному Богу. Говорят, что он, идя со злодеями, напевал слова какой-то церковной песни.

Что делали злодеи со старцем-митрополитом на его голгофе – за стенами лавры, в нескольких шагах от нее, то неизвестно. На лаврском дворе монахи лишь слышали выстрелы – сначала как будто 3–4 и потом еще 2 выстрела и догадывались, что это расстреливали митрополита. Но об ужасах истязаний и издевательства над ним можно судить по тем ранениям, какие были нанесены ему и какие были установлены медицинским осмотром на другой день после убийства. Эти ранения поражают своей бесцельностью в смысле умерщвления беззащитной жертвы и свидетельствуют о тех жестоких мучениях и издевательствах, коими подвергали мучители свою жертву. Огнестрельных ран нанесено покойному митрополиту три, из которых каждая является, по заключению врача-эксперта, безусловно смертельная и достаточной для убийства человека; одна нанесена в упор в висок с ожогом, а две в грудь разрывными пулями, так как входные отверстия

малые, а выходные (на спине) очень велики, так что в эти, сделанные пулями отверстия, можно всунуть кулак. Много ран нанесено штыковых: одним штыковым ударом рассечена задняя часть головы, пять штыковых ран вокруг рта и несколько нанесено в живот, вследствие чего выпал сальник. Но самыми страшными свидетелями унижительных истязаний, каким подвергали мучители свою жертву, являются следы тупых ударов, рассеянных по всему телу (следы ударов кулаками, сапогами и проч.). Вся правая щека – сплошной кровоподтек, очевидно, от ударов по щеке кулаками или даже сапогами, прижизненных или, вернее, нанесенных в большинстве своем по [до? – *Сост.*] смерти.

Много, очень много было убито и расстреляно людей в Киеве в страшные кошмарные дни 25–29 января, но то были просто расстрелы, простые убийства, хотя и жестокие: ставили человека и из винтовки убивали его, или боязливым и нервным разрешали ложиться на землю лицом вниз и закалывали или застреливали их, потом раздевали донага и брали все, что находили у убитого. По отношению к мученику митрополиту злодеи проявили исключительную ненависть, злобу, совершенно непонятную зверскую мстительность. Что сделал или что мог сделать преступникам всегда приветливый, всем доступный, безобидный старец? Ведь для проявления такой злобы и мстительности нужно было или крайнее личное озлобление против него, или дьявольская злоба против той христианской религии, представителем которой убиваемый бандитами был. Какая из этих двух возможностей более допустима, судить не беремся. Во всяком случае поразительно и то, что преступники не сняли с убитого митрополита его шубу, представлявшую все же большую ценность, чем те, подчас жалкие шинели, которые разбойники в те ужасные дни снимали с убиваемых ими офицеров, солдат, студентов, чиновников и проч.

Следствие, которое теперь ведется об убийстве митрополита Владимира, надеемся, скажет всю правду о злодеянии этом и о самих злодеях. А мы теперь с благоговением, покорностью воле Божией и сердечной,

невыразимой скорбью склоним свои обнаженные головы перед могилой нового мученика митрополита Владимира и попросим Господа, чтобы Он, Всеведущий, не вменил нам и всей нашей многострадальной Родине неповинной крови страдальца-митрополита. Верим, что он принял мученический венец и пред кончиной благословлявший мучителей (на что указывает крестообразное сложение перстов у почившего) и там, у престола Всевышнего, испросит прощение грехов всем тем, кто так или иначе повинны в мученической смерти его» (Злодейское умучение митрополита Киевского Владимира Богоявленского // Свободное слово христианина. Киев. 1918. №4[?]).

V

«Убийство митрополита Владимира (От нашего специального корреспондента)»

1. Телеграмму редакции, а с ней и первое известие об убийстве митрополита Владимира я получил на станции Бровары (вторая станция от Киева), где по условиям современного передвижения по России мне пришлось провести целую ночь.

Сюда был прислан следующий приказ главнокомандующего большевистскими отрядами, взявшими Киев, Муравьева:

Всем гражданам г. Киева.

В то время, когда революционные войска, истекая кровию на улицах Киева боролись с врагами свободы пролетариата и трудового крестьянства на Украине, какие-то преступники, несомненно ложно назвавшие себя анархистами, ночью 25 января [07.02] в тылу революционных войск совершили страшное дело. Они вооруженные ворвались в покои Киевского митрополита Владимира, ограбили его, вывели за монастырь и убили. Не нахожу слов возмущения этому злому делу. Заявляю от себя и всей революционной армии, что приму самые решительные меры к розыску злодеев-provокаторов и к жесточайшему их наказанию.

Главнокомандующий Муравьев.

Мне было известно уже в пути, что Лавра, взятая большевиками одною из первых, так как на Печерск были направлены Макеевский (Донской) и Тверской отряды второй

революционной армии Егорова, в первые же дни наступления на Киев большевистских войск охранялась специально назначенными солдатскими караулами, которые должны были никого не пропускать, особенно ночью.

Следовательно, если злоумышленники ворвались в обитель, как гласил приказ Муравьева, то естественно было предположение, что злоумышленников было много и что с охраной лавры у них должен был произойти бой.

На самом же деле, как выяснилось впоследствии во время посещения мною лавры 29 января, в день похорон митрополита Владимира, злоумышленники вовсе не врывались в лавру, а прошли спокойно мимо вооруженной стражи в воротах, которая их и не думала останавливать, и так же спокойно и беспрепятственно вывели через так называемые Экономические ворота лавры свою жертву к равелину Николаевского форта, где, близ самой улицы, на площадке за валом и совершили свое страшное дело.

Несомненно также, что само преступление не явилось случайным, и мотивами его не было одно ограбление, но это кошмарное дело было задумано и выполнено по определенному плану и с определенной целью.

2. После похорон я был приглашен в покои о. наместника, где собралось многочисленное высшее духовенство во главе с бывшим Экзархом Грузии митрополитом Платоном [Рождественским], и здесь, как из рассказа самого наместника, а также других лиц, очевидцев происшествия, выяснились подробности этого страшного дела.

Отец наместник начал свой рассказ так:

– Владыка митрополит с самого начала осады лавры и ее обстрела обнаруживал некоторые признаки волнения, очевидно предчувствуя свою мученическую кончину. При нем безотлучно находился Преосвященный Феодор [Лебедев; Прилукский? – *Сост.*], которого Владыка митрополит почти не отпускал от себя. Так как снаряды стали попадать в лавру, и уже несколько зданий было ими повреждено, то я настоял на том, чтобы Владыка перешел сначала в Михайловскую церковь, где на

первой площадке и было поставлено два кресла: для него и для Владыки Феодора.

Здесь Владыка провел первую ночь. В следующие же ночи Владыка митрополит перешел в алтарь храма, куда была принесена кровать.

Когда канонада несколько ослабела, возникли речи о переводе Владыки в покои бывшего митрополита Антония [?], но еще две ночи Владыка провел в Успенской церкви. Затем митрополит перешел в покои.

В роковую ночь, часов около восьми, Владыка Феодор принужден был на некоторое время отлучиться от митрополита, вышел из покоев и неожиданно встретил пять человек: четверо в солдатских шинелях, пятый в кожаной шведской куртке, которые поднимались по лестнице. Все были вооружены винтовками с примкнутыми штыками.

– Вы будете митрополит? – остановили они Владыку Феодора.

– Нет, – последовал ответ. – Митрополит у себя.

Злоумышленники направились в покои митрополита, а Преосвященный Феодор хотел было за ними последовать, но ему было приказано оставить немедленно покои. Однако Владыка Феодор видел через отворенную настежь дверь, как они подошли к митрополиту и, окружив его, увели за ширмы, стоящие в покое.

Владыка Феодор удалился, распорядившись, чтобы дали знать о происходящем о. наместнику и, полагая, что это обыск, которые за последнее время многократно производились в лавре.

Затем следует уже рассказ келейника покойного Владыки:

– Пришедшие заставили митрополита открыть кассу, в которой, по словам Преосвященного Феодора, не могло находиться много денег, и взяли содержимое не тронув, однако, несколько штук драгоценных панагий, а затем приказали митрополиту следовать за собою к коменданту.

Предчувствуя недоброе, митрополит произнес ровным и спокойным голосом:

– Вы уж лучше тут меня убейте; хочу умереть в лавре.

– Ну, ну, нечего... Собирайся! – последовал грубый ответ.

Келейник подал митрополиту теплую ряску, шапочку и посох.

Владыка надел ряску, взял из рук келейника посох и благословил его. Солдаты окружили митрополита.

Келейник хотел было следовать за ним, но его грубо отстранили.

Монаху-швейцару, стоявшему внизу, у парадных дверей, покойный митрополит сказал:

– Прощай, Филипп! – и благословил его.

– Ладно, ладно, довольно попил нашей крови! – буркнул сзади идущий солдат и загородил швейцару выход из дверей.

Владыку митрополита увели. Швейцар, высунувшись из дверей, видел, как его повели по направлению к Экономическим воротам, выходящим на улицу, по которой мимо артиллерийского склада ходит трамвай.

Было темно, грохотали пушечные выстрелы, на черном небе разрывались огни снарядов, летевших в город, местами поднималось зарево.

Плачущий келейник бросился к о. настоятелю [наместнику? – *Сост.*].

– Я сейчас же позвонил к назначенному большевиками коменданту лавры, – продолжал свой скорбный рассказ настоятель, – и попросил его, чтобы послали вооруженный наряд матросов, сообщив, что неизвестные арестовали и увели Владыку митрополита. На это последовал ответ коменданта по телефону: „Сейчас посылаю сто человек матросов”. Действительно, матросы пришли, прошли через все ворота и обошли лавру, но затем вернулись и доложили, что митрополита нигде не нашли.

Между тем убийство митрополита совершилось всего в нескольких десятках саженей от лаврской ограды, и представляется странным, как матросы могли не обнаружить здесь людей, уведших с собою Владыку.

Остаться незамеченной ими эта площадка, полностью открытая с дороги, не могла.

Совершенно непонятно также, как сторожа у ворот не остановили злодеев, которые прошли мимо них. По словам одного сторожа, он видел, что солдаты провели какого-то батюшку.

Этим окончились все розыски уведенного митрополита.

Терроризированная братия полагала, что митрополит арестован и доставлен в Мариинский дворец, в военно-революционный комитет, куда сводили всех арестованных в эти кошмарные дни, и что утро принесет с собою разгадку.

– Да, утро принесло с собой разгадку, – скорбно повторил о. наместник, – наутро мы узнали, что Владыка принял мученический венец за Церковь, став первым Ее священномучеником, может быть, во искупление наших тяжких прегрешений перед Господом.

Это была, действительно, торжественная и страшная минута: затихло все собрание архиереев, архимандритов и монахов. Митрополит Платон [Рождественский] сидел с бледным, усталым лицом, полузакрыв глаза.

– Как же отыскиали тело? – произнес он слабым голосом.

– Пришли в лавру жители, какая-то женщина и двое мужчин, – продолжал наместник. Говорят: „Ступайте, посмотрите, не вашего ли монаха убили? Лежит на площадке у равелина“. Монахи побежали, и увидели тело митрополита.

Опять тягостное молчание. Владыка Платон медленно поднимает руку и крестится.

Мелькают широкие рукава ряс, все крестятся за Владыкой. У многих на глазах слезы.

Вот могучий иеродиакон. Он служил сегодня и плакал, возглашая своему покойному Владыке бархатной октавой вечную память. Если бы на его плечи надеть старинную русскую кольчугу, он был бы похож на исторического инока Пересвета, посланного св. Сергием на Мамая.

На его глазах слезы, и подергиваются судоргой могучие плечи.

Но скорбная повесть продолжается. Говорит иеродиакон Иаков.

– Уже несколько дней, как следили за покойным Владыкой. Не иначе как среди них были „свои” люди. Вот что в трапезной было: пришли какие-то солдаты, один в кожаной куртке тоже был, спрашивают меня: „А где у вас митрополит живет?” Зачем вам? – спрашиваю. – В своих покоях”. Переглянулись. – „Ладно, – говорят, – Мы его себе заберем”. Сели трапезовать. Я спрашиваю их: „Какой губернии?” – „Курской, Фатежского уезда”, – отвечают. А у нас как раз были рабочие из Курской губернии... Едят и говорят: „Мы теперь народ сознательный, мы все знаем. Все должно перейти в рабочие руки, и лавра ваша тоже... На что она? Только дармоедов кормить”. А сами едят даром монастырское... „Что у вас кроется в пещерах? Поди золото, серебро”... „Мощи св. угодников”, – отвечаю. „Ладно, бабам сказывай! Вот заберем себе лавру, все откопаем”. „Ваша власть, – отвечаю, – но это коли Господь попустит”. – „Бог, мол, в эти дела не мешается. А правда, что у вас митрополит триста тысяч в год получает?” – „Неправда”, – говорю. – „Как неправда? – воскликнул один. – Я двенадцать лет жил в Лавре, я все знаю”. А другой прибавил: „Больше вы вашего митрополита не увидите”.

Опять секунда тяжелого молчания. О. Иаков продолжает:

– Ни к чему мне были эти слова. Мало ли теперь богохульников? Так, думал, поедят, покошунствуют, да и уйдут. А вон что вышло. Не вразумил Господь. А уж как Владыку митрополита убили, видел я опять в трапезной тех же людей. Сидели, обедали...

Выступает о. Венедикт, также один из очевидцев:

– Видел я как из покоев вывели Владыку. Впереди шел „лайковый пиджак”, за ним Владыка с посохом, по бокам и сзади солдаты с ружьями. Ноги у меня подкосились... Увели. Смотрю, идет о. Моисей. Я к нему: „Ты видел, Владыку увели?” „Видел”, – отвечает. Стоим мы на дворе, не знаем, что делать. Смотрим, идут человек пятнадцать с фонарями, матросы, да еще эти... красногвардейцы, что ли, прости Господи. Мы к ним: „Вы видели, как провели митрополита?”. Они нам не отвечают, а кто-то подошел и спрашивает: „Ну что, товарищи, нашли?” „Нашли, – отвечает голос, – всех по одному переведем!” Я

сказал о. Моисею: „Беги, скажи о. наместнику”, а сам побежал к воротам. Спрашиваю у сторожей: „Куда провели Владыку?”. Они отвечают: „Провели к артиллерийскому складу, а потом повернули направо”. „Как же вы, – спрашиваю, – не задержали?” „Нам, – отвечают, – этого не приказано. Нас поставили, да и только”. А кто поставил, зачем поставил, ничего они не знают. „Ежели, – говорят, – наши товарищи-солдаты вели, значит так нужно, а нам какое дело?” Побежал я направо из ворот, темно. Слышу четыре выстрела бахнуло, а потом еще два. Близко. Страшно мне стало, вернулся. Не иначе, думаю, это из рабочих, арсенальцев. Некоторые из них злы на нас были, ходили да высматривали кельи монахов, которые побогаче...

О. Венедикт умолкает, скорбно никнет головой. Начинает говорить иеродиакон Александр:

– Пришел я из Благовещенской церкви в седьмом часу вечера, разделся, стал собираться ужинать. Вдруг резкий звонок. Феодор-келейник открыл. Вошли пять человек. „Где у вас тут митрополит живет?” „Наверху, – отвечает Феодор, – во владычных покоях”. Четверо пошли наверх, а один внизу остался. Начал с нами разговаривать. „Тут у вас братию обижают, – говорит, – нужно устранить, чтобы этого не было”. Помолчали мы. Я спрашиваю его: „А вы какой губернии?” „Полтавской, – отвечает, – Прилукского уезда. У вас, – говорит, – в лавре родственник мой есть, Герасим на пещерах,, – „А вы большевики?” „Мы, – говорит, – из артиллерийского склада”. В это время идут остальные четыре сверху, ведут Владыку, и Феодор-келейник с ними. Владыка говорит: „Я с вами не пойду, расстреляйте меня здесь”. Тот, что в кожаном пиджаке, отвечает: „Иди, иди, кто тебя станет расстреливать?” Владыка стал благословлять Феодора, хотел было и я подойти под благословение, но один солдат толкнул Владыку и грубым голосом сказал: „Довольно тебе благословлять, наблагословлялся. Попил ты нашей кровушки”... Екнуло у меня сердце. „Куда же вы поведете Владыку?” – обратился я к одному солдату. „В главный штаб, – отвечает, – в город”. Повели Владыку. Феодор побежал к о. наместнику, а я пошел было

следом за ними, но меня прогнали. Слышал только, как один солдат сказал другому: „Это важный преступник, его сейчас судить будут”.

– И Христа судили, как преступника, – вздохом вырывается у кого-то из отцов, и опять томительное, жуткое молчание.

Меня отводит в сторону от молчаливого собрания иерархов старик в штатском и рекомендует:

– Я друг покойного митрополита Владимира, профессор Голубев. Вы слышали, что говорили здесь отцы? Несомненно, что убийство было задумано давно и что в совершении его принимали участие свои люди, хорошо знающие лавру. При энергичном следствии раскрыть это убийство ничего бы не стоило. Но интересно, как поведет себя следствие большевиками и оправдается ли приказ Муравьева?

К нам подходит один из викарных епископов:

– Несомненно, – говорит он, – в данном случае существовал и, вероятно, продолжает существовать заговор, направленный против высшего духовенства. Например, здесь нет епископа Назария [Блинова], который должен был прибыть на погребение из Выдубецкого монастыря. Дело в том, что в Выдубецкий монастырь приехали солдаты и матросы и арестовали епископа, но только слезы братии и коленопреклоненные ее просьбы возымели некоторое действие, и епископ не был увезен. Но надолго ли это? Приедет другая шайка, и все пойдет по-иному.

3. [...]

4. Тело Владыки митрополита нашли, как я уже говорил, только утром, и монахи перенесли его в лавру.

Покойный найден был на площадке перед высоким бруствером. Он лежал навзничь, раскинув руки. Пальцы правой руки заоченели в крепко стиснутом крестном знамении. Очевидно, в момент кровавой расправы Владыка осеняет себя крестом. На теле было найдено четыре огнестрельных раны и три штыковых. Две раны было в лицо, одна около виска. Неподалеку валялись посох и шапочка. Панагия, висевшая на груди, исчезла, исчезли также и сапоги с галошами.

Сапоги – это обычный трофей, который убийцы приобретают от всех расстрелянных и казненных.

Тотчас дано было знать коменданту. Прибыли комиссары, осмотрели митрополичьи покои и распорядились их опечатать.

Тело почившего было поставлено в дубовом гробу в Великой Успенской церкви, в которую, во время этих ужасных дней, попало два снаряда; один в главный придел алтаря [?! – *Сост.*], разрушив дивную капитель над верхним карнизом.

Дивный исторический храм также являлся жертвой слепой разыгравшейся человеческой стихии, и в том, что тело почившего Архипастыря было положено во гроб именно в этом оскверненном людскою яростью храме, было само по себе нечто знаменательное, нечто заставлявшее взглянуть в глубину своей души, побуждавшее глубоко задуматься всех, у кого не умерла еще совесть.

Я осматривал вместе с двумя монахами историческую ныне площадку, где совершилась казнь престарелого митрополита.

Она отделена от улицы довольно высоким деревянным барьером, за которым протянута еще колючая проволока. Перешагнуть через это препятствие старец митрополит не мог, и, следовательно, его или перетащили через него, или же привели на площадку со стороны артиллерийского склада, куда должны были раньше ввести.

По самом тщательном расследовании, я не нашел на барьере и проволоке никаких следов, которые бы давали возможность заключить, что митрополит был перенесен через барьер. Следовательно, оправдывается вторая версия, что покойного привели со стороны склада.

Тут же, у здания склада, на смежной площадке стоят два полевых орудия, жерла которых грозно смотрят через вал на город. Возле этих орудий в ту ночь, когда еще Киев обстреливался, несомненно должны были быть солдаты, которые не могли не видеть, что делается у них в двух шагах. Следовательно, вторая версия, что Владыку провели через арсенал еще раз подтверждается.

А на выводимых через арсенал солдаты могли не обратить внимания уже потому только, что расстреливаемых в те

кошмарные дни было столько, что к расстрелам привыкли и считали их обычным явлением.

Затем, когда мы осматривали площадку, подошла какая-то женщина, которая сказала, что здесь, вместе с телом митрополита лежало еще два тела. Откуда же появились эти тела? Очевидно, только из склада, где могла быть и временная тюрьма для намеченных жертв и временное же судилище, постановлявшее свои приговоры.

Тела этих неизвестных расстрелянных исчезли, а тело покойного митрополита было оставлено, очевидно, преднамеренно.

Здесь нужно поставить часовню, – сказал один из монахов.

Женщина набожно крестилась.

Мимо проходили два молодых безусых солдата с модными теперь „челками” на лбу.

– Чаво это тут монахи? – спросил один.

– У них тут митрополита убили, – равнодушно ответил другой, – до сих пор шляются. Делать им нечего...

– Звери, звери, – крестясь шептала женщина, – что они с Киевом-то сделали. Звери!

Было невыразимо тяжело...

А спускаясь вниз, по той же дороге, ведущей вниз, к Днепру, я наткнулся на труп убитого украинца, который лежал тут уже несколько дней, никем до сих пор не прибранный, и от трупа испуганно и виновато отбежала грызшая его собака» (Марков Б. Убийство митрополита Владимира // Утро России. 1918. №20. 6–19 февраля. С. 7)¹⁵³.

Полагаем, что приведенные свидетельства печати в достаточной степени обрисовали картину первого зверского убийства Православного архипастыря в новую эпоху исторической жизни нашей Церкви и Родины.

29.01(11.02). 1918 г., на четвертый день после убийства, в Киеве, в Великой лаврской церкви, совершается отпевание тела митрополита Киевского и Галицкого Владимира.

Заупокойную литургию и чин отпевания, при громадном стечении народа, совершают: митрополит Тифлисский и Бакинский, Экзарх Кавказский Платон [Рождественский],

епископ Черниговский и Нежинский Пахомий [Кедров], епископ Балтский Пимен [Пегов], киевские викарии: епископ Чигиринский Никодим [Кротков], епископ Уманский Димитрий [Вербицкий], а также Преосвященные: Екатеринославский и Мариупольский Агапит [Вишневский] и Каневский Василий [Богдашевский].

Свое надгробное слово митрополит Платон заканчивает земным поклоном почившему священномученику от лица Святейшего Патриарха Тихона.

Наконец, слух о киевской трагедии достигает Москвы и Всероссийского Церковного Собора, Почетным Председателем которого был убитый Архипастырь.

3(16).02.1918 г. состоялось 76 деяние Собора в Соборной Палате, находящейся при храме св. Равноапостольного великого князя Владимира, что в Московском Епархиальном доме, сооруженном в свое время ныне убитым Архипастырем...

«80. В 12 ч. 10 м. дня в Соборную Палату прибывает Святейший Патриарх Тихон и преподает благословение.

81. Собор воспевает „ис полла эти, деспота”.

82. Председательствующий [митрополит Арсений Стадницкий. – *Сост.*]. Голосование остальных поправок к статье 17 отлагается до следующего заседания, которое будет в понедельник.

83. Святейший Патриарх Тихон. Появившиеся в газетах сведения об убийстве в Киеве митрополита Владимира, к несчастью, ныне подтвердились.

(Члены Собора встают с своих мест и осеняют себя крестным знамением.)

Я имел печальный случай убедиться в этом от одного человека, прибывшего сегодня из Киева. Злодейское убийство произошло 25 или 26 января, когда часть Киева была уже в руках большевистских войск. Большевистские солдаты в этот день явились в Киево-Печерскую Лавру, находящуюся вблизи арсенала. Солдаты думали, что в Лавре установлены орудия. Спросив у лаврской братии, кто здесь хозяин, солдаты направились в покои митрополита Владимира, произвели здесь обыск, рассчитывая найти большие деньги. Но у митрополита Владимира оказалось только 100 рублей. Здесь солдаты

спросили у митрополита, нет ли в Лавре орудий и оружия. Несмотря на заявление митрополита, что никакого оружия в Лавре нет, солдаты произвели полный обыск. Конечно, ничего подозрительного в Лавре не оказалось.

После этого солдаты приказали митрополиту Владимиру одеться и следовать за ними к коменданту. Был вечер. Митрополит был выведен за лаврские ворота. Братия Лавры или перепугалась, или солдаты не разрешили идти за митрополитом, – только митрополит Владимир ушел с солдатами один. На следующее утро митрополит Владимир вблизи Лавры был найден убитым. На трупе были обнаружены две смертельные огнестрельные раны и несколько штыковых.

Помолимся об упокоении чистой и святой души митрополита Владимира.

84. Святейший Патриарх при общем пении членов Собора совершает панихиду по убиенном митрополите Киевском Владимире.

85. Заседание Собора закрыто в 1 час дня...» (Деяния. Кн. 6. Вып. 2. С. 259–260)¹⁵⁴.

В тот же день (суббота, 3–16.2.1918 г.) в 4 часа пополудни, Святейший Патриарх Тихон совершает панихиду по убиенном митрополите Владимире в Сергиевском храме Троицкого подворья, – бывшей резиденции убитого, в бытность его митрополитом Московским и Коломенским (Поминование митрополита Владимира // Московские церковные ведомости. 1918. №3. С. 4).

6(19).02.1918 г. в храме Христа Спасителя заупокойную Божественную литургию по убиенном совершает Святейший Патриарх Тихон в сослужении архиепископов: Гродненского и Брестского Михаила [Ермакова], Рязанского и Зарайского Иоанна [Смирнова], Кишиневского и Хотинского Анастасия [Грибановского], Коломенского и Можайского Иоасафа [Каллистова] и епископа Дмитровского Димитрия [Добросердова].

По окончании литургии панихиду совершают: Святейший Патриарх Тихон, митрополит Арсений [Стадницкий], архиепископ Михаил [Ермаков], архиепископ Иоанн [Смирнов],

архиепископ Анастасий [Грибановский], архиепископ Иоасаф [Каллистов], епископ Владимир [Соколовский?], епископ Нестор [Анисимов], епископ Арсений [Жадановский], епископ Иннокентий [Ястребов?], девять архимандритов, пятьдесят шесть протоиереев и священников.

В храме находятся члены Собора и множество молящихся.

Во время панихиды на колокольне производится погребальный перезвон (там же).

Наконец, 15(28)2.1918 г., происходит торжественно-печальное заседание Священного Собора Поместной Российской Церкви, посвященное памяти своего бывшего Почетного Председателя, мученически скончавшегося митрополита Киевского и Галицкого Владимира.

В 4 часа дня в Соборной палате, при общем пении всех присутствующих, Святейший Патриарх Тихон совершает панихиду, после которой открывает это (85) соборное заседание.

Первую речь произносит Святейший Патриарх.

Он говорит:

«Преосвященные Архипастыри, отцы и братие. То ужасное, кошмарное злодеяние, которое совершено было по отношению к Высокопреосвященному митрополиту Владимиру, конечно, еще долго и долго будет волновать и угнетать наш смущенный дух. И еще, надеемся, много и много раз православный русский народ будет искать себе выхода из тяжелого состояния духа и в молитве, и в других сладостных воспоминаниях о почившем убиенном митрополите. Поэтому, вполне естественно, достойно и праведно Освященный Поместный собор, почти сейчас же после получения известия об убиении митрополита решил, чтобы ему, в Бозе почившему митрополиту, посвятить особенное печально-торжественное заседание, которое я ныне и имею честь объявить открытым. Последующие ораторы, без сомнения, с достаточною полнотою исчерпают жизнь и деятельность в Бозе почившего митрополита и как архиерея, проповедника, и как человека частного. Я позволю себе сказать только несколько слов о нем, как о члене Святейшего Синода. Мне Господь судил еще лет 15 тому назад заседать с

Высокопреосвященным митрополитом Владимиром в Святейшем Синоде. И тогда, а особенно впоследствии, неоднократно во время таких заседаний невольно бросалась в глаза его великая ревность, которая снедала его о Слове Божиим, о Доме Божиим, о пользе Святой Церкви. Особенно эта ревность его пылала, когда он сделался первенствующим членом Святейшего Синода. Он был верен канонам Святой Православной Церкви, преданиям отеческим и безбоязненно и смело, честно и благородно исповедовал эту снедающую его ревность пред всеми, какими бы последствиями это не сопровождалось. Может быть некоторым из тех, кои любят сообразоваться с веком, казалось это отсталостью, косностью, неподвижностью, но все истинные сыны Царства Божия оценят эту ревность и верность канонам и преданиям отеческим в Бозе почившего митрополита. Господь за эту ревность увенчал его мученическою кончиною и на нем исполнилось слово святого Апостола Павла, который говорит, „вам дано не только веровать во Христа, но и пострадать за Него” (Флп.1:29). В Бозе почивший митрополит не только имел горячую веру и исповедовал ее, но и мученическою кончиною запечатлел эту веру во Христа.

Конечно, судя по-человечески, ужасною кажется эта кончина, но нет ничего напрасного в путях Промысла Божия, и мы глубоко верим, как высказал на прошлом заседании Высокопреосвященный митрополит Антоний [Храповицкий], что эта мученическая кончина Владыки Владимира была не только очищением вольных и невольных грехов его, которые неизбежны у каждого, плоть носящего, но и жертвою благовонною во очищение грехов Великой Матушки-России. Да будет же почившему Владыке митрополиту Владимиру вечная и признательная память от всех верующих. Вечная ему память, вечная память, вечная память» (Памяти убиенного митрополита Владимира: Речь Святейшего Патриарха Тихона // Церковные ведомости. Прибавления. 1918. №9–10. С. 339–340).

После Святейшего Патриарха выступает ряд других иерархов.

О последних днях жизни, обстоятельствах мученической смерти и подробностях погребения митрополита Владимира докладывает в своей речи епископ Черниговский и Нежинский Пахомий [Кедров].

Выступавший, среди последующих ораторов, протоиерей о. И. Восторгов, в свое время много работавший на церковно-общественной ниве под омофором убитого Архипастыря, начинает свою речь патетической фразой: «Агнца Божия проповедавшие и заклани быша якоже агнцы!..»

(В очень скором времени и сам оратор, о. протоиерей, последует за убиенным митрополитом!..)

После всего сказанного обращаясь к моральному облику митрополита Владимира, – приведем всего лишь два кратких отрыва на эту тему, извлеченные нами из тогдашней церковной печати.

«Памяти митрополита Владимира».

Заметка.

«Вся деятельность покойного Владыки проникнута была стремлением к религиозному просветительству, освящена была крепкою верою в Православный русский народ и борьбою с теми началами, которые разъедали христианское православное мировоззрение и искажали нравственный образ русского человека. В бытность на кафедрах Самарского епископа и Экзарха Грузии, Владыка самоотверженно трудился по облегчению и отвращению бедствий голода и холеры. И всю жизнь, кроме того, словом и делом боролся с народною нетрезвостью.

С виду действительно суровый, на самом деле добрый и всегда очень обходительный, Владыка Владимир не умел и не мог льстить, ему противны были внешние эффекты и всякие „декламации“. Сам он говорил в Петроградской Академии, при вступлении своем на кафедру Петроградскую, что он умеет любить, но, может быть, не сумеет только достаточно ясно проявить эту любовь. И для всех, кто имел возможность ближе познакомиться с митрополитом Владимиром, – ясна святая правда этих слов, ясен и внутренний источник такого его настроения: это – величайшая скромность Владыки, его как бы

стыдливость перед всяким видимым и понятным для окружающих обнаружением его доброго сердца. Отдаваясь добрым влечениям сердца, он положительно боялся подчеркивать их, не любил и смущался, когда это делали другие.

Глубока тайна человеческой души вообще, а тайна такой, преисполненной смиренности, души, как душа митрополита Владимира, еще глубже, еще непроницаемее. Да люди в большинстве и не хотят знать души человека. Им нужен эффект, декламация, к которым именно чистые, честные и скромные души совершенно неспособны.

Мы не беремся предсказывать, что скажет о митрополите Владимире история. Но Царь Небесный уже сказал о нем Свое великое слово: Он украсил митрополита Владимира – этого ревнителя веры, преданнейшего раба Христова и Его Заветов, – венцом, который стоит вне и неизмеримо выше человеческого суда: это – венец мученичества» (Луч света. Пг., 1918. №1–2. С. 7).

Другой автор пишет:

«Только близко соприкасавшиеся с [...] [почившим. – *Сост.*] в деятельности святителя, в том числе и нынешний Святейший Патриарх Московский и всея России, знали всю высоту его настроения и крепость и прямоту его духа и глубоко чтили его. На Соборе скромный Святитель остался как-то в тени» (Ф. Б. Памяти архипастыря мученика // Церковные ведомости. Прибавления. 1918. №9–10. С. 360).

Святейший же Патриарх Тихон, в своем послании к Константинопольскому Патриарху, по поводу воздвигнутых на Церковь Божию в России гонений – в следующих речениях отзывался о трагической гибели Киевского митрополита:

«Чистою жертвой [...] воздвигшейся бури пал возлюбленный брат Наш во Христе, Высокопреосвященный митрополит Киевский Кир Владимир. Во время кровавой борьбы, бушевавшей в матери градов русских – древнем и священном Киеве, приснопамятный Святитель Владимир извлечен был вооруженными людьми из места своего пребывания во Святой Киево-Печерской обители и предан ими насильственной

смерти» (Указанное послание, №2740 от 15–28.05.1918 г. [См.: Акты... С. 131]).

И просил Вселенского Патриарха вчинить имя убиенного в «священные диптихи» Великой Церкви для поминовения души его за Божественными службами.

Оказались не лишенными печальной интуиции слова и другого видного церковного деятеля тех лет, члена Собора, единоверческого епископа Симона [Шлеева], убитого 5(18).08.1920 г., сказавшего, что, «может быть ныне еще не наступило время мученичества; мы пока не видели мучеников-епископов кроме одного, пролившего мученическую кровь митрополита Владимира. Дай Бог, чтобы мученический период не наступал» (Прот. С. И. Шлеев).

[Убийству митрополита Владимира посвящены и воспоминания члена Собора епископа Нестора, см.: Нестор (Анисимов), архиеп. Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 году: (Поличным Воспоминаниям). Харбин: Изд-во Обители Милосердия, 1937. См.: Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). Т. 1. М.: ПСТГУ, 2005. С. 413–440. – Ред.]

К сказанному остается добавить, что в описываемое время, в связи с нарастающим ожесточением и расширением гражданской войны, злоба человеческая все чаще и чаще стала касаться представителей Церкви. Отсюда появилась необходимость и молитвенного поминовения всего, немало уже, все возрастающего числа новых священномучеников, мучеников и мучениц, жизнь свою положивших за веру и Церковь Православную.

Так, в субботу, 31.03(13.04).1918 г., Святейший Патриарх Тихон, в сослужении архиепископов: Симбирского Вениамина (Муратовского) и Могилевского Константина (Булычева) и епископов: Астраханского Митрофана (Краснопольского; будущего священномученика) и Камчатского Нестора (Анисимова), десяти архимандритов и протоиереев, совершает в храме Московской духовной семинарии (Садово-Каретная

улица) – заупокойную литургию по «новым священномученикам и мученикам».

Во время запричастного стиха слово в память почивших произносит видный член Священного Собора, протоиерей П. Н. Лахостский.

«Молитвенные возношения на заупокойной литургии и панихиде произносились в такой форме:

„О упокоении рабов Божиих за веру и Церковь Православную убиенных:

Митрополита Владимира (Богоявленского; Киевского и Галицкого).

Протоиереев:

Иоанна (Иоанн Александрович Кочуров, Петроградская епархия),

Петра (Петр Иоаннович Скипетров, Петроградская епархия),

Иосифа (Иосиф Смирнов, Костромская епархия),

Павла и чад его (Павел Александрович Дернов, город Елабуга, Вятская епархия. Подробности в «Петроградском церковно-епархиальном вестнике» №9, от 8–21.04.1918 г.),

Игумена Гervasия (Брянского Успенского Свенского монастыря).

Иереев:

Павла (Павел Кушников, Новгородская епархия),

Петра (Петр Покрывалов, Тульская епархия),

Феодора (Феодор Афанасьев, Орловская епархия),

Михаила (Михаил Чефранов, г. Севастополь, Таврическая епархия),

Владимира (Владимир Ильинский, Костромская епархия),

Василия (Василий Угрянский, Симферопольская епархия),

Константина (Константин Снятиновский, Владимирская епархия),

Иеромонаха Герасима (Брянского Успенского Свенского монастыря),

Диакона Иоанна (Иоанн Касторский, Костромская епархия),

Послушника Антония (Брянского Успенского Свенского монастыря),

Раба Божия Иоанна (Иван Павлович Перебаскин, смотритель Соликамского духовного училища)

и иных многих священного, иноческого и мирского чина, их же имена Ты, Господи, веси» (Церковные ведомости. Приложения. 1918, №13–14. С. 501–505; №15–16. С. 519–520).

А двумя неделями позже – 5(18).04.1918 г. – было установлено: 25.01(07.02) – день мученической кончины митрополита Владимира ежегодно отмечать нарочитым заупокойным богослужением, как день памяти «всех усопших в нынешнюю лютую годину исповедников и мучеников» (Собрание определений и постановлений. Вып. 3. С. 55)¹⁵⁵.

В том же апреле месяце, по-видимому, в связи с установлением этого поминального дня, в церковной печати появилось сообщение о ходатайстве Всероссийского Союза православного народа о перенесении в Москву праха убиенного митрополита Киевского и Галицкого Владимира.

Соборный Совет постановляет означенное ходатайство передать рассмотрению «Совещанию архиепископа Анастасия [Грибановского] Кишиневского по увековечению памяти митрополита Владимира» (Церковные ведомости. Прибавления. 1918. №13–14. С. 477).

Отголосок этого сообщения еще раз слышался на третьей, заключительной сессии Собора (осенью 1918 года), когда опять был поднят вопрос о перенесении праха убитого митрополита в Москву. Но, на этом дело и заглохло... Тяжелые события тогдашней церковной жизни нарастали с невероятной быстротой и силой, и это благочестивое намерение так и не увидело своего завершения по причине этих роковых «обстоятельств времени»...

То же следует сказать и о ходе расследования подробностей киевской трагедии. 11(24).07.1918 г. последовало донесение Святейшему Патриарху Тихону от Председателя Всеукраинского Церковного Собора, епископа Балтского Пимена [Пегова] за № 269, об определении Всеукраинского Собора организовать особую следственную комиссию по выявлению всех обстоятельств убийства митрополита Киевского и Галицкого Владимира [Богоявленского]. Но и здесь этим благим

намерением все и ограничилось: жизнь страны и Церкви неслась неудержимым потоком вперед, в свое еще более бурное и тяжелое будущее – чего люди, конечно, тогда не могли предполагать и предвидеть... (Выписки из деяний III сессии Священного Собора 1917–1918 гг. Деяние 138. Рукопись. М., 1929. [Обзор деяний. Т. 3. С. 109. – Ред.]).

В заключение остается сказать несколько слов о совершенно особом положении митрополита Владимира и значении его в истории восстановления Патриаршества в нашей Церкви.

Оглядываясь назад и вникая в обстановку, сопутствовавшую избранию и наставлению Святейшего Патриарха Тихона, теперь, по прошествии значительного времени, улавливаются некоторые своеобразные детали, не обратившие тогда на себя должного внимания современников; вернее не заостренные ими как это следовало бы. Например, имеем в виду то обстоятельство, что возглавил это историческое торжество Русской Церкви не кто иной, как митрополит Владимир. Конечно, это было вполне естественным делом. Но нераскрытая особенность этого обстоятельства заключалась в том, что он был не только старейшим из иерархов и ревностнейшим святителем, поборником русского Православия, но – в некотором отношении – святителем единственным по своей иерархической правомочности (если так можно выразиться, имея в виду не только каноническую благодатность, но и историческую значимость святителя).

Дело в том, что только ему одному (т. е. митрополиту Владимиру), пожалуй, на протяжении всей истории нашей Церкви, суждена была исключительная честь (и, конечно, промыслительная особенность) – последовательного восседания на всех трех митрополичьих престолах России: Московском, Санкт-Петербургском и Киевском! В его лице как бы собралась и сконцентрировалась вся благодатность и историко-каноническая преемственность нашей отечественной иерархии, и это обстоятельство сделало его в полном смысле слова Всероссийским Первосвятителем, носящим на себе благословение и благодатные традиции митрополичьего Киева,

и Патриаршей Москвы, и синодального Петербурга, т. е. восприявшим священное наследие всех эпох и форм нашей церковной истории и церковного управления. Таким образом, одно это обстоятельство возглавления им последовательно всех трех первопрестольных кафедр России – ставит его в ряду нашей иерархии в совершенно особое, исключительное положение, не сравнимое ни с кем из его современников-святителей, а также и с предшественниками его в минувших веках!

На нем – повторяем – как бы сконцентрировалось все неоспоримое преимущество исторических и церковно-иерархических полномочий, и хочется думать, что произошло это не «случайно», а с той нарочитой целью, чтобы всю сумму этой многовековой благодатности, накопленной нашей Церковью, – в своем лице возглавителя интронизации вновь избранного канонического Главы Церкви Святейшего Патриарха, – тайнообразующе возложить на этого последнего, соделав его единственным наследником всех исторических и благодатных даров нашей Церкви и оградив его как бы тройной броней благословения наших бывших церковно-исторических центров на предстоящий ему (и его преемникам) подвиг высшего архипастырского делания. Все формы и объемы канонических прав и полномочий высшего церковного руководства за весь тысячелетний период его действия, со всеми вариантами и местными отклонениями, присущими как древнему киевскому княжеству, так и периоду Московской Руси или императорскому Петербургу, – все это слилось в согбенной фигуре престарелого Киевского митрополита, передавшего это благодатное церковно-административное наследие минувших веков, возводя канонического преемника своего, вновь избранного Святейшего Патриарха Тихона, на высоту горнего места древнего Успенского собора Московского Кремля, в морозное утро 21 ноября 1917 года...

[На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 31 марта – 5 апреля 1992 г. была совершена торжественная канонизация митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского), а в ночь с 26 на 27 июня того же года

состоялось обретение святых мощей митрополита Владимира. В течение 74 лет мощи священномученика почивали в Крестовоздвиженской церкви на Ближних пещерах Киево-Печерской Лавры. В начале 1992 г. в храме было установлено точное место погребения тела митрополита Владимира, и его мощи были перенесены в Дальние лаврские пещеры. С тех пор, помимо дня памяти 25.01(07.02) святителя, Церковь совершает празднование и в день обретения его мощей. Перед вечерним богослужением 26 июня мощи священномученика переносятся крестным ходом в Свято-Антониево-Феодосиевский храм Лавры, именуемый Трапезным, и остаются здесь до окончания праздничной литургии 27 июня, после чего, опять же крестным ходом, переносятся назад в Дальние пещеры. Такое же перенесение мощей святого митрополита Владимира в Трапезный храм на время вечернего богослужения и литургии совершается, если позволяют погодные условия, и в день памяти святителя.

См.: Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскином (Орловским): Январь. Тверь: Изд-во «Булат», 2005. С. 221–272. – *Ред.*]

40. Гибель протоиерея-миссионера о. И. Восторгова, архиепископа Андроника (Никольского), епископа Ефрема (Кузнецова) и др.

Помните слова Бальзака о том, что из всех семян, высеваемых в землю, – кровь героев дает самый богатый урожай...

Первый удар по живым силам Церкви последовал в начале революции и направлен был – в основном – на самых активных представителей Церкви – православных миссионеров.

Как только новая власть почувствовала под собою «твердую почву, она начала открытую борьбу с Церковью. Последняя не утратила этого [...] искуса и встретила гонения со стороны [...] правительства с величайшим спокойствием и достоинством.

Многие епископы, священники и монашествующие, а равно и верующие миряне почти с радостью и энтузиазмом, достойными первых христиан, шли на страдания. Сотни священномучеников, мучеников и мучениц и исповедников [...] доказали всему миру несокрушимое могущество христовой веры, и гонения еще раз стали „семенем Церкви“, по глубокому замечанию архиепископа Кентерберийского.

Если рядом с этими героями духа оказалось, однако, потом некоторое число малодушных и ослабевших, не выдержавших великого испытания, то таковые были и в первые века христианства. Стоит прочесть горькие укоризны св. Киприана, обращенные к „падшим“, чтобы убедиться в этом» (*Анастасий [Грибановский], архиеп. Беседы с собственным сердцем* [СПб.: Изд-во «Библиополис», 2002. С. 210])¹⁵⁶.

Описывая впоследствии этот именно церковно-исторический момент, известный церковный предатель А. И. Введенский, писал: «Политические события шли своим чередом. После левоэсеровского восстания [в Москве; 24.06–07.07.1918 г. – *Сост.*] последовал ряд покушений: Володарский, Урицкий, Ленин. После этого круто изменяется государственный режим. Правительство на насилие отвечает организованной

репрессией против всех врагов рабоче-крестьянской власти». Испытала и Церковь «эту тяжелую, карающую руку государства. Прекращает свое существование Собор, закрываются контрреволюционные церковные органы печати, пострадали и некоторые активные антисоветские [?? – *Сост.*] церковные деятели» (Введенский А. И., *прот.* Церковь и государство. С. 237).

После подлого убийства в Киеве митрополита Владимира, так или иначе, один за другим, погибают многие православные иерархи, клирики и миряне; кто – в порядке репрессии, кто – подвергшись роковым превратностям разбушевавшейся революционной стихии, достигшей в ту пору своего наивысшего напряжения, кто, наконец, – явившись жертвой чистейшего бандитизма, не встречавшего должного пресечения в связи с отсутствовавшими еще государственными органами внутренней безопасности и т. д.

Так, в числе пострадавших оказываются Преосвященные: Андроник (Никольский, бывший миссионер; †1918); Варсонофий (Лебедев, бывший миссионер; † 1918); Ефрем (Кузнецов, бывший миссионер; † 1918); Исидор (Колоколов, бывший миссионер; † 1918); Лаврентий (Князев, † 1918); Макарий (Гневушев, † 1918); Мефодий (Красноперое, † 1918); Пимен (Белоликов, бывший миссионер, † 1918); Герман (Косолапов, † 1919); Леонтий (фон Вимпфен, бывший миссионер, † 1919); Митрофан (Краснопольский, † 1919); Никодим (Кононов, † 1919)¹⁵⁷; Платон (Кульбуш, † 1919); Феофан (Ильменский, † 1919); Амвросий (Гудко, бывший миссионер, † 1920); Симон (Шлеев, †1920)¹⁵⁸ и т. д.

По-видимому, к этому же, примерно, времени относится выдержка из письма Святейшего Патриарха Тихона к митрополиту бывшему¹⁵⁹ Киевскому и Галицкому Антонию [Храповицкому], перехваченного где-то в пути, приведенная впоследствии в «Обвинительном заключении» по «делу» гр. Беллавина и др., начинающаяся словами:

«Опричники расстреливают нас как куропаток; за епископом Макарием [Гневушевым], Варсонофием [Лебедевым], о. Восторговым сей участи подверглись (по слухам) А. Андрюшин,

е[пископ] Ефрем [Кузнецов] и Варжанский Н., может быть, их участь лучше, чем нас, оставшихся» (Л. д. 127, т. IV [См. Акты... С. 236; Следственное дело... С. 278]).

Если остановить свое внимание на том, что слова эти написаны совершенно серьезно, а не в шутку или для юмористики, то подлинный характер тех лет сразу представится в своем истинном виде и станет понятно положение Церкви и Ее деятелей в тот период времени.

Тогда ходили слухи, что немало способствовали гибели этих архипастырей и пастырей их старые идеологические противники – сектанты вообще, а хлысты и скопцы в особенности, ибо до революции именно миссионеры вели с ними самую ожесточенную борьбу (конечно, прибегая иногда и к недопустимым средствам такой борьбы, естественно вызывая в тех крайнюю озлобленность, чего следовало избегать!). Для иллюстрации сказанного приводим здесь следующие слова из выступления бывшего Московского епархиального миссионера Ив. Георг. Айвазова на Всероссийском съезде духовенства и мирян в Москве, в июне 1917 года:

«Благодаря только мне [хвалился не ко времени И.Г. Айвазов. – Сост.] не прошли распутинские проекты о легализации хлыстов и о предоставлении широких прав немцам-колонистам [меннонитам? – Сост.]».

Когда я отказался обосновать идеологию перевоплощения Христа, клонившуюся к обожествлению Распутина, мне через митрополита Питирима [Оконова] был объявлен гнев бывшей царицы Александры Федоровны» (Свободная Церковь. 1917. №11. [?]).

Далее: также по слухам и некоторым последующим печатным данным, хлысты и скопцы действовали тогда через весьма благосклонного к ним, известного публициста-сектоведа и видного политического деятеля в самом начале революции – Вл[адимира] Дмитриевича] Бонч-Бруевича († в конце 1950 гг.). К этому предположению вполне присоединился впоследствии современный корифей русской богословской мысли, заслуженный профессор и доктор богословия Н.Н. Глубоковский. В одном из его зарубежных трудов читаем, между

прочим, такие строки: «С течением времени постепенно накапливался чисто объективный материал, необходимо сглаживая крайности и принудительно примиряя враждующих – кроме лишь фанатиков сектантского благополучия вроде добровольного светского сектоведа В. Д. Бонч-Бруевича, который с октября 1917 года кроваво рекламировал себя на практике чисто сектантским душителем всякой свободы печати и совести» (*Глубоковский Н. Н., проф. Русская богословская наука. С. 24*).

К довольно ранним, зловещим симптомам (всего вышеизложенного, подтвердившегося впоследствии), следует присовокупить и то, что еще до революции – в августе 1916 года – на происходившем в Киеве съезде военного духовенства юго-западного фронта, было обращено «внимание на вызывающее поведение некоторых сектантских вожаков, открыто проповедовавших близость революции и грозивших православным священникам теми ужасами, какие они переживают ныне.– Недалеко то время, – говорил, например, один сектант Киевскому миссионеру прот[оиерею] Савве Потемкину, убитому потом [большевиками] – когда вы, как древний пророк, будете скрываться в расселинах скал и дуплах деревьев, а вас будут потом перепиливать пилами» (*Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 2. С. 270*).

И, конечно, в какой-то связи со всем этим, имея в виду всю сложившуюся тягчайшую ситуацию, в 1922 году, сидя на скамье подсудимых в ожидании себе смертного приговора, митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский), в письме, написанном во время речи обвинителя и адресованном о. Петру Ивановскому, – писал: «Теперь время суда. Люди и ради политических убеждений жертвуют всем. Нам ли, христианам, не проявить подобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века» (*Предсмертное письмо... Рукопись. 1922 [Из письма митрополита Вениамина, расстрелянного в 1922 г. // Православное дело. Сб. №2 / Ред. епископ Нафанаил (Львов), архимандрит Корнилий; Обитель преп. Иова Почаевского в*

Мюнхене. – Женева: Изд. О-ва «Православ. дело», Б. г. С. 22. – *Ред.*)).

Далее, приводим следующие краткие сообщения по печати того (и позднейшего) времени о некоторых из пострадавших.

Так, по-видимому, в самом начале апреля 1918 года (или около этого времени), в Перми, толпою «безбожников» и всякого сброда, совершается зверская расправа-самосуд над архиепископом Пермским и Кунгурским Андроником (Никольским), – видным членом Собора 1917–1918 гг., проклявшим будто бы перед кончиною свою паству за то, что она не спасла его от насилия и смерти (впоследствии, впрочем, это опровергалось).

«Особенно жестоким пыткам был подвергнут архиепископ Пермский Андроник, которому были вырезаны сначала щеки, выколоты глаза и обрезаны нос и уши. В таком изувеченном виде его водили по городу Перми, а затем бросили в реку» (Иннокентий, старообрядческий епископ. *Оправдание бегства христиан во время гонений*. Кишинев, 1933. [?]).

Рассказы о насильственной и особенно мучительной кончине этого архиепископа довольно разнообразны, что, очевидно, в свое время было вызвано полным отсутствием хотя бы относительно-достоверной печатной информации, а специальная делегация Собора во главе с архиепископом бывшим Черниговским Василием [Богоявленским], посланная в Пермь для расследования этого ужасного дела, как известно, сама целиком погибла таким же трагическим образом, что, естественно, породило еще больше разного рода кошмарных слухов в народе...

В позднейших свидетельствах современников по этому поводу читаем:

«С величайшим трудом, и то при помощи Николая Димитриевича Кузнецова, получен был пропуск [...] на получение билетов для бывшего архиепископа Черниговского Василия [Богоявленского], архимандрита Матфея [Померанцева] и др. для поездки в Пермь, – причем это посольство окончилось более чем плачевно» (Из доклада митрополита Саратовского Серафима Александрова, № 337,

1929 г., в «Деле бывшего архиепископа Владимира Путяты». Рукопись. 1934. [?]).

Самая гибель Соборной делегации произошла 27 августа 1918 г.

Делегация в составе архиепископа бывшего Черниговского и Нежинского Василия [Богоявленского], архимандрита Матфея [Померанцева] и псаломщика П. И. Уткина [псаломщика П. И. Уткина заменил московский миссионер, член Собора А. Зверев. – Ред.], члена Собора от Пермской епархии, выяснив на месте все подробности совершенного злодеяния и собрав исчерпывающий по нему материал, направилась обратно – в Москву. По дороге (где именно – не выяснено), неизвестные лица выбрасывают всех троих из поезда и учиняют над ними зверскую расправу.

Свою преданность Церкви «П. И. Уткин [А. Зверев. – Ред.] запечатлел впоследствии своей мученической смертью: он был убит, чуть ли не закопан живым в землю, вместе с другим членом Собора красавцем-архимандритом Матфеем и епископом Василием [Богоявленским] Черниговским, отправившимися по поручению, кажется, Патриарха в Пермь на расследование об убиении архиепископа Андроника [Никольского]» (Руднев С. П. При вечерних огнях. См. наст. сб.).

Значительное время спустя один из жителей Северного Урала [Свердловска] в беседе с пишущим это убежденно заявлял, что архиепископ Андроник не был утоплен в реке, а после жестокого, невероятно зверского избиения был живым закопан в могилу. Проклятие же, будто бы наложенное им на свою паству, – категорически отрицал. Из рассказов о сем следует думать, что «проклятия» действительно не было в виде какой-то торжественной формулы, адресованной пастве. Были незадолго до происшествия многократные и энергичные выступления архиепископа против зверств и самосудов, практиковавшихся тогда некоторыми элементами населения, дошедшими во взаимной политической ненависти и нетерпимости до последнего предела. Отсюда можно думать, что в своих выступлениях Архипастырь грозил озверелым

людям ответственностью перед Богом и проклятием Церкви на головы закоренелых, нераскаянных грешников.

Таковы краткие сведения о гибели архиепископа Андроника.

По-иному развернулась трагедия известного еще и до революции, неутомимого проповедника-миссионера, протоиерея о. Иоанна Восторгова, ненавидимого (как и митрополит Владимир Богоявленский) всеми «левыми» элементами страны.

Началось как бы с «пустяков»...

20.07(02.08). 1918 г. в гражданской печати появляется сообщение «об аресте спекулянтов-попов», т. е. о. И. Восторгова, епископа Селенгинского Ефрема [Кузнецова], редактора журнала «Церковность» священника Карнеева, присяжного поверенного Крутицкого и петроградского купца 1 гильдии Погарева.

Позже к указанным будут причислены: епархиальный миссионер Варжанский «и др.».

Повод к аресту – самый опереточный: «в целях пополнения патриаршей казны» протоиерей Восторгов, настоятель храма св. Василия Блаженного, пытается продать уже не принадлежащий Церкви, согласно декрету об отделении Церкви от государства, – в части национализации церковного имущества, – дом московского миссионерского общества, петроградскому купцу-миллионеру Погареву.

Конечно: «продажа состоялась с благословения Патриарха Тихона».

Ряд дальнейших сообщений печати, необычайно раздувая это чисто спекулятивное и явно пустяковое (в государственном-то масштабе!!) «дело Восторгова и К^о», наряду с серьезными обвинениями предъявленными арестованным, пестрит обилием малоубедительных, пинкертоновских подробностей «дела». (Попы спекулянты // Известия ВЦИК. 1918, №111–375. 2 июня. С. 7; Горев Мих. По поводу одной делегации // Революция и Церковь. 1919. № 2. С. 7; // Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии 1917–1921 гг. М.: ГИПЛ, 1958. С. 119).

В связи с арестом виднейших священников-миссионеров Восторгова, Варжанского, архимандрита Григория, епископа

Селенгинского Ефрема [Кузнецова] и др., в газетах появляется заметка: «К аресту Восторгова и К^о», пытающаяся успокоить взбудораженное церковно-общественное мнение. В ней между прочим говорится: «В Советской России обеспечена полная религиозная свобода убеждений каждого» и «ни один священник, епископ и т. д. не был и никогда не будет арестован только за то, что он духовное лицо» (О «Восторговцах» (От Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией) // Известия ВЦИК. 1918. №118–382. 11 июня. С. 7).

И тут же газеты публикуют «Сообщение ВЧК о деле Восторгова».

В пространном повествовании с массой всяческих «правдоподобных» подробностей изображается история продажи дома миссионерского общества купцу Погареву.

В рассказе, ведущемся якобы со слов допроса Погарева, слишком явно проступает тенденция морально и «политически» скомпрометировать Святейшего Патриарха Тихона, митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого) и др. (Например, такие явные сказочки, как проект пересылки денег находящемуся под арестом на Урале царю Николаю II; организация фонда на «благовосстановление [?! – *Сост.*] монархии в России» и прочие глупости.) В заключение «Сообщение» договаривается до того, что приписывает мошенничество самому Святейшему Патриарху Тихону...

Словом, усердствующие не по разуму чиновники «дело» это сильно переиграли!

Приводимый в кавычках – как «подлинный» – текст дарственного документа Погарева также, по-видимому, весьма далек от истины, так как тот же документ, воспроизведенный в журнале «Революция и Церковь», изложен совершенно в других выражениях (но тоже – в кавычках!) (Патриарх Тихон и фонд для Николая Романова // Известия ВЦИК. 1918. №120–384. 13 июня. С. 6; Революция и Церковь. 1919. №2. С. 27).

Наконец, в середине июня 1918 года появляется сообщение об окончании следствия по делу группы церковных деятелей во главе с протоиереем о. И. Восторговым, причем президиум ВЧК,

ввиду «исключительно важного политического значения» настоящего дела [в чем заключается это «политическое» значение так и осталось никому неизвестным. – *Сост.*], передает его в Революционный трибунал для гласного судебного разбирательства в целях антицерковной пропаганды (Дело протоиерея Восторгова // Известия ВЦИК. 1918. № 133–397. 29 июня. С. 4).

После подобной обработки общественного мнения трагическая концовка «дела» Восторгова никого, конечно, не удивила... Широко известный в стране церковно-общественный деятель и миссионер, горячий и неутомимый проповедник Православия, безбоязненно и постоянно громивший всех и всяких (гражданских и церковных) врагов Церкви, бывший член Собора 1917–1918 гг. [о. Иоанн членом Собора не был. – *Ред.*], протоиерей о. Иоанн Восторгов, «уличенный в попытках восстановить в России династию Романовых [вот как: один отважился на такое дело! – *Сост.*], был как темная личность и враг трудящихся по постановлению ВЧК приговорен к расстрелу» (Революция и Церковь. 1919. №6–8. С. 22)¹⁶⁰.

А где же обещанный гласный суд в целях антицерковной пропаганды?..

«Протоиерей Восторгов был человек незаурядного ума и большой энергии [...] Протоиерей Восторгов погиб при большевиках, – его расстреляли. Умер он доблестной смертью христианского мученика. Перед расстрелом напутствовал и ободрял своих братьев, тоже обреченных на смерть» (Евлогий, митр. С. 185).

Что же касается епископа Селенгинского Ефрема (Кузнецова), то он также был расстрелян по обвинению в политических преступлениях.

По слухам, будто бы за то, что по указанию о. И. Восторгова постриг в мантию одного из Константиновичей и тем самым облегчил ему возможность скрыться от преследования.

Из сообщений печати об аресте епископа Ефрема на квартире у Восторгова (а одновременно с ним и других церковных деятелей; «Известия ВЦИК» № 118–382 от 29.05–11.06.1918), – характер виновности первого никак не

усматривается. Более того, говорится буквально следующее: «в квартире Восторгова *оказался* епископ Ефрем, который за свою черносотенную агитацию был арестован Забайкальским Советом и выслан в Петербург в распоряжение Чрезвычайной Комиссии. Чрезвычайная Комиссия *освободила тогда епископа*, взяв с него слово, что он не будет заниматься политикой». [Разрядка наша. – *Сост.*]. (Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии 1917–1921 гг. С. 124).

Спрашивается: где же и в чем его вина? Если он вел когда-то «агитацию» и, после этого побывав в Чрезвычайной Комиссии освобожден последней, то, стало быть, та «агитация» не была ему вменена в вину?..

Вопрос так и остался открытым.

Впрочем, все это были лишь «цветочки», а «ягодки» появились несколько позднее, когда судебное и административное преследование духовенства приняло гиперболические размеры и, вместе с грубым и пошлым поведением, появился так называемый «научный атеизм»...

Подобное положение практически существовало до конца 1943 года, найдя себе отражение в известном (в свое время) «Соловецком послании», в котором не зря упоминались «епископы и священнослужители в таком большом количестве страждущие в ссылке, в тюрьмах или на принудительных работах».

Кое-что из этой сферы просочилось и в гражданскую печать, однако в таком «научно-атеистическом» стиле, что разобраться в этих данных нет никакой возможности.

Для примера укажем, что в 1923 году издательство «Красная Новь» выпустило в свет брошюру Ионы Брихничева – недоучившегося семинариста, а затем попа-ренегата, перемахнувшего на «антирелигиозную» работу, когда почувствовал слишком сильную качку на церковном корабле¹⁶¹.

Называется брошюра: «Патриарх Тихон и его Церковь». В этом пасквиле автор ругает и обливает отборными помоями Святейшего Патриарха, а кстати, и всю Православную Церковь, в которой он не так еще давно проповедовал с амвона Бога. В этом своем «научно-атеистическом» труде, на странице 19 он

болтает о том, что в результате кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 году и «тихоновской агитации», когда было инсценировано бесконечное количество так называемых «процессов церковников», – «по полученным от 55 трибуналов сведениям окончено дел – 231. Всего привлечено лиц – 732...»

После этого приводится перечень разного рода репрессий, обрушившихся на головы осужденных «55 трибуналами», с указанием точного количества каждой.

Однако ни один самый опытный статистический работник не в состоянии понять что-либо из приведенных официальных «сведений». Вот этот перечень:

«Осуждено 149

Расстреляно 44

Условно осуждено 75

До 1 года -»- 31

От 1–2 л. -»- 34

От 2–3 л. -»- 199

От 3–5 л. -»- 74

Свыше 5 -»- 8

Взыскано имущество 4

Другие виды 120

Из этого числа осужденных:

Духовных 181

Граждан 408

Но процессы еще не закончены...» и т. д.

Приведенные «сведения», чрезвычайно далекие, конечно, от действительности благодаря напущенного на них тумана и некоторой «игры» с арифметикой, совершенно невразумительны и, по-видимому, рассчитаны или на таких же недоучек, как и автор, или же на читателей (к сожалению, весьма многочисленных), воспитанных на слепом и безоговорочном благоговении к «печатному слову».

Что, например, значит: «осуждено 149»?

Если здесь говорится о нижепоименованных видах осуждений, то получается сильный «недобор» т. к. по всем видам репрессий в целом осуждено не 149, а 589! Если же

«всего привлечено лиц» 732, а осуждено 589, спрашивается: а где же остальные 143 лица («духовных» и «граждан»)?

Словом, следует думать, что вообще все эти «сведения» сплошная фикция и притянуты автором лишь для придания «серьезности» и правдивой официальности своему нечистоплотному пасквилью.

Официальных данных о духовных лицах Православного вероисповедания (о мирянах и говорить нечего), подвергшихся тем или другим репрессиям как в судебном, так, равно, и в административном порядке, конечно, нигде и никогда опубликовано не было.

Это и понятно.

Что же касается данных неофициального порядка, то и их также быть не могло хотя бы по чисто техническим соображениям, не говоря уже о других, непреодолимых «препятствиях».

Очень неполные, весьма приблизительные данные такого рода – и то с грехом пополам, причем касающиеся исключительно только епископата Русской Церкви, мы извлекли из «Списка Иерархов» интересующей нас эпохи (по времени близкой к «Соловецкому посланию»), поэтому репрессии, распространившиеся на позднейший русский епископат, здесь не отражены, т. к. предлагаемый список охватывает лишь 1920–1930 годы.

Всего в списке 9 пунктов. 1 указывает сан («Е» – епископ; «А» – архиепископ; «М» – митрополит и «П» – Патриарх). 2 – имя иерарха; 3 – фамилию; 4 – наименование управляемой (или прежде управлявшейся) епархии.

Последующие пункты поясняют самый вид распространенной на данного архиерея репрессии и наличие (или отсутствие) сведений о дальнейшей его судьбе (т. к. многие из них совершенно пропали в буквальном смысле этого слова).

Так, пункт 5 – тюремное заключение (разовое и многократное); 6 – кончина в заключении; 7 – высшая мера наказания: расстрел (в подавляющем большинстве случаев – по обвинению в государственном преступлении); 8 – кончина (насильственная) при различных обстоятельствах и 9 –

отсутствие каких бы то ни было дальнейших сведений о данном епископе (о чем было сказано выше).

С течением времени последняя графа будет корректироваться за счет пополнения и уточнения предыдущих, но это – дело будущего¹⁶².

А пока что список представляется в следующем виде:

1	2	3	4	56789
Е. Августин	[Беляев]	Иваново-Вознесенский		+----+
А. Аверкий	[Кедров]	Житомирский		+----+
А. Авраамий	[Дернов]	Уржумский		++----
Е. Агапит	[Борзаковский]	Карачевский		-----+
М.Агафангел	[Преображенский]	Ярославский		+-----
Е. Александр	[Похвалинский]			-----+
Е. Александр	[Раевский]	Севастопольский		+-----
А. Александр	[Трапицын]	б. Самарский		-----+
Е. Александр	[Щукин]	б. Орловский		-----+
А. Алексей	[Бельковский]	б. Велико-Устюжский		-----+
Е. Алексей	[Буй]	Уразовский		+----+
Е. Алексей	[Воронов]	Волчанский		-----+
Е. Алексей	[Готовцев]	б. Серпуховской		-----+
А. Алексей	[Орлов]	Бугульминский		+-----
А. Алексей	[Палицын]	Куйбышевский		+-----
П. Алексей	[Симанский]	Московский и всея Руси		+-----
Е. Амвросий	[Гудко]	Сарапульский		+++---
Е. Амвросий	[Полянский]	Каменец-Подольский		++----
А. Амвросий	[Смирнов]	Вологодский		+----+
Е. Амфилохий	[Скворцов]	Красноярский		+---+-
М.Анатолий	[Грисюк]	Одесский		++----
А. Анатолий	[Каменский]	Омский		+++---
А. Андрей	[Комаров]	Саратовский		+-----
Е. Андрей	[Ухтомский]	Уфимский		+++---
А. Андроник	[Никольский]	Пермский		----+-
А. Антоний	[Быстров]	Архангельский		++----
А. Антоний	[Марценко]	Тульский		++----
Е. Антоний	[Панкеев]	б. Мариупольский		++----

А. Антоний	[Романовский]	Ставропольский (Кавк.)	+-----
Е. Аристарх	[Николаевский]	б. Оренбургский	++-----
Е. Аркадий	[Ершов]	Кунгурский	+-----+
Е. Арсений	[Жадановский]	б. Серпуховской	++-----
А. Арсений	[Смоленец]	б. Ростовский н/Д	+-----
Е. Арсений	[Соколовский]	Бакинский	-----+
М. Арсений	[Стадницкий]	Новгородский	+-----
А. Артемий	[Ильинский]	б. Лужский	+-----+
А. Афанасий	[Малинин]	б. Мамадышский	++-----
Е. Афанасий	[Молчановский]	Сквирский	-----+
Е. Афанасий	[Сахаров]	Ковровский	+-----
Е. Борис	[Рукин]	Можайский	++-----
А. Борис	[Шипулин]	Ташкентский	++-----
Е. Валериан	[Рудич]	б. Проскуровский	+++----
Е. Варлаам	[Лазаренко]	б. Хоперский	+++----
А. Варлаам	[Ряшенцев]	б. Гомельский	++-----
Е. Варсонофий	[Лебедев]	Кирилловский	+++----
Е. Варсонофий	[Лузин]	Владивостокский	+-----+
А. Варфоломей	[Ремов]	б. Сергиевский	+++----
Е. Василий	[Беляев]	б. Спас-	+-----
Е. Василий	[Бирюков]	Клепиковский	-----+
А. Василий	[Богоявленский]	Ярославский	-----+
Е. Василий	[Дохтуров]	викарий	-----+
Е. Василий	[Зеленцов]	б. Черниговский	+---+-
Е. Василий	[Зуммер]	Алтайский	+-----+
Е. Вассиан	[Веретенников]	Прилукский	+++----
А. Вассиан	[Пятницкий]	Суздальский	++-----
Е. Венедикт	[Агентов]	Саткинский	-----+
А. Венедикт	[Плотников]	Тамбовский	++-----
Е. Вениамин	[Воскресенский]	б. Вяземский	+-----+
Е. Вениамин	[Глебов]	Кронштадтский	+++----
М. Вениамин	[Казанский]	Тутаевский	-----+
Е. Вениамин	[Флоров]	Рославльский	++-----
А. Виктор	[Богоявленский]	Петроградский	+++----
		Байкинский	-----+
		Омский	-----+

Е. Виктор	[Островидов]	Глазовский	++----
М.Владимир	[Богоявленский]	Киевский	+---+-
А. Владимир	[Путята]	б. Пензенский	++----
Е. Гавриил	[Аболюмов]	Осташковский	+-----
Е. Гавриил	[Красновекий]	Клинский	+-----+
Е. Гавриил	[Чепур]	б. Измаильский	-----+
А. Георгий	[Делиев]	Днепропетровский	-----+
Е. Герман	[Коккель]	Ибресинский	-----+
Е. Герман	[Косолапое]	Вольский	+++---
Е. Герман	[Ряшенцев]	б. Волоколамский ¹⁶³	+---+-
Е. Гермоген	[Долганов]	Тобольский	+---+-
А. Глеб	[Покровский]	Пермский	+-----+
Е. Григорий	[Козлов]	Ветлужский	-----+
Е. Григорий	[Козырев]	Муромский	-----+
Е. Григорий	[Лебедев]	Шлиссельбургский	+-----+
А. Григорий	[Яцковский]	Екатеринбургский	+-----
А. Гурий	[Степанов]	Иркутский	+-----+
Е. Дамаскин	[Цедрик]	Стародубский	++----
А. Дамиан	[Воскресенский]	Курский	++----
А. Даниил	[Троицкий]	Брянский	+-----
А. Димитрий	[Вологодский]	Минусинский	+-----+
А. Димитрий	[Добросердов]	б. Можайский	+-----+
Е. Димитрий	[Поспелов]	Темниковский	+-----
А. Дионисий	[Прозоровский]	Оренбургский	+-----+
А. Досифей	[Протопопов]	Саратовский	+-----
Е. Евгений	[Бережков]	Костромской	-----+
М.Евгений	[Зернов]	Горьковский	+++---
А. Евсевий	[Рождественский]	б. Яранский	+++---
Е. Ефрем	[Ефремов]	Яранский	+-----+
Е. Ефрем	[Кузнецов]	Селенгинский	+++---
А. Захария	[Лобов]	Воронежский	+-----+
А. Зиновий	[Дроздов]	Тамбовский	++----
Е. Игнатий	[Садковский]	б. Белевский	+-----+
Е. Иларион	[Вельский]	Каргопольский	+-----+
А. Иларион	[Троицкий]	Верейский	++----
А. Иннокентий	[Летяев]	Ставропольский (Кавк.)	+-----+

А. Иннокентий	[Никифоров]	Семипалатинский	+----+
А. Иннокентий	[Соколов]	Бийский	+-----
А. Иннокентий	[Тихонов]	Ладожский	+----+
А. Иоаким	[Благовидов]	Ульяновский	+-----
А. Иоаким	[Левицкий]	Нижегородский	+++---
А. Иоанн	[Братолюбов]	б. Березовский	+-----
Е. Иоанн	[Георгиевский]	Моршанский	++----
Е. Иоанн	[Киструссский]	Ранненбургский	++----
А. Иоанн	[Поммер]	Рижский	+--+--
Е. Иоанн	[Троянский]	Сасовский	+----+
Е. Иоасаф	[Удалов]	Чистопольский	+----+
А. Иоасаф	[Шешковский- Дрылевский]	Брянский	+-----
Е. Иов	[Рогожин]	Пятигорский	+-----
Е. Иосиф	[Невский]		-----+
М.Иосиф	[Петровых]	Ленинградский	++----
Е. Ираклий	[Попов]	Иркутский	-----+
А. Иринарх	[Синеоков- Андреевский]	Пермский	+-----
А. Ириней	[Шульмин]	Самарский	++--+--
Е. Исидор	[Колоколов]	Михайловский	+++---
А. Иувеналий	[Масловский]	Рязанский	++----
А. Иувеналий	[Машковский]	б. Павловский	++----
Е. Кирилл	[Васильев]	Любанский	+--+--
М.Кирилл	[Смирнов]	Казанский	++----
Е. Кирилл	[Соколов]	Любимский	++----
М.Константин	[Дьяков]	Харьковский	+--+--
М.Корнилий	[Попов]	Горьковский	+-----
А. Корнилий	[Соболев]	Свердловский	+--+--
Е. Лаврентий	[Князев]	Балахнинский	+++---
Е. Лев	[Черепанов]	Нижне-Тагильский	+----+
Е. Леонид	[Антощенко]	Переславль- Залесский	+----+
Е. Леонтий	[фон Вимпфен]	Енотаевский	+++---
Е. Леонтий	[Устинов]	Житомирский	+----+
Е. Лоллий	[Юрьевский]	б. Могилевский	++----
А. Лука	[Войно-Ясенецкий]	Симферопольский	+-----

Е. Макарий	[Гневушев]	Орловский	+++—
Е. Макарий	[Знаменский]	Васильсурский	—+—+—
Е. Максим	[Жижеленко]	Овручский	+++—
А. Мануил	[Лемешевский]	Куйбышевский	+—+—+—
Е. Марк	[Бакалдин]	Селенгинский	++—+—
Е. Марк	[Боголюбов]	Стерлитамакский	—+—+—
Е. Мелхиседек	[Аверченко]	Андреевский	—+—+—
А. Мелхиседек	[Паевский]	б. Минский	+—+—+—
А. Мефодий	[Абрамкин]	Ранненбургский	—+—+—
Е. Мефодий	[Красноперов]	Акмолинский	+++—
Е. Митрофан	[Гринев]	Ростовский н/Д	—+—+—
А. Митрофан	[Краснопольский]	Астраханский	+++—
Е. Митрофан	[Поликарпов]	Бутурлиновский	—+—+—
Е. Митрофан	[Русинов]	Лукояновский	—+—+—
М. Михаил	[Ермаков]	Киевский	+—+—+—
Е. Михаил	[Постников]	б. Вольский	+—+—+—
Е. Модест	[Никитин]	б. Вере́йский	+—+—+—
Е. Назарий	[Блинов]	б. Черкасский	—+—+—
М. Нафанаил	[Троицкий]	Архангельский	+—+—+—
М. Нестор	[Анисимов]	б. Камчатский	+—+—+—
М. Никандр	[Феноменов]	Крутицкий	+—+—+—
Е. Никита	[Делекторский]	Бугульминский	—+—+—
Е. Никита	[Прибытков]		—+—+—
Е. Никита	[Стягов]	Боровичский	—+—+—
Е. Никодим	[Кононов]	Белгородский	+++—
А. Никодим	[Кротков]	Костромской	++—+—
Е. Николай	[Голубев]		—+—+—
А. Николай	[Добронравов]	Владимирский	+—+—+—
А. Николай	[Ипатов]	Златоустовский	—+—+—
А. Николай	[Клементьев]		—+—+—
М. Николай	[Могилевский]	Алма-Атинский	+—+—+—
Е. Николай	[Орлов]		+—+—+—
Е. Николай	[Парфенов]	Петровский	—+—+—
А. Николай	[Пирский]	Кобелякский	—+—+—
М. Николай	[Ярушевич]	Крутицкий	+—+—+—
Е. Никон	[Дегтяренко]	Могилевский	++—+—
А. Никон	[Пурлевский]	Архангельский	+—+—+—

Е. Нифонт	[Фомин]	Вязниковский	++----
А. Онуфрий	[Гагалюк]	Курский	++----
Е. Павел	[Введенский]	б. Никольско-	+-----
А. Павел	[Вильковский]	Уссурийский	-----+
М.Павел	[Гальковский]	б. Елецкий	-----+
Е. Павел	[Кратиров]	б. Иваново-	+-----+
Е. Павел	[Павловский]	Вознесенский	-----+
Е. Павел	[Флоринский]	Старобельский	-----+
А. Павлин	[Крошечкин]	б. Пинежский	-----+
Е. Палладий	[Добронравов]	Курский	+-----
Е. Памфил	[Лясковский]	б. Пермский	+-----
М.Пантелеймон	[Рожновский]	Краснодарский	+---+-
Е. Парфений	[Брянских]	б. Двинский	+-----+
А. Пахомий	[Кедров]	Ананьевский	++----
Е. Петр	[Гасилов]	Черниговский	++----
А. Петр	[Зверев]	Осинский	-----+
М.Петр	[Полянский]	Воронежский	++----
А. Петр	[Соколов]	Крутицкий	++----
Е. Пимен	[Белоликов]	Воронежский	++----
М.Питирим	[Окнов]	Верненский	+---+-
Е. Платон	[Кульбуш]	Петроградский	+-----
Е. Платон	[Руднев]	Ревельский	+++---
Е. Поликарп	[Тихонов]	Богородский	-----+
А. Прокопий	[Титов]		-----+
Е. Рафаил	[Гумилевский]	Херсонский	+-----+
М.Серафим	[Александров]		-----+
Е. Серафим	[Звездинский]	Казанский	++----
Е. Серафим	[Коровин]	Дмитровский	+---+-
М.Серафим	[Мещеряков]		-----+
А. Серафим	[Остроумов]	Ставропольский	+++---
А. Серафим	[Протопопов]	Орловский	+-----+
А. Серафим	[Самойлович]	Челябинский	-----+
А. Серафим	[Силичев]	Угличский	++----
Е. Серафим	[Трофимов]	Саратовский	+-----+
М.Серафим	[Чичагов]		-----+
		Ленинградский	+++---

Е. Серафим	[Юшков]	Кузнецкий	-----+
Е. Сергей	[Дружинин]	б. Нарвский	-----+
Е. Сергей	[Куминский]	б. Радомысльский	-----+
Е. Сергей	[Никольский]	Ефремовский	+++---
Е. Сергей	[Рождественский]	Ефремовский	++----
П. Сергей	[Страгородский]	Московский и всея Руси	+-----
Е. Симеон	[Михайлов]	Златоустовский	-----+
А. Симон	[Ивановский]	Винницкий	+-----
Е. Симон	[Шлеев]	Уфимский	----+--
Е. Синезий	[Зарубин]	Ижевский	+++---
А. Стефан	[Адриашенко]	Рыльский	+----+
А. Стефан	[Знамировский]	б. Шадринский	-----+
П. Тихон	[Беллавин]	Московский и всея России	+-----
А. Тихон	[Никаноров]	Воронежский	+----+
Е. Тихон	[Рождественский]	Череповецкий	-----+
А. Тихон	[Русинов]	б. Усть-Медведицкий	-----+
Е. Тихон	[Шарапов]	Алма-Атинский	+++---
Е. Трофим	[Якобчук]	Ковровский	-----+
А. Фаддей	[Успенский]	Калининский	+++---
Е. Феодор	[Лебедев]	б. Сумский	-----+
Е. Феодор	[Маковицкий]	Масальский	++----
А. Феодор	[Поздеевский]	б. Волоколамский	+-----
А. Феодор	[Яцковский]	б. Рыбинский	-----+
Е. Феодосий	[Ганецкий]	Коломенский	-----+
Е. Феофан	[Ильминский]	Соликамский	+++---
М. Феофан	[Туляков]	б. Калужский	-----+
А. Феофил	[Богоявленский]	Краснодарский	+++---
Е. Филарет	[Линчевский]	Мелитопольский	-----+
А. Филарет	[Никольский]	Самарский	++----
А. Филипп	[Гумилевский]	Звенигородский	++----
А. Филипп	[Перов]	б. Валуйский	-----+
А. Филипп	[Ставицкий]	Астраханский	+-----
Е. Флавиан	[Сорокин]	Тульский	-----+

В имеющихся в настоящее время рукописных «Списках иерархов», «каталогах русских архиереев» и подобных, а также

в материалах биографического характера об иерархах, публикуемых иногда в «Журнале Московской Патриархии», или в небольшом количестве других – неперiodических – изданий Патриархии, как правило совершенно опускаются все сведения подобного рода, несмотря на то, что в послесталинскую эпоху гласно и в широком масштабе проводилась посмертная реабилитация через гражданскую печать многих невинно пострадавших лиц во времена так называемого «культа личности», – подвергавшихся неосновательным репрессиям до середины пятидесятих годов.

Приведенный нами список в какой-то мере вносит ясность в этот тяжелый вопрос и по линии церковной, тем более, что еще в начале сороковых годов (в связи с реставрацией Патриаршества) был разговор о намерении Правительства дать указание о снятии «судимости» с русского духовенства...

[Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» № 1761-ФЗ был издан только 18 октября 1991 года, целью его явилась реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутым таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года и восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба.

В настоящее время в ПСТГУ собраны сведения о всех архиереях Русской Православной Церкви, пострадавших в годы гонений (см.: <http://kuzl.pstbi.ccas.ru>). – Ред.]

41. Исправление ошибки автора: смешении им священника В.И. Востокова с протоиереем И.И. Кедровым

Здесь автор ошибается. В Сокольническом храме был другой, известный в Москве пастырь – о. И.И. Кедров, строитель и настоятель этого (Воскресенского в Сокольниках) храма. Он был чрезвычайно популярен среди верующих москвичей. (Скончался, кажется, в 1931 или 1932 гг. [†20.11.1932. – *Ред.*], от рака горла; погребен на Пятницком кладбище, за Крестовскою заставой.) Память его – в Сокольниках – чтится и доныне (1960 гг.).

Священник же В.И. Востоков состоял в клире храма св. Никиты Мученика, что на Ново-Кузнецкой улице, в Замоскворечье (впоследствии храм снесен).

[Востоков Владимир Игнатьевич (1868–05.08.1957), протопресвитер. В 1888 г. окончил Московскую духовную семинарию В 1891 г. рукоположен во иерея. Священствовал в селах Московской епархии. В 1903 г. назначен настоятелем церкви великомученика Георгия в Москве. С 1906 г. настоятель церкви Института благородных девиц. В 1912 г. приглашен преподобномученицей Великой княгиней Елизаветой Федоровной лектором при ее общине милосердия. Редактор-издатель духовно-литературного ежемесячника «Отклики на жизнь» (Москва, 1911–1917) и общественно-литературной газеты «Рассвет». За статью, направленную против Распутина, был принужден покинуть Москву и перевестись в г. Уфу, член Священного Собора 1917–1918 гг. по избранию от Уфимской епархии. Член Учредительного Собрания. Объявлен большевиками вне закона за обличительные речи. Скрывался от них на юге России. Духовник и проповедник армии генерала Врангеля в Крыму в 1920 году. С 1920 г. в эмиграции в Сербии. Законоучитель русской гимназии в Кикинде. Настоятель православного храма в г. Великий Бичкерек (Сербия). При приближении Красной армии покинул Югославию в 1944 г. Был настоятелем церквей в различных лагерях русских беженцев в

Австрии и Германии. В 1945 г. вместе с о. Боцановским вел службу в лагерном храме под Мюнхеном, после которой прихожане-казаки были депортированы в СССР англичанами. Переехал в США Настоятель церкви св. Тихона Задонского в г. Сан-Франциско с 1951 по 1957 г. С 1954 г. протопресвитер. С 1955 г. на покое. Скончался в США, похоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско. – *Ред.*]

Батюшка Владимир Игнатьевич Востоков в свое время был известен в Москве как «левак» и «бунтарь»; старым москвичам еще памятна его «полемика» с тогдашним митрополитом Московским Макарием (Невским), в результате которой – кажется – сей иерей должен был покинуть пределы Московской епархии и очутился, помнится, в Уфе, под омофором у такого же «бунтаря» и «левака» (но рангом повыше и диапазоном – пошире), епископа Андрея [кн. Ухтомского]. Рыбак рыбака...

Но после Февральской революции (когда «убрали» митрополита) о. Востоков сразу же снова появляется в Белокаменной, где весьма активно проявляет себя в бурной церковно-общественной жизни того времени.

Замоскворецкие старухи помнят, как в те дни о. Владимир, шествуя по середине мостовой в красной фелони, возглавлял похоронные процессии с десятками красных гробов, только что отпетых им «жертв революции». Это бывало не раз и кое-кого «умиляло»...

Несколько позже, в период разгоревшейся гражданской войны и обильного кровопускания, он перебрался («ими же веси путями») к генералу Деникину, где вел себя чрезвычайно агрессивно по адресу только что народившейся советской власти, проповедуя «Крестовый поход» для освобождения Москвы (и Патриарха Тихона) от пленения большевиками. Однако, вскоре после подобной проповеди, вместе со всей «Добрармией» и ему самому пришлось поспешно эмигрировать за границу... И он очутился в Сербии.

Здесь он продолжал проявлять крайнюю нетерпимость по отношению к Советской России и, таким образом, от прежней его, когда-то модной «красноты» не осталось и следа.

Позже промелькнуло сообщение о том, что в Земуне (Сербия), эмигрант-протоиерей В. И. Востоков выступает с докладом на тему: «Что делать навстречу гонения на христианство в России и на страдания священномученика нашего Святителя Тихона, Патриарха Всероссийского» (Безбожник. 1923. №25. С. 6).

42. Некоторые сведения о члене Собора 1917–1918 гг. Н.Д. Кузнецове; его последующая церковная деятельность и кончина

Где-то в своих произведениях по поводу группы людей, исповедовавших какое-то «еретическое» учение, Генрих Гейне сказал, что им, чтобы не казаться виноватыми в глазах окружающих тупиц, надлежало быть тысячу раз правыми.

Это печальное, но меткое заключение оказалось совершенно приложимо в наши дни к положению Православной Русской Церкви, пребывающей в окружении «правоверного» казенного «безбожия», лицемерно прикрывающего собою всяческую обывательскую пустоту и бездумие. И так как все это «свободомыслие» бесконечно прикрывается политическими драпировками, то казалось, что наши глаголемые «безбожники» должны были искренно возрадоваться с появлением в свет известной «Декларации» Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия [Страгородского] и его Синода от 16(29).07.1927 г., где, наконец, черным по белому была провозглашена от имени Церкви полная и безусловная лояльность по отношению к существующей государственной власти (о чем «безбожники» так ратовали до ее появления!).

Ничего подобного – однако – не произошло.

Потоки ядовитого сарказма и злопыхательной желчи сейчас же залили страницы газет нашей периодической гражданской печати. А когда 21.12.1927(3.1.1928) г., в Большом зале Московской Государственной Консерватории был объявлен (в связи с «Декларацией») доклад-диспут члена Собора 1917–1918 гг., профессора Н. Д. Кузнецова, на тему «Церковь и государство», – беснованию газетных писак не было границ.

В афишах, расклеенных по Москве, были объявлены и тезисы доклада:

1. Положение Церкви при прежнем строе.
2. Смешение понятий церковного и государственного.
3. Вредные последствия этого для Церкви.

4. Заграничный Церковный Карловацкий собор русской эмиграции как стремление вернуть церковное управление на путь смешения религии и политики.

5. Необходимость изменить это направление составляет важную современную потребность.

6. Послание стремится удовлетворить эту потребность.

7. Заботы в этом отношении Патриарха Тихона.

8. Необходимость послания и его возможное значение для Церкви.

9. Недоумения по поводу послания.

В диспуте принимают участие: митрополит Тверской и Кашинский Серафим (Александров), архиепископ Самарский Анатолий (Грисюк), архиепископ Харьковский Константин (Дьяков), профессор-протоиерей Смирнов, протоиерей Голосов и др.

В связи с объявленным диспутом особенно «рвала и метала» газета «Комсомольская правда», стремившаяся любыми средствами смазать истинное значение и «Декларации», и диспута в сознании верующего населения столицы. Газета «возмущается» главным образом тем обстоятельством, что организаторам диспута предоставлено (не бесплатно, конечно!), видите ли, «государственное помещение», – как будто в нашей стране имеются помещения не государственные!?

Но особенно прорвало эту газету в связи с тезисом доклада №7, о котором она не постеснялась повторить старую, забытую уже всеми инсинуацию эпохи военного коммунизма по адресу Церкви: «А из „тезисов” торчком вылезают уши г. Кузнецова и иже с ним. „Тезис” № 7 „Заботы в этом отношении (т. е. в „отношении” невмешательства Церкви в политику...) Патриарха Тихона”. Вот уж попал в самую точку г. „профессор”! Уж Тихон-то заботился о „невмешательстве”, так заботился, что вверенные ему „пастыри” взбирались на колокольни, чтобы пасхальным трезвоном встречать Колчака или бить в спину красноармейцам огнем пулеметов!»

Подобным же образом исходит желчью и «знаменитый» безбожнический «специалист по церковным делам» некий Ф.

Олещук, который в газетке «Безбожник» следующими словами заканчивает статью, посвященную искажению истинного смысла намеченного диспута:

«И мечутся пастыри... Одни „за страх“, другие „за совесть“, но все идут с покаянной...

Кузнецов, митрополит Сергей [Страгородский], черносотенцы, монархисты, колчаковцы... Заматерелые (по Олещуку и иже с ним, очевидно, от слова: матершина!?) враги трудового народа публично сдают свои позиции.

„С большим опозданием“, – но это последние, отборные...

Самый крупный калибр... Чернее не бывает...

Покосилась Христова храмина... Трещит поповская контрреволюция. Не надеется уже она на своего спасителя, ибо не придет жених по полуночи ко своей „нареченной“»... (Безбожник, 1928, №4–258. С. 4).

Выступление Николая Димитриевича Кузнецова 21.12.1927 (03.01.1928) г. – было его последним церковно-общественным выступлением: вскоре он был арестован и отправлен в ссылку, в Перовск (Кзыл-Орда, Казахстан), где и скончался 23.12.1929 (05.01.1930) г. [По некоторым сведениям скончался 05.01.1936 в ссылке. – Ред.]

В прошлом Н.Д. Кузнецов – кандидат права Ярославского Демидовского лицея, доцент Московской Духовной Академии, магистр Казанской Духовной Академии, московский присяжный поверенный, крупный церковно-общественный деятель, публицист и незаурядный проповедник.

Член многих церковных съездов и совещаний, член Предсоборного Присутствия, член Собора 1917–1918 гг., активный и известный представитель Церкви в революционное время, в период управления Церковью Святейшего Патриарха Тихона.

[О Н. Д. Кузнецове см.: Голубцов С. А., протод. Стратилаты академические: Ратоборцы за Церковь из корпорации Московской Духовной Академии первой половины XX века. Жизнь, труды и крестный путь: По материалам архивов и публикаций. Обзор и исследование. М., 1999. С. 218–266. – Ред.]

43. Заметка к сообщению о явлении иконы «Державной» Божией Матери в селе Коломенском под Москвой в 1917 году

Впоследствии кратко сообщалось, что в четверг, 2(15).03.1917 г., в день подписания царем Николаем II акта об отречении от престола Российского государства, в селе Коломенском под Москвой происходит явление чудотворной иконы Божией Матери, именуемой «Державной».

Она обнаруживается уроженкой Бронницкого уезда Московской губ. крестьянкой Евдокией Андрияновой.

В связи с появлением этой новой иконы в некоторых монархически-настроенных кругах возникло брожение и пробудились надежды реставрационного политического характера (Воскресное чтение. Варшава. 1937. №10 и др.).

[О иконе Божией Матери «Державная» см.: Пролог: Державная заступница России // Православная Москва в 1917–1921 годах. Сборник документов и материалов / Авторы-сост. А. Н. Казакевич, В. В. Марковчин, Т. С. Тугова, А. М. Шарипов. М.: Изд-во Главного архивного управления г. Москвы, 2004. – 696 с.: илл. С. 9–12, 602–603. А также см.: Царица Небесная: Державная Правительница земли русской. Коломенская икона Божией Матери «Державная». Службы. Акафисты. Молитвы. Сказания. Свидетельства / Авт.-сост. С. В. Фомин. М.: Форум, 2007. – 560 с.: илл. – Ред.]

44. Дальнейшая судьба праха настоятельницы Марфо-Мариинской обители сестер милосердия в Москве, некоторые сведения об игумене о. Серафиме

Близкий к императорскому двору в предреволюционное время, протопресвитер военного и морского духовенства русской армии и флота, о. Г. И. Шавельский, в своих воспоминаниях посвящает следующие строки памяти настоятельницы Марфо-Мариинской обители сестер милосердия в Москве, великой княгине Елизавете Феодоровне (вдове убитого И. Каляевым великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора).

«Елисавета Феодоровна отдала последние свои годы монашескому подвигу. Целодневно трудясь в своей обители (в Москве), ежедневно молясь в своей чудной церкви, она, кроме того, по воскресным дням предпринимала ночные путешествия пешком в Успенский собор к ранним богослужениям [...]

Любимым занятием великой княгини была иконопись. Прежде чем приступить к написанию той или иной иконы, она, как древние наши праведные иконописцы, уединялась надолго (до двух недель) в своей моленной, находившейся рядом с алтарем церкви, и там строгим постом, молитвою и благочестивыми размышлениями подготавливала себя к работе. Написанные ею иконы отличались не только тщательностью отделки, но и особою духовностью, одухотворенностью.

В своей обители великая княгиня жила как истая подвижница, отрешившись от всякого царского великолепия: питалась скудно, одевалась до крайности скромно, во всем показывая пример нищеты и воздержания» (Шавельский Г. И., *протопр.* Воспоминания... Т. 1. С. 51–52).

И далее: в последнее время в стороне от императрицы Александры Феодоровны «держалась даже родная ее сестра, благороднейшая и святая великая княгиня Елисавета Феодоровна» (Шавельский Г. И., *протопр.* Воспоминания... Т. 1. С. 295).

В самом начале революции, 24.04(07.05). 1918, производится арест Елизаветы Феодоровны, которая под конвоем препровождается в Екатеринбург (Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. № 11. [?]). Отсюда, по-видимому, она была препровождена в Алапаевск, где ее постигла трагическая кончина, о которой говорится в рассказе С.П. Руднева.

Когда в ходе гражданской войны этот город был захвачен белыми войсками и все убитые здесь высокопоставленные особы были извлечены из шахты, тело Елизаветы Федоровны было вывезено неким иеромонахом Серафимом [Кузнецовым] вглубь Сибири, затем – в Японию и морем перевезено в Палестину, – в Старый Иерусалим (до революции великая княгиня Елизавета Феодоровна состояла долголетним Председателем Императорского Палестинского Общества).

Здесь над ее телом (по-видимому, ранее уже отпетым) Иерусалимский Патриарх Дамиан [Касатос] прочитал разрешительную молитву, после чего оно было предано земле.

Прекрасная в архитектурном отношении Марфо-Мариинская обитель сестер милосердия в Москве (на Ордынке, в Замоскворечье), созданная и руководимая Елизаветой Феодоровной (архитектор А. В. Щусев, художник М. В. Нестеров, чеканщик иконостаса и пр. Ф. Я. Мишуков), подверглась неизбежному у нас разгрому вместе со всеми своими медицинскими и благотворительными учреждениями.

В соборном храме одно время помещались реставрационные мастерские.

В середине 1960 гг. появился слух об архитектурном и прочем художественном восстановлении обители и допуске в нее – как в музей – посетителей.

В 1959 году, на страницах «Журнала Московской Патриархии», появилась косноязычная заметка о кончине в Старом Иерусалиме престарелого игумена Серафима [Кузнецова]; того самого, который и доставил в свое время туда тело бывшей великой княгини.

Содержание заметки таково: «7 марта [1959 года. – *Сост.*] во Св. Граде Иерусалиме на 86 году жизни в Бозе почил игумен

Серафим [Кузнецов], прослуживший в священном сане около шестидесяти лет.

С ранней юности он вступил на тесный путь иноческого жития. Начало подвига положено им в Белогорском Николаевском монастыре („Сибирский Афон”). Здесь он, как послушник Георгий (его мирское имя), принял постриг с именем Серафима и здесь же был рукоположен во иеродиакона, а затем во иеромонаха.

В 1903 году, вскоре после канонизации преподобного Серафима Саровского, иеромонах Серафим устроил невдалеке от своего монастыря скит в честь новоявленного угодника Божия.

В 1908 году отец Серафим совершил паломничество во Святую Землю и на Афон. Вторично в Иерусалим он прибыл в 1920 году. В то время Русская Духовная Миссия в Иерусалиме находилась под управлением эмигрировавшего со своей родной земли духовенства, которое начинало раскол с Матерью-Церковью. Иеромонах Серафим вышел из подчинения этому духовенству и просил Патриарха Иерусалимского Дамиана [Касатос] принять его под покровительство Иерусалимской Церкви. Патриарх благословил ему поселиться на Малой Галилее (гора Елеон), при патриаршей резиденции, где отец Серафим и жил до самой своей смерти.

В 1945 году, когда Святейший Патриарх Алексий [Симанский] посетил Иерусалим, иеромонах Серафим вернулся в юрисдикцию Московской Патриархии, связь с которой он поддерживал непрерывно.

За два года до смерти о. Серафим, прикованный к постели, был лишен утешения совершать богослужения в храме. 22.2(7 марта) сего года он тихо почил о Господе.

8 марта по благословению Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Венедикта [Пападопулос], архиепископ Фаворский Виссарион [?] в сослужении с местным духовенством совершил погребение игумена Серафима» (ЖМП. 1959. №7. С. 14).

К этой заметке приложен фотопортрет старца.

[Преподобномученица Великая княгиня Елисавета Феодоровна причислена к лику святых в 1992 г. См.: Миллер Л. П. Святая мученица Российская Великая княгиня Елисавета Феодоровна. М.: Столица, 1994. – *Ред.*]

45. Гибель епископа Тобольского Гермогена (Долганева)

Епископ Гермоген (Долганев)¹⁶⁴ в самые последние, предреволюционные годы истории Церкви был заметной и – во всяком случае – известной фигурой, о которой много было толков...

В 1912 году возникло и прошумело на всю Россию известное «дело» о нем.

«Друг Распутина, он имел мужество обличить его распутство и пойти против него. Тогда еп[ископа] Гермогена покарали, якобы за то, что он самовольно обращается с телеграммами к царю, и ему было предложено покинуть Петроград, с напоминанием, что таково желание сверху.

Еп[ископ] Гермоген отказался подчиниться этому, что явилось еще невиданным противлением царской власти. Заметались чиновники. К архиерею, затворившемуся в келье, помчался [...] обер-прокурор Синода В.К. Десятовский [Саблер. – *Сост.*] и умолял его подчиниться царской воле.

Громя Распутина и шайку его прихвостней, еп[ископ] Гермоген оставался непреклонным до тех пор, пока чуть ли не силой был удален в ссылку в Жировицкий монастырь» (Свободная Церковь. 1917, №1. С. 3).

После неудачи с известной операцией, совершаемой над мужчинами и учиненной было над Распутиным, Гермоген – как сообщалось в тогдашней печати – проклял Гришку, а царю написал обличительное письмо. Кажется, главным образом за это письмо еп[ископа] Гермогена и отправили в Жировицы, где он оставался до августа 1915 года, т. е. до занятия его немцами¹⁶⁵.

Кроме того, «дело» епископа Саратовского и Царицынского Гермогена, основанное на неповиновении его императорскому и синодальному указам об отбытии из Петербурга во вверенную его попечению епархию (в связи с увольнением его от присутствования в Синоде) и выступлениями в центральной печати по вопросу о диакониссах и проч., – было связано также

и с деятельностью известного тогда иеромонаха Илиодора [Труфанова].

Синодальным определением от 17 января 1912 года, епископ Гермоген увольняется от управления Саратовской епархией с назначением ему дальнейшего пребывания в Жировицком монастыре Гродненской еп[архии], а иеромонах Илиодор переводится в число братии Флорищевой пустыни, Владимирской епархии.

Так круто повернулось все это шумное «дело»... По позднейшей оценке печати, «восстание» епископа Гермогена носило тот же монархическо-патриотический характер, который обнаружился спустя четыре года в выступлении и убийстве Распутина Дмитрием Павловичем, Юсуповым и Пуришкевичем (1916 г., декабрь).

Как это убийство, так и попытка епископа Гермогена «оперировать» Гришку преследовали цель «спасти» отечественную монархию от неизбежной своей гибели, приближения которой, по-видимому, совершенно не ощущали в Царском Селе...

Епископ Гермоген трагически погиб в самые первые годы революции и – надо думать – что его монархическая деятельность, направленная против Г. Распутина, о которой сейчас было упомянуто, сыграла свою роковую (и немалую) роль в его гибели, т. к. кроме этих своих общественных монархических выступлений да пересылкой заздравной просфоры заключенному царю Николаю II (кажется, в Екатеринбург?), – он более ничем не был замечателен на фоне современного ему епископата.

Дальнейшее сообщение о кончине епископа Гермогена извлечено нами из брошюры, полное заглавие которой таково: «Архипастырь-мученик. Жизнь, страдания и смерть Преосвященнейшего Гермогена, епископа Тобольского и Сибирского». Издание Тобольского Свято-Иоанно-Дмитриевского Епархиального Братства. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1919.

Издана брошюра при белогвардейцах.

«Будучи вывезен из Тобольска в ночь на Великий понедельник [с 15–28 на 16–29.4.1918 г. – *Сост.*], епископ Гермоген в Екатеринбург был доставлен под конвоем красноармейцев в среду Страстной седмицы, 18 апреля (1.5), и томился здесь в тюремном заключении около 2 месяцев, до 12(25)–13(26) июня, когда вместе с несколькими другими узниками, в числе которых находился священник о. Петр Карелин, был отправлен обратно по направлению к Тюмени...»

Находясь в Екатеринбурге в заключении в арестном доме «Подтюремок» («что вблизи Сенной площади, рядом с Симеоновской церковью») епископ Тобольский и Сибирский Гермоген (в мае? 1918) пишет «объяснительную записку „на все, по возможности, обстоятельства“ своего дела, которая, согласно полученному разрешению, еп[ископом] Гермогеном была передана в Екатеринбургский областной совет народных комиссаров. Копии этой записки, несмотря на выраженное Владыкою намерение представить ее „немедленно“ Священному Собору и Патриарху, не оказалось в наличии, но о содержании ее отчасти можно судить по другому документу, сохранившемуся и находящемуся в настоящее время в копии в нашем распоряжении и пользовании. Это „донесение Всероссийскому Церковному Собору и Его Святейшеству... Тихону Патриарху Московскому и всея Руси“ – послание, заслуживающее по важности своего содержания всенародного оповещения».

«Что касается способов переправки настоящего пояснения, так и оставшегося, к сожалению, не переправленным по назначению за невозможностью, то оно вместе с письмом к епископу Григорию [Янковскому; Екатеринбургскому и Ирбитскому. – *Сост.*] сначала было через сторожа [упомянутой тюрьмы. – *Сост.*] передано о. Н. Богородицкому [священнику Симеоновской церкви. – *Сост.*] с сопровождением...» на его имя записки епископа Гермогена.

По данным, опубликованным в вышеуказанной брошюре, мученическая кончина епископа Гермогена произошла при следующих обстоятельствах: вывезенный из Екатеринбургской тюрьмы после двухмесячного заключения епископ, как

контрреволюционер, помещается вместе со священником Екатеринбургской епархии, о. Петром Карелиным в трюме парохода «Ока», направляющегося по рекам Туре и Тоболу к г. Тобольску.

Когда «Ока» подошла к селению Карабаны, она вдруг стала круто поворачивать обратно, вперед идти было невозможно: в ночном сумраке обрисовались контуры парохода «Мария», где были регулярные [т. е. белогвардейские. – *Сост.*] войска.

Во время этого поворота судна оба заключенных священнослужителя погибают, будучи сброшенными в реку со связанными назади руками, к которым были привязаны тяжелые камни.

«Владыка был утоплен ночью, в половине первого на 16 (29) июня против пристани Карабан, несколько ниже перевоза, около избушки Злоказова (173 версты от Тюмени)...»

После занятия этой территории белыми тело епископа Гермогена обнаруживается, опознается специальной следственной комиссией и перевозится для погребения в Тобольск (Архипастырь-мученик. Тобольск, 1919 [?]).

Так погиб этот Святитель. В позднейшей зарубежной печати о кончине его встречаются и иные сведения. Например:

«Когда царская семья находилась в заточении в Тобольске, он пытался что-то для государя сделать. Большевики с ним расправились жестоко – его привязали к колесу парохода и пустили машину в ход: лопастями колеса его измочалило». А о самом епископе несколько ниже сказано: «Аскет, образованный человек, добрейший и чистый, епископ Гермоген был, однако, со странностями, отличался крайней неуравновешенностью, мог быть неистовым. Почему-то он увлекся политикой и в своем увлечении крайне правыми политическими веяниями потерял всякую меру. Интеллигенцию он ненавидел, желал, чтобы всех революционеров перевешали. Он ополчился против Распутина» и пр.» (*Евлогий, митр.* С. 183).

2(15)08.1918 г. в Тобольске, в Софийско-Успенском кафедральном соборе совершается торжественная заупокойная литургия и после нее отпевание тела епископа Тобольского и Сибирского Гермогена, привезенного сюда 28.07(10.08) и

установленного «на середине собора, на особом помосте», утопающем во множестве венков.

«К утру [...] крышка у гроба почившего была снята, и он лежал открыто в своем архиерейском облачении с воздухом [покрывцем. – *Сост.*] на лице [...]. Народ всю литургию непрерывно прикладывался к останкам мученика. Слово на литургии говорил священник Ил. Фокин. Молящиеся до тесноты наполняли собор. Пели два хора певчих. Перед чином погребения слово говорил епископ Иринарх [Синеоков-Андреевский]. Погребение началось в половине первого часа. В погребении участвовало более 50 священников [...]

В 4 часа кончился чин отпевания. Долго после него народ прощался с Владыкой-Мучеником, лобызая его похолодевшие руки [...] Когда кончилось прощание, гроб, поднятый на руки священников, в предшествии хоругвей, в торжественном крестном ходе был обнесен вокруг собора около храмов Покровского, домового Архиерейского, епархиального совета и Братства. У храмов служились литии. Затем гроб снова внесен был в собор, а оттуда в Златоустовский придел, к прежней первоначальной могиле Св. Иоанна [Максимовича], митрополита Тобольского, в каковую теперь, Божиим произволением, опускалось тело нового российского мученика. После литии, при пении „Свете Тихий“ гроб тихо опустили в склеп. Было 7 часов вечера».

Ожидавшихся окрестных епархиальных архиереев «как-то: епископа Томского Анатолия [Каменского], Омского Сильвестра [Ольшевского] и еп[ископа] Григория [Яцковского] Екатеринбургского при погребении не было, не могли приехать по разным уважительным причинам»¹⁶⁶ (Архипастырь-мученик. Тобольск, 1919. [?]).

Далее (по той же брошюре) приводим следующий документ:

«Акт особой комиссии, которой было поручено Епархиальным начальством выяснить судьбу епископа Гермогена после его ареста.

1918 года, июля 29 [11.8] дня.

Мы, нижеподписавшиеся, члены комиссии, назначенной Тобольским Епархиальным Советом, в целях тщательного выяснения всех обстоятельств, вызвавших опасения за жизнь Преосвященного Гермогена, и для возможно точной проверки на местах различных сведений о его судьбе, выполняя возложенное на нас поручение прибыли 23 июля (ст. ст.) 1918 г. в село Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии, с именем которого и связывались все циркулировавшие за последнее время слухи о мученической кончине Архипастыря. Хотя в круг наших обязанностей входило самостоятельное производство формального расследования, однако, при сложившейся обстановке, мы признали его излишним. Во время прибытия нашего в село Покровское приехавшими туда из Тюмени представителями прокурорского надзора, судебной власти и милиции, при содействии о. протоиерея Ременникова (выехавшего в с. Покровское ранее других членов комиссии) были уже установлены вполне определенные данные о судьбе епископа Гермогена, не оставалось никакого сомнения, что он пал жертвой возмутительного зверского преступления.

Так из ряда свидетельских показаний видно было, что мученик Архипастырь 12 июня ст. ст. после почти 2 месячного пребывания в заключении в камере арестного дома вывезен был из Екатеринбурга с одним из красноармейских отрядов на Тюменский фронт. Накануне отправки, в день Святого Духа, Владыке разрешили совершить молебствие в тюремной камере. Было много молящихся: все это были арестованные, томившиеся в заключении вместе с епископом¹⁶⁷. Преосвященный служил с необыкновенным молитвенным подъемом, который передался всем присутствующим. Молились со слезами, особенно трогателен был тот момент, когда епископ Гермоген по окончании молебна, преподавая благословение, допускал всех ко святому Кресту и прощался. Камера вся рыдала...

Следующей ночью свидетели видели уже Владыку на вокзале под конвоем красноармейцев. С ним находилось еще несколько арестованных, 8 или 9 человек; в том числе было одно духовное лицо – священник села Каменского,

Екатеринбургской епархии, о. Карелин. (Личность некоторых других арестованных также установлена: Николай Владимирович Князев, бывший жандармский унтер-офицер; Мстислав Павлович Голубев – гимназист; Генрих Иванович Крупинский, бывший полицеймейстер г. Екатеринбурга; Ершов – офицер). На вокзале родственникам позволили проститься с арестованными. Было пережито несколько тяжелых минут; прощались как с покойниками, предчувствуя, что больше не придется увидеться. Епископа Гермогена никто не провожал, он был одинок. Бросалось в глаза его удивительное самообладание: он был тверд и совершенно спокоен; но физически Владыка, видимо, чувствовал себя совершенно слабым. Когда арестованные от вокзала направились к поданному составу товарного поезда, старца все время поддерживал под руки гимназист Голубев; другой арестованный – Н. В. Князев помог ему взойти по ступенькам в товарный вагон. Поезд тронулся. Мимо города Камышлова поезд с арестованными прошел в 4 ч. утра 13(26) июня. В ночь на 14 июня арестованные во главе с епископом Гермогеном были в Тюмени сразу доставлены на пароход „Ермак”. К вечеру того же дня (т. е. 14 июня) пароход „Ермак” был в селе Покровском. Здесь арестованные были разлучены: епископ и священник временно были оставлены на „Ермаке”, а всех остальных перевели на пароход „Оку”, а потом, вскоре, их ссадили на берег и расстреляли.

15 июня было последним днем жизни Преосвященного епископа Гермогена, завершившим его мученический подвиг. Свидетели видели Владыку и его спутника – священника в этот день за работой. Готовясь к столкновению с войсками Временного Сибирского правительства, красноармейцы возводили на захваченных ими пароходах разного рода укрепления. Над этими укреплениями с утра до вечера трудился и епископ. Он одет был в рясу серого цвета, чесучевый кафтан, подпоясан широким кожаным поясом, на голове была бархатная скуфейка. Владыка был очень изнурен, но свойственная ему бодрость духа не оставляла его и в эти часы. Таская землю,

распиливая доски, прибывая их гвоздями, он все время пел церковные пасхальные песнопения.

В 10 часов вечера епископа Гермогена со священником о. Карелиным так же перевели на пароход „Оку”. Проходя по трапам, Преосвященный встретил лоцмана с парохода „Ермак” и тихо ему сказал: „Передайте, раб крещеный, всему великому миру, чтобы обо мне помолились Богу”. На пароходе „Ока” арестованные были посажены в грязный, совершенно темный трюм; пароход пошел вниз по реке, по направлению к Тобольску. В половине 12 ночи красноармейцы вывели о. Карелина из трюма на нос парохода, привязали к нему 2 тяжелых камня и, несмотря на „тихие его мольбы”, сбросили его с борта в воду. (Труп страдальца священника до сих пор не найден).

Когда „Ока” подошла к селению Карабаны, она вдруг стала круто поворачивать обратно, вперед идти было невозможно: в ночном сумраке обрисовывались контуры парохода „Мария”, где были регулярные войска. Во время этого поворота и погиб Архипастырь, восприняв мученическую кончину от рук убийц. В одном нижнем белье его вывели на нос парохода, связали руки на спине, прикрепили к нему на короткой веревке камень и... столкнули в воду; всплеск воды от падения тела был заглушен хохотом озверевших людей. По показаниям очевидцев Владыка до самой последней минуты творил молитву. Когда палачи на его глазах перевязывали веревкой камень, он кротко, пастырски осенял их благословением; даже когда руки были стянуты на спине, он пытался сделать знак Креста... Свидетельскими показаниями определяется точно время и место его кончины: Владыка был утоплен ночью, в половине первого на 16(29) июня, против пристани Карабан, несколько ниже перевоза около избушки Злоказова (173 версты от Тюмени).

Установив обстоятельства насильственной смерти Преосвященнейшего епископа Гермогена, следственные власти тотчас же приступили к отысканию останков усопшего. С этой целью 21 июля были вскрыты оставшиеся после эвакуации большевиков могилы по берегам рек Туры и Тобола, ниже села Покровского. В одной из этих могил, находящейся на левом

берегу Тобола, возле самой реки, в местности, именуемой Заполоустным островом, на расстоянии 4 верст от с. Усольского и в 12 верстах от пристани Карабан (ниже ее) обнаружен был труп старца, в одном нижнем белье, со связанными позади руками. При трупе находился большой серый камень (вес камня – один пуд тридцать пять фунтов).

По данным следствия выяснилось, что труп был прибит к берегу реки, который здесь при спаде реки обмелел. 3(16) июля он был случайно обнаружен проходившим мимо по берегу крестьянином с. Усольского Егором Григорьевичем Лосевым. На следующий день утром (4–17 июля) тело, по предложению Усольского сельского общества, было зарыто на месте нахождения крестьянином того же села Алексеем Егоровичем Моряковым, который положил в могилу и привязанный к трупу камень, но предварительно пересек заступом веревку. В этой временной могиле тело усопшего оставалось до 21 июля (3.8), когда был произведен первый осмотр его судебными властями в присутствии протоиерея о. В. Ременникова. К этому времени тело, вследствие длительного пребывания в воде, изменилось. От волос на голове сохранилась лишь небольшая прядь, которая была подобрана на песке, где лежал труп, бороды также не было; осталась только небольшая часть седых бакенбард на обеих сторонах подбородка. Глаза вытекли; на их месте зияли глубокие впадины; кожа на теле приобрела цвет темно-желтого воска. Никаких повреждений и поражений при осмотре трупа обнаружено не было. Хотя опознание трупа и сопряжено было с некоторыми трудностями, однако целый ряд отдельных признаков явственно указывал, что это тело покойного Архипастыря. Поэтому судебные власти и протоиерей В. Ременников, воздерживаясь пока от окончательного заключения до прибытия в полном составе командированной Тобольским епархиальным советом следственной комиссии, отдали распоряжение, чтобы прах умершего немедленно перевезен был с соблюдением особых мер предосторожности в село Покровское. Покрытое белой пеленой и осыпанное травой и цветами, тело было отправлено на лодке в сопровождении священника и чинов милиции. По прибытии в село Покровское

22 июля, тело было положено в простой деревянный гроб и помещено во временной могиле на Покровском церковном кладбище.

23 июля обретенное тело снова было осмотрено в присутствии мирового судьи 6 участка Шмеля, прокурора Тобольского окружного суда Агатова и Исполатова, Тюменского уездного начальника милиции Ивацевича, начальника Тобольской суд. милиции Питухи-на, начальника 5 участка Тобольской уездной милиции Плахинскач [? – *Сост.*] и 3 членов следственной комиссии, командированной Тобольским епархиальным советом – протоиерея о. В. Ременникова, протоиерея кафедрального собора Тутолмина и члена Всероссийского Поместного Собора А.А. Васильева¹⁶⁸.

Осмотрев тщательно труп, мы, члены комиссии, пришли к непоколебимому убеждению, что перед нами действительно лежат честные останки нашего доблестного архипастыря-мученика, епископа Гермогена, жизнь свою за веру, Церковь и отечество положившего. К сему заключению мы пришли на основании следующих, ясно установленных нами признаков:

- 1) Рост и вся конструкция тела усопшего в целом.
- 2) Форма головы и овал лица.
- 3) Перемычки в верхних третях обеих ушей от частого ношения клобука и митры.
- 4) Нос широкий в своем основании.
- 5) Формы рта и подбородка.
- 6) Наличие только 8 зубов.
- 7) Седые прямые бакенбарды.
- 8) Прядь длинных седых волос с головы.
- 9) Строение плеч, несколько приподнятых и широких.
- 10) Шрам на запястье левой руки, образовавшийся вследствие глубокого пореза стеклом, который Владыка причинил себе еще в Жировицком монастыре.

Некоторые другие признаки также подтверждали сделанное нами заключение.

В опознании личности усопшего принимал участие и келейник покойного Архипастыря, иеродиакон Дамиан.

По окончании осмотра останки епископа Гермогена с крестным ходом перенесены были в церковную ограду при Покровском храме и здесь положены во временную могилу, в коей и почивали до 27 июля – дня отправки в г. Тобольск. Над могилой непрерывно читалось Св. Евангелие, и каждодневно совершались заупокойные всенощные бдения и литургии. Пелись литии и панихиды. Все богослужения отправлялись соборным духовенством местного благочиния, при участии оо. протоиереев следственной комиссии; с вечера же 25 июля служение возглавлял управляющий Тобольской епархией епископ Березовский Иринарх [Синеоков-Андреевский], прибывший из Тобольска за прахом мученика на пароходе „Алтай”. В 10 ч. утра 27 июля, как только были доставлены с нарочным из Тюмени 2 гроба (один деревянный обитый бархатом и парчой, а другой металлический, честные останки вынуты были из земли, перенесены в зимнее отделение Покровского храма, где священнослужители совершили омовение их и облачение по архиерейскому чину. Затем тело Святителя, положенное в новый роскошный деревянный гроб, было перенесено с крестным ходом под похоронный перезвон церковных колоколов, при громадном стечении молящихся, на пароход „Алтай”. Здесь деревянный гроб был поставлен в металлический футляр, но запаивать последний не встретилось надобности, так как почти совершенно не было тлетворного трупного запаха.

Во время следования парохода в Тобольск при гробе читалось непрерывно Святое Евангелие и многократно епископом Иринархом [Синеоковым-Андреевским] соборно служились панихиды. Первая панихида была совершена в то время, когда пароход, замедлив ход шел мимо пристани „Карабан”, где был утоплен епископ Гермоген. Подойдя к Заполоустному острову, пароход пристал к берегу в том месте, где были обретены честные останки Святителя. Снова совершена была панихида, на высоком гребне берега, где против первой временной могилы был поставлен большой деревянный крест с надписью: „Здесь 3 июля 1918 года обретены честные останки мученика епископа Гермогена,

убиенного (16 июня 1918 г.) за веру, родину и Церковь”. На следующий день, 28 июля, около 5 часов вечера пароход „Алтай” подошел к городу Тобольску. На пристани гроб мученика- епископа встречен был крестными ходами из всех градских церквей, представителями местной гражданской и военной власти, делегациями от разных общественных организаций и тысячными толпами народа, собравшегося, чтобы выполнить последний сыновний долг пред почившим великим архипастырем.

Председатель] комиссии пр[отоиерей] Ременников.

Прот[оиерей] кафедрального] собора Г. Тутолмин.

Чл[ен] Всероссийского] Церк[овного] Собора А. Васильев...»

На этом, первоначально, наши сведения о Преосвященном Гермогене предполагалось окончить, однако впоследствии выявились новые материалы, обнаруженные в официальной «атеистической» печати тех лет.

Помимо некоторых дополнительных сведений о святителе-мученике, они любопытны еще и в том отношении, что прекрасно характеризуют лживость обычных безбожнических сообщений о Церкви и Ее представителях.

Приводим выписки:

«„Гермогеновщина”. Белогвардейские газеты еще в августе [1918 г. – Сост.] успели похоронить епископа Гермогена, сообщив, что его труп найден в селе Покровском, Тюменского уезда и перевезен для похорон в Тобольск.

Но монархический курилка оказывается жив, преблагополучно живет на Дону, а к рождественским праздникам подарил миру новое черносотенное послание, в котором определенно заявляет, что России нужна „единая власть сильного человека”. Гермоген не прибавил, какого именно человека, но это ясно и без того: человека черносотенного, способного основательно душить рабочих и крестьян, а заодно, конечно, и инородцев [евреев? – Сост.].

Комментируя это послание, газета „Донские ведомости” добавляет: „имя сильного человека еще не произнесено, но скоро все его услышат”. Жаль, что газета не указывает, кто именно этот сильный человек? Может быть Краснов? Колчак?

Или какая-либо новоявленная фигура в том царстве контрреволюции, которая сейчас собралась на Дону?

Во всяком случае в этом темном царстве бывших придворных фрейлин, великокняжеских гризеток, камергеров, шталмейстеров, камер-юнкеров, спекулянтов и шулеров – этот монах Гермоген играет сейчас не последнюю роль.

Яркая, колоритная фигура монархиста из монархистов, „архиерея с нравом диким и неукротимым” слишком хорошо известна всей читающей России, чтобы о ней могло быть два разных мнения.

После революции занявший обер-прокурорский пост октябрист – корниловец В. Н. Львов предоставил Гермогену Тобольскую кафедру.

В Тобольске Гермоген все время вел с Петроградом какие-то таинственные переговоры, которые закончились водворением в Тобольск Николая Романова с семьей [!? – *Сост.*] [...]

Мы, маленькая кучка большевиков в [Тобольском. – *Сост.*] Совете, в числе 6–7 человек прекрасно учитывали влияние монаха Гермогена и его контрреволюционность [пишет некий И. Коганицкий впоследствии, в московских „Вечерних Известиях”. – *Сост.*], но сделать ничего не могли. На наши указания в Исполкоме не обращали внимания, и мы были бессильны. Нам отвечали, что Гермоген настолько крупная величина, что тобольский совет не в силах что-либо сделать, чтобы его обезвредить.

Правда, по сообщению „Тобольского Рабочего”, местным советом было сделано несколько попыток к переводу Гермогена из Тобольска, но это ни к чему не привело. На все запросы из Петрограда получался категорический ответ.

– Нельзя.

Тогда был установлен негласный надзор за архиерейским домом[...]

На рождественских праздниках в Благовещенской церкви, куда обычно водили Николая [Романова. – *Сост.*], диакон Евдокимов начал величать Николая на ектениях „его величеством”. Николая из церкви тотчас же увели обратно,

диакон Евдокимов и служивший в тот день священник Васильев были задержаны [арестованы. – *Сост.*] и доставлены в Совет. При допросе они путались [? – *Сост.*], сваливали вину один на другого, так что установить, кто же из них действительно виновен, не удалось [...]

Все это создавало в Тобольске нервное настроение, видна была опытная рука Гермогена, и поэтому Совет решил допросить Гермогена. К епископу было делегировано два товарища, но Гермоген заявил, что он устал и свои объяснения на все вопросы даст письменно.

На другой день от Гермогена, действительно, было получено знаменитое [? – *Сост.*] письмо, в котором архиерей, ссылаясь на „книгу Судей“, заявляет, что по „данным Священного Писания, государственного права, церковных канонов и канонического права [! – *Сост.*], а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страной бывшие короли, цари, императоры не лишаются своего сана, как такового, и соответственных ему титулов, и потому поступок о. Алексея Васильева я не мог считать и не считаю преступным”.

В то же самое время в Тобольск была тайно привезена Абалакская икона, находящаяся всегда в Абалакском монастыре близ Тобольска и в самый Тобольск привозимая обычно только на один из летних месяцев.

Приезд иконы происходил всегда при большой торжественности и при значительном стечении богомольцев со всей Тобольской губернии.

Эта самая икона вдруг зимой оказывается в одной из церквей и как раз именно в той, куда водили Николая.

Какой был смысл путешествия этой иконы? – Очевидно духовенством готовилось какое-нибудь „чудо“ [...]

Тем временем в Тобольск как бы „для отдыха“ начали съезжаться в большинстве случаев неизвестные офицеры [...]

Так в Тобольске появились братья Раевские, бывшие офицеры.

Один из них приехал раньше [...] Второй – позднее и сразу же, приехав ночью, рано утром, не повидавшись даже с братом, направился к Гермогену.

По выходе из архиерейского дома он был арестован [...]

На вопрос, почему Раевский в такое раннее время был у Гермогена, он заявил, что в Тобольск приехал по делу, Гермогену привез письмо от епископа Камчатского Нестора [Анисимова], и что содержания этого письма он не знает.

Позже уже, а именно при обыске и аресте Гермогена, было обнаружено, какое письмо привозил в Тобольск Раевский. Письмо было от бывшей императрицы [матери. – *Сост.*] Марии, которая, между прочим, писала: „Владыка, ты носишь имя святого Гермогена, который боролся за Русь: это предзнаменование!!! Теперь настал черед тебе спасти родину: тебя знает вся Россия, – призывай, громи, обличай!!! Да прославится имя твое в спасении многострадальной России”. [...]

Вскоре из Москвы приехал от ВЦИК тов. Яковлев с поручением увезти Николая в Екатеринбург, что и выполнил.

Став твердо на ноги, Совет решил, не теряя времени, ликвидировать и гермогеновщину.

На другой же день после увоза Николая, в 10 часов вечера 26 числа, к Гермогену явились с обыском. Дома его не застали. Очевидно, он был кем-либо предупрежден и успел скрыться. Бумаги были в беспорядке, разбросаны, постель еще тепла, на столе стоял горячий самовар.

На вопросы, где Гермоген, келейник ответил незнанием.

При обыске была отобрабана грудa переписки, рукописей и печатных воззваний, а в числе всего этого и упомянутое уже выше письмо Марии Федоровны. Около 5 часов утра обыск был закончен.

На второй день, около 2 часов дня, в архиерейский дом явились представители Исполкома, чтобы выяснить, куда девался епископ и когда он явится.

Сначала делегация говорила с викарным епископом Иринархом [Синеоковым-Андреевским]. Контрреволюция, видимо, совершенно обнаглела. Иринарх определенно заявил, что Гермоген скрыт по настоянию близких ему лиц впредь до того времени, пока ему будет дана гарантия неприкосновенности. На это был дан ответ, что все зависит, с

одной стороны, от материалов, которые будут обнаружены в делах, а с другой – от указаний из центра.

Начались переговоры с епархиальным советом, в конце которых было заключено условие, что епископ Гермоген до понедельника будет оставлен в покое, будет служить в церкви и лишь в понедельник комиссия приступит к его допросу. Совет обещал, что епископ Гермоген в своих проповедях совершенно не будет касаться политических вопросов.

Был канун Вербного воскресенья. К 6 часам вечера скрывавшийся в домике на Береговой улице Гермоген появился и отправился прямо ко всенощной. Во время службы он произнес проповедь, в которой громил „святотатцев“, красную гвардию, местный совет и проч. На второй день, в воскресенье утром, повторилось то же.

Никто из обывателей не помнит, чтобы в Вербное воскресенье устраивались какие-либо крестные ходы, но Гермоген не только срочно организовал крестный ход, мало того, он в церкви призывал молящихся поддержать его, если его арестуют. Он также приглашал молящихся на собрание „братства“, где должны были обсуждаться „назревшие вопросы“. Телохранители Гермогена вели себя вызывающе: они позволили себе вывести из церкви красногвардейца из уральского отряда без всякого с его стороны повода [?? – *Сост.*].

На улицах пошли разговоры, собирались кучки народа, и какие-то темные лица определенно вели погромную агитацию.

Все эти обстоятельства побудили президиум исполкома принять самые решительные меры; по городу были расставлены конные и пешие патрули.

Около 5 часов дня беспокойный монах был, наконец, арестован и препровожден в штаб красной гвардии. На соборной колокольне пономарь начал было бить в набат, но один из латышских стрелков дал выстрел вверх [? – *Сост.*], и набат прекратился.

Гермоген был отправлен в Екатеринбург.

Каким образом этот авантюрист в монашеской рясе ускользнул от зорких глаз екатеринбургских рабочих и очутился

в конце концов в темном царстве Краснова, остается пока невыясненным.

Будем надеяться, что наши товарищи со временем осветят и эту загадочную страничку в истории пресловутой „гермогеновщины”» (Под флагом религии: Гермогеновщина // Революция и Церковь.1919. №1.С. 23–26).

В №3–5 того же журнала появляется заметка (с. 48) «Еще о гермогеновщине». Приводим ее полностью прежде чем расшифровать все безбожнические сказки о деятельности Гермогена «в темном царстве Краснова».

«По поводу помещенной во втором [ошибка, следует: в первом, с. 23. – *Сост.*] номере статьи „Гермогеновщина” мы получили следующее письмо от бывшего председателя Областного Совета Урала тов. Белобородова:

„Сегодня я видел журнал „Революция и Церковь”, в котором помещена статья о Гермогене. Думаю, что письмо („объяснение”) еп[ископа] Гермогена, адресованное им в Областной Совет Урала, вам может пригодиться и поэтому препровождаю его вам. Оно у меня оказалось случайно на руках. Написано оно было им в екатеринбургской тюрьме. Кстати, епископ Гермоген вовсе не скрылся из Екатеринбурга, как об этом изложено в статье, а расстрелян в числе других контрреволюционеров Уральской области Чрезвычайной Комиссией. Я не помню, было ли это объявлено, но что это так, – я утверждаю. Было бы желательно, чтобы соответствующая поправка была сделана, иначе на уральцев ложится некоторая тень, а на Урале вообще не было принято выпускать на свободу заведомых контрреволюционеров”.

Что касается до заявления тов. Белобородова относительно дальнейшей судьбы епископа Гермогена, мы вынуждены пояснить, что наши сведения о том, будто Гермоген скрылся из Екатеринбурга, основывались на телеграммах Роста. Так, в №9 „Центральных Известий” за 1919 год помещена следующая телеграмма: „Новочеркасск. 8 января (через Острогожск). „Донские Ведомости” сообщают, что епископ Гермоген обратился к добровольческой армии с „пастырским благословением”, в котором указывает, что России нужна

единая власть сильного человека. Газета комментирует: имя сильного человека еще не произнесено, но скоро все его услышат (Роста)". В № 374 московских „Вечерних Известий" была, далее, помещена следующая телеграмма: „Саратов. 21-х. В „Донских Ведомостях" напечатано обращение епископа Гермогена к Мамонтову: „С чувством глубочайшего умиления прочитал сообщение Ваше о последних блестящих победах над богопротивным супостатом. Уже видны блестящие главы Первопрестольной. Уже слышен радостно-торжественный звон великого Ивана. Уже несметная толпа собирается на площадях и улицах Москвы. С нами крестная сила. Всесильный крест Христов осеняет благословенное оружие христолюбивого воинства (Роста)".

Вышеприведенные телеграммы были перепечатаны целым рядом провинциальных газет.

После компетентного разъяснения тов. Белобородова относительно дальнейшей участи Гермогена даже самый предубежденный против Советской власти читатель лишней раз может убедиться, что белогвардейская печать в нужных ей целях не гнушается оперировать именами давно не существующих „вождей" и в уста их вкладывать, должно быть, для поднятия соответствующего настроения в обманутых войсках, то призывы, то обращения, то благословения, обращенные к Деникину, Мамонтову, Колчаку и прочим „освободителям" России» (Церковники и их агенты перед народным революционным судом: Еще о гермогеновщине // Революция и Церковь. 1919. №3–5.С. 48).

Не знаем, в чем может убедиться «даже самый предубежденный против Советской власти читатель», читая все эти «научно-атеистические» выверты. Со своей стороны можем сообщить лишь то, что Преосвященный Гермоген был утоплен, а на юге, у белогвардейцев, выступал с антисоветскими призывами Преосвященный Гермоген [Максимов], бывший епископ Аксайский, впоследствии эмигрировавший, провозглашенный в 1940 гг. «Патриархом Кроатским»¹⁶⁹ и затем повешенный югославскими партизанами в 1945 году.

Впрочем, для наших «безбожников», привыкших врать без разбору: «кто ни поп – тот батька».

[Священномученик епископ Гермоген (Долганов) причислен к лику святых в 2000 г. Более подробно см.: Мраморное А. И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов: «Научная книга», 2006. – Ред.]

46. Краткие сведения о протоиерее Н.В. Концевиче

Автор – весьма почтенный митрофорный протоиерей о. Николай Васильевич Концевич, скончавшийся 18(31) марта 1959 года, в должности ректора Одесской духовной семинарии.

По происхождению о. Н.В. Концевич коренной волынец. Родился 6.11.1885 г. в семье низшего клирика (кажется, отец его был псаломщик) и, после окончания местной Духовной семинарии, определился в число студентов Московской Духовной Академии, которую и окончил в 1909 г. по 1 разряду.

В те же годы здесь, в стенах этой Академии проходили обучение многие будущие святители и доблестные пастыри Русской Церкви, которым после революции суждено было принять на свои головы и плечи великие испытания и поношения, выпавшие на их долю как на твердых поборников Православия и верных и достойных сынов своего великого Отца и Господина, Святейшего Патриарха Тихона.

По окончании Академии, ставши кандидатом богословия, о. Николай в год окончания образования принимает священный сан, и все свое дальнейшее пастырское служение проводит в епархиях: Архангельской, Уфимской, Московской и др., на приходской и церковно-административной работе.

В 1917 г., от клириков Уфимской епархии, он избирается членом Поместного Собора Русской Церкви 1917–1918 гг.

В алфавитном списке членов Собора о нем читаем следующее:

«Концевич Николай Васильевич – священник Уфимского кафедрального собора – преподаватель Уфимской духовной семинарии – по избранию – клирик от Уфимской епархии – 32 [года. – *Сост.*] – кандидат богословия – Уфа» (Алфавитный список Членов Собора // Деяния... Кн 1. Вып. 1. С. 73).

Вернувшись после Собора из Москвы в Уфу, о. Николай проходил далее свое пастырское служение под омофором уже нового Уфимского архиерея, недавно хиротонисанного в Петрограде во епископа Уфимского и Мензелинского¹⁷⁰, Преосвященного Симона (Шлеева), известного о. Николаю по

минувшему Собору, где о. Симеон Иванович Шлеев (тогда) был в сане протоиерея видным соборянином от единоверчества.

Архиерейство Преосвященного Симона длилось, однако, очень недолго, так как всего года два спустя после хиротонии он был зверски убит бандитами, засевшими в его собственной квартире, по возвращении после торжественной всенощной, совершенной в соборном храме накануне Преображения.

Затем о. Н. Концевич переводится в Москву, где состоит настоятелем одного из храмов Замоскворечья; здесь он пастырствовал довольно продолжительное время и продолжал бы далее, если бы не одно из «обстоятельств времени», тяготевших над несчастным русским духовенством.

Вот, между прочим, штрих, характерный для быта московского духовенства двадцатых годов, о котором поведал пишущему эти строки сам покойный о. Николай:

«— Как-то вечером, постом, когда я на левом клиросе, в совершенно темном и уже опустевшем храме исповедовал последних остававшихся двух-трех старушек, собираясь после этого идти домой на отдых, обратил внимание на то, что в глубине темного храма меня ожидала еще какая-то фигура.

Действительно, после того как я отпустил последнюю исповедницу, на солею поднялся какой-то мужчина средних лет и — по моему знаку — приблизился к аналою с Крестом и Евангелием, за которым я стоял. При его приближении я подался несколько к нему навстречу и нагнул голову, давая понять, что я готов принять и его исповедь.

Однако вместо исповеди, он тронул меня слегка за руку... Я поднял голову, внимательно и вопросительно посмотрев на него. Он как-то замялся, огляделся быстро по сторонам и, приблизившись ко мне лицом, несколько нервным голосом, быстро произнес:

— Нет! Это вы оставьте... Я к вам не за этим... Тут, в свою очередь, несколько смутился я сам.

— Что же вы желаете от меня?

— Да ничего я не желаю от вас, просто я хочу вам сказать кое-что...

И опять, быстро оглядевшись, сказал доверительным шепотом:

– Я хочу вам посоветовать... хочу вам сказать... Одним словом – кончайте-ка вы это дело (он многозначительным взглядом окинул внутренность темного храма, мерцающего цветными огнями лампад)... а то ведь плохо все это для вас кончится... Кончайте, кончайте; я вам добрый совет даю.

Слова его меня сильно взволновали. Вызвали какое-то двойственное чувство одновременно возникшее, – и благодарности к нему за видимое доброжелательство, и возмущения – за столь оскорбительное, цинично выраженное предложение.

– Я благодарю вас за предупреждение, но поймите, что, чем бы мне это не грозило, я не могу бросить дело, к которому призван и которому служу всю свою сознательную жизнь. Все мы – в Божьей воле; что Господь даст, то и будет со всеми нами...

– Ну, смотрите, смотрите, – перебил он меня. Мое дело – предупредить, пока еще не поздно... Я ведь мог вам всего этого и не говорить. Кончайте, кончайте... Советую!

Он оборвал свою речь, порывисто метнулся с клироса, слился с царившей в храме тьмою и исчез, растворясь в ней. По глухо хлопнувшей вдали входной двери я понял, что он вышел...

Признаюсь, что, в какой-то степени, этот загадочный визит незнакомца вывел меня из душевного равновесия. С разнообразными сумбурными, тяжелыми мыслями я склонился на аналой и, по-видимому, немалое время пробыл в таком положении, из которого вывела меня сторожиха, загремевшая вблизи меня ключами. Выйдя из этого оцепенения и едва одевшись, я побрел домой.

А она огромным – пудовым ключом, – стала запирать храм.

Месяца через два я, разумеется, был арестован и отправлен в ссылку в Восточную Бухару».

В ссылке о. Николай работал счетоводом и бухгалтером и числился у гражданского начальства на очень хорошем счету.

Наша современная церковная печать, следуя примеру гражданской прессы, скрывает некоторые подробности жизни о. протоиерея. Так, в некрологе о. Николая Концевича, помещенном в №5 «Журнала Московской Патриархии», можно прочесть, что «с 1924 по 1942 год прот. Н. Концевич священствовал в Москве», тогда как лишь с середины 1930 годов он, в действительности, вырвался, наконец, из слишком гостеприимных объятий местного ПП ОГПУ.

[О. Николай Концевич был арестован 15.04.1932 в Москве, в числе московского духовенства (с ним по одному делу проходил и будущий Патриарх Пимен Извеков), ему было предъявлено обвинение «в организации широко разветвленной сети по сбору денег и продуктов для оказания помощи ссыльному духовенству». 10.05.1932 приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. – *Ред.*]

В материальном отношении, в Средней Азии, о. Николай жил неплохо. Вместе с ним добровольно разделяла ссылку его матушка – симпатичная, интеллигентная немолодая женщина, исполненная благочестия и всяческих добродетелей.

По отбытии ссылки Москва для о. Николая (как и для всех вообще репрессированных граждан) осталась недостижимой, и он получает назначение в гор. Калугу, «а с 1944 года – в Рязани. В январе-феврале 1945 года он участвовал в Московском Поместном Соборе и присутствовал на интронизации Святейшего Патриарха Алексия (Симанского). С 1946 года состоял настоятелем Курского кафедрального Казанско-Сергиевского собора и благочинным церковью 2 Курского церковного округа, а с 1952 года – настоятелем Покровского кафедрального собора в г. Астрахани. 11 сентября 1954 года его назначили ректором Киевской духовной семинарии, 24 июня 1957 года – ректором Одесской духовной семинарии, каковую должность с преподаванием и настоятельством Свято-Пантелеимоновского семинарского храма он и занимал до самой своей смерти» (*Сергий, игумен*. Ректор Одесской духовной семинарии протоиерей Н. В. Концевич // ЖМП. 1959, №5. С. 19–20).

Надо полагать, что тяготы и заботы последних лет, а также, несомненно, и все пережитое раньше, вконец подорвали остаток сил усердного и добросовестного о. Николая и ускорили его отшествие из этого мира.

Некоторое подтверждение этого предположения усматривается и из его последних писем, адресованных автору этих кратких строк, посвященных его доброй памяти.

Приводим их для большей обрисовки облика покойного о. протоиерея:

«Уважаемый Михаил Евфимиевич.

Давно я Вам не писал. И от Вас последнее письмо было в мой адрес от 2(15).05 сего 1954 г. Мы с Вами встретились в Астрахани и писал я Вам свое последнее письмо из Астрахани, а это письмо я пишу Вам уже из Киева, где я нахожусь с 29.08 (11 сентября). Совершенно неожиданно для себя получил перевод сюда на должность ректора семинарии, а приехавши сюда на эту должность получил еще дополнительное назначение на должность настоятеля Андреевского собора. 22.9 (5 окт.) приехала ко мне из Астрахани и Анна Сергеевна [матушка. – *Сост.*].

С Преосвященным епископом Сергием [Лариным; в то время – Астраханским. – *Сост.*] расстался наилучшим образом. Уезжал я из Астрахани в его отсутствие: он был тогда, 21.08 (3 сент.) в Ленинграде, но уезжал с его ведома. Дело было так: я в августе во второй половине получил из Киева из Экзархии [полуофициальное] письмо с приглашением приехать туда, но без указания цели вызова. Я поехал, поставив об этом в известность предварительно еп[ископа] Сергия (Ларина) и получив от него отпуск. А когда я приехал в Киев, 29.8 (11 сент.), мне Экзарх [митрополит Иоанн Соколов. – *Сост.*] объявил о состоявшемся моем назначении на должность ректора. Получив от меня телеграмму об этом назначении, е[пископ] Сергей ответил: „Поздравляю, хотя и огорчен”. И с тех пор мы обмениваемся друг с другом самыми хорошими телеграммами и письмами. Последний акт его об освобождении моем от Астраханских] должностей – при сем прилагаю.

Здесь дали мне дела тоже вполне достаточно. Лежать не приходится. Но дело и учебное, и церковно-богослужебное меня вполне удовлетворяет, и пока мне в отношении бытовом и в смысле взаимоотношений с людьми – сотрудниками жаловаться не приходится.

А как Вы? Как провели лето и что сейчас делаете?

Очень буду рад, если откликнитесь.

Адрес мой: г. Киев. Ул. Ливера, 23, кв. 1.

Всего Вам доброго. Ваш Н. К.»

Вышеприведенное письмо было получено зимой 1954–55 гг.

Затем в переписке последовал порядочный интервал, который окончился весной 1956 года – следующим письмом о. Николая:

«Дорогой Михаил Евфимович.

Вашу пасхальную телеграмму получил. Взаимно приветствую Вас с Светлым Христовым праздником и крепко Вас целую.

Очень рад тому, что Вы откликнулись. В Рождество я послал Вам письмо и, не получив ответа, недоумевал, что бы это значило.

Оказывается Вы живы и здоровы. Слава Богу!

Я и Анна Сергеевна живем по-старому, без перемен, хорошо.

Если соберетесь в Киев, будем рады видеть Вас у себя.

Всего Вам доброго. Н. и А. К.» (Пасха, 1956 г.).

И – последнее письмо:

«Дорогой Михаил Евфимиевич!

Ваше дружеское письмо к Св. Пасхе я получил. Я и Анна С[ергеевна] от души Вас благодарим за пасхальное приветствие и взаимно Вас поздравляем. Очень рады, что Вы живы и здоровы и тому, что нас не забываете. Спаси и сохрани Вас Господь и дальше на многие годы.

Вы спрашиваете о моем самочувствии, жизни и деятельности. Положение мое высокое, но покоя нет. Каждодневная трепка нервов и большими, и мелкими делами. Особенно больших переживаний стоит мне недостаточность здания для семинарии при ежегодном увеличении количества

учащихся [!! – *Сост.*]. Откуда взять дополнительное здание при общем жилищном кризисе!

Я с Анной С[ергеевной] пока по-стариковски здоровы, но старимся все более и более. Иначе и быть не может, поскольку нам пошел восьмой десяток. В июне текущего года исполняется пятидесятилетие нашей супружеской жизни.

Не только мы, но и дети наши начинают уже стариться. Внуки в будущем году уже кончают ВУЗы и переходят на работу, вместо учебы. Много прожито, много пережито. Недалек уж и предел жизни.

Часто вспоминаю свое Азиатское послушание [ссылку. – *Сост.*].

И не поминаю его лихом. В общем там спокойнее было, чем на всякого рода других послушаниях. Часто встают пред сознанием Бек-Буди [город. – *Сост.*], Кашка-Дарья [река. – *Сост.*], арыки и те, с кем приходилось там жить и работать.

Приятно было бы с Вами увидеться и побеседовать рядышком, но случится ли это когда-нибудь, Бог весть.

Всего, всего Вам доброго в жизни, дорогой Михаил Евфимиевич.

Ваши старые друзья Н. и А. К.24.4(7.5?) 1957 г.»

Это письмо – последняя весточка от почтенного и добрейшего о. Николая Концевича, совместно с которым еще в давно минувшие годы было проведено несколько лет совместной жизни в среднеазиатских песках...

Затем последовал, – как всегда неожиданный! – некролог.

20.03(02.04). 1959 г. было совершено торжественное отпевание тела о. Н. В. Концевича в храме Одесской духовной семинарии. Торжественный чин, в коем участвовал сонм духовенства, был возглавлен Одесским митрополитом Борисом (Виком).

Надгробные слова произносили: митрополит, о. ректор Киевской духовной семинарии архимандрит Филарет, настоятель Александрийского подворья в Одессе архимандрит Каллист и представители воспитателей и воспитанников семинарии.

Прах о. Николая предан земле на местном городском кладбище.

Не знаем, было ли отражено в произнесенных речах, но добавим к ним, от себя: почивший был редким в наше время образцом глубоко и просвещенно религиозного, высоконравственного и широко образованного пастыря; прекрасным священником, талантливейшим оратором и замечательным педагогом с разумно-широким взглядом на явления внутренней и внешней жизни.

Он был – прекрасным русским человеком доброй и деликатной души; мягкий и открытый. Где нужно – сдержанный и терпеливый, но твердый.

И годы, проведенные с ним, до сих пор питают сердце и память самыми добрыми и светлыми воспоминаниями об этом, воистину, «добром пастыре».

47. Речь профессора-архимандрита Илариона (Троицкого) на Соборе 1917–1918 гг. в защиту восстановления Патриаршества

Прежде всего приведем здесь полный текст речи в защиту восстановления в Русской Церкви Патриаршества, произнесенной профессором Московской Духовной Академии, архимандритом Иларионом (Троицким) 23.10.1917 г., на пленарном заседании Поместного Собора 1917–1918 гг., а затем уделим некоторое внимание отзывам современников об ораторе и беглому обзору его биографии, имея в виду, что в будущем историк нашей церковной эпохи исчерпывающе обрисует прекрасный духовный облик и исповедническую деятельность этого величайшего Святителя Русской Церкви и ближайшего соратника приснопамятного Святейшего Патриарха Тихона, завершennую печатью «верности до смерти».

Как известно, «Собор ставил своей целью построить жизнь Русской Церкви на Ее незыблемых, исконных началах, и первым большим и важным вопросом, остро ставшим пред Собором – был вопрос о Патриаршестве» (Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. См. наст. сб. Т. 1. 65).

В связи с этим начались горячие и длительные дебаты, не приводившие ни к какому определенному решению вопроса, – искусственно затягивавшиеся просочившимися на Собор обновленческими элементами, всеми силами стремившимися в обход 34 Апостольского правила, сохранить в церковном управлении любезный им «демократический» синодальный строй, при котором, как известно, наиболее удобно безответственно обдeldывать любые темные дела и вообще «ловить рыбку в мутной воде».

Таким образом, Собор поневоле топтался на месте, растрачивая впустую дорогое время, при полной очевидности для положительного большинства соборян совершенной необходимости восстановления канонического строя Церкви.

Наконец, 23.10.1917 г., прениям, казавшимся бесконечными, был положен предел; на соборной трибуне, – как бы подводя итог всему высказанному в защиту идеи восстановления Патриаршества, с блестящей речью выступает молодой (31 год от рождения) профессор Московской Духовной Академии, архимандрит Иларион.

Его речь явилась той точкой, которая прекратила споры, окончательно парализовала всевозможных церковных леваков и еще крепче сплотила каноническое правосмыслие соборян. Правосмыслие достаточно уже отточенное, но не имевшее еще того последнего, вдохновляющего штриха, после которого оно приобретает значение непреложной истины, хотя таковая подсознательно уже всеми ощущалась, казалось бы, в достаточной мере.

Так, например, еще за два дня до выступления архимандрита Илариона, 21.10.1917 г., заканчивая свою речь в прениях по вопросу о восстановлении Патриаршества, известный деятель единоверия, протоиерей о. С. И. Шлеев, говорил: «Самый плохой Патриарх лучше самого хорошего Синода (при этих словах в Соборной Палате происходит движение. Слышны возгласы: „правильно!“». (Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №136. С. 3).

Итак: речь архимандрита Илариона (Троицкого) в защиту восстановления в России Патриаршества *«Почему необходимо восстановить Патриаршество?»* была такова:

«Ваше Святейшество, Архипастыри Русской Церкви, отцы и братие!

Уже много речей мы слышали о Патриаршестве. Большинство говоривших здесь о Патриаршестве – и за, и против – рассматривали Патриаршество со стороны его целесообразности и своевременности. Одни возлагали на Патриаршество, может быть и преувеличенные, надежды церковного и даже политического характера; другие спешили предсказать едва ли не полное разочарование тем, кто эти надежды на Патриаршество возлагал. При этом в речах той и другой стороны одинаково слышалась одна и та же нотка: можно Патриаршество восстанавливать, а можно и не

восстанавливать, смотря по тому, что полезнее и что современнее. Для меня вопрос о восстановлении Патриаршества стоит совершенно иначе. Мы *не можем* не восстановить Патриаршества; мы *должны* его непременно восстановить, потому что Патриаршество есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церкви. Эту истину о Патриаршестве я и кладу в основу своей речи.

Мы собрались сюда вовсе не затем, чтобы произвести в Русской Церкви реформу. Наша цель— освободить наше церковное управление от тех язв, которые явились печальным плодом двухвекового пленения Русской Церкви властью государственной. Эти язвы нашего церковного управления состоят в его уклонении от строгого соответствия строю каноническому. Церковь Божия не первый год живет на земле. В течение целых веков своей истории Она создала канонические нормы высшего управления Поместных Церквей и эти нормы отлились в определенное церковное законодательство. По церковным законам и по церковной истории нам следует выразуметь церковное сознание и определить, чего требует это церковное сознание от высшего управления Поместной Церкви.

Патриаршество в истории было разнообразно; его исторические формы менялись в зависимости от условий места и времени. Высшее управление Поместных Церквей в своих подробностях тоже было разнообразно, и церковные законы не требуют в этом деле полнейшего однообразия. Но при всем историческом разнообразии сохраняется одно неизменное основное правило: во главе высшего управления каждой Поместной Церкви стоит Первоиерарх. Это и есть основная идея Патриаршества. Отрешимся на минуту от всяких исторических форм и спросим: что есть Патриаршество? Оно по существу есть возглавление епископов Поместной Церкви Первоиерархом. Вот это положение и есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церкви. Здесь мы слышали недоумение: мы не знаем какой и с какой властью будет Патриарх, а потому и не можем пока желать восстановления Патриаршества. На это недоумение я отвечу: Патриарх будет такой, каким сделает его Собор, и власть у него

будет такая, какую ему даст Собор. В этом мы вольны; в определении подробностей патриаршего управления мы свободны. Но не восстановить самого Патриаршества мы не можем, *мы не имеем на это права*, если не желаем сомнительной славы решительных реформаторов Церкви, если не желаем порвать с вековым преданием Вселенской Христовой Церкви.

В прошлом собрании протоиерей Н.П. Добронравов сказал, что каноны ничего не говорят за Патриаршество. Профессор Титлинов пошел дальше и заявил, будто идея Патриаршего единовластительства чужда Православной восточной византийской традиции. Когда я услышал эти заявления, то, признаюсь, широко раскрыл глаза от изумления и недоумения. Какова на самом деле Православная церковная традиция касательно высшего управления Поместных Церквей? Обратимся к истории и к церковным канонам.

Если мы приведем себе на память самое первое время исторической жизни Церкви, то там для организации высшего управления Поместной Церкви мы ничего не найдем. Почему? А потому, что тогда еще не было Поместных Церквей. Рассеянные по всему миру Церкви, епархии-приходы находились, конечно, всегда в тесном общении друг с другом, но в первое время были самостоятельны в управлении и не были объединены в Поместные Церкви какой-либо определенной церковно-административной организацией. Поэтому напрасно стали бы мы искать в первые два века определенного образца для организации высшего управления в Русской Поместной Церкви. Такого образца там нет. Если бы кто теперь решил восстановить церковное управление первых двух веков, то он должен бы требовать уничтожения всякого высшего управления Поместных Церквей и предоставления полной самостоятельности каждой епархии, возглавляемой епископом.

Но без организации Поместных Церквей Церковь Христова жила не долго. Христиане, жившие в той или другой провинции Римской империи и так или иначе объединенные в отношении гражданском, естественно, скоро объединились и в церковном отношении вокруг главного города провинции-митрополии. Этот

процесс организации Поместных Церквей по провинциям, несомненно, начался еще во втором веке, а в третьем веке этот процесс уже привел к образованию определенных провинциальных митрополичьих Церквей. Порядок управления в таких Поместных Церквях уже сложился и для первого Вселенского Собора он был уже „древним обычаем”. „Да хранятся древние обычаи, принятые в Египте, и в Ливии, и в Пентаполе, дабы Александрийский епископ имел власть над всеми сими. Понеже и Римскому епископу сие обычно. Но в Антиохии, и в иных областях (ἐπαρχίαι) да сохраняются преимущества Церквей” (Правило 6). Об управлении в таких древних, первых по времени, Поместных Церквях говорит и 34 апостольское правило. „Епископам всякого народа (разумеется народ, живущий в той или иной провинции, так как деление на провинции в Римской империи имело основу, между прочим, и этнографическую) подобает знати первого в них и признавать его, яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения: творити же каждому только то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо тако будет единомыслие и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святой Дух”. Здесь указано два начала высшего управления Поместной Церковью: Собор и Первоиерарх. Как Соборы, так и Первоиерархи в Поместных Церквях равно получили начало еще во втором веке. Ни Собор не исключает Первоиерарха, ни наоборот. Напротив, по мысли апостольского правила, сочетанием Первоиерарха и Собора Поместной Церкви и обуславливается церковное единомыслие, и в этом единомыслии прославление Пресвятой Троицы.

Об управлении Поместных митрополичьих Церквей есть целый ряд правил, определенных Соборами IV века: антиохийским (прав. 16, 17, 18, 19, 20 и 9), сардикийским или сердикским (прав. 14). Все эти правила устанавливают, что во главе управления Поместной Церковью стоит Собор и митрополит, с особыми, лично ему принадлежащими правами Первоиерарха. И никто тогда не полагал, будто бы существование Первоиерарха противоречит началу соборности.

Напротив, возглавление Поместной Церкви Первоиерархом-митрополитом считали необходимым дополнением и как бы усовершенствием самой соборности управления. В правилах Собора антиохийского (16, 17 и 18) есть понятие „совершенного Собора“. Что же такое „совершенный Собор“? „Совершенный же Собор есть тот, на котором присутствует с прочими и митрополит“, – отвечает 16 правило антиохийского Собора.

Так мы видим, что в дали веков, как только начали образовываться первые Поместные Церкви, – они были в управлении возглавлены Первоиерархами-митрополитами по имени главных городов провинций-митрополий.

На митрополичьих Поместных Церквях организация Церкви не закончилась. Она продолжалась в соответствии с административными делениями Римской империи. В этой империи были административные области большие, нежели провинции-диоцезы (διοίχνηс). Поместные Церкви, находившиеся в пределах одного диоцеза, скоро объединились между собой, так что Поместной Церковью стала Церковь всего диоцеза. Как только совершилось это объединение Церквей диоцеза, тотчас во главе Поместной Церкви нового типа над всеми митрополитами, становится опять Первоиерарх. О таких Поместных Церквях говорит второй Вселенский Собор в правилах 2 и 6, называя Первоиерархов – епископами диоцеза и разграничивая пределы их церковных областей. Четвертый Вселенский Собор именует тех же самых Первоиерархов экзархами диоцеза (прав. 9 и 17), а константинопольского епископа называет и архиепископом (прав. 28).

Так и при новой форме Поместных Церквей сохраняется неизменно закон о возглавлении их высшего управления Первоиерархом.

Следующая ступень церковной организации – Патриархата, образовавшиеся от соединения в церковном отношении нескольких диоцезов. Так диоцезы фракийский, асийский и понтийский составили константинопольский Патриархат. Во главе Патриархатов, этих Поместных Церквей позднейшего типа, стали Патриархи. Византийская империя никогда не совпадала с одной Поместной Церковью; в ее пределах было

несколько отдельных Церквей с Патриархами во главе. После Поместные Церкви создавались по принципу, между прочим, и национальному. В моменты подъема национального могущества и самосознания народы устраивали себе автокефальную Церковь и возглавляли Ее Первоиерархом. Так было, например, в Сербии, в XIV веке при Стефане Душане, когда была объявлена автокефалия Сербской Церкви и поставлен Сербский Патриарх. Наша Русская Церковь получила начало как митрополия Константинопольского Патриархата; со середины 15 века стала автокефальной, под главенством Московского митрополита, а с 1589 года сама стала Патриархатом. В настоящее время Православная Церковь состоит из 16 автокефальных Церквей и все эти Церкви – греческие, славянские, арабские, румынские – имеют во главе Первоиерархов; с разными именами и с различной властью, но Первоиерархи есть везде. То же и в отпавших от Церкви обществах, например, у армян, яковитов и др. Таково свидетельство истории. Везде и всегда меняются формы высшего управления Поместных Церквей, меняются сами Поместные Церкви, но неизменно сохраняется тот закон высшего управления, по которому оно возглавляется Первоиерархом. Имена и объем власти Первоиерарха изменяются, но непоколебимо стоит сам принцип Первоиерарха в каждой Поместной Церкви.

Печальным исключением является наша несчастная Русская Церковь со своим Синодом. Вся Вселенская Церковь Христова до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без Первоиерарха. Никогда и Русская Церковь не была без Первоиерарха. Наше Патриаршество уничтожено было Петром I. Кому оно помешало? Соборности Церкви? Но не во время ли Патриархов было особенно много у нас Соборов? Нет, не соборности и не Церкви помешало у нас Патриаршество. Кому же? Вот предомногу два великих друга, две красы XVII века – Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Чтобы поссорить друзей, злые бояре нашептывают царю: „Из-за Патриарха тебя, государь, не видно стало“. И Никон, когда ушел с Московского престола,

между прочим, писал „пусть ему, государю, без меня просторнее будет”. Эту мысль Никона и воплотил Петр, уничтожив Патриаршество. „Пусть мне, государю, без Патриарха просторнее будет”. Московскому единодержавию, преобразованному Петром в неограниченное самодержавие, помешало русское Патриаршество. В столкновении с государственной властью угасло на время русское Патриаршество и во главе Русской Церкви стала неведомая всей Христовой Церкви коллегия, в которой скоро воцарился дух монарха, потому что приставленный к ней обер-прокурором какой-нибудь гусар „сонмом архиерейским, как эскадроном на ученьи, командовал”. Учреждение коллегии было, во всяком случае, новостью в Церкви Христовой; новость эта создана была по голландско-немецким образцам и вовсе не ради пользы церковной.

Спросим мы теперь: что же это за постоянное, всегда и всюду неизменное явление в Церкви Христовой, что во главе Высшего управления Поместной Церковью становится Первоиерарх? Неужели это ошибка всех веков, всех Поместных Церквей, которую мы призваны исправить? Неужели все заблуждались, а истина открыта, наконец, только нам одним? Неужели все Поместные Церкви, устанавливая главенство Первоиерархов, отталкивали от себя Христа, желали, чтобы не Христос был посреди их, а Патриарх, как представлял дело учреждения Патриаршества в одном из прошлых наших собраний протоиерей Н. В. Цветков? Не слишком ли это горделивое и высокомерное отношение к преданию всей поднебесной Церкви Христовой? Не лучше ли и нам смиренно склониться пред основным законом высшего управления Поместной Церкви, как ясен этот закон из истории и из канонов?

Раздавалось возражение, в прошлом заседании из уст проф. Титлинова, будто Патриаршество есть идея западная, папистическая. Ничего подобного. Папство желает главенства над всей Церковью, а Патриарх глава Церкви Поместной. Неужели кто-нибудь здесь мечтает, что Московский Патриарх покорит под власть свою власть всех 16 Поместных Церквей? В современной нам Православной Церкви идея папизма не может

иметь никакой почвы. С другой стороны, папа управляет Церковью самовластно, *sine consensu ecclesiae*, без согласия Церкви Православный Первоиерарх Поместной Церкви ничего не творит без рассуждения всех Ее епископов. Поскольку 34 апостольское правило повелительно требует в каждой Поместной Церкви Патриаршества, постольку оно обличает заблуждения папистов. В полемике с латинянами следует, между прочим, пользоваться и 34 апостольским правилом. Среди нас нет еретиков папистов, а есть много Православных патриархистов. Нет ничего общего между папизмом и Патриаршеством, и всякие упоминания о папизме на нашем Православном Соборе совершенно излишни и вовсе не нужны. Не папистические тенденции требуют восстановления Патриаршества, а Православное церковное сознание.

Я обращаюсь к 1917 году. По-видимому, мы приехали на Собор не в такое время, чтобы говорить о Патриаршестве. Предсоборный Совет ответил на вопрос о Патриаршестве очень быстро и решительно: Патриаршество будто бы противоречит началу соборности, а потому его и не следует восстанавливать. „Всероссийский церковно-общественный вестник” едва ли не в каждом номере печатал фельетоны и статьи против Патриаршества. Даже одно из синодальных учреждений (издательский совет) напечатало недобросовестный листок под заглавием „Нужен ли нам Патриарх?”. Листок отвечает на этот вопрос отрицательно, а последний Синод, созванный последним обер-прокурором, по обычаю безмолвно „принял к сведению” это непозволительное издевательство над священной идеей Патриаршества. Наконец, у нас господствует „революционная” охлократия, которой всегда можно сделать донос на мнимую контрреволюционность Патриаршества. И что же? Несмотря ни на что, мы говорим о Патриаршестве. Первый большой вопрос, который мы обсуждаем, есть вопрос о Патриаршестве. Мы не могли и в Отделе о Высшем управлении удержаться, чтобы не говорить о Патриаршестве прежде всего. Не удержались от этого и здесь, на общем собрании нашего Собора. Сердца радостно уже переживают предпразднество великого церковно-народного торжества восстановления

Патриаршества. Те, кто в наших собраниях возражают против Патриаршества, сами в прошлый раз признались, что они берут на себя неблагоприятную задачу и говорят безнадежные речи. Почему это? Откуда это? Не значит ли это, что церковное сознание, как в 34 апостольском правиле, так и на Московском Соборе 1917 года говорит неизменно одно: „Епископам всякого народа, в том числе и русского, подобает знати первого в них и признавати его яко главу”.

И хочется мне обратиться ко всем тем, кто почему-то считает еще нужным возражать против Патриаршества. Отцы и братие! Не нарушайте радости нашего единомыслия! Зачем вы берете на себя неблагоприятную задачу? Зачем говорите безнадежные речи? Ведь против церковного сознания боретесь вы. Бойтесь, как бы не оказаться вам богоборцами (Деян.5:39)! Мы и так уже согрешили тем, что не восстановили Патриаршество два месяца тому назад, когда приехали в Москву и в первый раз встретились друг с другом в Большом Успенском соборе. Разве не было кому тогда больно до слез видеть пустое Патриаршее место? Разве не обидно было видеть, что Московский митрополит за всенощной под Успенье стоял где-то под подмостками? Разве не горько было видеть на историческом Патриаршем месте грязную доску, а не Патриарха? А когда мы прикладывались к святым мощам чудотворцев московских и первопрестольников российских, не слышали ли мы тогда их упрека за то, что двести лет у нас вдовствует их первосвятительская кафедра?

Есть в Иерусалиме „стена плача”. Приходят к ней старые правоверные евреи и плачут, проливая слезы о погибшей национальной свободе и бывшей национальной славе. В Москве в Успенском соборе тоже есть русская стена плача – пустое Патриаршее Место. Двести лет приходят сюда православные русские люди и плачут горькими слезами о погубленной Петром церковной свободе и о былой церковной славе. Какое будет горе, если и впредь навеки останется эта наша русская стена плача! Да не будет!

Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком

мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа должно биться русское православное сердце. Орел Петровского, на западный образец устроенного, самодержавия выклевал это русское православное сердце. Святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвященника Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью снова поставит Московского Патриарха на его законное неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет Святейший Патриарх на свое историческое священное место в Успенском соборе, – будет тогда великая радость на земле и на небе».

(Почему необходимо восстановить Патриаршество? (Речь в общем заседании церковного Собора 23 октября профессора Московской Духовной Академии архимандрита Илариона) // Богословский вестник. 1917. Октябрь-декабрь. С. 418–426. [Акты... С. 41–46].)

Такова была знаменитая речь архимандрита Илариона, сыгравшая свою огромную (чтобы не сказать – решающую) роль в деле восстановления нашего Патриаршества на Соборе 1917–1918 гг.

Теперь, кстати, приведем здесь еще и некоторые биографические данные о безвременно погибшем и столь любимом в свое время церковной Москвою, недолго управлявшим ею, архиепископе Верейском и «правой руке Патриарха» – как шутя и не без гордости именовали его москвичи.

Архиепископ Иларион – в миру Владимир Алексеевич Троицкий – произошел на свет в 1886 году; уроженец Тульской епархии; один из трех сыновей священника. Окончил Тульскую духовную семинарию, а в 1910 году – Московскую Духовную Академию, причем было отмечено, что он являлся лучшим, по успеваемости, студентом Академии за последние 50 лет. В 1913 году пострижен в мантию; иеродиакон; иеромонах; доцент Академии. В 1913 году – магистр богословия, инспектор Московской Духовной Академии, архимандрит.

Экстраординарный профессор по кафедре Священного Писания Нового Завета. В 1917 году – помощник ректора Московской Духовной Академии.

12(25).05.1920 г. хиротонисан в Москве в Сергиевском Крестовом храме Патриаршего Троицкого подворья на Самотеке Святейшим Патриархом Тихоном и сонмом сослуживших архипастырей.

В 1920–1929 гг. епископ Верецкий; некоторое время [22.03.1922–26.06.1923. – *Ред.*] в Архангельской ссылке; с июля 1923 г. – архиепископ; июль-ноябрь 1923 г. – временно управляющий Московской епархией; В 1923–1929 гг. в заключении: Москва, «СЛОН» – Соловецкий лагерь особого назначения, Ярославские «Коровники», «СЛОН», ленинградская тюремная больница Кресты.

Умер 15(28).12.1929 г., в 4 часа 20 минут утра, в заключении в тюремной больнице, от сыпного тифа.

Прекрасный проповедник; автор многих, опубликованных в свое время, трудов по вопросам богословским, церковно-историческим и другим¹⁷¹.

Яркий поборник восстановления Патриаршества в Русской Церкви.

В московских церковных кругах был известен своей полной нестяжательностью.

[Священномученик архиепископ Иларион (Троицкий) местночтимый святой Московской епархии с 10.05.1999 г. Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви причислен к лику общероссийских святых в 2000 г. Его мощи находятся в московском Сретенском монастыре. Дни памяти: 15/28.12; 27.04/10.05. – *Ред.*]

Приводим далее воспоминания об о. архимандрите Иларионе одного бывшего студента Московской Духовной Академии.

«Я заговорил об архимандрите Иларионе (Троицком). Это было исключительное лицо среди академического не только монашествующего, но вообще всего профессорского коллектива [Московской Духовной Академии. – *Сост.*].

Профессор-архимандрит, проректор Академии, интереснейший лектор, первоклассный оратор, он выделялся среди остальных. Помню его блестящие публичные лекции о России, о Церкви, которые я приходил слушать, будучи еще гимназистом... Он придерживался славянофильских взглядов, обильно сдабривая их почти католическими церковными тенденциями, измененными на православный лад и примененными к русской обстановке. С особенною страстью он говорил о взаимоотношениях государства и Церкви, бранил „нечестивого царя Петра” (его обычное наименование и до февраля 1917 года!), Синод, который, по его мнению, был учреждением совсем не каноническим, ратовал за восстановление Патриаршества. Недаром во время Всероссийского Собора, как мне тогда приходилось слышать, его – единственного не епископа – называли в кулуарных разговорах в числе желательных кандидатов на Патриарший Престол. Честь для молодого архимандрита немалая... Хотя это были всего лишь только частные беседы, но они показательны в отношении авторитета и славы, которой он и тогда уже пользовался. Тогда в Академии среди монашеских и примыкавших к ним светских кругов профессуры и студенчества были сильны тенденции перенести на русскую православную почву некоторые католические порядки и установления: в частности, высказывались мысли о том, что недурно было бы иметь и у нас нечто вроде орденов болландистов или бенедиктинцев, собрав воедино всех ученых монахов, которые в наших условиях как бы распыляются среди общей массы монашества и при этом теряют понимание своих специальных целей и интересов. Самого католичества Иларион не любил, можно сказать, даже не выносил и отзывался о нем, особенно о Римском папе, резко отрицательно. Когда в 1919 году (кажется) в Москве происходили какие-то совещания представителей Русской Церкви с католическими духовными лицами, на которых нащупывалась почва для возможности сближения, я однажды спросил Илариона во время одного из его редких наездов в [Сергиев. – *Сост.*] Посад, к профессору Глаголеву, не предвидится ли в дальнейшем соединения Церквей? Он

ответил иронически и многозначительно: „Эти собрания проходят под моим председательством, а поэтому вряд ли может быть от них какой-нибудь положительный результат... Впрочем, если Рим покается, то...” Он не кончил фразу. Было ясно, что Рим „каяться” не захочет, но и мы, несмотря ни на какие трудности переживаемого времени, не пойдем в Каноссу. Здесь чувствовалась вековая вражда к католическому миру и вместе с тем опасение попасть ему в лапы и оказаться в положении пасынков, которых будут третировать и эксплуатировать как вздумается.

Иларион читал лекции по Священному Писанию Нового Завета, в частности – о Евангелиях. Я мало их слышал, хотя не пропустил ни одной, так как в мое время он был членом Собора, постоянно проживал в Москве и в Академию заглядывал не часто. Особенно после того, как ректором был избран А.П. Орлов и Иларион был освобожден от исполнения обязанностей временного ректора, которые были на него возложены после удаления епископа Феодора (Поздеевского)¹⁷². Помню, что слышанные мною лекции, представляющие введение в изучаемую дисциплину, были прочитаны прекрасным языком. В них много было того, что можно назвать „публицистическим элементом”, откликов на современность, что мне не особенно нравилось после глубоких научных лекций о. Евгения Воронцова. Думаю, что у Илариона этот элемент проникал в лекции не из-за желания прикрыть им недостаточность ученых познаний, которые у него, как и феноменальная память, были поразительны и очевидны, а скорее от его темперамента: он не мог спокойно повествовать, как это делал, например, Серебрянский, или самозабвенно углубляться в древние века, как Воронцов или Д.А. Лебедев, а должен был гореть, зажигать своих слушателей, спорить, полемизировать, доказывать и опровергать. Мне думается теперь, что ему по характеру скорее подошла бы апологетика, а не экзегетика! Он не был только теоретиком, теорию он всегда соединял с практикой. Это был человек, который требовал действия, реального дела. Он, как мне кажется, принадлежал к роду таких лиц, как Патриарх Никон, митрополит Арсений

(Мацеевич) или митрополит Ириней (Нестерович), описанный Лесковым в „Мелочах архиерейской жизни” и „Кадетском монастыре”. Илариону нужен был простор исторической арены, чтобы „размахнуться” чисто по-русски, широко, безудержно и властно творить. Увы! жизнь не даровала ему такой возможности!

Помню, как Глаголев рассказывал мне, что однажды Иларион при встрече с известным В.В. Розановым, который после 1917 года проживал в Сергиевом Посаде, сказал тому между прочим: „Да где уж нам, „людям лунного света”, понять какие-нибудь бодрые настроения!?!” Любопытен был контраст: слабенький, щупленький Розанов – носитель, выразитель земного ощущения жизни, поклонник плотяного юдаизма, чадородия, плодородия, и Иларион – чисто русский богатырь, иронически говорящий о себе как об одном из „людей лунного света”, пользуясь терминологией и образом Розанова!

Высокий и стройный, с очень умеренной и пропорциональной полнотой, с ясным и спокойным взглядом прекрасных голубых глаз (он был немного близорук, но никогда не пользовался очками), всегда смотревший уверенно и прямо, с высоким лбом и волосами, которых он никогда не завивал, с небольшой, но окладистой русой бородой, с звучным голосом и отчетливым произношением, – он производил обаятельное впечатление. Нельзя было им не любоваться. Несколько портила его привычка иногда слегка пофыркивать носом, но и эта мелочь как-то скрадывалась и почти не замечалась в сильном облике чисто русского человека, прямо-таки богатыря, одухотворенного глубоким интеллектом и чистой, благородной душой. Тот же Глаголев не раз говорил мне про него: „Самый настоящий мужик-красавец. Бабы без ума бывают от таких!..” Я не знаю его личной жизни, но не было о нем никаких сплетен, и к его имени не примешивали никаких „магдалин”. Все преклонялись перед ним и глубоко уважали его.

Необычайно красиво и величественно совершал он служение в храме. Было нечто возвышенное, легкое и прекрасное в его чтении Евангелия и произношении возгласов и молитв звучным и раскатистым голосом, властно наполнявшим

все пространство нашего обширного академического храма. Но не менее звучно и прекрасно звучал этот голос и в Успенском соборе Лавры, и в храме Христа Спасителя в Москве. Была некая восторженность в его служении, вполне искренняя, без малейшей тени театральности, увлекавшая молящихся и запомнившаяся мне на всю жизнь. Видно было, что он отдавался богослужению всецело, всей душой, всем существом своим, жил и дышал им, и оно было для него самым главным делом его жизни. Все его движения были свободны и в то же время плавны и красивы естественной красотой, а мягкий, но сильный баритон пленял своим звуком в хоре священнослужителей и в сольном пении и чтении. Дивно он пел „Чертог Твой, Спасе мой, вижду украшенный“, дивно произносил „Мир всем“, „Слава Тебе, показавшему нам свет!“. Он страстно любил Академию и ее храм. Однажды он мне сказал, что церковное богослужение, исполненное по уставу, как следует, с любовью и тщанием, прекрасней всякой лучшей оперы с ее нелепыми руладами (точное его выражение) и часто посредственным смыслом. И я согласен с ним вполне. И тогда и всегда, вплоть до настоящих дней. Никакие оперы и концерты не пленяли меня так, как церковные службы, особенно пасхальные в Академии и великопостные в лавре. Опера, театр не захватывают меня всего. Я все время чувствую себя только зрителем, слушателем, пускай даже прекрасной музыки и пения в исполнении лучших артистов. Но я не сливаюсь со всем этим воедино. А в храме чувствуешь себя единым существом вместе со священнослужителями, хором, всеми молящимися. Правильно назвал Флоренский богослужение синтезом искусств. Мелодия многих молитв и песнопений очаровывает человека то своим величием и мощью, то небывалым сверкающим восторгом, то исключительной лирической грустью и даже сверхчеловеческой тоской, а то столь же сверхчеловеческим успокоением и небесной ясностью. Они не только пленяют, радуют, вызывают раздумье и умиление, они преобразуют человека всего, дают силы жить и дышать в самые, казалось бы, непереносимые моменты жизненных невзгод и печалей. Вот эта-то красота и привлекла меня в Академию. Вместе с курсом

проходимых наук она давала мне ответы на те вопросы внутреннего моего существа, которые волновали меня. И я был счастлив, что моя жизнь сложилась так.

Эта красота церковного богослужения сильно и глубоко чувствовалась Иларионом. Мне часто удавалось беседовать с ним на эту его любимую тему, и его высказывания были проникнуты глубоким религиозным и вместе с тем проникновенно эстетическим чувством и пониманием. Он верно и четко замечал различие между католическим и православным ритуалом, отчасти изложенное им в его „Письмах о Западе”, тонко постигал могучую силу церковного пения в Православии и указывал на совершенную неуместность органов в православном храме. Понимал он и значение иконописи, всего церковно-вещественного обихода, умел все это не только осмыслить для себя, но и представить другим в ярких образах удивительно целостно, проникновенно и стройно. И его слова навсегда оставались в сознании и памяти его благодарных слушателей.

Он не был похож на тех усталых и как бы бескостных интеллигентов, которые не умели постичь все это здоровым и смелым умом, а как бы прятались в церковность от своей немощи, от бессилия и оскудения в них высокого духа... Он не был схоластом-начетчиком, который не может выкарабкаться из книжных загромождений, не имея своих ни слов, ни мыслей... Этот смелый и исключительно талантливый человек все воспринимал творчески. Я мало его знал, никогда мне не доводилось с ним интимно говорить о вопросах веры и основах христианского мировоззрения. Он все-таки был профессор, проректор Академии, архимандрит, а я – лишь зеленый юноша – студент, к которому он, кандидат в „князя Церкви”, относился с добродушной и покровительственной улыбкой, не лишенной иногда доли иронии, уделявший ему малую толику своих мыслей в редкие свободные минуты. Поэтому я не могу сказать что-либо глубокое и тем более обстоятельное о его идеях. Внешнее изложение этих идей на лекциях и в беседах было блестящее. Они преподносились талантливо и ярко, и сам их выразитель был талантливой и яркой личностью, цельной и

твердой натурой. Но внутренний мир его для меня оставался тайной. Он не высказывался вполне ни в его сочинениях, ни в публичных лекциях, ни в частных беседах за чашкой чая или во время прогулки по академическому саду. Он не был мыслителем; по крайней мере я в нем этого не чувствовал. Он прежде всего был практиком, которому неблагоприятные исторические условия не дали возможности развернуться во всю ширь, как он того хотел и что для него было жизненно необходимо. Если немногие мои беседы с Флоренским и частые – с Глаголевым и Воронцовым раскрывали для меня необозримый мир мысли, то Иларион благодатно влиял на меня, как выдающаяся личность, как человек, благолепием неподражаемо совершенного им богослужения, сильной и талантливой, захватывающей и покоряющей речью (у него, а также у Вассиана Пятницкого я учился говорить публично) и, наконец, своей исключительной бодростью, энергией и жизнерадостностью. Он любил говорить, что насколько христианин должен сознавать свои грехи и скорбеть о них, настолько же он должен радоваться бесконечной милости и благодати Божией и никогда не сомневаться, не отчаиваться в своем жизненном подвиге. У него самого была поразительная восторженность по отношению ко всему, что было ему дорого и близко – к Церкви, к России, к Академии, и этой бодростью духа и прямо-таки энтузиазмом он заражал и ободрял, укреплял окружающих.

Стоит рассказать такой случай. Я уже упоминал, что в 1918–1919 годах Иларион большую часть своего времени проводил в Москве, принимая участие в деяниях Церковного Собора. Ими глубоко и живо интересовались в Академии и профессора и студенты. Можно сказать, что жили ими. И вот до Илариона дошли слухи, что среди части профессуры и студенчества идут разговоры о том, что предполагаемое Собором восстановление Патриаршества мало желательно, что это будет поставлением „церковного царя” взамен удаленного царя гражданского, что патриаршая власть будет как бы соперничать с властью соборной [типичные обновленческие аргументы тогдашнего времени. – *Сост.*], что надо только чаще

созывать Соборы, а в промежуточное между ними время Церковью может управлять и Синод, при условии расширения его состава, особенно путем включения в него представителей белого духовенства, не только в лице протопресвитеров, но и простых священнослужителей от приходов [почти дословные обновленческие „лозунги” начала 1920 гг. – *Сост.*]. Иларион тотчас же примчался в Академию и вечером экстренно прочел лекцию на тему: „Нужно ли восстановление Патриаршества в Русской Церкви?”. На лекции присутствовало большинство профессуры, кроме только проживающих в Москве, и все студенчество. Лекция продолжалась часа два-три. Конечно, она была прочтена так, как это мог сделать один Иларион. Ведь восстановление Патриаршества издавна было его заветным желанием, даже как бы смыслом его жизни, которому он издавна посвящал все свои силы.

В своей лекции Иларион вкратце рассказал о патриаршем периоде в Русской Церкви и, конечно, идеализировал его. Между прочим, он заметил, что не будь Патриаршества и такого его яркого выразителя, как Патриарх Никон, человека ученого, талантливого и при этом властного и энергичного, то вопрос о реформе церковных книг еще долго, пожалуй, ждал бы своего осуществления. „Ведь эта реформа была проведена благодаря смелой и настойчивой деятельности Никона, против которого боролось огромное количество духовенства и прочих ревнителей старины. Они упорно сопротивлялись Никону и породили раскол, – говорил Иларион. – А что было бы, если бы не было единого Главы, который сумел осуществить начатое дело?!”

Далее, говоря о будущем Русской Церкви после восстановления Патриаршества, Иларион сказал, что кончились времена, когда в церковные дела вмешивались не только цари, но и их чиновники, среди которых были и иноверцы, карьеристы, готовые забыть о Царе Небесном ради угождения царю земному, и даже совершенно неверующие люди. Он говорил также, что будущие Патриархи не будут помышлять о неограниченной власти, над ними будет высший орган – Собор.

„Теперь наступает такое время, – говорил он, – что не „царским венцом” будет венец патриарший, а скорее венцом мученика и исповедника, которому придется самоотверженно руководить кораблем Церкви в его плавании по бурным волнам моря житейского”. Лекция кончилась всеобщими аплодисментами, „перешедшими”, как теперь выражаются, „в овацию”. Ясно было, что подавляющее большинство было согласно с докладчиком. И Иларион мог спокойно на другой день возвратиться в Москву.

Позднее я слышал, что став епископом, а затем и архиепископом, он имел большое влияние и значение в церковных делах, а за твердость в делах веры, за преданность Церкви его именовали в церковных кругах „Иларионом Великим”» (Волков С. А. Московская Духовная Академия в 1917–1920 годах. Воспоминания бывшего студента Академии. Рукопись. Загорск. 1965¹⁷³).

Приведем еще штрих из биографии архиепископа Илариона.

В Москве среди «церковников», в конце 1925 года распространился внезапно слух о привозе из Соловков в Ярославский полит-изолятор «Коровники» [старинное название района Ярославля, где находилась тюрьма. – *Ред.*], горячо любимого москвичами святителя, архиепископа Илариона, будто бы для переговоров с Е.А. Тучковым о принципиальных церковных вопросах, касающихся Высшего Церковного Управления; тогда в связи с недавней кончиной Святейшего Патриарха Тихона, Е.А. Тучков был озабочен изысканием новых форм возглавления Церкви, – наиболее для него удобных или приемлемых...

И хотя «Коровники» пользовались в народе (церковном) весьма мрачной репутацией, но появление в этой специальной тюрьме архиепископа Илариона рассматривалось церковной Москвой почему-то как весьма отрадное и, во всяком случае, как бы обнадеживающее обстоятельство, на общем безотрадном тогда церковном фоне.

Кажется, и сам владыка Иларион в те дни был настроен (впрочем, как и всегда) довольно оптимистично и ожидал от

своей предстоящей с «секретным обер-прокурором» встречи и беседы положительных результатов, вплоть до возможности своего освобождения из заключения.

Во всяком случае, во время одной из прогулок по внутреннему тюремному двору он, встретив здесь заключенного же ярославского священника о. В. В. Градусова, – известного ему еще со времен Поместного Собора 1917–1918 гг. (членами которого они были оба), подарил тому свою теплую скуфью, так как на почтенном отце Градусове скуфейка была довольно легонькая, суконная. Отсюда, разумеется, можно было заключить, что архиепископ Иларион возвращаться в Соловки после беседы с Е. А. Тучковым не предполагает (иначе не расстался бы с теплой шапкой!).

Но предположения его, как видно, не оправдались, так как некоторое, недолгое время спустя, о. В. В. Градусовым была получена от владыки Илариона записка, в которой он, после приличествующих извинений, просил о срочном возвращении подарка обратно.

Делался логический вывод, что происшедшая встреча и беседа не дали желаемых для Е. А. Тучкова результатов; не удалось ему и на этот раз сломить твердого архипастыря посулами, и тот, не пойдя ни на какие компромиссы, поехал обратно в далекие Соловки (или, как говорил один из его близких друзей, архиепископ Самарский Петр Руднев: вновь «угодил к угодникам»).

Много лет спустя, в 1948 году, во время посещения в Ярославле маститого архиепископа Ярославского и Ростовского Димитрия, бывшего священника В. В. Градусова, последний лично подтвердил пишущему эти строки весь этот приведенный выше эпизод в «Коровниках» почти дословно.

Наконец, в связи со всем вышеизложенным нельзя не упомянуть и еще об одном ярком свидетельстве, характеризующем непреклонность убеждений и воли архиепископа Илариона, исходящем даже от врагов Православной Церкви – обновленцев. Имеем здесь в виду воспоминание обновленческого епископа Гervasия (Малинина) о его встрече тогда же, в «Коровниках» с нашим святителем.

Гервасий (Малинин) по этому поводу писал:

«В 1925 году, в первых числах октября месяца, я [...] встретился на прогулке по двору в Ярославской тюрьме „Коровники“ с архиепископом Иларионом (Троицким). Он меня узнал и удивился [!! – *Сост.*], зачем я попал в тюрьму [...]

Он мне сказал: „Зачем Вы отошли от Патриарха Тихона и нарушили ту клятву, которую вы давали при хиротонии во епископа, что ничего общего не будете иметь с так называемой „Живой Церковью“? На это я сказал: „Клятвы я не нарушил [? – *Сост.*]. С „Живой Церковью“ я не имел и не имею ничего общего“. „Вы отпали от Церкви“, – сказал мне архиепископ Иларион. „Это неправда, – сказал я, – а вот вы – тихоновцы, фактически отпали. Восточные Патриархи не с вами, а с нами“. „Какие мы тихоновцы, – заговорил архиепископ Иларион, – что вы треплете имя покойного Святейшего Патриарха Тихона? Мы – православные. Восточные Патриархи с нами, это я знаю документально, обновленцы врут. Введенский ваш изолгался...“ Мне не пришлось с Иларионом долго беседовать, потому что я тюремной администрацией был отозван и тут же освобожден из тюрьмы. Только в заключение или на прощание, вернее, мне сказал архиепископ Иларион: „Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю“» (*Гервасий [Малинин], «епископ Курский и Обоянский»*. Одна из прежних попыток староцерковников к примирению со Св. Синодом РПЦ // Вестник Священного Синода... 1927. №4–17. С. 24).

Как известно, четыре года спустя святитель-исповедник своею смертью подтвердил святую незыблемость своих слов...Архиепископ Иларион скончался 15(28). 12.1929 года, в субботу, в тюремной больнице Ленинграда, от сыпного тифа. Сюда он попал, следуя по этапу из Соловков в среднеазиатскую ссылку.

Как говорили, последними его словами, произнесенными после того, как он очнулся от беспамятства были:

«Как хорошо, что мы теперь далеко от...» Он не закончил начатой было фразы.

Во вторник 18(31) декабря состоялось отпевание и погребение его останков.

По ходатайству перед властями в соответствующих гражданских инстанциях Ленинградского митрополита Серафима (Чичагова) тело усопшего святителя было выдано из тюремного морга для погребения (факт единственный в своем роде!), каковое совершается в бывшем Новодевичьем монастыре.

Торжественная заупокойная литургия и чин отпевания совершаются в Воскресенском храме этого монастыря, сонмом архипастырей: митрополитом Ленинградским Серафимом (Чичаговым), архиепископом Хутынским Алексием (Симанским), епископом Лодейнопольским Сергием (Зенкевичем), епископом Лужским Амвросием (Либиным) и, кажется, кем-то еще из архиереев, при участии большого количества представителей духовенства из Ленинграда и Москвы.

Лица, родственные и близкие покойному архиепископу Илариону, ездившие из Мосвы в Ленинград для участия в похоронах, по возвращении рассказывали, что умерший чрезвычайно (до неузнаваемости) изменился по сравнению с тем, как он выглядел прежде, в жизни. Вместо высокого, представительного и красивой наружности человека с прямыми и благородными чертами лица в гробу был обнаружен удивительно сжавшийся и сморщенный, совершенно обритый и остриженный человек небольшого роста, по внешности не имевший ничего общего со всем известным владыкою-богатырем...

Даже родная сестра его (прибывшая с другими из Москвы) была озадачена, увидав в таком виде своего погибшего брата, и с недоумением взирала на лежавшие пред ней останки.

По-видимому, в связи со всем этим, некоторое время спустя после погребения архиепископа Илариона, в Москве постепенно распространился нелепый слух (пущенный – надо думать – из обновленческих или «безбожнических» кругов) о том, что в Ленинграде было погребено другое лицо, какой-то безродный заключенный, а владыка, будто бы, благополучно здравствует, купив себе свободу перекинувшись в ряды богоборцев, у которых, как знаток церковного дела, занимается

руководством по борьбе с Церковью и консультацией по вопросу репрессирования православных архиереев и клириков.

И этот грязный слух, поддерживаемый какими-то негодяями, имел довольно долгое хождение, не имея под собою, разумеется, никаких здравых оснований...

Далее, в заключение нашего повествования об архиепископе Иларионе – приводим два отзыва о нем. Первый из них – весьма поздний и грешащий многими неточностями (особенно в датах); другой – зарубежный, появившийся вскоре же после этой тяжелой и горестной для Церкви утраты.

«Епископ Иларион принадлежит к числу талантливейших и образованнейших деятелей Русской Православной Церкви. Замечательный богослов, своеобразный и оригинальный духовный писатель, иеромонах потом архимандрит, Иларион получил широкую известность в церковных кругах еще в дореволюционное время.

Будучи инспектором в Московской Духовной Академии, архиепископ Иларион проявил себя как энергичный и тактичный деятель, который умело смягчал непримиримо консервативную линию ректора Академии епископа Феодора [Поздеевского]. Сам архимандрит Иларион был умеренным консерватором. [...]

На Соборе 1917–1918 гг. молодой архимандрит был одним из самых ярких защитников идеи Патриаршества: „Богохульный Петр кощунственно столкнул Священный Престол Российских Патриархов, – пламенно провозгласил он на Соборе, – наш Священный Собор должен восстановить и утвердить навеки этот Священный Престол”.

После избрания Патриарха Тихона архимандрит Иларион становится его секретарем и главным консультантом по богословским вопросам. В 1921 году [?! – *Сост.*] за несколько месяцев до раскола он был рукоположен во епископа Вереяского – викария Московской епархии. Во время раскола, держась в тени, епископ был вдохновителем автокефалии [?! – *Сост.*].

Трудно было придумать для Патриарха Тихона лучшего помощника, чем епископ Иларион. Великолепный, пламенный проповедник, умевший говорить просто и эмоционально,

ревностный служитель алтаря, владыка Иларион пользовался огромной популярностью среди московского духовенства и буквально обожанием народа. Самая внешность – богатырский рост, белокурая борода, иконописные тонкие черты лица – импонировали своей величавостью, строгим изяществом, своеобразной картинностью... „Вот настоящий русский святитель” – невольно приходила мысль каждому, кто видел епископа Илариона» (Левитин А., Шавров В. Очерки... С. 313–314).

«Осенью 1923 года [?! – Сост.] закончилась навсегда деятельность этого талантливого, широко образованного и деятельного архипастыря. В течение многих месяцев архиепископ Иларион сидел в тюрьме. Молва сохранила рассказ о том (об этом говорили союзники архиепископа), как Е. А. Тучков однажды пришел к нему в камеру, чтобы предложить свободу ценой „добрых услуг”. „Я хотя и архипастырь, но вспыльчивый человек, очень прошу вас уйти. Я могу потерять власть над собой...” – ответил владыка.

В 1923 году он был сослан в Архангельск на 3 года [в Соловки. – Ред.]. В 1926 году (по возвращении в Москву) [?! – Сост.] он тотчас вновь арестован и сослан в Соловки на 3 года [в Соловках срок заключения был увеличен еще на 3 года. – Ред.]. В 1928 году [?! – Сост.] „старое начинается вновь”: архиепископа в день возвращения в Москву вновь арестовывают и заточают в страшную ярославскую каторжную тюрьму – „Коровники” (изолятор [...] с особо строгим режимом). [Так называемый „Ярославский политизолятор”. – Сост.].

В марте [?! – Сост.] 1929 года он умирает в Ленинградской тюрьме „Кресты” (в тюремной больнице). Власти отдали тело умершего архипастыря, и он был торжественно, по архиерейскому чину, погребен митрополитом Ленинградским Серафимом (Чичаговым) [...] в Новодевичьем монастыре.

Несмотря на сравнительно малый срок своего святительства, владыка остался в памяти верующих людей со стойким эпитетом „Светильник Церкви»» (там же. С. 381).

Зарубежный корреспондент сообщал следующее: «Одним из священников, бывшим вместе с архиепископом Иларионом в

Соловецком лагере, а ныне высланным в Нарымский край, сообщены нам обстоятельства кончины этого выдающегося владыки.

Как сильнейший противник обновленческого движения в Русской Православной Церкви, в 1922 году архиепископ Иларион был выслан из Москвы в Соловки, где и находился до 1929 года.

В 1929 году большевики решили сослать архиепископа Илариона на вечное поселение в Алма-Ату, в Средней Азии. Владыку повезли этапным порядком – т. е. от одной пересылочной тюрьмы до другой. По дороге его обокрали, и в Петербург он прибыл в рубище, кишасшем паразитами, и уже больным.

Из Петербургской тюрьмы, в больницу которой он был помещен, он писал: „Я тяжело болен сыпным тифом, лежу в тюремной больнице, заразился, должно быть, в дороге, в субботу 15–28 декабря решается моя участь (кризис болезни), вряд ли перенесу...”

В этот день, т. е. 15(28) декабря 1929 года владыка Иларион и скончался...

Когда ему в больнице заявили, что его надо обрить, владыка сказал: „Делайте со мною теперь, что хотите”. В бреду говорил: „Вот теперь-то я совсем свободен, никто меня не возьмет...”

Ночью из тюрьмы в простом, наскоро сколоченном из досок гробу тело почившего архиепископа Илариона было выдано для погребения ближайшим родственникам. Когда открыли гроб – никто его не узнал. Так изменила ссылка Владыку, отличавшегося высоким и крепким здоровьем, в гробу лежал жалкий старичок, обритый, седой... Одна из родственниц упала в обморок...

Митрополит Серафим (Чичагов) принес свое белое облачение, белую митру. По облачении тело Владыки положили в другой, лучший гроб.

Отпевание совершал сам митрополит в сослужении 6 архиереев и множества духовенства. Пел хор.

Похоронили Владыку в Новодевичьем монастыре.

Так отошел в вечность этот богатырь духом и телом, чудесной души человек, наделенный от Господа выдающимися богословскими дарованиями, жизнь свою положивший за Церковь Христову. Вечная ему память» (Туруханский П. Памяти в бозе почившего архиепископа Илариона († 15.XII.1929 г.) // Вестник русского студенческого христианского движения. 1930. №11. С. 14–15).

Ко всему вышесказанному хочется сказать несколько слов и от себя.

И, прежде всего, необходимо отметить роль архиепископа Илариона в сокрушении «идеологического» обновленчества. Церковные диспуты архиепископа Илариона сыграли в этом отношении колоссальную положительную роль. Вся церковная (и отчасти антирелигиозная) Москва устремлялась на них, но лишь незначительная часть желающих могла попасть в переполненные до отказа залы Московской консерватории, театра Зимина или в большую аудиторию Политехнического музея, где обычно происходили эти диспуты.

Поначалу Е. А. Тучков, видно, надеялся на истеричное краснобайство А. И. Введенского, на его демагогическую наглость и фиглярские ухватки митингового оратора, помогавшие ему иногда в полемических спорах с провинциальными батюшками.

Но когда в качестве оппонента на трибуне появлялась обаятельная и величественная фигура владыки Илариона, картина резко менялась и, конечно, не в пользу обновленческого авантюриста, одна физиономия которого с парикмахерским чубом и «макс-линдерскими» усиками вызывала вполне естественное отвращение у верующего народа.

Выступления владыки Илариона по своему внешнему характеру бывали чрезвычайно просты, серьезны и исполнены величайшего внутреннего, какого-то органического, достоинства, благодаря чему слова его речи, правдивой, умной и ясной, приобретали особую убедительность и непререкаемость у слушателей, а все квазинаучные построения докладчика Введенского, старавшегося «и рассказом, и показом» донести

их до сознания и сочувственного восприятия аудитории, после того как их спокойно и просто освещал и вскрывал оппонент архиепископ Иларион, – летели кувырком к невообразимому восторгу слушателей, тут же устраивавших своему любимому Владыке восторженные и бурные овации.

В такие моменты положение А.И. Введенского становилось по-истине жалким и – думаю – не одному мне хотелось крикнуть ему тогда:

– Трудно прать тебе против рожна! Куда ты лезешь, паяц!?..

Но проходило некоторое время, и объявлялся следующий, очередной диспут «митрополита» Введенского, на который опять приглашался оппонентом архиепископ Иларион.

И – опять та же картина!

Полемика эта длилась довольно долго, но затем, в «соответствующих инстанциях», по-видимому, поняли, что вместо обещанного Введенским «разгрома тихоновщины», получается обратная картина – «разгрома обновленчества», и церковные диспуты были прекращены⁹⁵ (позже единственным исключением явился диспут в Большом зале Консерватории, о пресловутой «Декларации» Заместителя от 16–29.07.1927 года, когда требовалось ходом дела внушить православному населению, что она – «хорошая»; с этой целью на трибуну был выпущен даже такой непопулярный в тучковских кругах «товарищ», как известный Николай Димитриевич Кузнецов! Впрочем, диспут этот тоже не помог...).

Во время церковной смуты конца 1920 годов, в значительной степени вызванной вышеупомянутой «Декларацией» митрополита Сергия (Страгородского) и его новым церковным направлением, вытекающим из нее же, владыка Иларион, хотя и находился в заключении, все же не оставался пассивным созерцателем происходящего церковного потрясения и, по-видимому, считал необходимым реагировать на него в возможных для него пределах.

Сохранилось (известное в свое время) «Письмо архиепископа Илариона на текущие события церковной жизни» от 13(26)02.1927 [1926. – Ред.] года, которое, возможно,

являлось ответом на обращаемые к нему запросы со стороны представителей церковного общества.

Оно интересно не только в том смысле, что освещает церковную позицию и настроение самого автора, но и тем, что из его содержания вполне можно понять ту позицию архиепископа Илариона, которую он занял бы, находясь на свободе, по отношению к митрополиту Сергию (Страгородскому) и его Синоду со всем их новым курсом и «Декларацией», которые обнаружились всего лишь пять месяцев спустя этого «Письма».

Едва ли эта позиция в полной мере удовлетворила бы Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и все его окружение.

«Письмо» написано в Ярославле (в «Коровниках»), куда на время был привезен архиепископ Иларион, о чем у нас было упомянуто выше.

Текст «Письма» таков: «Последние два года с лишком я не участвую в церковной жизни, имею о ней лишь отрывочные и, возможно, не точные сведения.

Поэтому для меня затруднительно суждение о частностях и подробностях этой жизни, но, думаю, общая линия церковной жизни, и ее недостатки, и ее болезни мне известны. Главный недостаток, который чувствовался еще и раньше, – это отсутствие в нашей Церкви Соборов. С 1917 года, то есть в то самое время, когда они особенно были нужны, так как Русская Церковь не без воли Божией вступила в совершенно новые исторические условия; условия необычные, значительно отличающиеся от ранних условий, – церковная практика, включая и постановления Собора 1917–1918 гг., к этим новым условиям не приспособлена, так как она образовалась в иных исторических условиях. Положение значительно осложнилось со смерти Святейшего Патриарха Тихона. Вопрос о местоблюстительстве, поскольку мне известно, тоже сильно запутан, церковное управление в полном расстройстве. Не знаю, есть ли среди нашей иерархии и вообще среди сознательных членов Церкви такие наивные и близорукие люди, которые имели бы нелепые иллюзии о реставрации и свержении

Советской власти и т. п., но, думаю, что все, желающие блага Церкви, сознают необходимость Русской Церкви устраиваться в новых исторических условиях. Следовательно, нужен Собор, и прежде всего нужно просить государственную власть разрешить созвать Собор. Но кто-то должен собрать Собор, сделать для него необходимые приготовления, словом, – довести Церковь до Собора. Поэтому нужен теперь же, до Собора, церковный орган. К организации и деятельности этого органа у меня есть ряд требований, которые у меня, думаю, общие со всеми, кто хочет церковного устройства, а не расстройств, мира, а не нового смятения. Некоторые из этих требований я и укажу.

1. Временный церковный орган не должен быть в своем начале самовольным, то есть должен при своем начале иметь согласие Местоблюстителя.

2. По возможности во временный церковный орган должны войти те, кому поручено Местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским) или Святейшим Патриархом.

3. Временный церковный орган должен объединять, а не разделять епископат, он не судья и не каратель несогласных, – таковым будет Собор.

4. Временный церковный орган свою задачу должен мыслить скромной и практической – созвание Собора. Последние два пункта требуют особого пояснения. Над иерархией и церковными людьми витает отвратительный призра́к ВЦУ¹⁷⁴ 1922 года. Церковные люди стали подозрительны. Временный церковный орган должен как огня бояться хотя бы малейшего сходства своей деятельности с преступной деятельностью ВЦУ. Иначе получится только новое смятение. ВЦУ начинало со лжи и обмана. У нас все должно быть основано на правде. ВЦУ – орган совершенно самозванный, объявил себя верховным вершителем судеб Русской Церкви, для которого не обязательны церковные законы и вообще все Божеские и человеческие законы. Наш церковный орган – только временный, с одной определенной задачей – созвать Собор. ВЦУ занялось гонением на всех, ему не подчиняющихся, то есть на всех порядочных людей из иерархии и из других церковных деятелей, и, грозя направо и

налево казнями, обещая милость покорным, ВЦУ вызвало нареkanie на власть, нареkanie, едва ли желательное для самой власти. Эта отвратительная сторона преступной деятельности ВЦУ и его преемника, так называемого Синода, с его Соборами 1923–25 годов, заслужило им достойное презрение, доставив много горя и страдания невинным людям, принесла только зло и имела своим следствием только то, что часть иерархии и несознательных церковных людей отстала от Церкви и составила раскольническое общество. Ничего подобного, до самого малейшего намека не должно быть в действиях временного церковного органа.

Эту мысль я особенно подчеркиваю, потому что здесь именно вижу величайшую опасность. Наш церковный орган должен только созвать Собор. Относительно этого Собора обязательны следующие требования.

5. Временный церковный орган должен собрать, а не подбирать Собор, как это сделано печальной памяти ВЦУ в 1923 году. Собор подобранный не будет иметь никакого авторитета и принесет не успокоение, а только новое смятение в Церкви. Едва ли есть нужда увеличивать в истории количество разбойничьих Соборов; довольно и трех: Ефесского 449 г. и двух Московских 1923–25 гг. Самому же будущему Собору мое первое пожелание то, чтобы он мог доказать свою полную непричастность и несолидарность со всякими политически неблагонадежными направлениями, рассеять тот туман бессовестной и смрадной клеветы, которым окутана Русская Церковь преступными стараниями злых деятелей (обновления). Лишь только настоящий Собор может быть авторитетным и сможет внести успокоение в церковной жизни, дать покой измученным сердцам церковных людей. Я верю, что на Соборе обнаружится понимание всей важности ответственного церковного момента, и он устроит церковную жизнь соответственно новым условиям, и Русская Церковь после Собора? быть, ?ет в полной мере воспользоваться той религиозной свободой, которая установлена в законах Союза Республик.

Архиепископ Иларион (Троицкий).

Гор. Ярославль, 13(26) февраля 1926 года».

Как видит беспристрастный читатель, из всех пожеланий автора «Письма» только один первый пункт совпадает с начавшейся вскоре церковно-административной деятельностью и ее задачами Заместителя и его Временного Патриаршего Священного Синода; обо всем остальном даже и помину не было, кроме чисто декларативных и ни к чему не обязывающих высказываний о намечающемся будто бы (когда-то в будущем) созыве Поместного Собора Русской Церкви. И «деятельность» заместительского Синода пошла, как известно, совершенно по иному руслу. А в этом плане без труда усматривается и истинная поза архиепископа Илариона ко всему последующему, печальному понтификату несчастного Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и всех его единомышленников и последователей.

Тогда, в давно прошедшие уже годы, пишущий эти строки имел счастливую возможность часто видеть и слушать архиепископа Илариона за богослужениями, крестными ходами, на диспутах и т.д. И ныне, по прошествии уже сорока с лишком лет, образ его, запечатленный в памяти и сердце еще многих помнящих его московских церковных людей, остается замечательно светлым и блистательным, не имеющем на себе никакого пятна или порока. А представляя его себе на фоне сегодняшних дней, когда воистину одни лишь «Молчалины блаженствуют на свете», по-видимому, в соответствии с известной теорией, что «всякое правительство впору своему народу», делается радостно и спокойно за его душу, которая своевременно ушла из этого мира и не участвует в чужих грехах; воистину мы не достойны таких светильников Церкви, каковым был приснопамятный архиепископ Иларион!

[См.: *Дамаскин (Орловский), игумен*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 4. Тверь: ООО «Издательский дом „Булат”», 2000. С. 379–445; *Кривошеева Н. А.* «Блаженны непорочные в путь ходящие» // Москва. 1998. №1–5. – Ред.]

48. Священник Михаил Галунов – член Собора

[Годунов Михаил Фокиевич (22.11.1884–30.03.1956), протоиерей.

Родился в семье рабочего. В 1905 г. окончил Оренбургскую духовную семинарию, после окончания семинарии священствовал три года в поселке Круглозерновском Уральской области. С 1909 г. настоятель церкви Иоанна Предтечи в г. Уральске. Член Священного Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Уральской области. После окончания работы Собора вернулся в г. Уральск. В 1922 г. был арестован в г. Уральске по обвинению в «распространении воззвания Патриарха Тихона и противодействии изъятию церковных ценностей», приговорен к 10 годам заключения. В 1925 г. после освобождения переехал в Москву. В 1927–1933 гг. священник, а затем протоиерей, настоятель церкви св. Климента папы Римского в Замоскворечье. 14.04.1932 арестован, но вскоре освобожден. Вновь арестован в 1933 г., приговорен к заключению в ИТЛ. С середины 1940 гг. по 1947 г. священник, настоятель церкви Вознесения в Брюсовском пер. в Москве. В 1947–1949 гг. настоятель храма Пимена Великого в Москве. В 1949–1953 гг. настоятель Успенского собора в г. Владимире, благочинный, секретарь епархиального управления. С 1953 г. настоятель церкви иконы Тихвинской Божией Матери, а затем церкви Всех Святых в Москве. Скончался в Москве, погребен на Даниловском кладбище. Статья, опубликованная в нашем сборнике, была опубликована также в «Православном календаре на 1918 год». – *Ред.*]

49. И. Жилкин

[Жилкин Иван Васильевич (псевд. Иван Вершинин) (1874–1958), журналист, один из лидеров партии трудовиков. Работал редактором газеты «Уралец», сотрудничал в «Санкт-Петербургских ведомостях», затем в газетах кадетов «Наша жизнь», «Товарищ». В 1906 г. был избран в I Государственную Думу как крестьянский депутат от Саратовской губернии, член фракции трудовиков. После роспуска Думы подписал Выборгское воззвание, за что был осужден на 3 месяца. После Октябрьской революции работал в различных советских учреждениях, занимался журналистикой и литературной работой. – *Ред.*]

50. А. В. Карташев

Краткие сведения об А. В. Карташове – последнем обер-прокуроре нашей Церкви и единственном Министре Исповеданий, см.: Т. 1. Комм. 25. С. 254–256.

51. О воспоминаниях Е. Четверухиной

[Авторы воспоминаний «Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни» – Илья Николаевич Четверухин (1886–1932) и Евгения Леонидовна (урожденная Грандмезон) (1883–1974), духовные чада о. Алексия Соловьева. Протоиерей Илия Четверухин родился в Москве, после окончания с золотой медалью гимназии поступил в 1904 г. на историко-филологический факультет Московского университета. В 1905 г. в Москве начались студенческие волнения и занятия в университете прекратились надолго. В это смутное время Илья Николаевич и познакомился со своей будущей женой, глубоко верующей девушкой. Оба выросли в благочестивых семьях, и это сразу сблизило их. Духовное устремление Евгении захватило и молодого человека, что и решило его судьбу. Вскоре он оставил университет и поступил в Московскую Духовную Академию. В 1906 году, после смерти почитаемого гефсиманского старца прп. Варнавы (Меркулова, †1906), Илья Николаевич стал ездить в Зосимову пустынь, а с 1907 г. они с будущей женой стали духовными детьми старца Алексия. Любовь и послушание ему Четверухины сохранили вплоть до его кончины. В 1908 г. Илья и Евгения обвенчались и переехали на жительство в Сергиев Посад, Илья Николаевич поступил в Московскую Духовную Академию, которую окончил в 1912 году со степенью кандидата богословия. После окончания Академии Илья Николаевич стал служить священником в церкви Ермаковской богадельни и работал над магистерской диссертацией по творениям святого Ефрема Сирина. Все эти годы Четверухины с детьми регулярно ездили в Зосимову пустынь, чтобы исповедаться у старца Алексия и причаститься. В 1919 г. церковь при богадельне закрыли, но вскоре освободилось место в Николо-Толмачевской церкви, в которой ранее служил о. Алексей. Отцу Илие давно хотелось служить именно в этом храме. Старец одобрил его желание и благословил. Члены совета Толмачевского прихода из нескольких кандидатов избрали настоятелем храма о. Илию, в

то время уже ставшего протоиереем. В этой церкви о. Илия прослужил около 10 лет, вплоть до ее закрытия в 1929 году. За это время он стал известен как проповедник и духовный наставник. Вокруг него собралась община высокообразованных и глубоко верующих людей. У о. Илии тогда появилась возможность записать воспоминания старожилов прихода о жизни и служении диакона Феодора Соловьева (старца Алексия). В 1930 г. отца Илию арестовали, и в 1932 г. он погиб в лагере на реке Вишере. Начались аресты толмачевцев. Наступили тяжелые времена и для Евгении Леонидовны, но ей помогли выжить глубокая вера в Промысл Божий, помощь уцелевших толмачевцев. Со временем матушка Евгения привела в порядок записи о. Илии о старце Алексии и дополнила их своими воспоминаниями. Копия труда попала за границу и в 1989 году была в сокращенном виде напечатана в Париже. Евгения Леонидовна прожила долгую, полную тяжелых испытаний жизнь и скончалась на 91 году. Более 40 лет она отдала церкви: пела и читала на клиросе, сначала в Толмачах, затем в других храмах Замоскворечья. Для многих она была образцом истинной христианки. Священномученик протоиерей Илия Четверухин причислен к лику святых в 2000 г. См.: Слава Богу за все... Священномученик протоиерей Илия Четверухин: Жизнеописание. Воспоминания духовных чад. Проповеди / Сост. О. С. Четверухина. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2004. – Ред.]

52. Съезды монашества в 1917 году

[«7 июля 1917 г. в Троицкой лавре открылся съезд ученого монашества. Молебствие у мощей св. Сергия совершил архиепископ Московский Тихон, избранный председателем съезда» (Московский листок. 1917.11 июля). Съезд закончился 15 июля, там же 16 июля открылся Всероссийский общемонашеский съезд под председательством архиепископа Московского Тихона. На съезде проходили выборы от монашествующих на Всероссийский Священный Собор: о. Алексей [Соловьев] был первым единогласно избран Членом Священного Собора. Съезд рекомендовал: выделить все дела обителей «в особое управление в форме выборных советов»; соблюдать устав богослужения в полной форме, с упразднением партесного пения; постоянно назидать народ, оказывать помощь в устройстве школ, снабжать продуктами население и др. По мысли делегатов съезда, некоторые монастыри должны были стать миссионерскими (см. Московский листок. 1917. 20 июля). Именно на этом съезде архиепископ Антоний (Храповицкий), устранившийся от управления Харьковской епархией, был избран на Всероссийский Собор. – Ред.]

53. Биографическая схема старца-затворника о. Алексия (Соловьева), иеросхимонаха Зосимовой пустыни

Приводим краткие сведения о жизни и кончине иеросхимонаха Зосимовой пустыни о. Алексия (Соловьева), почерпнутые из различных, главным образом рукописных, источников.

В хронологическом порядке они являются в таком виде: 17.01.1846. Москва. В приходе св. Симеона Столпника в Рогожской, за Яузой, в семье священника о. Алексия Петровича Соловьева-Михайлова (род. в 1804 г., в гор. Дмитрове; † 23.01.1882; священствовал в данном приходе 44 года), – рождение сына, нареченного при св. крещении Феодором. (День Ангела 17.02.)

Москва. Феодор Соловьев обучается в Андроньевском духовном училище.

24.08.1864 – посвящение в стихарь Феодора Соловьева.

1866 – Феодор Соловьев оканчивает курс Московской духовной семинарии.

12.02.1867 – бракосочетание Ф. Соловьева с девицей Анной Павловной Смирновой, дочерью священника церкви св. Климента папы Римского, что на Варварке (у разрушенных Варварских ворот китай-городской стены). Чин венчания совершается в храме св. Симеона Столпника в Рогожской.

19.02.1867 – Москва. В кафедральном Чудове монастыре в Кремле, епископом Дмитровским Игнатием (Рождественским) Феодор Соловьев посвящается в сан диакона и назначается к служению в храме св. Николая Чудотворца в Толмачах (настоятель храма – протоиерей Василий Петрович Нечаев; доктор богословия, один из основателей и редакторов духовного журнала «Душеполезное Чтение»; впоследствии епископ Костромской и Галичский Виссарион [Нечаев]).

В этом храме о. диакон Ф. Соловьев состоит на службе более 22 лет.

По благословению духовного начальства, в конце 1860 гг. о. диакон Ф. Соловьев принимает участие в беседах и чтениях для народа, где одно время сотрудничал с ним и диакон церкви св. Георгия на Лубянке (что в Лучниках, возле Политехнического музея), о. Алексий Мечев, впоследствии, в 1920 гг., известнейший и почитаемый в Москве духовник и старец-руководитель множества духовных детей.

Обстоятельство это должно быть особо отмеченным. Действительно, еще на заре жизни Святейшего Патриарха Тихона, два духовных лица его будущего стольного града, молодые московские диаконы: о. Феодор Соловьев и о. Алексей Мечев, – прославленные впоследствии духоносные старцы, – общались между собою на ниве народного просвещения, не предполагая, разумеется, того, что имена их войдут в историю Русской Церкви, переплетаясь с судьбою и именем первого нашего Патриарха.

Один из них, о. Ф. Соловьев – вынул жребий на Патриаршество Московскому митрополиту Тихону, другой, о. Алексей Мечев – перед своей кончиною в 1923 году предсказал скорую радость Церкви в связи с освобождением из заключения Святейшего Патриарха...

Но продолжаем прерванное.

В Толмачевском приходе диакон о. Ф. Соловьев встречается со многими замечательными людьми своего времени – прихожанами этого храма: издателем Андреем Николаевичем Ферапонтовым; братьями Павлом и Сергеем Михайловичами Третьяковыми; семейством Самариных; семейством графа Сологуба и многих других. У последних встречается с князем В.А. Черкасским, И.С. Аксаковым с супругой А.Ф. (урожденной Тютчевой); С.М. Сухотиным; Васильчиковыми; Бутурлиными; Оболенскими; редактором «Русского Архива» П.И. Бартеневым; молодым тогда (в конце 1870 гг.) философом Вл. С. Соловьевым и многими другими.

(Впоследствии о. диакон Ф. Соловьев явится автором некоторых, изданных печалью, трудов, среди коих, между прочим, воспоминания о П.М. Третьякове, написанных им уже в Смоленской Зосимовой пустыни.)

1867 – Москва. На похоронах митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова; † 19.11.1867) в качестве одного из диаконов присутствует и дежурит при гробе, держа рипиду («которые были очень тяжелые»), молодой диакон Николо-Толмачевского храма о. Феодор Соловьев.

27.01.1872 – Москва. Кончина от скоротечной чахотки супруги о. Феодора Соловьева – Анны Павловны; погребена на Пятницком кладбище в Москве (за Крестовской заставой; ныне Проспект Мира). О. Феодор Соловьев остается с малолетним сыном Михаилом (впоследствии инженер, скончался в Москве от сыпного тифа 22.10.1919 года).

27.05.1895 – Москва. Определение митрополита Московского и Коломенского Сергия (Ляпидевского) о переводе о. диакона Ф. Соловьева из Толмачевского храма в Большой Успенский собор в Кремле, где протопресвитером состоял тогда о. Световидов.

4.06.1895 – Москва. Епископ Дмитровский Нестор [Метаниев] посвящает о. диакона Ф. Соловьева в сан иерея.

1896 – Москва. Священник о. Ф. Соловьев награждается скуфьею.

1897 – Москва. Священник о. Ф. Соловьев награждается набедренником; состоит духовником причта Успенского собора.

1898 – Москва. Священник о. Ф. Соловьев митрополитом Московским и Коломенским Владимиром (Богоявленским) награждается камилавкою.

24.10.1898 – Зосимова пустынь. Протоиерей о. Ф. Соловьев поступает в число братии этой пустыни, при игумене о. Германе [Гомзине]¹⁷⁵.

30.11.1898 – Зосимова пустынь. Игумен о. Герман постригает в мантию протоиерея о. Ф. Соловьева с наречением новонаначальному имени Алексия – в память св. Алексия митрополита, Московского чудотворца. (День Ангела 12 февраля ст. ст.)

18.04.1903 – Зосимова пустынь. Иеромонах о. Алексей (Соловьев) награждается наперсным Крестом.

3.02.1908 – Зосимова пустынь. Уход старца-иеромонаха о. Алексия в полузатвор.

6.06.1916 – Зосимова пустынь. Уход старца-иеромонаха о. Алексия в совершенный затвор.

1917 – Сергиев Посад. На Всероссийском монашеском съезде старец-затворник о. Алексей избирается членом предстоящего Всероссийского Поместного Церковного Собора от монашествующих.

5(18).11.1917 – Москва. В храме Христа Спасителя член Собора старец-затворник о. Алексей, по уполномочию Собора, вынимает жребий на Патриаршество митрополиту Московскому и Коломенскому Тихону.

28.02(12.03). 1919 – Зосимова пустынь. Постриг старца-затворника иеромонаха о. Алексия в схиму, с оставлением ему того же имени, но изменением Ангела – в честь св. прв. Алексия Человека Божия (тезоименитство 17 марта ст. ст.).

12(25).11.1921 – Зосимова пустынь. Иеросхимонах о. Алексей награждается палицею.

9(22).05.1923 – Сергиев Посад. Переезд сюда на частную квартиру иеросхимонаха о. Алексия в связи с закрытием и разгромом (6–19.05.1923 г.) Зосимовой пустыни представителями гражданской власти и разгоном монашествующей братии.

Отметим здесь, что когда возник в Русской Церкви злосчастный обновленческий раскол, – многие стали обращаться к о. Алексию за объяснением и советом по целому ряду вопросов, порожденных расколом и разрушительной, явно противоцерковной деятельностью его «лидеров».

Очень характерно и любопытно отношение старца к этому недугу церковному и его виновникам... Приводим по этому поводу из записок Четверухиной следующее место:

Духовник затворника-иеросхимонаха старца о. Алексия о. Владимир рассказал следующее: «О. Алексей без воли своего старца ничего не делал. Последнее время о. Алексей стал тяготиться высокими вопросами [задаваемыми ему многочисленными его духовными чадами. – *Сост.*], как например, о расколе Церкви, потому что привык быть послушным. Однажды он спросил меня: „О. Владимир, что мне делать, ум мой стал слаб, я этих церковных вопросов решить не

могу". Я советовал ему не входить в эти вопросы, потому что это дело выше нашего ума, это дело архиереев, и уклоняться от ответов, ссылаясь на свою старческую глупость. О. Алексей так и делал, поэтому многие считали его лишившимся разума и впавшим в детство. Однажды в присутствии многих о. Алексей сказал мне: „О. Владимир, ты лучше всех меня знаешь, скажи правду: дурак ли я? Вот икона Спасителя". А я ему и говорю: „Нет, как были вы о. Алексей, такой вы и остались". „Я тебе верю", – ответил мне старец...»

[1924, июнь – Больного старца посетил Святейший Патриарх Тихон. – *Ред.*]

Продолжаем выписывать даты его жизни:

19.09(02.10). 1928 – Сергиев Посад. Блаженная кончина старца-затворника, иеросхимонаха Смоленской Зосимовой пустыни, о. Алексия.

«В 8 часов утра старец по обыкновению причастился Св. Таин. Несмотря на сильную слабость сам читал молитву перед Св. Причастием: „Верую, Господи, и исповедую". Читал ее так тихо, что едва можно было разобрать слова и часто останавливался. После причастия Св. Таин о. Макарий [Моржов. – *Ред.*] [келейник. – *Сост.*] поил старца теплотой, а я держал свечу [духовник старца, о. Владимир. – *Сост.*].

О. Алексей с радостной улыбкой смотрел нам в глаза: то мне, то о. Макарию, как будто прощаясь с нами последний раз. После этого сказал мне: – „О. Владимир, ты совсем от нас уходишь?". Я говорю: „Нет". После о. Алексей стал слабеть и тяжело дышать. Дали ему молочка. Он выпил одну ложечку. После этого стал легче дышать и тихо скончался.

Было 4 ч. 40 мин. Полудни...».

В четверг 21.9(4.10)1928 г., «в 4 часа дня [...] тело Батюшки было вынесено в церковь св. ап. Петра и Павла [в Посаде; настоятель о. Мирон Ржепик, протоиерей. – *Сост.*]. На дому служили панихиды: 1) о. архимандрит Кронид [Любимов], наместник [закрытой Троице-Сергиевой. – *Сост.*] лавры; 2) о. игумен Владимир [духовник старца. – *Сост.*] и монахи; 3) о. прот. И. Четверухин [духовный сын почившего, настоятель московского Николо-Толмачевского храма. – *Сост.*]... 4) о.

архимандрит Филарет [Волчан; ликвидированного кремлевского Чудова монастыря; весьма почитаемый в Москве старец, болгарин родом. – *Сост.*]; 5) о. протоиерей Лысяк (уехал после выноса); 6) священник о. П. Никольский; 7) епископ Павел [Гальковский] (Егорьевский); 8) о. протоиерей Н. И. Попов (после панихиды уехал в Москву); 9) о. протоиерей П. И. Лагов; 10) епископ Игнатий [Садковский] (Белевский); 11) о. протоиерей Павел Левашев [из Гомельской епархии? – *Сост.*]; 12) о. протоиерей Александр Зверев; 13) иеромонах Никита Петровского монастыря; к выносу подошли: 14) о. игумен Ипполит [из бывших лаврских иеромонахов-старцев. – *Сост.*]; 15) иеромонах Родион; 16) иеромонах Иннокентий.

Гроб вынесли священники, их сменяли миряне, одно время несли епископ Павел [Гальковский] и епископ Игнатий [Садковский]. Останавливались чуть ли не каждые 10 шагов и служили литии.

Народу было очень много, тысячная толпа, два хора – один впереди из монахинь, пел неумолкаемо, красиво, могуче и умирительно „Святой Боже“, другой около гроба пел на литиях „Господи помилуй“ и „Вечную память“. Были попытки со стороны развращенных детей с высоты ворот дома Призрения схулиганить, раздалась какая-то перекличка, хохот во время литии, дети были в шапках, подобное было со стороны взрослых при выходе из Вифанской улицы на площадь, но попытки эти были нерешительны и тотчас замолкали. Через площадь несли тело не останавливаясь, без литии, скорым шагом...»

Всенощное бдение совершается архиерейским служением с сонмом сослужащего духовенства.

На другой день, в пятницу 22.09(05.10). 1928 г. состоялось погребение старца.

Раннюю литургию в храме свв. ап. Петра и Павла совершает настоятель Московского Высоко-Петровского монастыря, епископ Варфоломей [Ремов], в сослужении 10 иеромонахов.

Позднюю заупокойную литургию в переднем, летнем храме, в 9 часов утра совершают: престарелый архиепископ бывший

Бийский Иннокентий [Соколов], однокурсник почившего старца по Московской духовной семинарии (впоследствии сподвижник митрополита Макария Невского по Алтайской миссии); епископ Сергиевский (впоследствии Загорский) Никон [Соловьев]; викарий Тульской епархии, епископ Белевский Игнатий [Садковский]; епископ Егорьевский Павел [Гальковский]; епископ Суздальский Григорий [Козырев; точнее: бывший Суздальский, в 1928 г.: Вольский и Семипалатинский] и 16 иереев.

«Было множество народа за поздней литургией...»

На отпевание выходят те же пять архиереев; «епископ Варфоломей [Ремов] не облачался, а взял на себя обязанности распорядителя и хранителя порядка при отпевании...»

«Архиереям сослужат: архимандриты – Агафон (Лебедев, старец-духовник московского Высоко-Петровского монастыря); Филарет [Волчан]; Родион [Федоров]. Архимандрит Кронид [Любимов], имея запрещение от гражданской власти служить в Посаде, находился во все время всенощной, обедни и отпевания без облачения в алтаре»; игумены – Израиль [Андреев], Ионафан, Владимир (духовник почившего), митрофорные протоиереи: о. Павел Левашев; о. Александр Константиновский (местный благочинный и настоятель посадского Христорождественского храма); о. С. П. Лебедев (из Новодевичьего монастыря в Москве); протоиереи – о. Александр Зверев, о. Петр Лагов, о. Илия Четверухин, о. Н. Беневоленский (племянник почившего), о. Мирон Ржепик (настоятель Петропавловского храма, в коем происходит отпевание); иеросхимонах о. Иннокентий (бывший духовник Зосимовой пустыни), иеромонахи – о. Никита (Высоко-Петровского монастыря), о. Алексей (Сергеев, Высоко-Петровского монастыря; впоследствии архиепископ), о. Зосима (Высоко-Петровского монастыря; бывший коммунист), о. Онуфрий, о. Нестор (Мясников; впоследствии погибший в заключении на Соловках приблизительно во второй половине 1930 гг.), о. Евмений (с бывшего Троицкого Патриаршего подворья в Москве, один из последних духовников Святейшего Патриарха Тихона), о. Фаддей (Богоявленского монастыря в

Москве; позднее, в сане архимандрита последний исполняющий обязанности Синодального ризничего при заместительском Патриаршем Священном Синоде), о. Иеремия [Соловьев ?], о. Иосиф; священники – о. П. Никольский (церкви Знамения в Зубове), о. Михаил Введенский (церкви св. Николая Чудотворца что в Новой Слободе, в Москве), о. Александр Степанов, о. Петр Константинов; иеродиаконы – Фавст (лаврский; , впоследствии служивший в этом же, Петропавловском, храме), Исидор, Евфросин (из бывшего лаврского скита), Алексей, Иннокентий; диаконы – Георгий Комаров (из Москвы) и Кирилл Боголепов (из Москвы, родственник покойного по жене). Итого – сорок человек.

Обилие представителей Высоко-Петровского монастыря объясняется тем, что ранее почти все они были насельниками разгромленной Зосимовой пустыни, а затем приютились под омофором монахолюбивого настоятеля Высоко-Петровского монастыря, епископа Варфоломея (Ремова; «черного аввы» – как называли его). Сказанное относится также и к представителям Московского Богоявленского монастыря (регент о. Фадцей и др.), – последний состав братии этой обители также состоял из выходцев Зосимовой пустыни.

С речами у гроба выступают: архиепископ Иннокентий [Соколов] бывший Бийский; епископ бывший Сергиевский, состоящий на покое с управлением Московским Высоко-Петровским монастырем, Варфоломей [Ремов]; викарий Тульской еп[архии] епископ Белевский Игнатий [Садковский]; епископ бывший Суздальский Григорий [Козырев]; протоиерей о. Илия Четверухин и другие.

«После прочтения разрешительной молитвы епископ Павел, выйдя на амвон, прочитал вслух всей церкви завещание и прощание Батюшки со всеми своими духовными детьми, написанное им собственноручно, за 6 лет до его кончины, которое он сам просил прочитать вслух над его гробом...»

«Ввиду множества богомольцев, прощание с телом Батюшки затянулось до 3 часов дня. На кладбище пошли почти все священнослужители и богомольцы: 1) престарелый архиепископ Иннокентий [Соколов], 2) старый епископ Никон

[Соловьев], 3) больной епископ Варфоломей поехали на извозчике, а епископ Игнатий, епископ Павел и епископ Григорий [Козырев] пошли в полном облачении до самого кладбища пешком.

Литии служились часто, но, наконец, вышло распоряжение епископа Варфоломея [Ремова], чтобы шествие не затянулось, литии совершать не останавливаясь.

Батюшку решено было похоронить на Кокуевском кладбище.

Путь туда от храма свв. ап. Петра и Павла около 2 верст по шоссе. Вскоре пошел дождь, который перешел в ливень. Все мокрые, под ливнем и по глубокой грязи шли все-таки бодро, с любовью и пели и молились.

Не было никаких пустых разговоров в народе, все были настроены торжественно-серьезно, молитвенно умиленно, тепло, светло...

Батюшкин гроб несли до кладбища открытым и точно само небо оплакивало над отходящим от нас, сирот, нашим Великим Старцем, Отцом и Утешителем.

Однако зажженные свечи под дождем не тухли.

Батюшка был положен в простом дубовом гробе без ножек и в монашеском, а не иерейском облачении, в схиме и в голубой, закапанной воском епитрахили. Лицо его было закрыто черным схимническим платом. Не было в гробу ни одного цветка. На кладбище встретили Батюшку епископ Никон [Соловьев] и митрофорный протоиерей о. Иоанн Кедров из Сокольников, специально для этого приехавший и поспевший только уже в последнюю минуту на кладбище...

Тело Батюшки внесли в храм, dokonчили там чин отпевания, посыпали тело землей, и гроб заколотили...

Для Батюшки была вырыта могила у алтаря, с северной стороны, на могиле опять были литии, панихиды и произносили речи [...]

Три раза начинал говорить на могиле верный духовный сын Батюшки о. Петр Лагов.

Могила оказалась до половины залитая дождевой водой, так и пришлось опустить дорогого Старца в воду [...]

Было около 5 часов вечера...» (См.: Четверухин И., прот., Четверухина Е. Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. С. 221–223¹⁷⁶).

Так (вкратце) жил, умер и был погребен иеросхимонах-затворник о. Алексей [Соловьев], рукою которого 5(18).11.1917 года совершено было Божие избрание на восстановленный престол Патриархов Всероссийских, митрополита Московского и Коломенского Тихона, – святителя-исповедника, близкого по духу почившему старцу.

В 1957 году, в связи с ликвидацией Кокуевского кладбища в Сергиевом Посаде (Загорск), прах о. Алексия, захороненный здесь, по инициативе его многочисленных почитателей перенесен на новое городское кладбище.

[Деянием Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2000 г. «иеросхимонах Алексей (Соловьев; 1846–1928) – старец Зосимовой пустыни во Владимирской епархии; Господь одарил старца Алексия многими дарами, среди которых выделяются дары старческой мудрости, смирения, любви и прозорливости; именно через его руки совершился Промысл Божий о святителе Московском Тихоне, жребий с именем которого на выборах Патриарха вытянул старец Алексей 5 ноября 1917 года в Храме Христа Спасителя; многих вел он к спасению души, совершая знамения и чудеса, призывал к покаянию, к поиску единого на потребу (Лк.10:42)» причислен к лику святых. День памяти 19.09/02.10. (Деяние Юбилейного Архиерейского Собора 2000 г. С. 302.) – Примеч. ред.]

54. Несколько слов о келейнике старца о. Алексия (Соловьева), –иеромонахе о. Макарии; кончина его

В 1899 году монах Макарий [Моржов – *Ред.*] поступает в Зосимову пустынь и определяется келейником к иеромонаху о. Алексию, у которого остается до кончины старца в 1928 году.

Некоторое время спустя по кончине затворника о. Алексия, о. Макарий был арестован в Загорске вместе с большой группой бывших лаврских монахов, проживавших на частных квартирах в Посаде, и заключен в местную тюрьму. Вскоре же распространился слух о его кончине; говорили, что ему, – по порядкам того времени, – было «склеено» грязное политическое «дело»: тайное общение с бывшими высокопоставленными лицами царского времени и участие с ними, конечно, в «антисоветском заговоре». В результате, несмотря на явную нелепость этой глупой и злой выдумки, о. Макарий был расстрелян.

[Преподобномученик Макарий (Моржов Михаил Степанович, 16.05.1872–10.06.1931), иеромонах. Подвизался в Зосимовой пустыни с 21.08.1899, келейник старца о. Алексия. 22.02.1903 пострижен в монашество. В 1929 г. рукоположен во иеромонаха. 06.06.1931 арестован в Москве по ложному обвинению в «антисоветской агитации и принадлежности к контрреволюционной церковной организации». Приговорен к расстрелу и расстрелян на Ваганьковском кладбище в Москве. Причислен к лику святых в 2000 г. – *Ред.*]

55. Кремлевское сидение митрополита Петроградского Вениамина(Казанского) во время октябрьских боев 1917 г. в Москве; его письмопротоиерею о. Ф. Н. Орнатскому

Здесь явная ошибка: перепутаны имена; в действительности этот молебен совершал архиепископ Гродненский и Брестский Михаил (Ермаков). Этот эпизод отражен в изданных «Деяниях» Собора 1917–1918 гг., в рассказе митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского).

Приводим выписку:

«Братия Чудова монастыря и его гости – Члены Собора, пережив ужасы минувших дней, просят у Всероссийского Церковного Собора благословения, молитв и братского утешения. Ужасные дни пришлось пережить в Кремле, но Господь судил сохранить святыни. Уцелел и я с монастырской братией. Монашествующие все видят в этом милость Божию по заступлению Пресвятой Богоматери, Святого Архистратига Михаила и Святителей Петра и Ермогена. Им все время мы приносили усердные молитвы. Только в Чудове монастыре, среди всех храмов Кремля, совершалось непрерывное моление, которое в среду и четверг совершалось перед мощами св. Алексия, перенесенными в подземелье, в церковь Святителя Ермогена. Когда мы собрались там вокруг мощей, Преосвященный Михаил [Ермаков] Гродненский совершил первый молебен. Он не читал молитвы по книжке, а говорил, что было у него на сердце. Он так молился: „Святитель Христов, Ты предстоишь здесь пред Св. Престолом Божиим, а там на небе – пред Царем Небесным. Помолись за нас, и помилуй нас грешных!“ Преосвященный молился не церковными, а обыкновенными словами, и это глубоко действовало на молящихся. В последние дни мы почти непрестанно молились. Надо пережить, что мы пережили, чтобы чувствовать, что происходило в Кремле. Когда сыпались снаряды, мы молились, чтобы Господь примирил убивающих

друг друга. Когда сражавшиеся падали трупам, мы молились „об убиенных во дни и в ночи”. Когда после литургии и всенощного бдения мы собрались на молебен, за которым читалось Евангелие со словами: „мир вам”, то эти слова производили на нас особенно сильное впечатление. Все исповедовались и причащались, как те, которые служили с приготовлением так и те, которые были без этого приготовления. И Господь сохранил всех нас. Верующие видят в этом особенное знамение милости Божией.

Следы разрушения вы увидите сами» (Деяние 35: III. Митрополит Петроградский Вениамин // Деяния. Кн 3. С. 89).

Об этом же церковном моменте другой источник сообщает, что митрополит Вениамин «принимал участие как член Московского Церковного Собора в общих собраниях. Но всегда оставался незаметным. А жил он в московских митрополичьих комнатах, в Чудовом монастыре.

А в это время шла осада города [октябрьский переворот. – *Сост.*]; и гранаты падали где попало. И вот, – слышал я, – он сидел и работал за столом в кабинете Московского митрополита.

Вдруг какой-то голос говорит ему, чтобы он ушел оттуда.

Он послушался его. И вышел. Тотчас же в кабинете над столом разорвалась граната и взорвало весь тот угол. И конечно, она убила бы его, если он оставался бы в кабинете.

Этот случай рассказывался потом в кулуарах Собора» (Вениамин Федченков, митр. Записки архиерея. С. 441).

Немного времени спустя после описанных происшествий в тогдашней церковной печати была опубликована заметка: «Митрополит Вениамин – о своем спасении» (Из письма прот. Ф. Н. Орнатскому).

Приводим этот церковно-исторический эпистолярный акт в том виде, как он был опубликован. В глазах православного читателя его ценность усугубляется еще и тем обстоятельством, что и автор и адресат, оба вскоре же своею мученической смертью утвердили Церковь Православную в наши дни...

Содержание письма митрополита таково:

«Усердно прошу Вас по получении настоящего письма отслужить благодарственный молебен пред чудотворным образом Заступницы христиан за спасение меня грешного от смертной опасности. Заступлением Матери Божией, да чьими-то усердными молитвами я остался жив... Целую неделю под выстрелами я провел в осажденном Кремле. Последние двое суток насельники Чудова монастыря спасались в подвале в подземной церкви Святителя Ермогена, куда были перенесены и мощи Святителя Алексия из соборного храма. Стену занимаемого мною помещения пробили два снаряда тяжелой артиллерии, разорвались и произвели большое разрушение. Из своей комнаты я вышел за несколько минут пред этим. Когда был в соседних комнатах, все это произошло, и войти за клобуком и рясой я не мог, так как по коридору двигалось целое облако пыли и мелкого щебня и дыма. Канонада усиливалась, и мы с архиепископом Михаилом [Ермаковым; в миру полковник артиллерии. – *Сост.*] Гродненским (помяните имя и его) должны были задним ходом удалиться в нижний этаж. Архиепископ с Крестом и с зажженной страстной свечой, я с иконой Божией Матери за ним, вышли на галерею и спустились вниз к братии. Это было в среду (2–15 ноября), по-петроградски около двух часов дня. Две ночи и день прожили мы в келье одного иеромонаха. Спали не раздеваясь. Ко всенощной и литургии под выстрелами через двор ходили в подземную церковь. Шла постоянная служба. Братия исповедалась, причащалась Св. Тайн; служащие и не служащие готовились к смерти. Пережили незабываемые часы и минуты. Рвутся снаряды, грохот пулеметов, ружей, падающих зданий, а в подземелье возносится молитва у мощей строителя обители Святителя Алексия, которые опять перенесены туда, где они несколько сот лет тому назад и были похоронены – в подземелье, где страдал и скончался Святитель Ермоген, возносится молитва о примирении враждующих между собою братьев, об упокоении всех во дни и в ночи во время междоусобной брани убиенных. В смятенных сердцах скрывающихся в подземелье успокоительно отдаются слова евангельского чтения «мир вам и паки реку – мир вам»,

сказанные апостолам, страха ради собранным в комнате дверем заключенным. Меня особенно трогало, что на молебне, по „Отче наш” пели тропарь „Заступнице Усердная”. Я невольно падал на колени и со слезами молился. Многие день и ночь проводили то в подвале, то в подземной церкви безвыходно. В пятницу осада кончилась.

Когда я служил литургию в подземной церкви, вошли солдаты в монастырь. Боялись ужасов. Один заглянул в подземелье, услышал пение, перекрестился и ушел. В пятницу я оставил Кремль и переселился в семинарию. Остался цел среди всех ужасов, ни от кого не встретил обиды и оскорбления, даже тогда, когда среди солдат и рабочих выходил в клобуке из Кремля, шел по Красной площади и улицам среди возбужденного народа. Как не благодарить Господа и Царицу Небесную! Несмотря на усталость, в субботу я служил литургию в семинарской церкви.

Сегодня митрополита Тихона избрали Патриархом.

5(18) ноября 1917 года».

(Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. №140. С. 2.)

56. Пояснение о двух иеромонахах, присутствовавших при встрече митрополита Московского Макария (Невского) с затворником о. Алексием (Соловьевым)

По некоторым основаниям предполагаем, что речь здесь идет о питомцах Московской Духовной Академии, иеромонахах: Игнатии (Садковском), бывшем затем епископом Белевским, викарием Тульской епархии и Пантелеймоне (Успенском), вскоре же скончавшемся от туберкулеза где-то на Северном Кавказе или на Новом Афоне, которому окружающими пророчилась чрезвычайно плодотворная церковная будущность в связи с его – из ряда вон выходящею – талантливостью и ученостью.

Под «защитой» владыки Феодора (Поздеевского) следует, по-видимому, понимать его энергичные протесты против удаления его с поста ректора Московской Духовной Академии, осуществленного по проискам левацких элементов среди некоторой части ученого московского духовенства и «либеральной» профессуры Академии, – давно уже травивших Преосвященного ректора и устно, и в печати, как реакционера, распутинца и тому подобное, чего в действительности и не было.

Архиепископ Феодор был, всего лишь, архипастырем жесткой и бескомпромиссной церковно-консервативной складки, без малейшей игры в какую-либо «политику».

Об известной же «близости» его к великой княгине Елизавете Феодоровне, настоятельнице Марфо-Мариинской обители, можно сказать, что она была в достаточной степени формальной и лишь в плане чисто церковном, точно так же, как это имело место и в отношении других Преосвященных викариев Московской епархии.

Все остальное – высасывалось из пальца и сознательно раздувалось до гиперболических размеров «прогрессивной» предреволюционной печатью, по соображениям политическим и антицерковным.

57. Наталья Александровна Верховцева

[Верховцева Наталья Александровна (1893–1991). Родилась в дворянской семье. В 1917–1928 гг. вместе с матерью Верховцевой Верой Тимофеевной (1862–1940) жили в Сергиевом Посаде. Когда закрыли Зосимову пустынь в 1923 г., Верховцевы отдали половину своего дома в Сергиевом Посаде преподобному Алексию Зосимовскому. Старец жил в их доме до дня своего преставления. В 1919–1928 гг. Наталья Александровна работала медсестрой в городской больнице. В 1928 г. мать и дочь были арестованы, содержались в тюрьме и приговорены к 3 годам ссылки в Казахстан, которые были заменены на 3 года лишения права проживания в Москве и Московской губернии. После освобождения из тюрьмы переехали в Тулу.

Фрагменты воспоминаний Н. А. Верховцевой, связанные с Троице-Сергиевой лаврой (незначительно отличающиеся от рукописи) публиковались в 1992 г. в «Московском журнале» (№ 10) и в «Даниловском благовестнике» (№ 9). Полностью воспоминания матери и дочери опубликованы: «Благодарю Бога моего». Воспоминания Веры Тимофеевны и Натальи Александровны Верховцевых. М.: Правило веры, 2001. – Ред.]

58. Разгром Смоленской Зосимовой пустыни; изгнание из нее о. Алексия (Соловьева) и других насельников

22.01(04.02). 1923 г., в воскресенье, по предписанию местной гражданской администрации, – в порядке «атеистического» мероприятия, – происходит закрытие и разгром Смоленской Зосимовой пустыни Александровского уезда Владимирской епархии, – последнего оплота русского старчества.

За несколько дней до этого горестного для многих тысяч православных русских людей события, а именно 17(30).01.1923 года, в 8 часов 45 мин. вечера здесь умирает настоятель этой пустыни, чтимый народом старец игумен Герман. В связи с этим один из насельников пустыни писал: «Счастлив о. игумен, что он вовремя отошел ко Господу, так как надвигается беда: в ближайшем времени Зосимову пустынь закрывают в числе прочих монастырей Александровского уезда. Это не пустой слух, действительность...»

«В пустынь нагрянула ликвидационная комиссия, заявившая, что монахи больше не монахи, а граждане...»

При разгроме Зосимовой пустыни у старца-затворника о. Алексия «сняли ризы со всех его дорогих для него икон, взяли все ценное и выгнали его вон, не дав ему даже книг его библиотеки...»

«Монахи разошлись в разные стороны, а старец о. Алексей вместе со своим келейником переехал в Сергиев Посад, где для него были сняты 2 комнаты [...] Не берусь описывать, что пережил наш старец, уезжая из родной пустыни, это – тайна его души...» (См.: Четверухин И., прот., Четверухина Е. Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. С. 107–121).

[Мужская Свято-Смоленская Зосимова пустынь, в Александровском районе Владимирской области. Расположена в 25 километрах к северо-востоку от Сергиева Посада на

живописном холме близ речки Молохча, в местечке под названием Ульянова пустошь.

Основана схимонахом Троице-Сергиевой лавры преподобным Зосимой во второй половине XVII в. В 1722 г. упразднена. Возобновлялась с 1728 по 1764 год, когда в связи с секуляризацией церковных владений опять пришла в запустение.

На месте погребения схимонаха Зосимы была поставлена деревянная часовня. В 1855–1869 гг. земля, на которой стояла часовня, принадлежала помещице лютеранского вероисповедания. В 1867–1869 гг. часовня с луговой, пашенной и лесной землей передается во владение Троице-Сергиевой Лавре, монахи которой возобновляют пустынь. Потомки московского святителя митрополита Филиппа Колычевы передают в возрожденную обитель семейную реликвию древний образ Смоленской Божией Матери и два ковчежца с частями честного пояса Божией Матери и мощей великомученика Георгия. Тогда же, в конце XIX в., пустынь получила название Смоленской Зосимовой Александровского уезда Владимирской епархии.

В центре обители над местом погребения основателя пустыни Зосимы над каменным надгробием был поставлен соборный храм во имя Смоленской иконы Божией Матери. Гробница подвижника располагалась рядом с правым клиросом главного храма, около чтимой иконы Смоленской Одигитрии. С западной стороны за монастырской оградой находился колодец, вырытый еще старцем Зосимой, над которым была поставлена открытая часовня.

В состав архитектурного ансамбля Смоленской Зосимовой пустыни входили следующие постройки: Смоленский собор (1894–1900), трапезный корпус с храмом во имя преподобного Сергия Радонежского (1893), в северной стене над Святыми воротами была построена надвратная церковь Всех Святых. Вся территория пустыни, благоустроенная посадками фруктовых деревьев и цветников, была обнесена невысокой кирпичной оградой с четырьмя угловыми башнями. Справа и слева от въезда в пустынь располагались двухэтажные здания братских

келий. Вдоль западной стены в двухэтажной постройке помещались покои игумена. В южной части монастыря между трапезным храмом и собором стоял деревянный домик, построенный для схимонаха Алексия, где он жил и принимал исповедующихся до ухода в затвор. В середине восточной части ограды была возведена каменная стройная колокольня, с установленными в 1912 г. башенными часами. Вне монастырских стен напротив колокольни была построена двухэтажная гостиница для паломников.

После событий октября 1917 г. Смоленскую пустынь превратили в сельскохозяйственную трудовую артель. 8 мая 1923 г. александровские уездные власти закрыли обитель, и иноки перешли в другие монастыри, в основном в Высоко-Петровский монастырь в Москве, часть осталась в Сергиевом Посаде, на месте пустыни располагалась военная часть.

В марте 1992 года епископ Владимирский и Суздальский Евлогий [Смирнов] получил прошение об открытии монастыря, а в апреле, на Пасху, стены Зосимовой пустыни вновь увидели молебен и крестный ход.

В июле 1994 по благословению Патриарха Алексия II и епископа Владимирского и Суздальского Евлогия святые останки схимонаха Алексия были перенесены из Сергиева Посада в Смоленскую Зосимову пустынь, где 26 июля Патриарх Алексий совершил молебен новопрославленному местночтимому святому Зосиме Александровскому и Владимирскому и панихиду по старцу иеросхимонаху Алексию. Гроб с останками старца был перенесен в соборный храм и поставлен в приделе преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. – *Примеч. ред.*]

59. Вариант рассказа о посещении Святейшим Патриархом Тихоном старца-затворника о. Алексия (Соловьева) в Сергиевом Посаде

В цитированных уже ранее записках Е. Четверухиной «Старец отец Алексей, иеросхимонах Смоленской Зосимовой пустыни» приведен следующий вариант посещения Святейшим Патриархом Тихоном затворника, изгнанного из Зосимовой пустыни.

«Нам передали [Верховцева? – *Сост.*], что однажды, когда Батюшка о. Алексей лежал по приказанию врача в постели, после того, как он упал [по старческой слабости. – *Сост.*] и сильно расшибся, приехал его навестить Святейший Патриарх Тихон. Батюшка, всегда относившийся с глубоким почтением к лицам высокостоящим в иерархическом отношении, был глубоко тронут вниманием Святейшего и чувствовал себя крайне неловко оттого, что встречал и беседовал с ним лежа на кровати. Поэтому Батюшка несколько раз порывался спустить свои ноги на пол, но Святейший брал их своими руками и снова их клал на постель. У кого из этих старцев было больше смирения?» (*Четверухин И., прот., Четверухина Е. Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни. С. 125*).

Приложения

Акт избрания Патриарха Московского и Всея России Тихона

5 ноября 1917 года в храме Христа Спасителя в Москве, после совершения часов пред Божественною литургией, Митрополит Киевский и Галицкий Владимир, в нашем присутствии, на особом столике, поставленном во святом алтаре по левую сторону престола, собственноручно начертал на предварительно нам представленных чистых и одинакового вида и размера жребиях имена трех избранных Священным Собором кандидатов на Патриаршество: Архиепископа Харьковского и Ахтырского Антония, Архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения и Митрополита Московского и Коломенского Тихона. Означенные жребии, в форме; 1/8 доли обыкновенного писчего листа белой бумаги, были нам предъявлены и оказались с синей из краски печатью Собора, одинакового вида и размера, с надписанием имен трех указанных выше кандидатов в Патриархи. Засим Митрополит Владимир свернул каждый из сих жребиев в трубочку, сложив их поперек, надел на каждое из них резиновое кольцо одинакового размера и вложил в особый ковчежец, где они разместились вполне свободно, встряхнул этот ковчежец, закрыл его и перевязал тесьмою, концы которой запечатал сургучною печатью. Взявши запечатанный ковчежец в руки, Митрополит Владимир изнес его из святого алтаря на солею и поставил на особо уготованном тетраподе с левой стороны от царских врат пред малою Владимирскою иконою Божией Матери. Из числа нас трое – Протопресвитер Большого Успенского собора Н. А. Любимов, настоятель Люблинского собора, Холмской епархии, протоиерей Э. И. Бекаревич и законоучитель Новочеркасской Платовской гимназии, области Войска Донского, священник В. А. Чернявский приняли участие в совершении Божественной литургии, а остальные трое: профессор Казанской Духовной Академии П. Д. Лапин, профессор Петроградской Духовной Академии И. И. Соколов и крестьянин села Красная Поляна, Головецкой волости, Симбирской епархии, И. И. Малов

находились безотлучно при ковчежце. Во время чтения Апостола из Успенского собора была принесена чудотворная Владимирская икона Божьей Матери, которую сопровождал Митрополит Тифлисский Платон, и поставлена на солее по левую сторону царских врат, на том самом тетраподе, на котором находилась малая икона Богоматери и ковчежец с жребиями. Пред чудотворною иконою стали протоиерей Бекаревич, профессора Лапин и Соколов и крестьянин Малов. По окончании Божественной литургии и после совершения молебного пения Христу Спасителю, Пречистой Богоматери и святителям Московским Петру, Алексею, Ионе, Филиппу и Ермогену, – в назначенное по чину время, Митрополит Владимир взошел на солею, приблизился к тетраподу, на котором стоял ковчежец с заключенными в нем тремя жребиями, – взял его в руки и, став на середине солеи, присутствующим было хорошо видно, что печать и тесьма сохранились неприкосновенными. Принявши в руки ножницы, Митрополит Владимир разрезал тесьму и поднял крышку с ковчежца. Старец – затворник Зосимовой пустыни иеромонах Алексей, во время молебна ставший в мантии пред чудотворною иконою Богоматери, принял благословение Митрополита, трижды осенил себя крестным знаменiem, вынул из ковчежца один жребий и вручил его Митрополиту Владимиру. Митрополит Владимир предъявил нам жребий, и огласил пред лицом епископов, клира и народа имя избранного в Патриархи – Митрополита Московского и Коломенского Тихона. После сего вынуты были из ковчежца остальные два жребия с именами Архиепископов Харьковского Антония и Новгородского Арсения и нам предъявлены.

Все вышеизложенное удостоверяем нашими подписями:

Московского Большого Успенского собора Протопресвитер Николай Любимов.

Настоятель Люблинского собора, Член Церковного Собора Протоиерей Емельян Бекаревич.

Профессоръ Петроградской Духовной Академии Иван Иванович Соколов.

Профессор Казанской Духовной Академии Павел Лапин.

Крестьянин Иван Иванович Малов.

Московского Кафедрального во имя Христа Спасителя
собора ключарь протоиерей Александр Хотовицкий. Секретарь
Собора В. Шейн.

Приложение к Деянию 36 // Деяния. Т. 3. С. 112–113.

Список сокращений библиографических названий

Рукописи

<i>Арсений</i> (Жадановский), епископ. Воспоминания.	<i>Арсений (Жадановский)</i>, еп. Воспоминания. Рукопись. Издано: <i>Арсений (Жадановский)</i>, еп. Воспоминания. – М.: ПСТБИ, 1995.
<i>Вениамин</i> (Федченков), митр. Записки епископа.	<i>Вениамин (Федченков)</i>, митр. Записки епископа. Рукопись в 3 ч. Ростов-на-Дону, 1955. Наиболее полное издание рукописи см.: <i>Вениамин (Федченков)</i>, митр. Записки архиерея. – М.: Правило веры, 2002. (Ссылки на страницы проставлены по изд. 2002 г.)
Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха...	Жизнеописание Тихона, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Рукопись. См. наст. сб. Т. 1.
Левитин Шавров Очерки...	<i>Левитин А., Шавров В.</i>, Очерки обновленческого движения Русской Православной Церкви. Рукопись. М., 1960. Издано: <i>Левитин А., Шавров В.</i> Очерки по истории русской церковной смуты. – Kusnacht (Schweiz): Institut Glaube in der 2. Welt, 1977; То же. – М.: Крутиц, патриаршее подворье; Kusnacht (Schweiz): Institut Glaube in der 2. Welt, 1996. Текст рукописи несколько отличается от последующих изданий. Некоторые исправления М. Е. Губонина в рукописи были учтены авторами в последующих изданиях. Мы оставляем цитаты в том виде, в каком они были цитированы Составителем. (Ссылки на страницы проставлены по изд. 1996 г.)
<i>Сергий</i> (Ларин), епископ. Обновленческий	<i>Сергий (Ларин)</i>, еп. Обновленческий раскол. Астрахань; Омск. 1953–1959. Рукопись. Издано: <i>Сергий (Ларин)</i>, еп. Обновленческий

- раскол. раскол // Вестник Русского Западно-
[«Обновленческий»Европейского патриаршего Эрзархата.
раскол.] Париж, 1964. №46/47. С. 120–153; №48. С.
252–257. Данная рукопись была издана:
Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в
Русской Церкви // «Обновленческий» раскол:
(Материалы для церков.-ист. и канон,
характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. –
М.: О-во любителей церков. истории: Изд-во
Крутиц. подворья, 2002. В данном издании
дается краткая история создания рукописи.
(Ссылки на страницы проставлены по изд.
2002 г.)
- Отчизна неизвестная. Рукопись. Издано:
Отчизна неизвестная / Авт. введ. А. Э.
Левитин (Краснов); Предисл. Е. А. Хорвата.
– London: Overseas Publications Interchange,
1988. (Ссылки на страницы проставлены по
изд. 1988 г.)
- Четверухина Е. Иеросхимонах Алексей,
старец Смоленской Зосимовой пустыни.
Рукопись. Издано: Старец Алексей
Зосимовой пустыни: [Сб..] / Сост. Е.Л.
Четверухин И., Четверухиной – Paris: YMCA-Press, 1989
prot., (Mayenne: Impr. De la Manutention a
Четверухина Е. Mayenne). Четверухин И., prot.,
Иеросхимонах Четверухина Е. Иеросхимонах Алексей,
Алексий. старец Смоленской Зосимовой пустыни. –
[Сергиев Посад]: Свято-Троиц. Сергиева
Лавра, 1995 (Издание с некоторой редакцией
рукописи). (Ссылки на страницы
проставлены по изд. 1995 г.)

Литературные источники

- Акты... Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М. Е. Губонин. – М.: ПСТБИ: Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. – (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).
- Булгаков С. Н. Страж дома Господня (Памяти Святейшего Патриарха Тихона) // The Slavonic Review. London, 1925. Т 4, №10. Перепечатка: Акты... С. 387–392.
- Булгаков С. Н., прот. На пиру богов: Pro и Contra: Современ. Диалоги. – София: Рос. – болг. книгоиздательство, 1921 (Придвор. тип., 1920).
- Введенский А. И., прот. Церковь патриарха Тихона. – М., 1923.
- Введенский А. И., прот. Церковь и государство: (Очерк взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 г.). – М.: Мосполиграф, 1923.
- Ведерников А. В. Ревнитель церковного единства: (К двадцатипятилетию со дня кончины Патриарха Тихона – 25 марта 1925 г.) // ЖМП. 1950. №5. С. 61–69.
- Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и в новейшем состоянии. – Варшава: Синод, тип., 1928; Тоже. – [М.]: Изд-во Свято-Владимир. Братства, 1992. – Печ. по изд. 1928 г. (Варшава).
- Деяния Соединения Глав и Представителей

- Глав... автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви, 8–18 июля 1948 г.: В 2 т. – М.: Моск. Патриархия, 1949.
- Деяния Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния [1–82, 104–106, 116–119]. – М.; Пг.: Собор. Совет, 1918. – Кн.1–10. – Изд. не завершено; То же (под загл.). Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. – Репр. воспр. изд. 1918 г. – М.: Новоспас. монастырь, 1994–1996. – Т. 1–10.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 25. Дневник писателя, 1877, Январь – август. Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь – декабрь – 1880, август / Текст подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова и др.; Редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.) и др. – Л: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983–1984.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877.
- Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания митр. Енлогия иалож. по его рассказам Т. Манухиной / Предисл. Т. И. Манухиной (Т. Таманин); Послесл. Т.И. Манухиной. – Париж: YMCA-Press, 1947; То же (переизд.). – М.: Моск. рабочий; ВПМД, 1994. (Ссылки на страницы проставлены по изд. 1994).
- Евлогий, митр.
- Елевферий, митр. Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии. – Париж, 1938. Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии: Сб. М.: Крутиц, патриаршее подворье, 1995. (Материалы по истории

- Церкви; Кн. 5). (Ссылки на страницы проставлены по изд. 1995.)
- Затворник* А. Обновленцы по суду
Обновленцы... А. Вселенской Православной Церкви: Девять лекций против обновлен. Лжеучений. – Уфа, 1927.
- Иоанн (Поммер), архиеп.* Иоанн (Поммер), архиеп. Тихон, Святейший Патриарх Московский и всея Руси (скончался 7 апреля 1925 г.): Речь в Риж. кафедрал. соборе на нар. панихиде 12 апреля 1925 г. // Вера и жизнь. Рига, 1925. №5/6. Ссылки на страницы проставлены по: Акты... С. 380–386.
- Каменев С. А.* Каменев С. А. Церковь и просвещение в России: (Очерки). – М.: Атеист, [1928].
- Карташев А. В.* Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви: В 2 т. – Париж: YMCA-Press, 1959; То же. – Репр. изд. – М.: Наука, 1991.
- Маевский В. А.* Маевский В. А. Сербский Патриарх Варнава и его время. – Новый Сад: Б. и., [1931].
- Навиль Эрнест.* Навиль Эрнест. Вопрос о зле: Публ. чтения Эрнеста Навиля / Пер. свящ. Н. Протопопова. – М.: Ред. «Правосл. обозрения», 1872.
- Обвинительное заключение...* Обвинительное заключение по делу граждан: Беллавина Василия Ивановича, Феноменова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Георгиевича и Гурьева Петра Викторовича по 62 и 119 ст. ст. Уголовного кодекса. – М.: Тип. ГПУ, 1923. Опубликовано: Акты... С. 225–280; Следственное дело... С. 263–332.
- Обзор деяний.* Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний / Сост.:

Кравецкий А. Г., Плетнева А. А., Шредер Г.-А., Шульц Г. – М.: Крутиц, подворье, 2000–2002. – 1–3 сессия.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. Патриарх Сергей и его духовное наследство. – М.: Изд. Моск. Патриархии, 1947.

Персиц М. М. Отделение Церкви от Отделения Церкви от государства и школы от Церкви в СССР (1917–1919). – М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. Богослов. энцикл. словарь («Богословская энциклопедия») содержит в себе объяснение всех, касающихся Св. Правосл. Церкви, ее учения и жизни, понятий по вопросам богословского, философского, литургического, церковно-практического и исторического характера, и составлен на основании лучших исследований специалистов по этим отраслям богословского знания. – СПб.: П. П. Сошкин, [1913]; То же. – Репр. изд. – М.: Концерн «Возрождение», 1992. – 2 т.

Православный календарь на 1918 г.: 7426–7427 от Сотворения мира: Год 4. – Пг.: Издат. Совет при Св. Синоде, [1917].

Рклицкий Ник. Никон (Рклицкий), архиеп. Блаженнейший Антоний, митрополит Киевский и Галицкий (Составлено по воспоминаниям и творениям Владыки и по рассказам его бывших подчиненных, сослуживцев и учеников) / Ник. Рклицкий // Сборник избранных сочинений Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого: С портр. и жизнеописанием авт.: (Юбил. изд. к 50-летию священнослужения), – Белград: Тип. «Слово», 1935; То же. – Репр. изд. –

- Монреаль: Братство преп. Иова Почаевского, 1986.
- Рождественский А., прот. Святейший Тихон...* *Рождественский А., прот. Тихон, Патриарх Московский и всея России.* – София, [1922]. Полностью текст брошюры вошел в наст. «Сборник».
- Сборник избранных сочинений Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого: С портр. и жизнеописанием авт.: (Юбил. изд. к 50-летию священнослужения).* – Белград: Тип. «Слово», 1935; То же. – Репр. изд. – Монреаль: Братство преп. Иова Почаевского, 1986.
- Сережников Виктор. Филипп Православная Церковь.* *Сережников В. Филипп, епископ Смоленский* *Епископи Дорогобужский и Православная Церковь:* и (По материалам процесса Смолен, церковников (19.7)1.8 – (11)24.8.1922 г.). – Смоленск: Смолен. Губком РКП(б), 1922.
- Следственное дело...* *Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док. по материалам Центр, архива ФСБ РФ.* – М.: ПСТБИ, 2000. – (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви).
- Собрание Определений и Постановлений* *Священный Православной Российской и Церкви. В 4 вып.: Прил. к «Деяниям» 2.* – М.: Собор. Совет, 1918; То же. – [Репр. изд.]. – М.: Новоспас. монастырь, 1994.
- Титлинов Б. Новая Церковь.* *В. Титлинов Б. В. Новая Церковь.* – Пг.; М.: Петроград, 1923.
- Титлинов Б. Церковь во время революции.* *В. Титлинов Б. В. Церковь во время революции.* – Пг.: Былое, 1924.
- Труды первого Съезда... СЦВ.* *Труды Первого Всероссийского Съезда или Собора Союза Церковное Возрождение.* – Л: Тип. Штаба 1 стрелкового корпуса, 1925.

Шавельский Г. И., Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания
протопр. последнего протопресвитера Русской армии
Воспоминания... и флота. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова,
1954. – Т. 1–2; То же. – Репр. изд. – М.:
Крутиц, патриаршее подворье, 1996.

Периодические издания

Безбожник.	Безбожник: Еженедельная газета. – М., 1922–1942.
Богословский вестник.	Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией. – Сергиев Посад, 1892–1918. – Ежемес.
Вестник Священного Синода...	Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. – М., 1923–1932. – Ежемес. №1–55. – [Обновленческое издание].
Всероссийский церковно-общественный вестник.	Всероссийский церковно-общественный вестник. – Пг., 1917–1918. – Ежеднев.
ЖМП	Журнал Московской Патриархии: Издание Московской Патриархии. – М., 1931–1935, 1943–. – Ежемес.
Петроградский церковно-епархиальный вестник	Петроградский церковно-епархиальный вестник: Еженед. газ. – Пг., 1917–1918.
Свободная Церковь.	Свободная церковь: Еженедельная газета / Ред.-изд. свящ. М. В. Галкин. – Пг., 1917.
Революция церковь.	и Революция и церковь: Ежемес. журн. / Ред. П. А. Красиков. – Пг., 1919–1924.
Украинский православный благовестник.	Український православний благовісник. – Харьков, 1923–1928. – 2 раза в мес.
Кронштадтский пастырь.	Кронштадтский пастырь: Орган «Общества в память о. Иоанна Кронштадтского». – СПб., 1906–1912.
Путь.	Путь: Орган рус. религ. мысли / Изд. Религ.-филос. Акад.; Под ред. Н. А. Бердяева. – Париж, 1925–1940.
Русский паломник.	Русский паломник: Еженедельное ил. издание. – СПб., 1885–1917.

Старая Русь.	Старая Русь: Старообрядческий двухнедельный ил. журн. – Рига, 1911–1912.
Церковные ведомости.	Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде: Еженед. изд. с прибавлениями. – СПб., 1888–1918.
Церковные ведомости.	Церковные ведомости / Издаваемые при Высшем рус. церков. упр. заграницей. – Сремские Карловцы, 1922–1930. – Двухнед. изд
Ярославские епархиальные ведомости.	Ярославские епархиальные ведомости. – Ярославль, 1860–1917. – Еженед.

Основные источники иллюстративного материала

Архив Составителя – архив М. И. Губонина

ЦИА ПСТГУ – церковно-исторический архив ПСТГУ

База данных «Новомученики и исповедники Российские»:
<http://kuzl.pstbi.ccas.ru>.

ОР РГБ Ф. 257 – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Православная Москва в 1917–1921 годах. Сборник документов и материалов / Авторы-сост. А. И. Казакевич, В. В. Марковчин, Т. С. Тугова, А. М. Шарипов. М.: Изд-во Главного архивного управления г. Москвы, 2004.

Основные даты жизни, деятельности и прославления Святителя Тихона, Патриарха Московского и Всея России¹⁷⁷

1865, 19(31) января (вторник) – рождение Василия Беллавина; сына священника Воскресенской церкви погоста Клина Торопецкого уезда (впоследствии священника Спасо-Преображенской церкви г. Торопца) Псковской епархии. (Тезоименитство 30.01 ст. ст. родители: Иоанн и Анна.)

1874–1878 – учеба в Торопецком духовном училище.

1878–1884 – Василий Беллавин проходит полный курс и с отличием оканчивает Псковскую духовную семинарию.

1884–1888, 11 июня – студент Василий Беллавин успешно проходит полный курс и одним из первых оканчивает Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата-магистранта богословия.

1888, июнь – Василий Иванович Беллавин определяется преподавателем богословия и французского языка в Псковскую духовную семинарию.

1891, 14 декабря – преподаватель Псковской семинарии В. И. Беллавин, в храме той же семинарии, от руки Преосвященного Гермогена (Добронравина), епископа Псковского и Порховского, постригается в мантию, с наречением имени ему Тихон (в честь св. Тихона Задонского; тезоименитство 13.08 ст. ст.).

1891, 15 декабря – рукоположен в иеродиакона.

1891, 22 декабря – рукоположен в иеромонаха.

1892, 17 марта – иеромонах Тихон определяется на должность инспектора Холмской духовной семинарии.

1892, июнь – ректор той же семинарии, архимандрит. Председатель Холмско-Варшавского Училищного Совета, Председатель Холмского Православного Богородичного Братства, благочинный монастырей Холмско-Варшавской епархии и прочее.

1895, 6 мая – сопричислен к ордену св. Анны 2 степени.

1897, 4 октября – Высочайшее повеление о бытии ректору Холмской духовной семинарии архимандриту Тихону – епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии.

1897, 18 октября – Санкт-Петербург. Наречение во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии.

1897, 19 октября – Санкт-Петербург. В Троицком соборе Александро-Невской лавры хиротония архимандрита Тихона во епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. Хиротонию совершают: Первенствующий член Святейшего Синода, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий (Раев), архиепископ Казанский и Свияжский Арсений (Брянцев), архиепископ Финляндский и Выборгский Антоний (Вадковский), епископ Нарвский Иоанн (Кратиров) и епископ Самарский и Ставропольский Гурий (Буртасовский).

1898, 14 сентября – епископ Алеутский и Аляскинский.

1900, 17 января – епископ Алеутский и Северо-Американский.

1901, 6 мая – сопричислен к ордену св. Владимира 3 степени.

1904, 6 мая – сопричислен к ордену св. Анны 1 степени.

1905, 6 мая – возведен в сан архиепископа.

1905, 6 мая – архиепископ Алеутский и Северо-Американский.

1907, 25 января – архиепископ Ярославский и Ростовский.

1909, 6 мая – сопричислен к ордену св. Владимира 2 степени.

1913, 6 мая – сопричислен к ордену св. Александра Невского.

1913, 22 декабря – архиепископ Виленский и Литовский.

1916, 6 мая – награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке.

1917, 23 июня – Московским Епархиальным Съездом духовенства и мирян избран на Московскую и Коломенскую митрополичью кафедру; архиепископ Московский и Коломенский.

1917, 13 августа – возведен в сан митрополита Московского и Коломенского.

1917, 15 августа – открытие в Москве Священного Собора Православной Российской Церкви.

1917, 18 августа – избрание Председателем Всероссийского Поместного Собора 407 голосами против 33.

1917, 5(18) ноября – Поместным Собором Православной Российской Церкви (по жребию, после закрытого голосования) избран и наречен Патриархом Московским и всея России.

1917, 21 октября (4 декабря) – Москва, Кремль. В Большом Успенском соборе – наставление (интронизация) нареченного Патриарха, митрополита Московского и Коломенского Тихона на Всероссийский Патриарший престол; чин возглавляется митрополитом Киевским Владимиром (Богоявленским), Святейший Патриарх Московский и всея России (11 по счету не считая Игнатия Грека).

1918, 28 мая (10 июня) – 4(17) июня – поездка Патриарха Тихона в Петроград.

1918, 14(27) сентября – 22 сентября (5 октября) – поездка Патриарха Тихона в Ярославль и Ростов Великий.

1918, 11 (24) ноября – 1918, 24 декабря (1919, 6 января) – арест Патриарха Тихона.

1919, 11 (24) декабря – 1919, 24 декабря (1920, 6 января) – арест Патриарха Тихона.

1920, 8(21) июля – допрос Патриарха Тихона в Московском суде на «Процессе Виленских мучеников».

1922, 22 апреля (5 мая) – допрос Патриарха Тихона в Московском революционном трибунале на I процессе Московского духовенства об изъятии церковных ценностей.

1922, 6(19) мая – Патриарх Тихон увезен из Троицкого подворья и заключен под стражу в Донском монастыре.

1923, 3(19) мая – 14(27) июня – Патриарх Тихон в течении 48 дней находился во внутренней тюрьме ГПУ.

1924, 8(21) марта – постановление Президиума ЦИК СССР о прекращении дела по обвинению Патриарха Тихона.

1924, 31 декабря (1925, 13 января) – Патриарх Тихон помещен в больницу Бакуниных на Остоженке.

1925, март – новое постановление ОГПУ о привлечении Патриарха Тихона к суду.

1925, 25 марта (7 апреля), вторник, 11 часов 45 минут вечера, – «на исходе праздника Благовещения», в Москве, на Остоженке, в лечебнице Бакуниных – безвременная кончина на 61 году жизни Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России.

1925, 30 марта (12 апреля) – Неделя Ваий. В летнем (большом) соборе Московского ставропигиального Донского монастыря, сонмом иерархов (около 60 человек) и «при огромном стечении молящихся», заполнивших монастырь и все прилегающие улицы и площади – совершается торжественная заупокойная литургия и чин отпевания в Бозе почившего Святейшего Патриарха Тихона, закончившиеся в 6 часов вечера; останки погребаются в старом (зимнем) соборе монастыря в честь Донской иконы Божией Матери, у Южной стены трапезной.

1925, 6(19) июня – Постановление Коллегии ОГПУ: «Дело ввиду смерти Беллавина следствием прекратить».

1981, 19 октября (1 ноября) – Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей прославил в соборе Новых Мучеников и Исповедников Российской Церкви, Патриарха Тихона, исповедника.

1989, 26 сентября (9 октября) – Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил к лику святых Патриарха Тихона.

1991, 5(18) ноября – поджог Малого собора Донского монастыря, где сохранялись святые мощи Патриарха Тихона (в годовщину избрания на Патриарший Престол).

1992, 9(22) февраля – торжество обретения святых мощей Патриарха Тихона.

Биографический указатель

Биографическая статья строится по следующему принципу: фамилия, имя, отчество, годы жизни (точная дата смерти указывается при гибели в годы гонений), сведения о статусе лица, для лиц духовного звания дается краткий послужной список (в некоторых случаях для пояснения основного текста даются более расширенные сведения), даются краткие справки о репрессиях. Для причисленных к лику святых указывается год канонизации. Полужирным шрифтом выделены имена лиц, биографии которых приводятся в основном тексте, курсивом – авторы упоминаемых источников.

В указатель не включены упоминания о самом Патриархе Тихоне, имена святых в названиях церквей и монастырей, икон, орденов, братств, обществ и т. п., имена в подписях под фотографиями в иллюстрированных вставках, имена, входящие в географические названия, в названия книг, статей, мифологические персонажи.

Имена лиц, упоминаемых в Приложениях, даются без биографических справок.

При составлении биографического именного указателя были использованы следующие публикации: База данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (<http://kuz1.pstbi.ccas.ru>).

Большой энциклопедический словарь. 2 изд. – М., 1997.

Деяния Русского Всеагличного Церковного Собора. Сремски Карловцы, 1922.

За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. Кн. 1. А–К–М.: ПСТБИ, 1997.

Именной список ректорам и инспекторам Императорских Духовных академий, Духовных семинарий, преподавателям Императорских Духовных академий, смотрителям Духовных училищ и их помощникам, состоящим в священном сане преподавателям Духовных семинарий и училищ, священнослужителям при русских церквях за границей и

начальникам заграничных Духовных миссий на 1917 год. Пг., 1917.

История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). – М.: ПСТГУ, 2006.

Кандидов Б. Церковно-белогвардейский Собор в Ставрополе в мае 1919. М., 1930.

Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. Вып. 1–3. М., 1962–1980.

Мануия (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. (включительно): В 6 т. Erlangen, 1979–1989.

Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 в шести томах / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 1–6. М., 1999–2006.

Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник/ Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». – М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2007.

Полный православный богословский энциклопедический словарь: Богослов, энцикл. словарь («Богословская энциклопедия») содержит в себе объяснение всех, касающихся Св. Правосл. Церкви, ее учения и жизни понятий по вопросам богословского, философского, литургического, церковно-практического и исторического характера, и составлен на основании лучших исследований специалистов по этим отраслям богословского знания. – 2 т. – СПб.: П. П. Сойкин, [1913]; То же. – Репр. изд. – М.: Концерн «Возрождение», 1992.

Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 1–11. М.: «Православная энциклопедия», 2000–2007. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая Сессия/ Сост.: А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, Г.-А. Шредер, Г. Шульц – М.: Крутиц. подворье, 2002.

Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.,

2000. Советская историческая энциклопедия. – 16 т. М., 1961–1976.

Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1–3. М., 1993–1995. Энциклопедический словарь Русского библиографического института «бр. А. и И. Гранат и К°», 7 изд., переработанное. М., 1910–1948.

Краткие сокращения:

Архиерейский Собор 2000 г. – Освященный Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 2000 г. член Св. Собора 1917–1918 гг. – член Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.;

член Ставропольского церковного собора – член Ставропольского Юго-восточного русского церковного собора 1919 г.;

член Карловацкого Собора – член Русского Всеаграничного Церковного Собора в Сремских Карловцах 1921 г.;

член Св. Синода – член Святейшего Правительствующего Синода (до 1918 г), член Священного Синода при Патриархе Тихоне (1918–1925 гг.), член Временного Патриаршего Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя (1927–1935 гг.)

А. Ф., см. Аксакова А. Ф.

Августин (Беляев Александр Александрович; 1886–23.11.1937), священномученик, архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Иваново-Вознесенского, викария Владимирской епархии. В 1924 г. выслан в Москву. В 1926–1929 гг. в ссылке. В 1931–1934 гг. в лагерном заключении. С 1934 г. епископ Калужский и Боровский. С 1936 г. архиепископ. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Аверкий (Кедров Поликарп Петрович; 1879–27.11.1937), архиепископ. В 1915 г. хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Арестован в 1922 г. С 1924 г. епископ Волынский и Житомирский. С 1926 г. архиепископ. Арестован в 1926 г., до 1928 г. в ссылке. В 1930 г. вновь арестован, в ссылке до 1937 г. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943), политический деятель, публицист. Один из организаторов и идеологов партии социал-революционеров (эсеров) с 1905 г., в том же году арестован и выслан в Тобольскую губернию, откуда бежал за границу. В начале апреля 1917 г. вернулся в Петербург, в мае того же года избран председателем Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, в июле-сентябре 1917 г. министр внутренних дел Временного правительства; председатель Демократического совещания и Временного совета Российской республики (Предпарламент). После октября 1917 г. один из организаторов и руководителей антибольшевистского «Комитета спасения Родины и Революции», «Союза возрождения России», председатель уфимского «Временного Всероссийского правительства» («Директории»). В конце 1918 г. по распоряжению адмирала А. В. Колчака выслан за границу. Живя в Париже, продолжал выступать против большевиков. С середины 1920 гг. отошел от активной политической деятельности. В 1940 г. выехал в США, где и скончался.

Авраамий (Дернов Анатолий Иванович; 1874–1939), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Уржумского, викария Вятской епархии. Арестован в 1925 г., до 1928 г. в ссылке Коми (Зырян) АО, затем до 1929 г. в г. Камышине Нижневолжского края. С 1929 г. епископ Глазовский, временно управляющий Вятской епархией. С 1937 г. архиепископ Ижевский. Арестован в 1937 г., приговорен к 10 годам лагерей. В 1939 г. отправлен в лагерь и на этапе скончался.

Агапит (Борзаковский Александр Корнилович; 1860–28.11.1937), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Карачевского, викария Брянской епархии. С 1924 г. епископ Брянский. В 1924–1926 гг. в ссылке в Тверской губ. С 1930 г. епископ Стародубский. Арестован в 1930 г., приговорен к 10 годам лагерей. В 1933 г. был освобожден из лагеря по болезни. С 1933 г. епископ Новоторжский, викарий Калининской епархии. С 1934 г. архиепископ Новоторжский, викарий Калининской епархии. Арестован в 1936 г., сослан в Казахстан. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Агапит (Вишневский Антон Иосифович; 1867–1924), архиепископ. В 1902 г. хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии. С 1908 г. епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии; с 1908 г. епископ Владикавказский и Моздокский; с 1911г. епископ Екатеринославский и Мариупольский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. архиепископ. Член Ставропольского церковного собора. В 1919 г. возглавил самочинный Священный Синод Украинской Православной автокефальной Церкви, запретил поминошение за богослужением св. Патриарха Тихона и митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого), был запрещен в священнослужении. Принес покаяние. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол. Вновь принес покаяние.

Агатов, прокурор Тобольского окружного суда в 1919 г.

Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич; 1854–16.10.1928), священноисповедник, митрополит. В 1889 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1893 г. епископ Тобольский и Сибирский; с 1897 г. епископ Рижский и Митавский. С 1904 г. архиепископ; с 1910 г. архиепископ Литовский и Виленский; с 1913 г. архиепископ Ярославский и Ростовский. Присутствующий в Св. Синоде. Член Предсоборного Совета и Св. Собора 1917–1918 гг. 28.11(11.12).1917 возведен в сан митрополита. С 1918 г. член Высшего Церковного Совета. 16.05.1922 после ареста св. Патриарха Тихона временно принял от него патриаршие права и обязанности. 28.06.1922 заключен в Ярославле под домашний арест, позднее переведен в тюремную камеру, затем перевезен в Московскую тюрьму. В 1923–1926 гг. в ссылке в Нарымском крае, после окончания ссылки в 1926 г. был задержан ГПУ и заключен в тюрьму г. Перми. По завещательному распоряжению св. Патриарха Тихона от 07.01.1925 назначен вторым кандидатом на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола. 18.04.1926 выпустил послание о вступлении в права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя, затем отказался от прав на Местоблюстительство. 06.02.1928 вместе с группой архиереев Ярославской епархии выпустил декларацию об отделении от митрополита Сергия (Страгородского). 10.05.1928

дал компромиссное разъяснение февральского заявления. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Агафодор (Преображенский Павел Флегонтович; 1837–1920), митрополит. В 1888 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 1891 г. епископ Сухумский. С 1893 г. епископ Ставропольский и Кавказский. С 1907 г. архиепископ. В 1919 г. возведен в сан митрополита (см. Т. I¹⁷⁸).

Агафон (Лебедев), старец-духовник московского Высоко-Петровского монастыря см. Игнатий (Лебедев), преподобномученик, схииеримандрит.

Аггеев (Аггеев) Константин Маркович (1868–28.05.1920), протоиерей, член Св. Собора 1917–1918 гг., как член Предсоборного Совета. Был профессором кафедры истории Церкви Санкт-Петербургских Высших женских курсов, Института высших коммерческих знаний. Один из учредителей Санкт-Петербургского религиозно-философского общества. С 1917 г. председатель Учебного комитета при Св. Синоде. В апреле 1917 г. избран членом совета Всероссийского демократического союза духовенства и мирян. Был избран в заместители члена Высшего Церковного Совета. После Собора служил в Петроградской епархии. Расстрелян при занятии Крыма красными (см. Т. 1).

Адлер Надежда Александровна, мать А. Ф. Керенского.

Адриан (Андрей; 1627–1700), десятый Патриарх Всероссийский с 1690 г. С 1686 г. митрополит Казанский и Свияжский. Приверженец старины и противник реформ Петра I. После смерти Патриарха Адриана выборы на Патриарший Престол не проводились до 1917 г.

Айвазов Иван Георгиевич (1872–1964), миссионер. В 1898 г. окончил Казанскую Духовную Академию, кандидат богословия. В 1898–1912 гг. тамбовский, екатерино-славский, харьковский епархиальный миссионер. Автор многочисленных трудов по сектоведению. В 1906 г. причислен к Канцелярии обер-прокурора Св. Синода с откомандированием к архиепископу Харьковскому. С 1908 г. московский епархиальный миссионер-проповедник, открыл в Москве «Народно-миссионерское

Братство поборников св. веры». В 1912–1913 гг. доцент Московской Духовной Академии, в 1913–1918 гг. доцент Петроградской Духовной Академии и петроградский епархиальный миссионер, в 1914 г. организовал в Петрограде «Матфеевское миссионерское братство». В 1912–1916 гг. сотрудник и редактор журнала «Голос Церкви». 1915–1917 гг. член миссионерского совета при Св. Синоде. С 1917 г. работал и жил в Петрограде. Был арестован в 1919 г. и три года провел в Ивановских лагерях. С 1920 г. научный сотрудник в Петрограде. 13.01.1928 арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Марийскую обл. В 1933–1937 гг. организатор, затем сотрудник Павлоградского архива. С 1937 г. на пенсии: В начале 1950 гг. опубликовал несколько статей в ЖМП. Скончался в г. Павлограде Днепропетровской обл.

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), русский публицист, редактор-издатель, поэт и критик, один из идеологов славянофильства.

Аксаков Николай Петрович (1848–1909), богослов, историк и канонист. Период самой напряженной научно-литературной деятельности Н. П. Аксакова наступил с 1905 г., когда был возбужден вопрос о необходимости преобразований в Русской Церкви, которому были посвящены следующие его работы: «Собор и выборное начало в церкви», «Соборы и Патриархи», «К церковному собору» «Патриаршество и каноны» и др. В 1906 г. член Предсоборного Присутствия.

Аксакова А. Ф. (урожденная Тютчева), жена И. С. Аксакова.

Аксаковы, братья.

Александр (Зверев Александр Александрович; 1881–16.11.1937), священномученик, протоиерей. Рукоположен во иерея в 1913 г. С 1918 г. служил в Москве в церкви Николы в Звонарях. Арестован в 1922 г. Арестован в 1933 г., сослан на 3 года в Северный край. По освобождении служил в церкви Рождества Богородицы в с. Возмищи Волоколамского района Московской обл. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Александр (Зверев Александр Данилович; 1867–27.08.1918), мученик. Миссионер Московской епархии. Член Св.

Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Московской епархии. В 1918 г. был командирован Собором в Пермь для выяснения обстоятельств гибели епископа Андроника (Никольского). На обратном пути в Москву в вагон ворвались красноармейцы и убили членов комиссии, расстреляв и изрубив шашками, а тела выбросили из поезда. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Александр (Немоловский Александр Алексеевич; 1875–1960), митрополит. В 1901 г. по окончании курса Санкт-Петербургской Духовной Академии со степенью кандидата богословия определен священником (целибат) Катасакво-Филадельфийского прихода в США. В 1909 г. хиротонисан во епископа. С 1918 г. временно управляющий Алеутской епархией. В 1921 г. эмигрировал в Константинополь. С 1936 г. архиепископ Брюссельский и Бельгийский в юрисдикции Константинопольской Патриархии. В 1945 г. воссоединился с Московской Патриархией и назначен архиепископом Берлинским и Германским; с 1948 г. архиепископ Брюссельский и Бельгийский. С 1959 г. митрополит.

Александр (Похвалинский Александр Андреевич; 1865–11.12.1937), архиепископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Павловского, викария Нижегородской епархии. С 1929 г. епископ Богородский, викарий Нижегородской епархии; с 1932 г. епископ Подольский, викарий Московской епархии. С 1934 г. архиепископ Богородский, викарий Горьковской епархии. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Александр (Раевский Александр Семенович; 1868–03.12.1937), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. В 1923 г. уклонился в обновленческий раскол, обновленческий «епископ Таврический». В 1924 г. по покаянии принят в лоно Русской Православной Церкви, епископ Керченский, временно управляющий Таврической епархией. Выслан в Москву. В 1925–1926 гг. проживал в Одессе. В 1928 г. временно управляющий Таврической (Симферопольской) епархией. С 1930 г. последовательно епископ Кустанайский; епископ Сухиничский, викарий Смоленской епархии; с 1931 г. епископ Златоустовский,

викарий Свердловской епархии; с 1932 г. епископ Каменск[Шахтинск]ий, временно управляющий Донской епархией; с 1933 г. временно управляющий Бакинской епархией; епископ Елабужский; с 1934 г. епископ Кустанайский; с 1935 г. епископ Актюбинский и Кустанайский, с 1936 г. епископ Петропавловский, викарий Омской епархии; затем епископ Могилевский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Александр (Трапицын Александр Иванович; 1862–14.01.1938), священномученик, архиепископ. В 1904 г. хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. С 1907 г. епископ Юрьевский, викарий Владимирской епархии; с 1912 г. епископ Вологодский и Тотемский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Арестован в 1923 г. По возвращении из заключения получил назначение в Симбирск. С 1928 г. епископ Симферопольский и Крымский. С 1928 г. архиепископ Самарский. Арестован в 1933 г., до 1935 г. в заключении. С 1935 г. архиепископ Пугачевский. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Александр (Хотовицкий Александр Александрович; 1872–21.11.1937), священномученик, протопресвитер. С 1895 г. псаломщик церкви свт. Николая в Нью-Йорке (Северо-Американская и Алеутская епархия). С 1917 г. ключарь храма Христа Спасителя в Москве. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1920–1921, 1922 гг., 1922–1928 гг. в тюрьмах и ссылках. В 1928 г. вернулся в Москву, возведен в сан протопресвитера. В 1930 гг. настоятель Ризоположенской церкви на Донской улице в Москве. Осенью 1937 г. вновь арестован. Расстрелян. Причислен к лику святых в 1994 г.

Александр (Щукин Александр Иванович; 1891–30.10.1937), священномученик, архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Лысковского, викария Нижегородской епархии. Арестован в 1928 г., до 1931 г. в ссылке. С 1931 г. епископ Волховский, викарий Орловской епархии; с 1932 г. епископ Орловский. С 1932 г. архиепископ. С 1936 г. архиепископ Семипалатинский. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Александр II (1818–1881), Император Всероссийский с 1855 г.

Александр III (1845–1894), Император Всероссийский с 1881 г.

Александра Феодоровна (1872–17.07.1918), страстотерпица, Императрица (1894). Урожденная Алиса Гессен-Дармштадтская. Супруга Императора Николая II. Расстреляна вместе со всей семьей в г. Екатеринбурге. Архиерейским Собором 2000 г. причислена к лику святых.

Александров Г.

Александров Павел, московский благотворитель.

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой (1877–1878) и русско-японской войн. В Первую мировую войну начальник штаба Юго-Западного фронта, командующий Северо-Западным фронтом, с 1915 г. начальник штаба Ставки, в марте-мае 1917 г. Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции возглавил Добровольческую армию.

Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь с 1645 г.

Алексий (Бельковский Петр Филиппович; 1842–11.1937), епископ. В 1904 г. хиротонисан во епископа Великоустюжского, викария Вологодской епархии. С 1909 г. епископ Великоустюжский и Усть-Вымский, викарий Вологодской епархии. В 1924 г. уволен на покой. В 1937 г. арестован, умер в тюрьме. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Алексий (Буй Семен Васильевич; 1892–03.11.1937), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Велижского, викария Полоцкой епархии. С 1924 г. епископ Бугульминский, викарий Самарской епархии; в 1925 г. временно управляющий Свердловской епархией; с 1926 г. епископ Острогожский, викарий Воронежской епархии. В 1926 г. провел 6 месяцев в тюрьме. С 1926 г. епископ Козловский, викарий Тамбовской епархии; с 1927 г. епископ Шацкий, викарий Тамбовской епархии. В 1926–1928 гг. фактически управлял Воронежской епархией, епископ Уразовский, викарий Воронежской епархии. В 1928 г. присоединился к оппозиции митрополиту Сергию

(Страгородскому), возглавляемой митрополитом Иосифом (Петровых). Арестован в 1929 г. В 1929–1930 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. Был арестован в лагере, приговорен к расстрелу, с заменой на 10 лет концлагерей. Наказание отбывал в Свирлаге, затем с 1932 г. в Соловецком лагере. Осужден в 1937 г. в лагере. Расстрелян.

Алексий (Бяконт Елевферий (Симеон) Феодорович; 1290 гг.–1378), святитель, чудотворец, митрополит Киевский и всея России с 1354 г. В 1345 г. хиротонисан во епископа Владимирского. С 1348 г. митрополит. Большой ум и обширное образование помогли ему приобрести значительное влияние не только в делах церковных, но и на дела политические. Фактически возглавлял московское правительство при малолетнем князе Димитрии Донском.

Алексий (Воронов; † 1919), епископ. В 1918 году хиротонисан на Украине во епископа Волчанского. Скончался на Украине.

Алексий (Готовцев (?) Дмитриевич; 1891–1936), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Звенигородского, викария Киевской епархии. Арестован в 1922 г., провел 6 месяцев в тюрьме, выслан в Москву. С 1923 г. епископ Серпуховский, викарий Московской епархии. Арестован в 1925 г. В 1925 г. член Совета Московских викариев. В 1926 г. временно управляющий Московской Патриаршей областью. В 1926 г. выслан в г. Серпухов. С 1927 г. временно управляющий Курской епархией. С 1927 г. епископ Рыльский, викарий Курской епархии.

Алексий (Дородницын Анемподист Яковлевич; 1859–1919), архиепископ. В 1904 г. хиротонисан во епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. Ректор Казанской Духовной Академии. С 1912 г. епископ Саратовский и Царицынский. С 1914 г. архиепископ Владимирский и Суздальский. Весной 1917 г. по постановлению съезда епархиального духовенства уволен от управления Владимирской епархией. В 1917 г. уехал на Украину, где возглавил движение украинских автокефалистов. В 1918 г. был запрещен в священнослужении. Перед смертью принес покаяние (см. Т. 1).

Алексий (Мечев Алексей Львович; 1859–1923), святой праведный, протоиерей московской церкви св. Николая в Кленниках. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Алексий (Орлов (?) Степанович; 1862–04.09.1937), священномученик, архиепископ. В 1923 г. был рукоположен в обновленческого епископа Бугульминского. В 1924 г. по покаянии принят в лоно Русской Православной Церкви и как ставленник обновленческими архиереями старого поставления был принят в сущем сане, епископ Курганский, викарий Тобольской епархии. С 1927 г. епископ Малмыжский, викарий Сарапульской епархии. С 1931 г. епископ Енотаевский, викарий Астраханской епархии; епископ Сызранский; епископ Омский. С 1933 г. архиепископ Омский. Арестован в 1935 г. Выслан в Казахстан, где был арестован в 1937 г. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Алексий (Палицын Василий Михайлович; 1881–04.08.1952), архиепископ. В 1922–1924 гг. архимандрит московского Донского монастыря. Кратковременно был арестован в 1923 г. В 1926 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии, однако в связи с арестом викариатством не управлял. Арестован вскоре после архиерейской хиротонии. С 1927 г. в Соловецком лагере особого назначения. По отбытии срока заключения в лагере выслан на 3 года в Сибирь. С 1941 г. архиепископ Волоколамский, викарий Московской епархии; временно управляющий Московской епархией. С 1942 г. архиепископ Куйбышевский и Сызранский.

Алексий (Сергеев Виктор Михайлович; 1898–1968), архиепископ. До 1935 г. насельник Высоко-Петровского монастыря. В 1935 г. хиротонисан во епископа Каширского, викария Московской епархии; в 1936 г. епископ Серпуховской, викарий Московской епархии; в 1937 г. епископ Вологодский; епископ Егорьевский, викарий Московской епархии; епископ Ивановский. С 1938 г. в расколе. В 1939 г. за раскольническую деятельность запрещен в священнослужении и предан архиерейскому суду. В 1940 г. прощен и назначен епископом Тульским. С 1941 г. архиепископ Кишиневский; в 1942 г.

архиепископ Уфимский; архиепископ Рязанский; с 1943 г. управлял Калужской и Тульской епархиями; с 1944 г. архиепископ Ярославский; с 1947 г. архиепископ Курский и Обоянский; с 1948 г. архиепископ Челябинский и Златоустовский (указу не подчинился); уволен на покой. С 1948 г. архиепископ Челябинский и Златоустовский; с 1950 г. архиепископ Калининский и Кашинский. С 1954 г. на покое. С 1957 г. архиепископ Алмаатинский и Казахстанский. С 1958 г. на покое.

Алексий I (Симанский Сергей Владимирович; 1877–1970), Патриарх Московский и всея Руси (1945–1970). Родился в Москве в дворянской семье. В 1913 г. хиротонисан во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. С 1921 г. епископ Ямбургский, викарий Петроградской епархии. В 1922–1925 гг. в ссылке. С августа 1926 г. архиепископ Хушнский, викарий Новгородской епархии. С 1932 г. митрополит Старорусский, викарий Новгородской епархии; с 1933 г. митрополит Новгородский; с октября 1933 г. митрополит Ленинградский; с 1943 г. митрополит Ленинградский и Новгородский. С 1944 г. Патриарший Местоблюститель. В 1945 г. избран Патриархом Московским и всея Руси.

Алексий II (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси с 1990 г. С 1961 г. епископ (с 1964 г. архиепископ) Таллиннский и Эстонский.

Алексий Зосимовский (Соловьев Федор Алексеевич; 1846–1928), преподобный, иеросхимонах Смоленской Зосимовой пустыни. Член Св. Собора 1917–1918 гг. 5(18).11.1917 на выборах Патриарха вытянул жребий с именем митрополита Тихона. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Алексий, иеродиакон Киево-Печерской Лавры.

Алексий, иеродиакон.

Алексий, святитель, митрополит см. Алексий (Бяконт), святитель, чудотворец, митрополит.

Алексий, Человек Божий, святой.

Алмазов Александр Иванович (1859–1920), профессор, литургист, канонист, историк Церкви. С 1887 г. профессор Новороссийского университета по кафедре канонического права. С 1887 г. доктор церковного права. В 1906–1907 гг. член

Предсоборного Присутствия. В 1910–1912 гг. проректор Новороссийского университета, в 1912–1920 гг. профессор церковного права Московского университета, с 1913 г. одновременно преподавал в Московской Духовной Академии.

Амвросий (Гудко Василий; 1867–04.08.1918), священномученик, епископ. В 1904 г. хиротонисан во епископа Кременецкого, викария Волынской епархии. С 1909 г. епископ Балтский, викарий Подольской епархии; с 1914 г. епископ Сарапульский, викарий Вятской епархии. С 1917 г. на покое. Умучен. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Амвросий (Ключарев Алексей Иосифович; 1820–1901), архиепископ. В 1878 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 1878 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии; с 1882 г. епископ Харьковский и Ахтырский. С 1886 г. архиепископ.

Амвросий (Либин Николай Ксенофонович; 1878–29.11.1937), епископ. В 1918 г. рукоположен во иерея. В 1924–1926 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. С 1928 г. наместник Александро-Невской Лавры в сане архимандрита. В 1929 г. хиротонисан во епископа Лужского, викария Ленинградской епархии. В 1935 г. арестован. В 1935–1937 гг. в ссылке. В 1937 г. арестован. Расстрелян.

Амвросий (Полянский Александр Алексеевич; 1878–20.12.1932), священномученик, епископ. В 1918 г. хиротонисан во епископа Винницкого, викария Подольской епархии. С 1922 г. епископ [Каменец-]Подольский и Брацлавский. Арестован в 1922 г., выслан. В 1925 г. арестован по «делу митрополита Петра (Полянского)». В 1926–1929 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. С 1929 г. в Тобольской тюрьме, затем сослан в Казахстан. Умер в ссылке. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Амвросий (Смирнов Алексей Степанович; 1874–05.25.1938), священномученик, архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Михайловского, викария Рязанской епархии; временно управляющий Рязанской епархией. С 1917 г. епископ Елецкий, викарий Орловской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг.

Арестован в 1918 г. С 1921 г. епископ Брянский и Севский. В 1921 г. арестован, выслан в Москву, где проживал без права выезда. С 1923 г. епископ Рязанский. С 1925 г. епископ Сергиевский, викарий Московской епархии. Арестован в 1926 г. В 1926–1928 гг. в ссылке в Коми (Зырян) АО. С 1928 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии. С 1928 г. архиепископ Вологодский. В 1931–1934 гг. репрессирован. С 1934 г. архиепископ Пугачевский, викарий Саратовской епархии. С 1934 г. архиепископ Муромский. Арестован в 1935 г. В заключении в Красноярском крае, где был вновь арестован в 1937 г. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Амвросий (Юшкевич Андрей; 1690–1745), архиепископ Новгородский, выдающийся проповедник. В 1736 г. хиротонисан в епископа Вологодского и Белозерского. С 1740 г. архиепископ Новгородский и Великолуцкий. Архиепископ Амвросий и митрополит Арсений (Мацеевич) дважды представляли императрице Елизавете Петровне предположения о восстановлении Патриаршества в Русской Церкви.

Амвросий Медиоланский (ок. 340–397), святой, один из величайших отцов и учителей Церкви, епископ Миланский.

Амвросий.

Амвросий, архимандрит, благочинный московских монастырей в 1917 г.

Амфилохий (Скворцов Александр Яковлевич; 1885–01.10.1937), священномученик, епископ. В 1923 г. арестован. В 1925 г. хиротонисан Святейшим Патриархом Тихоном во епископа Красноярского и Енисейского. В 1926 г. арестован. В 1926–1928 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. С 1928 г. епископ Донской и Новочеркасский, затем епископ Мелекесский, викарий Самарской епархии; в 1929–1930 гг. епископ Красноярский и Енисейский. В 1931 г. арестован. Содержался в тюрьме г. Минусинска. В 1937 г. в лагере был осужден. Расстрелян.

Анастасий (Грибановский), митрополит.

Анатолий (Грисюк Андрей Григорьевич; 1880–23.01.1938), священномученик, митрополит. В 1913 г. хиротонисан во

епископа Чистопольского, викария Казанской епархии, ректор Казанской Духовной Академии. С 1914 г. епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии. В 1918 г. временно управляющий Казанской епархией. В 1921 г. арестован. С 1922 г. епископ Самарский и Ставропольский. В 1924–1927 гг. в Соловецком лагере особого назначения. С 1928 г. архиепископ Херсонский и Одесский. С 1932 г. митрополит. В 1934–1935 гг. управляющий Харьковской епархией. В 1936 г. арестован. Умер в лагерной больнице. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Анатолий (Каменский Алексей Васильевич; 1863–1925), архиепископ. В 1905 г. хиротонисан во епископа Елизаветградского, викария Херсонской епархии. Депутат IV Государственной Думы. С 1914 г. епископ Томский и Алтайский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Был кратковременно арестован в 1920 г. С 1923 г. архиепископ Иркутский, с 1924 г. архиепископ Омский.

Андрей (Комаров Анатолий Андреевич; 1879–17.07.1955), архиепископ. В 1923 г. был арестован. В 1924 г. Святейшим Патриархом Тихоном хиротонисан во епископа Балашовского, викария Саратовской епархии. В 1925 г. арестован. До 1928 г. в ссылке. С 1928 г. епископ Петровский, викарий Саратовской епархии; епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. В 1930–1931 гг. в тюремном заключении. С 1933 г. епископ Астраханский. С 1934 г. архиепископ. В апреле 1939 г. был внезапно уволен на покой. С 1939 г. служил приходским священником. Арестован в 1941 г., освобожден по ходатайству митрополита Сергия (Страгородского). С 1941 г. архиепископ Куйбышевский и Сызранский, архиепископ Саратовский. С 1942 г. архиепископ Казанский. С 1944 г. архиепископ Днепропетровский и Запорожский.

Андрей (Рублев; 1360–1430), преподобный, иконописец. Причислен к лику святых в 1988 г.

Андрей (князь Ухтомский Александр Алексеевич; 1872–04.09.1937), епископ. В 1907 г. хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии. С 1911 г. епископ Сухумский (Грузинский Экзархат). С 1913 г. епископ Уфимский и

Мензелинский. В апреле 1917 г. вошел в состав нового Св. Синода. Член Предсоборного Совета и Св. Собора 1917–1918 гг. В 1918–1919 гг. окормлял духовенство армии адмирала А. В. Колчака. В 1920–1921 гг. в заключении и ссылках с короткими перерывами. В 1921 г. назначен епископом Томским, назначения не принял. С 1921 по 1937 г. в ссылках, лагерях и тюрьмах. Расстрелян.

Андриянова Евдокия.

Андроник (Никольский), епископ Пермский.

Андрюшин А., миссионер.

Анемподист (Алексеев Афанасий Алексеевич; 1867–1935), схиархимандрит. В 1915 г. наместник Виленского Свято-Духова монастыря. С 1917 г. проживал на Троицком подворье в Москве. После ареста Я. А. Полозова келейник св. Патриарха Тихона. В 1922 г. арестован. Был освобожден по ходатайству Патриарха Тихона, переехал вместе с ним в Донской монастырь, исполнял обязанности келейника Патриарха Тихона. В 1924 г. включен в состав Высшего Церковного Управления. В 1925–1929 гг. в ссылке. Затем проживал в Астрахани. Перед смертью принял великую схиму.

Анисимов Александр Ильич (1886–после 1928), миссионер-проповедник, впоследствии обновленческий митрополит.

Аничков Е. В.

Анна Сергеевна, жена протоиерея Н. В. Концевича.

Антоний († 1918), послушник Брянского Успенского Свенского монастыря.

Антоний (Быстров Николай Михайлович; 1858–16.07.1932), священномученик, архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Вельского, викария Вологодской епархии. Арестован в 1919 г., выслан в Северодвинск. С 1921 г. епископ Архангельский и Холмогорский. Арестован в 1922 г., выслан в Нарымский край. В 1925 г. вернулся в Архангельск. В 1926 г. вновь арестован. С 1932 г. архиепископ Архангельский и Холмогорский. В 1932 г. вновь арестован. Умер в тюремной больнице. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2006 г.

Антоний (Банковский Александр Васильевич; 1846–1912), митрополит. В 1887 г. хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии, ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1892 г. архиепископ Финляндский и Выборгский. С 1898 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. С 1900 г. первенствующий член Св. Синода. В 1906 г. председатель Предсоборного Присутствия.

Антоний (Марценко Александр Францевич; 1887–1952), архиепископ. С 1915 г. преподаватель Ставропольской духовной семинарии. В 1919 г. благочинный монастырей Ставропольской епархии в сане архимандрита. В 1920 г. эмигрировал в Сербию. Член Карловацкого Собора. В 1922 г. переехал в Польшу, пребывал в Польской автокефалии. С 1922 г. настоятель Свято-Духова монастыря. В 1925 г. хиротонисан во епископа Камень-Каширского, викария Волынской епархии. В 1931 г. принес присягу о лояльности Польскому государству. С 1934 г. епископ Гродненский. С 1937 г. на покое. В 1940 г. перешел в юрисдикцию Московской Патриархии. В 1941 г. вновь в юрисдикции Польской Православной Церкви. С 1941 г. архиепископ. В 1941–1944 гг. назначен архиепископом Алексеем (Громадским) архиепископом Херсонским и Одесским; в 1944 г. переехал в Чехословакию. В 1946 г. после покаяния был назначен архиепископом Орловским и Брянским; с 1946 г. архиепископ Тульский и Белевский. В 1951 г. был арестован и вскоре скончался в заключении.

Антоний (Марценко), архимандрит см. Антоний (Марценко), архиепископ.

Антоний (Панкеев Василий Александрович; 1892–01.06.1938), священномученик, епископ. В 1923 г. рукоположен в обновленческого епископа Херсонского. В 1924 г. по покаянии был принят в лоно Русской Православной Церкви. В 1924 г. Святейшим Патриархом Тихоном хиротонисан во епископа Мариупольского, викария Екатеринославской епархии. Арестован и выслан в Харьков в конце 1924 г., вновь арестован в 1926 г., до 1929 г. в заключении. После лагеря отправлен в ссылку в Сибирь. С 1933 г. епископ Белгородский. Арестован в 1935 г., отправлен в лагерь, где в 1938 г. был арестован.

Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Антоний (Романовский Василий Антонович; 1886–1962), митрополит. В 1924 г. хиротонисан во епископа Ереванского, викария Сухумской епархии; с 1927 г. в заключении. С 1929 г. епископ Донской. С 1930 г. в заключении. С 1935 г. епископ Ставропольский и Донской. В 1935–1936 гг. временно управлял Сталинградской епархией; с 1936 г. в заключении. С 1943 г. архиепископ Ставропольский и Пятигорский; с мая 1945 г. архиепископ Ставропольский и Бакинский. С 1962 г. митрополит.

Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863–1936), митрополит, первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей. В 1897 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии, с 1899 г. епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии. Ректор Казанской Духовной Академии. С 1900 г. епископ Уфимский и Мензелинский; с 1902 г. епископ Волынский и Житомирский. С 1906 г. архиепископ Волынский и Житомирский. С 1914 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Первый из трех кандидатов на Патриарший Престол. С 28.11(11.12).1917 митрополит Киевский и Галицкий. С 1920 г. в эмиграции. С 1922 г. председатель Зарубежного Архиерейского Синода.

Антоний Виленский (†1347), святой, мученик.

Антоний, Блаженнейший митрополит см. Антоний (Храповицкий), митрополит.

Антоний, иеромонах, представитель Антиохийского Патриарха на Св. Соборе 1917–1918 гг.

Антонин (Грановский Александр Андреевич; 1865–1927), епископ, обновленческий «митрополит». В 1903 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1908 г. уволен на покой. С 1913 г. епископ Владикавказский и Моздокский. В 1917 г. уволен на покой. С 1921 г. запрещен св. Патриархом Тихоном в священнослужении в связи с вводимыми им в богослужение новшествами. С 1922 г. примкнул к обновленческому расколу, обновленческий «митрополит Московский». Глава обновленческой группировки «Союз церковного возрождения».

Аполлинарий (Кошевой Андрей Васильевич; 1874–1933), архиепископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Рыльского, викария Курской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. епископ Белгородский, викарий Курской епархии. С 1919 г. в эмиграции. Член Карловацкого Собора. С 1921 г. временно управляющий Североамериканской епархией в юрисдикции Всеамериканского Архиерейского Зарубежного Синода. С 1927 г. епископ Североамериканский и Сан-Францисский. С 1929 г. архиепископ.

Апраксин Петр Николаевич (1876–1962), граф, член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Московской епархии. После недолгой военной службы был Таврическим губернатором, гофмейстером двора ее величества. К 1914 г. состоял при императрице Александре Федоровне для управления ее благотворительными комитетами и военными госпиталями. Член Ставропольского церковного собора. Эмигрировал. Член Карловацкого Собора. В 1938 г. член Второго Всеамериканского Собора Русской Православной Церкви Заграницей. В Брюсселе возглавлял историко-генеалогическое общество. Скончался в Брюсселе.

Арефьев Михаил Иванович (1864–?), присяжный поверенный. В 1903–1904 гг. присяжный поверенный Тверского окружного суда. В 1903–1906 гг. преподавал историю и географию в Тверском епархиальном женском училище и законоведение в классической гимназии и реальном училище. С 1907 г. гласный Тверской городской думы. В 1910–1915 гг. городской голова г. Твери. Депутат IV Государственной Думы от Тверской губ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Государственной Думы.

Аристарх (Николаевский Александр Федорович; 1867–1937), обновленческий архиепископ. В 1922–1923 гг. отбывал ссылку в Нарымском крае. С 1923 г. в обновленческом расколе. В 1924 г. рукоположен в обновленческого архиепископа Тамбовского. До 1933 г. последовательно занимал Пензенскую, Курганскую, Челябинскую, Оренбургскую, Уфимскую, Фрунзенскую, Курскую и другие обновленческие кафедры. К 1937 г. занимал

Сарапульскую обновленческую кафедру. В 1937 г. арестован. Расстрелян.

Аристин (Алексей), византийский канонист Православной Церкви XII в.

Аркадий (Ершов Александр Павлович; 1878–03.11.1937), священномученик, епископ. Был арестован в 1920 г., провел в заключении 4 месяца. В 1924 г. хиротонисан во епископа Кунгурского, викария Пермской епархии. В 1924 г. был арестован. В 1924–1927 гг. временно управляющий Пермской и Свердловской епархиями. Арестован в 1927 г. С 1929 г. епископ Омский, с 1930 г. епископ Чебоксарский, с 1931 г. епископ Свердловский и Ирбитский. В 1931 г. арестован, приговорен к ссылке в Казахстан. С 1935 г. епископ Свердловский. В 1935 г. вновь арестован, отправлен в лагерь, где вновь был арестован в 1937 г. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Арсений (Брянцев Александр Дмитриевич; 1839–1914), архиепископ. В 1882 г. хиротонисан во епископа Ладожского, викария Санкт-Петербургской епархии, ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1887 г. епископ Рижский и Митавский, с 1893 г. архиепископ. С 1897 г. архиепископ Казанский и Свияжский. С 1903 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский.

Арсений (Жадановский Александр Иванович; 1874–27.09.1937), епископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии. В 1923 г. уволен от управления Серпуховским викариатством. В 1926 г. выслан в Нижегородскую губернию. С 1932 г. проживал в г. Серпухове. С 1931 по 1933 г. неоднократно арестовывался и заключался в тюрьму. В 1937 г. арестован в с. Котельники Московской области, заключен в Бутырскую тюрьму. Расстрелян.

Арсений (Мацеевич Александр Иванович; 1697–28.02.1772), священномученик, митрополит. С 1741 г. митрополит Тобольский и Сибирский; с 1742 г. митрополит Ростовский и Ярославский. В 1742 вместе с митрополитом Амвросием (Юшкевичем) подал императрице Елизавете Петровне записку с проектом восстановления Патриаршества – «О благочинии церковном»;

доказывал, что Св. Синод не имеет канонической основы без Патриарха. Утверждал, что Патриаршество необходимо восстановить потому, что его упразднение есть «уничтожение нашего Российского благочестивого государства». Записка явилась первым открытым протестом в Русской Православной Церкви против синодальной системы. Выступал как ярый противник секуляризации церковных земель и существующей политики государства по отношению к Церкви. В 1763 г. лишен сана и сослан в Белозерский монастырь. В 1767 г. по доносу обвинен в том, что выражал сомнения в правах Екатерины II на престол, лишен монашеского звания и пожизненно заключен в Ревельскую крепость. Содержался в камере с дверью, заложеной кирпичом, где и умер под именем Андрея Враля, охраняемый солдатами нерусской национальности. В 1922 г. по предложению св. Патриарха Тихона восстановлен в сане. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Арсений (Смоленец Александр Иванович; 1873–19.12.1937), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Пятигорского, викария Владикавказской епархии. С 1917 г. епископ Приазовский и Таганрогский, викарий Екатеринославской епархии. С 1918 г. временно управляющий Ростовской епархией. В 1919 г. на Ставропольском церковном соборе избран членом Высшего Временного Церковного Управления Юго-востока России. С 1919 (1920?) г. епископ Ростовский и Таганрогский. В 1922–1925 гг. в лагерном заключении. С 1927 г. архиепископ Сталинградский. В 1933–1937 гг. в ссылке. Скончался в ссылке.

Арсений (Соколовский Арсений Болеславович; 1879–1937(7)), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Прикаспийского и Бакинского. В 1928–1931 гг. в ссылке. С 1931 г. служил в Оренбургском Никольском соборе. В 1937 г. арестован, приговорен к 5 годам лагерей. Скончался в заключении.

Арсений (Стадницкий), митрополит.

Арсений Великий египетский († ок. 450), преподобный.

Арсений, архимандрит, представитель Иорданского митрополита на Св. Соборе 1917–1918 гг.

Артамонов Леонид Константинович (1859–1932), генерал. После окончания в 1888 г. Академии Генштаба служил в Кавказском (с 1890 г. в Закаспийском) военном округе. Участвовал в ряде географических экспедиций. С 1882 г. член Русского географического общества. В 1900 г. служил в Квантунской области. С 1901 г. генерал-майор, участвовал в русско-японской войне, был комендантом Кронштадтской крепости. С 1914 г. командовал корпусом в армии генерала Самсонова, однако здесь его преследовали неудачи. В первую мировую войну как оставивший поле сражения был отстранен от должности. С 1917 г. в отставке. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. В 1918–1924 гг. работал в советских учреждениях в Москве. С 1927 г. на пенсии в г. Новгороде. Скончался и похоронен в Ленинграде.

Артемий (Ильинский Александр Матвеевич; 1870–30.08.1937), архиепископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Лужского, викария Петроградской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1922–1923 гг. обновленческий «митрополит Петроградский и Ладужский». В 1923 г. по покаянию принят в сущем сане. В 1923–1928 гг. жил в г. Луге на покое. С 1928 г. епископ Олонецкий. С 1930 г. епископ Тобольский. С 1937 г. архиепископ. В 1937 г. арестован. Расстрелян.

Архангельский, генерал, член Карловацкого Собора.

Архангельский, член Св. Собора 1917–1918 гг.

Астров Павел Иванович (1866–1919), член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета, кандидат прав, член Московского окружного суда. Автор ряда публикаций по социальной и религиозно-философской проблематике.

Афанасий (Малинин Александр Антонович; 1884–14.05.1939), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. В 1921 г. арестован. С 1923 г. епископ Спасский, с 1926 г. епископ Чебоксарский. С 1929 г. архиепископ Казанский и Свияжский. С 1933 г. архиепископ Ташкентский, затем Саратовский. В 1935 г. арестован и сослан. Умер в ссылке.

Афанасий (Молчановский Яков Афанасьевич; 1887–23.09.1938), епископ. В 1924 г. тайно был хиротонисан во епископа Сквирского и Бердичевского, викария Киевской епархии. В 1924 г. арестован, год содержался в тюрьме. В 1925 г. временно управляющий Киевской епархией. В 1926 г. выслан из Киева в Курск, затем в Москву. После выхода июльской Декларации 1927 г. перешел в оппозицию Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1929 г. арестован, до 1930 г. содержался в Соловецком лагере особого назначения. В 1933 г. вновь арестован. Умер в заключении.

Афанасий (Сахаров Сергей Григорьевич; 1887–1962), священноисповедник, епископ Ковровский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Вместе с профессором Б. А. Тураевым по решению Собора составил Службу Всем святым, в земле Российской просиявшим. В 1921 г. хиротонисан во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. С этого времени свыше 20 лет с небольшими перерывами в ссылках и лагерях. С июля 1947 г. в Дубравлаге. В мае 1954 г. перемещен в Zubovo-Полянский дом для инвалидов заключенных. В 1956 г. был председателем Богослужебно-календарной комиссии при Патриархе Алексии I. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Афанасий, архимандрит.

Афанасьев Л. И., участник Государственного Совещания.

Афанасьев Феодор (†1917), священник Орловской епархии.

Б. Саша, иподиакон Святейшего Патриарха Тихона.

Бажанов Василий Борисович (1800–1883), протопресвитер. Член Св. Синода, духовник особ царствующего дома, воспитатель Александра II (вместе с В. А. Жуковским). Автор книги «Об обязанностях христианина», составленной для Цесаревича, в которой говорит, между прочим, об обязанностях Государя.

Бакунин Алексей Ильич (1874–1945), врач, владелец частной хирургической лечебницы в Москве, в которой лечился и скончался Патриарх Тихон. Член II Государственной Думы. В

1926 г. ему с женой было разрешено выехать из России. Скончался в Париже.

Балашов Н., прот.

Бальзак О.

Бартенев Петр Иванович (1829–1912), историк, археограф. Основатель и редактор журнала «Русский архив» (1863).

Бейлис Менахем Мендель (1874–1934), приказчик кирпичного завода в Киеве. В 1911 арестован по обвинению в ритуальном убийстве христианского мальчика А. Ющинского. Свыше 2,5 лет содержался под следствием («дело Бейлиса»).

В 1913 г. был оправдан судом присяжных. Опасаясь расправы, Бейлис уехал в Палестину, затем в США.

Бек Александр Петрович (†1903), генерал-майор.

Бекаревич Эмилиан Игнatieвич (ок. 1859–?), протоиерей, настоятель Люблинского собора. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Холмской епархии.

Беликов см. Белков Е. Х.

Белков Евгений Христофорович (1882–1930), бывший священник, обновленческий «епископ» «Союза церковного возрождения». В 1906–1907 гг. редактировал вместе с отцом журнал «Звонарь». В 1917 г. издавал журнал «Соборный разум». 13.05.1922 подписал первый программный документ московских, петроградских и саратовских обновленцев группы «Живая Церковь» под названием «Верующим сынам Православной Церкви России». В мае 1922 г. входил в группу обновленцев, ведущих переговоры со св. Патриархом Тихоном. В 1922 г. назначен управляющим делами обновленческого ВЦУ. Запрещен в служении священномучеником Вениамином, митрополитом Петроградским. В 1923 г. хиротонисан «митрополитом» Антонином (Грановским) во «епископа». Призывал к радикальным церковным реформам. С 1925 г. не служил.

Белков, профессор.

Белловина Анна Г. (правильно Беллавина Анна Гавриловна, 1832–1904), мать св. Патриарха Тихона.

Белобородов Александр Георгиевич (1891–1938), председатель исполкома Уральского областного совета в 1918

г.; один из непосредственных организаторов расстрела Императора Николая II и его семьи. В 1923–1927 гг. нарком внутренних дел РСФСР. Репрессирован и расстрелян.

Беловидов Б., протоиерей, член Карловацкого Собора.

Белявский Ф.

Беневоленский Н., протоиерей.

Бенедикт XV (Джакомо, маркиз делла Кьеза, 1854–1922), папа Римский в 1914–1922 гг.

Бенешевич Владимир Николаевич (1874–27.01.1938), доктор церковного права, профессор, византист, археограф и историк канонического права, член-корреспондент АН СССР, а также ряда зарубежных академий наук. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. После 1922 г. неоднократно арестовывался. В 1925–1928 и 1933–1937 гг. главный библиотекарь Государственной публичной библиотеки (Ленинград). Расстрелян.

Бербель, член Высшего монархического совета, член Карловацкого Собора.

Бердников Илья Степанович (1839–1915), историк церкви, профессор кафедры церковного права Казанского университета, профессор кафедры богословия Казанской Духовной Академии.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), религиозный философ. В 1922 г. выслан из Советской России. С 1925 г. жил во Франции, в 1925–1940 гг. издавал религиозно-философский журнал «Путь».

Бестужев, граф.

Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772), фаворит Императрицы Анны Иоанновны, обер-камергер ее двора, с 1730 г. граф, герцог Курлянский (в 1737–1740 и 1762–1769 гг.). Пользуясь влиянием на Императрицу, фактически сосредоточил в своих руках все государственные дела. Проводимая им политика привела к засилию иностранцев, разграблению богатств страны, жестокому преследованию недовольных.

Бич-Лубенский Иван Михайлович (ок. 1867–?), председатель съезда мировых судей, почетный мировой судья, член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Харьковской епархии.

Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927), граф, Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Государственной Думы. С 1897 г. председатель Богородицкой уездной земской управы, Богородицкий уездный предводитель дворянства. Почетный мировой судья и губернский земский гласный. Во время войны участвовал в боевых действиях. Член II, III и IV Государственных Дум. После Октябрьской революции – член Совета объединения России. В 1919 г. эмигрировал. Член Карловацкого Собора. Скончался в Париже.

Бобрович, генерал. Член Карловацкого Собора.

Боголепов Кирилл.

Богородицкий Н., священник Симеоновской церкви г. Тобольска.

Богословский В. П., протоиерей. Член комиссии по организации церковных торжеств в Москве в 1917 г. при открытии Св. Собора 1917–1918 гг.

Богословский, диакон.

Бонецкая Н. К.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955), советский партийный и государственный деятель (см. Т. 1)

Борис (Вик Борис Иванович, 1906–1965), митрополит. В 1944 г. хиротонисан во епископа Нежинского, викария Черниговской епархии. С 1945 г. епископ Черниговский и Нежинский, с 1947 г. Саратовский и Вольский. С 1949 г. епископ Берлинский и Германский. С 1951 г. архиепископ, и. о. Экзарха в Западной Европе. С 1954 г. Экзарх Северной и Южной Америки, с 1956 г. архиепископ Алеутский и Северо-Американский. С 1959 г. митрополит.

Борис (Рукин Борис Андреевич; 1879–1931), епископ, григорианский «митрополит». В 1923 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. В 1925 г. один из организаторов григорианского раскола, назначен григорианцами «митрополитом Московским». Арестован в 1931 г. и заключен в Бутырскую тюрьму. По заявлению ОГПУ покончил с собой в тюрьме.

Борис (Соколов Петр Алексеевич; 1865–21.02.1928), архиепископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Юрьевского,

викария Владимирской епархии. С 1921 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии. В 1922 г. арестован. С 1923 г. епископ Рязанский и Зарайский. В 1924 г. вновь арестован. В 1924–1925 гг. проживал в Москве без права выезда. В 1925 г. возвратился в Рязань, но вновь был арестован, в тюрьме тяжело заболел, был выслан в Ярославскую губернию на 3 года. Скончался в ссылке.

Борис (Шипулин Владимир Павлович; 1874–1937), архиепископ. В 1912 г. хиротонисан во епископа Винницкого, викария Подольской епархии. С 1914 г. епископ Балтский, викарий Подольской епархии. С 1915 г. епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии; член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. епископ Киренский, викарий Иркутской епархии. С 1921 г. епископ Уфимский. В конце 1922 г. в тюремном заключении. В 1924 г. по прошению уволен на покой. С 1924 г. епископ Уфимский. В 1927 г. назначен на Тульскую кафедру с возведением в сан архиепископа, но вскоре был арестован, в 1927–1934 гг. в лагерном заключении и ссылке. С 1936 г. архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский. Расстрелян.

Борисов, священник.

Бриллиантов Александр Васильевич (1867–01.06.1933), профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1900 г. состоял делопроизводителем Комиссии Св. Синода по старокатолическому и англиканскому вопросам. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. С 1919 г. член-корреспондент Российской Академии наук (с 1924 г. АН СССР). В 1920–1923 гг. профессор Петроградского богословского института. В 1920–1930 гг. библиотекарь Государственной публичной библиотеки. До конца дней являлся хранителем архива и библиотеки Академии, предотвратив полное уничтожение этого архива. В 1933 г. арестован. Умер во время этапа на пути в Свирлаг.

Брихничев Иона Пантелеимонович (1879–1968), публицист. Окончил Тифлисскую духовную семинарию, где учился в одном классе с И. Джугашвили (И. Сталином). В 1903–1906 гг. приходской священник. В 1906 г. за участие в революционном движении был приговорен к 1 году заключения в тюрьме, в 1907

г. после освобождения лишен священного сана. Занимался литературным трудом. В 1917 г. вступил в РКП(б). Один из организаторов Союза воинствующих безбожников, секретарь его Центрального совета.

Буассье Г.

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), профессор-протоиерей, общественный и политический деятель, депутат II Государственной Думы, член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1918 г. рукоположен в сан священника. В 1922 г. был выслан из России. Преподавал в Праге и Париже, профессор и декан Свято-Сергиевского богословского института.

Буткевич Тимофей Иванович (1854–1925), профессор-протоиерей, доктор богословия, духовный писатель, член Государственного совета с 1906 г. от белого духовенства, член Предсоборного Присутствия. С 1893 г. протоиерей кафедрального собора г. Харькова. В 1894–1906 гг. профессор богословия Харьковского университета. После революции вернулся в г. Харьков, стал настоятелем Свято-Николаевской церкви. В начале 1920 гг. был под арестом.

Бутурлины.

Валериан (Рудич Василий Несторович; 1889–27.02.1937), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Проскуровского, викария Подольской епархии. В 1923 г. арестован. Выслан из Украины. С 1923 г. епископ Смоленский. В 1924 г. арестован. До 1928 г. в ссылке. С 1928 г. епископ Шадринский, временно управляющий Свердловской епархией; с 1930 г. епископ Ржевский, викарий Смоленской епархии; с 1931 г. епископ Кирилловский, викарий Вологодской епархии. В 1934 г. арестован. Заключение отбывал в Коми-Пермяцком крае, в Ухтинском лагере. Арестован в 1937 г. в лагере. Расстрелян.

Вальсамон (Феодор), известный греческий канонист Православной Церкви XII в.

Варвара Александровна.

Варжанский Николай Юрьевич см. Николай (Варжанский Николай Юрьевич), мученик.

Варлаам (Лазаренко Григорий Яковлевич; 1879–1930), епископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Лебединского,

викария Полтавской епархии. С 1921 г. епископ Богучарский; с 1925 г. епископ Майкопский, викарий Кубанской епархии. Арестовывался в 1925 г. и 1926 г., затем проживал на нелегальном положении в горах Черноморья. В 1929 г. после начала массовых арестов бежал в Среднюю Азию. Арестован в 1929 г. Расстрелян.

Варлаам (Ряшенцев Виктор Степанович; 1878–20.02.1942), архиепископ. В 1913 г. хиротонисан во епископа Гомельского, викария Могилевской епархии. В 1919 г. арестован. С 1919 г. епископ Мстиславский, викарий Могилевской епархии. В 1922 г. временно управляющий Могилевской епархией. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1923 г. принес покаяние и был принят в лоно Русской Православной Церкви. С 1923 г. епископ Псковский и Порховский, временно управляющий Гомельской епархией. Арестован в 1924 г. До 1926 г. содержался в Ярославской тюрьме. С 1927 г. архиепископ Пермский, временно управляющий Любимским викариатством Ярославской епархии. Арестован в 1929 г., до 1931 г. в лагере в Северном крае, где вновь был арестован и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. С 1934 по 1941 г. в ссылке, где был арестован. Умер в Вологодской тюрьме.

Варнава (Меркулов Василий Ильич, 1831–1906), преподобный, старец, духовник Гефсиманского скита Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Причислен к лику святых в 1995 г.

Варнава (Росич Петр; 1880–1937), Патриарх Сербский (1930–1937). Выдающийся церковный и общественный деятель Югославии. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию. В 1910 г. хиротонисан во епископа Дебарско-Вележской епархии. В 1930 г. избран Патриархом Сербским. Покровитель и защитник русских эмигрантов. При его участии и под его председательством в 1935 г. было выработано «Положение о Русской Православной Церкви Заграницей», подписанное им и русскими иерархами, явившееся основой для дальнейшего управления Русской Православной Церковью Заграницей. Умер при невыясненных обстоятельствах.

Варсонофий (Лебедев Василий Павлович; 1873–15.09.1918), священномученик, епископ. 08.01.1917 хиротонисан

во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Варсонофий (Лузин Александр Владимирович; 1884–15.09.1937), епископ. В 1922–1925 гг. в ссылке в Туруханском крае. В 1926 г. хиротонисан во епископа Спасского, викария Казанской епархии. В 1927–1929 г. в ссылке в Нарымском крае. С 1929 г. епископ Иркутский; с 1930 г. епископ Владивостокский. В 1931 г. арестован, приговорен к 10 годам пребывания в лагере. В лагере в 1937 г. вновь был осужден. Расстрелян.

Варфоломей (Ремов Николай Федорович; 1888–10.07.1935), архиепископ. С 1916 г. экстраординарный профессор Московской Духовной Академии. В 1920 г. подвергнулся аресту. В 1921 г. хиротонисан во епископа Сергиевского, викария Московской епархии. В 1923–1929 гг. настоятель Московского Высокопетровского монастыря. В 1928 г. арестован. С 1932 г. архиепископ. В 1935 г. вновь арестован. Расстрелян.

Василий (Беляев; † после 1931), епископ. В 1925 г. хиротонисан во епископа Спас-Клепиковского, викария Рязанской епархии. Арестован в 1925 г. В 1925–1927 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. Проживал в ссылке в пос. Хэ вместе с Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополитом Крутицким Петром (Полянским). С 1927 г. епископ Елецкий, викарий Орловской епархии. С 1931 г. епископ Бутурлиновский, викарий Воронежской епархии.

Василий (Бирюков), епископ Ярославского викариатства с 1919 г.

Василий (Богдашевский Дмитрий Иванович; 1861–1933), архиепископ, доктор богословия, профессор. В 1914–1920 гг. ректор Киевской Духовной Академии. В 1914 г. хиротонисан во епископа Каневского, викария Киевской епархии. В 1923 г. арестован, до 1925 г. в ссылке. С 1925 г. архиепископ. Умер от голода в Киеве.

Василий (Богоявленский Василий Дмитриевич; 1867–27.08.1918), священномученик, архиепископ. В 1909 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской

епархии. С 1911 г. епископ Новоград-Северский, викарий Черниговской епархии; с 1911 г. епископ Черниговский и Нежинский. С 1916 г. архиепископ. В 1917 г. первый епископ, арестованный Временным правительством. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Погиб вместе с членами комиссии Собора по расследованию обстоятельств гибели архиепископа Андроника (Никольского). Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Василий (Докторов (Дохтуров?) Владимир Иванович; 1872–1938), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Горно-Алтайского, викария Новосибирской епархии. С 1925 г. епископ Пинежский, викарий Архангельской епархии; затем епископ Яранский, викарий Вятской епархии; с 1926 г. епископ Вытегорский, викарий Олонецкой епархии; с 1927 г. епископ Каргопольский, викарий Олонецкой епархии. После выхода июльской Декларации 1927 г., перешел в оппозицию митрополиту Сергию (Страгородскому), возглавляемую митрополитом Иосифом (Петровых). Уволен с Каргопольской кафедры и направлен в Пинегу, но назначения не принял. Арестован в 1928 г. Продолжал управлять частью приходов Каргополя. Арестован в 1930 г. До 1935 г. в заключении в Соловецком лагере особого назначения, затем в ссылке. В 1935 г. арестован, отправлен в лагерь, где был вновь осужден. Расстрелян.

Василий (Зеленцов Василий Иванович; 1870–07.02.1930), священномученик, епископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Рязанской епархии. В 1925 г. хиротонисан во епископа Прилукского, викария Полтавской епархии. С осени 1925 г. по лето 1926 г. служил в Троицкой церкви Полтавы. Арестован в 1926 г. В 1926–1929 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. В 1927 г. выразил свое несогласие с июльской Декларацией 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского). После лагеря был отправлен в ссылку, где в 1929 г. был арестован и этапирован в Москву. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Василий (Зуммер Вячеслав Иосифович; 1885–06.01.1924), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Суздальского, викария Владимирской епархии. Был арестован в 1922 (1923?) г. и сослан в Среднюю Азию. Скончался в ссылке.

Василий Великий (ок. 330–379), святитель, архиепископ Кесарийский (Каппадокийский). Один из трех Вселенских учителей Церкви.

Васильев А., священник.

Васильев Алексей Алексеевич (1889–?), преподаватель Тобольской гимназии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Тобольской епархии.

Васильев Афанасий Васильевич (1851–1929), писатель и публицист. С 1874 г. служит в Министерстве просвещения. С 1878 г. младший ревизор Государственного контроля. В 1893 г. генерал-контролер, возглавлял Департамент железнодорожной отчетности. В 1896–1904 гг. возглавлял Департамент военной и морской отчетности. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Петроградской епархии. Эмигрировал. Член Карловацкого Собора. В эмиграции учредил общество Соборного славянства. Скончался в Белграде.

Васильев, генерал, член Карловацкого Собора.

Васильчиковы.

Вассиан (Веретенников Иван Федорович; 1877–31.10.1937), единоверческий епископ. В 1926 г. хиротонисан во единоверческого епископа Саткинского (Соликамского?). В 1936 г. управлял всеми единоверческими приходами на территории СССР с титулом епископа Саткинского и Керженского. В 1936 г. арестован. Расстрелян.

Вассиан (Пятницкий Владимир Васильевич; 1879–27.12.1940), священномученик, архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Егорьевского, викария Московской епархии. Уклонился в обновленческий раскол, принес покаяние. С 1923 г. на покое. С 1925 г. в григорианском расколе; принес покаяние. С 1927 г. епископ Козловский. С 1930 г. архиепископ Тамбовский и Шацкий. В 1936 г. арестован, до 1940 г. находился в ссылке в Северном крае. Скончался в ссылке в Северном

крае. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2000 г.

Введенский Александр Иванович (1889–1946), протоиерей, обновленческий «митрополит». В 1915 г. рукоположен во иерея. Настоятель церкви свв. Захарии и Елизаветы в Петрограде. Один из инициаторов, руководителей и идеологов обновленческого раскола. Участник всех обновленческих лжесоборов. В 1923 г. «рукоположен» обновленцами в сан «епископа Крутицкого, викария Московской епархии». Постоянный член обновленческого Священного Синода. С 1924 г. «митрополит-благовестник». В 1930 гг. «настоятель» храма Христа Спасителя в Москве. В 1932 г. назначен ректором обновленческой Московской богословской Академии. С 1936 г. «настоятель» Пименовской церкви в Москве. С 1940 г. «заместитель первоиерарха», с 1941 г. «первоиерарх Православной Церкви в СССР». «Воспринял сан Патриарха», повелев посадить себя на антиминс. Вскоре сам отменил свое «патриаршество», оставив за собой лишь титул «Святейший и Блаженнейший Первоиерарх Московский и Православных Церквей в СССР». Скончался вне общения с Православной Церковью.

Введенский Дмитрий Иванович (1873–1954), профессор Московской Духовной Академии по кафедре Библейской истории в связи с историей древнего мира. Доктор богословия с 1914 г. Дважды кратковременно арестовывался в 1919 и 1928 годах. Выслан в Нижний Новгород. В 1928–1931 гг. консультант на Постоянной Нижегородской ярмарке. С 1933 г. научный сотрудник Горьковского краевого института промышленности. К концу жизни ослеп.

Введенский Михаил Алексеевич (1890–?), священник. В 1917–1930 гг. священник церкви свт. Николая в Новой слободе в Москве. Арестован в 1930 г. Сослан в Северный край. Дальнейшая судьба неизвестна.

Ведерников А В.

Венедикт (Алентов Виталий Александрович; 1888–12.1937), архиепископ. В 1919–1921 г. иеромонах московского Свято-Данилова монастыря. В 1921 г. арестован, по суду был

оправдан. В 1921 г. хиротонисан во епископа Вяземского, викария Смоленской епархии. В 1927 г. арестован, приговорен к 10 годам концлагерей, освобожден в 1934 г. С 1934 г. епископ Арзамасский, викарий Горьковской епархии; с 1935 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии. С 1936 г. архиепископ Тамбовский и Мичуринский. В 1937 г. арестован. Расстрелян.

Венедикт (Василий Пападопулос; 1892–1980), Патриарх Иерусалимский (Патриарх святого града Иерусалима и всея Палестины) в 1959–1980 гг.

Венедикт (Плотников Виктор Васильевич; 1872–16.08.1937), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии. В 1922 г. арестован по «делу митрополита Вениамина (Казанского)», приговорен к расстрелу, но затем приговор был изменен на 10 лет заключения. В 1923 г. освобожден по амнистии. В 1924–1929 гг. временно управляющий Олонецкой и Петрозаводской епархией. В 1924–1925 гг. временно управляющий Ленинградской епархией. В 1925 г. арестован, выслан на 3 года в Сибирь. В 1931–1933 гг. временно управляющий Вологодской епархией, именовался епископом Кронштадтским. С 1933 г. архиепископ Вологодский. С 1936 г. архиепископ Казанский и Свияжский. В 1937 г. арестован. Расстрелян.

Венедикт, монах Киево-Печерской Лавры.

Вениамин (Воскресенский Василий Константинович; 1871–05.10.1932), священномученик, епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Романовского (Тутаевского), викария Ярославской епархии. Арестован в 1922 г., приговорен к 7 годам лишения свободы, в 1926 г. был освобожден, вернулся на кафедру. В 1927 г. арестован. В 1927–1929 гг. в ссылке в Казахстане. В 1931 г. арестован в ссылке и приговорен к 10 годам заключения в лагере. Скончался в тюрьме, находясь под следствием. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Вениамин (Глебов (?) Алексеевич; 1884–после 04.03.1938), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Рославльского, викария Смоленской епархии. Арестован в 1927 г., выслан из

Смоленской епархии; с 1930 г. проживал на Валдае, вел замкнутый образ жизни. В 1938 г. арестован. Расстрелян.

Вениамин (Казанский Василий Павлович; 1873–13.08.1922), священномученик, митрополит. В 1910 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. 25.05.1917 избран митрополитом Петроградским и Ладужским с оставлением в сане архиепископа. С 13.08.1917 митрополит. В 1922 г. арестован и осужден по «делу петроградского духовенства». Расстрелян. Причислен к лику святых в 1992 г.

Вениамин (Муратовский Василий Антонович; 1855–1930), «митрополит». В 1897 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1898 г. епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 1901 г. епископ Калужский и Боровский. С 1910 г. епископ Симбирский и Сызранский. С 1915 г. архиепископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по должности. В 1920 г. был арестован и приговорен к расстрелу, но помилован. С 1920 г. архиепископ Рязанский и Зарайский. В 1922 г. совратился в обновленческий раскол. В 1923 г. дважды каялся перед Святейшим Патриархом Тихоном и дважды вновь переходил в обновленчество. С 1923 г. обновленческий митрополит Ярославский. С 1924 г. обновленческий митрополит Ленинградский. С 1925 г. обновленческий митрополит Северо-Западной области. С 1927 г. обновленческий митрополит Московский и Коломенский. С 1928 г. председатель обновленческого Священного Синода. Скончался в Москве вне общения с Православной Церковью.

Вениамин (Федченков Иван Афанасьевич; 1880–1961), митрополит. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Тверской епархии (в сане архимандрита). В 1919 г. хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. В 1919–1920 гг. епископ армии и флота войск Юга России. В 1920 г. эмигрировал. Член Карловацкого Собора. В 1927 г. воссоединился с Московской Патриархией. С 1933 г. управляющий епархией Московского Патриархата в США. В 1947 г. возвратился в СССР. С 28 ноября 1955 г. митрополит Саратовский и Балашовский. Скончался на покое в Псково-Печерском монастыре (см. Т. 1).

Вениамин (Фролов (?) Федорович; 1864–1930), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Байкинского, викария Уфимской епархии. Арестован в 1929 г. Умер в заключении.

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945), естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель, основоположник геохимии, академик, профессор Московского университета (1898–1911).

Вертинский Александр Николаевич (1889–1957), артист эстрады, исполнитель собственных песен. Выступал с 1915 г., с 1919 г. – за рубежом, с 1943 г. – в СССР.

Верховский П. В.

Верховский Сергей Константинович (ок. 1870–?), священник Покровской Димитриевской единоверческой церкви в Петрограде. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от единоверцев, избран в заместители члена Высшего Церковного Совета.

Верховцева Вера Тимофеевна (1862–1940), хозяйка дома в Сергиевом Посаде, где жил преподобный иеромонах Алексей (Соловьев).

Верховцева Натали Александровна.

Ветелев А., проф.-прот.

Виктор (Богоявленский Всеволод Семенович; 1854–1928), архиепископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Барнаульского. С 1921 г. епископ Томский. Арестован в 1922 г., приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, который был заменен на 10 лет лагерей. Был освобожден в 1924 г. по амнистии. С 1924 г. управляющий Нижне-Удинской епархией. С 1925 г. архиепископ Омский.

Виктор (Островидов Константин Александрович; 1875–02.05.1934), священномученик, епископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Уржумского, викария Вятской епархии. В 1920 г. находился в заключении. С 1920 г. епископ Слободский, викарий Вятской епархии. В 1921 г. временно управляющий Томской епархией. С 1921 г. епископ Глазовский, викарий Вятской епархии; с 1922 г. епископ Орловский, викарий Вятской епархии и временно управляющий Глазовским викариатством Вятской епархии. Арестован в 1922 г., до 1926 г. находился в ссылке в

Нарымском крае. В 1926 г. был арестован в поезде, когда возвращался из ссылки, отправлен в ссылку в Ижевскую губ. (ныне Удмуртия), г. Глазов. С 1926 г. епископ Ижевский и Воткинский, временно управляющий Вятской епархией. В 1927 г. назначен епископом Шадринским, временно управляющим Свердловской епархией; к месту назначения не мог выехать без разрешения властей. В 1927 г. после выхода Декларации Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) перешел в оппозицию к нему, 23.12.1927 митрополитом Сергием (Страгородским) запрещен в священнослужении «за раздорническую деятельность». Арестован в 1928 г., до 1930 г. находился в Соловецком лагере особого назначения. После освобождения вернулся в Вятку, где был арестован в 1931 г. и вновь отправлен в ссылку в Северный край. Умер в ссылке. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Винберг Владимир Карлович (1836–1922), земский деятель. Депутат IV Государственной Думы от Таврической губ. Председатель Ялтинской уездной управы. После революции возвратился в Ялту, где и скончался.

Виноградов Василий Васильевич (1876–1932), протоиерей. Рукоположен во иерея в 1902 г., служил в ведомстве военного и морского духовенства, настоятель церкви генерального штаба Добровольческой армии, личный духовник генерала П. В. Врангеля (1919–1928), эмигрировал вместе с белой армией. Член Карловацкого Собора. Профессор богословского факультета Белградского университета, настоятель русской церкви в Сремских Карловцах, переехал вместе с генералом Врангелем в Брюссель, где основал приход, настоятель Воскресенской церкви в Брюсселе.

Виноградов Иван Александрович († 1914), управляющий Дурасовским имением.

Виноградов Петр Алексеевич (1858–1910), архитектор.

Виноградов Яков Васильевич, псаломщик с. Никольского Ярославской епархии.

Виссарион († 1974), архиепископ Фаворский (позднее митрополит Фаворский).

Виссарион (Нечаев Василий Петрович; 1822–1905), епископ, доктор богословия. В 1889 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. С 1891 г. епископ Костромской и Галицкий. Один из основателей и редакторов духовного журнала «Душеполезное чтение».

Виссарион (ок. 1891–?), архимандрит Макариево-Унженского монастыря. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Костромской епархии.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915), граф (с 1915), русский государственный деятель. С 1892 г. министр путей сообщения, с 1892 г. министр финансов. С 1903 г. председатель Комитета министров. В 1905–1906 гг. председатель реформированного Совета министров. Под руководством Витте составлен высочайший манифест 17 октября 1905 г. о даровании основных гражданских свобод.

Владимир († 1015), святой равноапостольный, князь Новгородский с 969 г., великий князь Киевский с 980 г. В 988–989 гг. ввел в качестве государственной религии на Руси христианство.

Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий.

Владимир (Путята Всеволод Владимирович; 1869–ок. 1941), архиепископ, впоследствии григорианский «митрополит». В 1907 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1911 г. епископ Омский и Акмолинский. С 1913 г. епископ Витебский и Полоцкий. С 1914 г. епископ Донской и Новочеркасский. С 1915 г. епископ Пензенский и Саранский. С 1917 г. архиепископ. По решению Судной комиссии Св. Собора 1917–1918 гг. Путята за недостойное поведение был лишен архиерейского сана и до покаяния должен был пребывать во Флорищевой пустыни. Указу не подчинился, провозгласил себя лидером «Народной церкви» взамен «отжившей царской», положив начало «пензенскому расколу», за что той же Судной комиссией был лишен архиерейского сана с возвращением в первобытное состояние монаха Владимира. Долголетние и многократные попытки пересмотреть это решение ни к чему не привели. В 1922 г.

перешел в обновленческий раскол. В 1923 г. обновленческим Президиумом ВЦС восстановлен в правах «епископа» и назначен «архиепископом Саратовским», затем «Пензенским». В 1928 г. принес покаяние митрополиту Сергию (Страгородскому), принят как монах. В 1934 г. перешел в григорианский раскол, григорианский «митрополит Томский и всея Сибири». Согласно определению Московской Патриархии 1934 г. монах Владимир (Путята) до покаяния объявлялся «отпавшим от Св. Церкви и лишенным христианского погребения». После 1934 г. в заключении. Скончался в отчуждении от Церкви.

Владимир (Соколовский-Автономов Василий Григорьевич; 1852–1931), архиепископ. В 1887 г. хиротонисан во епископа Алеутского и Аляскинского. С 1891 г. епископ Острогжский, викарий Воронежской епархии; с 1896 г. епископ Оренбургский и Уральский; с 1903 г. епископ Екатеринбургский и Ирбитский. В 1910 г. уволен на покой, назначен настоятелем Спасо-Андроникова монастыря в Москве. В 1921 г. назначен архиепископом Екатеринославским, назначения не принял. С 1926 г. в григорианском расколе, после недолгого там пребывания покаялся и восстановил общение с Церковью. Последние годы пребывал в полузатворе, аскет. Скончался в Москве.

Владимир (Терентьев Василий Терентьевич; 1871–?), игумен. С 1901 г. подвизался в Зосимовой пустыни. Пострижен в монашество в 1907 г. Иеромонах с 1912 г., после закрытия пустыни перешел в Боголюбскую киновию при Троице-Сергиевой Лавре. С 1923 г. игумен. Духовник преподобного Алексия (Соловьева). Арестован в 1931 г. Выслан в Казахстан. Дальнейшая судьба неизвестна.

Владимир (Тихоницкий Вячеслав Михайлович; 1873–1959), митрополит. В 1907 г. хиротонисан во епископа Белостокского, викария Гродненской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. временно управляющий Гродненской епархией. В 1923 г. отстранен польскими властями от управления Гродненской епархией и выслан во Францию. С 1923 г. викарий митрополита Евлогия (Георгиевского). В 1930 г. назначен временным

управляющим русскими церквями в Западной Европе, назначения не принял. С 1946 г. Экзарх Западной Европы в юрисдикции Константинопольской Патриархии.

Владимир, игумен, духовник преподобного Алексия (Соловьева) см. Владимир (Терентьев), игумен.

Вовк Петр Иванович, портной.

Волжин Александр Николаевич (1860–1933), обер-прокурор Св. Синода (30.09.1915–07.08.1916) (см. Т. 1).

Волков Н., протоиерей Ярославской епархии.

Волков С. А.

Володарский В. (Гольдштейн Моисей Маркович; 1891–1918), Участник Октябрьской революции, комиссар по делам печати. Член Президиума ВЦИК. Убит эсерами.

Воробьев В., проф.–прот.

Воробьева А. Г.

Воронцов Евгений Александрович (1867–1925), протоиерей, профессор Московской Духовной Академии с 1910 г. по кафедре еврейского языка и библейской археологии. В 1909 г. рукоположен во иерея. С 1917 г. протоиерей. С 1921 г. настоятель Введенской церкви в Сергиевом Посаде.

Востоков Владимир Игнатьевич, протопресвитер.

Восторгов И. И., протоиерей см. Иоанн (Восторгов), священномученик, протоиерей.

Врангель Петр Николаевич (1878–1928), барон, генерал-лейтенант. В 1918–1919 гг. в Добровольческой армии. С 1919 г. командующий Добровольческой армией. С 1920 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. При нем создано «Правительство Юга России». С 1920 г. Главнокомандующий Русской армией. В 1920 г. вместе с армией эвакуировался из Крыма. В 1924–1928 гг. организатор и председатель Русского общевоинского союза (РОВС). Жил в Брюсселе, где и скончался. Похоронен в Белграде.

Гавриил (Абалымов Николай Николаевич; 1881–31.07.1958), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Осташковского, викария Тверской епархии. В 1923 г. арестован, до 1926 г. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. В 1927 г. арестован. До 1930 г. находился в скиту Хвалынского

монастыря. С 1930 г. жил в Москве, где был арестован, отправлен в ссылку. В 1940–1950 годы проживал в Ташкенте, Сызрани. С 1954 г. проживал на покое в монастырях Одесской обл.

Гавриил (Красновский Всеволод Витальевич; 1885–18.08.1941), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Клинского, викария Московской епархии. Арестован в 1924 г., до 1925 г. в заключении. В 1925–1927 гг. член Совета Преосвященных московских викариев, временно управляющий Московской епархией. Арестован в 1926 г., выслан под г. Феодосию. В 1927 г. был возвращен в Москву, где был арестован; до 1935 г. в ссылке. В 1935–1941 гг. проживал в Крыму. Служил тайно. Арестован в 1941 г. Расстрелян.

Гавриил (Петров), митрополит см. Гавриил (Шапошников-Петров), митрополит Гавриил (Чепур Григорий Маркелович; (1874–1934), епископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Измаильского, викария Кишиневской епархии; в 1911 г. переименован во епископа Акерманского, викария той же епархии. В 1918 г. выслан румынскими властями из Бессарабии. С 1918 г. епископ Челябинский и Троицкий. В 1920 г. эмигрировал в Югославию. Член Карловацкого Собора. Законоучитель в Харьковском девичьем институте в г. Новый Бечей и в Русско-сербской женской гимназии в г. Великая Кикинда. В конце жизни проживал на покое в одном из монастырей в Сербии.

Гавриил (Шапошников-Петров Петр Петрович; 1703–1801), митрополит, духовный писатель. В 1763 г. хиротонисан во епископа Тверского и Кашинского. С 1770 г. архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский; с 1775 г. именовался «Санкт-Петербургский и Новгородский». С 1783 г. митрополит. С 1799 г. митрополит Новгородский и Олонецкий. В 1800 г. за отказ от принятия католического мальтийского креста уволен на покой.

Гавриил, архангел.

Галаховы.

Галкин Михаил см. Горев Мих.

Гашуд Изабелла

Гаспарри Пьетро, кардинал, государственный секретарь Ватикана. В 1919 г. направил В. И. Ленину телеграмму с требованием прекратить преследования Патриарха Тихона.

Гейне Генрих (1797–1856), немецкий поэт и публицист.

Геннадий, архиепископ Солунский, представитель Афинского Патриарха на Св. Соборе 1917–1918 гг.

Георгиевский В. Т., делопроизводитель Св. Собора 1917–1918 гг.

Георгий (Делиев Спиридон Георгиевич; 1878–1937), архиепископ. В 1921 хиротонисан во епископа Богуславского и Липовецкого, викария Киевской епархии. С 1926 г. епископ Таращанский. С 1930 г. архиепископ Днепропетровский. Арестован в 1936 г. Расстрелян.

Герасим († 1918), иеромонах Брянского Успенского Свенского монастыря.

Гервасий (†1918), игумен Успенского Свенского монастыря.

Гервасий (Малинин) см. Малинин Григорий Васильевич

Герман (Гомзн), схиигумен.

Герман (Кокель Григорий Афанасьевич; 1883–02.11.1937), священномученик, епископ. До 1924 г. приходской священник. В 1917 г. был арестован, приговорен к расстрелу, но приговор был отменен благодаря просьбе селян, утверждавших о его невиновности. В 1924 г. хиротонисан Святейшим Патриархом Тихоном во епископа Ибрессинского, викария Симбирской епархии. Арестован в 1926 г., приговорен к расстрелу, приговор заменен ссылкой. С 1926 г. епископ Бугульминский, викарий Самарской епархии; с 1927 г. епископ Бугурусланский; с 1928 г. епископ Кузнецкий, викарий Томской епархии; с 1929 г. епископ Томский и Алтайский; в 1929–1930 гг. временно управляющий Омской и Павлодарской епархиями; с 1931г. епископ Никольско-Уссурийский; с 1932 г. временно управляющий Хабаровской, Приморской и Владивостокской епархиями. Арестован в 1933 г., до 1937 г. находился в лагере, где был осужден. Расстрелян. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г.

Герман (Косолапое Николай Васильевич; 1882–27.09(19.10?).1919), епископ. В 1918 г. хиротонисан во епископа

Вольского, викария Саратовской епархии. В 1918 г. осужден Саратовским ревтрибуналом, приговорен к 1,5 годам тюремного заключения. Освобожден по амнистии. В мае 1919 г. арестован. Расстрелян.

Герман (Ряшенцев Николай Степанович; 1884–15.09.1937), священномученик, епископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. Был арестован в 1921 г., 1922 г., 1923 г., до 1925 г. находился в ссылке в Тобольском округе. В 1925 г. возвратился из ссылки в Москву, проживал в Свято-Даниловом монастыре. Вновь арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра (Полянского)». До 1928 г. в ссылке в г. Ходжейли, Каракалпакия. С 1928 г. епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии. Арестован в 1928 г., до 1933 г. находился в заключении в Кемском лагере. С 1933 г. служил в храмах Арзамаса с местным духовенством. В 1934 г. арестован, выслан в Северный край. До 1937 г. находился в Коми (Зырян) АО на положении ссыльного. В 1937 г. вновь арестован. Расстрелян. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г.

Герман V, Константинопольский Патриарх в 1913–1918 гг.

Герман, Патриарх Вселенский см. Герман V, Константинопольский Патриарх

Гермоген (Долганев Георгий Ефремович; 1858–29.06.1918), священномученик, епископ Тобольский. В 1901 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. С 1903 г. епископ Саратовский и Царицынский. С 1912 г. на покое в Жировицком Успенском монастыре, затем в Николо-Угрешском монастыре. С 1917 г. епископ Тобольский и Сибирский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. 24.04.1918 арестован в г. Тобольске. Утоплен большевиками в р. Суре. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Гермоген (Ермолай) (1530–1612), священномученик, Патриарх Московский и всея России. С 1579 г. священник в г. Казани. Когда обрели Казанскую икону Божией Матери, он был первым из священников, взявшим икону в руки, позднее написал ей акафист. В 1587 г. принял монашество. В 1589 г.

хиротонисан во епископа Казанского, позднее возведен в сан митрополита Казанского и Астраханского. В 1606 г. избран Патриархом Московским и всея России. Предал анафеме восставших под руководством И. Болотникова (1606–1607), в 1608 г. выступил против Лжедмитрия II («Тушинского вора»), после захвата поляками Москвы запретил москвичам присягать польскому королю Сигизмунду III. В 1610–1611 гг. рассылал по русским городам грамоты с призывом к восстанию против интервентов. Схвачен поляками, заточен в Чудов монастырь и уморен голодом. Причислен к лику святых в 1913 г.

Гермоген (Максимов Григорий Иванович; 1862–1945), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской епархии. В 1918 г. арестован. С 1919 г. епископ Екатеринославский. В 1920 г. эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия). С 1920 г. архиепископ. Недолгое время был управляющим русскими приходами в Греции. В сентябре 1922 г. член Карловацкого церковного собора, избран членом новообразованного Всеаграничного Зарубежного Архиерейского Синода. С 1942 г. принял предложение возглавить Хорватскую Автономную Православную Церковь без канонического согласия Сербской Православной Церкви. На архиерейском суде этот поступок был осужден как нарушающий права Сербской Церкви. По одной версии расстрелян в Югославии партизанами, по другой – умер в тюрьме, куда был заключен властями новой Югославии.

Глаголев Александр Александрович (1870–10.11.1937), протоиерей. Известный киевский священник. Эксперт на процессе Бейлиса, своим заключением способствовал его оправданию. Профессор Киевской Духовной Академии по второй кафедре Священного Писания Ветхого Завета. В 1903 г. рукоположен во иерея. Арестован в 1930 г., вскоре освобожден. Арестован в 1937 г. Умер на допросе от чрезмерного «использования мер физического воздействия».

Глаголев Михаил Федорович (ок. 1879–?), делопроизводитель страхового отдела Духовного ведомства, законоучитель Коммерческого училища и городских школ в

Петрограде. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Петроградской епархии.

Глаголев Сергей Сергеевич (1865–02.10.1937), профессор Московской Духовной Академии по кафедре Основного богословия. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. В начале 1920 годов работал в Институте народного образования, куда привлекали для работы многих профессоров Московской Академии. Арестован в 1928 г. и сослан в Пензу, а затем в Саранск, в 1929 г. освобожден, поселился в Вологде. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Глеб (Покровский Виталий Никитич; 1881–03.11.1937), архиепископ. В 1923 г. Святейшим Патриархом Тихоном хиротонисан во епископа Михайловского, временно управляющего Рязанской епархией. В 1925 г. арестован. До 1928 г. находился в Соловецком лагере особого назначения. До 1932 г. в ссылке. С 1932 г. епископ Соликамский, викарий Пермской епархии. С 1934 г. архиепископ Пермский. С 1935 г. временно управляющий Свердловской епархией. Арестован в 1935 г., отправлен в Мариинский лагерь, где в 1937 г. был осужден. Расстрелян.

Глебов Степан Богданович, капитан. Замучен Петром I в 1718 г. за измену.

Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937), историк, богослов, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1920 г. в эмиграции. С 1923 г. профессор Богословского университета в Софии. В 1925 г. избран членом-корреспондентом Болгарской Академии Наук. Скончался в Софии.

Глухота Семен Александрович (ок. 1863–?), Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Полтавской епархии.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель.

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913), граф, поэт.

Голиков Иван Иванович (1735–1801), русский историк, автор трудов о деятельности Петра I.

Голосов, протоиерей.

Голубев Мстислав Павлович († 27.06.1918), гимназист. В 1918 г. находился в Екатеринбургской тюрьме. Расстрелян.

Голубев Стефан Тимофеевич (1849–1920), профессор Киевской Духовной Академии по кафедре истории и обличения русского раскола и истории и обличения русского сектантства, доктор церковной истории. Экстраординарный профессор Императорского Киевского университета св. Владимира, член-корреспондент Российской Академии Наук по отделению русского языка и словесности с 1908 г. Отец архиепископа Ермогена (Голубева).

Голубинский Евгений Евстигнеевич (1834–1912), доктор церковной истории, профессор Московской Духовной Академии, член Российской Академии Наук.

Голубцов С. А., протодиакон.

Галунов Михаил Фокиешп, протоиерей.

Горев Мих. (см. Т. 1).

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович; 1868–1936), русский советский писатель.

Государь см. Николай II Александрович, святой страстотерпец, Император Всероссийский.

Граббе Павел Михайлович (ок. 1876–после 1945), граф, полковник Кубанского казачьего войска. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Владикавказской епархии. Член Ставропольского церковного собора. С 1919 г. в эмиграции. Член Карловацкого Собора. Проживал в своем имении в Польше. В 1944 г. был арестован при занятии советскими войсками Галиции, заключен в лагерь, где и погиб после 1945 г.

Граббе, наказной атаман войска Донского.

Градусов Владимир Валерианович см. Димитрий (Градусов Владимир Валерианович), архиепископ

Графтон Чарлз Чепмен, епископ, глава Фондюлакской англиканской епископальной епархии.

Грекулов Е. Ф.

Григорий (Козлов Владимир Сергеевич; 1883–29.11.1937), архиепископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Ветлужского, викария Костромской епархии. С 1926 г. епископ Печерский,

викарий Нижегородской епархии. Арестован в 1926 г., до 1932 г. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. С 1932 г. проживал в Уфе. С 1936 г. архиепископ Уфимский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Григорий (Козырев Сергей Алексеевич; 1882–02.09.1937), епископ. В 1923 г. Святейшим Патриархом Тихоном хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. С 1924 г. епископ Суздальский. Арестован в 1924 г., до 1926 г. находился в заключении в Соловецком лагере особого назначения. С 1926 г. епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. С 1929 г. епископ Новоторжский, викарий Тверской епархии, с конца 1929 г. епископ Бежецкий, викарий Калининской епархии. В 1936 г. арестован, выслан в Барнаул. С 1937 г. епископ Барнаульский и Бийский. В 1937 г. арестован. Расстрелян.

Григорий (Лебедев Александр Алексеевич; 1878–17.09.1937), священномученик, епископ. В 1923 г. Святейшим Патриархом Тихоном хиротонисан во епископа Шлиссельбургского и Лодейнопольского, викария Петроградской епархии. Арестован в 1924 г. В 1925–1928 гг. временно управляющий Ленинградской епархией. В 1927 г. арестован. С 1928 г. епископ Шлиссельбургский, викарий Ленинградской епархии. После выхода июльской Декларации 1927 г. перешел в оппозицию Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). Служил тайно. В 1937 г. арестован. Расстрелян. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2005 г.

Григорий (Чуков Николай Кириллович; 1870–1955), митрополит. До 1918 г. служил в Олонецкой епархии. С 1918 г. служил в Петрограде. В 1920–1922 гг. ректор Петроградского богословского института. В 1922 г. был осужден по «делу митрополита Вениамина». Досрочно освобожден в 1923 г. В 1924–1928 гг. возглавлял районные богословские курсы. В 1935 г. выслан из Ленинграда, до 1941 г. проживал и служил в Саратове. В 1942 г. принял монашество и хиротонисан во епископа Саратовского, возведен в сан архиепископа. В 1942–1943 гг. временно управлял Астраханской епархией. В 1944–

1945 г. архиепископ Псковский. С 1945 г. митрополит Ленинградский и Новгородский. Член Св. Синода.

Григорий (Яцковский Гавриил Иулианович; 1866–1932), архиепископ, григорианский «митрополит». В 1908 г. хиротонисан во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии, с 1912 г. епископ Бакинский, викарий Грузинской епархии. С 1917 г. епископ Екатеринбургский и Ирбитский. С 1922 г. архиепископ. В 1922–1925 гг. в заключении. В мае 1924 г. включен в состав членов Св. Синода. В декабре 1925 г. один из организаторов григорианского раскола, именовал себя «Блаженнейшим митрополитом». Скончался без покаяния.

Григорий IV (Аль-Хаддад, † 1928), Патриарх Антиохийский (1906–1928).

Григорий VII (Зервудакис или Папаставрианос; 1850–1924), Патриарх Константинопольский. В декабре 1924 г. избран на Патриарший Престол после отречения Патриарха Мелетия IV. При нем была признана автокефалия Польской Православной Церкви и в 1924 г. Константинопольской Церковью был официально принят григорианский календарь.

Григорий Богослов (329–389), святитель, архиепископ Константинопольский, один из трех вселенских учителей Церкви.

Григорий, архимандрит, фигурировавший в деле Иоанна Восторгова.

Григорий, епископ г. Назианса, отец Григория Богослова.

Григорий, митрополит Ленинградский см. Григорий (Чуков), митрополит

Григорьев Феодор Феодорович (1878–21.12.1937), священник Троицкой церкви села Старое Еремкино Ставропольского уезда Самарской губ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Самарской епархии. Деятельность после Собора неизвестна. В 1937 арестован в Куйбышеве и расстрелян.

Громогласов Илья Михайлович см. Илия (Громогласов Илья Михайлович), священномученик

Губонин Михаил Ефимович (1907–1971), Составитель данного сборника, историк Церкви (см. Т. 1).

Гуревич Э. С. см. Гурович Я. С.

Гурий (Буртасовский Сергей Васильевич; 1845–1907), епископ. В 1885 г. хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского. С 1892 г. епископ Самарский и Ставропольский. С 1904 г. епископ Симбирский и Сызранский.

Гурий (Степанов Алексей Иванович; 1880–1937/38), архиепископ. С 1906 г. доцент Казанской Духовной Академии, с 1912 г. архимандрит. С 1916 г. доктор церковной истории. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от монашествующих. С 1920 г. настоятель Московского Покровского монастыря. В 1920 г. хиротонисан во епископа Алатырского, викария Симбирской епархии, вскоре был арестован, находился в заключении до 1922 г. В 1923 г. временно управляющий Петроградской епархией. С 1924 г. архиепископ Иркутский. В 1925–1930 гг. в заключении. С 1930 г. архиепископ Суздальский, викарий Владимирской епархии. В 1932 г. вновь арестован и до конца жизни находился в заключении. Расстрелян в лагере под Новосибирском.

Гурович Яков Самуилович (1869–1936), присяжный поверенный. Защитник на процессе по «делу митрополита Вениамина (Казанского)». Вскоре после процесса эмигрировал во Францию.

Гурьев Петр Викторович (1863–после 1925), управляющий делами Св. Синода. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. С 1918 г. управляющий делами Св. Синода и Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне. В 1922 г. был арестован и привлечен к суду вместе с Патриархом Тихоном. Сослан в Бухару (см. Т. 1).

Дамаскин (Орловский), игумен.

Дамаскин (Цедрик Димитрий Димитриевич; 1878–15.09.1937), священномученик, епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Глуховского, викария Черниговской епархии, временно управляющий Черниговской епархией. С 1924 г. почти непрерывно в ссылках и лагерях. В 1937 г. арестован в Карагандинском лагере. 10.09.1937 приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Дамиан (Воскресенский Дмитрий Григорьевич; 1873–03.11.1937), священномученик, архиепископ. В 1918 г. хиротонисан во епископа Переяславского, викария Владимирской епархии. Арестован в 1920 г., приговор: заключение в тюрьму на все время гражданской войны. В 1921 г. освобожден. В 1922 г. вновь арестован. До 1925 г. в ссылке в пос. Теджен, Туркмения. С 1925 г. временно управляющий Владимирской епархией. В 1925 г. перешел в григорианский раскол. В 1926 г. по покаянии принят в лоно Русской Православной Церкви. С 1927 г. епископ Полтавский и Переяславский; с 1928 г. архиепископ Курский и Обоянский. Был арестован в 1930 г. и в 1932 г.; с 1932 г. в Соловецком лагере особого назначения, где был арестован и осужден. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Дамиан (Касатос; 1848–1931), служил в России, был настоятелем Иерусалимского Александро-Невского монастыря в Таганроге, управлял имением Святогробского монастыря на Кавказе. Патриарх Иерусалимский и всея Палестины (1897–1908; 1909–1931).

Дамиан, иеродиакон, келейник епископа Гермогена (Долганева).

Дандре В.

Даниил (Троицкий Дмитрий Алексеевич; 1887–17.03.1934), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Елецкого, викария Орловской епархии. С 1921 г. епископ Волховский, викарий Орловской епархии. В 1921 г. арестован. С 1922 г. временно управляющий Орловской епархией. В 1922 г. арестован, выслан в г. Хиву; в 1926 г. выслан в г. Кинешму. С 1928 г. епископ Рославльский, викарий Смоленской епархии; затем епископ Орловский; с 1931 г. епископ Брянский. С 1934 г. архиепископ.

Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант, военный и политический деятель, главнокомандующий Добровольческой армией и вооруженными силами Юга России (1918–1920). С 1920 г. в эмиграции.

Дернов Александр Александрович (1857–1923), протопресвитер придворного духовенства, настоятель

Петропавловского придворного собора. Известный благотворитель и духовный писатель. Был арестован по «делу митрополита Вениамина (Казанского)» (см. Т. 1).

Дернов Павел Александрович († 1918), протоиерей г. Елабуги Вятской епархии.

Десятовский Владимир Карлович см. Саблер (Десятовский) Владимир Карлович, российский государственный деятель, юрист.

Димитрий (Абашидзе), архиепископ.

Димитрий (Вербицкий Максим Андреевич; 1869–1932), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии. С 1921 г. епископ Белоцерковский, викарий Киевской епархии. В 1923 г. арестован, в ссылке в Зырянском крае (Коми). С 1924 г. епископ Уманский; с 1925 г. архиепископ; с апреля 1930 г. архиепископ Киевский.

Димитрий (Вологодский Дмитрий Матвеевич; 1865–23.10.1937), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Минусинского, викария Енисейской епархии. Арестован в 1933 г., до 1935 г. в заключении в Минусинском трудпоселке. С 1936 г. архиепископ. В 1937 г. арестован. Мученически скончался в Минусинском лагере.

Димитрий (Градусов Владимир Валерианович, 1881–1956), архиепископ. В 1909–1919 гг. служил по ведомству Министерства юстиции в Ярославле и Вологде. С 1912 г. церковный староста, проповедник. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Вологодской епархии. С 1919 г. диакон, затем священник Московского Успенского собора. В 1919–1942 гг. священствовал в Ярославле. В 1938 г. овдовел. В 1943 г. пострижен в монашество с именем Димитрий, хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 1943 г. епископ Ульяновский, член Поместного Собора 1943 г., временно управлял Рязанской епархией. С 1944 г. епископ Рязанский и Касимовский. С 1945 г. архиепископ. С 1947 г. архиепископ Ярославский и Ростовский. С 1954 г. на покое. В 1956 г. принял схиму с именем Лазарь. Скончался в Ярославле.

Димитрий (Добросердов Иван Иванович; 1864–21.10.1937), священномученик, архиепископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 1918 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии, с 1919 г. епископ Можайский, викарий Московской епархии. К 1921 г. епископ Ставропольский; с июня 1923 г. епископ Бакинский; с 1923 г. епископ Козловский. С 1925 г. архиепископ Донской; с 1927 г. архиепископ Пятигорский; с 1929 г. архиепископ Костромской. В 1930 г. архиепископ Сталинградский и Астраханский, затем до 1932 г. на покое. С 1932 г. архиепископ Пятигорский. С 1933 г. архиепископ Калужский; с 1934 г. архиепископ Можайский, викарий Московской епархии. В 1937 г. арестован. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Димитрий (Ковальницкий Михаил Георгиевич; 1839–1913), архиепископ, духовный писатель. В 1898 г. хиротонисан во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. С 1902 г. епископ Тамбовский и Шацкий. С 1903 г. архиепископ Казанский и Свияжский; с 1905 г. архиепископ Херсонский и Одесский. В 1906 г. член Предсоборного Присутствия.

Димитрий (Муретов Климент Иванович; 1806–1883), архиепископ. В 1851 г. хиротонисан во епископа Тульского и Белевского. С 1857 г. епископ Херсонский и Таврический; с 1859 г. именовался «Херсонский и Одесский». С 1860 г. архиепископ. С 1874 г. архиепископ Ростовский и Ярославский; с 1876 г. архиепископ Волынский и Житомирский; с 1882 г. архиепископ Херсонский и Одесский.

Димитрий (Павлович; 1846–1930), Патриарх Сербский. Профессор Белградской богословской школы. В 1884 г. избран епископом Нишским. С 1898 г. государственный советник. В 1905 г. избран митрополитом Королевства Сербия. В 1920 г. выбран Патриархом Сербским. По его приглашению Высшее Церковное Управление Русской Православной Церкви Заграницей переехало из Константинополя в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия).

Димитрий (Поспелов Алексей Константинович; 1861–08.12.1952), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа

Темниковского, викария Тамбовской епархии. Арестован в 1926 г. С 1934 г. епископ Яранский, викарий Вятской епархии; с 1936 г. епископ Скопинский. С 1936 г. на покое, проживал в г. Яранске Кировской обл.

Димитрий Иоаннович Донской (1350–1389), великий князь Московский с 1362 г. В 1368 и 1370 гг. войска Димитрия Донского отразили нападение на Москву литовского князя Ольдгерда. Возглавил борьбу Руси против господства Золотой Орды, разгромил монголо-татарское войско в 1378 г. на р. Вожа. В 1380 г. выступил во главе объединенного русского войска навстречу полчищу татарского темника Мамаю и в битве на Куликовом поле (в верховьях Дона) полностью разгромил его (прозван потомками Донским). Причислен к лику святых в 1988 г.

Димитрий Павлович (1891–1942), Великий князь, участник убийства Г. Распутина в 1916 г.

Димитрий Ростовский (Туптало Даниил Саввич; 1651–1709), святитель, известный церковный деятель, писатель, оратор. Митрополит Ростовский и Ярославский с 1702 г. Автор и составитель сборников житий святых (наиболее известный в четырех книгах – Четьих-Миней), проповедей, драм, стихов. Канонизирован Русской Православной Церковью в 1757 г.

Димитрий, Патриарх Сербский см. Димитрий (Павлович), Патриарх Сербский

Дионисий (Прозоровский Дмитрий Дмитриевич; 1871–25.10.1937), архиепископ. В 1912 г. хиротонисан во епископа Петровского, викария Саратовской епархии. С 1916 г. епископ Кустанайский, викарий Оренбургской епархии. С 1919 г. епископ Челябинский и Троицкий. Арестован в 1924 г., до 1925 г. в ссылке в Ташкенте. С 1926 г. архиепископ Оренбургский и Троицкий; с 1928 г. архиепископ Феодосийский, временно управляющий Таврической епархией; с 1930 г. архиепископ Иркутский, с 1933 г. архиепископ Минусинский, 1934 г. архиепископ Ачинский и Минусинский, затем архиепископ Уфимский. С 1936 г. архиепископ Ростовский-на-Дону. Арестован в 1936 г. Осужден в 1937 г. в заключении. Расстрелян.

Добронравов Василий Гаврилович (1861–1919), член Св. Собора 1917–1918 г. по избранию как мирянин от Владимирской епархии. С 1888 г. преподаватель Владимирской духовной семинарии, член-сотрудник археологического института. После революции заведующий Владимирской ученой комиссией и директор ее музея.

Добронравов Н. П., протоиерей см. Николай (Добронравов), архиепископ

Досифей (Протопопов Димитрий Алексеевич; 1866–1942), архиепископ. В 1909 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. С 1917 г. епископ Саратовский и Царицынский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1922–1930 гг. под арестом; до 1930 г. возведен в сан архиепископа; с 1930 г. на покое.

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель.

Дубнов Семен Маркович (1850–1941), еврейский историк.

Дудите П. А.

Духонин Николай Николаевич (1878–1917), генерал-лейтенант. Участник I мировой войны. С 10.09.1917 начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 03.11.1917 исполнял обязанности Верховного главнокомандующего. Решением Совета народных комиссаров 9.11.1917 отстранен от должности за отказ вступить в мирные переговоры с австро-германским командованием. После занятия Ставки (Могилев) убит большевиками.

Дятелович А. А.

Евгений (Бережков Иоанн; 1864–1922), епископ. В 1905 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. С 1909 г. епископ Приамурский и Благовещенский; с 1914 г. епископ Костромской и Галичский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Арестован в 1918 г.

Евгений (Зернов Семен Алексеевич; 1877–20.09.1937), священномученик, митрополит. В 1913 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1914 г. епископ Приамурский и Благовещенский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1923 г. арестован в Благовещенске. С 1923 г.

архиепископ, член Св. Синода при Патриархе Тихоне. В 1924–1929 гг. в заключении и ссылках. Участвовал в составлении «Соловецкого послания». С 1931 г. архиепископ Котельнический, викарий Вятской епархии. С 1934 г. митрополит Горьковский. В 1935 г. арестован. Расстрелян в Карагандинском лагере. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Евдоким (Мещерский Василий Иванович; 1869–1935), архиепископ, обновленческий «митрополит». В 1904 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии, ректор Московской Духовной Академии. С 1909 г. епископ Каширский, викарий Тульской епархии. В 1914–1917 гг. архиепископ Алеутский и Северо-Американский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. архиепископ Нижегородский. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол, один из идеологов обновленчества. В 1922–1924 гг. обновленческий митрополит Одесский. С 1922 г. член обновленческого Высшего церковного управления. С 1923 г. председатель обновленческого Священного Синода. В 1934 г. уволен на покой с оставлением членом обновленческого Синода.

Евдокимов, диакон г. Тобольска.

Евлогий (Георгиевский Василий Семенович; 1868–1946), митрополит. В 1903 г. хиротонисан во епископа Люблинского, викария Холмской епархии. Депутат II и III Государственных Дум. С 1914 г. архиепископ Волынский и Житомирский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1920 г. в эмиграции. В 1921 г. управляющий русскими приходами в Западной Европе. С 1922 г. митрополит. После выхода в 1930 г. интервью митрополита Сергия (Страгородского) находился в оппозиции к нему. В 1931 г. перешел в юрисдикцию Константинопольской Патриархии, назначен Экзархом Западной Европы, положил начало церковно-юридическому подчинению ряда православных приходов за пределами России Константинопольскому Патриарху (евлогианство). В 1945 г. воссоединился с Московской Патриархией.

Евлогий (Смирнов), архиепископ Владимирский и Суздальский.

Евмений, иеромонах Троицкого Патриаршего подворья в Москве, один из последних духовников Святейшего Патриарха Тихона.

Евсевий (Гроздов Евстафий; 1866–1929), архиепископ. В 1906 г. хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. С 1912 г. епископ Псковский и Порховский. С 1918 г. архиепископ. С 1924 г. временно управляющий автономной Нарвской русской епархией в Эстонии.

Евсевий (Никольский Евгений Иванович; 1861–1922), митрополит. В 1897 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1906 г. архиепископ Приморский и Владивостокский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Постоянный член Св. Синода при Патриархе Тихоне. С 1920 г. митрополит Крутицкий.

Евсевий (Рождественский Евгений Петрович; 1886–05.11.1937), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Яранского, викария Вятской епархии. С 1921 г. епископ Уржумский, викарий Вятской епархии, затем епископ Ейский, викарий Кубанской епархии. Арестован в 1923 г., выслан в Иркутскую губ. С 1926 г. епископ Нижне-Удинский, временно управляющий Иркутской епархией, с 1927 г. епископ Читинский и Забайкальский. С 1930 г. архиепископ Шадринский, временно управляющий Свердловской епархией. Арестован в 1930 г., до 1937 г. находился в Сиблаге, где вновь был осужден. Расстрелян.

Евстафий Виленский (†1347), святой мученик.

Евфимий (Елиев Евстафий Платонович; 1847–1918), епископ. В 1903 г. хиротонисан во епископа Алавердинского, викария Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии. С. 1905 г. епископ Горийский Мцхето-Карталинской (Грузинской) епархии. С 1906 г. епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии. С 1909 г. на покое, управляющий Московским Заиконоспасским монастырем, с 1914 г. управляющий Московским Новоспасским монастырем.

Евфимий (Офейн; † 1971), бывший епископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Питтсбургского, викария Алеутской

епархии. С 1918 г. епископ Бруклинский, викарий Алеутской епархии. Будучи епископом женился, за что в 1933 г. был лишен сана грамотой Антиохийского Патриарха, а также указом Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Сергия (Страгородского). В годы церковных нестроений в США являлся главой «Независимой Американской Православной Церкви».

Евфросин, иеродиакон Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры.

Егоров Александр Ильич (1883–1939), маршал Советского Союза. В Гражданскую войну командовал армией.

Егоров Владимир, протоиерей Тифлисского военного собора.

Егоров Иван Федорович († 1920), протоиерей Введенской церкви в Петербурге. Основал движение «Религия в сочетании с жизнью».

Екатерина II Алексеевна (1729–1798), российская императрица с 1782 г.

Елевферий (Богоявленский Дмитрий Яковлевич; 1870–31.12.1940), митрополит. В 1911 г. хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. С 1917 г. временно управляющий Литовской епархией. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С июня 1921 г. архиепископ Литовский и Виленский. В 1922 г. объявил акт провозглашения польским правительством польской автокефалии незаконным. Три месяца провел в заключении в католическом монастыре. В 1923 г. переселен польским правительством в г. Ковно. С 1930 г. временно управляющий западноевропейскими приходами Русской Православной Церкви, подчинявшимся митрополиту Сергию (Страгородскому), в 1931 г. утвержден в этой должности.

Елизавета Александровна см. Руднева Елизавета Александровна Елизавета Петровна (1709–1762), российская императрица с 1741 г.

Елизавета Феодоровна (1864–18.07.1918), преподобномученица, Великая княгиня. Старшая сестра царственной страстотерпицы Александры Феодоровны. В 1884 г. вступила в брак с Великим князем Сергеем Александровичем (убитым террористом в 1905 г.). С 1909 г. настоятельница

Марфо-Мариинской обители в Москве. Была арестована в Москве в 1918 г. 18 июля 1918 г. вместе с другими алапаевскими мучениками была сброшена живой в шахту Нижняя Селикамская под г. Алапаевском Пермской епархии. После вступления в г. Алапаевск белой армии тело Великой княгини и других мучеников были извлечены из шахты. В 1920 г. их останки были перевезены в Пекин. Затем по желанию английской принцессы Виктории гробы с нетленными мощами преподобномучениц Елизаветы и Варвары были отправлены в Иерусалим. Причислены к лику святых в 1992 г.

Елизавета, святая, праведная

Ермоген, Патриарх см. Гермоген (Ермолай), священномученик, Патриарх

Ершов, офицер

Ефрем (Ефремов Михаил Иванович; 1889–14.11.1941), епископ. Был арестован в 1926 г., до 1929 г. в ссылке в Коми (Зырян) АО. В 1932 г. хиротонисан во епископа Яранского, викария Вятской епархии. В 1934 г. арестован. В 1936 г. епископ Саранский. В начале 1937 г. арестован. В 1937 г. временно управляющий Рязанской епархией, епископ Курский. Арестован в 1937 г., репрессирован. Скончался в заключении.

Ефрем (Кузнецов Епифаний Андреевич; 1876–04.09.1918), священномученик, епископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Забайкальской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. 30.05.1918 арестован. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Ефрем Сирин, один из великих учителей Церкви.

Ефремова О. Н.

Жилкин Иван Васильевич.

Забавин Борис Иванович (1871–начало 1930), протоиерей. Рукоположен во иерея в 1908 г., священник храма во имя иконы Божией Матери Неопалимая Купина в Зубове, с 1910 г. его настоятель. Арестован в 1918 г. В 1922 г. арестован, проходил по «первому процессу над церковниками» в Москве. Отбывал срок в Соловецком лагере особого назначения. В 1923–1927 гг. служил в том же храме. В 1927 г. арестован, выслан. Поселился в Твери, служил в Троицком храме. Скончался в Твери.

Забавин Б. И., протоиерей Ярославской епархии.

Заварин К., священник Ярославской епархии.

Завитневич Владимир Зенонович (1853–1927), доктор церковной истории, профессор Казанской Духовной Академии по кафедре русской гражданской истории.

Зайцев Б.

Заозерский Николай Александрович (1851–1919), профессор церковного права Московской Духовной Академии.

Зарин Сергей Михайлович (1875–1935), профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, один из идеологов обновленческого движения, профессор Московской обновленческой богословской академии, член Президиума, секретарь и заведующий юридическим отделом обновленческого Священного Синода.

Затворник А.

Захария (Лобов Захар Петрович; 1865–21.09.1937), священномученик, архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Нижне-Чирского, викария Донской епархии. С 1923 г. епископ Аксайский, викарий Донской епархии. Арестован в 1923 г., до 1926 г. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. До 1928 г. на поселении. С 1928 г. епископ Новоторжский, викарий Тверской епархии. С 1929 г. архиепископ Воронежский. Арестован в 1935 г., отправлен на Соловки. В 1937 г. выслан в Казахстан, где был осужден. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Захария (Минаев, в монашестве Зосима; 1850–1936), старец, схиархимандрит, последний духовник Троице-Сергиевой Лавры перед ее закрытием.

Захария, отец Иоанна Крестителя, архиерей.

Зверев Александр Александрович, протоиерей см. Александр (Зверев), священномученик, протоиерей

Зверев Александр Данилович см. Александр (Зверев Александр Данилович), мученик

Зеньковский В. В.

Зиновий (Дроздов Николай Петрович; 1875–1942), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Измаильского, викария Кишиневской епархии. С 1913 г. епископ Козловский,

викарий Тамбовской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. епископ Тамбовский и Шацкий. Арестован в 1922 г., выслан в Москву, затем в Нижегородскую губ. Арестован в 1927 г. в Арзамасе. До 1940 г. проживал во Владимирской обл. Арестован в 1940 г. Умер в лагере.

Зиновьев Ф., диакон Ярославской епархии.

Зосима, иеромонах Высоко-Петровского монастыря.

Зосима Александровский († XVII в.) преподобный, основатель Смоленской Зосимовой пустыни.

Зритель

Зубелевич Л. А., товарищ прокурора Киевской судебной палаты.

И. Ф., свящ.

Иаков (Пятницкий Иван Алексеевич; 1844–после 03.1922), митрополит. В 1891 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 1892 г. епископ Уманский, викарий Киевской епархии; с 1893 г. епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии; с 1898 г. епископ Кишиневский и Хотинский. С 1904 г. архиепископ Ярославский и Ростовский. В 1906 г. член Предсоборного Присутствия. С 1907 г. архиепископ Симбирский и Сызранский; с 1910 г. архиепископ Казанский и Свияжский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 28.11(11.12).1917 митрополит. С 1920 г. митрополит Томский. С 1921 г. на покое. В 1922 г. в заключении. Скончался в Томске после тяжелой операции.

Иаков, апостол.

Иаков, архимандрит, представитель Кипрского митрополита на Св. Соборе 1917–1918 гг.

Иаков, иеродиакон Киево-Печерской Лавры.

Иван IV Грозный (1530–1584), Великий князь Московский и всея Руси с 1533 г., первый русский царь с 1547, из династии Рюриковичей.

Иван, келейник митрополита Владимира (Богоявленского).

Иванов А., доцент МДА, проф.

Ивановский Петр Никандрович (1881–31.08.1937), протоиерей. В 1913–1923 гг. настоятель церкви св. Андрея Критского при Экспедиции заготовления Госбумаг в Петрограде.

Арестован в 1923 г., до 1926 г. отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения. С 1927 г. служил в Князь-Владимирском соборе Ленинграда. В 1929 г. арестован и сослан. В 1937 г. арестован. Расстрелян.

Ивансен Николай Александрович (Николай, блаженный).

Ивацевич, начальник милиции Тюменского уезда.

Игнатий (Лебедев Александр Александрович, в монашестве Агафон; 1884–11.09.1938), преподобномученик, схиархимандрит. В 1908 г. по окончании ветеринарного института становится послушником Смоленской Зосимовой пустыни. В 1915 г. пострижен в мантию с именем Агафон. В 1915–1918 гг. исполняет обязанности письмоводителя при игумене Германе (Гомзине). В 1918 г. рукоположен во иеродиакона епископом Феодором (Поздеевским). В 1920 г. в храме Троицкого Патриаршего подворья рукоположен во иеромонаха Святейшим Патриархом Тихоном. В 1923 г. после закрытия Зосимовой пустыни по благословению старца Алексия (Соловьева) переезжает в Москву в Высоко-Петровский монастырь. В мае 1924 г. назначен наместником монастыря; возведен в сан архимандрита. По благословению епископа Варфоломея (Ремова), тайно постригает в монашество своих духовных детей. В 1929 г. после закрытия Боголюбского собора Высоко-Петровского монастыря о. Агафон и все петровские отцы переходят в храм преподобного Сергия Радонежского на Большой Дмитровке. В 1930 г. пострижен в великую схиму с именем Игнатий. В декабре 1931 г. арестован, через десять дней освобожден. С 1933 г. служил в храме Рождества Богородицы в Путниках. В 1934 г. под давлением советских властей удален на покой. В 1935 г. арестован; находился в 15 палате лазарета Бутырской тюрьмы, затем этапирован в лагерь в бывшей Саровской пустыни. Как больной паркинсонизмом находится в лагерьном лазарете. В 1936 г. переведен в лагерь на станции Сухобезводная (Ветлужский ИТЛ – Ветлаг), затем переведен в инвалидную колонию под городом Алфатырь (Чувашская АССР), где и скончался. В декабре 2000 г. включен в поименный Собор ново мучеников и исповедников Российских.

Игнатий (ок. 1540–1640), Патриарх Московский и всея России. По происхождению грек. В 1595 г. прибыл к царю Феодору Иоанновичу в сане архиепископа Кипрского. По распоряжению Лжедмитрия I в 1605 г. избран Патриархом. Венчал самозванца на царство. В 1606 г. сведен с престола царем Василием Шуйским. В 1611–1612 гг. восстановлен польско-литовскими интервентами. С конца 1612 г. в Речи Посполитой.

Игнатий (Рождественский Николай Дмитриевич; 1827–1883), епископ. В 1866 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 1877 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии; с 1878 г. епископ Костромской и Галичский.

Игнатий (Садковский Сергей Сергеевич; 1887–27.01.1938), священномученик, епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Белевского, викария Тульской епархии. В 1923–1926 гг. в Соловецком лагере особого назначения. В 1929 г. арестован вновь. В 1930–1933 гг. в заключении в Кемском лагере. С 1933 г. епископ Скопинский, викарий Рязанской епархии; с 1935 г. епископ Липецкий, затем епископ Скопинский (вторично). В 1936 г. арестован. Умер в лагере. Внесен в поименованный список Собора ново мучеников и исповедников Российских в 2002 г.

Игнатий Богоносец, Антиохийский (†107), муж апостольский, священномученик Древней Церкви, третий епископ Антиохийский, ученик Иоанна Богослова; на Антиохийской кафедре предположительно с 68 г.

Иеремия (Соловьев?), архимандрит

Израиль (Андреев Иван Андреевич; 1870–1940), игумен. С 1895 г. подвизался в Гефсиманском скиту при Троице-Сергиевой Лавре. В 1900 г. принял монашество, с 1918 г. игумен. Последний начальник скита до его закрытия в 1929 г. Кратковременно был арестован в 1923 г. и 1925 г. После закрытия скита проживал в Загорске. Арестован в 1931 г., приговорен к 10 годам заключения в лагере, который был заменен ссылкой в Казахстан. Умер в ссылке в конце 1940 гг.

Иларион (Бельский Иван Иванович; 1893–31.08.1937), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Каргопольского,

викария Олонецкой епархии. Арестован в 1924 г. и выслан в г. Смоленск. С 1926 г. епископ Поречский (Демидовский), викарий Смоленской епархии. С 1927 г. епископ Бельский, временно управляющий Смоленской епархией. После выхода июльской Декларации 1927 г. перешел в оппозицию Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). 4 марта 1928 г. объявил об отделении от митрополита Сергия (Страгородского). Арестован в 1928 г., приговорен к 10 годам лагерей. В 1928–1931 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения; до 1937 г. в заключении в г. Козьмодемьянске Марийской АССР, где был арестован и осужден. Расстрелян.

Иларион (Троицкий), архиепископ.

Илиодор (Труфанов Сергей Михайлович; 1880–1952/1958), бывший иеромонах. Сначала поддерживал связь с Григорием Распутиным, а затем боролся с его влиянием. За нападки на власть и неподчинение Св. Синоду был отправлен на покаяние во Флорищеву пустынь, где ему было запрещено проповедовать, в 1911 г. бежал в г. Царицын и заявил о своем неподчинении правительству и Св. Синоду, вновь был водворен во Флорищеву пустынь, где он снял с себя сан и объявил о своем разрыве с Русской Православной Церковью. Организовал религиозную секту «Новая Галилея». Подвергся преследованию полицией за оскорбление императорской фамилии. После революции, в 1920 гг. объявил себя «патриархом Царицынским и всея России», получив «сан» по способу украинских самосвятов («рукоположение» миром). Создал свою «иерархию», но вскоре исчез, оказался в США, где работал швейцаром в гостинице. Опубликовал скандальные мемуары о Распутине.

Илия (Громогласов Илья Михайлович; 1869–04.12.1937), священномученик, протоиерей. В 1894–1911 гг. доцент Московской Духовной Академии и Московского университета. В 1911 г. уволен из Академии. В 1909–1916 гг. инспектор Мариинского женского училища. С 1916 г. приват-доцент Московского университета. В 1917 г. восстановлен в Московской Духовной Академии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член

Предсоборного Совета. В 1922 г. рукоположен во иерея. В 1922 г. арестован по «делу Совета объединенных приходов». В 1923 г. освобожден. В 1924 г. арестован. В 1925–1928 гг. в ссылке в г. Сургуте. В 1928 г. в больнице Бутырской тюрьмы. После освобождения жил в Твери. В 1937 г. арестован. Расстрелян. В 1999 г. прославлен как местночтимый святой Тверской епархии. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Ильин Иван Александрович (1882–1954), философ, правовед, публицист. Активный противник большевизма, идеолог белого движения, неоднократно подвергался арестам. В 1922 г. выслан за границу. Проживал в Германии.

Ильинский Владимир († 1918), священник Костромской епархии.

Илья Муромец, богатырь, один из главных героев русских былин 12–16 вв., воплощение народного героя-воина.

Иннокентий (Вельяминов), митрополит см. Иннокентий (Попов-Вениаминов), святитель, митрополит Московский и Коломенский

Иннокентий (Летяев Иннокентий Алексеевич; 1882–1937), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Клинского, викария Московской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1923 г. принес покаяние. В 1923–1926 гг. епископ Ставропольский и Кавказский. С 1934 г. член Временного Патриаршего Св. Синода. С 1935 г. архиепископ Харьковский. С 1936 г. в заключении. Расстрелян.

Иннокентий (Никифоров Иван Иванович; 1879–04.12.1937), епископ. В 1925 г. хиротонисан во епископа Семипалатинского, викария Омской епархии. С 1928 г. епископ Семипалатинский и Усть-Каменогорский; с 1936 г. епископ Орловский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Иннокентий (Орешкин Иван Игнатьевич; 1870–1949), иеросхимонах, бывший духовник Зосимовой пустыни, один из старейших ее насельников, помощник преподобного Алексия (Соловьева) в деле старческого окормления. Арестован в 1933 г. Был сослан в г. Оренбург. После окончания ссылки поселился в Ярославской обл. С 1946 г. жил на станции Сходня Московской обл.

Иннокентий (Попов-Вениаминов Иван Евсеевич; 1797–1879), святитель, митрополит Московский и Коломенский, просветитель Сибири и Америки. В 1840 г. хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. С 1850 г. архиепископ. С 1868 г. митрополит Московский и Коломенский. Причислен к лику святых в 1977 г.

Иннокентий (Соколов Константин Павлович; 1846–1937), архиепископ. В 1905 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 1919 г. епископ Бийский и Алтайский. В 1922–1923 гг. в заключении. С 1924 г. епархией не управлял. В 1924–1925 гг. проживал в Николо-Угрешском монастыре вместе с митрополитом Макарием (Невским). Скончался в поселке Немчиновка Московской обл.

Иннокентий (Тихонов Борис Дмитриевич; 1889–11.1937), архиепископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Ладожского, викария Петроградской епархии. В 1922 г. арестован, был выслан в Архангельскую губ. С 1923 г. епископ Ладожский. В 1925 г. арестован. До 1929 г. в заключении в Соловецком лагере особого назначения, затем в ссылке. В 1930 г. назначен епископом Благовещенским. Назначения не принял. В 1931 г. вновь арестован, до 1933 г. в лагере. С 1933 г. епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии. С 1937 г. архиепископ Харьковский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Иннокентий (Ястребов Илья Иванович; 1867–1928), архиепископ. В 1906 г. хиротонисан во епископа Каневского, викария Киевской епархии. С 1914 г. епископ Полоцкий и Витебский; с 1915 г. епархией не управлял. С 1917 г. епископ Полоцкий и Витебский (вторично). С 1920 г. архиепископ. С 1926 г. архиепископ Ставропольский; с 1927 г. архиепископ Астраханский.

Иннокентий (Ястребов Илья; 1867–1928), архиепископ. В 1906 г. хиротонисан во епископа Каневского, викария Киевской епархии. С 1910 г. ректор Киевской Духовной Академии. С 1914 г. епископ Полоцкий и Витебский. В 1915 г. уволен от управления Полоцкой епархией. С 1915 г. постоянно присутствующий член Св. Синода. Председатель Миссионерского совета при Св. Синоде и управляющий на

правах настоятеля Ставропигиальным Московским Донским монастырем. С сентября 1917 г. по 19 марта 1918 г. и с сентября 1918 г. по 1922 г. епископ Полоцкий и Витебский. С 1920 г. архиепископ. С 1926 г. архиепископ Ставропольский. С 1927 г. архиепископ Астраханский.

Иннокентий, иеродиакон.

Иннокентий, старообрядческий епископ.

Иоаким (Благовидов Яков Алексеевич; 104.12.1929), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Алатырского, викария Симбирской епархии. В 1923–1927 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. С 1928 г. архиепископ Ульяновский.

Иоаким (Левицкий Иван Акимович; 1855–1918), архиепископ. В 1896 г. хиротонисан во епископа Балтского, викария Подольской епархии. С 1897 г. епископ Брестский, викарий Литовской епархии; с 1900 г. епископ Гродненский и Брестский; с 1903 г. епископ Оренбургский и Уральский; с 1908 именовался «Оренбургский и Тургайский»; с 1910 г. епископ Нижегородский и Арзамасский. С 1916 г. архиепископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Убит осенью на даче под Севастополем.

Иоаким (Хромов), архимандрит.

Иоанн (Братолубов Сергей Васильевич; 1882–27.02.1968), архиепископ. В 1923 г. Святейшим Патриархом Тихоном хиротонисан во епископа Березовского, викария Тобольской епархии. В 1923 г. временно управляющий Иркутской епархией. С 1924 г. епископ Боткинский, викарий Сарапульской епархии; с 1926 г. епископ Суздальский, викарий Владимирской епархии; с 1927 г. епископ Шацкий, викарий Тамбовской епархии; с 1929 г. епископ Уральский и Покровский. Арестован в 1931 г., до 1936 г. в ссылке в Средней Азии. В 1937 г. арестован, приговорен к 10 годам заключения. Освобожден в 1943 г. из лагеря досрочно как инвалид. С 1943 г. архиепископ Сарапульский; затем архиепископ Ижевский и Удмуртский. С 1945 г. архиепископ Уфимский и Башкирский. В 1948 г. уволен на покой с назначением местопребывания в Жировицком монастыре. С 1953 г. временно управляющий Ульяновской епархией, затем

архиепископ Ульяновский и Мелекесский. В 1959 г. уволен на покой по болезни.

Иоанн (Восторгов Иоанн Иоаннович 1864–04.09.1918), священномученик, протоиерей. Известный миссионер. В 1889 г. рукоположен во иерея. С 1913 г. настоятель Покровского собора в Москве (храма Василия Блаженного). Издавал газету «Церковность». 30 мая 1918 г. арестован ВЧК в Москве. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Иоанн (Георгиевский; 1869–?), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Моршанского, викария Тамбовской епархии. С 1928 г. епископ Оханский, с 1929 г. епископ Кунгурский. Арестован в 1930 г. Дальнейшая судьба не известна.

Иоанн (иструссский Иван Иванович; 1878–?), григорианский митрополит. В 1924 г. хиротонисан во епископа Раненбургского. В 1926 г. уклонился в григорианский раскол. Возведен в сан григорианского митрополита. Арестован в 1936 г., приговорен к 3 годам лишения свободы. Дальнейшая судьба неизвестна.

Иоанн (Ковшаров Иван Михайлович; 1878–13.08.1922), мученик, бывший присяжный поверенный. Был юрисконсультom Александро-Невской Лавры в Петрограде. Весной 1918 г. был избран комиссаром по епархиальным делам «для представительства и защиты общих прав и интересов» Петроградской епархии. В 1922 г. арестован по «делу митрополита Вениамина (Казанского)». Приговорен к расстрелу. В ночь на 13 августа (н. ст.) 1922 г. расстрелян на окраине Петрограда на станции Пороховые. Причислен к лику святых в 1992 г.

Иоанн (Кочуров Иоанн Александрович; 1871–31.10.1917), священномученик, протоиерей. В 1895–1907 гг. служил в храмах Америки. С 1907 г. служил в Петроградской епархии. Зверски убит в Царском Селе большевиками. Причислен к лику святых в 1994 г.

Иоанн (Кратиров Иван Александрович; 1839–1909), епископ. В 1893 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. С 1895 г. епископ Елизаветградский,

викарий Херсонской епархии; с 1895 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии; с 1899 г. епископ Саратовский и Царицынский. С 1903 г. на покое, член Московской синодальной конторы.

Иоанн (Митропольский Стефан; 1838–1914), епископ. В 1870 г. хиротонисан во епископа Алеутского и Аляскинского. С 1877 г. член Московской синодальной конторы. С 1881 г. настоятель Симонова монастыря в Москве. С 1889 г. епископ Аксайский, викарий Донской епархии. В 1910 г. уволен на покой, управлял Астраханским Покрово-Болдинским монастырем. С 1913 г. освобожден от управления Покрово-Болдинским монастырем.

Иоанн (Поммер Иван Андреевич; 1876–12.10.1934), священномученик, архиепископ. В 1912 г. хиротонисан во епископа Слуцкого, викария Минской епархии. С 1913 г. епископ Таганрогский, викарий Екатеринославской епархии. С 1916 г. епископ Приазовский и Таганрогский, викарий Екатеринославской епархии. В 1917 г. был арестован. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1917 г. епископ Старицкий, викарий Тверской епархии. С 1918 г. архиепископ. В 1918 г. направлен в Пензу во время смуты, поднятой лишенным сана бывшим архиепископом Владимиром (Путятой), где был вскоре арестован, приговорен к расстрелу. Освобожден по требованию германского консула. В 1919 г. вновь арестован, до 1920 г. в тюремном заключении. 23 февраля 1920 г. Собором Латвийской Православной Церкви избран ее предстоятелем, архиепископ Рижский. Был зверски убит на даче. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г.

Иоанн (Попов Иван Васильевич; 1867–08.02.1938), мученик, профессор Московской Духовной Академии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Московской Академии. Неоднократно арестовывался. В 1924 г. по поручению Патриарха Тихона составил ответ Константинопольскому Патриарху Григорию VII, признавшему обновленцев и предложившему Патриарху Тихону удалиться от управления Церковью. За это И. В. Попов был арестован и заключен в

Соловецкий лагерь особого назначения. В 1927 г. принимал активное участие в составлении послания соловецких епископов. В 1931 г. освобожден. В 1931–1938 гг. в заключении. Расстрелян в г. Енисейске (Красноярский край).

Иоанн (Смирнов Иоанн Ксенофонович; 1844–1919), архиепископ. В 1902 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 1904 г. епископ Полтавский и Переяславский, викарий Полоцкой епархии; с 1910 г. епископ Рижский и Митавский. С 1912 г. архиепископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1917–1919 гг. архиепископ Рязанский и Зарайский.

Иоанн (Соколов Иван Александрович; 1877–1968), митрополит. В 1928 г. хиротонисан во епископа Орехово-Зуевского, викария Московской епархии. С 1929 г. епископ Кимрский, викарий Калининской епархии. С 1931 г. епископ Орехово-Зуевский, викарий Московской епархии; с 1934 г. епископ Подольский, викарий Московской епархии, затем Егорьевский, викарий Московской епархии. С января 1936 г. Волоколамский, викарий Московской епархии. С 1936 г. епископ Брянский, затем Вологодский и Тотемский. С 1937 г. архиепископ Архангельский. С 1938 г. в заключении, освобожден при пересмотре дела. С 1941 г. архиепископ Ульяновский (выехал в Ульяновск вместе с митрополитом Сергием (Страгородским) в качестве его духовника). С 1942 г. Ярославский и Ростовский. С 1944 г. митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины. С 1964 г. на покое.

Иоанн (Троянский Иван Ефимович; 1862–04.09.1937), священномученик, епископ. В 1922 г. был рукоположен в обновленческого епископа Сасовского. В начале 1925 г. принес покаяние и как ставленник епископов старого поставления был принят в сущем сане в лоно Русской Православной Церкви. С 1925 г. епископ Акмолинский и Петропавловский, викарий Омской епархии. С 1930 г. епископ Бугурусланский; с 1932 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии. В 1932 г. арестован и выслан на 3 года. В 1936 г. временно управляющий Великолукской епархией, епископ Великолукский и Торопецкий.

С 1936 г. епископ Осташковский, викарий Калининской епархии. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Иоанн Богослов, апостол, евангелист.

Иоанн Виленский (†1347), святой, мученик.

Иоанн Грозный см. Иван IV Грозный
Иоанн Златоуст (†407), святитель, богослов, архиепископ Константинопольский (397–404).

Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иван Ильич; 1829–1908), святой, праведный, протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Выдающийся церковный оратор и проповедник, духовный писатель. Великий молитвенник, обладавший даром прозорливости и чудотворения. Причислен к лику святых в 1990 г.

Иоанн Тобольский (Максимович; 1651–1715), святитель, митрополит Тобольский и всея Сибири. Причислен к лику святых в 1916 г. (см. Т. 1).

Иоанн, епископ Нишский, представитель Сербского Патриарха.

Иоасаф (Каллистов Павел; 1851–03.02.1920), архиепископ. В 1912 г. хиротонисан во епископа Новогеоргиевского, викария Варшавской епархии. С 1917 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии, управлял Московской и Варшавской епархиями. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С января 1918 г. архиепископ Коломенский и Можайский, Патриарший наместник, с октября 1919 г. переименован в архиепископа Крутицкого. В конце 1919 г. арестован. В январе 1920 г. освобожден и вскоре скончался.

Иоасаф (Удалов Иван Иванович; 1886–02.12.1937), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии. С 1920 г. епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии. Арестован в 1924 г., в 1925 г. был арестован по «делу митрополита Петра (Полянского)», был отправлен в Туруханский край. После выхода июльской Декларации 1927 г. перешел в оппозицию Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). С 1929 г. на поселении в г. Козьмодемьянске. Арестован в 1930 г.,

до 1936 г. в заключении в лагере, где был арестован в 1937 г. Расстрелян.

Иоасаф (Шишковский-Дрылевский Алексей Степанович; 1888–15.12.1935), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Кашинского, викария Тверской епархии. В 1922 г. перешел в обновленческий раскол; назначен обновленцами «временно управляющим Тверской епархией». В 1923 г. обновленческий епископ Кашинский. В 1923 г. принес покаяние Святейшему Патриарху Тихону и был принят в лоно Русской Православной Церкви. С 1923 г. епископ Малоярославецкий, викарий Калужской епархии. В 1925–1927 гг. в ссылке. С 1927 г. епископ Могилевский, с 1928 г. епископ Сызранский, с 1930 г. епископ Серпуховский, викарий Московской епархии. Арестован в 1931 г., наказание отбывал в лагере. С 1933 г. епископ Можайский, викарий Московской епархии. С 1934 г. епископ Брянский. С 1934 г. архиепископ.

Иов (в миру Иоанн, †1607), первый Патриарх Московский и всея России (1589–1605). В 1586 г. архиепископ Ростовский, с декабря 1586 г. митрополит всея России. Сторонник Бориса Годунова, способствовал избранию его на царство. В 1605 г., после смерти Бориса Годунова, лишен Патриаршества и сослан в Старицкий монастырь. Причислен к лику святых в 1989 г.

Иов (Рогожин Флегонт Иванович; 1883–20.04.1933), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. В 1922 г. временно управляющий Саратовской епархией. В 1922 г. арестован. С 1922 г. епископ Пятигорский и Прикумский, с 1926 г. епископ Усть-Медведицкий, викарий Донской епархии. В 1926 г. арестован, освобожден через 8 месяцев. С 1927 г. единоверческий епископ Мстерский, викарий Владимирской епархии. В 1930 г. арестован, до 1933 г. в ссылке в Северном крае.

Иона (Одноушев (Опаушев); †1461), святой, митрополит. В 1431–1448 гг. епископ Рязанский. Дважды избирался в митрополиты, но в Константинополе утверждали других. С 1441–1448 гг. нареченный митрополит всея Руси. В 1448 г. был избран и посвящен в митрополиты без согласия Константинопольского Патриарха властью собора русских

епископов и Великого князя, что означало приобретение Русской Церковью автономии.

Иона, святитель, митрополит см. Иона (Одноушев), святой, митрополит.

Ионафан, игумен.

Иорданский Иван Феокистович (1862–?), врач. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Костромской епархии.

Иосиф (Невский; † 27.12.1930), епископ. Настоятель и архимандрит Иверского Валдайского монастыря. В 1921 г. хиротонисан во епископа Валдайского, викария Новгородской епархии. По воспоминаниям в 1922 г. в И вере кий монастырь приехали представители советской власти для изъятия хлеба. Монахи встали на защиту. На озере завязалась перестрелка, хлеб был отобран, а епископа Иосифа, которому прострелили правую руку, был взят заложником. В 1927 г. значился епископом Валдайским. С 1927 г. в заключении. После закрытия монастыря переселился в г. Валдай. В дни больших церковных праздников епископ Иосиф служил в Троицком соборе г. Валдая и в Короцкой женской обители. Скончался в ссылке.

Иосиф (Петровых Иван Семенович; 1872–20.11.1937), митрополит. В 1909 г. хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1919 и 1922 гг. подвергался арестам. С 1920 г. архиепископ Ростовский, викарий Ярославской епархии. В мае 1924 г. включен в состав членов Св. Синода при Патриархе Тихоне. По завещательному распоряжению митрополита Крутицкого Петра (Полянского) от 06.12.1925 назначен третьим кандидатом на должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В 1926 г. назначен митрополитом Ленинградским, но был лишен возможности занять кафедру. После ареста в ноябре 1926 г. митрополита Сергия (Страгородского) вступил в обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В декабре 1926 г. арестован и отправлен в ссылку. В 1927 г. было разрешено вернуться в г. Ростов, назначен митрополитом Одесским, назначения не принял. 6 февраля 1928 г. вместе с архиереями Ярославской епархии подписал акт отхода от митрополита

Сергия, возглавив оппозицию, получившую название «иосифлянской». Уволен митрополитом Сергием на покой с запрещением в священнослужении. В 1930–1936 гг. в ссылке. Расстрелян под г. Чимкентом.

Иосиф, иеромонах.

Иоффе Г. З.

Ипполит (Яковлев, † 1937), иеромонах, духовник Троице-Сергиевой Лавры с 1905 г.

Ипполит, иеромонах см. Ипполит (Яковлев), иеромонах

Ираклий (Попов Илья Константинович; 1875–1937), епископ. Арестован в 1922 г. В 1925 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. Арестован в 1927 г., сослан в Сибирь. С 1930 г. епископ Камышинский, викарий Саратовской епархии; с 1931 г. епископ Бугурусланский, викарий Оренбургской епархии; с 1933 г. епископ Курганский, с 1934 г. епископ Сергачский, викарий Горьковской епархии; с 1937 г. епископ Бугурусланский, викарий Оренбургской епархии; затем Пензенский. Расстрелян.

Иринарх (Синеоков-Андреевский; 1871–1933), архиепископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Березовского, викария Тобольской епархии. В 1918–1922 гг. управлял Тобольской и Сибирской епархией; в 1923–1925 гг. епископ Якутский; в 1925–1926 гг. епископ Великоустюжский и Устьвымский; с октября по декабрь 1926 г. епископ Ставропольский и Кубанский. С 1931 г. архиепископ Пермский.

Ириней (Нестерович Иоанн Гаврилович; 1783–1864), архиепископ. В 1826 г. хиротонисан во епископа Пензенского и Саратовского С 1828 г. именовался «Пензенский и Саранский». С 1830 г. архиепископ Иркутский, Нерчинский и Якутский. С 1831 г. на покое.

Ириней (Шульмин Михаил Александрович; 1893–08.02.1938), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан в единовещерского епископа Кушвинского, викария Екатеринбургской епархии. С 1923 г. епископ Мензелинский, викарий Уфимской епархии; с 1924 г. епископ Малмыжский, викарий Сарапульской епархии; с 1925 г. епископ Елабужский, викарий Сарапульской епархии. В 1925 г. уклонился в

григорианский раскол. В 1926 г. принес покаяние перед митрополитом Сергием (Страгородским) и был принят в лоно Русской Православной Церкви. С 1929 г. епископ Елабужский, викарий Казанской епархии; с 1930 г. епископ Бугурусланский, епископ Мамадышский; в 1933 г. временно управляющий Казанской епархией; с 1934 г. епископ Пензенский. С 1935 г. архиепископ Куйбышевский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Ириней, святой, отец Церкви II века, епископ Лионский.

Исидор (Колоколов Петр Александрович; 1866–09.1918), епископ. В 1902 г. хиротонисан в епископа НовгородСеверского, викария Черниговской епархии. С 1903 г. епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии; с 1906 г. епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии. В 1911 г. уволен на покой за «деяния недостойные сана епископа», с пребыванием в монастыре. Отпевал Григория Распутина после его убийства. Зверски убит в 1918 г.

Исидор, иеродиакон.

Исполатов

Иувеналий (Масловский Евгений Александрович; 1878–24.10.1937), священномученик, архиепископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа. Каширского, викария Тульской епархии. С 1917 епископ Тульский и Белевский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1923 г. архиепископ Курский и Обоянский. С 1925 г. в Соловецком лагере особого назначения. С 1928 г. архиепископ Рязанский и Зарайский. С 1936 г. в заключении. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Иувеналий (Машковский Виктор Константинович, 1883–12.04.1941), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Павловского, викария Нижегородской епархии. С 1922 г. епископ Ардатовский. В 1922 г. в обновленческом расколе. Занимал Елизаветградскую, Одесскую, Киевскую обновленческие кафедры в сане обновленческого митрополита. В 1930 г. принес покаяние и был назначен епископом Владимирским. Снова уклонился в обновленческий раскол. В 1935 г. принес покаяние перед митрополитом Сергием (Страгородским). В 1936 г. назначен епископом Брянским, но в управление не вступил. В

1936 г. арестован, присужден к 5 годам содержания в лагере. Скончался во Владимирской тюрьме.

Июдин Александр Иванович (ок. 1875–?), крестьянин, хлебопашец и кожевник деревни Савино Вытегорского уезда Олонецкой епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Олонецкой епархии. В 1930 г. раскулачен и выслан, дальнейшая судьба неизвестна.

Казакевич А. Н.

Казем-Бек А.

Калиманов Василий Филиппович (ок. 1884–?), прапорщик, Заведующий Хамкетинским двухклассным училищем Кубанской области. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Кавказской армии.

Каллист, архимандрит, настоятель Александрийского подворья в Одессе.

Каллистрат (Цинцадзе; † 1952), протоиерей, впоследствии Патриарх-Католикос всея Грузии в 1932–1952 гг.

Калмыковы, купцы.

Каляев Иван Платонович (1877–1905), революционер, убил бомбой московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Повешен.

Кандидов Б.

Каптерев Николай Феодорович (1847–31.12.1917), профессор Московской Духовной Академии, труды по истории взаимоотношений Русской и Вселенской церкви в XVII в., деятельности Патриарха Никона и т. д. Член IV Государственной Думы. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Государственной Думы.

Карабинов Иван Алексеевич (1878–30.08.1937), профессор. В 1905–1919 гг. доцент, профессор (с 1911) кафедры литургии Санкт-Петербургской Духовной Академии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. С 1918 г. профессор Высших богословских курсов (Петроград), служил архивариусом на Балтийском судостроительном заводе. В двадцатые годы был репрессирован. При аресте в 1930 г. пропала уникальная библиотека и научный архив. С 1930 г. в

заключении. В 1934–1937 гг. находился в ссылке в Тобольске, где был вновь арестован и приговорен к расстрелу. Расстрелян.

Карелин Петр, священник см. Петр (Карелин), священномученик

Карманов Евгений Алексеевич († 1998), ответственный секретарь Журнала Московской Патриархии, трудился в издательском отделе Московской Патриархии и редакции «Журнала Московской Патриархии» с 1956 по 1981 г. С 1981 г. член Отдела внешних церковных сношений, один из собирателей материалов по церковной истории XX века.

Карнеев Сергей Евгеньевич, священник, редактор журнала «Церковность» в 1917 г.

Карпов Георгий Григорьевич (1898–1967), генерал-майор КГБ, председатель Совета по делам Православной Церкви в 1943–1960 гг.

Карсавин Лев Платонович (1882–1952), русский религиозный философ и историк-медиевист. В 1922 г. выслан из Советской России за границу, жил в Каунасе и Вильнюсе. В 1949 г. арестован и отправлен в концлагерь, умер в лагерной больнице в Абези.

Карташев Антон Владимирович (1875–1960), государственный и общественный деятель, историк Церкви, последний обер-прокурор Св. Синода (см. Т. 1)

Касторский Иоанн (†1918), диакон Костромской епархии.

Кашменский Феодор Гаврилович (ок. 1857–?), преподаватель Урюпинского реального училища, проживал в станице Урюпинская области войска Донского. Автор сочинений по педагогике. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Донской епархии.

Квасков Н., член Карловацкого Собора.

Кедров Иоанн Иоаннович (1870–1932), митрофорный протоиерей. Рукоположен во иерея в 1900 г. С 1910 г. служил в храме Воскресения Христова в Сокольниках, строителем которого он являлся. Был арестован в 1918 г., 1920 г., 1922 г., освобожден в 1923 г., в 1930 г. тяжело больной был выселен из квартиры. Переехал в Подмоскovie, где и скончался.

Кентерберийский, архиепископ, примас Англии.

Керенская Леля, сестра А. Ф. Керенского.

Керенская Надя, сестра А. Ф. Керенского.

Керенский Александр Федорович (1881–1970), адвокат, российский политический и государственный деятель. Депутат IV Государственной Думы. С 02.03.1917 министр юстиции Временного правительства, с 05.05.1917 военный и морской министр. 17.07.1917 возглавил Временное правительство, сохранив пост военного и морского министра. С 30.08.1917 Верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции 1917 г. предпринял ряд неудачных попыток организовать сопротивление большевикам. В июне 1918 г. эмигрировал. До 1940 г. жил в Европе. С 1940 г. проживал в США, работал в Стенфордском и Гуверовском университетах.

Керенский Федор Михайлович, отец А. Ф. Керенского.

Киприан (†1406), святитель, митрополит Московский и всея Руси. Болгарин. Был поставлен в митрополита Киевского и Литовского в 1375 г.; до смерти митрополита Алексия пребывал в Киеве; с 1381 г. в Москве; в 1382 г. изгнан и пребывал в Киеве; в Москве вторично с 1390 г.

Киприан, святой отец и учитель Церкви, епископ Карфагена, писатель-богослов III века.

Киреев Александр Алексеевич (1833–1910), генерал, известный богослов, писатель, опубликовал в России и за рубежом ряд статей о необходимости сближения Православия и старокатоличества.

Кирилл (Васильев Кузьма Васильевич, в схиме Макарий; 1871–31.03.1944), епископ. В 1923 г. хиротонисан тайно во епископа Любанского, викария Новгородской епархии. В 1923 г. переехал в Псково-Печерский монастырь, где в 1924 г. принял схиму с именем Макарий. В 1923 г. арестован, приговорен к 3 годам ссылки в Северный край. С 1927 г. епископ Маловишерский. В 1932 г. арестован, приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан; в 1935 г. освобожден из ссылки. В 1935–1942 гг. проживал в районе г. Чудово, проводил тайные богослужения на квартирах. В 1942–1944 гг. проживал в Псково-Печерском монастыре, где пробыл в затворе несколько лет. По одним данным убит осколком бомбы во время авиабомбежки в

своей келье, по другим данным, убит разбойниками на Страстной неделе во время ночной молитвы.

Кирилл (Марков Константин; 1901–1971), Болгарский Патриарх в 1953–1971 гг.

Кирилл (Смирнов Константин Иларионович; 1863–20.11.1937), священномученик, митрополит. В 1904 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1909 г. епископ Тамбовский и Шацкий. С 1913 г. архиепископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг., избран заместителем члена Св. Синода. В апреле 1918 г. назначен митрополитом Тифлиским и Бакинским, Экзархом Кавказским. Вернулся в Москву, принимал участие в работе Св. Синода. В декабре 1919 г. арестован, через два месяца освобожден. С апреля 1920 г. митрополит Казанский и Свияжский. С 1922 г. почти непрерывно в ссылках и лагерях. В июне 1924 г. был вызван в Москву для участия в новообразуемом Высшем Церковном Управлении с включением в него живоцерковного «протопресвитера» В. Красницкого. После срыва переговоров с В. Красницким возвращен в Зырянский край, и до конца жизни находился в заключении. 7 января 1925 г., согласно последнему завещательному распоряжению Патриарха Тихона, назначен первым кандидатом в Местоблюстители Патриаршего Престола. Осенью 1926 г. в ходе проведенных без его ведома выборов Патриарха путем опроса архиереев, получил наибольшее число голосов епископов. С 1934 г. в ссылке в Казахстане. В 1937 г. арестован. Расстрелян под г. Чимкентом. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Кирилл (Соколов Виктор Иванович; 1883–31.08.1937), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Любимского, викария Ярославской епархии. С 1924 г. епископ Нижнеудинский, временно управляющий Иркутской епархией, с 1925 г. епископ Ейский, викарий Ростовской[-на-Дону] епархии; с 1926 г. епископ Саранский, викарий Пензенской епархии. Арестован в 1926 г. До 1927 г. в ссылке. С 1927 г. епископ Краснослободский, временно управляющий Пензенской епархией; с 1928 г. епископ Пензенский. Арестован в 1929 г.,

приговорен к 10 годам заключения в лагере, где был осужден в 1937 г. Расстрелян.

Кириллов И.

Кирион (Садзагелов [Садзаглишвили, Садзегели] Георгий Иеронимович; 1854–1918), бывший епископ Полоцкий и Витебский; архиепископ Мцхетский и Тбилисский, католикоспатриарх всея Грузии, духовный писатель и публицист. С 1900 г. епископ Горийский МцхетоКарталинской (Грузинской) епархии. С 1902 г. епископ Балтский. С 1903 г. епископ Новомиргородский, викарий Херсонской епархии. С 1904 г. епископ Орловский и Севский. С 1906 г. епископ Сухумский. С 1907 г. епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. Был решительным защитником совершенной автокефалии Грузинской Церкви. В 1908 г. был арестован за антиправительственные националистические выступления и уволен на покой с запрещением в священнослужении. До 1915 г. проживал в различных монастырях. С 1915 г. епископ Полоцкий и Витебский. С 1.09.1917 уволен, согласно прошению, от управления епархией. 17.09.1917 на соборе Грузинской Церкви был избран патриархом-католикосом автокефальной Грузинской Церкви. Вскоре он был найден мертвым в собственном доме. Погребен в Сионском соборе г. Тбилиси. Причислен к лику святых Грузинской Православной Церковью.

Киселевский Е., член Карловацкого Собора.

Клавдиан (Моденов; † 1987), архимандрит Троице-Сергиевой Лавры

Климент (Берниковский Константин Александрович; 1863–1909), епископ. В 1902 г. хиротонисан во епископа Уфимского и Мензелинского. С 1903 г. епископ Подольский и Брацлавский; с 1904 г. епископ Винницкий, викарий Подольской епархии. С 1905 г. на покое.

Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк, академик (см. Т. 1).

Князев Николай Владимирович († 27.06.1918), бывший жандармский унтер-офицер. Расстрелян.

Ковалевский Евграф Петрович (1865–1941), специалист по народному образованию, посвятивший себя изучению его в

России и за границей и осуществлению всеобщего обучения. Организовал в Воронежской губернии две образцовые школы, автор законопроекта о школьном образовании. Член III и IV Государственных Дум. Товарищ председателя комиссии о народном образовании и член-докладчик бюджетной комиссии по Св. Синоду и Министерству народного просвещения. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Государственной Думы. После революции эмигрировал во Францию. С 1919 г. жил в Париже. Член Карловацкого Собора. Скончался в Медоне близ Парижа.

Ковшаров И. М. см. Иоанн (Ковшаров), мученик.

Коганицкий И., журналист.

Коковцев Владимир Николаевич (1853–1943), министр финансов Российской империи в 1904–1914 гг., председатель Совета министров в 1911–1914 гг. С 1918 г. в эмиграции во Франции.

Колоссовский С., член Карловацкого Собора.

Колчак Александр Васильевич (1873–1920), адмирал. В 1918–1920 гг. Верховный правитель России.

Колычевы

Комаров Виктор Степанович (1893–1974), регент патриаршего Богоявленского собора.

Комаров Георгий, московский диакон.

Конограй М., протоиерей, член Карловацкого Собора.

Константин (Булычев Константин Иоакимович; 1858–после 1926), епископ, обновленческий «митрополит», григорианский «архиепископ». В 1901 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1904 г. епископ Самарский и Ставропольский. С 1911 г. епископ Могилевский и Мстиславский. С 1915 г. архиепископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1922 г. несколько раз переходил в обновленческий раскол и приносил покаяние. С 1925 г. один из организаторов григорианского раскола, «архиепископ Тамбовский».

Константин (Дьяков Константин Григорьевич, 1871–10.11.1937), митрополит, Экзарх Украины. В 1924 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. С 1927 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский, Экзарх Украины. С 1932

г. митрополит; с 1934 г. митрополит Киевский, Экзарх Украины. Арестован в 1937 г. Умер во время допроса в тюрьме.

Константин (Смирнов) см. Смирнов Константин Александрович, священник

Константин (Снятиновский Константин; 1867–1918), священномученик, священник церкви митрополита Петра г. Переяславля Залесского Владимирской епархии. Убит. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г.

Константинов Петр Федорович (1876–?), священник. Служил в церкви св. апостолов Петра и Павла в Москве. Арестован в 1931 г., заключен в лагерь. Дальнейшая судьба неизвестна.

Константиновский Александр, священник, благочинный и настоятель Сергиево-Посадского Христорождественского храма.

Концевич Н. В., протоиерей.

Коняев Н.

Корб И., секретарь австрийского посольства.

Корнилий (Попов Константин Константинович; 1874–1966), митрополит. В 1915 г. хиротонисан во епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии. С 1921 г. епископ Сумской, викарий Харьковской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, при этом сложил с себя монашество. Занимал Вологодскую, Ярославскую, Саратовскую, Уральскую, Воронежскую обновленческие кафедры. Арестован в 1935 г., приговорен к 5 годам заключения в лагере. В 1940 г. освобожден. До 1943 г. обновленческий митрополит Воронежский, затем Ярославский. В 1943 г. принес покаяние и был принят в лоно Русской Православной Церкви в сане епископа митрополитом Сергием (Страгородским). С 1943 г. епископ Сумский и Ахтырский. С 1945 г. архиепископ. С 1945 г. архиепископ Виленский и Литовский, временно управляющий Рижской епархией; с 1948 г. архиепископ Горьковский и Арзамасский. С 1955 г. митрополит Горьковский и Арзамасский. В 1961 г. уволен на покой по болезни.

Корнилий (Соболев Гавриил Гаврилович; 1880–1933), архиепископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Каширского, викария Тульской епархии. С 1920 г. епископ Новосильский,

викарий Тульской епархии; с 1921 г. епископ Вязниковский, викарий Владимирской епархии. Арестован в 1922 г. До 1926 г. в ссылке в Нарымском крае. С 1926 г. епископ Владимирский и Суздальский. С 1926 г. архиепископ Свердловский и Ирбитский. В 1926 г. арестован. До 1933 г. в заключении. Убит в ссылке.

Корнилий (Фристедт), иеромонах.

Корнилий, архимандрит.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), генерал от инфантерии. В июле–августе 1917 г. Верховный главнокомандующий. В конце августа поднял мятеж с целью «сохранения Великой России». Один из организаторов белого движения и Добровольческой армии. Убит во время штурма Екатеринодара.

Коровин Е. А.

Королев Н. А., комиссар Сергиева Посада.

Корсунский И., проф.

Косик О. В.

Кострюков А.

Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) – общественный и политический деятель. Депутат 1 Государственной Думы. Приват-доцент Московского университета по кафедре всеобщей истории, доктор всеобщей истории. Сотрудник «Полярной звезды» и других изданий. Автор ряда научных трудов. Член-учредитель партии народной свободы, член ее ЦК. В 1907 г. закончил юридический факультет Московского университета. Автор ряда публикаций по юриспруденции, член партии кадетов. Комиссар Временного правительства по инославным исповеданиям, товарищ обер-прокурора Св. Синода и министра вероисповеданий. Участвовал в сборнике «Из глубины». Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. Член «Правого центра», «Национального центра» и др. нелегальных организаций. В 1920 г. был привлечен по «делу Тактического центра» и получил 5 лет условно. Работал в МГУ и других советских учреждениях. При советской власти неоднократно арестовывался. 17.04.1938 был арестован по «делу

Антисоветской террористической подпольной кадетской организации», приговорен к расстрелу и расстрелян.

Кочуров И. А., протоиерей см. Иоанн (Кочуров), священномученик, протоиерей.

Кравецкий А. Г.

Красницкий Владимир Дмитриевич (1880–1936), священник, обновленческий протопресвитер. С 1917 г. служил в соборе св. Князя Владимира в Петрограде. В 1922 г. один из организаторов обновленческого раскола. С мая 1922 г. председатель ЦК созданной им группы «Живая церковь». Митрополитом Вениамином (Казанским) запрещен в священнослужении. С 1923 г. «протопресвитер Российской Православной Церкви». В 1924 г. покаялся перед Патриархом Тихоном, вел переговоры об объединении, в дальнейшем прощение было аннулировано. Вплоть до своей смерти возглавлял остатки «Живой церкви», служил в Ленинградских храмах.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал-лейтенант. В 1918–1919 гг. атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией.

Красноцветов Г. А.

Красотин Дмитрий Васильевич, протоиерей г. Ярославля.

Кремлевский Петр Магистратович (1868–26.12.1941), протоиерей. В 1902–1930 гг. настоятель церкви св. Мефодия на Своровском проспекте в Петрограде. В 1922 г. находился в заключении. Арестован в 1933 г., приговорен к 3 годам лагерей условно. В 1935 г. выслан в г. Тургай. С 1936 г. жил в г. Рыбинске, потом был выслан в Вологодскую губ.

Кривошеева Н.

Криницкий Марк

Кронид (Любимов Константин Петрович, 1859–10.12.1937), преподобномученик, архимандрит. С 1883 г. подвизался в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. С 1908 г. архимандрит. С 1915 г. наместник Троице-Сергиевой Лавры. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по должности как наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. В 1920 г. после закрытия Лавры поселился в Сергиевом Посаде на частной квартире, затем жил в скитах

Лавры. Неоднократно арестовывался. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Крупенский А. М., бывший бессарабский предводитель дворянства, член Карловацкого Собора.

Крупинский Генрих Иванович, бывший полицеймейстер г. Екатеринбурга.

Крутицкий Иван Иванович, присяжный поверенный, фигурировавший в деле Иоанна Восторгова.

Кудрявцев Петр Павлович (1868–1937(1940?)), профессор по кафедре истории философии Киевской Духовной Академии, Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета, член Соборного Совета, избран заместителем члена Высшего Церковного Совета. В начале 1930 арестован в Киеве, приговорен к заключению в исправительно-трудовом лагере. Освобожден через три года в связи с болезнью сердца. Похоронен в Киеве.

Кузнецов А. И.

Кузнецов Н. Д.

Куляшов Андрей Гаврилович (ок. 1882–после 1922), псаломщик Пермской епархии, преподаватель псаломщицкого училища при Пермском епархиальном доме и Пермского Романовского епархиального училища, пермский епархиальный миссионер, член епархиального училищного совета и пастырско-миссионерской школы имени о. Иоанна Кронштадтского в Перми (ок. 1911). Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Пермской епархии. После Собора активно участвовал в работе Высшего Церковного Совета.

Куманин Петр, московский благотворитель.

Курский Дмитрий Иванович (1874–1932), советский партийный деятель. С 1918 г. нарком юстиции РСФСР.

Кушников Павел (†1918), священник Новгородской епархии.

Лаврентий (Князев Евгений Иванович; 1877–06.11.1918), священномученик, епископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Лаврентий (Некрасов Михаил Иванович; 1836–1908), епископ, духовный писатель и проповедник. Был ректором

Московской Духовной Академии. В 1898 г. хиротонисан во епископа Курского и Белгородского. С 1904 г. епископ Тульский и Белевский. С 1908 г. на покое.

Лагов Петр И., протоиерей.

Лапин Павел Димитриевич (1877–?), профессор Казанской Духовной Академии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Казанской Академии. Избран в члены Высшего Церковного Совета.

Лажостский Павел Николаевич (ок. 1866–1931), митрофорный протоиерей Петроградской епархии, член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1917 г. по поручению Собора редактор газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник» (1917–1918) и журнала «Церковные ведомости» (1917–1918). С 1918 г. заместитель члена Высшего Церковного Совета. В 1918 г. арестован. Служил в селе Ильинское (Ярославской губ., Угличского уезда). В 1922–1931 гг. служил в Петрограде.

Лашенков Дмитрий Алексеевич (1893–?), подпоручик 304 Новгород-Северского полка. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от действующей армии Северного флота.

Ле Бон, бывший священник, консул, участник Французской революции.

Лебедев Дмитрий Александрович (1871–1923), протоиерей, профессор Московской Духовной Академии по кафедре церковной истории.

Лебедев Иван, иподиакон.

Лебедев С. П., протоиерей см. Сергей (Лебедев), священномученик

Лев (Черепанов Леонид Всеволодович; 1888–08.12.1937), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Нижнетагильского, викария Свердловской епархии. В 1923 г. арестован. До 1927 г. в ссылке в Казахстане. С 1927 г. епископ Алмаатинский и Туркестанский. В 1929 г. арестован. До 1933 г. в заключении в лагере. С 1933 г. епископ Ставропольский. В 1934 г. арестован. Содержался в местах заключения Амурской области. В 1937 г. находился в Соловецкой тюрьме, где был осужден. Расстрелян.

Левашев Павел Никанорович (1866–22.12.1937), священник. Служил в московских церквях. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Левитин А.

Лелюхин И., протоиерей. Член Карловацкого Собора см. Лелюхин Иоанн Захарьевич, протоиерей

Лелюхин Иоанн Захарьевич (1883–1945), протоиерей. В 1911 г. рукоположен во иерея, настоятель кафедрального собора г. Архангельска. В 1918 г. эмигрировал. В 1920–1923 гг. настоятель церкви в Лондоне. Член Карловацкого Собора, В 1923–1926 гг. состоял в клире митрополита Евлогия (Георгиевского). В 1926–1935 г. настоятель Рождественского храма во Флоренции. В 1939–1942 гг. настоятель Серафимовской церкви в Париже. С 1942 г. на покое.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), советский партийный и государственный деятель, один из основателей РСДРП-РКП(б) и непосредственный организатор Октябрьской революции. Председатель Совета Народных Комиссаров.

Леонид (Антощенко Лаврентий Евтихиевич; 1872–01.07.1938), священномученик, архиепископ. В 1927 г. хиротонисан во епископа Переелавль-Залесского, викария Владимирской епархии. Арестован в 1930 г. До 1932 г. в заключении в лагере. С 1932 г. епископ Александровский, викарий Владимирской епархии; с 1935 г. епископ Кунгурский. В 1935 г. был репрессирован. С 1937 г. епископ Марийский. Убит. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Леонид (Окропиридзе Лонгин; 1861–1921), Патриарх-Католикос Грузинской автокефальной Церкви. В 1898 г. хиротонисан во епископа Горийского, викария МцхетоКарталинской (Грузинской) епархии. С 1900 г. епископ Имеретинский; епископ Гурийский; с 1908 г. епископ ГурийскоМингрельский, викарий МцхетоКарталинской (Грузинской) епархии; с 14.10.1918 патриарх-католикос Грузинской автокефальной Церкви. Причислен к лику святых Грузинской Православной Церковью.

Леонид (Скобеев Евгений Дмитриевич; 1851–1932), епископ, обновленческий «митрополит». В 1920 г. хиротонисан в епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. В 1921 г. назначен епископом Верненским, к месту служения не поехал. 18.05.1922 вошел в группу лиц, определенных св. Патриархом

Тихоном для передачи дел Св. Синода и Московской епархии митрополиту Агафангелу (Преображенскому), что было использовано обновленцами для захвата Патриаршей канцелярии. С 1922 г. обновленческий архиепископ Крутицкий, обновленческий архиепископ Орловский. В 1923 г. обновленцами «уволен на покой». С 1928 г. обновленческий митрополит Орловский.

Леонтий (фон Вимпфен Владимир Николаевич; 1872–23.06.1919), епископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского. С 1915 г. епископ Ереванский, викарий Грузинской епархии; с 1916 г. епископ Кустанайский, викарий Оренбургской епархии; с 1916 г. епископ Петровский, викарий Саратовской епархии; с 1917 г. на покое. С сентября 1917 г. епископ Енотаевский, викарий Саратовской епархии; с 1918 г. епископ Царевский, викарий Астраханской епархии. Расстрелян (см. Т. 1)

Леонтий (Туркевич Леонид Иеронимович; 1876–1965), митрополит. С 1905 г. диакон, иерей. Священствовал в Кременце. В 1906 г. по приглашению архиепископа Тихона (Беллавина) переехал в США, ректор семинарии в Миннеаполисе (с 1912 г. семинария располагалась в Нью-Джерси), был настоятелем Никольского кафедрального собора в Нью-Йорке. С 1914 до 1930 г. редактор «Американского православного вестника». Член Св. Собора 1917–1918 гг. в сане протоиерея по избранию как клирик от Северо-Американской епархии. С 1924 г. был одним из руководителей Детройтского синода. В 1925 г. овдовел. В 1933 г. пострижен в монашество с именем Леонтий, архимандрит, епископ Чикагский и Миннеапольский. С 1945 г. архиепископ. С 1950 г. митрополит Американской Автокефальной Церкви.

Леонтий (Устинов Леонид Иванович; 1884–?), обновленческий епископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Печерского, викария Нижегородской епархии. В 1923 г. уклонился в обновленческий раскол, где именовался «епископом Житомирским». Вступил в гражданский брак. Лишен сана, монашества и исключен из клира. Арестован в 1925 г.,

приговорен к 10 годам заключения. Дальнейшая судьба неизвестна.

Леонтьев С. М.

Лжедимитрий I (†1606), русский царь с 1605 г. Самозванец (Гришка Отрепьев). В 1601 г. объявился в Речи Посполитой под именем сына Ивана IV Грозного. Обещал королю Сигизмунду Северную и Смоленскую земли, ввести в России католичество. В 1604 г. перешел русскую границу, был поддержан частью горожан, казаков и крестьян. В 1605 г. вступил в Москву и занял царский престол. Попытки Лжедимитрия I проводить самостоятельную и внешнюю политику потерпели провал. Убит восставшими москвичами.

Ливанов, священник Ярославской епархии.

Логинов И. А., портной.

Локоть, профессор, сотрудник «Нового Времени»

Лоллий (Леонтий) (Юрьевский Александр Иванович; 1875–11.02.1935), епископ, доктор богословия. В 1921 г. хиротонисан во епископа Могилевского, викария Подольской епархии. Уклонялся в обновленческий раскол. В начале 1930 принес покаяние и был принят в сане епископа, вскоре был арестован и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, где и скончался.

Лосев Егор Григорьевич, крестьянин.

Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович; 1877–11.06.1961), священноисповедник, архиепископ, доктор медицины, профессор. Церковное служение совмещал с работой хирурга. В 1923 г. тайно хиротонисан во епископа, епископ Ташкентский. В 1923 г. был арестован впервые. В течение 11 лет в тюрьмах и ссылках, где исполнял обязанности врача, проводил большую научную работу. С 1942 г. архиепископ Красноярский и Енисейский. С 1944 г. архиепископ Тамбовский и Мичуринский. Около двух лет совмещал церковное служение с работой в госпиталях. С 1946 г. архиепископ Крымский и Симферопольский. К концу жизни ослеп. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Лысяк Григорий Климентьевич (1885–24.06.1958), протоиерей. Служил в церквях Одессы. В 1924 г. арестован и

выслан за пределы Украины. Служил в церкви Успения в Гончарах в Москве. Арестован в 1930 г., заключен в лагерь, освобожден в 1941 г. В 1941–1945 гг. служил в Георгиевской церкви в Калуге. Арестован в 1948 г., до 1955 г. находился в лагере. С 1955 г. служил в Ленинградской обл.

Львов Владимир Николаевич (02.04.1872–1934), член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. Выбыл из состава Собора. Депутат III и IV Государственных Дум, председатель Комиссии по делам Русской Православной Церкви. С 1917 г. обер-прокурор Св. Синода, участник Корниловского мятежа. В 1920 г. эмигрировал. В 1921 г. примкнул к «сменовеховству». В 1922 г. вернулся в Россию, примкнул к обновленчеству, член обновленческого Высшего церковного управления. В 1927 г. арестован и выслан в Томск. После освобождения (1929) оставался в Томске, где и скончался (см. Т. 1)

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь. В марте–июле 1917 г. глава Временного правительства.

Львов Николай Николаевич (1867–1944). С 1900 г. предводитель дворянства Балашовского уезда Саратовской губ. Депутат I–IV Государственных Дум. В 1906 г. основатель Партии народного обновления. С 1912 г. учредитель партии прогрессистов. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Государственной Думы. С 1920 г. в эмиграции.

Любимов Николай Александрович (1858–1924), протопресвитер. В 1911–1917 гг. протопресвитер Успенского Собора в Москве, присутствующий в Св. Синоде. Член Предсоборного Совета и Св. Собора 1917–1918 гг., товарищ председателя Собора, член Соборного Совета. Член Св. Синода. В 1921 г. член Высшего Церковного Совета.

Мадлэн Л.

Маевский В. А.

Мазырин И., иерей

Макарий († 1497), святой, митрополит Киевский с 1495 г., убит татарами.

Макарий (Гневушев (Гнеушев) Михаил Васильевич; 1858–04.09.1918), священномученик, епископ. В 1914 г. хиротонисан

во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С января 1917 г. епископ Орловский и Севе кий. В мае 1917 г. уволен на покой, назначен управляющим Вяземским Предтеченским монастырем Смоленской епархии на правах настоятеля. Летом 1918 г. арестован. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Макарий (Знаменский Константин Иванович; 1877–27.02.1938), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Васильсурского, викария Нижегородской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. Позднее принес покаяние. С 1927 г. епископ Краснослободский, викарий Пензенской епархии. Упоминается как епископ Краснослободский в 1927 г. Проживал в Иркутске, где был арестован в 1938 г. Расстрелян.

Макарий (Моржов), преподобномученик, иеромонах.

Макарий (Торопов Макарий Петрович, 1870–после 1933), обновленческий архиепископ. С 1891 г. священник, миссионер в Алтайской духовной миссии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. Рукоположен в обновленческого епископа Змейногорского, викария Томской епархии. Затем занимал Бийскую, Алтайскую обновленческие кафедры. С 1924 г. обновленческий архиепископ Ойратский. С 1924 г. на покое. Проживал в Ленинграде; обновленческий архиепископ Петергофский, пятый викарий Ленинградской епархии; затем с 1925 г. обновленческий архиепископ Новгородский, с 1926 г. вновь архиепископ Петергофский; с 1928 г. обновленческий архиепископ Колпинский, викарий Ленинградской епархии. В 1933 г. уволен на покой по личному заявлению.

Макарий Алтайский (Невский (Парвицкий) Михаил Андреевич; 1835–1926), святитель, митрополит. В 1855 г. поступил на службу в Алтайскую духовную миссию. В 1861 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеромонаха. С 1864 г. наместник Чулышманского Благовещенского миссионерского монастыря. Составил «Алтайский букварь», перевел богослужебные книги на алтайский язык. С 1871 г. игумен. С 1883 г. архимандрит. В 1884 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. До 1891 г. начальник Алтайской духовной миссии. С 1891 г. епископ Томский и

Семипалатинский. С 1895 г. именовался «Томским и Барнаульским». С 1906 г. архиепископ. С октября 1908 г. именовался «Томским и Алтайским». С 1912 г. по март 1917 г. митрополит Московский и Коломенский, священноархимандрит Троице-Сергиевой Лавры, председатель Православного миссионерского общества. В 1917 г. Временным правительством был уволен из состава Св. Синода, а затем смещен с Московской кафедры. По предложению св. Патриарха Тихона святителю присвоен пожизненно титул митрополита Алтайского. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Макаров Александр Александрович (1857–1919), государственный деятель, министр внутренних дел России в 1911–1912 гг., министр правосудия в 1916–1917 гг. Арестован и убит большевиками.

Макдональд Карлович, герой поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

Максим (Жижиленко Михаил Александрович; 1885–06.04.1931), епископ, врач. В 1928 г. хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии. Возглавил «иосифлянское» движение в Московской области. Арестован в 1929 г. В 1929–1930 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. В лагере срок заключения был увеличен, переведен в Белбалтлаг г. Кеми, в 1931 г. вновь был осужден в лагере. Расстрелян.

Максимиллиан (?), епископ.

Малинин Григорий Васильевич (1885–после 1932), бывший обновленческий архиепископ. В 1923 г. хиротонисан Патриархом Тихоном во епископа Арзгирского, викария Ставропольской епархии. С 1923 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии. С 1925 г. епископ Ростовский и Угличский. В 1925 г. находился в тюремном заключении, после освобождения в 1925 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1925 г. обновленческий епископ Курский. С 1928 г. епископ Орловский, потом Оренбургский, архиепископ Череповецкий, Астраханский. С 1931 г. перемещен на Саратовскую кафедру. В 1932 г. снял сан и отрекся от Бога.

Малов Иван Иванович (1859–?), крестьянин, окончил начальное училище, проживал в селе Красная Поляна Симбирской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Симбирской епархии.

Малыгин Николай Григорьевич (1874–после 1930), крестьянин. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Ярославской епархии. О деятельности после Собора ничего не известно. Арестован в селе Курышино в 1930 на пять лет.

Мамай († 1380), татарский темник, фактический правитель Золотой Орды, организатор походов в русские земли. Потерпел поражение от Московского князя Дмитрия Донского в битвах на р. Вожа и на Куликовом поле. Потеряв власть в Золотой Орде, бежал в Крым, где и был убит.

Мамонтов Константин Константинович (1869–1920), генерал-лейтенант, один из руководителей белого движения.

Мансуров Павел Борисович (1860–1932), дипломат, духовный писатель. С 1903 г. чиновник особых поручений Министерства иностранных дел. С 1915 г. директор Московского главного архива Министерства иностранных дел. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. В 1920 годы неоднократно арестовывался, но кратковременно. В 1926 г. арестован, ссылку отбывал в Новгороде. По возвращении в Москву скитался по квартирам, проживая у знакомых. Погиб в столице, сбитый трамваем летом 1932 г.

Мануил (Лемешевский) Виктор Викторович; 1884–1968), митрополит. В 1923 г. хиротонисан во епископа Лужского, викария Петроградской епархии. Осенью 1923 г. активно противодействовал обновленческому расколу в Петрограде. В 1924–1927 гг. в Соловецком лагере особого назначения. С 1928 г. епископ Серпуховский, викарий Московской епархии. С 1928 г. в. у. Каширским викариатством. С 1929 г. епископ Серпуховский и Каширский, викарий Московской епархии. В 1930 г. уволен на покой. В 1934–1936 гг. в Мариинском лагере (Сиблаг), в 1939–1944 гг. в Канских лагерях в Красноярском крае. С 1945 г. епископ Чкаловский, затем именовался епископом Чкаловским и Бузулукским. С 1946 г. архиепископ. С 1948 г. находился в

заключении в Дубравлаге. В 1955 г. освобожден. С 1955 г. в. у. Чебоксарско-Чувашской епархией. С 1956 г. архиепископ Чебоксарский и Чувашский. С 1960 г. архиепископ Куйбышевский и Сызранский. С 1962 г. митрополит. В 1965 г. уволен на покой. Автор «Каталога обновленческих архиереев», «Каталога русских православных архиереев периода с 1897 по 1957 гг.», труда «Русские православные иерархи периода 1893–1965 гг.»

Мария Феодоровна (1847–1928), Императрица, супруга Императора Александра III. Урожденная принцесса Луиза-София-Фредерика-Дагмар Датская. С 1881 г. Императрица. Мать Императора Николая II. В 1894 г. овдовела. Возглавляла «Ведомство учреждений императрицы Марии», куда входили дома призрения, сиротские приюты, гимназии и пансионы, ночлежные дома и больницы. В 1919 г. эмигрировала. Скончалась в Дании.

Марк (Бакалдин), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Владивостокского. Арестован в 1922 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

Марк (Боголюбов; 1879–24.03.1935), епископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Стерлитамакского, викария Уфимской епархии. Арестован в 1925 г., в 1928 г., наказание отбывал на Дальнем Востоке. С 1929 г. епископ Приморский и Владивостокский; с 1930 г. епископ Забайкальский и Читинский. Арестован в 1934 г. Расстрелян.

Марков (2) Николай Евгеньевич (1866–1945), российский общественно-политический и государственный деятель. Член монархических организаций, депутат III и IV Государственных Дум. В 1905 г. один из основателей Партии народного порядка, слившейся с Союзом русского народа. В начале 1917 г. один из организаторов съезда «монархических единений». В 1918–1920 гг. в армии Н. Н. Юденича. В 1920 г. эмигрировал. В июне 1921 г. на «общероссийском съезде правых монархистов» в Рейхенгалле (Бавария) избран председателем Высшего монархического совета (до 1927).

Марков Б.

Марков Владимир Семенович (1841–31.12.1917), протоиерей, до 1911 г. настоятель Троицкой церкви на Арбате, в 1911–1917 гг. настоятель Храма Христа Спасителя.

Марковчин В. В.

Маркс Карл (1818–1883), английский экономист, основоположник научного коммунизма

Марущак Василий, протодиакон

Масленников Н. И., член Высшего монархического совета, член Карловацкого Собора.

Матфей (Померанцев Михаил Владимирович; ок. 1881–27.08.1918), преподобномученик, архимандрит. До 1917 г. на учебно-духовной службе. С 1917 г. архимандрит, ректор Пермской духовной семинарии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от монашествующих. По поручению Собора ездил в Киев для расследования обстоятельств убийства митрополита Владимира (Богоявленского). Вошел в делегацию Собора для расследования обстоятельств ареста епископа Андроника (Никольского). Убит по пути в Москву из Перми: в вагон ворвались красноармейцы, убили всех троих членов комиссии, расстреляв и изрубив шашками, а тела сбросили с поезда. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Мелетий, митрополит Иорданский

Мелиссино Иван Иванович (1718–1795), государственный и церковный деятель. Обер-прокурор Св. Синода с 1763 г. В 1767 г. внес в Св. Синод так называемые Пункты – проект наказа Синода о желательных преобразованиях в Русской Православной Церкви. Им предполагалось установление свободы вероисповеданий для иностранцев, допускаемых в Россию верхней властью, дозволение публичных богослужений старообрядцев, сокращение постов и богослужений в Православии, исправление Кормчей книги, борьба с суевериями, отмена обычая ношения образов по домам и поминания покойников, разрешение представителям белого духовенства занимать архиерейские кафедры, упрощение одежды священников, отмена содержания монахов, снятие ограничений для браков между представителями дальних степеней родства, дозволение браков между православными и

иноверцами, разрешение разводов, запрещение причащения младенцев до 10-летнего возраста. Синод уклонился от рассмотрения проекта. В 1768 г. Мелиссино был уволен в отставку.

Мелхиседек (Аверченко; 1875–?), епископ. В 1925 г. хиротонисан во епископа Андреевского, вскоре уклонился в обновленческий раскол. В 1926 г. принес покаяние. С 1926 г. епископ Уразовский; затем епископ Пишпекский и Семиреченский, викарий Туркестанской епархии. С 1929 г. в заключении. С 1931 г. епископ Курганский. С конца 1933 г. в заключении. Дальнейшая судьба неизвестна.

Мелхиседек (Паевский Михаил Львович; 1879–30.05.1931), архиепископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии. С 1917 г. епископ Ладожский, викарий Петроградской епархии; с 1919 г. епископ Слуцкий, временно управляющий Минской епархией; позднее епископ Минский и Туровский. Арестован в 1924 г. Во время пребывания в тюрьме был вовлечен в григорианский раскол. В 1925–1926 гг. григорианский митрополит Минский и Туровский. В 1926 г. принес покаяние перед митрополитом Сергием (Страгородским), сложил с себя титул митрополита. С 1927 г. епископ Минский и Туровский. Арестован в 1927 г., содержался в тюрьме. С 1928 г. архиепископ Красноярский и Енисейский.

Мережковский Д.

Металлов Василий Михайлович (1862–1926), протоиерей, духовный композитор. С 1901 г. профессор истории церковного пения Московской консерватории. С 1915 г. настоятель Казанского собора в Москве.

Мефодий (Абрамкин Павел Петрович; 1883–14.02.1939), архиепископ. В 1924 г. хиротонисан епископа Раненбургского, викария Тамбовской епархии. С 1931 г. епископ Бугурусланский, епископ Бутурлиновский, викарий Воронежской епархии; с 1933 г. епископ Пятигорский. С 1936 г. архиепископ Пятигорский и Буденовский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Мефодий (Герасимов Маврикий Львович; 1856–1932), митрополит. В 1894 г. хиротонисан во епископа Бийского,

викария Томской епархии. С 1898 г. епископ Забайкальский и Нерчинский; с 1912 г. епископ Томский и Алтайский; с 1914 г. епископ Оренбургский и Тургайский. С 1918 г. архиепископ Оренбургский и Тургайский. С 1919 г. в эмиграции. С 1920 г. архиепископ Харбинский. С 1929 г. митрополит.

Мефодий (Красноперое Михаил Платонович; 1868–04.02.1921), священномученик, епископ. В 1913 г. хиротонисан во епископа Акмолинского, викария Омской епархии. С 1914 г. епископ Петропавловский, викарий Омской епархии. Убит. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Мефодий, Патриарх Антиохийский.

Мечев А. Л., протоиерей см. Алексей (Мечев), святой праведный

Мии Симеон Симеонович (1858–1940), протоиерей, Член Св. Собора 1917–1918 гг. как заместитель Сергия (Тихомирова), епископа Японского. По рождению Мицуи Сюдзю, в крещении – Симеон (его также называют Митеро). В 1873 г. принимает крещение. В 1874 г. поступает в только что открытую духовную семинарию. В 1887 г. окончил Киевскую Духовную Академию, магистр богословия. С 1894 г. диакон, а затем иерей, переезжает в Токио. С 1906 г. протоиерей, совершал проповеднические поездки по Японии.

Микель-Анджело (Микеланджело) Буанаротти (1475–1564), итальянский скульптор, живописец и архитектор.

Миллер Л. П.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943), политический деятель, историк, публицист. Один из организаторов партии кадетов. В 1917 г. министр иностранных дел во Временном правительстве. С 1920 г. в эмиграции.

Мирбах Вильгельм (1871–1918), германский дипломат, граф. С 1918 г. посол в Москве при правительстве РСФСР. Его убийство эсером Я. Г. Блюмкиным, послужило к левоэсеровскому мятежу в Москве.

Мирнович, священник Виленской епархии.

Миртов Петр Алексеевич (1871–1918?), митрофорный протоиерей. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Петроградской епархии. С 1894 г. исполняющий

должность доцента Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1900 г. магистр богословия, доцент. С 1902 г. экстраординарный профессор. С 1914 г. доктор богословия, ординарный профессор. В 1917 г. был настоятелем церкви Воскресения у Варшавского вокзала в Петрограде.

Митрофан (Гринев Василий Васильевич; 1873–29.12.1937), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской епархии. Арестован в 1923 г., до 1926 г. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. С 1927 г. епископ Алатырский, викарий Ульяновской епархии. В 1929 г. временно управляющий Чебоксарской епархией. С 1930 г. епископ Ульяновский. Арестован в 1932 г., отбывал ссылку в Северном крае. С 1935 г. епископ Арзамасский, викарий Горьковской епархии. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Митрофан (Краснопольский Дмитрий Иванович; 1869–06.07.1919), священномученик, архиепископ. В 1907 г. хиротонисан во епископа Гомельского, викария Могилевской епархии. С 1912 г. епископ Минский и Туровский. С 1916 г. епископ Астраханский и Царевский. Член Св. Собора 1917–1918 гг., председатель отдела о Высшем Церковном Управлении. С 1918 г. архиепископ. Арестован в 1919 г. Расстрелян. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г.

Митрофан (Поликарпов Николай Иванович; 1871–09.12.1934), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Бугульминского, викария Казанской епархии. С 1926 г. временно управляющий Казанской епархией. В 1925 г. арестован, уклонился в григорианский раскол, где именовался «епископом Вятским». После покаяния был осужден и сослан. С 1927 г. епископ Бутурлиновский, викарий Воронежской епархии. С 1927 г. в ссылке в Казахстане. С 1929 г. епископ Бузулукский, затем епископ Боткинский, викарий Сарапульской епархии.

Митрофан (Русинов Евлампий Владимирович; 1881–23.06.1938), епископ. В 1923 г. рукоположен в обновленческого епископа Лукояновского Нижегородской епархии. В 1924 г. принес покаяние перед Святейшим Патриархом Тихоном. В 1924 г. хиротонисан православными архиереями во епископа

Болховского, викария Орловской епархии. В 1925 г. уклонился в григорианский раскол. В 1932 г. принес покаяние перед митрополитом Сергием (Страгородским), принят в сущем сане. В 1931 г. арестован. С 1933 г. епископ Старооскольский. С 1937 г. епископ Полтавский. В 1938 г. арестован. Расстрелян.

Митрофан Воронежский (Михаил, в схиме Макарий; 1623–1703), святитель, епископ Воронежский с 1682 г., незадолго до смерти принял схиму.

Михаил († 1905), брат митрополита Фениамина (Федченкова).

Михаил (Богданов Михаил Александрович; 1867–1925), епископ. В 1907 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 1914 г. епископ Самарский и Ставропольский. В 1918 г. эмигрировал. С 1919 г. епископ Владивостокский и Приморский. Скончался в Харбине.

Михаил (Грибановский Михаил Михайлович; 1856–1898), епископ. В 1894 г. хиротонисан во епископа Прилуцкого, викария Полтавской епархии. С 1895 г. епископ Каширский, викарий Тульской епархии, 1897 г. епископ Таврический и Симферопольский (см. Т. 1)

Михаил (Ермаков Василий Федорович; 1862–30.03.1929), митрополит. В 1899 г. хиротонисан во епископа Новгородсеверского, викария Черниговской епархии. С 1899 г. епископ Ковенский, викарий Литовской епархии; с 1903 г. епископ Омский и Семипалатинский; с 1905 г. епископ Гродненский и Брестский. С 1912 г. архиепископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1921 г. управлял Киевской епархией, Экзарх Украины. В 1925–1927 гг. в заключении, после 1927 г. митрополит Киевский и Галицкий.

Михаил (Новоселов Михаил Александрович; 1864–1938), мученик, духовный писатель. С 1929 г. в заключении. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Михаил (Орлинский), митр.

Михаил (Постников Михаил Степанович; 1878–после 1952), епископ. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, был назначен членом Высшего Церковного Управления

(обновленческого), уполномоченным по Воронежской епархии в сане протоиерея и рукоположен в обновленческого епископа Вольского, викария Саратовской епархии. Занимал Псковскую, Великоустюжскую, Уральскую, Рязанскую, Касимовскую, Витебскую, Калининскую обновленческие кафедры. В 1933 г. был арестован, наказание отбывал в лагере. С 1942 г. возглавлял Московское обновленческое епархиальное управление. В 1944 г. по покаянии был принят в лоно Русской Православной Церкви, был назначен епископом Пензенской и Саранской епархии, где прослужил до 1947 г. В 1947 г. был арестован и в 1947–1952 гг. содержался во Владимирской тюрьме. Судьба после освобождения неизвестна.

Михаил III (839–867 гг.); византийский император.

Михаил, архимандрит, представитель Сербской Церкви на Св. Соборе 1917–1918 гг.

Михаила, схимница

Мишуков Ф. Я., чеканщик иконостаса

Модест (Никитин Тихон Николаевич; 1867–20.11.37), архиепископ. В 1913 г. хиротонисан во епископа Вереяского, викария Московской епархии. С 1917 г. епископ Усть-Медведский и Хоперский (Донской); с 1917 г. епископ Севастопольский. С 1917 г. на покое. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1931 г. принес покаяние. С 1931 г. епископ Уральский; с 1932 г. на покое; с 1933 г. епископ Вяземский. С 1936 г. архиепископ. В 1937 г. арестован. Расстрелян.

Моисей

Моисей, насельник Киево-Печерской Лавры.

Моисей, пророк.

Моряков Алексей Егорович, крестьянин.

Москов Е., член Карловацкого Собора

Мотт Джон Рэлей (1865–1955), американский религиозный и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии мира 1946 г. «за миссионерскую деятельность». Один из организаторов Всемирной студенческой христианской федерации, которая объединила молодых христиан, создал национальные студенческие движения в Индии, Китае, Японии, Австралии,

Новой Зеландии, отдельных частях Европы и Дальнего востока. С 1915 по 1928 гг. генеральный секретарь международного комитета ассоциации христианской молодежи (ИМКА), в 1926–1937 гг. президент Всемирного комитета ИМКА. В 1917 г. член специальной дипломатической миссии в России. Был одним из инициаторов создания духовно-просветительного общества «Маяк» в России (1899), Русского студенческого христианского движения (РСХД) в эмиграции и издательства «YMCA-Press» в Париже. Духовно и материально поддерживал русское Православие в эмиграции (в частности, Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже).

Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874) русский духовный писатель, поэт, драматург, церковный и общественный деятель. В 1828 г., сдав экзамены при Московском университете, был определен в ведомство Коллегии иностранных дел. В 1823–1830 гг. занимался литературной работой. Член Российской академии наук. А. Н. Муравьев служил чиновником за обер-прокурорским столом при Св. Синоде, а также был членом присутствия в азиатском департаменте. Большую часть своей жизни писатель посвятил «утверждению Православия во всей его полноте в современной жизни». Во время своих путешествий по святым местам А. Н. Муравьев собрал богатую коллекцию икон и других православных реликвий, которую передали в Румянцевский музей.

Муравьев Михаил Артемьевич (1880–1918), большевистский военный деятель, полковник Красной армии. В 1901 г. окончил юнкерское училище, за убийство товарища в 1901 г. лишен офицерства и осужден на 1,5 года. Участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1917 г. вступил в партию эсеров. После Октябрьской революции перешел на сторону советской власти. В 1918 г. назначен главнокомандующим войсками, действующими против Украинской рады. Под его руководством большевистские военные подразделения расстреляли в Киеве около 5000 человек. В июле 1918 г. поддержал эсеров, поднявших мятеж в Москве, был арестован и убит в Симбирске.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922), юрист, публицист, один из лидеров кадетской партии. Редактор-издатель «Вестника партии народной свободы». В 1917 г. управляющий делами Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции. Погиб, заслонив собой Н. Н. Милюкова в момент покушения на него.

Навиль Э.

Назарий (Андреев Николай; 1864–1940), епископ. В 1912 г. хиротонисан в епископа Алатырского, викария Симбирской епархии. С 1918 г. епископ Енисейский и Красноярский. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, затем, будучи обновленческим епископом Ростовским, перешел в григорианский раскол. Григорианский архиепископ Ставропольский. Скончался без покаяния.

Назарий (Блинов Николай Михайлович; 1852–?), архиепископ. В 1910 г. хиротонисан во епископа Черкасского, викария Киевской епархии. Выслан из Киева в 1922–1923 гг. вместе с другими украинскими архиереями. С 1925 г. архиепископ Тобольский, в 1927 г. временно управляющий Челябинской епархией. С 1928 г. на покое.

Назарий (Кириллов Николай Яковлевич; 1850–02.07.1928), архиепископ. В 1893 г. хиротонисан во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. С 1893 г. епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии; с 1897 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский; с 1901 г. епископ Нижегородский и Арзамасский. С 1909 г. архиепископ. С 1910 г. архиепископ Полтавский и Переяславский; с 1913 архиепископ Херсонский и Одесский. С 1917 г. на покое. С 1920 г. архиепископ Курский и Обоянский. С 1923 г. на покое. С 1925 г. управлял Курской епархией. Скончался в заключении.

Наполеон Бонапарт (1769–1821), французский император в 1804–1914 гг. и в марте–июне 1915 г.

Наталия, мать блаженного Николая.

Нафанаил (Львов Василий Владимирович; 1906–1986), архиепископ. Сын В. Н. Львова. С 1920 г. в эмиграции. С 1971 г. епископ Венский и Австрийский. С 1981 г. архиепископ.

Нафанаил (Троицкий Николай Захарович; 1864–07.04.1933), митрополит. В 1904 г. хиротонисан во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии. С 1908 г. епископ Уфимский и Мензелинский; с 1912 г. епископ Архангельский и Холмогорский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1919 г. архиепископ. В 1919 г. временно управляющий Харьковской епархией; с 1920 г. архиепископ Харьковский и Ахтырский. В 1922 г. арестован, содержался в тюрьме. С 1924 г. митрополит, включен в состав Св. Синода при Святейшем Патриархе Тихоне. В 1927 г. временно управляющий Воронежской епархией.

Нежинцев Стефан Владимирович (1871–?), священник Петропавловской церкви Владивостока. Член Св. Собора 1917–1918 гг.

Ненароков (Ненарокомов), прокурор

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), русский живописец.

Нестор (Анисимов), митрополит.

Нестор (Метаниев Алексей Сергеевич, 1830–1910), епископ. В 1877 г. хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской епархии. С 1880 г. епископ Выборгский, викарий Санкт-Петербургской епархии; с 1881 г. епископ Смоленский и Дорогобужский; в 1889 г. уволен от управления епархией. С 1894 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии. С 1901 г. на покое.

Нестор (Мясников) – Нестор (Постников-Мясников Николай Нилович), иеродиакон Высокопетровского монастыря, погиб в Соловецком лагере особого назначения в 1930 годах.

Нечаев Михаил Андреевич (1879–не ранее 1929), диакон Богоявленской церкви г. Керенска. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Пензенской епархии.

Нечаев Степан Дмитриевич (1792–1860), обер-прокурор Св. Синода в 1833–1857 гг. и сенатор.

Никандр (Молчанов Николай Дмитриевич; 1852–1910), архиепископ. В 1891 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1893–1895 гг. ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1895 г. епископ

Симбирский и Сызранский; с 1904 г. архиепископ Литовский и Виленский.

Никандр (Феноменов Николай Григорьевич; 1872–1933), митрополит. В 1905 г. хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. С 1908 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 1914 г. епископ Вятский и Слободской. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1919 г. архиепископ. С 1921 г. архиепископ Астраханский, к месту назначения выехать не мог. С 1921 г. член Св. Синода при Патриархе Тихоне. С 1922 г. архиепископ Крутицкий. Неоднократно арестовывался, находился в ссылках и лагерях. С 1925 г. митрополит Одесский. С 1927 г. митрополит Ташкентский и Туркестанский.

Никанор (Бровкович Александр Иванович; 1827–1890), архиепископ. В 1871 г. хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской епархии. С 1876 г. епископ Уфимский и Мензелинский; с 1883 г. епископ Херсонский и Одесский. С 1886 г. архиепископ.

Никаноров И., журналист, член Карловацкого Собора.

Никита (Делекторский Федор Петрович; 1876–19.11.1937), священномученик, епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Бугульминского, викария Самарской епархии. В 1924 г. арестован, через два месяца освобожден. В 1925 г. арестован, вскоре освобожден. С 1926 г. епископ Орехово-Зуевский, викарий Московской епархии. С 1927 г. епископ Нижне-Тагильский, викарий Свердловской епархии. В 1927 г. уволен на покой. Арестован в 1930 г., до 1933 г. в заключении в лагере. В последние годы жизни юродствовал. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Никита (Нилов Федор Федорович; 1898–1939), архимандрит. С 1923 г. послушник Высоко-Петровского монастыря, пострижен в монашество, с 1926 г. иеромонах. Арестован в 1930 г., выслан в Северный край. С 1934 г. архимандрит. После ссылки поселился в г. Волоколамске, в 1937 г. покинул Волоколамск, спасаясь от ареста. Совершал тайные постриги и тайно служил Литургии в Москве на частных квартирах.

Никита (Прибытков Николай Григорьевич; 1859–03.01.1938), священномученик, епископ. В 1924 г. хиротонисан Святейшим Патриархом Тихоном во епископа Кузнецкого. С 1924 г. епископ Рубцовский, с 1927 г. епископ Бийский. Арестован в 1931 г., был отправлен в ссылку в Сибирь, где был арестован в 1933 г., отправлен в ссылку в Нарымский край. С 1934 г. епископ Малмыжский, викарий Вятской епархии. С 1935 г. епископ Белевский, викарий Тульской епархии. В 1937 г. арестован. Расстрелян. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г.

Никита (Стягов; 1867–06.08.1936), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Боровичского, викария Новгородской епархии. Был репрессирован в 1927 г. С 27 декабря 1934 г. архиепископ Боровичский.

Никита, иеромонах см. Никита (Нилов), архимандрит
Никитка, юродивый

Никодим (Казанцев Никита Иванович; 1803–1874), епископ. В 1854 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского, викария Казанской епархии. С 1861 г. епископ Енисейский. С 1870 г. на покое.

Никодим (Кононов Александр Михайлович; 1871–01.08.1919), священномученик, епископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Рыльского, викария Курской епархии. С 1913 г. епископ Белгородский, викарий Курской епархии. На 1917 г. числился настоятелем Белгородского Свято-Троицкого монастыря. В 1919 г. арестован. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Никодим (Кроткое Николай Васильевич; 1868–21.08.1938), священномученик, архиепископ. В 1907 г. хиротонисан во епископа Аккерманского, викария Кишиневской епархии. С 1911 г. епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии; с 1921 г. епископ Таврический и Симферопольский. С 1922 г. архиепископ. С 1922 г. в заключении. С 1932 г. архиепископ Костромской. С 1936 г. в заключении. Скончался в ярославской тюремной больнице. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Никодим (Никулеску), Румынский Патриарх. В 1917–1918 гг. представитель Румынской Православной Церкви в сане епископа Нишского на Св. Соборе 1917–1918 гг.

Никодим (Ротов Борис Георгиевич; 1929–1978), митрополит. В 1960 г. хиротонисан во епископа Подольского, викария Московской епархии. Председатель Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии. Член комиссии по межхристианским связям. Руководил Издательским отделом Московской Патриархии. С 1960 г. епископ Ярославский и Ростовский. С 1961 г. постоянный член Св. Синода. С 1961 г. архиепископ. С 1963 г. председатель Комиссии Св. Синода по вопросам христианского единства, митрополит Минский и Белорусский, затем Ленинградский и Ладожский. С 1967 г. Ленинградский и Новгородский. В. у. Патриаршими приходами Северной и Южной Америки. В 1975 г. был избран Президентом Всемирного союза церквей. Скончался в Риме во время аудиенции у папы Римского Иоанна Павла.

Николай (Варжанский Николай Юрьевич; 1881–19.09.1918), мученик, епархиальный миссионер, преподаватель Московской духовной семинарии. На Св. Соборе 1917–1918 гг. исполнял обязанности делопроизводителя Отдела о внешней и внутренней миссии и о церковной дисциплине. 30.05.1918 был арестован на квартире протоиерея Иоанна Восторгова и заключен в Бутырскую тюрьму. Расстрелян на Калитниковском кладбище. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Николай (Голубев Владимир Иванович; 1862–05.12.1929), епископ. В 1926 г. хиротонисан во епископа Ветлужского, викария Нижегородской епархии. После выхода июльской Декларации 1927 г. перешел в оппозицию к митрополиту Сергию (Страгородскому). Подал прошение митрополиту Сергию с просьбой уволить за штат. Прошение было удовлетворено. С 1929 г. епископ Кинешемский, викарий Костромской епархии. Арестован в 1929 г. В тюрьме тяжело заболел. Был освобожден под подписку о невыезде. Приговор был вынесен после смерти.

Николай (Добронравов Николай Павлович; 1861–10.12.1937), священномученик, архиепископ. До 1917 г.

протоиерей, законоучитель Александровского военного училища в Москве. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. Арестован в 1918 г., приговорен к заключению в концлагерь, освобожден в 1919 г. В 1921 г. хиротонисан во епископа Звенигородского, викария Московской епархии. Арестован в 1922 г., был выслан в г. Усть-Сысольск. С 1923 г. архиепископ Владимирский и Суздальский. Арестован в 1924 г. и в 1925 г. по «делу митрополита Петра (Полянского)». В 1926–1929 гг. в ссылке в Туруханском крае. В 1929 г. был выслан на поселение в бывшую Вологодскую губ., до 1937 г. в ссылке. В 1937 г. арестован в Москве. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Николай (Зиоров Михаил Захарович; 1851–1915), архиепископ. В 1891 г. хиротонисан во епископа Алеутского и Аляскинского. С 1898 г. епископ Таврический и Симферопольский. С 1905 г. возведен в сан архиепископа и назначен архиепископом Тверским и Кашинским, но по болезненному состоянию на кафедру не поехал. С 1905 по 1908 г. на покое в одном из монастырей Таврической епархии. С 1906 г. член Государственного совета от монашествующего духовенства. С 1908 г. архиепископ Варшавский и Привисленский.

Николай (Ипатов Николай Александрович; 1878–29.08.1938), епископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Златоустовского, викария Уфимской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1922 г. временно управляющий Уфимской епархией. С 1927 г. епископ Мелекесский, викарий Самарской епархии; с 1928 г. епископ Воткинский, викарий Сарапульской епархии; с 1930 г. епископ Ижевский и Боткинский. Был арестован в 1931 г. С 1933 г. епископ Ижевский.

Николай (Клементьев Николай Федорович; 1873–31.12.1937), священномученик, архиепископ. В 1924 г. Святейшим Патриархом Тихоном хиротонисан во епископа Сестрорецкого, викария Петроградской епархии. Арестован в 1925 г., в 1926–1929 гг. в ссылке в Иркутской обл. С 1933 г. епископ Никольский, управляющий Великоустюжской епархией. С 1934 г. архиепископ Великоустюжский и Усть-Вымский.

Арестован в 1935 г., сослан в Казахстан, где был арестован в 1937 г. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Николай (Могилевский) Феодосий Никифорович; 1877–25.10.1955), священноисповедник, митрополит. В 1919 г. хиротонисан во епископа Стародубского, викария Черниговской епархии. С 1920 г. епископ Сосницкий, викарий Черниговской епархии. В 1922 г. несколько месяцев примыкал к обновленцам. С 1923 г. епископ Каширский, викарий Тульской епархии. В 1923 г. временно управляющий Тульской епархией. В 1923–1925 гг. проживал в Москве без права выезда. В 1925–1926 гг. был заключен в тюрьму. С 1927 г. епископ Орловский. В 1931 г. уволен на покой. В 1932 г. арестован. До 1937 г. в заключении в лагере. С 1941 г. архиепископ. Арестован в 1941 г., выслан в Казахстан. С 1942 г. служил в г. Челкар в Вознесенской общине настоятелем. С 1942 г. архиепископ Алмаатинский и Казахстанский. В 1951–1955 гг. временно управляющий Семипалатинской епархией. С 1955 г. митрополит Алмаатинский и Казахстанский. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Николай (Налимов Николай Александрович; 1852–1914), архиепископ, духовный писатель. В 1890 г. хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1892 г. епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии; с 1893 г. епископ Саратовский и Царицынский. С 1899 г. архиепископ Финляндский и Выборгский; с 1905 г. архиепископ Тверской и Кашинский; с 1905 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии; с 1906 г. архиепископ Владимирский и Суздальский.

Николай (Орлов; †1922), епископ. С 1921 г. епископ Нижне-Чирский, викарий Донской епархии. Арестован в 1922 г., приговорен к расстрелу. Расстрелян.

Николай (Парфенов Владимир Васильевич; 1879–20.01.1939), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Аткарского (Петровского?), викария Саратовской епархии. В 1925–1927 гг. проживал в затворе. Открыто не служил, старчествовал. В 1933 г. арестован, освобожден через 4 месяца.

Арестован в 1936 г., заключен во Владимирскую тюрьму. Умер в тюрьме.

Николай (Пирский Николай Васильевич; 1855–1935), архиепископ. Депутат II Государственной Думы от Полтавской губ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Кобелякского, викария Полтавской епархии. С 1927 г. епископ Роменский, викарий Полтавской епархии. С 1931 г. архиепископ Новоградволинский и управляющий Волынской епархией. С 1932 г. архиепископ Полтавский.

Николай (Симонов Иосиф; † 1896), архимандрит, член Грузино-меретинской синодальной конторы.

Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич; 1891–23.12.1961), митрополит. В 1922 г. хиротонисан во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. Арестован в 1922 г., в 1923 г. В 1923–1926 гг. в ссылке в Коми (Зырян) АО. С 1927 г. временно управляющий Ленинградской епархией, епископ Петергофский, викарий Ленинградской епархии. С 1935 г. архиепископ Петергофский. В 1936–1940 гг. временно управляющий Новгородской и Псковской епархией. На момент 1939 г. был одним из трех правящих архиереев. С 1940 г. архиепископ Волынский и Луцкий, Экзарх западных областей Украины и Белоруссии. С 1941 г. митрополит Волынский и Луцкий, Экзарх западных областей Украины и Белоруссии. С 1941 г. митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины. В 1942–1943 гг. временно управляющий Московской епархией. С 1947 г. митрополит Крутицкий. С 1947 г. митрополит Крутицкий и Коломенский.

Николай II Александрович (1868–17.07.1918); святой страстотерпец, Император Всероссийский (1894–1917).

Николай Николаевич (младший) (1856–1929), Великий князь. Генерал от кавалерии. В 1905–1914 гг. командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. В 1914–1915 гг. верховный главнокомандующий, в 1915–1917 гг. главнокомандующий войсками Кавказского фронта. С 1919 г. в эмиграции. Считался одним из претендентов на императорский престол.

Николай, блаженный см. Ивансен Николай Александрович

Никольский Петр Петрович (1891–14.03.1938), священник. Рукоположен во иерея в 1914 г. Арестован в 1922 г., до 1923 г. в заключении. До 1930 г. служил в московской церкви Знамения Божией Матери в Зубове, затем в церкви свт Николая в Хамовниках. В 1933 г. арестован. После освобождения служил в храмах Московской обл. Арестован в 1938 г. Расстрелян.

Никольский Н. М.

Никольский, генерал, член Карловацкого Собора.

Никон (†1426), преподобный, ученик Сергия Радонежского, после смерти которого был игуменом Троице-Сергиевой Лавры.

Никон (Дегтяренко Николай Федорович; 1884–?), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Могилевского. Выслан в Киев, откуда в 1925 г. переведен в Москву, где жил без права выезда. Арестован в 1925 г. по «делу митрополита Петра (Полянского)», выслан в г. Батум Тифлисской губ. С 1927 г. епископ Красноярский и Енисейский. В 1932–1933 гг. в ссылке в Алтайском крае. Дальнейшая судьба неизвестна.

Никон (Минин-Ларионов Никита Минич; 1605–1681), Патриарх Московский и всея России (1652–1666). Провел церковные реформы, в частности, исправление богослужебных книг, вызвавших старообрядческий раскол в Русской Православной Церкви. В 1658 г. оставил Патриаршество. Был осужден Собором 1666–1667 гг., который 11.12.1666 снял с него сан Патриарха. Был сослан на Север в Ферапонтов монастырь на Белоозере. Погребен в Новоиерусалимском монастыре под Москвой.

Никон (Париманчук), иеродиакон.

Никон (Пурлевский Николай Александрович; 1886–17.12.1937), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Рыльского, викария Курской епархии. С 1921 г. епископ Белгородский, викарий Курской епархии. В 1923 г. уклонился в обновленческий раскол, был «епископом Курским». В 1924 г. принес покаяние Святейшему Патриарху Тихону и принят в сущем сане. С 1924 г. епископ Белгородский, викарий Курской епархии. Арестован в 1924 г. В 1926–1927 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. С 1930 г. епископ Прикаспийский и Бакинский; епископ Ржевский, викарий

Тверской епархии. В 1933 г. временно управляющий Вяземской епархией; с 1933 г. епископ Архангельский. С 1934 г. архиепископ. С 1937 г. архиепископ Казанский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Никон (Рождественский Николай Иванович; 1851–1919), епископ, духовный писатель. В 1904 г. хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. С 1904 г. епископ Серпуховской, викарий Московской епархии; с 1906 г. епископ Вологодский и Тотемский. В 1912 г. уволен от управления епархией; с 1916 г. на покое, проживал в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

Никон (Соловьев), епископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Оханского, викария Вятской епархии. В 1923–1924 гг. епископ Сергиевский, временно управляющий Московской епархией. В 1924–1927 гг. епископ Кузнецкий, викарий Томской епархии.

Никон (Софийский Николай Андреевич; 1861–28.05.1908), архиепископ. В 1898 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. С 1899 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии. С 1901 г. епископ Вятский и Слободской. С 1904 г. епископ Владимирский и Суздальский. С 1906 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. 28 мая 1908 г. был убит грузинскими националистами. По завещанию погребен в Успенском соборе г. Владимира.

Никон, архиепископ бывший Вологодский см. Никон (Рождественский), епископ

Нилус Сергей Александрович (1862–1929), духовный писатель, агиограф, публицист. В 1924 и 1925 годах подвергался арестам и тюремному заключению.

Нифонт (Фомин Николай Петрович; 1885–1937), епископ. В 1918 г. хиротонисан во епископа Балашовского, викария Саратовской епархии. С 1919 г. епископ Череповецкий, викарий Новгородской епархии. Подвергался репрессиям в 1919, 1921, 1928 и 1932 гг. С 1922 г. епископ Могилевский, с 1925 г. епископ Сталинградский. В 1927 г. в ссылке. С 1927 г. епископ Вязниковский, временно управляющий Владимирской епархией;

епископ Владивостокский и Камчатский. С 1929 г. епископ Череповецкий. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), правовед, философ. Профессор Московского университета в 1904–1906 гг., ректор Высшего коммерческого института в 1906–1918 гг. С 1920 г. эмиграции.

Новицкий Ю. С., профессор см. Юрий (Новицкий), мученик
Новоселов Михаил Александрович см. Михаил (Новоселов), мученик

Новых Григорий см. Распутин Григорий

Нумеров Николай Васильевич (1875–?), обер-секретарь Св. Синода. Заведующий общей канцелярией Св. Собора 1917–1918 гг. Делопроизводитель (секретарь) канцелярии Св. Синода и Высшего Церковного Совета при Патриархе Тихоне (см. Т. 1)

Оболенские

Оболенский Алексей Дмитриевич (1855–1933), князь, обер-прокурор Св. Синода в 1905–1906 гг. (см. Т. 1)

Озолинг Г. О.

Олещук Ф., журналист

Олсуфьев Дмитрий Адамович (1862–1937), граф. С 1891 г. земский начальник в Московском уезде, гласный и мировой судья в Дмитровском уезде. С 1894 г. предводитель дворянства в Саратовской губ., в 1902–1904 гг. председатель Саратовской земской управы. Во время русско-японской войны работал на Дальнем Востоке в Российском обществе Красного Креста, был взят в плен в Мукдене. В 1905 г. один из организаторов Союза 17 октября, участвовал в созыве земского съезда. С 1907 г. Член Государственного совета от Земского собрания Саратовской губ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по приглашению Св. Синода от Государственного Совета. После революции эмигрировал. Член Карловацкого Собора, однако в заседаниях не участвовал. Умер в Ницце.

Онуфрий (Гагалюк Антон Максимович; 1889–01.06.1938), священномученик, архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Елисаветградского, викария Херсонской епархии. Арестован в 1923 г., выслан в Харьков, был арестован, находясь в ссылке, осужден; в 1926–1928 гг. в ссылке в Коми-

Пермяцком национальном округе; в 1928 г. вновь арестован, отправлен в Тобольскую губ. С 1929 г. епископ Старооскольский. Арестован в 1933 г., провел в тюрьме несколько месяцев. С 1934 г. архиепископ Курский и Обоянский. Арестован в 1935 г., приговорен к 10 годам лагерей, наказание отбывал в Дальлаге Дальневосточного (Хабаровского) края, где был арестован в 1938 г. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Онуфрий, иеромонах, насельник Высоко-Петровского монастыря.

Орлов Анатолий Петрович (1879–21.12.1937), профессор-протоиерей Московской Духовной Академии. В 1917 г. рукоположен во иерея. В 1917–1922 гг. ректор Академии. Был арестован в 1922 г. и приговорен к расстрелу, который был заменен тюремным заключением. Арестован в 1924 г., 1931 г. В 1934–1937 гг. служил в с. Кузьмищево Тульской обл. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Орлов Лавр, протоиерей, благочинный Ярославской епархии.

Орлов Сергей Иоаннович (1864–1944), протопресвитер. С 1895 г. определен на церковную службу за границей, член Карловацкого Собора. В 1927 г. отклонился от митрополита Евлогия (Георгиевского) и перешел в Русскую Православную Церковь Заграницей. С 1928 г. протопресвитер. Председатель Русского православного комитета помощи верующим в России.

Орлов, протоиерей, магистр богословия.

Орлов, член Карловацкого Собора см. Орлов Сергей Иоаннович, протопресвитер

Орнатский Философ Николаевич, протоиерей см. Философ (Орнатский), священномученик, протоиерей.

Осипов Сергей Александрович (ок. 1883–после 1965), помощник смотрителя Рижского духовного училища. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Рижской епархии.

Остапов Даниил Андреевич, личный секретарь Патриарха Алексия I (Симанского).

Остроумов Михаил Андреевич (1847–1920), профессор Харьковского университета по кафедре церковного права. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Харьковской епархии. Редактировал «Церковные ведомости» и «Приходский листок»

П. Б. В.

Павел (Вильковский Павел Яковлевич; 1870–07.05.1933), архиепископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа Елецкого. С 1917 г. епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1919 г. епископ Бакинский, викарий Грузинского Экзархата; с 1924 г. епископ Оханский, викарий Пермской епархии. Арестован в 1925 г, сослан. С 1927 г. епископ Минский. С 1930 г. архиепископ Пятигорский. В 1933 г. арестован. Расстрелян.

Павел (Введенский Павел Андреевич; 1866–09.02.1937), епископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Никольско-Уссурийского, викария Владивостокской епархии. С 1923 г. епископ Мелекесский, викарий Самарской епархии. В 1924–1927 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. С 1927 г. в ссылке в г. Уфе, епископ Златоустовский; с 1928 г. епископ Калужский, епископ Оренбургский. В 1931 г. арестован, выслан. С 1935 г. епископ Моршанский. Скончался в ссылке.

Павел (Гальковский Павел Михайлович; 1864–28.11.1937), митрополит. В 1921 г. хиротонисан во епископа Бузулукского. С 1927 г. епископ Егорьевский; с 1929 г. епископ Ивановский. С 1830 г. архиепископ. С 1935 г. митрополит. С 1936 г. в заключении. Расстрелян.

Павел (Кратиров Павел Федорович; 1871–05.01.1932), епископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Старобельского, викария Харьковской епархии. В 1922 г. выслан за пределы епархии. Арестован в 1923 г., выслан за пределы Украины. С 1923 г. епископ Ялтинский, викарий Таврической епархии, затем епископ Вологодский (?). В 1923–1931 гг. неоднократно подвергался арестам. В 1931 г. приговорен к 10 годам лагерей. Скончался в тюремной больнице.

Павел (Павловский Петр Андреевич; 1865–24.11.1937), епископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Пинежского, викария

Архангельской епархии. Арестован в 1920 г., приговорен к расстрелу, приговор был заменен на 5 лет тюрьмы. С 1926 г. епископ Старицкий, временно управляющий Тверской епархией; епископ Уральский и Покровский; с 1929 г. епископ Челябинский; с 1931 г. епископ Красноярский и Енисейский. С 1933 г. архиепископ. С 1933 г. Арестован в 1937 г. Умер в тюрьме.

Павел (Флоринский Петр Дмитриевич; 1871–14.19.1940), епископ. В 1923 г. на короткий срок уклонился в обновленческий раскол. По покаянии принят в лоно Русской Православной Церкви. В 1924 г. хиротонисан во епископа Пугачевского, викария Уральской епархии. С 1925 г. в ссылке; назначен епископом Котельническим. С 1928 г. епископ Пугачевский. Арестован в 1931 г., 1931–1936 гг. в ссылке в Коми (Зырян) АО. С 1936 г. проживал в Казани.

Павел I (1754–1801), российский император с 1796 г.

Павинский Г.

Павлин (Крошечкин Петр Кузьмич; 1879–03.11.1937), священномученик, архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Рыльского, викария Курской епархии. С 1926 г. епископ Полоцкий. Арестован в 1926 г. С 1927 г. епископ Пермский; с 1930 г. епископ Боровский, временно управляющий Калужской епархией. С 1931 г. епископ Калужский. С 1933 г. архиепископ Могилевский. Арестован в 1935 г., приговорен к 10 годам лагерей, заключен в Сиблаг, где был осужден в 1937 г. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Павлова Анна Павловна (1881–1931), артистка балета

Палицкий А.

Палладий (Добронравов Николай; 1865–1922), епископ. В 1908 г. хиротонисан во епископа Пермского и Соликамского. С 1914 г. епископ Саратовский и Царицынский; с 1918 г. епископ Сарапульский и Елабужский. В 1919 г. уволен на покой. В 1919–1922 гг. настоятель Новоспасского монастыря.

Палладий (Раев Павел Иванович; 1827–1898), митрополит. В 1866 г. хиротонисан во епископа Ладожского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1869 г. епископ Вологодский и Устюжский; с 1873 г. епископ Тамбовский и Шацкий; с 1876 г.

епископ Рязанский и Зарайский. С 1881 г. архиепископ; с 1882 г. архиепископ Казанский и Свияжский; с 1887 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. С 1892 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

Памфил (Лясковский Петр Александрович; 1883–10.01.1936), епископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Стародубского, викария Черниговской епархии. В 1923–1926 гг. в ссылке в г. Яранске Вятской губ. С 1928 г. епископ Богучарский, викарий Воронежской епархии; епископ Россошанский, викарий Воронежской епархии; с 1930 г. епископ Уральский; с 1931 г. епископ Чебоксарский; с 1932 г. епископ Богородский, викарий Московской епархии; епископ Подольский, викарий Московской епархии. В 1932 г. временно управляющий Курской епархией. С 1932 г. епископ Краснодарский и Кубанский. Повешен.

Панов К. П., прихожанин с. Некрасова Ярославской епархии.

Пантелеймон (Рожновский Павел Стефанович; 1867–30.12.1950), митрополит. В 1913 г. хиротонисан во епископа. С 1918 г. епископ Пинский и Новогрудский. С 1919 г. в эмиграции в связи с изменением государственных границ. В 1922 г. присутствовал на Польском Соборе в Варшаве, где выступил резко против автокефалии Польской Церкви, навязываемой властями. За это он был репрессирован, лишен кафедры и сослан в Мелецкий, а затем в Жировичский монастырь. В 1922 г. отстранен польскими властями от управления Пинской епархией (состоял в юрисдикции Московской Патриархии). С 1940 г. епископ Гродненский и Барановичский. С 1941 г. архиепископ Минский и Белорусский, Экзарх всея Белоруссии (июнь-октябрь 1941) (назначен митрополитом Сергием (Страгородским)). В марте 1942 г. возведен в сан митрополита. Отказался провозгласить автокефалию Белорусской Православной Церкви и в мае 1942 г. удалился на покой (жил в различных монастырях Белоруссии). В 1944 г. эвакуировался в Германию, возглавлял белорусские приходы в лагерях Ди-Пи. В 1946 г. вместе с Собором белорусских епископов вошел в состав клира Русской Православной Церкви Заграницей. Скончался в Мюнхене.

Пантелеймон (Успенский Дмитрий Поликарпович; 1886–1918), доцент Московской Духовной Академии по кафедре патристики.

Пантелеймон, епископ, представитель Иерусалимской Церкви в Америке.

Папков Александр Александрович (1868–1920), бывший губернатор Финляндии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. Автор исследований о церковных братствах и древнерусских приходах.

Парийский Лев Николаевич (1892–1972), профессор, инспектор Ленинградской Духовной Академии и семинарии.

Парфений (Брянских Петр Арсеньевич; 1881–22.11.1937), священномученик, епископ. В мае 1921 г. хиротонисан во епископа Ананьевского (Новомиргородского?), викария Одесской епархии. В 1923–1924 гг. несколько раз был арестован. С конца 1925 г. в заключении и ссылке. Расстрелян. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2005 г.

Парфений, инок, постриженник святой горы Афонской.

Пахомий (Кедров Петр Петрович; 1876–11.11.1937), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Стародубского, викария Черниговской епархии. С 1917 г. епископ Черниговский и Нежинский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1922 г. арестован. С 1923 г. архиепископ. В 1925 г. проживал в Москве без права выезда. С конца 1925 г. в заключении и ссылке. Умер в заключении.

Пегов Владимир, московский благотворитель.

Перебаскин Иван Павлович († 1918), смотритель Соликамского духовного училища.

Пересвет Александр († 1380), монах Троице-Сергиевой Лавры, герой Куликовской битвы.

Персиц М. М.

Петр (†1326), святой, митрополит всея Руси с 1305 г.

Петр († 68), апостол, один из учеников Иисуса Христа, первый епископ Рима, был распят в Риме.

Петр (Гасилов Федор Степанович; 1869–19.01.1938), единоверческий епископ. В 1923 г. хиротонисан в

единоверческого епископа Саткинского, викария Уфимской епархии. С 1924 г. епископ Осинский, викарий Пермской епархии. Арестован в 1932 г., сослан на Урал. С 1934 г. епископ Сызранский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Петр (Зверев Василий Константинович; 1878–27.02.1929), священномученик, архиепископ. В 1919 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 1920 г. епископ Старицкий, викарий Тверской епархии. В 1921 и 1922 гг. несколько раз был арестован. В 1923–1924 гг. в ссылке. С 1925 г. архиепископ Воронежский. В 1926 г. арестован, с 1927 г. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. Скончался в Голгофо-Распятском скиту на о. Анзер Соловецкого архипелага. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Петр (Карелин Петр Иванович; † 29.06.1918), священномученик, священник с. Каменского Екатеринбургской губ. Утоплен большевиками в р. Сура. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Петр (Полянский Петр Федорович; 1862–10.10.1937), священномученик, митрополит, Местоблюститель Патриаршего Престола. В октябре 1920 г. хиротонисан во епископа Подольского, викария Московской епархии. Арестовывался в 1919 г., 1921 г. До 1923 г. в ссылке. В 1923 г. вернулся в Москву, возведен в сан архиепископа. С 1924 г. митрополит Крутицкий. 7.01.1925, согласно последнему завещательному распоряжению Патриарха Тихона, назначен третьим кандидатом в Местоблюстители Патриаршего Престола. 12.04.1925 решением почти 60 епископов утвержден в должности Патриаршего Местоблюстителя. 10.12.1925 арестован и до конца жизни находился в заключении. В 1926 г. приговорен к трем годам ссылки, отправлен в Тобольск. В феврале 1927 г. переправлен в с. Абалак, а в начале апреля вновь арестован и доставлен в Тобольскую тюрьму. В июле, по решению ВЦИК, был сослан за Полярный круг на берег Обской губы в пос. Хэ. В мае 1928 г. срок ссылки продлен на два года. В августе 1930 г. арестован. Отказался снять с себя обязанности Местоблюстителя. С января 1931 г. в строгой изоляции, приговорен к заключению

сроком на пять лет. Последние годы жизни провел в Верхнеуральской тюрьме. В июле 1936 г. срок его заключения был продлен еще на три года. Расстрелян в тюрьме Магнитогорска. Причислен клику святых в 1997 г.

Петр (Скипетров Петр Иванович; 1863–20.01.1918), священномученик, протоиерей. Скорбященской церкви Петрограда. Убит красногвардейцами в Александро-Невской лавре. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г.

Петр (Соколов Павел Иванович; 1863–16.05.1937), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Сердобского, викария Саратовской епархии. С 1923 г. епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. В 1923 г. временно управляющий Астраханской епархией; временно управляющий отдельными приходами Уральской и Пензенской епархий. Арестован в 1923 г. В 1924–1926 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения, после освобождения отправлен в ссылку. С 1928 г. епископ Камышинский, викарий Саратовской епархии; епископ Сердобский, викарий Саратовской епархии. С 1930 г. епископ Сталинградский. С 1933 г. архиепископ Сталинградский. С 1935 г. архиепископ Воронежский. Арестован в 1936 г. Умер в заключении.

Петр (Чельцов Петр Алексеевич; 1888–12.09.1972), священноисповедник, протоиерей. В 1911 г. рукоположен во иерея. С 1915 г. преподаватель Смоленской духовной семинарии. В 1918–1921 гг. настоятель Ильинской церкви Смоленска. Кратковременно арестовывался в 1922 г. и 1924 г. В 1927 г. арестован, наказание отбывал в Соловецком лагере особого назначения, после лагеря в 1929–1933 гг. в ссылке. В 1933 г. арестован и сослан в Архангельскую обл. С 1936 г. протоиерей Казанской церкви с. Нарва Курловского района Владимирской обл. В 1941 г. арестован, освобожден в 1942 г., служил в храмах Владимирской епархии. Арестован в 1949 г., отправлен в лагерь Инта. После освобождения в 1955 г. настоятель Пятницкой церкви с. Великодворье Гусь-Хрустального района Владимирской обл. Архиерейским Собором 2000 г. причислен клику святых.

Петр I Великий (1672–1725), русский царь (1682), первый Российский Император (1721).

Петров Григорий Спиридонович (1866–1925), бывший священник. Депутат II Государственной Думы. В 1890 годах выступал как публицист. В 1893–1903 гг. настоятель церкви при Михайловской артиллерийской академии и законоучитель, профессор богословия в Политехническом институте. Участник Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге. С 1898 г. редактор различных церковных периодических изданий. Сторонник христианского социализма и широкого участия Церкви в общественной жизни. Автор ряда брошюр на церковные темы. Перед выборами в Думу в феврале 1906 г. решением Санкт-Петербургской духовной консистории, «ввиду его политической деятельности и протестантских тенденций», сослан в Черминецкий монастырь с запрещением священнослужения, публицистической деятельности и литературных занятий, но после избрания в Думу Петров самовольно покинул монастырь. После роспуска Думы был лишен священного сана и выслан из столицы, занимался литературной работой, путешествовал по России, выступая с христианскими лекциями. В 1920 г. эмигрировал в Сербию, потом переехал во Францию, где занимался литературным трудом. Скончался в Париже. В священном сане восстановлен не был.

Петропавловский В. Д., секретарь митрополита Макария (Невского)

Пимен (Белоликов Петр Захарович; 1879–16.09.1918), священномученик, епископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Салмасского, начальник Урмийской миссии. С 1917 г. епископ Верненский и Семиреченский, викарий Туркестанской епархии. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Пимен (Извеков Сергей Михайлович; 1910–1990), Патриарх Московский и всея Руси. В 1930 г. рукоположен во иеродиакона, а в 1931 г. во иеромонаха. В 1935 г. арестован. В 1945 г. клирик Благовещенского собора в г. Муроме. В 1946 г. казначей Одесского Ильинского монастыря; помощник благочинного

монастырей Одесской епархии. С 1947 г. игумен. С 1949 г. наместник Псково-Печерского монастыря. С 1950 г. архимандрит. С 1954 г. наместник Троице-Сергиевой Лавры. В 1957 г. хиротонисан во епископа Балтского, викария Одесской епархии. С 1957 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии. С 1961 г. архиепископ Тульский и Белевский, затем митрополит Ленинградский и Ладужский. С 1963 г. митрополит Крутицкий и Коломенский. С 1970 г. Патриарший Местоблюститель. С 2 июня 1971 г. Патриарх Московский и всея Руси.

Пимен (Пегов Павел Григорьевич; 1875–1942), архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Бакинского. В 1918 г. председатель Всеукраинского церковного собора. С 1918 г. епископ Каменец-Подольский и Брацлавский. С 1921 г. архиепископ. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. С 1923 г. обновленческий митрополит Харьковский. С 1925 г. обновленческий митрополит Киевский, глава Украинской автокефальной Православной синодальной Церкви. В 1935 г. принес покаяние, принят в общение, назначен архиепископом Каменец-Подольским и Брацлавским, вскоре арестован, скончался в заключении.

Писарев Леонид Иванович (1865–?), профессор Казанской Духовной Академии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Казанской епархии. В 1904–1906 гг. редактор академического журнала «Православный собеседник». С 1910 г. экстраординарный профессор по первой кафедре патрологии. С 1915 г. доктор церковной истории. Бежал вместе с белочехами из Казани в сентябре 1918 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

Питирим (†1673), восьмой Патриарх Московский с 1672 г.

Питирим (Окнов Павел Васильевич; 1858–1919), митрополит. С 1891 г. ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии. В 1894 г. хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. С 1896 г. епископ Тульский и Белевский. С 1904 г. Курский и Белгородский. С 1905 г. именовался Курским и Обоянским. С 1909 г. архиепископ. С 1911 г. архиепископ Владикавказский и Моздокский; с 1913 г.

архиепископ Самарский и Ставропольский, с 1914 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, член Св. Синода и Экзарх Грузии. С 1915 г. митрополит Петроградский и Ладожский. В марте 1917 г. уволен Временным правительством на покой (см. Т. 1)

Питухин, начальник Тобольской судебной милиции.

Платон (Кульбуш Павел Петрович; 1869–14.01.1919), священномученик, епископ. В январе 1918 г. хиротонисан во епископа Ревельского, викария Рижской епархии. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Платон (Левшин Петр Гаврилович; 1737–1812), митрополит. В 1770 г. хиротонисан в архиепископа Тверского и Кашинского, С 1775 г. архиепископ Московский и Калужский. С 1787 г. митрополит Московский. С 1811 г. на покое.

Платон (Рождественский Порфирий Федорович; 1866–1934), митрополит. В 1902 г. хиротонисан во епископа. В 1907 г. депутат II Государственной Думы. В 1907–1914 гг. архиепископ Алеутский и Североамериканский. С 1915 г. Экзарх Грузии, член Св. Синода. Член Св. Собора 1917–1918 гг., с августа 1917 г. митрополит. С 1918 г. митрополит Херсонский и Одесский. В 1920 г. эмигрировал в Северную Америку. В 1922 г. Американский церковный собор утвердил его митрополитом всея Америки и Канады. 29.09.1923 назначен на ту же должность св. Патриархом Тихоном и Всезаграничным Архиерейским Синодом. В 1923 г. объявил Американскую Церковь автономной. 10.01.1924 вызван в Москву для канонического суда; 16.01.1924 уволен Патриархом Тихоном от управления епархией, но указу не подчинился. 16.08.1933 запрещен митрополитом Сергием (Страгородским) в священнослужении. Скончался в расколе, не покайсясь. 19.04.1946 запрещение было посмертно снято.

Платон (Руднев Николай Николаевич; 1885–01.1936), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Богородского, викария Московской епархии. Арестован в конце 1924 г. В 1925–1927 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. В 1927–1931 гг. в ссылке в Коми (Зырян) АО. В 1932 г.

арестован, приговорен 3 годам к заключения в лагере. В 1935 г. арестован. Погиб в заключении.

Платонов Сергей Федорович (1850–1933), русский историк.

Плахинскач, начальник 5 участка Тобольской уездной милиции.

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904), государственный деятель. С 1881 г. директор департамента полиции, с 1884 г. государственный секретарь. С 1902 г. министр внутренних дел России и шеф отдельного корпуса жандармов. Убит эсером Е. С. Созоновым.

Плетнева А.

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), юрист и государственный деятель. В 1880–1905 гг. обер-прокурор Св. Синода (см. Т. 1).

Погарев Павел Яковлевич, петроградский купец 1 гильдии, провокатор в деле «Иоанна Восторгова».

Покровский Александр Иванович (1873–1928), член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. С 1907 г. профессор Московской Духовной Академии, редактор академического журнала «Богословский Вестник». В 1909 г. уволен из Академии приказом Св. Синода. В 1909–1916 г. преподавал в Московском университете и на Высших женских юридических курсах В. А. Полторацкой. В 1916 г. Советом Московской Духовной Академии присуждена степень доктора богословия, но указом Св. Синода присуждение степени было отклонено. В 1916–1919 гг. исполнял должность экстраординарного профессора Новороссийского университета, читал церковное право на юридическом факультете. В 1917 г. формально восстановлен в составе Московской Академии, восстановлена степень доктора богословия. В 1918 г. консультант Министерства исповеданий украинского правительства. В 1920–1922 гг. профессор юридического факультета Одесского института гуманитарно-общественных наук. В 1922–1928 гг. профессор юридического факультета Одесского института народного хозяйства. Уклонился в обновленческий раскол, участвовал в обновленческих соборах 1923 и 1925 гг., был избран кандидатом в члены

обновленческого Высшего церковного совета и членом обновленческого синода от мирян. Участник обновленческого Украинского Предсоборного совещания, где выступил с докладом против Патриаршества. Избран в члены пленума обновленческого синода.

Покровский Иван Михайлович (1865–1941), член Св. Собора 1917–1918 г. как член Предсоборного Совета. Профессор Казанской Духовной Академии в 1921 г. Стоял у истоков казанского архивоведения. Арестован в 1930 г., осужден на 3 года ссылки. Умер в Казани.

Покрывалов Петр (†1917), священник Тульской епархии.

Поликарп (Тихонравов или Тихомиров), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Лукояновского. С 1925 по 1927 г. епископ Ардатове кий, викарий Нижегородской епархии. Дальнейшая судьба неизвестна.

Поликарп, иеромонах.

Полозов Яков Анисимович (1879–09.12.1924), келейник св. Патриарха Тихона. Убит бандитами в патриарших покоях Донского монастыря.

Падунов А. Ю.

Пономарев Аристарх Рафаилович (1881–1968), митрофорный протоиерей. Священник церкви штаба Владивостокской крепости. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Владивостокской епархии. В 1923 г. приехал в Харбин, служил в Николаевском соборе.

Попов Димитрий Яковлевич, протоиерей, председатель «Всероссийского Союза демократического православного духовенства и мирян».

Попов Иван Васильевич, профессор см. Иоанн (Попов Иван Васильевич), мученик

Попов Н. Г., проф.-прот.

Попов Н. И., московский протоиерей.

Попов, протоиерей.

Попов, священник.

Поселянин Е.

Потемкин Савва, протоиерей, киевский миссионер.

Потулов Василий Александрович (1855–?), председатель Малоархангельской уездной земской управы, служил чиновником при ковенском губернаторе и в таможенном ведомстве. Почетный мировой судья. Член III и IV Государственных Дум. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Государственной Думы.

Преображенский А.

Приоров Константин Николаевич, протоиерей Угличской Успенской церкви.

Прокопий (Титов Петр Семенович; 1877–23.11.1937), священномученик, архиепископ. В 1914 г. хиротонисан во епископа Елизаветградского, викария Херсонской епархии. С 1918 г. епархией не управлял. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1919 г. епископ Николаевский, викарий Херсонской и Одесской епархии; с 1921 г. епископ Одесский и Херсонский. В 1923 г. арестован, выслан за пределы Украины. В 1925 г. включен в состав членов Св. Синода. С 1925 г. архиепископ; с 1925 г. епархией не управлял. В 1927 г. упоминается как архиепископ Херсонский и Николаевский. С ноября 1925 г. в заключении и ссылке. Расстрелян.

Протасов Николай Александрович (1798–1855), граф, генерал-адъютант от кавалерии, член Государственного совета и обер-прокурор Св. Синода с 1836 г. Из Св. Синода Протасов сделал подобие министерства, ставшего в его руках только исполнительным органом. Св. Синод был вынужден проводить в практическую жизнь не свои собственные взгляды на цели и задачи духовного образования, а идеи обер-прокурора.

Прохоров Г.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), один из лидеров Союза русского народа, член II–IV Государственных Дум. Участник убийства Григория Распутина.

Путятин Николай Сергеевич (1862–1927), князь, контр-адмирал. Член Карловацкого Собора. Скончался во Франции.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт.

П-ч Валентин

Пшеничников Николай И. († после 1920), протоиерей, сакелларий Большого Успенского Собора с 1897 г.

Р. П.

Раев Николай Павлович (1856–1919), обер-прокурор Св. Синода с 30.08.1916 по 28.02.1917 (был отстранен от должности Временным правительством). Автор ряда статей по народному и высшему женскому образованию. После Февральской революции скрывался от ареста, был допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства (см. Т. 1).

Раевские, братья, бывшие офицеры.

Раевский Павел Васильевич (1877–1940), протоиерей. С 1902 г. священствовал в Санкт-Петербурге. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1927 г. хиротонисан в обновленческого епископа Кронштадтского, шестого викария Ленинградской епархии. До 1936 г. занимал Тихвинскую, Новгородскую, Ялтинскую, Рыбинскую, Ярославскую кафедры. В 1936 г. возведен в сан обновленческого митрополита. С 1938 г. на покое. Скончался вне общения с Церковью.

Раевский Сергей Михайлович (1862–1922), управляющий Черниговской казенной палатой. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Черниговской епархии. Эмигрировал. Был членом приходского совета при церкви свт. Николая в Софии.

Раевский, бывший офицер

Разумовский Г., прот.

Ракобольский А., второй священник церкви с. Воскресенского Ярославской епархии.

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1865–1916), тобольский крестьянин, в светских салонах был принят как «старец», «святой человек» из народа. С помощью своих покровителей из высшего света вошел в доверие к Царской Семье, обвинялся современниками в том, что оказывал влияние на ход государственных дел. Деятельность Распутина использовалась либеральными кругами как повод для дискредитации императрицы Александры Феодоровны и всей Императорской Семьи. Убит в результате заговора.

Рафаил (Гумилевский) Георгий Петрович; 1886–1937), епископ. В 1924 г. хиротонисан Святейшим Патриархом Тихоном во епископа Александровского, викария Ставропольской

епархии. Арестован в 1925 г. В 1925–1928 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения, после лагеря был сослан на 3 года на Урал. В 1937 г. арестован. Расстрелян.

Ременников В., протоиерей, председатель следственной комиссии по расследованию убийства епископа Гермогена (Долганева).

Ремизов Н. М., присяжный поверенный. Делегат всероссийского съезда духовенства и мирян. Член комиссии по организации церковных торжеств в Москве в 1917 г. при открытии Св. Собора.

Ржепик Мирон Иванович (1885–13.09.1937), священномученик, протоиерей. В 1910–1912 гг. преподаватель Таврической духовной семинарии. В 1912 г. рукоположен во иерея. Служил в Полтавской и Тверской епархиях. До 1931 г. настоятель церкви свв. апп. Петра и Павла в г. Загорске. Арестован в 1931 г., приговорен к 10 годам лагерей, в 1937 г. арестован в лагере. Расстрелян. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2006 г.

Рклицкий Н.

Робертсон Джемс С.

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), политический деятель, один из лидеров партии октябристов. В 1911–1917 гг. Председатель III и IV Государственных Дум. В феврале 1917 г. глава Временного Комитета Государственной Думы, в августе 1917 г. поддержал вооруженное восстание генерала Л. Г. Корнилова. Участвовал в белом движении. С 1920 г. в эмиграции.

Родион (Федоров Роман Федорович; 1864–1933), священномученик, архимандрит. С 1893 г. подвизался в Троице-Сергиевой Лавре. С 1917 г. архимандрит, эконо́м Троицкого Патриаршего подворья в Москве. Арестован в 1922 г. В 1922–1931 гг. служил в Сергиевом Посаде. В 1931 г. арестован и приговорен к 5 годам заключения в лагере. Погиб в заключении. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2006 г.

Родион, иеромонах.

Рождественский Александр Петрович (1864–1930), протоиерей, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии, член Св. Собора 1917–1918 гг. по должности и по участию в Предсоборном Совете. В 1921–1923 гг. преподаватель Софийской духовной семинарии. Умер в Моравской Тшебове (см. Т. 1)

Рождественский Вячеслав Александрович (1875–?), епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ Симбирской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Симбирской епархии.

Розанов Василий Васильевич (1856–1919), русский писатель, публицист.

Розин Михаил, настоятель церкви в с. Ильинском Ярославской епархии.

Розов В., член Карловацкого Собора.

Розов Дмитрий Васильевич, священник Сретенской церкви с. Беклемишево Симбирской епархии.

Розов Константин Васильевич (1874–1923), Великий патриарший архидиакон. Известный в Москве диакон, обладавший выдающимися музыкальными данными.

Розова Антонина, дочь священника Д. В. Розова.

Розова Рахиль, дочь священника Д. В. Розова.

Руденко Валентин, протоиерей, старший священник при штабе генерала Врангеля в Крыму, член Карловацкого Собора, с 1924 г. настоятель сербского прихода в Нишской епархии, в начале Второй мировой войны состоял в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей. Скончался после 1943 г.

Руднев Вадим Викторович (1874–1940), российский политический деятель, член партии социал-революционеров. С 1907 г. член ЦК партии. 11.07.1917 избран московским городским головой. 16.08.1917 приветствовал участников открывшегося Св. Собора 1917–1918 гг. После 1917 г. уехал на Северный Кавказ. В 1919 г. эмигрировал во Францию.

Руднев С. П.

Руднева Елизавета Александровна, жена С. П. Руднева.

Рункевич Степан Григорьевич (1867–12.03.1924), помощник Управляющего Синодальною канцеляриею. Член Св. Собора

1917–1918 г., председатель редакционного отдела Собора (см. Т. 1).

Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1847–1929), российский государственный деятель, юрист. Службу начал в качестве юрист-консульта Св. Синода. С 1892 г. управляющий канцелярией Св. Синода. В 1892–1905 гг. товарищ обер-прокурора Святейшего Синода. В 1911–1915 гг. обер-прокурор Св. Синода. В 1925 г. был арестован. В 1926–1929 гг. в ссылке в Твери (см. Т. 1)

Савва, архиепископ Тверской и Кашинский
Савинский С.

Садовский, настоятель Симбирской церкви св. Ильи Пророка.

Салов Андрей Александрович (1877–?), член Московского окружного суда. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Таврической епархии.

Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932), обер-прокурор Св. Синода 05.07.1915–07.08.1915. Член Св. Собора 1917–1918 гг. В 1918 г. был арестован и провел 3 месяца в тюрьме. В 1919 г. был арестован по «делу Совета объединенных приходов», осужден и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, который был заменен бессрочным заключением, освобожден в 1922 г. В 1925 г. вновь арестован и сослан в Якутию, затем через 3 года в Кострому, где и скончался (см. Т. 1)

Самарин Дмитрий Федорович (1831–1901), общественный, государственный и церковный деятель, писатель.

Самарины

Самбурский Константин Иванович (1869–?), псаломщик Преображенской церкви села Гужовки Борзенского уезда Черниговской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Черниговской епархии.

Санковский Александр Васильевич (1868–?), протоиерей, настоятель Смоленского кафедрального собора. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Смоленской епархии.

Сафонов Д.

Сахаров Николай Николаевич (1869–1951), протопресвитер. После окончания Санкт-Петербургской Духовной Академии в 1893 г. определен на церковную службу за границей. С 1895 г. служил в посольской церкви в Берлине, с 1913 г. служил в Париже. Член Карловацкого Собора, состоял в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского).

Сахаров К. И.

Свенцицкий Валентин Павлович (1897–20.10.1931), протоиерей. 09.09.1917 рукоположен во священника, служил на фронте. С 1920 г. служил в Москве. В 1922 г. арестован, приговорен к ссылке в Таджикистан. С 1926 г. настоятель церкви свт. Николая Большой Крест на Ильинке в Москве. После выхода июльской Декларации 1927 г. вышел со своей паствой из-под юрисдикции митрополита Сергия (Страгородского). В 1928 г. арестован, приговорен к ссылке в Сибирь. В 1931 г. вернулся в общение с митрополитом Сергием. Скончался в ссылке. Похоронен в Москве.

Световидов–[Платонов] Николай Николаевич, протопресвитер, настоятель Большого Успенского Собора в Кремле с 1897 г.

Серафим (Александров Дмитрий Александрович, 1867–02.12.1937), митрополит. В 1914 г. хиротонисан во епископа Кустанайского, викария Оренбургской епархии. С 1916 г. епископ Челябинский, викарий Оренбургской епархии. В 1917 гг. временно управляющий Екатеринбургской епархий. Член Св. Собора 1917–1918 гг., секретарь епископского совещания Собора. С 1918 г. епископ Полоцкий и Витебский. С 1918 г. епископ Старицкий, викарий Тверской епархии, с 1919 г. епископ Тверской и Кашинский. С 1920 г. член Св. Синода и Высшего Церковного Совета при Святейшем Патриархе Тихоне. С 1922 г. архиепископ. В 1922 г. арестован в Москве по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей», позднее освобожден. С 1924 г. митрополит. В мае 1924 г. включен в состав членов Св. Синода и Высшего Церковного Совета. В декабре 1925 г. арестован, освобожден под подписку о невыезде. С ноября 1926 г. в ссылке. В 1927 г. включен в состав Временного Патриаршего Св. Синода при митрополите Сергии

(Страгородском). С 1928 г. митрополит Саратовский; с 1933 г. митрополит Казанский и Свияжский. Арестован в 1934 г. В 1936 г. арестован, сослан на 3 года в Казахстан, где был осужден. Расстрелян.

Серафим (Звездинский Николай Иванович; 1883–26.08.1937), священномученик, епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. В 1922 г. арестован, приговорен к двум годам ссылки в Зырянский край. В 1925 г. освобожден. С сентября по декабрь 1925 г. помогал митрополиту Петру в управлении Московской епархией. В декабре 1925 г. удалился из Москвы. В октябре 1927 г. подал прошение об уходе за штат. В 1932 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Казахстан. В 1935 г. освобожден. Проживал в г. Ишиме Омской обл. В 1937 г. арестован, приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Серафим (Коровин Александр Александрович; 1872–1950), епископ. Будучи вдовым, принял монашеский постриг, находясь в обновленческом расколе, возведен в сан архимандрита. В 1925 г. рукоположен в обновленческого епископа, обновленческий епископ Кунгурский, викарий Пермской епархии, занимал обновленческую Тюменскую кафедру. В начале 1927 г. оставил обновленческий раскол, покаялся и перешел в подчинение Патриаршему Синоду, епископская хиротония была признана действительной. С 1927 г. епископ Ялуторовский, викарий Тобольской епархии. С 1930 г. архиепископ Ялуторовский, викарий Тобольской епархии. В 1934 г. уволен за штат в связи с закрытием епархии. Служил в Кунгурском кафедральном соборе до его закрытия в 1940 г.

Серафим (Кузнецов), игумен

Серафим (Мещеряков Яков Михайлович; 1860–07.05.1933), митрополит. В 1898 г. хиротонисан во епископа Острожского, викария Волынской епархии. С 1902 г. епископ Полоцкий и Витебский. С 1911 г. архиепископ Иркутский и Верхоленский. С 1915 г. на покое. С 1922 г. архиепископ Костромской и Галичский. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1924 г. принес покаяние и сразу же был арестован, в 1924–1927 гг. в

Соловецком лагере особого назначения. С 1927 г. архиепископ Тамбовский; с 1928 г. архиепископ Ставропольский. С 1932 г. митрополит. Расстрелян.

Серафим (Остроумов Михаил Митрофанович; 1880–08.12.1937), священномученик, архиепископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Вельского, викария Холмской епархии. С 1917 г. епископ Орловский и Севский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. Был арестован во время работы Св. Собора в Орле, находился под домашним арестом. Вновь был арестован через 4 месяца. Арестован в 1922 г., находился в тюрьме 1 год и 10 месяцев. С 1924 г. архиепископ Орловский и Севский. Арестован в 1926 г., выслан из Орловской епархии. С 1927 г. архиепископ Смоленский и Дорогобужский. В 1936 г. арестован, приговорен к 5 годам лишения свободы, отправлен в Казахстан, где в 1937 г. арестован и осужден. Расстрелян. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Серафим (Протопопов Александр Алексеевич; 1894–08.08.1937), архиепископ. В 1922 г. был арестован. В 1924 г. хиротонисан во епископа Колпинского, викария Петроградской епархии. Арестован в 1924 г. В 1924–1926 гг. в заключении в Соловецком лагере особого назначения. С 1926 г. епископ Колпинский, викарий Ленинградской епархии. В начале декабря 1927 г. примкнул к движению «непоминающих» Ленинградской епархии. Постановлением митрополита Сергия (Страгородского) и Временного при нем Патриаршего Св. Синода от 26 января 1928 г. запрещен в священнослужении. В начале 1928 г. примирился с митрополитом Сергием (Страгородским), епископ Аксайский, викарий Донской епархии; затем епископ Сызранский; епископ Стерлитамакский, викарий Уфимской епархии; епископ Бакинский, с 1930 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии. В 1932 г. арестован. До 1934 г. в Беломоро-Балтийском лагере. С 1934 г. временно управляющий Челябинской епархией. С 1935 г. архиепископ Орловский, архиепископ Елецкий и Задонский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Серафим (Самойлович Семен Николаевич; 1880–04.11.1937), священномученик, архиепископ. В 1920 г.

хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. С 1924 г. архиепископ, временно управлял Ярославской епархией. 8.12.1926, согласно завещательному распоряжению-посланию митрополита Иосифа, назначен третьим кандидатом на должность временно исполняющего обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. С 29.12.1926 по 7.04.1927 Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В 1928 г. в составе группы Ярославских иерархов заявил об отделении от митрополита Сергия и его Св. Синода. С 1928 г. получил предписание от ОГПУ оставить пределы Ярославской губернии, выслан в Буйничский монастырь под городом Могилевом. В 1929 г. арестован, приговорен к трем годам заключения. Отбывал срок в Соловецком лагере особого назначения. В 1932 г. освобожден, поселился в городе Козмодемьянске Марийской АО. В 1932 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Северный край. В июне 1933 г. выслан в город Архангельск. С 1934 г. в заключении. Расстрелян.

Серафим (Силичев Леонид Кузьмич; 1890–15.09.1937), архиепископ. В 1921 г. хиротонисан во епископа Александровского и Павлоградского, викария Екатеринославской епархии. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол, обновленческий епископ Павлоградский, Ростовский и Таганрогский. В 1924 г. по покаянии принят в лоно Русской Православной Церкви. С 1924 г. епископ Сызранский, викарий Симбирской епархии; с 1925 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии; епископ Подольский, викарий Московской епархии. В 1926 г. в ссылке. С 1927 г. епископ Азовский, викарий Ростовской[-на-Дону] епархии. С 1929 г. архиепископ Ростовский и Таганрогский. Репрессирован в 1931 г. С 1934 г. архиепископ Свердловский. С 1935 г. архиепископ Саратовский. В 1936 г. арестован, заключен в лагерь; в лагере в 1937 г. вновь осужден. Расстрелян.

Серафим (Соболев Николай Борисович; 1881–1950), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. С 1920 г. в эмиграции. В 1921 г. назначен епископом Богучарским, управляющим приходами в

Болгарии. В 1924–1940 гг. член Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. С 1936 г. архиепископ. В 1945 г. перешел в юрисдикцию Московской Патриархии. В 2002 г. причислен к лику святых болгарскими староетильниками.

Серафим (Трофимов Сергей Афанасьевич; 1883–?), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Аскинского, викария Уфимской епархии. С 1926 г. епископ Бирский, викарий Уфимской епархии; с 1928 г. епископ Стерлитамакский, викарий Уфимской епархии; с 1929 г. епископ Яранский, викарий Вятской епархии. С 1932 г. епископ Великоустюжский и Усть-Вымский. Арестован в 1932 г., выслан. С 1933 г. епископ Хабаровский; епископ Ростовский, викарий Ярославской епархии. Арестован в 1935 г. приговорен к 3 годам лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна.

Серафим (Чичагов Леонид Михайлович; 1856–11.12.1937), священномученик, митрополит. В 1905 г. хиротонисан во епископа Сухумского, викария Харьковской епархии. С 1906 г. епископ Орловский и Севский; с 1908 г. епископ Кишиневский и Хотинский. С 1912 г. архиепископ. С 1914 г. архиепископ Тверской и Кашинский; в конце 1917 г. уволен от управления епархией. Член Св. Собора 1917–1918 гг., председатель Отдела о монастырях и монашестве. В 1918 г. назначен на Варшавскую кафедру, но для управления епархией выехать не смог. В 1921 г. арестован. В 1922–1924 гг. в ссылке. В 1928–1933 гг. митрополит Ленинградский. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Причислен к лику святых в 1997 г.

Серафим (Юшков Владимир 1864–1951?), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Саранского, викария Пензенской епархии. С 1925 г. епископ Лукояновский, викарий Нижегородской епархии. С 1929 г. епископ Кузнецкий. В 1935 г. уволен на покой. В 1930 гг. был репрессирован, но спасен сыном, академиком С. В. Юшковым. В 1942 г. упоминается пребывающим на покое в Алма-Ате. Лишенный возможности священнослужения, последние годы жил в г. Малоярославце, где и скончался.

Серафим Саровский чудотворец (†1833), преподобный.

Серафим, шумен см. Серафим (Кузнецов), шуменСерафим, митр.

Сергей Александрович (1857–1905), Великий князь. Сын императора Александра II. Московский генерал-губернатор с 1891 г., командующий войсками Московского военного округа с 1896 г. Убит эсером Н. П. Каляевым в Московском Кремле.

Сергий (Гаврилов), архимандрит.

Сергий (Дружинин Иван Прохорович; 1863–17.09.1937), священномученик, епископ. Арестован в 1922 г. В 1924 г. хиротонисан Святейшим Патриархом Тихоном во епископа Нарвского, викария Ленинградской епархии. 26 декабря 1927 г. вместе с епископом Дмитрием (Любимовым) подписал акт отхода от митрополита Сергия (Страгородского). 30 декабря 1927 г. запрещен митрополитом Сергием в священнослужении. Заявил о раскаянии. В начале января 1928 г. запрещение было снято, назначен епископом Копорским, викарием Ленинградской епархии. В 1928 г. вновь присоединился к оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). 27 марта 1928 г. митрополитом Сергием уволен с кафедры и запрещен в священнослужении. После ареста епископа Дмитрия (Любимова) в 1929 г. возглавил «иосифлян». Арестован в 1930 г. В 1931–1934 гг. находился в заключении в Ярославском политизоляторе, в 1935 г. переведен в тюремную больницу в Москву, где ему был дан новый срок – 3 года ссылки в Марийскую АССР. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2003 г.

Сергий (Зенкевич Стефан Иванович; 1885–1937), епископ. В 1927 г. хиротонисан во епископа Детскосельского, викария Ленинградской епархии. С 1927 г. епископ Кингисеппский, викарий Ленинградской епархии; с 1928 г. епископ Шлиссельбургский; с 1929 г. епископ Лодейнопольский; с 1933 г. епископ Рыбинский; с 1934 г. в заключении. В 1937 г. арестован в лагере. Расстрелян.

Сергий (Куминский Александр Сергеевич; 1869–11.12. 1937), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Радомышльского и Чернобыльского, викария Киевской епархии. Арестован в 1924 г.

В 1925 г. временно управляющий Киевской епархией. Арестован в 1925 г., выслан до 1928 г. в Марийскую АО. С 1928 г. епископ Бершадский, викарий Киевской епархии; с 1930 г. епископ Бузулукский, викарий Самарской епархии. Арестован в 1930 г., выслан до 1934 г. в Северный край. С 1934 г. епископ Бузулукский, викарий Самарской епархии; с 1935 г. епископ Вольский, викарий Саратовской епархии; с 1936 г. епископ Ачинский, временно управляющий Красноярской и Енисейской епархией. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Сергий (Ларин Сергей Иванович; 1908–1967), архиепископ. В 1925–1943 гг. пребывал в обновленческом расколе. В 1941 г. рукоположен в обновленческого епископа Звенигородского. В 1943 г. принес покаяние, принят в звании монаха. В 1944 г. хиротонисан во епископа Кировоградского, викария Одесской епархии. В 1945 г. временно управлял Одесской епархией. В 1946 г. епископ Одесский и Кировоградский, с 1947 г. епископ Ростовский и Таганрогский, с 1949 г. епископ Житомирский и Овручский, с 1950 г. епископ Гродненский и Брестский, с 1952 г. епископ Тульский и Белевский, с 1954 г. епископ Астраханский и Сталинградский, с 1959 г. епископ Омский и Тюменский. С 1961 г. архиепископ Пермский и Соликамский, с 1962 г. архиепископ Берлинский и Среднеевропейский, Экзарх Средней Европы. С 1964 г. архиепископ Ярославский и Ростовский.

Сергий (Лебедев Сергей Павлович; 1875–22.03.1938), священномученик, протоиерей. Рукоположен во иерея в 1898 г., служил в Москве. С 1900 г. священник Новодевичьего монастыря в Москве. С 1922 г. протоиерей. Арестован в марте-апреле 1922 г. по второму этапу Московского процесса об изъятии церковных ценностей. Осужден на 1,5 года заключения. С 1931 г. протоиерей Троицкой церкви в Зубове. Арестован в 1931 г., сослан в Северный край. С 1934 г. служил в Петропавловской церкви пос. Малаховка Московской обл., личный секретарь митрополита Сергия (Страгородского). Арестован в 1938 г. Расстрелян. Внесен в поименованный список Собора ново мучеников и исповедников Российских в 2001 г.

Сергий (Ляпидевский Николай Яковлевич; 1820–1898), митрополит, духовный писатель. В 1861 г. хиротонисан во епископа Курского и Белгородского. С 1880 г. архиепископ Казанский и Свияжский; с 1882 г. архиепископ Кишиневский и Хотинский; с 1891 г. архиепископ Херсонский и Одесский. С 1893 г. митрополит Московский и Коломенский.

Сергий (Никольский Михаил Александрович; 1892–27.04.1930), епископ. В 1925 г. хиротонисан Святейшим Патриархом Тихоном во епископа Ефремовского, викария Тульской епархии. Арестован между 1925 г. и 1927 г. В 1927 г. епископ Ефремовский, викарий Тульской епархии; епископ Бузулукский, викарий Самарской епархии. После выхода июльской Декларации 1927 г. митрополита Сергия (Страгородского) отказался от своего епископского служения. Арестован в 1928 г., выслан в г. Уфу, где вновь арестован. Расстрелян.

Сергий (Новиков; 1864–?), архимандрит, ректор Московской духовной семинарии с 1913 г.

Сергий (Петров Стефан Алексеевич; 1864–1935), епископ. В 1899 г. хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. С 1901 г. епископ Омский и Семипалатинский; с 1903 г. епископ Ковенский, викарий Литовской епархии; с 1907 г. епископ Новомиргородский, викарий Херсонской епархии. В 1913–1917 гг. епископ Сухумский. Член Ставропольского церковного собора. С 1920 г. временно управлял Новороссийской епархией, затем в эмиграции в Сербии, носил титул епископа Черноморского и Новороссийского.

Сергий (Рождественский), епископ. Хиротонисан во епископа Ефремовского до 1925 г. Был репрессирован.

Сергий (Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944), Патриарх Московский и всея Руси. В 1901 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1905 г. архиепископ Финляндский и Выборгский. В 1912 г. Председатель Предсоборного Соповещения при Св. Синоде. Член Предсоборного Совета. 10(23).08.1917 избран архиепископом Владимирским и Шуйским. Член Св. Собора 1917–1918 гг., член Св. Синода при Патриархе Тихоне. 28.11(11.12). 1917 возведен в

сан митрополита. С декабря 1919 по 1920 г. находился в Москве. В 1921, 1922 и 1923 гг. подвергался арестам. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. 28.08.1923 принес покаяние св. Патриарху Тихону, принят в лоно Русской Православной Церкви. В 1923 г. в заключении. С 1924 г. митрополит Нижегородский. 21.05.1924 включен в состав членов Св. Синода при Патриархе Тихоне. 06.12.1925 по завещательному распоряжению Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) назначен первым кандидатом на должность Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. С декабря 1925 г. вступил в исполнение обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. 01.06.1926 направил народному комиссару внутренних дел обращение с ходатайством о легализации церковного управления. В ноябре 1926 г. арестован. 27.05.1927 издал указ об образовании и легализации Временного Патриаршего Св. Синода и регистрации на местах органов епархиального управления. 29.07.1927 совместно с членами Св. Синода подписал Послание (Декларацию) об отношении Православной Русской Церкви к существующей гражданской власти, вызвавшую большие разногласия и разделения в Русской Православной Церкви. С 27.04.1934 Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский. С 27.12.1936 Патриарший Местоблюститель. В сентябре 1943 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви избран Патриархом Московским и всея Руси.

Сергий (Тихомиров Сергей Александрович; 1871–1945), митрополит. В 1905 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1908 г. направлен миссионером в Японию. С 1908 г. епископ Киотосский, помощник начальника Российской духовной миссии в Японии. С 1921 г. архиепископ. С 1931 г. митрополит. С 1940 г. на покое. Летом 1944 г. перешел в советское гражданство. В апреле 1945 г. был арестован японскими властями. После сорокадневного заключения в тюрьме через три месяца скончался.

Сергий (Шейн Василий Павлович, 1871–13.08.1922), священномученик, архимандрит. Депутат Государственной Думы

IV созыва. Член Предсоборного Совета. Член Св. Собора 1917–1918 гг., секретарь Собора, член Соборного Совета. В 1920 г. принял монашество с именем Сергей, настоятель Троицкого подворья в Петрограде. В 1922 г. осужден по «делу митрополита Петроградского Вениамина (Казанского)». Расстрелян. Причислен к лику святых в 1992 г.

Сергий Радонежский (Варфоломей; 1314–1392), святой, преподобный. Основатель Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Сергий, архимандрит, ректор Московской духовной семинарии см. Сергей (Новиков), архимандрит.

Сергий, игумен.

Сергий, Патриарх см. Сергей (Страгородский), Патриарх Московский и всея Руси

Серебрянский Николай Ильич (1872–после 1931), профессор Московской Духовной Академии по кафедре истории Русской Церкви, доктор церковной истории, после революции научный сотрудник ряда учреждений.

Сережников В.

Сильвестр (Ольшевский Иустин Львович; 1860–26.02.1920), священномученик, архиепископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Прилуцкого, викария Полтавской епархии. С 1914 г. епископ Челябинский, викарий Оренбургской епархии; с 1915 г. епископ Омский и Павлодарский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. архиепископ. Зверски замучен в заключении. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Сильвестр Обнорский († 1379), преподобный, чудотворец, ученик Сергия Радонежского, основатель Воскресенского Обнорского монастыря близ г. Любима Ярославской губ.

Симеон (Михайлов Семен Михайлович; 1874–1937), епископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского. С 1924 г. епископ Глазовский, викарий Вятской епархии. В 1923–1926 гг. в ссылке в Вятке, временно управляющий Вятской епархией. В 1925 г. уклонился в григорианский раскол. В 1926 г. принес покаяние перед митрополитом Сергием (Страгородским). С 1927 г. епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. С 1928 г. епископ Златоустовский. С 1931 г. епископ Ижевский; с 1932 г. епископ Каменский, викарий

Донской епархии; с 1933 г. епископ Пугачевский, с 1935 г. епископ Челябинский, епископ Свердловский; с 1937 г. епископ Муромский, викарий Нижегородской епархии. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Симон (Ивановский Семен Васильевич; 1888–1966), архиепископ. После революции оказался в эмиграции в Польше в связи с изменением государственных границ. В 1924–1927 гг. епископ Кременецкий, викарий Волынской епархии; в 1927–1932 гг. епископ Луцкий, викарий Волынской епархии; в 1932–1939 гг. епископ Острожский, викарий Волынской епархии. С 1941 г. архиепископ. Принадлежал к Польской автокефалии. Возвратился в лоно Матери-Церкви. В 1942–1944 гг. архиепископ Черниговский и Нежинский; с 1945 г. архиепископ Полтавский. В 1947 г. был арестован. Освобожден в 1955 г. С 1955 г. архиепископ Винницкий и Брацлавский Московского Патриархата. В 1961 г. уволен на покой, согласно прошению.

Симон (Шлеев Симеон Иоаннович; 1873–18.08.1921), священномученик, епископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от единоверцев и по участию в Предсоборном Совете. С 1900 г. священник, настоятель с 1907 г. Никольского единоверческого собора в Санкт-Петербурге. Участвовал в подготовке Первого единоверческого съезда в Москве. С 1918 г. епископ Охтенский (единоверческий), подчиненный митрополиту Петроградскому, хиротонисан Святейшим Патриархом Тихоном во епископа Охтенского. С 1919 г. временно управляющий Уфимской единоверческой епархией. С 1920 г. епископ Уфимский (единоверческий). Убит в Уфе. Внесен в поименованный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г.

Симон Ионин см. Петр, апостол

Симон Киринаеянин, иудей из г. Кирены, на которого воины возложили крест падавшего под тяжестью Иисуса Христа на пути к Голгофе.

Симон Петр см. Петр, апостол

Синезий (Зарубин Сергей Григорьевич; 1886–15.10.1937), епископ. Арестован в 1922 г. В 1926 г. хиротонисан во епископа Острогжского, викария Воронежской епархии. С 1926 г. епископ

Уразовский, викарий Воронежской епархии; епископ Колымский, викарий Якутской епархии; с 1927 г. епископ Якутский и Вилуйский; с 1928 г. епископ Ижевский и Вотский. Арестован в 1931 г., приговорен к 10 годам лагерей, в 1937 г. вновь осужден в лагере. Расстрелян.

Сиез Эмманюэль Жозеф (1748–1836), аббат, французский политический деятель.

Скаржинский, член Карловацкого Собора.

Скворцов Василий Михайлович (1859–1932), миссионер, церковный публицист. С 1895 г. чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода. Миссионер Киевской и Полтавской епархий. Редактор-издатель журнала «Миссионерское Обозрение». В 1906–1917 гг. издавал церковно-политическую газету «Колокол». После 1917 г. в эмиграции, жил в Югославии. Член Карловацкого Собора. Преподавал в Сараевской духовной семинарии.

Скипетров Петр Иванович, протоиерей см. Петр (Скипетров Петр Иванович), священномученик, протоиерей

Скуратов-Вельский Григорий Лукьянович (Малюта) (†1573), дворянин, приближенный царя Ивана Грозного, глава опричников. Погиб в бою в Ливоне

Сладкопевцев Владимир Владимирович (1876–1957), литератор, актер, чтец-импровизатор, театральный педагог.

Слуцкий Михаил Иосифович, протоиерей. В 1914–1918 гг. настоятель св. Александро-Невской церкви в г. Харькове. В 1920 г. эмигрировал в Сербию. Член Карловацкого Собора. Состоял в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей.

Смирнов Александр Васильевич (1858–?), митрофорный протоиерей, профессор Петроградского университета, присутствующий в Св. Синоде в 1917 г. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по должности и по присутствию в Предсоборном Совете

Смирнов Иосиф (†1918), протоиерей Костромской епархии – 505Смирнов Константин Александрович (1889–после 1936), священник Лебединской церкви Харьковской епархии. Запрещен в священнослужении в феврале 1922 г. Патриархом Тихоном. В 1922 г. примкнул к обновленческому расколу. Обновленческий протоиерей, профессор обновленческой Богословской

академии, с 1931 г. обновленческий архиепископ. Арестован в 1936 г., будучи «архиепископом Ярославским», приговорен к 3 годам ИТЛ.

Смирнов Николай, протоиерей.

Смирнов, профессор-протоиерей.

Смирнов, царскосельский священник.

Смирнова Анна Павловна, жена прп. Алексия (Соловьева).

Снятиновский Константин, священник см. Константин (Снятиновский), священномученик, священник

Смолич И.

Соболев Алексей, священник Ярославской епархии.

Соколов Александр, священник, настоятель церкви с. Воскресенского Ярославской епархии.

Соколов Д., священник с. Васильевского Ярославской епархии.

Соколов Иван Иванович (1865–03.05.1935), профессор Казанской Духовной Академии по кафедре истории Греко-Восточной Церкви со времен отпадения от Вселенской, доктор церковной истории, один из крупнейших российских византологов. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. В 1918–1922 гг. заместитель члена Высшего Церковного Управления. В 1920–1924 гг. профессор Петроградского Богословского института. В 1924–1933 гг. профессор Ленинградского института истории, философии и лингвистики. В 1933 г. арестован, приговорен к 5 годам ссылки в Башкирию. Скончался в ссылке.

Соколов Павел Ильич, протоиерей, председатель училищного совета в начале XX в.

Соколов Тимофей см. Тихон Задонский, чудотворец

Соколов М. Г., протоиерей. Член комиссии по организации церковных торжеств в Москве в 1917 г. при открытии Св. Собора.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), русский религиозный философ, поэт, публицист.

Соловьев И. В.

Соловьев Михаил Федорович († 22.10.1919), сын прп. Алексия (Соловьева), инженер.

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879), русский историк, с 1872 г. академик Санкт-Петербургской Академии наук ректор Московского университета в 1871–1877 гг.

Соловьев Феодор, диакон, иерей см. Алексей (Соловьев), преподобный

Соловьев, генерал, член Карловацкого Собора.

Соловьев-Михалов Алексей Петрович (1804–1882), священник. Отец прп. Алексия Зосимовского (Соловьева).

Сологуб Владимир Александрович (1813–1882), граф, писатель.

Сонцов, член Карловацкого Собора.

Софийский Константин, диакон церкви с. Воскресенского Ярославской епархии.

Софроний, митрополит Кипрский.

Спасский Георгий Александрович, протоиерей.

Сперанский Иван Никанорович (1873–?), преподаватель Ставропольской духовной семинарии. Член Св. Собора 1917–1918 г. Член Ставропольского церковного собора.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953), политический и государственный деятель, глава советского правительства.

Станиславский Алексей Маркианович, протоиерей.

Стельмашенко Михаил Авксентьевич († 1925), протоиерей. Директор Киевской гимназии. В 1920 г. эмигрировал в Чехословакию. Член Карловацкого Собора. В 1921 г. назначен митрополитом Евлогием (Георгиевским) на должность настоятеля русских церквей в Праге, Карлсбаде, Мариенбаде и Францбаде. В 1922–1925 гг. благочинный русских приходов Италии.

Степанов Александр, священник.

Стефан (Адриашенко Степан Максимович; 1870–1941?), архиепископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Александровского, викария Екатеринославской епархии. Арестован в 1924 г. Выслан в Харьков без права выезда. В 1926 г. вернулся на кафедру, епископ Александровский и Павлоградский, временно управляющий Екатеринославской епархией. В 1926 г. арестован, выслан в Среднюю Азию. С 1933

г. епископ Рыльский, викарий Курской епархии. С 1934 г. архиепископ Арзамасский, викарий Горьковской епархии. Арестован в 1935 г., выслан на 5 лет в Архангельск. Освобожден в 1940 г. Арестован в 1941 г., заключен в Карлаг Архангельской обл. Умер в лагере.

Стефан (Архангельский Николай Павлович; 1861–1914), архиепископ. В 1902 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. С 1904 г. епископ Могилевский и Мстиславский. С 1911г. архиепископ Курский и Обоянский.

Стефан (Знамировский Николай Иванович; 1879–17.11.1941), архиепископ. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Пермской епархии. В 1920 г. был рукоположен во священника в celibатном состоянии. Арестован в 1923 г. В 1924 г. Святейшим Патриархом Тихоном хиротонисан во епископа Ирбитского, викария Свердловской епархии. С 1925 г. епископ Шадринский, викарий Свердловской епархии, временно управляющий Пермской (1925 г.) и Свердловской епархиями (1926 г.). Арестован в 1926 г., выслан в Казань. В 1927 г. назначен епископом Калужским, но от назначения отказался, т. к. не принял июльскую Декларацию 1927 г. Патриаршего Местоблюстителя Сергия (Страгородского). С 1928 г. находился на покое, при этом был запрещен митрополитом Сергием (Страгородским) в священнослужении. Сослан в г. Вятку. С 1929 г. епископ Вятский. Арестован в 1929 г. В 1930–1933 гг. находился в лагере. С 1933 г. епископ Ульяновский; епископ Вологодский. С 1934 г. архиепископ Вологодский. Арестован в 1935 г., сослан в Северный край, до 1936 г. находился в тюрьмах. В 1939 г. сослан в Коми АССР. Арестован в 1941 г. Расстрелян.

Стефан (Яворский Симеон Иванович; 1658–1722), митрополит, церковный деятель, Местоблюститель Патриаршего Престола. В 1689 г. принял монашество. В 1700 г. рукоположен в митрополита Рязанского и Муромского. С 1700 г. Местоблюститель Патриаршего Престола. Президент Славяно-греко-латинской академии с 1701 г. С 1721 г. президент Св. Синода. После упразднения Патриаршества в 1721 г. назначен президентом Св. Синода. В трактате «Камень веры» (1718 г.,

издан в 1728 г.) выступил против подчинения Церкви светским властям.

Стефан Душан (около 1308–1355), король Сербии с 1331 г., царь сербо-греческого царства с конца 1345 г. В конце 1345 г. провозгласил сербскую архиепископию патриархией.

Стефан Пермский (Храп; 1340–1396), святитель, просветитель пермского народа. В 1383 г. хиротонисан во епископа Пермского.

Страхов Владимир Николаевич (1883–17.02.1938), профессор-протоиерей Московской Духовной Академии по кафедре священного Писания Нового Завета. В 1917–1930 гг. настоятель московской Троицкой церкви в Листах, преподаватель Московской Духовной Академии. С 1930 г. в ссылке в Архангельске. В 1935–1937 гг. в ссылке в Ульяновске. В 1937 г. арестован. Расстрелян.

Субботин В. И., саккеларий Успенского собора до 1918 г.

Субботин Николай Иванович (1827–1905) ., профессор Московской Духовной Академии по кафедре истории и обличения русского раскола.

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), публицист, книготорговец, библиофил. Владелец и редактор газеты «Новое время» с 1876 г., журнала «Исторический вестник» с 1880 г.; владелец типографии в Санкт-Петербурге, издатель сочинений русских и иностранных писателей, научной литературы, адресных книг и др. Суворин первым стал издавать русскую классику большими тиражами и по низким ценам. Собрал исключительно ценную библиотеку, включавшую до 20000 томов, в 1914 г. наследники Суворина передали ее в дар музею.

Суринов Тимофей Григорьевич (1866–?), крестьянин. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как мирянин Курской епархии.

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), генерал-адъютант от кавалерии, член Государственного совета, военный министр с 1909 г.; в 1915 г. был отстранен от занимаемой должности, а затем обвинен в ряде должностных преступлений. В 1916 г. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, в том же году был выпущен из тюрьмы под домашний арест. В 1917 г. вновь был арестован и

предан суду, приговорен к вечной каторге и лишению прав состояния; каторга была заменена тюремным заключением; в 1918 г. по амнистии был освобожден и выехал в Финляндию, а оттуда в Германию, где и скончался.

Сухотин С. М., писатель, славянофил.

Сысой Пафнутьевич, герой поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»

Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934), издатель-просветитель, владелец крупнейшего в России издательства, после революции был консультантом Госиздата.

Талейран Шарль Морис (1754–1838), французский дипломат, мастер дипломатической интриги, беспринципный политик.

Талин В.

Тарасий, святой, Патриарх Константинопольский с 784 по 806 г.

Тарасов К. К.

Тенишев Борис Николаевич, князь, земский деятель Симбирской губ.

Теодорович Т. П.

Теплое В.

Тислер Г. А., прихожанин Ярославской епархии

Титлинов Борис Васильевич, профессор

Титов Федор Иванович (1864–1935), профессор-протоиерей Киевской Духовной Академии по кафедре истории Русской Церкви. С 1920 г. в эмиграции. Профессор богословского факультета Белградского университета.

Тихвинский Иоанн Иоаннович, священник Рыбинской Крестовоздвиженской церкви.

Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), религиозный публицист и философ. В 1870–1880 гг. один из главных идеологов революционной партии «Земля и воля», член Исполкома партии «Народная воля». После разгрома партии в 1881–1882 гг. эмигрировал в Париж. За границей пережил духовный перелом и поворот к Православию. Публично отрекся от своих революционных взглядов и в 1888 г. написал работу «Почему я перестал быть революционером»; направил царю

личное покаянное послание и в том же году получил разрешение вернуться в Россию, где написал многочисленные книги и статьи православно-монархического содержания. С 1909 по 1918 г. редактор и издатель газеты «Московские ведомости». Автор книг «Монархическая государственность» (1905) и «Религиозно-философские основы истории» (1918).

Тихон (Ляценко Тимофей; 1875–1945), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Берлинского с возглавлением самостоятельной Германской епархии. В 1938 г. освобожден от управления епархией. Поселился в сербском монастыре Раковица. В 1944 г. эвакуировался вместе с митрополитом Анастасием (Грибановским). Скончался в Чехословакии.

Тихон (Никаноров Василий Варсонофьевич; 1855–09.01.1919), священномученик, архиепископ. В 1892 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. С 1899 г. епископ Полоцкий и Витебский; с 1902 г. епископ Пензенский и Саранский. С 1907 г. на покое. С 1912 г. епископ Калужский и Боровский. С 1913 г. архиепископ Воронежский и Задонский. Убит. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Тихон (Рождественский Сергей Феофанович; 1881–09.10.1937), епископ. В 1925 г. хиротонисан во епископа Демянского, викария Новгородской епархии. В 1926 г. административно выслан в Вологодскую губ. С 1927 г. епископ Великолукский и Торопецкий. Арестован в 1931 г., до 1934 г. заключен в концлагерь. С 1934 г. епископ Череповецкий. С 1937 г. настоятель Князь-Владимирского собора в Ленинграде. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Тихон (Русинов Иван Владимирович; 1886–20.04.1938), епископ. В 1922 г. уклонился в обновленческий раскол. В 1922 г. хиротонисан обновленческими архиереями в обновленческого епископа Усть-Медведского, викария Царицынской епархии. В 1924 г. принес покаяние перед Святейшим Патриархом Тихоном. В 1924 г. хиротонисан православными архиереями во епископа Усть-Медведского, викария Донской епархии. В 1925 г. уклонился в григорианский раскол. В 1926 г. принес покаяние митрополиту Сергию (Страгородскому). В этом же году вторично

уклонился в григорианский раскол. Вновь принес покаяние. С 1932 г. епископ Ижевский. С 1933 г. епископ Витебский. С 1935 г. епископ Полтавский. С 1937 г. епископ Одесский. Арестован в 1938 г. Расстрелян.

Тихон (Шарапов Константин Иванович; 1886–10.11.1937), епископ. В 1922–1924 гг. архимандрит Жировицкого Свято-Успенского монастыря в Польше. В 1924 г. св. Патриарх Тихон назначил его уполномоченным по делам Православной Церкви в Польше. В 1925 г. хиротонисан Патриархом Тихоном во епископа Гомельского, викария Могилевской епархии. В 1925–1934 гг. в заключении. В 1934 г. епископ Рязанский. 1934–1936 гг. в заключении. В 1937 г. назначен епископом Алмаатинским, арестован. Расстрелян.

Тихон, Задонский чудотворец (Соколов Тимофей Савельевич; 1724–1783), святитель, епископ Воронежский (1763–1767).

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф, русский писатель.

Толстой Николай Алексеевич (1867–4.02.1938), католический священник, из дворян. Окончил Московский пажеский корпус. В 1890 г. рукоположен в православного иерея. В 1893 г. окончил Московскую Духовную Академию. В 1894 г. в Риме перешел в католичество восточного обряда. Посвящен в сан хор-епископа. Апостольский префект. Возвратившись в Москву, устраивает в своем доме часовню, где тайно собираются русские католики. Против него в Св. Синоде возбудили судебный процесс, в результате которого Николая Толстого лишили сана, запретили проводить богослужения и взяли подписку о невыезде из Москвы. С тех пор он находился под постоянным надзором полиции. Затем через Петербург и Финляндию бежал за границу. Находился в Риме в 1894–1904 гг. Ему разрешили вернуться в Россию в 1905 г. Лишенный по закону всего состояния, поселяется в Москве и продолжает тайно служить. В 1919–1923 гг. католический священник в Киеве и активный участник «Братства Святого Льва». В 1923–1928 гг. служил в Одессе. В 1926 г. снял с себя сан хор-епископа (узнав,

что его сын сотрудничает с органами ГПУ). В 1937 г. арестован в Киеве. Расстрелян.

Трелин В. Ф., секретарь Московской духовной консистории.

Трепов Александр Федорович (1862–1928), государственный деятель, Председатель Совета министров России в 1916 г.

Третьяков Павел Михайлович (1832–1898), представитель русского купеческого рода, собирателей русского искусства.

Третьяков Сергей Михайлович (1834–1892), представитель русского купеческого рода, собирателей русского искусства. Завещал свою коллекцию Москве, что послужило основанием Третьяковской галереи.

Трифон (князь Туркестанов Борис Петрович; 1861–14.07.1934), митрополит. В 1901 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. С 1916 г. на покое. С 1918 г. проживал в Москве. В 1923 г. возведен в сан архиепископа. В 1931 г. возведен в сан митрополита.

Троицкий Дмитрий Иванович (1886–1939), митрофорный протоиерей. В 1909 г. рукоположен во иерея, состоял в ведомстве военного духовенства. С 1920 г. в эмиграции. Член Карловацкого Собора. В 1922–1929 гг. служил в Берлине. Состоял в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского); с 1932 г. служил в Париже.

Троицкий Николай Иванович (1851–1920), археолог, преподаватель Тульской духовной семинарии, краевед. В 1885 г. основал Тульское епархиальное древлехранилище (первое в России), которое позже было открыто для посещения. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как мирянин от Тульской епархии.

Троицкий Сергей Викторович (1878–1972), русский канонист, доктор богословия. Окончил Санкт-Петербургский археологический институт и Санкт-Петербургскую Духовную Академию. В 1901–1915 гг. преподаватель Санкт-Петербургского Александро-Невского духовного училища. В 1906 г. причислен к канцелярии Св. Синода, член учебного комитета. В 1913 г. командирован на Афон вместе с архиепископом Никоном (Рождественским) по делу имяславцев (имябожников). Был экспертом на процессе по делу Бейлиса. После революции

приват-доцент Новороссийского университета. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, профессор юридического факультета Белградского университета по кафедре церковного права. С 1948 г. работал в качестве сотрудника Сербской Академии наук. В 1947–1948 гг. профессор Московской Духовной Академии по кафедре церковного права, состоял членом Отдела внешних сношений Русской Православной Церкви. В 1949 г. выехал в Югославию. Регулярно приезжал в СССР в научные командировки, сотрудничал в «Журнале Московской Патриархии». Скончался в Белграде.

Троицкий, протоиерей. Член Карловацкого Собора см. Троицкий Дмитрий Иванович, митрофорный протоиерей

Трофим (Якобчук Тимофей Маркович; 1868–04.11.1937), епископ. В 1922 г. хиротонисан во епископа Бирского, викария Уфимской епархии, временно управляющий Оренбургской епархией; с 1923 г. епископ Сызранский, временно управляющий Ярославской епархией; с 1925 г. в ссылке в Хабаровске, епископ Хабаровский. С 1930 г. временно управляющий Благовещенской епархией. До 1937 г. в ссылке. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Трубецкие, братья

Трубецкой Григорий Николаевич (1873–1930), князь, дипломат, российский посланник в Сербии, исполнял обязанности директора Дипломатической канцелярии Верховного главнокомандующего, работал в архивах Константинопольской Патриархии, печатался в «Вестнике Европы». В 1907–1908 гг. соиздатель «Московского еженедельника». Член Ставропольского церковного собора С 1920 г. в эмиграции Член Карловацкого Собора, но в заседаниях участия не принимал.

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), князь. В 1885 г. служил в Киевском гренадерском полку. С 1886 г. приват-доцент Демидовского юридического лицея (Ярославль). С 1894 г. приват-доцент, а затем – профессор Киевского университета. С 1906 г. профессор Московского университета, один из лидеров Конституционно-демократической партии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Московского университета. В 1917

г. выехал на Юг России в Добровольческую армию. Умер в Новороссийске от тифа.

Трухманов Димитрий († 1945), митрофорный протоиерей, состоял в ведомстве военного духовенства, эмигрировал с белой армией. Член Карловацкого Собора. В 1923–1936 гг. служил в Болгарии в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей; в 1936 г. переехал в Германию, настоятель Воскресенского собора в Берлине.

Тугова Т. С.

Туркевич Л. И., протоиерей см. Леонтий (Туркевич), митрополит

Туруханский П.

Тутолмин Григорий, протоиерей, ключарь тобольского кафедрального собора начала XX века.

Тучков Евгений Александрович (1892–1957), сотрудник ОГПУ–НКВД (см. Т. 1).

Тютчев Федор Иванович (1803–1873), русский поэт.

Углянский Василий († 1918), священник Симферопольской епархии.

Ульянов Александр Ильич (1866–1887), брат В. И. Ленина, один из организаторов и руководителей т. н. террористической фракции «Народной воли». Участник подготовки покушения 1 марта 1887 г. на Императора Александра III. Повешен в Шлиссельбургской крепости.

Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918), политический деятель. С марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК, один из организаторов «красного террора». Убит в результате террористического акта.

Урусов Сергей Дмитриевич (1862–1937), князь, российский политический и государственный деятель. В 1903–1904 гг. Бессарабский губернатор, в 1904–1905 гг. Тверской губернатор. Товарищ министра внутренних дел. Депутат I Государственной Думы.

Ускокович Мардарий, священник, представитель Черногорской Церкви.

Успенский Владимир Васильевич (1874–?), исполняющий должность инспектора классов Петроградского Исидоровского

епархиального женского училища. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета.

Успенский И., диакон с. Васильевского Ярославской епархии.

Успенский Николай, священник с. Воскресенского Ярославской епархии.

Уткин Павел Иванович (ок. 1874–?), крестьянин-земледелец. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Пермской епархии. Проживал в Рождественской волости Кунгурского уезда Пермской епархии.

Ф. Б.

Фавст, иеродиакон.

Фаддей (Успенский Иван Васильевич; 1872–31.12.1937), священномученик, архиепископ. В 1908 г. хиротонисан во епископа Владимиро-Волынского, викария Волынской епархии, с 1919 г. управлял Волынской епархией. С 1922 г. архиепископ Астраханский. С 1927 г. архиепископ Пятигорский; с 1927 г. архиепископ Саратовский; с 1928 г. архиепископ Калининский и Кашинский; с 1936 г. архиепископ Костромской. С 1937 г. в заключении. Расстрелян. Причислен к лику святых в 1997 г. (см. Т. 1)

Фаддей, архимандрит, последний исполняющий обязанности Синодального ризничего при заместителем Патриаршем Св. Синоде.

Фарфоровский, священник с. Крутец Ярославской епархии.

Федотов Г. П.

Федотова Елена

Феогност, митрополит Сарский и Переяславский. Поставлен в епископы в 1269 г. В 1274 г. участвовал на Соборе во Владимире, где были изданы церковные правила.

Феодор (Лебедев Федор; 1872–1918), епископ. В 1911 г. хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. С 1916 г. епископ Старобельский, викарий Харьковской епархии; с 1917 г. епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии, управляющий Пензенской епархией.

Феодор (Маковецкий Н.Н.; 1880–12.11.1925), епископ. В 1920г. хиротонисан во епископа Мосальского, викария

Калужской епархии. Арестован в 1922 г., пробыл в заключении до 1925 г. С 1925 г. епископ Мосальский, викарий Калужской епархии, вскоре был снова отправлен в ссылку в г. Уральск. Умер в ссылке.

Феодор (Поздеевский Александр Васильевич; 1876–23.10.1937), архиепископ. В 1909 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. В 1909–1917 гг. ректор Московской Духовной Академии. С мая 1917 г. настоятель Московского Данилова монастыря. В 1920–1925 гг. подвергался арестам. В августе 1923 г. возведен в сан архиепископа. В октябре 1923 г. назначен управляющим Петроградской епархией, от назначения отказался. В 1925–1927 гг. в ссылке. Возглавил «даниловскую оппозицию» митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1929–1932 гг. в заключении в Свирлаге. В 1933 г. вновь арестован. С 1933 г. в ссылке. В июле 1937 г. арестован по «делу даниловского братства». Расстрелян.

Феодор (Яковцевский (Яцковский?) Константин Михайлович; 1866–23.10.1937), архиепископ. В 1924 г. Святейшим Патриархом Тихоном хиротонисан во епископа Устюжского, викария Новгородской епархии. С 1924 г. епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии, с 1929 г. епископ Новоторжский, викарий Тверской епархии, с 1930 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский. С 1934 г. архиепископ Олонецкий. С 1925 г. архиепископ Псковский, с 1936 г. архиепископ Владимирский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Феодор Иоаннович (1557–1605), последний русский царь из династии Рюриковичей. Сын Иоанна IV. Предоставил управление страной своему шурину Борису Годунову.

Феодор, епископ Волоколамский см. Феодор (Поздеевский), архиепископ Феодор, келейник митрополита Владимира (Богоявленского).

Феодосиев Владимир, протоиерей.

Феодосий (Ганецкий Иван Федорович, †05.1937), епископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Коломенского, викария Московской епархии. Арестован в 1923 г. До 1926 г. в ссылке в Коми (Зырян) АО. С 1926 г. епископ Коломенский, викарий Московской епархии. В 1934–1937 гг. в ссылке.

Феодосий (Феодосиев Николай Иванович; 1864–1942), архиепископ. В 1903 г. хиротонисан во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии. С 1907 г. епископ Тихвинский, викарий Новгородской епархии; с 1908 г. епископ Смоленский и Дорогобужский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1918 г. архиепископ. С 1919 г. в эмиграции. С 1922 г. архиепископ Виленский и Лидский Польской автономной Церкви. С 1939 г. на покое.

Феодосий (Яновский Феодор Михайлович; † 1726), архиепископ. В 1721 г. хиротонисан во епископа Новгородского и Великолуцкого с возведением в сан архиепископа. В 1725 г. лишен сана и сослан в Николо-Корельский монастырь, где и скончался.

Феодосий, архимандрит, благочинный московских монастырей.

Феодосий, архимандрит. Член Карловацкого Собора.

Феофан (Быстров), архиепископ.

Феофан (Грек, ок. 1340–после 1410), иконописец, мастер стенных росписей.

Феофан (Ильменский Сергей Петрович; 1867–11.12.1918), священномученик, епископ. В 1917 г. хиротонисан во епископа Соликамского, викария Пермской епархии. Арестован В 1918 г.. Утоплен в р. Каме. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Феофан (Прокопович Елиазар (Елисей); 1681–1736), архиепископ, церковный и политический деятель, писатель и ученый. Верный сподвижник Петра I в реформах Русской Православной Церкви. В 1718 г. хиротонисан во епископа Псковского, Изборского и Нарвского. С 1720 г. архиепископ. С 1725 г. архиепископ Новгородский и Великолуцкий.

Феофан (Туляков Василий Степанович; 1864–04.10.1937), митрополит В 1915 г. хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1916 г. епископ Калужский. Член Св. Собора 1917–1918 гг. С 1927 г. архиепископ Псковский и Порховский. С 1935 г. митрополит Горьковский и Арзамасский. Арестован в 1937 г. Расстрелян.

Феофан Затворник (Говоров Георгий Васильевич; 1815–1894), святитель, церковный деятель, духовный писатель, епископ Владимирский (1863–1866), с 1866 г. на покое в Вышенской пустыни.

Феофил (Богоявленский Гавриил Сергеевич; 1886–05.1933), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Новоторжского, викария Тверской епархии. Арестован в 1922 г., до 1926 г. в ссылке Коми (Зырян) АО. С 1927 г. епископ Краснодарский и Кубанский. Арестован в 1930 г. С 1930 г. архиепископ Краснодарский и Кубанский. Арестован в 1933 г. Расстрелян.

Феофил (Пашковский Феодор Николаевич; 1874–1950), митрополит. В 1897 г. рукоположен во иерея. Служил в Сан-Франциском кафедральном соборе. В 1906 г. вернулся с архиепископом Тихоном в Россию. Служил в администрации с архиепископом Тихоном в Виленской епархии. С началом Первой мировой войны – военный священник. В 1922 г. пострижен в монашество и хиротонисан в 1922 г. во епископа Чикагского. С 1931 г. епископ Сан-Францисский. В 1934 г. на Соборе митрополичьего округа (в г. Кливленде он был избран преемником митрополита Платона (Рождественского) и назначен митрополитом всея Америки и Канады с сохранением титула архиепископа Сан-Франциского. Вследствие того, что он стал преемником отделившегося от Церкви иерарха, он подпал под действие наложенного на последнего церковного прещения. В 1935 г. определением митрополита Сергей (Страгородского) и Св. Синода Русской Православной Церкви было подтверждено запрещение в священнослужении митрополита Феофила и подчиненного ему духовенства. Скончался под запрещением.

Ферапонтов Андрей Николаевич (1828–?), издатель, книготорговец.

Фигуровский Иван Васильевич (1879–?), церковный историк и краевед. С 1903 г. преподаватель обличительного богословия, истории и обличения русского раскола и местных сект в Красноярской духовной семинарии. Позже преподавал библейскую историю, церковную историю, Священное Писание. Одновременно был законоучителем в различных учебных

заведениях. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Енисейской епархии.

Филарет (Волчан Федор Петрович; впоследствии схиархимандрит Алексей; 1864–1934), игумен московского Чудовского монастыря. В 1921–1922 гг. служил настоятелем в храме «Большое Вознесение», что у Никитских ворот, в Москве. В 1923 г. находился в Таганской тюрьме, сослан на три года в Зырянскую область. После ссылки проживал в Можайске, арестован в 1930 г., до 1933 г. в ссылке. Скончался в г. Можайске.

Филарет (Гумилевский), архиеп.

Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1783–1867), святитель, выдающийся церковный деятель, богослов и проповедник, митрополит Московский и Коломенский (1825–1867).

Филарет (Линчевский Андрей Константинович; 1873–21.11.1941), архиепископ. В 1923 г. хиротонисан во епископа Черкасского и Чигиринского, викария Киевской епархии. Арестован в 1923 г., сослан в Уральскую обл. С 1932 г. архиепископ Винницкий. С 1933 г. архиепископ Уманский, викарий Киевской епархии; с 1934 г. архиепископ Волынский и Житомирский. Арестован в 1937 г. Умер в заключении.

Филарет (Никольский Гавриил; 1858–1922), архиепископ. В 1898 г. хиротонисан во епископа Киренского, викария Иркутской епархии. С 1904 г. епископ Глазовский, викарий Вятской епархии; епископ Вятский и Слободской; с 1914 г. епископ Астраханский и Енотаевский. В 1916 г. увален на покой. В 1918 г. временно управляющий Костромской епархией. С 1920 г. архиепископ Самарский. С 1921 г. в ссылке. Погиб в ссылке.

Филарет (Романов Феодор Кузьмич, 1554–1633), Патриарх Московский и всея России в 1608–1610 и с 1619 г. Отец царя Михаила Феодоровича, боярин с 1587 г. Приближенный царя Феодора Иоанновича; при Борисе Годунове с 1600 г. в опале, пострижен в монахи и сослан в Антониево-Синайский монастырь. При Лжедмитрии I с 1605 г. митрополит Ростовский. В 1608–1610 гг. в Тушинском лагере поставлен Лжедмитрием II Патриархом Московским и всея России. В 1610 г. возглавил

«великое посольство» к польскому королю Сигизмунду III, задержан в польском плену. По возвращении в 1619 г. фактический соправитель страны.

Филарет Никитич см. Филарет (Романов), Патриарх Московский и всея России Филарет, архимандрит, ректор Киевской духовной семинарии.

Филарет, Патриарх см. Филарет (Романов), Патриарх Московский и всея России

Филипп (Гумилевский Сергей Николаевич; 1877–22.09.1936), архиепископ. С 1920 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Арестован в 1923 г., до 1927 г. в ссылке. С 1927 г. архиепископ Звенигородский, временно управляющий Московской епархией. С 1927 г. член Временного Патриаршего Св. Синода при митрополите Сергии (Страгородском). В 1931–1934 гг. находился в заключении в лагере. С 1936 г. архиепископ Владимирский. Арестован в 1936 г. Умер в Ивановской тюрьме.

Филипп (Колычев Феодор Степанович; 1507–1569), святитель, митрополит Московский и всея России с 1566 г. В 1548–1566 гг. игумен Соловецкого монастыря. Публично выступил с осуждением опричных казней Ивана IV Грозного, в 1568 г. низложен и заточен в Тверской Отрочий монастырь, где был задушен по приказу царя.

Филипп (Перов; 1877–?), архиепископ. В 1920 г. хиротонисан во епископа Валуйского, викария Воронежской епархии. С 1923 г. епископ Нижне-Ломовский, временно управляющий Пензенской епархией. С 1927 г. епископ Пензенский. Арестован в 1927 г., сослан. С 1929 г. епископ Саранский. С 1934 г. архиепископ Саранский. С 1937 г. архиепископ Сталинградский и Астраханский. Дальнейшая судьба неизвестна.

Филипп (Ставицкий Виталий Стефанович; 1884–12.12.1952), архиепископ. В 1916 г. хиротонисан во епископа Аляскинского. С 1917 г. находился в России. Арестован в 1918 г. С 1919 г. временно исполняющий должность управляющего Смоленской епархией; с 1920 г. епископ Смоленский. Арестован в 1922 г., кратковременно примыкал к обновленчеству. Покаялся. После

освобождения из тюрьмы, ушел в затвор. С 1923 г. епископ Смоленский. Арестован в 1923 г., до 1928 г. в ссылке. С 1928 г. епископ Астраханский и Енотаевский. Арестован в 1929 г., в ссылке до 1931 г., где был вновь арестован в 1931 г., до 1937 г. в ссылке в Омской обл. С 1937 г. архиепископ Омский, арестован в 1937 г., был в ссылке до 1940 г., до 1943 г. проживал г. Борисоглебске Московской обл., находясь на покое. С 1943 г. архиепископ Астраханский и (временно) Сталинградский; с 1949 г. временно управляющий Саратовской епархией. С 1949 г. архиепископ Астраханский и Саратовский, ректор Саратовской духовной семинарии.

Филипп, святитель см. Филипп (Колычев), святитель, митрополит Московский и всея Руси

Филипп; послушник митрополита Владимира (Богоявленского)

Филиппов С. И., сотрудник Московской Патриархии.

Филиппов Третий Иванович (1825–1899), государственный и общественный деятель, писатель. С 1856 г. чиновник особых поручений при Св. Синоде, преимущественно для занятия делами, касающимися Восточных Православных Церквей и преобразования духовно-учебных заведений. В 1864 г. перешел на службу в государственный контроль, где и оставался до конца своей жизни. В бытность в Москве сблизился с кружком «молодого Москвитянина» и в своих статьях, печатавшихся в «Москвитянине» и «Русской Беседе», усиленно ратовал о возвращении России «ко дням Котошихина», находя церковный строй допетровской Руси с Патриаршеством и соборами, наиболее соответствующим национальным особенностям русского народа.

Филоненко Феодор Димитриевич (1869–после 1930), протоиерей. В 1912–1917 гг. депутат IV Государственной Думы от Подольской губернии. В Думе принадлежал к фракции националистов. В 1917 г. присутствующий член Св. Синода, созданного В. Н. Львовым, был одним из организаторов «Союза демократического духовенства и мирян», принадлежал к либеральному крылу столичного духовенства. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по должности (как присутствующий в Св. Синоде)

и по участию в Предсоборном Совете. В 1919–1924 гг. настоятель церкви Божией Матери Милующей в Гавани (Петроград.). В 1923–1924 гг. аресты. Отбывал срок в Соловецком лагере особого назначения. После освобождения из заключения служил в 1928–1930 гг. в храмах Ленинграда. Дальнейшая судьба неизвестна.

Философ (Орнатский Философ Николаевич; 1860–10.1918), священномученик, петроградский протоиерей, выдающийся проповедник и церковный деятель. С 1913 г. настоятель Казанского собора в Петрограде. В октябре 1918 г. был арестован с сыновьями, все были расстреляны на берегу Финского залива, тела сброшены в залив. Архиерейским Собором 2000 г. причислен к лику святых.

Фиолетов Николай Николаевич (1891–08.03.1943), профессор. В 1913 г. окончил юридический факультет Московского университета, оставлен при кафедре канонического права. В 1918 г. защитил магистерскую диссертацию. С 1917 г. приват-доцент Московского университета по кафедре церковного права. В 1917–1922 гг. профессор юридического факультета Пермского университета, где читал курс канонического права. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию от Пермского университета. С 1922 г. профессор теории права и истории политических учений Саратовского университета. С 1924 г. профессор факультета хозяйства и права Среднеазиатского государственного университета (Ташкент). В 1932–1934 гг. аресты и ссылки. В 1934 (1935?) г. преподаватель кафедры всеобщей истории Курского педагогического института, но вскоре за ношение креста был уволен без права восстановления. В 1941 г. арестован по обвинению в «принадлежности к тайной церкви, симпатии к фашизму». Умер от истощения в Мариинских лагерях.

Флавиан (Городецкий Николай Николаевич; 1840–1915), митрополит. В 1885 г. хиротонисан во епископа Аксайского, викария Донской епархии. С 1885 г. епископ Люблинский, викарий Варшавской (Холмской) епархии; с 1891 г. епископ Холмский и Варшавский. С 1892 г. архиепископ. С 1898 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии; с 1901

г. архиепископ Харьковский и Ахтырский. С 1903 г. митрополит Киевский и Галицкий, (см. Т. 1).

Флавиан (Сорокин Геннадий Дмитриевич; 1882–после 13.02.1934), епископ. В 1924 г. хиротонисан во епископа Котельничского, викария Вятской епархии, временно управляющий Вятской епархией. С 1924 г. епископ Веневский, викарий Тульской епархии; с 1925 г. епископ Котельничский, викарий Вятской епархии; с 1927 г. епископ Балашовский, викарий Саратовской епархии; с 1928 г. епископ Веневский, управляющий Тульской епархией. Арестован в 1933 г., приговорен к 5 годам лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна.

Флоренский Павел Александрович (1882–1937), священник, богослов и философ, профессор Московской Духовной Академии. В 1933 г. арестован, заключен в Соловецкий концлагерь, расстрелян.

Фокин Пл., священник г. Тобольска.

Фокко Стефан, царскосельский священник, был арестован в октябре 1917 г, через месяц освобожден.

Фомин С. В.

Фотий (820–886), Патриарх Константинопольский в 858–867 гг. и 878–886 гг.

Фотий II (Пероглу; 1853–1925), Вселенский (Константинопольский, Александрийский) Патриарх (1900–1925).

Франк Семен Людвигович (1877–1950), религиозный философ. В 1922 г. выслан из России, жил в Германии, Франции и Великобритании.

Фрязинов Сергей Иванович (1880–?), священник. С 1910 г. служил в московской церкви Параскевы Пятницы на Пятницкой ул. В 1917 г. принимал активное участие церковно-общественной жизни. Принимал участие в работе Св. Собора 1917–1918 гг. В 1918 г. арестован, находился 8 месяцев в тюрьме. Арестован в 1922 г., приговор: высшая мера наказания – расстрел, заменен на лишение свободы на 5 лет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Хайлова О.

Хасамутдинов А. А.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), писатель, философ-славянофил.

Хомяков Дмитрий Алексеевич (1841–1918), церковный деятель и философ.

Хомяков

Хотовицкий Александр Александрович, протоиерей см. Александр (Хотовицкий), священномученик, протопресвитер

Хризостом, архимандрит, представитель Афинской Церкви на Св. Соборе 1917–1918 гг.

Хрисанф, Трапезундский митрополит, представитель Константинопольского Патриарха на Св. Соборе 1917–1918 гг.

Цветков Николай Васильевич (1862–после 1923), протоиерей. С 1888 г. настоятель Покровского храма на Варварке (Москва). Один из самых активных клириков Москвы. Часто выступал на собраниях Комиссии по церковным и вероисповедальным вопросам при «Союзе 17 октября». В 1911–1912 гг. активный деятель в организации помощи голодающим. В 1917 г. председатель Исполнительного комитета Объединенного духовенства Московской епархии и товарищ председателя (А. Д. Самарина) Совета объединенных приходов Москвы. Член Св. Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. В 1919 г. арестован. В 1921–1922 гг. представитель Патриарха в Помголе, соавтор патриарших воззваний к верующим по поводу изъятия церковных ценностей. В 1923 г. протоиерей Покровского храма на Варварке (Москва). Дальнейшая судьба неизвестна.

Цинцадзе см. Каллистрат (Цинцадзе); протоиерей, впоследствии Патриарх-Католикос всея Грузии

Цыпин В., прот.

Чайкин Георгий Авраамович (ок. 1887–?), Могилевский епархиальный миссионер, кандидат богословия, проживал в Могилеве, автор ряда миссионерских сочинений. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как мирянин от Могилевской епархии.

Чегодаев Андрей Георгиевич (1878–после 1925), князь, мировой судья. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как

мирянин от Туркестанской епархии. В 1925 г. находился в заключении на Соловках.

Чельцов П. И. см. Петр (Чельцов), священноисповедник, протоиерей

Черкасов, барон

Черкасский Владимир Александрович (1824–1878), князь, славянофил. Московский городской голова с 1868 г., один из разработчиков Городской реформы 1870 г. и авторов Городового положения.

Черкудинов А. Е., помещик села Красавина Ярославской епархии.

Чернявский Василий Антонович (1882–?), священник, законоучитель Платовской гимназии в Новочеркасске. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Донской епархии.

Четверухин Илья Николаевич (1886–1932), священномученик, протоиерей.

Четверухин Саша

Четверухина Евгения Леонидовна (1883–1974), духовная дочь прп. Алексия (Соловьева).

Четверухина Сима

Чефранов Михаил († 1918), священник г. Севастополя Таврической епархии.

Чистяков В., член Карловацкого Собора

Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936), советский партийный деятель, нарком иностранных дел в 1918–1930 гг.

Шавельский Георгий Иоаннович (1861–1951), последний протопресвитер военного и морского духовенства (см. Т. 1).

Шарипов А. М.

Шейн Василий Павлович см. Сергей (Шейн Василий Павлович), священномученик, архимандрит

Шепелев Василий Григорьевич (ок. 1854–?), крестьянин, член Св. Собора по избранию как мирянин от Владивостокской епархии

Шидловский Сергей Илиодорович (1861–1922), член III и IV Государственных Дум. Член Св. Собора 1917–1918 гг. от Государственной Думы.

Шилов Л. А.

Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (19.11.1862–22.12.1930), князь. Обер-прокурор Св. Синода (26.4.1906–09.07.1906) (см. Т. 1)

Шкаровский М.

Шлеев Симеон Иоаннович, протоиерей см. Симон (Шлеев), священномученик, епископ Шмель, мировой судья.

Шредер Г. А.

Штейн С. И.

Шульц Г. М.

Щепкин Е. М.

Щукин Иван Федорович (1872–?), священник Христорождественской церкви посада Белозерского уезда Новгородской епархии. Член Св. Собора 1917–1918 гг. по избранию как клирик от Новгородской епархии.

Щусев Александр Викторович (1873–1949), русский архитектор.

Экк Эдуард Владимирович (1851–37), генерал от инфантерии. В 1907–1912 гг. командир Гренадерского корпуса в Москве. В мировую войну командовал 6 армейским корпусом. С 1918 г. в Добровольческой армии. Эмигрировал в Югославию. Начальник 4 отдела Русского Обще-воинского Союза (Югославия, Греция и Румыния). Одновременно председатель Совета Объединенных офицерских обществ. С 1925 г. по его инициативе был создан журнал «Русский военный вестник» (в 1928 г. переименован в «Царский вестник»). Похоронен в Белграде.

Ювачев Ив.

Юдин А. И., крестьянин см. Июдин Александр Иванович

Юрий (Новицкий Юрий Петрович; 1882–13.08.1922), мученик, профессор уголовного права Петроградского университета. Председатель Правления Общества объединенных Петроградских православных приходов. В 1922 г. арестован по «делу митрополита Вениамина Казанского» 05.07.1922 приговорен Петроградским губернским ревтрибуналом к расстрелу. Расстрелян на станции Пороховые Ириновской ж. д. вместе со священномучеником Вениамином,

митрополитом Петроградским. В 1992 г. Причислен клику святых в 1992 г.

Юсупов, князь – граф Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович (1887–1967), организатор и участник убийства Г. Распутина в 1916 г. Императором Николаем II отправлен в ссылку. В марте 1917 г. вернулся в Петроград. С 1919 г. в эмиграции. Жил на Мальте, затем в Париже.

Ющинский Андрей (1898–1911), местночтимый киевский святой, ученик приготовительного класса Софийского духовного училища в Киеве; его обескровленное тело было найдено 20 марта 1911 г. со следами ритуальных мучений. Расследование по его делу получило название «дело Бейлиса».

Яковлев Василий Васильевич (Мячин Константин Алексеевич) (1886–1938), член Всероссийского Центрального комитета. Прибыл в Тобольск в 1918 г. в качестве комиссара, наделенного полномочиями за подписью Свердлова, с предписанием вывести Царскую семью из Тобольска; в Екатеринбурге сдал Царственных узников местному совдепу.

Янышев Иоанн Леонтьевич (1826–1910), протопресвитер придворного духовенства, известный богослов, писатель, проповедник и церковный деятель. С 1866 по 1883 гг. ректор и профессор нравственного богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. В 1883 г. был назначен духовником Их Императорских Величеств и заведующим придворным духовенством. Наиболее известен его труд «Православно-христианское учение о нравственности».

Ярославский Е.

Яцкевич Виктор Иванович (1862–1924), директор Департамента по делам Православной Церкви. Член Св. Собора 1917–1918 гг. (см. Т. 1).

Примечания

¹ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

² - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

³ - Вместо отточий Составителя в квадратных скобках вставлены фразы из первоисточника. – Примеч. ред.

⁴ - Статья митрополита Анастасия добавлена редакцией.

⁵ - Святитель Иов был причислен к лику святых одновременно со Святителем Тихоном в 1989 г. – Примеч. ред.

⁶ - Вот мелкая, но красноречивая картина, характеризующая его отношение к своим собратьям. На Троицком митрополичьем подворье еще до его избрания на Патриарший Престол жили, как его гости, первенствующий среди русских иерархов митрополит Киевский Владимир [Богоявленский], архиепископ Агафангел [Преображенский], архиепископ Арсений [Стадницкий] и я. Митрополиту Владимиру предоставлена была лучшая комната Митрополичьих покоев, которую занимал некогда он сам, будучи на Московской кафедре. За столом он занимал по настоянию самого хозяина первое место. Сделавшись Патриархом, Святейший Тихон ни за что не хотел изменить установленного порядка в его доме, сохранив за митрополитом Владимиром все прежние преимущества до председательства на трапезе включительно.

⁷ - Патриарх Гермоген призывал русских людей покаяться и объединиться, чтобы освободить Москву от внешних врагов, поляков, захвативших ее и угрожавших поработить и окатоличить русский народ.

⁸ - Te Deum (лат.) – «Тебя, Бога, хвалим». Начало и название католической благодарственной молитвы, авторство которой приписывается Амвросию Медиоланскому. Notre Dame – главный кафедральный собор в Париже: Собор Парижской Богоматери. – Примеч. ред.

⁹ - Разделяй и властвуй (лат). – Примеч. ред.

¹⁰ - Что касается его «завещания», то обстановка, в которой оно возникло, и самая неожиданность его появления возбуждает еще более сомнений в его подлинности.

¹¹ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

¹² - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

¹³ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

¹⁴ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

¹⁵ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

¹⁶ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

¹⁷ - Авторы ошибаются: во главе вновь назначенного Св. Синода был архиепископ Платон (Рождественский), а во главе Предсоборного Совета – архиепископ Сергей (Страгородский). – Примеч. ред.

¹⁸ - Виленской и Литовской. – Примеч. ред.

¹⁹ - Определением Св. Синода от 28 ноября 1917 г. в сан митрополитов были возведены: архиепископы: Антоний (Храповицкий), Арсений (Стадницкий), Сергей (Страгородский), Агафангел (Преображенский), Иаков (Пятницкий). Архиепископ Кирилл (Смирнов) был возведен в сан митрополита 19 марта 1918 г. Вместо Иосиф Нижегородский надо Сергей (Страгородский). – Примеч. ред.

²⁰ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

²¹ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

²² - Ошибка в тексте: надо Я. С. Гурович. – Примеч. ред.

²³ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

²⁴ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

²⁵ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

²⁶ - В 1 послании апостола Павла к Коринфянам: «Для всех я сделался всею, чтобы спасти по крайней мере некоторых». – Примеч. ред.

²⁷ - Во 2 послании апостола Павла к Коринфянам: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» – Примеч. ред.

²⁸ - В 1 послании апостола Павла к Тимофею: «...будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте». – Примеч. ред.

²⁹ - Во 2 послании апостола Павла к Тимофею: «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай, со всяким долготерпением и назиданием». – Примеч. ред.

³⁰ - Хиротония была совершена 19 октября 1897 г. в Троицком соборе Александро-Невской лавры митрополитом Петербургским и Ладожским Палладием [Раевым], архиепископом Казанским и Свияжским Арсением [Брянцевым], архиепископом Финляндским и Выборгским Антонием [Вадковским] и Преосвященными: Иоанном [Кратировым] епископом Нарвским и епископом Гурием [Буртасовским], которые в то время присутствовали в Св. Синоде. См. Церковные Ведомости. 1897. №42. С. 371. и «Прибавления» к ним №43. С. 1559–1562.

³¹ - В 1870 г. Св. Синодом была учреждена Алеутская епархия с кафедрою в Сан-Франциско, и епископом Алеутским и Аляскинским был назначен Преосвященный Иоанн (Митропольский), который и перевел все епархиальное управление из Ситхи (бывший Ново-Архангельск) в Сан-Франциско.

³² - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

³³ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

³⁴ - Церковные Ведомости. Прибавления. 1907. №28. С. 1141.

³⁵ - Церковные Ведомости. Прибавления. 1907. №30. С. 1239.

³⁶ - Церковные Ведомости. Прибавления. 1907. №35. С. 1503–1504.

³⁷ - А.Д. Самарин.

³⁸ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

³⁹ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁴⁰ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁴¹ - Послание Святейшего Патриарха Тихона об отношении к существующей государственной власти («Предсмертное завещание» // Известия ВЦИК. 1925. №86 (2419). 15 апреля. С. 1. (См.: Акты... С. 361). – Примеч. ред.

⁴² - «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены». – Примеч. ред.

⁴³ - Известия ВЦИК. 1925. №86 (2419). 15 апреля. С. 1.

⁴⁴ - В настоящее время документально установлено, что Патриарх Тихон опубликованный в «Известиях ВЦИК» текст, так называемого «предсмертного завещания», не подписывал (см.: Сафонов Д. В. К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. Сергиев Посад. 2004. №4. С. 265–311).

⁴⁵ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁴⁶ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁴⁷ - Михаил Петрович Фомин. – Примеч. автора.

⁴⁸ - Впоследствии епископ Красноярский и Енисейский. – Примеч. автора.

⁴⁹ - Государственное совещание было созвано Временным правительством и проходило в Москве 12–15 августа 1917 г. Председатель – А. Ф. Керенский. Присутствовало 2500 делегатов от Государственной и городских дум, кооперации, торгово-промышленных кругов и банков, профсоюзов, земств, армии и флота, советов крестьянских депутатов и др. Выступавшие требовали ликвидации советов, общественных организаций в армии, продолжения войны, наведения порядка в стране. – Примеч.ред.

⁵⁰ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁵¹ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁵² - В полном составе (лат.). – Примеч. ред.

⁵³ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁵⁴ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁵⁵ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁵⁶ - Ныне митрополит Нижегородский – Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола. – Примеч. автора.

⁵⁷ - Мф.24:33. – Примеч. ред.

⁵⁸ - Мф.18:20. – Примеч. ред.

⁵⁹ - См.: Деяния. Кн. 3. С. 52. – Примеч. ред.

⁶⁰ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁶¹ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁶² - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁶³ - Так в тексте. – Примеч. ред.

⁶⁴ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁶⁵ - См.: Деяния. Кн. 5. С. 54–55. – Примеч. ред.

⁶⁶ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁶⁷ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁶⁸ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁶⁹ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁷⁰ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁷¹ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁷² - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁷³ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁷⁴ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁷⁵ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁷⁶ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁷⁷ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁷⁸ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁷⁹ - Как бы в подтверждение сказанного приводим выписку из рассуждений на эту же тему своеобразного и известного религиозного философа и церковного публициста предреволюционного времени В.В. Розанова. «Выберете молитвенника за землю Русскую. Не ищите (выбирая) мудрого, не ищите ученого. Вовсе не нужно хитрого и лукавого. А

слушайте, чья молитва горячее – и чтобы доносил он к Богу скорби и напасти горькой земли нашей и молился о ранах и нес тяготы ее...» (Розанов В.В. По поводу возможных в будущем выборов Святейшего Патриарха. «Опавшие листья». Короб II, с. 318. Петроград, 1915).

⁸⁰ - Рим.8:35. – Примеч. ред.

⁸¹ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁸² - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁸³ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁸⁴ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁸⁵ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁸⁶ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁸⁷ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁸⁸ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁸⁹ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁹⁰ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁹¹ - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁹² - См. Часть 2. Комментарии и дополнения. – Редакция Азбуки веры.

⁹³ - Ин.13:35; 1Кор.13:4–8.

⁹⁴ - На документе резолюция: «27 июня 1917 г. В Московскую духовную консисторию на незамедлительное распоряжение. Епископ Иоасаф».

⁹⁵ - Комментарий взят из дополнительного архива. –
Примеч. ред.

⁹⁶ - Из Успенского собора Московский митрополит следовал в Архангельский собор, из Архангельского собора – в кафедральный Чудов монастырь, затем в Чудовские митрополичьи покои, после чего отправлялся на Троицкое подворье.

⁹⁷ - Апост. прав. 36; Двукр. Соб. прав. 13.

⁹⁸ - Всел. Соб. Прав. 18.

⁹⁹ - Московские ведомости. 1917. №131. С. 1; Церковность. 1917. №336.

¹⁰⁰ - Церковность. 1917. №337.

¹⁰¹ - Из старого состава Св. Синода в новый попал только архиепископ Сергей, хотя обещал братьям-епископам, что в новый состав Св. Синода, образованного Львовым, не пойдет. –
Примеч. ред.

¹⁰² - Комментарий взят из дополнительного архива. –
Примеч. ред.

¹⁰³ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹⁰⁴ - Никодим [Казанцев], епископ. О Святейшем Синоде // Богословский вестник. 1905. Окт. С. 191–211. – Примеч. ред.

¹⁰⁵ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹⁰⁶ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹⁰⁷ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред. Голиков И. И. Деяния Петра Великого. М., 1788–1789. 12 т.; М., 1790–1837. 18 т.; М., 1837–1843. 15 т. – Примеч. ред.

¹⁰⁸ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹⁰⁹ - Записка составлена А. Н. Муравьевым и, под оглавлением «О состоянии Православной Церкви в России»,

напечатана, с сокращениями, в журнале «Русский архив», за 1883 г., кн. II, с. 175–203. – Примеч. в «Отзывах».

¹¹⁰ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹¹¹ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹¹² - Здесь имеется в виду особая записка под таким заглавием, представленная С. Ю. Витте в Совецание министров и председателей департаментов Государственного Совета вместе с другой запиской «О современном положении Православной Церкви». В ответ на последнюю К. П. Победоносцев составил известную записку, начинающуюся словами: «Доныне неразрывная связь государства с Церковью в России». – Примеч. автора.

¹¹³ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹¹⁴ - На этом месте в тексте оставлен пробел – Царю оставалось лишь вписать дату. – Примеч. ред.

¹¹⁵ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹¹⁶ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹¹⁷ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹¹⁸ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹¹⁹ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹²⁰ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹²¹ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹²² - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹²³ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹²⁴ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹²⁵ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹²⁶ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹²⁷ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹²⁸ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹²⁹ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹³⁰ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹³¹ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹³² - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹³³ - Все названные лица, кроме митрополита Серафима (Мещерякова), к настоящему времени причислены к лику святых. – Примеч. ред.

¹³⁴ - В настоящее время митрополиты: Кирилл (Смирнов), Агафангел (Преображенский); архиепископы: Петр (Зверев), Иларион (Троицкий), Серафим (Самойлович), Фаддей (Успенский), Иувеналий (Масловский), Прокопий (Титов); епископы: Серафим (Звездинский), Дамаскин (Цедрик), Афанасий (Сахаров), Парфений (Брянских) причислены к лику святых. Митрополит Иосиф (Петровых) и архиепископ Феодор (Поздеевский) канонизированы Русской Зарубежной Церковью. – Примеч. ред.

¹³⁵ - Сноски латинскими буквами относятся к дополнениям автора, помещенным в конце данного текста. – Примеч. ред.

¹³⁶ - В данном случае у Составителя была приведена выписка из «Вестника Священного Синода...» за 1929 г., в которой делался краткий пересказ отзыва Преосвященного Тихона. Редакция сочла нужным привести сам отзыв. – Примеч. ред.

¹³⁷ - Источник цитаты не найден. – Примеч. ред.

¹³⁸ - Согласно Деяниям Карловацкого собора число подписавшихся было 33, что подтверждается и списком, приведенным у митрополита Евлогия на с. 364. – Примеч. ред.

¹³⁹ - Находясь под арестом в Быхове, Корнилов обсуждал с другими участниками выступления ситуацию в стране, настаивал на продолжении борьбы. 19 ноября 1917 г. Л. Г. Корнилов при содействии генерала Н. Н. Духонина бежал из-под ареста. 6 декабря добрался до Новочеркасска. Вместе с генералами Алексеевым и Деникиным участвовал в формировании Добровольческой армии, о создании которой было объявлено в декабре 1917 г. 13 апреля 1918 г. Лавр Георгиевич погиб накануне штурма Екатеринодара в штабе от разрыва снаряда.

¹⁴⁰ - Автор настоящих строк сам был участником Собора и вообще близким свидетелем церковных событий 1917 г. Вот почему в книге встречаются выражения, обычно свойственные только очевидцам.

¹⁴¹ - Имеется в виду поездка членов Собора в Троице-Сергиеву Лавру 27 августа 1917 г., поездка в лавру не была конспиративной, о ней сообщали все московские газеты. – Примеч. ред.

¹⁴² - Письма Победоносцева Александру III. 1925. Т. 1. С. 344.

¹⁴³ - Дубнов С. М. Евреи в России и Западной Европе. М.–П. 1923. С. 19.

¹⁴⁴ - В дореволюционной печати фамилия Садзагелли писалась как Садзагелов. – Примеч. ред.

¹⁴⁵ - См.: Акты... С. 71–75. – Примеч. ред.

¹⁴⁶ - Протоиерей А.П. Рождественский одновременно учился вместе с Василием Беллавиным сначала в Псковской духовной

семинарии, а затем в Санкт-Петербургской Духовной Академии.
– Примеч. ред.

¹⁴⁷ - Данный комментарий вошел в дополнительный архив.

¹⁴⁸ - Речь идет о книге: Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии. Париж, 1931. – Примеч. ред.

¹⁴⁹ - Архимандрит Иоаким (Хромов Иван), ризничий, с 1914 г. настоятель Данилова монастыря. Был убит вскоре после революции на даче в пос. Икша. – Примеч. ред.

¹⁵⁰ - 14(27).02.1918 на 84 заседании Священного Собора выступил архимандрит Матфей (Померанцев), который доложил Собору известные ему факты, связанные, с убийством митрополита Владимира, где в частности сказал: «Дело в том, что установлена полнейшая пассивность братии монастыря при совершении преступления. Когда пришедшие непосредственно после солдат отправились в покои митрополита, где же были те, которые должны были душу свою положить за своего отца и руководителя? Известно далее следующее. Наместник Лавры, который имел сношения с большевистской властью, в лице коменданта, несомненно, обладал всеми данными, чтобы принять участие в розыске уведенного митрополита...» (ГА РФ Ф. 3431. Оп. 1. Д. 85. Л.86. См. Обзор деяний. Т. 2. С. 80–81). – Примеч. ред.

¹⁵¹ - Позже, в разгар гражданской войны, незадолго до разгрома белогвардейских армий генерала Деникина на юге России, архиепископу Евлогию [Георгиевскому], в Новороссийске, пришлось отпевать и хоронить злополучного архиепископа Алексия [Дородницына]. Вот как он сам рассказывает об этом: «— Дошел до меня слух, что от паралича сердца скончался в маленьком новороссийском монастырке архиепископ Алексей. Труп в одном белье пролежал три дня в сарае [...]

¹⁵² - «Высокопреосвященный Владимир, митрополит Киевский и Галицкий, в миру назывался Василием Никифоровичем Богоявленским и был сыном священника. Он родился 1(13) января 1848 г., в с. Малой Моршке, Моршанского уезда, Тамбовской губернии. После домашнего воспитания он

обучался в духовных школах Тамбовской епархии. Высшее богословское образование он получил в Киевской Духовной Академии, где окончил учение в 1874 г. В том же году В. Н. Богоявленский поступил в родную семинарию преподавателем гомилетики, литургики и пастырского богословия, а через год занял кафедру Св. Писания в той же семинарии. После семилетней педагогической деятельности он посвятил себя служению Церкви в пастырском звании. В начале 1882 г. он сделался священником соборной церкви в г. Козлове [Мичуринск. – Сост.], Тамбовской епархии и вскоре потом перешел в Покровскую приходскую церковь того же уезда. Когда умерла жена у о. В. Богоявленского, то он 8 февраля 1883 г. принял монашество с именем Владимира и тогда же был назначен архимандритом Троицкого монастыря в г. Козлове. В октябре того же года он был переведен настоятелем Антониева монастыря в Великом Новгороде, где 3 июня 1888 г. был хиротонисан в сан епископа Старорусского и назначен викарием Новгородской епархии. В В[еликом] Новгороде Преосвященный Владимир провел всего около 4 лет и приобрел известность как хороший проповедник. 19 января 1891 г. он был назначен Самарским епископом. В Самаре он заявил себя особенно энергично, полезною и умелою деятельностью во время голода и следовавшей за ним холерной эпидемии. 18 октября 1892 г. Преосвященный Владимир был назначен Экзархом Грузии, где оставался в течение пяти с небольшим лет. 21 февраля 1898 г. он получил назначение на Московскую митрополию, которою управлял в течение 14,5 лет. В Москве митрополит Владимир особенно проявил себя как неутомимый архипастырь-проповедник. Здесь он боролся словом устным и печатным против усиления социал-демократического движения среди рабочих. Памятником его народно-просветительной деятельности в Москве может служить построенный его заботами величественный Епархиальный дом, носящий его имя. Лучшими из многочисленных его сочинений и печатных переводных изданий, относящихся, преимущественно, к московскому периоду, являются те, которые направлены к разбору и опровержению нездорового социализма. В

продолжение трех лет с 1912–1915 гг. митрополит Владимир управлял Петроградской епархией в звании Первенствующего члена Святейшего Синода. За это время ему пришлось перенести много неприятностей от тех лиц и общественных кругов, которые стремились вмешиваться в церковные дела. Мужественная борьба с ними навлекла на митрополита Владимира опалу и была причиной почетной ссылки его из Петрограда под видом назначения 23 ноября 1915 г. на Киевскую митрополичью кафедру. Почти весь 1916 г. митрополит Владимир провел в Петрограде. С наступлением государственного переворота в феврале – марте 1917 г. в Синоде открылась небывалая в летописях нашей истории страница – „разгоном Синода” и удалением большинства членов его, в том числе и митрополита Владимира, из Синода. Возвратился митрополит Владимир в Киев в апреле 1917 г. 11 августа 1917 г. митрополит Владимир отправился из Киева в Москву для участия во Всероссийском Православном Соборе и оставался там до конца ноября, когда с тяжелым предчувствием в сердце возвратился в Киев» (Свободное слово христианина. Киев, 1918. №4. [?]).

¹⁵³ - Обстоятельные подробности убийства митрополита Владимира приведены в специально изданной книге. Автор ее – профессор-протоиерей Ф. И. Титов, Киев, 1918 г. Ввиду малого тиража и – главным образом – «одиозности» содержания, эта книга, снабженная многими фотоиллюстрациями, вскоре же по своем издании стала величайшей библиографической редкостью. [Титов Ф. И.] В жертву Богу приносится лучшее: Венок на могилу Высокопреосвященного митрополита Владимира (25 января 1918 г.). Репр. воспр. изд. Киев, 1918. М.: Изд. Киево-Печерской Лавры, 1992. – 94 с. – Ред.]

¹⁵⁴ - Достоин замечания, что в Москве первая панихида по митрополите Владимире была совершена в им же самим сооруженном храме во имя своего небесного покровителя в Московском Епархиальном доме Святейшим Патриархом Тихоном, незадолго до этого возведенным в Успенском соборе на Патриарший Престол убиенным митрополитом.

¹⁵⁵ - После ареста Святейшего Патриарха Тихона в 1922 году общецерковное молитвенное поминовение «всех усопших в нынешнюю лютую годину исповедников и мучеников», было «страха ради иудейска» (или как выражались тогда на эзоповом языке: «по обстоятельствам времени») повсеместно и окончательно прекращено.

¹⁵⁶ - В добавление к сказанному присовокупим и следующее: «Отдельные, чрезвычайно, однако, редкие изменения отдельных, тех или иных представителей Церкви и клира, ни в каком отношении не могут бросить упрека по адресу всей Церкви [...] Они совершенно затушевываются величественным образом мужественного Первосвятителя Российской Церкви, Святейшего Патриарха Тихона, и общим характером церковного настроения и твердого стояния Церкви» (Из церковно-эмигрантского печатного органа, издававшегося на юге России во времена деникинщины; опубликовано в книге Б. Кандидова «Церковь и гражданская война на юге России»).

¹⁵⁷ - Епископ Белгородский Никодим [Кононов], составитель 12-томного труда «Подвижники благочестия 18–19 веков», был расстрелян как контрреволюционер (обычная тогдашняя формулировка) в 1919 году, при отходе красных и занятии города гайдамаками. [Священномученик епископ Никодим (Кононов) причислен к лику святых в 2000 г. – Примеч. ред.]

¹⁵⁸ - Почти все перечисленные пострадавшие священнослужители в настоящее время внесены в поименный список новомучеников и исповедников Российских. – Примеч. ред.

¹⁵⁹ - По мнению современных историков, митрополит Антоний (Храповицкий) не был уволен с Киевской кафедры ни Святейшим Патриархом Тихоном, ни Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским). (См.: Мазырин А., иерей. Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920 годы (Вестник ПСТГУ. II: 2(23). С. 58–67). – Примеч. ред.

¹⁶⁰ - Более подробно о «деле Восторгова» см.: Православная Москва в 1917–1921 гг. Сборник документов и материалов / Авторы-сост. А. Н. Казакевич и др. М.: Изд-во

Главного архивного управления г. Москвы, 2004. С. 231–308, 583–593.

¹⁶¹ - Весьма характерная оценка, со стороны одного позднейшего автора-обновленца, подобных личностей... Оказывается, что такие типы, как «тифлисский мужественный пастырь о. Иона Брихничев» и ему подобные «деятели дореволюционного обновленчества [...] заслуживают уважения за свою смелую борьбу с церковной казенщиной», т. е. с Православной Русской Церковью! (Левитин А., Шавров В., Очерки... С. 18). Со своей стороны рекомендуем интересующимся, для более объективного ознакомления с нравственной физиономией Брихничева, прочитать страницу 92 Приложения №2 к «Церковным ведомостям» за 1907 г. [В протоколах заседаний Предсоборного Присутствия отмечено выступление архиепископа Курского Стефана (Архангельского), в котором говорилось, что «недоучившийся семинарист Иона Брихничев, к тому же революционер и, несомненно, умственно ненормальный человек». – Ред.]

¹⁶² - Уточненные сведения о преследовании каждого упомянутого архиерея см. в биографическом указателе. – Примеч. ред.

¹⁶³ - В одном рукописном труде, отпечатанном на машинке (собрание писем, писанных из ссылки Преосвященным Германом Ряшенцевым, бывшим Волоколамским), о сем Святителе в подстрочном примечании сказано, что он скончался мученически, в ссылке на севере (в конце 1930 гг.) [Священномученик Герман (Ряшенцев) расстрелян 15.09.1937 г., внесен в поименный список Собора новомучеников и исповедников Российских в 2001 г. См. о епископе Германе: Письма владыки Германа: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Германа, епископа Вязниковского / Сост., предисл. и примеч. А. Г. Воробьевой. М.: ПСТБИ, 2004. – 363 с., ил. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви / Редколлегия: прот. В. Воробьев (гл. ред) и др.). – Ред.]

¹⁶⁴ - В послереволюционное время написание фамилии – Долганов. – Примеч. ред.

¹⁶⁵ - «Некоторые причиной увольнения Гермогена считали его протест против проекта великой княгини Елисаветы Феодоровны о диакониссах, но это неверно: Гермоген пострадал из-за Гришки» (Шавельский Г. И., протопр. Воспоминания... Т. 1. С. 59).

¹⁶⁶ - 10(23).06.1960 г., при посещении г. Тобольска в связи с памятью святителя Иоанна (Максимовича) митрополита Тобольского и Сибирского, – епископу Омскому и Тюменскому Сергию (Ларину) одним из местных священников была показана серия фотоснимков, запечатлевших многолюдные и торжественные похороны епископа Гермогена, состоявшиеся в 1918 году.

¹⁶⁷ - Во время заключения в Екатеринбурге епископу Гермогену с разрешения местной тюремной администрации были преподаны Св. Тайны. В цитируемой брошюре это описано следующим образом: «В день Св. Духа [11–24.06.1918 г. – Сост.], по окончании обедни о. Н. Богородицкий, взяв Святые Дары, вместе с пишущим эти строки и еще двумя лицами из клира направились в тюрьму. Еп[ископ] Гермоген, уже давно поджидавший и подготавливавшийся к таинству, был несказанно рад нашему приходу. По облачении его в принесенные нами мантию и омофор началось таинство исповеди в его камере. Мы, трое певцов, будучи запертыми в маленьком коридоре, не могли не слышать тех беспрестанных слез и вздыханий, которыми сопровождалось таинство исповеди. После причащения началось служение молебнов Преев. Троице, Богородице, Николаю Чудотв., св. Иоанну Тобольскому и прав. Симеону Верхотурскому. Владыка Гермоген все время пел своим довольно приятным и сильным для его возраста тенором. На молебне разрешено было присутствовать и другим узникам, в числе коих нам удалось заметить о. Петра Карелина и князя Львова [Георгия Евгеньевича. – Сост.], бывшего Председателя Совета министров [Временного правительства. – Сост.]. По окончании служения, утомленный и растроганный Владыка, детски радуясь, благодарил нас за труды и, несмотря на усиленные отказы, заставил бывшего в числе нас регента „для раздачи певчим“ взять несколько рублей [...] Обласканные,

благословленные и напутствованные самыми лучшими благопожеланиями Владыки, мы расстались с ним и, как оказалось, навсегда...» [Рассказ екатеринбургского епархиального миссионера-проповедника протоиерея Александра Анисимова, – впоследствии обновленческого «митрополита». – Сост.]

¹⁶⁸ - Васильев Алексей Алексеевич – член Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг.; 28 лет от роду; с университетским образованием; преподаватель Тобольской гимназии (Деяния. Кн. 1. Вып. 1. С. 64).

¹⁶⁹ - Архиепископ Гермоген (Максимов) в годы Второй мировой войны возглавил неканоническую Хорватскую Православную Церковь. Был возведен в сан «митрополита» Румынским Патриархом Никодимом (Никулеску). «Патриархом» не титуловался. – Примеч. ред.

¹⁷⁰ - Будущий священномученик Симон (Шлеев) был хиротонисан 2.06.1918 во единоуниверсального епископа Охтенского, викария Петроградской епархии. В мае 1920 г. был направлен в Уфимскую епархию как временно управляющий. – Примеч. ред.

¹⁷¹ - В настоящее время издано полное собрание сочинений священномученика Илариона. См.: Иларион (Троицкий), сщмч. Творения. В 3 т. / Ред.-сост. иеродиакон Никон (Париманчук), Н. К. Бонецкая. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004. – Примеч. ред.

¹⁷² - Ректор епископ Феодор (Поздеевский) был удален из Академии 1 мая 1917 г. С этого времени до избрания профессора А. П. Орлова (1879–1937) ректором Московской Духовной Академии (9 октября) архимандрит Иларион исполнял должность ректора Академии. 29 октября 1917 г. его единогласно избирают помощником ректора. – Примеч. ред.

¹⁷³ - Данная рукопись издана с большой редакторской правкой: см. Волков Сергей. Последние у Троицы: Воспоминания о Московской Духовной Академии (1917–1920) / Литературная запись, вступительная статья, именной указатель и сноски А. Л. Никитина. М.–СПб., 1995. Сверка данной цитаты

сделана по рукописи С. Волкова, хранящейся в библиотеке Московской Духовной Академии. – Примеч. ред. См.: Религиозные диспуты в Москве в 1923 году / Публ., вступ. статья и коммент. Н. А. Кривошеевой // Вестник ПСТГУ. II: 2(19). М., 2006. С. 215–222. Сафонов Д. Публичные диспуты священномученика Илариона с обновленцами в 1923 г. // Альфа и Омега. М., 2005. №2 (43). С. 166–188. – Примеч. ред.

¹⁷⁴ - Высшее церковное управление. – Примеч. ред.

¹⁷⁵ - Герман (Гомзин Гавриил Симеонович, 1844–1923), схиигумен, настоятель Смоленской Зосимовой пустыни. Иконописец, переписывался со святителем Феофаном Затворником. Пострижен в великую схиму в 1916 г. Скончался и погребен в Зосимовой пустыни. – Примеч. ред.

¹⁷⁶ - Рукопись Четверухиных издана с сокращениями. – Примеч. ред.

¹⁷⁷ - Составлено М. Е. Губониным, дополнено редакцией.

¹⁷⁸ - Отсылка дается у лиц, которым были посвящены отдельные биографические статьи в первом томе сборника «Современники о Патриархе Тихоне».